

«Словно надписи на камне хранятся в исторической памяти чеченского народа даты и события, которые характеризуют различные этапы его общественного и государственного строительства».

Первый Президент Чеченской Республики, Герой России
Ахмат-Хаджи Абдулхамидович Кадыров

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ
ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЧНИ (XI–XXI вв.)

Том I
Книга I

Политические и общественные деятели

АО «ИПК «Грозненский рабочий» – 2020

ББК 63.3(2Рос-Чеч)52
УДК 9С(Чеч)
И907

Печатается по решению Республиканской комиссии по вопросам истории чеченского народа

Издание осуществлено за счет средств, выделенных Правительством Чеченской Республики (Распоряжение №83-р от 18 марта 2019 г.)

Автор идеи и руководитель проекта:
Глава Чеченской Республики, Герой России *Р.А. КАДЫРОВ*

Главный редактор Ш.А. Гапуров
Ответственный редактор С.С. Магамадов

Редакционная коллегия:
Байсултанов И.Х., Умаров Д.В., Израйилов А.М., Алаудинов А.А., Гапуров Ш.А., Каримов А.А., Берсункаев Г.Э., Айдамиров Ш.К., Ахмадов Я.З., Бугаев А.М., Гарсаев Л.М., Дадашев Р.Х., Ибрагимов К.Х., Магамадов С.С., Товсултанов Р.А., Умхаев Х.С.

И907 **Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. I. Политические и общественные деятели.** (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020. – 720 с.
ISBN 978-5-4314-0422-1

В настоящую книгу включены очерки, в которых реконструированы исторические портреты знаменитых чеченцев. Герои этих очерков принадлежат к многочисленной плеяде исторических личностей, которые сыграли заметную роль в истории чеченского народа. История сама находила и выдвигала таких людей, способных в короткий срок мобилизоваться и в сложной обстановке найти свой путь, взяв на себя ответственность, повести за собой людей. Они были мудрыми людьми, талантливыми предводителями, полководцами, выдающимися политическими и государственными деятелями, а также реформаторами и организаторами.

При подготовке очерков особое внимание было уделено введению в научный оборот новых, ранее неизвестных документов как на русском, так и на иностранных языках, местных материалов и документов, составленных не только на арабском языке, но и на языках народов Северного Кавказа. Проанализированы многие уникальные документы из частных коллекций чеченцев, воспоминания ранее известных и вновь установленных имен очевидцев событий.

Жизнь и деятельность ярких исторических личностей, сыгравших значительную роль в истории, позволяют значительно расширить и показать созидательный характер чеченского народа.

Материалы книги предназначены для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей народов Чеченской Республики, Кавказа и России.

ISBN 978-5-4314-0422-1

© Республиканская комиссия по вопросам истории чеченского народа, 2020
© Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., 2020
© ГКНУ «Академия наук Чеченской Республики», 2020
© АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Указом Главы Чеченской Республики, Героя России Рамзана Ахматовича Кадырова от 23 ноября 2017 года № 211 была создана Республиканская комиссия по вопросам истории чеченского народа. Перед Комиссией были поставлены конкретные задачи по объективному изучению малоисследованных вопросов истории чеченского народа и освещению роли его наиболее ярких представителей в историческом процессе.

27 апреля 2018 года Глава Чеченской Республики, Герой России Р.А. Кадыров встретился с членами Республиканской комиссии по вопросам истории чеченского народа и поставил перед руководством Академии наук Чеченской Республики задачу подготовки и издания книги о выдающихся личностях – выходцах из чеченского народа.

Современная гуманитарная наука по-новому оценивает роль личности в истории отдельного народа и человечества в целом. Роль личности в истории признается одним из ключевых звеньев в причинно-следственной категории в континууме развития ситуации. Особенно ярко сущность личности проявляется в период хаоса и анархии, упадка и деградации, агрессии и колонизации народа. Именно в такие трагические моменты в истории появляются герои, которые кладут все свои силы и саму жизнь на алтарь будущего своего народа. Такие личности присутствуют в истории всех народов мира. В истории чеченского народа, который часто оказывался в самой гуще военно-политических событий, таких личностей было особенно много.

Герои этих книг принадлежат к многочисленной плеяде исторических личностей, которые сыграли заметную роль в истории чеченского народа. История сама находила и выдвигала таких людей, способных в короткий срок мобилизоваться и в сложной обстановке найти свой путь, взяв на себя ответственность, повести за собой людей. Они были талантливыми предводителями, полководцами, выдающимися политическими и государственными деятелями, а также реформаторами и организаторами.

При подготовке очерков для данной книги авторы уделили особое внимание введению в научный оборот новых, ранее неизвестных документов как на русском, так и на иностранных языках, местных материалов и документов, составленных не только на арабском языке, но и на языках народов Северного Кавказа. В этих документах при тщательном изучении и обобщении можно проследить и выявить новые факты, события, имена разных людей. При всестороннем использовании и обобщении русскоязычных документов, возникших в государственных и военно-политических властных структурах Российской империи, можно получить реальную и полную картину истории чеченского народа.

Важно учесть, что авторам очерков удалось проанализировать многие уникальные документы из частных коллекций чеченцев, воспоминания ранее известных и вновь установленных имен очевидцев событий. В очерках использован большой пласт современной прессы, мемуарной литературы, дневников, писем свидетелей эпохи.

К подготовке очерков были приглашены исследователи-историки, философы, физики, политологи, литераторы, экономисты, юристы, краеведы, публицисты и журналисты. Этот коллектив, опираясь на этнокультурные интенции, особенности понимания терминологии и характер разных исторических школ, к которым принадлежат участники данного проекта, создали принципиально новую исследовательскую ситуацию, позволяющую делать сопоставления, проводить параллели, выстраивать цепочки взаимосвязей и отмечать корреляции на качественно ином уровне, в сравнении с ранее предложенным в литературе.

Отмеченная многослойность исследования определила структуру первого тома в двух книгах, содержание которой раскрыто в 12 разделах.

Первая книга состоит из шести разделов и открывается большой историко-биографической статьей о жизни и деятельности Первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова, в которой авторы попытались обозначить его огромный и неоценимый вклад в чеченскую историю. На самом трагическом этапе чеченской истории, когда, по сути, решался вопрос быть или не быть этому народу, жить или не жить ему на величественной земле своих предков, А.А. Кадыров возглавил Чеченскую Республику, первым бросил вызов экстремизму и терроризму, мужественно и решительно выступил против этого страшного зла – остановил войну, очистил древний край от жестоких, коварных и алчных полчищ агрессоров, начал восстанавливать полностью уничтоженные войной материальные и духовные основы жизни, вывел чеченское общество на широкую магистраль созидания мирной и счастливой жизни.

В статье Ш.А. Гапурова и Т.У. Эльбуздукаевой раскрывается историческая роль Главы Чеченской Республики, Героя России Рамзана Ахматовича Кадырова. Огромен вклад Р.А. Кадырова и в государственное строительство, развитие судебно-правовой и правоохранительной системы. Рамзан Ахматович – один из ведущих и авторитетных политиков России, активный и деятельный сторонник Президента РФ В.В. Путина, способствует реализации его политики не только в Чечне и России, но и в странах Ближнего Востока.

В первом разделе «Исторические личности в чеченской истории (XI–XVIII вв.)» на основании изучения новых документальных материалов представлены исторические очерки. Особое внимание уделено историческим реконструкциям личностей в чеченской истории. В идентификации тех или иных видных деятелей чеченского народа по-прежнему большое значение имеют русские официальные и арабоязычные документы, а также народные предания – легенды, сказания, героические песни-илли.

В исторических очерках профессора Я.З. Ахмадова, посвященных XIII–XVIII вв., на базе интересных документальных источников представлены важные исторические деятели этого периода. Примерно со второй половины XVI в. Московское государство в ходе политического противостояния с Османской империей и Крымским ханством выходит на Северный Кавказ, в частности, на Терек и Сунжу. В тот период появляются влиятельные чеченские мурзы Ушарма, Ших-мурза Окоцский (Ишеримов) и Батай-мурза, которые принимают про-

российскую ориентацию. Эти личности приводят к вовлечению чеченских обществ и феодальных владений в зону дипломатического притяжения Москвы на протяжении первой половины XVII в. и к системному отражению этих связей в официальных документах русского государства. Благодаря этому обстоятельству до нас дошли конкретные имена исторических деятелей Чечни и даже рядовых чеченцев.

В XVIII веке на исторической арене появляется такая знаменитая личность, как Шейх Мансур, который сыграл выдающуюся роль не только в истории чеченцев, но и в истории народов Северного Кавказа в целом.

Важное место в разделе занимают очерки Тесаева З.А., посвящённые тем или иным историческим личностям, сыгравшим значительную роль в истории чеченского народа в XI–XVII вв.

Большое место занимает очерк В.Х. Акаева о чеченских богословах, таких, как Термаол и Берса-шейх, которые были первыми чеченскими проповедниками, распространявшими ислам в конце XVI в. среди чеченцев.

Второй раздел посвящен историческим личностям периода Кавказской войны. Глубокий след в истории освободительного движения на Северном Кавказе оставил достойный сын чеченского народа Бей-Булат Таймиев.

Кавказская война – важный этап в чеченской истории, и в этот период засверкали новые имена замечательных чеченских государственных руководителей, религиозных деятелей и военачальников: Ташу-Хаджи Саясановский, Гази-Хаджи Зандаковский, Ахмад Автуринский, Шоип-Мулла, Улубий Ауховский, Талхиг Шалинский, Байсангур Беноевский, Солтамурад Беноевский, Моллаева Таймасха (Гехинская), Джавадхан из Арсеноя, Иса Гендергеноевский, Юсуф-Хаджи Сафаров, Сугаип-Мулла Эрсеноевский, Бата Шамурзаев, Умма Дуев, Дуба Вашиндароевский, Атаев Атабай и многие другие.

Эти знаменитые личности вошли в чеченскую историю как национальные герои, подлинные патриоты многострадальной чеченской земли, мужественные защитники своего народа, истинные борцы за сохранение национального языка, культуры, традиций, обычаев, религиозных верований.

Третий раздел открывается большим очерком В.Х. Акаева «Святой Устаз Кунта-Хаджи и его учение в духовной культуре чеченцев». Кавказская война не могла продолжаться вечно, за десятилетия кровопролития доведенные до отчаяния обе враждующие стороны должны были, наконец, услышать голос разума, перейти на позиции мудрости, здравого смысла, практической целесообразности. Первым, кто подал голос против войны, был знаменитый чеченский проповедник, суфий Кунта-Хаджи Кишиев. Он вошел в чеченскую и в мировую историю как великий миротворец, противопоставивший призывам газавата мирные идейные принципы ненасилия, смирения, «непротивления злу силой». Кунта-Хаджи Кишиев – знаменитый мюршид, Шейх, Устаз, Эвлия, от которого ведут свое начало многие вирдовые братства кадирийского тариката не только в Чечне, но и далеко за ее пределами.

После Кавказской войны в истории чеченского народа наступило относительное затишье, которое, к сожалению, продолжалось недолго. В этот период

на историческую авансцену выходят знаменитые чеченцы: Арсангиреев Ильяс, Тутгиреев Абдуссалам, Алибек-Хаджи Алдамов, академик Петр Захаров, Гойтукаев Раасу, Залмаев Дада, Лаудаев Умалт, Чермоев А.-М.А., Алхазов Т.К.

В этом же разделе имеются очерки о генералах-чеченцах, прославивших боевое содружество народов России, как: А.Н. Чеченский, Э.-Х.С.-Г. Алиев, Арцу Чермоев, В.А. Чермоев.

Разработка отдельных аспектов истории чеченского народа нашла отражение в разделе IV. Здесь даны историко-биографические очерки о государственных, политических и общественных деятелях XX–XXI вв. Среди тех, кто оставил глубокий след в чеченской истории в начале XX в. были Т.Э. Эльдарханов, А.М. Мутушев, А.Д. Шерипов, М. Абдурахманов Д.Б., Ахтаев У.М., Ахтаханов О.К., Вахаев Х., Гайрабеков М.Г., Мальсагов Дз.Г., Чентиева М., Саламов А.-Х.А и многие другие.

В пятый раздел включены очерки, посвященные героям, воинам-чеченцам периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Они своими ратными подвигами обессмертили себя и прославили свой народ и край. Среди них – лучшие сыны чеченского народа, пятеро из которых получили звание Героя Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны: Х. Нурадилов, А. Идрисов, И. Бейбулатов, Х. Магомед-Мирзоев, Х. Дачиев. Уже значительно позже высокие звания Родины за героизм и мужество, проявленные во Второй мировой войне, были присвоены: звание Героя Советского Союза – М. Висаитову, звание Героя Российской Федерации – К. Абдурахманову, звание Героя России – М. Узуеву и М. Умарову.

Шестой раздел является заключительным в первой книге. В нем, с привлечением архивных документов, подготовлены очерки о чеченцах – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представленных к званию Героя Советского Союза, но в силу сложившихся обстоятельств им награды так и не были вручены. Важное место в этом разделе занимает статья о братьях Лалаевых – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Вторую книгу открывает очень важная аналитическая статья Президента Академии наук Чеченской Республики Ш.А. Гапурова, посвященная исторической роли Ахмата-Хаджи Кадырова в судьбе чеченского народа. Стержневым моментом в период деятельности Ахмата-Хаджи Кадырова в должности Главы Администрации, а затем и Президента Чеченской Республики, было четкое осознание им личной ответственности перед народом, причем это чувство нарастало по мере постижения глубины тех проблем, с которыми приходилось сталкиваться.

Перед Ахматом-Хаджи после его назначения Главой Администрации стояли огромные задачи: остановить военные действия в Чеченской Республике, объединить расколотый чеченский народ и восстановить социальную инфраструктуру, в первую очередь, больницы и школы.

В самом начале своей работы на посту руководителя Чеченской Республики Ахмат-Хаджи четко и ясно обозначил контуры своей деятельности: «Моя цель – не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда. Хватит экспери-

ментировать на чеченском народе. Мы все выживаем, пора, наконец, научиться просто жить, как живут другие, а самое важное – вывести людей из состояния войны, дать им в руки оружие труда, дать им работу, убедить чеченцев, что Россия действительно хочет помочь им навести порядок».

Ахмат-Хаджи Кадыров за неполные четыре года своего нахождения во главе республики сделал очень много. И важнейшее место среди его достижений принадлежит политике национального примирения. В 2000 г. чеченское общество находилось в состоянии глубокого раскола, фактически – в состоянии гражданской войны. Причем раскол этот проходил иногда и через отдельные семьи. Объединение чеченского народа должно было стать основой строительства мирной жизни в Чечне. В совершенстве владея вайнахской и мусульманской дипломатией, Ахмат-Хаджи проводил множество встреч с чеченскими старейшинами, лидерами тайпов, со всеми представителями исламского духовенства, с полевыми командирами. Он находил десятки и десятки аргументов, чтобы убедить их в необходимости прекращения вооруженной борьбы против законной власти, против России, в необходимости объединения во имя спасения чеченского народа.

В Ахмате-Хаджи Кадырове сосредоточились черты всех его великих и славных предшественников в чеченской истории. Так же, как и шейх Мансур, он призывал к духовному очищению чеченцев (на сей раз – от ваххабитских заблуждений), как и Бей-Булат Таймиев, он показал, с одной стороны, мужество воина, а с другой – политическую дальнозоркость и гибкость, как Кунта-Хаджи Кишиев, он призывал народ к миру и созиданию.

В памяти и в истории чеченского народа Ахмат-Хаджи навсегда останется как мужественный человек, крупнейший богослов и исламский ученый, как мудрый и справедливый государственный деятель, политик и дипломат.

Анализу вклада ученых-чеченцев в развитие мировой и отечественной науки посвящен седьмой раздел. В ней рассмотрены биографии наиболее ярких и талантливых ученых, внесших достойный вклад в развитие естественно-технической и гуманитарной науки Кавказа и России.

В восьмом разделе представлены историко-биографические очерки наиболее талантливых писателей и поэтов XX–XXI века. Они являлись совестью народа. Это духовно сильные личности, которые способствовали сохранению и обогащению культуры своего народа. Список этих неординарных и духовно сильных личностей необходимо было бы продолжить, но объем книги не позволил этого сделать.

В девятом разделе представлены историко-биографические очерки о деятелях театра и кино, которые сыграли исключительно важную роль в пропаганде культуры чеченского народа. В них ярко горело пламя безмерной любви к своему народу, к ее истории и современности.

Десятый раздел посвящен чеченцам – Героям Российской Федерации, которые отдали свои жизни во имя мира на земле своего Отечества. Они пожертвовали собой, встав на защиту своей малой Родины и России в целом, бескомпромиссно выступили против чуждых социокультурных ценностей, которые несли

смертельную угрозу жизни чеченского народа, его вековой истории и богатейшей уникальной культуре.

Редколлегия сочла необходимым выделить подраздел с названием «Герои-современники, погибшие во имя защиты единства России», и включила в книгу два историко-биографических очерка об Исаеве Х.А., Баталове В.А.

В одиннадцатом разделе размещены очерки о чеченцах – государственных, политических и общественных деятелях Турецкой Республики, Сирийской Арабской Республики, Хашимитского Королевства Иордании. Вместе с тем, редакционная коллегия сочла возможным разместить дополненные очерки о чеченцах – выходцах из Иордании: Ахмад Рамзи Іабдин, Абд аль-Латиф Сайед-БатІал Бено, Ахмад Алааддин (Ала ад-Дин) Арслан (Яким), Мухаммад Башир Исмаил Ибрагим (См.: Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М. Чеченские мухаджиры и их потомки в истории и культуре Иордании. // Историко-этнографические очерки/ Л.М. Гарсаев, Х.-А.М. Гарасаев. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2019. – 416 с.), которые сыграли значительную роль в истории становления и развития Иордании.

Здесь же в разделе даны два очерка о Зезве Гаприндаули (Грузия, XVII в.) и о Тукаеве Сайд-Эмине (Дайдаше) (Франция, XX в.).

Завершает вторую книгу двенадцатый раздел, в котором даны выдержки из отчета командующего Сунженской линией полковника А.П. Пулло с уникальными статистическими сведениями о Чечне и Дагестане по состоянию на 1837 год. Указанный источник дает возможность ввести в научный оборот новые неизвестные имена влиятельных чеченцев периода Кавказской войны. Этот важный исторический документ выявлен в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) Орсахановым А.Р. – начальником отдела научно-исследовательской работы Архивного управления Правительства Чеченской Республики.

В данную книгу не вошли все историко-биографические очерки, которые смогли бы осветить деятельность многих достойных чеченцев, внесших огромный вклад в развитие всех сфер жизни своего народа и навсегда сохранившиеся в его памяти.

О них еще предстоит написать в последующих публикациях.

Безусловно, каждая эпоха порождает своего героя, и каждая эпоха имеет свои приоритеты в ценностной шкале жизнедеятельности и культуры народа. Однако стабильность и процветание народа являются извечными приоритетами самого существования человека. Поэтому герои, посвятившие свои жизни именно этой благородной и богоугодной цели, стали символами патриотизма, вечными маяками, на которые будет ориентироваться подрастающее поколение.

Ш.А. Гапуров,
С.С. Магамадов

КАДЫРОВ АХМАТ-ХАДЖИ АБДУЛХАМИДОВИЧ – ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ГЕРОЙ РОССИИ *(23.08.1951 – 09.05.2004)*

«Ахмат-Хаджи был человек очень прямой, честный, что чрезвычайно важно, и очень смелый, мужественный человек. И опытный. Все, что он делал, у него шло от сердца, от его убеждений…».

Президент РФ В.В. Путин

«Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…»

Этими строками Н.А. Некрасова мы хотим начать исторический очерк об Ахмате-Хаджи Кадырове – человеке, деятельность которого позволила преодолеть раскол в чеченском обществе конца XX – начала XXI в., закончить с гражданским противостоянием, нормализовать политическую обстановку на Северном Кавказе и на Юге России.

В Ахмате-Хаджи Кадырове соединились черты его великих предшественников – Бей-Булата Таймиева (которого А.С. Пушкин назвал «славный Бейбулат») и Кунта-Хаджи Кишиева. В период Кавказской войны (1817–1864 гг.), унесшей десятки тысяч жизней горцев и русских солдат, на чеченской земле одновременно с идеями мира и ненасилия выступили два великих человека – Лев Николаевич Толстой, который позднее станет известен миру как гениальный писатель, и святой Кунта-Хаджи Кишиев – совесть и честь чеченского народа. Во имя спасения своего народа Кунта-Хаджи призывал чеченцев к миру, к признанию российской власти, выдвинув лишь одно условие, – эта власть должна уважать религию, обычаи и традиции чеченцев.

Так же, как Кунта-Хаджи и Бей-Булат Таймиев, Ахмат-Хаджи призывал чеченцев к миру с Россией. «История убедительно свидетельствует, – говорил он в одном из обращений к народу, – наиболее плодотворными, созидательными и успешными являются годы, когда чеченцы тесно сотрудничают, живут в мире и согласии с Россией… Практика показывает: только в союзе с Россией Чечня имеет перспективу исторического развития. Любое противостояние с Россией оборачивается для чеченцев трагедией».

В 90-е годы XX века произошел первый раскол единого чеченского народа на основе политических разногласий, когда в развернувшейся борьбе за передел власти и собственности новая элита Чечни сделала ставку на агрессивный сепаратизм. В итоге народу Чечни был навязан тупиковый вариант радикального суверенитета. «Своей милитаристской политикой, – писал тогда А.А. Кадыров, – своим упорным нежеланием шагать в ногу с другими народами, своей навязчивой идеей о богоизбранности мы поставили народ на край пропасти».

Особый драматизм данной ситуации состоял в том, что если в прошлом чеченцы всегда единым фронтом выступали против чужеземцев, то теперь, впервые в своей истории, чеченцы стояли по разные стороны баррикад. Многих чеченцев поразил шок, когда в начале 90-х годов увидели страшную картину: чеченцы на основе политических разногласий начали убивать чеченцев и даже родственников. Этот шок особенно усилился, когда чеченцы вели по центру г. Грозного избитых, истекающих кровью пленных чеченцев.

Второй раскол произошел среди народа на религиозной почве. Недруги решили открыть «второй фронт» и через критику и отрицание традиционного ислама попытались расколоть чеченское общество.

Глубоко образованный богослов А.А. Кадыров постиг сущность догматических хитросплетений врагов чеченского народа. «Это очень странные и опасные люди, – говорил о них Ахмат-Хаджи. – Во время разговора они никогда не смотрят тебе в глаза, говорят вполголоса, строят из себя ягнят. Во всем соглашаются. Но завтра же собирают вокруг себя несмышленых

ребят и опять начинают призывать их отказаться от того ислама, который проповедовался в Чечне на протяжении многих веков и, я уверен, будет проповедоваться здесь всегда».

Ахмат-Хаджи Кадыров повел решительную и бескомпромиссную борьбу за спасение традиционно-религиозных и нравственных ценностей чеченского народа. Оценивая напряженную ситуацию тех лет, он писал: «Я встал на защиту тариката, традиционного ислама, и за это мне объявлена война. Я знал, на что иду, но поступить по-другому не мог. Совесть не позволяла. Честь. Долг перед народом». На встречах с лидерами вирдовых общин, с потомками святых шейхов-устазов он призывал их активно включиться в борьбу со злом, выступить против деструктивных сил. «Я осознаю, – говорил Ахмат-Хаджи, – что непросто в сложившейся ситуации, когда жизнь ежедневно подвергается опасности, во всеуслышание называть зло злом, разъяснять, какая угроза исходит от терроризма и бандитизма, но вас к этому обязывает религия».

Семья Кадыровых с давних пор известна в Чечне своими исламскими традициями. И отец, и дяди Ахмата Кадырова были религиозными деятелями.

Родился Ахмат-Хаджи Абдулхамидович Кадыров 23 августа 1951 г. в Караганде. В 1957 г., после восстановления автономии, вместе с семьей переехал в Чечено-Ингушетию в селение Центорой Шалинского района. В 1968 г. окончил среднюю школу, а затем учился на комбайнера. С 1969 г. работал в совхозе, а потом – в строительных организациях за пределами Чечни (в центральной России и Сибири).

Читать священный Коран он начал в возрасте 5 лет. Любовь и тяга к духовным знаниям привели к тому, что в 1980 г. Ахмат Абдулхамидович Кадыров, первый и единственный из чеченцев, поступил учиться в знаменитое бухарское медресе Мир-Араб (Miri-Arab Madrasah). За два года он освоил семилетний курс. В 1982 году продолжил учебу в Ташкентском исламском институте.

Женой Ахмата Кадырова и матерью его детей стала Аймани Байсултанова. Молодые люди сыграли свадьбу в 1970 году сразу же после окончания ею средней школы в селе Илисхан-Юрт Гудермесского района. Через год молодожены стали родителями. На свет появилась девочка, которую назвали Зарган. Спустя еще год, в 1972-м, у четы Кадыровых вновь родилась дочь. Ребенка назвали Зулай. 1974 год ознаменовался появлением сына Зелимхана. Спустя 2 года семью вновь ожидало радостное событие – рождение мальчика, которого супруги решили назвать Рамзан.

В 2004 году старший сын Ахмата Кадырова умер от острой сердечной недостаточности, а младший Рамзан пошел по стопам отца и сделал блестящую карьеру в политике. Аймани Кадырова после смерти мужа посвятила себя благотворительной деятельности.

С 1986 по 1988 год Ахмат-Хаджи работал заместителем имама Гудермесской соборной мечети. В 1988 г., благодаря его усилиям, был открыт первый на Северном Кавказе Исламский институт, а сам Ахмат-Хаджи стал первым ректором института.

В 1990 году А.А. Кадыров поступил на шариатский факультет Амманского Исламского университета в Иордании. В 1991 году, прервав учебу, возвратился на родину. В 1993 году был назначен заместителем, а в сентябре 1994 года – исполняющим обязанности муфтия Чеченской Республики.

В 1995 году А.А. Кадыров был избран верховным муфтием Чеченской Республики.

В 1996 году А.-А. Кадыров был участником переговоров Александра Лебедя и Аслана Масхадова в с. Старые Атаги.

Осенью 1996 года стал главой вновь образованного Муфтията Чеченской Республики Ичкерия.

1996–1999 гг. стали временем интенсивного распространения религиозного экстремизма в Чечне, продолжения практики похищения людей с целью выкупа, грабежей и насилия. Будучи непримиримым противником ваххабизма, Ахмат-Хаджи противопоставил ему традиционный ислам, считая его стержнем национальной консолидации. Он был твердо убежден (и передавал это убеждение другим), что ваххабизм – явление, чуждое на чеченской земле, чуждое традиционному исламу, чеченским традициям и обычаям. Именно Ахмат-Хаджи в 1998 г. организовал и возглавил в Гудермесе первое антиваххабитское восстание, в результате которого Гудермесский и Ножай-Юртовский районы были объявлены зоной, свободной от ваххабизма.

25 июля 1998 года в Грозном по инициативе А.А. Кадырова состоялся Конгресс мусульман Северного Кавказа. Главы мусульманских управлений Чечни, Дагестана и Ингушетии постановили считать любую деятельность ваххабитских групп и организаций в республике незаконной. Ахмат-Хаджи потребовал от руководства Ичкерии распустить вооруженные группировки ваххабитов и выслать религиозных проповедников. Несколькими днями раньше президент Аслан Масхадов подписал указы об отставке двух членов Верховного Шариатского суда, которые выступали в поддержку ваххабитов, а также о высылке из республики двух ваххабитских проповедников (чеченцев из Иордании). Однако позже он отложил исполнение указа о высылке ваххабитов по личной просьбе Шамиля Басаева. Масхадов не только не прислушался к решению мусульманского Конгресса, но, пойдя на поводу у ваххабитов, установил в Чечне 3 февраля 1999 г. «шариатское правление в полном объеме». А 10 октября 1999 года Аслан Масхадов своим указом отстранил А.А. Кадырова от должности Верховного муфтия Чечни, объявил его «врагом чеченского народа», который «подлежит уничтожению».

Как известно, попытка радикальных исламистов создать исламское государство на территории Дагестана и Чечни провалилась, а северокавказский ваххабизм проявил себя как деструктивный религиозно-политический фактор, связанный с международными террористическими группировками.

После двух кровопролитных военных кампаний республика лежала в руинах. Военные действия 1994–1996, 1999 гг. нанесли непоправимый ущерб экономике и социальной сфере Чеченской Республики.

К 2000 г. Чеченская Республика имела пессимистичный экономический прогноз и полный набор характерных черт слаборазвитого региона: низкий уровень развития промышленности, недостаточную диверсификацию хозяйства, массовую безработицу, слабую инфраструктуру.

Практически полностью были уничтожены ведущие республиканские учреждения – почти все, что связывало народ Чеченской Республики с его историей, культурой и традициями. Распались творческие коллективы, республику покинули многие деятели науки и культуры. То малое, что пощадила война, подверглось расхищению, порче. Значительная часть населения послевоенной республики не была удовлетворена состоянием социального комфорта и уровнем безопасности, много было желающих выехать за границу.

В июне 2000 г. вышел Указ Президента РФ В.В. Путина, который положил начало нормализации обстановки в Чечне и созданию правовой базы для функционирования «временных органов исполнительной власти в Чеченской Республике». В их структуру вошли Временная администрация и территориальные подразделения федеральных органов власти.

В этих тяжелейших экономических, политических, социальных, экологических условиях был необходим свой, особый, нестандартный уникальный путь развития, который должен был базироваться, прежде всего, на национальных интересах. Москва сделала ставку на укрепление чеченской элиты, концентрации политической власти в руках самого авторитетного в чеченском обществе человека.

Следующим шагом по укреплению исполнительной власти в Чеченской Республике стал Указ Президента РФ В.В. Путина от 12 июня 2000 г. «О назначении Главой Администрации ЧР А.А. Кадырова». Решающую роль в этом назначении сыграли выдающиеся личные качества претендента.

Российское руководство в лице В.В. Путина сделало ставку на А.А. Кадырова, тем самым включив в управление субъектом Федерации представителя местной элиты, опиравшейся на традиционный северокавказский суфийский ислам. Оказав А.А. Кадырову силовую и экономическую поддержку, Москва получила позитивный результат, позволивший не только завершить военный конфликт в Чечне, но и превратить Чеченскую Республику в образец «нового Кавказа».

Именно с назначения А.А. Кадырова Главой Администрации Чеченской Республики начался новый отсчет времени для чеченского народа. В самом начале своей работы на посту руководителя Чеченской Республики Ахмат-Хаджи четко и ясно обозначил контуры своей деятельности: «Моя цель – не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда. Хватит экспериментировать на чеченском народе. Мы все время выживаем, пора, наконец, научиться просто жить, как живут другие, а самое важное – вывести людей из состояния войны, дать им в руки оружие труда, дать им работу, убедить чеченцев, что Россия действительно хочет помочь им навести порядок».

Размышляя над вопросом, почему он согласился возглавить Чеченскую Республику в 2000-м году, в это тяжелое время, Ахмат-Хаджи указывал: «Из чего я исходил? Во-первых, хорошо знал повадки и способности тех, кто не хотел выпускать из своих рук власть в Чечне. Пользовался авторитетом среди простых людей. Жил среди народа, делил вместе с ним все горести и радости, которые выпадали на его долю. Не примыкал ни к каким мафиозным группировкам и семейно-родовым кланам. Ничем не был повязан. И, наконец, мучила совесть. Давал знать о себе долг перед народом. Перед Родиной. А ведь я мог спокойно уехать за границу и жить там в свое удовольствие. Подальше от войны. От крови. От всех этих ужасов. Но тогда я не был бы чеченцем. Мусульманином. Кадыровым. Только из этих соображений я принял решение взвалить на свои плечи всю ответственность за судьбу моей Чечни».

В смутное время раздоров, политических интриг, внутринационального разлада Ахмат-Хаджи Кадыров продемонстрировал умение выслушать оппонента, соглашаться, идти на компромиссы, а при необходимости – и на уступки, многое прощать ради коренных интересов чеченского народа. Именно эти качества предопределили выбор кандидатуры А.А. Кадырова на высший пост Чечни. «У Кадырова есть то, – комментировал данное назначение представитель Генштаба России, – чего в достатке не оказалось у других кандидатов на эту трудную и неблагодарную работу: твердая решимость консолидировать население Чечни, направить его на решение созидательных задач, преодоление бандитского наследия, избавление Чечни от террористов».

Среди московской чеченской диаспоры было немало образованных и богатых людей. Были и те, кто имел опыт руководящей государственной работы. Но ни один из них не имел все те качества, которые мы выше перечислили и которые, по мнению В.В. Путина, нужны были новому чеченскому лидеру. Среди миллиона чеченцев нашелся лишь один человек, который обладал всеми этими и многими другими позитивными качествами. Это был Ахмат-Хаджи Кадыров.

В первое время относительная стабильность в Чеченской Республике достигалась за счет ресурса федерального центра, но для окончательного

выхода Чечни из общественно-политического кризиса необходимо было усилие самого чеченского общества.

Выступая 12 августа 2000 года по местному телевидению, А.А. Кадыров призвал воюющих чеченцев сложить оружие. Обращаясь к полевым командирам, он заявил, что получил от президента России полномочия амнистировать участников незаконных вооруженных формирований, не причастных к совершению особо тяжких преступлений. Аслану Масхадову Глава Администрации республики предложил либо уехать на жительство к сыну в Малайзию, либо остаться в Чечне, выполнив «предъявленные ему народом требования».

Сила убеждения Ахмата-Хаджи была настолько огромна, что чеченцы, расколотые с 1991 г., стали постепенно объединяться вокруг законной власти. Тысячи молодых людей, обманом вовлеченные в ряды незаконных вооруженных формирований, поверив в незыблемость слова Ахмата-Хаджи Кадырова, стали возвращаться к мирной жизни. Это, безусловно, было крупным достижением руководителя Чеченской Республики. Тысячи спасенных жизней молодых людей, матери, которым вернули сыновей, предотвращенные террористические акты. Современная история не знает подобных успехов в политике национального примирения.

Получив управление республикой в такое сложное время, А.А. Кадыров проявил весь свой управленческий, хозяйственный и дипломатический талант, чтобы наладить мирную жизнь в республике.

Большим испытанием для А.-Х. Кадырова как политика стал массовый захват заложников 23 октября 2002 г. в Театральном центре на Дубровке в Москве. Среди требований, выдвинутых террористами, было требование отставки главы чеченской администрации в обмен на освобождение определенного числа заложников. Возникшую было шумиху в СМИ вокруг этого требования пресек сам А.-Х. Кадыров, заявив о готовности не только уйти в отставку, но и добровольно стать заложником террористов. Российский президент В.В. Путин в категорической форме исключил возможность политического торга с террористами, однако готовность к самопожертвованию А.-Х. Кадырова способствовала укреплению его авторитета в Чечне.

19 января 2001 года Президент РФ издал указ «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики», согласно которому администрация Чеченской Республики перестала быть «временной». Глава администрации получил право назначать и освобождать от должности своего заместителя – Председателя Правительства Чеченской Республики (по согласованию с полномочным представителем Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе).

Указ Президента Российской Федерации от 12 декабря 2002 года № 1401 «Об утверждении Положения о проведении референдума Чеченской Респу-

блики по проекту Конституции Чеченской Республики, проектам законов Чеченской Республики «О выборах Президента Чеченской Республики» и «О выборах в Парламент Чеченской Республики» решил все правовые вопросы по подготовке и проведению референдума.

Ахмат-Хаджи Кадыров лучше, чем кто-либо, понимал, что переговоры с террористами и бандитами ни к чему не приведут, потому что эти люди не были нацелены на возрождение республики и процветание народа. Они выполняли «спецзаказ» и отрабатывали полученные от международных террористических организаций деньги. Ахмат-Хаджи Кадыров предложил провести референдум по принятию Конституции Чеченской Республики.

Успешному проведению референдума в решающей степени способствовало то обстоятельство, что федеральный центр и республиканские власти напрямую связали его итоги с будущим Чеченской Республики.

В преддверии референдума было объявлено о грядущем сокращении количества блок-постов и постепенной передаче контроля над ситуацией республиканским властям и местным правоохранительным органам. 5 марта 2003 г. начался частичный вывод воинских подразделений из Чечни. Кроме того, в Москве заговорили о предоставлении Чеченской Республике широкой автономии. Так, например, заместитель главы Администрации президента РФ В. Сурков, побывавший в Чеченской Республике в конце февраля 2003 г., заявил о широчайшей автономии для Чечни, в которой будет место всем, кто готов работать на благо чеченского народа.

За несколько дней до проведения референдума с телевизионным обращением к жителям Чеченской Республики выступил Президент Российской Федерации В.В. Путин, призвавший их идти на референдум: «Принятие Конституции – это действительно серьезный рубеж. Это тот самый момент, когда народ Чечни берет собственную судьбу в свои руки».

Власти Чеченской Республики, во главе с А.-А. Кадыровым, сумели организовать широкое обсуждение проекта Конституции, привлекая к этой работе не только государственные СМИ, но и учреждения образования и культуры.

Референдум состоялся 23 марта 2003 г. и, по официальным данным, в нем приняли участие 89,48% граждан, внесенных в списки для голосования. За принятие новой Конституции высказались 95,37% избирателей.

Комментируя это событие, президент России В.В. Путин заявил: «… народ Чечни сделал выбор в пользу мира, в пользу позитивного развития вместе с Россией. … все, кто до сих пор не сложил оружие, с этого момента борются не только за свои ложные идеалы, а напрямую борются со своим народом. Их действия прямо противоречат интересам и воле, ярко и однозначно выраженной на референдуме, – воле чеченского народа жить в мире. Но и для всей России есть серьезные последствия, которые заключаются в

том, что мы закрыли последнюю серьезную проблему, связанную с восстановлением территориальной целостности Российской Федерации».

Проведение референдума не означало конца противостояния в республике – продолжались боестолкновения с боевиками. Однако теперь все большую активность в антитеррористических операциях начали проявлять подразделения, сформированные из чеченцев.

Пытаясь снизить воздействие референдума на общественное мнение в России и за рубежом, лидеры вооруженного подполья организовали целую серию террористических актов (в том числе и с использованием смертников) как в самой Чеченской Республике, так и за ее пределами. Тем не менее, коренным образом переломить ситуацию было уже невозможно.

После успешно проведенного референдума власти Чеченской Республики при поддержке федерального центра решили в первую очередь завершить процесс формирования органов исполнительной власти и лишь затем приступить к созданию законодательного органа. На время переходного периода роль представительной власти должен был взять на себя Государственный совет Чеченской Республики, первое заседание которого состоялось 21 июня, а председателем был избран Х. Исаев.

Результаты референдума, принятые на нем документы, осуществленное на их основе формирование структур государственной власти имеют историческое значение для Чеченской Республики и ее народа, знаменуют конец многолетнему правовому произволу, возвращение чеченского народа в лоно закона, политико-правовое, конституционное пространство Российской Федерации, без чего немыслимо его существование как равноправного субъекта многонациональной России.

Разрабатываемый проект Конституции Чеченской Республики требовал завышенной планки профессионализма по общим принципам конституционного и правового государства, являясь принципом народного суверенитета, согласно которому народ является источником государственной власти.

Ахмат-Хаджи Абдулхамидович обратился в консультативный совет со своим проектом Конституции Чеченской Республики. После обсуждения было принято решение поручить специалистам редактирование текста, а затем посредством публикации в СМИ ознакомить с текстом Конституционного проекта население республики для всенародного обсуждения, где право принятия Конституционного проекта отводилось Парламенту Чеченской Республики.

Наряду с конституционным проектом Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова, были представлены еще пять проектов Конституции, разработанных политиками и общественными организациями республики.

Но наиболее приемлемым проектом Конституции Чеченской Республики, имеющим профессионально законодательный подход, защищающий

законные права и свободы граждан республики, был признан «проект Ахмата Кадырова».

С принятием Конституции началась новая эпоха в новейшей истории Чеченской Республики. На основании Конституции Чеченской Республики были проведены демократические выборы Президента ЧР, депутатов Парламента ЧР, созданы основы властных структур.

На основании Конституции ЧР были разработаны законы, которые являются гарантом соблюдения прав и свобод гражданина и человека Чеченской Республики. Это послужило основой для прекращения боевых действий и стабилизации общественно-политической ситуации в республике.

5 октября 2003 года А.А. Кадыров был избран на пост Президента Чеченской Республики (за него проголосовали более 80 % избирателей). Став во главе республики, А.А. Кадыров немедленно сложил с себя полномочия муфтия, что нельзя рассматривать как отказ от духовного лидерства или, тем более, как недооценку им важности духовно-нравственных мотивов для консолидации чеченского общества.

Ахмат-Хаджи Кадыров на церемонии инаугурации заявил: «Я не становлюсь религиозным деятелем и руководителем исламского государства. В Чечне действуют законы Российской Федерации и Конституция Чеченской республики, принятая на референдуме 23 марта».

В 2003 году Ахмат-Хаджи Кадыров получил ученую степень кандидата политологических наук. Диссертацию на тему «Российско-чеченские отношения: генезис, сущность, пути решения» он защитил в Институте социально-политических исследований РАН.

За короткий срок А.А. Кадырову удалось сделать многое для восстановления экономики и социальной сферы Чечни. В сотрудничестве с федеральным центром он решил проблему по возвращению на родину свыше 200 тыс. беженцев из лагерей временного размещения в Ингушетии. Он решительно пресекал самоуправство со стороны некоторых представителей федеральных силовых структур, что укрепляло его личный авторитет.

В социальном секторе усилия руководства республики были направлены на возобновление работы медицинских и образовательных учреждений, выплате зарплат, пенсий и других пособий. Ахмат-Хаджи Кадыров прекрасно понимал, что одна из первоочередных задач общества – это реанимация и развитие национальной культуры. Он никогда не терял надежды на то, что культура и искусство чеченского народа возродятся. «Без культуры нет нации» – кредо Первого Президента Чеченской Республики. Стали восстанавливаться очаги культуры на уровне районов и городов, формирование сети сельских Домов культуры и клубов, которые являются первичными проводниками культуры, кузницей народных талантов, хранилищем чеченского фольклора.

2004 г. начался для Чеченской Республики вполне благополучно и был отмечен первыми зарубежными визитами А.-Х. Кадырова в ранге законно избранного главы республики.

Большое внимание А.-Х. Кадыров уделял дальнейшему укреплению отношений, сложившихся у него с российским президентом. Это проявилось, в частности, в том, что Президент Чеченской Республики лично возглавил республиканский предвыборный штаб В.В. Путина. Выборы, состоявшиеся 14 марта 2004 г., были отмечены в Чечне необычайно высокой явкой избирателей – 94% от общего числа. При этом за действующего российского президента в Чеченской Республике проголосовали 92,3% избирателей, принявших участие в выборах.

Тяжелым ударом по еще неокрепшей государственно-политической системе Чеченской Республики стал теракт 9 мая 2004 г. на стадионе «Динамо» в г. Грозный, в результате которого погибли Президент Чеченской Республики А.-Х. Кадыров и председатель Госсовета Х. Исаев. Похоронен А.-Х. Кадыров в родовом селении Центорой в Курчалоевском районе Чеченской Республики.

В лице А.-Х. Кадырова Чеченская Республика потеряла сильного политического лидера, который точно знал свою главную политическую задачу. Он не раз говорил, что главное условие быстрого прекращения войны в Чечне и перехода к стадии восстановления – закрепление за республикой общепризнанного политического статуса одного из субъектов Российской Федерации.

Президент Российской Федерации В.В. Путин публично продемонстрировал, что его политика в отношении Чеченской Республики остается неизменной. В день гибели А.-Х. Кадырова он встретился с его младшим сыном Рамзаном Ахматовичем Кадыровым, а 11 мая 2004 г. лично посетил Чеченскую Республику, где вручил семьям погибших чеченских лидеров высокие государственные награды – Звезду Героя России А.-Х. Кадырову и орден Мужества Х. Исаеву.

Именем Ахмата Кадырова названы центральные улицы всех крупных городов и районных центров Чеченской Республики. Десятки школ, площадей и парков городов и сел Чечни носят его имя. Улица имени А.-Х. Кадырова есть и в Москве. Улицы и парки, мечети названы его именем в Карачаево-Черкессии, Иордании, Турции. В марте 2014 года имя Первого Президента Чеченской Республики получила открытая под Иерусалимом одна из самых больших мечетей в Израиле. В честь Ахмата Кадырова названа белая звезда-сверхгигант из созвездия Льва.

Сегодня Чеченская Республика является одним из стабильных и процветающих регионов Юга России. Народы Чечни достигли поразительных результатов в социально-экономической, политико-правовой, культурной и

духовной сферах жизни общества. Эти результаты были бы невозможны без титанических усилий Первого Президента Чеченской Республики по преодолению последствий военно-политического кризиса, которому ценой своей жизни удалось в корне изменить искаженное представление о чеченцах, переломить общественное мнение мирового мусульманского сообщества относительно ситуации в Чечне, избавить значительную часть молодежи от тлетворного влияния идеологии ваххабизма и вернуть ее в лоно традиционного ислама, преодолеть раскол в чеченском обществе.

Именно Ахмат-Хаджи Кадыров создал тот общественно-экономический и правовой фундамент, на котором построена сегодняшняя процветающая Чеченская Республика.

Гапуров Ш.А.,
Магамадов С.С.,
Эльбуздукаева Т.У.

РАМЗАН АХМАТОВИЧ КАДЫРОВ,
Герой России, Глава Чеченской Республики
(05.10.1976 г.)

Рамзан Ахматович Кадыров – сын своего времени, сын Чечни, сын своей большой родины – России. Рамзан Ахматович обладает чертами лидера, способного действовать в кризисных ситуациях, имеющего авторитет в обществе, свято чтит память об отце, твердо ведет народ по пути, указанному Первым Президентом Чеченской Республики Ахматом-Хаджи Кадыровым, добившись грандиозных успехов в восстановлении, развитии и процветания Чеченской Республики.

Рамзан Ахматович Кадыров родился в селении Ахмат-Юрт (Центорой, Хоси-Юрт) Чечено-Ингушской АССР) 5 октября 1976 г. Он был вторым сыном в семье Ахмата-Хаджи Кадырова и Аймани Несиевны Кадыровой и самым младшим ребенком. Кадыровы принадлежат к одному из крупнейших чеченских тайпов Беной. Атмосфера семьи, где воспитывался Рамзан, была пропитана религиозностью, в которой доминировал традиционный ислам. Кадыровы – последователи вирда шейха Кунта-Хаджи, относимого к кадирийской ветви суфийского ислама, которой принадлежит все высшее духовенство Чечни с 1992 года.

В 1992 году Рамзан окончил среднюю общеобразовательную школу в родном селении. Характер и мировоззрение Рамзана Ахматовича формировались в сложной обстановке политической неопределенности периода распада СССР. Мечеть, зикры, знакомство с популярной религиозной ли-

тературой, а главное – разговоры с отцом культивировали в Рамзане особо уважительное отношение к религии.

Осенью 1999 года Рамзан встал рядом с отцом, противостоявшим нараставшему влиянию ваххабизма. С 2000 года, когда А.А. Кадырова назначили Главой Администрации Чеченской Республики, Рамзан Ахматович возглавил службу безопасности отца.

В 2000–2002 годах Р.А. Кадыров – инспектор связи и специальной техники штаба отдельной роты милиции при УВД МВД РФ, в функции которой входила охрана зданий государственных органов и обеспечение безопасности высших руководителей Чеченской Республики. С мая 2002 по февраль 2004 года командовал взводом этой роты. В 2003 году, после избрания Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова Президентом Чеченской Республики, Рамзан Ахматович стал начальником президентской службы безопасности, отвечал за проведение спецопераций, проводил переговоры с участниками незаконных вооруженных формирований (НВФ) об их переходе на сторону федерального центра (правительства). По официальной статистике, с 2000 по 2003 годы на Рамзана Кадырова было совершено пять покушений.

В 2003–2004 годах Рамзан Ахматович занимал должность помощника министра внутренних дел Чечни, был членом Государственного совета Чеченской Республики от Гудермесского района.

Р.А. Кадыров получил высшее юридическое образование в Махачкалинском институте бизнеса и права в 2002 г. Кандидатскую диссертацию на тему «Оптимальное управление договорными отношениями между основными участниками строительного производства» он защитил в Махачкалинском институте бизнеса и права в 2006 г.

10 мая 2004 года, на следующий день после трагической гибели Первого Президента Чеченской Республики А.А. Кадырова (Дала гIазот кхобалдойла цуьнан), Рамзан Ахматович был назначен первым заместителем Председателя Правительства Чеченской Республики – курировал силовой блок. Под его контроль перешли все структуры МВД. Из сотрудников бывшей Службы безопасности был сформирован Второй полк патрульно-постовой службы милиции (ППСМ-2) имени Ахмата-Хаджи Кадырова, насчитывающий 2 тыс. сотрудников МВД и ППСМ–1 – «Нефтеполк», задачей которого было обеспечение безопасности нефтяного комплекса республики.

Со второй половины октября 2004 года Рамзан Ахматович работал советником полномочного представителя президента Российской Федерации в Южном федеральном округе Дмитрия Козака по вопросам взаимодействия с силовыми структурами федерального округа, а с ноября 2004 года – руководителем комитета по компенсационным выплатам.

С 2005 по 2007 годы Рамзан Ахматович возглавлял Правительство Чеченской Республики.

С января 2006 года Рамзан Ахматович был назначен председателем правительственной комиссии по пресечению незаконного оборота наркотиков в Чеченской Республике, а с 9 февраля 2006 года – секретарем регионального отделения партии «Единая Россия».

4 марта 2006 года Народное собрание Чеченской Республики единогласно утвердило кандидатуру Рамзана Ахматовича Кадырова на посту Председателя Правительства Чеченской Республики. В тот же день был подписан указ о его назначении на эту должность. Ключевое влияние на карьеру Рамзана Ахматовича Кадырова оказала поддержка со стороны Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

15 февраля 2007 года Президент Чеченской Республики Алу Алханов подал в отставку, которая была принята Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Одновременно им был подписан указ о назначении Рамзана Кадырова временно исполняющим обязанности Президента Чеченской Республики.

1 марта 2007 г. В.В. Путин предложил кандидатуру Р.А. Кадырова на пост Президента Чеченской Республики на рассмотрение Парламента Чеченской Республики. 2 марта кандидатуру Р.А. Кадырова поддержали 56 из 58 депутатов обеих палат чеченского парламента. 5 апреля 2007 г. в г. Гудермесе прошла церемония инаугурации Рамзана Ахматовича Кадырова в должности Президента Чеченской Республики.

После вступления Р.А. Кадырова в должность Президента Чеченской Республики ситуация в республике резко стабилизировалась. По данным антитеррористической комиссии Чеченской Республики, которую возглавил Р.А. Кадыров, в 2007 году количество терактов в республике уменьшилось на 72,5 %. Продолжая политику Ахмата-Хаджи Кадырова, Рамзан Ахматович убедил перейти на сторону чеченских властей многих бывших сепаратистов.

В апреле 2007 г. Р.А. Кадыров утвердил Концепцию национальной политики Чеченской Республики. Ее принципами стали: приверженность целостности Российской Федерации, сохранение территории и целостности Чеченской Республики, содействие возрождению полнокровной полиэтничности, сохранение и развитие языков и культур чеченцев, всех этнических групп, объективное освещение их истории и т.д.

В разных районах Чеченской Республики компактно проживают кумыки, ногайцы, аварцы, турки-месхетинцы и татары. В станицах Дубовская, Червленная и Новощедринская живут казаки. В Шелковском районе живут представители более тридцати народов. На территории Чеченской Республики созданы и функционируют более 10 национально-культурных обществ, представляющих русский, ногайский, татарский, кумыкский и другие народы.

С избранием Р.А. Кадырова Президентом Чеченской Республики началось крупномасштабное строительство и восстановление социальной

инфраструктуры. Наряду с дотациями из федерального бюджета, важным источником средств для восстановления и развития республики стал основанный Рамзаном Ахматовичем Кадыровым в 2004 году региональный общественный фонд имени Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова, которым финансируются различные благотворительные проекты и строительные программы. Фонд возглавляет Аймани Несиевна Кадырова.

Сложные условия, в которых развивалась региональная экономика, требовали особых подходов, в том числе – создание благоприятных условий для инвестиций. Руководство Чеченской Республики добилось в этом направлении значительных успехов: к 2010 г. объем инвестиций вырос, по сравнению с 2005 г., в 3 раза. Наибольший рост инвестиций наблюдался в электроэнергетике (в 3 раза), транспорте и связи (в 4,2 раза), в образовании (в 3,2 раза). В планах экономического развития акцент делался на отрасли экономики и технологии, которые будут обеспечивать конкурентоспособные производства, – это социальная, коммуникационная и энергетическая инфраструктуры.

В 2019 г. на 20,9% выросли объемы сельхозпродукции, инвестиций привлечено на 27,9% больше, чем в 2018 г. Бюджет Чечни достиг 77,6 млрд. рублей. В 2007 году было 7,8 млрд. рублей. На 23,3% увеличился объем расходов бюджета. Построено и введено жилья на 13,7% больше к уровню 2018 года, поток туристов в республику вырос на 58%.

Важное значение для концентрации финансовых средств имеют бизнес-разработки: «Схема развития и размещения производительных сил Чеченской Республики», «Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики на период до 2020 г.», «Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года».

По инновационному сценарию в разработке «Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики на период до 2020 г.» Чеченская Республика рассматривается как индустриально-аграрный регион с приоритетами в нефтедобыче и нефтепереработке, АПК, стройиндустрии, машиностроении. Опережающее развитие как первоочередные приоритеты получают энергетика и инженерно-транспортная инфраструктура.

Развивается банковско-кредитная система, малый и средний бизнес, сельское хозяйство, создаются новые рабочие места. В Чеченской Республике в промышленном объеме имеются глина и известняк для производства цемента; «гипс и ангидрит, строительный камень, кирпичные и керамзитовые глины, известняки – на известь, песчано-гравийная смесь, пески строительные и силикатные». Значительные запасы мраморовидного известняка пригодны для отделочных работ. Месторождения расположены, в основном, «в непосредственной близости от промышленных центров, в пределах средней части республики». В Чечне разрабатываются 20 нефтегазовых месторождений, из которых: 17 нефтяные, 2 газонефтяные и нефтеконденсатные месторождения.

При реорганизации нефтедобывающей отрасли промышленности планируется восстановление перерабатывающей отрасли и связанных с ними предприятий вспомогательного машиностроения. Речь идет о создании нового производственного «научно-образовательного нефтегазохимического комплекса или кластера, который свяжет в единое целое весь нефтегазоперерабатывающий комплекс Северного Кавказа».

Глава Чеченской Республики, Герой России Р.А. Кадыров прилагает огромные усилия к сокращению безработицы в регионе. На конец 2019 года уровень зарегистрированной безработицы в Чеченской Республике достиг отметки в 8%. Таких результатов удалось достичь за счет реализации инвестиционных проектов и государственных программ, поддержки малого и среднего бизнеса, а также за счет профессионального обучения безработных по востребованным вакансиям, проведения ярмарок вакансий.

Особой заслугой Рамзана Ахматовича Кадырова является восстановление города Грозный. Стратегия социально-экономического развития города Грозного на период до 2025 года предполагает формирование стратегических подходов социально-экономического развития города в долгосрочной перспективе. В позитивном сценарии развития г. Грозный отводится одно из центральных мест как городу, способному ускоренно трансформироваться из региона социально-политической напряженности в регион устойчивого развития.

В настоящее время в Грозном насчитывается четыре высших учебных заведения: Российский исламский университет (РИУ) имени Кунта-Хаджи Кишиева, Чеченский государственный университет, Грозненский государственный нефтяной университет им. М.Д. Миллионщикова, Чеченский государственный педагогический университет. Также открыты средние специальные учебные заведения, в стенах которых молодежь получает важные и востребованные в обществе профессии. В Грозном находится 21 учреждение культуры; 4 Чеченских региональных отделения творческих союзов России, куда входит 205 деятелей искусств.

Спорту и физической культуре в республике уделяется особое внимание. Работают 1513 спортивных сооружений, 452 спортивных зала, различные спортивные комплексы. В Грозном расположены спортивный комплекс имени С.Г. Билимханова, спорткомплекс «Олимпийск», «Ахмат-Арена», учебно-тренировочный центр футбольной школы «Ахмат» (10 футбольных полей), стадион ручных игр. Созданы также спортивные комплексы в городе Гудермес, в станице Наурская, в селах: Алпатово, Ведено, Алхан-Юрт, Ножай-Юрт, Мескер-Юрт. В октябре 2014 года на озере Кезеной-Ам открылся одноименный спортивно-туристический комплекс, который используется для подготовки сборной команды страны по академической гребле.

Руководство Чеченской Республики успешно развивает туристический и рекреационный потенциал региона. Развитие рекреационного бизнеса воз-

можно на основе превосходной ландшафтной базы горной Чечни, гармонично сочетающейся с историко-архитектурной обстановкой. Восстановление турбазы у высокогорного озера Кезеной-Ам, строительство курорта «Ведучи» являются частью проекта по созданию туристического кластера Северного Кавказа, в который будет входить еще несколько горнолыжных курортов европейского уровня. Проект курирует Глава Чеченской Республики Рамзан Ахматович Кадыров.

В августе 2017 года состоялась торжественная церемония по залитию бетонной смеси в фундаментную основу не имеющего аналогов по техническому и архитектурному уровню крупнейшего в регионе торгово-развлекательного центра мирового уровня «Грозный-Молл», приуроченная к 66-й годовщине со дня рождения Первого Президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова.

Возрождение молодежной политики в Чеченской Республике началось в 2000 году. Первым Президентом Чеченской Республики Ахматом-Хаджи Кадыровым было подписано распоряжение о создании Госкомитета Чеченской Республики по делам молодежи, который в 2001 г. был переименован в Комитет Правительства Чеченской Республики по делам молодежи. Позднее, в 2012 г., Комитет Правительства Чеченской Республики по делам молодежи Рамзаном Ахматовичем Кадыровым был реорганизован в Министерство Чеченской Республики по делам молодежи. Он справедливо отмечает, что молодежь – это опора нашего общества, от уровня ее духовно-нравственного воспитания и интеллектуального развития зависит будущее республики.

Рамзан Ахматович Кадыров всегда подчеркивает, что «подрастающее поколение необходимо воспитать в духе патриотизма и уважения к своему народу и к своему Отечеству, которым является Россия. Именно таким сплоченным хотел видеть чеченское общество Первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров».

Молодежная политика в Чеченской Республике, сформулированная Р.А. Кадыровым, направлена на поддержку талантливой молодежи и развитие интеллектуальной активности в молодежной среде:

- формирование культуры, традиций и этики поведения среди молодежи;
- духовно-нравственное воспитание молодежи;
- социальная адаптация молодежи;
- профилактика экстремизма и терроризма в молодежной среде;
- профилактика дорожно-транспортных происшествий и пожарной безопасности;
- патриотическое воспитание молодежи;
- развитие молодежного предпринимательства;

• пропаганда здорового образа жизни;

• профилактика наркомании, алкоголизма, табакокурения, а также девиантного поведения среди молодежи.

Р.А. Кадыров поддерживает традиционный для Чечни ислам суфийского толка, а его активное распространение стало одним из способов борьбы с исламским радикализмом. Благодаря активной поддержке Главы Республики и по его инициативе в Грозном были открыты: мечеть «Сердце Чечни» имени А.-Х.А. Кадырова, Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи Кишиева, школы хафизов, клиника исламской медицины, мечеть имени Пророка Мухаммеда в г. Шали, уникальная мечеть «Сердце матери» имени Аймани Кадыровой в г. Аргуне и др.

В октябре 2007 года Р.А. Кадыров возглавил региональный список «Единой России» в Чеченской Республике на выборах в Государственную Думу РФ пятого созыва. Явка на выборы превысила 99%, и более 99% голосов получила «Единая Россия». Одновременно в республике прошел референдум, результатом которого стали изменения в структуре республиканского парламента.

12 августа 2010 года Р.А. Кадыров направил в Парламент Чеченской Республики официальное письмо с просьбой внести изменение в название высшего должностного лица Чеченской Республики. Свою позицию Р.А. Кадыров объяснил тем, что «в едином государстве должен быть только один президент, а в субъектах первые лица могут именоваться главами республик, главами администраций, губернаторами и так далее».

28 февраля 2011 года Президент РФ Дмитрий Медведев внес в Парламент Чеченской Республики кандидатуру Р.А. Кадырова для утверждения на второй срок в должности Главы Чеченской Республики.

5 марта 2011 г. Рамзан Ахматович Кадыров был единогласно утвержден в этой должности.

5 апреля 2011 года Р.А. Кадыров официально вступил в должность Главы Чеченской Республики на второй срок.

18 сентября 2016 года, в единый день голосования, одновременно с выборами в Государственную Думу РФ и досрочными выборами парламента республики состоялись выборы Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова.

По словам политолога Сергея Маркова, при Р.А. Кадырове Чеченская Республика превратилась в оплот российского патриотизма. «Это огромная удача для России: именно такой лидер и нужен был Чеченской Республике – очень жесткий, способный навести порядок и при этом обладающий огромной энергетикой. Он успевает быть одновременно везде, всем заниматься: и борьбой с ваххабитами, и прокладкой водопровода. Кадыров – это брутальная сила, помноженная на колоссальную работоспособность».

Награды и почетные звания Героя России, Главы Чеченской Республики Рамзана Ахматовича Кадырова

Награды Российской Федерации:

1. Герой Российской Федерации (29 декабря 2004 г.) – за выполнение мероприятий по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований с 2000 по 2004 годы;

2. Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (9 августа 2006) – за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении служебного долга;

3. Орден Мужества (2003);

4. Орден Почёта (8 марта 2015 года) – за достигнутые трудовые успехи, активную общественную деятельность и многолетнюю добросовестную работу;

5. Медаль «За отличие в охране общественного порядка» (2002, 2004);

6. Медаль «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения».

Награды Чеченской Республики:

1. Орден имени Ахмата Кадырова (18 июня 2005) – за заслуги в восстановлении государственной власти и личный вклад в дело защиты отечества;

2. Орден «За развитие парламентаризма в Чеченской Республике» (сентябрь 2007);

3. Медаль «Защитник Чеченской Республики» (2006) – за заслуги в становлении Чеченской Республики.

Региональные награды:

1. Орден «За верность долгу» (Республика Крым, 13 марта 2015 года) – за мужество, патриотизм, активную общественно-политическую деятельность, личный вклад в укрепление единства, развитие и процветание Республики Крым и в связи с Днем воссоединения Крыма с Россией;

2. Медаль «За защиту Крыма» (Республика Крым, 7 июня 2014) – за предложение помощи в тяжёлые для жителей Крыма весенние дни 2014 года.

Список использованных источников и литературы

1. Акаев В. Х. Ислам в Чеченской Республике. – М., 2008.

2. Батаева Я.Д., Исраилов М.В. Тенденции развития промышленного сектора экономики Чеченской Республики // http://www.rae.ru/fs/?article_id=9999780&op=show_article&section=content (дата обращения 16 февраля 2020 г.).

3. Дааев Х.-Б.Б., Эльбуздукаева Т.У. Грозный 1818–2018 гг. Грозный, 2018. С. 315.

4. Как Рамзан Кадыров стал политиком мирового уровня // Газ. Аргументы и факты. 5 октября 2016 г.

5. https://news.rambler.ru/articles/34904850/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

6. Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики. Грозный, 2007. С. 27–28.

7. Липина С.А. Экономическое обоснование необходимости развития нефтегазовой промышленности в Северокавказском регионе // Электронный научный журнал «Экономика и финансы организаций и государства» // http://www.economy-n-finance-of-organization-n state.ingnpublishing.com/.

8. Малашенко А. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности / Алексей Малашенко; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 150 с.

9. Республики Северного Кавказа. Этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М.: «МАКС Пресс», 2012. С. 266.

10. Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года // www.chechnya.gov.ru, www.av-group.ru (дата обращения 16 февраля 2020 г.).

11. Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года // www.chechnya.gov.ru, www.av-group.ru (дата обращения 16 февраля 2020 г.).

12. Саралинова Д. С. Приоритеты развития молодежной политики Чеченской Республики // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 953–954.

Гапуров Ш.А.,
Эльбуздукаева Т.У.

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ ИСТОРИИ (XI–XVIII вв.)

Я.З. Ахмадов

ГЕРОИ АНТИОРДЫНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ (XIII–XIV вв.)

Посол Французского королевства в Монголию, в столицу Карокорум, Гильом Рубрук (его путешествие происходило спустя 12–13 лет после окончания монгольского завоевания Восточной Европы) отметил, попав на Северный Кавказ, что живущие в горах горцы и аланы «не покорены»; против них ежегодно выделяются ханские войска и содержится постоянный корпус – тумен – в 10 тыс. человек. Как известно, ордынские захватчики установили в равнинной части региона свое господство, связанное, особенно на первых порах, с массовым террором и хищным грабежом местного земледельческого населения.

В 1278 г. состоялось крупнейшее антиордынское восстание на Северном Кавказе с центром в г. Дедяков/Тютяков (под которым подразумевается городище Верхний Джулат в Северной Осетии), подавленное с особой жестокостью. Здесь, по всей видимости, располагалась ставка крупного ордынского чиновника – наместника региона – «титям/тютяк», «дидям/дядин» (отсюда название города – Дедяков/Тютяков, попавшее в русские летописи и являющееся сегодня предметом жаркой дискуссии и самых странных трактовок).

Согласно народным преданиям, борьбу чеченцев против захватчиков вели военные предводители ***Махцур, Идиг, Алдам*** и др. Чеченцы Ауховского общества в старых арабоязычных хрониках называют имена военных предводителей – ***Таймасха, Янбек и Маьда***. Причем, кроме партизанских действий, они вели и крупные бои с ордынцами в ущельях ауховцев, после одного из которых ордынцы навсегда забыли дорогу в Аух.

Также известно, что Янбек и его сын Маада (Майда, Маада) действовали в союзе с кази-кумухским (дагестанским) правителем – шамхалом. Предания рассказывают, что Маада успел повоевать не только с позднейшими ордынскими феодалами, но и с войсками Тамерлана в 1395–1396 гг.

Гаюр-хан (Каюр/Къахир-хан/ Каиран), Кюр-бек
(вторая половина XV в.)

Правитель раннефеодального образования, предположительно располагавшегося в предгорно-плоскостной части Чечни в пространстве от Дарьяльского ущелья на западе до Северного Дагестана на востоке (в любом случае, это земли южнее Терека и Сунжи, которые так и не попали под прямую власть золотоордынцев). В позднейшей записи «Алгузиани», грузинской средневековой народной поэмы, на Северном Кавказе называется некий Каиран – «царь Чечни».

Возможно, что ставка Гаюр-хана располагалась в с. Симсар Нахч-Мохка (Восточная Чечня). Отсюда предположительно могло сложиться название страны – Симсар – Симсам – Симсим. Есть и вариант с селением Сесан/Сейсана в том же районе Чечни.

Гаюр-хан имел сына Мухаммеда, который правил своим уделом и был мусульманином.

Согласно историческому произведению Шараф ад-Дин Йазди «Зафарнаме», написанному при жизни Тамерлана, осенью 1395 г., после разгрома хана Золотой Орды Тохтамыша на Тереке в решительном сражении, он последовательно завоевал черкесов, карачаевцев, балкарцев, алан и осетин. Затем он направил следующий удар против Симсима. Сын Гаюр-хана – Мухаммед – со своими сторонниками перешел на сторону завоевателя. Доступная часть страны была с налета покорена.

Видимо, при том подавляющая часть равнинных жителей бежала в горы, почему Тамерлан решил навсегда решить проблему сопротивления предков чеченцев и двинул огромную армию в горы: форсировал Сунжу (галечные броды через Сунжу в центре г. Грозного и сегодня носят имя Астаг-Темир-гечу – Брод Хромого Тимура) и далее через Чеченскую равнину вошел в Аргунское ущелье.

Шараф ад-Дин живописует: «Они (горцы) спрятались в таких недоступных местах, что пеший человек с опаской ходил по тем местам. Государь Сахибкиран (Тамерлан. – *Я.А.*) сам с благословенной душой отправился к ним. Дрались, взойдя в те горы, и разорили бежавший туда народ. Все крепости, которые там были, взяли. Они подчинили [их], поднявшись в такие высокие горы, что уму непостижимо. По некоторым местам не могли спускаться, тогда, кувыркаясь, скатывались вниз. Пойдя в такие места, счастливо покорил крепости и, два дня побыв там, разгневавшись, убил много людей. Разрушил тамошние церкви и капища и сжег изваяния. Спустившись с тех гор, направились к горе Авахар, расстроил тамошний улус, взял много имущества».

Таким образом, покорив равнинный и горный Симсим в границах Чечни, захватчики двинулись на восток против нахского «улуса» Аух/Аухар/

Авахар, после чего войска Тимура занялись покорением многочисленных народов Дагестана.

Если верить народным преданиям, Гаюр-хан выжил в этих событиях, но погиб позже в феодальной усобице.

Список использованных источников и литературы

1. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, № 22. 1897.
2. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. – М.-Л., изд-во АН СССР, 1960.
3. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед амира Темура / Пер. А. Ахмедова. – Ташкент, 2008.
4. Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии Русского военного исторического общества. Т. 3. – Петроград, 1914.
5. Хизриев Х.А. К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. – Грозный, 1974.
6. Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). – Грозный, 1992.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.,1985.
8. Кузнецов В.И. Очерки истории алан / В.А. Кузнецов. – Владикавказ, 1992.
9. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001.
10. Храпачевский Р. Монгольские и китайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе // Российские и славянские исследования. Вып. 2 / Белорусский государственный университет. – Минск, 2007.
11. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. – СПб., 2010.
12. Антонов И. В. Гуюк в великом Западном походе // Вестник Челябинского государственного университета. № 22 (351), 2014.
13. Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (25), 2014.

Ахмадов Я.З.

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ЧЕЧЕНСКИХ АУЛОВ И ВОЖДИ КЛАНОВ-ТАЙПОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV–XVI вв.

Указанный хронологический период, можно сказать, – наиболее «темный» в истории Чечни. Он характеризуется не только ослаблением и распадом огромной мировой державы Золотая Орда к северу от Чечни, но и дроблением на царства и княжества региональной сверхдержавы Закавказья – Грузинского централизованного государства, к югу от расселения нахов-чеченцев.

Можно уверенно предполагать, что в указанный период произошло резкое ухудшение хозяйственной и демографической ситуации в Чечне, приведшее к обезлюживанию значительных районов страны, в первую очередь, восточных и центральных, в результате невиданной в истории пандемии бубонной чумы 1346–1353 гг. (затем – вспышки в 1361 и 1369 гг.), развивавшейся, в первую очередь, на территории Дешт-и-Кипчака (Орда, к примеру, вымерла наполовину), и жестокой войны с захватчиком Тамерланом в 1395–1396 гг.

Есть еще одна причина ослабления не только Чечни, но и всего Кавказа и Европы – глобальное похолодание XIV–XV вв., приведшее к наступлению ледников в горах, обильным снегопадам, суровым зимам с холодным дождливым летом.

Если верить народным преданиям, записанным русскими авторами еще в XIX в., с западной части Горной Чечни, прежде всего, из Галанчожского ущелья, преимущественно из многолюдного общества Нашаха (имеющего весьма благоприятные природные условия), расселились «400–500 лет назад…» на восток (в особенности в федерацию Нахч-Мохк, Восточной Чечни) десятки лиц, став родоначальниками целого ряда чеченских обществ и аулов. Такая миграция, согласно преданиям, имела место не ранее XIV и не позже XVI в.

Встречаются, однако, и иные более ранние даты о героях легендарного свойства в записях середины XIX в., например, ***Итум/Итон Люнгиев/ Люнги*** (не позже X–XI вв.) – родоначальник аулов и кланов горного общества Чаьнти Чанты-Аргунского ущелья; ***Бено*** (ок. X–XI вв.) – согласно преданиям, выходец из Нашахи, переселившийся в Нахч-Мохк лет 800 назад[1]; ***Зана*** (ок. X–XI вв.) – эпоним тайпа и общества Зандак (Нахч-Мохк), который пришел в Нахч-Мохк «800 лет назад» из верхнеаргунского общества Майсты; ***Сунта/Сольтар*** (не позже XII в.) – выходца из Нашахи называют основателем Цонтароевского общества и одноименного аула в Восточной

[1] Более того, дореволюционный лингвист М.К. Туманов связывал урартский этнотопоним «Бийани(-ли)» I тыс. до н.э. именно с чеченским обществом и тайпом Беной/Бена.

Чечне; согласно преданию, считается именитый Сунтар/Соьнтар – выходец из Нашахи; ***Аллериш*** (ок. XIII в.) – легенды, записанные в середине XIX в., говорят о появлении эпонима Аллериша (в другой версии – Іалла) из Нашахи и основании им аула и общества Аллерой «лет 600 тому назад».

Сипа (Суьйпа) – эла Малхистинский
(не позже XIV в.)

Видимо, в период благоприятного климатического оптимума для горных обществ (до XIV в.) в крупном, по горским масштабам, с. Терттие Малхистинского общества Горной Чечни возвысился и стал князем (эла) некий Сипа. Это был человек огромного роста и большой физической силы, его останки вплоть до 1944 г. находились в одном из склепов ЦІой-Пхьеда религиозного центра Малхисты.

Согласно легендам, Сипа настолько усилился, что творил прямой произвол в адрес сородичей, пока не погиб в результате удавшегося покушения.

Бирач
(рубеж XIV–XV вв.)

Его имя связывают с владельцами крупного башенного замка Кирды-Бавнаш, перекрывающей, примерно в средней части, горную дорогу по Чанты-Аргунскому ущелью. В свою очередь, создателями замка считают порой беглых алан с плоскости в период нашествия Тамерлана, либо выходцев из Грузии.

Бирача называют первопредком несколько больших аргунских селений и тайпов (Никарой, Кенухой и др.).

Воккха Дада
(не позже XV в.).

Воккха Дада (Большой отец, дедушка, или от имени собственного – Дада) – выходец из Нашахи переселился на восток в земли Шатойского плоскогорья, приведя с собой 9 сыновей. Они и стали основателями шатоевских кланов. В частности, старший сын Мерасха считается прародителем двух братских тайпов – саттой и келой.

Бики Харачоевский
(не позже XV в.).

Предания харачоевцев, зафиксированные в середине XIX в., рассказывают о некоем первопоселенце Бики – выходце из Нашахи, который освоил

Харачоевскую котловину и построил здесь каменную башню (лет 300–400 назад). Он же вступил в конфликт с соседями-андийцами за право пользования пастбищной горой джайского (хунзахского) хана на Андийском хребте и выиграл его.

Интересно отметить, что между Харачоем и Анди на перевальном хребте во время деятельности Бики по решению народного собрания была оставлена нейтральная полоса – Харами, на которую запрещалось выгонять скот обеим сторонам (с арабского «хьарам» – запрет).

Чермо
(не позже XV в.)

Первооснователем головного аула Чермоевского общества, стоявшего на склоне горы Чермой-лам (2361 м), который также назывался Чермой-Аул, считается легендарный эпоним Чермо. По записи середины XIX в., он переселенец из Нашахи или высокогорного общества Майсты (около 300–400 лет).

Персык
(не позже XV в.)

Жители общества Белгатой в Нахч-Мохке считали своим эпонимом некоего Персыка – жителя Нашахи, чей внук Хоур/Хавр (или правнук Хасай) совершил переселение в район Белгатоя 300–400 лет назад (по записи середины XIX в.).

Мулк/Молкх
(не позже XV в.)

Головной аул Эрсеноевского общества располагался на «Эрсеноевской горе» и его основателем считался, по записи середины XIX в., некий Мулк из Нашахи, переселившийся лет 300–400 назад.

Кушул и Курчал-хан – отец и сын
(не позже XV в.)

Происхождение аула Курчали и Курчалоевского общества Нахч-Мохка Чечни предания связывают с выходцами из Нашахи – отцом и сыном Кушул и Курчал-хан, совершившим переселение, согласно записи середины XIX в., 300–400 лет назад.

Гундал
(не позже XV в.)

Родоначальником аула Гуной и одноименного общества традиционно считается выходец из Нашахи – некий Гундал. По другой легенде, тот же Гундал с братьями Нижал и Гундарген были сыновьями некоего сирийского царя, бежавшими на Кавказ около 400 лет назад (по записи середины XIX в.).

Айт/Айти/Эйти
(не позже XV в.)

Предания говорят о происхождении общества и тайпа Айткхаллой (Нахч-Мохк) от некоего Эйты/Айты, вышедшего, согласно записи середины XIX в.), из Нашахи лет 400 назад. Этимология неясна: имя собственное Айт/Айти/Эйти с арабского означает «религиозное праздненство».

ДІай
(не позже XV в.)

По показаниям современных информаторов – выходцев из Дая (аул и общество в верховьях Шаро-Аргуна Горной Чечни), его основателем считается переселенец из Нашахи по имени ДІай, с момента поселения которого на Шаро-Аргуне сменилось 17–18 поколений (ок. 500 лет назад).

Турач
(не позже XV в.)

Согласно записи середины XIX в., считается выходцем из Нашахи – родоначальником кланов Макажойского общества Чеберлоя (300–400 лет назад). Впрочем, в сказаниях называются и другие имена, но также из Нашахи.

Тинин Вуьса/Тинаев Виса
(не позже конца XV–XVI вв.)

В легендах Нахч-Мохка, записанных с середины XIX в., сохранилось имя цонтароевского военачальника и законотворца домусульманской эпохи – Тинин Виса. Утверждают, что он был «инициатором созыва Совета Страны (Мехк-Кхел)… (Вероятно, того же Нахч-Мохка – федерации 26 обществ). Он же был избран его первым главой…». Якобы Мехк-Кхел (Совет Страны) провозгласил его Мехкан да (Глава страны) и Туьран да (Отцом шашки), т.е. военным командующим.

Муйта
(не позже XV–XVI вв.)

Один из легендарных реформаторов неписанных горских законов (адатов) и председатель собрания Мехк-Кхел (Совет Страны) в западной части Чечни – в Галанчожском ущелье, к слову и решению которого прислушивались все соседи Галанчожа – верхнеаргунские общества, хевсуры, гІалгІай (ингуши). Сохранился топоним – гора Муйты, и на ее склоне площадка – плоский камень («Муйты-кхер»), с которого он выступал.

Список использованных источников и литературы

1. Попов И.М. Ичкерия (Историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870.
2. Иваненков С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910.
3. Туманов М.К. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.
4. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
5. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.
6. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.
7. Мифы и предания чеченского народа. Т. 2. / Сост. А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). М., 2011.
8. Сигаури И. Маьлхийста – судьба древнейшей исторической области Чечни // Журнал «ДОШ», № 2, 2013.
9. Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М. Историческое общество Беной // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 3(28), 2015.

Ахмадов Я.З.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ЧЕЧНИ
(XVI – первая половина XVII вв.)

В указанный период внешние связи Чечни и чеченцев значительно расширяются. Усилению контактов чеченцев с плоскостью, включая взаимоотношения с соседними феодальными владениями Кабарды, Дагестана и остатками ордынских кочевых племен за Тереком, приводило, прежде всего, начавшееся движение чеченцев с гор на равнины. Из-за глобального похолодания в горах Кавказа, начиная с XIV в., снижалась зональная полоса, годная для проживания и, соответственно, ухудшались условия для ведения производящего хозяйства. Кроме того, выселению на плоскость весьма способствовал демографический рост и возрастание военно-политической мощи народа.

Примерно со второй половины XVI в. Московское государство, в ходе политического противостояния с Османской империей и Крымским ханством, выходит на Северный Кавказ, в частности, на Терек и Сунжу. Это обстоятельство приводит к вовлечению чеченских обществ и феодальных владений в зону дипломатического притяжения Москвы на протяжении первой половины XVII в. и к системному отражению этих связей в официальных документах русского государства. Благодаря этому обстоятельству до нас дошли конкретные имена исторических деятелей Чечни и даже рядовых чеченцев.

Термоал/Термол
(рубеж XV–XVI вв. или XVI в.)

Народная традиция возводит начало ислама в Нахч-Мохке к некоему проповеднику Термолла (возможно, жившему в XVI в.). Местные предания относят начало ислама в Нахч-Мохке к рубежу XV–XVI вв., когда здесь проявил себя проповедник Термаол (Термол). Согласно чеченскому автору XIX в. Умалату Лаудаеву: «Окружив себя усердными последователями, Термаол начал смелее производить обращение (в ислам. – *Я.А.*) и убивал противящихся…». Его могила находится, согласно некоторым данным, в селении Эна-Кхаьлла.

Важной вехой в истории национальной консолидации всей Чечни, начало которой, безусловно, было положено и в Нахч-Мохке, можно считать раннее принятие ислама. Так, в непосредственном соседстве с Нахч-Мохком в предгорно-плоскостном Аухе, в с. Гачалк, обнаружены мусульманские захоронения, датируемые XVI в. Уже в первой четверти XVII в. «мичкизы»

участвовали в военных мероприятиях мусульманских горских князей, а в 1648 г. были готовы принести терским воеводам «шерть» (клятву) на Коране.

Меда
(ок. XVI в.)

В различных регионах Горной Чечни в XVI–XVII вв. сложился цикл преданий о военных вожаках. Так, благодаря военному предводителю Меда из общества Кейн-Мохк /Кей, жившему не позже XVI в. (до появления огнестрельного оружия в горах) и игравшему видную роль как в родном ауле и обществе, так и во всем Галанчожском ущелье, произошло возвышение Кея и окружающих его обществ горной Чечни.

В политическом плане кейцы находились в дружеских отношениях не только с непосредственными соседями, но и союзничали с обществами бальсунской конфедерации среднегорной зоны (арштхоевцы), а также с Аькхи и Нашахой, с которыми они считались в родстве.

Легенды различной достоверности рассказывают, что Меда дожил до глубокой старости, создав некую федерацию обществ Галанчожа и достигнув невиданных для горцев того времени высот власти. Например, он держал при себе постоянную дружину из 60 отборных всадников и периодически собирал налоги. В последние годы жизни он стал даже тяготиться властью, философствовал и позволял близкие к шутовским выходки, десакрализирующие его образ.

Потомки Меды (Медовы) и сейчас живут в Чечне и Ингушетии.

Ушурма/Ушарма/Ишерим-мурза
(??? – не позже 80-х гг. XVI в.)

С записи слов его сына Ших-мурзы в документе 80-х гг. XVI в. известно, что Ушаром-мурза был владетелем Окоцкой (Аккинской) земли (общество Аух, Аухар, Овхар) и в период строительства первой Терской крепости в 1567 г. присягнул на верность московскому царю и оказал содействие в ее строительстве (крепость, простоявшая при впадении р. Сунжи в Терек с 1567 г. по 1571 г., была срыта, в 1578 г. возобновлена и в том же году оставлена). Завещал наследнику Ших-мурзе «слово (царское) на голове держати», что означает признание вассалитета.

Ших-мурза Ишеримов
(???–1595)

Владения Ших-мурзы, соратника и наследника своего отца Ушарма/Ишерим-мурзы, к 80-м гг. XVI в. охватывали северо-западные районы сов-

ременного равнинно-предгорного Дагестана и некоторые восточные земли Чечни (с опорой на исторический Аух/Окохи) вплоть до низовий Сунжи. Население было полностью исламизировано, хотя еще не имело собственных исламских кадров.

Сосредоточив в своих руках относительно крупные для того времени силы – до 1000 воинов (500 терских казаков, перешедших в его владение после оставления Терской крепости и 500 «слуг своих»), Ших-мурза развернул активную военно-политическую деятельность на всем Северо-Восточном Кавказе – от Дарьяла до Дербента.

В частности, Ших-мурза участвовал в начале 80-х гг. XVI в. в антиосманском союзе части горских князей во главе с Сефевидским Ираном. По его собственному признанию русскому царю, «для тебя яз в Железных Воротах (Темиркапа, т.е. Дербент. – *Я.А.*) много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил». Дербент относился к тем пограничным городам, который захватили турецкие полководцы в войне с Ираном.

Одновременно и терские казаки совместно с людьми Ших-мурзы «переняли» стратегическую дорогу на терско-сунженских «перевозах», ведущую из Крыма и Азова в Дербент, не пропуская турецких гонцов и чиновников. Данное обстоятельство вызвало настолько большое раздражение в Стамбуле, что султан грозился «воевать» Москву, но дело ограничивалось, как правило, дипломатическими демаршами.

В 1583 г. при движении из Дербента к Азову ветеранов армии великого турецкого полководца Осман-паши в 4 тыс. человек «собрався, – по рассказу Осман-паши русскому послу, – на Терке государя вашего казаки человек с тысячю, и пришли были на меня, и яз их побил всех, только утеклых человек з двесте…». Есть основания полагать, что это были совместные силы того же Ших-мурзы и казаков. Бой имел место при пересечении турецким обозом реки Сунжи. После этого нападения раздраженные турки стали демонстративно сосредотачивать силы для операций на Северном Кавказе и против Астрахани.

Взаимоотношения «Окоцкой земли» с Московской Русью не успели получить еще официального оформления, как обеспечение безопасности посольства Москвы в Грузию в 1587 г. на Северном Кавказе специальной грамотой было поручено Ших-мурзе Окутцкому и кабардинскому князю Алкасу.

Весной 1588 г. «многие люди стрельцы и казаки с вогненным боем» заложили деревянную в низовьях р. Терека на одном из ее протоков большую крепость и закончили ее строительство в 1589 г. Известную помощь в этом деле оказал и чеченский владелец Ших-мурза Окутцкий, который в эти же годы с использованием «государевых» казаков взял некий «Индили словет город и с тем 7 городов» (скорее всего, укрепленные аулы), обеспечил Москве дружеский союз с аварским ханом, Черным князем, с нахским владельцем Ларса в Дарьяльском ущелье – Салтан-мурзой (возможно, его родной брат или другой родственник); один из сыновей дагестанского шам-

хала Алхас (Алкас) перешел даже со своими подвластными в его владение. Политическую линию Ших-мурзы разделяют основные нахские (чеченские и ингушские) общества того времени.

В октябре 1588 г. вместе с грузинскими послами в Москву прибыли «черкесские» послы от Ших-мурзы Окутцкого и князя Алкаса Кабардинского. Первое чеченское посольство в Москву возглавлял племянник Ших-мурзы – Батай-мурза. Свита его состояла из трех товарищей. Обращения Ших-мурзы к царю Федору Ивановичу, переданные в Посольский приказ, представляют огромный интерес.

21 ноября 1588 г. горские послы Батай и Асламбек (представитель Алкаса Кабардинского) были приняты царем Федором Ивановичем по высшему церемоналу.

25 февраля 1589 г. состоялись переговоры Батая и Асламбека с важнейшим государственным деятелем России – казначеем (канцлер) И.В. Траханиотовым, а также дьяками (министры) Андреем Шелкаловым и Посником Дмитриевым.

Окончательное оформление присяги подданства и Ших-мурзы, и его улуса состоялось в августе 1589 г., когда в Терки из Москвы прибыли послы С. Звенигородский и Т. Антонов, направлявшиеся в Грузию. Чеченский князь был принят в посольском шатре. И послы от царя «поклон правили и грамоту подали и речь говорили по государеву наказу; и государево жалованье ему дали по росписи».

Таким образом, произошло, по существу, официальное оформление вассально-союзнических отношений горских «землиц» с Россией, что было подтверждено соответствующей государственной грамотой московского царя.

В целом своим успехом русское посольство в Грузию было обязано содействию Ших-мурзы и его военных сил. Но в дальнейшем международная обстановка на Кавказе развивалась не в пользу Москвы и пророссийских сил как в Чечне, так и в Дагестане и Кабарде.

В 1594 г. царские войска под командованием воеводы Хворостинина, присоединив к себе некоторых союзных горских князей, включая Ших-мурзу, двинулись на земли дагестанского шамхала с целью покорения Северного Дагестана и выполнения союзнических обязательств перед Ираном и Грузией. Шамхал, в свою очередь, собрал «большую рать», и наголову разгромил царское войско.

В 1595 г. верный союзник Москвы, выдающийся политический деятель северокавказского масштаба, самый последовательный союзник Москвы на Кавказе Ших-мурза Ишеримов был убит феодальными соперниками, а Окоцкое владение разорено.

Около 160 окочан-ауховцев, не желая подчиняться иным феодалам, бежали в 1596 г. в Терский город и основали здесь так называемую «Окоц-

кую» слободу. Большая часть беглых нахов была принята на русскую службу. Само же Окоцкое владение на правах вассального удела вскоре вошло в состав северодагестанского Эндирейского княжества (по национальному составу являлось кумыкско-чеченским) во главе с протурецки настроенным князем шамхальского рода Салтан-Магмутом.

Салтан-мурза
(??? – последняя четверть XVI в.)

По вопросу происхождения феодальной фамилии Салтан-Мурзы из селения Ларс в Дарьяльском ущелье существуют взаимоисключающие легенды и сказания. Одни говорят о ее происхождении из Чечни (аргунской фамилии дишни), другие – из общества Акки Западной Чечни, третьи – из Ингушетии, четвертые – из Осетии.

В последнее время все чаще обращают внимание на документы, связывающие известную фамилию Ших-мурзы из Восточной Чечни с Салтан-мурзой. Тем более, что чеченские владетельные князья Ишеримовы-Окоцкие наравне с важнейшими кабардинскими князьями отвечали за безопасность русских посольств в Грузию на протяжении всего пути от слияния Сунжи с Тереком вплоть до «Ларсова кабака» (к югу от которого начиналась граница Грузии).

В документах русского посольства 1589 г. зафиксировано: «И Салтан-мурза говорил: то есми слышал от узденей и брата своего Ших мурзы Окутцкого, что Кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служити … как... брат мой Ших мурза…». Если в данном случае не предполагается социальное родство, то напрашивается вывод, что Ших-мурза посадил в этом стратегически важном пункте Дарьяльского пути своего близкого родственника.

В конце XVI – начале XVII в. имя Салтан-мурзы исчезает из поля зрения (хотя фамилия ларсских феодалов Дударовых возобновила свое значение в XVIII–XIX вв.). Данные 1604 г. говорят, что кабардинский князь Айтек-мурза взял начало пути в Дарьяльском ущелье под свой контроль.

Батай-мурза Шихмурзин
(посл. треть XVI – перв. четверть XVII в.)

Батай-мурза был племянником Ших-мурзы, а за отсутствием сыновей у дяди являлся и его официальным наследником. С октября 1588 г. по конец февраля 1589 г. находился с посольством «Окуцкой земли» в Москве, где был принят царем Федором Ивановичем и высшими должностными лицами российского государства.

После убийства Ших-мурзы Батай-Мирза в 1596 г. с массой окочан-ауховцев перешел в Терский город, где сохранил за собой команду над подвластными. Участник русской военной экспедиции 1604–1605 гг. воеводы Бутурлина с 10 тыс. московских стрельцов на Дагестан, закончившейся полнейшим поражением.

В годы Смуты в России наравне с царскими воеводами и служилыми кабардинскими князьями нес нелегкую службу в Терском городе по сохранению на Северном Кавказе остатков российского влияния. Следует отметить, что возглавляемая Батай-мурзой Окочанская слобода изначально пополнялась беглецами со всех нахских «землиц»-обществ, особенно мичкизами (Восточная Чечня).

Летом 1605 г. в Москве успела побывать делегация терского (кабардинского) служилого князя Сунчалея и служилого окочанского мурзы Батая, которая была принята Лжедмитрием I и награждена богатыми дарами. Причем окочане закупили в Москве 5 или более кольчужно-латных комплектов защитного вооружения, что говорит о их высокой состоятельности.

В 1609 г. Батай-мурза Шихмурзин неожиданно бежал с семьей из Терского города в «Окочаны» и дальнейшая его биография оказалась связанной с Салтан-Магмутом, который стал его родственником через брак детей. После окончания Смутного времени в мае 1614 г., благодаря дипломатическим усилиям терских окочан, первому царю из Романовых «шертовали» представители Салтан-Магмута Эндирейского и ауховские (окоцкие) мурзы – Батай и Албирь.

Позже, с 1616 г., Батай-мурза в известных на сегодня русских документах уже не упоминается.

Аврак и Аланбек
(10–20-е гг. XVII в.)

Между 1619–1622 г. упоминается в Терском городе мичкизский аманат Аврак и мичкизский «приезжий» Алланбек, которым было выдано небольшое жалованье сукном. Это одно из первых упоминаний жителей Восточной Чечни (Нахч-Мохк, Мичкиз/Мичиг) с обозначением связей с русскими властями на Тереке.

Кохосров/Кохостров-мурза Бийтемиров, Окотцкий/Окоцкий
(??? – первая треть XVII в.)

В 1616 г. в Терском городе группа горских князей, присягнувшая в верности русскому царю, получила натуральное жалованье. В том числе Кохосров-мурза и два его узденя получили дорогое сукно («анбарское» и

«настрафилю»). Где-то в 1621 г. указанный Кохостров-мурза выехал на царскую службу в Терский город с несколькими узденями (30 дворов его людей из Ауха – селения «Старый Окох» (Ширч Аух) были переведены в Терки значительно позже. В 1622 г. как неформальный лидер чеченцев Окоцкой слободы он прибыл в Москву с 5 узденями, и 13 декабря был принят в числе других послов царем Михаилом, где вручил свои челобитные с подарком – серый аргамак (восточная порода скаковой лошади).

Ответные подарки и деньги мурзе составили 120 рублей, не считая затраты на узденей. Но самое главное заключалось в том, что, судя по косвенным данным, Кохостров-мурза получил какие-то ленные права на Окоцкую слободу (кроме служилых окочан на царском жалованье, подчинявшихся терским воеводам).

Однако во время возвращения из Москвы речным путем чеченский мурза неожиданно для всех утонул в Оке-реке.

Видимо, поэтому, через три года, в 1625 г., жалованную царскую грамоту о правлении над всеми «окочаны и черкасы» в Терках («быти князем»), получил Шолох Сунчалеевич Черкасский, являвшийся, кстати, воспитанником окоцкого узденя Бикши Алеева.

Шатойские («Шибуцкие») «начальные люди Лаварсан Языев, Затыш Лаварсанов, Араслан и Деки/Дики
(20-е гг. XVII в.)

Русские документальные известия под 1626–1628 гг. называют первые имена местных старейшин (старшин) крупной конфедерации горных аулов и обществ, как Шуьйта (Шатой/Шубут) – Лаварсан Языев и Затыш Лаварсанов (видимо, отец и сын), «шертовавших» (присягавших на Коране) в Терках на имя царя Михаила Федоровича с обязательством служить, не грабить и давать по «кулю» меда раз в год.

Однако в 1628 г. в сентябре на казачий Кошлаковский городок на Терском хребте напали и разграбили «шибуцкие люди Арасланко да Декитко, а с ними человек с 30…». Видимо, они были довольно влиятельными лицами, почему в осторожной царской резолюции было указано терским воеводам «без дела жесточью не делать», а попытаться взять у «непослушников» уговором аманатов-заложников.

Берс-шейх/Берсан
(??? – не позже первой трети XVII в.)

Полное и бесповоротное утверждение ислама во всей Восточной Чечне, в устной чеченской традиции, относят к деятельности шейха Берсана из

общества Курчалой, чью деятельность относят к первой трети XVII в. При этом есть неясность в том, была ли связана его деятельность с собственно принятием ислама или же с утверждением его в Нахч-Мохке в суфийской трактовке. По данным И.М. Попова, Берсан получил право благодати шейха из рук убитого им аварского шейха Гада, который «именем Аллаха завещал ему силу… [своего] слова…».

Шейх Берсан – реальное историческое лицо, его могила пользуется почитанием и находится в Нижнем (горном) Курчалое. Арабоязычная надпись, выбитая на камне, которая по своему стилю относится к XVII в., гласит: «Здесь [покоится] Берсан». (Перевод арабиста Т.М. Айтберова.)

Алхан Дикеев
(30–40-е гг. XVII в.)

Житель «Шибутцкой землицы» – Шатоевское общество-федерация, возможно, сын вышеуказанного Деки/Дики. Имел какие-то отношения с грузинскими деятелями. В сентябре 1642 г. привез от кахетинского (восточногрузинского) царя Теймураза письмо на грузинском языке, адресованное на Терек к русским властям. Известно, что ранее, весной 1642 г., русское посольство князя Мышецкого, следовавшее через иранские земли, достигло Теймураза.

Айдемирко/Айдемир
(??? – 1645)

Представитель «Мичкиския земли» (федерация горских обществ Нахч-Мохк), направленный для встречи с русскими властями Терской крепости с 3 товарищами. Мичкизяне были приведены в свое время в подданство служилым князем Муцалом Черкасским.

По подговору служилого князя Татархана-мурзы Арасланова (соперник Муцала в Терках) был убит в 1645 г. со спутниками на левом берегу р. Терек казаками Щадринского городка.

Муралей/Нурали
(??? – 40-е гг. XVII в.)

Упоминается в 1647 г. как «выборный лутчий» Мичкизской земли с 36 аулами, с 4 «товарыщи», прибывший в Терский город для принятия присяги подданства клятвой на Коране. Присяга была принесена, и послы, получив «жалованье и корм», отбыли обратно.

Данный факт еще раз подтверждает полную исламизацию Нахч-Мохка, завершившуюся до 40-х гг. XVII в. усилиями вышеуказанного Берс-шейха.

Окоцкие мурзы Бикша (Бегиш), Янмурза и Черкес Алеевы/Алиевы
(??? – 40-е гг. XVII в.)

В первой половине XVII в. в Теркском городе (Терки) большую роль играл окоцкий уздень (дворянин) Бикша Алеев (со своими братьями), являвшийся аталыком (воспитатель, приемный отец) сыновей служилого кабардинского князя Сунчалея – Шолоха и Муцала, владетелей особого «черкасско-окоцкого» удела в низовьях Терека. Их роль в кавказских делах отмечали в 1644 г. и в Москве: «Бикша, да Янмурза, да Черкез Алеевы: служат де они нам на Терке всякие наши службы кизылбаские, и горские, и уварские, и нагайские, и кабардинские, …». Денежное содержание Бикши было доведено царем до 18 руб. в год (рядовой окочанин в Терках получал 5 руб.).

Бикша являлся состоятельным человеком, отправлял торговые караваны в Иран, однажды, будучи с поручением в Дербенте и Шемахе, просил прислать из дому 225 золотых, которые, однако, терская таможня задержала.

Один из немногих чеченцев далекого прошлого, о ком осталось описание внешности. Его сделал во время плавания по Волге Адам Олеарий – секретарь голштинского посольства в Персию осенью 1636 г. Говоря о свите князя Мусала Черкасского, корабль которого был в караване, он отмечал: «Наиболее знатный из татар, говоривший от лица всех, был длинный желтый человек с совершенно черными волосами и большой длинной бородой. Он был одет в черную овчинную шубу, мехом наружу, и был похож на то, как малюют дьявола».

Албирь-мурза и Чепан-мурза Кохостровы
(20–50-е гг. XVII в.)

Сыновья Кохострова-мурзы получили известность на русской службе в Терках с начала 30-х гг. XVII в. Так, Албирь-мурза продолжил линию покойного отца, пытаясь получить правление над другими чеченцами-окочанами и независимый от Сунчалеевичей статус.

Челобитные на имя царя имели некоторый успех: братья получили значительную прибавку к жалованью и, оставаясь вассалами князя Муцала Черкасского, имели почетный феодальный ранг, собственных узденей и приписанных к ним рядовых окочан.

Младший брат Чепан-мурза после смерти в 1645 г. Албирь-мурзы продолжал добиваться независимого статуса, ссылаясь на свои и родственников несомненные заслуги. В 1647 г. ему разрешили выехать в Москву, где в апреле 1648 г. в числе служилых кабардинских князей он был представлен царю Алексею Михайловичу и «бил челом» двумя аргамаками (оцененных

в царской конюшне в 20 и 25 руб.). В ответ мурза сразу получил дары на 60 руб., не считая последующих подарков и денежных сумм.

Последний раз Чепан-мурза упоминается под 1653 г. в числе служилых окочан, направленных на защиту Сунженского острога.

Список использованных источников и литературы

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1888.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. М., 1957.
3. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1997.
4. Олеарий Адам. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 2003.
5. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
6. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872.
7. Иваненков С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910.
8. Саидов И.М. Мехк-Кхел (Совет Страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968.
9. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
10. Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008.
11. Магомадова Т.С. Батай-мурза Шихмурзин в русско-чеченских связях конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник АН ЧР. № 2(11). Грозный, 2009.
12. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.
13. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Эпиграфические источники по истории распространения ислама в Чечне (XVI-XIX вв.) // Известия СОИГСИ. № 20 (59). 2016.

Ахмадов Я.З.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ЧЕЧНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Вторая половина XVII столетия в истории Чечни характеризуется усилением выхода горского населения на равнину, складыванием Чеченского княжества-владения в центре Чеченской равнины по Аргуну и Сунже, ускорением процессов национальной консолидации.

В идентификации тех или иных видных деятелей чеченского народа по-прежнему большое значение имеют русские официальные и арабоязычные документы, а также народные предания – легенды, сказания, героические песни-илли.

Бахаммад-Али / Бахьмад-Эла
(не позже середины XVII в.)

Первооснователь аула Чахкар-Юрт, основанного не позже середины XVII в. у выхода из Аргунского ущелья. Был выходцем из аула Сатто и из одноименного клана Шатоевского плоскогорья; вывел он с собой, главным образом, родственников.

В жестоком бою с противниками, пытавшимися уничтожить его аул и напавшими скрытно, лично зарубил шашкой трех панцирников и многих нападавших ранил. Собравшийся Мехк-Кхел (Суд Страны) не признал его подлежащим кровной мести, присудив единственно вспомоществование семьям убитых.

Его потомки живут в с. Старые Атаги, куда согнали чахкеринцев при разорении аула царскими войсками в 1845 г.

Алги, Анак, Ильдей
(середина XVII в.)

«Начальные люди», управлявшие горными шатоевскими аулами («Баранцовым …Тумцоювым, …Шандоровым, да с Уйшевым»).

Осенью 1647 г. перед посланными из Терской крепости в горы служилым князем Танжехан-мурзой и казачьим атаманом Василием Сологубом указанные главы аулов принесли на Коране «шерть» (присягу) в подданство Москвы и прекращении нападений на «государевых людей» по Тереку. Также был выдан аманат по имени Касу.

В русском документе 1653 г. отмечен другой шатоевский «начальный человек» – Айдемир, который просил о замене содержащегося в Терках два года в качестве аманата его сына Бисяша.

Адин Сурхо / Сурхо, сын Ады
(середина – начало второй половины XVII в.)

Герой чеченских народных преданий и героических песен-илли, посвященных отвоеванию чеченских земель по Тереку в середине XVII в. у кабардинских князей. В чеченском фольклоре сложился некий цикл героико-поэтических илли «Сказание об Адин Сурхо и князе Мусосте».

Этнограф Ибрагим Саидов в прошлом веке обнаружил в горном обществе Чеберлой позднесредневековую надмогильную стелу с арабской надписью: «Адин кIант Сурхо» («Сурхо, сын Ады», что, в принципе, говорит о реальности этого предводителя-баьччи (в то время, как и века спустя, умерших на равнине вывозили в горы для похорон на родовых кладбищах).

В том же жанре выдержан и ряд других эпических песен, берущих начало в XVII в. и о других предводителях (баьчча, тхьамда), боровшихся с иноземными князьями, – *баьчча Балу, баьчча Биларби, баьчча Идалал и др.*

Лорса Аккинский
(середина – не позже последней трети XVII в.)

Известный предводитель (баьчча, тхьамда), совершавший из горного общества Акки (Аьккхи) Галанчожского ущелья набеги на кабардинских князей и на тогдашних союзников последних – кумыкских феодалов и предводителей западнонахских (ингушских) горных обществ. Имя героя Лорса сохранилось и в ингушских преданиях, что еще раз говорит об исторической достоверности данного героя.

Предания сохранили имена и других военных вождей-аккинцев XVII в. – Воккхала, Сьюйре, а также кейца Солса и Сулда-Вениг, мержоевца Цицаха и орстхоевцев Макхала, Бюьрга и ЧIожа.

Алдам Геза / Алдама ГIеза
(середина – вторая половина XVII в.)

Геза, сын Алдама из общества Чеберлой Горной Чечни, служит ярким примером аристократического начала в чеченском обществе. В течение второй половины XVII в. фамилия Алдамовых практически господствует в Чеберлое, сооружает цитадели и замки, вступает в равноправные договорные отношения с соседними титулованными князьями Дагестана. Самым известным из этой фамилии был Геза, которому приписывают строительство горной крепости «Алдам-ГIеза гIап» в районе озера Кезеной.

В середине – начале 2-й половины XVII в. между чеберлоевскими Алдамовичами и боковой ветвью хунзахских (аварских) ханов – князьями Тур-

ловыми, правившими в Гумбете (общество в бассейне Андийского Койсу), было заключено соглашение, подразумевавшее обязательство взаимного оказания военной помощи. Документ на арабском языке дошел до наших дней и был переведен востоковедом Т.М. Айтберовым.

В 1649 г. русские воеводы получили информацию, что в горах есть «особая земля «Чебурды», а ее «владельцами» названы «Алдымовы дети». В результате неясных для нас причин Алдамовичи полностью исчезли с политической арены до начала XVIII в.

Ильдар / Эльдар-мурза Куденетов
(не позже 1650 г. – вторая половина XVII в.)

В 1647 г. брагунский владелец Ильдар-мурза оказал большие услуги царским воеводам Терков в приведении к присяге подданства «Мичкизской земли» (Восточная Чечня), где, видимо, пользовался определенным влиянием. Свое происхождение брагунские князья связывали с династией крымских ханов – с неким Бораганом, якобы бежавшим с частью подданных из Крыма в Дагестан в XVI в.

В 1649 г. Ильдар-мурза, живший со своим племенем Бораган (тюркское племя неясного происхождения) на правах вассала в Эндирейском владении, рассорившись с правительствующим князем засулакских кумыков Казаналпом, ушел на Терек к родственнику Мусалу Сунчалеевичу, который и разместил его в 1650 г. в стратегически важном районе – при слиянии Сунжи с Тереком на переправах, где к июню 1651 г. было поставлено и царское укрепление – Сунженский острог.

В 1653 г. горские владельцы, поддержанные Ираном, вступили в бои с русскими силами на Тереке, разрушили острог и вывели брагунцев к р. Сулак. Но спустя какое-то время они смогли вернуться на то же место в непосредственное соседство чеченцев. В последней четверти XVII в. брагунские владельцы из аула Брагуны на Сунже вновь принесли присягу подданства русскому царю.

Алихан / Алхан
(50-е гг. XVII в.)

Почетный представитель Шатоевской федерации обществ – «Шибусьского джамаата», прибывший с двумя товарищами – Сусла и Алгяном (Явка) – в 1657 г. в Москву для выражения подданства и просьбой о помощи картло-кахетинскому царю Теймуразу, изгнанному иранских шахом в горы. Они привезли также письмо на тюркском языке, написанное арабской графикой, на имя царя от 3–4 шатоевских селений. В 1658 г. совместно с

тушинскими посланцами Теймураза (Тушетия – горное общество в Восточной Грузии) Алихан был принят царем Алексеем Михайловичем и им были выданы в дар 40 соболей каждому. Присяга подданства от них была принята в Успенском соборе, хотя шатоевцы были мусульманами.

В сентябре 1659 г. чеченские посланцы из общества Шатой вернулись на родину через Терский город.

Загаштук Турлов
(40–70-е гг. XVII в.)

Первый чеченский старший князь. Вместе со своими братьями Алиханом (Алхан) и Алибеком был вынужден удалиться из горного общества Гумбет в Северном Дагестане (Салатавия), где фамилия Турловых (родственная аристократам из аварского общества Хунзах, именуемых нуцалами и ханами Аварии) правила, по крайней мере, с конца XVI в.

«Уварские мурзы» к 1648 г. были обнаружены в междуречье при впадении Сунжи в Терек, откуда были изгнаны терскими воеводами. После чего, видимо, совершилось переселение Турловых на р. Аргун, правобережный приток Сунжи, на «поляну Чечен-Тала», где они и обосновались то ли по приглашению местного населения, то ли по праву первой заимки. Событие, приведшее к образованию Чеченского княжества-владения, состоялось до 1658 г., когда здесь уже «сидели» такие владельцы, как «Загастунка (Загаштук. – *Я.А.*), да Алибечко (Алибек. – *Я.А.*), да Алиханко (Алихан. – *Я.А.*), да племянник их Кучбарка (Хучбар. – *Я.А.*)», принесшие присягу подданства царю Алексею Михайловичу.

Принял в 60-х гг. XVII в. определенное участие в развитии русско-грузинских отношений, осуществлявшихся на то время по Аргунскому ущелью.

Алихан / Алхан-мурза Турлов
(40–70-е гг. XVII в.)

Второй старший чеченский князь – время правления падает на 70-е гг. XVII в. В эпических песнях-илли ему даже приписывают основание Чечен-Аула: «Цхьана куьйгахь тур долуш Іалхан ТІурлос йиллина Нана-Чечана» («С шашкой в руке сыном Турло Алханом заложенный Мать-Чечен-Аул»).

Особую политическую активность чеченский князь Алихан-мурза «Турлаев» проявил в ходе русско-грузинских отношений 70-х гг. XVII в., когда Москва пыталась посадить своего ставленника Ираклия (Николай Давидович) царем в Картло-Кахетии, а иранские шахи тому противодействовали. Алихан рекомендовал себя, согласно русским документам, «другом и братом» царевича Ираклия, он писал ему в Москву: «...ристав (эристав – пра-

витель области в Грузии. – *Я.А.*) тебя, царевича, призывает да все грузины заодно тебя царевича хотят учинить царем, ...мысль свою ко мне отпиши...».

Эльтутар-мурза Чепаев
(60–70-е гг. XVII в.)

Эльтутар-мурза – сын Чепай-мурзы Кострова, служилого окоцкого феодала в Терках. Находился на царской службе под началом старшего служилого князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Участвовал в 1673–1678 гг. в боевых действиях русской армии против крымцев и турок на Украине.

В русских документах того же времени упоминаются и другие служилые окоцкие мурзы – родственники Эльтутара, к примеру, брат Тапиш-мурза Чепаев.

Бартихан, Туррав, Мухаммад Турловы
(80–90-е гг. XVII в.)

Чеченские князья Чеченского княжества-владения на Аргуне, чье правление фрагментарно отмечено в последней четверти XVII в.

Ибак-мурза Эльмурзин
(80-е гг. XVII в.)

Окоцкий мурза Терского города, совершавший по заданию терских воевод служебные поездки к владетельным князьям Северо-Восточного Кавказа.

Эльмурза (Явла) – мурза Алебуриев
(80-е гг. XVII в.)

Служилый окоцкий мурза, отмеченный в документах 1686 г. Терского города и Астраханской приказной палаты обращениями о выплате денежного жалованья ему и его 10 узденям.

Список использованных источников и литературы

1. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1997.

2. Иванов М.А. В горах между рр. Фортангою и Аргуном // Записки КОИРГО. Т. 17. № 1–4. Тифлис, 1904.

3. Иваненков Н.С. Горные чеченцы // Вып. 7. Владикавказ, 1910.

4. Бакиханов А.К.-А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926.

5. Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе города Терки в XVII веке // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М., 1985.

6. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

7. Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992.

8. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006.

9. Магомадова Т.С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (9), 2008.

10. Магомадова Т.С. Брагунское княжество – феодальное владение в Чечне в XVII в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 1(12), 2010.

11. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.

Ахмадов Я.З.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЛИИ ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЧНИ В XVIII в.

Русские официальные и местные арабоязычные документы XVIII в. дают наилучшие возможности для характеристики тех или иных исторических личностей Чечни, включая князей, узденей, старшин, религиозных деятелей и т.д.

Следует отметить, что мы привели ниже не всех, кто был назван в текстах сотен документов, а только тех, кто был отмечен тем или иным действием.

Появляется в этом веке и подлинно великая личность в масштабах всего Кавказа, которая была первой, попавшей в поле зрения европейских средств массовой информации, дипломатов и военных. Именно европейцы и именно представители революционной Франции назвали Мансура «великим мусульманским вождем Востока» и даже составили для него легендарную биографию, отнюдь не закончившуюся смертью героя в Шлиссельбургской крепости.

Амирамза/Амирхамза
(последняя треть XVII – ок. 1728)

Старший чеченский князь – «бей Амирамза» из династии Турловых, во время правления которого на регион оказывали влияние сложные политические события, связанные с борьбой Петра Первого за выход к Черному морю, а затем – к Каспию. Особое значение для Чечни имели и народные движения на Юге России и Тереке в 1705–1706 гг., прямо направленные против существующих порядков.

В 1708 г. Северо-Восточный Кавказ стал ареной широкого антицаристского движения горцев, ногайцев и русских казаков, взявших штурмом Терки. Причем его главным руководителем выступил один из предводителей восстания башкир – Мурат Кучюков, оказавшийся к тому времени в Чечне. Принял Мурата в Чечен-Ауле и оказал ему всемерную поддержку, вплоть до вооруженной, именно князь Амирхамза. Кульминацией движения чеченцев и поддержавших их кумыков и ногайцев стал захват Терского города 12 февраля 1708 г.

Разбитые в том же месяце превосходящими царскими силами, подошедшими из Астрахани, горцы и ногайцы отступили, но дальнейшее «преследование» повстанцев за Тереком Петр Первый поставил обязательством перед своими властями на юге.

Логично, что в дальнейшем, в 20-е гг. XVIII в., Амирхамза разделял протурецкие и прокрымские настроения, имел контакты с крымским ханом, потому чеченцы и Чечня последовательно выступали застрельщиком антиколониальных устремлений горцев Северо-Восточного Кавказа. Возможно, что чеченцы участвовали в известном сражении с драгунами Петра Первого

летом 1722 г. под аулом Эндирей. Но, вместе с тем, после смерти Петра Первого в 1726 г. от трех чеченских князей в крепость Святого Креста на Сулаке приезжали уздени с желанием принести присягу подданства России.

Умер Амирхамза на рубеже 20–30-х гг. XVIII в.

Мурат Кучюков/Кучуков
(???–1708)

Мурат, «султан Мурат», принадлежал к династии чингизидов, его фамилия по отцу правила в Каракалпакском ханстве в Средней Азии. В молодости он оказался в почетном плену у калмыцкого хана Аюки, откуда перешел к башкирам, восставшим в 1704 г. против произвола царских наместников. Штаб повстанцев в 1707 г. направил его с группой башкир посольством в Стамбул просить помощи от падишаха – «повелителя правоверных».

Обращение цели не достигло, и, возвращаясь обратно через Северный Кавказ зимой, он в ноябре 1707 г. попал в Чечен-Аул к князю Амирхамзе. Здесь началось его знакомство с чеченцами, которыми, видимо, из-за хорошего знания догм ислама, молодой чингизид был объявлен «магометанского закона святым». Очень скоро к новому «святому» в Чечню потянулись соседние кумыки и терские ногайцы.

В начале февраля, собрав до полутора тысяч повстанцев, в число которых вошли и русские беглые казаки, Мурат 12 февраля 1708 г. штурмом взял Терский город, за исключением цитадели. Отсюда Мурат Кучюков намеревался двинуться на Дон (где шло восстание атамана К. Булавина и «в Башкирцы»). Однако подошедшие из Астрахани царские войска 26 февраля отбросили повстанцев, а взятый в плен раненым Мурат был отвезен в Казань, где по личному приказу Петра Первого был жестоко казнен (его повесили за ребро на крюк).

Салтан-бек Брагунский
(??? – февраль 1708)

Брагунский князь, участник антиколониального восстаниия в Чечне и на Северо-Восточном Кавказе, в феврале 1708 г. был убит во время штурма Терской крепости.

Хасбулат/Казбулат Баматов
(???–1732)

Старший чеченский князь фамилии Турловых в 1728–1732 гг. В отличие от предыдущего князя Амирхамзы, придерживался пророссийской ориентации и пытался участвовать в действиях российской администрации, сидевшей в крепости Святого Креста на Сулаке.

Вследствие разнородных политических устремлений в чеченском обществе оказался, в конечном счете, в русском лагере, когда из крепости на Сулаке в Чечню в начале июля 1732 г. была направлена карательная экспедиция графа Дугласа, где князь Казбулат выступил в качестве проводника.

Один русский отряд подполковника Коха в 500 человек достиг было Чечен-Аула, но в густом лесу был окружен и уничтожен. Погиб от рук своих «подвластных» и старший чеченский князь Казбулат. После него остались два взрослых сына – Алибек и Алисултан Казбулатовы/Каспулатовы, и менее известный Хамзакай, которым в Чеченском княжестве достался отцовский удел и напряженные отношения с чеченцами и своими родственниками.

Айдемир Бардыханов/Бартыханов
(???–1746)

Старший чеченский князь в 1732–1746 гг. Во второй половине 1732 г. на его аулы был совершен набег донских и терских казаков во главе с атаманом Д. Ефремовым и князем Алибеком Казбулатовым, пытавшимся, видимо, отомстить за гибель отца.

В отличие от предыдущего старшего князя, Айдемир поддерживал политические связи с Крымским ханством и кумыкскими князьями, оппозиционными присутствию России в Дагестане. Более того, в июле 1733 г. он присоединился со своими силами к крымской армии, направлявшейся через Северный Кавказ в Иран. Крымско-чеченское войско разгромило соединение генерала Гессен-Гомбургского на р. Сунже при впадении р. Белой.

Летом 1735 г. огромная армия крымского хана Каплан-Гирея в 80 тыс. человек также пошла было походом против Ирана через Северный Кавказ, приводя по пути в покорность горские народы. Требования дани и покорности от чеченцев привели последних к сбору общенационального ополчения, которое разгромило Каплан-Гирея в Ханкальском ущелье. Очень вероятно, что ополчением руководил старший князь Айдемир Бардыханов.

Как пишет царский историк П.Г. Бутков, он «по многим от хана письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал». Заслуги Айдемира были отмечены царскими властями достойным денежным и «хлебным» жалованьем, часть из которого выплачивалась и его 20 узденям.

Все эти походы крымских ханов послужили поводом для вступления России в войну с Турцией, которая продолжалась с 1736 по1739 г.

Умер Айдемир 22 марта 1746 г., оставив несколько сыновей, старшему из которых – Расланбеку – было около 18–19 лет.

Казы-хан
(не позже 1742 – 60-е гг. XVIII в.)

Казы-хан – кадий (шариатский судья) «Шубутской земли» – Шатоевский союз обществ, в некоторых документах назван «владельцем» (правителем) Шатоя. Один из документов XVIII в. говорит, что «чабутлинцы никаких у себя владельцев не имеют, суд и расправу чинят они чрез своего кадия…».

Хаджи, кадии и муллы Чечни являлись не только авторами тех или иных посланий царским властям, но часто руководителями переговоров или активными их участниками. В 1742–1743 гг. от имени чеченских князей Алибека и Алисултана Казбулатовых переговоры с иранским шахом Надиром вел именно чеченский кадий Казы-хан из Шатоя. При первом приезде к шаху он получил в подарок 50 руб., шесть старшин, его сопровождавшие, – по 25 руб. На следующем этапе переговоров Казы-хана сопровождали князь Али-Солтан и три старшины. После скрепления договора кадий Казы-хан получил в подарок 200 руб., Али-Солтан – 150 руб., старшины – по 25 руб.

Последний раз в 1762 г. в документах назван «шубанский владелец Казий и сын его Маджи…», которого приглашали в Кизляр для принятия присяги подданства России.

Алибек Казбулатов
(???–1757)

Из-за обид, нанесенных родственниками-князьями и откровенной неблагодарности русских властей на Тереке, держался отчужденно, а во время нахождения правителя Ирана Надир-шаха в Дагестане в 1741–1745 гг. заключил вместе с братом Алисултаном в 1742 г. некие соглашения с шахом, подразумевавшие оказание содействия в его попытках вытеснить Россию из региона. Однако Надир-шах был разбит в Дагестане горским ополчением и изгнан.

После смерти Айдемира и нескольких лет споров и междоусобиц князей рода Турловых старшим князем Чеченского княжества-владения в начале января 1748 г. был признан именно Алибек Казбулатов.

Его представительство перед русскими властями в г. Кизляре, что являлось основной прерогативой старшего князя наряду с выдачей заложника-аманата, продолжалось до его смерти, предположительно, в 1757 г.

Бекей и Чабай/Шабай
(??? – 60-е гг. XVIII в.)

Знатные и весьма влиятельные чеченские уздени-братья, формальные вассалы князя Расланбека Айдемирова. Вследствие построения царскими вла-

стями укрепления на правом берегу Терека на Терском хребте и вмешательства в отношения между чеченскими обществами и их горскими соседями взяли на себя подготовку вооруженного противодействия империи. В частности, они организовали нападения на т.н. Червленский редут и казачьи станицы.

Чабай был схвачен в Кабарде с «возмутительными» обращениями и передан в Кизляр, что вызвало в центральной части Чечни взрыв негодования и массовые набеги на военную линию. Чеченцы поднимали на бунт и «другие горские народы…».

После долгого обсуждения в Санкт-Петербурге и Кизляре в Чечню в апреле 1758 г. была направлена военная экспедиция генерала фон Фрауендорфа, а в ответ на Чеченской равнине стало собираться национальное ополчение, также подтягивались союзники из Кумыкии и Нагорного Дагестана. Простояв до мая месяца, царские войска, так и не вступив в сражение, вернулись в Кизляр, признав, что восставшие «в покорение не пришли». Чабай был отпущен, Червленский редут срыт, чеченцы вернули всех пленных солдат и казаков, и в конечном счете мирные отношения были восстановлены.

Бекей упоминается после большого перерыва в июле 1771 г. как получатель письма от аварского военачальника Магомед-Нуцала с призывом принять участие в военном походе в Закавказье. Из этого письма мы узнаем, что он именуется «Бек-аджи (хаджи)» – званием человека, совершившего паломничество в Мекку.

Мухаммад-хаджи
(ранее 1762 – по начало XIX в.)

Мухаммад-хаджи – видный религиозный миссионер западно-чеченских и ингушских обществ второй половины XVIII в. Судя по всему, жил в Эндирейском княжестве Северного Дагестана, где исторически было много чеченцев.

Несколько горных чеченских обществ на западе Чечни (Галанчожское ущелье) в середине века оставались еще неисламизированными. Где-то после 1762 г., когда эндирейский старший князь и покровитель галанчожских карабулаков-арштхойцев (пытавшихся обосноваться на плоскости) Муртазали-Аджи обещал построить в их земле мечеть и определить муллу, к ним был направлен религиозный авторитет «хаджи Мухаммад, чтобы он обучил [их] исламу и воспитал».

Спустя какое-то время, как указано в другом документе, Мухаммад написал князьям: «Сейчас … (карабулаки. – *Я.А.)* стали [настоящими] мусульманами…, а поэтому их имущества (мал) и их души стали запретными для нас, согласно тексту Корана и сунне, …».

Следует отметить, что окончательное утверждение ислама в Карабулаке затянулось, по крайней мере, до конца XVIII в. (им угрожал даже шейх Мансур, требовавший неукоснительного исполнения шариата). Позже кара-

булаки уже сами послали мулл из своей среды в другое чеченское общество – Галашки. Горные аккинцы в тот же период заимствовались муллами от равнинных чеченцев.

Мухаммад-хаджи предпринимал энергичные усилия и по исламизации язычников-ингушей. К 1809–1810 г. он основал для равнинных ингушей аул Назрань на плоскости, построил в нем мечеть и определил мулл из Чечни.

Алисултан Казбулатов
(???–1774/75 г.)

Влиятельный чеченский феодал в 30-х гг. XVIII в. пытался вместе с отцом, а после его смерти в 1732 г. с братом Алисултаном утвердить верховенство фамилии в Чеченском княжестве. В начале русско-турецкой войны (1768–1774) открыл с узденями военные действия против российских сил на Тереке, но в феврале 1770 г. генерал де Медем совершил экспедицию в Чечню (которую сопровождал Расланбек Айдемиров) и разбил в сражении отряды Алисултана, который выдал заложника и принял присягу подданства с сыновьями и племянниками.

Алисултан с детьми и внуками имел 60 дворов холопов и двести узденей-вассалов, что давало ему «пред протчими силу и власть».

В 1770 г. по старшинству лет был избран главой дома Турловых и оставался старшим князем до своей смерти в 1774 г.

Расланбек/Арсланбек Айдемиров
(ок. 1727–1784).

Старший чеченский князь (первое правление – с 1757 г. по 1769/70, второе – в 1775–1784 гг.). В отличие от большинства представителей своей фамилии, заключавших необычные для Чечни кросскузенные браки, женился на кабардинской княжне.

По меркам своего времени, был весьма богат, имел десятки семей холопов, трудившихся на его земле и сотни узденей-дружинников.

Постоянно лавируя между подвластными (находящихся в состоянии перманентного бунта из-за недовольства своими соседями и царскими властями на Тереке) и царскими комендантами на Северном Кавказе, требующими от него доказательств верноподданности, пытался сохранить и умножить положение своей семьи.

Он ежегодно получал в знак расположения России через кизлярских комендантов 50 руб. в год, а 20 его узденей – по 5 руб. (примерно цена средней лошади). На левом берегу Сунжи им было основано селение Новый Чечен, а во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он участвовал со своим отрядом в походе русской армии на Кубань.

К концу его правления авторитет княжеской власти сошел на нет, и царские власти даже перестали брать аманатов от представителей княжеской фамилии Турловых, предпочитая брать детей из влиятельных семей старшин и узденей.

Нугай-мурза-хаджи
(??? – 80–90-е гг. XVIII в.)

Во главе духовенства отдельных обществ Чечни XVIII столетия стоял так называемый «духовный начальник», скорее всего, один из мусульманских богословов-алимов. В чем заключалась конкретная деятельность подобных краевых руководителей, источники не сообщают. В 1783 г. таким «начальником» в плоскостной Чечне назван «аджжи Нугай мурза».

В крупных аулах, где было несколько мечетей, а мечетей чеченцы имели «в каждом селении, сколько обитает в оные фамилии» (имеются в виду тайпы. – *Я.А.*), один из мулл избирался в кадии: «Первенствующий в селении называется кади, то есть судья; на место умершего духовного избирается старейшими в фамилии другой достойный, причем не уверяются той ли он фамилии или другой, лишь бы был природный чеченец». В маленьких селениях обыкновенно имелись только «муллы». Подобные муллы «окружных деревень» подчинялись, как правило, кадиям аулов «многолюдных».

Источники конца XVIII в. называют имена и других исламских авторитетов Чечни: Бисултан-хаджи, Бутык-хаджи, Умар-хаджи, Хамби-хаджи и др.

Список использованных источников и литературы

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. – СПб., 1869.
2. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988.
3. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. – Грозный, 1991.
4. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки-брагунцы // «Возрождение». № 5. – Махачкала, 1999.
5. Гильденштедт И. А. Путешествия по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб., 2002.
6. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. – Махачкала, 2006.
7. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. – М., 2009.
8. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Вып. III. – Нальчик, 2010.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 4-х т. Т. II. История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. – Грозный, 2016.

Ахмадов Я.З.

ПЕРВООСНОВАТЕЛИ ЧЕЧЕНСКИХ АУЛОВ ПО ЛЕВОБЕРЕЖЬЮ ТЕРЕКА И ПЕРВЫЕ ЧЕЧЕНСКИЕ ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ СЛУЖБЫ (конец XVIII в.).

Процесс расселения чеченцев по Чеченской равнине, протекавший в XVI–XVIII вв., привел и к резкому демографическому росту населения, которое стало постепенно переходить на правобережье Сунжи и занимать Притеречную долину по левому берегу Терека. Так, в 1782 г. более сотни семей из обширного селения Гехи во главе с старшинами ***«Казия, Кан-булата, Нулука, Буртакая, Козламата и Пуча»*** собирались переселиться на левый берег Сунжи «против станицы Наурской», но ограничились основанием аула Кулары на левом берегу Сунжи.

В 80-х гг. XVIII в., с усилением антифеодальных настроений в чеченском обществе, начался исход князей фамилии Турловых на свободные земли по Тереку.

По данному поводу известный знаток прошлого народов Кавказа П.Г. Бутков писал, опираясь на документальные источники: «Сии владельцы (***Муса Расланбеков, Магомед и Муса Турловы, потомки братьев Алисултана и Алибека Казбулатовых***. – *Я.А.*) … основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в противоположности гребенских и моздоцких казачьих станиц, как-то девлетгиреевцы (аул Девлет-Гирей-Юрт, основанный Девлет-Гиреем Бековичем Черкасским. – *Я.А.*) … имели в 1784 году 400 дворов, Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове выгнанные… имели в двух селениях 400 дворов, Кайтуковцы, Терловы… против Наура основали два селения; казбулатовцы… основали селение около Наура близ Терловых».

Выясняется также, что из-за нехватки чеченских князей привлекались на Терек и близкие к чеченцам кумыкские князья. Тот же представитель семьи шамхалов Тарковских ***Алхасов Али***, пригласив чеченцев, основал в 1798 г. напротив станицы Галюгаевская селение Али-Юрт.

В прошении ротмистра У. Лаудаева от 1862 г. говорилось, что «его прадет ***Ногай-Мирза***… переселился (из общества Чермой в Нахч-Мохке. – *Я.А.*) на Терек, где [основал] тот аул… Ногай-Мирза-Юрт»[117]. Это был, пожалуй, самый западный аул в истории расселения чеченцев на плоскости на рубеже XVIII–XIX вв.

Заселены были надтеречные селения, по мнению видного этнографа Н.Г. Волковой, главным образом, нохчмахкхоевскими фамилиями, но имелись и выходцы из приаргунских и галанчожских горных обществ, из сел Кумыкии и даже Нагорного Дагестана.

В конце столетия появились первые офицеры императорской армии из чеченцев. В 1794 г. в Нижегородском драгунском полку в Кизляре начал службу в чине вахмистра будущий герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор, чеченец ***Александр (Али) Николаевич Чеченский-Раевский*** (приемный сын видного военного и государственного деятеля России Н.Н. Раевского). Родом он был из чеченского селения Алды (БугIан-Юрт) на р. Сунжа.

В 1797 г. чин прапорщика получил некий ***«Улумо Мудо-Рук Саидов… [который] живя с народом около реки Терека принес с ним покорность правительству»***, а его сын ***Ганжу Саидов*** был произведен в поручики. Также во время «Персидского похода» русской армии в Прикаспий в 1796–1797 гг. под командованием Валерьяна Зубова офицерские чины получили чеченцы ***Цуцу Жанбатырев и Мурза-бек Али-Султанов***.

Список использованных источников и литературы

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. Сб. док. – М., 1959.

2. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. – Грозный, 1961.

3. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974.

4. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. – Грозный, 1991.

5. Духаев А.И. Генеалогия князей Турловых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей. Вып. VIII. – Владикавказ, 2016.

6. Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. – Грозный, 2012.

Ахмадов Я.З.

ШЕЙХ МАНСУР – ПЕРВЫЙ ИМАМ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(ок. 1760 – 13 апреля 1794)

В марте 1785 г. на территории Чечни началось самое мощное в истории региона народно-освободительное движение, которое впервые охватило весь Северный Кавказ. За короткое время оказались затронутыми, прежде всего, соседние с Чечней районы: Северный Дагестан (Кумыкия), частично Нагорный Дагестан, Кабарда. Во главе движения стал выходец из рядовой узденской крестьянской семьи, чеченец из селения Алды по имени Ушурма.

Среди широких народных масс Кавказа, как и в документальных источниках и литературе, руководитель народно-освободительного движения на Северном Кавказе в 1785–1791 гг. Ушурма более известен как шейх Мансур.

Биографические сведения об Ушурме довольно скудны и противоречивы. По свидетельству дореволюционного историка, академика Н.Ф. Дубровина, «действительное имя его было Учерман, переделанное нами (русскими. – *Авт.*) сначала в Ушурму, а потом – в Мансура. Его также называли «Алдара имам» («алдынский имам»).

Мансур принадлежал к нохч-махкхойскому роду (тайп) Элистанжхой, выходцы из которого занимали квартал в равнинном сел. Алды на Сунже.

По данным историка Ш.Б. Ахмадова, молодой чеченец начал свою сугубо религиозную деятельность еще в 1783 г. В следующем 1784 г. добился

признания себя высоким религиозным авторитетом – «шейхом», а с 1785 г., открыто возвестив свою религиозную и политическую доктрину, добился достоинства имама – религиозного и светского предводителя мусульман.

Политическая деятельность молодого чеченца началась весной 1785 г., а на момент выступления, по данным русской агентуры, Ушурме было 26 лет, из чего следует, что Ушурма родился в 1760 г. Кстати, и сам Ушурма в своих показаниях, данных в плену 28 июля 1791 г. обер-секретарю Тайной экспедиции Шешковскому, сообщил, что ему более тридцати лет.

В отличие от даты рождения, сведения о месте рождения и социальном происхождении Ушурмы довольно единодушны. Родился будущий имам мусульман Северного Кавказа приблизительно в 1760 г. в чеченском селении Алды в небогатой семье крестьянина Шабаза («Шебессе») из фамилии Элистанжи. Звали его Ушурма, имя Мансур он принял уже взрослым человеком. Его родители, выходцы из общества Элистанжи Ичкерии (Нохч-мохк), давно, до рождения Ушурмы, переехали в село Алды. У Ушурмы имелись братья Танти и Тычай, которые были еще живы в момент его пленения. По местным обычаям и традициям, Ушурма с ранних лет стал изучать арабский язык и Коран. Горцы не считали изучение арабского языка легким делом, но Ушурма показал себя щедро одаренным от природы мальчиком.

Вассан-Гирей Джабагиев в своем развернутом очерке о Мансуре, написанном на основе турецких источников, утверждал, что Мансур учился «сначала в мечетской школе, а затем, будучи молодым человеком, отправился в Дагестан, чтобы закончить там свое духовное образование у самых известных теологов». Потому уверения Мансура, что он «темный (необразованный) человек» относятся, скорее, к разряду комплиментарных к учености других, действительно глубоких богословов к советам, к которым он постоянно обращался.

В течение нескольких лет Мансур смог распространить свое влияние не только в Чечне, но и в Дагестане, Северном Азербайджане, Кабарде, Адыгее, среди ногайцев, кочующих за Тереком и Кубанью, и даже за Волгой, среди «киргиз-кайсацких» народов, под которыми подразумеваются казахи. Известно, что Мансур предлагал казахам осадить Астрахань – важнейший русский город на Волге и Каспии. В турецких крепостях Причерноморья взбунтовались гарнизоны вследствие слухов о появлении нового «пророка». Возможно, Мансуру помогала организация мюридов религиозного ордена Накшбанди, распространенного по всему Востоку.

Действия Мансура и его учение знаменовали настоящий переворот в общественном сознании чеченцев: «Наложив на страну трехдневный пост (мархa), он (Мансур. – *Я.А.*) с приближенными своими (муриды) стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славославия). Жители выходили к нему, каялись перед ним в грехах и обращались к тоба (покаянию), обязы-

вались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, (не курить табака, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу). …Народ признал Мансура своим устасом, т.е. ходатаем перед богом: целовали полы его одежды и так увлеклись религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самою кровь…».

Следует отметить, что движение имама Мансура изначально содержало элементы глубокой пропагандистской работы по привлечению горских масс на свою сторону через десятки писем, прокламаций и воззваний. В свою очередь, и российское правительство, осознав опасность для себя, развернуло против Мансура и его сторонников невиданную в истории русско-горских отношений информационную войну.

Решив подавить движение в самом зародыше, пока оно не приняло еще больших масштабов, царское командование предписало направить из Кизляра «в самое сборище Ушурмы» военные силы под командованием полковника Пиери, поручив ему разгромить лагерь повстанцев в Алдах и захватить новоявленного «лжепророка» в плен.

Царский отряд, насчитывавший около трех тысяч солдат и офицеров, вышел к аулу и, несмотря на мирные предложения Мансура, сжег Алды, ограбил все имущество жителей и направился обратно к переправе на Сунже. Во время движения обремененного добычей полка Пиери колонной через лес горцы окружили его и в жестоком кинжальном бою уничтожили вместе со своим командиром.

Таким образом, первое столкновение царских войск с повстанческими силами Ушурмы (Мансура) оказалось для царского командования роковым. Отряд Пиери, насчитывавший в целом в своем составе до 3000 солдат, офицеров и казаков, потерял 2 орудия, лишился 13 офицеров (убитыми и взятыми в плен) и 740 нижних чинов. Из общего числа 162 человек, взятых восставшими в плен, в разное время все были выкуплены царскими властями. В числе пленных оказался и раненый унтер-офицер, князь Петр Иванович Багратион. Он был возвращен чеченцами без выкупа в знак уважения к его личной храбрости и происхождению из рода грузинских царей. В этом походе двадцатилетний Петр Багратион был адъютантом Пиери. Князь Петр Багратион стал впоследствии генералом от инфантерии, прославился в Отечественной войне 1812 г. как талантливый полководец и умер от ран, полученных в Бородинском сражении.

Что касается потерь со стороны восставших горцев, то, согласно рапорту генерал-поручика Леонтьева на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 19 июля 1785 г., якобы более 300 горцев было убито, в числе которых был и родной брат Ушурмы, а также до 40 человек «почетных» (знатных) чеченцев.

Первый этап движения шейха Мансура – от начала открытой проповеди до вооруженного столкновения – занял всего 4 месяца. И это была не

просто первая и серьезная военная неудача царизма на Северном Кавказе. В чем ее значение, ведь в той же Европе при столкновении массовых армий в один день гибли десятки тысяч людей и решались судьбы государств? Просто событие под чеченским селением Алды не имело права произойти ни при каких условиях. Это было первое полное поражение, понесенное регулярной воинской частью европейского типа в бою против иррегулярных сил (тем более, значительно уступавших в численности). Такого еще не знала новая история Кавказа, да и вся история колониальных войн европейских стран XVIII столетия в мире.

Весть о победе повстанческих сил меньшей численности над превосходящим регулярным военным соединением Российской империи под с. Алды громом пронеслась от Каспия до Черного моря. Алдинское сражение сыграло огромную роль в подъеме антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Северного Кавказа и высоко подняла авторитет руководителя борьбы – шейха Мансура. Все теперь зависело от того, как Мансур использует свою первую военную победу в дальнейшей борьбе.

Тот факт, что иррегулярные силы горцев разгромили регулярный полк европейской выучки, что было впервые на Кавказе в XVIII в., сыграл огромную роль в подъеме начавшейся борьбы горцев и поднял авторитет руководителя этой борьбы Мансура на невиданный уровень.

15 июля 1785 г. состоялся первый поход повстанцев на важнейшую на Северном Кавказе крепость Кизляр. Горцам, насчитывавшим в своих рядах более 5 тысяч человек, так и не удалось овладеть штурмом достаточно сильное укрепление. Зато другое небольшое укрепление царских войск – Каргинское, расположенное в пяти верстах от Кизляра, – было восставшими захвачено и сожжено. Так началась «священная война» шейха и имама Мансура, необыкновенно сплотившего чеченский народ и всех горцев Северного Кавказа.

В ходе движения Мансур не только формировал повстанческие отряды, но и, что весьма важно, попытался наладить их комплектование и снабжение: каждая «мечеть» (имеется в виду квартальная мечеть, т.е. каждый квартал) должна была выставить по 10 человек для его войска с полным обеспечением. Для содержания постоянного войска местное население было обложено специальной податью. Духовенство приняло «установление», чтобы народ «имел повиновение» только Мансуру. Были вновь заключены соглашения с соседями-язычниками, на этот раз с карабулаками и ингушами, по склонению их к исламу. Таким образом, речь объективно шла о некоторых государствообразующих решениях.

Несколько раз вступив в кровавые сражения с царскими войсками в 1786 г., Мансур заставил имперское правительство, несмотря на даже свои

неудачи, снести ряд крепостей южнее Терека, включая Владикавказ, загнал все воинские отряды в крепости и станицы, где они засели в глухой обороне. Более того, Петербург был вынужден вывести войска из Грузии, куда они были введены столь торжественно. Но первоначальный подъем на Северном Кавказе сменился разочарованием, и горцы, в т.ч. и чеченцы, стали расходиться к осени по домам. Имам Мансур был вынужден уйти зимой 1787 г. на Северо-Западный Кавказ, где адыги и ногайцы немедленно провозгласили его своим вождем и собрали под его знамена тысячи конных воинов.

На последнем этапе народно-освободительного движения в 1788–1791 гг. Мансур, находясь среди турок в Анапе, продолжал вести переписку с единомышленниками на Северном Кавказе, стремясь поддержать там накал движения. Его письма и послания были адресованы, главным образом, соотечественникам – чеченцам, а также в Дагестан и Кабарду. Известно, что в 1788 г. произошел ряд чеченских набегов на Моздокскую линию по Тереку.

Вопреки утверждениям некоторых авторов, Мансур не оставался безвыездно среди турок до 1791 г., а ездил в середине 1790 г. в Чечню и сразу же приступил к мобилизации горцев, в частности, чеченцев и дагестанцев, для нападения на Кизляр, но вскоре вернулся в Адыгею. В июле 1790 г. беглый солдат, побывавший в Чечне, показал, что он видел в сел. Алды «Ших-Мансура», который получил письмо от турецкого Батал-паши, в котором он просил приехать имама в Анапу и взять на себя командование «горскими войсками».

После разгрома турецкого войска Батал-паши за Кубанью 30 сентября 1790 г. Мансур снова ушел в Анапу, и обратился с последними воззваниями к горцам Северного Кавказа.

В июне 1791 г. царские войска штурмом овладели Анапой.

Взятый в плен Мансур, как «бунтовщик», был отправлен в Петербург, где допрашивался в Тайной экспедиции. После был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи».

Умер Мансур 13 апреля 1794 г.

Мансур никогда не принадлежал к «местной мусульманской духовной элите». До его ухода в Закубанье летом 1787 г. ни в каких «проосманских симпатиях» он замечен не был (во всяком случае, в источниках это не отражено). А вопрос о том, был ли Мансур официально шейхом братства Накшбандия, остается открытым, хотя, судя по всему, он разделял некие суфийские правила. В советские времена Мансура не раз и совершенно необоснованно и несправедливо обвиняли в том, что возглавленное им движение носило якобы антирусский характер. Антирусских мотивов нет ни в одной из проповедей Мансура. Он призывал лишь к борьбе за свободу, к борьбе против царских властей, которые в конце XVIII в. пытались насиль-

ственными методами установить в крае свое господство. Именно поэтому Н.И. Покровский подчеркивал, что в проповедях Мансура «нет ни национальной вражды, ни национальной исключительности, и для своего времени на Кавказе – это редкость».

Социальная программа Мансура была крайне расплывчатой и в ней трудно проследить четко и ясно оформленные антифеодальные лозунги, не говоря уже об антифеодальных действиях. Более того, в восстании Мансура активное участие приняли целый ряд дагестанских и кабардинских феодалов. Когда Мансур появился в Кабарде, «недовольные своими владельцами уздени и простой народ с радостью приняли предложение Мансура, надеясь при его посредстве избавиться от деспотического правления своих князей». Однако имам обратился не к простому народу Кабарды. Он остановился у одного из князей – Дола, и приглашал к себе князей и владельцев, многие из которых пошли на его зов. В переписке и в сотрудничестве с Мансуром отмечены многие феодалы Дагестана, особенно кумыкские. «Стремясь к наибольшему накоплению сил, Мансур блокировался с кабардинскими, кумыкскими и дагестанскими владетелями. А эти последние, рассчитывая получить в результате победы имама политическую независимость при сохранении в полном объеме возможностей эксплуатации своих «подвластных», выступили против царизма, прикрываясь, впрочем, фиговым листком верноподданнических писем и недостоверных оправданий».

Итак, основной мотив в движении горцев конца XVIII в. под руководством Мансура – борьба за свободу, сохранение независимости, укрепление пуританского ислама.

Взгляды государственных деятелей России, в связи с отсутствием «покорности» горцев (несмотря на вековые военные усилия), которые оказались к тому же способными на крупные военные действия и определенную степень организации, что проявилось в движении под руководством шейха и имама Мансура, претерпевали определенную эволюцию. На первый план выдвигалась, пока еще гипотетическая, идея создания некоего федеративного кавказского государства, дружественного России. Эта мысль о мирном «приращении» горских народов к России была выражена в официальном документе «Положение о горских народах», одобренном еще Екатериной Второй, и получила своеобразное дальнейшее развитие в рескриптах ее наследника Павла Первого от 1797 г., полагавшего возможность создания из множества местных народов «федеративного» кавказского государства под его верховным протекторатом.

Таким образом, значение такой фигуры, как имам Мансур, состоит не только в том, что он во многом перевернул общественное сознание горских народов от Каспия до Черного моря, показав им силу единства, а практически отодвинул присоединение Северного Кавказа и Закавказья к Российской

империи на следующее столетие. Более того, он заставил Российскую империю корректировать свою внешнюю политику.

Движение шейха и имама Мансура в его национально-освободительном и религиозном формате своеобразно завершает и оформляет развитие чеченского народа в единую нацию и единую страну в своеобразных условиях горского мира того времени. Именно Мансуру мы обязаны прямыми попытками в самых первых чертах создать чеченское и общегорское государство на идеологической базе единой религии – ислама.

Поэтому шейха Мансура называют предтечей имамов XIX в., а великий государственный деятель и военачальник Шамиль считал его своим учителем и вдохновителем.

Это был и первый чеченец, который, начиная с 1786 г., получил известность в Западной Европе как великий мусульманский вождь.

Список использованных источников и литературы

1. Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Т. 18. – Орджоникидзе, 1932.

2. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. – Алма-Ата, 1975.

3. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях) / Под ред. В.Г. Гаджиева. – Махачкала, 1994.

4. Умаров С.Ц. «Информационная война» царской администрации на Кавказе в связи с восстанием шейха Мансура // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Грозный, 1992.

5. Джабагиев Вассан-Гирей. Свободный Кавказ. – Назрань-М., 2007.

6. Мусаев Алаудин. Шейх Мансур. – М., 2007.

7. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд. – Элиста, 2010.

Тесаев З.А.

СУЛА
(XI–XII вв.)

Сула, или Сура (он же Турпал, ГIа), согласно нашхинской хронике и устным преданиям, проживал на горе *Суьйра-Корта* в черте нынешнего города Грозного. По преданиям, прибыл из Сирийской провинции Византии около тысячу лет тому назад. В одном из источников сообщается, что это был «…богатый и сильный человек и поселился на этой горе со своими стадами овец и скота». Путь Сулы, предводительствовавшего отрядом воинов, шел с запада через город Джулат (Татар-Туп). «Подстрекаемый честолюбием и беспокойным нравом, – пишет А.Д. Берже, – Турпал покинул родину и отправился вместе с приверженцами искать счастья на чужбине… Легенда застает их водворившимися в Кабарде (анахронизм, ошибочное отнесение геополитической ситуации в регионе после XV века к более раннему периоду; в XI–XII веках кабардинцы проживали на Дону и на Тамани *(Кизил-Таш)* у устья Кубани. – *З.Т.*), в месте, носившем название Татар-туп (Верхний Джулат; по-видимому, возник в средневековый период; в X–XII вв. здесь жили и несли службу аланы, охранявшие Эльхотовские ворота. – *З.Т.*), т.е. татарский стан. Близкое соседство этой беспокойной колонии не могло не встревожить владетельных Кабардинских князей… …Турпал укрепился в Татар-тупе… …они (князья. – *З.Т.*) предложили ему вступить в брак с их сестрою; Турпал охотно согласился… Вскоре у Турпала родился сын. Обстоятельство это имело своим последствием то, что Кабардинские князья, явившиеся приветствовать новорожденного, уговорили Турпала… отправиться в страну, лежащую по ту сторону Терека, где, говорили они, местность менее населена, и, следственно, ему и его челяди будет более простору. Турпал согласился, и его с большим почетом проводили до Сунжи (где и расположена гора Суьйра-Корта. – *З.Т.*). Там он основался навсегда, и со временем племя его распространилось». Согласно данному изложению А. Берже, Турпал, или Сула, из Шама (византийская провинция в XI веке) явился в Джулат (Эльхотово), женился на кабардинской княжне, а затем поселился на Сунже.

По всей видимости, на Сунже Сула вступил в земельный конфликт с местными владетелями; возникла вражда, приведшая к сражению в границах современного города Грозного. Воины Сула чуть было не взяли верх над противником, однако подоспевшая к нему подмога из гор способствовала победе последних: Сула был потеснен на гору Суьйра-Корта, а затем и вовсе спешно отступил.

Пораженный отряд Сулы был вынужден уйти в горы и устроить свое временное жилище в Галанчоже. Известно, что со временем он поселился

в горах между заложенными позже аулами ЧIармаха и Муше-Чу, устроившись внутри пещеры, и ныне носящей его имя, – *Сула-хьех*. Также имя Сула носит родник *Сула-хьост* и склон *Сула-басе*.

В семейной хронике рода ГIарби-некъе сообщалось, что Сура (он же Сула) прибыл на Северный Кавказ и изначально поселился на горе *Суьйра-Корта*. У Сула было 8 сыновей, в том числе ГIарби. А у последнего, поселившегося в *Нашхе*, 7 сыновей, в числе которых был «Нашхо». При этом известно, что ГIарби находился в контактах с греками («джелти»), отстроил с их помощью целый ряд крепостей и был женат на черкесской княжне и ее прислужнице.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Средневековый герой Сула и некоторые аспекты этногенеза чеченцев в XI–XII вв. / З.А. Тесаев // Рефлексия. – 2019. – № 3. – С. 55–61.

Тесаев З.А.

ГІАРБИ
(XI–XII вв.)

ГІарби – сын Сулы, считается первым поселенцем в области *Нашха*. Башня *ГІарби-гІала*, по-прежнему носящая его имя, расположена близ местности Моцарой, и встроена в отвесный склон горы *Нашхой-Лам*, представляя собой неприступное укрепление. Взобраться в нее можно лишь по веревке или веревочной лестнице, сброшенной с самой башни.

Согласно сведениям рода ГІарби-некъе, ГІарби был основателем сигнально-оповестительной системы, протянувшейся с места выхода реки Гехи на плоскость (урочище Зарган-чу, близ с. Гехи-Чу) вверх через ущелье Гехи к месту слияния речек Хилахой-Гиха и Хайбахой-Гиха и далее до горы *Хьалха-Лам* южнее аула Хайбах. Всего речь идет о 13 укреплениях (сигнальных башнях). По некоторым полевым источникам, основными строителями этих башен были *джелты*.

Причиной сооружения сигнальной системы, разумеется, были соображения безопасности и защиты. Возможно, что угроза с плоскости для новых поселенцев *Галанчожа* (потомков Сулы и его сподвижников) была связана не только с местными феодальными кругами (как известно, Чеченская равнина контролировалась Аланским царством, уже в XII веке погрузившимся в состояние тяжелейших междоусобных войн), но и с угрозой с Предкавказской степи. Опасность вторжения с севера нависла из-за длительных войн с кипчаками, или половцами, позднее подошедшими к Сунже и ведшими войны как с плоскостными жителями Центрального, Северо-Восточного Кавказа и Закавказья, так и с горцами. Возможно, именно они именуются в текстах грузинских авторов «хазарами»[1], для защиты от которых в горах Дурдзукии (одноименный город Зурзакъа, который располагался у входа в Аргунское ущелье близ современного с. Улус-Керт), как свидетельствуют летописи, стали обустраивать оборонительные замковые комплексы. Таким образом, византийцам (джелтам) и грузинским Багратидам было крайне важно обеспечить оборону собственных земель, оказывая посильную помощь своим естественным союзникам – горным чеченцам. Последние путем укрепления северных покатостей Кавказа замками у входов в ущелья гор становились щитом, которым закавказцы защищались от кочевников. Это косвенно указывает на союзнический характер горных чеченцев и греко-византийцев (а также горцев Закавказья). Вместе с тем, достоверно известно, что сама

[1] «Хазария» фигурирует как команская, т.е. кипчакская область у Марко Поло (XIII в.), Франческо Пеголотти (XV в.), Иоанна де Галонифонтибуса (XV в.), Иосафата Барбаро (XV в.) и др.

башенная культура представляет собой чеченское средневековое каменное зодчество, а упоминание «джелтов» в отдельных эпизодах указывало на ассимилировавшееся чеченское население; в других случаях – на наем греко-византийских мастеров для строительства сооружений. Интересно также, что в преданиях, связанных с крепостью *ГIарби-гIала*, описывается орудие, упоминаемое в греко-римских текстах под названием «скорпион» (стационарный крупный дальнобойный арбалет).

ГIарби был женат на черкесской, или кабардинской, княжне (названной в одном из преданий калмыцкой ханшей, похищенной им в *Бештаге* – Пятигорье), а также на ее прислужнице. Путаница с «кабардинским» и «калмыцким» происхождением вполне соответствует духу времени: в ногайской песне, посвященной временам золотоордынского правления (XIV–XV вв.), сообщается о некоем «калмыцком хане Кабардыне». А в чеченских преданиях по отношению к кабардинцам применяется термин «калмыки» для описания событий, по крайней мере, 1-й половины – середины XVI века.

ГIарби (прозванный Турпалом) был отцом семерых сыновей (их «имена», по-видимому, представляют собой топонимы, т.е. названия местностей, где они поселились; порядок перечисления как в рукописи Мударовых): ЦIечо, Нашхо, Ирберд, ЧIебарло, МIайсто, Гуно и Окхло. Согласно имеющимся преданиям, сопоставляя их со сведениями наших информаторов, Гуно, Нашхо, Окхло, ЦIечо и ЧIебарло были детьми – от одной, а Ирберд и МIайсто – от другой жены. Гуно поселился в *Нохчмохке*, Нашхо (в действительности – Нашо, он же Турпалан Нахчо, или Турпал-Нахчо) – в Галанчоже, ЧIебарло – в Чеберлое, а Окхло и ЦIечо ушли на запад, в ущелья Ассы и Мартанки, соответственно. МIайсто и Ирберд ушли к подножью снеговых гор, причем Ирберд перешел Кавказский хребет и обосновался на его южных отрогах, а МIайсто устроился у горы *Туьлой-Лам*, или *Дакуох-Корта* (Тебулосмта).

Деятельность ГIарби относится ко времени существования в горах племенного союза Дурдзукия, находившегося в тесных отношениях с Грузией, которая после нашествия сельджуков на Переднюю Азию, сохраняя связь с Византией, стала главным православным центром на Северном Кавказе. Грузия не только поддерживала союзные отношения с чеченцами Дурдзукии, но и помогала ей в проведении оборонительных мероприятий. То же касается греков, продолжавших свою деятельность в регионе. По всей видимости, ГIарби, ставший героем (Турпалом), находился в контактах с Грузией и византийцами, населявшими ее.

В черте аула ТIийста в *Нашхе* по-прежнему существуют башни, которые имеют совокупное название *ГIарби-гIаланаш*, не считая другой упомянутой выше башни близ Моцароя – *ГIарби-гIала*, или *ГIараби-гIала*. Кроме того, во владениях аула Муше-чу известен микротопоним *ГIараби хьаькханчоь*, что вновь указывает на ГIарби.

Таким образом, деятельность ГІарби, пик которой, очевидно, приходится на первую половину XII века и частично совпадает со временем правления грузинского царя Давида IV Строителя, связана с чеченским горным государствообразованием Дурдзукия. Примечательно, что ее одноименный город (возможно, столица или культурный центр) располагался у входа в Аргунское ущелье (с. Улус-Керт), однако, надо полагать, в 1-й половине – середине XII в. (время феодального гнета в Алании и агрессивных действий ее военной знати против родовых землевладельцев и рядовых крестьян) этот центр был перенесен в *Нашху*, где и проводил свою активную строительно-укрепительную работу ГІарби, прозванный Турпалом.

Список использованных источников и литературы

1. Записал З.А. Тесаев со слов С.Д. Гаева (1939 г.р.). – Гехи-Чу, 2013.
2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.
3. Записал З.А. Тесаев со слов С.А. Мударова (1953 г.р.). – Рошни-Чу, 2019.
4. Записал З.А. Тесаев со слов А.Х. Амагова (1929 г.р.). – Рошни-Чу, 2016.
5. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII–XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. – 2017. – № 6. – С. 51–64.
6. Шавхелишвили А.И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения (с древнейших времен до конца XVIII века). – Тбилиси: «МЕЦНИЕРЕБА», 1992. – 233 с.
7. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост.: В. Аталиков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Вып. III. – 304 с.
8. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
9. Тесаев, З.А. Мехк-Дай: народные правители Чечни (XVI – 1-я четв. XVIII в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 432 с.: ил., карт.
10. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1859. – VIII, 140, [1] с., [1] л. карт.
11. Тесаев, З.А. Турпал Нахчо и антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Архивный вестник (АУП ЧР). – 2017. – № 5. – С. 33–47.

Тесаев З.А.

КУШУЛ
(XII в.)

Кушул вместе с героями Турпалом-Нахчо и Сунтаром жил в XII веке и был одним из руководителей в пока еще назревавшем крупном антифеодальном движении на территории современной Чеченской Республики. В одном из источников сообщается следующее: в *Нашхе* поселился Курха (в сообщении прослеживается миграция героя с Закавказья на Северный Кавказ), вытесненный феодалами с реки Гумс. Здесь, в *Нашхе*, вырос его наследник Хьамбалха, у которого было двенадцать сыновей, в том числе: Хьаматха, ТIелипха, ШаIеха, Ширдалха, Гуьндаргха и другие. У Хьаматха были сыновья Кушул, ТIелип и ШаIа, которых отец направил в *Нохчмохк*, дабы они закрепились там, отторгнув земли у феодалов-захватчиков.

Кушул отправился к берегам реки Гумс, однако местные владетели не позволили ему осесть здесь. Не желая покидать *Нохчмохк*, он укрылся в пещере одной из лесистых гор и закрыл вход в нее камнем с фундамента Курбашни, принадлежавшей прежде его отцам. Здесь Кушул жил сам и скрывал свое имущество – отару овец. Феодалы, выведав место поселения Кушула, поняли, что им не удастся силой одолеть его, и через некоторое время обманом ворвались в пещеру и убили Кушула, бросив его тело на съедение зверям.

Супруга Кушула была сестрой убийц. Братья вернули ее домой, а их мать, увидев, что у дочери во время торжественных мероприятий закружилась голова, а затем она упала в обморок, сказала своим сыновьям: «Одного врага вы убили, а другого породили. – И добавила: – Ваша сестра беременна». Вследствие этого вдова Кушула вернулась к брошенному телу мужа, похоронила его, а затем обратилась к братьям со словами: «Если вы потревожите покойного (т.е. оскверните тело убитого), я расскажу об этом его ребенку; если [родится] сын, он отомстит вам, а если дочь – она будет проклинать вас».

Когда же вдова Кушула родила ему сына, ее братья собрались, чтобы наречь племянника, однако мать назвала мальчика именем Курчалха. Затем, взяв ребенка, она ушла к братьям его отца, которые приняли их. Когда же Курчалха вырос, он убил нарта Гумса и его семерых сыновей (возможно, это и были его кровники), поселившись у реки Гумс со своими родственниками, из чего следует, что Курчалха был современником и сподвижником Турпала-Нахчо (см. далее). Все перечисленные события, возможно, относятся к середине – 3-й четверти XII века.

А.С. Сулейманов, описав генеалогическое древо курчалинской фамилии, указывал на исход Кушула в *Нохчмохк* из *Нашха* (примечательно, что

на ю.-з. окраине Нижнего Курчали имеется родник *Нашха*), а Курчалхан, писал этнограф, приходился ему сыном. Как было указано выше, у Кушула были братья ТIелип и ШаIа, хотя существует и другое мнение, согласно которому двое последних приходились ему сыновьями, а не братьями. Как бы то ни было, после изгнания феодалов из *Нохчмохка* в ходе антифеодального движения во главе с Турпалом-Нахчо ТIелип обосновался на горе *ПопитIе*, или *Наьрташ баьхна меттиг*, где впоследствии возникла крепость *ТIелипгIала*, а ШаIа – на высоте *ШаIин гу*.

Таким образом, Кушул – предок курчалинский фамилии, завершил свою борьбу в канун крупного антифеодального восстания в горах, направленного против гнета феодалов, узурпировавших власть в стране и ввергших простое население страны в нищету и зависимое положение.

Список использованных источников и литературы

1. «ВорхIаммо вийначух бевлла Курчалой» / Запись Р.У. Берсанова со слов НогIи Исмаилова (1927 г.р.). – Маюртуп, 1996 // АЗАТ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Ч. 3. Л. 1–1 об.

2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

3. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII–XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. – С. 51–64.

Тесаев З.А.

СУНТАР
(XII в.)

Сунтар – основатель цонтароевского общества. Современник и участник народного движения под предводительством Турпала-Нахчо во второй половине XII века.

После захвата Нохчмохка военная элита Ахсартаговых под предводительством Науразa установила здесь свои порядки. Предводителем войска последнего был ГIела, которого народная память называет братом «царя Науразa». ГIела проживал на горе *Лекхачу-Коьрта*, откуда можно было наблюдать за большей частью занятых ими земель.

Еще до начала антифеодального движения чеченцев под предводительством Турпала-Нахчо простое население, стесненное земельным голодом в Нашхе, пыталось переселиться или вернуться на плодородные земли Нохчмохка к берегам Яссы-реки. Этому препятствовал ГIела, пресекавший попытки занятия левобережных пустых земель. В некоторых случаях, когда народ не внимал предупреждениям феодала, ГIела убивал нарушителей, зачастую подвергая их ужасным пыткам.

Чеченец Сунтар, также прибывший из Нашхи в Нохчмохк с группой крестьян, отправил к ГIеле своих сыновей с вопросом о том, на каких условиях последний позволил бы им поселиться здесь. ГIела возложил на Сунтара тяжелую дань, однако он согласился принять требования ГIелы. В действительности же это была хитрость, предпринятая Сунтаром. Воспользовавшись моментом, Сунтар заложил аул Цонтарой, ставший впоследствии местом проведения заседаний законодательного органа власти чеченцев – *Мехк-Кхеташо*. Исходя из некоторых данных, это событие ориентировочно относится к 1169 году.

По всей вероятности, Сунтар поселился в Цонтарое на условиях ГIелы согласно плану, составленному ранее на *Мехк-Кхеле* в Нашхе. Этот вывод мы делаем на том основании, что именно Сунтар, если данные верны, дал знать чеченцам Галанчожа об удобном времени начала народного движения против владычества Науразa. А поселение Сунтара в Нохчмохке и основание Цонтароя было частью плана, поскольку это позволяло, временно выплачивая требуемую дань, вести разведывательную работу и ожидать удобного случая для наступления. По крайней мере, именно Сунтар отправил весточку в Нашху, после чего началось восстание. Впоследствии один из участников антифеодального движения убил ГIелу. Согласно одному из сообщений, Сунтар (Сонтар), когда пришло время выплаты подати Науразу, намеренно заготовил меру меньше условленной и объявил, что тому, кто ре-

шится лично передать это «послание» ГIеле, он «отдаст области близ Яссы». Вызвался один из мóлодцев, который вместе со своим товарищем прибыл к ГIеле на гору *Лекхачу-Коьрта*. Увидев недостачу, ГIела заявил, что принесенного мало, и он сдерет кожу с посланников Сунтара. Однако Мóлодец (букв.: «КIант») вступил в поединок с ГIелой и поразил воеводу Науразa в бою, похоронив его впоследствии в местности *ГIела-Чурт*. По всей видимости, данный инцидент произошел либо перед началом всеобщего восстания, либо когда Турпал-Нахчо и его сподвижники подошли к Цонтарою, где их уже ожидал Сунтар.

После победы над Науразом и освобождения Нохчмохка Цонтарой сразу же стал административным центром области и временным штабом антифеодального движения под предводительством Турпала-Нахчо.

Список использованных источников и литературы

1. *«ГIела»* / Запись Р.У. Берсанова со слов Ахмеда Юсупова (1926 г.р.). – Курчалой, 1994 // АЗАТ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Ч. 2. Л. 1–1 об.

2. Тесаев З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII–XIII в.) // Рефлексия. – 2017. – № 6. – С. 51–64.

Тесаев З.А.

ТУРПАЛ-НАХЧО
(XII – начало XIII в.)

Легендарный чеченский герой, за свою героическую деятельность ошибочно признававшийся последующими поколениями чеченским этнархом, – Нашхо, сын ГIарби, внук Сула; он же Нахчо, Нашхо, Чеча, Турпалан Нахчо и Турпал-Нахчо. Турпалу-Нахчо посвящено знаменитое *илли* (героическое сказание *«Турпал Нохчочух илли»*), а также целый ряд рассказов и исторических преданий. Перевод сказания о Турпале-Нахчо приводится у А. Берже:

«Неохотно приближаешься к старости,
Неохотно удаляешься от молодости.
Не хотите ли, добрые молодцы,
Турпал Нахчууо, я спою вам нашу родную песенку:
Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от Турпала Нахчуо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки,
Имена нам даны были в то утро,
Когда ревел барс;
Такими произошли мы от праотца Турпала Нахчууо.
Когда на небе нет туч,
Тогда и дождь нейдет,
Так и у нас, когда нет думы на сердце,
То и глаза не плачут.
Если душою не положитесь вы на Бога,
То и в деле не успеете.
Не утратим славы имени отца нашего Турпала Нахчууо».

А.С. Сулейманов сообщает о личности Турпала-Нахчо следующее: «Согласно преданиям и тептарам (хроникам. – *Т.З.*), общество [Нашхой] основано родоначальником (легендарным, но не генетическим этнархом. – *Т.З.*) чеченского племени Нашхо. По другим версиям, родоначальником является Турпал Нахчо (с перс.: *рыцарь великолепный*), у которого было шестеро сыновей: Моцкъаро, Хьайбахо, ЧIармахо, Хьижигхо, ХIийлахо, ТIистархо, которые основали шесть аулов, получивших их имена».

Мы уже провели сопоставительную работу, показав, что под именами Нахчо и Нашхо скрывается одна и та же личность – Нашхо, сын ГIарби. У Нахчо, согласно имеющимся сведениям, было шестеро сыновей, которые

названы именами-ойконимами, очевидно, по месту их поселения (то есть эти сыновья имели оригинальные имена, которые заменены на названия поселений, в которых или в границах которых они проживали).

Считается, что Турпал-Нахчо был основателем аула Тур-Кхаьлла (близ аула ВIовга), который, вероятно, впоследствии стал известен под названием Наша (до XV в.), а еще позже – Нашах. Аул выступил в качестве метрополии, по названию которой и сама область (позднее сократившаяся до границ владений современного общества Нашхой) получила имя Нашах, или Нашха. Ныне же аул Нашах входит в состав владений горного общества Аькхха.

Турпал-Нахчо во 2-й половине XII века возглавил антифеодальное движение чеченцев, бежавших в горы от гнета и произвола феодалов (Ахсарт[аг]овы письменных источников; нарты, или Нарт-Орстхой устных сообщений – военная каста Аланского царства, воспользовавшаяся раздробленностью государства), захвативших власть на плоскости и постепенно двигавшихся в горы. С X века ко второй половине XII века средний слой населения Алании (ориентировочно) с 69,8% снизился до 26,5%; беднота выросла с 20% до 47%; а знать или военная аристократия (Нарт-Орстхой или фамилия Ахсарт[аг] < Арстх[о]) увеличилась почти в четыре раза (!) – с 6,8% до 23% за счет разоренных ею общинников (более половины населения) и эксплуатации поставленных в зависимое положение граждан. «С того же времени, – сообщает Ф.Х. Гутнов, – в истории Алании начинается период децентрализации». Тот же исследователь утверждал, что земли элиты «…увеличились за счет наступления на позиции старой родоплеменной знати». Столица Алании располагалась на Чеченской равнине близ современного села Алхан-Кала, что подтверждает объективную включенность чеченского общества в процессы, проходившие в регионе. В стране царила атмосфера насилия, распространилась нищета. Над простым населением довлела сила численностью не менее 18 тысяч хорошо вооруженных воинов. Военная хунта добралась и до горных областей, в том числе до Нохчмохка и Чеберлоя, а ее самопровозглашенный «царь Навраз» расположился в крепости *Навраз-гIала* близ современного с. Ножай-Юрт на берегу реки БургIалт. Разумеется, большая часть угнетаемого населения в поисках убежища уходила в горы Галанчожа, куда власть аланской военной касты (Ахсартаговых) не распространялась. Таким образом, в области большой Нашхи концентрировался демографический ресурс, из которого местная власть могла рекрутировать воинов для оказания сопротивления феодалам.

По всей видимости, Турпал-Нахчо, наследовав положение предводителя (возможно, лидера Дурдзукии) от своего отца ГIарби, возглавил народное восстание чеченцев. Не позже 80-х годов XII века началось антифеодальное движение, а одной из первых освобожденных областей выступил Чеберлой. Затем чеченцы во главе с Турпал-Нахчо приступили к освобождению Нохчмохка, предварительно выставив ультиматум царю Ахсартаговых Науразу с

требованием освободить захваченные им земли. Получив отказ, ополченцы начали наступление и двигались в сторону реки Яссы, поэтапно освобождая земли по левому берегу. Одной из стратегических позиций, откуда были изгнаны люди Науруза, была гора *ПопитIе*, на которой ТIелип, сын (по другим данным, брат) Кушула, впоследствии отстроил крепость *ТIелип-гIала*. Далее восставшие вытеснили военную хунту с горы *Кхеташон Корта*, на которой другой сподвижник Нахчо Сунтар, основал село Цонтарой, где с этого момента стал заседать всенародный совещательный орган (позднее – законодательный орган власти *Мехк-Кхеташо*).

После достижения Яссы и занятия ее левого берега дальнейшее продвижение восставших прекратилось. Однако на одном из совещаний на горе Кхеташон Корта инициативная группа во главе с Турпалом-Нахчо предложила продолжить движение, форсировать реку и разбить войско Науруза, заняв его резиденцию *Навраз-гIала*. Предложение поддержали, по разным данным, 100 или 300–400 человек, которые верхом на конях перешли реку и приступили к военным действиям под руководством Нахчо. С тяжелыми боями достигнув крепости *Навраз-гIала* на горе *ГIали-Коьрта*, Нахчо и его сподвижники поняли, что своим малым числом в открытом сражении за гору и крепость они могут потерпеть поражение. По этой причине в Цонтарое состоялось совещание, на котором был поднят указанный вопрос. После длительного обсуждения было принято решение о применении хитрости – психологической атаки. Нахчо и его воины воспользовались этим советом: чеченцы, дождавшись ночи, окружив крепость *Навраз-гIала*, оставляя осажденным Ахсартаговым лишь небольшой коридор для отступления, каждый по отдельности зажгли не менее десяти костров и, держа в руках факелы, двигаясь по направлению к крепости со склонов гор, сопровождали свое движение громогласными возгласами и гиком, что создало впечатление, будто на гору *ГIали-Коьрта* движется многочисленное войско. Расчет оказался верным: Науруз и его люди, пораженные страхом, собрав свою казну, спешно покинули крепость и бросились в сторону плоскости, заняв местность *Невраз-чоь* в районе современных сел Нойберы и Кошкельды. Захваченный чеченцами замок Науруза был разрушен, и с тех пор крепость и гору в народе прозвали *Йоьхна гIала* и *Боьхна берд*. По всей видимости, событие это относится к 1191 году (не позже) либо к 80–90-м годам XII века, поскольку в 1191 году на освобожденной территории правобережья Яссы в пределах владений Науруза и его братьев ГIелы *(ГIела-Чурт)* и ГIеры *(ГIера-гоьза-дукъ)* было отстроено (или восстановлено) селение Билта. Таким образом, чеченцам удалось освободить Нохчмохк от военной хунты. Но на этом борьба не окончилась.

После падения столицы Науруза инициатива перешла в руки Турпал-Нахчо. Науруз и его свита расположились на кургане *Яшарте* между современными селами Энгель-Юрт и Азамат-Юрт, поскольку рядом с поселением находилась хорошо защищенная крепость *Гермачиг*, к которой, к тому же,

через керамические трубы, проложенные под землей, была подведена вода одного из источников в районе современного села Кошкельды. Когда же Науразы и его люди узнали о движении народного ополчения, они бросились к крепости, заперлись в ней и укрылись за заранее подготовленным земляным валом, имея при себе запасы зерна и скота.

Затянувшаяся осада вынудила Нахчо искать быстрое решение проблемы. Как сообщается в источниках, ополченцы три дня и три ночи, не позволяя одному из жеребцов пить, кормили его поджаренной травой, а затем пустили измученное жаждой животное в открытое поле. Очень скоро жеребец обнаружил трубопровод и пробил один из его участков копытами, дабы напиться воды. Так, прекратив водоснабжение осажденных, Турпал-Нахчо добился скорого бегства Науразы из крепости в сторону Терека. Восставшие убивали всех, кого сумели настигнуть. Терек покраснел от крови узурпаторов, но Науразу удалось переплыть через реку и бежать на запад.

Турпал-Нахчо освободил Чеченскую равнину от военной хунты. Часть мятежников, вероятно, подчинилась новым властям. Другие ушли на запад, за Терек и Терский хребет, где обустроился *Науразы*. Сам Нахчо, как сообщают источники, обосновался на горе *Суьйра-Корта*, откуда двумя поколениями раньше был вынужден бежать его дед Сула. К тому же времени мы относим основание или восстановление села Чеча (Нана-Чеча) на Сунже, названного так в честь вершины горы *Суьйра-Корта*. Существует мнение, что данная вершина получила такое название по одному из имен Нахчо – Чеча, либо наоборот – сам Турпал-Нахчо получил это прозвище по названию вершины.

Список использованных источников и литературы

1. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1859. – VIII, 140, [1] с., [1] л. карт.
2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.
3. Головинский, П.И. Заметки о Чечне и чеченцах / П.И. Головинский // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ, 1878. – Вып. I. – С. 241–261.
4. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
5. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. С. 51–64.
6. Тесаев, З.А. Нахско-скифо-сармато-аланские контакты в Ичкерии по материалам археологических экспедиций / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 5. С. 43–53.
7. Тесаев, З.А. Турпал-Нахчо и антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Архивный вестник (АУП ЧР). 2017. № 5. С. 33–47.
8. Тесаев, З.А. Мехк-Дай: народные правители Чечни (XVI – 1-я четв. XVIII в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 432 с.: ил., карт.

Тесаев З.А.

НАУРАЗ, ГІЕЛА, ГІЕРА
(конец XII – середина XIII в.)

Науразъ, он же Ноур – чеченский феодал, предводитель военной элиты, узурпировавшей власть в XII в. и оккупировавшей территорию современной юго-восточной ЧР. Имел резиденцию в замке *Навраз-гІала*. Науразъ принадлежал к военной аристократической фамилии *Арстхо* (осет. – Ахсарт[аг], балк. – Схуртук, чеч. – Арстх[о], или Орстх[о]), которая, по сведениям В.И. Абаева и Ф.Х. Гутнова, составляла военную мощь Аланского царства. В период так называемой феодальной раздробленности Алании Науразъ возглавил одно из главных, если не самое крупное, владение (самопровозглашенный царь), образованное за счет насильственной экспроприации земель местных родов, вытесненных в горы Галанчожа и верховий Аргуна. История этого противостояния подробно описана в нохчмохкоевском (ичкеринском) цикле нарт-арстхоевского эпоса чеченцев. Личная вотчина Науразъ располагалась в местности *Боьхна-Берд*, или *ГІали-Коьрта*, и составляла одну из трех главных вотчин, в числе которых также были владения *ГІера-гоьзадукъ* и *ГІела-Чурт*. Две названные области принадлежали братьям Науразъ – ГІере и ГІеле, где последний, согласно имеющемуся материалу, был войсковым предводителем. После начала народного движения во главе с Турпалом-Нохчо против деспотии Науразъ воины последнего были вынуждены покинуть левобережье Яссы-реки. Затем, решением чеченского *Мехк-Кхеташо* (Народного Собрания), состоявшегося на горе *Кхеташон-Корт* в Цонтарое, притесненные чеченцы во главе с Нохчо перешли через Яссу и после длительного противостояния сумели вытеснить Науразъ из его столицы не позднее 1191 года. Науразъ отступил сначала в область между современными сс. Нойберы и Кошкельды, затем – в вотчину *Яшарте*, и далее укрепился в располагавшейся неподалеку крепости *Гермачиг*. После продолжительной осады укрепления Науразъ был вынужден бежать за Терек и уйти на территорию современных Надтеречного и Наурского районов ЧР, где вновь восстановил свои силы.

Науразъ имел двух жен: Белашай жила на высотах Терского хребта близ современного села Ломаз-юрт (НогІай-Мирзи-Юрт), а Сатиха – в пределах нынешнего села Толстой-Юрт. Сам Науразъ обосновался близ современного села Лакха-Неврe.

Науразъ и его уцелевшая дружина дождались монголо-татарского нашествия и впали в вассальную зависимость от Орды. Напротив, другая значительная часть владетелей страны оказала сопротивление «низкорослым людям» и подверглась тотальному уничтожению. Сумев наладить контакты с

монголо-татарами и, по-видимому, выполняя традиционную для зависимых местных владетелей роль сборщика дани в пользу кочевых властей, Науразд ожил до времен золотоордынского беклярбека Ногая (сер. – 2-я пол. XIII в.). Фольклорные источники сообщают о довольно ироничной и бесславной причине кончины Науразда: «Черный Ногай», заподозрив Науразда в неравнодушии к своей супруге, убил его в поединке, хотя, надо полагать, последнее обстоятельство (поединок) в действительности имело насильственный характер, учитывая власть и положение Ногая.

После смерти супруга, как сообщают источники, жена Науразда, красавица Сатай, или Сатиха, покончила с собой, бросившись с кручи в Терек, дабы не стать трофеем монголов, а равнина к северу от реки получила название от ее имени – *Сатай-аре*.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. С. 51–64.

Тесаев З.А.

ХАСИ, ХОУР
(XIII в.)

Эла Хаси – чеченский предводитель, выходец из управленческой аристократической фамилии, правивший, вероятно, после кончины Турпала-Нахчо. Имя Эла Хаси связывается с началом монголо-татарского нашествия, а время его властвования включает, по крайней мере, 1222–1240 года (от первого вторжения монголо-татар до полного завоевания плоскости современной ЧР). В соответствии с преданием, престарелый Эла Хаси покорился власти монголо-татар после падения чеченской столицы и стал вассалом, но затем был умерщвлен Чингизидами за непокорность своего сына Хоураэла I, организовавшего, согласно имеющимся данным, масштабное противодействие татаро-монголам. Как сообщает источник, Эла Хаси «…был ослеплен, четвертован, поэтому до начала русского завоевания Кавказа, Хасаэла… считался святым мучеником». Действительно, известен исторический факт: монголо-татары так и не сумели закрепиться в горах ЧР, а у выходов из горных ущелий были размещены монгольские гарнизоны для предотвращения постоянных вылазок горцев, угонявших стада и табуны кочевников. Так, алановед В.А. Кузнецов сообщает: «15 декабря 1254 г., на обратном пути из Монголии, Рубрук (Гильом де Рубрук. – *З.Т.*) добрался до гор аланских. «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (сын Бату-хана – внука Чингиз-хана. – *З.Т.*) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине…» Тот же ученый указывает на принадлежность предков чеченцев к восточному племенному союзу Аланского царства, что, впрочем, уже не подлежит никакому сомнению, поскольку подтверждается результатами ДНК-исследований аланских могильников. Интересно и то, что обнаруживаются параллели между чеченским предводителем Эла Хаси и личностью «Хан Хусы» (ср.: чеч. Хоур-эла и азиат. Каир-хан), о которой сообщает китайская хроника *«Юань-ши»*: «Хан-ху-сы был родом ас (т.е. аланин. – *З.Т.*). Он был правителем владения асов. Когда войска Угэдэя (сын Чингиз-хана. – *З.Т.*) достигли границ его (владения), Хан-ху-сы с народом подчинился Угэдэю». Судя по всему, Эла Хаси и «Хан Хусы» были одной и той же личностью. Родовое владение Эла Хаси располагалось в горах в верховьях рр. Басс и Хулхулау в районе современных сс. Махкеты, Хаттуни и Элистанжи. Не исключено также, что личность Эла Хаси упоминается в чеченских сказаниях-илли *«Эла Монцин илли»* и *«Оьзда Манца, Эла Хаси илли»*.

Борьба Хоур-эла с захватчиками, начавшаяся на плоскости и завершившаяся в горах, продолжалась около двенадцати лет (1240–1252 гг.).

Приблизительно в 1252 году (на двенадцатый год) в лесистых горах юга современного Веденского района состоялось сражение, где с одной стороны были представлены Хоур-эла и силы сопротивления (в том числе родовые предводители чеченцев), а с другой – монголо-татары и отряд подчинившихся новым властям чеченских феодалов (в числе таковых, к примеру, были известные Науразы, Ботур, Орс-эла и др.). Хоур-эла потерпел поражение и вскоре скончался.

Список использованных источников и литературы

1. Муртазалиев, В.Ю. К вопросу истории государства и права чеченцев / В.Ю. Муртазалиев // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14–15 апреля 2010 г.) / Отв. ред.: проф. М.М. Гасанов; под ред. В.П. Егоровой. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. – С. 184–187.
2. Записал В.Ю. Муртазалиев со слов Ш.А. Магомадовой (1920 г.р.). Село Алхазурово.
3. Записал В.Ю. Муртазалиев со слов Баги Исраилова (1885 г.р.). Ст. Петропавловская.
4. Записал З.А. Тесаев со слов Г.В. Муртазалиева (1976 г.р.). Грозный, 2013.
5. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. / В.А. Кузнецов. – Орджоникидзе: Издательство «ИР», 1971. – 247 с.
6. Кузнецов, В.А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Издательство АН СССР, 1962. № 106. 162 с.: ил.
7. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
8. Чеченский фольклор / Сост.: И.Б. Мунаев. – Грозный, 2007. Т. V. 523 с. (На чеч. яз.).
9. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. С. 51–64.

Тесаев З.А.

ОРС
(XIII в.)

Орс-эла – чеченский феодал XIII века, которому удалось установить контроль над владением, располагавшимся в границах современного элистанжоевского общества. Как и Эла Хаси, Орс-эла был вынужден принять монголо-татарское правление, подчинившись новым властям и возглавив новую промонгольскую администрацию. В контактах между монголо-татарами и местной (т.н. «аланской») элитой нет ничего удивительного. По свидетельству В.И. Абаева, северокавказские владетели не только приняли власть кочевников, но и продолжали внутренние междоусобицы, не пренебрегая помощью Чингизидов, которые только поддерживали разногласия среди феодалов подобно тому, как это делалось в русских княжествах. О личности и «племени» Орс-эла, или Арса-эла (Орс-эла – садоевский предводитель из рода Арсой-гар) пишет также А.С. Сулейманов. В частности, исследователь сообщает: «Предания говорят о том, что на юге Элистанжи жили Садой и Пешхой, которые были вытеснены более сильным *племенем*, имя которому было *Орс-эла* (выделено мной. – *З.Т.*)». Таким образом, Орс-эла и его клан сменили на прежнем месте обитания прочих садойских, а также пешхойских владетелей, не подчинившихся монголо-татарам. В уже упомянутой китайской хронике «Юань-ши» в числе имен аланских владетелей, покорившихся монголо-татарам и составивших подконтрольную им «администрацию» вассальной Алании, упомянуто имя «Арсалан». Ссылаясь на хронику, Х.А. Хизриев пишет: «Например, когда *Менгу-хан* взял город асского владетеля *Арслана* и последний выразил ему свою покорность, Менгу «выдал Арслану грамоту на управление народом *асу*» (выделено мной. – *З.Т.*). Другой исследователь, В.Ю. Муртазалиев, сообщает о владетеле Орс-эле, получившем «ярлык» от Менгу-хана (внука Чингиз-хана) недалеко от современного с. Махкеты: «Передача ярлыка от Менгухана на правление Орса-эле состоялась на земле Садойн мохк, недалеко от современного Махкеты…». Наконец, окончательно идентифицировать «асского владетеля Арслана» нам позволяет А. Сулейманов, в труде которого в черте с. Элистанжи указывается микротопоним *«Менга басса»*. Относительно последнего названия А. Сулейманов справедливо замечает: «Менгу – так звали сына (внука. – *З.Т.*) Чингис-Хана». Кроме того, название села Элистанжи обнаруживает основу Элистан, тождественную имени столицы монголов-ойратов, – известных российских калмыков, что, возможно, но не однозначно, имеет увязку с монголами. Однако все сказанное в совокупности позволяет обнаружить во владетеле Арслане чеченского Арса-эла, или Орс-эла. Под-

черкнем, что Менгу-хан участвовал в осаде и дальнейшем взятии столицы Алании – Магаса (Алхан-Калинское городище, ЧР) зимой 1238–1239 гг.

Весной 1240 года Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури направили войско под командованием Букдая в Дербент и «область Авир». Следовательно, сам Менгу-хан оставался на территории нынешней ЧР, ожидая завершения действий Букдая.

Лишь осенью 1240 года по приказу хана царевич Менгу возвратился в Орду. Это дает основание считать не случайным концентрацию всех перечисленных фактов вокруг современного чеченского с. Элистанжи и полагать, что Арса-лан (китайская транскрипция) тождественен с чеченским феодалом Арса-эла, или Орс-эла.

Список использованных источников и литературы

1. Гарсаев, Л.М. Элистанжой: историко-этнографический эскиз / Л.М. Гарсаев, А.М. Гарасаев, М.М. Гарсаева, Л.Х. Ахматханова // Кавказология. – Нальчик, 2017. – № 3. – С. 128–139.

2. Муртазалиев, В.Ю. К вопросу истории государства и права чеченцев / В.Ю. Муртазалиев // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14–15 апреля 2010 г.) / Отв. ред.: проф. М.М. Гасанов; под ред. В.П. Егоровой. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. – С. 184–187.

3. Записал В.Ю. Муртазалиев со слов Ш.А. Магомадовой (1920 г.р.). Село Алхазурово.

4. Записал В.Ю. Муртазалиев со слов Баги Исраилова (1885 г.р.). Ст. Петропавловская.

5. Записал З.А. Тесаев со слов Г.В. Муртазалиева (1976 г.р.). Грозный, 2013.

6. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. С. 51–64.

7. Абаев, В.И. Нартовский эпос осетин / В.И. Абаев. – Цхинвали: «Ирыстон», 1982. – 107 с.

8. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

9. Хизриев, Х.А. Кавказцы против Тимура / Х.А. Хизриев. – Грозный: Книга, 1992. – 168 с.

10. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. – 307 с.

11. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

Тесаев З.А.

БОТУР
(XIII в.)

Ботур – чеченский владетель, выходец из Аргунского ущелья. Горный аул Ботурча считается его личным имением. Наряду с Эла Хаси и Орс-эла Ботур был участником событий 1-й половины XIII века. Как и большинство других феодалов, Ботур принял монголо-татарское подданство, оказав содействие в усмирении воспротивившихся новой власти владетелей. По некоторым данным, Эсират, супруга сына Эла Хаси – Хоур-эла I, приходилась племянницей Ботуру. Ботур возглавил промонгольский отряд, который совместно с монголо-татарами вытеснил сторонников Хоур-эла I с Присунженской плоскости и нанес поражение сопротивлявшимся, дав генеральное сражение ориентировочно в 1252 году близ горы *Садой-Лам* на территории нынешнего Веденского района ЧР (с. Сельментаузен). В этой связи вновь привлекает внимание сообщение из хроники *«Юань-ши»*: «Во времена Монкэ (Менгу-хан. – *З.Т.*) Бадур, его братья У-цзор-бу-хань и Ма-тар-ша с народом пришли с выражением покорности. Ма-тар-ша ходил с Монкэ на город Май-гасы (Магас. – *З.Т.*) и был начальником авангарда». Учитывая ранее упомянутые совпадения с летописными «Хан-ху-сы» (Эла или Хан Хаси) и «Ар-са-лан» (Арса-эла), в личности «Бадура» мы видим чеченского владетеля Ботура (< Батур).

После установления промонгольской администрации Ботур участвовал в междоусобных конфликтах чеченских владетелей (искусно провоцируемых и управляемых монголо-татарами), в том числе в борьбе за власть и земли с Орс-элой.

Список использованных источников и литературы

1. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

2. Записал З.А. Тесаев со слов Г.В. Муртазалиева (1976 г.р.). – Грозный, 2013.

3. Муртазалиев, В.Ю. К вопросу истории государства и права чеченцев / В.Ю. Муртазалиев // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14–15 апреля 2010 г.) / Отв. ред.: проф. М.М. Гасанов; под ред. В.П. Егоровой. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. – С. 184–187.

4. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 6. С. 51–64.

Тесаев З.А.

ИДИГ
(XIII в.)

Идиг, согласно имеющимся данным, был знаменитым чеченским охотником-альпинистом. В возрасте пятидесяти лет Идиг встретил монголо-татарское нашествие на территории современной ЧР. Совет старейшин, предваряя скорые события, принял решение об организации обороны на горе *Дакуох* (*Туьлой-Лам*, Тебулосмта) и снарядил экспедицию из 12 молодых чеченцев во главе с Идигом для определения наиболее легкого пути восхождения на гору. Предание повествует: «Старики пришли к единодушному мнению: лучшим местом для укрытия от врагов является гора Тебулосмта. С этой горы чеченцы будут внезапно спускаться и уничтожать врагов. Были выделены наиболее опытные и отважные охотники-горовосходители, которые знали подходы к этой вершине. Приготовив длинные веревки, сделанные из конского волоса, двенадцать молодых чеченцев во главе с пятидесятилетним охотником Идигом пошли отыскивать наиболее легкий путь восхождения. Первоначально они осмотрели Тебулосмта с той стороны, «откуда появляется солнце», то есть с востока. Но там они увидели отвесные скалы и ледники. Несмотря на это, Идиг предложил попытаться подняться именно по этому кажущемуся невозможным пути. После многих дождливых дней, наконец, они увидели синее небо, все залитое солнцем… А когда чеченцы начали преодолевать крутые стены скал, мгла окутала их. Задул сильный ветер, пошел снег. Найдя небольшой выступ скалы, группа укрылась под бурками от непогоды. Три дня и три ночи свирепствовал буран. Снег покрыл толстой пеленой склоны и вершину Тебулосмта. Путь чеченцев лежал к черному скалистому массиву, покрытому снегом, с серебряными извилинами замерзших ручьев… Сначала карабкались по сильно разрушенным мягким скалам. По ним было идти легко. Чеченцы перешли на скалолазание. До вершины оставалось двести-триста шагов, но в это время налетевшая снежная лавина смела их со скал». Из команды в живых остались лишь трое, в том числе Идиг. Отправленная на поиски спасательная группа нашла уцелевших и вызволила их. К тому времени уже началась оккупация плоскости монголо-татарами (1238 г.), отчего люди стали готовиться к восхождению: «Перед отправлением группы… – передает источник, – израненный во время падения со скал Тебулосмта Идиг рассказал собравшимся идти в поход чеченцам, почему не сумел подняться на вершину его отряд. Он посоветовал начать восхождение с того места, откуда дует горячий ветер, то есть с юга, ибо на этих склонах меньше бывает снега. Послушавшись совета Идига, чеченцы начали подниматься… Путь оказался нетрудным.

В первый день чеченские воины дошли до предвершинного гребня. Здесь они нашли удобные площадки для размещения войск. Укрывшись бурками, воины всю ночь проспали… С восходом солнца чеченцы вновь пошли на вершину…». Во вторую половину второго дня восхождения чеченцы достигли вершины горы. На ней были проведены подготовительные работы, устроена наблюдательная вышка. «Попробовали пустить вниз стрелу из лука, – говорится в источнике, – а затем копье… Дорога, откуда ждали врагов, была видна на десятки агачей (мера длины; 1 агач [пеший/конный] равен 4/7 верстам. – *З.Т.*)».

Через некоторое время к горе подошли многочисленные силы противника: «Они запрудили все ущелье, – сообщает предание. – Не ожидавшие нападения враги остановились на ночлег у подножия… Ночью на них обрушилась каменная лавина, сброшенная чеченцами с высоты. Многие враги были убиты, а оставшиеся в живых, давя друг друга, начали в панике убегать из опасного места. Днем собравшиеся враги пошли в наступление на чеченцев. Но и днем, несмотря на яростные атаки, они, потеряв много убитых и раненых, вынуждены были отступить. Более месяца длилась кровавая битва чеченцев с врагами. Пришла глубокая осень. В горах выпал снег, враги вынуждены были уйти зимовать на юг, так как в покрытых снегом ущельях не было корма для лошадей. На следующий год, с наступлением лета, вновь пришли вражеские полчища уничтожить горцев. Но и в этот год им не удалось захватить гору, на которой засели отважные чеченцы. Битва продолжалась двенадцать лет (1238–1250 гг. – *З.Т.*). Основное богатство чеченцев – скот – был угнан врагами».

Уставшие от долгих лет тяжелой борьбы чеченцы, поверив заверениям врага, обещавшего пощаду, спустились с горы, но монголо-татары перебили большинство, а оставшуюся часть увели в рабство. Этой участи избежали лишь Идиг и несколько его сподвижников, не доверившихся кочевникам и оставшихся на горе. Им удалось спастись и покинуть гору *Дакуох* после 12 лет осады (1250 г.).

История обороны горы *Дакуох* под предводительством Идига совпадает с сообщением францисканского миссионера Плано Карпини, посетившего монголов и сообщившего о них следующее: «Когда они (монголы. – *З.Т.*) начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и сегодня с одной горой в земле аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет (учитывая то, что труд Плано Карпини был опубликован в 1250 году, то речь идет о 1238–1250 годах. – *З.Т.*), причем те оказали мужественное сопротивление и убили много татар, и притом знатных». Нет сомнения в том, что под «аланами» Плано Карпини подразумевались и чеченцы. Это видно из следующего описания: «…С юга Комании (*Дешт-и-Кипчак*, или Предкавказская степь. – *З.Т.*) прилегают ала-

ны, чиркасы, Греция и Константинополь, а также земли иберов и цикков». Черкесы и «цикки», т.е. зихи, занимали Северо-Западный Кавказ; Греция и Константинополь – Малую Азию и часть юго-восточного побережья Черного моря; иберы – Грузию (западное Закавказье), а Комания располагалась на плоскости между Каспийским и Черным морями. Следовательно, под «аланами» Плано Карпини подразумевал не только Центральный, но и весь Северо-Восточный Кавказ, где и расположена гора *Дакуох*. Это тем более вероятно, что Эвлия Челеби в XVII в. называет Хунзах именем Серир-ал-Лан, т.е. Серир Аланский, что вновь убеждает нас в справедливости высказанного мнения. Отметим, что, по свидетельству чеченцев-сказителей, подвиг Идига был воспет в одной из чеченских эпических песен *«илли»*.

Список использованных источников и литературы

1. Краснов, А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии / А.И. Краснов. – Грозный, 1963. – 196 с.

2. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

3. Записал З.А. Тесаев со слов Докки Кагерманова (1930 г.р.). Грозный, 2017.

4. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

5. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост.: В. Аталиков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Вып. III. – 304 с.

6. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Памятники литературы народов востока. Перевода VI. – М.: «Наука», 1979. – 287 с.

Тесаев З.А.

ШОВХАЛ
(XIV в.)

Шовхал 1-й, сын Таркха (вероятнее всего, Таркх – ойконим, традиционно приписываемый в генеалогии как прозвище по месту поселения, за которым скрывается реальное имя), известный как (чеч.) Таркхан Шовхал. Его потомками являются выходцы из горных обществ Галанчожа, плоскостного ауховского, а также других обществ. Исходя из имеющихся сведений, Шовхал жил в 1-й половине XIV века. Изначально Шовхал 1-й вместе с братом Шемал-ханом поселился в горах Галанчожа в местности *Аккха* (с. ГIозуне), затем ушел на плоскость в район Терского хребта, а его брат обосновался в одной из приморских областей (Каспий). Уже впоследствии Шовхал 1-й утвердил власть в Тарках, устроив здесь свое владение. Отметим, что, согласно чеченской хронике (ауховское общество), вплоть до XVI в. на правобережье р. Сулак в области «между морем и горой» *«Кимис»*, близ Тарков, чеченцы имели собственные земли. Кроме того, по свидетельству Д.-М. Шихалиева, чеченцы владели земельными наделами и покосами близ нынешних сел Миатли, Зубутли, Гуни (левый берег Сулака), Чир-Юрт (правый берег Сулака) в XVI–XVII вв. и, по-видимому, позднее. Так или иначе, территория Тарков в XV веке (до 1441 года) входила в границы подвластных чеченцам земель (Симсим, позднее – вилайат Чачан). Известно также, что собственно кумыкское феодальное владение (шамхальство) образовалось значительно позднее – в 1442/1443 году (в результате смещения чеченских властей в лице Акхмера – сына Шовхала 2-го, внука Шовхала 1-го).

Одно из первых (если не самое первое) упоминаний тарковского шамхала (до смены власти в Тарках) относится к 1327 году. Согласно русским летописным источникам, золотоордынский хан Узбек, выросший, между прочим, среди кавказцев, отправил в Тверь в качестве посла «Щелкана Дюденевича», который был убит в 1327 году в результате случившегося в Твери восстания.

Поскольку Таркхан Шовхал приходился дедом Акхмеру, владетелю Тарков (до 1441 года), то отождествление Шовхала 1-го с приближенным хана Узбека Щелканом хронологически уместно. Тем более, что факт тесных контактов чеченских владетелей с золотоордынскими ханами в XIV веке (как, например, Хоур-элы II, или Каир-хана, с ханами Наврузом, Хизиром и Тохтамышем) доподлинно известен. Все это в совокупности позволяет считать, что сообщение о владении Шовхалом 1-ым Тарками в 1-й половине XIV в. имеет под собой основание.

Сын Шовхала – Шовхал 2-ой – на плоскости, у выхода из Ассинского ущелья, возвел поселение, которое во времена Меда Акмерова (XV в.) стало называться Кей-гIала, а ныне известно под названием Алхасты.

Согласно нашим источникам, Шовхал 1-й был похоронен в районе современного села Сагопши.

Список использованных источников и литературы

1. «В стране девяти ворот» / Рукопись М.Р. Медова. – Л. 1–3 об.
2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.
3. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.) и Т.Э. Медова (1966 г.р.). – Грозный, 2017.
4. Адилсултанов, А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках / А.А. Адилсултанов. – Грозный, 1992. – 128 с.
5. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
6. Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века: к 200-летию со дня рождения ученого-этнографа Девлет-Мирзы Шихалиева (Шейх-Али) / Отв. ред. Г.М.-Р. Оразаев. – Махачкала, 2015. – 268 с.
7. Кумыкский энциклопедический словарь. – Издание 2-е, дополненное. – Махачкала: «Издательство «Дельта-пресс»«, 2012. – 400 с.
8. Тесаев, З.А. Католическая миссия в Галанчоже в начале XV века / З.А. Тесаев // Рефлексия. – 2019. – №1. – С. 67–74.
9. Унежев, К.Х. История Кабарды и Балкарии / К.Х. Унежев. – Нальчик: «Эль-Фа», 2005. – 613 с.
10. Татищев, В.Н. История Российская (1055–1378 гг.); Абу Хамид ал-Гарнати. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – Рязань: «Александрия», 2015. – LX, [2], 730 с.

Тесаев З.А.

КАЛО, ИРДИГ, МАММАЧ
(XIV в.)

Кало, Ирдиг и Маммач встретили тимуровское нашествие в пределы чеченского царства Симсим. После того, как Тимур взял под контроль Ханкальское ущелье и установил свою ставку на склоне *Лаьнчиг боьра* (от прозвища Тимура – *Ленг*, т.е. Хромец) горы *Суьйра-Корта*, Тамерлан открыл путь на Чеченскую плоскость. Пройдя с боями равнину *Нохчий-Аре*, Тимур подошел к Аргунскому ущелью и остановился в местности *АстагI Тимар сецна меттиг*, откуда начал свое завоевание чеченских гор. На пути движения орд противника в ущелье стояли сигнальные и боевые башни в местечке *Калой-Корт*, *Хас-кхаьлла-дукъ*, Верхний и Нижний *Чолханчу* (горные вершины по правому берегу Чанты-Аргуна и укрепления на протяженности от с. Улус-Керт до района ЧIаьнта, т.е. основная часть Аргунского ущелья). Таким образом, сигнальные огни, подожженные жителями низовьев Аргунского ущелья, оповестили чеченцев о приближении врага. Оборону на данном участке возглавил предводитель Кало, сдерживавший войска Тимура в районе современного Шатоя. Первым на помощь подоспел отряд из зумсоевского общества под предводительством Ирдига, что неудивительно. В районе *Зумса*, близ аула Кешта, на гребне хребта *БIавн Дукъ* располагались десятки боевых и жилых башен, одна из которых – до тридцати метров в длину и до десяти метров в ширину, напоминавшая по размерам казарму для войск. Она имела три этажа и бойницы. В *Зумса*, по сообщению старожил, чеченские юноши проходили «спартанские курсы». Следовательно, в районе *Зумса* находилось «военное училище» средневекового царства Симсим.

Израненный и не способный более сражаться Кало передал свой меч Ирдигу, наделяя его полномочиями *Тур-Да* (военачальника), со словами: «Этот меч должен быть в бою, пока не будет убит последний враг».

Натиск азиатских орд не удалось сдержать в границах области Шуьйта: Тимур миновал территорию современных Шатоя, Нихалоя, Гучан-Кхаьлла (и другие территории) и наскальный крепостной комплекс ГIонат-гIала, который, согласно преданию, тимуровские войска прозвали *Кханат-кхала*, т.е. «Крылатый замок». Войска дошли до Хачароя (Ведучи), развернулись, не стали продолжать путь, и через ущелье р. Шаро-Аргун направились в пределы современных Келоя, Шаро-Аргуна, Дая и далее в ХIима, где *Мехк-Кхел* объявил постановление, которое буквально звучало следующим образом: «Сразимся, плача, как ощенившаяся волчица, [защищающая потомство], но не дадим более врагу ни на шаг продвинуться вперед».

Таким образом, перед народным ополчением была поставлена задача остановить продвижение Тимура ценою собственной жизни.

Призыв старейшин страны был услышан: именно здесь, в XIима, согласно преданию, враг был вынужден прекратить дальнейшее продвижение. Тимур заключил перемирие с жителями ущелья Аргуна, а некоторые из них стали приближенными Тимур-Ленга, а также вошли в его гвардию. В числе таковых был выходец из чантийского общества Маммач, сын Малцага. Согласно фамильному преданию, Маммач стал чиновником у Тимура и сопровождал его во время дальнейших мероприятий, предпринятых им после ухода с Аргуна.

Список использованных источников и литературы

1. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

2. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

3. Записал З.А. Тесаев со слов С.Д. Гаева (1939 г.р.). Гехи-Чу, 2013.

4. Паспорт Шатойского муниципального района [Электронный ресурс] // Shatoy-chr: Официальный сайт Шатойского муниципального района. 2002. 13 августа. URL: http://www.shatoy-chr.ru/index.php/teksti_npa/14-sample-data-articles/93-pasport-shatojskogo-munitsipalnogo-rajona (дата обращения: 17.12.2017).

5. Записал З.А. Тесаев со слов Г.В. Муртазалиева (1976 г.р.). Грозный, 2013.

Тесаев З.А.

СУРАК, БИРАЧ, БАЙРА, САРКА
(XIV–XV вв.)

В годы правления Хоура II (Каир-хан, или Гаюр-хан) в улусе Симсим Сурак, он же Сурак-хан, Суррокъат, или Суракат, проживал в области *Артас* на Центральном Кавказе. Чеченская арабоязычная хроника *«Летопись выхода предков чеченцев из селения Нахчувана»* называет Сурака братом Хоура II. Ставка Сурака – областного правителя в должности *нузал* – располагалась в одноименном поселении Нузал – западной резиденции Хоура-эла. К югу от Нузала в Туальском ущелье на границе с Георгийским царством (Двалетия) находился таможенный пункт Бирагти-кау (букв.: «Ворота пошлин»), где проживал сподвижник Сурака, а также главный «таможенник» и собиратель податей в области *Артас* – Бийриг (Бирач).

В 1360 году при хане Золотой Орды Наурузе Хоур II, воспользовавшись смутой, начавшейся в Золотой Орде, распространил свою власть в два стратегических центра Северо-Восточного Кавказа – города Хунзах (чеч. ДжIайа) и Чир-Юрт. Хоур-эла переместил сюда Сурака вместе с его ближайшим окружением: занимая на востоке прежнюю должность *нузала* (областного правителя), Сурак заложил основу фамилии, ставшей позднее известной как династия хунзахских *нуцалов*. Резиденция Сурака была организована в ауле Тануси. На самом возвышенном месте в округе аула было устроено укрепление *Акъари*, где разместили гарнизон, освобожденный от подати, и была проведена сигнально-оповестительная башенная сеть.

Впоследствии Хоуру II удалось установить контроль над значительной частью Восточного Кавказа: к началу тимуровской экспансии, согласно сведениям письменных источников, современные Дагестан и северная часть Азербайджана, в том числе город Шемаха, подчинялись (платили подать) Сураку – ставленнику Хоура II на востоке царства Симсим. Сведения письменных и нарративных источников подтверждаются и данными археологических материалов области *Джая*.

В 1395–1396 годы после смерти Хоура II и похода Тимура на область Джая Сурак покинул Тануси и вместе с войском и нагруженным имуществом и казной обозом ушел в Аргунское ущелье, где, как мы отметили, было остановлено наступление Тимура. В районе *Терла* Сурак обосновался в замке *Кирда*, устроив здесь свою резиденцию. Источники называют Сурака следующим после Хоура II и последним царем Симсима.

В период правления Сурака и годы деятельности его сына Байра (1396 – 1-я пол. XV в.) в Тушетии было основано чеченское поселение Парсма (букв.: Щит), где проводились сборы ополчения для борьбы со ставленниками Тиму-

ра на Кавказе. Мероприятия осуществлялись под руководством Сурака в рамках чеченско-грузинского союза. После ряда успешных действий чеченско-грузинского ополчения в войне с ленами Тимура в горах в конце XIV – начале XV века семейство Сурака покинуло *Терлой* и переселилось в район Багачароя, а затем – на подножие горы *Садой-Лам* в аул Сада *Верхнего Чеберлоя*.

Ориентировочно в 1398 году началось наступление грузинского царя Георгия и царя Симсима Сурака на Азербайджан. Тимур, разгневанный событиями на западе, закончив военные действия в Индии, провел контрнаступление в Кахети и Эрети, но после начала снегопада отошел на время в Карабах. В 1400 году поход Тимура в горы Грузии и Симсима возобновился, однако, не имея возможности пробиться к Главному хребту, Тимур подверг ограблению область Картли. Бежавший в Имеретию царь Георгий сумел достигнуть временного соглашения с Тимуром. Однако в 1401, 1403 годах походы Тамерлана повторились и в основном были направлены против Георгийского царства.

В 1411 году Кавказ подвергся новой напасти – вторжению туркменов. Это временно объединило враждующие стороны: Георгию и Симсим – с одной стороны, и Ширван – с другой. Союзное кавказское войско дало сражение туркменам под Чалаганом, но потерпело поражение. Брат покойного Георгия, царь Константин, был пленен и убит.

Ориентировочно в 30-е годы XV века после совместных боевых действий царя Грузии Александра I и Сурака было нанесено поражение Ширвану, где правила посаженная Тимуром династия Дербенди. Суракаты вернули контроль над Хунзахом. Отсюда шло дальнейшее давление на Дербент – бывшую резиденцию Ибрагима I Дербенди. Байра (Баяр-Аббас), по-видимому, старший сын Сурака, поселился в Тануси, где впоследствии стал феодальным правителем *(нуцалом)* области, прежде известной под названием *Серир*. Второй сын Сурака – Сарка, обосновался в *Чеберлое*, где позднее на освобожденном от противника *Керкетском перевале* была отстроена крепость *Хан-гIала* и вытеснен тимуридский гарнизон из числа *тиндов*. Отметим также, что, согласно хроникам, в XV веке область *Туш* (Тушетия) была в подчинении Байра.

Примечательно, что после ухода из Аргунского ущелья Байра, сын Сурака, оставил здесь своих приближенных – Бичча Бирачева (сына сподвижника Сурака – Бирача) и Талата Элдиева, которые впоследствии пребывали в междоусобном конфликте. Как было отмечено ранее, Бирач – отец Бичча, явился в *Терлой* из Двалетии (аул Бирагти-кау). Оттуда же прибыл и Талат, сын Элда, путь которого шел из Двалетии (аул Талате) через область Ваби.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

Тесаев З.А.

ВОККХАЛ, ЯНД, ПУЛАД
(XIV–XV вв.)

Воккхал – уважаемый старейшина, состоявший, согласно фамильным преданиям, в *Мехк-Кхеташо*, был выходцем из Галанчожа и христианином (букв.: «ламкерста»). Действительным именем Воккхала было Пула.

Воккхал встретил тимуровское нашествие, однако сведений о его участии в сопротивлении Тимуру на территории современной ЧР у нас нет. Возможно, это связано с тем, что значительную часть своей зрелости он, исходя из собранных данных, провел на территории современной Грузии, где имел собственный надел. В молодости Воккхал проживал в башне на скале близ с. Вовга (ВIовга) в границах современного Галанчожского района ЧР. Воккхал женился на дочери местного нашхоевского владетеля и переселился в саму Вовгу, в которой обустроился и позднее стал управлять этой областью. У Воккхала было две дочери: родная и приемная – дочь грузинского владетеля, которая пришла вместе с ним в Галанчож после ухода Воккхала из Грузии. Позднее Воккхал столкнулся с нашествием касогов (сер. XV в.), последовавшем после ухода тимуровских полчищ. Вместе со своим товарищем Яндом и другими соратниками Воккхал устраивал периодические походы на равнину, вытесняя касогов с плоскости в районе нынешних сс. Гехи-Чу и Шалажи. В итоге, согласно преданию, Янд основал одноименное с. Янди-КIотар, а Воккхал обосновался в районе современного Валерика. Позднее Янд умер во время одного из походов, а Воккхал, ведший войну с узденями и наемниками касогов, был вынужден вновь уйти в горы, уступив это место своему сыну Пуладу.

После смерти царя Сурака монархический институт в царстве Симсим был прекращен. Наступил период феодальной раздробленности. Страна в рассматриваемый период (XV век) в письменных источниках была известна под названиями «вилайат Чачан», «Чаджан» и «Джеджев», а Пула находился в междоусобном конфликте с терлоевскими владетелями, главным образом, с Биччем Бирачевым.

В условиях посттимуровской разрухи в родофеодальных кругах страны была введена практика избрания единого арбитра – общего для всех «большого князя», или «воккха эла», каковым (вероятно, в середине – 2-й половине XV века) стал *воккха эла* Пула, или Воккхал-Пула.

Ориентировочно в 1-й четверти XV века (не позднее 1428 года) в Галанчож явилась мирная религиозная миссия, которая укрепилась на горе *Мизир-Корта* близ Галанчожского озера и занималась проповедованием католического христианства. Эта миссия в этнографических источниках фи-

гурирует под именем «фиренгов» или «пиренгов» (от франк – западноевропейцы, католики).

В 3-й четверти того же столетия деятельность *пиренгов*, отстроивших укрепления вокруг храма и организовавших серьезную охрану своей миссии, начала носить насильственный характер, что обрушило на них гнев населения: местные родофеодальные предводители, в первую очередь, наиболее сильные и прежде враждовавшие князья из *Акки* и *Терлоя*, в совокупности с другими жителями области под предводительством Воккхал-Пула разбили пиренгов (не позднее 1475 года) и изгнали их из Галанчожа, вынудив миссию разделиться на две части и отступить на запад и северо-восток. С этого момента Воккхал-Пула получил в народе прозвище «Гроза фиренгов».

Позднее уже состарившийся Воккхал-Пула, лишившись в сражениях и междоусобицах всех братьев и сыновей, за исключением одного Пулада, покинул Вовгу, уступив ее своему зятю Акхмеру. Пулад Воккхалов продолжил борьбу отца и освободил территорию нынешнего Валерика, вытеснив отсюда касогов и их союзников, осевших здесь хуторами.

Список использованных источников и литературы

1. Яндаров, А.Д. Мифы и предания чеченского народа / Сост.: А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). – М.: «Орбита-М», 2011. – Т. 2. – 255 с.

2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с. С. 409.

3. Записал З.А. Тесаев со слов А.А. Эльмурзаева (1952 г.р.), М.З. Эльмурзаева (1960 г.р.), М.М. Эльмурзаева (1986 г.р.). – Грозный, 2017.

4. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.). – Грозный, 2017.

5. Тесаев, З.А. Католическая миссия в Галанчоже в начале XV века / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2019. № 1. С. 67–74.

Тесаев З.А.

АЗДИН ВАЗАР, ВАЗАР
(XIV–XV вв.)

В исследовании, посвященном труду Аздина Вазара, нами указывается, что «... согласно сведениям Аздина Вазара (1395–1460 гг.), его отец (Вазар, в пер.: «тяжелый, почтенный») состоял в золотоордынской армии (вероятно, при хане Тохтамыше), был высокопоставленным военным и возглавлял армию или, что вероятно, один из отрядов монголо-татар и, стало быть, мог участвовать в войнах Тохтамыша и Тимура на стороне первого». Сам факт союзничества между монголо-татарами и чеченцами во 2-й половине XIV в. не подлежит сомнению. Исходя из излагаемых данных следует, что Аздин Вазар (чеч. Вазаран Оьзди) был уроженцем г. Сарай в 3–4 поколении или более того. Следовательно, учитывая также, что он именует себя чеченцем («нахчо») из «алан», ученый-богослов, по-видимому, должен был проживать на территории аланского квартала столицы Золотой Орды, который, согласно свидетельству Ибн Баттута, был населен аланами-мусульманами. Подтверждением этому выступает факт включения территории современной ЧР в состав Аланского государства и обозначения ее пределов названием Алания («ал-Лан»); в международном информационном поле эта практика сохранялась вплоть до XVII в., что видно из сообщений Э. Челеби и западноевропейских путешественников.

Аздин (чеч. Оьзди, в пер.: «благородный, уздень») посетил Египет, Персию и Османскую империю. Примечательно, что в Египте на момент появления здесь Аздина правила кавказская («черкесская») династия мамлюков-бурджитов. До своей смерти, вероятно, после посещения Египта, где проживали халифы (духовные лидеры мусульманского мира), Аздин посетил пределы современной ЧР и составил этногеографическое описание страны в разрезе ее общин и родов («тайпов и гаров»)…».

Составление труда Аздина Вазара, как мы считаем, следует отнести к промежутку между 1437 годом, когда ставленники Тимура, ширванская династия Дербенди, оказались в податном положении перед союзом царей Симсима и Георгии – Сурака и Александра, соответственно, и 1441 годом, когда прекратилось чеченское правление в Тарках, поскольку на это указывает ряд фактов, перечисленных в работе Аздина. Согласно сочинению Аздина Вазара, в XV веке (1437–1441 гг.) земли от рек Алазани и Куры, верховья Терека, включая Дарьял, и так к северу и востоку до Каспийского моря и «равнины Сотай», составляли собой пределы Чеченской страны – Симсима, или Чачана. В перечень перечисленных им «городов» входили: Нашах, Макжа, Аргун, Алан-а-вол (Магас), Килбах, Малка, Балх, Тарки и другие.

Им были упомянуты общества Дай, Садой, Хой, Мартой, Малхой, Нашой, Артой, Ташхой, Гелой, Шардой, Кештой, ГIойтIой и прочие, среди которых ныне известные и уже не существующие названия. Таким образом, сведения Аздина Вазара позволяют взглянуть на этногеографическую картину Кавказа и историю ЧР в 1-й половине XV века.

Примечательно также, что появление Аздина Вазара в горах современной ЧР совпадает со временем особого внимания Халифата к Кавказу. В 1-й половине XV века, после ряда поражений наследников Тимура и его ленов, на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе появляются эмиссары Халифата – Инал (предок кабардинских князей) и Акхмер – мамлюки, прибывшие из Египта, откуда, вполне вероятно, вместе с ними и явился Аздин Вазар, ранее переселившийся в Миср, «…[желая] завершить [или усовершенствовать] свое образование».

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

2. Тесаев, З.А. Католическая миссия в Галанчоже в начале XV века / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2019. № 1. С. 67–74.

Тесаев З.А.

АКХМЕР
(XIV–XV вв.)

Акхмер, настоящее имя – Хаза-Пула. Сын Шовхала 2-го и внук Шовхала 1-го, или Таркхан Шовхала – феодала, владетеля Тарков. Происходит из аула Гlозуне.

После поражения, нанесенного Тимуром Османской империи, султан Государства Джалараидов и правитель Кара-Коюнлу бежали в Египет под защиту мамлюков и халифа. Когда же Тимур скончался (1405 г.), беглецы вернулись обратно, изгнали внука Тимура Абу-Бакра из Багдада, в 1408 году разбили в Азербайджане сына Тимура Миран-шаха, что привело к прекращению владычества Тимуридов на Кавказе. В 1411 году состоялось уже упомянутое ранее сражение под Чалаганом, когда туркмены Кара-Юсуфа (правителя Кара-Коюнлу) разбили союзное кавказское войско.

В рассматриваемый период Хаза-Пула находился в Египте на службе у мамлюков. Согласно рукописи М.Р. Медова, Хаза-Пула, дослужившийся в Египте до чина «акхмер», был направлен на Кавказ для управления в восточном прикаспийском владении (Тарки), что подтверждается также сообщением Аздина Вазара, согласно которому Тарки (до 1441 года) входили в состав чеченских владений (о том же в отношении XVI века утверждается и в аухов-ской летописи). О личности Акхмера сообщается следующее: «…полководец, мамлюкский военный офицер, стратег, человек жесткого нрава, родоначальник нескольких тайпов». Кроме Акхмера на Северный Кавказ также был направлен другой мамлюк – кабардинский князь Инал, укрепившийся в бассейне р. Кубань, изгнавший татар за Дон и начавший войну с «ференджами».

В конце XIV в. кавказцы стали играть лидирующую роль в Египте, что объясняет особое внимание мамлюков к Северному Кавказу. И.М. Фильштинский пишет: «Рост роли и влияния выходцев с Кавказа в мамлюкском войске выразился в том, что султаны стали избираться из их среды. Бурджитские султаны правили страной с 1382 по 1517 год. Начало правлению бурджитов положил султан Баркук…». Более того, в XV в. Египет был центром исламского мира: в Каире под покровительством султанов Мисра проживали халифы (духовные лидеры мусульман мира).

По всей видимости, кавказская династия мамлюков, воспользовавшись поражением Тимуридов и ослаблением их влияния в Северокавказском регионе, направила в область «Кабх» двух выдающихся предводителей, выходцев из Кавказа – Хаза-Пула и Инала. По нашему мнению, появление эмиссаров Халифата на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе (Инала и Акхмера) могло состояться в 1408–1411 гг. по итогам крупных побед султана Ахмеда и Кара-Юсуфа (спасшихся ранее от Тимура в Египте) над Миран-шахом и Ибрагимом Дербенди (последний признал власть Кара-Юсуфа

и стал вассалом Кара-Коюнлу). Более всего мы склоняемся к 1408 году, поскольку именно в этот период султан Джалаиридов и правитель Кара-Коюнлу находились в наибольшей зависимости от Египта, Грузия лишилась царя (1407 г.), а Дербент номинально признал власть «Татарии».

До 1441 года Хаза-Пула находился в Тарках в качестве областного правителя (феодальный владетель). Однако в том же году в результате вооруженного переворота власть в Тарках взяли оппоненты Акхмера из числа бывших ленов Тимура. Сам же Хаза-Пула удалился на Чеченскую плоскость, что, по мнению некоторых исследователей, было впоследствии описано как явление из Шама (Шамхальство) в горы современной ЧР. Хотя не исключено, что под Шамом скрывалась Сирия, входившая в состав владений мамлюкского Египта. Примечательно сообщение кумыкских источников о том, что «…образование этого государства (Шамхальства; имеется в виду начало кумыкского правления в Тарках. – *З.Т.*) относится к 1442 году». В том же 1442 году у Акхмера родился сын Мед. По имеющимся данным, Хаза-Пула укрепился в районе современного с. Шаами-Юрт, где основал поселение. Однако уже в 1454 году (в 12-летие Меда) Акхмер и его сыновья Мед и Итар (дети от первой жены) были вынуждены покинуть равнину под натиском нового неприятеля – касогов. Первым местом поселения Акхмера, где он стал воздвигать башни, был аул Геличе. Сюда Хаза-Пула явился с двумя сыновьями, 8–9 «узденями» и отрядом из 180 всадников.

В горах Хаза-Пула застал упомянутого ранее Воккхал-Пула из Вовги. В скором времени Акхмер женился на дочери Воккхала, которая родила ему еще трех сыновей – Чопу, Фоттинга, Кия и дочь Азни. Тут же возник родофеодальный союз Воккхала и Акхмера, который впоследствии столкнулся с не менее влиятельными владетелями Аргунского ущелья. В удельный период, окончательно наступивший с указанным нашествием касогов, главных феодальных соперников Акхмера в горах современной ЧР, как нам видится, составляли терлоевцы под предводительством Бийриг-Бичча, или Бичча Бирачева.

Позднее в Галанчоже начинается конфликт с католической миссией «пиренгов», с которыми, как и Инал на западе (война с «ференджами»), столкнулись чеченские владетели под общим командованием Воккхала. В числе таковых был и Акхмер. Разбитые пиренги ушли на запад (Ассинское ущелье) и восток (Мулкъа, а также старая ЭгІашбата на границе Чеберлоя), однако часть их еще оставалась на севере – в местности Ялхара. Таким образом, борьба с пиренгами не окончилась изгнанием их из Галанчожа. Акхмер распространил свое влияние по всей территории к северу от галанчожской Акки. А.С. Сулейманов в описании микротопонима *«Довнечу»* (Ялхара) писал: «*Довнечу*… урочище в ущелье, разделяющем Ялхара и Аьккха, где в прошлом проходила единственная тропинка, связывающая соседние общества. В этом ущелье воздвиг полубоевую жилую башню жестокий и своенравный феодал Акхмер и с путников взимал подорожную плату…». Однако

конфликт с владетелями Ялхара имеет более глубокие корни, чем представляется на первый взгляд. На территории Ялхаройской общины в местности Терхи и сегодня на башнях обнаруживается восьмиконечный крест – знак католической миссии. Кроме того, тот факт, что слева от католического креста на крепости Терхи нарисована фигура, крайне напоминающая лилию, считающуюся в христианстве символом «непорочной девы», а также символикой французской *(фиренг, пиренг)* монархии, не оставляет сомнений в католическом характере данной атрибутики.

Боевые действия в Ялхарое Акхмер начал с поселения Мозарга. Позднее Акхмер «…обосновался в местечке Мозарг», где отстроил двухэтажный могильник (чеч. *маьлхан каш*). Слово «мозарг» представляет собой один из диалектических вариантов термина «моцIкъар» (от груз. моцIкъвари – священник). Селение Мозарг расположено в 3 км западнее Терхи, где, по-видимому, находился один из центров католической миссии. Следовательно, Мозарг и Терхи выступают единым ансамблем со следами пребывания христианских (католических) миссионеров (т.е. пиренгов). Это объясняет мотивацию мусульманина-Акхмера, продолжившего военные действия в направлении Ялхароя после изгнания чеченцами европейцев из Амиэ (оз. Галанчож). Собственно Амиэ располагается в 3 км южнее Терхи. Фактически Терхи был форпостом, откуда могла осуществляться дальнейшая экспансия пиренгов на Галанчож. В заключение можно сказать, что факт борьбы эмиссаров Халифата на Кавказе – Акхмера и Инала – с пиренгами (ферендженами, фиренгами), очевидно, представлял собой противостояние Халифата с крестоносцами при особом акценте к отеческому региону (Кавказу) со стороны династии Бурджитов.

После начала нашествия касогов на плоскости Акхмер вместе с Вокхкхалом и другими соратниками организовывал и участвовал в походах на занявших плоскость чужеземцев и, впоследствии, сумел освободить ранее занятую им территорию в границах нынешнего Шаами-Юрта. В горах Акхмер заложил замок Зингала, завершенный Медом. Кроме того, состарившийся Вокхкхал передал Хаза-Пулу свои владения, на которых поселились трое сыновей Акхмера, после чего окончательно оформилась область галанчожской *Акки*.

На сегодняшний день большинство потомков Акхмара проживает в Чеченской Республике, меньшинство – в Ингушетии. Все они ныне являются выходцами из тайпов Аьккхий, Кей и Ялхарой.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Католическая миссия в Галанчоже в начале XV века / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2019. № 1. С. 67–74.

2. «В стране девяти ворот» / Рукопись М.Р. Медова. – Л. 1–3 об.

3. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

4. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.) и Т.Э. Медова (1966 г.р.). – Грозный, 2017, 2019.

Тесаев З.А.

СЕКК, ЦЕПА
(XV в.)

Бийриг – казначей Сурака, собирал подати с обществ Аргунского ущелья, среди которых были майстинское и малхистинское общества. Зачастую эта практика не устраивала вольнолюбивых чеченцев, не всегда соглашавшихся с нормами государственного устройства (налогообложения). Также, по-видимому, на это повлиял религиозный фактор, поскольку, в отличие от Сурака и Бийрига, исповедовавших христианство, жители Майста и Малхиста поклонялись «богу ЦIу». После Сурака монархический институт был упразднен, но князья продолжали обременять население выплатой налогов.

Как сообщается в одном из преданий, при очередном сборе податей Секк, выходец из малхинского общества, возглавил партию недовольных и оказал сопротивление «Муцулу» из «джайцев», что, по-видимому, указывает на Байра, сына Сурака, который какое-то время после очередного изгнания из Джая (2-я пол. XV в.) провел в верховьях Аргуна и области Туш. Как говорится в источнике, «…когда Муцул пошел на мелхистинцев за данью, по пути на горе Кул-Лам он сделал привал и послал к ним людей… Когда послы прибыли к месту, Секки сидел около бога Цуу… Когда эти люди ему сообщили о том, что Муцул идет на них, он от гнева побледнел… При этом он сказал, что ни он, ни мелхистинцы поныне не платят ни Муцулу, ни какому другому князю никакой дани. Когда Муцулу передали слова Секки, он покинул гору Кул-Лам и отступил домой». Разумеется, на этом конфликт не окончился. Далее в тексте утверждается, что во время полевых работ к Секку «…с пищей пришла жена и сообщила, что князь джайцев Муцул вошел в их селение и угоняет скот жителей». Затем следует сообщение, в котором, очевидно, в упрощенной форме, констатируется факт столкновения мелхистинцев под предводительством Секка с дружиной «Муцула», потерпевшей поражение и вынужденной оставить награбленное. «Убедившись в силе Секки и храбрости его, – говорится в предании, – мелхистинцы выбрали Секки своим князем». По всей видимости, указанное событие соответствует содержанию другого источника нарративного характера. В частности, в нем сообщается: «Потомки царя [Сурака] пытались утвердиться здесь, назначив князьями своих вельмож Бийриг Биччу и Элди Талата (ранее было отмечено, что два названных героя были сподвижниками Байра. – *З.Т.*), которые сразу же начали междоусобную войну. Царь Суррокъат и его сын Байра (в данном случае речь идет именно о Байре, а не о Сураке. – *З.Т.*) не сумели укрепиться здесь, восстановить свою прежнюю власть и вместе со своим войском, сподвижниками ушли…».

Избавившись от владетелей из ТIерла, малхинцы избрали Секка «своим князем», обязавшись выплачивать ему в качестве подати «по мерке зерна». Однако Секк установил еще более невыносимый деспотический режим среди своих соплеменников, что вынудило другого мелхистинца, очевидно, участника разгрома отряда Муцула, Цепу, убить Секка его собственным мечом, выкраденным из дома нового князя, дабы избавить себя от преследования кровников (вина за убийство оружием, принадлежащим жертве, наполовину вменялась владельцу оружия, т.е. убиенному. Тем самым убийца избавлял себя от преследования родственниками убитого). Цепа, обезглавив Секка, прекратил «княжескую» практику в Малхисте и отменил все подати в обществе. События эти имеют отношение ко 2-й половине XV века.

Список использованных источников и литературы

1. Иваненков, Н.Е. Горные чеченцы / Н.Е. Иваненков // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. – Вып. VII. – Владикавказ, 1910. – С. 1–224 с.; табл.: I–IX.

2. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

3. Шихсаидов, А.Р. Дагестанские исторические сочинения / Сост.: А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М.-Р. Оразаев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 302 с.

4. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

5. Чечено-Ингушский фольклор. – М.: «Художественная литература», 1940. – 287 с.

Тесаев З.А.

ЛОРС
(XV в.)

Чеченский военный предводитель Лорс проживал в Бамуте. В числе других выдающихся личностей Лорс вел ожесточенную борьбу против кабардинских князей, занявших плоскость в последней четверти XV века. Лорс был другом и, возможно, родственником Меда, сына Акхмера. Мед поддержал Лорса, когда у последнего возник конфликт с владетелем Эги из Эги-Кхаьлла. Однако после смерти Меда и нашествия малокабардинских князей Эги, став узденем («эзди») кабардинских владетелей, пользуясь поддержкой кабардино-кумыкского отряда, распространил свою власть на соседние чеченские общества, облагая их данью и ставя в нижестоящее в социальном плане положение. Факт подчиненного малокабардинцам положения Эги и его потомков отражен в документах. К примеру, в XVI веке, когда кабардинскому князю Алкасу, а затем его сыновьям Айтеку и Мудару удалось взять под контроль вход в Дарьяльское ущелье, устранив прежде владетеля Султана-мирзу – брата более известного владетеля Шиха Ишеримова, «горные люди Колканцы» совершали периодические нападения на русские посольства, проходившие через Дарьял, что, по-видимому, было давлением князей руками подчиненных с целью принуждения русского правительства обратиться за их охранными услугами. Кроме того, последнее обстоятельство позволяет считать, что кабардинская знать использовала какалинцев в качестве инструмента по дискредитации брата Шиха Ишеримова-Окоцкого – Султана-Мурзы, отвечавшего за безопасный проход московских посольств через Дарьяльское ущелье. О том, что калканцы (владетели общества ГIалгIай, или какалинцы) «…преж сево… были *послушны Алкас-мурзе, а ныне… послушны Айтек-мурзе*» сообщается в документах XVI–XVII веков. Е. Кушева не сомневалась, что при упоминании «калканцев» «…речь идет об ингушах-галгаях».

В.М. Аталиков сообщает, что появление малокабардинских князей на плоскости современного Северо-Восточного и Центрального Кавказа состоялось в промежутке между 1475 годом и концом XV – началом XVI века, когда кабардинцы были вытеснены турками с Таманского полуострова. Кроме того, согласно сведениям Н.М. Будаева, ссылающегося также на Х. Яхтанигова и Ш.Б. Ногайлиева, кабардинская элита (но не подвластные им уздени и крестьяне) имела «…*пришлое, тюркское происхождение* (*крымское, ногайское, кумыкское* и т.д.) (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Это объясняет и крепкие связи между малокабардинскими и кумыкскими социальными верхами.

После смерти Меда, состоявшего в привилигированном княжеском сословии, которому узденям кабардинских князей приходилось уступать в спорах, последовала кровопролитная война между галгаевским и аккинским общинами. Прежде всего род Эги покончил со старым противником – Лорсом из Бамута. Постепенно какалинцам удалось подчинить своей власти соседей, в особенности вабойцев. Род Эги, установив контроль над чужими областями, обложил их данью. «В те времена, – пишет Н. Яковлев, – *еще не было общего названия для всех ингушей, и галгаями назывались только три-четыре сильнейших рода, занимавших лучшую часть горной Ингушии* [текст сноски: Местность по маленькой долинке ручья Ахкы-хы, где лежит селение Эги-кеал, до сих пор называется «Галгачие». Отсюда, вероятно, и происходит название «Галгай»]. *Раз в году* собирались эти союзные роды в самом большом и древнем «Храме Тысячи» и, справив здесь сообща годовой праздник, *отправлялись с оружием в руках за сбором дани ко всем окрестным племенам*. Неравенство между племенами стало порождать неравенство и между отдельными родами. *Выходцы из чужих родов, беженцы, пленники, найденыши становились рабами* или получали от господствующих родов земли для поселения и становились их крепостными земледельцами (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

В одном из этнографических источников описывается инцидент, состоявшийся в Ассинском ущелье и приведший к смерти Лорса, намеревавшегося устроить очередной поход на кабардинцев, от руки Эги. В тексте читаем: «Эги-кхел, Хамхи и Тергим в союзе с другими соседними родами Беркимхоевых, Евлоевых и родом Ферта-Шоулы, потомки трех братьев, или роды «Трех селений», с помощью кабардинцев и кумыков попытались распространить свою власть на ряд соседних обществ: фаьппий, аккхий, цхьорой (общество в Ингушетии, которое считало себя выходцами с Горной Аькхи), орстхой, мелхий и др.

Через землю Эги, основателя селения Эги-кхел (Ингушетия), ехал один аккинец по имени Лорс со своим отрядом. Сам Лорса был родом из аула Бамут. Эги потребовал с него дань за проезд, но аккинец дерзко отказался платить, заявив, что эти земли принадлежали чеченцам. Тогда Эги сел на своего богатырского коня и выехал против аккинца. Аккинец Лорс уступал в силе ингушу Эги; после стычки израненный… Лорс получил смертельный удар в голову. Лорса подвел его кинжал, подаренный ему черкесом, – сабля ингуша Эги разнесла черкесскую сталь и проломила голову чеченцу. Потом Эги столкнул его вместе с конем в реку Ассу. Семь ингушских воинов Эги с 30 кабардинцами вместе с 10 кумыкскими конниками и 15 воинов-аккинцев стали биться между собой. В бою было убито 25 кабардинцев и кумыков, и 4 ингуша из отряда Эги и 7 человек из отряда аккинца Лорса. Тогда обе стороны стали готовиться к мести за убитых родственников и сделались кров-

никами друг другу. Но, по обычаю, они согласились примириться, уплатив за каждого убитого его родственникам установленный выкуп. Эги, как представитель своего рода и союзник сильных в то время кабардинцев, должен был получить с аккинцев за кровь каждого своего сородича по 10 коров, а сам платил за аккинца по 12 коров. Стороны выплатили коров, и состоялось общее короткое примирение». Таким образом, за четырех (4) сподвижников Эги полагалось 40 коров; за семерых (7) товарищей Лорса – 84 коровы. Следовательно, Эги выплатил чеченцам компенсацию в 44 коровы. Отметим, что в данном случае речь шла не о традиционной плате за кровь (пхьа) в частном конфликте, а, вероятно, о цене убитого в бою, поскольку плата за кровь оценивалась более, чем в пять раз дороже – 63/66 коров (по числу чеченских тайпов).

Итак, состоя в узденьском сословии («эзди») в подчинении Таусултановых, Эги и его род успешно распространяли свое влияние на соседей. К примеру, Н.Ф. Яковлев, описывая историю изначального галгаевского центра – «трех сел» («Кха кхаьлле»), сообщал: «Здесь зародились и окрепли роды «Трех селений» («кеккеалы»), ведущие начало от трех братьев – Эги, Хамхи и Тергима… Всякий, кто проезжал или прогонял свой скот через владения трех братьев, должен был платить им дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход с одного человека и с каждой головы скота братья брали по 1 пуле и 1 заряду пороха.

Мало-помалу в руках братьев и их потомков скопились богатства, поселения их разрослись, и по их именам получили названия селения: Эги-кеал, Хамхи и Тергим. В союзе с другими соседними родами Беркимхоевых, Евлоевых и родом Ферта-Шоулы, потомки трех братьев, или роды «Трех селений», *вооруженной рукой распространили свою власть на ряд соседних племен: феппинцев, аккинцев и др.* (текст выделен мной. – *З.Т.*)» Борьба галгаевцев шла по всем фронтам: на севере – с арштхоевцами; на юге – с хевсурами; на востоке – с аккинским и малхинским обществами; на западе – с вабоевцами. «Акинцы, Малхинцы и народ Пхей…, – пишет Б.К. Далгат, – часто вели войны с ингушами Галгаевского общества. Акинцы… вечно беспокоили прочих ингушей и были в непримиримой вражде с ними».

Кроме того, служба у кабардинских князей позволяла роду Эги прежде прочих пытаться выйти на оккупированную плоскость. По поводу галгая-кабардинских контактов и попыток выхода на плоскость высказался и Я.З. Ахмадов: «В различных регионах Горной Чечни сложился в XVI–XVII вв. цикл преданий о военных вожаках. Так, благодаря военному предводителю Меда из Кей-Мохка, жившему не позже XVI в. (вернее, в XV веке. – *З.Т.*), игравшему видную роль как в Кее, так и во всем Галанчожском ущелье, произошло возвышение Кея и окружающих его обществ Горной Чечни. …в горах Галанчожа возвысились авторитетные вожди – тхьамада, которые возглавляли от-

ряды, делавшие набеги на кумыкских, кабардинских князей и на тогдашних *союзников последних – западнонахские (ингушские) общества*. Безусловно, это ситуация того времени, когда *галгайцев и джераховцев, нуждавшихся в предгорно-равнинных землях, обращали в своих вассалов местные кабардинские и более дальние кумыкские владельцы*, имевшие сильные профессиональные дружины (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Соглашаясь с основной мыслью ученого, отметим, однако, что описанная ситуация была объективна также и для XV–XVI вв. Тем более, что уважаемый Я. Ахмадов упоминает Меда Акмерова.

Именно так, путем насильственного подчинения, роду Эги, успешно распространившему свое влияние в Ассинском и Джейраховском ущельях, удалось со временем распространить собственное самоназвание на остальные общества. «Еще сравнительно недавно, – пишет Е. Крупнов, – ингуши-горцы называли себя «ламур» или «ламро», что значит – горный житель (от «лам» – гора). Отдельные же их группы, очевидно, отдельные племена, имели в недалеком прошлом различные самоназвания: «галгаи», «кисты», «фяппинцы», «цоринцы», «арштхойцы» и др. С течением времени, очевидно, в *силу социально-экономической значимости галгаевской племенной группы*, обитавшей в Ассинском ущелье – древнейшем центре ингушской культуры, *имя этого племени – «галгаи» – было перенесено и на другие ингушские племена* (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Факт подчинения какалинцев кабардинцам и борьбы между какалинцами и аккинским обществом чеченцев отражен и в других сообщениях. Так, согласно летописным источникам, в конце XV – начале XVI века аккинский предводитель Янбек был вытеснен кабардинцами с области Башлам (гора Казбек; район Дарьяла) в ущелье реки ГІула (общество Цхьора, которое, как было указано выше, связывало свое происхождение с горноаккинской общиной). Здесь две сотни аккинских семей, предводительствуемых Янбеком, были разбиты кабардинцами и вынужденно бежали на восток – в ущелье реки БургІалт (Яман-су). Поскольку в Цори можно было проникнуть лишь через верховья Ассы, где расположена вотчина Эги, земля Кхакхаьлла и местность ГІалгІайчоь, то и беспрепятственное вторжение кабардинцев в Цори через Какалу подтверждает ранее приведенные этнографические и документальные сообщения.

Итак, в конце XV века в горах Галанчожа и верховий Ассы, а также в ущельях Дарьяла и Арм-хи начинается конфликт, приведший к тяжелейшим последствиям для чеченцев Ассы и Джейраха. В дальнейшем это обстоятельство приведет к походу чеченского военного предводителя Дудара в Джейрах и Какалу для оказания поддержки местным общинам и восстановления контроля над Дарьяльским ущельем.

Список использованных источников и литературы

1. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.). Грозный, 2017.

2. Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / Е.Н. Кушева. – М.: АН СССР, 1963. – 370 с.

3. Тесаев, З.А. Мехк-Дай: народные правители Чечни (XVI – 1-я четв. XVIII в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 432 с.: ил., карт.

4. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

5. Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578–1613 гг. / С.А. Белокуров. – М., 1889. – CXXX, 585 с.

6. Аталиков, В.М. Северный Кавказ в XIII–XV вв. / В.М. Аталиков // Живая старина. – 1993. – №3.

7. Будаев, Н.М. Западные тюрки в странах Востока / Н.М. Будаев. Нальчик, 2002. 201 с.

8. Яковлев, Н.Ф. Ингуши / Н.Ф. Яковлев. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 135 с.

9. Яндаров, А.Д. Мифы и предания чеченского народа / А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). – М.: «Орбита-М», 2011. – Т. II. – 255 с.

10. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / Подг. текст. и предисл. Я.З. Ахмадова, И.Б. Мунаева. – Грозный: «Книга», 1991. – 112 с.

11. Записал З.А. Тесаев со слов С.А. Мударова (1953 г.р.). – Рошни-Чу, 2019.

12. Мамакаев, М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения / М.А. Мамакаев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009. – 111 с.

13. Далгат, Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. / Б.К. Далгат. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 382 с.

14. Ахмадов, Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках / Я.З. Ахмадов. – Грозный: АН ЧР, 2009. – 422 с.

15. Крупнов, Е.И. Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов. – 2-е изд. – Магас: Издательство «Сердало», 2008. – 256 с.: ил.

16. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

17. Волкова, Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / Н.Г. Волкова. – М.: «Наука», 1973. – 208 с.

Тесаев З.А.

ДУДАР
(XV–XVI вв.)

После убийства владетелем Эги Лорса и ряда вооруженных столкновений на западе многие общества ущелья Арм-хи и другие соседи попали в тяжелое зависимое положение. Некоторые фамилии были объявлены рабами феодалов Ассинского ущелья. Согласно полевым источникам, угнетенные жители ущелья Арм-хи обратились за помощью к располагавшемуся тогда в местности *Муьйта-кхер* в Акке *Мехк-Кхелу*, который снарядил им на выручку два отряда под общим командованием выдающегося чеченского военного предводителя Дудара (он же Дударов) из Кея. Л.П. Семенов писал: «По общему признанию, Дударов (по-чеченски – Дудар) родом из Чечни (из селения Кий или Аки)».

Отряд Дудара, по некоторым данным, составил 150–200 человек. Сообщается также о маршруте движения чеченского «орца» (помощи) в ущелье Арм-хи: «В Ингушетию вошел он с небольшой дружиной. Для избежания столкновения с местным населением, минуя Цори, он двигался по горным хребтам, граничившим с Хевсуретией. Поселился Дудар в селении Биср, в верховьях реки Арамхи, засватал девушку из фамилии Тумгоевых и женился на ней. В этом селении и теперь сохранилось место, связанное с его именем и названное «Дудар-бей» – луг Дудара». Ранее было отмечено, что ущелье реки ГІула (Цхьора) выходило прямо к центру вотчины Эги – Какале. Плоскость же была занята кабардинцами. Это вынудило Дудара двигаться из Галанчожа по горным тропам выше названных областей – вдоль границ Пхой-Мохка (Хевсуретии). Указание на Биср (*чеч.* Бийсар) как место первого появления в ущелье Арм-хи позволяет считать, что маршрут Дудара шел из Кей-Мохка через Малхисту и Архоты к истокам Арм-хи, откуда он и мог спуститься к аулу Биср. Другой отряд, возглавлявшийся Довтом, другом Дудара, прибыл в аул Мецхал того же ущелья. Явившиеся дружины совместно заложили аул ФалгІан (т.е. свободный, или [к] свободе), начав освобождение области. Как писал Л. Семенов, факт «происхождения фалханцев из Акки» (возможно, речь об отряде Довта) был широко известен. Кроме того, аул Бейни позднее основали выселенцы из Фалхана. Неудивительно и то, что тумгоевцы (жители аула Тумага) породнились с Дударом: из Тумгоя (*чеч.* ТІумагІа) происходили братья Гий, Чинаха и Сиккам. От Чинаха идет один из родов тайпа Чинхой; от Гия – Тумгой; а от Сиккама, ушедшего в Цори по требованию Гия из-за конфликта с последним (Гий, намеревавшийся убить Сиккама, отпустил его из-за жалости к его трагически погибшей жене, выпрашивавшей пощады мужу), – Цикма-бухой, которые позднее вступили в союз с родом Эги.

Более того, в числе поддержавших Дудара были местные пхойцы (чеченцы Хевсуретии, проживавшие здесь до масштабной миграции в 1-й пол. XVI в.), терлойцы (мы уже писали о том, что часть терлоевцев переместилась из Двалетии в Аргунское ущелье через область Ваба, центром которой и был аул Мецхал), а также Вадиловы. Разумеется, кроме перечисленных общин в рядах сторонников Дудара были и сами угнетенные вабойцы (*чеч.* ваьппий), арштхоевцы Ассинского ущелья и притоков Ассы, а также алароевцы и гуноевцы. Примечательно, что Дудару приписывается изречение: «Никогда не ходите в поход без гуноевца». Неудивительно и то, что в числе союзников Дудара оказались выходцы из Цори (*чеч.* Цхьора), явившиеся туда ранее из Даттыха (арштхойцы) в Тумага, а оттуда – в ущелье р. Гула. Исходя из имеющихся сведений, именно цоройцы поддержали Меда, сына Акхмера, во время собрания князей для утверждения его статуса «эла».

В ущелье Арм-хи главной целью Дудара стал аул Обан – вотчина сына и внуков Эги и главный опорный пункт какалинцев в Джейрахе. Обан (Эбан) был окружен, а затем взят штурмом и «разорен дотла». «Только один мальчик, – сообщается в фамильном предании, – остался в живых, да и тот был брошен с высоты берега, но не погиб, хотя и получил девять ран. Мальчик этот был поднят и взят женщиной, возвращавшейся с мельницы в *аул Харп* (выделено мной. – *З.Т.*). Ему дали название Циск (кошка)…».

После захвата Обана Дудар направился прямиком в Ассинское ущелье, на пути к которому было расположено поселение отца-основателя Какалы – Эги-Кхаьлла. Начались «…ожесточенные войны с ингушскими горными аулами», в результате которых Дудару удалось выйти к верховьям ущелья р. Асса. По-видимому, принудив противника к миру, на определенном этапе Дудар прекратил боевые действия в Кхакхаьлла. «Обладая редкой отвагой, силой воли и властолюбием, – говорится в источнике, – он (Дудар. – *З.Т.*) не уживался с местным населением, постоянно враждовал с ним. Теснимый ингушами, он с небольшой наемной дружиной переселялся из одного места в другое и вот, *покинув Ассинское ущелье*, укрепился в Мецхальском обществе… (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Здесь, в районе Вабуа, Дудар стал обустраивать «…целый ряд своих форпостов-башен». Таким образом, Дудар уничтожил укрепрайоны какалинцев в ущелье р. Арм-хи, вторгся в Какалу, устроив в ней погром, затем отступил обратно в ущелье Джейраха, снял с местных жителей обязательства по уплате дани родам Какалы и стал жить среди вабойцев как член их общества. Но с этого момента отношения Дудара с местным населением резко изменили свой характер.

Из Бийсара (бийсар, или буьйсанг – место, где отдыхают и пережидают ночь путники; *букв.* [для] ночевки) Дудар переселился в с. Салги в 2–3 км к северо-востоку. «С местными жителями, – сообщает предание, – у Дудара произошла ссора из-за земли, и он переселился *из Бисра* сначала *в Салги*, где

прожил недолго, *затем в селение Мекалте*, находившееся на левом берегу реки Арамхи, близ Шуана (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Селение «Мекалте», или *(чеч.)* МаькхалтIе, было расположено на северо-западе от с. Шоана. На востоке Шоана известно место *«ГIалгIай бей»*, где, по-видимому, ранее располагались галгаевцы. Интересно, что «Маькхал» представляет собой культовое место, где обнаруживаются развалины святилища. Вероятно, осетинское название ингушей – *«макхалон»*, и название реки Арм-хи – «*Макхал*-дон» (букв.: *Макхал*-река), было связано со святилищем *Маькхал*.

Из Мекалте Дудар со временем ушел ниже по течению р. Арм-хи на 4 км и обосновался близ с. Лежге, что означает «бурдюк». Затем Дудар продолжил движение вниз по течению реки и обустроился близ с. Харпе (*чеч.* Хьаьрпе) в 4 км пути от с. Лежге. Здесь, как и ранее, Дудар отстроил фортификационные сооружения: боевую башню *Дудар-бIов* и полубоевую жилую башню *Дудар-гIала* между с. Харпе и разрушенным с. Обан.

Между тем, аул Харпе, как мы выяснили ранее, спас одного из жителей с. Обан, о чем дударовцы узнали совершенно случайно. Когда в Харп явился один из соратников Дудара, выходившая Циска (мальчика из Обана) женщина дала ему в руки оружие и велела стрелять в чеченца («взять кровь»): молодой и неокрепший Циск не справился и промазал. Далее в источнике сообщается: «Враг, узнавши, что из разоренного аула Эбан остался один в живых, поспешил домой и дал знать о будущей опасности отмщения со стороны Циска». Скорее всего, весть о том, что один из обанхойцев остался жив, достигла и Какалу. Так это или нет, но вскоре в Харпе к родственникам приехал человек из Галгая, которого по приказу Дудара, по-видимому, тайно пленили, доставили к нему и заковали в цепи как пленника. «Во владение Дудара, – говорит предание, – зашла с какой-то просьбой женщина из Харпе. Хозяина в это время не было дома. Пленнику удалось обмолвиться с нею несколькими словами…». Исходя из содержания сообщения следует, что галгаевец договорился с женщиной о подготовке засады, когда его будут перевозить сыновья Дудара (возможно, для продажи на невольничьем рынке): «Те устроили засаду. Когда сыновья Дудара везли юношу по долине, он крикнул, подражая крику черного ворона (т.е. подал сигнал. – *З.Т.*). Харпиевцы напали на сыновей Дудара, убили их и освободили пленника. Победители отрубили головы врагам и на следующий день утром крикнули Дудару с вершины: «Дудар, смотри, вот козлиные головы!» Головы сыновей, если верить данному сообщению, скатились в приток р. Арм-хи, у берега которого жил Дудар. После этого он оставил свое место жительства, «дабы не пить воды из этой речки», «переселился в Духаргишт и выстроил там башню». Аул Духаргишт (*чеч.* Дуьхьаргишта) располагался на расстоянии около одного км пути от Харпе.

Прежде чем осуществить свою месть харпийцам, Дудар устроил военный поход на Дарьял, для того чтобы подготовить тылы и выполнить вторую

по значимости цель, определенную *Мехк-Кхелом* в Галанчоже – восстановление контроля над транспортной магистралью между Грузией и Чеченской страной. Главным пунктом, закрепляющим контроль над Дарьялом, был Ларс. В одном из источников читаем: «Через некоторое время Дудар уехал в Ларс и вернулся с богатой добычей. Куштовым, проживавшим в Духаргиште, он привез в дар быка, к хвосту которого был привязан осел, нагруженный шелком и золотом». Уже затем, после возвращения с похода на Дарьял, «Дудар побратался с Куштовыми и потом, с их помощью, напал на Харпе и взял в плен всех мужчин». Однако прежде этого инцидента Циск из с. Харпе вернулся в аул Обан, где вскоре женился. Вместе с тем, после нападения на с. Харпе отношения Дудара с соседями усугубились, поскольку теперь он вступил в конфликт с самими вабоевцами. По этой причине Дудар покинул Духаргишт, перешел через р. Терек и укрепился на месте современного села Чми. О перемещениях Дудара несколько обобщенно сообщается следующее: «Имея кровников, Дудар, теснимый ими, продвигался на запад и по пути строил замки близ селений Ляжг, Харпе, Духаргишт и, наконец, перешел Терек и поселился в Чми». Что касается Циска, то у него родилось четверо сыновей: «Самый замечательный из них был Хорс. Однажды Хорс отправился вглубь Кистинского ущелья (либо ущелье р. Кистинки, или Ахкар-хи, либо речь идет о правом береге р. Арм-хи. – *З.Т.*). Узнавши о его путешествии, тринадцать человек из аула Гарак (вабоевский аул. – *З.Т.*) подстерегли его». Хорсу удалось сбежать от погони и укрыться в лесах, после чего, убедившись в том, что Циск не разочарован в нем, Хорс вернулся домой.

В Дарьяле Дудар освободил территорию нынешних сел Ларс, Чми и Балта. Завоевания Дудара позволили восстановить контроль над ущельем, вытеснив малокабардинцев и их вассалов с верховьев р. Терек. Позднее, согласно фамильным преданиям, Дудар закрепил на *Мехк-Кхеле* закон для рыцарей-чеченцев: *«Умерший в постели не достоин даже его упоминания»*.

Покинув Джейрах и Вабуа (Кистетию), Дудар продолжал поддерживать отношения с друзьями и родственниками в ущелье р. Арм-хи, посещая праздничные мероприятия возле святилищ Мят-Сел (на южном склоне горы *Мят-Лам*), Тишоли и МагIо-Ерда.

Список использованных источников и литературы

1. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.). Грозный, 2017.

2. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

3. Записал Ю.Ш. Товбулатов со слов Х.М. Эльмурзаева (1938 г.р.). Валерик, 1988.

4. Семенов, Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах / Л.П. Семенов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. – 160 с.

5. Далгат, У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / У.Б. Далгат. – М.: «Наука», 1972. – 467 с.

6. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

7. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

8. Яковлев, Н.Ф. Ингуши / Н.Ф. Яковлев. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 135 с.

9. Бороздин, И.В. В горной Ингушетии / И.В. Бороздин // Новый Восток. Книга № 20–21. – М. Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР, 1928. – С. 310–324.

10. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А.С. Сулейманов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. – Ч. II. – 289 с.

Тесаев З.А.

ИТОН И УСАР
(XV–XVI вв.)

Главным событием, послужившим окончательному упразднению посттимуровской родофеодальной раздробленности ДегIасты (Чеченской страны) в конце XV – начале XVI века стал случай, связанный с самым сильным и авторитетным владетелем Аргунского ущелья – Усаром из Тусхароя или Эзхоя, и его зятем – Жели (по другой версии – Итоном), сыном Итона.

В первую очередь, во избежание путаницы, мы рассмотрим данные по генеалогическому древу рода Итона. Три древа представлены в грузиноязычном труде В.Д. Итонишвили (1969). В таблице № IX демонстрируется следующая родословная:

1) ЛунтIи;
2) Иттони;
3) Иттони;
4) Жели;
5) Борз, БахIмад, Муртаз, Эжи, ХIамад.

В таблице № X отцом ЛунтIи (в данном случае – «Лунги») назван Бери, а у Иттони 1-го отмечены братья Тумсо и Зумсо. При этом между Иттони 2-ым и Жели помещены последовательно Энди и АктIула, что, как нам представляется, сразу можно отсеять как ошибку. В данной интерпретации мы получаем следующее древо:

1) Бери;
2) Лунги;
3) Иттони;
4) Иттони…;
5) Жели;
6) Муртаз (Муртаз был указан как сын Жели и в предыдущем древе).

В таблице № XI мы наблюдаем ту же последовательность:

1) Бери;
2) ЛунтIи;
3) Итони 1-й;
4) Итони 2-й;
5) Жели.

Однако у Итони 1-го отмечен брат ГIала. Кроме того, по всей видимости, Итон 1-й был женат на дочери Бирача – приближенного Сурака. Н.Е. Иваненков (1910) приводит согласующуюся с вышеперечисленными именами генеалогию, за исключением отсутствия второго Итона:

1) Луьнга;

2) Итон;

3) Джали;

4) Барз[-гар], Багомат[-гар], Эжи[-гар], Хамат[-гар], Муртаз[-гар].

Другой источник называет Луьнга сыном 2-го Итона [13], что усложняет наши попытки упорядочить последовательность имен. Согласно родословной, предоставленной Итаевыми, имеется следующая генеалогическая последовательность:

1) Малцаг;

2) Маммач;

3) Ича;

4) Итон;

5) Ита.

По имеющимся данным, исход Итона 1-го связывается с хилдехаройским аулом Луьнки. В одном из этнографических сборников, опубликованного в Тбилиси, указано: «…Итон был родом из Хильдехароя. …в обществе Хильдехара зафиксирован топоним Луьнки (аул), созвучный с именем отца Итона… Не исключено, что отчество главного героя есть, на самом деле, отголоски воспоминаний о его прародине». Высказанное мнение нам представляется верным. Аул Луьнки, по-видимому, был основан дедом Итона 2-го – Маммачем. Что же касается причины, по которой аул и сам Маммач носят (второе) имя Луьнки, или Луьнга, то она, по нашему мнению, связана с положением Маммача в окружении Тимура, прозванного Ленгом (Темур-Ланг > Тамерлан), т.е. Хромцом. Факт этот был известен и чеченцам, которые, помимо прозвища «АстагI [Тимар]», использовали эпитеты «лаьнчиг» и «луьнга» (луьнка; акк. диал. ланкIа).

Третий по списку – Ича, исходя из данных прочих древ, тот же Итон 1-й, а Ита (5-й по счету), вероятно, младший брат Жели. Таким образом, мы получаем следующее генеалогическое древо:

1) Малцаг (он же Бери);

2) Маммач (он же Луьнга, Луьнка, Лунги, ЛунтIи);

3) Ича (он же 1-й Итон, Итони, Иттони);

4) Итон (он же 2-й Итон, Итони, Иттони и, вероятно, Луьнкин Итон или Итум Люнгиев – вышедший из аула Луьнки);

5) Жели (он же Джели; или Луьнга) и Ита.

Теперь, исходя из данных последней родословной, мы рассмотрим историю события, состоявшегося, как нам видится, в начале XVI века в период правления шаха Исмаила I (1501–1524), неоднократно совершавшего разрушительные походы на Кавказ, влекшие за собой движение народных масс. В частности, в 1517 году Исмаил I подчинил территорию современной Восточной Грузии, в том числе Кахетию, в то время густонаселенную чеченцами. Надо отметить, что верховья Аргуна именуются Чанты-Аргуном.

Учитывая расселение чантийского общества, а также увязка отдельных его выходцев с Кахетией (см. далее), можно считать, что прежде чантийское общество было широко расселено и было могущественным племенем.

Н.Е. Иваненков писал: «Родоначальником чантийцев (лишь одного рода общины ЧIаьнтий. – *З.Т.*) был некто Итум Люнгиев, княжеского рода, выходец из Грузии…». Исход из Грузии (имеется в виду Кахетия), очевидно, отражает вышеупомянутый факт вынужденного движения масс из Закавказья на север из-за кровопролитных войн с Ираном. Последний факт отразился и на численности чантийцев, что привело ко временному ослаблению общины. Объективно и указание на «княжеский род» Итона, связываемого с Маммачем.

На момент появления Итона 2-го в ущелье Аргуна (вероятнее всего, после 1517 года включительно) данная область, согласно этнографическим материалам, переживала пик «родофеодализма» (чеченской специфики). Власть в верховьях ущелья принадлежала князю Усару из Тусхароя (по другой версии, из рода Эзхой). Итон, являясь князем по происхождению и, как следует из источников, будучи состоятельным человеком, все же оказался в затруднительном положении. Вероятнее всего, в аул Луьнки (возможно, отцовское владение в Хилдехарое) он переселился из попавшей в зависимость от Ирана Кахетии.

В горах Аргунского ущелья в рассматриваемый период продолжались родофеодальные порядки. «…в Аргунской долине (Итум-Калинский район), – пишет М. Мамакаев, – самыми сильными и крупными землевладельцами были дышнинцы во главе с их вожаком (тайпанан хьалханча) – тусхароевским Усуром. Дышнинские вожаки свой скот обычно передавали на зимовку падхароевцам (Итум-Кале) (родственники или потомки Итона; связываются с ГIалой. – *З.Т.*). При этом падхароевцы обязаны были каждую весну при возвращении скота обратно дышнинцам со всем приплодом возмещать им всю ту естественную убыль, которую терпел этот скот в течение зимы».

В одном из источников читаем следующее: «Выходец из общества Хильдехарой (Хилдехьара) – Итон, который жил тогда возле перевала Чанти-барз, добрался до земель Дишни-Мохка. Место ему понравилось, и он отправился к его хозяевам, чтобы договориться о переселении в их владения. Предводителем дишний был тогда Усар из Тусхара…, чей замок располагался на горе Бекхайла. Его власть была настолько сильна, что все соседи звали его Уьсар-эла. За то, что пришельцам разрешили поселиться в Дишни-Мохке, они должны были каждую зиму содержать скот Уьсара и его родичей. На том и порешили.

С Итоном пришли его братья – Шала, Гала (по другой версии – Жала; ранее было сказано, что ГIала был братом Итона 1-го. – *З.Т.*), их дядя Вазар,

сын Итона *Жели* и их семьи. Там, где они поселились, была воздвигнута башня. Так возникло село Итум-Кале (Итон-Кхелли)». В другом сообщении утверждается то же: «Землей, где поселился Итон, владел князь Дишни-эла. В местечке, где жил князь, еще на памяти стариков стояли остатки его башни, или замка (гІала). По существовавшим обычаям, Итон был зависим от князя, на земле которого он поселился. Поэтому каждую зиму он содержал за свой счет большое число княжеских овец». Таким образом, в рамках естественных порядков своего времени благородный по крови и состоятельный Итон, поселившись в пределах, подконтрольных Усару, должен был считаться с установленным обычаем. Но на этом личные взаимоотношения Усара и Итона не закончились. Читаем далее: «Когда сын Итона Жели подрос, то отец посватался к Нанаг – дочери Усара (по другой версии, Итон сам женился на дочери Усара: у них родился сын Луьнга, а Наной звали жену Усара – бабушку Луьнга. – *З.Т.*). И хотя Итон был данником (вернее сказать, таково было арендное обязательство Итона за проживание на данной территории. – *З.Т.*), тем не менее, он был богатым человеком (в действительности, князь из Тусхароя не стал бы выдавать дочь за человека неблагородного происхождения, даже богача; ему, разумеется, было известно происхождение и положение Итона. – *З.Т.*), а потому дишниец ответил, что подумает. Он отправился за советом в МІайста (по другой версии – в Чеберлой. – *З.Т.*), к тамошнему князю. И хотя маистинский князь стал отговаривать Усара, тот решил все-таки отдать дочь за Жели.

У Жели родился сын. Повзрослев, он сказал отцу, что чантийцы больше не будут содержать скот дишний. Когда осенью, в очередной раз, дишний пригнали в Итум-Кале своих овец и телят, … [сын Жели] отрезал им хвосты и отправил в Тусхара». Здесь следует отметить, что Итон исправно выполнял условия договора, заключенного с Усаром (в рамках принятых на себя обязательств), но внук последнего, состоя с ним в кровном родстве, этими обязательствами не обременялся. По всей видимости, именно на это указал Усару владетель Майсты, о чем говорится в другом сообщении: «Майстинский князь ответил ему следующими словами: «Не ударит ли тебя рогами лоб, рожденный твоей чистой кровью?» Это означало: «Когда твоя дочь родит сына, он может… выступить против тебя». Отметим, что мотив с отрубанием хвостов овец князей обнаруживается и в преданиях чеберлоевцев. Подчеркнем также, что подобные сообщения с такой же сюжетной составляющей (за исключением разночтений в деталях и именах) фиксируются нами и сегодня.

Возмущенные действиями Жели владетели не простили поступка внука Усара. «Дишнинские князья собрались на гулам (совет), – передает источник, – чтобы решить, как поступить им в связи со случившимся. Они решили, когда рано одевающийся листьями кустарник (маск) распустит свои листья

до величины мышиных ушей, расправиться с итум-калинцами. О таком решении узнала сестра Итона – Нанаг (в предыдущей версии Нанаг была дочерью Усара. – *З.Т.*), бывшая замужем за родственником дишнийского князя. Она не желала зла ни мужу, ни своей родне, но сочла нужным предупредить родственников о грозящей опасности.

Нанаг прибежала к краю берега у долины реки, где проживали ее родственники, и стала кричать им, прося принять меры против ожидаемого несчастья. Князья поймали ее и убили.

Нанаг была похоронена на месте убийства. По обычаю горцев, к завещанию умирающего должны относиться внимательно, и поэтому ее похоронили на том месте, где она погибла (у А.С. Сулейманова отмечен микротопоним «Нанаг кошие» на левом берегу Аргуна с тем же комментарием о гибели Нанаг, пытавшейся выручить внука. – *З.Т.*)».

В другом сообщении Нанаг названа женой Усара и бабушкой Жели, однако, не указано, приходилась ли она сестрой Итону. В данной версии читаем: «Но вышло так, что жена его (Усара. – *З.Т.*) подслушала у дверей и, пожалев свою дочь, побежала в долину к Итуму предупредить его семью о грозящей опасности. Ночью, когда она возвращалась назад, ее увидали Тусхаройцы, догадались о предательстве женщины и убили ее тут же, у дороги. На том месте, где она была убита, и до сих пор лежит на дороге большой камень».

Нанаг ценой собственной жизни предупредила семейство Итона о намечающемся походе. Имеются разные источники, указывающие на состав сил, представленных в обеих сторонах конфликта. Так, согласно одному из них, Жели отправился в Тушетию (по-видимому, туда, где род Итона оставил своих родственников и друзей при переселении в Луьнки). В Тушетии сын Итона собрал «большое войско». В другом источнике утверждается, что Жели (или Луьнга) заручился поддержкой «джайского» князя. При этом комментатором тут же делается уточнение, что речь идет об «аварском» князе. Наш информатор также уточнил, что сторону Итона приняли садойские князья, к которым в конце XV – начале XVI века еще причислялись потомки Сурака, бывшие сада-арсойского происхождения. Вместе с тем, другой информатор-старожил утверждает, что жители хевсурского аула Шатили именовались прежде жайлинскими князьями (Жай-элий; возможно, «[люди] Креста»). При этом известно, что с ними в родстве состояли выходцы из чеченской общины Жей (они же Джей, Жой, Жевой). Кроме того, в рассматриваемый период область Пхой-Мохк (Хевсуретия) еще продолжала быть этнически чеченской. В этой связи упоминание Тушетии, с которой смежен Пхой-Мохк, включая Шатили, как области, куда обратился за помощью Жели, позволяет полагать:

1) либо под джайским князем разумелись шатильцы, действительно состоявшие во вражде с владетелями Дишни-Мохка;

2) либо под джайским князем действительно, как полагает М. Мамакаев, разумелись Суракаты (как часть садойской макросемьи), еще сохранявшие влияние в ущелье Аргуна после отступления отсюда Байра – сына Сурака;

3) либо общины Садо и Шедало (Жей) участвовали в конфликте с Усаром на стороне Итона каждая в отдельности.

Имеются сведения и о сторонниках Усара: «Началась война, – говорится в фамильном предании, – в которой со стороны Дишни-мохка выступили воины аулов Тусхара, Цацах, Барснаха, Зумса, Хачарой (два последних – отдельные тайпы. – *З.Т.*) и Бечига. Жители же Итум-Кале заручились помощью князя из аула Дёра (ДоьрахIа) (еще один союзник Итона. – *З.Т.*)». По другим данным, война продлилась 12 лет и завершилась примирением, санкционированным соседними обществами в принудительном порядке из-за опасности исчезновения обеих общин из-за вражды.

Таким образом, в конфликт рода Итона и владетеля Усара были вовлечены серьезные силы. Сюда можно прибавить тот факт, что на стороне Усар-эла выступил другой аргунский владетель – Бичча Бирачев (очевидно, защищавший интересы князей как сословия), а Итона, обратившегося к еще только набиравшему силы *Мехк-Кхелу* (демократическому, судебно-законодательному органу власти, располагавшемуся в Нашхе), поддержали призванные к оружию ополченцы из множества других тайповых общин. Фактически на поле брани решалась судьба народа: столкнулись силы, представлявшие старые родофеодальные круги, борющиеся за свои землевладельческие и эксплуатационные амбиции и привилегии, с одной стороны, и прогрессивные демократические круги, выступающие за завершение удельного периода в стране и консолидацию общества вокруг органа *Мехк-Кхел* для возрождения народа и его государства, – с другой. Сражение в верховьях Аргуна стало кульминацией этого противостояния: «Случилось так, что дишний проиграли. Все перечисленные общины, – говорится в источнике, – лишились многих своих земельных угодий, а жители аулов Цацах, Бечига и Барснаха вынуждены были пользоваться своими бывшими сенокосными и пахотными участками за арендную плату». У М. Мамакаева также читаем: «…Жели одержал победу. «Победив дышнийцев, – продолжает свой рассказ старый Эгиш, – падхароевцы (родственники Жели. – *З.Т.*) захватили огромную земельную территорию, основательно потеснили тусхароевцев, харачоевцев (которые, как и другие дышнинцы, участвовали в миграции в Нохчмохк и осели в современном Харачое. – *З.Т.*), зумсоевцев и других. Сами заняли княжеское положение…» Как бы для большего доказательства своих слов Эгиш добавляет, что недалеко от аула Итум-Кале и поныне сохранилось кладбище «Нанаг каш» (Материнское кладбище), где погребены участники этой знаменитой битвы падхароевцев против дышнинцев».

После поражения Усар, согласно одному из сообщений, вновь созвал совет и «…хотел сложить с себя сан, но советники возразили ему, – утверждается в источнике, – что в поражении его нет большого позора, так как победитель не кто иной, как его собственный внук». Однако завершение данного противостояния не было столь беспоследственным для Усара, как могло бы показаться. Разрешив конфликт на поле брани, Мехк-Кхел взялся за собственное гнездо Усар-эла, намереваясь раз и навсегда покончить с родофеодализмом в Стране чеченцев.

В нашем исследовании *«Мехк-Дай…»* указано: «Затянувшийся период [родо]феодальной раздробленности, непрерывные потоки беженцев с запада и юга, а также оккупация восточных земель ДегIасты [иранцами и их ленами] требовали принятия политических решений. По инициативе *сиров Мехк-Кхела* было принято решение о добровольном переходе от [родо] феодальных отношений к республиканской форме правления как передовой мысли развивающегося мира. Республика должна была стать инструментом ликвидации [родо]феодальной раздробленности для возобновления целостной чеченской государственности. Это было логичное и необходимое преобразование для решения тяжелой задачи, вставшей перед народом. Ранее существовали другие формы правления: царства, княжества, [родо]феодальные союзы (с избранием феодалами главного князя – *«воккха эла»* – в качестве вождя). Однако в сложившейся ситуации речь могла идти лишь о немедленных демократических реформах. Сословие «эла» как привилегированная каста должно было быть упразднено вместе с огромными земельными владениями, которые планировалось распределить между обществом путем введения (наряду с частной собственностью) общинной (сельской) собственности и смешанных сельских общин взамен родовых усадеб и поселений. Такое новшество в корне меняло прежний уклад народа. Как отмечал П. Головинский, в старину «…у чеченцев существовало деление на котлы или очаги. Чем больше котлов или семей было в известной фамилии, тем считалась она сильнее». Разумеется, реакция княжеского сословия на такую инициативу *Мехк-Кхела* была противоречивой. Чеченские «элий» разделились на сторонников (просвещенная часть) и противников преобразований. В числе первых были, в частности, представители старинного аристократического рода *Садо*. Вместе с тем, несогласные с таким решением князья, в том числе сильный владетель Усар, были разбиты в сражении в Аргунском ущелье и изгнаны за пределы или на окраину вновь объявленной ДегIасты. В результате, в конце XV – начале XVI века произошло выделение нового понятия, семантически эквивалентного прежнему, – «оьзда нах», или «оьзда» (*мн.ч.* оьздий), что подразумевало причастность всех граждан ДегIасты к узденскому (т.е. свободному) сословию. Кроме того, во избежание возобновления процесса феодализации чеченского общества (возвышения

сильных землевладельцев, поддерживаемых членами рода) была введена практика «призыва князей» (а вернее, арбитров) со стороны для справедливого суда и управления без страха воздействия на решения такого управленца родственниками или опасений о последствиях его усиления (возникновения княжеского сословия из чеченской среды)».

Итак, потерпевшие поражение сторонники Усара, как и он сам, были лишены их феодальных вотчин и даже собственных владений и поставлены в роль арендаторов своих бывших башен и сенокосов в назидание всем остальным владетелям страны, имевшим феодальные амбиции и могущим оказать сопротивление *Мехк-Кхелу*. По решению *Мехк-Кхела* Усар-эла был изгнан из ущелья Аргуна к границам подконтрольной органу территории. В одном из источников сообщается: «Дишнийские князья, не поддержанные остальными князьями, оставили междоусобицу и со своими людьми ушли на запад и на плоскость, но место, где они жили, поныне называется их именем».

Действительно, часть феодалов после поражения Усара покинула Дишни-Мохк и отправилась на запад и на плоскость: «По преданию джераховцев, – пишет авторский коллектив этнографического сборника, – жители ущелья Армхи Льяновы, Боровы, Ахриевы и другие пришли с востока и являются по происхождению дишнийцами. Некоторые из них поселились на западе от Дарьяльского ущелья, потомками их считаются осетинские фамилии Льяновых и др. Часть этих дишнийцев снова перешла на восточное побережье Терека…». Кроме того, согласно тому же источнику, некоторые «…дишнийцы стали кумыками…». Последнее утверждение, очевидно, подразумевает поселение части дишнинцев в Терско-Сулакском междуречье, где в XIX–XX вв. произошло окумычивание чеченского населения.

Однако движение народных масс из Дишни-Мохка было направлено не только на запад и плоскость. Во-первых, основание села Дишни-Ведено относится именно к этому потоку переселенцев из Аргунского ущелья. Во-вторых, интересна дальнейшая судьба виновника событий: куда же ушел сам Усар-эла? Ответ на этот вопрос нам удалось найти в хронике *«Тарих Анди»*, согласно которой изгнанный по решению «Суда» из области «Шубут» (Шатой; здесь имеется в виду Аргунское ущелье вообще) феодал «Унсур» (он же Усар) переселился на южную покатость хребта *Гумик-Лам* и поселился у владетеля ГIарч-хана, который выделил ему работников для строительства жилища. Более того, род Усара умножился и дожил до сегодняшнего дня. М.А. Агларов пишет: «В Анди один из чтимых тухумов (у чеченцев – тайп. – *З.Т.*) *Унсурилал* считался происходящим из сел. *Шубут*… (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Так завершилось противостояние рода Итона и Усар-эла. Итон окончательно обосновался у выхода из ущелья ЧIаьнта, после чего возникло и ныне

известное село Итон-Кхаьлла (Итум-Кали). От Усара остался замок *Уьсаргlала* – «…боевая и жилая башня в черте аула Тусхара».

При общем совпадении сюжетной линии в источниках существуют противоречия относительно имен главных героев событий. В основном эта путаница связана с порядком перечисления имен в генеалогическом древе, из-за чего возникают хронологические сдвиги и ошибка увязки событий с той или иной личностью. Это обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшего изучения данного вопроса. Однако основная мысль, как было нами отмечено, не подвергается сомнению или кривотолкам, а история конфликта Итона и Усара, безусловно, является поворотным моментом в истории чеченского народа и заслуживает особенного внимания исследователей.

Список использованных источников и литературы

1. Итонишвили, В.Д. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. I. Семейный быт нахов и Осетии / В.Д. Итонишвили. – Тбилиси: АН ГССР, 1969. 320 с. (на груз. яз.).

2. Иваненков, Н.Е. Горные чеченцы / Н.Е. Иваненков // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. – Вып. VII. – Владикавказ, 1910. – С. 1–224 с.; табл.: I–IX.

3. Записал З.А. Тесаев со слов Д.В. Итаевой (1973 г.р.), передавшей от отца В.Б. Итаева (1940 г.р.). Грозный, 2013.

4. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.

5. Яндаров, А.Д. Мифы и предания чеченского народа / А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). – М.: «Орбита-М», 2010. – Т. I. – 351 с.

6. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

7. Мамакаев, М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения / М.А. Мамакаев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009. – 111 с.

8. Яндаров, А.Д. Мифы и предания чеченского народа / А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). – М.: «Орбита-М», 2011. – Т. II. – 255 с.

9. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

10. Записал Иса Авдадаев со слов Висхи Бахаева (1929 г.р.). – Варанды, 2018.

11. Попов, И. Ичкерия. Историческо-топографический очерк / И. Попов // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IV. – Тифлис, 1870. – С. 1–23 (209–231).

12. Агларов, М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. / М.А. Агларов. – М.: Наука, 1988. – 236, [1] с.: ил.

13. Передал З.М.-С. Мусаев со слов Магомед-Салаха Мусаева (1933 г.р.) и Хамиса Бетигова (1930/31 г.р.). – Грозный, 2019; записал З.С.-М. Мусаев со слов Р.Д. Акаева. – Грозный, 2019.

14. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. 2017. № 1 (12). С. 29–53. (На чеч. яз.)

Тесаев З.А.

ОХР, ЛЕВАН, БОР
(XV–XVI вв.)

События начала XVI века в Аргунском ущелье спровоцировали выселение с Аргуна выходцев из общины Дишни. Движение масс, по всей видимости, коснулось всех направлений, кроме южного по причине тяжелой социально-политической обстановки в Кахетии. В фамильных преданиях первопоселенцами Джейраха называются двое из трех мигрантов – Охр и Леван. Так, Чах Ахриев писал: «Первым переселился в Джерах Леван (из Галгаевского ущелья) (имеется в виду, что Леван выселился в Джейрах через верховья Ассы. – *З.Т.*). Он жил против аула Абан-Кистена, который находится на р. Арм-хий… Леван переселился к западу и основал Джерах (ныне Верхний Кале). *Старый Юрт* (выделено мной. – *З.Т.*) носил название Тешель-Калэ. До сих пор находятся на этих местах признаки прежнего жилья». Б.К. Далгат также называет Левана первопоселенцем в Джейрахе. Л.П. Семенов считал Левана основателем аула Верхний Джейрах. Согласно другому источнику, первопоселенцем в Джейрахе был Охр.

Очевидно, аул Джейрах состоял из двух кварталов: старого, или Верхнего (основанного, по-видимому, Леваном), и нового, в котором поселились потомки перса Джерахмата – Чур (Цуровы) и Хаматха (Хаматхановы). Н.Г. Волкова указывает на то, что Клапрот называет эти поселки-кварталы «Ленате» и «Цурате». В частности, она пишет: «Здесь на высоких берегах нижнего течения р. Армхи… возникали фамильные поселения *осетин* (имеются в виду потомки Джерахмата. – *З.Т.*). Клапрот указывает на два из них – *Цурате и Ленате, составлявшие сел. Джерах*. Названия этих поселений связываются с фамилиями Цуровых и Льяновых…» (текст выделен мной. – *З.Т.*). В одном из фамильных преданий также описывается конфликт, возникший между Леваном и братьями Чуром и Хаматхом, проживавшими в новом квартале Джейраха. Как сообщает источник, Леван потребовал от братьев покинуть аул и поселиться в новом месте, аргументировав это неудобством совместного проживания в селе. Чур и Хаматха, несмотря на требования Левана, продолжили селиться в ауле и приготовили камни для строительства башни. Однако Леван воспрепятствовал этому и, впоследствии, построил на том месте фамильный склеп. «Потомки Левана, – пишет Ч. Ахриев, – расселились к западу и основали аулы Пяшет и Фортоуг. Цуровы тоже расселились к западу и основали Верхний и Нижний Озми».

Следующим основанным предводителями переселенцев аулом был Фуртог. Л.П. Семенов утверждает, что первыми поселенцами в названном селе были Ахриевы, Боровы и Льяновы, родоначальником которых, говорит исследователь, был Дзарех (отец Охра, Льяна, или Левана, и Бора). «На одно или два поколения позже, – пишет Л. Семенов, – прибыли в Фуртоуг Хамат-

хановы и Цуровы… Эджи Ахриев (89 лет) подтверждает, что первыми поселенцами в Фуртоуге были, по фамильным преданиям, Ахриевы, Боровы и Льяновы. По его словам, склеп Ахриевых воздвиг Дуго Ахриев лет 140–160 назад (т.е. в 1788/1768 г. – *З.Т.*); Эджи Ахриев является внуком Дуго. Первая башня в Фуртоуге была сооружена Льяновыми…».

Г.К. Мартиросиан сообщает, что в Фуртоуге первым поселенцем был Охр. Исследователь отмечает: «Первым поселился тут Охр, выходец из сел. Мугучкал Джераховского общества». Им же, утверждает Г. Мартиросиан, была построена боевая башня по причине частых конфликтов с кабардинцами (что соответствует действительности рассматриваемого периода; в отличие от жителей верховий ущелья Ассы (область ГIалгIайчоь или Кхакхаьлле), джейраховцы находились в конфликте с кабардинцами. Кроме того, место это было занято дишнинцами «…по праву захвата, войны».

Приводится также и генеалогия Левана, согласно которой у него были сыновья Леварз и Беймарза, а сам он был сыном «Джерах-колка» (Колка?) или «Душне» (он же Дишни), где, очевидно, «Джерах» – прозвище, данное по месту поселения, а Дишни – тайповая принадлежность или исходный пункт переселенца.

Также Л. Семенов приводит этимологию названия села Фуртог со ссылкой на местного старожила: «Название… аула Фуртоуг – «ни твое, ни мое». Х.-Б. Ахриев разъясняет, что по местной легенде родоначальники фамилий Ахриевых и Льяновых (Охр и Леван. – *З.Т.*) спорили, чьим именем назвать их аул (Фуртоуг), и вопрос, вследствие обоюдного упорства, остался открытым».

Еще один источник, по-видимому, сообщает о возникновении родства между дишнинскими переселенцами и потомками Джерахмата (тагаурскими князьями-алдарами). В частности, в нем говорится: «Ахри, предок Ахриевых, был родом из Чечни, из Дишни… Его сын после поселения в ауле Фуртоуг женился на дочери осетинского князя из Тагаурской фамилии. Оттуда же (т.е. из Дишни-Мохка. – *З.Т.*) пришел Бор и Льян – родоначальники Боровых и Льяновых. И они тоже породнились с осетинскими князьями. Все они поселились в ауле Фуртоуге. Вернее, они его и основали. Льян взял дочь Дударова (который еще раньше пришел из Чечни, из Кея) и построил первую башню».

Можно также предположить, кем были осетинские князья, о которых идет речь в тексте. Об осетинском происхождении Цуровых и Хаматхановых и их появлении со стороны Санибанского ущелья писал и Л. Семенов (в 1927 году). Ссылаясь на записи последнего, Н. Волкова отмечает: «…фамилии Хаматхановых и Цуровых *вели свое происхождение от осетин из сел. Тменикау* Даргавского ущелья. Осетинские переселенцы, перешедшие в Джерахское ущелье в основном из-за кровной мести, заняли его нижнюю часть, образовав здесь небольшие фамильные поселения (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Мы уже подчеркнули для себя тот факт, что основание нижнего (нового) квартала аула Джейрах, а также аулов Верхний и Нижний Озми при-

писывается Цуровым и Хаматхановым, потомкам братьев, происходивших от перса (осетина). Чур и Хаматха, согласно имеющимся сведениям, были сыновьями Бека и внуками Джерахмата – предводителя дарьяльского гарнизона. О дальнейшем проживании Чура и его семьи в Джейрахе также сообщается в предании: «Чур и его четверо сыновей жили в Джерахе. Сыновей звали: Бек, Чур, Аршха… Братья договорились построить боевую башню. Они положили чашу и над нею стали возводить башню. Строитель, которого они наняли, был из галгаевцев».

Наконец, на связь джейраховцев с осетинской Тагаурией указывает другой факт, отмеченный Н. Волковой. Исследователь пишет: «По сведениям 30-х годов XIX в., *джераховцам принадлежали селения Калмыкав (Калмыкау), Волокав (Уаллагкау)* (два перечисленных аула расположены в Северной Осетии. – З. Т.), *Пемат (Пхемат), Большой и Малый Вазби (Оьзми)*. Первое из названных селений, было, видимо, фамильным поселением Калмаковых (ср. Калманкау, т.е. поселение осетинской фамилии Калманта из Куртатинского ущелья) (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Несколько позже в ущелье Арм-хи появился и сын галгаевского владетеля Эги – Обан (Эбан), переселившийся из села Балта на место нынешнего аула Эбан, предварительно «побратавшись с Льяновыми».

Список использованных источников и литературы

1. Ахриев, Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) / Ч. Ахриев // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1875. – Вып. VIII. – С. 105–144 (1–40).

2. Мартиросиан, Г.К. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк / Г.К. Мартиросиан // Известия ИНИИК. – Владикавказ, 1928. – С. 7–154.

3. Далгат, Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. / Б.К. Далгат. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 382 с.

4. Семенов, Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. / Л.П. Семенов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963. – 160 с.

5. Волкова, Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Н.Г. Волкова. – М.: «Наука», 1974. – 276 с.

6. Семенов, Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 г.г. / Л.П. Семенов. – Владикавказ: ИНИИК, 1928. – 32 с.

7. Волкова, Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / Н.Г. Волкова. – М.: «Наука», 1973. – 208 с.

8. Яндаров, А.Д. Мифы и предания чеченского народа / А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). – М.: «Орбита-М», 2011. – Т. II. – 255 с.

9. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

10. Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., предисл. и примеч.: А.О. Мальсагов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 384 с.

Тесаев З.А.

ВЕНАГ СУЛДОВ
(XV–XVI вв.)

Мед, его близкие и товарищи, за исключением Венага – сына Сулда (внук Меда), погибли в сражении с владетелями Галанчожа. «Во время одного из набегов, – повествуется в предании, – пал Хан-Мед с четырьмя сыновьями и все воины-зингалоевцы; остался только младший сын (внук. – *З.Т.*) главы племени по имени Сулда-Венаг (Венаг еще не достиг пятнадцатилетия и был совсем юн. – *З.Т.*), который, возвратившись домой, собрался устроить по погибшим поминки (тризну). В числе приглашенных были и владельцы Энселишека, навстречу которым вышла мать одинокого властителя Зингалоя (т.е. жена Сулда – погибшего отца Венага. – *З.Т.*) с громадным сосудом пива, дабы выразить им большее предпочтение (на этом конфликт мог завершиться, принимая все случившееся как последствие открытого и честного сражения. – *З.Т.*). Но гордые владельцы уже заранее решили воспользоваться несчастьем дома и забрать его остатки, в том числе и молодого Сулда-Венага, под свою власть. И вот, когда поравнялись они со старухой, то в ответ на ее приветствие и предложение откушать пива один из представителей толкнул сосуд ногою и опрокинул…».

Владетели Эйселашка, вполне логично, желали развить успех антизингалоевской коалиции и заполучить замок Зингала вместе с его осиротевшим хозяином. Надо полагать, действия матери Венага были знаком примирения и завершения вражды. Однако пренебрежительное поведение эйселашкинцев в отношении к матери вызвало гнев и желание мести у Венага. Далее читаем: «Зная вообще грубые нравы этих владельцев, Сулда-Венаг следил за их действиями, укрывшись в башне, и оскорбительный поступок с матерью зажег в нем жажду мести, и только просьба матери удержала его от нее… Тризна была справлена, и после того пропал из дома Сулда-Венаг».

Факт противостояния между предками галайцев и кейцев запечатлен и в исследовании Я.З. Ахмадова. В частности, он отмечает: «В тех же галанчожских обществах позднего средневековья происходила внутренняя борьба за лидерство патрицианских фамилий. Так, представители местных знатных родов из с. Энселишка добивались подчинения потомков знаменитого Меда, живших в «крепких башнях Зингалоя». Последний представитель данного рода Сулда-Венаг бежал от соперников в Кабарду, где при содействии кунаков своего отца подобрал надежный отряд, пробрался с ним в горы и перебил жителей Энселишка».

Действительно, Сулда-Венаг после завершения тризны, не стерпев нанесенной обиды, утвердился в решении отомстить эйселашкинцам. Поки-

нув отчий дом, Венаг отправился в Малую Кабарду к князьям Гетигежевым. Гетигежевы состояли в кабардинской элите, входили в княжеское сословие и были в далеком родстве с родом Акхмера. Княжеская крепость Гетигежевых имела выкидные ворота на цепях. Прежде чем впустить незнакомца, его спросили о происхождении. Венаг ответил, что он сын Сулда, внук Меда. Князь Гетигежев заявил, что не понимает, о чем говорит Венаг. Тогда Венаг Сулдов сказал, что он происходит от Акхмера. Но тот снова ответил, что не понимает Венага. Наконец, сын Сулда сказал: «Я потомок Шовхал-хана, сына Таркхо». «Теперь я узнал тебя», – ответил князь и впустил Венага Сулдова в крепость. Примечательно, что Шовхал-хан был похоронен здесь, неподалеку, в районе современного села Сагопши. Часть потомков Таркхон Шовхала, по преданию, ушла в Кабарду. Потому Гетигежев и принял внука Меда, распознав в нем своего родственника. Теперь предстояло удостовериться в том, что Венаг сказал правду о своей родословной. Для этого Гетигежев, проверяя Венага, велел положить перед ним на стол мед в специальном сосуде. Уставший с дороги, мучимый жаждой Венаг Сулдов, не выпивая напитка, макнул пальцы в сосуд и лишь протер ими свои длинные усы. Таким образом, Венаг прошел испытание.

Венаг Сулдов изложил суть дела, с которым явился к князю, и попросил его о поддержке. Князь спросил, что он может дать ему взамен, ведь речь шла не о защите гостя от преследователей, а о походе на его соперников. Венагу было известно, где были закопаны сокровищницы Медовых в крепости Зингала. Потому он обещал Гетигежеву достойную плату за военную помощь.

Владетели Эйселашек знали, что конфликт с зингалоевцами, в особенности после инцидента на похоронах, не мог закончиться без последствий. «Оскорбители сознавали свою вину, – говорится в источнике, – а потому, в ожидании должного возмездия, целый год находились в готовности встретить врага лицом к лицу. Время, однако, шло, а о последнем отпрыске зингилоевцев не было и слуха. Мало-помалу о нем стали забывать, а вместе с тем успокоились и галанчожцы…».

О бдительности владетелей Эйселашка догадывался и Венаг. По той же причине он отложил свое возвращение в горы на три года, вводя тем самым в заблуждение кровников. «У князя Сулда-Венаг прожил три года, – сообщается в предании, – и при его содействии подобрал надежную дружину, которую и повел в родные горы, причем днем укрывался в глухих местах и только ночью делал переходы. Таким образом он незаметно подошел к селению Энселишек… Расположив воинов в закрытом месте и условившись подать знак к нападению взмахом бурки, юноша отправился на разведку, в которой и провел время до выгона в поле первого стада овец. Здесь около него проходили два пастуха, и один из них, заворачивая отбившуюся в сто-

рону овцу, выбранился и сказал: «Чтоб тебе пропасть, как пропал Сулда-Венаг!» Товарищ упрекнул пастуха за такое неуместное упоминание имени последнего из зингилоевцев, старуха-мать которого оплакивает сына, считая его погибшим». Завершив таким образом разведку и став свидетелем вышеописанной сцены, Венаг подал своему отряду знак к началу действий. «По сигналу воины напали на полусонный Энселишек врасплох и разграбили имущество, – сообщает предание. – Не был тронут только дом пастуха, сочувствовавшего матери Сулда-Венага».

По свидетельству источников, на село совершили нападение мужчины «с перевязанными мордами», то есть воины в ритуальных масках. О «воинах в масках» в числе нападавших рассказывают и сами галайцы. Эти воины, более известные чеченцам под названием «лаьшкарой» (от *лаьшка / лаьшкар* – ритуальная маска воина), считались элитой княжеских дружин.

Венаг Сулдов, осуществив отмщение, восстановил прежнее положение своей семьи, приобрел известность, а род Меда, оказавшийся на грани вымирания, регенерировался от сыновей Венага.

Список использованных источников и литературы

1. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

2. Ахмадов, Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках / Я.З. Ахмадов. – Грозный: АН ЧР, 2009. – 422 с.

3. «В стране девяти ворот»/ Рукопись М.Р. Медова. – Л. 1–3 об.

4. Записал З.А. Тесаев со слов М.Р. Медова (1983 г.р.). Грозный, 2017, 2019.

5. Записал З.А. Тесаев со слов А.М. Магомадова (1947 г.р.). Наур, 2013.

Тесаев З.А.

МОЛКХ
(XVI в.)

Молкх, он же Абдул-Малик, – чеченский старейшина, член Мехк-Кхела. Участник масштабной миграции чеченцев из Соны в дистрикт Нана-Нашха. В 1-й пол. XVI века в числе других чеченцев, покинув область Нахаш, выселился из района Майсты в Нашху, поселившись, по-видимому, в ауле ТIийста.

Молкх упоминается в этнографических трудах ряда авторов XIX века. В частности, у П.И. Головинского, который писал: «Второе предание говорит о происхождении Ичкеринского общества, основателем которого, согласно этому преданию, был некто Молкх из рода Нохчоо, живший первоначально в долине Меэсты (МIайста. – *З.Т.*), отсюда переселившийся в Киоло (Керста-Аькхка, Галанчож. – *З.Т.*), недалеко от Ношоха (Нашха. – *З.Т.*), и затем уже окончательно основавшийся с сыном Тинавин-Вису в нынешней Ичкерии». Последнее утверждение исследователя требует уточнения.

Во-первых, Виса Тинаев (Тинавин-Вису) приходился Молкху внуком, а не сыном. Кроме того, переселение в Нохчмохк (Ичкерию) из Нашха, в первую очередь, следует относить к его сыну Тину и внуку Висе Тинаеву, хотя это и не исключает вероятности того, что состарившийся Молкх также поселился в Нохчмохке. Во-вторых, из сказанного выше следует, что Молкх не участвовал в возобновлении контроля над Нохчмохком, а значит и не был «основателем» его общества. Напротив, внук Молкха, Виса Тинаев, возглавил Нохчмохк, а затем и весь регион в 1-й половине – середине XVII века. Ошибка, совершенная исследователем П. Головинским, отразилась и на его дальнейших выводах. Ознакомимся с ними: «С Молкхом переселились родственник его Цуэнтер-Меэт, или Меэт, сын Цуэнтера, и два зятя последнего… (перечисленные личности были современниками Висы Тинаева; по-видимому, речь идет о родственнике Тина – отце Висы, а не о Молкхе. – *З.Т.*). Молкх дал основанному им обществу свое имя, которое ичкеринцы сохраняют за собой и до сих пор, называя себя Нохчи-молкх (достоверно известно, что название области Нохчмохк состоит из двух компанент: нохч /т.е. чеченцев/ и мохк /область, земля, владение/; с именем Молкха название дистрикта *Нохчмохк* связи не имеет. – *З.Т.*). Но соседи ичкеринцев, кумыки, называли «ичкеринцами» как их, так и гуноевцев, живших в Ичкерии, как видно по другим источникам, еще до переселения Молкха.

Знатоки чеченского языка говорят, что «молкх» значит светлый и происходит от чеченского же слова «молк», т.е. солнце (т.е. П. Головинский ошибочно уравнивает чеченские слова «малх» /солнце/, «мохк» /владение,

область/ и «мулкх» /общинное владение, земля/ – *З.Т.*). В массе ичкеринского общества имя ее предка Молкха забыто, и многие не могут уже разъяснить значения слова нохчи-молкх и говорят просто, что оно означает (и это единственно верное толкование. – *З.Т.*): народ, или земля народа». Кроме того, согласно данным П. Головинского, Молкх первым «…ввел меру локтем в своем обществе» (*чеч.* «дол» – мера длины от локтя до кончиков пальцев).

Исследователь относил переселение Молкха в Нохчмохк к XVI веку. «Ношохо с братьями (сыновья Нохчоо), – писал П. Головинский, – выселился на равнину раньше Молкха (точнее, в XII веке; см. «Турпал-Нахчо». – *З.Т.*), следовательно, и ранее исхода XVI ст.». Предположение о миграции Молкха в Нохчмохк на исходе XVI века может быть объективным, с той лишь оговоркой, что это была вторая волна миграции чеченцев из Нашха, тогда как первый крупный миграционный поток относился к 40–50 годам того же столетия. При этом заметим, что Е. Максимов указывал на миграцию гуноевской фамилии в Нохчмохк «не раньше 1530 г.».

А.П. Берже также упоминает Молкха. Исследователь пишет: «Одно из них (преданий. – *З.Т.*) родоначальником чеченцев признает какого-то Молкха, или Малкху, который жил в Меэстэ (МаIаста, МIайста. – *З.Т.*), на высотах горных хребтов. Из Меэстэ чеченцы переселились в Нашихэ (Нашха. – *З.Т.*), где теперь находится аул Керстен-Ахк (Керста-Аькхка. – *З.Т.*), или Киоло… Впоследствии *чеченцы расселились и из Нашихэ; это совершилось при сыне Молкха – Тинавин-Вису* (Виса Тинаев – внук Молкха; т.е., согласно А. Берже, выселение из Нашха в Нохчмохк совершил сын Молкха, а не он сам. – *З.Т.*), при котором жили богатыри *Тингельдер, Термагалла, Гуно-Каркалой, Гардазеирик, Ширдии-Канат* и др.». Мы считаем, что перечисленные герои переселились в Нохчмохк с Тином и его сыном Висой Тинаевым, т.е. сыном и внуком Молкха, что подтверждается и сообщениями майора Властова, А.П. Берже и У.Б. Далгата. У последнего исследователя читаем: «Отец Тини, Абдул-Молк, жил в Нашхое. Его сын Тина со своим сыном Вюсой ушел жить в Цонтарой».

Примечательно, что в различных источниках мы обнаруживаем две формы имени деда Висы Тинаева: Молкх и Абдул-Молкх (очевидно, Абдул-Малик, т.е. Раб Царя [Небесного]). Поскольку Молкх считался старейшиной и одним из председателей *Мехк-Кхела* в Нашхе, можно предположить, что престарелый Молкх в числе прочих *сиров Мехк-Кхела* принял Ислам при Берса-шейхе (2-я пол. XVI в.) и сменил имя на созвучное прежнему (Абдул-Малик).

Наконец, отметим, что Молкх упоминается в рукописи *«Тинин Вуьсан гIалмакхоща къийсам»*: «У Висы Тинаева был дед по имени Молкх, отца звали Тина… У них был мальчик Виса, известный своей храбростью».

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Записал З.А. Тесаев со слов С.Д. Гаева (1939 г.р.). Гехи-Чу, 2013.

3. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

4. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. – 2017. – № 1 (12). – С. 29–53. (На чеч. яз.)

5. Головинский, П.И. Заметки о Чечне и чеченцах / П.И. Головинский // Сборник сведений о Терской области. – Вып. I. – Владикавказ, 1878. – С. 241–261.

6. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / Подг. текст. и предисл. Я.З. Ахмадова, И.Б. Мунаева. – Грозный: «Книга», 1991. – 112 с.

Тесаев З.А.

ЗОКК-КІАНТ
(XVI в.)

Зокк, он же ЗІокк, Дзокк, Зокк-Кант – чеченский военно-политический деятель 1-й половины XVI века, избранный *Мехк-Кхелом* Мехк-Да страны. Участник миграционного движения и руководитель чеченской «Реконкисты» XVI века.

Во 2-й четверти XVI века «ШалгІу-шах Таймасха» (шах Ирана Тахмасп I) обрушил свои армии на горы Южного Кавказа, спровоцировав движение народных масс на север. В руках *Мехк-Кхела* сконцентрировался демографический ресурс, который был использован для отвоевания у противника занятых ранее восточных и плоскостных земель чеченцев. По всей видимости, Зокк участвовал в движении части народа из дистрикта Артас (аул Дзоккате) округа Сона через район Малхиста области Нахаш в Нашху (по-видимому, в аул Хийлах).

Вероятно, в годы активной общественно-политической деятельности Зокка в *Мехк-Кхеле*, из которого тогда еще не выделился *Мехк-Кхеташо* (Народное Собрание), председательствовал Молкх.

В 1541 году Мехк-Кхел, переместившийся к тому времени в Моцарой, определил репатриантов и уполномочил Зокка возглавить переселение группы мигрантов из Нашхи в Нохчмохк, о чем сообщается в рукописи «Зокк – правитель [страны]…». По-видимому, это был передовой отряд и разведывательная операция. Движение в Нохчмохк шло через Аргунское ущелье вверх по Шаро-Аргуну в Чеберлой, а оттуда – к истокам Яссы.

В рассматриваемый период в Цонтарое (тогдашнем административном центре Нохчмохка) находилась резиденция ставленника персидских вассалов – казикумухского шамхала; представителя шамхала именовали термином «БІотІа» (далее – Бота). Жителями области в пользу шамхала выплачивалась символическая подать – один баран из сотни (хотя даже *закат* – обязательный налог для мусульман – предусматривает выплату одного барана из сорока; т.е. подать была в 2,5 раза меньше минимального налогообложения в мусульманском мире и имела, безусловно, символический характер).

Зокк во главе переселенцев из Нашхи прибыл в областной центр Нохчмохка – Цонтарой. Когда пришло время выплаты подати, репатрианты отказались выполнять податные обязательства, за что старшины областного центра под давлением наместника шамхала поставили ультиматум перед группой Зокки: принять требования казикумухцев либо удалиться в междуречье рек Гансоль и Гумс, где были скудные и бедные пастбищами и питьевой водой земли. Репатрианты из Нашха ушли из центра и осели хуторами в

междуречье. Сам Зокк, по-видимому, обосновался в укреплении на вершине *ТIелип-гIала*.

Через некоторое время Зокк организовал военный поход на приаксайские поселения казикумухцев, разбил местные отряды и прогнал колонистов на правый берег Яссы. По всей видимости, событие это произошло после тайного сговора Зокка и части обратившегося к лидеру переселенцев цонтароевского старшинства, настроенного против шамхала и его наместника. Весть о *Яссинском походе* репатриантов из Нашхи под предводительством Зокки дошла до Кази-Кумуха. Шамхалом было отправлено войско к берегам Гумса; кроме того, он передал Боте сообщение с требованием мобилизовать местных чеченцев и присоединиться к силам казикумухцев. Шамхал также пригласил на ограбление восставших чеченцев калмыков и кабардинцев, принявших это предложение. Зокку поддержали чеченцы Гумса и Гансоли. Противники встретились, и состоялось сражение *при Гумс-Гансоли*, в результате которого Зокк и его товарищи были разбиты казикумухской коалицией.

Потерпевшие поражение репатрианты, а также поддержавшие Зокка жители междуречья покинули Нохчмохк и ушли в Нашху. Разведывательная миссия Зокки была выполнена. *Мехк-Кхел*, получив представление о ситуации в области, повысил Зокку с должности войскового предводителя (баьчча) до статуса главного военачальника и стратега (Тур-Да) и поручил новому главнокомандующему собрать народное ополчение для освобождения дистрикта. Подготовка к походу растянулась на несколько лет.

В 1545 году, завершив все работы, Зокк во главе чеченского народного ополчения, отправившись в *Восточный поход* (1545–1546 гг.), прибыл в Нохчмохк и сразу же подошел к областному центру, потребовав от местного старшинства подчиниться Мехк-Кхелу и присоединиться к народному движению, обещав простить старшин за участие в сражении при Гумс-Гансоли. Бота, заведомо отправив сообщение шамхалу о движении чеченцев из Нашхи к Цонтарою с просьбой прислать подмогу, встретил чеченского Тур-Да, чтобы сразиться с ним лично. В поединке Зокк отрубил голову Боте и отправил ее старшинам дистрикта. Областной совет Нохчмохка уступил Зокке и присоединился к силам ополчения.

К тому времени к Цонтарою подошло войско шамхала. «В течение двух дней, – сообщается в рукописи *«БIотIа вохор»*, – бои, начавшиеся у границы Цонтароя, перенеслись к берегам Сулака (то есть чеченцы теснили врага с Яссы к ГIой-хи. – *З.Т.*). Затем шамхал отправил гонцов с письмом, скрепленным его печатью, заявляя, что [он] готов *назначить [над чеченцами] Боту* (т.е. ставленника-наместника. – *З.Т.*) *из их же числа*, но чеченцы послали [в ответ] трупы убитых ими казикумухцев, сказав, что *одного из них они назначают казикумухским шамхалом* (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Разгневанный таким ответом шамхал направил гонцов к кабардинцам и калмыкам, вновь приглашая их на ограбление чеченцев. Падкие до трофеев мурзы и тайши кочевников снова приняли предложение шамхала. Объединенные силы противника с боями вытеснили чеченцев от Сулака к верховьям Яссы и подножию Беноя. Ополчение Зокки оказалось в затруднительном положении.

Весть о происходящем достигла *Мехк-Кхела*. В Большой *Нашхе* немедленно были собраны дополнительные силы, которые направились в Беной. Кроме того, кахетинский царь Леван, также находившийся в состоянии войны с Кази-Кумухом, отправил на помощь Зокке, оборонявшемуся в Беное, чеченцев из числа состоявших у него на военной службе воинов – отряды «кейцев» (под предводительством Янбека) и «пхойцев» (под предводительством Ушурмы Окоцкого).

Усилив свое войско вышеуказанными отрядами, Зокк возобновил наступление и вновь стал вытеснять античеченскую коалицию шамхала сначала с верховий Яссы, а затем – с верховий Сулака. С боями чеченцы вышли на плоскость, освободили Нохчмохк, Аух и подошли к берегам Каспия. Далее в рукописи сообщается: «[Затем] шамхал отправил людей за Сулак [ради достижения] соглашения, [принимая обязательства] не оспаривать область за Сулаком с истоков рек до приморской [области] *«Ишландаш»* (болота и топи Прикаспийской низменности при устьях рек. – *З.Т.*), если чеченцы прекратят дальнейшее [движение вглубь шамхальства], и [в подтверждение] надежности [данной клятвы] отправить своего сына вместе с его семьей в Цонтарой «векал-вāха» (т.е. послом-аманатом, или заложником. – *З.Т.*)». Таким образом, шамхал согласился отдать одного из своих сыновей, не претендующего на трон (т.е. *чанкха*), в качестве аманата ради достижения мира и в подтверждение своей искренности.

Чеченская сторона, убедившись в том, что ногайцы-тумены, проживавшие в местности Ишландаш, дадут присягу на верность и не станут препятствовать новым (чеченским) властям, приняли предложение шамхала и позднее утвердили *Чирюртовский мир* (1548 г.) с Казикумухским шамхальством. При этом сын шамхала, по-видимому, был поселен в местности Чанакха близ Цонтароя.

После победы над шамхалом Зокк установил культовое сооружение в местности ЯрдитIе. «Отправляясь в поход или [по другим делам], – сообщается в рукописи *«ГIела»*, – [Зокк] приходил в *Ярдите*, моля [бога] об успехе [предприятия]». Также началось крупное и беспрепятственное переселение чеченцев из Нашха на Чеченскую равнину, в Нохчмохк и далее – в Аух (где в 1546 году был восстановлен Ширча-Юрт). Однако мир с Кази-Кумухом не затронул калмыков и кабардинцев, война с которыми продолжалась. При этом опорным пунктом Нохчмохка на плоскости в рассматри-

ваемый период стал Старый Аксай (докумыкское название – Билитли, или Билта).

После изгнания вассалов Персии Зокк-Кант был назначен *Мехк-Кхелом* правителем страны (Мехк-Да). Личная вотчина Зокки расположилась в местности Зоккане, а его ставка была перемещена в пределы современного Ножай-Юртовского района. Здесь, вдоль русел рек Ясса и Булк, еще располагались хутора поселенных шамхалом колонистов. В целях упразднения иноземных анклавов в границах страны Зокк обязал этих колонистов переселиться в чеченские села либо удалиться в шамхальство. Кроме того, в целях централизации управления Зокк укрупнил быстро возникшие многочисленные чеченские хутора и усадьбы Нохчмохка (более ста) в 14–15 объединенных сел. Из-за продолжающегося конфликта с кочевниками Зокк реорганизовал дистрикт Нохчмохк в военный округ, ввел налоговую систему, а также изъял лошадей граждан для нужд армии, создав из них мобильные конные отряды, оставив населению в качестве транспорта лишь крупнорогатый скот (волов); наконец, Мехк-Да ввел в области обязательную воинскую повинность.

После выдвижения ультиматума о переселении или присоединении к другим чеченским аулам у Зокки произошел конфликт с владетелем одного из трех казикумухских сел, располагавшихся в пределах современного Ножай-Юртовского района. В поединке Зокк убил неподчинившегося владетеля, а его подопечные, решив остаться в Нохчмохке, присоединились к чеченцам.

Между тем, один из членов семьи убитого казикумухского владетеля тайно поднялся к верховьям Яссы и отравил ее воды (сделал их невыносимо горькими при помощи яда «цалган дIовш»), спровоцировав жажду и последующий падеж скота. Зокк, выяснив причину происходящего, переместил оставшееся поголовье на северо-запад к реке Гумс, а виновник случившегося был убит собственными соплеменниками, которые, как и остальные жители Нохчмохка, оказались жертвами совершенного им преступления. Начались голодные волнения в народе.

Не видя других возможностей, кроме крупного похода, Зокк-Кант организовал *1-й Калмыцкий рейд* на плоскость с целью получения добычи и прекращения голода в области. Собранное ополчение, к которому добровольно присоединились подчинившиеся чеченским властям казикумухцы, совершило набег на северных кочевников, завладело богатой добычей и явилось в Беной «с табунами лошадей, [большим поголовьем] коров и отарами овец». «Некоторую часть [добычи сразу] раздали людям; остальное, – говорится в рукописи, – оставили под присмотром в Беное». Таким образом, благодаря быстрым и решительным действиям Зокку удалось избежать последствий голода и народных волнений.

Ранней весной следующего года калмыцкие тайши направились в Терско-Сулакское междуречье, дабы отомстить чеченцам. Весть о появлении калмыков в низовьях Яссы (впадавшей тогда в Каспий) дошла до Зокки, который вместе с товарищами, действуя на опережение, отправился им навстречу. Два войска столкнулись в нижнем течении Яссы: отсюда чеченцы вытеснили калмыков за Терек и далее в степь. Продолжая свой успех, Зокк с ополченцами вновь вторглись в калмыцкие владения, а затем вернулись обратно в Нохчмохк, захватив скот противника. Перечисленные события относятся к 1548–1555 годам.

Таким образом, успехи чеченцев в период военно-политической деятельности Зокк-Канта способствовали восстановлению их суверенитета над территориями Чеченской равнины, Нохчмохка, Ауха и прикаспийских земель. Зокк-Кант стал дебютантом первого этапа «реконкисты», т.е. отвоевания земель, ознаменовав начало социально-политического возрождения или чеченского Ренессанса.

К концу жизни у Зокки, согласно устным источникам, было 12 сыновей, наиболее известным из которых был Мамм Зокков – один из военных предводителей в конце XVI – 1-й половине XVII века.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

3. Тесаев, З.А. Признаки чеченской государственности в XVI веке в период правления Зокк-Канта / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2018. № 4. С. 56–67.

4. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. 2017. № 1 (12). С. 29–53. (На чеч. яз.)

Тесаев З.А.

«АРШТХО»
(конец XV–XVI в.)

Арштхо, выходец из аккинского общества, жил в конце XV–XVI веке. Покинул территорию большой *Нашхи* и поселился в ущелье на подступах к плоскости. «Некий же *акинец*, по имени *Арштхоо*, – пишет П. Головинский, – выселившись из своего общества и спустясь с своим родом в Бумутское ущелье, основался у источников, называемых *Черными ключами* (по-кумыкски – *карабулах*) и образующих речку, впадающую в р. Мартангу, и названную по имени Арштхоо – Арштинкою. От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, *называвшее себя и доселе Арштхой*. Кумыки же называли его, по источникам, у которых оно жило, *Карабулах* (выделено мной. – *З.Т.*)

Репатриация чеченцев в ущелье Мартанки, ориентировочно в 1-й половине XVI века, и образование села Аршта с тяготеющими к нему хуторами привели к формированию арштхойского общества (карабулаки, или «чернореченцы») и возникновению арштхойского дистрикта Чечни – *Аьршта* – с метрополией в ауле Аьршта, или Нана-Аьршта. Имя героя, по-видимому, является возведенным в эпоним ойконимом, этимология которого связана с диалектической формой «аьрша / Іаьрша», т.е. черная [речка] (*чеч. лит*. Іаьржа; *ср.*: Іаьрша-къулли, Іаьрча-хи и пр.), с добавлением топоформанта *-та* (Аьрш-та) и этноформанта *-хо* (Аьршта̂-хо). Действительное (урожденное) имя Арштхо, к сожалению, пока что неизвестно. По той же причине личность «Арштхо» обнаруживается в преданиях, относящихся к различным историческим периодам. Можно предполагать, что под именем Арштхо скрывался один из сыновей братьев Белхаро и Булгуча, а история возникновения аула Аршты связана с общиной Белхароевых.

Отметим, что первое фиксируемое нами упоминание Арштов (в форме Аришти) мы обнаруживаем во 2-й половине XVI века и датируем 1578 годом.

Список использованных источников и литературы

1. Головинский, П.И. Заметки о Чечне и чеченцах / П.И. Головинский // Сборник сведений о Терской области. – Вып. I. – Владикавказ, 1878. – С. 241–261.

2. Далгат, У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды / У.Б. Далгат. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий»«, 2015. – 640 с.

3. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

4. Дахкильгов, И.А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с.

Тесаев З.А.

ХАЛЧ САРАКАЕВ
(XVI в.)

Халч, сын Сарка, внук Сурака, жил в XVI веке. В рассматриваемый период дистриктом Чеберлой управлял внук Сурак-хана, очевидно, от младшего сына, Халч Саракаев (*чеч.* Саьркъан ХIоьлчи), который приходился кузеном Турло (он же Амирсултан) – сыну Баяра, внуку Сурака. При Халче дистрикт Чеберлой был спешно переоформлен в военно-административный округ с центром в Тундухое в связи с возникшей угрозой с юго-востока, тогда как административный центр дистрикта располагался в Макажое.

Исходя из имеющихся данных, заняв Хунзах, казикумухский шамхал Чопан Алибеков, его брат Тучелав и их кузен шейх Гада, не останавливаясь на достигнутом, продолжали продвигаться далее на запад, пользуясь поддержкой Турции – сюзерена Чопана. Очевидно, занятие казикумухами Хунзаха состоялось в 1576 году, поскольку именно тогда Тучелав «Авар Забити» («Завоеватель Авара») управлял в области Джая (Хунзах). При продвижении на запад первыми под ударом казикумухов оказались горные области страны чеченцев – Нохчмохк и Чеберлой.

После изгнания Тимуридами Сурака из Хунзаха (в 1395–1396 гг.) последний поселился в районе ТIерла области Нана-Нашха, а его старшему сыну Баяру (в XV в.) с переменным успехом удавалось удерживать Хунзах. Брат Байра – Сарка – проживал в Чеберлое. Позднее Байра, как и его отец, был изгнан из Джая, а его сын Турло (Амирсултан), пользуясь поддержкой кузенов и вообще всей Чечни (в XVI в.), стремился вернуть контроль над Хунзахом.

Ориентировочно в 1576–1577 годах Чеберлой и Нохчмохк подверглись нападениям *газиев* Кази-Кумуха, явившимся из покоренного ими Хунзаха. Первому удару подвергся наиболее доступный дистрикт Чеберлой, где, к тому же, управлял внук Сурак-хана – Халч. Противник, застав врасплох местное население, взял с. Хой и попытался продолжить действия в направлении Макажоя, однако был отбит в Кезеное, так как не сумел взять кезенойский замок. Несколько попыток чеченцев вернуть Хой завершились неудачей. Затем была отбита очередная вылазка отряда шамхала, вновь попытавшегося продвинуться вперед. Дистриктный (т.е. областной) глава Халч спешно разделил Чеберлой на военные сектора, распределив обязанности каждого из них. Кроме того, глава Чеберлоя намеренно проводил открытые и, в некоторых случаях, обманные маневры с войсками для демонстрации силы и устрашения врага, внимательно наблюдавшего за действиями чеченцев.

Существует также предание, согласно которому Халч лично провел разведку в стане газиев перед боем. Войско противника расположилось где-то в районе Ансалтов и Рахаты. «В стан врага, – сообщает источник, – явился Халч, переодевшись в лохмотья. А ведь тогда работала разведка, нужны были данные. Потому его подозвали и стали расспрашивать, кто руководит чеченцами, какая там обстановка. Тогда Халч взял свой меч и ударом разбил что-то крепкое, что оказало сильное впечатление на тавлинцев. Затем он сказал: «Я только пастух, и у меня такой меч. Какой же тогда меч будет у их предводителя?»

После длительной и тщательной подготовки отряд Халча Саракаева из 300 всадников, а также боевые отряды военных секторов чеберлоевцев встретили противника, подошедшего к горе *Арсой-Лам*, и к ночи потеснили его до Болака (с. Ботлих). Здесь состоялось *Болакинское сражение* (вероятно, в 1577 году), в результате которого Халч разбил *газиев*, и многие подданные шамхала попали в плен. Также был освобожден покинутый газиями Хой.

Позднее, к 1578 году, воспользовавшись отвлечением сил турков и подчиненных им кумыков (казикумухов) на войну с иранцами, объединенному чеченскому ополчению, собранному с сел от дистрикта Аьршта до области ЦIунтIа, Халчу Саракаеву и его кузену Турло (Амирсултану) Баярову удалось вернуть *Джая* и изгнать войска и ставленников шамхала из Хунзаха. В *Джае* стал править Турло (кузен Халча), а затем его сын Сиртан, который позднее (очевидно, после взятия Кази-Кумуха в 1582 году) стал известен как Мухаммед-Шамхал.

Внук Сурак-хана, Халч Саракаев, в отличие от своих кузенов, утвердившихся в Хунзахе в качестве нуцалов, проживал и руководил дистриктом Чеберлой. С его личностью связываются конфликты с грузинскими (кахетинскими) и «джайскими» (хунзахскими; речь о Тучелаве Алибекове) владетелями. Кроме того, в XIX веке в документе, принадлежавшем отцу семьи Дарго Ильясова – потомка Халча Саракаева, сообщалось о связях Суракатов (и семьи Дарго) с грузинским царским домом Ираклия (Кахетия). Следовательно, связи между кахетинскими царями (положительные или отрицательные) и Суракатами не прерывались с XV века. При этом хунзахская ветвь Суракатов, удержавшая феодальную форму правления на востоке (Тануси), в отличие от установившейся демократической формы правления на западе (Моцарой), продолжала выражать претензии на ее горные области, откуда состоялся исход Сурака и его сыновей и внуков. Потому неудивительно парное упоминание грузинских царей и «джаев» (нуцалов) в роли притязающих на Чеберлой и вообще на все верховье Аргуна владетелей. Это сопоставляется и с ранее описанными событиями, связанными, во-первых, с борьбой против казикумухской экспансии, а во-вторых, с конфликтом между царем

Кахетии Александром и Берса-шейхом на почве религиозных противоречий и походом последнего в Чеберлой, где проживали грузинские священники.

Халч скончался в результате несчастного случая. Когда он находился в Ари-ауле, к нему пришла печальная весть о смерти сына. Глава Чеберлоя оседлал коня и спешно поскакал в Тундухой, но по дороге, где-то в районе Цикароя, у склона горы скакун внезапно остановился – Халч упал оземь и разбил себе голову. В честь покойного в Чеберлое установили высокую памятную стелу, известную под названием *Саркин Халчан чурт*.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Шихсаидов, А.Р. Дагестанские исторические сочинения / Сост.: А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М.-Р. Оразаев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 302 с.

3. Записал З.А. Тесаев со слов Г.В. Муртазалиева (1976 г.р.). Грозный, 2018.

Тесаев З.А.

БУГІА
(XVI в.)

БугІа (он же: БугІло, БугІул, БелгІа, БелгІато) – тамада билтинской общины, жил в XVI веке.

Очевидно, вместе с другими чеченцами, вытесненными в 1-й половине XVI века с Закавказья походами персидского шаха Тахмаспа, участвовал в миграционном движении и массовом перемещении чеченского этномассива с запада и юго-запада (Нашха, Нахаш, Туш) на восток (Чеберлой, Нохчмохк). Как сообщают источники, тамада БугІу вместе со своим братом был вынужден покинуть Тушетию. БугІу поселился в Чеберлое в местности ПхьатІа в черте аула Сада, где проживали его соплеменники. Отсюда, как сообщается в *анонимной хронике*, описывающей события XVI века (в том числе поход «шаха Таймасха» на Кавказ), садойцы «Билто, Устрадо и БелгІато» расселились на территории дистрикта Нохчмохк в одноименных аулах.

Первым местом поселения БугІи, по-видимому, стал аул БелгІата. В Белгатое, согласно рукописи Авторхановых, а ранее – между Курчалями и Белгатоем (на горе *ТІелип-гІала*), вплоть до начала XVII века проживали выходцы из билтинской общины, позднее двумя волнами (1-я – в 40-е годы XVI в.) переселившиеся за Яссу в Билты. В верховьях Яссы в местности БугІи-Пхьа находилось владение БугІи. Здесь БугІу, отказавшись принять Ислам, оказал сопротивление ГІада-шейху в 1576/1577 году, когда отряд казикумухов, явившийся из Хунзаха, прибыл в Нохчмохк с целью совершения похода на Цонтарой и Курчали (см. «Берса-шейх»). Тамада БугІу, возглавлявший одну из дружин, был убит «Абу-Муслимом».

У БугІи остались сыновья Бата и Ваьппа.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. 2017. № 1 (12). С. 29–53. (На чеч. яз.)

3. Тесаев, З.А. Идентификация личностей позднесредневековых летописных героев «Абумуслима» и Суракатов и их роль в истории Чечни и Дагестана (XV–XVI вв.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 5. С. 54–60.

Тесаев З.А.

МАММ ЗОКОВ
(XVI – 1-я половина XVII вв.)

Мамм, сын Зоки (*чеч.* Зоккан Мамм), жил и действовал в XVI – 1-й половине XVII века. Мамм, как и Виса Тинаев, был переселенцем из верховьев Аргунского ущелья (область Малхиста) во втором поколении. Был одним из 12 сыновей чеченского Мехк-Да – Зокк-Канта. Стал одним из военных предводителей страны, участвуя в военных действиях против феодальных владетелей в рамках борьбы с турко-иранской экспансией.

По-видимому, в последней четверти XVI века Мамм Зоков проживал на плоскости на территории аула Билта (или Билитли), переименованного позднее (не ранее 1651 года) в Яхсай (Старый Аксай; *чеч.* Яьста), участвовал в войне против газиев Казикумухского шамхальства и защищал область Нохчмохк до 1582 года.

После сожжения Кази-Кумуха основные военные конфликты стали разворачиваться на приичкерийской плоскости, где началось укрепление оборонительного куста. В районе Старого Аксая укрепительные мероприятия проходили под руководством Мамма. На это также указывает сообщение о трехсотенной дружине всадников Мамма, с которой он сражался против кумыкских феодалов, защищая общинные владения в междуречье рр. Ясса (Аксай) и ГIурий (Акташ).

Следует отметить, что Мамм поддерживал тесные контакты с соплеменниками, состоявшими в терском казачестве (особенно после начала проповеднической деятельности Берса-шейха, когда не желавшие принимать Ислам чеченцы Нохчмохка семьями уходили на Терек). Подтверждается это и источниками XIX–XX веков, согласно которым соплеменники Мамма были одними из первых, кто населил станицу Червленную после гуноевцев, и был в тесных контактах с царской администрацией.

Надо полагать, тесные контакты Зокка и Ушурмы отразились на взаимоотношениях их сыновей – Мамма и Шиха, особенно на фоне тюркской экспансии в регионе. Оба владетеля действовали в смежных областях на стыке Качкалыковского и Ауховского владений и сражались с тарковскими владетелями на территории Аксай-Акташе-Сулакского междуречья. Соответственно, смерть Шиха (1596) и прекращение *«чеченского акцента»* в российской политике на Северо-Восточном Кавказе (главными проводниками российской политики в регионе стали кабардинские владетели) отразились на положении Мамма и его общины. По-видимому, в дальнейшем разрозненные отряды некогда единой дружины Мамма собирались стихийно и по конкретному случаю лишь в целях обороны. Как нам видится, такое положе-

ние дел должно было только усиливаться в промежутке с 1596 по 1615 годы. Однако после инцидента 1615 года отношения между Маммом и кумыкскими владетелями приобрели личный характер.

Ранее мы отмечали, что Султан-Магмут, ведший антироссийскую политику и пользовавшийся покровительством Майда Янбекова, вынужденно скрывался в Мичике (южные отроги Качкалыка) после 1612 года (см. «Батай Шихмурзин»). В 1614–1615 годах в коалицию Майда, Батая и Султан-Магмута вступили Турловы, с которыми Батай имел давние отношения. Вследствие последнего Батай и Султан-Мут вновь вернулись в Аух.

В начале 1615 года «Салтан-Магмут з братьею сели кабаками своими блиско их Кумытцкой земли (имеется в виду шамхальство[1]. – *З.Т.*) в окотцких (ауховских. – *З.Т.*) кабаках и отнял де у них Мичкизскую (Чеченскую. – *З.Т.*) и Кабардинскую дорогу, и *збираясь де с ыными з горскими людьми* и приходя, *кабаки их воюют и стада конские и животинные отары отгоняют* и узденей их и чорных людей *побивают* на смерть (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Вследствие данного предприятия Султан-Магмут и его товарищи заняли Старый Аксай, что окончилось 4–5 февраля того же года их разгромом в сражении с казаками (в том числе, соплеменники Мамма) и стрельцами Головина. По всей видимости, именно в январе–феврале 1615 года между Маммом и семейством Султан-Магмута возникла личная вражда по причине убийства Зоковым владетеля из круга родственников Чопанова.

Мамм, как и другие чеченские владетели, не поддерживавшие антирусскую коалицию, оказался объектом нападков. Феодалы, выказывая свое неуважение, в отсутствие Мамма присвоили пущенных им утром на пастьбу волов. Кумыкский владетель отказался возвращать скотину, нанеся тем самым личное оскорбление Зокову. Развязка возникшего конфликта произошла у балки напротив побережья реки Ясса на южной окраине Старого Аксая, где сын Зокка настиг кумыкского владетеля и убил его.

После инцидента у Яссы Мамм вновь собрал группу товарищей, с которыми сражался бок о бок против пришлых насельников области. Вместе с тем, через некоторое время Мамм был вынужден уйти с равнины и удалиться в горы из-за кровной вражды, что, по-видимому, стало следствием принятия Султан-Магмута в подданство и покровительство русским царем после событий 1616 года (Москва заступилась за владетеля, оказавшегося под угрозой нападения шамхала Гирея и войск шаха Аббаса I) и возрастания влияния Султан-Магмута «во всех черкасах» при покровительстве Москвы [8, с. 42].

Согласно сведениям рукописи Авторхановых, Мамм прибыл в Белгатой, где прежде проживали его соплеменники. Однако, узнав о том, что вся

[1] Под Кумыцкой землей в документах, собранных С.А. Белокуровым, подразумевается засулакская Кумыкия с центрами в Таркалах (Кумторкали), Тарках и Карабудате (Карабудахкенте).

община окончательно переселилась на правый берег Яссы, направился к остальным родственникам. Мамм и его товарищи сначала остановились в местности между с. Совраги и поворотом в с. Саясан. Позднее враг обнаружил их. Поскольку местность оказалась слишком доступной, группа из 11 всадников, сопровождавшая Мамма (вероятно, его братья), продолжила путь на восток. События происходили в зимнюю стужу. Добравшись до речки Хара-хи, Мамм спешился и направился к стоящим недалеко двум домам. Хозяева домов узнали Мамма и тепло приняли родственника и попросили его пожить у них, пока зимняя стужа не пройдет, после чего он сможет уйти в Рогун-Каж к близким. За это время Мамму успела приглянуться сестра одного из хозяев дома, однако обычай не позволял им встречаться, пока Мамм находился «под крышей» родственников девушки.

Лютая зима отступила, и Мамм приехал в Рогун-Каж. Сначала он намеревался поселиться в нынешнем с. Хочи-Ара, но по настоянию близких принял решение остаться в селе вблизи своего владения, по-прежнему носящего его имя *Мамм-Мохк* (к северу от высоты Зокне между нынешними сс. Билта, Рогун-Каж и Мехкешты) и доставшегося ему от отца. В дальнейшем здесь паслись лошади Мамма. Между тем, Мамм и Цеза стали встречаться. Главы трех семей общины приняли решение заключить брачный союз между Маммом и Цезой для упрочения родства. Через некоторое время они поженились. Поскольку в исследуемый период благородной невесте в качестве брачного выкупа (*чеч.* урдо) полагалось выделять земельный участок, которому присваивали имя невесты, Мамм Зоков подарил Цезе опушку в районе современного с. Ножай-Юрт, названную ее именем – *ЦIеза-Ирзе*. Подобная практика дарения земельного участка невесте обнаруживается и из других примеров XVI–XVII вв.

Мамм вернулся в горы ориентировочно в 1617–1619 годы, а братья Мамма остались жить на плоскости.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Признаки чеченской государственности в XVI веке в период правления Зок-Канта / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2018. № 4. С. 56–67.

2. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

3. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. 2017. № 1 (12). С. 29–53. (На чеч. яз.)

4. Тесаев, З.А. Идентификация личностей позднесредневековых летописных героев «Абумуслима» и Суракатов и их роль в истории Чечни и Дагестана (XV–XVI вв.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. 2017. № 5. С. 54–60.

5. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост.: Р.Г. Маршаев. – Махачкала, 1958. – 336 с.

6. Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578–1613 гг. / С.А. Белокуров. – М., 1889. – CXXX, 585 с.

7. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича / Под ред. Н.И. Веселовского. – СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. – 447 с.

8. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева и Волконского) / Документы к печати подгот. и предисл. снабдил М. Полиевктов. – Тбилиси: Изд. Тбилисского гос. университета, 1937. – 8, XXXIV, 487 с.

9. Рукопись Авторхановых (сообщение о переселении чеченцев из Шама в Нашху; сообщение об основателях билтинских родов и родословная Авторхановых) // АЗАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2 об.

Тесаев З.А.

МАЙДА ЯНБЕКОВ
(1596–1638)

Майда (Майт, Маадий; *чеч.* МаIда) – сын Янбека. Руководитель мусульманской общины Ауха в 1560–1638 гг., глава дистрикта Аух в 1596–1638 годы.

Майда вместе с отцом в 40-е гг. XVI в. мигрировал с подножий Казбека через Цоринское ущелье в область *Нохчмохк* (Мичиковская долина) и принял участие в первом этапе *«чеченской Реконкисты»* под руководством Зокк-Канта.

С 1546 года Янбек и Майда проживали в Ширча-Юрте (Юрт-Аух). В границах и округе Юрт-Ауха обнаруживаются местности, связанные с именами Янбека, Шиха Ишеримова, Майда Янбекова и Албира Батаева: *Янбек-ахше, Шихь-кешнаш, МаIден кIажа, Олбар-кешнаш*.

В 50-е годы того же столетия Майда с отцом были вытеснены кабардинцами в верховья Акташа к горе *Дайлам*, где он, как и отец, вошел в контакт с шамхалом Чопаном, с которым был заключен союзный договор о совместной обороне от кабардинцев. В 1560 году здесь, на реке Сала, состоялось сражение, в результате которого скончался Янбек, а руководство над мусульманской общиной перешло к Майду. «Река стала красной от крови, – сообщается в записях Н.Г. Волковой. – Янбек был убит. Остался его сын Майд». «В этом бою, – говорится в одной из хроник, – погиб руководитель аккинцев – Янбек. Командование взял на себя его сын Майда. Война продолжалась еще долго, но, наконец, врага изгнали». Пораженные кабардинцы и их союзники оставили на поле три тысячи убитых, а Майд Янбеков стал непримиримым противником последующей пророссийской ориентации Ушарома и Шиха Окоцких.

Весной–летом 1566 года, как сообщается в документах, кабардинский князь Мамстрюк (брат Марии – жены Ивана Грозного), заручившись поддержкой войск Московского царства, отправился в поход на владетелей Северо-Восточного Кавказа, в том числе на «Майта» (т.е. на Майда Янбекова).

В последней четверти XVI – 1-й половине XVII века Майда Янбеков, сохраняя категоричную позицию в отношениях с Москвой и продолжая, как и его отец, поддерживать контакты с семейством покойного шамхала Чопана Алибекова, покровительствовал опальному сыну последнего – Султан-Магмуту (см. «Батай Шихмурзин»).

В 1617 году Майда Янбеков принял у себя беглого Султан-Магмута, который, бежав в *Аух*, по-видимому, временно расположился в урочище *Астий-Ирзе*, известном также под названием Чумлу, на землях союзного

гуноевского общества, явившись сюда вместе с поддержавшими его в Кельбахе обществами Сала, Гуно (чеченцы), тюменами (ногайцы) и кумыками.

В 1634 году из-за угрозы со стороны объединенных сил терских воевод и шамхала Ильдара Султан-Магмут в очередной раз скрылся в ауховских горах у Майда Янбекова. Однако на следующий год на место умершего Ильдара шамхалом неожиданно был избран доселе преследовавшийся Султан-Магмут, который, согласно одной из версий, по старости лет уступил это место своему сыну Айдамиру (правил в 1635–1641 гг.). Вместе с тем, вопреки ожиданиям чеченцев, полагавших, что их бывший союзник продолжит политику добрососедства (в благодарность за неоднократную выручку), действия Султан-Магмута оказались диаметрально противоположными. Уже в 1638 году семейство последнего организовало вероломное убийство Майда Янбекова во время совершения молитвы.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Тесаев, З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.

Тесаев З.А.

АЛХАН ИТАЕВ, ОНГУ МИММБУЛАТОВ
(XVII в.)

С 1635 года в регионе сформировалась оппозиция Айдамиру Султанмутову, состоявшая из его брата Казаналпа, осевшего в Балхе; детей предыдущего шамхала Ильдара; чеченских владетелей Кохостровых, ранее бежавших в Терки из-за преследования Султан-Магмутом; Онгу Миммбулатова (внука Мамма Зокова, отправившего его на плоскость для обороны общинных рубежей), а также ставшего позднее предводителем всей страны (Мехк-Да), уполномоченного *Народным Собранием* (Мехк-Кхеташо) Висы Тинаева (см. «Виса Тинаев»). Исходя из наших данных, в рассматриваемый период Майда Янбеков, как уже было отмечено, был главным военным предводителем и руководителем дистрикта *Аух* (с центром в Ширча-Юрте); Онгу Миммбулатов – дистрикта Качкалык (с центром в Билта-шахаре или Старом Аксае); Гази Алдамов – дистрикта Чеберлой (Макажой); и, наконец, Виса Тинаев – дистрикта Нохчмохк (Беной / Цонтарой). Перечисленные области оказались на периферии политической активности Чечни, поставляя главные военные силы на борьбу с феодалами.

Заняв трон шамхала, Айдамир Султанмутов, а вместе с ним и подчиненные ему кумыкские феодалы изменили свое отношение к ауховскому главе Майду, долгие годы поддерживавшему детей и внуков Чопан-шамхала. Согласно сведениям чеченской летописи, кумыкские владетели пригласили Майду отправиться с ними в Кабарду. На обратном пути «…они остановились на берегу реки Ямсу для отдыха и вечерней молитвы. Маадий разделся, снял оружие и доспехи и начал молитву. Когда он во время молитвы наклонился к земле, братья (Айдамир и Казаналп Султанмутовы? – *З.Т.*) зарубили его и бежали в Индри». Вместе с Майдом были убиты и его приближенные. По мнению А. Адилсултанова, убийство произошло не ранее 1638 года. Между тем, в ответ на вероломное предательство феодалов, сообщает летопись, сестра Майда по имени Саргиз (*чеч.* СаьргIиз) вместе со своими сподвижниками «…ушла в лес, чтобы отомстить убийцам». Это довольно простое заключение в действительности скрывает за собой события, охватившие значительную часть Северо-Восточного Кавказа. Разумеется, вероломное убийство чеченского областного предводителя спровоцировало серьезный конфликт. Упомянутый 1638 год ориентировочно принимается нами за начало очередной войны между кумыкскими феодалами и Чечней.

А. Адилсултанов пишет, что по прошествии некоторого времени после убийства Майда кумыкские феодалы обратились с просьбой о заключении мира, предложив в качестве выкупа 120 повязанных шелковыми тканями ло-

шадей и столько же кольчуг и голов крупнорогатого скота. Процедура примирения состоялась в местности, где ранее был убит Майда – брат Саргиз. Вместе с тем, после обряда примирения во время трапезы в доме у сестры покойного ауховского предводителя последняя, по неразъясненным в тексте приведенного источника причинам, поняв, что «…князья замыслили что-то плохое… сняв с головы платок… приказала убить всех». Надо полагать, что этим «чем-то плохим» было обстоятельство, описанное в другом источнике и связанное с похищением теми же кумыкскими феодалами чеченской девушки из хутора близ хребта *Деха-Ирзе*, разуверившей Саргиз в благих намерениях феодалов. Родственники похищенной девушки, немедленно собравшие на выручку отряд и устроившие засаду владетелям, сообщили Саргиз об инциденте в районе Деха-Ирзе и предупредили о своих планах в отношении группы феодалов, движущихся по направлению к ее дому. Князей подстерегли на вершине *Элий байъина лам* и убили, а похищенную девушку благополучно вернули домой. Вероятно, что и Саргиз Янбекова – воительница и сестра убитого кумыкскими владетелями Майда Янбекова – участвовала в этом сражении. По крайней мере, как мы уже отмечали, после смерти Майда она во главе отряда ушла в лес и оказывала сопротивление владетелям и их дружинникам.

Как сообщается в другом источнике, «…среди соседних князей было живо предание о том, как чеченцы убили восемь князей (вернее, 7 князей и 16 узденей. – *З.Т.*) на горе, расположенной возле древнего чеченского селения Ширча-Юрт (вернее, в районе Ямансуйского леса. – *З.Т.*) и называемой до сего дня *Элий байъина лам* (Гора, на которой убиты князья); что они в недалеком прошлом свергли очередного князя; что они вообще недолюбливают князей и т.д.». Последнее замечание указывает на то, что память о происшествии на горе *Элий байъина лам* надолго врезалась в умы феодальных владетелей. По сведениям А. Адилсултанова, поверженными на горе Элий байъина лам владетелями (из сообщения о примирении с Саргиз) оказались те же 7 князей и еще 16 узденей.

Как следует из результатов нашего исследования, Народное Собрание Чечни, а также избранный к тому времени на пост Мехк-Да Виса Тинаев (см. «Виса Тинаев») заключили мир с кумыкскими владетелями, по условиям которого, помимо прочих условий, проигравшая сторона выплачивала репарации в виде 120 повязанных шелковыми тканями лошадей, 120 железных кольчуг и 120 голов крупнорогатого скота. Также *Народное Собрание* уполномочило группу чеченцев во главе с молодым Алханом Итаевым поселиться на правобережье р. ИвгIий недалеко от высоты ГIазар-гIала, заняв стратегическую позицию в одном километре от самого узкого участка междуречья рр. БургIалт (Яман-су) и ИвгIий (Ярык-су), перекрыв тем самым движение вдоль ущелий этих рек во внутренние районы дистрикта Нохчмохк. Причи-

ной избрания Алхана, выходца из аула Айти-Мохк, предводителем группы военных поселенцев стали его боевые заслуги в данном конфликте. Этим ощутимым ударом, ставшим последствием бесчестных действий феодалов, чеченцы нанесли очередное и болезненное поражение кумыкским владетелям. С тех пор, как явствует из летучего выражения одной из местных общин, чеченцы «добились возвращения права носить головной убор и танцевать на праздниках (в подвластных шамхальству землях)». Этот запрет (носить папаху и танцевать) был введен в первой четверти XVII века усилившимися феодалами. Таким образом, Алхан Итаев стал основоположником ауховского территориального общества ГIачалкъой (район в дистрикте Овхар) в числе трех (Пхьарчахой, ГIачалкъой, Кешеной / ЦIечой) основных территориальных единиц в составе Ауховского дистрикта. По-видимому, Алхан был определен *Народным Собранием* на должность военного предводителя и главы всего дистрикта Аух после смерти Майда Янбекова (род Алхана продолжил его сын Апа). При этом Билта-шахар (Старый Аксай) по-прежнему удерживал другой чеченский военный предводитель – Онгу Миммбулатов.

Изначально Онгу проживал в горном хуторе Хочи-Ара у побережья реки Бургалт. Его дед, Мамм Зоков, отправляя своих внуков в разные концы общинных владений на постоянное проживание и охранение границ, определил Онгу Качкалык – самый тяжелый и опасный фронт, откуда ранее он сам вынужденно ушел в горы. Здесь главной целью Онгу стал Старый Аксай. Онгу прибыл в местечко, где ранее располагался аул Арчахи. Здесь он построил себе времянку в местности, по-прежнему носящей его имя – *Онги-бёра*, и обустроил источник, также известный как *Онги-шовда*.

В промежутке между 1635–1643 годами Онгу Миммбулатов участвовал в столкновениях с кумыкскими владетелями и ногайцами Чебан-мурзы – союзника Султан-Магмута Чопанова. Онгу Миммбулатов возглавлял один из местных (нохчмохкоевских) отрядов, противостоявших кумыкским феодалам и их союзникам на Качкалыке, особенно в важном промежуточном пункте и узловом центре «Османовской дороги» – Билта-шахаре (Старый Аксай).

В 1644 году в область вторглись калмыки, которые после неудачного нападения на Терки, а затем на Балх (Эндирей), подошли к Яссе и вытеснили чеченцев за Качкалык. С этого момента Онгу вел постоянные бои с калмыками, появляясь на плоскости с отрядом и возвращаясь обратно за хребет, собираясь с силами.

В 1647 году, как было отмечено, Онгу оставался в Старом Аксае по итогам мира с Казаналпом, однако в промежутке между 1647–1651 годами, в мирный период, от руки Онгу, как ранее это произошло с Маммом, погиб кумыкский владетель, что вынудило его покинуть Старый Аксай и обо-

сноваться в границах (или близ) образовавшегося позднее аула Арчахи. Не исключено, что конфликт с феодалами стал следствием переселения в Аксай в 1651 году внука Султан-Магмута – Алибека Айдамирова.

Род Онгу продолжили трое его сыновей – Хуца, Хасай и Джамул.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

2. Тесаев, З.А. К истории образования современных гаров тайпа Билтой / З.А. Тесаев // Таллам. 2017. № 1 (12). С. 29–53. (На чеч. яз.)

Тесаев З.А.

ВИСА ТИНАЕВ
(2-я половина XVI – 1-я половина XVII в.)

Во 2-й четверти XVII века в Чеченской стране наблюдалось усугубление противоречий и распространение сильной междоусобицы, о которой сообщают документы. Одновременно шел процесс усиления автономии отдельных областей: в дистриктах вновь возрастала роль местных сильных владетелей с феодальными амбициями, в частности, в Шатое. Также сложная остановка наблюдалась в Аухе, где управлял Майда Янбеков – союзник Султан-Магмута и противник добрососедских отношений с Россией и Кабардой. В рассматриваемый период главой области Нохчмохк был выдающийся чеченский предводитель Виса Тинаев (*чеч.* Тинин Вуьса, Туьнин Виса). К моменту своего назначения Главой (Мехк-Да) Висе Тинаеву досталась раздробленная и раздираемая внутренними междоусобицами Чечня, окруженная многочисленными врагами, выжидавшими удобного момента для нанесения решительного удара.

Виса Тинаев – сын Тина и внук Молкха – знаменитого чеченского старейшины. Вместе с отцом Тиной Виса покинул аул ТIийста области Нана-Нашха и переехал в Нохчмохк в ходе второй миграционной волны, скорее, во 2-й половине XVI – начале XVII века.

Здесь, в Нохчмохке, Виса поселился в Цонтарое на вершине *«Борз угIу корта»*. У него было шестеро братьев и мать Селасат. Братья расселились в Цонтарое, близ Эрсеноя, Саясана, Билта и Энгеноя. От первой жены Виса имел сыновей Эжи и Теза. От второй – Албига. Все они основали одноименные поселения (кварталы), известные ныне как *Эжи-эвла, Албиг-эвла и Теза-Кхаьлла*.

На долю Висы Тинаева приходится один из самых сложнейших периодов в истории Чечни. Как было отмечено ранее (см. разд. «Майда Янбеков», «Алхан Итаев, Онгу Миммбулатов»), с 1635 года плоскость от Сулака и далее вдоль Качкалыка заняли ногайцы Чебан-мурзы Исмаилова, вошедшего в близкий союз с Султан-Магмутом Чопановым. Вероломное убийство Майда Янбекова в 1638 году стало катализатором давно назревавшего чеченско-кумыцкого конфликта, растянувшегося почти на десять лет. Чебан-мурза поддержал кумыкских владетелей. Уже к 1643–1644 годам явилась новая напасть: чеченцев потеснили калмыки убитого впоследствии хана Хо-Орлюка, окончательно вытеснившие народ в горы, за исключением некоторых местностей. Калмыки заняли Терско-Аксайское междуречье, устроив свой центр в Куларах на Сунже под начальством тайши Сургота. Обе равнины – *Нохчий аре и Гарман аре* – были захвачены.

Вместе с тем, при Висе Тинаеве конфликт с кумыками Казаналпа Султанмутова завершился *Эльбинским миром* (1647 г.), по итогам которого был основан Алхан-аул (ныне квартал села ГIачалкха; см. «Алхан Итаев, Онгу Миммбулатов»).

В 40-е годы XVII века наблюдалась высокая дипломатическая активность чеченских властей – Гази Алдамов, кузен Висы Тинаева, вел переговоры с Терским воеводством и дагестанскими владетелями. Русско-чеченские переговоры привели к возникновению сильной коалиции, которая, очевидно, в первую очередь была направлена против влияния Персии в регионе.

Следствием этих переговоров стало возобновление Сунженского острога, отстроенного в 1651 году совместно с чеченцами, кабардинцами, казаками и переселившимися к месту впадения Сунжи в Терек бороганами, а также переселение Турловых в Алды, Чеполова Айдамирова – в Балх (Эндирей), его брата Алибека Айдамирова – в Билта (Старый Аксай), Эльдара Куденетова – в только отстроенные Брагуны, а семейства опального кахетинского царя Теймураза (позже и его самого) – в Терки. Таким образом, коалиция имела следующий состав: Россия (в лице ее Терского воеводства, в том числе служащие в Терках чеченцы под руководством Чопала Кохострова), Чечня (Виса Тинаев, Гази Алдамов и др.), часть Кабарды (Муцал Сунчалеев), часть кумыков (в том числе бораганы) и царь Теймураз, которого еще поддерживали тушины, хевсуры и пшавы. Противоположный лагерь был представлен персидским шахом Аббасом II, шамхалом Сурхаем (получавшим жалованье еще при отце Аббаса II, шахе Сафи I), уцмием Амирхан-Султаном, засулакским предводителем кумыков Казаналпом Султанмутовым и лидером ногайцев караагачским Чеполов-мурзой.

Вместе с тем, главной проблемой Чечни были калмыки Сургота, препятствовавшие возвращению населения на плоскость. Виса Тинаев, намереваясь добиться всенародной поддержки в деле изгнания кочевников, решился на поход во главе немногочисленных, но отборных сил, полагая, что показательная победа его отряда станет мотивом для всенародного движения. В рукописи *«Тинин Вуьсам гIалмакхошца къийсам»* сообщается следующее: «У Висы Тинаева был дед по имени Молкх, отца звали Тина; Тина и Молкх жили с мыслями о возвращении отобранного у них калмыками края. У них был мальчик Виса, известный своей храбростью. У Висы Тинаева было шестеро братьев; Виса был самым старшим. Виса поселился в Цонтарое…».

В конце февраля – начале марта 1653 года Виса Тинаев перешел к открытым действиям против тайши Сургота. Виса снарядил войско, к которому присоединились его братья, другие родственники и многочисленные товарищи. Движение отряда шло по ущельям рек Бургалт и Ясса. Часть калмыков, проживавшая на приичкерийской плоскости, была застигнута врасплох, оттеснена к прикаспийским болотам и окончательно разбита.

Вместе с тем, успешные действия против кочевников сменились столь же неожиданным поражением. В тексте упомянутой рукописи сообщается: «[Здесь], у приморских болот, на чеченцев напали казикумухи (т.е. тарковцы – подданные шамхала, по инерции названные чеченцами казикумухами по имени старой столицы шамхальства – Кази-Кумуха. – *З.Т.*). Казикумухи и персы (*букв.*: «гIажарой». – *З.Т.*) вытеснили чеченцев в болотистую область «зарослей осоки» (*букв.*: «Шач йолу мохк». – *З.Т.*); Виса, его братья и товарищи (т.е. отряд Висы Тинаева. – *З.Т.*), истощенные борьбой с тремя противниками (т.е. калмыками, шамхалом и персами-кажарами. – *З.Т.*), оказались в затруднительном положении». Как оказалось, началом «походного сезона» воспользовались не только чеченцы, но и шах Аббас II, отправивший свои силы в сопровождении шамхала Сурхая на Северный Кавказ с целью захватить Сунженский острог и семью Теймураза, находившуюся в Терках.

С этим экспедиционным корпусом, двигавшимся через Терско-Сулакское междуречье в сторону Сунжи, и столкнулась дружина Висы Тинаева. Измотанные борьбой с калмыками товарищи Висы не смогли оказать действенного сопротивления многочисленным силам персидской коалиции. В рукописи читаем: «Чеченские рыцари (*букв.*: «нохчийн къонахой». – *З.Т.*) остались на морских льдинах (*букв.*: «камалш»). Проплывавший мимо корабль заметил на льдинах [отряд Висы Тинаева]. Руководитель [группы кораблей] велел поднять на борт людей, заметив, что у воинов было хорошее оружие, и рассчитывая забрать [их] вооружение, а самих [чеченцев] продать [в рабство]. Плачевное положение чеченцев внушило им, будто им удастся забрать у них оружие и продать их в невольничество. Вису и его товарищей подняли [на борт] трех кораблей. [Их] спросили, кто у них главный и, подозвав Вису, спросили, кто они. Виса ответил, что они чеченцы, вступившие в конфликт с калмыками, [поскольку] они заняли их (чеченцев. – *З.Т.*) край. «Когда же мы стали одолевать калмыков, – сказал Виса, – наши соседи (т.е. кумыки и ногайцы под началом шамхала Сурхая. – *З.Т.*) поддержали их и вытеснили нас на эти льдины посреди зарослей осоки; так мы и оказались здесь». Предводитель корабля вопрошал: «Как вы могли состязаться с ними, [тогда как даже] мы направляемся к ним с богатствами (т.е. с подарками, данью. – *З.Т.*); хан [Сургот] – могущественный человек, обладающий большим богатством и войском. Мы продадим вас им, – заключил предводитель корабельной группы, – а ваше оружие оставим себе».

Виса Тинаев, воспользовавшись беспечностью предводителя корабельной группы, поразил его мечом, а поднятые на борт чеченцы, приняв сигнал командира, вступили в бой и захватили все три судна, а затем еще два нагруженных дарами для калмыков корабля, плывших следом за ними и сдавшихся добровольно.

Вся захваченная Висой добыча была выгружена на располагавшемся прежде между устьем Старого Терека и (древним) устьем Волги и Кумы острове *ХиндаIамин-акъе*, где пришвартовались суда. На острове, как оказалось, находилась тюрьма, охранявшаяся казикумухами и персами под начальством надсмотрщика Кази-бека. Виса вместе с товарищами убил надзирателя и захватил остров, освободив пленников. Среди узников тюрьмы оказались чеченцы Ауха, а также родственники и придворные кахетинского царя Теймураза, которые, по-видимому, попали в плен к казикумухам во время нападения на эскорт Ираклия (внука Теймураза) при его движении из Имеретии в Терки через долину реки Урух в 1652 году. Позднее, в 1656 году, тем же маршрутом в Терки отправился и сам Теймураз. После освобождения грузинских подданных Виса Тинаев отправил вестников царю Теймуразу (в Имеретию) и его семье (Ираклию и его матери – Елене Диасамидзе) в Терки.

В феврале–марте персидская коалиция уже находилась у реки Бургалт в районе современного города Хасавюрт, а 7 марта подошла к крепости Сунжа. С 7 по 18 марта длилась осада Сунженского острога. В это время Виса Тинаев еще находился на востоке. На Сунжу после перехода Эльдара Куденетова на сторону врага на подмогу осажденным были отправлены стрелецкий голова Стромилов и чеченец Чепай-мурза Костров (он же Чопал-мирза Кохостров) со служивыми чеченцами Терского воеводства, которым, однако, не удалось прорваться к крепости.

К концу марта персидская коалиция, прекратившая ранее осаду Сунжи, разместила свои силы «на кормах» в районе засулакского Чир-Юрта (Старый Эндирей), а шамхал, согласно донесению прибывшего 4 апреля в Терки чеченца Темиша Арахчеева, вернулся в Тарки 1 числа того же месяца. Кроме того, доходили слухи о движении к реке Яссе войска восьми персидских ханов с подготовленным ультиматумом о выдаче царевича Ираклия Давидовича и Елены Диасамидзе, которых, однако, стали спешно эвакуировать из Терков в Астрахань и далее в Москву.

Между тем, Виса Тинаев со своим отрядом после событий на острове ХиндаIамин-акъе прибыл на материк к Осоковому краю. Воодушевленные появлением отряда ауховские чеченцы явились навстречу Висе; туда же подоспел вспомогательный грузинский отряд. В рукописи сообщается: «Виса Тинаев вместе со своими сподвижниками сжег [в отместку] казикумухские села и города (о каких именно населенных пунктах идет речь, не указано. – *З.Т.*). Калмыки, [располагавшиеся кочевьями в] Нохчмохке, узнав о возвращении Висы Тинаева с победой, свернули свои юрты и [спешно] ушли за Терек». Пройдясь таким образом по междуречью Терека и Сулака, Виса Тинаев спешно прибыл в Цонтарой для немедленного созыва *Мехк-Кхеташо*.

После завершения экспедиции персидской коалиции, которая, вопреки ожиданиям шамхала, окончилась малым или стратегически незначительным успехом, начались переговоры Терков и Сурхая о возвращении феодалов коалиции в русское подданство. Сурхай-шамхал и Казаналп Султанмутов через Камбулата Черкасского и других владетелей «…потребовали, чтобы к ним для переговоров приехал сам князь Муцал Сунчалеевич…». Следовательно, не достигнув желаемого результата, Сурхай и Казаналп начали искать пути урегулирования конфликта.

«Виса Тинаев, – говорится в рукописи Р. Берсанова, – вместе со своими товарищами, чеченцами Ауха и грузинами, прибыл в Цонтарой. В Цонтарое Виса впервые (т.е. впервые за свое правление, после длительного междоусобного периода. – *З.Т.*) созвал Мехк-Кхел. Все общины (*букв.*: тайпы) Нохчмохка, ауховцы, [а также] грузинские союзники приняли [на себя] обязательство противостоять [врагу и] освободить свою страну».

На Съезде в Цонтарое Виса Тинаев впервые поставил вопрос о масштабном переоформлении чеченского законодательства. Созвав *Народное Собрание* и пригласив чеченский *Верховный Суд* (*чеч.* Мехк-Кхел) на выездное совещание в Цонтарое, Виса указал на необходимость законодательной реформы с учетом нового фактора – смены религии, произошедшей в стране за 2–3 последних поколения (начиная от проповеднической деятельности Берса-шейха). Ислам стал государственной религией. Обычное право требовало согласования его с Шариатом в той мере, в которой это было возможно с учетом реальной обстановки и социально-политической и географической специфики данного региона. Кроме того, восстановление целостности чеченского общества и республиканского строя были единственной возможностью избавиться от иностранной оккупации на равнине. Согласно имеющимся данным, для решения этого вопроса было избрано 100 человек, а их законотворческая деятельность растянулась на 10 месяцев. Совместное заседание *Мехк-Кхела* и *Мехк-Кхеташо* на горе *Кхеташон Корта*, начавшееся в мае 1653 года, завершилось в феврале 1654 года проведением судьбоносной для чеченского народа реформы судебно-законодательной системы и замены старого *Эдала* на *Адат*.

Тем временем, к весне 1654 года по инициативе тайши Сургота сформировалась античеченская коалиция из феодальных владетелей кумыков (Казаналп Султанмутов) и ногайцев (караагачский Чеполов-мурза), а также казикумухов (шамхал Сурхай), персов, поддерживавших Сурхая, и калмыков Сургота. Коалиция, образование которой совпало с небывалой консолидацией чеченцев, намеревалась организовать крупный поход в Цонтарой. Подготовка шла в обоих лагерях.

Летом 1654 года коалиция двумя фронтами двинулась в горы ущельями шести рек: Мичик, Гумс, Гансоль, Ясса, Бургалт и Ивгий. Подготовкой

обороны и ходом сражения руководил сам Виса Тинаев. По указанию главнокомандующего противник был свободно подпущен в теснины. «Когда же [они], – сообщается в рукописи, – [оказались между] горами и невысокими хребтами, чеченцы начали битву… В той битве впервые установилось согласие между общинами Чеченской страны». Как утверждается в источнике, тайша Сургот полагал, что подчинявшиеся ему некоторые плоскостные чеченцы покинут Вису, однако его расчет оказался неоправданным. Чеченцы дали коалиции трехдневное сражение, завершившееся разгромом противника, разделившегося на три части.

Пораженные калмыки согласились с условиями Висы Тинаева и выплатили контрибуции, освободив значительные территории и переместив свои кочевья на север. Согласно заключенному *Эрсинойскому миру*, Сургот отправил свою дочь (на выданье), изменил своим недавним союзникам и освободил территорию от границы с Грузией (юг) до приволжских песков Андрык (север), от Сулака (восток) до плато *«ХиндаIамийн акъе»* (т.е. прикаспийские территории Кумско-Сулакского междуречья). Сурхай-шамхал отступил в Тарки, а остальные, согласно договору Сургота и Висы, перешли в подчинение к Висе Тинаеву. И.М. Саидов в своей диссертации называет заключенный мир *«Эрсинойским мирным договором»*.

При Висе Тинаеве, выдающемся чеченском предводителе, произошел целый ряд знаменательных событий: *Эльбинский мир* 1647 года; *Калмыцкий поход* весной 1653 года; судебно-законодательная *Великая Реформа* 1653–1654 годов; *Нохчмохкоевское сражение* летом 1654 года; наконец, *Эрсинойское мирное соглашение* 1654 года.

Список использованных источников и литературы

1. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

Акаев В.Х.

БЕРСА-ШЕЙХ
(1561–1623)

Поселения в восточной части Чечни были образованы чеченцами, мигрировавшими в IX–X веках из западной и южной её частей. Уже в XIX веке насчитывалось более 40 тайповских поселений, жители которых являются потомками 18 выходцев из чеченского аула Нашаха. Массовое распространение ислама среди чеченцев связывают с проповедником Берсаном (1561–1623), он же Берса-шейх, уроженцем села Гуни, который принадлежал к чеченскому тайпу *куьрчал*. Впервые о нем писали дореволюционные исследователи И. Попов и У. Лаудаев, опубликовавшие материалы «Ичкерия (историко-топографический очерк)» [1] и «Чеченский тайп» [2].

Деятельность Берса-шейха сопряжена с определенными историческими и социокультурными предпосылками, сложившимися в восточной Чечне. В XV–XVI веках религиозная ситуация в Чечне не является однородной, она пестра, мозаична. Здесь функционировали языческие святилища, на чеченцев оказывали воздействие грузинская православная церковь и исламские проповедники, проникавшие из Дагестана. Но к этому времени чеченцы-аккинцы, проживавшие на востоке Чечни, являлись мусульманами. В конце XVI – начале XVII века территория чеченцев стала объектом притязаний Османской империи, Крымского ханства и сефевидского Ирана, пыталась упрочить свои позиции и Московская Русь. Правитель окочан (чеченцев-аккинцев) Ших Мурза Окоцкий, исповедующий мусульманскую веру, в 1588 году отправил в Москву посольство для установления дипломатических отношений с русским царем [3].

И. Попов приводит предание о том, что Берсан, «выходец из Кази-Кумуха, поселился в ауле Курчали, стал не мечом, а сильным словом и точными предсказаниями будущих событий проводил мусульманство в окрестные аулы» [1, с. 11]. Он приводит предание гуноевцев, утверждавших, что он родился в ауле Курчали и был их родственником по материнской линии. Берсан успешно обучался арабской грамоте в Кази-Кумухе, а вернувшись домой, жил, ничем не отличаясь.

По мнению У. Юсупова, Берса родился в ауле Курчал нынешнего Веденского района в конце XVI века и принадлежал к тайпу курчал. Его отца звали Тимарбулат, а деда – Темболт. Они принадлежали к знаменитому роду, который всегда был на страже своей страны [4]. К пятнадцати годам вместе с другими чеченскими юношами в горах он прошел полугодовую изнурительную физическую и боевую подготовку, готовясь стать защитником Отечества. Взрослея, Берса демонстрировал лидерские качества, неуклонную

преданность интересам народа, всегда поступал по совести и справедливо. К двадцати годам его жизнь радикально изменилась из-за конфликта, возникшего между беноевцами и дагестанцами. В предании сообщается, что в аул Бено прибыла группа дагестанских мусульман во главе с неким шейхом Абу-Муслимом, требовавшим от чеченцев принятия ислама. Но беноевцы, будучи последователями древних обычаев, не желали подчиняться агрессивному требованию. Между Берсом, оказавшимся в гостях в Беное у родственников жены, и Абу-Муслимом произошел короткий поединок.

Предводитель мусульман получил смертельное ранение, после чего его соратники ринулись на беноевцев. Но Абу-Муслим именем Аллаха запретил кровопролитие, и сообщил своим последователям, что отныне именно Берса продолжит дело распространения ислама в Чечне. И в этом богоугодном деле никто ему не должен препятствовать. После такой речи произошло чудо. Тело Берсы окутал черный дым, испарившийся в небе. Это событие было истолковано следующим образом: дым – облако «неверия», которое по воле Аллаха отделилось от будущего проповедника ислама. Очищенный от прежних языческих воззрений Берса встал на праведный путь, превратился в святого.

Религиозная деятельность Берсана началась с того, что он попросил свою мать Чилла принять ислам. После долгих увещеваний мать, почувствовав, что его сын обладает даром убеждения, приняла новую веру, но ему долго не удавалось склонить к исламу родственников своей матери. На его требование принять ислам они отказывались под различными предлогами. Очередной раз посетив своих родственников, он также получил отказ. Когда он покинул своих родственников, жены и сестры стыдили своих мужей и братьев, вопрошая, почему они неуважительно относятся к своему племяннику – признанному шейху Чечни, требуя проявить к нему уважительное отношение. В ответ на укор женщин старейшины рода попросили вернуть его обратно. В этот вечер основная часть гуноевцев приняла ислам. Более того, с небольшой горы они сбросили большой тайповый котел, в котором варили кабанину. Это место на чеченском языке называется *«Яй карчийна корта»* («Голова, где опрокинули котел»).

Небольшая часть рода гуной, отказавшаяся принять ислам, после жарких дискуссий покинула родные места. Эта часть рода под предводительством Оьрза (имя старшего из «отказников») перешла реку Терек и основала поселение *«Оьрза-гІала»* («Город Орзы»). Оно находилось на месте, где возникла казачья станица Червлённая. Потомки Оьрза «обрусели», превратились в казаков, но многие из них до сих пор помнят свою связь с родом гуной. К таким фамилиям, как отмечает У. Лаудаев, относятся Егоркины, Гришины, Бусунгуровы, Титкины, Полушкины, Пронькины и другие [2, с. 54]. По его мнению, ислам среди чеченцев одновременно с Берсом-шейхом распростра-

нял и Термаол, который был человеком красноречивым и жестоким [там же]. Его страстные речи, описывающие благо для верующих в загробной жизни, склоняли чеченцев к принятию ислама. Но он отличался жестокостью в деле искоренения язычества, истребил немало чеченцев. После одной такой кровавой бойни женщины накрыли свои головы пустыми очажными котлами и вышли на улицу. Это означало, что в своих домах им больше некому приготовить еду. Кроме того, дети в аулах стали играть с куклами, изображающими убитых людей. Не выдержав этих издевательств, Термаол выкопал яму и заживо себя похоронил. Предание сообщает, что при этом им было сказано, что он вернется вновь в мир тогда, когда чеченцы в этом почувствуют потребность [2, с. 55]. По мнению У. Лаудаева, Термаол и Берса-шейх одновременно проповедовали ислам среди чеченцев, что происходило в 1591 году, и являются первыми этническими чеченцами, распространявшими на своем родном языке ислам среди соплеменников.

Важно рассмотреть и еще один аспект. В исторической памяти чеченцев сохранилось предание о том, что среди чеченцев ислам распространял Абу-Муслим – арабский полководец (VIII в.), а в дагестанских исторических хрониках утверждается, что именно при нем дагестанцы приняли ислам. Но это положение, сохранившееся в народном предании, видимо, не совсем корректно. Так, в сочинении «Асари Дагестан», написанное известным дагестанским алимом Гасаном-эфенди Алкадари, утверждается, что по приказу мусульманского правителя (халифа) Гашима бен Абдул-Мелика из Сирии на Кавказ был отправлен его родной брат Маслама бен Абдул-Мелик [6]. Он покорил Дагестан, отнял у хазар все округа и города, убил сына хазарского царя. Наряду с воинственностью Маслама отличался созидательной деятельностью. Им были назначены кадии и ученые для обучения исламу население дагестанских аулов и городов, правители и старейшины – для правления ими, построены мечети и минареты. Исследователи утверждают, что именно он, Маслама бен Абдул-Мелик, получил в народе имя Абу-Муслим. Он умер 739 году в Сирии в местности Ханут [7, с. 43].

Алкадари в своем сочинении пишет еще о двух мусульманах, имевших имя Абу-Муслим. Второй Абу-Муслим, выступив из Хорасана, содействовал переходу власти от омейядов к аббасидам в 747 году, но он никогда не был в Дагестане. Третий Абу-Муслим был шейхом. Он прибыл в Дагестан в IX в., обучал исламу, распространял шариат. Умер в Хунзахе, где находится его зиярат, посещаемый верующими. Судя по этим сведениям, Абу-Муслим, который был убит в Беное, к описанным двум Абу-Муслимам отношения не имеет.

В Чечне сохранились и следы захоронений Термаола и Берса-шейха. Как утверждает А. Сулейманов, могила Термаола находится в селении Айткхалла Ножай-Юртовского района. А гробница (зиярат) первого проповедника Берса-шейха находится в с. Курчали, рядом с ним покоится его жена

[5, с. 658]. По поручению Главы Республики Рамзана Кадырова зиярат Берса-шейха в 2006 году был реконструирован.

В «Топонимии Чечни» А. Сулейманова утверждается, что Термаол похоронен в с. Айткхалла [8]. Журналистка Аза Газиева считает, что им допущена ошибка, ибо подлинное место захоронения Термаол – Куьйрен-бен, что находится на окраине Энкхалла. Оказывается, что проповедник ислама Термаол является двенадцатым предком Азы Газиевой. Эти сведения, а также поиск других источников, конечно, очень важны для реконструирования его образа, религиозной деятельности по распространению ислама среди чеченцев.

Термаол был родом из хутора Куьйран-Бен и принадлежит тайпу энкхаллой. Рядом с этим аулом имеется место, где лежал камень, на котором имеются отпечатки вдавленных четырех пальцев. Аза Газиева обратилась к Рамзану Кадырову и рассказала ему о значительной роли Термаола в распространении ислама в восточной части Чечни. На этом месте в 2010 году по указанию Рамзана Кадырова построен зиярат.

С детства Термаол был приучен к труду, различным лишениям и подготовлен как воин. В предании чеченцев он сохранился как турпал Термаол, обладавший необычайной силой. И сегодня жители с. Энкхалла могут указать камень, который он поднял одной рукой и отбросил в сторону. Вряд ли этот сохранившийся до наших дней камень смогут сдвинуть с места пять сильных мужчин.

С чего началась религиозная деятельность Термаола? Как-то один из его родственников заболел, его долго не могли вылечить. В Дагестане был найден врач-мусульманин, которой взялся за лечение. Врач оказался искусным и глубоко набожным. Профессионализм и вера в Аллаха, которые в ходе лечения больного он продемонстрировал, явились основанием принятия ислама Термаолом. Судя по преданию, он учился в Аварии. За значительные успехи в учебе ему был подарен триножник (джIайн гIант), а также сто человек прислуги. Последние, как утверждает предание, были поселены в отдельном месте, чтобы они не смешивались с чеченцами (хIу ца бехдайта). Аза Газиева утверждала, что ее дед часто произносил: «НогIийн а, гIалмакхойн а зударий схьакхийлина, нохчийн цIий бехдина» [9].

В месяц Рамадан многие верующие Чеченской Республики и других мест посещают Веденский район, в котором немало зияратов известных шейхов и устазов, в том числе и более ранние зияраты первых чеченских проповедников – Берса-шейха и Термаола. Посещая их, они просят у Всевышнего благодати, очищения от грехов, избавления больных родственников от недугов. Посещение святых мест оказывает благоприятное влияние на паломников, вселяет в них надежду на лучшую жизнь, просветляют их затуманенное сознание.

Список использованных источников и литературы

1. Попов И. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск IV. Тифлис, 1870.

2. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск V. Тифлис, 1872.

3. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – 426 с.

4. Юсупов Iусман. Къоман тептар. Хьалхара книга. – Нальчик, 2008. – 416 с.

5. Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. – Нальчик: Изд. центр «ЭЛЬ-ФА», 1997. – 684 с.

6. Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. – Махачкала, 1994. – 224 с.

7. Шихсаидов А.З., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Издат-я фирма «Вост. лит», 1993. – 302 с.

8. Акаев В.Х. Первый проповедник ислама из числа чеченцев (об утверждении ислама в Чечне Берса-шейхом) // Вести Республики. – 2012. – 27 июля.

9. Акаев Вахит. Берса-шейх – первый проповедник ислама среди чеченцев // Вайнах. 2014. – № 9. – С.

РАЗДЕЛ 2.

ЧЕЧЕНЦЫ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ 1817–1864 гг.

Тесаев З.А.

ТАЙМИЕВ БЕЙ-БУЛАТ
(1779–1831)

Бей-Булат Таймиев родился в 1779 году в селении Шали в семье колесного мастера Тайма Ахаева. Семья Бей-Булата позднее перебралась в село Иласхан-Юрт, где состоялось его взросление. Мать Бей-Булата была уроженкой с. Чечен-Аул. У него было трое братьев, потомки которых и ныне проживают в селах Шали и Иласхан-Юрт. Сам Бей-Булат, возмужав и женившись, по-видимому, вернулся в с. Шали, где стал сельским старшиной, но впоследствии был вынужден покинуть село по причине пролившейся крови. Вблизи села Иласхан-Юрт Бей-Булат основал собственный хутор Бийболатан-Отар. Был состоятельным человеком, «…ему принадлежало несколько хуторов в окрестностях селений Шали, Гелдаген и Иласхан-Юрт».

Впервые в документах имя Бей-Булата обнаруживается в 1802 году, когда им было совершено нападение на казаков и пленен полковник Дель-

поццо. В 1807 году Бей-Булат фигурирует в источниках как «старшина» (*чеч.* юрт-да) Шали и «наездник» (*чеч.* бIо-баьчча).

С 12 февраля по 18 марта 1807 года состоялась первая, наиболее крупная за XIX век войсковая операция царских частей под командованием генерала Булгакова, обернувшаяся тактическим поражением генерала. В документах того же года Бей-Булат фигурирует как «главный наездник» чеченцев, что указывает на военное руководство Бей-Булата над чеченскими отрядами во время похода Булгакова.

Кавказское командование в лице Гудовича осуществило частичную компенсацию чеченцам за нанесенный ущерб и установило контакты с чеченской элитой, демонстративно удостаивая, в частности, Бей-Булата капитанским чином и жалованьем, что в представлении современников было уступкой и признанием статуса народного избранника. В сентябре Таймиев был приглашен во Владикавказ, где состоялся первый этап переговорного процесса; позднее прошли переговоры Таймиева и Гудовича в Тифлисе, растянувшиеся на три месяца. Как пишет авторский коллектив научного издания «История Чечни», Бей-Булат «…в обмен на *формальное признание российского протектората* добивался для Чечни того же, что и позже – *полного внутреннего самоуправления* и закрепления *привилегированного положения старшинского сословия* (т.е. юридический статус для *Мехк-Кхеташо*, который составляли, в большинстве, старшины. – *З.Т.*). Себя он видел главой Чечни. Очевидно, что *планы Бей-Булата не встретили одобрения у российской стороны*.

Пока он находился в Тифлисе, в целый ряд чеченских селений (в том числе и в Шали) *были направлены так называемые «приставы»* из числа представителей старой феодальной аристократии. Попытка явочным порядком *«переиграть» Бей-Булата Таймиева* в конечном итоге дорого обошлась российскому командованию (текст выделен мной. – *З.Т.*)». 16 декабря на обратном пути в Чечню во время следования группы Бей-Булата по Военно-Грузинской дороге через Дарьяльское ущелье произошло первое зафиксированное в документах покушение на убийство Бей-Булата. Уже 27 декабря 1807 года граф докладывал в центр Румянцеву: «Шалевской деревни старшина Бийбулат Тайманов, большое влияние имеющий на чеченский народ и у них первым наездником (т.е. военачальником. – *З.Т.*)…, имеет от народа большое к себе доверие и уважение (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Гудович ходатайствовал о присвоении Бей-Булату чина подпоручика и назначения ему жалованья серебром. Ходатайство Гудовича относительно Бей-Булата было лично удовлетворено Александром I. «Слава и авторитет Бей-Булата, – пишет Л. Колосов, – после получения им офицерского звания еще более возросли. В глазах народа это выглядело как победа Бей-Булата и уступка царских властей».

Однако начавшаяся административная политика в Чечне и покушение на жизнь Бей-Булата в Дарьяле, по-видимому, навели на мысль о злом

умысле царских генералов. Бей-Булат прекратил контакты с Гудовичем и в течение трех лет оказывал «…серьезное военно-политическое давление» на Кавказскую линию.

Летом 1809 года с подачи чеченской стороны был заключен выгодный чеченско-кабардинский военный союз. Однако в начале июня 1810 года назрановские поселенцы в одностороннем порядке нарушили условия договора о поселении у Сунжи, совершили нападение на чеченский отряд, убив также кабардинского князя Албаксида Канчокина, и пригласили русский гарнизон, нарушив тем самым чеченско-кабардинское соединение.

Весной 1811 года Кавказское управление в лице Тормасова вновь попыталось сблизиться с Бей-Булатом. В мае в Тифлисе состоялась встреча Тормасова и Б. Таймиева. Тормасов обещал чеченским старшинам, «…что Бейбулат получит все то, что желает…». В 1812 году линию Тормасова продолжил Ртищев, однако в дальнейшем отношения ухудшились.

6-го февраля 1816 года на трассе между Кази-Юртом и Лащуринским карантином чеченским отрядом был взят в плен возвращавшийся из Дербента майор Швецов; пленение офицера в дальнейшем будет приписываться Бей-Булату.

29 июня 1816 года генерал-лейтенант от инфантерии А.П. Ермолов был назначен командующим на Кавказе и уже 10 октября «…прибыл в Тифлис и вступил в командование войсками». Перед отъездом в Тифлис в сентябре сначала в Георгиевске, а затем во Владикавказе у Ермолова состоялись две встречи с Бей-Булатом. Кроме того, согласно сведениям исследователей, на встрече Ермолова с Бей-Булатом во Владикавказе стороны договорились о прекращении ведения боевых действий и восстановлении Бей-Булата на русской службе в чине поручика. Инициатива встречи приписывается Ермолову. Но впоследствии выяснилось, что Ермолов усыплял бдительность чеченцев перед началом крупномасштабных военных действий.

В 1817 году царское командование, несмотря на договоренности, приступило к строительству крепости Назрановской, а затем – Преградного Стана. На это Бей-Булат ответил заключением военного союза с аварским ханом Нур-Мухаммадом.

20-го мая 1818 года началось движение царских войск под командованием Ермолова в Чечню. Таймиев встретил противника при переходе через Терек недалеко от Старого Юрта. Затем Б. Таймиев укрепился в районе р. Нефтянки, где состоялся второй бой, однако Ермолов вышел на Сунжу и остановился здесь лагерем. Уже 10 июня началось строительство крепости Грозной. Одновременно Бей-Булат стал укреплять Ханкальское ущелье. Шли ежедневные бои. Позже на подмогу прибыл отряд под командованием Нур-Мухаммада. Бей-Булат и Нур-Мухаммад попытались окружить транспорт с провиантом и чиновниками, двигавшимися в новообразованную крепость

Грозную. В этой связи Ермолов немедленно отправил отряд под командованием Вельяминова при 4 орудиях. В момент сближения сил Бей-Булата и Нур-Мухаммада с отрядом Вельяминова рядом с селом *Атаги* случилась трагедия: чеченцы впервые испытали на себе разрушительную «картечь» – осколочные снаряды пушек, впервые примененные Наполеоном Бонапартом в Тулоне. Бей-Булат отступил. Позднее Ермолов написал, что «…в сей день чеченцы дрались необычайно смело…».

В мае 1821 года на собрании Мехк-Кхеташо в Майртупе было объявлено о подготовке ко всенародному антиколониальному движению под предводительством Бей-Булата.

К началу 1822 года к Бей-Булату присоединился герменчукский кадий Абдул-Кадыр. 9 февраля в Шалинском лесу состоялось ожесточенное сражение отрядов Бей-Булата и Абдул-Кадыра с Грековым. В этом сражении был убит Абдул-Кадыр. Затем Бей-Булат изменил тактику, разделив войска на отряды.

Летом Бей-Булат начал переселение «мирных» притеречных чеченцев ближе к горам для предотвращения их насильственной мобилизации в милицию.

В 1823 году Бей-Булат пережил очередное покушение на убийство, организованное Грековым.

1 января 1824 года в Эрпели в ставку к генералу Ермолову прибыл на переговоры Бей-Булат, получивший гарантии безопасности от шамхала Мехти-хана. Бей-Булат, желая предотвратить походы царских войск до окончания подготовки к движению, добивался временного мира.

Весной 1824 года Бей-Булат посетил Магомеда Ярагского и сам ознакомился с его программой газавата и священной войны. Затем состоялся приезд Махомы Кудуклая в Чечню вместе с Бей-Булатом. Также к подготовке восстания был привлечен проповедник Авх, именуемый некоторыми источниками «Бейбулатовским имамом», и шахский эмиссар Нох-хан – сын Сурхай-хана Казикумухского.

Через пять дней, 29 мая 1825 года, в Майртупе в торжественной обстановке открылся съезд Мехк-Кхеташо, на котором присутствовали представители различных обществ Северного Кавказа, а также духовенство. Было объявлено о начале масштабного антиколониального движения. Имамом, или духовным руководителем, был провозглашен Махома; Бей-Булат, являясь единственным фактическим лидером движения, возглавил его организационную и военную часть. Также была заслушана пореформенная программа Бей-Булата. Это было началом строительства административной государственной системы под руководством Б. Таймиева.

В июле 2-тысячный конный отряд под руководством Бей-Булата и Махомы выступил из Майртупа к Шали, а затем занял село Атаги. Греков двинулся к ставке Бей-Булата, однако Таймиев не стал принимать бой и отошел

к селению Гойты, поскольку ему еще предстояло завершить пополнение ополчения. В ночь с 7 на 8 июля Бей-Булат внезапно напал на Амир-Аджи-Юртовское укрепление. Крепость пала. Отправив трофейную пушку в горы, Бей-Булат двинулся к Сунже и завладел крепостью Злобный Окоп. Затем Таймиев направился вверх по Сунже к Преградному Стану; укрепление было частично сожжено. Далее началась осада чеченцами Герзель-Аульской крепости. На шестой день осады Лисаневич и Греков, собрав все имеющиеся силы, подошли к осажденному Герзель-Аулу; чеченцы отступили из-за преимущества русских (артиллерия) в открытой местности. Однако 16 июля в результате кровавого инцидента в крепости Герзель-Аул Лисаневич и Греков были убиты чеченцем Учар-Хаджи. Через несколько дней в Аксай триумфально вошел Бей-Булат Таймиев и два имама – Махома Кудуклай и Авх.

Ориентировочно 17 июля в Майртупе очередной съезд Мехк-Кхеташо объявил о проведении голосования за избрание Бей-Булата правителем Чечни. Дагестанское духовенство покинуло собрание, выражая этим свое недовольство. Выборы прошли в Иласхан-Юрте. Бей-Булат стал правителем (Мехк-Да), получив всяческие полномочия и приступив к созданию административной системы.

Во вторую половину 1825 года Таймиев реформировал государственное устройство по типу западного, формируя администрацию под личной присягой и организуя, помимо ополчения, регулярный полк, размещенный им в пределах Ханкалинского ущелья.

В августе Бей-Булат учредил по всей стране сельские администрации, назначив старшин и подчиненных им тургаков. 29 числа он провел показательный штурм крепости Грозной, малым числом сумев пробиться в укрепление и удержать в течение нескольких часов казарменное помещение, после чего покинул Грозную через главные ворота, а на следующий день сообщил в Атагах о совершенной атаке. Также Таймиевым были уничтожены нефтяные колодцы, сожжен сторожевой пост и взят в плен племянник брагунского князя.

21 октября Бей-Булат во второй раз отправил в Кабарду конный отряд для поддержки и выручки восставших кабардинцев. 26 числа состоялось знаковое Ханкалинское сражение Таймиева с подполковником Сорочаном, который отступил в крепость Грозную. А в ноябре случилось не менее значимое событие: 20 числа Бей-Булат Таймиев организовал засаду для поимки Ермолова, однако густой туман помешал этому. Через четыре дня Бей-Булат занял Кули-Юрт (близ Грозной). 31 декабря Б. Таймиев передал Ермолову требования Чечни.

26 января 1826 года Ермолов двинул войска через Ханкалу к Большим Атагам. В село Чахкери, где расположился Бей-Булат Таймиев, прибыли воины из Мичига, Нохчмохка, а также Магомед Кудуклай с отрядом. Ермо-

лов устроился лагерем в Больших Атагах, подвергаясь небольшим атакам чеченцев. На следующий день нападению подвергся отряд из казаков и солдат, присматривавший переправу через Аргун. Через два дня Ермолов начал сворачивать лагерь, который вновь подвергся атаке с фланга.

30 января царский отряд сжег покинутый чеченцами Чахкери. В километре от села столкнулось 3-тысячное чеченское ополчение под предводительством Б. Таймиева и экспедиционный корпус под командованием А. Ермолова. Состоялось Чахкеринское сражение. Ермолов спешно отступил в Грозную, в которую прибыл 2 февраля. 27 апреля Б. Таймиев дал сражение при Урус-Мартане, а 2 мая – у Шали.

В мае началась первая заграничная поездка Бей-Булата в закубанскую Черкесию, Анапу (к местному паше), Турцию и Персию (по некоторым данным, состоялись встречи с султаном и пашой). Во второй половине июля Таймиев вернулся из Тебриза (столица Персии) в Чечню и поддержал кахетинского царевича Александра, возглавив 2 тысячи «лезгин» в с. Таначи. Осенью 1826-го – весной 1827-го годов состоялась вторая заграничная поездка Бей-Булата.

С конца 1827 по 1829 год шли переговоры Б. Таймиева и депутатов Мехк-Кхеташо с шамхалом Мехти-ханом о посредничестве последнего в заключении мира с Россией на условиях вхождения Чечни в состав государства на правах доминиона – полностью внутренне автономной страны-члена империи. В феврале 1829 года Мехти-хан известил нового кавказского наместника, графа Паскевича, о ходе переговоров с чеченской стороной и передаче Бей-Булату аманата – своего племянника Мамед-бека.

4 марта в Тарки прибыли Б. Таймиев и 120 депутатов Мехк-Кхеташо на выездное совещание, где было заключено предварительное соглашение о мире с Россией и выдаче аманатов шамхалу. Сыновьями (в качестве аманатов) обменялись Бей-Булат и Мехти-хан. Уже 7 апреля состоялся второй съезд Таймиева и 105 депутатов Мехк-Кхеташо в Тарках. Паскевич пригласил Бей-Булата в Тифлис.

6 июня Бей-Булат с товарищами, а также с А.С. Пушкиным, для которого Таймиев стал «порукой в безопасном переезде через горы», прибыли в Тифлис. Тем временем, генералитет, не желавший мирного решения «чеченского вопроса», 7 числа предложил в донесении Паскевичу устранить Таймиева и всю чеченскую делегацию, на что наместник на Кавказе ответил категорическим и осудительным отказом.

25 июня чеченская делегация во главе с Бей-Булатом Таймиевым была направлена из Тифлиса в Главный действующий корпус (русско-турецкий фронт) для продолжения переговоров и в целях удержания чеченцев до разрешения конфликта с Турцией. 29 числа делегация прибыла в Александрополь. В июле и августе Таймиев и его товарищи пребывали в главной квартире дей-

ствующей армии при графе Паскевиче. В ходе переговоров Бей-Булат вновь озвучил условия чеченской стороны (статус доминиона и полная внутренняя автономия). 7 июля Бей-Булат был на званом обеде у Паскевича, где присутствовал А.С. Пушкин. Уже к осени Николай I утвердил временное Положение о статусе Чечни, предложенное графом Паскевичем с учетом условий чеченской стороны (доминион, внутренняя автономия, привилегированный статус Мехк-Кхеташо и Таймиев в роли лидера Чечни). Это стало главным политическим событием в истории русско-чеченских взаимоотношений в первой трети XIX века. Бей-Булату Таймиеву удалось добиться мирного и самого выгодного решения «чеченского вопроса». Он стал фактическим руководителем Чечни – доминиона Российской империи. С этого времени Бей-Булат Таймиев начал подписывать документы как «Граф Чеченский».

28 апреля 1831 года граф Паскевич-Эриванский был срочно отозван с Кавказа в Польшу в связи с начавшимся там восстанием. Бей-Булат Таймиев остался наедине с генералитетом – «партией войны» и противником мира с Чечней. Как итог, 14 июня того же года во время движения от крепости Ташкечу Мехк-Да, или правитель Чечни, легендарный Бей-Булат Таймиев был убит при невыясненных обстоятельствах (официальная версия выглядит неправдоподобно). Вместе с ним умерла и мечта о мире: война продолжалась в течение еще 30 лет.

Список использованных источников и литературы

1. Айдамиров, А. Хронология чеченской истории // Собр. соч. в 6 т.: Т. 6. – Грозный, 2005. – 402 с.: ил.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. I. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. – 827 с.

3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. III. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. – 767 с.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. IV. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – 1019 с.

5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. V. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. – 1187 с.

6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. VI. Ч. I. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874. – 957 с.

7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. VII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 1011 с.

8. Бибулатов, В. Славный Бейбулат, гроза Кавказа… / В. Бибулатов // Вести Республики. – 7 августа 2008 года. – № 149 (831).

9. Духаев, А. Бейбулат и его потомки / А. Духаев // Халкъан дош. – 2 февраля 2009 г. – № 10–11 (8114–15). – С. 5.

10. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – М.: Высш. Шк., 1991. – 463 с.: ил.

11. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 4-х т. Т. 3: История Чечни. XIX в. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. – 656 с. с ил.

12. Колосов, Л.Н. Славный Бейбулат / Л.Н. Колосов. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. – 176 с.

13. Пушкин, А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / А.С. Пушкин. – 2-е изд. – Париж: Издание С. Лифаря, 1935. – 78 с.

14. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2873.

15. Тесаев, З.А. Миграционные и урбанизационные процессы в ходе становления города Грозного / З.А. Тесаев // Нана. – 2017. – № 4 (167). – С. 28–35.

16. Тесаев, З.А. Институт «Мехк-Дай» в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.) / З.А. Тесаев. – Грозный АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 688 с.: ил., карт.

17. Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1904. – Т. III. Ч. 1. – IV, XI, 527, XXI с.: ил., карт.

18. ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2425.

Духаев А.И.

АТАЕВ АТАБАЙ
(1800–1889)

В годы Кавказской войны из чеченского народа выдвинулась целая плеяда знаменитых людей, влиявших на ход российско-кавказских отношений. В первых рядах среди этих личностей в 40–60-е годы XIX века стоял известный своей учёностью в области арабского духовного образования мулла Атабай Атаев из ныне несуществующего селения Чунгурой, которое, согласно картам XIX века, располагалось на юго-западной окраине нынешнего села Гойты [1].

Атабай родился примерно в 1800 году в семье Аты из чунгуроевского тайпа [2]. В детстве получил образование в сельской исламской школе-мектебе (*чеч.* – «хьуьжар»). По преданиям, был способным учеником. После учебы стал исполнять обязанности сельского кадия в Чунгурое. За превосходное знание мусульманского правоведения быстро стал известен среди горцев Чечни и Дагестана. Существует мнение, что Атабай Атаев обучался в знаменитом египетском университете Аль-Азхар в Каире [3].

Впервые имя Атабая Атаева начали упоминать в царских донесениях 1844–1845 годов. «Чеченские партии, бывшие под предводительством Атабай-муллы», были замечены 20 августа 1844 года [4]. В рапорте генерала Нейдгардта князю Чернышеву от 28 августа 1844 года Атабай называется наибом [5]. В своих дневниковых записках генерал М.С. Воронцов, описывая наибов Чечни и Дагестана, даёт ему такую краткую характеристику: «Гихинский Ахтабай Мулла Чунгорой *(А.Д. – Так в документе)*, молодой человек, учёный и воинственный, любим Шамилём и народом, не имеет никаких сношений» [6]. 1 октября 1844 года в ожесточённом бою за селение Гелен-Гойта, что находилось по соседству с Чунгуроем, Атабай потерял сына [7]. Видимо, это был старший сын его – кадий Мансур, упоминаемый в письменной переписке времён Шамиля [8].

В 1845 году Шамиль дал широкие полномочия наибу Атабаю. 17 октября 1845 года в своём рапорте военному министру России А.И. Чернышеву об обстановке в Чечне начальник левого фланга Кавказской линии генерал-майор Р.К. Фрейтаг пишет: «11 октября Шамиль прибыл в Шали с двумя орудиями. На другой день по требованию его все наибы и старшины съехались к нему. Он утвердил наибом Малой Чечни Атабая на тех же правах, которыми пользовался Ахверды Магома, т. е. с правом казнить…» [9]. В связи с этим, царские генералы всё чаще стали упоминать Атабая в своих донесениях.

Получив право самостоятельно вершить суд над виновными, Атабай живо принялся за установление шариатских порядков на подконтрольной ему территории. Документы свидетельствуют, что в середине сентября 1845 го-

да «чеченский наиб Атабай Мулла с партиею ста человек ходил к Шатоевцам и Акинцам для различных разбирательств по шариату, но ослушание сих племен заставило его возвратиться без успеха в Чечню, почему он, усилив свою партию до полторы тысячи человек, в конце месяца вторично сделал движение к шатоевцам» [10].

В рапорте от 15 ноября 1845 года Фрейтаг доносил, что 7 ноября 1845 года около крепости Грозной произошла перестрелка с партией Атабая, возвращавшейся домой из Майртупа и Гертме. В другом рапорте он же сообщает, что 15 декабря 1845 года «по сведениям, полученным через лазутчиков, Атабай, наиб Гехинский, действовавший против отряда генерал-майора Нестерова, прибыл обратно с партиею в Гойтинский лес. Шамиль прислал чеченцам вьюк пороху и, восхваляя их храбрость и наездничество, надеется, что они не позволят русским рубить лес и обнажать их аулы, утешая при этом надеждою, что он скоро пришлёт им несколько орудий большого калибра» [11].

В 1846 году наиб Атабай выступал одним из главных инициаторов похода Шамиля в Кабарду [12]. По неизвестным причинам, 22 августа 1846 года вместо Атабая Шамиль назначил Гехинским наибом кабардинского князя Магометмирзу Анзорова [13]. Атабай Атаев был назначен Шатоевским наибом, но не с прежними широкими полномочиями. Видимо, это обстоятельство послужило причиной постепенного отхода Атабая от Шамиля. В журнале военных происшествий на левом фланге Кавказской линии за 1847 год он вскользь упоминается всего лишь один раз [14].

Устав от войны и постоянных скитаний в лесных трущобах, наиб Атабай Атаев 4 августа 1848 года принял отчаянное решение – сдаться русским властям [15]. В своей статье «Левый фланг Кавказской линии в 1848 году», помещённой в «Кавказском сборнике», автор под псевдонимом К. с изысканным художественным вкусом описывает это событие: «Перед рассветом 10 августа к нам на Урус-Мартан выселился бежавший от Шамиля один из наибов Малой Чечни – Атабай. Это был человек средних лет, небольшого роста, плотный, коренастый, широкоплечий, с красивым, но угрюмым лицом. Он ходил всегда в белой черкеске, в белом башлыке и в черной папахе с белою верхушкою. На груди, на серебряной цепочке, висел дорожный компас в серебряной оправе и красовались две треугольные серебряные медали с арабскими надписями. Обе медали, или правильнее, оба знака отличия были совершенно одинаковы; не одинаковы были только надписи на них; на первой значилось: «Герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля»; надпись второго знака отличия, если только истинный смысл ее не искажен в переводе, вызывает на размышления: «Только тот может назваться храбрым, кто не думает о последствиях». Изречение, конечно, мудрое, но не носит ли оно скорее характер порицания, нежели одобрения? Атабай бежал не один; при нем было семейство, состоявшее из двух жен и

двух мальчиков. Старшая жена его была природная чеченка, красивая, очень светлая блондинка, с черными, как агат, глазами; вторую далеко нельзя было назвать красивою: она была высока, стройна, но с лицом смуглым, напоминавшим своим вороньим носом благословенную Грузию. Она действительно была грузинка, взятая в плен по седьмому году вместе с матерью. Кроме арбы, на которой наиб перевез свое небольшое семейство, и одной пары маленьких, горной породы, бычков, верховой лошади и двух больших дворовых собак, при нем ничего не было. Что сталось с его домашним скотом, с утварью и другим хозяйственным хламом, неизвестно; что заставило его покинуть родной аул и поселиться в русском лагере, под выстрелами своей же, т. е. чеченской, артиллерии – также никто не знал, но предполагали, что или несогласия, возникшие между местными и пришлыми тавлинскими наибами, или опала, которую он навлек на себя своими притеснениями и поборами. Предположения эти были основаны на том, что Шамиль дорожил своей популярностью в Чечне, выслушивал жалобы простого и бедного народа и не щадил никого, если давлением на сильных мог удовлетворить слабых.

К вечеру того дня, в который Атабай явился в наш лагерь, для него была готова землянка, вырытая и устроенная руками милиционеров из мирных чеченцев. Ровно через две недели, 25-го августа, Атабай также таинственно скрылся из лагеря, как и появился в нем. Четырнадцатидневное пребывание Атабая на Урус-Мартане повергло всех в крайнее недоумение, начиная с командовавшего войсками чеченского отряда барона Меллера-Закомельского. Все, что мы могли узнать относительно его от лазутчиков, заключалось в том, что Атабай перед выселением своим на Урус-Мартан куда-то отлучился; при этом лазутчики прибавляли, что если на Атабая и возложена была Шамилем какая-либо разведочная миссия, то лучшего выбора имам сделать не мог, потому что наиб был человек скрытный и бесстрашный…» [16].

Вопреки опасениям автора цитированных выше строк, Атабай не производил разведку в стане русских и не бежал от них спустя две недели после сдачи. Согласно архивным документам, 19 августа 1848 года он был произведён в поручики русской армии с назначением на содержание по 500 рублей серебром в год из Государственного Казначейства. Кроме того, Атабаю был предложен сан кадия «мирных чеченских деревень» с производством содержания по 1-му рублю серебром в день, которое получал умерший Грозненский кадий. По собственному желанию Атаби Атаев переселился из Урус-Мартана в мирное чеченское селение Старый-Юрт [17]. В качестве первоначальной помощи из Воздвиженского провиантского магазина семействам Атабая и бежавшим с ним родственникам из 21 души было отпущено муки на сумму 409 руб. 27 ½ коп [18].

В отличие от сведений из «Кавказского сборника», по архивным документам семья Атабая состояла из одной жены – Таисы Хамзатовой, сыновей

Магомета и Ахмата, а также дочери Майму. Вместе с наибом сдались на милость русских ещё 4 семьи: Эсакая Атаева – родного брата Атабая, Чагара Хамзатова – шурина Атабая (в документе записан тестем), а также родственников Сулеймана Черкесова и Хасава Салехова – в количестве 16 человек [19].

Начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор Нестеров 9 февраля 1849 г. докладывал начальнику Штаба войск Кавказской линии и Черномории: «Препровожденные при отзыве Вашего Превосходительства, от 13 генваря № 56, Всемилостивейше пожалованное жалованье Шатоевскому наибу поручику Атабаю с 19 августа 1848 года по 1 генваря 1849 года за надлежащим вычетом всего 177 руб. 88 ¼ коп. сереб., – мною получены и по принадлежности выданы» [20].

9 ноября 1849 года тот же генерал-майор Нестеров написал рапорт: «Чеченский пристав штабс-капитан Доможиров от 6-го ноября за № 847 донес мне, что проживавший в дер. Старом-Юрте бывший Шатоевский наиб поручик Атабай Атаев, получавший от казны жалованья 500 рублей серебром в год и, по званию кадия, по 1 рублю серебром в сутки, без всяких побудительных со стороны начальства причин, в ночь с 1-го под 2-е число сего м-ца с семейством своим бежал в горы к непокорным. Почтеннейше донося о том Вашему Превосходительству, честь имею доложить, что после побега Атабая лазутчики дали мне знать, что он получил от Шамиля три письма, которыми он просил Атабая возвратиться по-прежнему в горы, но содержания оных мне не известны» [21]. Получается, Атабай Атаев бежал обратно к Шамилю не 25 августа 1848 года, а 2 ноября 1849 года, спустя четырнадцать с лишним месяцев мирной жизни.

Даже после его побега русское командование восемь месяцев сохраняло за Атабаем жалованье, на случай, если он вновь соизволит вернуться на русскую службу. Лишь 30 июня 1850 года начальник Главного Штаба войск на Кавказе находящихся писал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Заводовскому: «Милостивый Государь, Николай Степанович! 8-го декабря 1849 года № 1698 я имел честь сообщить Вашему Превосходительству приказание г. Главнокомандующего требовать и хранить в Штабе вверенных Вам войск положенное содержание удалившемуся в горы, в ночь с 1-го на 2-е число ноября того года, проживавшему в Старом-Юрте бывшему Шатоевскому наибу, потом поручику Атабаю Атаеву, впредь до времени, когда разъяснится, не возвратится ли он опять к нам. Ныне Его Сиятельство изволил приказать прекратить требование на Атаева означенного содержания и возвратить в казну все то, что получено и хранится в Штабе войск со времени его удаления в горы; затем отнесся к г. Военному Министру о исключении Атаева из списков [военнослужащих]» [22]. Поручик Атабай Атаев был исключён из списков приказом по иррегулярным войскам № 21 от 2 августа 1850 года [23]. В казну была возвращена

оставшаяся после его побега сумма жалованья в размере 324 руб. 99 ½ копейки серебром [24]. Это были немалые деньги по тем временам.

Отказ Атабая от обеспеченной жизни свидетельствует о готовности его к самопожертвованию ради интересов своего народа. Он ещё не потерял надежду на успех борьбы горцев за независимость и решил внести свою лепту в защиту Отчизны. Вернувшийся в лагерь Шамиля Атабай был восстановлен в должности Шатоевского наиба и обласкан «повелителем правоверных». Чтобы реабилитировать себя в глазах горских ополченцев, Атаев проявлял чудеса храбрости в боях. Но в чине наиба он продержался всего около трёх лет. Атабай понял всю бесперспективность заметно ослабшего в последние годы сопротивления Шамиля русскому царизму и в свои 52 года решил искать утешение в преподавании детям азов мусульманской религии.

В связи с этим, в начале сентября 1852 года, А. Атаев по собственному желанию отстранился от должности наиба, сославшись на то, что она отнимает у него много времени и не даёт должным образом проводить занятия с учениками в духовной школе-мектебе. Тому свидетельствует следующее письмо Шамиля от 6 сентября 1852 года к шатоевцам: «От повелителя правоверных Шамиля братьям его всем жителям области, которая была под властью брата нашего доверенного Атабая – мир вам! А затем – так как он просил нас уволить его от наибства и дать ему покой в своем доме для занятия его важными науками и поклонения Господу – превознесен Его сан! – и для принесения пользы ищущим пользы от него из совершенных искателей нашего времени (*прим. авт.* – в другом варианте: «...чтобы остаться на свободе и заняться учениками») [25], как он решил, ответили мы ему удовлетворением его обращения и назначили вас под власть брата нашего доверенного храброго Батуко, как мы решили. И повелеваем мы вам повиноваться ему во всех делах (и не ослушиваться его хотя бы в чем-либо), пока он пребывает в истине. И кто повинуется ему из вас, тот повинуется мне, а кто ослушивается его, тот ослушивается меня. А кто из вас отвратился и обратился вспять, и возгордился, и отверг, тот пусть бранит только самого себя. Сие – и мир! Понедельник 21 зул-ка'ды 1268» [26].

Таким образом, духовное предназначение Атаева возобладало над военным. Он стал одним из уважаемых и известных в крае алимов. Воспитал в своей мусульманской школе несколько десятков будущих чеченских мулл. Среди способных и отличившихся его учеников, к примеру, можно назвать Гойта-Муллу из Урус-Мартана [27], отца шейха Билу-Хаджи Гайтаева. Абдурахман из Газикумуха писал: «Ученых в Чечне мало, они редки, так как мало кто занимается наукой. Из их ученых я знаю только следующих известных людей: Атабая …; Абдулкадира; кадия Мустафу, [он же] муфтий области (вилайат) Ичкери; Омара из Цамтари (читайте: «Центорой». – *А.Д.*); старшину (раис) из Ведено; кадия Алимирзу из Сунжи и других» [28].

В конце 1858 года войска генерала Евдокимова заняли земли Шатоевского наибства. Для удержания позиций в этом высокогорном районе Чечни русские заложили крепость Шатоевскую в урочище Хакка (вариант: «Гакко» [29], *чеч.* – «Хьаькка», местность, принадлежавшая тайпу хьаккой). Муфтием и судьёй в этой крепости был назначен Атабай Атаев, в силу обстоятельств вновь поступивший на русскую службу. Он занимал эти должности два года, пока не примкнул к восстанию Байсангура [30]. Внизу документа переводчик приводит ошибочное примечание, что, возможно, крепость Хакка – это Ханкала. Указанная сноска ввела в заблуждение также З.Х. Ибрагимову, которая в своей монографии «Чеченский народ в российской империи: адаптационный период» пишет: «После сдачи Шамиля в плен Атабай Атаев пошел на службу к русским, исполняя обязанности муфтия и судьи в Ханкале, так как в годы Кавказской войны он казнил многих чеченцев, родственники которых, в силу кровной мести, желали ему смерти, а доступ на Ханкалу для них был закрыт» [31].

После пленения Шамиля в Гунибе, 25 августа 1859 года, царское командование на Кавказе посчитало, что Кавказская война завершена. Но один из его наибов – Байсангур Баршикаев из Беноя – стал руководителем крупного антиколониального восстания 1860–1861 годов. Его поддержали бывшие сподвижники Шамиля: Атабай Атаев, Ума Дуев, шейх Гази-Хаджи Ирзаев из Симсира и Султан-Мурад Беноевский. Первые двое, вдохновленные патриотизмом одноглазого, одноногого и однорукого Байсангура, в мае 1860 года подняли мятеж в Аргунском округе. В это время Ума Дуев был наибом Шароевского участка Аргунского округа, а Атабай Атаев – окружным кадием. Исполнявший обязанности главнокомандующего Кавказской армией генерал Орбелиани писал: «Ума Дуев пользуется большим уважением населения и по многим своим качествам может сделаться главою народного восстания», а про Атабая отзывался, что он «славился мусульманской ученостью». Начальник Аргунского округа полковник Туманов, руководивший подавлением восстания, тоже писал об Атабае, «что он человек, хотя и болезненный, но весьма умный» [32].

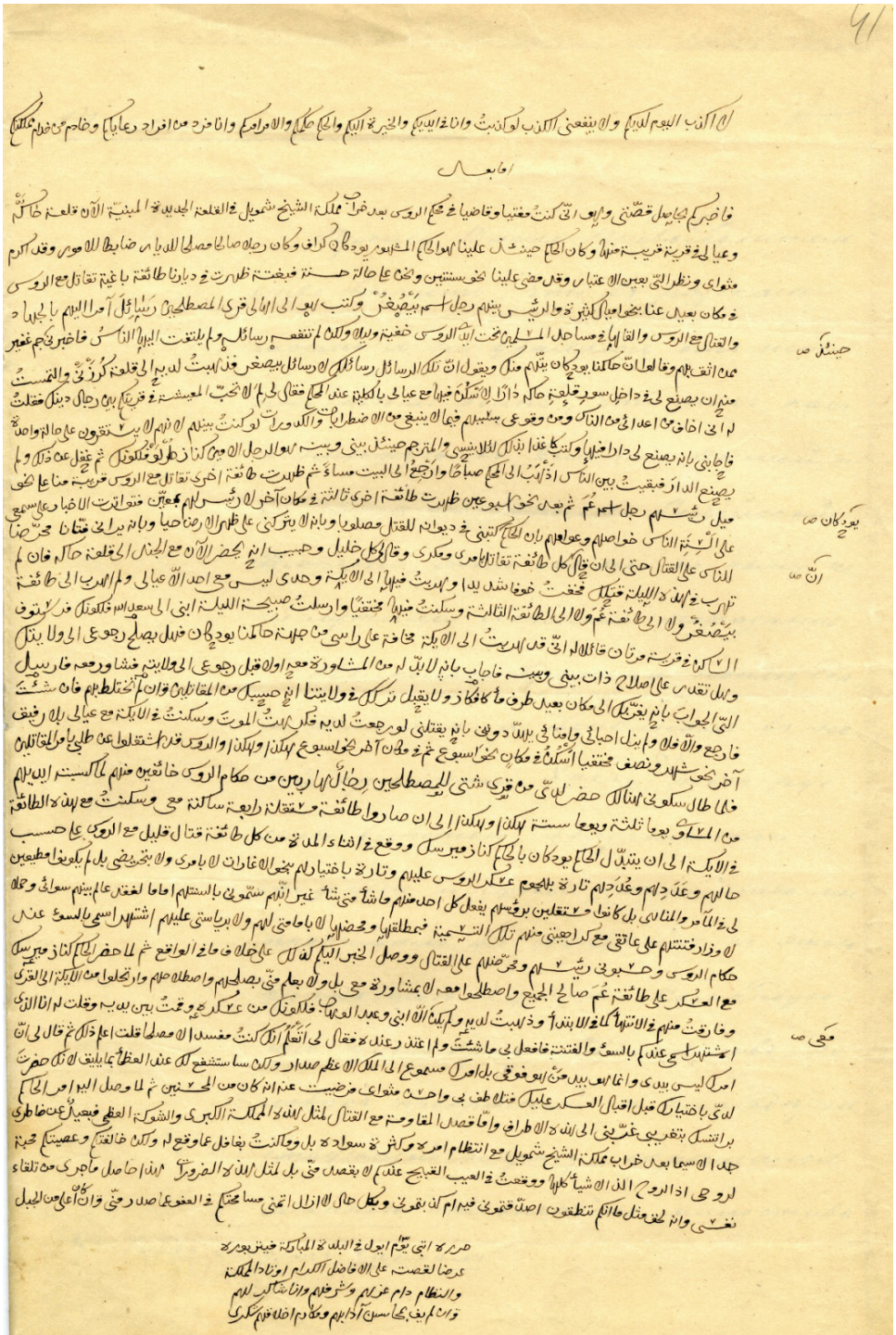
Повстанческий отряд Атабая Атаева действовал в районе аула Харсеной, а Умы Дуева – в междуречье Чанти-Аргуна и Шаро-Аргуна. 14–20 июня 1860 года отряд Атабая, состоявший из 200 человек, занял склоны вокруг укрепления Башин-Кале и вступил в бой с его гарнизоном и двумя ротами, высланными им на помощь из Евдокимовского укрепления. Ума Дуев в это время окружил укрепление Евдокимовское. Для спасения двух крепостей царская администрация 22 июня бросила против мятежников 6 батальонов пехоты с горными орудиями и 2 казачьи сотни под командованием генерал-майора Баженова. В этих боях сложили головы 40 повстанцев и более ста получили ранения.

В середине октября 1860 года мятежники Аргунского округа штурмовали крепость Шатой. В ноябре того же года наместник Кавказа выделил для подавления восстания в Аргунском округе 9 батальонов пехоты, 8 сотен казаков, 4 стрелковые роты, 9 сотен милиции и 2 дивизиона горных орудий. Царские войска, значительно превосходившие число повстанцев, нанесли поражение ополченцам Атабая Атаева и Умы Дуева, после чего оба руководителя восстания ушли в глубокое подполье, скрываясь в лесах Аргунского ущелья. 17 февраля 1861 года восстание в Ичкерийских лесах было окончательно подавлено, а его руководитель Байсангур Беноевский, получивший тяжелое ранение, вместе с семьей попал в плен в местечке Гильгуруше [33]. В марте того же года в Хасав-Юрте военно-полевым судом он был приговорён к казни через повешение.

В первой половине ноября 1861 года царские войска, которыми руководил лично Святополк-Мирский, разгромили приверженцев Атабая Атаева, которые были «уничтожены до последнего человека» [34]. 14 ноября 1861 года А. Атаев добровольно явился в укрепление Шатой и сдался князю Святополк-Мирскому. Таким же образом поступил 14 декабря 1861 года и его соратник Ума Дуев. «Лидер мятежнических шаек чеченец Атабай» был сослан на поселение в г. Порхов Псковской губернии, а Ума Дуев – в Смоленск, под гласный надзор полиции [35].

«Высочайшими повелениями 10 января и 6 мая 1862 года чеченцу Атабаю определено было производить содержание по 30 коп. в сутки и по 5 руб. в месяц на наем квартиры, – гласит архивный документ о содержании ссыльного Атаева. – 7 мая 1863 года суточные деньги увеличены с 30 на 50 коп. и, кроме того, выдано единовременно пособие на обзаведение одеждою и хозяйственными принадлежностями 100 руб., а на конец 22 апреля 1864 года, согласно мнению бывшего директора Азиатского Департамента генерал-адъютанта Игнатьева, высочайше повелено чеченцу Атабаю, в вознаграждение за сотрудничество его в издании г. Науфалем листка на арабском языке, производить по 1 руб. в день суточные, сохранив и квартирные деньги по 5 руб. в месяц. Потребные на сей предмет суммы 365 руб. и суточные 60 руб. квартирные вносятся в сумму Главного Интендантского Управления по параграфу 7 ст. 3» [36].

В 1863 году Атабай Атаев, полтора года находившийся под гласным надзором полиции в г. Порхове Псковской губернии, был переведен в город Касимов Рязанской губернии, «на тех же условиях» [37]. В этом городе в течение 20 лет он отбывал остальной срок наказания и был отпущен на волю летом 1883 года [38]. Атабая высылали без семьи, состоящей из жены Таисы (по другой версии – Еси) Хамзатовой, 1812 года рождения, сыновей Ахмада, Яхъя и трех дочерей [39]. Примерно в 1864 году в Касимове он взял вторую жену – дочь прапорщика Рафека Нагайбековича Мамлеева – Мариам [40]. Проживал в ее доме. С ними под одной крышей жила тёща Атабая и служанка-мусульманка.

Письмо Атабаева Атаби на арабском языке

После возвращения на родину Атабай получал пожизненную пенсию от государства в размере 425 рублей в год. Об этом свидетельствует документ, датированный 7 января 1885 года [41]. Он также упоминается в документе, датированном 1887 годом, среди списков людей, подавших прошение отправиться в паломничество в святой город Мекку. Но им было отказано в выезде за пределы Российской империи [42].

Известный алим Атаби Атаев скончался в 1889 году в селении Урус-Мартан [43]. Ахмад Сулейманов в своей книге «Топонимия Чечни» ошибочно пишет, что «могила известного ученого-арабиста и наиба имама Шамиля Атаби Атаева из тайпа балой находится в г. Пскове, куда он был выслан царским правительством» [44]. На самом деле Атабай Атаев принадлежал к тайпу Чунгурой и был похоронен в Урус-Мартане, на кладбище, находящемся ныне рядом с средней школой № 2 в г. Урус-Мартан.

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 20539, л. 1; там же, ф. 386, оп. 1, д. 2873, л. 1; там же, ф. 416, оп. 1, д. 636, л. 7.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф. 12, оп. 2, д. 446, л. 3; Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 2, д. 102, л. 4.
3. Хамидова З. Борьба за язык (Проблемы становления и развития чеченского языка). // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 92; Ибрагимова З. Чеченский просветитель Атабай Атаев // http://www.kavkazoved.info/news/2014/01/17/chechenskij-prosvetitel-atabaj-ataev.html
4. Кавказский сборник, Т. VII. Тифлис, 1883. С. 286.
5. Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею (далее – Акты). Т. IX, Тифлис, 1884. С. 886, док. 729.
6. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), ф. 440, оп. 1, д. 932, л. 22;
7. Кавказский сборник, Т. VII. Тифлис, 1883. С. 303.
8. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. С. 17-20.
9. АУП ЧР, ф. 244, оп. 1, д. 29/3, л. 142.
10. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6576, ч. 2, л. 138.
11. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6576, ч. 3, л. 148, 178 об; АУП ЧР, ф. 244, оп. 1, д. 29/3, л. 154, 193.
12. Акты, т. X. С. 580, док. 533; Кавказский сборник, Т. IV. Тифлис, 1879. С. 20.
13. Советское востоковедение, Т. III. М.-Л., 1945. С. 48.
14. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 1087, оп. 3, д. 77, л. 346.
15. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 481, л. 1, 38 об.
16. Кавказский сборник, Т. XI. Тифлис, 1887. С. 315–318.

17. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 481, л. 4 об, 5, 9.
18. Там же, л. 38 об.
19. Там же, л. 2 с об.
20. Там же, л. 20.
21. Там же, л. 21 с об.
22. Там же, л. 34 с об.
23. РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 9654, л. 4 с об.
24. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 481, л. 35 об.
25. Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 4. Владикавказ, апрель 1914. С. 78.
26. Советское востоковедение, Т. III. М.-Л., 1945. С. 41.
27. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 1465, л. 94, 98 об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 47, л. 129, 138.
28. Абдурахман из Гизикумуха. Книга воспоминаний Саййида Абдурахмана, сына устаза шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 83.
29. Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879. С. 580.
30. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 144, оп. 488, год 1863, д. 346, л. 32 с об.
31. Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в российской империи: адаптационный период. М., 2006. С. 319.
32. Исаев С.-А.А. Народные восстания в Чечне в 60-70-е гг. XIX в. М., 1999. С. 54–55.
33. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 476, л. 1-3 с об, 4, 5, 6.
34. Исаев С.-А. А. Указ. соч. С. 66.
35. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 47, л. 43.
36. РГВИА, ф. 400, оп. 1, ед. хр. 73, л. 52 об – 53; АУП ЧР, ф.244, оп 1, ед. хр.14/1.
37. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 446, л. 5.
38. Там же, л. 11.
39. Там же, л. 1 об.
40. РГВИА, ф. 400, оп. 1, ед. хр. 73, л. 41.
41. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 945, л. 1 с об.
42. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 142, л. 68 об.
43. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. Р-3764, оп. 1, д. 47, л. 239 об.
44. Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. Грозный, 1997. С. 712–713.

Хожаев Далхан

АХМАД АВТУРИНСКИЙ (ЭВТАРХОЙН АХЬМАД) *(1824–1952)*

Наиб Ахмад Автуринский.
Иллюстрация С.-Х. Бациpаева. *Художник* Н. Кутовой

Имя Автуринского Ахмада (Эвтархойн Ахьмад) стало достоянием как литературы, так и устного народного творчества (илли, назма) уже в 50-х годах прошлого столетия (XX в.).

В начале XX века песни о нем привлекли внимание композитора Муслима Магомаева-старшего. Песни об Ахмаде Автуринском в исполнении сказителя А. Нучаева слушали и записывали в 1915–1916 годах юный Асланбек Шерипов и его братья.

Ахмад родился в 1824 году в семье жителя аула Автуры Мохмада из чеченского общества гуной. Уже в юном возрасте Ахмад выделялся среди сверстников удалью, искусством наездничества, щедростью и благородством.

Один из оплотов чеченского сопротивления аул Автуры был все время под прицелом многочисленных военных экспедиций царских военачальников. Юный Ахмад часто участвовал в постоянных стычках с жестоким врагом.

Весной 1840 года, когда вся Чечня под предводительством имама Шамиля вновь поднялась на священную войну за свободу, войска генерала Граббе начали новый поход в Чечню. 27 октября 1841 года они взяли штурмом села Гелдаган и Автуры. Отчаянное сопротивление чеченцев заставило царские войска остановиться перед входом в горы.

В этих боях за родной аул Ахмад показал себя отважным, зрелым воином. В обнаруженной А.И. Гапаевым в 1986 году чеченской хронике 40-х годов XIX века, написанной на арабском языке, рассказывается о бое отрядов наибов Шоаипа-муллы и Хаджи-Мурата против войск генерала Мусы Ансадойн (Ансалтинского) у берегов реки Терек. Неизвестный чеченский летописец сообщает, как на вызов предводителей: «Кто понесет знамя?» – из рядов войск, подобно льву, выскочил неизвестный юноша на коне. Это был Ахмад Автуринский.

По рассказам стариков, имя юноши стало широко известно в Чечне после сражения в Нохчи-Мохке, в месте Коьжалган Дукъ (начало июня 1842 года). В стане горцев неожиданно, как из-под земли, появлялся неуловимый царский офицер. Нанося большой вред, он невредимым исчезал обратно. Раздраженные удачными вылазками русского храбреца бывалые джигиты стали обсуждать план поимки офицера. Стоявший поодаль юный Ахмад, стесняясь своей смелости, робко предложил свои услуги. Оторопевшие от наглости юнца опытные воины высмеяли Ахмада, а затем с руганью прогнали юношу.

Воспитанный в чеченских традициях уважения к старшим Ахмад, тем не менее, решил делом доказать свое право на голос в любом обществе. Юноша подстерег русского офицера и, вступив с ним в единоборство, в сабельном бою поверг врага! Коня и оружие противника 18-летний Ахмад отдал не в меру высокомерным джигитам.

Но не только воинская доблесть пылкого юноши прославила его имя. Храбростью, благородством, добротой и честностью молодой Ахмад завоевал уважение и любовь народа. Дружеское расположение к Ахмаду питал и сам имам Шамиль, умевший выделять в народе достойных людей.

Вскоре Ахмад женился на полюбившейся ему кизлярке. Принявшую веру мужа прекрасную кизлярку родственники Ахмада называли ГIизларха (Кизлярка). На свадьбу друга после удачного набега в затеречной степи гребенский казак пригнал 40 жеребцов. Вместе с другими друзьями Ахмада казак сопровождал невесту в свадебном эскорте от Малых Атагов до Автуров. На свадьбу с поздравлениями приезжал имам Шамиль.

Ахмада с его верным другом гребенским казаком Санькой связывали не только товарищеские, но и кровные узы. В честь своего друга – казака Саньки – Ахмад нарек своего сына именем Сату. У него были также четыре дочери.

Ахмад остался в народной памяти защитником обездоленных, вдов и сирот. Молодой наездник все свои трофеи и военную добычу неизменно раздавал в пользу неимущих.

В составе отряда наиба Большой Чечни (вилайет Шали) Суаиба-муллы из Эрсеноя Ахмад участвовал в разгроме войск графа Воронцова в Нохчи-Мохке летом 1845 года. В этой кампании Суаиб-мулла героически погиб при преследовании царских войск.

В марте 1847 года имам Шамиль, ведя серьезную подготовку к обороне, по разным причинам, в том числе и из-за жалоб народа, сменил нескольких наибов, не пощадив даже одного из самых предприимчивых – Талхига Шалинского. Мудиром (генерал-губернатором) Большой Чечни был назначен один из участников разгрома войск князя Воронцова в Нохчи-Мохке в 1845 году – Бата Шамурзаев. На место Талхига наибом округа Шали Большой Чечни был поставлен «Ахмад Автуринский, пользовавшийся уважением всей Большой Чечни».

Пребывание Ахмада на должности наиба пришлось на очень трудный период.

Постоянные бои против царских войск, экономическая блокада, связанные с войной лишения изматывали народ. Но люди Большой Чечни верили молодому наибу и шли за ним, невзирая на опасности. Ахмад во главе своих отрядов принимал активное участие в военных действиях против царских войск как в Большой, так и в Малой Чечне, в которую в эти годы перенесены основные военные действия.

Ахмад без устали кидался со своим отрядом в наиболее уязвимые места, нанося урон окружающим Чечню крепостям и станицам.

В четыре летних экспедиции 1850 года вся Малая Чечня была разгромлена царскими войсками, а жители ушли в горы. Шли слухи, что если чеченцы не вернутся, то всю Малую Чечню царское командование хочет заселить казаками, как сделали, завоевав западную часть Чеченской области (Карабулак) и образовав Верхнесунженскую линию в 1845 году. Доведенные до отчаяния несколько тысяч чеченцев переселились в зону, контролируемую царским командованием.

Терпевший поражения имам Шамиль все больше терял авторитет, росло недовольство его неспособностью защищать Чечню. Имам ужесточал меры поддержания порядка в Чеченской и других областях Имамата. Участились смертные казни.

Но произошло то, что имам не мог предвидеть: ужесточение режима, запугивание слабых вызвали ответную реакцию тех, на ком десятилетиями держалось сопротивление царизму, кто укреплял в людях дух свободолюбия и непокорности, кто не собирался терпеть никакого ярма на шее своего народа.

Среди таких людей был и Ахмад. Правление Ахмада во главе наибства отличалось мягкостью по отношению к наказуемым, защитой осужденных на казнь. По преданиям, Ахмад высказал имаму свое несогласие с тем, что тот нарушает шариат, приказав конфисковывать в пользу государства имущество казненных. Имущество после смерти приговоренного считается имуществом сиротским и изъятию не подлежит. Имам Шамиль был вынужден согласиться с доводами наиба. Недовольство чеченцев вызывало также то, что Шамиль, выдвинутый на должность имама Мехк-Кхелом (Советом Страны) Чечни, с молчаливого согласия лидеров Чечни практически распустил этот орган власти народа, заменив его своими людьми в Диванхане.

Вмешательство Ахмада, пользовавшегося уважением имама, спасло от суда Шамиля одного из авторитетов религиозной оппозиции Имамата – Кунту-Хаджи Кишиева из Илисхан-Юрта, открытые проповеди мира и покорности судьбе которого в военное время могли грозить большими неприятностями. Ахмад содействовал также побегу одного из осужденных мулл.

Очень сильно на молодого Ахмада повлиял случай, когда в перестрелке были убиты шестеро перебежчиков из аула Устар-Гардой. Ахмаду была объявлена кровная месть, хотя наиб приказал открыть огонь лишь после того, как перебежчики убили одного из всадников и отказались вернуться в село при условии прощения убийства.

Кровь убитых причиняла непрерывное страдание молодому наибу, мучившемуся сомнением, справедливо ли он поступил, отдав приказ стрелять.

Последовавший вскоре за тем открытый отказ Ахмада казнить семерых осужденных привел к тому, что Ахмад добровольно сложил с себя обязанности наиба в 1849 году.

Талхиг, назначенный наибом вместо Ахмада, совершил смертную казнь осужденных.

Несмотря на отказ от должности наиба, Ахмад не отказался от борьбы с царизмом и не терял связи с Шамилем. В письме к Ахмаду, переданном ему через тайного дипломата – троюродного брата Ахмада Эвтархойн АгIа-Мирзу, имам благодарил Ахмада за деньги, скакуна, белого верблюда и другие подарки, добытые после разгрома лагеря неприятеля на берегу реки ГIойсу, и просил Ахмада вернуться на должность. В ответном письме Ахмад благодарил за приглашение, но заявил, что возвращаются только покинутые невесты. Далее он писал, что имам может видеть его впереди своего наступающего войска и сзади – при отступлении. (Письма, сабля, ружье, пистолеты, подзорная труба Ахмада, хранившиеся в Автурах у Гапаевых, были конфискованы 22 февраля 1944 года.).

В 1851 году Ахмада потрясло известие о смерти от раны, полученной в июньском сражении на Нуракоевской поляне, мудира Малой Чечни Мухам-

меда-Мирзы Анзорова, связанного с Ахмадом дружескими узами, а также переход в ноябре к русским наиба Хаджи-Мурата из Хунзаха.

17 сентября 1852 года имам Шамиль двинулся с войском на крепость Грозную. Этим походом он хотел поднять в Чечне свой пошатнувшийся из-за военных неудач авторитет, принудить царское командование к оборонительной тактике и увести аулы мирных чеченцев из-под крепости в Имамат. Однако замыслы Шамиля были раскрыты, и его отряд попал в засаду. Обступаемый со всех сторон он вынужден был пробиваться в горы, неся потери в людях.

В этом нападении на Грозную участвовал и Ахмад. Предания так рассказывают об этом событии.

Отряд попал в ловушку под крепостью Грозная. На переправе через Сунжу, когда наездники находились в середине брода, по ним открыли перекрестный огонь. Приказав друзьям отступать, Ахмад сам стал отстреливаться и прокладывать себе дорогу шашкой. Автуринец получил тяжелое ранение в ногу (была перебита главная артерия), но от погони ушел. Истекая кровью, он поехал в аул Старая Сунжа (Соьлжа), но охрана села встретила его выстрелами. Одна из пуль попала Ахмаду в предплечье.

Отъехав немного, окровавленный и теряющий сознание Ахмад сошел с коня, расстелил бурку и прилег. Своего любимого коня отпустил. Кровники нашли Ахмада в предсмертных муках и сочли для себя унизительным совершать казнь. Они соорудили носилки, подняли носилки с Ахмадом на плечи и понесли в аул. Этот благородный шаг кровников остановили злые языки, которые кричали вдогонку:

– Он убил ваших людей, а вы еще взвалили его себе на плечи!

«Саблей нанесенную рану врачи залечивают, плохим языком нанесенная рана не заживает», – говорят чеченцы.

Положив носилки, один из них взял у раненого саблю, обнажил ее.

– Хорошо рубит сабля? – обратился он к Ахмаду.

– Да, хорошо. Ее носил достойный мужчина! – Это были последние слова Ахмада Автуринского.

В то время ему было всего 28 лет.

...Люди расступались и смотрели вслед траурной повозке, направлявшейся ко двору Ахмада. Братья Ахмада – Гапа, Ета и Овхад – с потемневшими от горя лицами отрешенно смотрели на покрытое буркой тело. Чермойн Цосар, шедший рядом с повозкой, бросил поводья и с трудом едва сдерживал нахлынувшие горестные чувства.

На кладбище селения Автуры, у Ахмад-хутора, в скромной, но ухоженной могиле покоится его прах.

Народ чтит память своего героя – борца против царизма, и любит его за мужество и отвагу, за честь и доброту, за твердость слова и чистоту поступков, за верность мужской дружбе, которой он дорожил, и чеченскому народу, который он любил больше жизни.

Тесаев З.А.

БАЙСАНГУР БЕНОЕВСКИЙ
(1794–1861)

Байсангур Беноевский родился в беноевском селении Лем-Корц в 1794 году в семье Баршкъи – основателя беноевского рода Эди-некъе. Баршкъи был состоятельным человеком, имевшим земельные наделы в селах Беной, Беной-Ведено, Алхан и Булгат-Ирзу. Кроме Байсангура, у Баршкъи были сыновья Сумгати, Умар и Бира.

На протяжении четырех лет, до 1810 года, Байсангур получал образование у известных ученых Нохчмохка. В их числе мулла Мухаммад Цонтароевский – отец наиба Шуаиба, крупный ученый-арабист, а также пользовавшийся огромным уважением чеченского народа председатель Мехк-Кхеташо, или Совета Страны, в Нохчмохке.

Как сообщают источники, Байсангур Беноевский вышел на тропу войны в начале 20-х годов XIX века под знаменами военно-политического лидера Чечни Бей-Булата Таймиева. По всей видимости, к тому времени Байсангур возглавлял Беноевское общество. Участвовал в антиколониальном движении чеченцев 1825–1826 годов. В 1831 году, после убийства Бей-Булата, Байсангур стал сподвижником имама Гази-Мухаммада и участвовал

в боевых действиях под его руководством. После смерти Гази-Мухаммада Байсангур присоединился к Ташу-Хаджи Саясановскому, который, переселившись из Эндирея в Нохчмохк, сплотил чеченцев в борьбе с царизмом. Вместе с Байсангуром в окружении Ташу-Хаджи был и его брат Бира. Тем временем, хозяйством воюющих братьев занимался Умар – старший и самый состоятельный брат Байсангура. В его доме зачастую останавливался Ташу-Хаджи, когда приезжал в Беной. Здесь же позднее был принят и раненый Шамиль в 1839 году.

В 1832 году последовал разрушительный поход барона Розена в Чечню. Были сожжены десятки аулов. 18 августа в сражении у Гудермеса с полковником Волжинским Ташу-Хаджи и Байсангуру удалось разгромить казаков и взять два трофейных орудия: пушки при содействии Байсангура немедленно были вывезены в Беной. В том же году Байсангур вместе с Ташу-Хаджи предприняли попытку пробраться к осажденному в Гимрах Гази-Мухаммаду, однако им не удалось пробить брешь в кольце.

Поздней весной 1839 года, когда газиями уже руководил Шамиль, генерал Граббе направил свои силы в Чечню. Ташу-Хаджи, несмотря на тактические успехи, был вынужден покинуть Саясан. «Однако Ташав-хаджи и после оставления аула Саясан, – отмечал Бахауддин Хурш, – с помощью беноевцев во главе с Байсангуром обрушился на левое крыло царских войск и вынудил Лабинцева начать постепенное отступление в сторону Рогун-кажи». Кроме того, Ю.У. Дадаев пишет: «Ташав-хаджи после поражения около Саясана не остался дома, а, наоборот, начал вместе с беноевцами во главе с Байсангуром помогать горцам, осажденным в Ахульго. Его отряды атаковали царские войска, следующие в сторону Ахульго, недалеко от аула Данух, старались прорвать кольцо окружения Ахульго с левого берега реки Андийское Койсу.

В результате энергичной деятельности Ташав-Хаджи значительные силы царских войск, осаждавших Ахульго, были отвлечены, и Шамилю удалось мобилизовать силы для его обороны».

Вместе с тем, Шамилю не удалось сдержать натиск царских войск, и Ахульго пал. После разгрома Шамиль в сопровождении близких бежал из крепости и в течение двух дней двигался по берегу Андийского Койсу в сторону Чечни. Достигнув хребта Салатау, ему удалось спуститься в Алмак, где его горячо приняли. Отсюда Шамиль прибыл в Даттых и далее – в Беной, где ему оказали большое гостеприимство и почет. «Здесь, в Беное, – пишет Ю. Дадаев, – в доме Умара и Байсангура Шамиль встретился с известным своим сподвижником Ташав-хаджи, а также с Султан-Мурадом, Магомедом-хаджи из Герменчуга, Шуаибом-муллой из Центороя, Джавадханом из Дарго и другими известными чеченцами». «По чеченским преданиям, – продолжает исследователь, – именно Байсангур поддержал Шамиля при назначении первыми наибами Шуаиба-муллы, Джавадхана и Ташав-Хаджи и др.

Для всех наибов Байсангур являлся тогда еще и примером храбрости, порядочности, искренней любви к своему народу и отечеству».

Шамиль, доселе пользовавшийся лишь коллегиальной поддержкой Ташу-Хаджи, был избран имамом Чечни. Байсангур, возглавлявший Беноевское общество и состоявший в окружении чеченского «маршала» Шуаиба, по-видимому, был одним из военных предводителей (войсковой наиб) в вооруженных силах Имамата. В течение зимы следующего года чеченские бойцы вновь объявленного Имамата под командованием Шуаиба и Байсангура совершили походы за Сулак, достигнув Темир-Хан-Шуры, «…угрожая сообщению с Кавказской линией и Закавказьем». Байсангур Беноевский, и без того прославившийся своей отвагой за многие годы борьбы под знаменами газавата, прослыл «железным человеком»: «таш адам» – так звал его Шамиль.

Долгие годы борьбы и необычайное мужество оставили свой след. Ш.А. Гапуров и Х.С. Умхаев сообщают следующее: «Байсангур Беноевский был человеком необычайной храбрости, мужества и стойкости. Он продолжал принимать участие в боевых действиях даже после того, как потерял в боях одну руку, ногу и глаз. Руку он потерял в боях под Дарго 10 июля 1845 года, когда горцы громили отряд Клюгенау при переходе из Дарго в Андию во время «Сухарной экспедиции». Ноги Байсангур лишился при обороне дагестанского селения Гергебиль в 1848 году.

После излечения, уже в 1849 году, Байсангур снова влился в ряды повстанцев. Правда, уже в качестве наиба Шамиля. Здесь ярко проявились его организаторские способности. Байсангур до конца жизни оставался верен идеалам освободительной борьбы. Он не был корыстолюбив, не использовал свою должность для обогащения, никогда не злоупотреблял своими полномочиями.

С начала 50-х годов XIX в., когда Шамиль стал терпеть одно поражение за другим, и его наибы (и чеченские, и дагестанские) стали переходить на российскую сторону, Байсангур Беноевский был единственным, кто до конца оставался верен ему. Даже в Гунибе, когда 25 августа 1859 года Шамиль сдался кавказскому наместнику А.И. Барятинскому, Байсангур с боем вырвался из окружения и ушел в Беной».

После возвращения в Беной Байсангур не смирился с установлением царской власти в Чечне и ушел в горы, не получив поддержки населения, уставшего от войны. Вместе с тем, в 1860 году ошибка местных властей в лице наиба А. Пензулаева привела к восстанию, которое возглавил Байсангур.

Согласно данным полковника Руновского, приставленного к Шамилю и его сыну Гази-Магомеду в годы их пребывания в Калуге, причиною восстания послужил случай, произошедший в Беное. В тексте дневника Руновского читаем следующее: «После обеда Гази-Магомед, воспользовавшись

уходом младших членов своего семейства, сообщил нам разные новости, привезенные им с Кавказа и большею частью касавшиеся собственно его дел, но между ними были некоторые подробности о последних событиях в Ичкерии и Чечне; и так как часть этих сведений приобретена им из источников неофициальных, именно от горцев, являвшихся к нему в Темир-Хан-Шуре, то рассказ его некоторым образом представляет собою отголосок мнения туземцев о причинах, породивших беспокойства.

По его словам, начало беспокойств в Баяни (в Беное) произошло следующим образом: известный Наиб Байсангур, решившийся умереть, но не сдаваться русским, видя нерасположение Беноевцев последовать его примеру, удалился в окружающие Беной леса с целью поселиться там навсегда, для чего выстроил себе и дом. За ним последовали только три человека, а чрез несколько времени присоединились еще пять или шесть. Вскоре после того к Беною явился с отрядом полк. Али-Бек Пензулаев, потребовавший от жителей содействия к розыску и поимке Байсангура. Беноевцы отвечали, что для них Байсангур не нужен, и потому искать его они не станут, а если нужен он отряду, то пусть отряд и ищет его; они препятствовать не будут.

На это им заметили, что если они не исполнят предъявленного требования, то будут *выселены из места своего жительства*. Эта самая *угроза и была причиною их восстания* (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Как пишет Руновский, подобное истечение обстоятельств – начало восстания под руководством Байсангура – было «предсказано» Шамилем ранее, что письменно отразил в дневнике полковник. «Сам Шамиль, – продолжал офицер, – обратил на это обстоятельство мое внимание и потом заметил, что теперь, пока леса одеты еще зеленью, напрасно было бы искать по ним зачинщиков беспокойств, во-первых, потому что следует ожидать значительных потерь, а во-вторых, потому что с наступлением зимы люди эти, может быть и сам Байсангур, не имея возможности скрываться в лесах, станут искать убежища в обществах, к которым принадлежат, и которым, ради собственного спокойствия и во избежание ответственности перед Русским начальством, не захотят передерживать их. А потому, – заключил Руновский, – чтоб избегнуть невыгодных условий заарестования и выдачи их обществами, зачинщики, по мнению Шамиля, явятся с повинною сами». Кроме того, Шамиль рекомендовал предпринимать действия против чеченцев «…в глубокую осень и даже зимою…», когда «…они не будут иметь средств к сопротивлению, а тем менее к восстанию».

В документах сообщается о личностях, поддержавших Байсангура и участвовавших в восстании. В *«Списке ичкеринцам, принимающим участие в первом возмущении в Ичкерии в мае месяце 1860 года»* на первом месте указан «зачинщик» восстания – «Из аула Беной… Байсангур». Возможно, перед началом открытого столкновения между Байсангуром и Алибеком

Пензулаевым – наибом Ичкеринского округа, состоялся разговор на повышенных тонах. В тексте документа читаем: «Первый (т.е. Байсангур. – *З.Т.*) оказал явное неповиновение наибу полковнику Алибеку, не являясь к нему по требованию, а в апреле месяце публично бранью и угрозами изрубить. Потом, при намерении наиба заарестовать его силою, *бежал через толпу конвойных* (выделено мной. – *З.Т.*) и, сделав несколько выстрелов, скрылся в лесу. При выселении беноевцев по разным аулам остался в лесу и, приняв к себе абреков: из Автуров Гати; из Ташкечу Шабаза; из Гунни беглого солдата из казанских татар Рахматулу и из шатоевского общества, образовавших разбойничью шайку, начал открыто неприязненные действия нападениями на проезжающих».

В ответ на насильственные действия царских властей Байсангур и его сторонники убили приказчика Маркитанта Кабардинского полка; изъяли имущество прапорщика Куринского полка Мазюкина; убили 1 унтер-офицера и 2 рядовых Кабардинского полка; у Герзель-Аула убили двух донских казаков и т.д. «В мае месяце, – говорится в том же документе, – когда беноевцы, подстрекаемые Байсангуром к новому неповиновению, бежали из разных аулов обратно в Беной, Байсангур принял над ними начальствование, поставив одного из них – Султан Мурада – наибом, и начал явно подстрекать к восстанию жителей других аулов, посылая зачинщикам чалмы желтого цвета, означавшие власть наиба, *провозглашая себя имамом*. Таким образом посланы им были желтые чалмы ичкеринцам Хату, Гаты, Гази-Хажи, Джафару, Мимулату, Нуркаши, Саиба, Тозурке, а также Гихе, Чомаку и Магомату, которые их не приняли (последнее утверждение ошибочно; см. далее. – *З.Т.*). Андийцам Дебиру и Хан Гирею и Гумбетовцу Кады. Действуя все время в качестве *верховного предводителя мятежников*, он посылал в другие участки и даже в другие округа подговаривать к восстанию и возмущать народ уверениями, что все вообще горцы левого крыла решились восстать против русской власти и что время общего восстания назначено после праздника Курбана. С наступлением этого времени он, собрав подчинившиеся ему партии и следуя с ними по ближним аулам, увлек многих жителей, оторвав их от полевых работ под мятежные значки бунтовщиков (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Еще одним наибом Байсангура стал его друг и соплеменник Султан-Мурад, лично участвовавший при инциденте у Герзель-Аула. Уже в июне Султан-Мурад вел агитацию за присоединение к восстанию. Еще один чеченец, Али-Султан, также вместе с Султан-Мурадом явился в Беной и в дальнейшем постоянно находился с ним. Брат Султан-Мурада, Муна, предпринимал действия в ущелье Хулхулау. О другом восставшем, Баке, сообщается: «Когда беноевцы бежали из разных аулов обратно в Беной, Бака оставался еще некоторое время в Гендыргене для поддержания намерений Хату и Гаты

(Хату Мамаев из Гендаргеноя – известный наиб Шамиля; Гата – брат Хату; выше в приведенном тексте утверждалось, что они не приняли приглашение Байсангура для участия в восстании. – *З.Т.*), а после участвования лично с абреками на грабеже близ Баташ-Юрта перешел к Байсангуру и участвовал вторично в разбое при убийстве двух ногайцев из транспорта комиссионера Добровольского близ аула Дышни-Ведень».

Байсангура поддержал и депутат при участковом суде в Ичкерии, который прежде пытался добиться изменения решения о переселении беноевцев и прибыл в Беной после возмущения края. Также в числе ближайшего окружения Байсангура были Султахан, Мутали, Деты; бывший наиб Шамиля Хату Мамаев вместе с братьями Гаты, Чули и Мутаем; он же убедил шейха Гази-Хаджи Арзиева из Симсира, также бывшего приверженца имама Шамиля, принять звание духовного руководителя восстания. Кроме того, все перечисленные поддерживали контакты с беноевцами, ранее переселенными из Беноя, призывая их к поддержанию движения Байсангура.

В первых числах мая в горах состоялось тайное совещание, где Байсангур в присутствии Султан-Мурада, Хату и Гаты Мамаевых убедил Гази-Хаджи взять на себя «звание имама». Вместе с тем, именно Байсангур был и продолжал оставаться идейным и военным руководителем восстания. Затем, как сообщается в документах, «…Гази открыто пристал к мятежникам и в звании имама разъезжал с партиями по аулам, поджигая жителей к общему восстанию противу русских и убеждая повиноваться назначаемым ими наибам».

Сорок беноевских семейств, покинувших ранее Беной и переселившихся в Даттых, с началом восстания вернулись обратно вместе с сельским старшиной Эдельби, который с братьями пропустил Байсангура через село при его движении к Кишень-Ауху. Сали-Хаджи из Энгеноя принял звание мазума Султан-Мурада и постоянно доставлял провиант беноевцам, закупая его в других аулах. Ширдимохкинский старшина Джафар, вводя в заблуждение Ичкеринского окружного наиба Алибека Пензулаева, вел переговоры с Байсангуром и с партией сторонников выехал на гору Кхеташон Корта, также присоединившись к восставшим. Кроме того, Байсангура поддержали старшина села Ачарашки Мучи, Мимулат и Батал; Кюринбенойский старшина Алхазур, эникалинский мулла Гасахан, курчалинский старшина Хусум, Абдул-Кагыр с братом Берсеном; гуноевский Хами, ставший наибом Байсангура; зандакаринский старшина Кулгуш. Поддержавший Байсангура цонтароевский мулла Арсануко даже предпринял попытку задержать Алибека Пензулаева, однако тот, предупрежденный Чомаком Ойшиевым, спешно покинул гору Кхеташон Корта и ушел в Арсеной. В Бильтах Байсангура поддержали: мулла Нуьркиш – родственник бывшего мазума Билтинского участка Ауховского наибства Имамата и, вероятно, войскового наиба Шами-

ля Шахбулата Шахтемирова; а также Саьмби, Гата, Вита, билтинский мулла Арзау, который «…писал воззвания и пригласительные письма к жителям других аулов по совету Нуркаши и Семби». В документе читаем: «Вскоре после выселения беноевцев по разным аулам люди эти по предложению Байсангура созвали, без ведома ближайших начальников, по несколько человек наиболее влиятельных жителей со всех аулов за Аксаем, на совещание в ауле Белиты (Билта. – *З.Т.*) вместе с беноевцами, где и согласились тайно подговаривать всех к общему возмущению. Захваченные на сборе этом наибом предъявили ему нарочно подготовленную записку о том, что они созвали жителей советоваться о переселении в Турцию.

При появлении партий на Кейтыш-корт были первыми бунтовщиками и уговорили многих жителей пристать к мятежникам, угрожая им наказанием от мятежных наибов». Наконец, в рядах восставших оказались ялхоймохкинские старшина Гачи и его брат Гайтмаз.

В выпуске № 53 газеты «Кавказ» от 10 июля 1860 г. сообщалось о начале крупного восстания в Чечне, спровоцированного «слухами», распространяемыми «заговорщиками». «Первые увлеченные этими слухами, – говорится в тексте, – были Беноевцы. Бывший ичкеринский аул Беной всегда отличался закоренелой к нам неприязнию и покорился позже всех других, когда весь Восточный Кавказ был уже покорен; для обеспечения спокойствия в крае признано было невозможным оставить это селение на своем месте, и потому жители его были расселены по разным другим аулам. Но в ночь с 7-го на 8-е мая многие из них, числом до 50 семейств, вдруг бежали из своих новых жилищ и снова укрылись в лесистых трущобах горной Ичкерии, откуда начали делать мелкие разбои».

На события в Нохчмохке немедленно среагировали и западные области. Ума Дуев, бывший шароевский наиб, собрав бойцов в Чантийском обществе, также приступил к военным действиям против местных гарнизонов, в первую очередь, крепости Евдокимовской. Отсюда Ума направился в Галанчож и вел действия в Акинском обществе и в Датыхе. В конце июня Ума вновь дал сражение царским войскам в Аргунском ущелье, окончившееся, однако, поражением. Уже в середине июля в 55-м выпуске «Кавказа» (от 17 июля) сообщалось о поражениях чеченцев на западе и затишье на востоке. «В Ичкерии, – писали в газете, – также население вообще успокоилось и занимается полевыми работами, за исключением только шайки главных мятежников, которые укрываются от наказания в густых Беноевских лесах и по временам выходят оттуда на мелкий разбой». Вместе с тем, активность восставших не прекращалась: в 62-м выпуске «Кавказа» от 11 августа сообщалось, что к концу минувшего месяца Байсангуру удалось привлечь на свою сторону жителей сел Дарго и Белгатой, а в ночь с 28 на 29 июля 200 бойцов направились к ущелью Хулхулау для прекращения соединения

Эрсеноя и Ведено, хотя и были встречены Кабардинским полком и оттеснены к Цонтарою.

По всей видимости, события мая–июля 1860 года спровоцировали череду кадровых перестановок. 23 июля полковник Беллик был освобожден от должности начальника Чеченского округа, а на его место назначен печально известный полковник Мусса Кундухов. Сразу же против Беноя было направлено два отряда под начальством флигель-адъютанта, полковника Черткова – от Ведено, и полковника Клингера – по Аксаю со стороны Кумыкской плоскости. Уже 8 августа Чертков двинулся от Белгатоя к месту слияния двух рукавов Аксая, где начались работы по рубке леса. К середине сентября полковник Радецкий перешел от Саурго непосредственно к беноевскому лесу. В документе читаем: «Следованию отряда от Саурго к беноевскому лесу мятежники не препятствовали, но по занятии позиции начали показываться из лесу партии их, завязавшие перестрелку с нашими передовыми постами; перестрелка эта, продолжавшаяся до наступления сумерек, стоила нам убитыми одного и ранеными 8-ми нижних чинов.

Когда таким образом отряд полковника Клингера находился в виду Беноя, генерал-майором Кемпфертом сделано было распоряжение об открытии дальнейших действий против сего аула со стороны Веденя.

Для этого подполковник Головачев, принявший начальство над отрядом, которым прежде командовал полковник Чертков, выступил в 3 часа по полуночи из лагерного расположения у аула Белгатоя и перейдя до рассвета чрез р. Аксай, не тревожимый мятежниками, расположился на Гуржин-арской поляне, в версте от аула Беноя. Тогда только раздались выстрелы пикетов Беноевцев, известившие отряд, что движение замечено неприятелем. Дав войскам кратковременный отдых и оставив часть отряда для прикрытия обоза, подполковник Головачев с остальными войсками – 20-м стрелковым баталионом, стрелковою ротою Ряжского полка и тремя баталионами Навагинского, Куринского и Кабардинского полков – двинулся к аулу Беною. По приближении к гребню горы, на которой расположен аул, войска с криком «Ура» бросились в штыки и сбили неприятеля, занимавшего гребень. Мятежники обратились в бегство, но часть их еще некоторое время держалась на кладбище, находящемся вблизи аула и была выбита оттуда тремя ротами Навагинского полка; после чего отряд расположился лагерем при занятом ауле».

По всей видимости, в указанном бою у беноевского кладбища принимал участие непосредственно Байсангур. По крайней мере, эту вероятность мы обнаруживаем, исходя из сообщения Шамиля и его сына Гази-Магомеда о переговорах, состоявшихся на кладбище. Полковник Руновский сообщает следующее: «В разговорах Магомет (бывший сотник Шамиля. – *З.Т.*) коснулся последних волнений в Ичкерии и Чечне (запись от 30-го августа. – *З.Т.*).

Руководителями этих движений он назвал трех бывших Наибов Шамиля: Байсангура, Атабая и Умму. По его словам, Атабай замирится в самом скором времени, а Умма уж окончательно прекратил неприязненные действия, склонившись к тому вследствие убеждений бывшего при Шамиле в Калуге мюрида Хаджио, ныне состоящего на службе при ген. Лазареве.

Затем дело остановилось за Байсангуром, который в настоящее время имеет в своем распоряжении уже более 300 чел. и находится с ними в окрестностях Беноя, переходя, сообразно движений наших войск, из лесов в самый аул, или из аула опять в ближайшие леса.

Рассказ свой Магомет заключил словами, сказанными однажды Шамилем и приведенными в одном из предыдущих дневников. Шамиль говорил, что, хотя наступающая зима и даст возможность окончательно справиться с Байсангуром, но что во всяком случае уничтожение его шайки обойдется нам недешево, потому что Байсангур *не только сам не отдастся в руки живым*, но и сумеет передать энтузиазм свой людям, которые решили разделить его участь.

Слушая Магомета, сын Шамиля Гази-Магомет неоднократно прерывал его речь восклицаниями и жестами, когда упоминалось имя его друга Хаджио. Подвиги и успехи его возбуждали в бывшем Мудире непритворную радость, и он, под влиянием этих ощущений, сказал, как бы в ответ на последние слова Магомета относительно трудности справиться с Байсангуром: «Если бы я там был, я бы справился с ним так же легко, как Хаджио справился с Уммою».

Слова эти были сказаны полушутливым, полусерьезным тоном. Желая его поддержать, я спросил у Шамиля, как он думает: справился ли бы его сын с Байсангуром, или нет?

Подумав немного, Шамиль отвечал:

– Таш-адам Байсангур (камень-человек Байсангур), что заберет себе в голову – ничем не выбьешь оттуда. Он *правду говорил посланным полковника Черткова, что мертвые скорее услышат их*, нежели он. А, впрочем, Гази-Магомет его знает, он дело с ним имел.

В этом месте речь Шамиля была прервана каким-то посторонним вопросом и уже больше в этом вечере не возобновлялась (текст выделен мной. – *З.Т.*)».

Также читаем у Руновского: «Кроме вышеизложенных сведений, Гази-Магомет рассказал еще небольшой эпизод, весьма резко характеризующий нравы горцев вообще, а личность Байсангура – в особенности.

В начале последних событий ему было предложено сдаться. Посланные флигель-адъютанта полк. Черткова (все те же августовские события у Беноя. – *З.Т.*), сделали это предложение, *разговаривая с ним на кладбище*. В ответ на их слова, *Байсангур указал на ближайшие могилы* и произнес:

«Вот с ними поговорите вы о вашем деле, *они вас услышат скорее, нежели я*».

Рассказ свой о Байсангуре Гази-Магомет заключил теми самыми словами, которые были *сказаны его отцом в минувшем месяце*. Подтверждая их теперь снова, Шамиль сказал:

– Да, это такой уж человек, я его хорошо знаю; он ни за что не изменит своему слову… Но, впрочем, он больше ничего не желает, как только *умереть, сражаясь против христиан* (текст выделен мной. – *З.Т.*)». Следует заметить, что своими рассказами Шамиль и его сын, сами того не ведая, всячески способствовали бескомпромиссному решению царских властей относительно судьбы Байсангура.

18 октября начальник войск в Зандаковском наибстве майор Муравьев в своем письме, составленном в лагере при хуторе Байсангура, писал, что после разорения Беноя его жители во главе с Байсангуром разошлись по горам, составив отряд, который «…едва ли будет скоро возможно» уничтожить. «По моему, – писал офицер, – шайка этих фанатиков в средине гор всегда будет весьма вредна для нас и ее силою оружия искоренить нельзя, гоняясь за ними по лесам, почему нужны, мне кажется, другие меры, хотя маленькую, и уступку с нашей стороны на их просьбу или же обещания какие, так как это теперь, после разорения Беноя и прорубки просеки в беноевском лесу, можно допустить, не компрометируя себя».

В выпуске № 1 от 1 января 1861 года сообщалось: «По занятии нами аула Беноя (см. № 82 газеты «Кавказ»), Беноевцы рассеялись по лесистым склонам гор, в направлении к Гумбету, и только небольшими партиями выходили из своих убежищ и по временам вели безвредную перестрелку с войсками, разрабатывавшими дорогу близ аула Беноя». Такая же сложная обстановка была и на западе. В конце октября Ума Дуев и Атабай скрывались в Дзумсое. В ноябре продолжалось разорение чеченских сел под командованием генерал-майора Кундухова и полковника князя Туманова. Вообще царские власти насильственным образом вели усиленную политику укрупнения хуторов в крупные села и выселения части горных аулов на более доступные для властей земли. Эти меры принимались как в Ассинском и Аргунском ущельях, так и в Галанчоже, Нохчмохке и других областях. Примечательно, что описываемые мероприятия приходились на ноябрь – декабрь 1860 г., время зимы, когда население, как признавался Шамиль, не могло оказывать сопротивления.

В феврале, глубокой зимой, беноевцы оказались в затруднительном положении. В 15-м выпуске «Кавказа» от 19 февраля 1861 года сообщалось: «Ряд совокупных и безостановочных движений, произведенных войсками ичкеринского отряда с 2-го по 19-е января, и тщательные поиски в лесах небольшими подвижными колоннами, составленными из пехоты, спешенных казаков и милиции, довели беноевцев до крайности и заставили их всех, в чи-

сле 1218 душ обоего пола, покориться безусловно. Только виновник ичкеринского возмущения Байсангур с несколькими приверженцами успел бежать в гумбетовские леса. Покорившиеся беноевцы с своими семействами расселены по аулам Чеченского округа, так же, как и жители аулов Датых, Энгели и Сымсыри, принимавшие явное участие в ичкеринском возмущении».

Уже в начале февраля Муравьеву докладывали о том, что Байсангур и еще 10 человек (или «14 абреков») скрываются в окрестностях Гильгируша. Наконец, 18 февраля начальник войск в Зандакском наибстве майор Муравьев, докладывая Кемпферту о пленении Байсангура, который «…считался имам…», подробно описал обстоятельства обнаружения лагеря Байсангура: «Во исполнение данного мне предписания, честь имею почтительнейше донести, что узнав, наконец, положительно чрез доверенных мне лиц и лазутчиков о месте пребывания Байсангура, Султан Мурата с их шайками, я, избрав удобное время для исполнения возложенного на меня Вашим Превосходительством поручения, выступил из Датыха 16-го числа настоящего месяца с 6-ю ротами пехоты и охотничей командой с таким расчетом времени, чтобы до рассвета быть на тех местах, откуда я предполагал уже начать поиск. Колонну мою, подходя к Беноевскому лесу, разделил на две части, трем ротам под командой штабс-капитана Козловского приказал следовать чрез Холь-Шаби, хутор бывший Султан-Мурата, и там, переправясь на левый берег реки Аксай, следовать вниз по течению ее, сам же я с тремя ротами и охотниками направился чрез высоту Баян-Дук и оттуда вверх по течению Аксая. Таким образом, колонны, следуя одна по течению, а другая против течения, должны были соединиться.

Рассчитав, что успех моего поиска по малому числу войск может быть только единственно от быстроты движения, я приказал трем ротам, шедшим чрез Холь-Шаби, невзирая ни на какие местные препятствия, быстро двигаться по течению Аксая, с моей же колонной я с рассветом взобрался на высоту Баян-Дук, у подошвы коего была ставка мятежников, спустил две роты к Аксаю отрезать отступление вниз по течению этой реки, а с охотниками и ротой стремительно бросился на них.

Спуск с этой высоты так крут, что люди не сходили, а скатывались на спинах, партия мятежников открыла огонь по спускающимся и начала отступать, прикрывая собой женщин. На реке Аксае я начал догонять их, тогда они, заняв крепкую высоту около реки, куда я должен был подниматься, начали упорно защищать. Не дав им времени опомниться от неожиданного моего появления, я приказал идти в штыки. Храбрыми охотниками они были тотчас сбиты, оставив одного раненого и двух пленных, в том числе Байсангура – виновника возмущения. Передав сзади идущей роте пленников, я, не останавливаясь, продолжал преследовать бегущих вверх по Аксаю и нагнал их на другую мою колонну, шедшую от Холь-Шаби ко мне навстречу и здесь

были взяты все семейство Байсангура, четыре человека абреков и семейство Султан-Мурата. Сам же он успел уйти с остальными абреками к Андийским высотам, куда я гнался за ними, напрягая последние силы, но, видя, наконец, позднее время, а главное, то, что люди, пробежав такое пространство по невероятно трудной местности, начали задыхаться и падать, остановил безнадежное уже преследование и, дав людям сколько нужно было отдохнуть, к 12-ти часам ночи возвратился в Датых… Список взятым в плен в числе 14 душ при этом представляю; всех их я вместе с этим отправил в Хасав-Юрт к г. начальнику округа».

После пленения Байсангура и других его сподвижников, с учетом рапорта Муравьева от 18-го февраля, было принято решение о рассмотрении дела судом «…по полевым уголовным законам… в Комиссии военного суда, учрежденной при Кабардинском пехотном генерал-фельдмаршала князя Барятинского полку…», поскольку властям было оказано вооруженное сопротивление. Также комиссию обязали сделать заключение о судьбе семей Байсангура и Султан-Мурада.

А.А. Айдамиров в своей исторической повести «Калужский пленник», описывая обстоятельства пленения Байсангура, писал: «Бойсангура взяли в плен недалеко от родного аула Беной. С ним находились престарелая мать, сыновья Тахир и Алхазур, дочь Лада и ее муж Муна со своими братьями Солтамурадом и Хамурадом. Генерал Кундухов приказал взять Бойсангура живым. Но осажденные оказывали яростное сопротивление. Тогда, чтобы отвлечь внимание Бойсангура, Кундухов приказал пристрелить его мать. Таким образом, русским удалось взять в плен Бойсангура и двух его сыновей. Остальным удалось спастись».

Полковник Головачев 23 февраля, сообщая Кемпферту о нахождении под присмотром даргинского жителя Сатау Байсуева старшей жены Байсангура Мати и супруги его сына Алхазура Пирдауз, обнаруженных, по-видимому, в Дарго после событий на горе Беной-Дукъ, испрашивал дальнейших инструкций относительно того, как ему поступить с женщинами. Другой полковник, Клингер, 28 февраля сообщая Кемпферту о содержании на гауптвахте в Хасав-Юрте 14 беноевцев, в том числе Байсангура, также интересовался тем, «…как поступить с ними». Имеется и подробный «Список пленным беноевцам», в котором фигурируют имена: Байсангур Баршикаев, его жена Жанбикей (по-видимому, младшая жена), сыновья Алхузур и Дагир, дочери Мецай и Ляда, внуки Дагир и Керда; жена Султан-Мурада Чаати и их 4-месячный безымянный сын.

2 марта Головачев получил распоряжение об отправке Мати и Пирдауз в укрепление Хасав-Юрт, где содержался Байсангур и располагалась ставка начальника Кумыкского округа.

6 апреля 1861 года в 28-м выпуске «Кавказа» были опубликованы приказы по Кавказской Армии, в том числе решение суда по делу Байсангура

Беноевского. Буквально в тексте сообщалось следующее: «Марта 20-го дня 1861 года. Беноевский житель Байсангур по суду, произведенному на основании Полевых Уголовных Законов, оказался виновным: в измене Русскому Правительству, произведении возмущения между Ичкеринцами и другими горцами, с целию отложиться от подданства России, и в упорном сопротивлении с оружием в руках при взятии его нашими войсками; а потому я конфирмовал: подсудимого Байсангура «казнить смертию – повесить», – о чем и объявляю по войскам Кавказской Армии.

Подлинный подписал: Главнокомандующий, Генерал-Фельдмаршал Князь Барятинский».

В скором времени решение суда было исполнено. Байсангура повесили на центральной площади Хасавюрта, на том самом месте, где ныне расположена православная церковь.

Байсангур Беноевский – старейший ветеран Кавказской войны, непотопляемый и исключительно целеустремленный, начав свой длинный путь борца в годы правления Бей-Булата Таймиева в качестве сподвижника и общинного предводителя, пережив его и правление трех имамов, а также Ташу-Хаджи, расплатившись за право пронести знамя газавата и вести освободительную борьбу на протяжении почти 40 лет телесными увечьями, дожил до 1861 года, чтобы завершить свой путь смертью народного предводителя, национального героя и примера непоколебимого духа воина.

Список использованных источников и литературы

1. Айдамиров, А.А. Собрание сочинений в 6 т.: Т. 4. / А.А. Айдамиров. – Грозный: ГУП «Республиканская книжно-журнальная типография № 1 им. С.М. Кирова», 2005. – 487 с.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1904. – 1552 с.

3. Бахауддин Хурш. Ахульго. – Махачкала: ИПО «Юпитер», 1996. – 108 с.

4. Гапуров, Ш.А. Беной в истории и культуре чеченского народа. (Историко-этнографические очерки) / Авт.-сост.: Ш.А. Гапуров, Х.С. Умхаев. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – 592 с.

5. Дадаев, Ю.У. Байсангур Беноевский / Ю.У. Дадаев. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2017. – 348 с.: ил.

6. Духаев, А.И. Байсангур Беноевский: лидер антиколониального восстания 1860–1861 гг. / А.И. Духаев // Архивный вестник. – № 5. – 2017. – С. 48–64.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 317.

8. ЦГА РСО–А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 476.

Дадаев Ю.У.

БАТА ШАМУРЗАЕВ (?)

Наиб Бата Шамурзаев. *Художник* Т. Горшелът

Бата Шамурзаев (Шахмирзин Бота, Батай, Бата) – выходец из селения Дади-Юрт, тайп Харачой, наиб округа Большой Чечни, Мичиковский наиб, потом – майор милиции.

15 сентября 1819 года по приказу генерала от артиллерии Алексея Ермолова был окружен и уничтожен аул Дады-Юрт. Погибли практически все жители села, в том числе женщины и дети. Среди нескольких пленников было два мальчика. Один шестилетний, другой, раненый, трех лет, был подобран сердобольным русским солдатом из-под тела убитой матери. Вывезенные в Петербург они стали знаменитыми людьми: блестящий российский офицер, талантливый наиб Шамиля, затем волей обстоятельств снова майор царской армии Бата Шамурзаев и академик российской живописи, чьи знаменитые произведения на академических выставках имели подпись «Захаров – чеченец из Дады-Юрта».

В событиях Кавказской войны немалую роль сыграл один из этих мальчиков – офицер царской армии Бата Шамурзаев. Согласно легенде, Шамурзаев – один из возможных прототипов героя поэмы Лермонтова «Измаил-Бей». Бата был родом из аула Харачой (оттуда дед Баты, который с семьей

переселился на Кумыкскую равнину – в аул Дады-Юрт), и одно время даже носил фамилию Хорочаев. Во время уничтожения аула он был взят в плен и детство провел в семье будущего участника небезызвестного восстания декабристов – подполковника барона Розена, брата генерала главноуправляющего на Кавказе. Позже, уже будучи молодым человеком, Бата служил в конвое наместника Польского великого князя Константина Павловича. Ему прочили блестящую карьеру царского офицера («перед ним лежала широкая дорога к почестям и отличиям») и предложили креститься. Он отказался и попросил перевести его в Чечню, по которой «никогда не переставал тосковать». Царевич Константин, хорошо относившийся к Бате, удовлетворил его ходатайство, и офицер был переведен служить на Кавказ. Возвратившись на родину, он поступил на службу переводчиком к начальнику левого фланга.

Здесь, на Кавказе, не выдержав притеснений и издевательств генерала Пулло над мирными чеченцами, он перешел на сторону Шамиля, где, отличившись, был назначен наибом Мичика, а затем – и старшим наибом Большой Чечни. «С этих пор имя Баты начинает очень часто произноситься на Кумыкской плоскости, на Сунже, на Тереке и даже за Тереком». Однако карьеру Баты Шамурзаева в имамате сгубили соперничество между наибами и их чрезмерное корыстолюбие; на него одна за другой шли жалобы местного населения. Его строгость вооружила против него большую часть подчиненных. Интриги недоброжелательных способствовали тому, что Бата впал в немилость у Шамиля, лишился наибства и был смещен. В конце 1851 г. он вместе со своим семейством вышел к царским войскам.

Бата Шамурзаев воспитывался в русской среде, затем стал наибом имама Шамиля [1].

Бата (Батий, Бутай, Шамурзов или Шамурзаев – так упоминается он в источниках), будучи мальчиком, оставшимся без родителей после разорения царскими войсками аула, был взят на воспитание бароном Розеном (брат корпусного командира генерал-адъютанта Г.В. Розена).

Ловкий, расторопный, умный он вскоре стал любимцем своего патрона, который, желая обеспечить будущее своего питомца, устроил его на службу в Варшавский конвой. Вскоре у Баты произошло недоразумение с русскими властями, после чего он перешел на сторону Шамиля.

Имам оценил знания Баты, полученные им во время учебы и службы в России, и скоро, после отличия в некоторых делах и важных советов, Шамиль назначил Бату наибом в Большую Чечню. А через некоторое время подчинил ему и других своих наибов, в том числе мичиковского наиба – храбреца Эски.

В апреле 1846 г. Шамиль предпринял поход в Кабарду, в связи с чем отдал приказ всем горским народам Северного и Южного Дагестана быть готовыми к выступлению. Такое же приказание было послано и чеченским

наибам, которые должны были по прибытии в Чечню Шамиля или доверенного лица присоединиться к дагестанскому отряду. В своем письме наибам Бате и Талхигу имам писал:

«От князя всех мусульманских народов и султана тех, кто признает единого Аллаха, братьям моим Бате и Талхигу. Да хранит вас всемогущий Аллах от неверных и злонамеренных козней! Я приказал всем наибам собрать вверенные им части войск в будущую субботу (13 апреля) прежде полудня. То же самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначаю сборным пунктом, куда и сам прибуду с несколькими орудиями в назначенное время. Орудия я хочу поставить возле самой неприятельской дороги. Прошу хранить это в тайне от жителей» [2].

Поход Шамиля на Кабарду не завершился успехом, и горцы повернули обратно. К тому же, выявилась угроза окружения войска имама. Тем не менее, мюридам удалось перейти Терек и остановиться на отдых. Погоня шла следом. Здесь произошел короткий диалог между Шамилем и Батой: «...К имаму пришел наиб Бата и сказал: «А разве ты не видишь этих врагов?» Имам его спросил: «Что мы будем сейчас делать?» «Я думаю, – ответил Бата, – что нужно поторопить конницу в поход, а пехоту спрятать вот в этом лесу». Имам отверг его предложение: «Мы не бросим отставших и не оставим ослабевших, но пойдем сомкнутыми рядами. Того же, кто пойдет вслед за нами, будем бить и давать отпор. На тех же, кто нападет на нас спереди, будем наступать сами и заставим отступить» [3].

К концу 1846 года наиб Бата вновь участвовал в военных действиях. В ночь на 15 декабря в Малую Чечню прибыли отряды Шамиля, чтобы встретить царское войско, направлявшееся вглубь Чечни. Кроме Баты, здесь находились наибы Дуба, Талхиг, Мухаммад-мирза Анзоров, Саибдулла, Даниял Бек, Нурали-мулла.

В 1851 г. наиб Бата со своим семейством перешел к русским. Существует несколько версий ухода Баты, одна из которых такова.

«В 1850–1851 гг. Шамиль, зная о готовящейся против него в Чечне значительной русской экспедиции, – отмечает очевидец тех событий А.Л. Зиссерман, – сделал распоряжение о сборе нескольких тысяч человек из дальних дагестанских и лезгинских горных обществ, а для продовольствия их поручил наибу Бата заготовить покупкою хлеба и отпустил ему на это изрядную сумму серебряных рублей. Куш на глаза чеченца показался слишком заманчиво-соблазнительным, и Бата, вместо покупки хлеба, счел за лучшее спрятать деньги в карман, а свою особу поручить покровительству великодушных урусов, имеющих слабость говорить: «Кто старое помянет – тому глаз вон».

Явившись к нашему начальству, он обещал служить верой и правдой и, как бывший наиб и приближенный к Шамилю человек, принести нам великую пользу своими сведениями о неприятеле. Его приняли, и он повел свои

дела так, что в 1855 г. я застал его штабс-капитаном и нашим наибом над всеми аулами покорных чеченцев, поселенных вдоль Качкалыковского хребта, пользующимся расположением и доверием всех начальников. Хитрый Бата тогда уже видел ясно, что дело Шамиля потеряно, что борьба утратила всякие шансы на успех, и что, невзирая на войну с Турцией, на вражду англизов, на разные интриги эмиссаров, распространявших воззвания не только к горцам, но и к офицерам и солдатам из полков в рядах нашей армии, недалеко время, когда непокоренному Кавказу вообще, а Чечне в особенности придется склонить буйную голову и изъявить покорность...» [4].

Другой русский военный историк – Н.А. Волконский – в своей работе «Погром Чечни в 1852 г.» пишет, что Бата увлекся своим положением в роли наиба и стал «демонстрировать и зазнаваться перед самим Шамилем. Деспотизм дошел до того, что начались жалобы, потом – интриги, в которых наибольшее участие принимали наибы, подчиненные Бате, в том числе и Эски. Вследствие этих обстоятельств Шамиль, склонившись перед наветами, а частью и перед справедливыми доносами на Бату, лишил его наибства. Бата вознегодовал и осенью 1851 г. вышел к нам обратно со всем семейством» [5].

24 января 1852 г. архивный источник отмечал, «что житель Кумыкской плоскости чеченец Бата, служивший подпоручиком, в начале 1845 года бежавший в горы, возвратился добровольно в ноябре минувшего года…».

Шамиль потерял толкового наиба и приобрел опасного врага. Даже полуофициальная военная историография не скрывала, что относительная успешность военных действий Барятинского в 1852 г. стояла в прямой связи с уходом от Шамиля в 1851 г. одного из самых образованных и энергичных его наибов – Баты Шамурзаева.

Князь А.И. Барятинский хорошо знал Бату по тем частым и отчаянным набегам, которые тот предпринимал на кумыкскую плоскость. «Он, как и Шамиль, весьма порадовался такому приобретению и умел им лучше воспользоваться и лучше обставить его, чем легковерный имам, – пишет Н.А. Волконский. – Почти через год, когда стали выходить к нам некоторые семейства из Большой Чечни и заселили собою Качкалыковское предгорье, мы видим уже Бату поручиком и нашим Качкалыковским наибом. Последующие отличия и награды, в особенности денежные, не замедлили осенить его с избытком» [6].

Бата, оставшись врагом наиба Эски, пользовался каждым случаем, чтобы нанести ему чувствительный вред. В то же время, имея в среде непокорных чеченцев некоторых своих приближенных к нему лиц и родственников, знал заранее многие намерения Эски и даже самого имама, вовремя предупреждал царское командование на Кавказе и, таким образом, «стоял на страже со стороны Мичика».

Бата был фактическим руководителем многих значительных военных предприятий царского правительства на территории Чечни с 1852 по 1858 годы. Например, 10 января 1852 г. русский отряд выступил к аулу Шали, по пути к которому князем А.И. Барятинским был отдан приказ начальнику пехоты «истребить мезоинские аулы, гнездившиеся у первых возвышений, прилегающих к Черным горам Большой Чечни, между р. Аргуном и притоками Джалки. Проводниками русского войска был Бата, а с ним товарищи: Омар, Хаджи и Джамбулат» [7].

Имя Баты всплывает в летописи аль-Карахи в 1855 г., когда происходил обмен старшего сына Шамиля – Джамалутдина – на пленных грузинских княгинь.

На месте обмена (между Мухрас-Шуаибом и крепостью Уйсунгур) собрались представители обеих сторон. «Среди русских находились перебежавший к ним Бутай (Бата) и его сын. Этот Бутай пытался пожать руки мюридам и приветствовать их, говоря «добро пожаловать», но никто из них не посмотрел в его сторону и не ответил на его приветствие; они даже не обратили внимания ни на него, ни на его сына. Это мучило и тяготило Бутая» [8].

Закончилась Кавказская война, но Бата продолжал служить царским наибом. Помимо родного, чеченского, языка, он хорошо говорил по-кумыкски и по-русски и, по отзывам современников, «умел держать себя с замечательным тактом». В качестве «весьма хорошо знакомого как с местностью, так и с населением» майор Бата Шахмурзаев получил задание склонить 29 мая 1865 г. жителей чеченского аула Хорочой к выдаче царскому командованию претендента в имамы Тазу Экмирзаева и, выполнив успешно это поручение, доставил его в укрепление Ведено. Тазу Экмирзаев был судим военно-полевым судом и приговорен к смертной казни (приговор был впоследствии заменен каторжными работами на 12 лет).

Бата Шамурзаев интересен своим участием в некоторых научных работах, посвященных изучению Чечни. Он был одним из помощников-консультантов А.П. Берже при составлении последним известного очерка «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1866) и переводил на чеченский язык «Русский словарь», использованный впоследствии ученым А.А. Шифнером в исследовании.

Три мальчика из Дади-Юрта – Айбулат Розен, Петр Захаров и Бата Шамурзаев. Три имени и три судьбы. Вывезенные с Родины, все они стали знаменитыми людьми, но по-разному сложились их судьбы. Судьба Айбулата вообще мало изучена, и, наверное, исследователям еще предстоит о нем многое узнать. Академик российской живописи Петр Захаров, чьи знаменитые произведения имели подпись «Захаров – чеченец из Дади-Юрта», умер от чахотки в молодом возрасте на взлете славы в далеком Петербурге с тоской о Родине и под чужим именем. С трех лет не слышавший родной речи, выросший в русской семье и воспитанный в лоне другой культуры он

упорно выводил всякий раз на законченном полотне: «Чеченец. Родина бывает только одна....». Третий блестящий российский офицер и талантливый наиб Шамиля дожил до седин, и умер в почете и славе на родине под своим именем и в кругу своих соотечественников [9]. Но как бы не складывались обстоятельства, куда бы не забрасывала их судьба, все они были чеченцами, и Родина у них была только одна.

Список использованных источников и литературы

1. Хаджи Мурад Доного. Победит тот, кто владеет Кавказом. М., 2005. С. 138–143.
2. Там же. С. 139.
3. Там же.
4. Там же 140.
5. Там же. 141.
6. Там же. 141.
7. Там же. 142.
8. Хроника Мухаммед Тахира аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Комментированный перевод с арабского Т.М. Айтберова. Ч. II. Махачкала, 1990. С. 65.
9. Газ. Вести Республики. № 143. 28 июля 2010 г.

Сайдумов Д.Х.

БАТУКО ШАТОЕВСКИЙ

Батуко Шатоевский (Шотой Баткъа, Іумаран Боткъа) – уроженец аула ГІуш-Корт (Шатойский район Чеченской Республики). Наиб Шатоевского (Шубутовского) округа. Место упокоения – родовое кладбище пхьамтойцев в селении ГІуш-Корт.

Наиб Батуко, чеченец из тайпа Пхьамтой, был назначен имамом Шамилем в шатойское наибство вместо другого известного наиба Атабая. В различных советских и российских источниках упоминание Батуки встречается с изменяемыми окончаниями: Батуко, Батук, Батука. Несмотря на видоизменяемые имена, речь идет о наибе шатойского общества. Назначение Батуко наибом шатойского общества документально отражено в письмах, адресованных имамом Шамилем шатойскому обществу и самому Батуке. В них сообщается, что руководить шатойцами впредь будет новый наиб. С момента прихода Шамиля из Дагестана в Чечню Батуко находился в дружеских отношениях с имамом Шамилем. Семья Шамиля на протяжении нескольких лет жила в доме Батуко в селении ГІуш-Корт. Населенный пункт стал неофициальной резиденцией имама в первые два года прибытия и утверждения в Чечне. Здесь же Батуко встречал своих собратьев по народно-освободи-

тельной борьбе: Ташу-Хаджи, Шоипа, Ису Гендергеноевского. Батуко был в дружеских отношениях с дагестанским наибом Ахбердил Мухаммедом. Эта дружба легла в основу одного из дагестанских фольклорных преданий «Килиш гьечIев наиб» (в переводе с аварского языка – «Наиб без пальца») и поэмы Расула Гамзатова «Четырехпалая рука» – действительные события, связывавшие двух друзей. Оба наиба похоронены на родовом кладбище Батуко Шатойского в селении ГIуш-Корт, где находится зиярат.

Под командованием наиба Батуки находилось до 500 воинов (из них: 300 пеших и 200 конных воинов). Административная структура наибства Батуки состояла из 12 населенных пунктов шатойского общества. Территория шатойского общества, находившаяся в подчинении Батуки, и численность вооруженных формирований под его командованием зафиксированы на известной «карте горских народов, подвластных Шамилю», составленной Юсуфом Гаджи Эфенди Сафаровым и изданной в 1872 г. литографским способом Линевичем в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (вып. VI). В русском переводном тексте была допущена опечатка «Бацока»; на арабском оригинальном документе зафиксировано правильно. Наибство Батуко, область Шубут (Шатой), отнесена составителем карты к категории проживающих между реками Аргун и Койсу; состоит из чеченцев и тавлинцев. Располагалось в Аргунском ущелье по обе стороны реки Чанты-Аргун, от места слияния этой реки с рекой Шаро-Аргун и выхода ее на Чеченскую равнину, до Тумсоя. Пределы наибства на карте включают селения: Исмаил-Юрт, Дачу-Борзой, Улус-Керт, Чишки, Варанды, Шатой, Вашендорой, Тумсой, Юкеркелой, Ханакаль.

Батуко Шатойский вместе с имамом Шамилем участвовал во многих военных операциях в ходе народно-освободительной борьбы горцев против царских войск. Принимал личное участие в сражениях во главе своего конного отряда. Характеристика вооруженного формирования под командованием Батуко показывает наличие как конных, так и пеших воинов имамата. Среди них, по сведениям составителя карты: 200 конных и 300 пеших – всего 500 воинов. В сравнении с иными воинскими формированиями, выставляемыми наибствами имамата, это средняя цифра. Так, Шалинское наибство выставляло 550, Чаберлоевское – 450, Ичкерийское наибство – 300 чел., Гехинское – 330, Шароевское – 380, Ауховское – 530, Мичиковское – 580 и Нашахское – 650.

Батуко проявлял в бою бесстрашие и героизм, был наречен имамом Шамилем «Шатойский лев». В 1851 году принимал участие в отражении военного вторжения в Малую Чечню отряда царских войск (в районе Валерика и Шалажи). Батуко совершил со своим воинским формированием многокилометровый конный переход и пришел на помощь осажденному местному наибу. В 1852 году он оказал военную помощь в Большой Чечне наибу Тал-

хигу. 14 августа 1852 года под населенным пунктом Чишки Батуко Шатойским был разгромлен передовой отряд царских войск князя Воронцова. В этом неравном бою вверх взял тактический маневр чеченского наиба, сумевшего переиграть на местности многочисленный отряд царских войск, что привело к фактическому бегству Воронцова из Аргунского ущелья. На закате военно-теократического государства – имамата Шамиля – в нем обострились различные внутренние проблемы, обусловленные внешним фактором изнурительного 25-летнего противостояния чеченцев с царскими войсками. Перманентно возникали ситуации нежелания подчиняться имаму Шамилю и его ставленникам, узурпировавшим власть на местах. Не обошла данная участь и Батуко Шатойского. Тяжелое положение горцев ухудшалось регулярными оброками и карательными действиями со стороны в т.ч. отдельных наибов. Указываемая ситуация, по всей видимости, не миновала и шатойское общество, влияние над которым постепенно имамат стал утрачивать. Возможно, поэтому существуют разнополярные версии последних действий в судьбе наиба Батуки: сдался ли он добровольно царским войскам в конце 1858 года либо это было пленение ввиду полученных ран в одном из последних боев обессиленной армии имамата. Мы склоняемся к последней версии, поскольку в начале 1858 года Батуко активно участвовал в битвах, и это несмотря на свой уже преклонный возраст (если опираться на визуальную портретную зарисовку, дошедшую до наших дней, на ней запечатлен старец преклонного возраста). Речь идет о литографии, напечатанной Главным штабом в Тифлисе в 1859 г. и изображающей Шамиля, двух его сыновей и 9 наибов. Батуко зафиксирован под № 9 с обозначением «Батуко Шатоевский». Батуко успешно участвовал в отражении натиска царских войск. Противодействуя воинскому соединению под командованием генерала Н. Евдокимова в Аргунском ущелье, в одном из последних для чеченского наиба боев, наиб Шамиля был тяжело ранен и пленен. Позднее его выкупили из плена родственники. В работе Д. Хожаева «Великие сражения Чечни» сказано, что 16 августа 1858 года он сдался в плен. В других источниках дата разнится и приводится информация, подтверждающая характер его борьбы: мужественно борется с войсками генерала Евдокимова, вторгшимися в 1858 г. в Аргунское ущелье, но ввиду давления превосходящих сил и массового перехода чеченского населения на сторону царского правительства, раненый, сдается 17 августа 1858 г. (Кавказский сборник. Т. III. С. 571–572; ср. Кавказ, 1858 г., № 75) и оставляется на первое время в прежней должности шатоевского наиба. Для характеристики личности наиба интересны сведения, передаваемые Волконским (цит. сборн., т. III, стр. 583–584) в связи с описанием хутора Батуко, расположенного неподалеку от Шатоя: «...наиб уединился в своем хуторе, чтобы не иметь отношений с шатоевцами, у которых он не пользовался любовью. Среди общества были семейства, которые испытыва-

ли к наибу кровавую месть, но обязаны были ему подчиняться ввиду боязни Шамиля. Здесь же указывается причина слабого сопротивления местного наибства к царским войскам из-за нелюбви к власти имама».

Именная шашка, принадлежавшая Батуко Шатойскому, подаренная ему имамом Шамилем, долгое время как реликвия находилась у его прямых потомков – в семье Магомадовых, но была утрачена во время первой русско-чеченской военной кампании (1994–1996 гг.). Современные потомки Батуко Шатойского: Магомадовы, Батукаевы, Акаевы, Ахтаевы, Шаптукаевы и др., живут преимущественно в Грозном и Шатойском районе Чеченской Республики.

Некоторые письма, в которых упомянут Батуко Шатойский.

Письмо Шамиля.

«От Шамиля шатоевцам! Перевожу вас под наибство Батуко, потому что нахожу это нужным. Он будет говорить вам все то, что Аллаху и Пророку угодно, а потому предлагаю подчиняться ему во всем. Кто будет сопротивляться этому, тот, значит, сопротивляется Аллаху, Пророку и мне, кто будет подчиняться, тот подчиняется Аллаху, Пророку и мне. Я считаю всех вас своей семьей, а потому чего не желаю себе, того не желаю и вам. Раббиаль-Аваль, 2 числа 1268 г.».

Письмо Шамиля.

«От Шамиля наибу Батуко. Салам. Каждого, кто будет вести себя дурно, сначала напугать, а потом наказать, и так наказать, чтобы ему и в голову не пришло повторить другой раз дурной поступок. Не бояться никого и делать все угодное Аллаху, и мы в правдивом поможем тебе. Ты должен знать, что власть от Хаджиява отнята, а потому его не слушаться. Рамазан, 3 числа 1268 г.».

Письмо Шамиля.

«От Шамиля всему подведомственному Атабаю народу. Атабай обратился к нам с просьбой уволить его от должности наиба, чтобы остаться на свободе и заняться учениками. Мы разрешили ему и на место его поставили Батуко. А потому предлагаю подчиняться ему, слушаться его, а также исполнять его законные требования. Тот, кто будет исполнять его приказания, исполняет мою волю, а кто будет противоречить ему, тот противоречит мне. Всякий противоречащий пусть винит сам себя. Зуль-када, 21 числа 1268 г.».

Письмо Шамиля.

«От Шамиля наибу Батуко салам. Народ, находящийся под управлением Атабая, передаю тебе. Аллах осчастливит народ с назначением тебя, а тебя осчастливит с принятием этого народа. Приказываю тебе относиться ко

всем одинаково, так же, как ты относился к прежним своим подчиненным, исполнять в точности шариат и воинскую дисциплину, быть справедливым с ним и не оставлять их дела расстроенными. Зуль-када, 21 числа 1268 г.».

Список использованных источников и литературы

1. См.: Батуко Шатоевский. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0%91%D0%B0%D1%82%D1%83%D0%BA%D0%BE_%D0%A8%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9. Дата обращения 13 августа 2019 г., 20 сентября 2019 г.
2. См.: Арабские письма Шамиля в Осетии. Режим доступа http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Samil/Pisma1/text.htm. Дата обращения 10 августа 2019 г.
3. См.: Нохчиева М. Поднятое знамя наиба, или правда о чеченце Батуке. Режим доступа: https://nohchalla.com/lichnosti/589-naib-batuka. Дата обращения 20 сентября 2019 г.
4. См.: Хожаев Д. Великие сражения Чечни. Грозный, 1998. С. 238.
5. См.: Чучаев З. Судовой журнал. Чеченский наиб Батуко. Режим доступа http://www.checheninfo.ru/19677-chechenskiy-naib-batuko.html.
6. Доного Хаджи Мурад. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны.1817–1864. М., 2005.

Мусхаджиев С.Х.

ГАЗИ-ХАДЖИ ЗАНДАКСКИЙ
(1808–1867)

Особое место в судьбе народов Северного Кавказа по своей значимости, масштабности и историческим последствиям занимает XIX век. Это сложный период во взаимоотношениях России и Северного Кавказа, связанный, с одной стороны, активизацией военной экспансии Российской империи, с другой – ростом освободительного движения горцев, которое приобрело ярко выраженное исламское направление. Данный период изобилует неизученными сюжетами, фигурами, а также сложными идеологическими и социокультурными коллизиями.

Ключевые фигуры эпохи, насыщенной знаковыми событиями и явлениями, вполне заслуженно привлекают внимание исследователей. Но не менее интересна деятельность героев «второго звена» – идеологов и военачальников, рядовых воинов и религиозных наставников. К этой когорте и принадлежит имя шейха Гази-Хаджи Зандакского.

Гази-Хаджи родился примерно в 1808 г. в старинном горном чеченском селении Зандак (ныне в Ножай-Юртовском районе Чеченской Республики) в семье уважаемого и почетного горца Арзу, сына Гази-Махмы из тайпа Зандакъой. Гази с раннего детства отличался тягой к религиозным знаниям. Еще в юношеские годы отец отдал его на воспитание и обучение известному дагестанскому шейху Мухаммаду Ярагскому, которого считают основателем «кавказского мюридизма». В этой духовной школе в лезгинском ауле Яраг выросла целая плеяда выдающихся мусульманских деятелей Северо-Восточного Кавказа: шейх Джамалуддин Казикумухский, имамы Гази-Мухаммад и Шамиль, Хан-Мухаммад Табасаранский, шейх Ташав-Хаджи и другие.

Гази-Хаджи по своему жизненному пути стал истинным «газием» – воителем за веру, готовым жертвовать на пути ислама своим здоровьем и достатком, своей жизнью и благополучием. Он был не просто духовным проповедником, но и известным идеологом имамата (мусульманское государство Чечни и Дагестана в 1830–1850-е гг. во главе с имамом Шамилем).

На основе анализа полевых материалов выявлено, что на определенном этапе освободительного движения горцев Гази-Хаджи выполнял функции мухтасиба – исламского инспектора, который следил за выполнением норм шариата различными должностными лицами имамата (мудирами, наибами, кадиями и др.). Также в 1840-е гг. Гази-Хаджи выступил в качестве исламского миссионера на Северо-Западном Кавказе среди адыгов, после этого он выполнял роль духовного наставника в Малой Чечне, о котором наиб этой области Саадула Гехинский отмечал: «Мы при помощи Божией идем по истинному пути, указанному нам пророком и остаемся напутствуемы добрыми советами известного всем Шейха Гази» [1].

После пленения Шамиля в августе 1859 г., шейх Гази-Хаджи продолжал свою проповедническую деятельность, но в условиях продолжающихся репрессивных мер царского командования на Кавказе, перед которым император Александр II поставил конкретную задачу: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надобно смотреть на управление горцами как на продолжение их покорения» [2]. Политика «продолжения покорения» стала главной причиной антиколониального восстания Горной Чечни (1860–1861 гг.). Активным участником и духовным лидером повстанцев стал Гази-Хаджи Зандакский. После подавления восстания его вместе с семьей военные власти переселили на равнину в Надтеречный округ. Пробыв продолжительное время в ссылке, лишенный права возвращения в родные горы, шейх принял решение выполнить свое давнее желание – отправиться в святую Мекку и совершить обряды хаджа, где приблизительно в 1866–1867 гг. покинул земную обитель. Он похоронен в Мекке недалеко от самой главной святыни исламского мира – Масджид-аль-Харам (Заповедной мечети) [3].

Выходец их древнего Зандака, он вошел в чеченскую историю не просто участником Кавказской войны со всеми ее тяготами и лишениями, жестокостью и высочайшей духовностью. Скорее, последнее запечатлелось в памяти народа: Гази-Хаджи был духовным наставником нескольких поколений, оставаясь примером несгибаемого духа и высокой нравственности. Он отказался явиться перед царским победителем с покаянием и просьбой о прощении, тем самым сохранив верность своему обету перед Аллахом. Он простил убийцу родного сына не потому, что посчитал зло, совершенное им, оправданным. Приговор над ним оставил за Всевышним, а себе он искал лишь божественную милость своим безграничным терпением.

Благочестивый образ жизни, неустанное духовно-религиозное подвижничество, преданность избранному пути создали вокруг Гази-Хаджи ореол святости и несгибаемости, который притягивал мусульман различных областей Северного Кавказа. В числе его муридов были не только чеченцы, но и кумыки и андийцы, аварцы и адыги.

О роли таких духовных деятелей, как Гази-Хаджи, его современник, начальник Аргунского округа А. Ипполитов, писал, что в Чечне «мало мулл ученых, есть много мулл влиятельных и уважаемых как по самому характеру своего сана, так равно и вследствие долгого и давнего преобладания духовенства в Чечне, преобладания, начавшегося вместе с появлением в горах исламизма. Притом же в глазах чеченца мулла постоянно оставался представителем того теократического начала, которое недавно еще давало грозные силы народу, под влиянием которого жили и умерли его отцы и деды и которое, следовательно, для него стало легендарно-священным» [4].

В Чечне память о шейхе из Зандака жива до наших времен. Но с каждым днем уходят старики, которые помнили рассказы и предания о знаменитом праведнике, «сломавшем хребет шайтану». На южной окраине Сим-

сара находится мазар (ГIеза-Хьаьжин зиярат) на том месте, где Гази-Хаджи держал обет халбата – уединения. Недалеко от него на склоне горы бьет маленький родник, называемый в народе «Бези шовда» (родник Беза-шейха). До сих пор в нижней части Зандака сохранился каменный свидетель жизни Гази-Хаджи – мечеть газавата. По дороге из Зандака в Симсар, на склоне горы, лежит огромная глыба, которая называется «камнем Гази-Хаджи». Сюда приходят паломники и путники, интересующиеся жизнью великого праведника, и никто не знает, откуда этот камень огромного размера взялся здесь, на лесистом хребте.

Высокогорный аул Симсар обязан своим возникновением Гази-Хаджи. Окруженный живописным лесом из граба, бука, осины, ореха и дикой груши, он прославился не только своей природной красотой, но и великими людьми и событиями, связанными с героической историей чеченского народа.

Судьба потомков Гази-Хаджи неразрывно связана с судьбой своего народа. Они выполнили завет своего отца – не покинули родину. Старший сын Пир-Магомет два раза совершил хадж: первый раз – при жизни отца, второй – после его смерти. Он многократно подвергался наказаниям со стороны царских властей, его арестовывали и ссылали на различные сроки, но всегда возвращался в родные места. Умер в 1308 г.х. (1890/1891 г.) и похоронен в ауле Симсар.

Его младший сын Мутали долгое время жил в ссылке в Аксае. Там он получил мусульманское образование у Абу-шейха Аксайского – ученика Гази. Мутали скончался в 1380 г.х. (1912 г.) Похоронен на старинном зандакском кладбище рядом с могилой деда Арзу [5].

Младшая дочь Гази-Хаджи Теа (Тоа), которая была еще младенцем во времена переселения отца, не успев выйти замуж, вышла на газават – стала бок о бок со своими братьями во время Чеченского восстания 1877 г. под руководством ее двоюродного брата имама Алибека-Хаджи Алдама. Она погибла в сражении в окрестностях Симсара в начале октября 1877 г. и там же похоронена. Её могилу «Теи-каш» знает любой житель Симсара от мала до велика. Она стала чеченской Жанной д'Арк, национальной героиней, имя и подвиг которой потомки должны знать и помнить.

Имам Алибек-Хаджи, руководитель Чеченского восстания 1877 г., родной племянник Гази-Хаджи, сын его младшего брата Алдама, в 22 года был избран имамом, случай редкий в истории освободительного движения Северного Кавказа. Его избранию способствовали не только личные качества, которыми несомненно обладал Алибек-Хаджи, но и принадлежность к роду и наследию великого зандакского шейха.

Гази-Хаджи жил, творил и страдал в судьбоносный период истории своего народа. Выходец из древнего и славного горского рода, он не мог находиться в стороне тогда, когда решалась судьба отечества. Для него собственное благополучие и будущность родины немыслимы были без ислама. С детства он получил глубокое исламское образование, сопряженное с усво-

ением сложного мистического познания. Его первыми наставниками были величайший исламский мыслитель Дагестана «отец-основатель кавказского мюридизма» шейх Мухаммад Ярагский и «прямоидущий ученый», самый известный и признанный чеченский шейх Ташав-Хаджи. У первого он постигал глубину исламских наук, со вторым он внедрял в практику горского бытия основы шариата и исламского образа жизни. Он всегда оставался аскетом в личной жизни, довольствуясь самым малым. Даже выходя в последний тяжелый путь паломника, не взял с собой подарок своего почитателя Арцу Чермоева – трех отборных лошадей и необходимый скарб для путешествия. Он попросил раздать это нуждающимся.

Гази-Хаджи – выходец из народа, для которого обычаи представляют отлаженную веками систему организации жизнедеятельности общества, своеобразный механизм приспособления к пространству (рельеф, климат, контакты с соседними народами и т.д.). Вобрав опыт многих поколений, обычаи стали фундаментом этнического самосознания, тем, что С.М. Соловьев назвал «природой племени». Гази-Хаджи бросил вызов этой природе тысячелетнего опыта, простив убийцу родного сына. Проявив великое терпение, он смог подавить личные чувства справедливого возмездия. Удовлетворению жажды праведной мести в «грешной жизни» (харц-дуьне) предпочел награду Аллаха в «вечной жизни» (бакъ-дуьне). За этот величайший духовный подвиг Гази-Хаджи назвали «шейхом, сломавшим хребет шайтану».

Гази-Хаджи был искренне предан своим идеалам и во время триумфа, и во время поражений, в которых он видел «божье испытание». Он не свернул с избранного пути поборника ислама даже тогда, когда его стремления не получили практического воплощения. Его не покидала уверенность на пути Аллаха, когда его разлучали с родными горами. Бескомпромиссный в вопросах совести и долга, он готов был жертвовать собой во имя добра и мира для своего народа.

Его последние слова перед великим исходом звучат как вечный завет праведных отцов своим потомкам: «Махкана – маршалла, со сагIа хуьлийла» (Пусть свободною будет страна, я – милостыня за тебя.)

Гази-Хаджи Зандакский вошел в духовное и историческое пространство Северного Кавказа как подлинный национальный герой.

Список использованных источников и литературы

1. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) Ф. 13454. Оп.6. Д. 721. Л. 1-2.

2. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М., 2006. С. 15.

3. Полевые материалы автора (ПМА). Август 2008.

4. Ипполитов А.П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 14.

5. ПМА. Август 2008.

Дадаев Ю.У.

ДУБА ВАШИНДАРОЕВСКИЙ (Джукаев Дуба Джукаевич) *(1810–1882)*

История Кавказской войны оставила нам в наследство десятки и сотни имен выдающихся личностей самых разных национальностей и вероисповеданий. Среди выдающихся храбрецов, предводителей воюющих сторон, талантливых полководцев, умелых организаторов наступательных операций, авторитетных личностей первой половины XIX века были русские офицеры, солдаты, горцы. Большим авторитетом и уважением среди горцев пользовались многие сподвижники имама Шамиля – мудиры, наибы, командиры из различных мест Чечни, Дагестана, Северного Кавказа.

Многих из них отличали такие качества, как отчаянная храбрость и мужество, искренняя любовь к родной земле и готовность отдать свою жизнь в любую минуту за свободу и независимость своего народа, родной земли. Эти качества они формировали в себе с детства, как говорили горцы, впитывали с материнским молоком, достойно передавая из поколения в поколение, от рода, тухума – следующим поколениям, от дедов и отцов – детям и внукам. Исследователи отмечают, что у горцев преемственность, мужество, твердость духа, порядочность, верность данному слову, благородство, со-

страдание к нуждающимся, готовность пожертвовать собою ради отчизны, своего народа, общины и села испокон веков передавались как адаты и обычаи предков, как свое собственное имя, наименование рода. Таких людей в период Кавказской войны было немало. Они проявляли себя достойно в трудные дни сражений, кровавых битв, не теряли своих человеческих качеств в самых трагических ситуациях, тяжелых военных условиях и в мирные периоды, после пленения Шамиля. Многие из них оставили в истории своего края, села, общины, Чечни, Дагестана, Кавказа и России славные имена, сотканные из достойных дел и поступков.

Одним из выдающихся соратников, верных помощников, способных организаторов военно-политической системы государства Шамиля в первой половине XIX века был представитель тайпа «чIинхой» чеченского народа Дуба Вашиндароевский (Джукаев Дуба Джукаевич). Он был назначен Шамилем в 1843 году наибом Шатоевского общества с горными и предгорными аулами между реками Аргун, Мартан и Главной дорогой Атаги–Урус-Мартан.

Дуба родился в 1810 г. в высокогорном сел. Вашиндарой в семье известного своим умом и порядочностью чеченца Джукая. Отец его принадлежал к тайпу «чIинхо», гара «бугIарой». Имам Шамиль заметил Дуба в конце 1839 – начале 1840 г., будучи в Шатоевском обществе, когда он впервые познакомился с предводителем местных чеченцев – с его отцом Джукаем. Молодой, энергичный и проницательный Дуба сначала был помощником наиба, командиром сотни, заместителем (мазуном) Шатоевского наиба.

Встреча Шамиля в Улус-Керте с Джукаем, отцом Дубы, стала началом многолетней дружбы двух выдающихся личностей в истории Кавказской войны – имама Шамиля из Гимры и его выдающегося наиба Дубы из Вашиндароя.

Дуба был отважный воин, способный организатор, в короткое время стал лучшим командиром военных формирований, в то же время – умный созидатель. Хутор, заложенный им на гряде под Улус-Кертом, со временем был преобразован в большое село, которое было и названо в его честь – Дуба-Юрт. Построенный им же рядом другой хутор сегодня зовется Чир-Юртом.

С 1843 г. военные формирования (конные и пешие отряды) под командованием Дубы участвовали почти во всех крупных сражениях, происходивших на территории Чечни и Дагестана. Военный талант и храбрость наиба Дубы и его воинов особо проявились при сражении с царскими войсками под командованием М.С. Воронцова в 1845 г. Вместе с известными чеченскими и дагестанскими наибами наиб Дуба и его конница отличились при преследовании царских войск, отступавших из Дарго в сторону Герзель-Аула. Внезапное вторжение в колонну царских войск с флангов и тыла, отсечение и пленение или уничтожение ее по частям, умелое маневрирование на поле боя, смелые атаки конницы ночью и днем были отличительными

чертами воинских формирований под его командованием. В ходе сражения в июле месяце 1845 г. при преследовании отступающих царских войск наиб Дуба был ранен.

Блестящая победа войск Шамиля стала результатом умелых действий его наибов, среди которых и был Дуба. Даргинская экспедиция 1845 г. закончилась полной катастрофой для российских войск. «За шесть недель похода они потеряли 3510 человек убитыми и ранеными, среди которых было 3 генерала (Б.Б. Фок, Д.В. Пассек, Е.А. Викторов), 28 штаб-офицеров и 158 обер-офицеров [1]. По данным же М.М. Блиева, общие потери Воронцова составили 3631 человек убитыми и около трех тысяч ранеными [2]. Э. фон Шварценберг же писал, что Даргинская экспедиция была «знаменательной кампанией, во время которой войска понесли потери и в генералах, и в офицерах, и в нижних чинах», и «из 20 тысяч человек отряда осталось не более 5 тысяч» [3]. Огромными оказались и материальные потери – лошадей, военного транспорта, артиллерии и других войсковых средств» [4].

В ходе сражений горцы также понесли большие потери, среди которых были известные храбрецы и талантливые командиры-наибы, тысячники, сотники и рядовые горцы.

В донесении гр. Воронцова к кн. Чернышеву от 5 августа 1845 года №386 отмечается: «Все единогласно говорят, что у неприятеля от 500 до 600 чел. одних убитых; из примечательных между ними лиц называют: Маша – наиба Шубутовского, Суаиба – наиба Большой Чечни, Хаджибека – тысячника Салатавского, Батыр-мурзу, бывшего в большом уважении у Шамиля, Саадулу – наиба Малой Чечни, одного из сыновей Джамала Чиркеевского, известного наездника Эльдара и многих других. Сверх того, ранены еще четыре наиба: Дуба – Средней Чечни, Лабазан – Андийский, Шахмандар – Технуцальский и Мухаммед-мулла – Мичиковский» [5].

С первых дней на посту наиба Дуба проявил себя как храбрый и мужественный воин, умелый организатор-управленец, а также талантливый наиб-полководец. Умение принимать правильные решения в трудных условиях, мобилизовать людей на защиту своих территорий, решимость и оперативность в выполнении военных и гражданских задач снискали ему большой авторитет не только среди чеченцев, но и на территории Имамата. Дуба пользовался уважением среди наибов, мудиров, муфтиев, членов Государственного Совета (Диван-хана), других известных сподвижников имама Шамиля, который, в свою очередь, особо выделял Дубу среди всех своих наибов, мудиров, командиров военных формирований, членов Государственного Совета, известных ученых, предводителей обществ. Об этом свидетельствует следующее письмо имама Шамиля, написанное в адрес Дубы в феврале 1845 г., где он писал: «Я предоставляю тебе все права в своем вилайете. Поэтому делай в нем все то, что целесообразно и полезно для веры, не воздерживаясь и не ожидая».

Такое отношение имама к своему наибу было, видимо, вызвано и тем, что среди чеченских наибов Дуба был одним из самых образованных людей в Малой Чечне, во многих селах долины Аргунского ущелья ходили легенды о его храбрости и учености. Чеченские исследователи отмечают, что в юности Дуба получил хорошее образование у своего отца Джукая и деда, потом в медресе сел. Шали. По данным исследователей, в конце 20-х годов XIX века он изучал курс мусульманского права и арабской грамматики в известном медресе сел. Чиркей Салатавского общества, потом – у Арслан Али и Мама-Киши в сел. Эндирей, еще до осады крепости «Внезапная» в 1831 г. – имамом Газимухаммадом. В апреле 1846 г. он участвовал в походе Шамиля на Кабарду вместе с другими наибами, где проявил себя достойным и храбрым командиром чеченской конницы.

Многочисленные письма имама Шамиля, его мудиров, наибов, муфтиев и других деятелей государства Имамат, известных ученых и предводителей, адресованные Дубе по самым разным вопросам военно-политического характера, социально-экономического положения Малой Чечни и других территорий Имамата, начиная с 40-х годов до пленения Шамиля в 1859 г., свидетельствуют об огромном авторитете и уважении, которым пользовался Дуба в государстве среди горцев Чечни, Дагестана и всего Северного Кавказа.

Таким же авторитетом он пользовался и среди царских солдат и офицеров, с которыми воевал до августа 1858 г., пока добровольно не перешел на сторону русских войск.

В донесении от 8 июля 1848 г. ген.-адъют. С.М. Воронцова о мерах склонения чеченцев к переселению на подвластную царскому правительству территорию отмечалось: «Переселение жителей Малой Чечни на равнину близ возводимого укрепления не имеет надлежащего успеха. Хотя самого Шамиля нет в Малой Чечне, но наибы его Саадула, Атабай, Дуба такое имеют влияние на народ, действуя страхом, что все наши миролюбивые меры остаются без желаемых последствий».

Главнокомандующий Кавказской армией М.С. Воронцов писал: «Наиб Дуба имеет влияние на народ». Царское командование предпринимало все возможные меры для нейтрализации талантливого и мужественного наиба. Посылка лазутчиков и убийц, неожиданные набеги на места его нахождения или в родной аул отборных царских отрядов с целью устрашения чеченцев, подкуп отдельных соплеменников, имевших влияние на Дубу и другие методы стали повседневным делом. Так, 6 марта 1847 г. перед рассветом отряд царских войск плотным кольцом окружил родной аул наиба Дубы. Ничего не подозревавшие спящие жители с первыми лучами солнца были полностью уничтожены в своих домах.

«Из всех жителей обширного аула, – вспоминал позднее Полторацкий, – вряд ли кому-нибудь... удалось еще раз увидеть восходящее солнце.

При самом отчаянном сопротивлении некоторых, большинство, застигнутое врасплох, полунагими, стар и млад, женщины, дети, грудные младенцы утонули в своей кровати от остро наточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших» [6]. Дуба спасся от этой форменной резни случайно.

К концу сороковых годов на наиба Дубу, который был в подчинении мудира Магомед-Мирзы Анзорова, начали поступать Шамилю жалобы о намерениях наиба изменить Шамилю и переселиться на равнинную Чечню, к русским. Видимо, эта информация, полученная имамом, не была безосновательной. В июле 1848 г. СМ. Воронцов докладывал А.К. Чернышеву: «...К нам переселились многие семейства, в том числе некоторые весьма влиятельные, как, например, Маза, дядя наиба Дубы, пример которых сильно действует на многих чеченцев».

Представляется, что после этого и было написано следующее письмо Шамилем наибу Дубе, на котором нет точной даты отправления адресату. В письме (2-я половина 1845–1850 гг.) Шамиль писал Дубе: «Затем – знай, что мы и не думали верить клевете, распускаемой о тебе. Ты в наших глазах самый дорогой среди самых почетных наших друзей, и это тебе известно».

В ответе Дубы Шамилю, тоже без точной даты, в котором он отрицает клевету, наиб писал: «... Я не обращаю внимания на эту клевету и меньше всего на то, что против нас измышляют и распространяют последователи непристойных групп среди мусульман: я не вижу в этом вреда для нас, и это не заботит меня. Однако я выражаю в этом письме беспокойство по этому поводу [в отношении] тебя» [7].

Наиб Дуба был не только храбрым и талантливым предводителем чеченцев в Малой Чечне, но также очень отзывчивым и внимательным к людским нуждам, заботам, гуманным человеком. Большую заботу он проявлял о мухаджирах из Кабарды, Адыгеи, Черкесии и из других мест, оказавшихся в Малой Чечне. Об этом свидетельствует следующее письмо Шамиля к наибу Дубе, написанное в 1848 г., в котором он писал: «Вечный привет. Затем, вы примите этих черкесских беженцев приветливо и помогайте им, чем возможно. Аллах сказал: «Окажите помощь ближнему, если даже сам голоден». Мы повелели и другим наибам, чтобы они также помогали им. Обязаны покоряться моему приказу. Все».

Как показала дальнейшая жизнь, наиб Дуба, понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления российскому государству, летом 1858 г. перешел на сторону царских войск.

С начала сентября 1858 года Дуба начал активно помогать русским войскам в Малой Чечне в обеспечении перехода чеченцев на их сторону, организации их выступлений против сторонников имама Шамиля.

В рапорте командующего войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимова ген.-адъют. кн. Барятинскому от 8 сентября 1858 г.

(№ 850) отмечается: «14 августа ко мне явилась депутация старшин от всего Шатоевского общества с изъявлением покорности. На другой день прибыл из Итум-кале, местопребывания наиба, управляющего Чантинцами, Аккинцами и обществами Кистинскими, старшина Дуба с просьбою о помощи своим соплеменникам, готовым восстать против власти Шамиля»[8].

С этого времени Дуба Джукаев и его ближайшие родственники в Малой Чечне вместе с другими бывшими сподвижниками Шамиля стали служить новой власти. А ровно через год, в июле 1859 г., Дуба Джукаев восторженно приветствовал наместника Кавказа А.И. Барятинского.

Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Барятинский прибыл в крепость Грозную из Моздока 4 июля 1859 г. К этому времени большая часть Чечни была под контролем царских войск. Ведено – столица государства – пала в апреле. Шамиль начал строить в Гумбетовском селении Килатль свою новую резиденцию. Вся военно-политическая свита и чеченский народ встретили Барятинского с большой помпой. Он принимал поздравления со взятием Ведено, в том числе от имени чеченцев, и принял делегацию почетных представителей. Очевидец происходившего писал: «Умилительнее всего было видеть во главе этой туземной массы лучших сподвижников Шамиля, которые еще так недавно стояли против нас с вооруженною рукою, с окровавленным нашею же кровью оружием. Это были наибы: Веденский – Эдиль, Большой Чечни – Талгик, Малой Чечни – Дуба, Мичиковский – Эски и Ичкерийский – Умалат».

Как сложилась дальнейшая судьба этой весьма интересной и многогранной исторической личности, еще недостаточно изучено. Нам очень мало известно сегодня о жизни и деятельности талантливого и храбрейшего наиба Шамиля. Многие письма на арабском языке, адресованные наибу Дубе от имени имама Шамиля, его мудиров, наибов, кадиев, муфтиев, ученых и других должностных лиц государства Шамиля, от простых и рядовых горцев, начиная с 1843 года и до пленения Шамиля в 1859 г., еще не обнаружены, не исследованы и не введены в научный оборот. Это же касается бурного и интересного периода его жизнедеятельности, когда он находился на различных должностях в Российском военно-народном правлении Терской области во второй половине XIX в. Этот период в жизни Дубы Джукаева и его потомков также крайне слабо исследован и описан историками.

Известно, что Российским военно-народным правлением Терской области 30 августа 1870 г. подпоручику Дубе Джукаеву было выделено 400 десятин земли на правом берегу реки Аргун. Также известно, что у наиба Дубы было 11 сыновей, около 40 внуков. Многие из них стали известными личностями чеченского народа в начале XX века, храбрыми российскими офицерами, врачами, инженерами, государственными деятелями, настоящими патриотами Российского государства.

Дальнейшие исследования дадут возможность воссоздать полный и всесторонний исторический портрет Дубы – талантливого и храброго сына чеченского народа, оставившего свой достойный след в отечественной истории.

Список использованных источников и литературы

1. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Монография / Ш.А. Гапуров. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – С. 384–385.
2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. М., 2004. С. 525.
3. Даргинская трагедия. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб. 2001. С. 519.
4. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.)… С. 385.
5. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. С. 183.
6. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. С. 184.
7. Там же. 184.
8. Там же. 184.

Дадаев Ю.У.

ДЖАВАДХАН (ЖАВАТХАН, ДЖОВТХА) ИЗ АРСЕНОЯ
(???–1842)

Джавадхан из Дарго (Джовтха, Жаватхан) – один из видных деятелей Имамата, был наибом Шамиля с конца 1839 г. до июня 1842 г. За это короткое время он проявил себя отважным храбрецом, талантливым полководцем Имамата, верным соратником Шамиля из числа первых наибов. Джавадхан был наибом в Чечне, в Шубуте и Чеберлое. В конце 1839 г. Джавадхан был назначен Шамилем наибом Дарго [1].

За три года совместной и напряженной борьбы с царским режимом Джавадхан прошел путь от наиба до мудира Имамата, являлся заместителем Шамиля в Большой Чечне, внес большой вклад в создание государства Имамат, в объединение под предводительством Шамиля не только чеченцев, ингушей, но и многоязычного Дагестана. Он был одним из самых первых, кто создавал новые вооруженные силы Имамата, укреплял его границы, формировал военно-административную систему управления, создавал экономическую и идейно-правовую основу государства Шамиля. Джавадхан отличался большими организаторскими способностями, талантом предводителя и проповедника.

В исторических документах имя Джавадхана встречается в начале 1840 года рядом с именами известных чеченских предводителей, помогавших объединить чеченский народ на борьбу против царских властей. Когда в марте 1840 г. Шамиль прибыл из Аргунского ущелья в сопровождении известного чеченского предводителя – ученого Магомеда-Эфенди, имеющего «более влияние самого Шамиля над соотечественниками... к ним присоединились кн. Мааш, Ахмед-Хан, Ташав-Хаджи, Суаиб, Джавадхан, Шуаиб-Мулла, Думбай и Тепи», – отмечалось в рапорте русского офицера [1].

Джавадхан присоединился к Шамилю еще в конце 1839 года. Мухамед Тахир аль-Карахи писал: «Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитый храбрец Шуаиб Центороевский и Джавадхан Даргонский. Последний, будучи опечален из-за той беды, которая поразила Шамиля, во время той встречи сказал ему: «Ты не грусти по поводу пропажи и рассеяния твоих старых товарищей. Здесь у тебя появятся новые, равные прежним, постоянные товарищи числом более трех тысяч. Я буду тебе как бы рабом-мамлюком, которому ты будешь приказывать то, что ты желаешь. Я буду повиноваться тебе так, как ты желаешь» [2]. Затем Шамиль назначил Шуаиба наибом Беноя, а Джавадхана – наибом Дарго.

В начале 1840 г., когда чеченцы подняли восстание против царских войск, Шамиль создал в Чечне четыре административных управления, ко-

торые назвал волостями. В Гехинскую волость (Кихи) назначил правителем Ахмердил Мухаммада, в Мичиковскую (Мишики) – Шуаиба, в Шалинско-Герменчукскую (Чали Кирмичик) волость – Джавадхана [3].

Факт назначения Шамилем Джавадхана своим первым наибом в важнейшем стратегическом регионе Чечни – в Шалинской области – подтверждается в сочинениях и других дагестанских авторов.

В своем сочинении Имаммухуммад Гигатлинский отмечал: «В Беной-ский (Бояни) округ назначил Шамиль наибом Джавадхана Даргонского, который являлся вольноотпущенником (атик)» [4].

Хайдарбек Геничутлинский писал: «Над Шалинской областью повелитель правоверных назначил тогда своим наместником испытанного в деле героя Джавадхана из Дарго» [5].

Весной 1840 г. Джавадхан выполнял самые разные поручения, обеспечивая объединение и мобилизацию разных чеченских обществ против царских войск. Его отряды можно было видеть и в горах Ичкерии, и на равнинной части Чечни, и в Аухе, и в Салатвии, и в Ингушетии.

Он твердо и последовательно проводил в жизнь политику Шамиля, устанавливал шариат в своем наибстве, создавал на местах новые органы управления, назначал мазунов, сотников, кадиев, мулл, старшин. Он выступал также с проповедями во всех селах, убеждал чеченцев в необходимости последовать за Имамом, подчиняться законам формирующегося государственного строя.

В качестве наиба он отличался большими организаторскими способностями, умением убеждать и объединять людей, был одновременно добрым и строгим наибом, за что чеченцы уважали и любили его.

В начале 1841 года Джавадхан со своими воинами принял активное участие в военных походах Шамиля на территории предгорного и равнинного Дагестана, добился присоединения к Имамату Ауха, Салатавии, части территории Шамхальства Тарковского, в частности, селений Ишкарты, Эрпели, Каранай и других.

Если в начале 1841 года Джавадхан помогал Шамилю в Чечне, Предгорном Дагестане устанавливать шариат и освобождать территорию Ауха, Салатавии от царских колониальных войск, уже осенью того же года он помогал наибам в Нагорном Дагестане в борьбе против царских войск, их сторонников и местных владетелей.

Джавадхан путем применения силы и также своим умением вести мирные переговоры покорил все куядинские селения, помог Кебед Мухаммаду и другим его соратникам установить в Куядинском обществе и в других андалальских селениях власть Имамата. Некоторых юношей в качестве заложников отправил к имаму в Дарго.

До конца 1841 года Джавадхан вместе с дагестанскими наибами активно помогал Шамилю привести в покорность и установить порядок и законы Имамата в селах Андалальского, Гидатлинского, Койсубулинского, Гумбетовского, Андийского, Салатавского обществ и также отложившихся в аулах Аварского ханства.

Джавадхан проявил себя в горах Дагестана в роли помощника Шамиля с самой лучшей стороны. За его храбрость и ученость, умение убеждать и принуждать людей в тех случаях, когда это необходимо, за его преданность делам государства, простого народа, бескорыстное отношение к общему делу люди в аварских обществах, как и чеченцы, прониклись огромным уважением к нему.

Джавадхан был тяжело ранен летом 1842 г. в ходе сражения с царскими войсками под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Граббе, вторгшимися в Ичкерию для захвата столицы Имамата – Дарго.

Раненый в самом начале сражения (на третий день после начала военных действий) он очень сожалел, что лично не может командовать своими отрядами в разгроме противника.

Джавадхан умер через неделю, был похоронен в родном селении Дарго. В этом сражении проявился особый военный талант вооруженных формирований, созданных благодаря большим усилиям и неутомимой организаторской деятельности, требовательности и настойчивости в работе Джавадхана и его близких помощников. Его мобильные штурмовые отряды искусно вклинивались в колонну царских войск, отсекали авангард или арьергард, наносили кинжальные фланговые удары, тут же молниеносно исчезали, устраивали на пути следования противника в лесах завалы, хитроумные ловушки и засады и наносили значительно превосходящим и хорошо вооруженным царским полкам и батальонам сокрушительные поражения. В сражениях он всегда бывал примером для бойцов, ему неведомы были такие человеческие качества, как страх, нерешительность, мысли о том, что будет с ним. Гибель Джавадхана Шамиль переживал глубоко и говорил: «Я потерял надежного друга, который в самые трудные времена был моей правой рукой».

Как свидетельствуют архивные документы, Джавадхан был выдающимся храбрецом, талантливым ученым, а также одаренным реформатором, организатором в проведении военных, административных реформ в государственной системе управления.

Еще при жизни за выдающиеся заслуги перед государством Имамат Джавадхан был награжден двумя орденами. На одном из них была надпись: «Кто думает о последствиях – тот не герой», а на другом ордене, который хранится в Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее написано: «Установитель Низама, очиститель Сунны, уста-

новитель новшеств Джават-Хан. Да продлит Всевышний его счастье. Сила и мощь только у Аллаха» [6].

Список использованных источников и литературы

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века / Составители: В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. – Махачкала, 1959. – С. 247.

2. Хроника Мухамед Тахир аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Комментированный перевод с арабского Т.М. Айтберова. Ч. 1. – Махачкала, 1990. – С. 88.

3. Там же. С. 91.

4. Хроника Иманмухаммад Гигатлинский. – Текст XIX в. об истории Имамата. – Махачкала: Изд-во «Всемирный фонд Шамиля», 2011. – С. 39.

5. Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. Айтберова Т.М. – Махачкала, 1992. – С. 85.

6. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. – С. 452.

Хожаев Далхан

ДЖОКОЛА ИЗ МІАЙСТЫ
(1818–???)

Джокола был ярким представителем чеченских обществ, не желавших подчиняться ни русскому царю, ни турецкому султану, ни имаму Шамилю. В воспоминаниях современников, в документах, преданиях сохранился образ этого бесшабашного горского предводителя из общества МІайста (горная Чечня).

Родился Джокола около 1818 года в семье Деркиза в ауле Пого (общество МІайста). Уже молодым он выдвинулся в лидеры общества.

Вот что рассказывают о нем в горах:

«До Жокалы в МІайстах не было таких знаменитых людей. Деркизан Жокъала из МІайста прославился еще в юности. Его отец Деркиз славился своими набегами. Во время набегов на тушин (бацай), после того, как майстинцы отгоняли овец, Деркиз всегда оставлял заслоны по двум боковым ущельям горы, чтобы их не смогли обойти преследователи. С одной и с другой стороны оставались в засаде по пять человек. Когда в очередной раз Деркиз собрался это сделать, то пятнадцатилетний Жокала попросил оставить его одного для заслона. Но Деркиз сказал: «Отстань, где тебе справиться». Но Жокала уговорил отца, и тот оставил его в засаде. К месту, где находился Жокала, подошла погоня тушин. Жокала, стреляя по подходившим преследователям, перебегал с одного склона горы на другой, не давая тушинам обойти его. Деркиз отогнал отару за кордон и возвращался с воинами на подмогу Жокале. Когда они подошли к Жокале, то помощь уже была не нужна: потеряв несколько человек убитыми и ранеными, тушины отступили. Изумленный Деркиз, сказав, что ему теперь в набегах делать нечего, перестал ходить за добычей». (*Рассказал писатель Муса Бексултанов из тайпа хилдехьарой, слышавший эти предания от хилдехароевцев, мелхистинцев, майстинцев, харачоевцев и др.*)

К 30 годам Джокола был самым уважаемым среди майстинцев. Уважение это подкреплялось славой Джоколы как наиболее удачливого предводителя дружин (гІерий).

После образования Имамата Шамиль и его наибы силой оружия присоединяли к новому государству не желавшие никому подчиняться чеченские общества.

Не избежали этих притязаний и майстинцы, которые в то время не были даже мусульманами, исполняя языческую обрядность совместно с соседними родственниками – хевсурами, которые были такими же «христианами», как майстинцы «мусульманами». Майстинцы, используя неприступ-

ность своих мест и горя желанием отстоять свою независимость, несколько раз отбивали попытки шатоевских и итумкалинских наибов присоединить их к Имамату. Не имея возможности штурмом овладеть аулами майстинцев, наибы блокировали общество Майста, не давая майстинцам закупать продовольствие, иметь хозяйственные и культурные связи с горной Чечней (что, впрочем, нередко нарушалось).

Блокада была сильным ударом по социально-экономической жизни горцев, ведь продовольствия, соли и самого главного в горах, скудных на землю, – хлеба – хватало всего на несколько месяцев, и майстинцам, да и горным грузинам-хевсурам приходилось большую часть продуктов закупать в плоскостной Чечне или через посредство горцев-перекупщиков.

В русской мемуарной и исторической литературе остались свидетельства об этой своеобразной, по-своему незаурядной личности – Джокола. А.Л. Зиссерман, 22-летним чиновником с разведывательными целями исходивший горы, писал в своей книге «Двадцать пять лет на Кавказе»: «В Муцо жили несколько семейств кистин, переселившихся сюда, скрываясь от преследования кровомстителей. Один из переселенцев, Лабуро, вызвался по моему желанию сходить в Майста, узнать, что там делается, и если окажется удобным, переговорить с одним из тамошних вожаков о моем намерении посетить их. На третий день он возвратился с весьма благоприятными известиями: самый удалой и почетный из майстинцев – Джокола – заверял, что я могу смело прийти к ним и положиться на его слово и священный закон гостеприимства. Недолго думая, я решился привести свою затею в исполнение, и 18-го июля 1848 года, в сопровождении Лабуро, одного хевсура из Муцо, моего Давыда и рассыльного Далакишвили пустился пешком в путь, взяв с собой запасов на несколько дней... Не доходя несколько верст до Майста, мы были встречены Джоколой с двумя товарищами, поздравлявшими нас с благополучным прибытием. Джокола – стройный горец, лет тридцати, с блестящими карими глазами и темно-русой бородой, ловкий, полный отваги, протянул мне руку, которую я принял, выразив благодарность за доброе расположение и готовность познакомить меня с его родиной. Часов около двенадцати мы, наконец, вошли в аул Пого, в дом Джоколы. Несмотря однако на бедность, для угощения зарезали барана, которого тут же стали варить: дым, не находя выхода, поднялся к потолку, давно уже поэтому принявшему лоснящийся черный цвет. Вся деревушка состоит из двухэтажных башен, в верхней части коих помещаются люди, а в нижней – корова, несколько овец и запас кизяку. Хозяин долго рассказывал мне о притязаниях мюридов укрепить между ними мусульманство, о том, как Майста еще недавно отстояла свою независимость, прогнав толпу чеченцев, окруживших их деревню по приказу Шамиля; затем о своих набегах мелкими партиями в верховьях Алазани, откуда он не раз приводил пленных кахетинцев и т.д. После ужина

он развлекал меня игрой на балалайке, пел, плясал, одним словом, старался выказать полнейшее радушие. По моему предложению затеяли стрельбу в цель. На расстоянии 200 шагов была поставлена расколотая палка и в ней пожертвованный мною серебряный рубль, служивший и целью, и призом. Много было отличных выстрелов, опрокидывавших даже палку, но рубль все еще оставался на своем месте; наконец один старик, стрелявший уже два раза, с некоторою досадой передал ружье своему сыну, лет десяти или одиннадцати; тот весьма проворно сам зарядил длинную винтовку, уселся на землю, уперся в коленки, стал целиться и выбил монету из палки. Нужно было видеть торжество мальчика и радость отца! Впрочем, у горцев это не редкость; я в Шатилии не раз видел, как мальчишки 9–10 лет по нескольку человек упражнялись в стрельбе в цель, с большим искусством попадая в едва заметные точки. При появлении неприятеля многие выбегали с винтовками на тревогу.

Часу в одиннадцатом, в сопровождении «брата» Джоколы и еще нескольких кистин, мы отправились из этой в следующую деревню Туга, куда нас пригласил на ночлег родственник Джоколы – Тешка. Вечером собрались в маленькую его башню много гостей, с большим любопытством смотревших на меня, на мой щегольский черкесский наряд и красиво выделанное оружие.

Было уже около полуночи, когда гости один за другим, со словами «буьйса дика хуьйла» («доброй ночи») удалились; на полу постлали по войлоку, и мы, наконец, улеглись.

Вертелась у меня там же еще одна мысль: не попытаться ли пройти по Аргуну до Воздвиженской, где тогда находился с войсками сам главнокомандующий, и озадачить всех сумасбродностью, смелою выходкой, но Джокола на мой вопрос о таком путешествии решительно отказался, не желая рисковать ни своею, ни моею головой; вся Чечня была тогда на ногах, по случаю сосредоточения значительных русских отрядов все дороги были усеяны партиями, караулами, и вообще нельзя было думать пройти туда благополучно.

На другой день, распростившись с гостеприимными майстинцами, я пустился в обратный путь. До вершины горы провожали меня толпой, с песнями и выстрелами, а Джокола и Тешка пошли со мною до Муцо отдать визит».

Судьба Джоколы и его родичей в дальнейшем была трагична.

Вот что рассказывают чеченцы:

«Майста имела очень мало плодородной земли. И Жокал решил с частью людей переселиться, так как население увеличилось, и в Майстах стали голодать. Еще до этого бацай (тушины) посылали к Жокале своих людей с вопросами, при каких условиях бы он согласился прекратить нападения и

набеги на тушин. Жокал ответил, что он согласен оставить тушин в покое, если те отдадут ему Іаьмбаччи (селение Амбарчи). Парламентеры вернулись и передали слова Жокала своим. Тушины обратились за советом к своему старейшине. Тот сказал, что Амбарчи нельзя отдавать, потому что на этой земле как трава вырастают рога (имелась в виду плодородность земли, где пасли скот). Поэтому Жокале выделили место, где сейчас находится Жокъалан-юрт».

Вот как это происходило:

«В конце 1851 года Джокола вместе с несколькими кистинцами появился на горе Борбало. С ними было несколько хевсуров. С горы Борбало Джокола послал нескольких хевсуров к истокам Алазани к Ивану Цискаришвили, который в это время был моуравом тушин, дабы ему передали, что он хочет с ними начать переговоры. Цискаришвили обещал мир и полное покровительство.

Джокола с кистинцами спустился к верховьям Алазани, где во главе с Цискаришвили собрались тушины. Тушины с честью приняли вождя кистин, зарезали баранов, устроили пир. Одним словом, тушины очень старались угодить кистинам. Причиной этого было то, что они стремились как-нибудь помириться с беспокойным Джоколой, приносившим своими набегами большой ущерб. Из напитков у тушин ничего не было, кроме водки. Когда Иван Цискаришвили протянул Джоколе серебряную чашу с водкой, тот не принял ее, а когда спросили о причине отказа, ответил, что хотел бы побрататься с Цискаришвили по обряду. Джокола и Цискаришвили побратались.

После этого несколько знатных тушин отправились к кистинам и при содействии Джоколы переселили одно село в Панкиси. Тушины содействовали переселению кистин в Панкиси и покровительствовали им.

Князь Джамбакур Орбелиани, претендовавший на это ущелье, подал жалобу наместнику Воронцову. Но тушины, со своей стороны, тоже послали жалобу, в которой писали, что Орбелиани не имеет на него никаких прав. Воронцов вынужден был согласиться с доводами тушин».

Климатические условия Панкисского ущелья отрицательно сказывались на переселившихся туда майстинцах. Среди них начались болезни, особенно свирепствовала малярия, унесшая в могилу много жизней. Поэтому майстинцы решили вернуться в свои родные края. Один из архивных документов сообщает: «Кистины решили возвратиться в Чечню. Тушины же, когда узнали об этом, с целью возвратить их, последовали за кистинами и нагнали в ущелье Циплоани, однако не сумели уговорить группу Джоколы вернуться, но все же часть кистин вернули и расселили на своих землях».

О причинах ухода Джоколы в Грузию и возвращения оттуда есть и другая версия (А. Ицлаев): «Селение Джоколо также носит свое название от имени основателя. Его звали Джокъал. Он жил в Майстах. Из-за недостатка

земли жившие там бедно и тяжело люди добывали себе пропитание абреческими набегами за добычей... Против Шамиля долго воевали майстинцы. Потом в 1854 году Джокал уходит в Грузию, взяв с собой 54 семейства. Управлявший в то время Тианетией Леван Чолокашвили пишет о том, что его бывший противник Джокал теперь перешел на его сторону и привел в Тианети 8 августа 36 семейств, а 15 сентября – 18 семейств (всего – 54 семейства). Там, где сейчас находится Джоколо-юрт, всем семьям дали землю. По имени Деркизан Джокала, приведшего этих людей, новое село получило название.

В начале весны (в апреле 1855 года) было это. Зная о бедности переселенцев, местная власть обещала до осени выдать необходимые деньги и зерно. Когда обещанное к выдаче стали задерживать, майстинцы отправились в путь, чтобы уйти оттуда. Но из этого ничего не вышло: одна группа тушин была отправлена вслед за ними с просьбой от имени властей, чтобы они вернулись назад. Тогда же было записано обязательство о том, что они будут сражаться против дагестанцев, в случае нападения оных. С тех пор с той стороны границу Грузии берегли они».

Джокола вернулся в Чечню, а часть майстинцев все же осталась в Грузии, основав в Тушетии кистинское селение Туга-юрт.

Керимов Х.М.

ИСА ГЕНДАРГЕНОЕВСКИЙ
(1780–1845)

Иса Гендаргеноевский родился в 1780 году на хуторе Гендаргеноевский в Мартан-ауле (ныне г. Урус-Мартан) на месте первого поселения прародителя Аппаза (Аббаса) и располагалось между речками Марта и Танга, где по сей день живут многочисленные потомки Аппаза. Отец Исы – Чингари Эла, правнук Аппаза – по родственным связям имел большое влияние в народе.

По преданию, Иса родился недоношенным, слабым ребенком, и его родители мало питали надежд, что он выживет. Однако он выжил, а усиленная физическая работа над собой закалили не только его тело, но и характер. С малых лет Иса отличался целеустремленностью и отвагой, был признанным лидером.

К началу XIX века Иса, как и все его сверстники, в полной мере испытал на себе все горести перманентной войны с царизмом. Несмотря на то, что Чечня официально считалась «замиренной», царская администрация неоднократно устраивала карательные экспедиции в различные районы Чечни. За малейшие провинности, а порой и просто ради наживы, царские отряды вторгались в чеченские села, уничтожали их и жестоко наказывали жителей.

Особенно острый и кровавый характер они приняли с назначением в 1816 году императором Александром I наместником Кавказа генерала А.П. Ермолова. С перенесением Кавказской (кордонной) линии с Терека на Сунжу и строительством крепости Грозная (1818 г.) участились набеги и на аулы Малой Чечни. В 1822 году в числе других поселений был полностью уничтожен аул Мартан.

Новая волна жестоких, немилосердных акций российских экспедиций прошлась по аулам Чечни в период всенародного освободительного движения чеченцев под предводительством Бей-Булата Таймиева, соратником и сподвижником которого, наряду с другими известными чеченскими предводителями, был Иса Гендаргеноевский. А в январе 1825 года повторному разорению подверглись аулы Гойты, Мартан и Гехи.

В конце своего правления Ермолов решил еще раз примерно наказать население Малой Чечни. Зимой 1826 года, в феврале месяце, в жестокую стужу, он напал на Гехи, Шельчихи, Мартан-аул и другие поселения. Иса вынужден был поднять жителей в горы. Через пару месяцев, в апреле, царский отряд вновь напал на Мартан-аул. Несмотря на отчаянное сопротивление отрядов под предводительством Бей-Булата Таймиева и Исы, Мартан-аул был уничтожен дотла. Подобного рода набеги на села Малой Чечни продолжались и после отставки Ермолова, вплоть до 1837 года. В августе 1832 года

10-тысячный царский отряд под командованием барона Розена уничтожил аулы по берегам рек Мартан, Гойты и Аргун. В январе 1837 года экспедиция под командованием генерал-майора Фези огнем прошлась по аулам Малой Чечни, уничтожив по пути и Мартан-аул.

Обессиленные ежегодными карательными акциями царских войск, жители поселения Мартан-аул повторно обратились к Исе с предложением возглавить поселение в качестве старшины, повести переговоры с царской администрацией, чтобы обезопасить их селения от необоснованных карательных акций. Такому решению послужили проявленные им лидерские качества и репутация честного и благородного человека. За него вновь единодушно проголосовали представители всех тайпов, проживавших в Мартан-ауле. Обладая хорошими организаторскими, административными и политическими способностями, Иса повел прагматичную политику с русскими, которая позволяла избежать конфронтации с ними.

Однако, после падения Ахульго в августе 1839 года и вынужденного ухода имама Шамиля в Чечню, царский офицер Пулло, получивший звание генерала за активное участие во взятии Ахульго, цинично заявил, что теперь он возьмется за Чечню. Он публично дал слово, что обезоружит все население края, мужчин отдаст в рекруты (в солдаты), а женщин, переодев их в цивильную форму, поставит в прислугу русским дворянам. Свое заявление Пулло начал активно претворять в жизнь с восточных чеченских аулов: Белгатоя, Зандака, Гендаргена и др. У населения отбиралось не только оружие, но и все ценное, в том числе и лошади. Недовольство среди населения росло. Иса Гендаргеноевский как предводитель в Малой Чечне пытался использовать свои связи с русскими офицерами для того, чтобы обезопасить свой народ от последствий такой недальновидной политики царских генералов. Но это не дало результата, что было на руку имаму Шамилю. Шамиль скрывался в то время в шатойских горах (у Джуки Вашиндароевского – отца будущего наиба Дубы) и был поддержан практически всеми предводителями Ичкерии и Большой Чечни. Как опытный стратег Шамиль понимал, что без поддержки такого многонаселенного региона, как Малая Чечня, он не сможет реализовать свои далеко идущие планы по созданию Северокавказского Имамата и полного освобождения горного края от царской экспансии. Поэтому он предусмотрительно направил к Исе в Мартан-аул своего верного и надежного соратника – наиба Ахбердил-Мухаммада. С его помощью и при активном участии известного алима Атабаева Атаби-муллы из Чунгароя (у которого учился таджвиду брат Исы – Муса) Шамилю после длительных переговоров удалось склонитьИсу к военному противоборству с царизмом. Впрочем, у последнего и выбора уже не оставалось: русские полностью отвернулись от него, посчитав, что с уходом с политической арены Кавказа ведущей противоборствующей фигуры в лице имама Шамиля они стали на-

много ближе к успеху по решению главной своей задачи – завершению полного покорения края.

Однако они просчитались. И во многом этому способствовал Иса Гендаргеноевский, который после переговоров с Шамилем решил с ним объединиться. Более того, Иса 7 марта 1840 года принял в своем доме Шамиля с двумястами мюридов. А на следующий день, в урочище р. Танги, при большом стечении народа и участии предводителей практически всех чеченских тайпов и дагестанских общин Шамиль был провозглашен Имамом Чечни и Дагестана. Отсюда начался самый продолжительный и долгий (в четверть века!) жестокий и бескомпромиссный этап Кавказской войны.

Шамиль разделил территории Чечни на четыре наибства. Во главе Малой Чечни – самого крупного по численности населения и важного в стратегическом отношении региона – он назначил наибом Ахбердил-Мухаммада, а его помощником – Ису Гендаргеноевского. В течение пяти лет, вплоть до самой своей смерти, Иса был активным участником практически всех боевых действий в Чечне, участвовал во всех сражениях с царскими войсками, занимался организацией обороны аулов.

5 мая 1840 года отряд Ахбердил-Мухаммада и Исы Гендаргеноевского нанёс поражение русским войскам у села Ачхой. Буквально через месяц лидеры Малой Чечни с помощью соратников Джавадхана (Даргоевского) разбили отряды царских войск под Назранью. Ответом на эти вылазки чеченцев стала экспедиция генерал-лейтенанта А.В. Галафеева в Малую Чечню, под командованием которого было 4000 пехотинцев и 1500 казаков.

Предводители Малой Чечни устроили мощную засаду войскам Галафеева на р. Валерик. Сражение это, красочно описанное талантливым русским поэтом, участником битвы М.Ю. Лермонтовым, состоялось 11 июля 1840 г. Обе стороны понесли значительные потери. В этом сражении Иса потерял своего единственного 18-тилетнего сына Сараба. Отважные и умелые действия в первом большом серьезном сражении на р. Валерик ещё больше укрепили авторитет Исы в народе.

1840 и 1841 годы прошли в постоянных схватках отрядов Малой Чечни с царскими войсками.

Летом 1842 года генерал Граббе решил воспользоваться тем, что имам Шамиль на время отозвал к себе на подмогу в Дагестан мудира (генерал-губернатора) Ахбердил-Мухаммада. Граббе организовал военный поход в Чечню с намерением овладеть Дарго и разгромить резиденцию Шамиля. Однако десятитысячный отряд царских войск буквально завяз в густых чеченских лесах и подвергся постоянным атакам со стороны горцев. Иса Гендаргеноевский со своим отрядом оказывал всемерную поддержку наибу Джавадхану Даргоевскому, к которому он, Иса, к тому времени был назначен Шамилем помощником, а также наибу Шоип-Молле Цонтороевскому, который руково-

дил сражением. Умело используя природные особенности густых чеченских лесов, предводители горцев наголову разбили экспедиционный отряд Граббе. Генерал потерял в том бою около 1800 солдат и 66 офицеров разного ранга.

Получив смертельное ранение в этом бою, через пару месяцев скончался наиб Большой Чечни Джавадхан Даргоевский, и Шамиль вместо него назначил наибом этого региона Ису Гендаргеноевского.

В середине 1843 года близ кистинского селения Цори смертельное ранение получил и наиб Малой Чечни Ахбердил-Мухаммад. На его место наибом Малой Чечни имам Шамиль назначил Юсупа-Хаджи (Сафарова), но видя, что Юсуп-хаджи не может управиться таким важным для имамата регионом, как Малая Чечня, Шамиль вынужден был Ису Гендаргеноевского перевести ему в помощники. Но и это не устроило Шамиля, и он вскоре разделил Малую Чечню на две части: Восточную (от р. Аргун до р. Рошня), где наибом остался Юсуп-Хаджи, и Западную часть (от р. Рошня до р. Асса), которым стал управлять в качестве наиба Иса Гендаргеноевский.

Летом 1845 года, во время знаменитой Даргинской экспедиции графа Воронцова, Иса Гендаргеноевский вместе с другими горцами находился в самой гуще сражений и проявил себя как храбрый, отважный воин и умелый предводитель. Десятитысячный отряд графа Воронцова понес сокрушительное поражение в этом бою. Около 4-х тысяч солдат погибло в той экспедиции в чеченских лесах.

Однако после этого сражения дороги Исы Гендаргеноевского и имама Шамиля разошлись. Слишком разными оказались подходы к складывающейся ситуации у двух харизматичных предводителей. Да к тому же, после разгрома царской армии в Даргинском походе его генералы стали искать новые возможности, чтобы склонить население Чечни к миру всеми способами, в том числе и привлечением на свою сторону наибов Шамиля.

Известно, что Иса Гендаргеноевский на определенных условиях согласился вести переговоры с царскими офицерами о возвращении к мирной жизни тех чеченцев, которые когда-то избрали его своим старшиной и доверили ему свои судьбы. Решение это ему далось не просто, он понимал, что не все, и в первую очередь, имам Шамиль, будут довольны его позицией. За деяния подобного рода Шамиль безжалостно казнил любого. Однако, принимая такое рискованное для себя лично решение, Иса мало заботился о своем благополучии, а в большей степени – о своем народе, доведенном до полного отчаяния, и хотел помочь ему выйти из состояния жестокой, кровавой войны.

С принятием решения о заключения мирного соглашения с графом Воронцовым важной для Исы проблемой, требующей безотлагательного решения, стал вопрос о вызволении из плена своего внучатого племянника Керима, отданного в аманаты в связи с назначением Исы в 1842 году наибом Большой Чечни. После успешного освобождения заложника Иса предстал

перед имамом Шамилем для объяснения своих действий. Вопреки ожиданиям многих, Шамиль не казнил Ису, а, выслушав его доводы, скрепя сердце, с миром отпустил его. Как знать, чем руководствовался Шамиль? Находясь в пике своей славы, наверное, он решил, что обойдется без старого наиба, а может, не захотел обострять отношения с его многочисленными соплеменниками казнью их лидера.

Обеспечив своим землякам перемирие на позициях нейтралитета, Иса полностью отошел от дел и осенью 1845 года после непродолжительной, но тяжелой болезни скончался.

Его жизнь стала для соотечественников ярким примером служения своему народу. Он стал союзником Шамиля на начальном этапе, когда было необходимо поднять чеченский народ на освободительную борьбу с царизмом. Являясь вначале помощником наиба Ахбердил-Мухаммада, а после его смерти будучи сам наибом, Иса выполнял самые сложные военные задачи, которые ставил перед ним имам.

И в то же время он никогда не забывал, что он избранник народа и использовал всю свою мудрость, знания, авторитет и политическое чутье, чтобы максимально обезопасить его от истребления. И даже в зените своей славы после Даргинской экспедиции 1845 г. он не преминул воспользоваться удобным случаем, чтобы пойти на переговоры с русским командованием по возвращению своих соотечественников к мирной жизни, таким образом первым подав пример в этом направлении другим наибам Чечни и Дагестана.

Чтобы защитить мартановцев от посягательства Шамиля, царское руководство через пару лет после указанных событий построило на северной окраине Мартан-аула укрепление «Урус-Мартановское», позднее ставшее важным административным и политическим центром Малой Чечни.

В южной части г. Урус-Мартан, по дороге в селение Мартан-Чу, находится кладбище, называемое в народе «Іисан, Мусан кешнаш» («Исы, Мусы кладбище»). Здесь нашли вечный покой первый избранный старшина Урус-Мартана и наиб Малой Чечни Иса Гендаргеноевский, его сын Сараб и брат Муса.

Краткие сведения и очерки о чеченцах (наибах) периода Кавказской войны

(Извлечения из монографии: Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ»*, 2009. – 624 с.).*

Ахмадхан Дишнинский (Ахьмадхан).

Ахмадхан Дишнинский – наиб Дишни-мохка. Погиб в 1840 году. Он был в числе первых сподвижников Шамиля после падения Ахульго вместе с такими известными наибами, как Ташав-Хаджи, Суаиб, Джавадхан, Шуаиб-мулла, Думбай и Тепи. В начале 1840 года Ахмадхан поднимал чеченцев на борьбу с царскими войсками. Он вместе с Шамилем объезжал все общества и села Малой и Большой Чечни. В марте 1840 г. вблизи селений Алхан-Юрт, Кулар-Юрт, Закан-Юрт отряды чеченцев под предводительством наибов в ходе сражений попали под артиллерийский обстрел царских войск под командованием генерал-майора Пулло. «В сем деле Ахмад-хан убит, Шуаиб-мулла и Думбай тяжело ранены», – рапортовал капитан Пушкин начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полковнику Траскину 23 марта 1840 г.»

В юности Ахмадхан был учеником Саида Араканского, стал ученым, был справедливым, авторитетным и добрым предводителем.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 125–126.

Арсануло (Арсануко).

Арсануло (Арсануко, Арсанакъа (Аьрсанакъан Аьрсанакъа, Арсануко) – выходец из селения Эзихой. С 1840 г. – наиб Дишни-мохка. Арсануло – в письме Галбаца Шамилю, в русских источниках – Арсико-Махмазоглы, в 1843 г. упоминается в качестве наиба «общества Ришни» в Горной Чечне. Арсануло со своими воинами участвовал в отряде мюридов под командованием Ахбердил Мухаммеда, совершивших в середине июня 1843 г. набег на грузинское селение Шильда (Кахетия). Горцы заняли селение на рассвете и сражались до вечера с жителями, оборонявшимися в башнях.

Как сообщает источник, «после вечерней молитвы наиб Арсануко со своими подчиненными спешно покинул селение. Хотя им ничего не угрожало, и никто не преследовал их. Оставшиеся в селении мюриды пришли в замешательство. Пошли расспросы и рассуждения, и, наконец, решив, что случилось что-то неладное, они тоже вышли из селения в ночь черную, как смоль, и двинулись по узким тропам. Неверные не преследовали их с боем, так как их правитель амир Кивирк находился в плену у наибов Хаджар Дибира и Кадиласул Мухаммада. По пути, на каком-то участке, ружейная пуля настигла и поразила тело известнейшего и храбрейшего наиба Ахбердил Мухаммада, и он так и не узнал, кто выстрелил и ранил его... Говорят, а достоверно известно одному Аллаху, что наиб Арсанакай получил взятку от

жителей селения Шильда за увод отряда мюридов из их селения, а брат его Джанта и был тем, кто выстрелил в Ахбердил Мухаммада и ранил его. Этот слух докатился до ушей имама, и он велел разобраться в этом деле наибам общества киалалцев, а наиб чарбильцев (чеберлоевцев) Митликил Муртазали из Чиркея приказал этим наибам убить Арсанакоя и его брата Джанту, сжечь их усадьбы и вернуться с их имуществом».

Как происходили дальнейшие события, точно мы не знаем, однако, на наш взгляд, обвинения в адрес Арсануло и его брата Джанта не нашли своего подтверждения в ходе разбирательства. Видимо, после этих событий Арсануло был освобожден от должности наиба, не пользовался доверием Шамиля и членов Государственного Совета. Подтверждением этому служит письмо Галбаца (тогда он был мухтасибом, оставался членом Государственного Совета) от 1 октября 1850 г. Шамилю: «От нуждающегося в милости Господа Всевышнего Галбаца повелителю правоверных и опоре мудиров Шамилю, мир вам, милость Аллаха и Его благословение. Аминь!

А затем – к нам и надежному брату нашему, главе переселенцев Даниял-Султану, пришел Арсануко с десятью своими приверженцами с различных мест с сообщением своих обвинений и [изложением] того, чему он подвергся со стороны своего наиба Алдама и просил нас составить письмо к вам, настаивая, чтобы ты удовлетворил одно из трех нижеследующих его желаний: первое – чтобы ты предоставил право [на решение] его дела и присоединения его самого к любому другому наибу, кроме Алдама, так как между ними происходили ссоры и драки, когда он сам (Арсануко) был наибом, второе желаемое от нас – это перевести его из управления, где он ныне проживает, поселить с семьей в Карате к нам, если ты одобряешь это; третье – предоставить право ему самому распоряжаться собой. Это главное из его желаний. Вот эти все его желания (просьбы).

Что касается его дела, то я полагаю, что он желает, чтобы поселили его жить в его доме с своими полномочиями, управлять десятью или двадцатью домами тех людей, кто [живет] возле него (с ним заодно).

Пусть же он там живет с ними, как хочет, тихо, спокойно или буйно. Это мое мнение, твое мнение – господин мнений».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 126–127.

Астемер.

Астемер (Аьстамар) – пятисотенный наиб, чеченец. Астемер был храбрым и распорядительным наибом, чеченцы любили его за справедливость. Он пожертвовал все свое имущество и собственность ради свободы родной земли. Погиб геройски в бою.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 128.

Акхарш.

Акхарш (Акарш) – представитель тайпа Садой, наиб Шамиля в Чеберлое.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 133.

Ахбулат.

Ахбулат (Акхболат) – наиб Чеберлоя. Погиб осенью 1853 г. во время похода в Закаталы. В 1853 году, когда имам Шамиль по просьбе мухаджиров из Джара и Закаталы выступил против царских войск, находившихся в Чаре-крепости, и произошло сражение, в ходе которого были потери с обеих сторон.

Об этом сражении писал Мухаммед Тахир: «Затем утром следующего дня поднялся к крепости Золотой пруд (отряд Шамиля) и сражался несколько дней против нее. Там пали смертью праведников Ахбулат, наиб Тадбурти, Сулейман ал Цилики и были ранены некоторые товарищи имама».

Ахбулат был безгранично храбрым и отважным смельчаком. В 17 лет он стал командиром сотни, в 19 лет был помощником Чеберлоевского наиба. В бою всегда шел впереди своих мюридов, был примером в сражениях и военных походах. В горах Чечни говорили в народе: «Пусть родится такой отважный сын, как наиб Ахбулат»; «Ахбулат – герой, не знающий боли и страха». Шамиль любил и уважал молодого наиба, относился к нему как к родному сыну. Смерть его стала большой потерей для Шамиля.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 133.

Алдын Нашхинский (Алдам).

Алдын Нашхинский (Алдам) – наиб округа Нашха, или наиб Итумкалинский. Возможно, Алдын Нашхинский и Алдын Чантинский – одно и то же лицо. В русских источниках он упоминается как Алдым и Алдан.

В начале августа 1853 г. начальник Назрановского отряда полковник Услар получил сообщение от своего лазутчика, в котором сообщалось: «...Я собирал сведения о том, что происходит в горах, и сейчас извещаю, что Шамиль одобряет непокорных жителей сношением с турецким султаном. Сбора нет, но велено быть в готовности всем жителям. О намерениях его еще неизвестно, но что он имеет предприятие, можно заключить из этого: на днях наиб Алдым с сорока мюридами объезжал Малую Чечню до Мирома с приказанием, чтобы быть в готовности к движению. Распоряжений не сообщать мирным и лазутчиков от них не принимать и, если можно, доставлять таковых Шамилю. Что же вновь узнаю, поспешу уведомить Вас для доклада».

Через год, в сентябре 1854-го, в рапорте пристава нагорных народов штабс-капитана Дода генерал-майору Вревскому об отражении галгаевцами нападения наиба Алдына отмечалось: «Желая поддержать дух непокорных аккинских жителей, упадший от совершенного разорения их отрядом, быв-

шим под начальством В. Пр. (вашего превосходительства), в минувшем августе месяце непокорный наиб Алдын собрал партию в значительном числе из отважных горцев, двинулся к покорному нам аулу Ляжги (близ Цори) и 21 числа сего месяца с рассветом внезапно напал на оный...»

Алдын упоминается в письме Шамиля наибу Батуко: «Привет Вам, а затем вот что: чтобы ты дал брату нашему наибу Алдаму горный харадж от ваших баранов или от баранов области, как что написал его от прежнего времени без отличия в прибавлении и уменьшении. Вот. Привет. Понедельник».

Алдын считался наибом, ставшим известным исключительно благодаря своим личным качествам. Храбрость, отвага, верность долгу перед народом отличали его от других все время, особенно в конце войны, когда многие наибы в Чечне начинали думать о том, как дороже и удачнее перейти на сторону царских войск. Шамиль очень уважал и ценил Алдына, обращался к нему – «моему близкому брату, моему наибу».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 134.

Бисанин Гелаг.

Бисанин Гелаг – выходец из селения Хьайбах. Наиб общества Нашха.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 146.

Булат-Мирза.

Булат-Мирза (Болат-Мирза) – наиб Ауха и Ичкерии. Он был отважным предводителем и авторитетным наибом. В октябре 1840 г. сменил Ташав-Хаджи. В середине декабря 1841 г. он был убит тремя чеченцами, арестованными по подозрению в краже лошадей. От народного гнева убийцы спаслись бегством на кумыкскую плоскость.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 146.

Гамзат Залмеев.

Гамзат Залмеев – наиб Чантинский, в 1859 г. перешел на сторону русских.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 163.

Гада из Чарбили.

Гада из Чарбили – общество чеберлоевцев. Был наибом над тадбуртрийцами, известными как чарбильцы (чеченцы Веденского района ЧР). В сражениях он был смел, дружил с Газимухаммадом, алимом не был. Наибом был назначен в 1853 году.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 163–164.

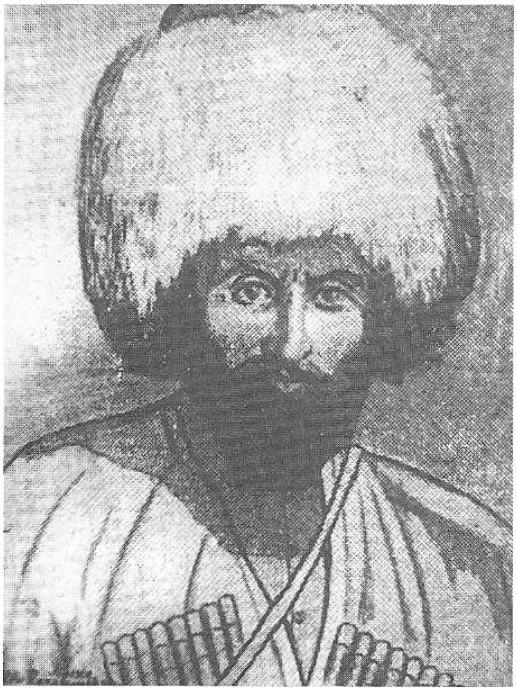
Гамзат-Хаджи – наиб Шатоевского общества. В источниках о нем сведений крайне мало.

В 1858 году, когда в Большой Чечне шел процесс распада Имамата, царские войска заняли выход из Аргунского ущелья. Массовым стал переход чеченских обществ на сторону царизма. В Шатоевском обществе, где наибом служил Гамзат-Хаджи, немало было людей, которые выступали против шариата, шамилевских наибов.

В чеченский отряд под командованием ген.-м. Евдокимова в начале августа 1858 г. прибыл изменивший Шамилю известный наиб Дуба с сообщением, что чантинцы хотят принести покорность, но просят помочь им в делах против наибов Шамиля. Когда войска Евдокимова начали проникать вглубь Шатоевского общества, к ним был послан полковник Баженов, который, «взобравшись на гору Туллой-лам, сделал два пушечных выстрела, послуживших сигналом к восстанию чантинцев. Они толпами устремились на крепкий замок, где жил наиб Гамзат-Хаджи, взяли его силой, истребили мюридов и родственников наиба, захватили его пушку и значок. Гамзат один только успел убежать».

По другим данным, Гамзат-Хаджи был ранен во время стычки с восставшими чантинцами и сдался в плен царским властям.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 167–168.

Гамзат-Хаджи

Гойтемир (???–1853).

Выходец из селения Юрт-Аух (ныне – селение Калининаул Казбековского района Дагестана). В 1844–1847, 1850–1853 гг. – наиб Ауха. С 1850 г. – начальник кавалерии Имамата. Один из лучших наибов Шамиля, которого назвал в своих показаниях в 1851 г. Хаджи-Мурад.

Журнал военных происшествий на левом фланге Кавказской линии с 23 мая по 6 июня 1846 г. отмечал интенсивные действия наиба Гойтемира на кумыкской плоскости в районе Амир-Аджи-Юрта, Умахан-Юрта, где царские войска понесли значительные потери в ходе наступательных действий ауховцев под предводительством Гойтемира. В 1853 г. погиб в бою. Похоронен Гойтемир в селении Саясан Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 171.

Гумалатан Геха

Гумалатан Геха – житель селения Гуни, наиб. Командовал внутренними войсками в Имамате. После окончания Кавказской войны – помощник пристава Веденского наибства.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 171.

Дача.

Дача – наиб с 1845 г., заменил Дубу, ставшего мудиром, возглавил Шатоевское общество с горными и предгорными аулами Большой и Малой Чечни, выше дороги из Урус-Мартана в Нестеровское укрепление и Черных гор. Бывший старшина с. Шали.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 182.

Дауд Хаджи

Дауд Хаджи (Дауд-Хьаьжа) – в 1853 г. – наиб округа Шали.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 182.

Жаннин Бук.

Жаннин Бук – наиб общества Курчалой.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. Махачкала. – С. 199.

Идиль Веденский (Идал)

Идиль Веденский – наиб Ичкерии с 1853 года. «Он пользовался у своего народа авторитетом, уважением за справедливость, краткость и благонравие».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 211.

Наиб Идиль Веденский

Мааш Зумсоевский.

С 1840 года наиб Зумсоевского общества в Чечне. Мааш был храбрым и отважным воином, авторитетным предводителем, считался великолепным наездником. Его имя чаще всего встречается в русских источниках до 1841 года в качестве чеченского князя, эмира. Так, в одном из рапортов царского генерала 1840 года, в частности, сообщалось: «Тогда по совету князя Мааша Зумсоевского за пассивность Шамиль казнил якобы «несколько старшин, мулкойцы в ответ напали, однако, на скопище его и убили, многих из самых приверженных к Шамилю, в том числе его кунака, у которого он жил в Аргунском ущелье – Шабана Шатоевского и зумсоевского князя Мааша». Из еще не опубликованного сочинения Имаммухаммада Гигатлинского видно, что в 1840 г. Мааш одним из первых стал наибом Шамиля в Чечне.

По приглашению имама Шамиля, когда он был в Шатое, прибыли к нему два эмира – Чупалав Ачининский и Мааш Зумсоевский. Они явились к нему с конными отрядами из своих округов, отмечает Имаммухаммад. Далее он пишет: «Но зато явились они к имаму вместе с кавалеристами... сидящие на прекрасных скакунах, которые время от времени вставали на дыбы, удивляли зумсоевцы и очининцы людей, взиравших на них, своей великолепной одеждой, сшитой из легких тканей, и своим оружием, покрытым сверкающим серебром.

Имам Шамиль, когда увидел прибывших к нему этих зумсоевцев и очининцев, вышел к ним. Шамиль вышел к ним тогда с почтением, прославляя и благодаря названных выше гордых эмиров Мааша и Чупалава за то, что вошли они в ряды его последователей, чтобы помогать исламской религии. Тут имам Шамиль первым делом назначил Чупалава наибом в округ, именуемый Ачинни; этот человек был, кстати, первым наибом из числа дагестанцев-наибов, кто получил официальное назначение. Затем был назначен наибом Мааш Зумсоевский – в округ, именуемый Зумсой и Чинахой».

В 1994 году в ходе научной экспедиции в Чеченскую Республику автору удалось узнать, что Мааш был в юности удивительно способным учеником, проходил курс обучения в аулах Ингушетии, Чечни, Дагестана и Черкесии. Это был один из самых образованных и авторитетных чеченцев, который знал Коран наизусть. Он был наибом всего год и за это время внес большой вклад в дело объединения разных чеченских обществ под предводительством Шамиля.

Мааш пользовался большим уважением и авторитетом среди всех чеченских обществ вместе с такими предводителями, как Шуаиб, Ташав-Хаджи, Уди-Мулла, Оздемир и другие. Смерть Мааша – способного помощника – Шамиль очень переживал.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 238–239.

Муса.

Муса (выходец из надтеречного с. ЭчигтIе, из тайпа Iаларой) – наиб обществ вокруг села Топли (на р. Аргун) до р. Хулхулау (в месте падения р. Мичик). Упоминается до 1854 года.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 239.

Мухаммад из Ингушетии.

Мухаммад был известным ученым, богословом и предводителем ингушей-мухаджиров, обосновавшихся в горных районах Чечни. Он был известен в Имамате своей храбростью и мужеством, уговаривал ингушей переселиться с равнины, где они находились под присмотром царских войск, в горную Чечню, в Имамат. Одно время он был муфтием в Ичкерии, недолго – наибом Ауховского общества.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 242.

Магомед Мусакаев (Мусхайн Мохьмад).

Магомед Мусакаев – наиб Ичкерии с 1843 года.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 255.

Осман Майртупский.

Осман Майртупский в 1859 году – наиб округа между реками Хулхулау и Гумс (в горной зоне). После отступления Шамиля из Чечни ушел вместе с ним в Дагестан. Осман был одним из самых авторитетных и храбрых наибов Шамиля. К концу войны Абдурахман писал: «Самыми справедливыми наибами в Чечне были Шуаиб, Сухаиб, Ахбердилмухаммад из Аварии, Талхиг, Осман и Умма из Зунсы». После падения столицы Имамата Дарго-Ведено в апреле 1859 года другой летописец Шамиля – Мухаммед Тахир – писал: «Тогда они вышли из Дарго и ночью его покинули. Таким образом, все вилайеты Чечни, один за другим, подпали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба, Османа, и тех, кто был ранее с ним».

Имам его любил за усердие при несении военной службы. Он был предан и верен имаму и религии, отличался безграничной храбростью и отвагой. Был награжден орденом с надписью «Этот почетный знак имам даровал тому, кто проявил геройство в народе».

В чеченских селениях о нем говорят как о самом преданном, храбром и высокопорядочном наибе среди всех чеченских наибов Шамиля. Осман – один из тех, кто все свое состояние и знания отдал делу борьбы за свободу своего народа. Он был не только молодым и талантливым наибом, но и прекрасным ученым-законоведом и знатоком арабской грамматики. В юности он обучался у Мухаммеднаби из Ахтов, Джамалудина Казикумухского и других знаменитых дагестанских ученых.

Абдурахман из Казикумуха оставил нам следующие добрые слова о нем: «Когда в Чечне дела были расшатаны (часть чеченцев подчинилась русским, а часть оставалась верной Шамилю) (вторая половина 1858 года – начало 1859 года), а Шамиль стоял лагерем с войском в Ичкерийском лесу, этот наиб пришел к нему с сотней с лишним оседланных лошадей, захваченных при истреблении донских казаков. Шамиль подарил ему свою шашку в знак любви и уважения к нему.

Когда Шамиль покинул Чечню и перешел в Дагестан, этот наиб со своей семьей отправился с ним, но когда Шамиль поднимался на гору Гуниб, он вернул его с дороги к себе на родину, стыдясь за его большую семью и малых детей».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 279–280.

Сулайман (из Дарго).

Сулайман был наибом в Чечне. О нем упоминается в хронике Мухаммед Тахира, в главе, посвященной сражению в Чаре, где он погиб смертью праведника. В начале осени 1853 года, когда «умножились упрашивания мухаджиров Чара (Закатальско-Белоканский округ) ...имам выступил с мно-

гочисленным войском, пушками, со снаряжением и приставленными к ним солдатами».

Произошло сражение в районе Закаталы, где русским войскам было нанесено сильное поражение, но и у Шамиля тоже были большие потери. Тогда погибли молодой знаменосец наиба Газимухаммада Курбан из Карата, благочестивый ученый Иса, сын кадия из Акуши (брат наиба Абакархаджи) и ряд других. Войска Шамиля начали осадные работы вокруг крепости Закаталы, где вместе с русскими войсками укрылась местная знать, приглашавшая Шамиля к себе.

Обещанная мухаджирами поддержка сорвалась, из местных людей никто не явился к Шамилю. Простояв так несколько дней и узнав, что многочисленная помощь русским идет со стороны Газикумуха под командованием генерал-лейтенанта князя Аргутинского, Шамиль «со всеми людьми и снаряжением спустился к Гати-мацих, намереваясь остановиться там».

Далее Мухаммед Тахир писал: «Затем утром следующего дня поднялся к крепости и сражался несколько дней против нее. Там пали смертью праведников Ахбулат, наиб Тадбутрии Сулейман из Циники, были ранены некоторые товарищи имама». Сулейман был отважный воин, ученый, пользовался среди чеченцев и дагестанцев большим уважением. Он владел чеченским, аварским и кумыкским языками. Его предки были выходцами из селения Цилитль Гумбетовского общества, на границе с Чечней. Сулайман получил от Шамиля орден с надписью: «Этот орден наиба Сулеймана. Кто думает о последствиях, тот не герой. 1850 г.» Видимо, Сулейман был назначен наибом до 1850 года. По рассказам местных жителей, Сулейман был награжден еще одним орденом Шамиля, который был передан в республиканский музей в г. Грозном в 60-е годы XX века.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 282–283.

Сулейман-мулла.

Сулейман-мулла, он же – **Сулейман-Эфенди, Сельман** – выходец из селения Соьлжа (Старая Сунжа), жил в селении Герменчук. С 1845 по апрель 1846 года наиб Шамиля в Черкесии. В мае 1846 года смещен. В 1847 году в Малой Чечне перешел на сторону царского командования. После этого газета «Кавказ» за 1847 год опубликовала статью под заглавием «Описание поступков Шамиля против мусульманского шариата, которые были замечены Сулейман-Эфенди во время его нахождения при нем».

Как видим, смысл и направленность сочинения Сулейман-Эфенди предельно ясны из самого заглавия. По заказу царского командования Сулейман-Эфенди пытался опорочить политику Имамата во главе с Шамилем и самого Шамиля как главу государства. Главный тезис его сочинения, исходя из шариата, заключался в том, что Шамиль широко применяет свет-

ские нормы законов и ведет к нарушению основ тариката. К примеру, Сулейман-Эфенди писал: «Имам, сопровождая действия свои силою оружия и предпринимая военные действия, нарушает тем самым главное условие тариката». Сулейман-Эфенди был назначен наибом в Западный Кавказ весной 1845 г., а уже через год начал тайные переговоры с царским командованием о переходе на их сторону с разрешением ему жить в Большой Кабарде впредь, до отправления в Мекку. Понимая важность удаления Сулейман-Эфенди от Шамиля, царское командование предпринимало все меры для его перехода на свою сторону, в то же время и не доверяло ему. Так, в записке начальника Сунженской линии о результатах переговоров с Сулейман-Эфенди в июле 1846 года отмечалось: «...23 и 24 июля в 2 часа полуночи, по приказанию г. начальника отряда я вел переговоры с Сулейман-Эфенди, прибывшим на аванпост наш, я объявил ему готовность г. главнокомандующего оказать всякое содействие к следованию в Мекку, если он желает теперь же и что в. с. для убеждения в искренности намерений Сулеймана желает, чтобы он в то же время, когда оставит Шамиля, объявил его отступником законов Магомета».

Как видно из документа, Сулейман принял эти условия, отказавшись стать тайным лазутчиком, сказав, «что лазутчиком никогда не был, и ныне принять обязанности на себя не может».

В 1847 г. Сулейман-Эфенди совершил хадж в Мекку и по возвращении оставался за Кубанью, а в 1852 году был убит.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 285–286.

Саид Энгенойский.

Саид Энгенойский – наиб Надтеречных чеченцев. Участвовал в сражении на Валерике в 1840 году. Других данных о нем обнаружить пока не удалось.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 289.

Саду Мичиковский.

Саду Мичиковский (СоIду) – мичиковский наиб. Сдался в 1859 году царскому командованию.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля.
Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. С. 289.

Тапи (Тепи) Гехинский.

Тапи (Тепи) – наиб Гехинский. В качестве наиба Гехи он появляется рядом с Шамилем весной 1840 года. «Вся страна предалась Шамилю, начиная от Аргунского ущелья по Малой Чечне до Алхан-Юрта включительно, по Большой Чечне все селения до границы ауховцев и качкалыковцев, а влево к северу через Герменчук и вплоть до Аргуна», – рапортовал 13 марта

1840 капитан Пушкин начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полковнику Траскину.

Когда Шамиль начал весной 1840 года поднимать чеченские общества против царских войск, его поддержали многие видные чеченские предводители, ученые и храбрецы, уважаемые в народе старшины, которые служили российскому командованию на Кавказе. Его признала вся Чечня. «К ним присоединились такие известные предводители, как Мааш, Ахмед-хан, Ташав-Хаджи, Суаиб, Джавадхан, Шуаиб-Мулла, Думбай и Тепи. Они начали возмущать умы жителей, восстанавливая их против нашего правительства», – отмечалось в том же рапорте царского офицера.

Тепи был человеком набожным, пожилым, из уважаемой фамилии, пользовался особенным расположением Шамиля.

Возможно, что наиб Тепи и Тапи – одно и то же лицо. Известен также Тепи из селения Гуни, который возглавил весной 1845 года делегацию к имаму от плоскостных аулов Чечни с просьбой или защитить от русских набегов, или позволить прекратить им войну. После 1845 года имя Тепи не встречается в архивных документах, возможно, он умер своей смертью или погиб в сражении с царскими войсками.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 291–292.

Талхибат.

Талхибат – наиб Чечни. Он упоминается 10 августа 1846 года в рапорте генерал-лейтенанта Лабынцева генерал-адъютанту Воронцову о намерениях «почетных жителей» Чечни покориться России. В частности, в этом рапорте отмечалось: «Устерман, верный лазутчик, сейчас донес, что Шамиль с наибами Нур-Али, Бата и Талхибат переправляются сего дня в полдень через Аргуны: думаю, не для того ли, чтобы не допустить Малую Чечню принести покорность».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 293.

Таиб.

Таиб – наиб, или, как его еще называли, Верхнегойтинский наиб. С 1843 по 1845 год – наиб аулов между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги – Урус-Мартан. В 1845 году смещен Шамилем за слабое управление. В русских источниках о нем содержится следующая информация. «Верхнегойтинский наиб Таиб – человек пожилой, хитрый, лукавый, поседевший в мошенничествах, на которого положиться также было невозможно». Царская администрация предпринимала меры, чтобы перетянуть его на свою сторону, но Шамиль до этого за недостатки в работе освободил его с должности наиба.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 293–294.

Тарам-чеченец.

Тарам в 1847 году – наиб Сунженского наибства, одно время был мазуном.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 294.

Хату.

Хату из Гендергена. Встречается написание – Гату. Был наибом в Аухе, Чечне. Шамиль ценил его за храбрость и преданность. Будучи наибом в Аухе, он пользовался большим авторитетом. Его любили за справедливость. В апреле 1859 года перешел на сторону русских. Участвовал в военных действиях против горцев. В награду получил 50 десятин земли и чин офицера.

У Хату Мамаева (отца его звали Мама) был брат Хати (или Хазу). Абдурахман в своем сочинении допустил, видимо, ошибку. Он писал: «В районе Ауха наибом был Хату. Это был авторитетный человек: управлял он справедливо. После его смерти на его место вступил его брат Хати, храбрый, распорядительный и умелый».

Анализ источников показывает, что Хату был младшим братом и стал наибом после Хати. Сохранилось письмо имама Шамиля, обнаруженное в 1995 г. у частного коллекционера.

«От Имама Шамиля наибу Хату

Во имя Аллаха – Милостивого и Милосердного!

От повелителя правоверных Шамиля своему брату наибу Хату.

Привет Вам!

И далее:

Жители нашего селения испытывают сильную нужду в провианте. Поэтому ты обязан дать приказ муллам, чтобы они организовали помол кукурузы, а также собрали закят, чтобы таким образом покрыть хотя бы часть наших нужд.

Все.

10 число месяца рабигI ал-ахир 1272/1855 года.

Из личного архива Муртазали хаджи Чиркеевского».

В апреле 1859 года наиб Хату перешел на сторону царских войск, за что был удостоен всяческих благ и чинов. С 1859 года он был царским офицером и работал в должности наиба. Похоронен в селении Гендерген, Ножай-Юртовского района Чечни.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 302–303.

Хазу-Хати.

Хазу-Хати – старший брат наиба Ауха Хату (Хьоза). Наиб Ауха до 1854 года. Сколько времени он был наибом и когда был назначен, точно установить не удалось. Видимо, он был наибом в 1853–1854 годы, так как уже

в 1855 году наибом Ауха был его младший брат, назначенный после его гибели.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 303.

Хандакай (Хандакхай)

Хандакай – житель селения Центорой. В 1850 г. – наиб Ичкерии.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 321.

Хентиг.

Хентиг – наиб Дишниведенский.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 321.

Хизкил Харочинский.

Хизкил – наиб Шамиля в с. Харачи и близлежащих сел. Был предводителем харачинцев, пользовался авторитетом среди народа. Бесстрашный храбрец, имевший большое влияние на своих людей. Храбро сражался в Ахульго, потерял там своих близких, тяжело раненым попал в плен и потом «был убит при попытке к бегству от русских».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 327.

Умахан.

Наиб Умахан встречается в документах 1836–1840 гг. как известный предводитель чеченского общества вместе с такими чеченскими предводителями и наибами, как Мааш, Ташав-Хаджи, Суаиб, Оздемир, Джавадхан, Шуаиб-мулла. Думбай, Тепи и Уллубий из Ауха.

В начале 1840 г. они помогали Шамилю в качестве его наибов организовать национально-освободительную борьбу чеченского народа против царских колонизаторов, создавать и укреплять государство Имамат, вооруженные силы, систему управления и организации власти на местах. После 1840 года имя Умахана-наиба не встречается в документах. Исследователям-историкам еще предстоит установить многие факты из его жизни и деятельности.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 328.

Усман из Жалка (Iусман).

Был наибом над жителями Жалка. Шамиль любил его за усердие при несении военной службы, храбрость и преданность.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 331.

Эндирей Умаяев (Iумин Эндари).

Умаяев – наиб Малой Чечни. Выходец из Рошни. Время назначения наибом установить не удалось. В феврале 1854 г. предал Шамиля и перешел

на сторону царских войск. В рапорте начальника Верхне-Сунженской линии Предемирова генерал-майору Вранскому от 6 февраля 1854 г. отмечалось, «что наиб Малой Чечни Эндирей Умаяев изъявил желание со своими родственниками принять покорность нашему правительству и просит для переселения его с семействами выдвинуть войска к его аулу в ущелье Рошни.

...3-го февраля был доставлен в аманаты к приставу сын Эндирея. Получив об этом от пристава известие, в ночь с 4-го по 5-ое число февраля стянул укрепление Ачхоевское две роты Тенгинского, три роты с ракетною командою Навагинского пехотных полков, одну роту № 7 и одну Кавказскую линейную батарею, два горных орудия № 4 батареи, 19 артиллерийской бригады и два подвижных орудия 11 гарнизонной артиллерийской бригады № 3 роты, 5 сотен с ракетной командою вверенного мне 1-го Сунженского линейного казачьего полка, полсотни карабулакской и чеченской милиции».

Вместе с имуществом, скотом во главе с Эндиреем Умаяевым было 12 семейств, в числе 27 душ мужского и 24 душ женского пола. Использование такого большого количества войск, артиллерии и ракетных команд, казаков, карабулакской и чеченской милиции для обеспечения перехода на сторону царских властей одного наиба с семейством преследовало двойную цель. Видимо, сам наиб не представлял большой ценности для царского командования. В то же время нужно было показать ослабевшее военное и политическое положение государства Имамат всем народам Дагестана и Чечни, тем более, что шла война между Россией и Турцией.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 331.

Шуаип.

Наиб Гойтинского округа в 1850 г. Жил в верховьях реки Гойта. Был командиром сотни, помощником наиба, позже – наибом. Погиб в бою в 1854 году.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 342.

Чоха Карабатыров.

Наиб с. Элистанжи и близлежащих сел.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 349.

Эльмурза Хапцов (Элмарза).

С 1851 г. – Гехинский наиб. В сражении с отрядом Эльмурзы погиб генерал Н.Л. Слепцов. Сам Эльмурза погиб в бою в 1852 году.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 359.

Эльдар (Ильдар).

Эльдар был наибом Мичика и Качкалыка. Героически погиб при преследовании войск Воронцова, отступающих из Дарго в июле 1845 г.

В начале июля 1845 г. войска под командованием М.С. Воронцова попали в ловушку, устроенную Шамилем в своей столице Дарго. Войска были окружены со всех сторон, понесли огромные потери: были убиты четыре генерала, свыше 200 офицеров, около четырех тысяч рядовых солдат, раненых – около двух тысяч человек, боеприпасы были на исходе, дух был сломлен. Единственным выходом из создавшегося трагического для царских войск положения было ускоренное отступление в сторону Герзель-Аула.

Мухаммед-Тахир писал: «Затем они поднялись для бегства (царские войска). Войско имама в лесу напало на них с четырех сторон. Убивали их и валили, как сжатые снопы и срубленные деревья. Бывало так: окружат отряд из них, напав спереди, и избивают до тех пор, пока не уничтожат весь и не заберут то, что есть у них из лошадей, мулов и прочего имущества.

Бывало так: кто-либо из войск имама нападал на кого-нибудь русского и заберет от него то, что ему понравится. Один даже взял из рук русских повод мула, на котором везли «казну», и увел его с собой, и русские не могли помешать этому. Ночью русские расположились на холме Цомутар. На второй день они продолжали отступление, а войска имама делали с ними то же, что и в первый день. Ночевали русские на холме между Шуном и Алири (селения Шуаны и Аллерой Чеченской Республики. – *Прим. авт.*). На третий день они пошли таким же образом: их избивали, косили и раздевали до тех пор, пока они не спустились в селение Шамхал-Бирди.

В этой битве пали смертью праведников прямоидущий наиб Сухайб, и передовой храбрец Ильдар».

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – С. 362–363.

Товсултанов Р.А.

ТАЙМАСХА МОЛЛАЕВА (ГЕХИНСКАЯ)

В истории чеченского народа немало примеров мужества и доблести воинов, боровшихся против завоевателей. О них сложены песни и написаны баллады. До сих пор помнятся их имена, и певцы воспевают величие их подвигов. Мало кто знает, что среди этих героических людей были и женщины-чеченки, сражавшиеся за свободу и независимость своего народа, против произвола и бесчинств.

Определенную известность в годы Кавказкой войны получило имя молодой девушки Таймасхи Гехинской (Таймасха Молова) из чеченского селения Гехи. В течение 10 лет она вела борьбу против царских войск. Являлась командиром чеченского отряда мюридов. Таймасха великолепно знала военное дело, и воины ее славились храбростью, а сама женщина-воительница сражалась в мужской одежде. В 1840 году она участвовала в одном из самых известных сражений Кавказской войны (благодаря стихотворению участвовавшего в бою М.Ю. Лермонтова) – в сражении на реке Валерик. Царские генералы не раз пытались разгромить отряд Таймасхи, но все было напрасно. Только через десять лет им удалось схватить ее.

В 1899 г. «Тифлисский листок» писал, что «в истории Кавказской войны известно много случаев участия горских женщин в кровавых стычках с нашими войсками. Суровая доля горянки среди суровой домашней обстановки вырабатывала мужественных женщин. Но война… как постоянное женское ремесло было явлением исключительным даже и в горах Кавказа. Неудивительно поэтому, что случай…» с Таймасхой «…обратил на себя внимание императора Николая Павловича» [1].

15 апреля 1842 года близ урочища Яндырки в Ингушетии произошел бой между чеченским отрядом под руководством мудира Шамиля Ахверды-Магома и назрановским отрядом подполковника Сулимовского. В рядах Ахверды-Магома находился и отряд знаменитой Таймасхи. Отряд Сулимовского при помощи регулярной милиции, подкрепленный пехотою и огнем артиллерии в том бою одержал победу. Тот же «Тифлисский листок» отмечал, что «в апреле 1842 г. подполковник Сулимовский имел дело близ урочища Большой Андырки, в нынешнем Назрановском участке Терской области, с партией чеченцев под предводительством шамилевского наиба Ахверды-Магома. Дело кончилось поражением хищников, причем назрановской милиции, состоявшей при отряде Сулимовского, удалось захватить в плен до 23 человек (в архивном документе, где приводится «Именной список пленным чеченцам, взятым назрановцами в деле 15-го апреля 1842 г.» видно, что в плен взято 24 человека» [2]). При разборе пленников один из

них, назвавшийся Тамаханом Маловым, оказался женщиною. Она объявила, что уже более 10 лет принимает участие в хищнических набегах» [3].

Таким образом в ходе боя двадцать четыре чеченца попали в плен. Среди них, как уже отмечено, была и Таймасха. Она попала в плен израненная и в бессознательном состоянии. Известно, что в том бою Таймасха была тяжело ранена в рукопашной схватке ударом вражеской сабли в голову. Кроме этого, она была ранена двумя пулями, ноги несколько раз были проколоты штыками. В том, последнем, бою Таймасха Гехинская (почти в бессознательном состоянии) стояла перед врагом, готовая сразиться в смертельном поединке, сжимая рукоять кинжала в одной руке и шашки – в другой. Говорят, солдаты боялись к ней подойти и просто стояли в онемении перед вконец обессилевшей девушкой. Под конец истощенная от потери крови Таймасха упала без сознания на окровавленную землю, и только убедившись в ее беспомощности, противники посмели подойти к ней и забрать ее в плен [4].

Есть еще и другая версия пленения Таймасхи. Говорят, что она, после того, как ее родное село Гехи было окружено царскими войсками, добровольно сдалась в плен, чтобы спасти односельчан от гибели и предотвратить дальнейшее кровопролитие, так как царское командование заявило, что снимет окружение села и отпустит 12 пленников-гехинцев, если Таймасха сдастся в плен [5].

Действительно Таймасха была очень смелой девушкой. Поговаривают, что как-то в один из осенних дней Таймасха со своим отцом Лемой на подводе отправилась в лес собирать мушмулу. На обратном пути дорогу им преградили «абреки», а точнее сказать, обычные грабители. Их было двое, и им очень приглянулась лошадь Лемы. «Распрягай!» – закричал «абрек», чье лицо скрывал башлык. (Второй так оброс, что ему не было никакой необходимости прятать лик). Лема вытащил кинжал и ответил: «Сначала поговори с хозяином лошади, а там посмотрим, как дальше с ней быть». Спрыгнул с подводы и приготовился к схватке. «Ты один, а нас двое, и мы запросто одолеем тебя». «Плохо считаешь!» – звонко крикнула Таймасха, выхватывая из-под черкески обнаженный кинжал. Подскочила к отцу и приготовилась к схватке. «Оставь их! – недовольно буркнул «обросший». – Не видишь, что они не только лошадь не отдадут, но даже навоза из-под нее не уступят?» «Похоже, что она им нужна больше, чем нам», – неохотно согласился с ним его товарищ. «Абреки» повернули коней и двинулись прочь. «Обросший» резко обернулся и бросил: «Храбрый юноша! Из тебя хороший джигит получится. Запомни мои слова!» Лема невольно улыбнулся, окинув дочь взглядом, полным любви и нежности: «Не зря мать говорила, что Аллах послал тебя вместо мальчика». Таймасха вспыхнула: «Я бы им показала! Не переживай, Дада! Твои дочери (у Таймасхи была старшая сестра по имени Сийлаха) всегда постоят за тебя!» Сказала и залилась краской. Она впервые за-

говорила с отцом в таком тоне. Почти как со сверстником. Смелый поступок дочери обрадовал и одновременно огорчил его.

Таймасху вместе с пленными отправили во Владикавказ. Государь Николай Павлович, узнав об этом случае из журнала военных действий отрядов в Малой Кабарде и Назрани (говорят, что император слышал о ней и раньше из хроники того же журнала), заинтересовался женщиной-воином и приказал доставить пленную храбрую чеченку в Петербург в том самом национальном костюме, в котором она воевала. Архивные документы отмечают, что «Государь Император, усмотрев из журнала военных действий отрядов в Малой Кабарде и Назране, представленного командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории при рапорте № 510, что при сражении, бывшем 15-го апреля между отрядом полковника Сулимовского и шайкою чеченцев, под предводительством Ахверды-Магомы, близ урочища Большой Яндырки, в числе 24-х пленных, взятых назрановскою милициею, находится женщина Тамахан Малова, принимающая участие в хищнических набегах более 10-ти лет, высочайше повелеть соизволил: женщину эту в том самом национальном платье, в котором она воевала, прислать в С.-Петербург, снабдив ее всем нужным для дороги с надлежащим о ней попечением в содержании и довольствии [6].

Из Владикавказа с казачьим урядником Григорьевым Таймасху отправили в Ставрополь, а уже оттуда на почтовых лошадях он должен был доставить ее С.-Петербург. На уплату прогонов уряднику были выделены деньги. Также на содержание чеченки в пути было выдано по 28 копеек серебром в сутки на 39 дней. Григорьев имел при себе приказ генерал-лейтенанта Галафеева об оказании помощи этой женщине, поскольку она направляется к царю. Конвоирующему вменялось в строжайшую обязанность иметь бдительный надзор за пленницей, «обращаться с нею кротко и ласково и довольствовать ее в пути на отпущенные деньги пищею по возможности лучшою, на ночлегах по прилагаемому открытому листу требовать обывательскую квартиру, если на почтовых станциях не будет для того помещения, ни под каким видом с почтовой дороги в сторону не сворачивать и нигде не останавливаться, кроме ночлегов отдыха…

Если во время дороги женщина эта заболеет, то в то же время ты должен сдать ее в том месте, где есть госпиталь или больница, местному начальству на излечение с тем, чтобы по выздоровлении она была отправлена по назначению» [7].

В июле 1842 г. Малову доставили в столицу и представили императору. Императрица подарила храброй чеченке золотую цепь, усыпанную жемчугом, для ношения на шее. Затем ее обмундировали в мужской костюм и отправили обратно на Кавказ. Начальник штаба генерал-майор Коцебу писал: «Таймасхан Мулова, удостоившаяся быть представленною Госуда-

рю Императору и имевшая счастие получить от Государыни Императрицы драгоценную золотую цепь на шею, по Высочайшему повелению обмундирована в мужской костюм и отправлена на (лист 40 об.) родину, с выдачею прогонов до г. Ставрополя на две почтовые лошади: на путевые же издержки ее Всемилостивейше пожаловано сто рублей серебром» [8].

В октябре 1842 г. корнет князь Дюл Алхасов (кумыкский князь) по поручению начальства доставил Таймасху в Ставрополь. В присланном из Петербурга письме не сообщалось, где именно она должна была содержаться в плену. В ожидании нового приказа начальник Штаба войск Кавказской линии генерал-майор Траскин поручил корнету Алхасову доставить Малову в крепость Грозную. Также начальник Штаба предписывал начальнику Левого фланга генерал-майору Фрейтагу тщательно сторожить ее, чтобы не сбежала в Чечню, пока не будет получено дополнительное сообщение как с ней поступить. В архивных источниках отмечается, что в «октябре месяце корнет князь Дал Алхасов, выпущенный Л.Г. из Кавказско-Горского Полуэскадрона на родину с состоянием по кавалерии, по поручению начальства доставил из С.-Петербурга в Ставрополь означенную чеченку, но куда следует обратить ее, не получено никаких бумаг, а потому женщина эта отправлена в кр. Грозную к начальнику Левого фланга Кавказской линии, дабы она находилась в ведении его впредь, пока будет получено разрешение о ее участи [9].

В сопровождении князя Алхасова Таймасха приехала в крепость Грозную. Девушка стала жить в крепости до особого разрешения, несмотря на то, что ее родное село было совсем неподалеку. К родным ее не пускали.

С петербургской точки зрения казалось, что женщина, принимающая участие в военных действиях, легко может увлечь своим примером пылкую горскую молодежь. В связи с этим генерал-адъютанту Нейдгардту, тифлисскому командиру отдельного кавказского корпуса, было приказано определить Маловой место жительства по своему усмотрению и пристально за ней следить. 28 января 1843 г. начальник Штаба отдельного Кавказского корпуса по Генеральному Штабу генерал-майор Коцебу писал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Гурко, что «Его Императорскому Величеству благоугодно, дабы назначено было ей (Таймасхе) место жительства по ближайшему усмотрению Его Высокопревосходительства, имея за нею постоянный надзор.

По воле господина Корпусного командира сообщая о сем Вашему Превосходительству, имею честь уведомить, что Его Высокопревосходительство предоставляет Вам таковую Высочайшую волю привести в исполнение, избрав Таймасхан Моловой место жительства по Вашему усмотрению». По этому поводу начальник левого фланга Кавказской линии генерал Фрейтаг сообщил, что Малова – уроженка Большой Чечни, где имеет отца и других родственников, и поэтому удобнее было бы поселить ее в кр. Грозной. Но

при этом Фрейтаг отмечал, что «никакой присмотр не удержит ее от побега в Чечню, и поэтому лучше прямо отпустить ее на родину, где своими рассказами об императорской фамилии она принесет нам больше пользы, чем пребыванием в Грозной, которое будет считать для себя наказанием» [10].

Архивные документы также подтверждает ответ начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Фрейтага командующему войсками на Кавказской линии и Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Гурко. 6 марта 1843 Фрейтаг писал: «Ваше Превосходительство, препровождая при предписании от 21 февраля № 605 копий с рапорта командующему войсками на Кавказской линии начальника Штаба отдельного Кавказского корпуса от 28 января № 165, изволили требовать донесения моего, где именно я полагаю удобнейшим назначить место жительства взятой в плен с оружием в руках 15 апреля 1842 чеченской женщине Тамасхан Моловой.

Вашему Превосходительству на предписание это имею честь донести, чеченская женщина Тамасхан Молова – уроженка Большой Чечни, имеет там отца и других родственников; крепость Грозная ближе всех укреплений к месту ее родины, и я полагаю назначить ей здесь место жительства, но при этом должен откровенно доложить Вашему Превосходительству, что Молова никогда не останется на постоянное место жительства в Грозной, никакой присмотр не удержит ее от побега в Чечню, и я полагал бы, не поселяя ее в Грозной, предоставить ей свободное возвращение в Чечню. Тем более, что она из ничтожной фамилии, не имеющей никакого влияния.

Облагодетельственная Государем Императором, она может рассказами в Чечне о Высочайшей Императорской фамилии, более принести нам пользы, чем пребыванием в Грозной, которое она будет считать для себя наказанием» [11].

Нейдгардт, боясь нарушить Высочайшую волю, «чтобы чеченке Тамасхан Моловой назначено было место жительства, где бы за ней мог быть постоянный надзор», оставил ее в кр. Грозной. Здесь Молова жила очень бедно, и не осмеливаясь продать подаренную золотую цепь, она просила разрешения вернуть ее обратно с тем, чтобы ей выдали стоимость подарка. 14 августа 1843 г. начальник левого фланга Фрейгат направил в Тифлис прошение Таймасхи: «Проживающая в крепости Грозной чеченка Таймасхан Молова, взятая в плен с оружием в руках 15-го апреля 1842 года близ урочища Яндырки, получила в подарок от Государыни Императрицы драгоценную золотую цепь с каменьями. Несмотря на бедность, в которой теперь находится, она не желает продать в частные руки подарка этого, а просит исходатайствовать позволения представить его обратно с тем, чтобы ей были выданы с казны деньги, которых стоит цепь эта.

Имею честь донести о сем Вашему Превосходительству покорнейше прошу, в уважение бедности Таймасхан Моловой, исходатайствовать ей до-

зволение представить обратно драгоценную цепь, пожалованную Государынею Императрицею с выдачею вместо оной денег, которых стоит цепь» [12].

В октябре 1843 г. последовало Высочайшее повеление: «...оставив при чеченке Тамасхан Моловой пожалованную ей в минувшем году золотую цепь, выдать этой женщине в единовременное пособие двести рублей серебром», отпустить «…означенных денег из Грузино-Имеретинской казенной палаты...» и «…выслать 200 рублей серебром прямо генерал-майору Фрейтагу, для выдачи Моловой» [13].

Спустя некоторое время Таймасхе разрешили вернуться к отцу в Гехи.

27 марта 1845 года из штаба войск Кавказской линии и Черномории Фрейтагу пришел запрос о дальнейшей судьбе женщины: «...имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением для доклада Г. Временно командующему войсками: где именно имеет место жительство Тамасхан Молова».

24 апреля 1845 г. командующий левым флангом Кавказской линии уведомил: «Таймасхан Малова живет у непокорных родителей своих в Гихах и иногда приезжает в крепость Грозную. В каком же положении она находится, ныне мне того не известно» [14].

Тифлисский листок в 1899 г. отмечает, что на этом, к сожалению, прерывается официальная переписка о чеченской девице-кавалеристке.

К сожалению, об этой легендарной женщине известно немногое, и трудно что-то добавить к этой истории. Тем не менее, Таймасха жила на свете, воевала за свой народ и память о ней никогда не сотрется из истории народа, служению которому она и посвятила свою жизнь.

Список использованных источников и литературы

1. Чеченская девица-кавалерист // Тифлисский листок. № 4. 1899.
2. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 5 с об.
3. Чеченская девица-кавалерист // Тифлисский листок. № 4. 1899.
4. https://leko007.livejournal.com/62020.html
5. Яхъяев Леча. Таймасха Гехинская. Ист. роман. Грозный, 1991. – С. 219.
6. Копия с отношения г-ну корпусному командиру Г. генерал-адъютанта графа Клейнмихеля от 8-го мая 1842 года. № 3285 // РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 10 об.
7. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 21 об., 22.
8. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 40 об.
9. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 38 об.
10. Чеченская девица-кавалерист // Тифлисский листок. № 4. 1899.
11. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 45 об.
12. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 51 об.
13. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 53 об.
14. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 372. Л. 55 об., л. 56.

Дадаев Ю.У.

ОЗДЕМИР (ОЬЗДАМАР).

В 1840 году, когда Чечня полностью подчинилась Шамилю, Оздемир был назначен наибом Мичиковского округа, одновременно исполнял обязанности помощника известного наиба Шуаипа – муллы Центероевского. Оздемир был одним из первых чеченских предводителей, который вместе с Шуаипом, Джавадханом из Дарго, Уллубием из Ауха, Уди-муллой и другими поддержал Шамиля после поражения 1839 года в Ахульго. Со времени имама Газимухаммада, будучи еще совсем юношей, он прославился в Чечне как удалой наездник, храбрец и защитник угнетенных и обиженных царским колониальным режимом. О его храбрости и отваге в чеченских селах слагали песни, молодежь подражала его подвигам и справедливым поступкам.

Следует отметить, что Оздемир активно включился в национально-освободительную борьбу народов Северо-Восточного Кавказа против царских войск на территории Чечни еще раньше. В 1836–1837 годах Оздемир вместе с такими прославленными предводителями, как Домбай, Умахан, Ташав-Хаджи, Уди-мулла из Чечни, Алибек Хунзахский, Газияв Андийский «выступал в качестве самого активного организатора объединения под единым началом и мобилизации дагестанских и чеченских обществ во главе с Шамилем против царских колониальных войск» [1].

В начале 1840 г. Шамиль назначил его начальником пятисот воинов, помощником наиба Шуаипа. Вскоре он стал наибом, проявил себя храбрым и умным командиром и внес большой вклад в подчинение Шамилю всех разных и независимых чеченских обществ. Как отмечается в документах, весной 1840 года под руководством Шамиля и его соратников Шуаипа, Джавадхана, Ташав-Хаджи, Ахверди Магома, Оздемира произошло массовое присоединение к Шамилю предгорных и равнинных чеченских обществ, в том числе Ичкерии, Ауха, Салатавии, где действовал храбрец – наиб Оздемир. Журнал военных действий чеченского отряда царских войск с 18 по 25 апреля 1840 года отмечал: «И.д. (исполняющий должность) кумыкского пристава войсковой старшина Алпатов доносит, что ночью на 16 число (16 апреля) сего месяца хищническая партия под предводительством известного разбойника Оздемира, отправясь в кумыкские владения для грабежа, напала недалеко от деревни Костек на секрет, выставленный от Костековских жителей. Секрет этот сделал по ней залп, и партия возвратилась без всякой добычи» [2].

Весной 1842 года Оздемир был предательски убит.

В рапорте генерал-адъютанта П.Х. Граббе управляющему военным министерством Клейнмихелю от 14 мая 1842 года отмечалось, что «во время

смут в кумыкских владениях, когда Кази-мулла (Гази-мухаммад) возмущал покорных нам горцев, Андреевской деревни (сел. Эндирей нынешнего Хасавюртовского района РД) житель Чагай Акаев бежал в Чечню и поселился на р. Мичик в деревне Карасу. Этот абрек более 10 лет жил в Чечне и в последнее время находился в тесной связи с одним из храбрейших и известнейших чеченских наездников по имени Оздемир, который пользовался доверенностью Шамиля и сделан был им начальником пятисот человек.

Недели две тому назад Чагай Акаев убил сказанного Оздемира, бежал с семейством из Чечни и прибыл в дер. Аксай. Причины, побудившие его к убийству этому, неизвестны; он сам говорил, что хотел тем сделать полезное для нас дело и желал возвратиться на родину. При убийстве Оздемира он снял с него данные им Шамилем знаки отличия» [3].

Как было совершено убийство, документы не сообщают.

Установить точно, как погиб молодой и отважный Оздемир, пока не удалось. Думается, что со временем можно обнаружить и документы.

О том, что Оздемир был настоящий герой, говорит и тот факт, что он был одним из первых, кто был награжден орденами, только что учрежденными Шамилем.

На ордене, которым был награжден Оздемир, была следующая надпись: «Нет Оздемира храбрее, нет сабли его острее».

Второй знак, обозначающий звание того лица, которому он дан, с надписью: «Нет силы без помощи Божьей. Начальник пятисот человек вновь устраиваемого войска».

Третий знак – это тоже орден с надписью: «Храбр и мужественен». Это была первая информация, полученная русскими войсками о введенных Шамилем воинских званиях, отличиях и наградах.

Список использованных источников и литературы

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-е годы XIX века: Сборник документов. Махачкала, 1959. – С. 156.
2. Там же. С.256.
3. Там же. С. 341.

Хожаев Далхан

САФАРОВ ЮСУФ-ХАДЖИ ИЗ АЛДОВ

Раскаленное добела солнце медленно плыло над изнуренной зноем пустыней. Сафар-хаджи лежал на белом горячем песке, судорожно ловя ртом воздух. Слабеющей рукой он взял ручонку рыдавшего возле него мальчика.

– Юсуф, сын мой... Там, в той стороне, наши горы, страна отцов. Обязательно вернись туда, на Родину...

Растирая по лицу слезы, мальчишка смотрел на север. Повсюду, до самого горизонта, сколько охватывал глаз, была пустыня. Мальчик пристально глядел вдаль – туда, где у самой полосы горизонта, расплывающейся в мареве знойного воздуха, виднелись очертания высоких гор.

– Я вернусь туда, дада!..

...Юсуф родился в чеченском ауле БухIан-юрт (Новые Алды). Когда мальчику было пять лет, его отец Сафар отправился вместе с ним в Мекку и Медину для поклонения святыням ислама. В Мекке Сафар умер. Сын, оставшись сиротой на чужбине, попал в крайние обстоятельства. Но мальчику повезло. В Египте с давних времен занимали высокое положение «черкесы» – потомки выходцев с Кавказа – мамлюков. Воспитываясь у знатных

покровителей, он получил прекрасное образование и через несколько лет поступил в Османский корпус, находившийся под началом паши Мухаммеда-Али, где дослужился до чина полковника (миръ-алай).

В 1834 году Юсуф-хаджи Сафаров возвратился на Кавказ.

Под видом татарина он поселился в деревне Бековичи (по правому берегу Терека, напротив Моздока), где занимался воспитанием детей у князя Бековича. О себе Юсуф рассказывал, что его отец долго торговал в Кизляре, потом жил в станице Парабочевской и затем с ним уехал в Константинополь (Стамбул), там Юсуф-хаджи получил свое образование и поступил на службу.

В 1839 году Юсуф оставил Бековичи под тем предлогом, что намерен возвратиться в Константинополь, но вместо этого он отправился за Кубань к черкесам, где внимательно изучал местную обстановку и положение дел. Юсуф представлялся там посланцем турецкого султана. Юсуф-хаджи не только не скрывал, но, напротив, всячески подчеркивал, что он находится в больших сношениях с турецким султаном и египетским пашою, таким способом пытаясь занять лидирующее положение среди народов Закубанья.

В 1840 году Юсуф, находившийся у абадзехов, неоднократно пытался завязать отношения с имамом Чечни и Дагестана Шамилем, посылая ему письма с предложением своих услуг для связи с султаном Абдул-Межидом, египетским пашой Мухаммедом-Али и Ибрагимом. Секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи писал: «...народ неоднократно советовал имаму попросить помощи у этого султана. Но имам не хотел помощи ни от кого, кроме Владетеля всего сотворенного. Но когда к имаму пришло от Хаджи Юсуфа, который был «в черкесах», письмо такого содержания: «Если ты хочешь изложить какое-либо дело султану Абдул-Меджиду, так посылай ко мне», то он склонился к этому» [1].

Весной 1841 года Шамиль направил к Юсуфу-хаджи делегацию во главе со своим учеником Амир-ханом из Чиркея [2]. Посольство имело цель встретиться с султаном.

Шамиль просил поддержать горцев открытием военных действий против России или хотя бы путем дипломатических усилий Турции заставить царские войска уйти с кавказских земель и оставить кавказские народы в покое. Взяв проводником черкесского мухаджира Султан-бека из селения Гехи и еще двух помощников, делегаты в составе Амир-хана, шейха ал-Чиркави, Мусы ал-Балагини и Иджа-хаджи стали пробираться по ночам в Закубанье. Избежав многочисленных опасностей (о послах имама сразу же стало известно царскому командованию), они переправились через реку Кубань, проследовали далее в земли абадзехов и остановились в доме Исмаила-хаджи, у которого и жил Юсуф-хаджи. Юсуфу передали письмо имама, в котором говорилось: «Посылаю к тебе этих доверенных людей для того, чтобы

ты доставил их по месту назначения». Через некоторое время послы двинулись к Черноморскому побережью.

Юсуф, вместо того, чтобы держать цель поездки в строжайшей тайне, при скоплении народа и в местах отдыха посланцев Шамиля стал разглашать содержание письма имама. Пораженный кичливостью и преступной беспечностью Юсуфа, Амир-хан с возмущением запретил ему распространять тайну. Но Юсуф-хаджи не обратил на его слова внимания, грубо ответив, что «здесь не бывает измены и разглашения тайн неверным, как это бывает среди тавлин» [3].

Посланцы имама спустились на морское побережье между царскими крепостями Сухум и Анапа. Юсуф-хаджи вернулся, а посланцы остались на побережье, ожидая посадки на торговое судно из Турции. Однако вся береговая линия русских была на ногах, пытаясь помешать отплытию послов. Неоднократно посланники имама пытались сесть на корабль, отплывающий в Турцию, и всякий раз безуспешно. Несколько турецких кораблей были сожжены и потоплены береговой охраной. Когда Амир-хан с товарищами поняли, что за каждым их шагом следят царские соглядатаи, они решили, что Амир-хан и Муса вернутся обратно, а Шейх и Иджа-хаджи останутся на побережье, чтобы попытать счастья.

Амир-хан и Муса возвратились в абадзехский аул, договорившись между собой о том, что «раз это произошло по вине хаджи Юсуфа, то они возьмут его с собою в обратный путь и убьют по дороге». Вернувшись к Юсуфу, они начали уговаривать его перейти на службу к имаму. Юсуф-хаджи ждал этого и, не заставляя себя долго уговаривать, поехал вместе с ними в Чечню. Амир-хан и Муса, нуждаясь в знающем дорогу Юсуфе, отказались от своего тайного намерения убить его. Преодолевая опасности, которыми кишел обратный путь, скрываясь от царских отрядов и дозоров, спутники медленно пробирались к Чечне. Впоследствии Юсуф, вспоминая приключения по пути в Чечню, говорил: «Разве после этих трудностей может быть какая-либо утеха?» [4].

В ходе общения с Юсуфом неприязнь Амир-хана сменилась удивлением глубиной познаний Юсуфа в различных науках. Позже Амир-хан Чиркеевский, бывший личным секретарем Шамиля, вспоминал: «Хаджи-Юсуф знал многие науки, владел в совершенстве арабским языком и до того был способен ко всему, что не было случая, в котором он не нашелся бы дать полезный совет» [5].

Имеется и другой вариант изложения событий, связанных с прибытием Юсуфа, который существенно отличается от слов Мухаммеда-Тахира. Рассказ был записан в передаче царских чиновников со слов Амир-хана Чиркеевского.

После письма Юсуфа к имаму «Шамиль составил письма к султану и египетскому паше, в которых, описывая несоразмерность сил своих в срав-

нении с русскими, неусыпное ведение с ними войны на защиту мусульманства, просил себе покровительства и помощи.

Письма эти были отправлены с доверенными людьми Шамиля (в числе коих был главным сам Амир-хан). Посланные успели благополучно пробраться через русские владения к абадзехам, нашли там Гаджи-Юсуфа, и он немедленно направился с ними к берегам Черного моря для приискания турецкого судна, на котором мог бы отправить посольство Шамиля в Константинополь. Вскоре Гаджи-Юсуф приискал судно, договорился с хозяином и снарядил шамилевских посланников в путь, отказавшись сам следовать с ними по неизвестной причине; но судно в ту же ночь захвачено было русским большим кораблем, крейсировавшим у берегов, и сожжено. То же самое случилось с другим турецким судном, приисканным Гаджи-Юсуфом, и затем посланные, пробыв на берегу Черного моря около трех месяцев в напрасном ожидании возможности безопасного переезда в Турцию, стали собираться в обратный путь.

Амир-хан, сблизившись во время пребывания у абадзехов с Гаджи-Юсуфом и будучи очарован обширными его сведениями, стал уговаривать его отправиться с ним к Шамилю. Гаджи-Юсуф согласился и последовал за ним. Когда они стали приближаться к Дарго, Гаджи-Юсуф начал беспокоиться о том, что неудача посольства, возбужденного по его вызову, может огорчить имама и дурно повлиять на народ; поэтому он предложил Амир-хану составить подложную бумагу, в виде фирмана от египетского паши, с различными обещаниями, и торжественно возвестить ее народу для ободрения его в войне с русскими, если только имам одобрит эту меру.

Мысль Гаджи-Юсуфа пришлась Амир-хану по сердцу, потому что он также был очень сконфужен неудачей посольства и опасался, дабы она не была отнесена к излишней его осторожности. Так как Гаджи-Юсуф знал хорошо форму бумаг египетского паши и имел все необходимые материалы, то он в дороге же составил грамоту на имя Шамиля и отправил наперед Амир-хана для испрошения позволения имама представиться с тою грамотою. Шамиль одобрил выдумку Гаджи-Юсуфа, и подложная бумага, им составленная, возвещена была с большою торжественностью как в Дарго, так и в других местах, подведомых Шамилю. (По покорному нам Дагестану разнеслась тогда молва, что Гаджи-Юсуф пробрался к Шамилю под видом дервиша и провез бумагу от султана в двойном дне медного кувшина, какие употребляются для омовения)» [6].

На вероятное время приезда Юсуфа в Имамат указывает рапорт начальника Хунзахской цитадели Талышина генерал-майору Клюки фон Клюгенау от 25 июня 1841 года: «Назад тому 4 дня, как от Шамиля был прислан нарочный в Тилитли к Кибит Магоме с бумагами, при коих приложена была также бумага, будто бы полученная Шамилем из Турции от Мамед-Али

паши; последний пишет, что он скоро будет с войском, и этим распускают фальшивые слухи и поддерживают в черни дух народный к возмущению...» [7]. Таким образом, делегация Амир-хана, видимо, выехала в 10-х числах марта 1841 года и вернулась с Юсуфом в середине июня.

Уже позже, в 1856 году, в письме князю Барятинскому Юсуф-хаджи Сафаров, объясняя причину своего появления в Имамате, выдвинул заранее подготовленную легенду о том, что он в 1840 году отправился из Египта на родину в Чечню, в деревню Алды, чтобы взять мать свою и имущество, но «попал в войска Шамиля».

Гаджи-Али Чохский писал о Юсуфе-хаджи: «Он обладал знаниями, не известными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него математике и архитектуре и Гаджи-Юсуф передал мне все свои познания».

За короткое время Юсуф-хаджи стал влиятельным человеком при Шамиле, и многое в Имамате делалось по его совету и с его участием.

Юсуф-хаджи привлек весь свой ум, талант, знания на создание сильного государства, помогая в создании государственных учреждений, реорганизации армии, строительстве крепостей, налаживании дипломатической службы и т. п.

Не зная о той большой роли, которую Юсуф-хаджи Сафаров играл в новых учреждениях, вводимых в Имамате с 1841 года, царские военачальники пытались объяснить их появление тем, что «все эти правила заимствовал Шамиль из арабских книг о военном искусстве и других учреждениях халифов. Предшественники его также заботились о введениях оных, но как по новости учения, так и по непрочности власти своей мало имели успеха» [8].

Никогда не стеснявшийся учиться имам Шамиль впитывал рассказы Юсуфа о государственных учреждениях в Турции и Египте. Пристав Шамиля в Калуге Аполлон Руновский со слов бывшего имама описал празднование байрама в Ведено: «Дорога, по которой шел Шамиль в мечеть и обратно, установлена была живыми шпалерами из мюридов. Это была пародия на церемониал, происходящий в этот день в Константинополе. Подробности его, а также подробности некоторых учреждений в Турции сообщил Шамилю некто Юсуф-хаджи, живший очень долго в столице султана. С его рассказов Шамиль учредил у себя звание мудира и ввел некоторые другие турецкие учреждения» [9].

В мае 1843 года Шамиль, по совету Юсуфа, созвал в Андии съезд. В рапорте военному министру Чернышеву генерал-адъютант Нейдгардт 10 мая 1843 года сообщал: «...Шамиль, собрав всех наибов, старшин и мулл из преданных ему обществ, объявил им, якобы, что по малому с их стороны единодушию и усердию, не видя возможности достигнуть общей их цели, –

освобождения Дагестана от владычества русских, он слагает с себя обязанности главы веры и отказывается от управления дагестанцами, предоставляя каждому действовать по своему усмотрению. Но когда все находившиеся на собрании уверили его, что все его распоряжения и приказания будут исполнены с точностью и усердием, тогда он объявил, что непосредственное наблюдение за беспрекословным исполнением его предначертаний он поручает Ахверды-Магоме и Шуаип-мулле, через которых все наибы и старшины обязываются относиться к нему» [10].

Были объявлены новые положения и низамы, регулирующие различные стороны жизни Имамата и составленные Юсуфом-хаджи.

После съезда в Андии имам назначил Юсуфа-хаджи наибом над частью Малой Чечни в помощь мудиру Ахверды-Магоме. Когда же Ахверды-Магома «получил другое назначение», Малая Чечня была вверена Юсуфу-хаджи, и помощником к нему был назначен Иса Гендергено из Урус-Мартана. Вскоре, однако, Шамиль увидел, что Юсуф не в состоянии управлять столь огромною частью страны, и осенью Малая Чечня была разделена на две части, границей между которыми стала речка Рошни, «впадающая в Сунжу неподалеку от разоренного аула Куллар». Над восточной частью Малой Чечни, расположенной между реками Рошни и Аргун, наибом остался Юсуф-хаджи, западною же частью Малой Чечни, простиравшейся от Рошни до Фортанги, управлял теперь наиб Иса. Южной границей наибства было начало Черных гор, а северной – река Сунжа.

Огромное желание Юсуфа быстро воплотить в жизнь все свои идеи жесткого государственного управления вызвало недовольство чеченцев. Дали о себе знать высокомерие и презрительное отношение к простонародью, укоренившиеся в характере бывшего турецкого чиновника. Стараясь выделиться, Юсуф даже удлинил свое имя и представлялся на турецкий лад – Юсуф-хаджи-Юсуф-заде-оглы. Все это отразилось в характеристике наиба, данной по донесениям лазутчиков генерал-адъютантом Нейдгардтом в его рапорте военному министру генерал-адъютанту Чернышеву от 20 ноября 1843 года: «Впрочем, Юсуф-хаджи на этом участке скорее вреден, чем полезен Шамилю. За короткое время, что он управляет наибством Малой Чечни, разного рода несправедливостями и взятками он успел заслужить ненависть чеченцев, и на него уже несколько раз приносили жалобу Шамилю» [11]. Это же подтвердил много позднее и Амир-хан Чиркеевский: «Вскоре после роспуска собрания в Андии Шамиль назначил его наибом в Гехи (в Чечне), но Гаджи-Юсуф не мог пробыть там долго. Его действия не понравились народу, и потому Шамиль взял его к себе» [12].

Чтобы не обидеть Юсуфа, Шамиль искал повод, не оскорбляющий его достоинство. Знание Юсуфом-хаджи черкесских языков и обычаев, опыт его пребывания среди абадзехов и других закубанских народов повлияли на

решение имама, который в 1843 году послал Юсуфа сопровождать наиба Хаджи-Мухаммеда к абадзехам. Введение Хаджи-Мухаммедом шариата и новых учреждений, в чем ему помогал Юсуф-хаджи, утверждение единоличной власти для более успешной войны против царских войск, горячая поддержка его простым народом быстро вызвали раздражение тех, кто не хотел отдавать бразды правления, – части богатого старшинства, высшего дворянства абадзехов. Высокомерные черты характера Юсуфа еще усиливали недовольство. Через некоторое время Юсуф возвратился в Чечню.

В 20-х числах сентября 1844 года закубанцы послали к Шамилю делегацию из 8 человек. По прибытии своем в начале октября 1844 года в Дарго «посланные закубанцами, в числе коих находился салих (чеченский эфенди. – *Д.Х.*) и сын Исмаила-Хаджи, имели совещание с Шамилем, вследствие которого назначен был к закубанцам наибом Юсуф-Хаджи; но доверенные закубанцев недовольны таким назначением по той причине, что Юсуф-Хаджи, будучи уже один раз с Хаджи-Магометом за Кубанью, несправедливостями своими вооружил против себя народ» [13].

К закубанцам поехал наибом чеченский мулла Сулейман-эфенди Мустафинов. А Юсуф-хаджи вновь занялся укреплением горского государства.

«Юсуф-Гаджи занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях», – писал Гаджи-Али Чохский. По его чертежам и под его руководством были сооружены крепости и укрепления Риси, Ири, Чох, Уллу, Чалда, Харакань, Ведено, Гуниб, Салты, Гергебиль, Шуаиб-капа и др.

Юсуф-хаджи проявил себя и как картограф: известные сейчас карты Имамата были составлены им в период с 1850-го до 1853 года. А.Н. Генко, правда, не принижая общих заслуг Юсуфа, дает невысокую оценку этой сфере его деятельности: «Юсуф как законодатель («низам») и как картограф не возвышается над уровнем посредственности не только с европейской точки зрения». Зато Генко высоко отзывался о работе Юсуфа в области возведения фортификационных сооружений: «Бесспорно, что практически наиболее действенной и непосредственно полезной была его роль военного инженера».

После перенесения столицы Имамата из Дарго, сожженного русскими в 1845 году, в Ведено (Новое Дарго) Юсуф среди прочих сооружений выстроил для себя в Дишни-Ведено большой дом, окруженный частоколом; на одной из арабских карт Чечни он обозначен так: «Это помещение наиба, паломника в Мекку и Медину Хаджи-Юсуфа-чужеземца».

Юсуф-хаджи стал и своего рода министром иностранных дел в Имамате, осуществляя переписку Шамиля с правителями и лидерами других государств и народов.

Уже намного позже, в 1856 году, Юсуф-хаджи, оценивая свою роль в Имамате, писал князю Барятинскому, что он «был у него (Шамиля. – *Д.Х.*)

первым между наибами, устраивал и расширял его владения, сделался известен всем народам горским, и Шамиль ни своим старшинством, ни насилием без посредничества и знания мною военного дела не достигал бы того, что делал со мною...» [14].

Через Юсуфа Сафарова Шамиль и наибы решали и другие проблемы. Так, наиб Данил-бек Елисуйский писал к Юсуфу в июне 1852 года: «Любимому брату и дорогому другу Хаджи Юсуф Эфенди. Да направит тебя Бог на правильный путь. Привет тебе и милости Бога. А затем, податель сего письма Мухаммед Наби Эфенди доставит тебе список книг. Если Богу угодно, ты вместе с письмом отправь Хаджи Ибрагим-беку мои деньги, чтобы он приобрел эти книги в Стамбуле и переслал с доверенным лицом к нам. Еще напиши превосходному Ибрагим-беку, чтобы он подыскал там трех человек искусных мастеров, умеющих лить снаряды, стрелять из пушек, добывать и обрабатывать металл и отправил бы их к нам» [15].

Высокое положение Юсуфа вызвало зависть некоторых наибов. Многократно завистники (и среди них – коварный Данил-бек Елисуйский, в глаза называющий Юсуфа «любимым братом и дорогим другом») наушничали имаму о том, что Юсуф-хаджи доставляет царскому командованию «секретные сведения о положении дел в горах». Имам, несмотря на свою подозрительность, развившуюся в последние годы правления, все же не доверял доносам, требуя неопровержимых доказательств. Вскоре, впрочем, Юсуф, находившийся постоянно под контролем и слежкой интриганов, сам дал повод для расправы над собой.

В 1853 году были начаты военные действия Турции и союзных государств (Великобритании и Франции) против России (Крымская война).

Осенью 1853 года султан Турции Абдул-Межид в письме просит имама Шамиля начать военные наступательные действия против России. Он обращается к Шамилю: «...ты от рождения проникнут благоговением к религии, ты до сих пор праведно воевал за нее по своей воле без всякого вознаграждения, не получая ни от кого помощи, кроме Бога.

Таким образом, ты закалился и приобрел опыт в боях, ты завоевал симпатии всего населения... Я постараюсь также произнести великую славу о твоей храбрости, умении и способности жертвовать жизнью и имуществом ради Аллаха.

Ты получишь от меня, безусловно, великую награду за услуги, не считая того, чем наградит тебя Бог на том свете» [16].

Летом 1854 года войска горцев совершили поход против царских войск в Грузии. Юсуф разработал карты и направления главных ударов по царской укрепленной линии. Складывалась благоприятная обстановка для изгнания царских войск из земель воюющих кавказцев.

Письма, обращения, посольства к имаму Шамилю, возвеличивание его, похвала и обещания всяческих наград и славы, часто подобострастное отношение правителей великих держав к имаму задевали честолюбие Юсуфа-хаджи. Жажда славы, почестей, наград подвела Юсуфа Сафарова, толкнув на безрассудный шаг.

В 1853 году житель Ахалциха Гаджи-Исмаил был направлен к Шамилю с письмами от турецкого султана и с поручением уговорить имама в «довершение своих беспрерывных действий приготовиться к новым схваткам, надеясь на неограниченную» помощь Порты. Когда нарочный отправился в обратный путь, Шамиль передал с ним два письма с приложением перевода русской газеты, «найденной у убитого казака, и чертежного описания земель, обитателей на Кавказе... составленной Гаджи-Юсуфом». (Карта эта, изъятая у задержанного по дороге в Карс Гаджи-Исмаила, была переведена и издана Линевичем в 1872 году.) Гаджи-Исмаил в пути был задержан дважды: царскими кордонами и, ранее, секретными службами Имамата. Поводом к задержанию явилось донесение Шамилю, что Юсуф секретно передал Исмаилу какую-то бумагу сверх врученных ему от имама.

После изъятия ее у Исмаила бумагу принесли к имаму. В письме Юсуф-хаджи сообщал паше, что когда он прибыл к Шамилю, у последнего не было никакого порядка, и все шло, как у людей, незнакомых с требованием правильного строя для управления народом и войском; что он со времени прихода постоянно занят введением во всех частях должного порядка и успел устроить у Шамиля низам и многое другое, о чем в Дагестане не имели понятия.

Вознегодовавшие приближенные Шамиля бросились к дому Юсуфа с намерением убить его, но подавивший свой гнев имам приказал остановить их и велел привести Юсуфа к себе. Тесть и учитель Шамиля Джемал эд-Дин Казикумухский просил Шамиля о пощаде Юсуфа. В присутствии Юсуфа и окружения Шамиля было зачитано тайное послание Юсуфа карскому паше. Юсуф понял, что все кончено. Он стоял, словно окаменевший, не в состоянии вымолвить ни одного слова.

Нарушив мертвую тишину, имам обратился к Юсуфу, сказав ему, что «хотя он вполне заслужил казнь, но в уважение ходатайства Джамалэддина, дарует ему жизнь и ссылает его в Тинди, где приказывает ему жить без всяких ухищрений под опасением лишения жизни» [7].

В селении Акнада («шамилевской Сибири») Юсуф провел в тяжелых условиях несколько лет в кандалах, в темнице. Все имущество Юсуфа было конфисковано.

Суровые условия заключения подорвали здоровье ссыльного наиба. Тягостно тянулись мучительные годы заключения. Отчаявшись, несмотря на все ходатайство за него получить прощение имама, Юсуф решился на

крайний шаг. В 1856 году он бежал из Акнады через общество Чеберлой в крепость Воздвиженскую (Чахкери), а оттуда его переправили с семейством и несколькими родственниками в крепость Грозную, «где был благосклонно принят» 18 июля.

Юсуф просил позволения жить в Малой Чечне в мирных аулах. На донесении о выходе Юсуфа-хаджи император Николай I написал: «Надеюсь, что не будет повторения того, что случилось с Хаджи-Муратом» [18].

Жажда мщения Шамилю владела Юсуфом. «Знаю многое о Шамиле и его войсках, – писал Сафаров князю Барятинскому, – надеюсь быть полезным русскому правительству и ручаюсь уничтожить все сделанное мною у Шамиля, потому что хозяин дома лучше знает, что в нем делается» [19].

Однако через несколько месяцев после бегства в Грозную в 1272 году хиджры (1856 год) Юсуф-хаджи Сафаров скончался. Гаджи-Али пишет, что Юсуф умер через восемь месяцев после прибытия в Грозную; Амир-хан рассказывал, что, по официальной версии, распространенной в Имамате, Юсуф «умер там скоропостижно, в первую же ночь после своего прихода туда».

Так закончилась сложная, противоречивая и трагическая жизнь этого талантливого и замечательного во многих отношениях государственного деятеля Чечни.

Список использованных источников и литературы

1. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля // Труды института востоковедения. 35. – М.-Л., 1941. – С. 41.

2. По другим данным, в 1840 или 1842 году. И все-таки мы склоняемся к 1841 году. Косвенно на время выезда делегации Шамиля указывает рапорт пристава Малой Кабарды Анастасьева начальнику центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому от 9 марта 1841 года: «...Возмутитель Шамиль избрал из числа верноподданных ему чеченцев чеченца по имени Магомеда Кириева, которого посылает на днях с 10 при нем товарищами к закубанцам; сверх того, Шамиль распускает слухи в народе, что сказанный Магомед Кириев оттоль отправился к Ибрагим-паше...» [см.: Движение горцев… с. 303]. По данным Линевича, Юсуф сам говорил, что он приехал в Чечню в 1257 году хиджры, что соответствует 1840–1841 годам, т. е. сам Юсуф мог говорить о 1841 годе.

3. Судя по тому, что пишет Мухаммед-Тахир ал-Карахи, если правда за ним, Юсуф-хаджи не хотел, чтобы делегация Шамиля выехала в Турцию. Дальнейшие события указывают на то, что Юсуф поставил перед собой задачу любым способом вместе с этими послами попасть к имаму.

4. Хроника… С. 147–151.

5. Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. – С. 33.

6. Низам Шамиля… С. 2–4.

7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-е годы XIX века: Сборник документов. – Махачкала, 1959. – С. 306.

8. Движение горцев… С. 358–359.
9. Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989. – С. 166.
10. Движение горцев… С. 390.
11. Движение горцев… С. 408.
12. Низам Шамиля… С. 5–6.
13. Движение горцев… С. 483.
14. Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. / Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 2. – Л., 1933. – С. 32.
15. Движение горцев… С. 614–615.
16. Движение горцев… С. 627–628.
17. Низам Шамиля… С. 6–7.
18. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерала-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. 3. – СПб., 1881. – С. 244.
19. Генко А.Н. ... С. 32–33.

Хожаев Далхан

СОЛТАМУРАД БЕНОЕВСКИЙ
(1807–1878)

Султан-Мурад Беноевский – мазун аула Беной, представитель тайпа беной, один из руководителей восстаний в Чечне 1860–1861, 1863–1865, 1877–1878 годов. В восстании 1877–1878 годах Солтамурад был начальником наибов.

...Шел 1807 год. Продолжались нескончаемые военные столкновения с царскими войсками.

Отряд беноевцев возвращался домой после кровопролитного Ханкальского сражения против русских войск генерала Булгакова, пришедших с огнем и мечом на чеченскую землю. Чеченцы остановились перед одним из подъемов на отдых. Неунывающие горцы смеялись и шутили, вспоминая смешные ситуации из сражения в Ханкале.

Лишь серьезный Солумгири, как всегда, погрузился в думы. Разгоряченного Солумгири обнял подошедший к воинам путник:

– Солумгири! Я принес тебе хорошую новость. У тебя родился сын!

Солумгири выстрелил в воздух и в награду за весть отдал в подарок свой пистолет. Своего первенца он нарёк Солтамурадом.

Солумгири был узденем среднего достатка. В хозяйстве имел несколько быков, верховую лошадь, пару упряжных лошадей. Две небольшие отары паслись в Беное и в местечке рядом с Бачи-Юртом. Всего в его семье было 3 сына и 4 дочери. Самым старшим сыном в семье Солумгири был Солтамурад. Младше Солтамурада на три с половиной года был Муна и на шесть с половиной лет – Ханмурад.

Солтамурад рос серьезным и ответственным ребенком, характером был в отца. Как старший из детей, он рано стал помогать отцу в хозяйстве, смотрел за братьями и сестрами.

Мальчишеских обид не прощал, и хотя не был задирист, но когда вынуждали, дрался до конца, молча, упорно и отчаянно. Очень скоро упрямый мальчишка, которого невозможно было победить, завоевал авторитет среди сверстников.

Когда Солтамураду исполнилось тринадцать лет и беноевский отряд с другими чеченцами выступил к грузинской границе для боев с вторгнувшимися в Чечню русскими войсками, то к ним попытался присоединиться и Солтамурад. Воины, сказав, что он еще мал, не взяли его с собой, но Солтамурад тайно обошел их, и когда отряд был уже далеко от родного селения, вышел к ним навстречу. Воинам пришлось взять его с собой. В бою с царскими войсками Солтамурад получил ружейную рану в левое плечо. Таким был его первый бой.

Солтамурад с детства буквально впитывал в себя предания и рассказы стариков об исламе, истории чеченцев, их происхождении и знаменитых героях. В 19 лет Солтамурад женился. У него родились три сына – Туьршил, Демилха и ТIема.

Со своими братьями Муной и Ханмурадом Солтамурад участвовал в боях чеченцев против войск Ермолова. Солтамурад вместе с другими беноевцами воевал под знаменами имамов Авко из Герменчука и Мухаммеда. Как и другие, восхищался бесстрашием и удалью предводителя Чечни Таймиева Бей-Булата.

Наступило временное перемирие в русско-чеченских отношениях. Но это было лишь затишье перед грозой. С 1828 года в горном Дагестане началось освободительное движение под руководством имама Гази-Мухаммеда из аварского селения Гимры. Весной 1830 года это движение охватило Чечню. Беноевцы, селения которых посещал со своими проповедниками Гази-Мухаммед, были увлечены обаянием нового имама и последовали за ним. Беной стал опорой имама в Чечне.

Шли жестокие сражения с царскими войсками. Сплоченные единым порывом чеченцы и дагестанцы наносили поражения русским, захватывали укрепления. 1 ноября 1831 года конница Гази-Мухаммеда ворвалась в Кизляр и частично сожгла его. Солтамурад был в первых рядах мюридов.

Весной 1832 года под Гудермесом чеченцы в конном бою разбили наголову Гребенский казачий полк. По приказу Гази-Мухаммеда две трофейные царские пушки Байсангур и Солтамурад со своим отрядом увезли в Беной.

В Беное, бывшей опорной базой последователей имамов Шамиля из Гимров, Ташу-Хаджи из Эндери и других, Солтамурад завороженно слушал проповеди тестя Гази-Мухаммеда – шейха Мухаммеда ал-Яраги, просто и доходчиво раскрывающего перед душами правоверных таинства ислама.

Летом и осенью 1832 года войска генерала Розена прошлись по Чечне, оставляя за собой смерть и разрушения. После ожесточенного сопротивления беноевцы отошли в леса. Войска генерала сожгли Беной и другие чеченские селения и ушли в горный Дагестан, преследуя имама Гази-Мухаммеда.

17 октября 1832 года последняя крепость имама – аул Гимры – была взята штурмом, а Гази-Мухаммед геройски погиб. Тяжелораненный Шамиль сумел пробиться через окружение. В январе 1833 года в ауле Гоцатль имамом Дагестана был провозглашен соратник Гази-Мухаммеда – Хамзат-бек.

Другой соратник Гази-Мухаммеда – Ташу-Хаджи Эндерийский – в 1834 году ушел в Чечню. По приезде в Беной он остановился в доме отца Солтамурада – Солумгири, с которым у него завязалась большая дружба. Жители Беноя по достоинству оценили ученость, ум, святость и мужество шейха Ташу-Хаджи. Вскоре у шейха Ташу-Хаджи (ученика шейха Мухаммеда ал-Яраги) появилось много приверженцев и мюридов среди ичкеринских чеченцев. Солумгири и его сыновья прилагали все усилия для выполнения поручений шейха Ташу-Хаджи. Уже в августе 1834 года царское военное командование обратило внимание на деятельность Ташу-Хаджи, который все более распространял свое влияние в Чечне.

19 сентября 1834 года был убит кровниками имам Дагестана Хамзат-бек. Через несколько дней в ауле Гоцатль имамом Дагестана был избран Шамиль. 12–15 июня 1835 года произошли бои между отрядами подполковника Пулло и имамом Чечни Ташу-Хаджи на Аргуне. Солтамурад с другими беноевцами сопровождал Ташу-Хаджи почти во всех походах. В том же году Ташу-Хаджи признал Шамиля имамом и стал его наибом в Чечне.

С февраля 1836 года Солтамурад в составе отряда Ташу-Хаджи участвовал в походе в горный Дагестан, где Шамиль подчинил себе многие селения.

В 20-х числах августа 1836 года генерал Пулло со своим отрядом быстрым маршем прошел до села Зандак. Аул был сожжен после боя. На призыв о помощи сошлись ополченцы из окрестных селений. Подошедшие беноевцы и жители других аулов во главе с Ташу-Хаджи вынудили царский отряд отступить.

В 1837 году, в конце февраля – начале марта, царские войска вновь начали вооруженные набеги на селения Ичкерии. 1 марта у селения Аллерой

произошел бой между отрядом соратника Ташу-Хаджи – Уди-муллы, и войсками генерала Фези. Из Чечни генерал Фези продолжил поход в Дагестан против Шамиля. 7 июля 1837 года у селения Тилитли Шамиль заключил с Фези перемирие. Но перемирие это было недолгим. Уже в августе между ними произошло новое сражение.

В 1837 году состоялось событие, вызвавшее много разговоров в горах. Это был приезд на Кавказ русского царя. 7 октября 1837 года император Николай I прибыл в Тифлис. Посещение Кавказа русским царем предполагало переход к более жестокому и быстрому введению колониальных порядков. Так и получилось. Назначенный 30 ноября командиром Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин по указанию царя начал вводить на территории Чечни русское управление.

В 1838 году траур опустился на мусульман Дагестана и Чечни. Умер святой эфенди Мухаммед ал-Яраги. А в 1839 году, в связи с вводом в плоскостной Чечне русского управления, начались волнения среди равнинных чеченцев.

По поручению своего мюршида Ташу-Хаджи (или, как называли его чеченцы, Воккха-Хьаьжа) Солтамурад, Байсангур и другие ездили по селениям Чечни, призывая людей к газавату.

Одновременно Ташу-Хаджи разрешал тяжбы, возникавшие между жителями Ичкерии. Так, например, разбирая спор беноевцев по поводу желания некоторых разделить урочища между фамилиями, шейх постановил, что урочище Беной-Ведено должно быть в нераздельном пользовании аула, потому что прежде на месте расчищенной поляны был общебеноевский лес.

С тамадой Беноя Байсангуром Солтамурада связывали давняя дружба и родство. На дочери Байсангура МацIа был женат брат Солтамурада Муна. Муна, по рассказам, был физически очень сильным человеком и храбрым воином. В схватках с царскими войсками он был ранен 12 раз. Первая его жена умерла от болезни. Умер и их 3-летний сын. Во второй раз Муна женился в начале 40-х годов на дочери Байсангура.

Рассказывают, что перед этим Муна совершил подвиг. На хребте Энгана-Дукъ расположились лагерем царские войска, шедшие на Беной. В этот день Муна, подкравшись к белой палатке царского полковника, поджег ее, и когда полковник выскочил оттуда, Муна застрелил его из пистолета, прыгнул к склону и покатился с обрыва. Сопровождаемый выстрелами, которые, за исключением нескольких неопасных ран, не принесли ему особого вреда, Муна спасся в лесу. После этого подвига он и женился на дочери Байсангура. МацIа умерла в 1862 году. От нее у Муны было три сына – Гарда, Гарби, Джаби, и дочь Забанат.

Солтамурад в Беное пользовался не меньшим влиянием и авторитетом, чем Байсангур. Рассказывают, что когда нужно было назначить наиба Беноя,

то Солтамурад обратился с просьбой к Байсангуру принять на себя эту должность, так как Солтамурад и другие не видели на это место более подходящего, болевшего за общее дело человека. Байсангур, отказавшись от должности, напротив, предложил стать наибом Солтамураду. Но Солтамурад возразил, сказав, что он не доверяет до конца Шамилю. Байсангур заметил: «А что же ты мне предлагаешь стать наибом человека, которому не доверяешь?» Разговор перевели в шутку, и должность наиба опять осталась незанятой.

Уже во всех округах и обществах были назначены наибы, и лишь Беной оставался без наиба. Поэтому почетные люди всех аулов выражали лидерам беноевцев свое недовольство. Солтамурад организовал собрание беноевцев, на котором предложил избрать наибом Байсангура.

Советуясь с собравшимися в мечети людьми, Солтамурад сказал:

– Как бы там ни было, чеченцы избрали Шамиля имамом. Во всех аулах уже поставлены наибы, только наше селение осталось без наиба. Мы посоветовались и решили избрать наибом Байсангура. Хорошо было бы, если бы все высказались по этому поводу.

Люди поддержали его. Тут же делегация беноевцев направилась к Шамилю в Дарго с просьбой назначить наибом беноевского общества Байсангура, сына Баьршкхи, а его помощником – Солтамурада, сына Солумгири. С тех пор бессменным наибом Беноя был Байсангур, а мазуном – Солтамурад. Люди не ошиблись в своих руководителях.

Как и все наибы, Байсангур и Солтамурад дали обет (тоба) на верность имаму Шамилю. Солтамурад организовал внутреннюю жизнь беноевских селений и хуторов, занимался внедрением дисциплины, обустройством и вооружением муртазеков и ополчения, исполнением приказов наиба, исполнением шариата и низамов и т. д. Беноевцы самоотверженно и бескорыстно участвовали во всех начинаниях имама, не задумываясь отдавали жизни за свободу. Жители Беноя были на самых опасных участках сражений, погибали, не требуя для себя наград и богатств. Терпя нужду и лишения, беноевцы отдавали в войска Шамиля лучших воинов, сами, без помощи мюридов имама, защищали свои селения от царских войск.

В 1840 году Шамиль вновь снял с должности наиба Ауха шейха Ташу-Хаджи, на долгое время отдалив его от дел. Солтамурад, как и многие другие беноевцы, являлся приверженцем шейха Ташу-Хаджи. Он часто слышал от Ташу-Хаджи нелицеприятные оценки, которыми тот в беседах характеризовал Шамиля.

Имам Шамиль медленно, но все более отдалял от себя Ташу-Хаджи. Многие люди объясняли это тем, что Шамиль считал Ташу-Хаджи конкурентом в борьбе за имамскую должность. На это влияли, по-видимому, и интриги, которые сразу же начали плести завистники из окружения имама и наиба. Назначение весной 1840 года такого видного деятеля, как Ташу-Хаджи, на

должность простого наиба Ауховского округа уже говорило о многом. Последовавшие вслед за этим несколько открытых ссор с имамом и неподчинение приказам Шамиля вызвали скорое отстранение Ташу-Хаджи от должности наиба. Осенью он был заменен Булатом-Мирзой. Несмотря на большой авторитет имама Шамиля, снятие с должности шейха Ташу-Хаджи вызвало недовольство среди многих чеченцев. Одна за другой к имаму потянулись делегации, пытавшиеся примирить Шамиля и Ташу-Хаджи. В составе этих делегаций были Солтамурад и Байсангур, их друзья наиб Шоаип-мулла из Центороя, шейх Геза-Хаджи из Симсира, а также другие. Искреннее сожаление о том, что он явился жертвой клеветников и завистников, выражал в своих письмах к имаму и сам шейх Ташу-Хаджи. В походах и государственных заботах имам затянул примирение с Ташу-Хаджи из Саясана, но под давлением народа все же был вынужден вновь сблизиться с влиятельным среди чеченцев шейхом. Примирение это было окончательным, и Ташу-Хаджи завершил жизнь верным сподвижником Шамиля.

В мае 1842 года 500 чеченских всадников под командованием наиба Малой Чечни Ахверды Магомы вместе с Шамилем ушли в Дагестан в поход на Кази-Кумух, а в Чечню, спеша использовать отсутствие имама, двинулись войска генерала Граббе. В конце мая состоялось знаменитое Ичкеринское сражение и разгром генерала Граббе. В этом сражении огромную роль сыграли беноевские ополченцы во главе с Байсангуром и Солтамурадом. Солтамурад и его брат Муна в рукопашных схватках с царскими солдатами получили тяжелые ранения. Однако враг был побежден и изгнан, и ничто не могло омрачить радость этой победы.

В 1843 году умер шейх Ташу-Хаджи. С большими почестями он был похоронен в селе Саясан. Этот год был особо траурным для Солтамурада. Умер и его отец Солумгири.

В том же году триумфальное шествие войск Шамиля завершилось освобождением большей части Чечни и Дагестана от царских войск, разрушением царских укреплений, пленением солдат и офицеров и взятием многочисленных трофеев.

Но уже сказывалась усталость горцев от войны. Тяжело внедрялись в Чечне и новые низамы имама. Так, весной 1843 года восстали некоторые селения Чеберлоя, отказавшись подчиниться шариату. Ни увещевания, ни угрозы имама не помогли. Тогда в дело вступили отряды дагестанских наибов с артиллерией. Восстание было жестоко подавлено. В Чечне большинство народа восприняло наказание как должное. Но брожение в народе не прекращалось. В этом же году, летом, умер от раны один из верных сподвижников Шамиля – мудир Ахверды Магома.

Не успели в Имамате отпраздновать великие победы и начать устраивать внутреннюю жизнь по шариату, как сопротивление нововведениям

вылилось в новую трагедию. В начале марта 1844 года погиб Шоаип-мулла Центороевский.

Шоаип был другом Байсангура и Солтамурада. Они оба сильно переживали его гибель и считали его убийство коварством врагов. Шамиль жестоко отомстил убийцам Шоаипа. Несколько десятков мужчин были казнены. Окрестные селения не вмешивались в наказание. Но когда Байсангур и Солтамурад узнали о том, что убитые исчисляются десятками, они вместе поехали к имаму с просьбой прекратить побоище. Имам приказал остановить казни.

В апреле и мае 1845 года в горах появились слухи о готовящемся большом наступлении царских войск под руководством нового наместника Воронцова. Привычка чеченцев к постоянным тревогам смягчала беспокойство людей, но Байсангур и Солтамурад отдали распоряжения о заготовке продовольствия и фуража, боеприпасов, а также о ремонте в окрестных лесах и горах военных баз и убежищ. Солтамурад уделял также большое внимание обучению воинскому искусству молодого пополнения. Беноевские мастера ремонтировали ружья и пистолеты, ковали новые булатные кинжалы и шашки, готовили порох и отливали медные пули.

В то же время среди некоторой части населения Чечни начали распространяться упаднические настроения. Байсангур и Солтамурад отлично понимали, что такие настроения провоцируют царские агенты, паникеры и трусы. Однако эти лазутчики умело пользовались усталостью народа, растущим неверием в победу над русскими, постоянной угрозой царских вторжений, угрозой голода и холода. Но самым главным фактором недовольства людей было взяточничество, несправедливость некоторых наибов, судей, мулл и других представителей шариатской власти имама. Многие высказали недовольство самим имамом, по их мнению якобы поощрявшим мздоимство; среди чеченцев его с недовольством называли «падишахом» (царем). В народе шло брожение.

Беноевцы же во главе с Байсангуром и Солтамурадом, понимая, что раздоры в народе и отход от Шамиля приведут к общему поражению, стояли прочно на позициях борьбы за независимость Родины и религии.

В Беной в один из весенних дней пришла весть о том, что делегация от некоторых плоскостных аулов пришла в столицу Шамиля с просьбой или защитить их аулы от непрекращающихся русских набегов и разорений, или позволить им заключить с царским военным командованием мир.

Байсангур, вызвав Солтамурада, приказал срочно объявить сбор муртазеков и мюридов, а также привести в боевую готовность ополчение. С беноевским отрядом наиб и мазун двинулись к Дарго, чтобы поддержать имама.

К Дарго прибывали наибы с отрядами и толпы народа. ...Имам молился трое суток в мечети. На третий день он вышел оттуда изможденный и с

именем Аллаха приказал палачу наказать ста ударами палок того, кто посмел ему сказать о примирении с русскими, а значит, о покорении. Это была его старая мать Баху-Меседу. Толпы людей застыли, пораженные решением имама. Палач нанес несколько ударов старушке, которая упала без сознания. Остальные девяносто восемь ударов принял на себя сам имам, так как он был сыном этой женщины. После истязания, встав как ни в чем не бывало, Шамиль приказал отпустить делегатов.

Народ был несказанно поражен увиденным. Весть о решении имама, не пожалевшего ради независимости и ислама ни себя, ни даже собственную мать, была настолько шокирующей, что люди все более утверждались в мысли, что Шамиль – святой. Авторитет Шамиля среди впечатлительных чеченцев возрос многократно. Во имя справедливости и честности своих вождей народ был готов терпеть голод, лишения, холод, идти на смерть. Виденное поразило Солтамурада и отбросило все сомнения. Он преисполнился уважением к Шамилю.

В начале июня в горах молниеносно разлетелась весть о вторжении со всех сторон в пределы Имамата бесчисленных царских войск.

3 июня в Беное было получено приказание прибыть 4 июня на сбор наибов в село Алмак. На совет собрались все наибы Чечни и Дагестана. Имам поклялся, что убьет или зашьет рот тому, кто будет просить его заключить мир с русскими. Наибы все дали клятву, что будут сражаться. Имам с дагестанскими наибами остался в Дагестане, а воодушевленные чеченские наибы вернулись домой и начали подготовку к встрече царских войск.

Вести из Дагестана приходили неутешительные. Царские войска продвигались все дальше в горы, несмотря даже на мороз и выпавший внезапно снег. 13-го числа дагестанские войска Шамиля были разбиты в Андии и разбежались. Расстроенный Шамиль, оставшись с десятком товарищей, ушел в Чеберлой (Чечня).

Недобрая весть облетела Чечню. Перед лицом смертельной опасности, не сговариваясь, некоторые чеченские наибы, религиозные и общественные авторитеты съехались в Дарго. Байсангур и Солтамурад из Беноя, Геза-шейх из Симсира, Суаиб-мулла из Эрсеноя, Элдар Ичкеринский, Хатат из Дарго и другие составили письмо к имаму Шамилю, в котором просили его вернуться в Дарго и возглавить сопротивление. Чеченские вожди писали: «Мы и наши жены клянемся умереть за тебя и будем служить тебе не так, как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь».

15 июня Шамиль получил это письмо и, успокоившись, вернулся на позиции, рассылая по Дагестану письма с призывом к сбору ополчения. К 18 июня дагестанские наибы и их ополчения вновь собрались на горе Азал в Андии.

Через несколько дней имам, оставив на позициях дагестанские войска, вернулся в Чечню, в Дарго, где находились чеченские наибы.

Наибы искренне обрадовались приезду имама Шамиля. Шамиль заверил их в том, что останется у них, и поклялся на Коране, что он не заключит с русскими мир. Такую же клятву дали наибы и их ополчение. Главнокомандующим чеченскими войсками был назначен Суаиб-мулла Эрсеноевский. Чеченцы начали рубить завалы на лесной дороге из Андии в Дарго.

6 июля русские войска под руководством главнокомандующего М.С. Воронцова двинулись на столицу Имамата Дарго.

Байсангур с отрядом муртазеков ушел в Дарго. Солтамурад был оставлен в Беное для сбора ополчения и укрепления аула. 500 ополченцев из Беноя, среди которых были женщины и даже подростки, приняли участие в сражении против армии Воронцова под Дарго. Бои продолжались до 20 июля. От полного уничтожения войска Воронцова спас подошедший на помощь отряд генерала Фрейтага.

Чеченцы одержали историческую победу. Байсангур потерял в этом сражении руку, героически погибли командир беноевской сотни Рамзин Ада и кадий Беноя Джонха. Тяжело раненый Солтамурад до конца оставался на поле боя.

За мужество и храбрость при разгроме царских войск Имам наградил Байсангура и Солтамурада орденами.

Байсангур был надолго выведен из строя. Обрубок левой руки долго не заживал. Всю наибскую деятельность выполнял скоро вставший на ноги Солтамурад.

В апреле 1846 года войска Имамата ушли в дальний поход в Кабарду. Солтамурад и Байсангур в этом походе не участвовали, оставаясь в Беное, но отправили несколько десятков воинов с командиром. После победоносного стремительного марша войска вернулись домой, произведя среди царского командования переполох. Выздоровевший Байсангур вновь возглавил Беноевское наибство.

В 1847 году при защите дагестанского аула Гергебиль был взят в плен раненый, потерявший сознание Байсангур. Эта леденящая весть пришла в Беной одновременно с известием о том, что русские врачи ампутировали Байсангуру ногу. Солтамурад со своими братьями, братом Байсангура Бирой и беноевскими муртазеками напали на отряд, перевозивший Байсангура в крепость Грозную, и отбили искалеченного наиба. Одноглазый, однорукий и теперь уже одноногий Байсангур был освобожден из плена и вскоре, залечив раны, вновь сел на коня.

В конце мая 1854 года во главе беноевского отряда муртазеков Солтамурад принял участие в походе на Грузию, откуда вернулся с тяжелым

чувством, недовольный тем, что чеченцам пришлось участвовать в пленении в Цинандали женщин и детей из имения князей Чавчавадзе. Солтамурад с презрением и отвращением смотрел на учиненный в Грузии грабеж. Он был воин, защищающий свободу Отечества, а не мародер, богатеющий за счет войны. Свое недовольство Солтамурад высказал открыто сыну Шамиля Гази-Мухаммеду, командовавшему походом.

После пленения Шамиля в 1859 году Солтамурад вместе с Байсангуром и непокорными беноевцами продолжали борьбу, в которую постепенно включались и другие районы Чечни. Борьба эта, то затухая, то разгораясь вновь, продолжалась до 1878 года.

В декабре 1861 года, во время Аргунского восстания, раненый Солтамурад попал в плен, но сумел бежать. Вернувшись домой, он ушел в беноевские леса и стал абреком.

Братья Солтамурада, Муна и Ханмурад, с семьями выселенные из Беноя, жили в Урус-Мартане. Но уже через год Муна убил в городе одного начальника, речь которого изобиловала оскорблениями в адрес чеченцев. Бросившись в реку Сунжу, Муна сумел спастись и в наступивших сумерках пробрался домой. Но павшее на него подозрение вынудило его с братом и семьями бежать в Беной, в лесах и пещерах которого они скрывались и стали абреками под началом старшего брата Солтамурада.

Когда царские власти, опасаясь новых восстаний, стали агитировать чеченцев переселяться к единоверцам в Турцию, Солтамурад сумел удержать беноевцев от опрометчивого шага. Урусмартановские беноевцы, уже начавшие было по примеру гехинских (малочеченских) и карабулакских чеченцев готовиться к переселению, после переданных им слов Солтамурада отложили сборы. «Настоящие мужчины умирают, защищая Родину, а не спасаются бегством на чужбине. Если начнут переселять силой, будем сопротивляться и умрем все до последнего человека на нашей родной земле», – передавали друг другу слова Солтамурада.

В марте 1878 года было потоплено в крови восстание чеченцев под предводительством имама Алибека-хаджи Алдамова. 70-летний Солтамурад был главнокомандующим повстанческой армией. Поверив обещаниям начальника Терской области генерала Лорис-Меликова о помиловании сложившим оружие, Алибек-хаджи, пытаясь спасти жизни своих соратников и их семей, принял решение выйти к русским.

Солтамурад отлично знал цену этим обещаниям, но не смог предотвратить сдачу имама и его наибов в руки врагов. Для него их плен был большим ударом.

Вместе с наибом Сулейманом из Центороя Солтамурад скрывался в беноевских лесах. С ними были и их семьи. Получив известие об аресте руко-

водителей восстания, Солтамурад через своих близких распространил слух о том, что он вместе с Сулейманом ушел в Турцию. На самом деле Солтамурад продолжал скрываться в Чечне. Секретарь Алибека-хаджи Расу писал: «Нужно заметить, что стоявший во главе этих наибов Солтамурад, сын Сулумгири из Беноя, не примирился с русскими и не пошел к ним. Никому, кроме своих родственников, не давая знать, где он находится, будучи все время в бегах, так и не примирившись, он заболел и умер и с очень большими почестями был похоронен на беноевском кладбище».

70-летний Солтамурад, живший в нелегких условиях в лесу, зимой сильно заболел. Родные отвезли его в селение Мелч-хи, поближе к целебным водам.

Солтамурад умирал молча, без страха и стонов. В его воспаленном мозгу проносились прошедшие годы бесконечной жестокой борьбы за независимость, сражения и битвы, горе и страдания. Перед его взором из тьмы возникали то шейх Ташу-Хаджи, то обезображенный Байсангур, то имам Шамиль, Ума-хаджи и Алибек-хаджи. Они молча смотрели на Солтамурада. И тут Солтамурад, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, оглянулся. Это был его отец Солумгири. Солумгири строго посмотрел на сына и произнес:

– Что разлегся? Вставай и прими газават!

Сердце Солтамурада гулко забилось. Он вскочил с постели, машинально схватив со стены клинок. «Я Аллах!» – были его последние слова...

Весть о смерти Солтамурада мгновенно разлетелась по окрестностям, дошла она и до царских властей.

По преданию, спешно прибывший царский отряд окружил Мелч-хи (Исти-су). Уважив славу мужественного чеченца, царский генерал приказал положить тело Солтамурада на могилу святого Асандра, где продержал его трое суток. Затем наместник разрешил его похоронить. Родные отвезли Солтамурада в Беной, где похоронили с большими почестями.

Через три года было найдено письменное завещание Солтамурада, где он просил похоронить его на фамильном кладбище. Тело Солтамурада вырыли и перезахоронили на том кладбище, которое он указал, на повороте от Беноя в Гуьржийн-мохк.

Такова была славная судьба несгибаемого борца за свободу Чечни Солтамурада Беноевского.

Дадаев Ю.У.

СУХАИБ (ИЗ АРСЕНОЯ)

Сухаиб (СоиIп-Молла) наибствовал в Чечне и столице Имамата – Дарго. В источниках встречается и под именем Суаиб. Родился в селении Арсеной, был известен как ученый, работал муллой в родном селении.

В 1842 году Сухаиб стал помощником наиба, после – мудира Большой Чечни Джавадхана. После смерти Джавадхана в июле 1842 года в сражениях с русскими войсками, вторгшимися в Ичкерию под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Граббе, стал наибом Большой Чечни. С марта 1844 года был мудиром Восточной Чечни. Летом 1845 г. погиб в ходе известных сражений при преследовании русских войск под командованием М.С. Воронцова, отступавших из Дарго.

Суаиб (или Сухайиб, Суаиб-мулла) – выходец из селения Эрсеной, был высокообразованным человеком для того времени, работал муллой и одновременно преподавал мусульманское право, арабский язык и другие дисциплины в местном медресе.

В молодости он был учеником и последователем первого имама – Газимухаммада, учился в одно время в дагестанских аулах Чиркей и Хварши у знаменитых ученых.

В 1842 г. Суаиб работал в качестве мазуна наиба Джавадхана из Дарго. Летом 1842 года он отличился в сражении с царскими войсками под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Граббе. Войска Граббе были тогда разгромлены чеченцами в лесах Ичкерии. В ходе одного сражения геройски погиб Джавадхан, и на его место наибом Большой Чечни Шамиль назначил Суаиба. С марта 1844 года, после убийства знаменитого Шуаиба, он стал мудиром Восточной Чечни. Характеристика, данная Суаибу в русских документах того времени (рапорт генерал-адъютанта Нейдгардта генерал-адъютанту Чернышеву об управлении, введенном Шамилем в Чечне от 20 ноября 1843 года), является неверной. В этом документе Нейдгардт писал: «Чеченцы мало уважают Суаиба, они считают его за человека со слабым характером и не имеющим никаких военных способностей» [1].

А полевые материалы показывают, что Суаиб был высокообразованным и милосердным, богобоязненным, в то же время храбрым и авторитетным человеком. Он пользовался большим уважением среди народа, его высоко ценили Шамиль и его сподвижники.

Суаиб проявил себя как талантливый и бесстрашный командир, особенно летом 1845 года в сражении с царскими войсками под командованием графа М.С. Воронцова, вторгшимися в Горный Дагестан и Чечню с целью уничтожить Шамиля, окончательно разрушить государство горцев. Много-

тысячная армия Воронцова была тогда разгромлена, жалкие остатки войска еле добрались до Герзель-Аула, а Воронцов чудом избежал плена. В этом сражении в июле 1845 года отважно сражался наиб Суаиб.

В чеченской народной песне, записанной автором в 1992 году в селении Саясан Ножай-Юртовского района Чечни, есть такие строки, воспевающие мужество и храбрость Суаиба:

Отважный храбрец и ученый Сухаиб
Впереди своих бойцов сражался,
Жизнь свою за свободу и родную землю отдал,
Храбрость и мужество потомкам навеки завещал.

В поэме Абдурахмана-Хаджи Согратлинского, посвященной победе горцев над царскими войсками в 1845 году, в память тех, которые пали смертью праведников, есть такие строки:

Люди несправедливости оказались в вечном сокрушении.
Разве в чаще лесов ты не видел эти сокрушения?
Трупы их опозорены, одежды их захвачены с помощью и
по решению владыки прямых путей.
Взоры их остекленели от страха и ужаса, когда распространилось
и вышло за пределы противоположное их желаниям.
Благодарите Хитина и просите от милости его сотоварищей,
ибо в раю они направляются к самому высокому месту стояния.
Помни Сухаиба (Суаиба) с его последователями –
нашими молодцами.
Вот они воевали, и поэтому отправились в райские сады [2].

Список использованных источников и литературы

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-е годы XIX века: Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 408.

2. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля // Труды института востоковедения. 35. М.-Л., 1941. С. 31.

Дадаев Ю.У.

ТАЛХИГ (ТIЕЛХАГ) ШАЛИНСКИЙ

Талхиг – мудир Большой Чечни. Его называли Талхигом Шалинским или Талхигом Аргунским. Первоначально Талхиг был наибом части Большой Чечни (за исключением мест, лежащих у подножия Черных гор), назначенным на место Сухаиба, погибшего в июле 1845 г. во время преследования чеченскими наибами царских войск под командованием М.С. Воронцова из Дарго в Герзель-Аул.

Талхиг был одаренным полководцем, храбрым и мужественным предводителем чеченцев еще с молодости, изобретателем разнообразных военных методов борьбы с противником, который сумел довести до совершенства тактику рассыпного строя, применявшуюся горцами. Шамиль высоко ценил его способности как военного стратега и тактика горной войны со значительно превосходящим в численности и хорошо обученным, прекрасно вооруженным противником в лице опытной и самой лучшей в Европе профессиональной российской армии.

Талхиг был одним из первых организаторов и создателей нового рода войск в Имамате – артиллерии. Он был прирожденным артиллеристом и первым начал применять так называемые «кочующие» батареи, которые держали под огнем русские войска и днем, и ночью» [1].

Как показывают документы, Талхиг во второй половине 40-х годов был инициатором или автором многих новшеств, появившихся в вооруженных силах Имамата, и прежде всего, в артиллерии. Его по праву считали начальником артиллерии Имамата. Во время экспедиций в Чечню войска противника больше всего страдали от артиллерийских батарей Талхига, часто не имели возможности разводить по ночам огонь, чтобы не стать удобной мишенью для горской артиллерии. Он и его воины широко использовали трофейные крепостные и горные легкие орудия, а также пушки, отлитые в самом Имамате. В 1854 г. в своем письме Шамилю и членам Государственного Совета Имамата Талхиг сообщал о применении им артиллерии против отряда милиции и одержанной победе. Он писал: «Мы выступили, нацелившись на удачный набег, в поисках удобного места... мы встретились с врагами из Чеченской равнины, произошел между нами сильный бой, продолжавшийся до заката. Когда мы не могли их сломить и победить окончательно, мы послали людей домой за длинным ружьем (крепостное орудие), и чтобы доставили к нам известное орудие (полевое орудие, переданное Шамилем наибу Талхигу). Посланные быстро возвратились, и мы стали наносить удары до тех пор, пока они не ослабли, не потерпели поражение и не стали просить у нас отпустить самих живыми, обязуясь перед нами отдать все трофеи, имеющиеся у них... мы двинулись на них и вступили с ними в бой. Клянусь Аллахом, не уцелел ни один из них: либо был убит, либо ограблен, либо пленен» [2].

В октябре 1845 г. на съезде Имамата, состоявшемся в селении Алмак Салатавии, наиб Талхиг был назначен мудиром Большой Чечни. О том, что уже в 1846 г. Талхиг был мудиром, говорит и письмо, адресованное им известному наибу Дубе, наибство которого входило в состав его мудирства (т.е. Большой Чечни). Так, в письме (май–июнь 1846 г.) наибу Дубе говорится: «А затем – явись с войском конных, включая жителей вилайета Шубут, в следующую пятницу в местечко Шали до наступления вечерней молитвы» [3].

Приказной тон письма показывает, что такие полномочия могли быть только у Шамиля, или его заместителя, или мудира. После упразднения в 1852 г. мудирств Талхиг оставался наибом Большой Чечни. После разделения Большой Чечни в 1846 г. на три наибства – Сунженское, Мичиковское и Аргунское – Талхиг возглавлял Аргунское наибство и жил в селении Сержихутор. Об этом свидетельствуют многие исторические документы, среди которых, например, письмо Шамиля наибам Талхигу, Эски, Хати (в документе Хази), Гаирбеку о наведении порядка в наибствах, устранении нарушений шариата, написанное в декабре 1852 года [4]. В 1846 г. он был назначен Шамилем мудиром Большой Чечни. Абдурахман писал о Талхиге как о самом справедливом наибе, который «совершил известные вылазки и смелые походы». По возвращении старшего сына Шамиля Джамалудина из России, где

он долгие годы (1839–1854) жил, будучи заложником, Шамиль женил его на дочери Талхига. Этим браком имам хотел упрочить свои позиции в Чечне. Талхиг же «стремился удержать своих чеченцев от смут и обуздать предателей и других зловредных людей, которые плели в наибстве интриги» [5].

Абдурахман писал: «Шамиль хотел этим породниться с ним, чтобы тот искренне служил ему в Чечне против русских крепостей. Сердце Джамалудина не лежало к жене. Захотел он развестись и жениться на дочери Даниала, так как ему не нравились обычаи чеченцев» [6].

Далее Абдурахман объясняет суть чеченских обычаев: «Когда он заикнулся о разводе своему отцу, тот не согласился и сказал: «Если у тебя сердце не лежит к жене, мы поженим тебя на той, которую захочешь, а дочь наиба Талхига пусть будет с тобой потому, что после развода сердце ее отца будет разбито, а для нашего управления это принесет вред, о котором ты не знаешь». Поэтому долгое время дочь Талхига оставалась у Джамалудина.

Однажды она отправилась к своему отцу повидаться и задержалась там более месяца. А Джамалудин написал ей тайком от имама письмо, в котором требовал, чтобы она оставалась в доме отца, так как она разведена. Когда имам узнал об этом, он ничего не сказал ему [7].

Талхиг был надежным помощником Шамиля в Чечне. На его долю выпали не только удачи, но немало поражений. Он видел, что неравная борьба между Имаматом и огромной империей приближается к своему финалу, что силы горцев с каждым днем иссякают, как вода в знойной пустыне. В то же время он отвергал все тайные предложения, поступающие к нему, о добровольном переходе на сторону русского командования, и отвечал, что будет поддерживать Шамиля и его соратников до тех пор, пока в Чечне и Дагестане народы не приобретут свободу и независимость.

С начала 50-х годов XIX в., когда Имамат постепенно начал терять свои территории в Чечне, Талхигу приходилось особенно тяжело. Так, к примеру, в ходе зимней экспедиции царских войск в 1852 г. под командованием Барятинского в Большой Чечне были уничтожены расположенные вдоль реки Хулхулау аулы Автуры, Гельдигень, 10 января началось истребление аулов Большой Чечни, расположенных в предгорьях между Аргуном и Джалкой. Во второй половине января уже в Малой Чечне были истреблены аулы вдоль рек Рошни и Гойте. С января по март 1852 г. Барятинский уничтожил в Малой и Большой Чечне десятки аулов и хуторов. 27 марта был истреблен аул Талхига. «Сам наиб успел спастись, но значок его и принадлежащее ему домашнее имущество остались в руках победителей, – писал 2 апреля 1852 г. М.С. Воронцев А.П. Ермолову, – в их же руки попали и две пушки наиба Талхига» [8].

Видя бесперспективность дальнейшего сопротивления в 1859 г. Талхиг перешел на сторону царских войск. Похоронен в с. Шали. Он является автором летописи на арабском языке.

Список использованных источников и литературы

1. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. – М., 2005. – С. 272.
2. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. – Махачкала. 2002. – С. 111.
3. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – Москва, 2001. – С. 53–54.
4. Там же. С. 120–123.
5. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – Москва, 2001. – С. 20.
6. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала, 1997. – С. 66.
7. Абдурахман из Газикумуха. С. 67.
8. Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 445.

Акаев В.Х.

ТАШУ-ХАДЖИ САЯСАНОВСКИЙ
(1794–1843/1844)

Ташу-Хаджи – высокочтимый шейх тариката накшбандийа, активный участник движения мюридизма, которое распространялось среди чеченцев в 30–40-ые годы XIX века. В чеченском народе он именуется Воккха-Хьаьжа (Большой-Хаджи). Является уроженцем древнего населенного пункта Эндерей-аула, который имел смешанное население. Родился Ташу-Хаджи в 1794 году. Как сообщает исторический источник, в селении Эндирей-аул проживали ногайцы, гуены (гуной), салатавцы, ауховцы. Каждый из них составлял свой квартал [1]. Таким образом, в Эндерее всего было 4 квартала, два квартала, как видно из текста, составляли чеченцы.

Историки считают, что Ташу-Хаджи по происхождению является кумыком, однако доктор исторических наук М.Р. Магомедов считал его чеченцем, родившимся на Мичиге. Эти позицию отрицает А.Б. Закс, которая многие годы вела исследования о его жизни и деятельности, преодолевая различные препоны, защитила в 1946 году диссертацию на тему «Ташу-Хаджи – сподвижник Шамиля и чеченское восстание 1840 года». Личный секретарь Шамиля Гаджи-Али пишет, что «Ташу-Хаджи – чеченский ученый и друг Шамиля» [2]. Он учился у Саида Аранскского и Мухаммада Ярагского, которые в конце 20-х годов XIX века посвятили его в тарикат накшбандийа. Когда Гази-Мухаммад начал газават, Ташу-Хаджи поддержал его.

Ташу-Хаджи стал заметной фигурой в горской среде, когда Гази-Магомед в 1829 г. в Нагорном Дагестане объявил газават. Ташу-Хаджи поддержал его, принял участие в его движении, направленном на утверждение шариата среди горцев и занимал место среди ближайших сподвижников. Ташу-Хаджи устроил свою резиденцию в ауле Альмак, по соседству с Ауховским обществом. В скором времени именно здесь разместилась штаб-квартира Накшбандийя в Чечне.

В сборнике сведений о Кавказских горцах изложена идейная программа Ташу-Хаджи, требующая:

а) запрета посылать на воспитание мусульманских детей к неверным, поскольку они сделаются им подобными;

б) тяжбы между мусульманами должны решаться через шариат;

в) запрета на употребление горячительных напитков;

г) покрытие лица женщиной и не иметь в общественном месте сообщения мужчин с женщинами;

е) не собираться мужчинам и женщинам вместе на базаре;

ё) запрещать всякие увеселительные игры с женщинами;

ж) запрета на исполнение всяких обрядов, запрещенных шариатом;

з) запретить плач по умершим [3].

После гибели Бей-Булата Таймиева 14 июля 1831 г. сравнительно молодой и талантливый Ташу-Хаджи стал руководителем освободительного движения в Чечне. Ташу-Хаджи в 1831 г. стал муллой в родном селении, а также совершил паломничество в Мекку, и к его имени прибавился почетный титул «хаджи», что придало ему еще больший авторитет как среди рядовых горцев, так и среди мусульманских богословов.

Начиная с 30-х годов XIX в. все четче проявляется тенденция к усилению влияния мусульманских идей на политические события Северного Кавказа, и как следствие появляются политические лидеры, руководящие процессом исламизации горских обществ Чечни и Дагестана. Одним из таких лидеров стал Ташу-Хаджи.

Организуя борьбу горцев и объединяя их под эгидой ислама, он утвердил свое влияние в Большой Чечне, Ичкерии, Аухе и Кумыкии (равнинном Дагестане). Ташу-Хаджи развернул деятельность, направленную на сближение народов Чечни и Дагестана. Безвластие и анархию в «вольных обществах», которые обессиливали горцев перед лицом России, сумели обуздать личности, которые применяли не только силу, но и идеологический фактор.

Как пишет А.Б. Закс, к 1831 году Ташу-Хаджи являлся эндреевским муллой, очевидно, уже совершившим паломничество в Мекку [4]. 21 июля того же года Ташу-Хаджи из Эндерея переселился в Салатавию, в село Алмак, что было связано с неудачным нападением Гази-Мухаммада на крепость Внезапную [5]. Ташу-Хаджи имел тесные отношения с Гамзат-Беком, вторым имамом Дагестана, он привлек на его сторону значительное количество чеченцев. В царских документах считался вождем чеченского мюридизма [6]. Хотя такого мюридизма и не было, были сторонники Ташу-Хаджи, вставшего вслед за Гази-Мухаммадом на путь газавата, одобренного Мухаммадом Ярагским.

Настойчивость в достижении цели, бескомпромиссность в утверждении шариата снискали ему среди мюридов газавата имя «прямоидущий мухаджир». В источниках отмечается некое соперничество между Ташу-Хаджи и Шамилем. Недовольный медлительностью в распространении мюридизма в Дагестане Ташу-Хаджи шлет ему письма, в которых требует проявления решительности. Он пишет, чтобы Шамиль начал активные действия за утверждение шариата в Дагестане, осуждал его медлительность, заявлял, что он двинет столько войск из Чечни, что их никто не будет с состоянии воротить [7]. К этому времени Ташу-Хаджи пользовался среди мюридов большим авторитетом, чем Шамиль, кроме того, все признавали его ученость и административные качества.

В 1835–1836 годы Ташу-Хаджи в Чечне предпринял активные антироссийские действия, совершил нападения на русские войска, поднял горцев на борьбу с захватчиками. В 1835 году обратился к ауховцам, требуя от них

принятия шариата и не потворствовать христианам, не подчиняться неверным. Затем на массовом собрании чеченцев он заставил их принять присягу и готовность к обороне, требовал убивать всех, кто предан русскому правительству, нападать на мирные селения, чтобы возбудить фанатизм и экономические и культурные связи которые складывались с Россией [8].

В 1836 году Шамиль переселился в Ашильту с целью утверждения шариата, что вызывало недовольство не только жителей этого села, но и близлежащих. На помощь ему из Чечни прибыл Ташу-Хаджи с 40 мюридами [9]. Он добился окончательного покорения соседних аулов шариату. Были принуждены к принятию шариата чиркатинцы, оратинцы, унцукульцы [10]. В русских источниках сообщается, что к Шамилю в Ашильту прибыл «беглец Андреевской деревни Ташав-Хаджи» с отрядом из более чем 200 чеченцев [11].

В феврале 1839 года в Чечню был прислан капитан Таджудин Мустфин с целью войти в сношение с Шамилем и склонить его к покорности, но Шамиль предложил ему убраться с его территории. Такое предложение было сделано Ташу-Хаджи и Уди-мулле, между ними возникла ссора, в ходе которого был убит Уди-мулла [12]. После поражения в Ахульго в 1839 году Шамиль, спасаясь от преследований царских лазутчиков, за голову которого была обещана большая сумма, перебрался в Чечню, где скрывался до весны 1840 года. Ташу-Хаджи, Джаватхан, считая, что Шатой окажется более безопасным для него прибежищем, переправили его в с. Гуш-Корт, где тот жил в семье Ботуко, который в последующем станет его наибом.

Начиная с 1837 года по 1839 год Пулло, этот «хитрый грек, корыстолюбивый и бессовестный человек, грабил чеченцев обоими руками», брал контрибуцию и деньгами и стадами». Он с отрядом забирал скот, имущество, наконец, жен, у кого был целковый, тот еще имел надежду откупить жену» [13]. В царских изданиях в 80-х годов XIX века отмечается, что «во главе нашего управления горцами левого фланга стоял глубоко ненавидимый последними генерал-майор Пулло, человек крайне жестокий, неразборчивый в средствах и часто несправедливый, как характеризует его Галафеев и Граббе, которых нельзя заподозрить в преувеличении» [14]. Развязанный им в 1839 году по всей плоскостной Чечни террор, разорение сел, угон скота, грабеж населения, похищение горцев требовали организованного противодействия. Понадобился военачальник, который мог бы организовать сопротивление истребительной политике.

Решили обратиться к Шамилю, который скрывался в Шатое, ведя замкнутый образ жизни, все время читая Коран в аульской мечети. Когда с такой просьбой к нему обратились, он и слушать об этом не захотел. Уговаривать его в Гуш-Корт несколько раз приходили Ташу-Хаджи, Шуаип и Джаватхан. Когда к их просьбе присоединились женщины, то Шамиль дал положительный ответ.

Весной 1840 года в Урус-Мартане состоялся съезд чеченского народа, на котором Шамиль был провозглашен имамом Чечни и Дагестане. Шамиль разделил Чечню на четыре округа: Гехи, Мшки (Мичиг), Шали-Герменчиг и Аух, назначил своих наибов. Наибом Аух был назначен Ташу-Хаджи [15]. Восстание чеченцев в течение 1840 года, которое успешно вели Шамиль, Ташу-Хаджи, Шуаип, Джаватхан и Акберди Магома, показало всю непрочность положения царской власти в регионе. Царский источник утверждает, что к концу 1840 года «все племена между Сунжею и аварским Койсу покорились железной воле Шамиля, признав в нем полновластного владыку, и по одному его мановению устремлялись всюду, где можно было или взволновать мирное население, нанести нам вред и воспользоваться добычею» [16].

Р.Ш. Шарафутдинова, изучив письмо Ташу-Хаджи Шамилю, приходит к выводу о том, что между ними летом 1840 года, когда их действия перенеслись на Сулак, возникла ссора из-за доноса окружения Ташу-Хаджи [17]. По мнению А.Б. Закс, с 1832–1841 годов он руководил всей освободительной борьбой в Чечне.

Как сторонник утверждения шариата среди чеченцев и дагестанцев, Ташу-Хаджи добивался подчинения горцев требованиям Шамиля. Существует версия о том, что Шамиль отправил его подавить восстание чеберлоевцев, которые не желали принять шариат Шамиля, даже предлагали ему самому прибыть и забрать его шариат, который они уложили в бурдюк и перевязали ему горло. В 1843/1844 году он погиб в ходе сражения. Похоронен в селении Саясан, над его могилой построен зиярат, ставший местом паломничества многих мусульман Дагестана и Чечни, последователей накшбандийа.

Ташу-Хаджи известен не только как воин газавата и как способный военачальник. Он автор более двух десятка прозаических и поэтических произведений, написанных на арабском и кумыкском языках. По своему содержанию они являются религиозными. Его работы и комментарии указывают на обширные познания автора в языке и грамматике, литературе адаба и стихосложении, истории, исламских преданиях и фикхе. Им написана книга «Тифл ал-ма‘ан» («Дитя смыслов»), готовил комментарий к ней, названный «Умм ал-хасан» («Мать благочестия»), который не был завершен. Его книга «Мифтах ал-асрар» («Ключ к тайнам») является суфийским трактом по космогонии. Он написал комментарий к суре «Открывающая». Имеется также небольшое произведение о пяти вещах, которые приносят счастье; произведение, в котором говорится о том, что наступят времена, когда ученые не будут приносить пользу и сами будут совершать поступки, противоречащие их знаниям (где он уподобляет ученого, который поступает вопреки своим знаниям, женщине, которая совершает прелюбодеяние) [18]. Он написал сочинение «Письма из отдаленных мест», направленное в адрес Джамалуддина Казикумухского. В нем он ставит тридцать вопросов, посвященных суфийской тематике, и предлагает ответить на эти вопросы. В случае правильного

ответа обещает подчиниться духовной власти Джамалуддина, несмотря на то, что считает себя на более высокой ступени святости. Ташев-Хаджи заявляет, что он видел себя на расстоянии одного локтя позади пророка Мухаммада, в то время как Джамалуддин находился в пятнадцатом ряду позади него [19].

Последователи Ташу-Хаджи образуют саясановскую ветвь, наряду с аксайской, которая связана с Абу (Баширом) шейхом, родом из Таш-Кичу (Аксай). Среди последователей Ташу-Хаджи наиболее значительным были Янгулби-Хаджи, Албаст-Хаджи, Косум-Хаджи. Даже Чиммирза, который был последователем Кунта-Хаджи, считал своим устазом Ташу-Хаджи.

Высказывается версия о том, что Мухаммад Ярагский дал ему разрешение исповедовать тарикат накшбандийа от Каспийского до Черного моря.

Многие последователи Ташу-Хаджи сражались против белогвардейцев в годы Гражданской войны на Тереке, также были участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Рассказ Кумыка о кумыках // Кавказ. – 1848. - № 39.
2. Акаев В.Х. Ташу-Хаджи – имам Чечни / Газ. Грозненский рабочий. 1998. 16–22 апреля.
3. Кавказский сборник. – Т. 32. Ч. 1. – С. 226.
4. Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. – Грозный: «Книга», 1992. – С. 11.
5. Там же.
6. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 247.
7. Кавказский сборник. – Т. 32. Ч. 1. – С. 241.
8. Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. – Грозный: «Книга», 1992. – С. 15.
9. Тахир Мухаммад. Три имама. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С. 27.
10. Аль-Карахи Мухаммад Тахир. Блеск горских сабель. О некоторых шамилевских газаватах. – Махачкала, 2018. – С. 67.
11. Там же. С. 65.
12. Шамиль – имам Чечни и Дагестана. Исторические материалы о народах Северного Кавказа XIX века / Сост.: Мурдалов М.М. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2019. – С. 34.
13. Там же. С. 10.
14. Кавказский сборник. Т.Х. – Тифлис, 1886. – С. 272.
15. Гамзаев Магомед. Имам Шамиль. Четвертое издание. Перевод с аварского языка. – Тарих, 2018. – С. 113.
16. Кавказский сборник. Т. Х. – Тифлис, 1886. – С. 330.
17. Шарафутдинова Р.Ш. Письмо наиба Ташев-Хаджи к Шамилю // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. – М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. – 1977. – С. 86.
18. Ханмурзаев И.И. Великий шейх Ташев-Хаджи из Эндерея // Исламоведение. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2012. – № 1 – С. 106.
19. Там же.

Гарсаев Л.М.,
Гарасаев Х.-А.М.

ТАХИР (ТIЕХIИР) ЭЛИСТАНЖИНСКИЙ
(1820–1857)

Достойное место в истории чеченского народа занимает ТIехIир Элистанжинский, выходец из селения Элистанжи Веденского района Чеченской Республики [1].

О Тахире, всенародно любимом мюриде святого Устаза Кунта-Хаджи Кишиева, легендарном наибе имама Шамиля, почти нет упоминаний в отечественной историографии. Но память о нем жива в народе. Поэтому мы попытались восполнить этот пробел с помощью полевого материала, особенно рассказов его односельчан, которые передаются из поколения в поколение около двух веков. То, что о нем помнят до сих пор, уже говорит о том, что личность эта была весьма неординарной и оставила определенный след в истории нашего народа.

По рассказам элистанжинцев Миндиева Хуту, Газиевой Аламат (Iаби), Тахир родился приблизительно в 1820 году в селе Элистанжи в крестьянской и очень богобоязненной семье. С раннего детства он отличался от сверстников гибким умом, крепким Иманом, уважительным отношением к адатам чеченцев, мужеством, удальством, отзывчивостью и щедростью.

Тахир был среднего роста, крепкого телосложения, с выразительным взглядом, приятный и дружелюбный в общении, но дерзкий в бою. На его теле были следы двадцати ранений разной тяжести, полученных в боях за свободу и независимость Чечни против царских поработителей в ходе Кавказской войны.

Как рассказывали старожилы Элистанжи, конь у Тахира был очень умный, быстрый и боевой, преданный своему хозяину (никого не подпускал к себе), и в сражениях он всегда рвался вперед. Маневрируя в бою, конь принимал удары сабель на себя, тем самым обороняя своего хозяина. Даже были сражения, в которых конь становился на дыбы и сбивал ударами своих копыт противника с коня. После героической смерти Тахира он не ел и не пил, а через неделю погиб от разрыва сердца, рассказывали старожилы.

В памяти элистанжинцев сохранилась знаменитая шашка Тахира – «терс-маймал» («волчок»), сделанная лучшими чеченскими оружейными мастерами того времени.

Русский офицер А. П. Ипполитов, долго прослуживший в Чечне, писал: «Клинки с изображением на них двух волчьих голов называются чеченцами терсмеймуль и почитаются за самые лучшие и ценные» [2]. Шашка наиба была именная, на которой было красиво написано на арабском языке: «Наиб Тахир Элистанжинский, сын Агатая».

Многие исследователи отмечают, что чеченская шашка «терс-маймал» считалась предметом гордости, роскоши и пользовалась наибольшей популярностью у горцев Кавказа и казаков, а также у офицеров царской армии. Русские офицеры восхищались шашками чеченцев, «удары которых, нередко перерубавшие ружейные стволы и даже рассекавшие панцыри, приводили всех в изумление» [3].

Знаменитую шашку Тахира долго хранили потомки наиба как реликвию, она хранилась в семье его внука, известного алима, муллы Хас-Магомеда Касумова. В период насильственного переселения чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 г. Х.-М. Касумов закопал в своем огороде саблю деда, боевые ордена Тахира, священные книги, рукописи на арабском языке. Но, к сожалению, когда вернулись после тринадцатилетней ссылки, в тайнике не оказалось ничего [4].

Тахир Элистанжинский был назначен наибом в марте–апреле 1840 года и исправно выполнял задачи, возложенные на него имамом Шамиля, вплоть до своей трагической гибели в 1857 г. В период его наибства в Элистанжи была сформирована чеченская конная сотня из выходцев тайпа Элинстанжой. Во главе сотни стоял житель селения Элистанжи, храбрый воин Иса Элистанжинский. При формировании сотня получила название имени Шейха Мансура, имела свое боевое знамя белого цвета с двумя концами. На протяжении 1840–1841 годов сотня имени Шейха Мансура принимала участие во всех сражениях, происходивших на территории Имамата.

Значительное место в военно-политических планах Шамиля занимала плоскостная Ингушетия, на территории которой располагались важнейшие укрепленные пункты, обеспечивающие прикрытие Военно-Грузинской дороги с востока – крепость Владикавказ и Назрановское укрепление. Вовлечение в национально-освободительное движение под знаменем газавата жителей плоскостной Ингушетии – назрановцев – открыло бы Шамилю путь на Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу.

Согласно полевому материалу, однажды имам Шамиль решил совершить поход в Ингушетию с целью исламизации братьев ингушей, которые в то время еще придерживались язычества, а часть исповедовала христианство. В столице Имамата Ведено Шамиль срочно собрал своих наибов и оповестил их о своем замысле. Многие чеченские наибы не согласились с осуществлением его замыслов по той простой причине, что ингуши являлись кровными братьями чеченцев и вражда внутри нахского народа была крайне нежелательной. А дагестанский наиб, имевший под своим началом отряд примерно в 70–80 человек, согласился. Шамиль не ожидал от своих чеченских наибов такого решения и бросил многозначительный взгляд на своего надежного наиба Тахира Элистанжинского. Имам уважал Тахира не только как храброго и талантливого полководца, но и как сородича (соплеменника) Великого Имама шейха Мансура Элистанжинского, которого Шамиль считал своим Великим учителем. И Тахир, оценив взгляд Шамиля, и поняв, что ему нужна поддержка, сказал: «Имам, я пойду с вами!» – и вышел из строя. За ним последовали его родные братья – Яхья и Шаба. Дали свое согласие еще человек двадцать. Вместе с дагестанским отрядом их стало около 100 мюридов. Таким образом, в походе на Назрань и Назрановское укрепление в апреле 1841 года принял участие наиб Тахир и командир сотни имени Шейха Мансура Иса.

В ходе боевых столкновений 5–7 апреля 1841 года с царскими войсками сотня имени Шейха Мансура под командованием Исы Элистанжинского отличилась хорошей тактикой ведения боя.

7 апреля 1841 г. в одном из ожесточенных боев, который разгорелся в окрестностях Назрановского укрепления, отважный командир погиб. Мюриды похоронилиИсу с почестями в Назрани на кладбище шахидов.

Народно-освободительная борьба горцев в Чечне продолжалась. Тахир со своими сверстниками принимал участие практически во всех военных сражениях на территории Имамата. Героически погиб в Джихаде брат Тахира Яхья.

В 1857 году разгорелись серьезные военные сражения у входа в Аргунское ущелье. Царское командование под руководством генерала Евдокимова поставила целью захватить важный стратегический плацдарм у входа в Аргунское ущелье, для дальнейшего своего продвижения вглубь Чечни. В этих

сражениях Тахир показал свою храбрость и организаторские способности. В течение недели царские войска не могли захватить важный в стратегическом отношении участок под названием «Волчья яма». Всадники сотни имени Шейха Мансура под руководством своего наиба Тахира успешно защищали эту высоту. В этих боях наиб Тахир получил ранение в живот, но даже после этого продолжал руководить защитой высоты еще в течение трех дней, туго повязав свой живот башлыком. Но смерть все же подкралась к нему. Боевые товарищи вынесли его с поля боя и от полученных ранений, по одной версии, Тахир скончался недалеко от села Хаттуни на хребте Керкан-Дукъ, а по другой – он умер дома.

Говорят, что, когда Шамиль узнал о гибели Тахира, он, растерянно оглядевшись, спешился и сказал: «Сегодня я лишился своих крыльев. Тахир был моей крепкой опорой, воистину, храбрым наибом. Да простит его Аллах и да пребудет над ним Всемилость Его! Пусть Аллах примет его шахIаду!»

Гибель активного мюрида Тахира явилась ударом и для Устаза Кунта-Хаджи – сына Киши. Узнав об этом, Кунта-Хаджи отправился пешком из своего села Хьажи-Эвла в Элистанжи, чтобы выразить соболезнование родственникам покойного. Устав от долгого пути, он присел отдохнуть под лесную грушу, росшей на подъеме на Элистанжинскую равнину. А в это время группа Элистанжинцев, идущая с сообщением о смерти Тахира к Кунта-Хаджи, встретилась с ним, отдыхающим под деревом. «Добрый день, молодые люди. Куда путь держите?» – спросил он путников. «Да вот, мы решили навестить тебя и сообщить о смерти вашего родственника». Кунта-Хаджи им ответил: «А я иду на его похороны. У меня было видение о кончине Тахира». И Кунта-Хаджи с этой группой людей вошел в село, исполняя громкий зикр (чIагар-зуькар) [5].

Груша, под которой отдыхал Устаз в момент встречи с вестовыми, долгое время любовно и почтительно оберегалась жителями Элистанжи, и часто прохожие привязывали к ее веткам разноцветные лоскутки. Это значило, что люди считали грушу освященной присутствием Устаза, и каждый проходящий мимо останавливался возле нее для совершения дуа, прося милости Всевышнего для себя и своих близких в обоих мирах.

Груша так и называлась – цуьргаш тесна кхор (груша, увешанная лоскутками). Она продолжала бы шуметь кроной и до наших дней, но пострадала в период военных действий 1999–2001 гг.

После окончания военной кампании на том же месте был посажен саженец груши Тайсумовым Ала (Дала гечдойла цунна!) – потомком легендарного Бурсигова Солсы. И растет это дерево, становясь с каждым днем все выше и раскидистее, радуя глаз элистанжинцев и напоминая им о Великом Учителе Кунта-Хаджи – сыне Киши.

Похороны Тахира состоялись на его родовом элистанжинском кладбище, где присутствовал Великий Устаз Кунта-Хаджи, который по завеща-

нию Тахира предал его земле. Символично и то, что Кунта-Хаджи похоронил своего мюрида первым по новому обряду кадарийского ордена, положив его тело в могильную нишу с правой стороны (кIел агIор лахьта долуш). С тех пор покойника чеченцы и ингуши из кадарийского ордена хоронят таким образом. Позднее братом наиба Шабой, его сыном ГIези (дедушка автора) и односельчанином Тазаби в десяти метрах от его могилы будет похоронена мать самого имама Шамиля – Баху-Меседа. Недавно над ее могилой элистанжинцами Цокаевыми установлена надгробная мраморная плита.

Как расказывали старожилы, во время похорон элистанжинцы пристально следили за каждым движением Великого Устаза. Он спустился в могилу, сняв обувь, затем снял свою папаху и передал наверх. Поправив покойного Тахира в могильной нише, Кунта-Хаджи выпрямился и с улыбкой посмотрел на небо. Чуть позже, прочитав свое дуа (молитву), он поднялся наверх, обулся, одел свою папаху. А элистанжинцы быстро засыпали могилу, возвели холмик и поставили чурт (надгробный камень). В этот момент Устаз сказал: «Эх, эх, четки оставил я в могиле». На слова элистанжинцев: «Устаз, мы быстро откопаем могилу и достанем их», – он ответил: «Нет, ничего, ничего, не переживайте, заканчивайте свою работу». И когда после погребения Устаз с элистанжинцами уходили с территории кладбища, четки, забытые в могиле, оказались в руке у Кунта-Хаджи. Это ли не признак его святости?

Элистанжинцы с разрешения Устаза задали ему три вопроса:

1. – О, Хаджи, почему Вы сняли обувь, когда спускались в могилу?

На что Кунта-Хаджи ответил: «Э-э-эй, бераш (так он обращался к своим мюридам. – *Л.Г.*), не тем очагом был очаг Тахира, чтобы в него в обуви войти».

2. – А почему Вы, Шейх, подали наверх свою папаху?

В ответ Кунта-Хаджи сказал: «На могилу Тахира в виде капель дождя нисходила Всемилость Всевышнего Аллаха, и я снял папаху, дабы хотя бы одна капля попала мне на голову».

3. – Устаз, а почему Вы улыбнулись, посмотрев на небо?

В ответ Кунта-Хаджи сказал: «Э-э-эй, бераш, бераш, не мог я не улыбнуться, увидев две души – Тахира и его брата Яхьи, благословенные, улыбающиеся, радостные, витающие над этой могилой».

Далее продолжил Устаз: «Элистанжинцы, мы все понесли невосполнимую утрату, но хочу обрадовать вас тем, что после меня придет человек из рода Тахира, из-за праведности и святости которого это село с его жителями попадет в Рай, ин шаа Аллах!» [6].

Вот так чудесно и славно похоронил своего мюрида Тахира Элистанжинского Великий шейх устаз Кунта-Хаджи.

Закончив рассказ и хлопнув меня по плечу, шейх Хуту сказал: «Племянник мой, честь смерти зависит от деяний каждого из нас. Умереть и быть

преданным земле как наиб Тахир Элистанжинский – это большое счастье для верующего. Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед – Посланник Аллаха».

И сегодня, бесспорно, феномен Тахира Элистанжинского можно и нужно поставить в один ряд с такими выдающимися полководцами, наибами, героями Кавказской войны, как Байсангур Беноевский, Атаби Чунгароевский, Эски Хулхулинский, Ахверды Магома Хунзахский, Талхиг Шалинский, Батуко Шатоевский, Идиль Веденский и т.д.

Слава героям, вечная им память!

Так закончил свой короткий, но достойный земной путь наиб Тахир – мюрид святого Устаза Кунта-Хаджи.

Список использованных источников и литературы

1. Гарсаев Л.М. Элистанжи (Элистанжой) // Журнал Рефлексия. Назрань, 2013. № 1. – С. 76–77; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Журнал Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2013. Вып. № 5. – С. 86–95; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ № 12. – Владикавказ, 2014. – С. 111–127;

2. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сб. сведений о Кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис. 1868; Чечня и чеченцы в материалах XIX века. – Элиста, 1990. С. 64.

3. Потто В. А. Кавказская война. Т. 4. – М., 1888. – С. 546.

4. Из беседы авторов с жителем с. Элистанжи Веденского района Чеченской Республики (информатор – Гехаев Магомед, потомок Тахира Элистанжинского, пенсионер, 80 лет, 2014 г.).

5. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района Чеченской Республики. 1995 г.

6. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района Чеченской Республики (информаторы: Миндиев Хуту, 70 лет, 1985 г.; Газиева Аламат, 90 лет, 1994 г.).

Гелаева З.А.

УДИ-МУЛЛА СТАРОЮРТОВСКИЙ
(1755–1939)

О Уди-мулле Староюртовском, человеке, имевшем большой авторитет, судя по российским источникам, не только в Надтеречье, но и по всей Чечне, очень мало сведений. С 1835 г. он вел решительную и бескомпромиссную борьбу против царизма. За ученость, отчаянную храбрость, готовность отдать все силы ради свободы своего народа чеченцы любили и уважали Уди-муллу. Он был одним из образованнейших людей в Чечне, преподавал в медресе, писал труды на арабском языке. Хотя передвижений по Чечне у него было много, однако в начале второй половины 30-х XIX века он обосновался в старейшем плоскостном селении по Тереку – Дойкур-Эвла или Старом-Юрте, поэтому в некоторых документах назван староюртовским.

По сведениям известного дагестанского ученого, Уди-мулла, он же Бады-мулла, «был признанным предводителем Ичкерии, пользовался уважением среди народа» [1]. В октябре 1835 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розен в своем докладе военному министру А.И. Чернышеву писал: «Кроме Ташав-Хаджи, в первых числах сего месяца явился в Чечне другой мятежник – Мулла-Уди, который, собрав до 200 конных чеченцев, 2 июля расположился на р. Аргуне в 15 верстах от крепости Грозной с намерением сделать нападение на мирные аулы, находящиеся близ сей крепости, или вторгнуться в наши пределы»

Поскольку правобережье Терека полностью контролировалось русскими войсками, Уди-Мулла с частью надтеречных чеченцев скрылся в горах Чечни. Нельзя сказать, что, несмотря на абсолютную последовательность действий, Уди-мулла делал попытки найти компромисс с российской властью, однако ничего из этого не вышло, так как соглашения, на основе которых чеченцы покорились, не устраивало вторую сторону. Барон Розен докладывал: «Один из главнейших возмутителей Чечни, мулла Уди, предводительствующий ичкерийцам, хотя и прислал своих уполномоченных для соглашения об условиях, на которых народ сей покорился бы России, но до сих пор эти переговоры не имели желаемого успеха» [2].

Требуемые повинности от «мирных» чеченцев все время возрастали. Еще в 1836–1837 годы староюртовцы от непосильного груза налогов и обязательств бежали вслед за своим вожаком Уди-муллой в горы Чечни. Население Старого-Юрта, крупнейшего чеченского селения по Тереку, значительно сократилось еще до восстания 1840 года.

Уйдя обратно в горы, Уди-мулла перешел к военным действиям. Как описывают документы события тех лет, Уди-мулла со своими сторонника-

ми, дав бой с 5 на 6 февраля 1837 г. у селения Энцель-юрт, куда ночью подошли войска, «...после упорного сопротивления удалился» [3]. К староюртовскому мулле стали переселяться его приверженцы из надтеречных аулов. Неограниченная власть комендантов приводила массы недовольных чеченцев с обжитых равнинных селений по Тереку к восставшему Уди-мулле. Недовольство возросло настолько, что, как писал владелец самого большого надтеречного селения Старого-Юрта Бекович-Черкасский, население деревни, «прежде вмещавшей в себе до 800 дворов, а ныне только от 300 до 400 дворов…», резко сократилось [4].

Обострились отношения российской власти с чеченской стороной и дальше в период правления Е.П. Головина (1837–1842 гг.). Мало кто из наместников и командующих отличался гуманным отношением к коренному населению. Это отмечают многие русские офицеры в своих рапортах по ходу войны. Так, в одной из докладных на имя ген.-лейтенанта Евдокимова было написано: «...от личного понятия некоторых начальников о способе управления магометанскими племенами происходили часто распоряжения, совершенно несоответственные истинным выгодам и целям правительства… Ошибка состояла в том, что русская власть на Кавказе начала с того, чем можно было только кончить – со старания ввести всюду отчетливую и однообразную систему управления» [5]. Конечно же, ответная реакция народа была протест и восстание. Недовольство народа подходило к высшей точке кипения. И в этих условиях Уди-мулла был одним из лидеров, возглавивших чеченский народ.

Исследователь истории Кавказа XIX века М.Н. Чичагова пишет: «Зимой с 1839–1840 годов Чечня, только усмиренная, вновь взбунтовалась. Кавказское начальство пожелало обезоружить чеченцев; им предлагали уплачивать подати не деньгами, а оружием; все население решилось лучше умереть, чем рисковать дать себя перерезать. Шамиль, обрадованный благоприятными обстоятельствами, старался окончательно взбунтовать чеченцев и переселил их в Черные горы» [6]. По-видимому, имелись ввиду равнинные чеченцы, а именно, надтеречные, поскольку их селения находились в наибольшем отдалении от гор. Уди-муллу называли правой рукой имама Шамиля. Даже когда возникли небольшие разногласия между Ташу-Хаджи и Уди-муллой, Шамиль принял сторону Уди-муллы, отдавая дань уважения его заслугам и преданности идее свободы народа.

Шамиль прибыл в Чечню в 1839 г. после поражения под Ахульго, а «7 марта 1840 года избрали имамом Чечни. А аул Дарго стал столицей имамата» [7]. Очевидцы тех лет очень скоро напишут: «В 1840 году, менее чем через год после падения Ахульго, Шамиль является во главе народа многочисленного, воинственного, имевшего все средства к упорному сопротивлению» [8]. Шамиль, конечно, прибыл в Чечню к друзьям, соратникам. И они

оказали должное ему уважение, избрав его имамом, и в этом был политический расчет лидеров чеченского народа – Уди-муллы Староюртовского, Ташу-Хаджи Саясановского, Джавадхана Даргоевского, Исы Гендаргеноевского, Шуаипа Цонтароевского, которые понимали, что это увеличит количество мюридов за счет приверженцев Шамиля из Дагестана. Так и получилось. Ими было подготовлено всеобщее восстание в Чечне в 1840 г., которое было поддержано в Дагестане. Хотя самого Уди-муллы уже к этому времени не было в живых.

Как закончилась жизнь одного из славных сынов чеченского народа, так самоотверженно боровшегося за свободу своего народа, ученого алима и храброго воина Уди-муллы Староюртовского, достоверно трудно сказать, но однозначно можно отмести как абсурдное предположение штабс-капитана Вревского, что убит он был Ташу-Хаджи [9].

Более достоверным, на наш взгляд, является, что погиб он, по одним предположениям, в очередном сражении с противником в 1839 году, по другим, его отравили лазутчики то ли зимой 1839 года, то ли к началу 1840 года.

Похоронен Уди-мулла на старинном кладбище на вершине хребта на окраине Шуани у перекрестка дорог на Гордали, Ялхой-Мохк и Мескеты Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

Список использованных источников и литературы

1. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала, 2009. – С. 151.
2. АКАК. Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 726.
3. Там же. С. 711.
4. Там же. С. 728.
5. РГВИА. ф. 147. 19. Оп. 1. Ед. хр. 260. Докладные записки о сущности ислама и о методах управления горцами. – С. 1–4.
6. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. – СПб., 1889. – С. 58.
7. Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991. – С. 47.
8. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб.,1860. – С. 337.
9. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала, 2009. – С. ь153.

Дадаев Ю.У.

УЛЛУБИЙ ИЗ АУХА (ІУЛЛАБИ-МОЛЛА)

Уллубий из Ауха (Іуллаби-Молла, Улубий-мулла) – один из самых храбрых, мужественных, образованных сподвижников Шамиля. В начале 1842 г. в докладе генерала от инфантерии Головина генерал-адъютанту военному министру Чернышеву о склонении наибов Шамиля на сторону русского правительства и использовании владетелей Дагестана в борьбе против Шамиля и восставших народов Дагестана и Чечни, подчеркивалось: «Между известными сподвижниками Шамиля надобно считать: Кибит Магому Тилитлинского, Хаджимурада Аварского, Абдурахмана Карахского, Абакар-Кадия Гумбетовского, Уллубия-муллу Ауховского и наконец Шахман-дара Хаджиява Салатавского, находящегося теперь у нас в плену после разбития Шамиля в Казикумухе и содержащегося в Мехетском замке» [1].

Уллубий-мулла был наибом, потом – мудиром Шамиля, известным проповедником и ученым в Дагестане и Чечне. Его имя всегда произносили вместе с именами самых первых мудиров Шамиля: Ахбердил Магомы, Шуаип-муллы, Абакар-Кади и Кебед Магомеда.

В рапорте от 22 марта 1843 года генерал-майора Клюки фон Клюгенау генерал-адъютанту Нейдгардту об управлении, введенном Шамилем на территории Имамата, отмечается, что генералами шамилевского Имамата назначены «Ахверды-Магома, Шуаип-мулла, Уллубий-мулла, Абакар-кадий и Кибит-Могомед...» [2].

Через восемь месяцев после проверки данных своей разведки и дополнительно полученной от лазутчиков информации 20 ноября того же года командующий царскими войсками на Кавказе генерал-адъютант Нейдгардт в рапорте военному министру Российской империи Чернышеву об управлении, введенном Шамилем в Чечне, показывает, что «Шамиль разделил теперь всю Чечню на четыре участка: Мичиковский, Ауховский, Большую и Малую Чечню» [3].

Во главе Ауховского участка Шамиль поставил очень храброго и доблестного Уллубия, которого хорошо знал еще юношей, когда они вместе учились у Саида Араканского, потом проходили учебу в медресе селения Чиркей. Уллубий активно участвовал в национально-освободительной борьбе горцев под руководством Ташав-Хаджи Эндиреевского, был сподвижником имамов Газимухаммада и Гамзатбека. Ко времени назначения мудиром он был уже известным полководцем, ученым и законоведом не только в Дагестане, Чечне, но и за их пределами.

Уже к началу 1841 года Уллубий-мулла вместо освобожденного от должности мудира Ташав-Хаджи Эндиреевского был назначен наибом в

Ауховский округ. С первых дней своего назначения Уллубий стал усердно устанавливать шариат в своем округе, укреплять закон и порядок в мудирстве, помогал другим наибам Шамиля в ликвидации царских укреплений в Салатавии, Аварии, Анди и других местах. В своем рапорте командующему войсками в Северном и Нагорном Дагестане командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфатерии Е.А. Головину генерал-майор Клюки фон Клюгенау 25 октября 1841 г. сообщал: «Салатавское общество наподобие Аварии подвержено беспрестанным волнениям. Абакар-кадий Аргуанский и Ауховский Уллубий-мулла склонили на свою сторону все верхние деревни Салатау» [4]. В другом рапорте царского генерала отмечается: «Уллубий, житель Кишень Ауха, назначением своим в наибы обязан одной своей храбрости. Он сын очень бедных родителей и больших родственных связей не имеет. Впрочем, ауховцы любят и уважают Уллубия» [5].

Уллубий был одним из талантливых организаторов и помощников Шамиля в государственных реформах. Он одним из первых начал создавать правильный строй в своих воинских подразделениях, наладил четкую систему их подготовки, впервые организовал по поручению Шамиля боеспособную пограничную охрану с выставлением конных джигитов, скрытых пограничных наблюдательных постов, он также впервые создал мобильные группы, которые обеспечивали охрану северных границ Имамата. Ауховский участок вплотную примыкал к царским укреплениям на севере Имамата, занимая территорию между реками Аксай и Акташ, где были расположены такие важные стратегические царские крепости и укрепления, как Герзель-Аул на реке Аксай и Внезапная – на правом берегу реки Акташ.

Уллубий создал четкую воинскую структуру в своем мудирстве. Даже царские генералы признавали, что Уллубий был одним из первых в создании стройной системы вооруженных сил Имамата.

В показаниях прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, отмечается: «Дагестанские войска Шамиля не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройно толпою со своим наибом (к 1843 г., когда Орбелиани вышел из плена, такая же стройная система войск была создана в наибствах и на территории Дагестана). В Чечне же, особенно у Шуаиба и Уллубия, они подразделяются на сотни и пятисотни, под начальством пятисотенных и сотенных командиров, имеющих особые знаки отличия, трех- и пятиугольные звезды» [6]. Далее Орбелиани свидетельствовал: «За отличную храбрость Шамиль награждает разными подарками; в Чечне Шуаиб и Уллубий жалуют за подвиги медали и звезды с надписью из Корана «Ла-Илаха воала кувота ийллах биллах» – Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого» [7].

Уллубий принимал участие в разгроме войск, участвовавших в Ичкерийском походе генерала П.Х. Граббе летом 1842 г., в покорении Нагорного

Дагестана и Аварии осенью 1843 года. Он показал себя талантливым полководцем в сражениях с царскими войсками под командованием М.С. Воронцова летом 1845 года. Всегда успешно выполнял возложенные имамом на него задачи. Об этом свидетельствуют данные царской разведки. Так, в документе отмечается: «23 марта. Возвратившийся из Алмака (селение в Казбековском районе Дагестана) лазутчик показал, что Шамиль приказал чеченскому наибу Могомеду, собрав всех подвластных ему чеченцев, занять удобную позицию против Грозной и неотступно защищать эту сторону от вторжения ожидаемого из Грозной русского отряда; Ауховскому наибу Улдубию таким же образом приказано защищать дорогу, ведущую из Внезапной, Салатавскому и Гумбетовскому наибам таким же образом приказано защищать дорогу, ведущую из Чиркея. Гимринцам, унцукульцам, балаканцам, могохцам, буцринцам и гоцатлинцам велено каждому защищать свою деревню, а андийскому наибу составить ко всем этим частям резерв и подать помощь той части, которая будет более в опасности» [8].

Данное указание имама Шамиля весной 1845 г. относительно поручения мудиру Уллубию Ауховскому является самым последним среди обнаруженных в архивах упоминаний об Уллубии. После 1845 г. в официальных сводках царской военной администрации, докладах и рапортах генералов, в донесениях разведчиков и внутриимаматской переписке, в том числе письмах Шамиля, сочинениях дагестанских авторов – очевидцев событий – имя Уллубия не встречается. Не обнаружены пока данные и о его смерти, поэтому не удалось точно установить, как сложилась его судьба. При поиске архивных данных о нем необходимо учитывать одно важное обстоятельство, касающееся его семьи и близких. Оно может стать отправной точкой в деле разгадки дальнейшей судьбы Уллубия.

Анализ документов показывает, что еще летом 1842 г., как писал Мухаммед Тахир аль-Карахи, «Шихмирза Дылымский нашел Уллубия... слабым и печальным, так как на его глазах пришли в беспорядок дела его детей и вопрос их охраны» [9].

Анализ того же сочинения Мухаммед Тахира подтверждает, что с семьей Уллубия действительно были серьезные проблемы. Когда весной 1844 г. мудир Амирхан из Чиркея с войском четверых наибов освободил от царских войск предгорные села Шамхальства Тарковского – Эрпели и Каранай, выявились факты, подтверждающие проблемы с семьей Уллубия.

Мухаммед Тахир писал: «Затем войска отправились к каранаевцам (Каранай – село в Буйнакском районе Дагестана), но на их пути встали те, кто был послан с известием о сдаче. Войска вошли в селение, а жители до этого приготовились уже для битвы, разрушили крыши домов для устройства завалов и преград на улицах. Жителей с их имуществом заставили покинуть селение. Вместе с жителями был брат наиба Чечни Уллубия, его семья и жена другого брата» [10].

Почему они оказались в селении, подвластном царской военной администрации, неизвестно. Выявление новых документов относительно дальнейшей судьбы Уллубия и его близких представляет сегодня особый интерес для исследователей-историков.

Список использованных источников и литературы

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века: Сборник документов. – Махачкала, 1959. – С. 354.
2. Там же. С. 382.
3. Там же. С. 401.
4. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. – С. 240.
5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века: Сборник документов. – Махачкала, 1959. – С. 409.
6. Там же. С. 416.
7. Там же. С. 417.
8. Там же. С. 497.
9. Мухаммед Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментированный перевод Т. Айтберова. – Махачкала, 1990. Ч. I. – С. 108.
10. Мухаммед Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментированный перевод Т. Айтберова. – Махачкала, 1990. Ч. II. – С. 16.

Товсултанов Р.А.

ДУЕВ УМА-ХАДЖИ
(???–1878)

Чеченский военачальник, представитель тайпа Зумсой. Это был известный герой и храбрец, истинный мусульманин. Ума был наибом Киялала и близлежащих сел. Один из руководителей чеченских восстаний 1860–1861 и 1877 годов. Участник Кавказской войны, «герой, истинный мусульманин», сподвижник имама Шамиля, который в знак уважения поддерживал его. Так, в письме наибу Алдаму имам писал: «…Я убедительно отрезал кусок земли одному человеку. А этот человек – моя правая рука, считающая у себя силу в половину моей армии – Ума Дуев. Он происходит из самых высших людей по отцу и по матери. Отрезанная местность зовется «Ганза» и граничит течениями воды в Чантинские границы. А потому я дарю Ума Дуеву обозначенную землю, и чтобы никто из вверенного тебе наибства и жители Зумсоя не препятствовали владеть ему землей» [1].

За активное участие в Кавказской войне в 1861 году был выслан в Смоленскую губернию на 4 года. В 1864 г. вернулся на родину и тогда же был избран старшиной селения Зумсы.

К весне 1860 г. недовольством действиями российской администрации была охвачена значительная часть горной Чечни. Достаточно было вспыхнуть восстанию в Беное, как тотчас же выступили и жители Аргунского округа.

В середине мая 1860 г. начались волнения среди жителей верховий Аргуна, которые к концу месяца охватили почти все селения Аргунского округа. Восстание аргунских чеченцев возглавили наиб Шароевского наибства Ума Дуев и окружной кадий Атаби Атаев. «Ума Дуев пользуется большим уважением населения, – докладывал об У. Дуеве в Петербург командующий Кавказской армией князь Орбелиани, – и по многим своим качествам может сделаться главою народного восстания». По словам дагестанского хрониста XIX в. Абдуразака Согратлинского, «Ума показал себя настоящим царем – владыкой во время боев, человеком столь надежным для участников газавата, словно он – самый настоящий замок; личностью, обладающей твердой рукой в сражениях и войнах». «Это был известный герой и храбрец, истинный мусульманин, – пишет об Уме Дуеве Ю.У. Дадаев. – Ума был наибом Киялала и близлежащих сел. Как писал Абдурахман, «он воевал против русских больше года после покорения Чечни, скрывался в лесах, периодически устраивая вылазки и продолжая борьбу. В конце концов его окружили в пещере отряды князя Мирского, и когда он узнал, что не избежать плена, то помирился с ними. Его в 1861 г. выслали в Смоленскую губернию на четыре года, но потом по просьбе жителей родного селения досрочно вернули в Чечню. При возвращении он посетил своего бывшего имама и гостил у него две недели. Когда имам спросил о причине сдачи его в плен, Ума ответил, что его семья испытывала голод и жажду в пещере, где они скрывались и едва не погибли». После возвращения из России он был избран старшиной селения Зумсы [2].

Шамиль очень любил и уважал его, поддерживая во всем.

Итак, к концу мая 1860 г. восстание, которое возглавили Ума Дуев и Атаби Атаев, охватило почти все селения Аргунского округа и проходило в течение нескольких месяцев с переменным успехом.

Первые успехи восставших послужили толчком к дальнейшему росту крестьянского движения в Чечне. Видя, какой размах принимает крестьянское движение, местные власти направили против восставших крупные силы: 6 батальонов пехоты с горными орудиями и 2 казачьи сотни. Регулярным и казачьим войскам при активном содействии чеченской постоянной милиции, состоявшей из местных жителей, вскоре удалось освободить от осажденных укрепления Башин-Кале и Евдокимовское. При этом 40 повстанцев были убиты и более сотни ранены [3].

Восставшие развернули активные наступательные действия на всех направлениях. В середине октября горцы Харсеноевского и Шароевского обществ совместно с повстанцами Шатоевского общества штурмовали административный центр Аргунского округа – крепость Шатой. Ума Дуев появился у крепости во главе нового отряда восставших из Чантинского, Джамалалского (Дагестан) наибств [4].

Напуганный успехами горцев и преследуемый отрядами Атаби Атаева и Умы Дуева «полковник Туманов вынужден был отступить к укреплению Шатой».

Вскоре массовое движение в горной Чечне достигло своей кульминации, и командование правительственных войск перешло к активным наступательным действиям.

Теперь Кавказское наместничество подстраховалось и направило против повстанцев 9 батальонов пехоты, 8 сотен казаков, 4 стрелковые роты и 9 сотен милиции. Эта беспрецедентная по численности войск военная экспедиция была усилена еще двумя дивизионами горных орудий. Наместник царя на Кавказе наконец-то оценил всю силу опасности.

Чтобы не допустить объединения повстанческих отрядов Чечни и Дагестана, генерал Лазарев направил на Андийский хребет 4 сотни постоянной милиции и 18 сотен ополченцев, за которыми двигался дивизион Дагестанского конно-иррегулярного полка и 3-й батальон пехоты при 4-х горных орудиях.

Узнав о продвижении колонны Лазарева и его планах, отряд Умы Дуева выступил навстречу войску противника, чтобы прикрыть дорогу, ведущую из Дагестана в Чечню через Андийский хребет. На подступах к Андийскому хребту Ума Дуев, несмотря на превосходящие силы противника, завязал отчаянный бой. Но, как следует из официального донесения кавказского командования, попытка эта не имела успеха – хребет был занят войсками Лазарева» [5].

В первой половине ноября 1861 г. царские войска нанесли поражение отряду Атаби Атаева, его сподвижники были «уничтожены до последнего человека». Начались поголовные аресты родственников: власти требовали добровольной сдачи Атаби. Стремясь прекратить репрессии против безвинных людей, 14 ноября Атаби Атаев сдался в плен.

Несколько дольше продолжалось сопротивление повстанцев под руководством Умы Дуева. Известный «смелостью своею, а особенно честностью и прямодушием», Ума Дуев имел большой авторитет, пользовался широкой поддержкой населения. Не сумев уничтожить Уму Дуева, российское командование решило применить против него тот же прием, что и против Атаби Атаева: обрушить репрессии на жителей Аргунского округа и родственников, чтобы заставить его добровольно сдаться властям. Начальник области «притянул в округ новые войска и объявил жителям, что не выведет их и сам не выедет из округа, пока Ума Дуев живой или мертвый не будет в его руках». Это очень тяжело сказывалось на положении жителей Аргунского округа, которые вынуждены были содержать войска за свой счет. Были арестованы десятки родственников Умы Дуева. Поняв невозможность дальнейшей борьбы с численно превосходящими силами противника и не желая подвергать население дальнейшим испытаниям, Ума Дуев принял ультиматум начальника Терской области сдаться добровольно в обмен на обещание

полного прощения. 14 декабря 1861 г. Ума Дуев с семьей и несколькими своими сподвижниками явился добровольно к генералу Святополк-Мирскому.

Таким образом, к середине декабря 1861 г. народно-освободительное движение было подавлено. Кавказские власти руководителей и многих участников восстания сослали в центральные районы России. Ума Дуева выслали в Смоленскую губернию на 4 года (а Атаби Атаева – сначала в Псковскую губернию (город Порхов), а затем – в Касымов Рязанской губернии), но потом по просьбе жителей его родного селения разрешили досрочно вернуться на Кавказ. Возможно, власти, учитывая большой авторитет Дуева среди местного населения, предполагали, что после оказанной ему милости бывший наиб Шамиля принесет пользу в деле управления. Более того, власти дали согласие на встречу Дуева с Шамилём в Калуге, которая состоялась 15 июня 1864 г. в Калуге. Во время этой встречи Шамиль договорился с Умой о переписке и дал ему свои личные деньги на дорогу домой. 22 июня Ума Дуев выехал на Кавказ. Вскоре после приезда домой он был избран старшиной Зумсоя, в качестве аманата отдал своего сына Даду для учебы и воспитания в кадетский корпус, после окончания которого тот стал офицером.

Наступил 1877 год. Вновь в Чечне обнаружились волнения, перешедшие в крупное восстание, причиной которого было, в основном, грубое и наглое попирание российской администрацией прав и свобод, предоставленных горцам [6].

Ума Дуев, которому к тому времени было 70 лет, вместе с Алибеком-хаджи стал руководителем известного восстания дагестанцев и чеченцев против царского режима. Ума Дуев принял начальство над дзумсоевцами и чеберлоевцами, призвав эти общества мятежников из партии Алибека, и соединился с ним. С этого времени все мятежнические партии действовали в Аргунском и Веденском округах, где устраивали в разных местах засады и завалы, имели дела с войсками и в одном из таких дел под аулом Дзумсой [7].

17–18 августа 1877 г. У. Дуев с 300 повстанцами выдвинулся к аулам на реке Басс, участвовал боях с отрядами атамана Смекалова. 28 августа совместно с Лорса-Хаджи сражался у аула Элистанжи. Вскоре, 7 октября, состоялся последний бой отряда Ума Дуева с русскими при ауле Шарой, окончившийся для него поражением.

После неудачи в Чечне руководитель восстания Алибек-хаджи вместе со своими сторонниками перебрался в Дагестан. Сюда же, 12 октября, прибыл Ума Дуев со своими сыновьями. Заключительная часть восстания произошла в с. Согратле.

В сражении за аул Согратль, когда царским войскам сдались одни руководители, Ума Дуев продолжал сражаться. Вместе с ним воевал его сын Тутакай. Оба они были ранены, причем так «сильно, что не было надежды на его выздоровление». Тутакай был такой же храбрец, как его отец, «человеком по храбрости своей, подобный льву», отмечал очевидец событий.

Вместе с Ума-Хаджи на своем участке оборону держали его товарищи-мухаджиры, пришедшие с ним из Чечни и из других обществ Дагестана. «Когда же, в конце-концов, положение этих всех мухаджиров стало уже явно «слабым», то одна часть их из укреплений сбежала, а другая, оставшись на месте, попросила пощады у Мухаммада Гоцинского, бывшего Шамилевского наиба, теперь уже царского офицера, штурмовавшего укрепленный Согратль. Два бывших наиба Шамиля – Ума Дуев и Доного Мухаммад из Гоцо – теперь уже воевали друг против друга как враги. Оба отличались храбростью, обоих любил и уважал Шамиль. Еще 18 лет назад они воевали вместе против царских войск, а сегодня стояли по разные стороны баррикад [8].

При названных обстоятельствах были взяты в плен Ума-Хаджи Чеченский и все те мухаджиры, которые находились вместе с ним.

Из-за участия в восстании 1877 г. Ума-Хаджи Зумсоевский, который показал «себя настоящим царем-владыкой во время боев; человеком столь надежным для участников газавата, словно был он – ну, самый настоящий замок; личностью, обладающей «белой рукой» в сражениях и войнах», – как писал в XIX в. очевидец событий Абдурзак Согратлинский [9].

Ума-Хаджи Дуев был обвинен «в том, что в апреле месяце 1877 года, обнаружилось явное вооруженное восстание чеченцев в Веденском округе Терской области, имевших целью способствовать этим успехом турецкого оружия, а также пользуясь тем, что Россия находится в войне с Турцией, отделиться от России, он в июле 1877 года не только сам пристал к восстанию, но через распространение в народе полученных из Турции воззваний к восстанию чеченцев возбудил к восстанию население Аргунского округа, в среде которого пользовался большим влиянием, и, встав во главе восставших, присоединился с ними к партии Алданова, начальствовал над партией во время перестрелок с отрядами русских войск и вообще деятельно поддерживал восстание, пока оно не было подавлено войсками» [10]. Т.е. был обвинен в участии в восстании вследствие измены государству.

8 марта 1878 г. Временный Полевой Военный суд в г. Грозном признал Ума-Хаджи Дуева виновным в предъявляемом обвинении – измене Правительству – и приговорил к смертной казни через повешение.

Среди сохранившихся воспоминаний особенно удивляет следующее.

Вместе с Ума Дуевым был и один из его сыновей. А второй сын Дада был среди военных, которые занимались поимкой «старого хитрого волка». Русское командование отправило Даду к отцу, чтобы тот уговорил его сложить оружие. Но отец со старшим братом не собирались сворачивать со своего пути, и Дада решил остаться с ними и идти до конца. После подавления восстания активные его участники были приговорены к смертной казни через повешение, в том числе Ума Дуев с сыновьями. Когда их привезли к месту казни, Дада не хотел видеть смерть своего старого отца и первым вы-

шел вперед. Тогда старый Ума крикнул своему младшему сыну вслед: «Что, волчонок, испугался?» Дада ответил своему отцу: «Не испугался, и нет ничего на этом свете, чего бы я боялся! Но ты, Ума, раньше спокойно жить не давал, а теперь спокойно умереть не даешь!»

Приговор по делу Ума Дуева и остальных участников восстания был приведен в исполнение 9-го марта 1878 г. Он вместе с сыном был повешен в Грозненской тюрьме.

Приговоренные встретили казнь очень мужественно. Когда перед казнью приговоренным было дано право последней просьбы, нашелся лишь один, который пожелал воспользоваться им. Это был 70-летний наиб Ума Дуев из Зумсоя. «Мне, старому волку, – сказал он, – хотелось бы прежде увидеть, как встретит смерть волчонок». После этих слов его сын Дада, не дрогнув ни единым мускулом и не опуская взора, сошел со скамьи. Вслед за сыном спокойно и гордо вместе со своими соратниками встретил смерть и сам Ума. По преданию, ночью чеченцы вырыли тела погибших и похоронили их на мусульманском кладбище где-то возле Самашек.

Список использованных источников и литературы

1. https://everything.kz/article/41271926-uma-duev-predstavitel-teypa-zumsoy-uchastnik-kavkazskoy-voyny-geroy-istinnyy-musulmanin-spodv
2. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «…Дикой вольности любовь (Освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). – Грозный, 2011. – С. 93.
3. Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в. Дисс. …док. ист. наук. – Москва, 1998. – С. 223–224.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. I. – История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – М., 2008. – С. 693.
5. Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в. Дисс. …док. ист. наук. – Москва, 1998. – С. 229–230.
6. https://everything.kz/article/41271926-uma-duev-predstavitel-teypa-zumsoy-uchastnik-kavkazskoy-voyny-geroy-istinnyy-musulmanin-spodv
7. История чеченцев в письменных источниках (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.). – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2019. – С. 578.
8. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «…Дикой вольности любовь (Освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). – Грозный, 2011. – С. 94.
9. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. – С. 333.
10. История чеченцев в письменных источниках (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.). – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2019. – С. 583.

Хожаев Далхан

ХАТАТ, СЫН АМЕРХАНА ИЗ ДАРГО

Хатат – наиб с. Дарго. В 1845 г. сменил Дубу в аулах между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги – Урус-Мартан. Пользовался доверием имама и, несмотря на молодость, был известен храбростью и умением руководить людьми в бою.

Хатат часто читал молитвы на похоронах убитых царскими солдатами мужчин, женщин и детей. И каждый раз удивленно спрашивал родителей: «За что русские убили этих людей?»

И ничего не находил в глазах отца, кроме ненависти, а в глазах матери – кроме горя и слез.

Лишь старый Нур-Бахад однажды ответил внуку:

– Они хотят сделать нас рабами, уничтожить нашу религию, наш язык, наши обычаи. А мы хотим быть свободными. Поэтому они и убивают наших людей, сжигают наши селения, ведут против нас войну.

– Но зачем нам свобода, если за нее убивают наших людей? – спросил мальчик.

– Нам нужна свобода, потому что мы – чеченцы! – ответил не задумываясь Нур-Бахад.

Старик достал исписанную арабской вязью тетрадь и, ведя пальцем по строкам, начал рассказывать Хатату историю его рода:

– Запомни на всю жизнь, Хатат, то, что я говорю. Эта история переходит от отца к сыну. Мы происходим из тайпа белгатой, из рода Гилсхана. Все люди народа нохчий происходят от одного предка по имени Сайд-Али аш-Шами. Все мы, чеченцы, – из царского рода, ведь Сайд-Али был царем царей в стране Шам. Через 70 лет после смерти пророка, да будет всегда над ним приветствие Всевышнего, Сайд-Али умер, и в его царство вторглись люди зла. Сыновьям Сайд-Али пришлось уйти оттуда. Через много лет они поселились в Нашхе. Оттуда и начали расселяться все чеченцы. Гилсхан был моим отцом, – сказал дед Хатату. – У Гилсхана нас было три сына: Бетирсхан, я – Нур-Бахад, и Пир-Бахад. У меня два сына: твой отец Амерхан и твой дядя Темирсхан. Ну а дальше в этом списке идешь ты, Хатат. Запомни это. Все твои предки были свободными, достойными людьми.

Хатат родился в 1823 году в семье чеченского узденя Амерхана, сына Нур-Бахада. Брата его звали Абдурзак. Хатат рос здоровым, подвижным ребенком, уже в малолетнем возрасте облазил с друзьями лесистые горы вокруг аула Дарго. Семья Амерхана, как и многие чеченские семьи, не отличалась материальным достатком. Отец в поте лица добывал пропитание своей семье. Хатат помогал отцу. Нередко сюда, в далекое ичкеринское селение, доносилось эхо битв и сражений чеченцев с царскими войсками. Еще когда Хатат был маленьким, мать при известии о приближении карателей привязывала его платком к спине и спешно уходила вместе с односельчанами в близлежащие горные лесные чащи.

Юность жителя Дарго проходила в играх, забавах и в тяжелом труде. Хатат стал крепким, широкоплечим, среднего роста юношей. Он виртуозно владел оружием, искусством наездничества.

Война на Кавказе разгоралась все сильнее. Шейх Ташу-Хаджи призывал чеченцев к газавату. В горном Дагестане все большей популярностью пользовался имам Шамиль. Вести о его победах распространялись и в Чечне.

После поражения в Ахульго Шамиль со своей семьей и несколькими мюридами пришел в Чечню. Во время его пребывания вместе с Ташу-Хаджи в Беное к нему присоединились некоторые известные чеченские лидеры, в том числе Джавадхан из Дарго. Шамиль назначил их наибами в своих селениях.

Чтобы быть ближе к начавшей волноваться плоскостной Чечне, Шамиль вместе с Ташу-Хаджи и Мухаммедом-муллой переехали в Шатоевское общество, укрепляя свои позиции среди горных чеченцев.

В конце зимы – начале весны 1840 года в равнинной Чечне началась подготовка к вооруженному выступлению. В конце зимы семья Шамиля в целях безопасности переехала в Дарго. Лишь через год, в начале зимы

1841 года, Шамиль, занятый войной и укреплением шариата, смог возвратиться к своей семье в Дарго. Предания жителей аула Дарго рассказывают, что в этот аул Шамиль пришел после того, как не смог найти убежища в Шатое. В Дарго зажиточные люди тоже его не приняли. А вот отец Хатата Амерхан забрал его к себе, выделил ему одну комнату, где имам и прожил долгое время. Юный Хатат сразу же стал верным сторонником имама. Шамиль тоже обратил внимание на удалого сына хозяина.

По рассказам старожилов Дарго, Хатат был назначен наибом аула Дарго еще в 17 лет, то есть сразу после назначения Джавадхана наибом Большой Чечни. Юный, но энергичный наиб, одержимый идеей независимости Чечни, претворял все нововведения имама в жизнь в своем родном селении, участвовал в набегах и сражениях с царскими войсками.

В конце мая 1842 года в Дарго привезли наиба Большой Чечни – Джавадхана, тяжело раненного в бою с войсками генерала Граббе. Отряд даргоевцев под предводительством Хатата также героически сражался в Ичкерийской битве. Хатат, как и другие наибы и многочисленные знакомые, часто навещал умирающего Джавадхана. Время от времени Хатат встречал там прославленного Байсангура, который был женат на женщине из тайпа белгатой.

Джавадхан ненамного пережил победу чеченцев. Он умер от раны. Вся страна хоронила Джавадхана. На похороны в Дарго приехал имам Шамиль. Над могилой поставили высокий шест с флагом в знак гибели воина в газавате.

С 1843 года в столице Имамата стали отливать собственные пушки. В Дарго начали строить завод по производству пороха и мастерские по производству и ремонту пушек. Хатат, живший в Большом Дарго и являвшийся наибом этого селения, часто навещал имама, помогая в вопросах снабжения, укрепления обороны столицы, разведки, религиозных обрядов, исполнял его личные поручения.

А война шла своим чередом... В мае 1845 года Хатат, одетый в кольчугу, был в гуще сражающихся против армии Воронцова в Даргинской битве.

В ходе сражения, рассказывают, произошел неприятный для Хатата эпизод. Хатат по природе был горяч и вспыльчив. Молодость подогревала эти свойства характера. Во время наступления, получив мимолетом какой-то приказ имама, Хатат в пылу сражения не выполнил его, а бросился в атаку на противника. Подобные легкомысленные поступки, как невыполнения приказа командира в ходе боя, по законам Имамата карались смертью. И реакция имама не замедлила проявиться. Разъяренный Шамиль догнал в гуще сражающихся Хатата и рубанул его сзади саблей. Кольчуга спасла Хатата от смерти, имам рассек только два железных кольца. Вспыливший Хатат, нагрубив Шамилю, показал на русских и сказал, что для него есть и без Хатата сколько угодно врагов. Тогда имам взял себя в руки, ведь Хатат был сыном его друга.

После разгрома и изгнания армии Воронцова Шамиль начал искать место для новой столицы, так как временно оставленный Дарго был сожжен царским войском. Место было определено на земле дишниведенцев. Летом 1845 года началось возведение новой столицы горского государства, названного имамом Новое Дарго (или Дарго-Ведено). Хатат, оставаясь в старом Дарго, тем не менее поддерживал связь с Шамилем, хотя молодость и горячность нередко приводили его к ссорам с имамом.

Как-то Шамилю донесли сведения о распутстве одного из множества русских военнопленных. Этот военнопленный немедленно был осужден на смерть. Хатат же считал донос на солдата грязной сплетней. Во время свершения казни осужденный попросил, чтобы его зарубил старый знакомый – Хатат, мол, ему тогда будет легче умереть. Заклиная отказывавшегося наиба всеми святыми, русский вынудил Хатата выполнить свое последнее желание. Хатат поддался на уговоры и взмахнул шашкой, но при ударе о шею осужденного клинок внезапно сломался. Хатат замер, глубоко пораженный произошедшим. С этой шашкой Хатат рубился во многих сражениях, и она никогда не подводила его. Когда на сей раз клинок сломался, Хатат посчитал это божественным знаком несправедливого суда, в чем он сразу же упрекнул Шамиля, ведь имам не должен был ошибаться. Имам, и сам глубоко веривший в предопределение Аллаха, тут же приказал отпустить солдата как невинного.

Рассказывают также, что как-то Хатат во главе отряда, состоявшего в основном из аварцев, был послан в набег на крепость Темир-Хан-Шура, и в боях полегло много аварцев. Узнав о результатах набега, Шамиль упрекнул Хатата, что он неоправданно загубил людей и что если бы они были не аварцы, а чеченцы, то он стал бы их беречь. Тогда на следующий набег Хатат пригласил Шамиля. В той схватке Хатат ворвался в самую гущу противника, зарубил офицера, захватил его лошадь и оружие и весь свой трофей в качестве подарка преподнес Шамилю. Умевший ценить мужество имам сказал Хатату, что убедился, тот губит людей только из-за своей безрассудной храбрости и удальства, и что он больше не таит на Хатата обиды.

После Даргинского сражения 1845 года в связи с тяжелым ранением в этих боях наиба Дубы имам Шамиль перевел Хатата на его место. Наибу Хатату поручался участок в аулах между реками Аргун, Мартан и главной дорогой через Большие Атаги в Урус-Мартан. Хатат временно переехал в Урус-Мартан и поселился на одном из его хуторов. Для поддержки он привез с собой своих ближних родственников и воинов. Это был один из самых опасных участков, где не прекращались боевые действия. Хатат нашел здесь новых соратников и тревожил царские войска и укрепления диверсиями.

Вскоре Хатат вернулся в Дарго, где продолжал исполнять обязанности наиба. Но связи с Урус-Мартаном уже не терял. В 1847 году троюродный брат Хатата Бети зашел со своей отарой овец на территорию андийцев и те

в виде штрафа потребовали козла-вожака. Бети согласен был отдать любого барана, но не козла-вожака. Ссора с андийцами на этой почве привела к тому, что Бети зарубил кинжалом андийца. Обычай кровной мести вынуждал Бети и его близких родственников покинуть Дарго. Он переселился в Чечен-Аул, а затем – в Урус-Мартан, куда его и своих двоюродных братьев Бойту и Мусоста с семьями определил Хатат. С тех пор в Урус-Мартане и проживают родственники Хатата.

По рассказам стариков, Хатат еще очень долго управлял в ауле Дарго.

Война всю последующую жизнь отзывалась на Хатате. В его теле осталось более 10 пуль. Прожив около 60 лет (дата смерти неизвестна. – *Р.Т.*), он умер от болезни. Спустя 5 лет после его смерти умер его сын Мохмад. Двое других сыновей – Закарай и Молай – умерли, так и не оставив потомства. Четвертый же сын Хатата, ГІопа, разделил тяжелую судьбу изгнанника, уйдя с тысячами чеченцев в Турцию.

В Дарго живет потомство Мохмада и его троих сыновей – Абдулкерима, Абдулы и Тайба: Абдулкеримов Лабаз, Абдулаев Джарулла и Таибов Селмирза.

Похоронен был бывший наиб Хатат на большом кладбище у села Дарго. А на могиле, как у воина, отдавшего свою жизнь за независимость Чечни, высился деревянный шест с флажком на вершине.

Дадаев Ю.У.

ХАДЖИ МУХАММАД (МОХЬМАД-ХЬАЬЖА)

Хаджи-Мухаммад – из селения Герменчик, в других документах – Гаджи-Магомет, Гаджи-Магомед-Эфенди, Эфенди-Магомед. Наиб Черкесии с 1842 по май 1844 года.

Хаджи Мухаммад происходил из многолюдной чеченской фамилии, во многих местах пользующейся большим уважением [1]. Он был соратником имама Газимухаммада и в 1832 г. был послан в Константинополь с поручением к Султану. Как отмечалось в документе, Хаджи Мухаммад возбудил в 1833 г. перед русским посланником ходатайство о разрешении вернуться в Чечню.

Свое ходатайство Хаджи Мухаммад объяснил тем, что он «в 1832 г. от Казимуллы (Газимухаммад), будто бы желавшего изъявить покорность русскому правительству, послан был в Константинополь с тем, чтобы испросить от султана турецкого, коего чеченцы и дагестанцы почитают главою магометанской веры, фирман о том, чтобы они покорились России. Узнав же во время пребывания в Константинополе о смерти Казимуллы, он обратился с просьбой к турецкому министерству об исходатайствовании ему и единоплеменникам своим от нашего правительства прошение и, получив упомянутую бумагу от посланника нашего и фирман, которыми чеченцы и дагестанцы убеждались к повиновению России, отправился в 1833 году на родину, где будто бы «Гаджи-Магомет объявил народу сий фирман, и чеченцы согласились покориться нашему правительству» [2].

В 1834 году Хаджи Мухаммад участвовал в походах имама Гамзатбека. Царское командование предпринимало активные действия для его нейтрализации или уничтожения. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфатерии Г.В. Розен поручил начальнику Сунженской линии полковнику А.П. Пулло «стараться схватить его» [3] или истребить, что было не так просто сделать. Он пользовался огромным авторитетом как среди непокоренных, так и покоренных чеченцев. Его выступления находили поддержку и понимание везде, в каждом чеченском ауле.

15 мая 1836 года он собрал почетных старшин, предводителей и мулл чеченского народа «и объявил им, что в фирмане, имеющемся у него, султан повелевает чеченцам исполнять строго закон веры, не следовать никаким нововведениям, быть спокойными и покориться русскому правительству» [4]. Далее в документе отмечалось, что «5 июня (1836 г.) стеклись за реку Аргун, против аула Мискир-юрт, многие почетные чеченцы в числе около 1000 человек – в этот раз Гаджи-Магомет, по настоятельному требованию их, объявил что бумаги от турецкого султана он у себя никакой не имеет, но

он говорил о ней с тою целью, чтобы привлечь к себе всех почетных людей и отдать им отчет об успехе его поездок в Константинополь, что чеченцы должны избрать из среды себя кадиев, мулл и десятников, которые должны строго наблюдать за исполнением закона веры и не допускать народ до злодеяний, и что российское правительство освободит их от податей, предоставит им свободу торговли в наших границах, свободное отправление в Мекку для поклонения, а десятникам и муллам, избранным для управления в Чечне, назначит жалование» [5].

Хаджи Мухаммад действительно имел желание привести чеченцев к покорности новому российскому правительству мирным путем, требуя от царской администрации минимальных условий для народа. И народ поручил ему вести переговоры по этому вопросу с командованием царских войск в Чечне.

К большому сожалению, в те годы политика царизма на Кавказе, в том числе в Дагестане и Чечне, была крайне жестокой, агрессивной и признавала только абсолютную и беспрекословную покорность без учета интересов местных народов. Российские генералы вели разговоры о мирных отношениях с горцами для видимости, с целью их обмана, успокоения и снижения бдительности, с тем, чтобы новыми вторжениями и военными карательными походами уничтожить или покорить горцев, привести их к рабству. Хаджи Мухаммад надеялся, что ему удастся установить спокойствие и порядок в Чечне путем мирных переговоров с русским командованием, что оно учтет самые минимальные требования чеченского народа. Поэтому в июне 1836 года Хаджи Мухаммад встретился с Пулло около крепости Грозная и лично объявил, что цель его действий состоит в том, чтобы единоплеменников своих привести к покорности русскому правительству и водворить в Чечне спокойствие [6].

Однако царское командование в лице полковника Пулло проигнорировало прозвучавшие условия, своими действиями еще больше подталкивая, принуждая чеченский народ к войне с царскими войсками.

Волна антирусских выступлений еще более возросла, включила в свою орбиту практически все население и все общества как в горах, так и на равнине Чечни. Такая политика командования русских войск приводила не к разделению и разобщению, а, наоборот, сплачивала и объединяла чеченцев и дагестанцев в борьбе против общего врага.

Это прекрасно видели Шамиль и его ближайшие чеченские соратники и друзья, которым это было на руку именно в тот период для поднятия народа на всеобщее восстание.

В начале 1840 г. Хаджи Мухаммад помогал Шамилю поднять чеченцев на борьбу с колониальным режимом. Они вместе ездили по Чечне и встречались с разными чеченскими обществами в горах и на равнине. Им помогали

известные чеченские предводители. В начале марта 1840 г. Шамиль вместе с Хаджи Мухаммадом прибыли в Большую Чечню и остановились в деревне Якойлы, на вершине речки Гой. В рапорте капитана Пушкина начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полковнику Траскину от 23 марта 1840 г. отмечалось: «В начале нынешнего месяца Шамиль прибыл из Аргунского ущелья по приглашению чеченцев и пошел в землю пшехойцев к дер. Якоглы. Ему сопутствовал Магомед Эфенди, восторженный, предприимчивый мулла, имеющий уже, может быть, более самого Шамиля влияния над соотечественниками.

Он им сулил за возмущение то благословение неба, то помощь египетского паши. К ним присоединился князь Маат (следует сказать, что автор документа допускает неточность, в Чечне не было князей, это был известный предводитель Мааш), Ахмед-Хан, Ташав-Хаджи, Суаиб, Джавадхан, Шуаиб-Мулла, Думбай и Тепи» [7].

Хаджи Мухаммад стал одним из близких помощников Шамиля, везде сопровождал его, часто выступал перед чеченцами, призывая их к борьбе против царских войск. Шамиль назначил его наибом Герменчика. Благодаря таким представителям чеченского народа, как Хаджи Мухаммад и другие, уже к середине 1840 года Шамилю удалось установить контроль над большей частью Чечни.

В том же рапорте командования царских войск на Кавказе военному министру А.И. Чернышеву от 23 марта 1840 г. отмечалось: «Все селения, через которые проходил Шамиль, охотно ему предавались, везде он брал аманатов и мог располагать жителями совершенно по своей воле. Шамилю предалась вся страна, начиная от Аргунского ущелья по Малой Чечне до Алхан-Юрта включительно, по Большой же Чечне все селения до границы ауховцев и качкалыковцев, а влево к северу через Герменчук вплоть до Аргуна значительное число жителей заключалось в Герземенском лесу» [8].

В конце 1842 г., как авторитетный ученый, влиятельный политик и дипломат, Хаджи Мухаммад был отправлен Шамилем своим представителем – наибом на Северо-Западный Кавказ.

С первых дней прибытия к абадзехам Хаджи Мухаммад добился больших успехов в деле объединения народов Западного Кавказа на борьбу с царскими колонизаторами. В феврале 1844 г. в рапорте начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории военному министру А.И. Чернышеву отмечалось: «...власть Гаджи-Магомеда над абадзехами распространяется, и что, присвоив себе право взимать штрафы, он успел убедить горцев, что это делается для их пользы, почему генерал-майор Ольшевский опасается, что Гаджи-Магомед, собрав значительный капитал, приобретает еще более средств привлечь на свою сторону туземцев, имеющих влияние на народ, высочайше повелеть соизволил употребить все старания, дабы найти людей

из кабардинцев, которые бы взялись доставить к нам Гаджи-Магомеда живого, и за сие обещать в награду тысячу червонцев» [9].

Хаджи Мухаммаду действительно удалось за короткое время сплотить народы Западного Кавказа вокруг себя, создать из лучших представителей народов вокруг себя отряды преданных мюридов, объединить многих представителей, уважаемых в народе старейшин и назначить их своими помощниками на местах. В том же документе отмечалось: «...по примеру наставника, Шамиля, действуя под личиною религии, (Хаджи Мухаммад) успел уже возбудить во многих фанатизм и посредством оного привязать их к себе непоколебимою преданностью, так точно, как Шамиль привязал к себе своих мюридов, сделавшихся впоследствии орудием его во всех его действиях, то надобно полагать, что встретится немало затруднений согласить кого-либо взяться доставить Хаджи Мухаммада живого, ибо он всегда окружен значительным числом вышесказанных приверженцев своих, которые, составляя корень его партии, вместе с тем служат ему неизменно охранною стражею» [10].

Видимо, среди кабардинцев и других народов Западного Кавказа не нашлось исполнителя подлых планов правительства по поимке или уничтожению за 1000 червонцев наиба Хаджи Мухаммада. Как было на самом деле, знает только Бог. Других документов в архивах пока обнаружить не удалось.

В конце марта 1844 года Хаджи Мухаммад заболел и через шесть недель, т.е. 19 мая 1844 года, умер в доме Эфенди Шеретлап на р. Гелье. Приложили ли царские власти руку к смерти Хаджи Мухаммада, сказать уверенно нет возможности, хотя в народе существует версия, что будто бы он был отравлен по заданию царского правительства.

В рапорте командующего войсками Кавказской линии и Черномории военному министру Чернышеву 26 мая 1844 года о смерти Хаджи Мухаммада отмечалось: «Он был болен около 6 недель и, ослабевая день ото дня, сам предчувствовал скорую свою кончину, при которой присутствовали многие муллы, созванные им за несколько дней перед смертью. Умирая, Хаджи Мухаммад завещал, чтобы имущество его оставалось неприкосновенным в течение 4 месяцев и 10 дней, и чтобы передано было тому, кто приедет на его место, а если в течение означенного времени преемник не явится, то предоставил муллам распорядиться его имуществом по их произволу. При Хаджи Мухаммаде находилось телохранителей из разных горных племен до 30 человек, которые по смерти его отправились в свои дома» [11].

К концу 1844 года на место умершего Хаджи Мухаммада на Западный Кавказ прибыл назначенный Шамилем новый посланник – наиб, ученый Сулейман-Эфенди из Чечни.

Список использованных источников и литературы

1. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. – С. 133.
2. Там же. С. 131.
3. Там же. С. 132.
4. Там же. С. 132.
5. Там же.
6. Там же.
7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-е годы XIX века: Сборник документов. – Махачкала, 1959. – С. 247.
8. Там же. С. 248.
9. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни… С. 300.
10. Там же. С. 300.
11. Там же. С. 308.

Абумуслимов А.А.

ШОИП-МУЛЛА
(1804–1844)

Шоип-Мулла.
(Цветная литография художника Г.Г. Гагарина,
хранится в Дагестанском музее изобразительного искусства)

Шоип-Мулла (ШоIип-Молл) родился в 1804 г. в селении Билта-Эвла Чечни в семье известного учёного, просветителя Чечни и Дагестана Газбигова Магомеда (ГIазбиган Мохьмад). После паломничества в Мекку для совершения одного из обязательных столпов Ислама его стали уважительно называть Магомед-Хаджи (Мохьмад-Хьаьжа). Как учёного-арабиста его приглашали в разные сёла Чечни кадием, долгое время он возглавлял Мехк-Кхел (Совет Страны), что поспособствовало приобретению Шоипом связей с известными личностями того времени в Чечне и Дагестане.

Первоначальное образование и воспитание Шоип получил в доме отца. С детства он проявлял способности к наукам, выделялся среди сверстников смелостью, решительностью, твёрдостью характера. В юности Шоип продолжил учение при разных мечетях Чечни и Дагестана у лучших преподавателей, изучая арабскую грамматику, риторику, философию, арифметику и другие дисциплины. Проявлял интерес к языкознанию, кроме изучения чеченского и арабского, владел более десятью языками. Собственно, в те годы

за ним закрепилась приставка к имени «мулла», т.е. человек, просвещённый и грамотный.

Однако трагические события первой четверти XIX в. наложили свой неизгладимый отпечаток на судьбу уже сформировавшегося и получившего определённый багаж знаний человека. Безосновательное и бессмысленное истребление карательными экспедициями беспомощных женщин и детей, уничтожение чеченских аулов, жестокость и несправедливость царских наместников на Северном Кавказе привели его в ряды самых активных борцов за национальное освобождение чеченского народа. Будучи молодым человеком, Шоип-Мулла стал одним из самых активных сторонников народно-освободительного движения Северо-Восточного Кавказа, принимал участие в крупных сражениях 1824–1826 гг. под руководством имама Кази-Муллы (Гази-Мухаммада) в Дагестане и Чечне, а в 1829 г. стал его ближайшим мюридом.

После гибели имама Кази-Муллы Шоип-Мулла ушел с военно-политической сцены и в последующие годы исполнял обязанности кадия в селении Оку-Юрт, занимался просветительской деятельностью. Вместе с тем, военные походы на укрепления царских войск российское военное руководство не простило Шоипу-Мулле. Власти стали предпринимать меры по ликвидации или привлечению его на свою сторону, обещая различные привилегии и должности. Но Шоип-Мулла был непоколебим в своих воззрениях. Предвидя свое физическое устранение, в 1838 г. он ушел в горную Чечню, в своё родное селение Центорой, и стал мюридом шейха Ташу-Хаджи. За кратчайший промежуток времени своим умением инициировать и организовывать военные экспедиции в стан неприятелей заслужил доверие шейха Ташу-Хаджи, который поручал ему командование отрядами.

Умение объединять вокруг себя единомышленников и опыт военного искусства Шоипа-Муллы описываются в рапорте генерал-адъютанта Нейдгардта военному министру Чернышеву от 20 ноября 1843 г.: «В этом году за связи с хищниками Шуаиба хотели арестовать, но он успел уйти к Ташав-хаджи, у которого и сделался мюридом. Вскоре умом и храбростью он успел заслужить большое доверие у Ташав-хаджи и тот не раз поручал ему командование большими партиями, с которыми он производил набеги в наших границах». Таким образом, мы видим в его лице не только просветителя и учёного, но и талантливого предводителя вооруженных отрядов чеченцев, храброго воина, главного помощника Ташу-Хаджи, обладавшего боевыми навыками, умом и мудростью.

В конце лета 1839 г. имам Шамиль, потерпев поражение в Дагестане, ушел в Чечню. Во время его пребывания в Беное к нему одними из первых присоединились известные своим мужеством и храбростью Шоип-Мулла и Джават-Хан. Шоип-Мулла, подойдя первым к Шамилю, сказал: «Имам, не

считай себя побеждённым, ибо это не поражение, не скорби о потерянном, ибо это не потеря. Всевышний Аллах одной рукой даёт, другой забирает. Я, преданный Аллаху раб, хочу верой и правдой служить, в первую очередь, Всевышнему и чеченскому народу на праведном пути. До трёх тысяч воинов приведу в борьбе за свободу народов Кавказа. Повелевай!»

Шоип-Мулла сдержал свои обещания. В дальнейшем он не сходил с выбранного пути, честно служил своему народу и Имамату, и действительно привёл под знамя народно-освободительного движения тысячи чеченцев.

Осенью 1839 г. на горе Кхеташон-Корта собрался Мехк-Кхел, чтобы избрать имама Чечни. Предлагались две кандидатуры – Ташу-Хаджи Саясановского и имама Дагестана Шамиля Гимринского. После обсуждения выдвинутых кандидатур пришли к общему мнению, что они оба достойны и обладают достаточными знаниями, предъявляемыми высокому званию «Имам». Подытоживая общие воззрения членов Мехк-Кхела, перед выборами с речью выступил председатель Магомед-Хаджи, который предложил собравшимся делегатам избрать Шамиля. Объяснил он это тем, что тот хорошо известен и имеет большое влияние на дагестанцев, а Ташу-Хаджи малоизвестен там, и с Шамилём легче будет объединить народы Чечни и Дагестана в национально-освободительной борьбе. Собравшиеся единодушно согласились с этими доводами, и имамом Чечни был избран Шамиль Гимринский. С этого времени он стал имамом Чечни и Дагестана.

На горе Кхеташон-Корта имам Шамиль дважды в год читал проповеди. На этой местности находилось укрепление Шоипа-капа (ШоIайпан-гIап – крепость Шоипа) с настоящим гарнизоном – караулом во главе с мазуном для наблюдения за Большой Чечней.

В 1840 г. в Урус-Мартане прошло общенародное собрание чеченского народа, на котором Шамиля провозгласили имамом Чечни и Дагестана. Сразу же после объявления имамом Шамиль разбил Чечню на четыре крупных округа. Над округом Гехи (Малая Чечня) он назначил наибом популярного среди чеченцев Ахверды Магому, над Мичиковским округом – Шоипа-Муллу, над округом Ауха и его окрестностями – Ташу-Хаджи из селения Эндери, проживавшего в селении Саясан, Большой Чечней (Шали, Гермчик) – Джават-Хана.

Границей между Мичиковским и Ауховским наибствами протекали реки Аксай и Хулхулау. Если в административном ведении Шоипа-Муллы была Нохч-Мохкоевская волость, то в военном отношении, кроме Нохч-Мохка и предгорий, Шоипу-Мулле были подчинены также наибство Большой Чечни и Ауховская волость (наибство Ауховское – её территория лежала между реками Аргун и Хулхулау).

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что избрание Шамиля происходило на горе Кхеташон-Корта осенью 1839 г., а провозглашение

имамом состоялось весной 1840 г. в Урус-Мартане на общенародном собрании чеченского народа. Подтверждением данного исторического события служит собрание Мехк-Кхела и первое назначение имама Шамиля наибами Шоипа-Муллу в Центорое и Джават-Хана в Дарго.

С первых же дней вступления на должность наиба Шоип-Мулла показал необыкновенную твёрдость характера при введении шариатских институтов, решительность в преследовании врагов, искусство вести диалог с народом и принципиальность при наведении дисциплины. В данном контексте осмысления сложившейся ситуации мы должны учитывать, что Имамат как государство был молодым образованием, которое только начинало путь становления, и, в свою очередь, ему противостояла самая сильная держава в мире. Однако чеченцы, с незапамятных времён жившие в свободном обществе, где не знали царей и князей, не очень охотно соглашались соблюдать установленные государством законы, в большинстве случаев придерживались вековых горских адатов, нежели шариатских норм. Особенно тяжелое бремя военной дисциплины ощущали на себе жители селения Центорой, так как оно считалось столицей волости и было родовым селением Шоипа-Муллы.

Весной 1840 г. Шоип-Мулла с другими известными соратниками развернул активную деятельность к противодействию царской власти, поднимая и объединяя чеченцев, особенно в предгорных сёлах и равнинной части Чечни, на вооруженную борьбу, создавая регулярные воинские отряды. По всей территории Чечни он вел колоссальную работу по формированию государственных ветвей власти, подбирая наиболее достойных на должности наибов, кадиев, мулл, руководителей воинских подразделений (сотников, десятников), снабженцев вооруженных отрядов продовольствием, оружием и боеприпасами.

Так Шоип-Мулла стал одним из главных сподвижников имама Шамиля в деле установления шариата, не только государственным деятелем нового порядка в системе управления Имамата, но и истинным проповедником, организатором национально-освободительной борьбы всех народов Северо-Восточного Кавказа.

С 1840 г. раскрылись его необыкновенные способности и талант полководца, администратора в деле строительства нового государства. Шоипа-Муллу отличала неуемная энергия, титаническая работоспособность, смекалка и упорство. Царское командование высоко оценило и уважало достойного противника и великодушного чеченца, ставшего широко известным на всём Кавказе благодаря своим исключительным личным качествам. Там, где выступал Шоип-Мулла, всегда были успех и победа, он не знал поражений в сражениях с царскими генералами.

В течение всей зимы 1840/41 г. чеченские отряды прорывались за Сулак до Тарков, выступали под Темир-Хан-Шурой, сообщение которой с Кав-

казской линией стало возможно только при сильном конвое. В конце октября 1841 г. Шоип-Мулла организовал экспедицию на Кизляр. В этом походе горцы, кроме огромной добычи, отбили у царских войск пушку, которую Шоип-Мулла отвёз в Центорой. На обратном пути одержали победу над отрядом генерал-майора Ольшевского, загородившего им путь в горную часть Чечни.

Полководческий и административный талант храброго наиба раскрылся в знаменитом Ичкеринском сражении с царскими войсками под командованием генерал-адъютанта Павла Граббе.

В 1842 г. генерал Граббе с 10-тысячным отрядом выступил в поход из крепости Герзель в восточную Чечню. Численность чеченцев, по данным А. Зиссермана, активного участника и историка русско-кавказской войны, состоявших только из ичкеринцев и ауховцев, составляла «…по самым щедрым расчетам, до полутора тысяч». Дело в том, что поход был предпринят именно в отсутствие основных чеченских сил, которые во главе с имамом Шамилём находились в Дагестане. В Чечне осталось несколько наибов и мобильные отряды для охраны внутреннего распорядка. Учитывая выигрышную ситуацию, генерал Граббе не вмешивался в действия командующего войсками юга Дагестана князя Аргутинского. Он собирался нанести, в первую очередь, удар по резиденции Имамата – Дарго, захватить в плен семью Шамиля и, перекинув силы через Салатавию, ударить в тыл войскам имама. Граф Граббе стянул войска и отряды отступников из Шуры, Хасавюрта и части гарнизонов крепостей к крепости Герзель-Аул. Было решено идти на Дарго от Кучулика (Качкалыковский хребет) между округами Шоипа-Муллы и наиба Уллубия.

Известный своей храбростью Шихмирза Дылымский пришёл к наибу Уллубию и нашёл его слабым и печальным, так как на его глазах пришли в беспорядок дела его детей и вопрос их охраны. Затем Шихмирза посетил стан Шоипа-Муллы и застал его подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Шоип-Мулла возвёл вал поперек дороги и устроил на ней завалы. Шихмирза спросил Шоипа-Муллы: «Ну, как ты себя чувствуешь?» Тот ответил: «Намерен быть терпеливым при встрече с врагами и не отступать перед ними». Затем Шихмирза спросил: «А как твои воины?» Шоип-Мулла ответил: «А как они могут быть? Через нас русские пройдут, если только меня убьют, по каплям выпустят из меня кровь и затем растопчут».

Шоип-Мулла скрупулезно готовился к противостоянию с генералом Граббе, постоянно осведомлял и оказывал поддержку другим наибам, параллельно занимался безопасностью семьи Шамиля в случае непредвиденного поворота военных событий. Стратегически правильно выстроенная разведывательная деятельность Шоипом-Муллой принесла свои плоды: ему стало известно не только о численности и составе войск, маршруте движения,

планах генерала Граббе, но даже о коллаборационистах, находящихся в составе его отряда. Разведка круглосуточно извещала близлежащие общества Дагестана и Чечни о движении русских войск из Герзель-Аула и крепости Внезапной. Следовательно, как видим, в отсутствие имама Шамиля Шоип-Мулла стоял во главе чеченских сил, координировал деятельность других чеченских наибов.

Шоип-Мулла развернул бурную деятельность против карательной экспедиции царской армии, показывая личным примером незыблемый дух горца и уверенность в защите своего Отечества. По рассказам участников битвы, «личная храбрость, которую показали в этот последний день битвы недруги, нашла величайшее признание у всех русских участников этой битвы. Бросалась в глаза незаурядная сноровка чеченцев в ведении сабельного боя, они парировали штыковые удары русских солдат с величайшей легкостью и разрубали им головы с такой силой, что этого трудно было ожидать от стройных, как оса, горцев. Когда русские проходили через густой лес, с неописуемой яростью был атакован центр колонны. Бились друг против друга в теснейшей схватке. Чеченцы захватили 6 пушек и зарубили всех артиллеристов».

С 30 мая по 3 июня 1842 г. в местности Коьжалган Дукъ, вблизи села Шуани, произошло сражение, ставшее значительной вехой в истории русско-кавказской войны. Царские войска были окружены и с трудом вырвались, потеряв около 1800 солдат и офицеров. Большие трофеи и 6 пушек достались чеченцам. А. Пронели в своей книге писал: «Один завал некий наиб Шуаиб защищал с таким мужеством, что было удивительно. Всех офицеров авангарда – передового отряда – он или убил, или ранил». За этот подвиг Шамиль, спешно вернувшийся из-под Кази-Кумуха, наградил Шоипа-Муллу Центороевского расшитым золотом трофейным знаменем, а также орденом в виде звезды с надписью: «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого».

Поражение царских войск в Ичкерии явилось важным этапом в истории длительной войны северокавказских народов за свободу и независимость своей Родины. Оно стало переломным шагом, определившим на долгое время благоприятный для северокавказцев ход войны. Во-первых, после Ичкеринской победы стало возможным освобождение большей части Дагестана и значительное укрепление государства чеченцев и дагестанцев – Имамата; во-вторых, были на несколько лет приостановлены губительные экспедиции (прежде всего, для женщин и детей) вглубь Чечни; в-третьих, она благоприятно отразилась на ведении освободительной войны на Северо-Западном Кавказе.

Сражение между известным царским генералом П.Х. Граббе, победившим самого Шамиля под Ахульго летом 1839 г., и Шоипом-Муллой завершилось полной и безоговорочной победой храброго и умного чеченца.

Военный успех Шоипа-Муллы произвел огромное впечатление на горцев. Тысячи новых воинов, готовых погибнуть за веру и свободу, вступали под знамёна Имамата. В своём донесении военному министру Чернышеву генерал Головин писал: «Вся Авария окружена. Со стороны Чечни после экспедиции генерала Граббе усилились набеги на окрестности Кизляра и казачьи посты в низовьях Терека».

О растущем влиянии Шоипа-Муллы на горцев, наряду с другим знаменитым наибом Ахверды Магомой, с тревогой 19 июля 1842 г. пишет военный министр России генерал-адъютант А.И. Чернышев. Он указывает, что имам Шамиль одного Шоипа-Муллу встречал нарочито уважительно «вне дома с большой радостью и искренним выражением дружбы».

В Санкт-Петербурге, узнав о разгроме чеченцами царских войск в Чечне, политические деятели и военное руководство призывали правительство страны организовать репрессивную карательную экспедицию для обуздания Кавказа. Для расследования дел на Восточный Кавказ прибыл сам военный министр А.И. Чернышев. Князь оказался свидетелем истощённого состояния солдат, обессиленной армии, которая с трудом добралась до крепости Герзель-Аул. Ознакомившись с создавшимся положением в Чечне и Дагестане, Чернышев отдал приказ прекратить на время всякие военные действия, за исключением оборонительных – «в случае нападения шаек мятежных горцев».

В сентябре 1842 г. Шоип-Мулла, Хаджи-Мурат и Кибит-Магома командовали отрядами горцев, отбивших аулы в горном Дагестане. В результате двухдневных боев отряд Шоипа-Муллы захватил село Цатаных и Арахтаускую башню. Стремясь избежать людских потерь, Шоип-Мулла провел молниеносную атаку с использованием скрытых за саклями орудий, что привело к уничтожению батареи царского гарнизона, состоявшей из двух орудий. Две роты царских войск были разбиты. В начале ноября 1842 г. повторный поход на Кизляр Шамиль вновь поручил Шоипу-Мулле. На всей Кавказской линии наступления горцев усилились, так что не только на окрестности Кизляра, но и на окрестности Ставрополя совершались военные экспедиции чеченских отрядов.

По свидетельствам князя Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у горцев, Шоип-Мулла возглавлял наибство, которое охватывало всю Ичкерию. По его данным, в отличие от дагестанских войск Шамиля, которые «не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройною толпою со своим наибом», в Чечне, особенно у Шоипа-Муллы, войска подразделяются на сотни и пятисотни под начальством сотенных командиров, имеющих особые знаки различия – трёх- и пятиугольные звезды. За храбрость в Дагестане Шоип-Мулле жалуют подарки и медали. Орбелиани также рассказал, что беглые русские солдаты выстроили Шоипу-Мулле мечеть и мельницу.

Шоип-Мулла известен в Имамате не только как отважный наиб и мудир, новатор и реформатор, но и как поистине набожный учёный, благородный, щедрый человек, проповедник добра и мира между людьми, народами, истинный интернационалист. Под его началом в артиллерии и коннице рядом с чеченцами служили дагестанцы, адыги, черкесы, кабардинцы, добровольно перешедшие на сторону Имамата русские солдаты, офицеры, казаки, поляки, венгры, представители других народов. Он не различал людей по вере, социальному происхождению, среди его командиров воинских подразделений были мусульмане и христиане, иудеи и католики, бывшие крепостные крестьяне, рабы, беки, князья, уздени. Поэтому народ любил и уважал его.

В русском документе от 22 марта 1843 г. чин наиба Шоипа-Муллы царские власти приравнивали к генеральскому званию, а советский писатель П. Павленко назвал Шоипа-Муллу «Маршалом лесной войны». За военные нововведения в Кавказской войне многие царские военачальники и зарубежные дипломаты восхищенно высказывались о Шоипе-Мулле, причисляя его к самым знаменитым, талантливым и удачливым полководцам. Легко, с улыбкой на устах смотрел он в глаза смерти, во имя свободы и независимости Родины не щадя ни себя, ни родных, ни чужих.

В начале мая 1843 г. в Андии на общем собрании всех наибов, старшин и мулл имам Шамиль, вновь получивший всеобщий вотум доверия, объявил, что непосредственное наблюдение за беспрекословным выполнением указов он поручает Шоипу-Мулле, Ахверды-Магоме, Кибит-Магомеду, через которых все наибы и старшины обязываются их исполнять. Также в структуре Имамата был образован институт *мудиров* (старшин наибов), два наиба – Шоип-Мулла и Ахверды-Магома – управляли Чечней, а Кибит-Магома – горным Дагестаном.

Летом 1843 г. вооружённые отряды Имамата вели тяжёлые бои с царскими войсками в горном Дагестане. Шоип-Мулла во главе конного чеченского отряда вступил в бой с конницей из горцев (милицией в составе царских войск) и вынудил их обратиться в бегство. Затем Шоип-Мулла со своим отрядом совершил стремительный ночной рейд на Кумыкскую плоскость и отогнал огромную отару овец. Как сообщал секретарь Шамиля, это произвело большое впечатление на колеблющихся жителей равнины Дагестана, которые не решались присоединиться к сражавшимся горцам, опасаясь карательных акций царских войск из ближайших крепостей. С этих времён расширились области, подчиняемые шариату. Те, кто раньше отрицал шариат, начали даже опережать мюридов в его выполнении, оказании помощи его руководителям и поддержке их.

В течение 1841–1843 гг. чеченцы и дагестанцы одержали ряд побед над царскими войсками, нанеся им большие потери и отбив у них 13 укреп-

ленных пунктов. Это было время, названное Н.А. Добролюбовым «блистательной эпохой Шамиля». Именно на этот период выпала наиболее активная деятельность Шоипа-Муллы. Анализ свидетельств, оставленных горцами – сподвижниками народно-освободительной войны, говорит об огромном уважении, которым пользовался Шоип-Мулла в горской среде. При его характеристике постоянно употребляются эпитеты «известный», «храбрый», «известный храбрец», «подобный льву, приготовившемуся к прыжку».

О справедливости Шоипа-Муллы и его высоком авторитете вспоминает в своих мемуарах С. Беляев, проведший в 1842–1843 гг. в плену у чеченцев десять месяцев. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгардт писал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву 20 ноября 1843 г.: «Шуаибу теперь около 40 лет. Он пользуется доверием Шамиля и, если останется с последним в хорошем отношении, будет одним из самых уважительных ему помощников, но в случае ссоры с Шамилем, то по влиянию, каковое Шуаиб имеет на чеченцев, он может быть и опаснейшим его врагом. Чеченцы уважают и боятся Шуаиба».

В июле 1842 г. военный министр Российской империи генерал-адъютант Чернышев указывал А.А. Головину, командующему войсками на Кавказе, на возросший авторитет среди народа сподвижников Шамиля Ахверды Магомы и Шоипа-Муллы, предлагал использовать «неограниченные деньги, самые разнообразные методы для нейтрализации или организации раздора, разногласий между ними, вплоть до заказного политического убийства».

Н.Ф. Дубровин пишет: «Шуаип-мулла – наиб мичковский, хотя был корыстолюбив в высшей степени и не всегда справедлив в своих действиях, но эти недостатки с избытком заглушал своим умом и лихим наездничеством».

Остался и словесный портрет Шоипа-Муллы, данный в 1842 г. князем И. Орбелиани: «Шуемб – небольшого роста, лицо смуглое с небольшими рябинками, ловкий во всех приемах и в особенности верхом. Он известен как человек с хитрым и бойким умом, как отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель в бою».

Шоип-Мулла отличался острословием и неунывающим нравом. Мухамад-Тахир аль-Карахи приводит интересные сведения о том, как Шоип-Мулла побеждал царского генерала не только на поле битвы, но и в острословии. Историк пишет, что Граббе после своего поражения отправил послание Шоип-Мулле: «Ты не воображай! Не гордись тем, что убил одного или двух солдат, которые пошли в лес за дровами». На что Шоип-Мулла ответил следующим образом: «Я не присутствовал там, однако слышал, что мальчики пошли в лес резать порей и убили солдат».

После гибели в 1843 г. под хевсурским аулом Шатили наиба Малой Чечни Ахверды Магомы Хунзахского (с 1843 г. в это наибство вместе с че-

берлоевцами входил и Шатоевский округ), который пользовался безграничным доверием Шамиля и уважением чеченцев и считался главным претендентом на пост имама в случае гибели Шамиля, всё доверие и надежды имам обратил на Шоипа-Муллу, также бывшего близким другом и верной опорой Шамиля в Чечне.

К началу 1844 г. Шоип-Мулла стал руководителем всей Чечни от среднего течения реки Ассы на западе до побережья реки Акташ на востоке. «Самым искусным из помощников Шамиля, которому он доверял командование правым флангом, то есть всей страной, расположенной между Тереком и Андийским хребтом», французский консул в Тифлисе виконт Г. Кастильон в письме к министру иностранных дел Франции Гизо от 18 мая 1844 г. называет Шоипа-Муллу.

Многие тактические новинки, примененные Шоипом-Муллой, в дальнейшем широко использовал имам Шамиль, особенно летом 1845 г., когда разгромил в Чечне войско под командованием наместника М.С. Воронцова. Шоип-Мулла первым в Имамате создал чёткую систему воинских формирований, которые отличались храбростью, дисциплиной, были хорошо экипированы и лучше других вооружены. Он получил широкую известность как военный деятель и реформатор. Имам Шамиль во всем поддерживал его, помогал ему первым внедрить новое в организации войска. Шоип-Мулла одним из первых начал использовать трофейные пушки, создал из чеченцев и перешедших на сторону Имамата русских солдат и офицеров артиллерийские батареи. Как показали время и события, Шоип-Мулла был удивительно талантливым и способным организатором вооруженных сил нового государственного образования. Первыми в Имамате его воины научились не только чинить и использовать трофейные артиллерийские орудия, захваченные у царских войск, но этими же орудиями выигрывать бой в укреплённых крепостях артиллерийских батарей противника.

Шоип-Мулла обладал аналитическим умом и способностью мышления вести повседневные вопросы государственного управления. Он инициировал и осуществлял прогрессивные идеи в военно-политической и социально-экономической деятельности Имамата. Например, так характеризует его военно-политическую деятельность на посту мудира Чечни Николай I в письме Н.Ф. Паскевичу: «…Шуаиб-мулла, начальник Чечни, убит своими. Он был человек умный и ловкий, он разбил Граббе и отважностью своею был правою рукой Шамиля».

6 марта 1844 г. трагически оборвалась жизнь выдающегося полководца, государственного и политического деятеля, героя Кавказской войны Шоипа-Муллы. Известие о его кончине имам Шамиль получил в с. Анды, где проводился Диван, на котором обсуждались вопросы государственного устройства, в том числе на нём было принято решение о назначении муди-

ром Имамата Шоипа-Муллу. В тот же час имам Шамиль, оставив все дела, направился в с. Центорой.

Вначале в село постарался войти отряд андийцев, однако сельчане оказали сопротивление и не пустили их, разъяснив, что Шоипа-Муллу убили его родственники, а они все покинули село. В Имамате был установлен закон внутреннего порядка: в Чечне за исполнением следили дагестанцы, а в Дагестане – чеченцы. Это позволяло избежать предвзятости в исполнении законов и решений Имамата.

Стражи правопорядка настигли беглецов на местности «Коьжалган Дукъ», но им оказали ожесточённое сопротивление не только мужчины, но и женщины и дети. Достоверно неизвестны имена всех виновных в убийстве мудира. Среди преследуемых погибло 13 дагестанцев. Вероятно, эта цифра завышена, возможно, что это общее количество убитых с обеих сторон. Трупы убитых привезли в Центорой.

Вскоре в Центорой прибыл и имам Шамиль со своим войском. Проведя свое расследование, Шамиль пришёл к выводу, что убийство произошло с согласия сельчан. В связи с этим приводятся разные цифры приговорённых к смерти людей. Царские источники утверждают, что село было разрушено, убито более 100 человек, другие источники приводят разнящиеся между собой цифры: одни – 40–50, другие – 60–70, третьи – 80–100. Старейшины Центороя рассказывали, что на самом деле число приговорённых к казни людей намного меньше. Данные о количестве убитых с течением времени только увеличиваются, так как до настоящего времени не у всех был доступ к царским источникам. Рассматривая все обстоятельства, мы пришли к выводу, что такое количество приговорённых людей не имело место быть, так как имам Шамиль, будучи главой теократического государства, вёл суд соответственно шариатским канонам.

Возможно, присутствовали некоторые ошибки в приговорах. Однако, по всей видимости, с течением времени к количеству убитым Шамилем были отнесены все, связанные с этой историей, павшие с обеих сторон, в том числе и 13 дагестанцев. Суд был осуществлен в полуденное время, там же присутствовал и имам Шамиль со своим окружением. Рассказывают, что кругом стоял гул несогласных с правосудием. Один из приговоренных высказался, что всё происходящие – веление Всевышнего Аллаха, нам лучше в этот предсмертный час просить прощения наших грехов, читать молитвы, чем скулить. Имам Шамиль попросил толмача перевести слова мужчины, тот перевёл, и он приказал его освободить с формулировкой, что человек с такими намерениями не может быть причастен к смерти наиба.

Надгробный огранённый камень и надмогильный шест (хIоллам) с флагом мученика Шоипу-Мулле установил имам Шамиль. Здесь также особо следует отметить исторический факт при захоронении мудира. Как из-

вестно, последние годы жизни Ташу-Хаджи противоречивы, в одних источниках называется дата смерти 1841–1843 гг., в других – 1845–1846 гг. По утверждению старейшин Центороя и других близлежащих сёл, в могилу Шоипа-Муллу положил Ташу-Хаджи. После предания его земле Ташу-Хаджи воскликнул во всеуслышание присутствующих на похоронах: «Шоип-Мулла в этой бренной жизни был человеком доблести, таковым останется и в праведном мире».

Шоип-Мулла и Ахверды Магома были самыми верными, одарёнными и лучшими наибами Шамиля. Шамиль говорил: «Ахбердил Мухаммад и Шуаиб-мулла – два моих самых отважных и верных мюрида, два крыла горного орла, я всегда с благодарностью вспоминаю их, когда мне очень трудно; жаль, что Аллах забрал их к себе так рано».

Список использованных источников и литературы

1. Абумуслимов А.А. О гибели мудира Шуаип-Муллы Центороевского // Таллам. 2015. № 1 (8). – С. 6–10.

2. Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры имама Шамиля / Дадаев Ю.У. Дагестанский научный центр РАН, Ин-т истории, археологии и этнографии. – Махачкала: ДИНЭМ, 2009. – 621 с.

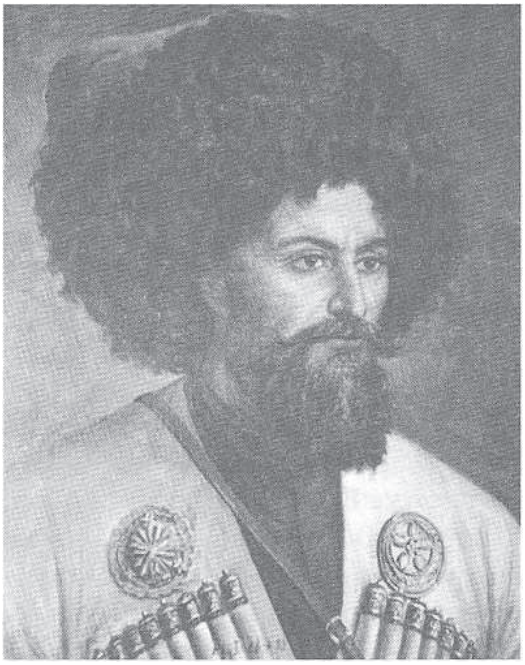
3. Хожаев Далхан. Военно-политическая и административная деятельность Шуаиба-муллы Центороевского // Материалы Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50 годах XIX в.» (Махачкала, 20–22 июля 1989 г.). – Махачкала, 1994. – С. 136.

4. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. – Грозный-СПб.: Седа, 1998. – 250 с.

5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века: Сб. документов. – Махачкала, 1959. – С. 352.

Дадаев Ю.У.

ЭСКИ МИЧИКОВСКИЙ

Эски Мичиковский. *Художник* Э. Акуваев.
Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей

Эски представитель тайпа Чортой – выходец из Притеречья – с 1851 г. был наибом в Большой Чечне, затем жил в с. Нойбери. Он в большей степени был воином. В бою показал себя мужественным воином. Впоследствии, в июле 1857 г., перешел на сторону царского командования. Его называли также наибом Мичиковским. Территория его наибства располагалась в бассейне реки Мичик, на части территории Шалинского района Чеченской Республики, между Качкалыковским хребтом и рекой Гумс. Наиб Эски жил в селении Энгель-Юрт (ныне – в Гудермесском районе Чеченской Республики), расположенном на севере села Нойбера [1]. Эски возглавлял в стратегическом, экономическом и военно-политическом отношении важную территорию Имамата (Мичиковское наибство), проявил себя исключительно храбрым и мужественным наибом, хорошим организатором и руководителем. Сохранилось несколько писем Шамиля и Эски, адресованных друг другу, по самым важным внутригосударственным проблемам Имамата. Три письма переведены и опубликованы. Считаю необходимым привести одно письмо Шамиля, адресованное наибам Малой Чечни – Талхигу, Эски, Ауха-Хази, Салатавии – Гаирбеку,

так как вопросы, поднятые Шамилем в них перед руководителями наибств 156 лет назад, и сегодня актуальны для Дагестана, да и для всей России.

В декабре 1852 г. своим наибам Шамиль писал:

«От Эмира правоверных Шамиля к своим братьям наибам Талхигу, Эски, Хази, Гаирбеку и в особенности муфтию, кадиям, всем остальным ученым людям – салам вам.

А затем: имам назначает своих наибов над вилайетами с целью, чтобы восторжествовали установления ислама, прекратились дурные поступки и нарушения запретов, возродилась Сунна главы пророков, чтобы исполнялись добрые дела и распоряжения для побуждения людей к единению и сообществу, а также чтобы они отдавались полностью послушанию и зикру.

Но до нас дошло, что положение у вас обстоит совсем наоборот. Среди вас распространены дурные поступки, употребление вина и гашиша, люди заменили зикр стихами и игрой на бубне, а распоряжения и указания – запретными поступками.

Поэтому мы приказываем вам отказаться чистосердечно от них и выполнять только упомянутые среди поклоняющихся Аллаху. Мы не позволим вам оставить жителей ваших вилайетов в нынешнем положении разложения. Мы отправили к вам этих посыльных с письмом, чтобы довести до вас это распоряжение и другие наши намерения. Знайте же, что мы будем направлять к вам тайных гонцов для проверки ваших дел и без сомнения будем смещать тех из вас, кто отстранился и пренебрег этим приказом. Мы не потерпим, если будет угодно Аллаху, такого отношения к религии.

...затем – знайте, о кадии, что вам следует безотлагательно направить нам тех, кто нашел развлечение в курении табака, чтобы я мог их увещать, пригрозив лишением жизни.

Заставьте же поклясться страшной клятвой тех, кто подозревается среди вас в курении табака. Затем – знайте, что я приказываю вам взимать с того, кто срубил дерево, три куруша (рубль) и не меньше. Оповестите всех в ваших вилайетах об этом, а также о взимании пяти курушей с тех, кто убежал из тюрьмы после сего дня» [2].

Сегодня потомки наиба Эски живут и работают в Чеченской Республике, Москве, Санкт-Петербурге, других уголках России и за рубежом. Все они высоко чтут имя своего знаменитого предка.

Список использованных источников и литературы

1. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1980. Т.V. – С. 79.
2. Арабоязычные письма эпохи Шамиля // Составление, перевод с арабского, введение, комментарии, примечания и указатели Р.Ш. Шарафудиновой. – М.: Изд-во «Восточная литература РАН», 2001. – С. 122–123.

РАЗДЕЛ 3.

ЧЕЧЕНЦЫ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Акаев В.Х.

СВЯТОЙ УСТАЗ КУНТА-ХАДЖИ И ЕГО УЧЕНИЕ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

Очистись от тщеславия,
обвяжи свое сердце чалмой.
Кунта-Хаджи

Как известно, любая война – это гибель людей, насилие, жестокость, разрушения, потеря суверенитета, деградация этнической культуры, переселение людей, установление власти завоевателей, контрибуции, зачистки, захват национальных ресурсов, угнетение и подавление народа и пр. История знает немало таких сюжетов, их наблюдали наши деды, отцы, мы также очевидцы многих явлений перечисленного характера. Неприятие войны, насилия, поиск путей их преодоления, поиск мира – имманентное психологическое качество человека, думающего о будущем, нацеленного на достижение *социально-политической стабильности, обеспокоенного за будущее потомков*.

В конце Кавказской войны на историческую сцену Чечни появилась малоприметная, но удивительная личность, отрицавшая войну, насилие, жестокость, призывавшая людей к мирной жизни, – это шейх Кунта-Хаджи Кишиев, которые вел аскетический образ жизни, все время находясь в молитве. Он является зачинателем тариката кадирийа на Северном Кавказе. Его образ жизни, поведение никак не коррелировались с действиями ни царского солдата, ни мюрида Шамиля. Его оружием были посох, четки и непрерывные молитвы. Естественно, по своему облику и деяниям он не сравним с национальными героями Кавказа, подвиги которых сопоставимы с подвигами героев античности, нового времени, отстаивавших свободу и независимость своих народов, проявлявших героизм. Его подвиги не относятся к военной сфере, они иного плана, ибо сопряжены с духовной культурой, способствующей нравственному возвышению человека, этноса.

Кунта-Хаджи – чеченец по национальности, родился 11 июля 1800 г в селении Илсхан-Юрт. С ранних лет он отличался строгой нравственностью, проницательностью. Получил духовное образование. Сначала был последователем Гези-хаджи – шейха накшбандийского тариката из селения Зандак.

В конце 50-х годов XIX в. совершил хадж. По возвращении на родину стал проповедовать учение кадирийского тариката.

Кунта-Хаджи в конце Кавказской войны ясно уловил в общем настроении чеченцев, уставших от войны и насилия, выраженную потребность в мире, созидании. Поэтому и звучали в его проповедях антивоенные мотивы, призывы к прекращению войны, кровопролития, как противных Богу деяний. На этой почве он подвергся преследованиям со стороны Шамиля, возглавлявшего освободительную борьбу кавказских горцев. Царский историк Н. Дубровин отмечал, что предводители народа «смотрели недоброжелательно на проповедников тариката как на своих личных врагов, отвлекающих от их воинственных знамен сотни способных людей».

Преследование Кунта-Хаджи Шамилем имело не только политическое, но и идейное основание. Оно – прямое следствие антагонизма, возникшего между суфийством Кунта-Хаджи и с таким его фундаментальным принципом, как ненасилие, и мюридизмом Шамиля, основанного на идеологии газавата, призывающего кавказских горцев сражаться с царизмом до победного конца.

Таким образом, в конце Кавказской войны в Чечне в рамках исламской культуры явно обозначились две тенденции понимания сопротивления. Шамиль и его верные наибы призывали чеченцев к газавату, сражаться с царизмом до победного конца, что означало полное разрушение Чечни и уничтожение чеченцев. Кунта-Хаджи же в продолжении газавата видел смертельную опасность для своего народа и для его будущего, отсюда его настойчивое желание предотвратить эту катастрофу. Он чеченцам и другим народам предлагал мирный путь, духовно-нравственное самосовершенствование.

В царский и советский периоды религиозные деятели Чечни, в том числе и Кунта-Хаджи, изображались как фанатики, реакционеры, мракобесы. Но образ жизни Кунта-Хаджи, его нравственное учение, стремление к миру, осуждение насилия никак не согласовывались с этими уничижительными ярлыками.

Признаком высокой нравственности в человеке для Кунта-Хаджи – это правдивость его высказываний, то, что «он в своей речи не смешивает ложь и правду». А тот, кто разборчив в питье и пище, остерегается от сквернословия, обладает признаками благочестивого человека. Он призывал своих учеников прислушиваться к сердцу. «И если ученик обнаружит в нем высокомерие, чувство превосходства над людьми, желание главенствовать над ними, то, по его утверждению, такой мюрид не имеет связи с Богом, пророком и устазом». Если же сердце ученика находится в состоянии сострадания к людям, лишено зависти, то он связан с Богом и близок к своему учителю.

Однажды мюрид Кунта-Хаджи, поверхностно воспринявший учение своего учителя, обратился к нему с вопросом: «Можно ли мне надеть на го-

лову чалму и усилится при этом моя вера в Бога?» Тщеславный мюрид, ожидавший от учителя похвалу, получил ответ: «Сначала обвяжи свое сердце чалмой (т.е. очисти сердце от тщеславия и других пороков. – *В.А.*), только потом надень чалму. Если ты хочешь носить чалму не ради Бога, а ради славы, оставляя свое сердце грязным, то ты приумножишь свои грехи» [1].

Известно, что практика и теория суфизма большое внимание уделяет состоянию человеческого сердца, очищению его от греха и подготовке к пламенной любви к Богу. В учении Кунта-Хаджи центральное место отводится душевному равновесию, преодолению нафса (страстей), достижению чистоты сердца. В суфийской культуре человеческое сердце – это вместилище множественного и единого, зеркало, отражающее Бога [2].

В учении Кунта-Хаджи утверждается, что «остановивший в своем сердце гнев, простивший зло, стократ упоминающий имя Аллаха, молящийся за тех, кто злословит, – раб Божий» [3]. Подобных высказываний в его религиозной деятельности встречается немало, что дает твердое основание признать, что еще в ходе и после окончания Кавказской войны он четко придерживался важнейшего этического принципа – ненасилия.

В своих устных выступлениях перед верующими он проповедовал такие положения этики ненасилия, как непротивление злу, смирение, прощение. В конце Кавказской войны, когда чеченский народ был доведен до грани физического исчезновения, страстно прозвучала его проповедь: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения и «разговоры», что из Турции придут войска для спасения нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами.

Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу неугодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви, идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставят носить кресты, носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но! Если ваших женщин будут использовать и насиловать, заставлять забыть язык, культуру и обычаи, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба, взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений» [4].

В этой речи выражается тяжелое социальное и духовное состояние народа, доведенного тотальным сопротивлением в период Кавказской войны до грани физического исчезновения. Чтобы сберечь от гибели народ, шейх призывает не верить слухам о том, что на помощь к чеченцам прибудут войска турецкого султана, требует прекратить сопротивление, смириться с фактом укрепления царской власти в крае, подчиниться воле победителя.

Однако в данном контексте смирение не означает безвольное подчинение насилию, оно имеет границы. Власть следует терпеть до тех пор, пока она не посягает на женщин, язык, обычаи, культуру – факторы, определяющие свободу и честь этноса. В случае насилия над женщинами, попыток ассимиляции, с точки зрения Кунта-Хаджи, необходимо всем до единого чеченца подняться на защиту этих фундаментальных культурных ценностей народа.

3 января 1864 г. шейх Кунта-Хаджи, который не произвел в сторону русских войск ни одного выстрела, подвергся аресту и был сослан на вечную ссылку в г. Устюжена Новгородской губернии. Это беззаконие мотивировалось в том, что «учение зикр (то есть учение Кунта-Хаджи. – *В.А.*), направлением своим во многом подходящее к газавату, служит лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического возбуждения отдохнувших сил» [5].

До сих пор в должной мере исследователями не осмыслено значение учения шейха Кунта-Хаджи для общественной и культурологической мысли чеченцев, хотя и предпринимаются попытки осмыслить его в системной форме [6]. Как важнейший аспект такого анализа представляется плодотворным выявление параллелей между учением шейха Кунта-Хаджи и идеями непротивления злу Льва Толстого, Махатмы Ганди. На необходимость проведения такого сравнения автор обратил внимание еще в 1990 году, а позже в своих публикациях стремился развить эту позицию. Позже стали появляться художественные произведения, научно-популярные публикации, в которых усматривалась прямая связь между учениями этих трех, безусловно, великих людей.

В своих достаточно интересных высказываниях некоторые из них договорились до признания непосредственных контактов между шейхом Кунта-Хаджи и Л.Н. Толстым. В публицистических изданиях выказываются суждения о том, что Л.Н. Толстой является учеником Кунта-Хаджи Киши-ева, последователем его учения [7]. Более того, Кунта-Хаджи объявляется устазом Л.Н. Толстого [8]. Нет достаточных оснований (архивные документы, свидетельские показания, воспоминания и пр.), чтобы подтвердить эти новации. Тем не менее, считаю, можно поставить вопрос в несколько ином ключе. Исследователи могли бы в сопоставительном плане изучить этику ненасилия Кунта-Хаджи, учений Толстого и Ганди. И это непростая задача, она требует филигранного анализа, преодоления мифотворчества, которое буквально захлестывает историческое, общественное сознание.

Нельзя отрицать то, что Кунта-Хаджи раньше, чем Толстой, тем более, раньше Ганди, исходя из сложившихся реалий Кавказской войны, проповедовал идеи смирения, толерантности, непротивление злу, всепрощения. Для жестокого периода Кавказской войны учение ненасилия Кунта-Хаджи,

безусловно, явилось светом маяка, указывающим выход из мира насилия. В этом, думается, состоит гуманистическая ценность его учения, это прорыв от культа силы к культуре мира, гуманизма. Полагаю, что в связи с этим есть над чем поразмыслить исследователям истории и культуры чеченского народа.

Шейх Кунта-Хаджи – один из выдающихся духовных лидеров чеченского этноса, который в жестокое время Кавказской войны проповедовал антивоенные, миротворческие идеи, учение о ненасилии во имя сохранения своего народа. В контексте наших рассуждений хотелось бы обратить внимание и на такой факт. Его современные последователи, сохранив практическую часть (обряды и ритуалы), не освоили учения, его суть, дух. Преобладающее большинство из них не знакомо с его фундаментальными идеями: о терпении, ненасилии, милосердии, запрете на присвоение чужого труда, братской взаимопомощи. Конечно же, эти имеющие общечеловеческий смысл положения составляют основу ислама, но в период, когда Кунта-Хаджи их высказывал, в психологии воюющих царских генералов, солдат и горцев доминировали антигуманные императивы: наказать и усмирить, подавить волю чеченцев к сопротивлению, «усмирить навсегда народов или истребить непокорных» [9], продолжить газават и борьбу с русскими до последнего горца.

Надо отметить, что идеи Кунта-Хаджи для периода Кавказской войны, где звучал лозунг «Свобода или смерть» с одной стороны, а с другой – «усмирение навсегда или истребление непокорных», были неприемлемы. Хотя они выражали глубинные настроения горцев, нуждающихся в мире, а также настроение русского свободомыслия.

И в прошлом, и в настоящем царил, продолжает царить насилие, которое преодолимо только через борьбу, основанную на ненасилии, на несотрудничестве с насилием. Таков, как представляется, современный урок, который можно извлечь из учения одного из выдающихся духовных лидеров чеченского этноса.

Оглядываясь назад, осмысливая прошлое, извлекая из него самое ценное, нужно идти вперед, при этом очень важно, чтобы мы умели осваивать лучшие культурные и интеллектуальные достижения Востока и Запада. В противном случае может так случиться, что наш этнос окажется на задворках истории, путаясь под ногами более сильных, цивилизованных народов. И не дай Аллах, чтобы наши дети, внуки, правнуки были использованы в качестве дров в пожарищах по захвату ресурсов, территорий, передела мира.

Три фактора, которые должен непрерывно учитывать чеченский этнос в условиях нынешней глобализации:

1) сохранить и развить лучшие духовно-культурные традиции этноса;

2) стремиться к максимальной модернизации материальных, технологических условий своего существования и на этой основе значительно преодолеть бедность и нищету;

3) ориентировать подрастающие поколения на мощное интеллектуальное, физическое, профессиональное развитие в рамках единого государства.

Ответ на вопрос, быть или не быть этносу, заключается в конкретных делах, совершаемых каждым его представителем для общего блага, что проявляется в максимальной мобилизации его физического, духовно-культурного и интеллектуального потенциала.

Список использованных источников и литературы

1. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный, 1991. – С. 50–51.
2. Нурбахш Джавад. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2005. – С. 84.
3. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение... – С. 52.
4. Там же. С. 48.
5. Цит.: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение… – С. 44.
6. См.: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи в духовно-культурном пространстве чеченцев // Вайнах. – 2014. – № 1. – С. 67–73.
7. «Ужасная судьба отца и сына…». Авт.-сост.: М.А. Вахидова. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. – С. 294.
8. Там же. С. 302.
9. См.: Письмо Николая I ген.-фельд. Паскевичу об усмирении горских народов // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. – Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1959. – С. 58.

Духаев А.И.

ИЛЬЯС АРСАНГИРЕЕВ
(18?? – 1864)

Новое религиозное учение, получившее название «зикризм», зародилось в Чечне к концу 50-х годов XIX века как одна из форм протеста против губительной войны между кавказскими горцами и Россией. Основателем этого толка стал чеченский святой Кунта-Хаджи Кишиев, который выступил во имя спасения своего народа, изнурённого затяжной, кровопролитной и зашедшей в тупик Кавказской войной. Одним из соратников, живо поддержавших шейха из Илисхан-Юрта в этом благом деле, был Ильяс, сын Арсангири из Центороя – прадед первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова и прапрадед нынешнего Главы Чеченской Республики Рамзана Ахматовича Кадырова. Об этом стало известно из книги Хож-Ахмада-Хаджи Кадырова и Масхуда Заурбекова «На светлом пути Ислама» [1]. Мы нашли неоспоримые документальные сведения, подтверждающие факт духовного родства шейха Кунта-Хаджи Кишиева и Ильяса Арсангиреева.

14 июня 1863 года начальник Чеченского округа князь Александр Туманов пишет доклад на имя командующего войсками Терской области генерал-лейтенанта Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, в котором сообщает, что «учение Зикра» первоначально появилось в 1861 году в Ичкеринском округе и распространялось «выселившимся из Ичкерии… Кунтою». Далее Туманов дает нам сведения о том, что «последователи этого учения считали Кунту Устазом (Устаз – учитель непогрешающий, проповедующий всегда истину) и признавали за человека, советам которого они обязаны следовать и веровать в заступничество его за них в будущей жизни» [2].

Кунта-Хаджи Кишиев проповедовал, «что надо молиться Богу, жить мирно, трудиться и помогать бедным и, подавая собою этому пример, привлекал к себе все более и более приверженцев» [3]. Но, к сожалению, во все времена партия войны строила козни, чтобы любыми путями устранить таких миротворцев, призывающих к миру с Россией. В случае с Кунтой-Хаджи сторонники продолжения конфликта в Чечне оклеветали его в том, что он быстро набирает авторитет среди народа и в скором времени может объявить себя очередным имамом, чтобы возглавить восстание против России. Поэтому уже 25 июля 1863 года от начальника Главного Штаба Кавказской армии на имя Лорис-Меликова приходит секретная директива, согласно которой наместник Кавказа считает целесообразным воспользоваться предстоящей осенью или зимой, чтобы «сделать безопасным» чеченское население.

«Первою мерою, какую нужно принять, Его Высочество полагает арестование и ссылку Кунты со всем его семейством» [4].

3 января 1864 года Кунта-Хаджи Кишиев и его брат Мовсар были арестованы. Адъютант Лорис-Меликова – штабс-капитан Фон-Шак, 6 января доставил их во Владикавказ. Кунте-Хаджи было объявлено, что он высылается в Россию, но «срок пребывания и содержания его там зависеть будет от последующего поведения чеченцев» [5].

6 января 1864 года за № 37 начальник Терской области пишет рапорт наказному атаману Войска Донского следующего содержания: «Признав необходимым немедленно удалить из вверенной мне области уроженца Чечни Ших-Кунту, я сделал распоряжение об отправлении его на почтовых в сопровождении двух благонадежных урядников в Новочеркаск, где он и имеет быть представлен в штаб вверенного Вашему Высокопревосходительству войск.

Входя вместе с сим с представлением к Его Императорскому Высочеству командующему армиею о дальнейшем отправлении Кунты в одну из внутренних губерний, я покорнейше прошу распоряжения Вашего Высокопревосходительства, дабы впредь до получения особого о нем уведомления, Ших-Кунта содержался под строжайшим караулом, не подвергая его ни закованию в кандалы, ни тесному тюремному заключению, так как человек этот не принадлежит к разряду обыкновенных преступников и удаление его с Кавказа вызвано только крайнею степенью религиозного фанатизма, распространяемого им в мусульманском населении под видом особых религиозных обрядов и угрожающего принять политическое направление. Если во время пребывания своего в Новочеркаске Кунта пожелал бы писать на родину, то покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство приказать доставлять письма его в Штаб вверенных мне войск» [6].

Обратите внимание на слова – «человек этот не принадлежит к разряду обыкновенных преступников и удаление его с Кавказа вызвано только крайнею степенью религиозного фанатизма». Этим заключением сам начальник Терской области сознавал, что Кунта-Хаджи был наказан без какой-либо вины, а только лишь из-за своей глубокой набожности, в которой администрация края сочла увидеть религиозный фанатизм. Если сказать иными словами, он стал мучеником за веру.

Кунта-Хаджи и Мовсар в сопровождении штабс-капитана Фон-Шака, урядников Линейного казачьего войска 2-го Сунженского полка Афанасия Зайцева и Селкна Киргизова при переводчике из Владикавказа были отправлены в Новочеркасск (ныне – город в Ростовской области). Этап их лежал через станицы Змейскую, Пришибскую и так далее. 8 января их доставили в станицу Прохладную, а 12 января – на почтовых, в сопровождении урядни-

ков Зайцева и Киргизова, а также переводчика этап уже тронулся из Ставрополя в Новочеркасск, куда доставил арестантов 19 января 1864 года [7].

В начале января 1864 года также были арестованы пять видных векилей Кишиева: Гушмузуко-Хаджи и Тарко Вагапов из Гойтинского аула, Абду-Салам Тутгиреев из Алхан-Юрта, Корнай (Коврнук) Талебов из Гехи и Телип из Старых Атагов. 8 января 1864 г. группа эта прибыла в Екатериноград.

На свободе еще оставалось немало соратников Кунта-Хаджи, за каждым из которых стояли сотни приверженцев. Согласно документам, у Кишиева было 5 наибов, 44 векилей и 3000 мюридов [8]. За номером один среди векилей зикристов приведен Центороевского аула Ильяс из Беноевской фамилии, то есть из тайпа Беной. Он и является предком Кадыровых.

Учитывая то обстоятельство, что большая часть зикристских лидеров была на свободе и они в любой момент могли организовать волнения в народе по поводу ареста их духовного наставника, царская администрация стянула в Чечню военное подкрепление. Их опасения подтвердились. «Известие об арестовании Шейха Кунты, брата его Мавсура и пяти главных его векилей взволновало всю партию зикра», – гласит документ [9].

14 января 1864 года со всей Чечни в Герменчук собралось не менее 3 тысяч приверженцев Кунты. Они требовали освобождения шейха и других арестованных соратников. Генерал-майор князь Туманов двинул туда три батальона при двух орудиях, надеясь на то, что при виде войск люди разойдутся. Зикристы просто отошли из Герменчука к аулу Шали. Тогда Туманов 16 января стянул остальные войска из Грозного к Шали. Несмотря на переговоры, стороны не пришли к общему согласию, и противостояние кончилось кровавым исходом. «Произошло дело, едва ли виданное в Чечне, – пишет командующий войсками Терской области в своем рапорте. – Три тысячи фанатиков, без выстрела, с кинжалами и шашками, шли как исступленные, на отряд из шести батальонов» [10]. В этом столкновении полегло более 150 чеченцев, среди которых – 5 женщин.

26 января 1864 года командующий войсками Терской области генерал-лейтенант М.Т. Лорис-Меликов собрал в Грозном почетных старейшин и всех чеченских наибов, поставленных царской администрацией. Генерал докладывает наместнику Кавказа, что «при общем их сборе объявлено им, что они, как стоящие в главе народа, должны первые способствовать к восстановлению порядка, нарушенного зикристами, для чего необходимо захватить и выдать мне всех еще прежде назначенных к высылке, а также и главных зачинщиков и подстрекателей в Шалинском деле». Исполнение обряда зикра было запрещено по всей Чечне. Для выполнения этих требований Лорис-Меликов назначил окончательный срок до 1 февраля. При этом в ультимативной форме было заявлено, что «если к этому времени они не

доставят всех указанных мною лиц, то я двину войска к аулам и буду брать их оттуда силою, или вместо них возьму заложников, хотя бы в этом случае пришлось нам иметь дело с целым населением» [11].

Далее в том же рапорте № 40, датированном 4 февраля 1864 года, Лорис-Меликов пишет: «Все эти распоряжения произвели на представителей чеченского народа ожидаемого действия. Наибы и старшины, после напрасных попыток склонить меня к прощению обвиненных и отговорок в невозможности выдать остававшихся еще среди их зачинщиков, отправились по аулам для передачи народу всего ими слышанного… По возвращении из Грозной в свои аулы наибы и старшины приступили к арестованию указанных мною лиц. Из числа 12 векилей и последователей Кунты восемь уже представлены, и только трое из главных подстрекателей зикристов – Салам, Мулла Мачик и Гамзат-Хан – укрываются еще до сих пор. Семейства их и родственники в числе 15 душ задержаны и находятся в Грозной. Я имею ввиду сослать их вместе с прочими, если Салам, Мачик и Гамзат-Хан не будут отысканы и выданы жителями… Донося о всем изложенном Вашему Императорскому Высочеству, имею счастие испрашивать соизволения Вашего на высылку теперь же всех арестованных мною в Новочеркаск, к Наказному атаману Войска Донского, откуда они, по представлении мною должных сведений, будут отправлены в назначенные места в ссылку» [12].

Хотя Лорис-Меликов 4 февраля 1864 года писал о восьми арестованных векилях, «главных зачинщиках Шалинского дела», спустя ровно десять дней их число уже стало девять человек. 14–15 февраля в Грозненском военном госпитале все они получили медицинские свидетельства. Вот их список: Истисинского аула Джантемир Джамбиев – 49 лет от роду, Гельдигенского аула Чин Мирза (Ченмурза) Таумурзаев – 52 года, Шалажинского аула Чага Ций (Циев) – 56 лет, Урус-Мартановского аула мулла Эльмурза Салтымурзаев (Султамирзаев) – 45 лет, Бачи-Юртовского аула Лата (Лота) Гайтбеков (Айтбегов, Айкбиков) – 33 года, Цонтороевского аула Ильяс Арсангиреев – 40 лет и трое из Шалинского аула: Эдыш Беецы (Бециев) – 28 лет, Хасай Джанхотов – 28 лет и Ахтахан Хамзаев (Хамзатов) – 30 лет.

Свидетельство №145, в котором приводится медицинское освидетельствование «Ильяса из беноевской фамилии», даёт нам четкие сведения о нем: «Вследствие предписания конторы Грозненского военного госпиталя, от 14 февраля 1864 года, за № 109, того же числа, месяца и года, свидетельствовал я, в присутствии воинского начальника кр. Грозной, состояние здоровья содержащегося под присмотром Цонтороевского аула Ильяса Арсангиреева, и способен ли он к крепостным работам, причем, оказалось следующее:

чеченец Арсангиреев – 40 лет от роду, крепкого телосложения, в настоящее время не имеет никаких болезненных припадков и органических поро-

ков, а потому, я заключаю, что чеченец Арсангиреев к крепостным работам способен. В чем подписом моим удостоверяю. 1864 года февраля 14 дня. Кр. Грозная.

Подлинный подписали:

Прикомандированный к Грозненскому военному госпиталю лекарь, Коллежский Асессор Рымша и Воинский начальник крепости Грозной майор Алабин.

С подлинным верно: Лекарь Рымша» [13].

Согласно другому документу, Джантемиру Джанбиеву – 45 лет, Ченмурзе Таумурзаеву – 50 лет, Чага Цию – 54 года, Эльмурзе Султамирзаеву – 45 лет, Лота Айкбикову – 25 лет, Ильясу Арсангирееву – 30 лет, Эдыш Беецы – 26 лет, Хасай Джанхотову – 25 лет, Ахтахану Хамзатову – 35 лет [14].

Согласно медицинским свидетельствам, составленным 1 февраля 1864 года в станице Екатериноградской, содержащимся там под надзором зикристам Корнаю (Коврнук) Телебову было 36 лет, Абду-Саламу Тутгиреву – 36 лет, Телипу – 35 лет [15]. Двое из арестованных – Гушмазуко-Хаджи и Тарко Вагапов – 16 февраля 1864 года из Екатеринограда этапным порядком были отправлены в Новочеркасск [16].

20 февраля 1864 года Джантемир Джанбиев, Ченмурза Таумурзаев, Чага Ций, Эльмурза Султамирзаев, Лота Айкбиков, Ильяс Арсангиреев, Эдыш Беецы, Хасай Джанхотов и Ахтахан Хамзатов из Грозненской гауптвахты были отправлены в Екатериноград. Начальник находившегося в крепости Грозная Управления Среднего военного отдела Терской области генерал-майор князь Туманов того же числа рапортует Лорису-Меликову по этому поводу: «Доношу Вашему Превосходительству, что девять человек из приверженцев Кунты… в сопровождении урядника 2-го сунженского казачьего полка Болдырева на обывательских подводах отправлены к командиру Горского казачьего полка для содержания под строжайшим надзором на Екатериноградской гауптвахте, впредь до особого распоряжения, на путевое довольствие которых от кр. Грозной до места прибытия выдано из сумм управления вверенного мне округа на руки упомянутому уряднику примерно десять руб. серебром с приказанием выдавать каждому по 6 коп. в сутки, согласно табели, приложенной при отзыве начальника Главного управления наместника Кавказского от 30 июня – 8 июля прошлого, 1863 года за № 4548, препровожденной ко мне при надписи управляющего Канцеляриею майора Красницкого от 20 июля за № 3501» [17].

Документ о расходе на арестантов, датированный 20 февраля, сообщает: «Выписаны в расход деньги согласно предписания Командира Горского полка от 20 сего февраля № 194, 9-ти политическим преступникам, Джантемира Джанбиева, Ченмурза Таумурзаева, Чага Ции, Эльмурза Султамирза-

ева, Лота Айкбикова, Ильяса Арсангиреева, Эдыш Беецы, Хасай Джанхотова и Ахтахан Хамзатова, с 20 февраля по 1 марта на десять дней по 6 коп. в сутки всего пять руб. сорок коп. серебром. Получил караульный офицер, хорунжий Медведев» [18]. Есть еще документы, согласно которым с 1 марта по 1 апреля разные караульные казаки получали деньги на неделю или десять дней для выдачи арестантам по 6 копеек в сутки.

Генерал-майор князь Туманов 28 февраля 1864 года пишет рапорт командующему войсками Терской области о том, «что 3 семейства приверженцев Кунты из 14 душ обоего пола и 9 политических преступников… доставлены благополучно в ст. Екатериноградскую, за исключением ребенка 1 года сына чеченца Валерикского аула Гасыма (он же Мачик), умершего 11 февраля на пути следования из ст. Мекенской в Наурскую» [19].

26 марта 1864 года командир Горского казачьего полка из Екатеринограда докладывает начальнику Терской области, что 9 векилей Кунта-Хаджи, в том числе Ильяс Арсангиреев, «сего числа переданы на Прохладенский этап для отправления в г. Новочеркаск» [20].

По дороге многие арестанты простудились и заболели. Трудно себе даже представить тот ужасный путь, который они проделали на этапах в зимнюю стужу, на продуваемых ледяным ветром почтовых подводах. Доехав до Новочеркасска, в тюремном замке этого города они соединились со своим устазом Кунтой-Хаджи, Мовсаром и остальными пятью соратниками, ранее высланными туда и в ужасающих, леденящих душу холодных бетонных камерах переживших зиму, ожидая, в какое захолустье российской глубинки их закинет злая судьба. Ильясу Арсангирееву недолго суждено было находиться в этих жутких казематах. Скоро по прибытии в Новочеркасский тюремный замок он слег в больницу.

Из-за массовых болезней заключенных врачи не успевали оказывать им медицинскую помощь. Поэтому, в отношении Новочеркасского попечительского комитета о тюрьмах, от 11 марта 1864 года за № 92 сообщается о прикомандировании фельдшера Ивана Полякова к больнице войскового тюремного замка «с тем, чтобы он находился там дотоле, покуда число арестантов и переселенных горцев уменьшится до обыкновенного их состояния» [21].

Несмотря на тяжелое состояние здоровья заключенных горцев, царская администрация каждому из них определила место ссылки. Ильяс Арсангиреев был приговорен на четыре года каторжных работ в городе Динабург (ныне город Даугавпилс (Двинск) в Латвии). Его соратники: Джантемир Джанбиев – на пять лет в Кронштадт, Чемурза Таумурзаев – на пять лет в Свеаборг (ныне Суоменлинна в Финляндии), Чага Ций – на пять лет в Выборг, Эльмурза Султамирзаев – на четыре года в Ригу, Лота Айкбиков – на четыре года в Динаминд (Даугавгрива, Усть-Двинск – Латвия), Эдыш Беецы –

на четыре года в Бобруйск, Хасай Джанхотов – на четыре года в Брест-Литовск, Ахтахан Хамзатов – на пять лет в Бендеры.

Но планы царских палачей, готовивших к ссылке Ильяса Арсангиреева в Динабург, не осуществились. Он ушел из жизни 20 апреля 1864 года, до конца оставшись верным религиозной идее, которой посвятил всю свою жизнь, так же, как спустя ровно 140 лет, 9 мая 2004 года, за мир в Чечне и укрепление религиозных традиций своих отцов пожертвует собой выдающийся его потомок Ахмат-Хаджи Кадыров.

Документ от 24 апреля 1868 года сообщает об этом тревожном событии: «Чеченцы: Чага Ций и Тарко Вагапов, как видно из уведомления Начальника среднего военного отдела от 27 прошлого марта за № 1168, из войскового тюремного замка войска Донского в 1864 году отправлены по назначению в кр. Выборг, Ильяс же Арсангиреев… в больнице Новочеркаского тюремного замка 20 апреля того же года умер» [22].

Соратники Ильяса в письмах домой, в адрес своих родственников, тоже сообщают о факте его смерти. Цитируем несколько таких писем ссыльных мюридов Кунта-Хаджи: «От Джантемира [23] Тавмурзаева, Чаго Циева, Люта Айтбегова и Джантемира Джанбиева к их семействам и родным жителям их деревни и всем. Привет. Не печальтесь о нас, мы живы. Ильяс умер в прошлом Рамазане месяце [24]. Если Бог даст, то мы, может быть, встретимся. Приобретайте себе пропитание честным путем и не гневайтесь ни на кого из-за нас, ибо то, что с нами случилось, есть Божие определение... Мы боимся умереть и быть похороненными здесь, без омовения (по обряду мусульман) и молитвы. Джангирей из деревни Чермой умер, Яндырхан из деревни Арал также умер еще прежде его, Салгирей из деревни Мартан тоже умер.

Мы не знаем о положении тех наших товарищей, которые с нами разлучились, как, например, о Хаджи Кунте, его брате Мавсуре и о других. Просите Бога, чтобы Он дал нам освободиться от такого несчастия, постигшего нас.

От Люта Айтбегова к старшему брату его Бата Шамурзаеву и младшему Куни Цамакову, к наибу Хасау [25] и сыну брата матери его Талхи. Привет. Я надеюсь, что вы, по получении сего письма, будете стараться о моем освобождении…

От Джантемира к женам его: Тота и Бал. Приказывайте Аюбу и Хадису учиться читать, может быть, они будут молить Бога о нас, после нашей кончины. Завещаю вам, семейство мое, жить вместе, союзно и без ссоры. Дай Бог, чтобы вы прислали мне письмо с дозволения начальства, с надписью на мое имя.

Джамурзе Шадиеву и брату его по матери Мухаммаду Дотову. Привет. Я видел вашего брата, он отправился в Сибирь и просил вас похлопотать о

его освобождении. Прошу тебя, Мухаммад, сходи к князю Турло и попроси написать бумагу князю Туманову с просьбою об исходатайствовании мне прощения. Сыну моего брата Эльмурзе и всем моим детям советую учиться читать. Прошу вас, жители аула Гельдыген, рассмотреть внимательно то, что напишет Турло князю Туманову обо мне. Это письмо посылается мулле Грозненского аула.

Переводил сотник (подпись – Голубев). 2/VII. 65 г.» [26].

Далее эпистолярные источники свидетельствуют: «От Люта Айтбегова к братьям его: Булатуко и Булатхану, к сестре его Сапи, племяннику Ахмаду и Махмуду; к старшему брату Давлят Шамурзаеву, сыну его Булатию, наибу Хасау [Герзели], брату его меньшому Куни Цамакову, к Басихан, Далхи, Чанки, родственнику Дада Аскаеву да будет привет.

Уведомляю вас, что мы боимся того, что если воскресение наше в последний день будет не между мусульманами. Я жив и проживаю в Каменской ст. при Донце. Проживаю здесь я с месяца Джумадил-Ахира и до настоящего месяца Мухаррама, и нас не отправляют ни дальше, ни назад. Нам как-то сказывали здесь русские, что мы будем возвращены домой, но, однако, мы теперь не знаем, куда мы отправимся. Поэтому просим вас изыскать способ к нашему освобождению и просите об этом высшее начальство, так как мы не имеем помощника, кроме Бога и вас. Я молю за вас Бога день и ночь, а вы молите Бога обо мне и не забывайте меня.

О, семейство мое, приобретайте себе пропитание честными трудами, несмотря ни на что, и до самой смерти исполняйте магометанскую веру. Не гневайтесь за нас ни на кого. Я прощаю всем, кто говорил что-либо [плохое] про меня. По получении сего письма, которое дай Бог вам получить, вы уведомьте меня о себе на этом же и пришлите мне кинжал, приличный для маленького мальчика. У присматривающего за нами есть сын – мальчик, ласковый ко мне, которому я сказал, что пришлю ему кинжал.

О, брат мой Билатука, если ты услышишь о моей смерти в этой стороне, то завещаю тебе принести три жертвы обо мне (Богу) и утвердить камень (памятник) на кладбище, где была война с неверными при проходе дороги чрез реку Гонсул, против деревни Маертуп. Завещаю тебе также смотреть за семейством покойного брата нашего.

Пришлите мне уведомление о том, кто из больных лиц нашей деревни умер; я буду за тех молить Бога. Ильяс Арсагиреев умер в прошлом Мухарраме месяце и мы похоронили его по обряду нашей веры [27]. Яндырхан из деревни Арджихай умер. Не печальтесь о нем никто. Пришлите мне шапку и рубаху, с уведомлением на сем же, адресуя письмо на мое имя, дабы можно быть уверену в получении вами этого письма.

О положении Хаджи Кунты и брата его Мансура мы ничего не знаем, а только встретили мы одного мусульманина, шедшего из Сибири, который

на спрос наш сказал, что они отправились в Москву. У этого азиатца было от них письмо, но караульные наши отобрали оное у меня.

Переводил сотник (подпись – Голубев). 2/VII. 65 г.» [28].

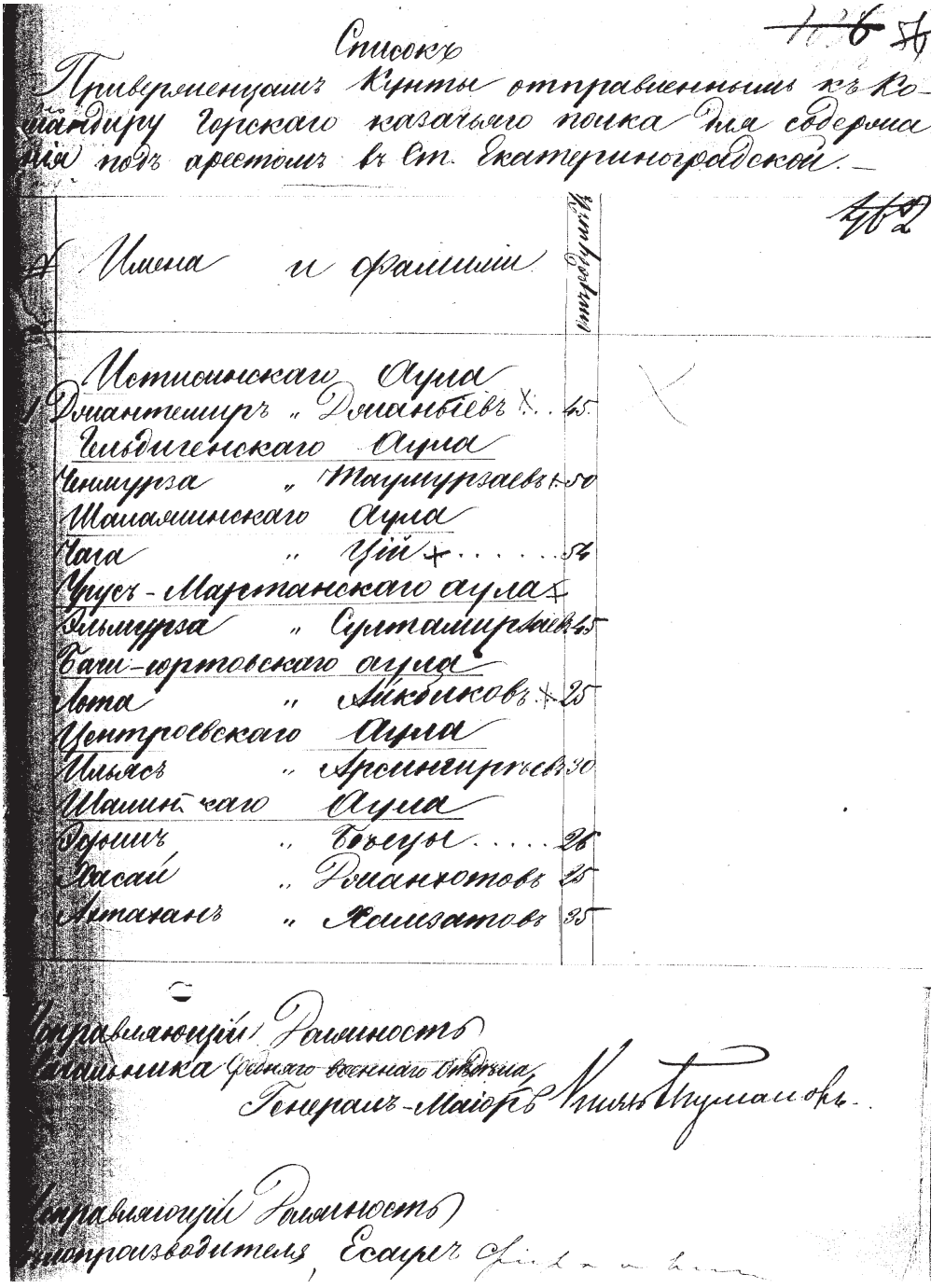
Из последнего письма мы узнаем, что Ильяс Арсангиреев похоронен его соратниками по обряду мусульманской веры. Все соответствует преданию, опубликованному в книге «На светлом пути Ислама» Хож-Ахмадом-Хаджи Кадыровым: «Я слышал от своего дяди Шахада, что Коврнака рассказывал следующее: Кунта-Хаджи и его брат Мовсар были в одной камере, а через стену в другой камере находились остальные мюриды. Перегородка имела трещину, и они могли свободно общаться между собой. Ильяс заболел и его перевезли в гарнизонный лазарет. Через месяц после этого, поздней ночью из-за перегородки раздался голос Кунта-Хаджи. Он сообщил: «Наш товарищ Ильяс скончался в лазарете, взбодритесь, совершайте омовение, утром попросим разрешение и похороним его».

На рассвете Хаджи постучал в дверь, подозвал надзирателя и сказал ему: «Нам сообщили о том, что в лазарете скончался наш сподвижник. Мы просим разрешить нам похоронить его согласно нашим религиозным предписаниям». Надзиратель ответил: «Нам ничего неизвестно о смерти вашего товарища. Мы рассмотрим вашу просьбу, и если он действительно скончался, будем ходатайствовать о разрешении вам похорон».

Вскоре двери камеры открылись и нас вывели. В длинном коридоре уже стояли Хаджи и Мовсар. Под их началом мы пришли в лазарет, забрали оттуда тело Ильяса, сложили свои сбережения и купили у местных татар большого барана, принесли его в жертву и достойно похоронили вашего отца Ильяса. При этом укладывали тело в нишу могилы Хаджи и Мовсар, – так поведал Коврнака брату моего деда Адсаламу о судьбе моего прадеда Ильяса» [29].

Согласно архивным документам, Ильяс Арсангиреев действительно заболел, около месяца лежал в больнице Новочеркасского тюремного замка и скончался 20 апреля 1864 года. Был похоронен по мусульманским обычаям. Кунта-Хаджи и Мовсар в момент его смерти еще находились в Новочеркасске и вполне могли возглавить церемонию погребения Арсангиреева. Их отправили оттуда в места ссылки только 23 июня 1864 года: Кунту Кишиева – через Тамбов в Новгородскую губернию, уездный город Устюжна, а Мовсара – в город Выборг [30]. Во время конвоирования Мовсар Кишиев бежал из этапа и переселился в Турцию, где недавно нашли его могилу. Карнай (Коврнака) Талебов отбывал срок ссылки в уездном городе Юхнове нынешней Калужской области. В документе от 30 апреля 1870 года сообщается, что «Государь Император, по ходатайству Его Высочества Главнокомандующего, всемилостивейше соизволил повелеть: чеченца Карная Талебова переслать в Трапезунд, чрез Одессу» [31]. Из Турции Коврнака в скором времени вернулся домой и рассказал Абдусаламу Ильясову о судьбе его отца.

Приложение №1.

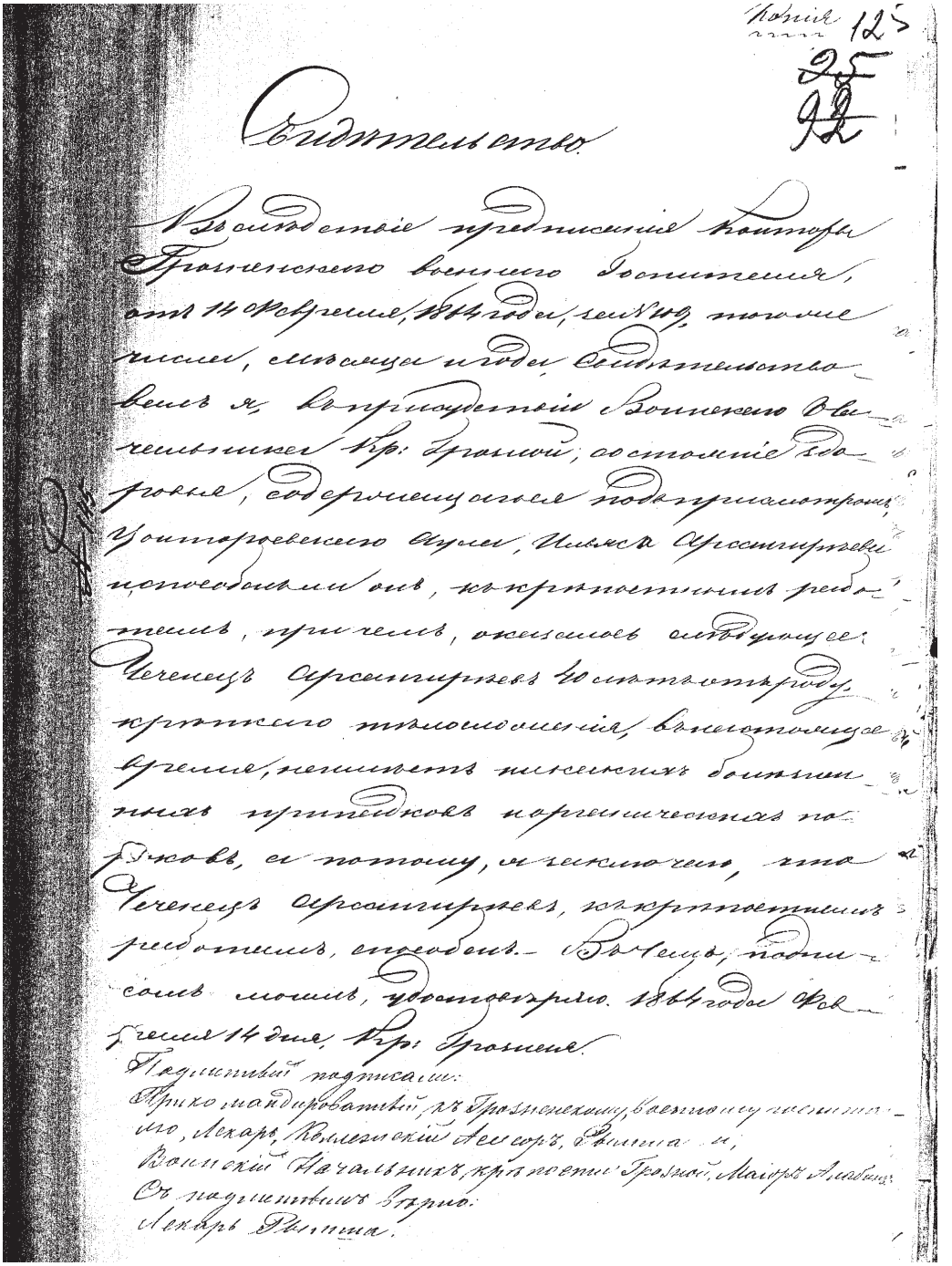
Списокъ

Привременующихъ Кунты отправленныхъ къ Командиру Горскаго казачьяго полка для содержанія подъ арестомъ въ ст. Екатеринодарской.

№	Имена и фамиліи	Количество
	Истомовскаго аула	
1	Джантемиръ „ Джанбулевъ	45
	Гильгилевскаго аула	
	Чемирза „ Тахмирзаевъ	50
	Шамамшевскаго аула	
	Чага „ Уйй	54
	Урусъ-Мартановскаго аула	
	Бимирза „ Султанмирзаевъ	45
	Баги-юртовскаго аула	
	Лота „ Аликановъ	25
	Центороевскаго аула	
	Шихъ „ Арсанукаевъ	30
	Шаминскаго аула	
	Души „ Бобеги	26
	Хасай „ Джанхотовъ	25
	Ахтахинъ „ Хамзатовъ	35

Управляющій Должностью
Начальника Сунженскаго военнаго Округа,
Генералъ-Маіоръ Князь Тумановъ.

Управляющій Должностью
Делопроизводителя, Есаулъ

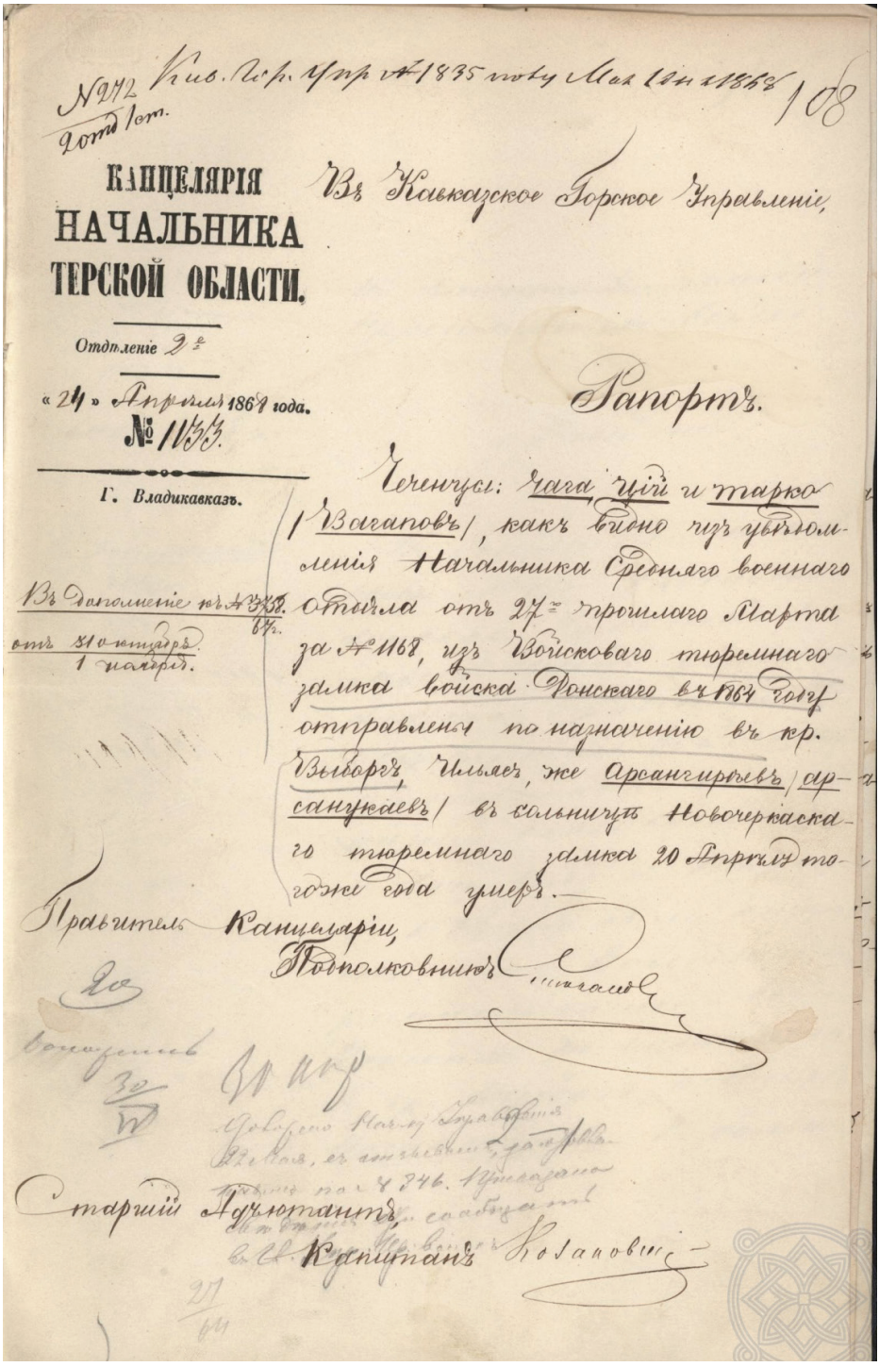

Свидетельство.

Высочайше предписание Конторы Грозненского военного госпиталя, от 14 февраля, 1864 года, за № 109, точным числом, сим сим и годом, Свидетельствовал я, в нижеподписавшемся Военно Фельдшер Кр. Грозной, состоящей подъ руководством Уполномоченного Округа, Ильяса Арсангиреева, потребовавшим от меня, в присутственных ребятах, причем, оказалось следующее: Чеченец Арсангиреев Ильяс Магомедов, крепкого телосложения, благополучного времени, нет имеет никаких болезненных припадков и органических пороков, и потому, и сколько чем, что Чеченец Арсангиреев, к нижеподписавшимся работникам, способен. Вместо, подписью моим, удостоверяю. 1864 года Февраля 14 дня, Кр. Грозной.

Подлинный подписали:
Фельдшер Ахмадов, к Грозненскому, Военному Госпиталю,
Лекарь, Военский Фельдшер, Фалина и,
Военский Начальник, Кр. Грозной, Майор Алабин
С подлинным Верно:
Лекарь Фалина.

Документ 2. Свидетельство о медицинском обследовании Ильяса Арсангиреева

КАНЦЕЛЯРІЯ
НАЧАЛЬНИКА
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Отдѣленіе 2-е

«24» Апрѣля 1864 года.
№ 1153.

Г. Владикавказъ.

Въ Кавказское Горское Управленіе,

Рапортъ.

Чеченцы: Чага чій и Тарко /Ваганов/, какъ видно изъ объясненія Начальника Средняго военнаго отдѣла отъ 27-го прошлаго Марта за №1168, изъ Войскового тюремнаго замка войска Донскаго въ 1864 году отправленъ по назначенію въ кр. Выборгъ, Ильясъ, же Арсангиреевъ /арсангуевъ/ въ больницу Новочеркасскаго тюремнаго замка 20 Апрѣля того же года умеръ.

Въ дополненіе №№ 3355. 84.
отъ 31 октября.
1 ноября.

Правитель Канцеляріи,
Подполковникъ

Старшій Адъютантъ,
Капитанъ

Документ 3. Справка о смерти Ильяса Арсангиреева от 24 апреля 1864 г.

Так ушел из жизни, в самом расцвете лет, Ильяс Арсангиреев, испытав все муки царских застенков, не изменив Вере, своему устазу Кунте-Хаджи и Зикру. Несмотря на сковавшую его болезнь, в холодных тюремных камерах он показал твёрдость духа и силу воли, присущую их роду. В наши дни мы убеждаемся, что семья Кадыровых, ведущая своё происхождение от Абдулкадыра – сына Ильяса Арсангиреева, не теряет свою духовную связь с предками и на примерах их героических подвигов строит будущее нашей республики.

Список использованных источников и литературы

1. Кадыров Х.-А.Ж., Заурбеков М.Д. На светлом пути Ислама. [Текст] Х.-А.Ж. Кадыров, М.Д. Заурбеков. Элиста: ЗАОр «ИПП «Джангар». 2008. 365 с. – С. 13–14.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 14719, оп. 3, д. 756, л. 2.
3. РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 756, л. 2 об.
4. РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 756, л. 15 об.
5. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 2, д. 283; Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 2-3.
6. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 5.
7. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 6, 10,13, 15.
8. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 60-61 с об.
9. РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 756, л. 25.
10. Там же, л. 28 об.
11. Там же, л. 18 об. – 19.
12. Там же, л. 19 об., 20, 22.
13. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 285; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1247, л. 56.
14. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 34-36.
15. ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 82.
16. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1247, л. 55 об.
17. Там же, л. 9.
18. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 117-118; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 86 об.
19. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 137-138; ЦГА РСО-А, ф.12, оп. 6, д. 1246, л. 101об.
20. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), ф. 446, оп. 1, д. 50, л. 161 об.
21. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, л. 77; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 120.

22. Читайте – «Джанмурза», так по-арабски писалось имя Чиммирзы Таумирзаева. Не путать с шейхом Чиммирзой Хамирзаевым из Майртупа.
23. Месяц Рамадан 1280 года по Хиджре начинался 9 февраля 1864 года и длился до 9 марта того же года. Авторы письма допустили неточность. В феврале и марте Ильяс Арсангиреев еще был жив.

24. Хасау Герзели – царский офицер, наиб Качкалыковского участка Чеченского округа, потомок основателей селения Герзель-Аул.

25. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, л. 86 об, 95, 95 об, Письмо № 4; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 131, 143-144.

26. Месяц Мухаррам 1281 года по Хиджре начинался 6 июня 1864 года и заканчивался 4 июля 1864 года. Тут тоже допущена неточность в дате смерти Ильяса Арсангиреева.

27. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, л. 87, 96-97, Письмо № 5; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 132, 145-147.

28. Кадыров Х.-А.Ж., Заурбеков М.Д. На светлом пути Ислама. [Текст] Х.-А.Ж. Кадыров, М.Д. Заурбеков. Элиста: ЗАОр «ИПП «Джангар». 2008. 365 с. – С. 13–14.

29. Кадыров Х.-А.Ж., Заурбеков М.Д. С. 13–14.

30. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, л. 141; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 296, л. 64.

31. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, л. 40; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 58.

Духаев А.И.

АБДУССАЛАМ ТУТГИРЕЕВ – СПОДВИЖНИК КУНТА-ХАДЖИ *(1844–???)*

Настоящая статья посвящена жизни и деятельности сподвижника великого шейха Кунта-Хаджи – Абдуссалама Тутгиреева, талантливого арабиста, религиозного и политического деятеля Чечни 60-х гг. XIX в., составителя и автора рукописи «Ответы изобильного устаза на вопросы черпающего мурида». Как известно, учение Кунта-Хаджи, изложенное в данном трактате, оказало и продолжает оказывать огромное влияние на формирование общественного сознания и менталитета чеченского народа. При этом мы не касаемся вопросов содержания суфизма и специфики суфийского учения Кадырийя вследствие их достаточной исследованности.

Семья Тутгиреевых, происходившая из тайпа Мелардой, имела богатую историческими личностями генеалогию. Они, выходцы из княжеского рода Турловых, были уважаемы в Алхан-Юрте не только по причине знатного происхождения, а преимущественно из-за своего благопристойного образа жизни. Набожность, благородство, храбрость, умеренность в потребностях, готовность помочь нуждающимся – вот неполный список добродетелей, за кои они пользовались авторитетом среди односельчан.

Основателем собственно фамилии Турловых, как показывают исследования Т. Айтберова и Я. Ахмадова, был князь Турло (*чеч.* – «ТIурло»), сын Каракиши из общества Гумбет (*чеч.* Мелардой) в Дагестане, происходивший из рода хунзахских ханов (восходившего, по легенде, к роду Пророка Мухаммада (с. а. с.), представители которого с незапамятных времён переселились из арабских стран на Кавказ). Три сына Турло – Загашдука, Алибек и Алихан Турловы, с племянником Кучбаром (*чеч.* Хушпар) к середине XVII в. переселились в Чечню (по приглашению местного населения). Они поселились в центре Чеченской равнины, где было основано селение Чечен-Аул.

После смерти Алибека Турлова владетелем Чечен-Аула стал его сын князь Бартихан (Бердыхан) Алибеков-Турлов. Затем по наследству власть перешла в руки его сына князя Айдемира Бердыханова (он был старшим князем Чеченского владения в 30–40-х гг. XVIII в.). У Айдемира Бердыханова было три сына: Арсланбек (вариант: Расламбек), Бартыхан и Мухаммад (Мамат). Младший из братьев, Мамат Айдемиров, является отцом князя Нурмамата (*чеч.* Нурмохьмад) Маматова, приглашенного на правление в аул Чахкери (был основан не позднее середины XVII века выходцем из Шатоя Бахамад-Али) [1].

Сын Нурмамата, князь Алхан Нурмаматов, в 1782 году выехал из Чахкери и основал на р. Сунже селение Алхан-Юрт. Сын Алхана – Леча, после

смерти отца долгие годы был старшиной Алхан-Юрта. Сын Лечи Алханова – Тутгира Лечиев – был одним из храбрых воинов периода имамата Шамиля. В семье Тутгиры в 1260 году Хиджры (1844 г.) и родился герой нашего повествования – Абдуссалам Тутгиреев [2].

Абдуссалам был первенцем у своих родителей Тутгиры и Созы, а потому самым любимым ребёнком в семье. У него было два брата – Абдуссубур и Абдулкудус, а также сестра Маржан. У их дяди по отцу Саламгири (*чеч.* Солангира) было трое детей: сыновья Яхъя, Дуда (ЧIучIа) и дочь Холбат [3].

Абдуссалам с детства выделялся среди родных и двоюродных братьев незаурядным умом и тягой к грамоте. В горской арабской школе (хьуьжар) он с раннего возраста выучил арабский и тюркский письменные языки. Рано потеряв отца и дядю, Абдуссалам с юных лет зарабатывал переписывая и сшивая для продажи рукописные книги (чеч. жайна) по арабской и тюркской грамматике для муталимов, обучающихся в начальных горских школах того времени. Таким образом, он помогал матери Созе поставить на ноги младших братьев и сестру, а также осиротевших детей дяди Саламгири, которых все жители Алхан-Юрта со временем стали принимать за племянников Абдуссалама [4].

Совсем ещё малышом Абдуссалам познакомился со своим именитым родственником, которого называл дядей (ваша), – Кунтой-Хаджи Кишиевым из Илисхан-Юрта, которого все уважали за праведный образ жизни. Тот был частым гостем в их селе: останавливался на ночлег у своих муридов – Салама Мусалаева и Ломаки (Ламха) Мусаева – по дороге в Ингушетию и обратно. Абдуссалам очень привязался к святому угоднику и с жадностью вслушивался в его проповеди о религии, зикре и правилах поведения в обществе. Учение шейха Кунта-Хаджи было так близко его духовному миру, что в 17 лет Абдуссалам уже стал одним из его векилей *(в переводе с арабского – «уполномоченный», «заместитель». Чеченское – «векал». – А.Д.)*.

В селении Алхан-Юрт тогда набралось до 300 приверженцев нового религиозного толка [5]. Молодой человек уже сам стал вести проникновенные проповеди среди адептов тариката Кадырийа. Его часто стали замечать рядом с шейхом Кунта-Хаджи, под диктовку которого он писал письма разным адресатам. Праведнику нравился почерк и изысканный слог Абдуссалама. Действительно, сын Тутгиры был не по годам одарённым и грамотным человеком. Удивительно, но юноша Абдуссалам показал себя блестящим учёным-богословом, что, согласно документам, в столь юные годы был кадием «кавказской деревни Алхан-Юрт» [6]. Учёный Вахит Акаев называет Абдуссалама Тутгиреева личным секретарём Кунта-Хаджи [7].

Закончилась Кавказская война. Наступила долгожданная мирная жизнь. В 19 лет Абдуссалам Тутгиреев женится. Молодая супружеская пара строит большие планы на будущее. Вскоре у них должен был родиться ребё-

нок. И, казалось бы, чего ещё нужно молодой семье, чтобы построить своё счастье! Но беда стучится в дом, когда её не ждёшь.

Несмотря на то, что проповеди Кунта-Хаджи имели исключительно мирный характер, возросший авторитет шейха серьезно насторожил царскую администрацию на Кавказе. По их мнению, только что замиренный край в любой момент мог вооружиться и пойти за такой сильной личностью против России. В связи с этим, по указанию наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича Романова, 3 января 1864 года шейх Кунта-Хаджи и его брат Мовсар были арестованы. Спустя три дня репрессиям были подвергнуты также пять ближайших сподвижников Кишиева – Гушмазука-Хаджи и Тарко Вагапов из Гойты, Абдуссалам Тутгиреев из Алхан-Юрта, Ковранука Талебов из Гехи и Телип Вагапов из Старых Атагов. Арестантов через станицу Екатериноградскую (ныне станица Екатериноградская в Прохладненском районе Кабардино-Балкарской Республики. – *А.Д.*), этапным порядком направили в город Новочеркасск – столицу Войска Донского.

Абдуссалама обвинили в том, что он является одним из главных распространителей учения «Зикр», и отправили в бессрочную ссылку. Исполняющий должность начальника Среднего военного отдела генерал-майор князь Туманов 7 января 1864 года писал в рапорте командующему войсками Терской области: «…Заарестованы и отправлены в Екатеринограда, для содержания на тамошней гауптвахте, вперед особого приказания Вашего Превосходительства, векиля нового учения зикры: Гойтинского аула муллы Гошмазуко Хаджи и Тарко; Алхан-Юртовского аула Абдусалам Тутгиреев; Гехинского аула Корнай Талебов и Старо Атагинского аула Телип; все они жители Урус-Мартановского наибства» [8].

Арестанты 8 января 1864 года были доставлены в Екатеринограда [9]. Их заточили на полковую гауптвахту. Об этом 14 января 1864 года докладывает командир Горского казачьего полка: «Пять человек политических преступников, именно: жители Гойтинского аула Гуш Музуко Хаджи и Тарко, Алхан-Юртовского Абду Салима Тутгиреев, Гехинского аула Корнай Толебов и Атагинский житель Телип, 8-го числа в Екатеринограда прибыли и содержутся на Полковой гауптвахте вверенного мне полка; при чем доношу, что помещения на гауптвахте имеется не более как еще на пять человек» [10].

Денежного довольствия каждому назначили по 6 копеек серебром в сутки [11]. Кроме того, пяти векилям Кунта-Хаджи было «куплено в пищу два барана» за 4 рубля серебром [12].

Известие об аресте шейха Кунта-Хаджи, его брата Мовсара и пяти векилей произвело волнения в народе. 14 января 1864 года до 3000 приверженцев учения Кишиева из разных уголков Чечни собрались в с. Герменчук. Они сложили огнестрельное оружие и намеревались мирным маршем пойти в Шали, где, по их мнению, содержались арестанты, и потребовать от властей освобож-

дения заключённых лидеров зикристов. «Предводимые фанатиками, не вынимая оружия, но надеясь лишь на сверхъестественную силу отсутствующего Кунты и помощь неба, с молитвами и пляскою пошли [они] на наши батальоны», – писал начальник Аргунского округа А. Ипполитов [13]. Но опасавшиеся нового восстания царские войска по приказу генерал-майора князя Туманова 18 января 1864 года расстреляли мирную демонстрацию кунтахаджинцев [14].

После открытия войсками залпового огня по ним зикристы, осознав, что дело мирным путём уже не решится, выхватив кинжалы, бросились врукопашную. Это кровавое побоище под Шали назвали «Кинжальным боем». Орудия и огнестрельное оружие регулярных царских войск взяли верх над неорганизованной толпой чеченцев. Зикристы отступили, оставив на поле брани более 150 человек убитыми [15]. Среди них пал также один из ближайших друзей Абдуссалама – Исхак Хурукиев из Бухун-Юрта (Алды) [16].

«Главные зачинщики и подстрекатели в Шалинском деле» были арестованы 1 февраля 1864 года. Это Джантемир Джанбиев из Исти-Су (49 лет), Чиммирза (Джаммирза) Таумурзаев из Гельдыгена (52 года) (не путайте с зикристским шейхом Чиммирзой Хамирзаевым из Майртупа, которому в указанное время было всего 23 года (Государственный архив Калужской области, ф. 785, оп. 1, д. 312, л. 2 об. – *А.Д.*), Чага Ций (Уциев) из Шалажи (56 лет), Эльмурза Султамирзаев из Урус-Мартана (45 лет), Лота Гайтебеков (Айкбиков) из Бачи-Юрта (33 года), Ильяс Арсангиреев из Центороя (40 лет), Эдыш Беецы (Бациев) из Шали (28 лет), Хасай Джанхотов из Шали (28 лет) и Ахтахан Хамзатов из Шали (30 лет). Шейхи Салам Мусалаев из Алхан-Юрта, Косум (Мачик) Базоев из Валерика и Хамзатхан Дундуев из Илисхан-Юрта тогда скрылись от властей. Но вскоре они тоже были задержаны и препровождены в ссылку.

Пока в Чечне происходили эти бурные события, Абдуссалам Тутгиреев и его соратники находились в заключении в станице Екатериноградской и не знали, что творится дома. Духовный наставник зикристов Кунта-Хаджи Кишиев и его брат Мовсар, высланные чуть ранее, 19 января 1864 года были доставлены в город Новочеркасск и заточены в стенах Новочеркасского тюремного замка.

Главный лекарь Екатериноградского военного госпиталя Лебедев 1 февраля 1864 года выписал Абдуссаламу Тутгирееву свидетельство о состоянии здоровья, в котором врач одним росчерком пера сделал арестанта взрослее своего возраста на 16 лет и рекомендовал его к каторжным работам. Ознакомимся с документом:

«По отношению командира горского казачьего полка от 31 января за № 134, Контора Екатериноградского военного госпиталя свидетельствовала состояние здоровья содержащегося на полковой гаубтвахте (так в документе. – *А.Д.*) чеченца Абду-Солима-Тутгиреева, по освидетельствовании кото-

рого оказалось: по-видимому ему лет 36 от роду, посредственного телосложения от природы, не имеющий никаких болезненных припадков, а потому Контора госпиталя заключила, что он Абду-Солима-Тутгиреев, к крепостным работам способен. В удостоверение чего и дано это свидетельство за надлежащим подписом и приложением казенной печати февраля 1 дня 1864 года. Ст. Екатериноградская.

Главный лекарь, коллежский советник (подпись).

Смотритель госпиталя, штабс-капитан (подпись)». Внизу круглая гербовая печать с двуглавым орлом [17].

Начальник Терской области 14 февраля 1864 года отправил предписание командиру Горского казачьего полка: немедленно отправить узников-зикристов из Екатеринограда по этапу «в виде арестантов и за строгим караулом» в г. Новочеркасск [18]. Во исполнение этого предписания, 16 февраля 1864 года пять соратников Кунта-Хаджи были отправлены в указанный город [19]. На освободившееся место 20 февраля из Грозненской гауптвахты в станицу Екатериноградскую были высланы девять векилей Кунта-Хаджи: Джантемир Джанбиев, Чиммирза Таумурзаев, Чага Ций, Эльмурза Султамирзаев, Лота Гайтебеков, Ильяс Арсангиреев, Эдыш Беецы, Хасай Джанхотов и Ахтахан Хамзатов [20].

Абдуссалама вместе с четырьмя единомышленниками в конце февраля 1864 года доставили в Новочеркасск. В тюремном замке этого города с 19 января томились в заточении шейх Кунта-Хаджи и Мовсар Кишиевы. Тяжесть ссылки для арестантов облегчилась, когда они встретились в застенках со своим духовным наставником. Здесь у Абдуссалама Тутгиреева зародилась идея написать религиозное сочинение, заложившее письменную основу учения Кунта-Хаджи Кишиева.

Абдуссалам пишет об этом: «Когда мы попали в руки шайтана и христианского народа и нас отдалили от своих братьев и родных очагов, у меня появилась возможность проводить время с господином того времени (Хаджи). Я незамедлительно стал извлекать пользу от этих встреч… начиная от месяца Зуль-Хиджжа до Жумадиль-Ахира (месяц Зуль-Хиджжа 1280 года Хиджры начинался 7 мая 1864 года; месяц Жумадиль-Ахира 1281 года заканчивался 30 ноября 1864 г. Получается, Абдуссалам провёл с шейхом Кунта-Хаджи семь месяцев. – *А.Д.*). Аллах ниспослал дни, обильные дождём Своего милосердия, и в светлое время этих дней я находился рядом с Хаджи, а также мы сидели с ним вместе короткое время во мраке ночи.

Я стоял за Хаджи во время его молитв. Разделял с ним скромную трапезу. В это время по воле Аллаха я стал заменять ему чадо любящего отца.

Для тебя (ты бери, о мурид) результат того, что я собрал у него в виде ответов на вопросы. Я записал это для того, чтобы создать веское основание о его караматах (величии) для задающихся вопросами, а также в качестве

яркого доказательства для его муридов о совершенном святом. Я назвал эту книгу «Ответы устаза, проповедующего веру, на вопросы мурида, стремящегося познать религию» [21].

Оттиск 1. Рукопись Абдуссалама, заверенная печатью Кунта-Хаджи.

Анна Зелькина переводит эти строки в несколько ином варианте: «…Я собрал эти сведения и перевел с аджама (здесь: чеченского языка. – *А.З.*) на арабский язык, находясь в ссылке 29 рамадана 1281 г. (25 февраля 1865 г. – *А.З.*)... (По М. Асхабову 27 Рамадана 1288 года. См.: Иласхан-Юртара Хьажин жайна… С. 35. Эта дата соответствует 10 декабря 1871 года. – *А.Д.*), после того, как мы попали в руки народа неверных и сатаны. Когда они изгнали нас с родины, удалив от сородичей, наш учитель (*араб.* устаз), величайший из шейхов (*араб.* шейх ал-маша›их), когда-либо совершивших хадж в священные города (Мекку и Медину. – *А.З.*), рассказал нам удивительные истории..., подавая нам примеры, подобающие знатоку мусульманского права (*араб.* фикх) и отвечая [на наши вопросы]. Я сопровождал его в ссылке семь месяцев... и записал все, что слышал от него, пока был с ним, чтобы все это послужило ясным свидетельством того, что он был совершенный шейх, и дало его ученикам (*араб.* мурид) верное доказательство его святости (*араб.* аулийа›). Я назвал эти свои записки «Ответы всеведущего учителя на вопросы пытливого ученика» (*араб.* «Аджвибат ал-устаз ал-муфид ли-маса›ил

ал-мурид ал-мустафид»), изложив все, что я слышал от него, полностью, без каких бы то ни было сокращений» [22].

Третью версию перевода находим у Ш.Ш. Шихалиева: «Я сопровождал своего шейха семь месяцев в его поездке, начиная с месяца зу-л-хиджжа до джумада-л-ахир. Сколько раз мы вместе находились в пути! Сколько раз мы останавливались по ночам! Сколько раз мы молились вместе! Сколько раз мы трапезничали вместе, и я ощущал его духовную силу! Я рядом с ним был как сын возле своего любимого отца. А он относился ко мне как к своему младшему сыну. Я собрал все, что слышал из его ответов на то, что я спрашивал у него и привел это в порядок, чтобы было оно для бедняг явным указанием на его явную чудодейственную силу (карамат), а для мюридов очевидным доказательством совершенства его святости. Я назвал это сочинение «Ответы устаза на вопросы мурида» [23].

Такие разночтения в переводах возникли, видимо, из-за того, что существует несколько вариантов книги, написанной Абдуссаламом. В своем труде Андарбек Яндаров ссылается на трактат «Ответы Кунта-Хаджи мюридам, записанные Абсаламом» из Рукописного фонда Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы [24]. Ш.Ш. Шихалиев пишет о Табасаранском и Курахском списках этого сочинения, обнаруженных в Дагестане археографической экспедицией под руководством А.Р. Шихсаидова в 2006 и 2009 годах [25].

Кроме указанных рукописей, чеченский арабист Асламбек Салгириев обнаружил старопечатное издание этой работы, вышедшей в свет в 1330 году хиджры (1912 г.) в городе Эль-Кунейтра (Сирия). Также в прессе Чеченской Республики в последние годы появлялись сообщения видного богослова Сулеймана-Хаджи Аутаева и профессора Явуса Ахмадова о новом рукописном варианте книги Абдуссалама, имеющей даже оттиск личной печати великого шейха [26]. Здесь необходима тщательная сверка, которая становится возможной с выявлением нами подлинных писем Абдуссалама.

В своём трактате Абдуссалам Тутгиреев просит читателя простить его за недочёты и упущения, возможные в рукописи, в силу своего совсем ещё юного 19-летнего возраста. Кроме того, он сетует на то, что ему было тяжело писать, «оказавшись в плену у неверных, опороченным, изгнанным в самый отдалённый из городов и в кандалах брошенным в тюрьму». Далее Абдуссалам пишет о своей участи: «Если бы я рассказал братьям по вере всё, что нас постигло, какие сильные испытания и мучения нам пришлось вкусить, их сердца разорвались бы, они сошли бы с ума и слёзы ручьём потекли бы по их щекам» [27].

Эти строки кратко и ёмко дают нам представление о тех нечеловеческих условиях, в которых приходилось отбывать срок наказания каторжникам из Чечни за свои религиозные воззрения, цинично названные царскими админист-

раторами «фанатическим учением Зикры». Многие не выдерживали такие превратности судьбы и умирали. Первым из ссыльных зикристов 20 апреля 1864 года в больнице Новочеркасского тюремного замка скончался Ильяс Арсангиреев из Центороевского аула – предок Ахмата-Хаджи и Рамзана Кадыровых [28].

Согласно предписанию командующего Кавказской армией № 309 от 23 февраля 1864 года шейха Кунта-Хаджи вместе со своими приверженцами планировалось отправить по этапу из Новочеркасска в г. Тамбов для дальнейшего распределения по местам ссылки [29]. Управляющий Канцелярией по управлению кавказскими горцами Главного Штаба Кавказской армии подполковник Черкесов отношениями от 23 апреля 1864 года за №№ 757 и 759 поставил в известность Правителя Канцелярии Начальника Терской области о том, что Министр внутренних дел, отзывом от 20 марта 1864 года за № 2087, уведомил, что МВД сделано распоряжение о поселении «жителя Чеченского округа Ших-Кунты» под надзором полиции в Новгородской губернии без срока, а также жителей селения Алхан-Юрта Абду-Салама Тутгиреева, аула Гехи Карнай Талебова и Старо-Атагинского аула Телипа в Смоленской губернии, тоже без срока [30].

23 июня 1864 года арестантов отправили из Новочеркасска в Тамбов [31]. Оттуда их путь пролегал через Москву. Согласно распоряжению наместника Кавказского и назначения Министерства Внутренних Дел, 16 декабря 1864 г. было решено содержать Абдуссалама Тутгиреева под гласным надзором полиции в городе Смоленске [32]. Абдуссалам пишет, что во время смерти наследника российского престола цесаревича Николая Александровича Романова они (арестанты) были в Москве [33]. Наследный принц скончался 12 (24) апреля 1865 года в городе Ницце (Франция). Получается, что Абдуссалама в это время ещё не доставили в Смоленск.

За время ссылки Абдуссалама Тутгиреева дома в Чечне произошли следующие изменения. Его жена летом 1864 года родила дочь по имени Кесира. Так как мужа сослали в бессрочную ссылку, она жила вместе с ребёнком у своих родителей. В 1865 году брат Абдуссалама Абдуссубур был убит. Кровник во избежание мести эмигрировал в Турцию. Для отмщения за убийство брата Абдулкудус Тутгиреев 20 июня 1865 года вместе с двенадцатой партией переселенцев под командой подпоручика Тер-Асатурова, в числе 266 семейств жителей Малой Чечни, уезжает в Османскую империю [34]. Позже к нему туда выедут мать Соза и сестра Маржан [35].

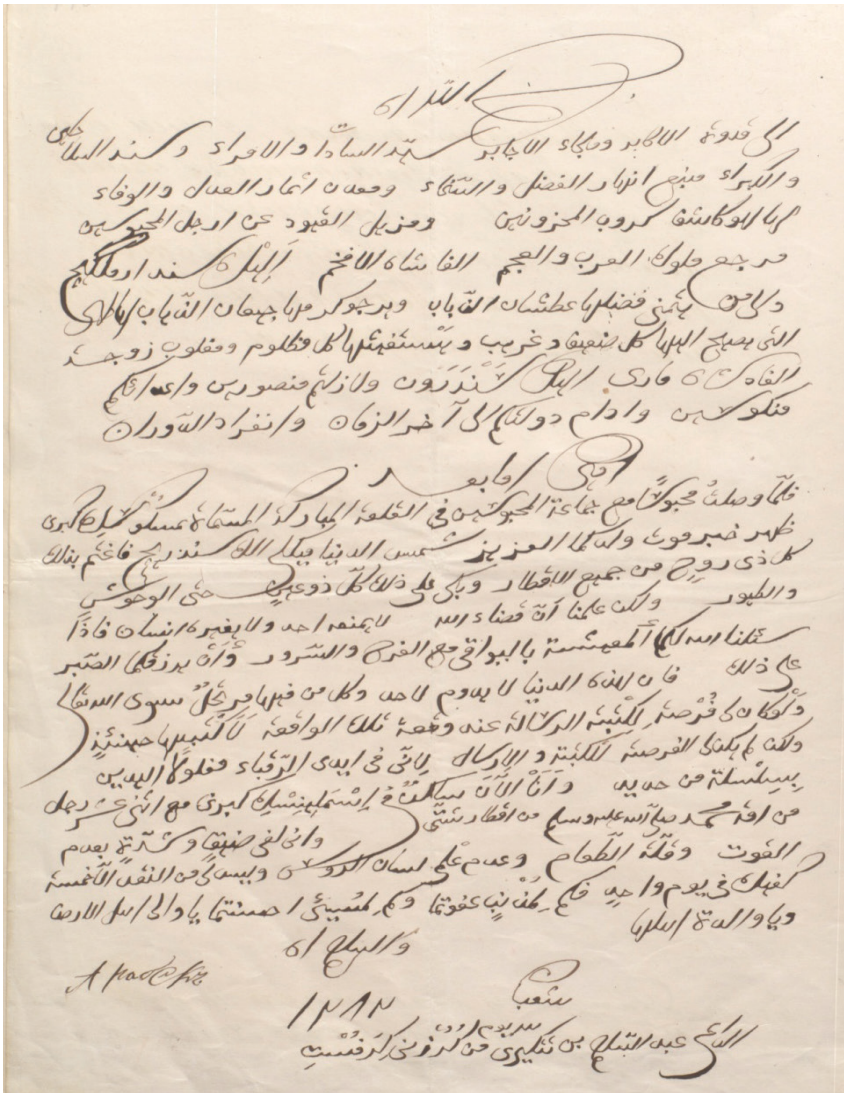
Абдуссалам ещё не знает об этих событиях. С 1865 года он проживает под гласным надзором полиции в городе Смоленске. Шейх Кунта-Хаджи с 3 февраля 1865 года находится в уездном городе Устюжна Новгородской губернии [36]. Семья Кунта-Хаджи тоже, в составе 18-ой партии переселенцев из Чеченского округа под командой 2-го Волгского полка поручика Кармова, 7 июля 1865 года переселилась в Турцию. В списке лиц, вошедших в восем-

надцатую партию, под номером 25 была записана семья брата Кунта-Хаджи: Висха Кишиев, его жёны Дечы и Кесилат, сын Дебык, дочери Малейкат, Ханижат и Седум. Под номером 26 записана семья старшего сына Кунта-Хаджи: Магома Конта-Хажиев, его жена Милтой, дочь Хадижат. У него было две лошади и одна арба. Под номером 27 находим второго сына, жену и дочь Кунта-Хаджи: Моула Кунта-Ходжиев, сестра его Эсет, мать Седа, племянник Долай. У этой семьи – 2 арбы, 5 голов рогатого скота и 1 лошадь. Под номером 28 следовало два сына, дочь и жена сосланного Мовсара Кишиева: Хасай Моусуров, его брат Дасай, сестра Кибиса, мать Сетау. У них было: 2 арбы, 6 голов рогатого скота и 1 лошадь. Под номером 107 числилась семья зятя Кунта-Хаджи: Мусокай Хадаев, жена Субар (дочь Кунта-Хаджи), сын Таштурка, дочери Басай и Саубика. У них была 1 арба, 3 рогатого скота и 1 лошадь [37]. В 1865 году, по пути следования в Выборг, Мовсар Кишиев совершил побег и уехал в Турцию к своей семье [38].

23 сентября 1865 года начальник Терской области генерал-адъютант Лорис-Меликов, за отсутствием Главнокомандующего Кавказской армией, пишет рапорт генерал-адъютанту Карцову: «Родственники чеченцев, сосланных за последование учению Зикры, переселяясь в нынешнем году в Турцию, обращались ко мне с просьбою о разрешении сосланным соединиться с своими семействами.

Не находя с своей стороны препятствий к удовлетворению упомянутой просьбы, я прошу ходатайства Вашего Превосходительства о разрешении упомянутым в прилагаемом при сём списке сосланным зикринцам переселиться в Турцию, с тем однако же условием, дабы они были отправляемы для этого с мест настоящего их пребывания, прямо к одному из портов Черного моря, не следуя через Терскую область». В прилагаемом к этому рапорту списке были: Ших-Кунта, брат его Мавсур, Гушмазуко-Хаджи, Тарко, Абдуссалам Тутгиреев, Корнай Талебов, Телип, Джантемир Джанбиев, Чанмурза Таумурзаев, Чаго Ций, Эльмурза Султамирзаев, Лота Айкбиков, Ильяс Арсангиреев, Эдыш Беецы (Бециев), Хасой Джанхотов, Ахтахан Хамзатов, Хамзат-Хан Дундуев, Салам Мусаев (Мусалаев), Бага Суриев [39].

Из указанного списка двоих уже не было в живых: Ильяс Арсангиреев из Центороя скончался 20 апреля 1864 года в Новочеркасском тюремном замке [40], а Бага Суриев из Агишты – 27 января 1865 года в Кронштадском морском военном госпитале [41]. Ахтахан Хамзатов из Шали умрёт 10 апреля 1866 года в Бендерском военном госпитале [42]. Позднее к списку сосланных зикристов был присоединён шейх Молла Мачик (Касум Базоев) из Валерика, который тоже скончался 26 августа 1867 года в Бобруйском военном госпитале от чахотки [43]. Попавшие впоследствии в Сибирь, на Карийские золотые промыслы, каторжане Чиммирза Таумурзаев из Гельдыгена умер 9 апреля 1876 года, а Чаго Ций (Уциев) из Шалажи – 27 мая 1878 года [44].

Оттиск 2. Письмо Абдуссалама императору и императрице

После прибытия Абдуссалама под надзор полиции в г. Смоленск о нём была составлена следующая справка: «Абду-Салама Тутгиреев 30 лет (возраст неверный: в 1865 году Абдуссаламу исполнился 21 год. – *А.Д.*), чеченец, за распространение и поддержание в народе фанатического учения зикры, принявшего под видом религиозных обрядов политическое направление, по распоряжению наместника Кавказского и назначению Министерства Внутренних Дел выслан в город Смоленск с 16 декабря 1864 г. По незнанию русского языка ничем не занимается, содержание от казны не получает. По недавнему поступлению под надзор требует присмотра» [45].

Вопреки сведениям из этой справки, Абдуссалам Тутгиреев получал от казны кормовых по 6 копеек серебром в сутки и на квартиру по 1 рублю 20 копеек в месяц [46]. Но этих денег крайне не хватало ему даже на еду, не говоря уж об одежде. Мало того, сославшись на 558-ю статью 2-й книги 15-го тома Свода законов уголовных, власти урезали ему кормовые до 5 копеек в сутки. Смоленский губернатор пишет, что по этой причине «Тутгиреев действительно стесняется в содержании себя, ибо он, получая кормовых по 5 копеек в сутки, не может иметь ни квартиру, ни устроить себе даже необходимой одежды и по незнанию им русского языка не способен ни к какому ремеслу. Тутгиреев на Кавказе имеет брата, сестру и мать; во время бытности его под надзором ни в чем предосудительном не замечен и вел себя всегда хорошо» [47].

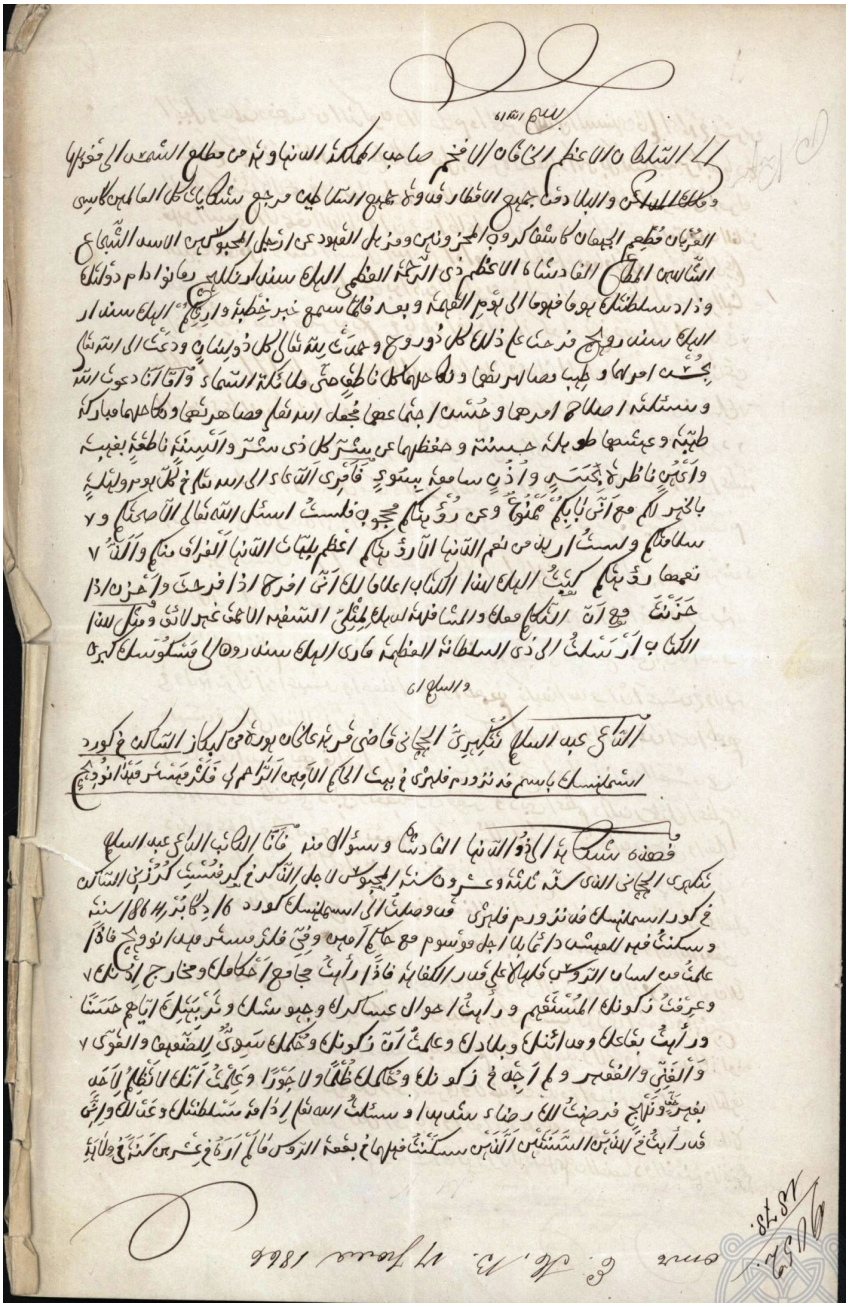
В надежде на облегчение своей тяжёлой участи Абдуссалам 3 Шаабана 1282 г. х. (10 (22) декабря 1865 г.) пишет письмо на арабском языке в адрес императора Александра Николаевича и его супруги императрицы Марии Александровны, в котором в изысканном стиле и красочной восточной манере просил об амнистии себе и своим товарищам [48].

В марте 1866 года Тутгиреев, озабоченный судьбой Кунта-Хаджи, пишет новое прошение, дошедшее до адресата 21 марта 1866 года, входящий № 249: «Его Высокоблагородию господину Смоленскому полициймейстеру. Состоящего под надзором полиции чеченца Абду-Салама Тут-Гирея. Прошение.

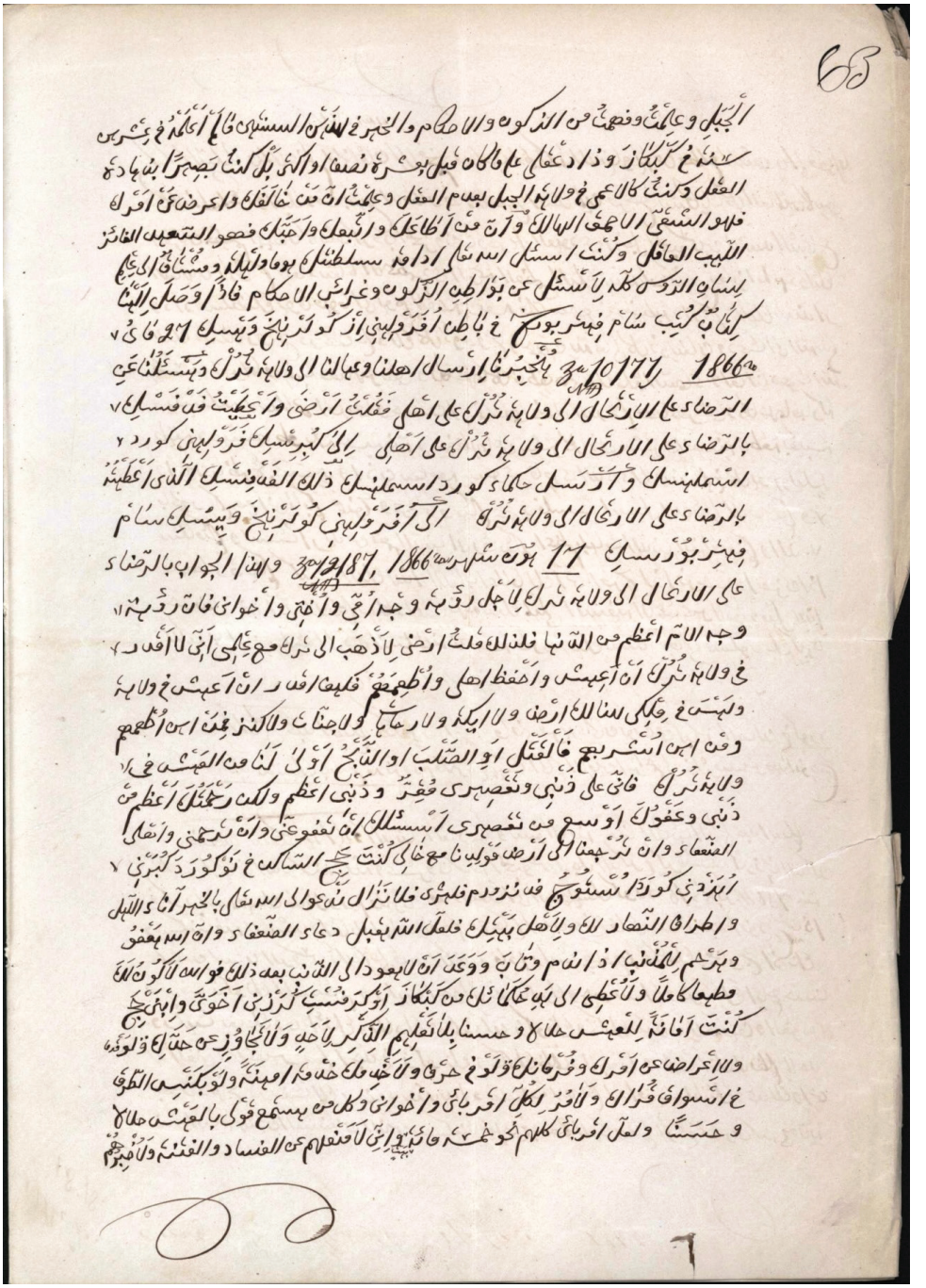
Осведомился я, что родной мой дядя чеченец Ших-Кунт сослан под надзор полиции Новгородской губернии в город Устюж. Ваше Высокоблагородие, дядя мой Ших-Кунт находится в преклонных летах и совершенно слабого здоровья, более, не понимающий вовсе русского языка, в одиночестве, из одной тоски безвременно может его постигнуть смерть; сострадая горестному положению моего дяди я осмеливаюсь прибегнуть к стопам Вашего Высокоблагородия и всепокорнейше просить начальничьего ходатайства о переводе дяди моего Ших-Кунта из города Устюжа в город Смоленск. Это одно милосердие начальства может только оживить наш горестный быт, и мы беспрестанно за оказанное нам великодушие будем молить Всевышнего о благоденствии Вашего Высокоблагородия. Марта (без числа) дня 1866 года. К сему прошению состоящего под надзором полиции чеченца Абду-Салама Тут-Гирея, а вместо его неграмотного по русской грамоте расписался коллежский регистратор Григорий Белоусов» [49].

Прошение это попало на стол Новгородскому губернатору, который пишет своё мнение в Департамент полиции исполнительной МВД: «Возвращая присланную при отношении от 7 ноября 1866 г. за № 9952 просьбу чеченца Абду-Салама-Тут-Гирея о переводе в город Смоленск для совместного с ним жительства находящегося под надзором полиции в городе Устюжне родного дяди его, чеченца Ших-Кунта, отданного под надзор Устюжской

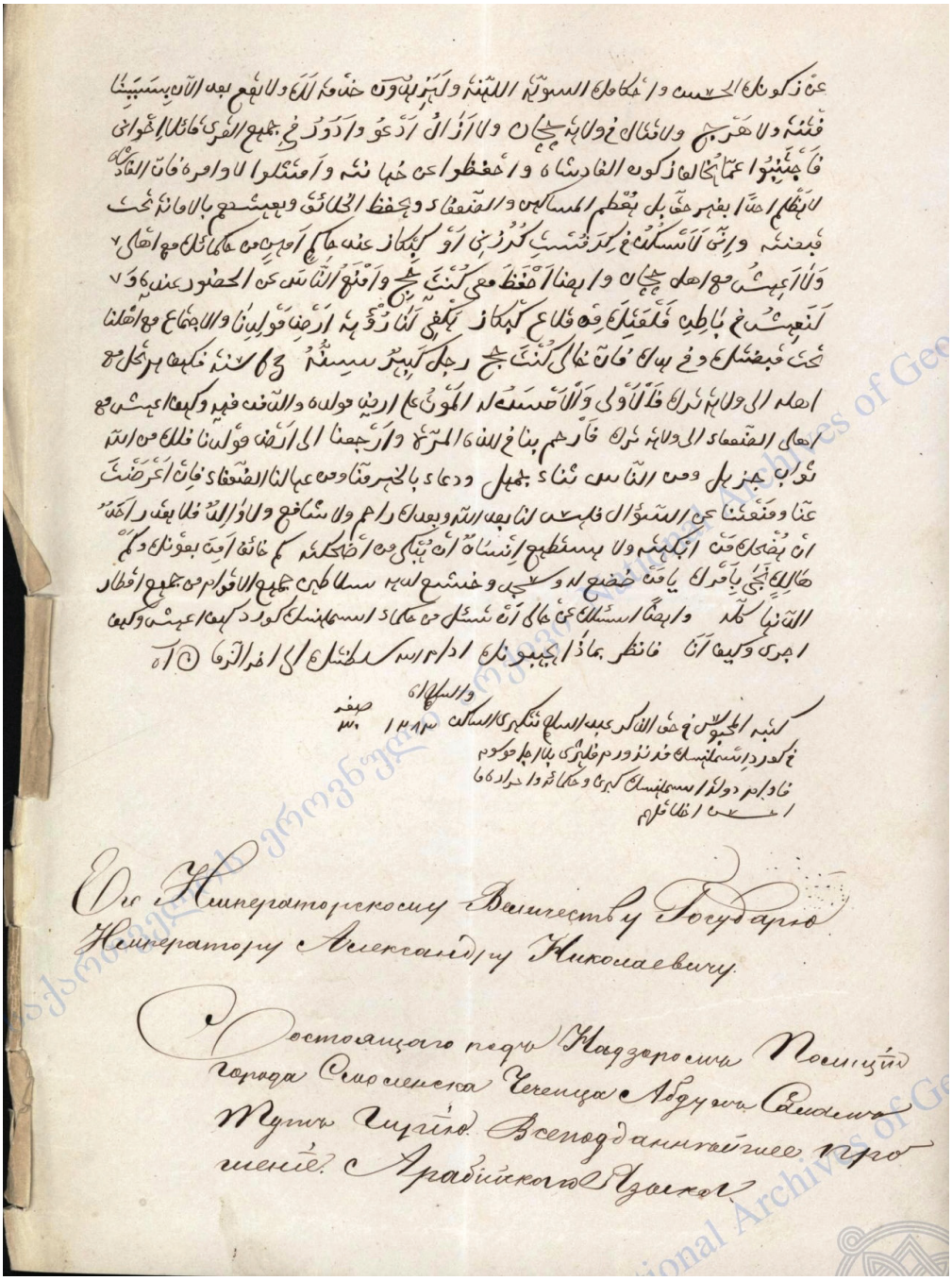
полиции вследствие отношения Департамента полиции исполнительной от 20 марта 1864 г. № 2085 на бессрочное время, ведет себя, как удостоверяет Устюжское уездное полицейское управление, очень хорошо и местных препятствий к переводу его в Смоленскую губернию не встречается» [50].

Оттиск 3. Письмо Абдуссалама императору. – 1 стр.

Оттиск 4. Письмо Абдуссалама императору. – 2 стр.

Оттиск 5. Письмо Абдуссалама императору. – 3 стр.

Управляющий МВД князь А. Б. Лобанов-Ростовский тоже приложился к этому ходатайству и написал Новгородскому губернатору: «Покорнейше прошу Ваше В-во разрешить находящемуся под надзором полиции в Новгородской губернии Кавказскому уроженцу Ших-Кунту отправиться, на собственный счет, этапным порядком, не вроде арестанта, в город Смоленск, для совместного жительства, под надзором же, с состоящим под таковым в этом городе племянником его чеченцем Абду-Салама Тут-Гиреем, с тем, чтобы Ших-Кунт по прибытии в Смоленск был доставлен к Смоленскому Губернатору, которому вы не оставите сообщить все имеющиеся сведения об означенном горце» [51].

В соответствии с этими мнениями высокопоставленных лиц, директор Департамента полиции исполнительной барон Велио послал ответ начальнику Смоленской губернии: «Министерством ВД разрешено находящемуся под надзором полиции в Новгородской губернии Кавказскому уроженцу Ших-Кунту отправиться в город Смоленск для совместного жительства, под надзором же, с состоящим под таковым в этом городе племянником его чеченцем Абду-Саламе Тутгиреем» [52].

Однако, это решение не было исполнено.

В надежде на снисхождение, Абдуссалам Тутгиреев 1 (13) июля 1866 года (30 Сафара 1283 г. х.) отправляет императору очередное проникновенное и обстоятельное прошение о помиловании на арабском языке. Это письмо уникально тем, что в нём приводится подлинный возраст Кунта-Хаджи Кишиева. В силу данного обстоятельства, думаю, стоит отвести место в нашей публикации для ознакомления с выдержками из указанного эксклюзивного документа в переводе того времени:

«Прошение на имя Его Величества Государя Императора. Чеченец Абдус-Селям Тутгири, кадий кавказской деревни Алхан-Юрт просит:

/Первая часть прошения, за подписью просителя, заключает в себе поздравления и молитвы по случаю помолвки Его Высочества Государя Наследника/.

Вот просьба, с которою я, чеченец Абдус-Селям Тутгири, обращаюсь к Его Величеству Государю Императору, владыке Вселенной: Мне от роду 23 года и нахожусь я, за совершение обряда зикр, в заключении в крепости Грозной. Ныне я водворён и живу в городе Смоленске, под надзором полиции. В Смоленск я прибыл 16 декабря 1864 года (это дата отправления Абдуссалама в Смоленск, а не дата прибытия его туда. – *А.Д.*) и пребывал в сём городе на бессрочном жительстве с справедливым начальником полициймейстером Майдановичем. Изучив тем временем русский язык, я мог составить себе понятие о высокой Твоей справедливости, о могуществе Твоём, об удивительной дисциплине Твоих войск и о порядке, господствующем во всём Твоём государстве…

В два года пребывания моего в России я получил сведений более, чем в 20 лет на Кавказе. Я чувствую, что вырос умом, что я был слеп и что только в настоящее время прозрел. В настоящее время я понимаю, что одно только невежество и несчастие могут возбуждать к возмущению против Тебя и что счастие и мудрость состоят в беспрекословном повиновении и любви к Тебе. С тех пор я неустанно молил Бога о продлении Твоего царствования и прилежно занимался изучением русского языка, чтобы как можно ближе ознакомиться с требованиями законов и основаниями правосудия.

Вдруг прибыло письмо из Петербурга от 27 мая 1866 г. за № 10177 от Управления Иррегулярных войск, в котором объявляется нам, что наши семейства отправлены в Турцию и спрашивается, не желаю ли я ехать туда же, к моему семейству. Я согласился и дал в этом подписку Губернскому Правлению города Смоленска, которое, в свою очередь, отправило оную в Управление Иррегулярных войск в С. Петербурге, при отношении от 17 июня № 12187. В согласии моём я имел единственную цель видеться с матерью, сестрами и братьями, но чтоб содержать в Турции моё семейство, на это я не имею никаких средств. Лучше мне умереть, чем жить в Турции без всяких средств к существованию. Я сознаюсь, что виновен; но Ты более милостив, чем я виновен.

Умоляю Тебя смилостивиться надо мною. Прости меня, и позволь вернуться в родную страну. Этой милости я прошу для себя и для дяди моего Кунта Хадж, живущего в Новгородской губернии и уезде в г. Устюге под надзором полиции…

Я и дядя мой будем счастливы, если нам назначут местопребыванием одну из Кавказских крепостей и нам достаточен один только вид родной нашей страны. Дяде моему 63 года (если в 1283 году хиджры Кунта-Хаджи было 63 года, мы вычисляем, что он родился в 1220 году хиджры, который соответствует 1805 году по григорианскому календарю. – *А.Д.*). Ему также нет никакой возможности ехать в Турцию. Единственное его желание – жить и умереть в родной стране. Умоляю Твоё Величество справиться обо мне у начальства Смоленска, чтоб убедиться в моём поведении.

Жительствующий в г. Смоленске, под надзором полиции, Абдус-Селям Тутгири. 30 Сафара 1283 года» [53].

Прошение Абдуссалама Тутгиреева было рассмотрено и принято решение, что возвращение его на Кавказ невозможно [54]. Потеряв надежду на великодушное помилование, Абдуссалам попытался заключить сделку с царскими властями. При условии, если ему разрешат вернуться на родину, он обещал открыть в горах Чечни залежи серебряной руды, которые были обнаружены им и его приятелем Исхаком Хурукием во время совместных путешествий.

Относительно этого неожиданного сообщения Тутгиреева Смоленский полицмейстер Василий Никифорович Майданович 26 августа 1866 года пи-

шет секретное послание на имя наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича, с очень лестным отзывом об Абдуссаламе. Чиновник подчёркивает, что «горец этот, одаренный от природы умственными способностями и любознательностию, … в короткое время выучился говорить и читать по-русски» и что он заслуживает доверия [55].

Не дождавшись ответа на свой рапорт, Майданович продолжает вести переписку с целью реабилитации понравившегося ему ссыльнопоселенца. При помощи полицмейстера Абдуссалам Тутгиреев 10 декабря 1866 года дал официальные показания, в котором заявил о нежелании выехать в Турцию.

«Зная деспотическое правление этого государства, – пишет Абдуссалам, – и то бедственное положение, в котором находятся переселенцы, я, пользуясь всеобщею радостью России по случаю помолвки Государя Наследника, осмелился с благоговением просить Государыню Императрицу быть предстательницею за меня пред Государем Императором: да дарует Он прощение моим заблуждениям и дозволит возвратиться с семейством на родину, где я даю торжественный обет пред Всемогущим Богом пребыть навсегда верным подданным Его Величества и стараться передать моим соотечественникам, чтобы они соделались достойными тех благоденствий, которыми Россия наслаждается при благодушном правлении Царя-Освободителя. (Подпись по-арабски)» [56].

Более того, не имея официальной реакции на свои письма, Майданович решил действовать в обход и 17 декабря 1866 года пишет по поводу Абдуссалама письмо фрейлине супруги наместника Кавказа Е.П. Эйлер: «Ваше Превосходительство, Милостивая Государыня Елисавета Павловна!

Один из кавказских горцев, высланных в Смоленск под надзор полиции, объявил мне, что им с товарищем, когда они были на родине, открыты серебряные прииски в горах, неизвестные еще русским; но они по ненависти к русским решились никому и никогда не говорить о них; теперь же, получив совершенно другое понятие о русских и чистосердечно раскаиваясь в своих заблуждениях против них, просил меня довести до сведения Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича об этих, как он говорит, богатых приисках. Заявление горца, известного мне за правдивого и честного, заслуживает доверия. 26-го августа настоящего года в секретном рапорте за № 6 я имел счастие повергнуть обстоятельство это на благоусмотрение Его Высочества, адресуя донесение в собственные руки; но прошло почти 5-ть месяцев, а распоряжения никакого не последовало; между тем родные этого горца, переселясь в Турцию, просят о присоединении его к ним; переписка об этом давно идет; может быть, его скоро отправят туда и тогда открытие приисков может не осуществиться.

Не осмеливаясь повторять моего донесения, но как истинно русский, считая дело это важным, могущим послужить ко благу нашей родины, я ре-

шился покорнейше просить Ваше Превосходительство: не изволите ли признать возможным узнать о судьбе моего рапорта, достиг ли он своего назначения? И также великодушно простить меня, если я неуместною просьбою обеспокою Вас. Чрезвычайно сожалею, что, имея честь представляться Вашему Превосходительству в Смоленске, не доложил об этом.

Я почел бы себя счастливым, если бы показания горца вполне оправдались и если бы мне дозволено было лично представить его Великому Князю.

С глубочайшим высокопочтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Василий Майданович, полициймейстер Смоленска. 17 декабря 1866 года, г. Смоленск» [57].

Теперь дело сдвинулось с мёртвой точки. Князю Туманову было поручено произвести негласное дознание на предмет, до какой степени справедливо заявление Абдуссалама о существовании в горах Чечни серебряной руды. В своем отчете на имя начальника Терской области Михаила Тариеловича Лорис-Меликова от 14 февраля 1867 года князь Туманов пишет, что, согласно донесению начальника Чеченского округа полковника Муравьева, «чеченец Исхак Хурукиев, на которого ссылается Абдул-Салам, в бывшем под аулом Шали деле 18-го января 1864 года убит» [58].

3 февраля 1867 года Майдановичу был послан ответ, в котором писалось, «что горцы часто делают подобные заявления, но при исследованиях оказывается, что они указывают различные, вовсе даже не металлические соединения, признавая их сами за руду, или такие руды, разработкою которых не стоит заниматься, по бедности содержания металла, и что поэтому прибытие Тутгиреева на Кавказ, сопряженное с немалыми для казны расходами и могущие не принести никакой пользы, не может быть разрешено» [59].

Однако переписка не оказалась бессмысленной. Она, по крайней мере, подтолкнула власть предержащих обратить внимание на нужды Тутгиреева. 27 января 1867 года из Министерства финансов к Министру внутренних дел приходит уведомление, что А. Тутгирееву будет отпущено 1 рубль 50 копеек в месяц на наём квартиры [60]. 25 июля 1867 г. князь А. Б. Лобанов-Ростовский получает письмо, отправленное ему 21 июля за № 4961: «Управляющий Министерством Финансов, свидетельствуя совершенное почтение Его Сиятельству князю Алексею Борисовичу (Лобанов-Ростовский. – *А.Д*), имеет честь препроводить при сем прошение состоящего под надзором полиции в городе Смоленске Кавказского уроженца Абдул-Салама Тут-Гиреева Милардовича (от названия а Мелардой, к которому принадлежал Абдуссалам Тутгиреев. – *А.Д.*), об отпуске ему денег на заготовление одежды и покорнейше просит о сообщении по сему предмету отзыва, с возвращением приложения» [61].

7 сентября 1867 года за № 16474 исправляющий должность (исполняющий обязанности. – *А.Д.*) Смоленского губернатора А. Тунков пишет в Де-

партамент полиции исполнительной МВД, что Милардовичу производится на содержание по 15 копеек в сутки и на наем квартиры 1 рубль 50 копеек в месяц, и что он, по отзыву Смоленского полицмейстера, имеет возможность устроить себе одежду из получаемого содержания [62].

21 октября 1867 года исправляющий должность начальника Среднего военного отдела Терской области полковник Муравьев в рапорте генерал-майору князю Туманову пишет: «Возвратить на родину Абдусалама Тутгиреева, по важности преступления, за которое он сослан, я не нахожу возможным, а полагал бы отправить его в Турцию, куда переселились все ближайшие его родственники, как-то: мать Соза, брат Абдул (Абдулкудус Тутгиреев. – *А.Д.)* и сестра Маржан; на прежнем же месте жительства Тутгиреева, в Алхан-Юртовском ауле, остались только два его племянника: Ахья и Чучу Салам-гиреевы (двоюродные братья Абдуссалама. – *А.Д.*), последний с женою Дзейбат, и племянница Холбат; все они переселиться в Турцию не желают, и я прошу об оставлении их здесь» [63].

Абдуссалама Тутгиреева в 1868 году переводят из Смоленска на жительство в г. Вязьму [64]. В том же году было решено освободить его из-под стражи и отправить в Турцию. 30 ноября 1868 года за № 11209 из Департамента полиции исполнительной МВД на имя начальника Смоленской губернии поступает отношение: «Государь Император, по ходатайству Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею, Всемилостивейше соизволил на переселение состоящего под надзором полиции в Смоленской губернии Кавказского уроженца Абду-Салим Тутгиреева, согласно его желанию, в Турцию, с тем, чтобы он не был отправлен, даже и на время, в Терскую область, а следовал бы из настоящего места его пребывания в Одессу, для отправления в Трапезунд на одном из пароходов казенных или Русского общества пароходства и торговли» [65].

Смоленский губернатор Николай Петрович Бороздна 21 февраля 1869 года за № 3088 пишет ответ в Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел: «Вяземское уездное полицейское управление на предписание Губернского Правления, последовавшее по отношению Департамента полиции исполнительной от 30 ноября 1868 года, за № 11209, донесло, что состоявший под надзором полиции в городе Вязьме кавказский уроженец Абду-Салим Тутгиреев управлением отправлен 11 февраля, при открытом листе за № 212, по этапу, не в роде арестанта, в город Одессу, на распоряжение Одесского Градоначальника, которому о сем Управление и донесло того ж 11 числа февраля за № 214.

О чем имею честь уведомить Департамент полиции исполнительной.

Губернатор (подпись)» [66].

В 1869 году Абдуссалам Тутгиреев был переправлен из Одессы в турецкий порт Трапезунд [67]. Переселившись в Османскую империю, он присоединяется к своей семье. Однако жена его с дочкой Кесирой остались на родине. Не дождавшись возвращения мужа домой, она много лет спустя выйдет замуж за жителя Урус-Мартана. Повзрослевши, дочь Абдуссалама стала искусной швеей, изготавливала бешметы (*чеч.* гIовталш) и дарила их родственникам по отцу – потомкам Яхья и Чучу Саламгиреевых, в память о своём родителе, которого ей так и не суждено было увидеть. Кесира была замужем в Новых Атагах [68].

В Османской империи Абдуссалам Тутгиреев одно время жил в селении Рас-эль-Айн (*чеч.* «РаIсул-Iайн» – ныне город Рас-эль-Айн на севере Сирии, у самой границы с современной Турцией). В этом селении 27 Рамадана 1288 года (10 декабря 1871 г.) он завершил литературную обработку трактата (*чеч.* «жайна») под названием «Аджвиба ал-устаз ал-муфид ли масаил ал-мурид ал-мустафид» («Ответы изобильного устаза на вопросы черпающего мурида»), в котором приводятся ответы шейха Кунта-Хаджи Кишиева на 14 вопросов религиозного характера [69].

Согласно рукописным воспоминаниям на турецком языке потомка мухаджиров Нури Атахана, в районе Рас-эль-Айн чеченские переселенцы компактно расселились в 12 населенных пунктах, в которых проживало от 13000 до 18000 дворов вайнахских беженцев. В Рас-эль-Айне поселились также семьи Кунта-Хаджи, Мовсара и Висхи Кишиевых. В указанных мемуарах автор пишет: «Первые два года были урожайными, да и скот приумножился. Но на третий год саранча уничтожила все посевы, а потом началась эпидемия, в каждом селе в день умирало по 3–5 человек. Половина села оказалась на кладбище, а другая половина на тазие (похоронах). Бывало, что тело усопшего по нескольку дней лежало в ожидании своей очереди и пахло. Это бедствие длилось два года. Некоторые семьи, в которых было по 12 и более человек, полностью вымерли, а в некоторых оставалось по 1–2 человека. Оставшиеся в живых, будучи в голоде и нищете, были вынуждены покинуть эти места и подались кто куда» [70]. Сыновья Кунта-Хаджи скончались в Рас-эль-Айне и похоронены там.

Большинство чеченцев переселились в Турцию, где им определили для проживания несколько селений: Йарым Хюйюк, Хаджи Мирзабей, Дикилиташ, Сарыбагча и Анаварза. Мовсар и Висха Кишиевы с семьями поселились в Хаджи-Мирзабее.

Ссылаясь на рукопись Нури Атахана, автор Курбахажиев И. пишет в своей статье, что Кишиевы – Мовсар, Висха и Седа были похоронены в Хажи-Мирзабее. Сыновья Мовсара – Хаши, Даши и Дулай, а также сын Висхи Дебиг и дочь Судум позже переселились в соседний Дикилиташ [71].

Вот такие сведения о трагической судьбе чеченских мухаджиров нам даёт рукопись Нури Атахана. К сожалению, в этом источнике нет сведений о судьбе Абдуссалама Тутгиреева. Нам не удалось установить дату и место его смерти. Может, он тоже скончался в Рас-эль-Айне в годы эпидемии. А может, переселился вместе с остальными чеченцами в Турцию и прожил долгую, плодотворную жизнь. На эти вопросы нам ещё предстоит найти ответы, исследуя другие старинные источники, включая арабографические рукописи, русские и турецкие архивные документы.

Список использованных источников и литературы

1. Айтберов Т.М. Аваро-Чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). – Махачкала, 2006; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. – М., 2009.
2. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 60; Там же, ф. 416, оп. 3, д. 619, л. 1.
3. Предание о происхождении Абдуссалама Тутгиреева записано 05.03.2012 г. со слов его родственника Вахи (Ахмада) Жунидовича Межидова (1951 г. р.), жителя г. Урус-Мартан. Фамилия Межидовых происходит от сына Яхья Саламгиреева – Межеда, который приходится дедушкой Вахи Межидова. Во второй половине XIX века их предки переселились из Алхан-Юрта в Урус-Мартан.
4. Записано 15.09.2015 г. со слов Вахи Жунидовича Межидова (1951 г. р.), жителя г. Урус-Мартан.
5. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 82.
6. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 60; там же, ф. 416, оп. 3, д. 619, л. 1.
7. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 49.
8. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 30.
9. Там же, л. 108.
10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф. 12, оп. 6, д. 1246, т. 1, л. 14.
11. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1247, л. 2.
12. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 296, л. 126.
13. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. // Статья II: А.П. Ипполитов. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе. С. 15.
14. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 14719, оп. 3, д. 756, л. 18.
15. Газета «Вести Республики», № 91 от 25 мая 2011 г. // Духаев А. Мученики за веру.
16. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 96, 98-99. Здесь – фамилия Хурукиев дана по названию чеченского тайпа Хьуркой, из которого происходил Исхак из Бухун-Юрта.
17. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1246, т. 1, л. 35.
18. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 108.
19. Там же, л. 111.

20. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 285, л. 56.

21. Иласхан-Юьртара Хьажин жайна («Книга Хаджи из Илисхан-Юрта»). На чеченском и арабском языках. Сост.: Асхабов М.А.-Х. – Без места издания, 1998. – С. 18.

22. Зелькина А. Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. № 2, 2006. – С. 35.

23. Шихалиев Ш.Ш. Арабографические сочинения Кунта-Хаджи Кишиева в Дагестане // Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Сост.: Р.-Х.Ш. Албагачиев. – Нальчик, 2013. – С. 526.

24. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. – Из-во «Наука», Алма-Ата, 1975. – С. 141.

25. Шихалиев Ш.Ш. Арабографические сочинения Кунта-Хаджи Кишиева в Дагестане // Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Сост.: Албагачиев Р.-Х.Ш. Нальчик, 2013. – С. 525–526.

26. Сулейман-хаджи Аутаев, Явус Ахмадов. Слово великого шейха // «Вести республики», № 72 (2005) от 12. 04. 2013 г.; Явус Ахмадов. Печать шейха. Публикация от 26. 07. 2012 г. в ИА «Чеченинфо». Источник: РуКавказ // http://rukavkaz.ru/articles/comments/2433/; см. также: Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Сост. Албагачиев Р-Х.Ш. – Нальчик, 2013. – С. 653-655.

27. Иласхан-Юьртара Хьажин жайна… – С. 14–15.

28. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 108, 109 с об; см. также: «Вести Республики», № 91 от 25 мая 2011 г.

29. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 283, л. 55-59.

30. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1246, т. 1, л. 53-54.

31. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 296, л. 64.

32. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 10.

33. Там же, л. 15 с об.

34. ЦГА РСО-А, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 15 об, 20; АУП ЧР, ф. 236, оп. 14, д. 3, л. 29, 35.

35. Записано 15.09.2015 г. со слов Вахи Жунидовича Межидова (1951 г. р.), жителя г. Урус-Мартан.

36. Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО), ф. 138, оп. 1, д. 2356, л. 53 об – 54, 176 об – 177.

37. ЦГА РСО-А, ф. 19, оп. 1, д. 16, л. 5 с об, 11; АУП ЧР, ф. 236, оп. 14, д. 9, л. 8-9, 20.

38. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 228 об.

39. Там же, л. 29, 30 с об.

40. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 119-120; см. также: ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 108, 109 с об.

41. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 284, л. 66; см. также: ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 187.

42. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 284, л. 36-37; см. также: ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 69.

43. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 120.

44. Там же, л. 264-265 с об, 266.

45. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 10 с об.

46. Там же, л. 18.

47. Там же, л. 19 с об.

48. Там же, л. 14 об.

49. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 29 с об.

50. Там же, л. 26.
51. Там же, л. 32 с об.
52. Там же, л. 31.
53. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 60-63 с об; см. также копию письма: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 619, л. 1 с об – 2.
54. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 13.
55. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 54-55 с об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 94-97; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 1248, т. 1, л. 61-62 с об.
56. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 57 с об.
57. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 48 с об, 49.
58. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 98-99.
59. ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 64 об.
60. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 24.
61. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 30.
62. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 35.
63. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 295, л. 109-110; см. также: ЦГИАГ, ф. 7, оп. 8, д. 5, л. 100 с об.
64. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО), ф. 2, оп. 67, д. 180, л. 772 об.
65. РГИА, ф. 1286, оп. 25, д. 1144, л. 41 с об.
66. Там же, л. 42.
67. ГАСО, ф. 2, оп. 67, д. 180, л. 746.
68. Записано 05.03.2012 г. со слов Вахи (Ахмада) Жунидовича Межидова (1951 г.р.), жителя г. Урус-Мартан.
69. Иласхан-Юьртара Хьажин жайна («Книга Хаджи из Илисхан-Юрта»). На чеченском и арабском языках. Сост.: Асхабов М.А.-Х. – Без места издания, 1998. – С. 16, 35.
70. Нури Атахан. Воспоминания об отце и других событиях (неизданная рукопись на турецком языке). – Чардак, 1965. – С. 10.
71. Курбахажиев И. В поисках потерянной святыни… // Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Сост.: Албагачиев Р-Х.Ш. – Нальчик, 2013. – С. 633–636.

Хадчукаева М.Р.

АКАДЕМИК ПЕТР ЗАХАРОВ
(1816–1846)

Особое значение для чеченского изобразительного искусства имеет творчество Петра Захаровича Захарова – академика живописи, окончившего Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, единственного в XIX веке профессионального художника чеченского происхождения. Нехарактерное для чеченцев имя связано с необычной судьбой художника – ни точная дата рождения, ни его имя при рождении неизвестны. Во время Кавказской войны он остался сиротой: после сражения в селении Дады-Юрт, 15 сентября 1819 года, солдаты царской армии нашли мальчика, приблизительно трех лет, возле умершей матери. Мальчика окрестили Петром, а отчество и фамилию он получил по имени выходившего его солдата Захара Недоносова [1]. Позже (в 1823 году) сироту переправили в Тифлис и отдали на воспитание генерал-майору Петру Николаевичу Ермолову, двоюродному брату знаменитого генерала, проконсула (наместника) Кавказа Алексея Петровича Ермолова.

Приблизительно до 8 лет П. Захаров воспитывался на Кавказе, затем Петр Николаевич увез его с собой в Московскую область, относился к Петру не как к пленному, а как к родному сыну, ласково называя его Петрушей (о чем свидетельствуют сохранившиеся письма). Заметив художественные способности подрастающего юноши, П.Н. Ермолов приложил много стараний и для того, чтобы инородца (приравненного по правам к крепостным) взяли

учеником в Академию художеств в Петербурге. Предварительно обучившись первым навыкам профессионального рисования у нескольких мастеров живописи, в 1833 году *(в некоторых источниках – 1830 г.)* Петр Захаров стал учеником Императорской академии художеств. Захаров успешно учится, его талант и усердие не раз отмечали профессора академии, в том числе две его учебные работы получили серебряные медали. Это позволило ему на время учебы стать пенсионером Общества поощрения художников [2].

Получив звание свободного художника (что одновременно освободило его от рамок крепостничества) в 1836 году, Захаров поначалу остался в Петербурге. Петр часто отправлял из Петербурга письма своему опекуну, в которых заметны теплые, родственные взаимоотношения между ними. Несмотря на уже начинающуюся известность, сразу после учебы в академии, нужда заставила Захарова пойти на работу в военное ведомство в качестве рисовальщика. Условия проживания художника в Петербурге были сложны: ежедневная обременительная для творческого человека служба и сырой климат города сказались не лучшим образом на его здоровье – художник часто болел и в 1843 году вернулся в Московскую область (жил то в Москве, то в хуторе Собакино под Москвой) [3].

В Москве живописец сблизился с семьей известного лекаря-хирурга И.П. Постникова (писал портреты членов семьи Постниковых). В январе 1846 года Захаров венчался с сестрой Постникова Александрой Петровной. Но семейная жизнь продлилась недолго – через несколько месяцев А.П. Постникова умерла от чахотки. Летом 1846 года в Москве, в возрасте 30 лет, скончался от чахотки и сам художник.

Прожив большую часть жизни за пределами родины, П. Захаров не забывал о своем происхождении: свои работы он подписывал «Захаров-Чеченец», «Захаров Дада-Юртский», «Захаров из чеченцев», «Чеченец из Дада-Юрта». Но, несмотря на непродолжительный жизненный путь, его творчество не осталось незамеченным – его имя занимает определенную нишу в истории живописи России, полотна живописца хранятся и экспонируются в ведущих музеях: Эрмитаже, Русском музее, Третьяковской галерее и других музеях России и стран СНГ.

Петр Захаров особенно плодотворно работал в области портретной живописи. В этом жанре он создал свои лучшие произведения. По воспоминаниям современников, К. Брюллов считал Захарова первым после себя портретистом.

К числу известных работ Захарова относится портрет генерала Алексея Ермолова, за который художник в свои 27 лет был удостоен звания академика живописи [4]. Написание данного портрета было программным заданием Академии художеств на звание академика: в тот период художнику, сделавшему запрос на программу академика, давали определенную тему для испол-

нения, которую он не мог изменить. Исходя из сложившейся биографии Захарова, было неудивительно, что ему поручили создать портрет А. Ермолова. Тем не менее, должно быть, было нелегко писать образ человека, который в свое время способствовал тому, что Захаров остался сиротой. Однако Петр справился со сложной задачей и по технике, и по содержанию – несмотря на парадность портрета, он сумел передать жесткий и непреклонный характер Алексея Ермолова.

П. Захаровым были созданы блестящие, высокопрофессиональные образы известных современников: писателя-путешественника А.Н. Муравьева, историка Т.Н. Грановского, герцога М. Лейхтенбергского, композитора П.П. Булахова, известного деятеля медицины Ф.И. Иноземцева и многих других.

Известно, что Захаров написал портрет М.Ю. Лермонтова, который является одним из лучших среди портретов знаменитого поэта. Считается, что в период работы над портретом Лермонтова так впечатлила судьба художника, что он отразил ее в своей известной поэме «Мцыри». Таким образом, П. Захаров стал прототипом главного героя поэмы.

В Чечено-Ингушском республиканском музее изобразительных искусств, которому в 1970-х годах присвоили имя художника Петра Захарова, до военных событий 1995 года хранилось 9 произведений автора, 7 из которых утеряны в период военных кампаний. Две работы удалось спасти в числе других извлеченных из-под завалов картин Чеченского объединенного музея и Музея изобразительных искусств им. П. Захарова. Они были эвакуированы в Москву в 1995 году. Полотна спасали совместными усилиями сотрудники ФСБ, МЧС, МВД и Минкультуры России и Чеченской Республики. Работы были переданы на реставрацию во Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика Игоря Эммануиловича Грабаря. В 2014 году, к 90-летию Национального музея, пятьдесят одна картина была возвращена в Грозный после реставрации, в том числе и две работы Захарова.

В настоящее время в Грозном, в Национальном музее Чеченской Республики, экспонируются «Автопортрет в бурке с ружьем (Портрет горца)» и «Портрет И.Ф. Ладыженского».

«Автопортрет в бурке с ружьем (Портрет горца)». 1843 г. – одна из самых известных картин автора. Кто на самом деле изображен на портрете, остается загадкой. До революции 1917 года он значился как «Портрет горца» или «Портрет черкеса». Позже советские исследователи посчитали, что художник написал себя в образе горца.

Современные исследователи и искусствоведы склоняются к тому, что работа не является автопортретом: Захаров прожил всего до 30 лет, а на картине изображен более зрелый мужчина около 45–50 лет.

М. Скотти.
Портрет П. Захарова-Чеченца.
Карандаш, акварель. 1830-е годы.
Государственная Третьяковская галерея.

Также не наблюдается сходства с достоверным юношеским портретом, написанным однокурсником Петра Захарова по Академии – Михаилом Скотти: «Захаров изображен как петербуржец из художественной среды. На плечи накинут плащ, лихо заломлен на бок берет, небрежно повязан шейный платок. Туго накрахмаленный белый воротничок подчеркивает бледность лица» [5]. Есть несколько версий насчет личности портретируемого. До результатов дальнейших исследований картина экспонируется с двойным названием.

На портрете изображен мужчина в горской шапке (папахе), в бурке, с ружьем, перекинутым через плечо. Портрет интересен не только в историческом, но и в колористическом и психологическом плане. Колорит портрета – сдержанный, почти монохромный. Фон – нейтральный, охристо-зеленого оттенка, который переходит в насыщенный черный цвет одежды, что, в свою очередь, направляет внимание на единственное светлое пятно в композиции – лицо изображенного. Внимание привлекают глаза – они пристально всматриваются в зрителя, в них ощущается печаль и мудрость много пережившего и мужественного человека.

Вторая, сохранившаяся в грозненском музее работа Захарова, – ***«Портрет И.Ф. Ладыженского», 1844 года***. Известно, что П. Захаров написал несколько портретов членов семьи Ладыженских, но только недавно удалось установить, кто изображен на этом полотне. Портретируемый – Илья Феодорович Ладыженский (1813–1862/66 г.), отставной ротмистр Кавалергардского полка, был владельцем конных заводов в нескольких губерниях. И. Ладыженский изображен сидящим на красном кресле, нарядно одетый в темный сюртук и серые брюки. Лицо мужчины обращено к зрителю, что свойственно многим портретам кисти Захарова. Художнику удалось передать характерные черты портретируемого: поза и пронзающий взгляд карих глаз придают ему горделивый и уверенный вид.

Способность Петра Захарова мастерски применять профессиональные технические приемы живописи, видна и в портрете Александры Васильевны Киреевой, урождённой Алябьевой (1812–1891) – знаменитой московской красавицы, воспетой А.С. Пушкиным. Портрет поясной, Александра Васильевна изображена сидящей в бархатном платье вишневого цвета, с меховым боа, опершись левой рукой на стол. Блестяще передан гармоничный образ

девушки через выверенную работу с композицией; расположением фигуры в пространстве овального формата; деликатным, и в то же время эффектным решением колористических и светотеневых художественных задач.

Среди самых сильных работ живописца также числятся портреты историка Т.Н. Грановского и тещи живописца Н.А. Постниковой, которые в числе других работ П. Захарова приобрел для своей коллекции Павел Михайлович Третьяков, и впоследствии стали достоянием экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

Благодаря наблюдательности, применению навыка точной передачи натуры и тщательно выписанным деталям, художнику в полной мере удавалось передать характерные черты портретируемых и донести до зрителя их психологические образы.

Имя Петра Захарова вдохновляло ученых, писателей. Сила его таланта и необычная история жизни привлекали к себе внимание исследователей.

Искусствовед и поэт Александр Андреев в своей книге «Живопись и живописцы главнейших европейских школ» [6], вышедшей в 1857 году, отмечает, что «не может умолчать о некоторых замечательных отечественных талантах в истории живописи России, в коей должны остаться имена… и Захарова-чеченца. Находящийся в Москве портрет доктора Иноземцева и множество других портретов обличают уже в нем славного художника».

Захаровед Н.Ш. Шабаньянц приводит в своей монографии слова известного историка Ф.М. Уманца, относящиеся к 1912 году: «Несомненно, что в лице П.З. Захарова русская (живописная) школа имела большую художественную силу, и можно только удивляться, почему он остался малоизвестен большой публике, а его биография, так тесно связанная с выдающимися людьми и событиями того времени и касающаяся нашего, остается неизвестной даже в общих чертах – «чеченец», и ничего более» [7].

До второй половины XX века имя художника упоминалось в различных изданиях, заметках, очерках, справочниках и энциклопедиях, но подробные сведения о жизни и творчестве художника были ограничены. Первой объемной статьей о художнике стала статья «Академик Захаров» Саид-Эмина Ибриева, опубликованная летом 1958 года в республиканской газете «Ленинан некъ» («Ленинский путь»). Следом первую монографию о Захарове написал исследователь, захаровед Николай Шабаньянц.

Доктор исторических наук, искусствовед М.М. Ракова в 1982 году, оспаривая мнение о значении творчества Захарова в русском искусстве, писала, что имена Тропинина, Брюллова, Захарова-«чеченца» и Зарянко должны стоять в одном ряду [8].

В 1982 году Тамара Мазаева также обратилась к теме Захарова и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Позднее в периодических печатных изданиях появились статьи и заметки раз-

ных авторов, был ряд публикаций искусствоведов Г.Д. Кропивницкой, доктора искусствоведения Л.А. Маркиной, профессора Н.М. Молевой и других. Большую работу по изучению творчества Петра Захарова в 2012–2017 гг. проделал доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, председатель Союза писателей Чеченской Республики, писатель Канта Ибрагимов. Новые открытия о жизни и творчестве П. Захарова принадлежат также кандидату филологических наук Мадине Шахбиевой. В 2018 году доктор философских наук, профессор Тамара Мазаева опубликовала прекрасно иллюстрированную монографию о творчестве Петра Захарова.

2016 год в Чеченской Республике был объявлен годом Петра Захарова – к 200-летию художника. В том же году имя живописца присвоено грозненской детской художественной школе № 2, а Союзом писателей Чеченской Республики была выпущена юбилейная медаль «Академик Пётр Захаров». В 2017 году в Грозном открылся сквер имени Петра Захарова.

На сегодняшний день насчитывается более 110 работ кисти Захарова (помимо рисунков – около 50 живописных работ). Исследования его творческого наследия продолжаются.

Петр Захаров является национальным достоянием, его искусство получило высокую оценку. Исследователи творчества живописца определяют, что имя П.З. Захарова входит в ряд художников, олицетворяющих переходный этап в русском искусстве второй четверти XIX века от классицизма и романтизма к реализму второй половины столетия.

Список использованных источников и литературы

1. Шабаньянц Н.Ш. Жизнь и творчество художника П.З. Захарова. – Грозный,1963.
2. Мазаева Т.А. Исследование творчества П.З. Захарова // Диссертация …канд. искусствоведческих наук. – ЛГУ, 1982.
3. Ибрагимов К.Х. Академик Петр Захаров. Романизированная биография / К.Х. Ибрагимов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – 496 с.
4. Мазаева Т.А. Исследование творчества П.З. Захарова // Диссертация …канд. искусствоведческих наук. – ЛГУ, 1982.
5. Маркина Л.А. Работы художника Петра Захарова в собрании Третьяковской галереи: Историческая хроника / Журнал «ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ». № 3. 2011 (32).
6. Андреев А.Н. Живопись и живописцы главнейших европейских школ / СПб., 1857.
7. Шабаньянц Н.Ш. Жизнь и творчество художника П.З. Захарова. – Грозный, 1963.
8. Ракова М.М. В.А. Тропинин // К 225-летию Академии Художеств. – М.: Искусство, 1982.

Товсултанов Р.А.

АЛДАМОВ АЛИБЕК-ХАДЖИ
(1850 – 9 марта 1878 гг.)

Алибек-Хаджи Алдамов (1850 – 9 марта 1878) – четвёртый имам Северного Кавказа, предводитель восстания 1877 года в Чечне и Дагестане. Чеченец, из аула Симсир Зандакского общества Веденского округа (ныне Ножай-Юртовский район). Алибек происходил из довольно обширного рода Алдановых, живших в Верхней Ичкерии. В семье Алдановых было 5 братьев – от 18 до 50 лет. Все они стали активными участниками восстания. Некоторые побывали в Мекке.

С середины 70-х гг. XIX в. в горных районах Чечни зрело недовольство российской политикой на Кавказе. Уже с 1876 г. в горной Чечне и в Дагестане началась подготовка к антироссийскому освободительному восстанию. Как раз в это время в Чечню и Дагестан было заслано много османских агентов, провоцировавших горцев на антироссийское восстание. Одной из главных причин волнения среди горцев следует считать распространившийся слух в Чечне, что русские, выслав все войска для войны с Турцией, боятся горцев, готовы на всякие уступки, чтобы удержать чеченцев в покое, а потому в случае восстания русские не в силах будут оказать серьезного сопротивления чеченцам, и таким образом представлялась возможность легко завоевать себе независимость [1].

Огромную роль в подготовке восстания на Кавказе начал играть сын Шамиля – Гази-Мухаммед, которого в 1871 году отпустили из плена в Османскую империю. Он проводил совещания с паломниками с Кавказа. На одном из таких совещаний присутствовал Алибек-Хаджи Алдамов.

Предвидя, что в случае войны России с Турцией в Чечне может вспыхнуть восстание, еще в 1872 году был созван специальный съезд начальников областей при главнокомандующем Кавказских войск для разработки мероприятий против возможных выступлений горцев. На нем решили усилить укрепления в горах, а также сформировать части из наиболее беспокойных горцев Чечни на своих конях, со своим оружием и вывести их за пределы Кавказа. К 1877 году такие части были созданы. В апреле этого года Чеченский полк направили на закавказский участок Русско-Турецкого фронта.

После возвращения из Турции в 1874 году Алибек-Хаджи Алдамов передал другу своего отца Солтамураду Беноевскому устное послание от Гази-Мухаммеда и начал подготовку к восстанию.

Авторитет Солтамурада был очень велик. В Беное и в других селениях проходили тайные встречи, совещания и сборы единомышленников. Пользуясь данными о том, что скоро должна начаться война России и Турции, Солтамурад и Алибек-Хаджи тайно решили начать восстание в день объявления войны.

12 апреля 1877 года Александр II издал манифест об объявлении войны Турции. В ту же ночь, на 13 апреля, крестьянин из хутора Симсир Веденского округа Алибек-Хаджи собрал в местечке Совраги, в лесу у аула Саясан, несколько десятков человек из разных селений и решил устроить с ними тайное совещание. «Али-бек-Хаджи внес на совещание вопрос о том, что царь Александр Второй, после взятия в плен имама Шамиля, начал скоро оказывать давление на мусульманскую религию, на шариат и вообще на чеченцев. Было запрещено: 1) зикристам громко исполнять религиозные обряды своей секты; 2) носить чалмы и халаты, присвоенные хаджам – бывшим на паломничестве в Мекке на поклонении гробу Магомета; 3) при молениях Аллаху о ниспослании дождя устраивать сборище, всякие собрания. Алибек-Хаджи в самой резкой форме обрисовал перед собравшимися тот гнет и тот произвол, которые царская власть сеяла среди чеченцев. Возмущенные таким рабским положением собравшиеся решили: Алибека-Хаджи сделать имамом и назначить ему в помощь наибов и обязать его ровно через две недели в понедельник начать освободительное движение» [2].

Правда, сам Алибек, сославшись на свою молодость, на этом собрании предложил избрать имамом 70-летнего Султан-Мурада, храброго, мужественного и опытного человека, сподвижника Шамиля и Байсангура, пользовавшегося большим авторитетом в Ичкерии. Но Султан-Мурад отказался от имамского звания, сославшись на свои годы, и предложил избрать руководи-

телем восстания Алибека, племянника известного богослова Гази-Хаджи из Зандака. И только тогда имамом был провозглашен Алибек-Хаджи. Султан-Мурад был избран «начальником наибов», т.е. главнокомандующим повстанческой армией. Его ближайшим сподвижником в руководстве повстанческими силами стал Янгалби. Собравшиеся решили «разорвать всякие сношения с существующей властью» и «объявить себя независимыми». Изначально четко была обозначена цель восстания – «окончательное изгнание русских из пределов Кавказа» [3]. К моменту восстания Алибеку-Хаджи было, по разным сведениям, от 23 до 27 лет, т.е. это был весьма молодой человек.

Главными помощниками Алибека были: его брат Алихан, Дада Залмаев из Чеберлоя, Султан-Мурад из Беноя, Сулейман из Центороя, Губахан из Тазен-Кали, старшина Гуни, Ума Дуев из Дзумсоя и ряд других. Все они, за исключением Умы Дуева, были молоды – 23–25 лет.

Восстание в первые же дни охватило 47 селений горной Чечни с населением до 20 тысяч человек. Восставшие перешли через реку Аксай, сожгли ставку в ауле Гордали, и движение перекинулось через реку Хул-Хулау. Одновременно вспыхнуло восстание в верховьях реки Шаро-Аргун, в Чеберлоевском обществе.

20 апреля 1877 г. в селении Гордали восставшие сожгли также ставку пристава Даргинского участка Ичкеринского округа подпоручика Чомака Ойшиева вместе с документами из его канцелярии. Вскоре большая часть горных аулов Чечни и Дагестана была охвачена восстанием. В Аргунском округе во главе повстанцев встал Дада Залмаев, а затем Ума Дуев – бывший наиб Шамиля, один из сподвижников Байсангура по восстанию 1860–1861 гг. В войско Алибека-Хаджи шли добровольцы даже из плоскостных аулов Чечни [4].

Русское командование располагало значительными боевыми средствами – до 13200 штыков, 2270 сабель и 92 орудия. 19 апреля Терская область была объявлена на военном положении. Против восставших мобилизовали «благонамеренных лиц» из чиновной верхушки чеченского населения. Начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов приказал войскам блокировать пути возможного выхода восставших на плоскость.

К 21 апреля восстанием была охвачена вся Ичкерия. 22 апреля у аула Майртуп, на берегу реки Хумиг, состоялось сражение между войсками имама Алибека-Хаджи и царскими отрядами полковников Милова и Нурида. В бою под Майртупом царские войска были разбиты и отступили к аулам Герменчук и Курчалой. Только огонь артиллерии спас войска от полного разгрома.

Первый крупный успех был толчком к дальнейшему росту восстания в горной Чечне. К восставшим присоединились качкалыковские аулы и верхнего Аргуна.

На рассвете 28 апреля Алибек-Хаджи подошел к аулу Шали – самому большому и богатому селению Большой Чечни, расположенному на пути

Грозный–Ведено. Однако против него уже выступили местные богачи во главе с шалинским старшиной Борщиком Ханбулатовым. И царским войскам, усиленным местным ополчением, удалось нанести поражение Алибеку. Он отступил к Гуни и затем с небольшой группой ушел в Симсирский лес.

Укрывшись в Симсире, Алибек попытался продолжать свою деятельность по расширению восстания. Но первые же поражения новоявленного имама от российских войск, отказ равнинных жителей присоединиться к восстанию охладило «протестный пыл» многих колебавшихся, нерешительных. К тому же активно работала и пророссийская сторона, уговаривая жителей чеченских селений не присоединяться к восстанию, не имеющему никаких шансов на успех. Поэтому призывы Алибека к восстанию не встречали сочувствия и поддержку у чеченских крестьян. Генерал Свистунов после шалинских событий 28 апреля решил, что с восстанием в Ичкерии покончено и решил приступить к наказанию аулов, выразивших сочувствие к повстанцам.

В Чечне сосредоточили крупные силы (84 роты, 9 с половиной казачьих сотен и 32 орудия). К началу мая в Терской области имелись 28 пехотных батальонов и 6 команд с общим количеством 24 409 человек, 16 казачьих сотен в 2261 человек, 11 сотен постоянной местной милиции и 104 орудия. Кроме того, со стороны Дагестана был двинут отряд полковника Накашидзе в 3 тысячи человек. С 10 мая началось наступление на Ичкерию с трех сторон.

Но 14 мая неожиданно восстали аварские аулы, и войскам пришлось направиться в Дагестан. Царские войска сожгли аулы, уничтожили посевы и корма, захватили имущество и скот. Они уничтожали и выселяли жителей на плоскость, но потушенный в одном месте пожар восстания с новой силой вспыхивал в другом.

Царское командование, надеясь расправиться с восставшими руками самих чеченцев, назначило награду в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца, а за главных «абреков» – Алибека-Хаджи, Солтамурада и Даду Залмаева – гораздо больше. Но план этот провалился.

1 июля вспыхнуло восстание в бассовских аулах Хатуни, Махкеты, Таузен и Агишты, которым руководил Абдул-хаджи. Махкетинский старшина Тангий объявил себя наибом Алибека. Восстание охватило и весь Аргунский округ. Аргунских чеченцев вновь возглавил вернувшийся из ссылки Ума Дуев.

В августе 1877 года восстание достигло апогея. К этому времени число воинов Алибека-Хаджи составило 30 тыс. чел.

В Ичкерию были направлены большие соединения царских войск. К началу сентября царское командование мобилизовало еще 26 тысяч человек.

Пять войсковых колонн генерала Смекалова двинулись, сметая аулы на своем пути. После кровопролитных сражений Алибек с Солтамурадом

и небольшой группой соратников отступили в Симсирский лес. Отсюда через своих людей Алибек сообщил ичкеринцам: «Не надейтесь более на меня, пособить вам не могу: делайте теперь что знаете, я с Султан-Мурадом ухожу».

Царские войска от Центороя двинулись в Беной, разорили его жителей и выселили их оттуда, распределив по нижним селениям. Им было известно место и пути подхода к убежищу Алибека.

В ходе ожесточенных боев царским войскам в октябре 1877 года удалось подавить восстание в Чечне. Лидеры повстанцев ушли в Дагестан, где совместно с сподвижниками имама Магомета-Гаджи Согратлинского продолжали сопротивление. 7 октября, после подавления восстания в Аргунском ущелье, ушел в Дагестан и Ума-хаджи Зумсоевский.

16 октября 1877 года Свистунов телеграфировал главнокомандующему, что Терская область «совершенно очищена от мятежников».

Посланец сына Шамиля Гази-Мухаммеда Аббаз прибыл в селение Согратль, где находились все руководители повстанцев. Селение это было окружено русскими войсками и дагестанской милицией. Богатеи Согратля, заключив с царским военным командованием тайное соглашение, коварно схватили и выдали русским Уму Дуева, его сыновей и соратников, а также своего односельчанина Магомеда-хаджи.

Солтамурад, Алибек со своими родными и сподвижниками сумели вырваться из окружения и ушли в Симсирский лес.

Неспособное справится с Алибеком-Хаджи царское командование начало настоящий террор по отношению к мирным жителям горных чеченских сел. К имаму были направлены целые делегации с просьбой сдаться властям, убеждая его, что самым лучшим выходом из создавшегося положения будет явка с повинной к русскому начальству. Они уверяли его, что он будет прощен. Учитывая жестокие репрессии, которые применялись из-за него к чеченцам, своё трудное положение, и поверив в то, что ему будет дарована свобода, Алибек-Хаджи, не желавший, чтобы по его вине страдали аулы Ичкерии, вместе со своими сподвижниками 27 ноября добровольно явился к начальнику Веденского округа князю Авалову. Надежда его не оправдалась. Веденский администратор приказал заковать Алибека-Хаджи в кандалы и под усиленным конвоем отправил в Грозненскую тюрьму. Вскоре туда были доставлены двенадцать его наибов и много повстанцев (262 человека), а также те, которых начальство заподозрило в сочувствии Алибеку-Хаджи. «Однако старший над всеми наибами, сын беноевского Салун-Гирея, по имени Солтамурад не только не явился с повинной, а продолжал находиться в бегах. Он никому, кроме своих родственников, не доверял. Солтамурад умер от болезни и с большими почестями был погребен на Беноевском кладбище» [5].

В начале марта 1878 года в Грозном над арестантами состоялся военный суд. Алибек-Хаджи Алданов обвинялся «в том, что, задумав вместе с другими чеченцами произвести вооруженное восстание магометанского населения на Кавказе, с целью, с одной стороны, оказать помощь Турции в войне ее с Россией, а с другой стороны, отделиться от России, он для достижения задуманного распространял в народе, словесно и письменно, получаемые из Турции воззвания к восстанию, и затем в апреле месяце 1877 года, когда уже началась война между Россией и Турцией, он принял на себя звание Имама, организовав партии мятежников и подняв восстание в Веденском, Аргунском и частью в Грозненском округах Терской области, имел дела с отрядами русских войск и вообще руководил делом восстания в течение нескольких месяцев, пока оно не было подавлено военными мерами» [6]. Алибека судили как организатора и руководителя восстания.

8 марта Временный Полевой Военный суд в г. Грозном признал Алибека-Хаджи Алданова виновным в предъявляемом обвинении и приговорил его к смертной казни через повешение.

Когда Алибеку-Хаджи огласили приговор, он без бравирования, но с большим достоинством ответил: «Благодаря моим увериниям о необходимости поднять восстание меня всегда сопровождали 60 человек. Своей добровольной явкой я хотел избавить их от ответственности и приостановить повстанческое движение и вместе с тем гибель народа. Пусть теперь знают все, как Русский царь расправляется с теми, кто является к нему с повинной!»

На суде Алибеку-Хаджи задали вопрос: «Алибек-Хаджи, ты ещё совсем молодой и уже Хаджи, имел почет в горах, значит, ты умный и знающий человек. Как ты думал воевать против могучего русского царя?» Имам ответил: «Какое мне дело до могучего царя или султана? Я знал, что между ними война, я хотел этим воспользоваться и освободить свой бедный народ».

Осужденным предлагали подать ходатайство на имя царя, но они все без исключения отказались. «Царь обещал, – сказал Алибек, – не судить меня и моих товарищей и не обижать бедный народ. Но он обманул нас. Пусть весь мир знает, как коварен Русский царь!»

Во время казни Алибека-Хаджи поставили на табуретку и надели на шею веревку. Долго никто не решался выбить из-под ног у него табуретку. Всем было жаль молодого красивого имама. Наконец, один согласился за деньги. Когда он нагнулся к табуретке, Алибек-Хаджи ударил его в лицо ногой и сам оттолкнул табуретку. Этот факт подтвержден документом.

Один из очевидцев казни позже писал в своих воспоминаниях: «Меня поразило спокойствие, с которым эти люди умирали!» [7]

Приговор по делу Алибека и остальных участников восстания был приведен в исполнение 9-го марта 1878 г. в 6 часов утра. Всего казнено было 11 человек.

Все казненные были зарыты на месте казни в общей яме в городе Грозном. Чеченский народ бережно хранит в памяти и передает молодому поколению рассказы об эпизодах, связанных с этими мужественными людьми. Алибек-Хаджи по праву стоит на самых верхних ступенях истории боевой славы и борьбы народов Северного Кавказа за независимость. Он с честью прошел свой путь воина и народного лидера и завершил его достойно!

Список использованных источников и литературы

1. Духаев А.И. Раасу Гойтукаев – летописец XIX века // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – С. 199.
2. Духаев А.И. Раасу Гойтукаев – летописец XIX века // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – С. 199–200.
3. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «…Дикой вольности любовь (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). – Грозный, 2011. – С. 147–148.
4. Духаев А.И. Раасу Гойтукаев – летописец XIX века // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – С. 201.
5. Духаев А.И. Раасу Гойтукаев – летописец XIX века // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – С. 202.
6. История чеченцев в письменных источниках. (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.). – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2019. – С. 583.
7. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «…Дикой вольности любовь (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). – Грозный, 2011. – С. 246–247.

Духаев А.И.

ГОЙТУКАЕВ РААСУ – ЛЕТОПИСЕЦ XIX ВЕКА
(1841–1927)

Беноевский род по праву считается одним из крупных и коренных среди древних чеченских тайпов. Из него вышло немало выдающихся духовных лиц и общественных деятелей. Родовой аул этого общества под названием Беной расположен в самом живописном уголке нынешнего Ножай-Юртовского района Чеченской Республики. Отсюда, с увеличением народонаселения, в поисках новых мест обитания, беноевцы расселились по разным уголкам нынешней Чечни и оказывали влияние на ход истории.

В XIX веке беноевский тайп занимал ведущее место в горниле Кавказской войны и других значительных исторических событий. Наиболее известными беноевцами, оставившими след в истории родного края в позапрошлом веке, стали Дада Махаев (прим. 1770–1830) – основатель села Бено-Юрт в нынешнем Надтеречном районе Чеченской Республики; Байсангур Баршикаев (1794–1861) – наиб Шамиля, лидер восстания горцев 1860–1861 гг.; Султан-Мурат Солумгиреев (1808–1884) – один из предводителей антиколониальных восстаний в Чечне и Дагестане 1860–1861 гг. и 1877–1878 гг.; шейх Эскерхан-Хаджи Долаков из Центороя (1808–1894) – проповедник учения Кунта-Хаджи; шейх Хажмурд Баталов из Беноя (1826–1913) – последователь муршида Ташу-Хаджи; шейх Хадис Гонукаев из Алхан-Хутора (1854–1917) – проповедник тариката Кадырийа; Ильяс Арсангиреев из Центороя (1824–1864) – сподвижник шейха Кунта-Хаджи Кишиева, участник «Кинжального боя» 1864 г. в окрестностях Шали и многие другие. В один ряд с перечисленными именами следует поставить и имя муллы Раасу Гойтукаева из Беноя – автора хроники восстания Алибека-Хаджи Алданова 1877–1878 гг. [1].

Раасу родился в семье Гойтуки Гечебиева из Беноя, происходившего из гара Онжабий-некъе тайпа Беной. Их родословная состоит из следующей цепочки имён: Раасу (*чеч.* Роlса) – Гойтуко (*чеч.* ГІойтакъа) – Гечебий (*чеч.* ГІечеби) – Ханаки (*чеч.* Ханакъи) – Бана – Маву – Гарихан (*чеч.* ГІариха) – Онжабий. По преданию, датой рождения Раасу Гойтукаева считается 1841 год [2]. Даже в архивных документах время его рождения приводится по-разному – от 1847 г. до 1856 г. [3]. В своих воспоминаниях Раасу пишет, что в юности он учился в арабской школе вместе с Алибеком Алдановым и с тех пор поддерживал с ним приятельские отношения [4]. Поскольку Алибек Алданов родился в 1856 году [5], мы склонны считать, что Раасу, вероятнее всего, был его сверстником.

Во время учёбы в местной школе-хьуьжар молодой беноевец быстро усваивал арабский язык, шариатские предписания, толкование Корана и ряд

других дисциплин, из которых в XIX веке состояло начальное образование кавказских горцев. Раасу также стал мюридом вирдового братства шейха Ташу-Хаджи. Его религиозным наставником был шейх Бешто из Саясана, который выбрал Гойтукаева исполнителем своего завещания (васи) [6].

По преданиям, окончив полный курс подготовки в школе-хьуьжар, Раасу в течение 13 лет проходил обучение в арабских странах на территории Османской империи. После завершения учёбы он блестяще сдал экзамены, а преподаватели провожали его домой со словами: «Ты забираешь с собой все наши знания, Раасуль-Байан!» («Iилманах хIума бухадитина ца воьду хьо, РаIсуль-Байан!»). Этим именем нарекли его арабские учёные. В переводе на русский язык оно означает «Голова из Беноя». По возвращении на родину, Раасу Гойтукаеву сразу же был предложен пост кадия Беноя. А в 1912 году он был назначен на должность имама в селении Гендырген, где построил каменную мечеть, которая стоит до сих пор и занесена в реестр памятников историко-культурного значения [7].

Во второй половине XIX века Раасу Гойтукаев женился на девушке Айне (*чеч.* Iайна) из Беноя, которая происходила из гара Гуьрж-махкахой. У них родились сыновья Решид, Бетарсолта, Махмуд и две дочери. Судьба потомства Раасу сложилась следующим образом. У Махмуда вообще не было детей, а у Бетарсолты – только дочери. Решид женился на Элисат, которая дожила до ста лет и скончалась в 1977 году. Она рассказывала много историй из жизни своего свекра Раасу Гойтукаева. У Решида и Элисат было семеро детей: сыновья Абдулбаки (*чеч.* Iабдулбакъи), Соип, Похру, Зайнал, Ала (*чеч.* Iала), Нажмуддин и дочь Руман. Решид знал арабскую грамоту и пользовался уважением в народе, но советская власть репрессировала его в 30-е годы XX века. Дальнейшая его судьба неизвестна. Его сыновья Абдулбаки и Соип тоже были осуждены и сосланы в Сибирь, откуда первый не вернулся. Соип провёл в местах лишения свободы 8 лет. Их брат Нажмуддин Решидов добровольцем ушёл на фронт в период Великой Отечественной войны, но пропал без вести. Сегодня фамилия Решидовых проживает в селе Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики [8].

С середины 70-х годов XIX века Османская империя готовилась к войне с Россией. Накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Чечню и Дагестан было заслано много османских агентов, провоцировавших горцев на антироссийское восстание. Тем более, что в горах Чечни и без подстрекательства турецких эмиссаров большинство населения было недовольно российской политикой на Кавказе и тайно готовилось к мятежу [9]. «Не только в массе народа, но даже в представителях его, старшинах, было замечено явное нежелание оказывать прежнее повиновение… Одну из главных причин брожения умов, обнаруженного среди горцев, следует считать распространившийся слух в Чечне, что русские, выслав все войска для войны с Турци-

ей, боятся горцев, готовы на всякие уступки, чтобы удержать их в покое, а потому в случае восстания мы не в силах будем оказать серьезного сопротивления чеченцам, и таким образом являлась возможность легко завоевать себе независимое положение» [10].

Подготовкой восстания в Чечне руководили Султан-Мурад из Беноя, старшина Чобахкенероя Дада Залмаев и ряд других лиц, занимавших в своё время ответственные посты в имамате Шамиля. Когда встал вопрос об избрании имама, все они единодушно указали на кандидатуру молодого и образованного Алибека-Хаджи Алданова из аула Симсир. Избирая его своим лидером, повстанцы, прежде всего, отдавали дань памяти шейху Гази-Хаджи Арзуеву, которому во время восстания 1860–1861 годов Байсангур персонально уступил сан имама – духовного предводителя восставших чеченцев, оставив за собой военное руководство [11]. После подавления восстания, в начале февраля 1861 года, Гази-Хаджи был пленён и отбывал ссылку в селении Старый-Юрт, а в 1862 году был отпущен в Аравию для совершения Хаджа [12]. Скончался и похоронен в Мекке примерно в 1867 году [13]. Алибек Алданов приходился племянником шейху Гази-Хаджи Зандакскому (сыном его родного брата Алдама) и во время паломничества в Мекку в 1876 году посетил могилу своего знаменитого дяди. Эта духовная и родственная связь с великим суфием сыграла отнюдь не последнюю роль в провозглашении Алибека-Хаджи имамом Чечни весной 1877 года [14].

В своей хронике Раасу Гойтукаев пишет: «В 1294 году арабского летоисчисления, в месяц Рабиал-Авваль первого дня, в ночь под понедельник, Алибек-Хаджи собрал своих единомышленников в местечке Саврагаи (селение Совраги (чеч. СоврагIа) нынешнего Аллероевского сельского поселения Ножай-Юртовского района. – *А.Д.*) и решил устроить с ними тайное совещание. Алибек-Хаджи внес на совещание вопрос о том, что царь Александр II, после взятия в плен имама Шамиля, начал скоро оказывать давление на мусульманскую религию, на шариат и вообще на чеченцев. Было запрещено: 1) зикристам громко исполнять религиозные обряды своей секты; 2) носить чалмы и халаты, присвоенные хаджам – бывшим на паломничестве в Мекке на поклонении гробу Магомета; 3) при молениях Аллаху о ниспослании дождя устраивать сборище, всякие собрания.

Алибек-Хаджи в самой резкой форме обрисовал перед собравшимися тот гнет и тот произвол, которые царская власть сеяла среди чеченцев. Возмущенные таким рабским положением собравшиеся решили: Алибека-Хаджи сделать имамом и назначить ему в помощь наибов и обязать его ровно через две недели в понедельник начать освободительное движение. Ровно через две недели, в 1294 г. ар. лет., в месяц Рабиал-Аввал, Алибек-Хаджи, собрав своих мюридов, расположился на кургане на краю сел. Гендарганоя. Узнав об этом, чеченцы из окружных аулов начали стекаться к нему целы-

ми группами. Когда набралось много людей-приверженцев, Алибек-Хаджи вместе с ними выехал в селение Зандак для ночевки» [15].

В донесении начальника Веденского округа полковника князя Авалова начальнику Терской области генерал-адъютанту Свистунову от 17 апреля 1877 года за № 1419 сообщается: «Имеются сведения, что в ночь с 12-го на 13-е число сего месяца около 60-ти человек разных селений 2-го же участка будто бы собрались недалеко от аула Саясан (в том же участке), где приняли присягу с намерением разорвать всякие сношения с существующею властью и затем в понедельник, 18-го числа, объявить себя независимыми и нарушить общий порядок. Главным деятелем этого дела, как доносит пристав теперь и как доложил мне прежде на словах, называют Султан-Мурада, беноевского жителя, и братьев Алимхана-Хаджи и Алибека-Хаджи, жителей аула Зандак, и что последний (Алибек) провозглашён имамом» [16].

После начала восстания Алибек-Хаджи пригласил к себе Раасу Гойтукаева в качестве кадия и секретаря [17]. Гойтукаев пишет: «Многим чеченцам известно, что я, Раасу, будучи мальчиком, учился вместе с Алибеком-Хаджи, что, когда он объявил себя имамом, я сделался его кадием, и что я принимал участие в боях во имя газавата» [18].

Согласно хронике Раасу Гойтукаева, восстание в Чечне развивалось следующим образом: «Из Зандака Алибек-Хаджи поехал в селение Гендаргеной, где, заручившись согласием населения примкнуть к его, имама, движению, взял от них клятву на верность, Алибек-Хаджи отправился в сел. Рогун-Каж, а оттуда вместе со своими последователями отправился в сел. Ножай-Юрт. Узнав о том, что Алибек-Хаджи едет в Ножай-Юрт, начальник участка Парцан (капитан Проценко. – *А.Д.*) срочно выехал из этого аула в Хасав-Юрт. Прибыв в Ножай-Юрт, Алибек-Хаджи первым долгом приказал сжечь все дела начальника участка, а также сжечь ставку его» [19].

20 апреля 1877 г. в селении Гордали восставшие сожгли также ставку пристава Даргинского участка Ичкеринского округа подпоручика Чомака Ойшиева вместе с документами из его канцелярии [20]. Вскоре большая часть горных аулов Чечни и Дагестана была охвачена восстанием. В Аргунском округе во главе повстанцев встал Дада Залмаев, а затем – Ума Дуев, бывший наиб Шамиля, один из сподвижников Байсангура по восстанию 1860–1861 гг. В войско Алибека-Хаджи шли добровольцы даже из плоскостных аулов Чечни. Будущий шейх Дени Арсанов и его старший брат Пайха из притеречного селения Зебир-Юрт тоже примкнули к восставшим. Активным участником мятежа стал также шейх Асандар Ибрагимов из Гордали.

Однако в ходе ожесточенных боев царским войскам в октябре 1877 года удалось подавить восстание в Чечне. Лидеры повстанцев ушли в Дагестан, где совместно с сподвижниками имама Магомета-Гаджи Согратлинского продолжали сопротивление. Но 3 ноября 1877 года пал аул Согратли – по-

следний оплот восставших горцев. Магомет-Гаджи, Ума Дуев, Дада Залмаев и другие руководители восстания попали в плен. Алибек-Хаджи вырвался из окружения и ушёл в Чечню [21].

Раасу Гойтукаев в своей хронике пишет: «Алибеку-Хаджи и его братьям удалось выбраться из аула Сугури (аул Согратли чеченцы называют СугIри. – *А.Д.*). С родителями и родственниками они вышли из этого аула и опять укрылись в Симсарском лесу. По прошествии некоторого времени пребывания в названном лесу Алибека-Хаджи последнего стали уговаривать его друзья и лица, которым он доверял, что самым лучшим выходом из создавшегося положения для него будет явка к русскому начальству с повинной. Они уверяли, что после явки он будет прощен, и будет находиться на свободе. С одной стороны, учитывая свое беспомощное и безвыходное положение, и с другой стороны, поверив перспективам свободы, предугадываемой друзьями и верными людьми, Алибек-Хаджи послушался их и сдался какому-то администратору, находившемуся в Ведено. Ожидания его не оправдались. Веденский администратор, как только Алибек-Хаджи явился к нему, приказал, заковав его в ножные и ручные кандалы, под сильным конвоем отправить в Грозненскую тюрьму, что и было в точности исполнено. Через некоторое время, после заключения Алибека-Хаджи в Грозненскую тюрьму, туда же были заключены и 12 его наибов, а также многие другие, которых начальство заподозрило в лояльности Алибеку-Хаджи. Однако старший над всеми наибами сын беноевского Салун-Гирея по имени Солтамурад не только не явился с повинной, а продолжал находиться в бегах. Он никому, кроме своих родственников, не доверял. Солтамурад умер от болезни и с большими почестями был погребен на Беноевском кладбище» [22].

Из осужденных военно-полевым судом лидеров восстания 9 марта 1878 года в Грозном были казнены через повешение:

1. Алибек-Хаджи Алданов из Симсира – 22 года;
2. Ума-Хаджи Дуев из Дзумсоя – 69 лет;
3. Дада Алимов (он же Залмаев) из Химоя – 27 лет;
4. Хусейн-Хаджи Пасаев из Бетти-Мохка – 69 лет;
5. Мити Апаев из Чобахкенроя – 50 лет;
6. Курко Гойтаев из Ачарышки – 60 лет;
7. Лорсан-Хаджи Гиреев из Айти-Мохка – 27 лет;
8. Косум Буртаков из Чапчин-Хой – 30 лет;
9. Нур-Хаджи Махтиев из Зандак-Ара – 26 лет;
10. Прапорщик Дада Умаев из Дзумсоя – 22 года;
11. Тазурко Тангатаров из Турти-Хутора – 68 лет [23].

После подавления восстания Чечню охватила волна репрессий. За участие в возмущении были высланы в Сибирь сотни людей. В их числе даже жители мирного Надтеречного участка Грозненского округа, такие, как: Пайха Арсанов из Зебир-Юрта, Ахмед-Хаджи Мусалаев, Магома Сулбанов и Бий-

султан Джабаев из Старого-Юрта, Мудар Хутаев из Ногай-Мирзин-Юрта, Мотай Магомадов и Шейх Тоадаков из Бено-Юрта, Шахгирей Адильгиреев из Мундар-Юрта, Дени-Хаки Муллаев из Чанты-Юрта, Биймурза Миниев из Кень-Юрта [24]. Раасу Гойтукаев тоже был сослан в Сибирь за участие в мятеже. По ошибке он был записан в списке ссылаемых в Сибирь как житель селения Бено-Юрт Надтеречного участка Грозненского округа [25].

В своих воспоминаниях Раасу пишет: «После ареста Алибека-Хаджи и его наибов был арестован и я и находился вместе с ним на суде. После казни Алибека-Хаджи и его наибов я был сослан вместе с другими в Сибирь. По пути в Сибирь, когда мы доехали до Орловской губернии, я сильно заболел и был помещен в Орловскую больницу, в которой пролежал в продолжение 2-х месяцев. Из Орловской больницы я был переведен в Москву, а из Москвы меня перевезли в Нижегородскую губернию. Оттуда на пароходе меня повезли дальше и через 6 суток привезли в Пермскую губернию. В Пермской губернии посадили меня и других на подводу, запряженную очень хорошими лошадьми, и через 9 суток мы доехали до гор. Датмина Тобольской губернии. В этом городе нас разместили по окрестным деревням. Когда меня и товарищей отделили друг от друга, меня посадили под надзор Тюменского окружного волостного правления» [26].

Согласно списку ссыльных горцев, распределённых Тюменским приказом о ссыльных 3 июля 1878 года, Рааса Хайтукаев (так в документе. – *А.Д.*), от роду 25 лет, был поселён в деревню Усайку Покровской волости Тюменского округа Тобольской губернии [27].

Раасу Гойтукаев вспоминает: «Прожив в Тюменском округе 5 лет, я затосковал по родине и решил бежать из места ссылки. Ночью бежал я из этого места и пробрался в г. Тюмень, а оттуда дальше я пробрался в г. Кишлур. Из этого города я пробрался в Екатеринбург, а оттуда – в Петербург. Из Петербурга я кое-как добрался до Пермской губернии, а здесь сел на пароход и приехал в Казань. Из Казани я на пароходе выехал в Астрахань, а из Астрахани – на пристань. Оттуда я добрался до Яхсави (Аксай. – *А.Д.*), а из Яхсави – в сел. Бачи-Юрт. Из этого аула я легко добрался до своего родного аула Беноя. Спустя некоторое время после прибытия домой я отправился вместе с почетными лицами к полковнику Гулабиеву (полковник Галубов. – *А.Д.*), чтобы через их содействие вымолить у полковника Гулабиева его содействие в прощении мне моего побега. Полковник не только не оказал содействия, но немедленно арестовал меня и, продержав в Веденской тюрьме 5 месяцев, этапом отправил меня снова в Сибирь» [28].

Начальник Веденского округа полковник Галубов доносит по этому поводу: «МВД. Веденское окружное полицейское управление Терской области, № 1279, 24 июля 1882 года. Укр. Ведень. Господину начальнику Терской области. Рапорт.

23 числа сего июля месяца ко мне явился бывший в ссылке в г. Тюмени, Тобольской губернии, житель сел. Беной Раасул Гойтукиев, бежавший из места ссылки около 25 дней тому назад. Донося об этом Вашему Превосходительству, имею честь присовокупить, что, по заявлению Гойтукиева, он был сослан из Грозненского округа за участие в восстании 1877 года и так как в числе жителей вверенного мне округа, сосланных по этому восстанию, Гойтукиев не значится, то мною вместе с сим сделан запрос начальнику Грозненского округа о том, когда, за что, по чьему распоряжению и куда именно был выслан Гойтукиев, по получении каковых сведений я буду иметь честь донести Вашему Превосходительству особо» [29].

В ответ на запрос начальника Веденского округа из Грозненского окружного полицейского управления пришла справка следующего содержания: «Раасул Гойтукиев показан по спискам жителем селения Бено-Юрт Грозненского округа, высланный из края за участие в бывшем в 1877 году возмущении в числе 239 человек, и значится в списке под лит[ерой] Б, горцам, возвращение которых на родину признано преждевременным». Внизу карандашом поставлена резолюция: «Выслать обратно» [30].

Прошения, поданные самим Гойтукаевым и его матерью Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе о помиловании Раасу, были оставлены без последствий. Хотя о возвращении Гойтукаева на родину подполковником князем Аваловым было внесено представление начальнику Терской области, но ввиду того, что он бежал самовольно с места ссылки, не дождавшись распоряжения начальства о возвращении его на родину, генерал-адъютант Свистунов 11 октября 1882 года решил выслать содержавшегося на Веденской гауптвахте Раасу этапным порядком обратно в Сибирь, по месту первоначального отбывания срока [31].

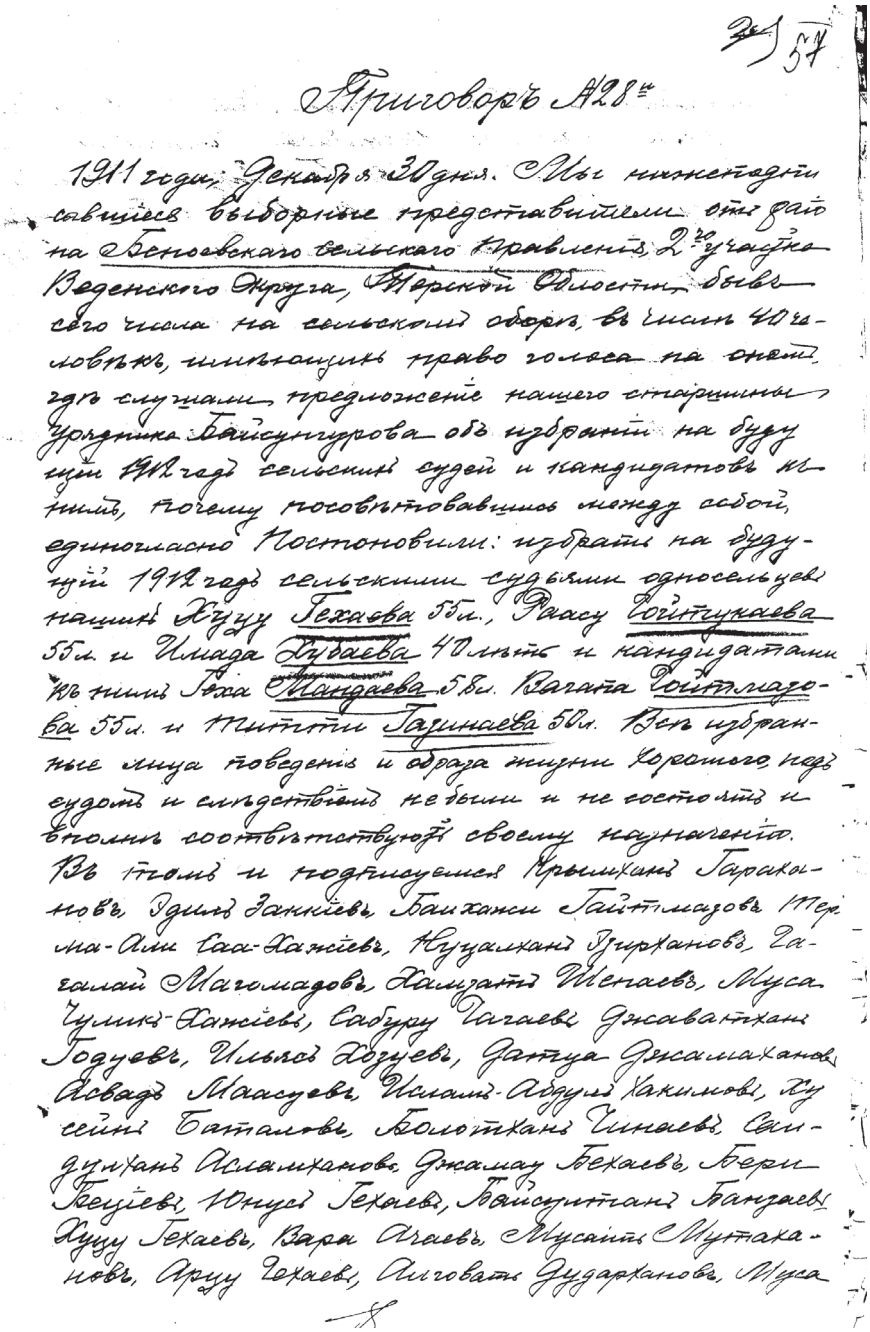
Раасу Гойтукаев в своей Хронике так описывает о возвращении его обратно в ссылку: «В пути я сильно заболел лихорадкой. Когда меня довезли до Новочеркасска, то меня положили в больницу. Здесь меня не могли излечить и меня отправили в больницу в г. Казлу, в которой я пролежал целый месяц. Из этой больницы через месяц меня перевезли в московскую больницу, в которой я также пролежал месяц. В московской больнице я почувствовал облегчение и вследствие этого я был назначен к высылке в Сибирь первым этапом. Перед нашей отправкой врач подвергнул меня медицинскому освидетельствованию. Врач констатировал у меня опасное состояние и меня перевели в покойницкую. Здесь я поправился, и меня отправили на пароходе в Нижний Новгород. Из Нижнего, ввиду того, что река Волга покрылась льдом и пароходы не ходили, меня отправили пешком дальше. На 25-е сутки я прибыл в Казань. Здесь я пробыл в больнице целый месяц и получил значительное облегчение от одержимой меня болезни. Из Казани меня отправили в г. Пермь, а из Перми – в г. Тюмень» [32].

Однако 15 мая 1883 года император Александр III издал Манифест, согласно которому участникам восстания 1877 года, отбывавшим срок наказания в Сибири, была объявлена амнистия. Пользуясь этим, Раасу Гойтукаев снова подал ходатайство о своём помиловании. В связи с этим председатель Тобольского губернского правления 23 апреля 1884 года пишет начальнику Терской области: «Вследствие ходатайства горца, состоящего на причислении Тюменского округа, Покровской волости, Роаса Гайтукаева, сосланного в Сибирь за восстание, губернское правление, согласно журнального определения, состоявшегося 27 февраля с.г. за № 127 и Всемилостивейшего манифеста 15 мая 1883 года, вместе с сим, предписало Тюменскому окружному полицейскому управлению выдать этому горцу вид на следование его на родину в Терскую область» [33]. На основании этого сообщения власти Терской области распорядились местному начальству, чтобы возвращающийся из ссылки Раасу Гойтукаев по прибытии был водворён на прежнем месте жительства [34].

По свидетельству самого летописца, эпопея его ссылки в Сибирь завершилась следующим образом: «Во время моего нахождения в Тюмени был убит царь Александр II и на престол вступил Александр III. Через месяц после вступления на престол Александра III был издан приказ – всех ссыльных из Дагестана и Терской области вернуть на родину. Таким образом, после этого приказа мне разрешили вернуться на родину, и я прибыл домой. Если бы я в подробности описал все те издевательства со стороны офицеров и солдат, которым я подвергался во время следования из города в город, из местечка в местечко, то даже враги мои пожалели бы меня» [35].

По возвращении из ссылки домой Раасу Гойтукаев продолжил свою религиозную деятельность. Он обучал местных детей арабской грамоте и чтению Корана. Один из его учеников – Сайд-Ахмед Манцигов из Беноя (1902–10.01.1980), в духовном совершенстве достиг степени авлия и сделал много предсказаний, которые сбываются по сей день. Благодаря своему благочестивому и праведному образу жизни Раасу стал пользоваться непререкаемым авторитетом среди алимов Северо-Восточного Кавказа. Решение (хьукма) беноевского муллы, заверенное его личной печатью с арабской надписью «Раасуль-Байан», никто из духовных авторитетов того времени не ставил под сомнение [36].

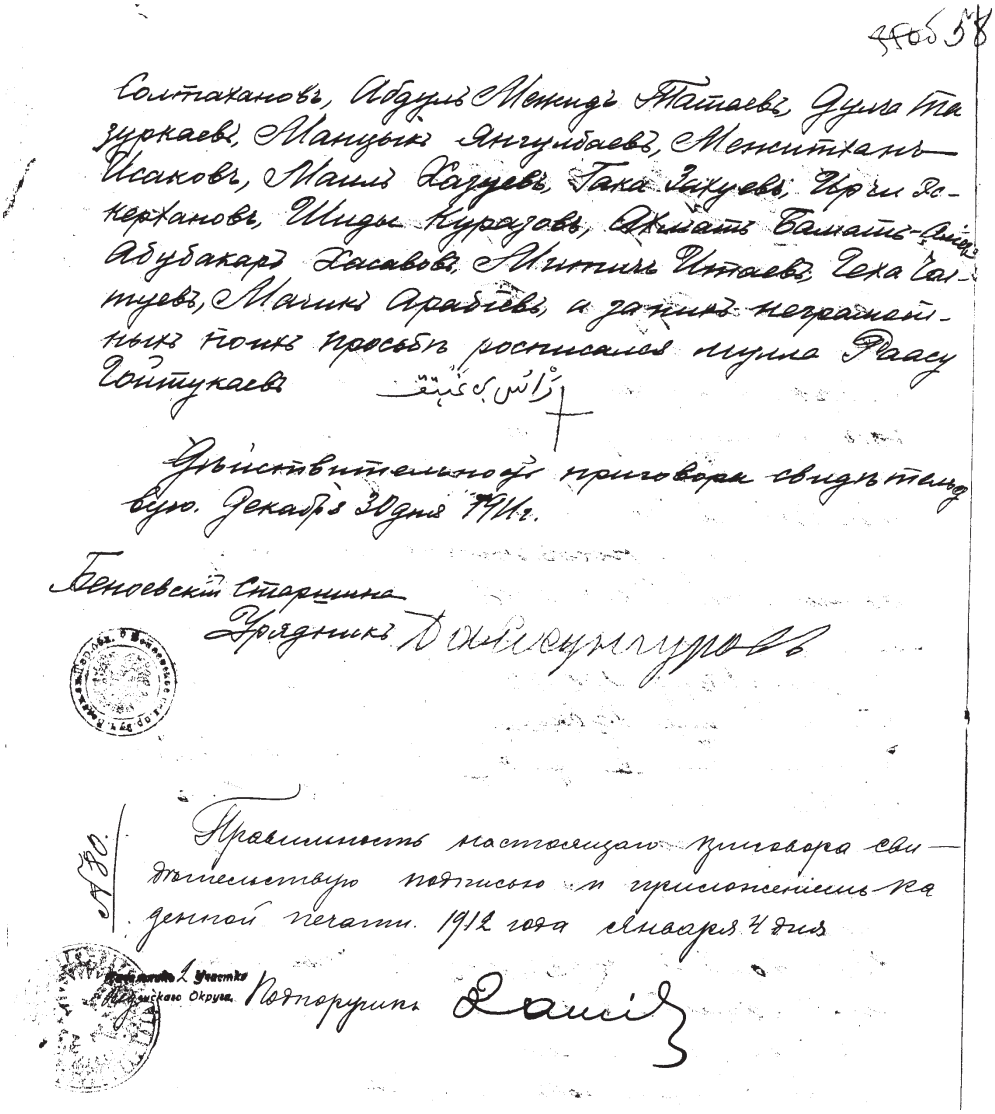
В начале XX века Раасу Гойтукаев в течение 12 лет работал цензором в исламской типографии Магомед-Мирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре (Буйнакск). Долгие годы в родном Беное он бессменно занимал должность кадия, а также был членом сельского шариатского суда [37]. Мы процитируем документ, свидетельствующий об избрании сходом граждан в ауле Беной сельских судей и кандидатов к ним:

Приговоръ № 28-й

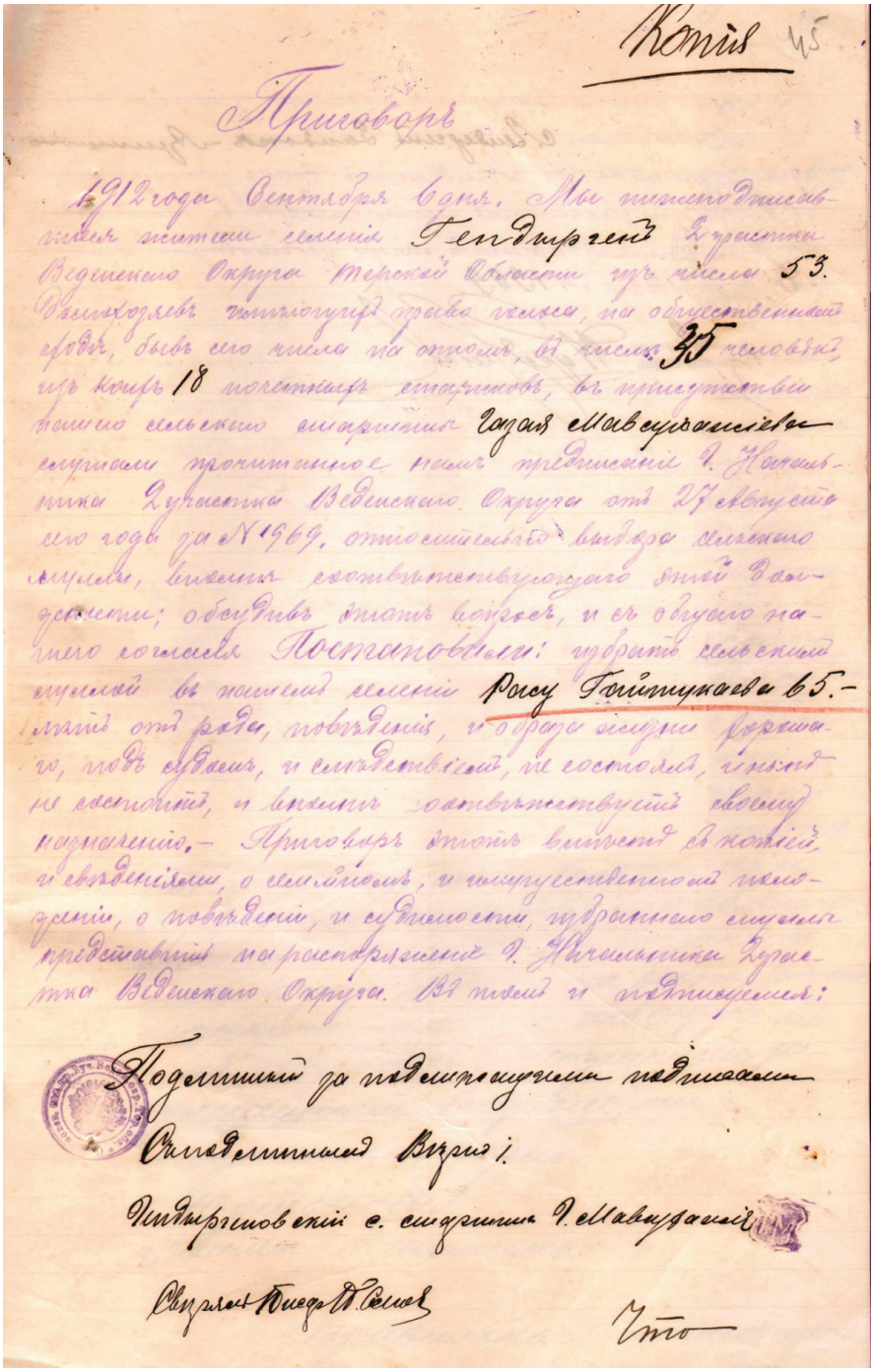
1911 года, Декабря 30 дня. Мы нижеподписавшіеся выборные представители отъ сел. Беноевскаго сельскаго правленія 2-го участка Веденскаго Округа, Терской Области, бывшаго числа на сельскомъ сборѣ, въ числѣ 40 головъ, имѣющихъ право голоса на оный, выслушавъ предложеніе нашего старшины Урядника Байсунгурова объ избраніи на будущій 1912 годъ сельскихъ судей и кандидатовъ къ нимъ, почему посовѣтовавшись между собой, единогласно постановили: избрать на будущій 1912 годъ сельскими судьями односельцевъ нашихъ Ахуу Гехаева 55 л., Раасу Гойтукаева 55 л. и Илиада Дудаева 40 лѣтъ и кандидатами къ нимъ Эха Мангаева 55 л. Вагата Гойтлазова 55 л. и Митити Гаджиева 55 л. Всѣ избранные лица поведенія и образа жизни хорошаго, подъ судомъ и слѣдствіемъ небывши и не состоящія и отбыли соотвѣтствующія своему наказанію. Въ томъ и подписываемся Крымханъ Гараханова, Эдильханъ Заккіевъ, Баиханъ Гайтлазовъ, Терма-Али Саа-Хажіевъ, Кучуалханъ Ужрханова, Гагалай Магомадовъ, Хамратъ Шенаевъ, Муса Гулиш-Хажіевъ, Сабурду Гагаевъ, Джабагіханъ Годуевъ, Ильясъ Дзугаевъ, Дапшу Джамалханова, Асвадъ Маасуевъ, Исламъ-Абдулъ Хакимовъ, Юсейнъ Баталовъ, Болотханъ Гиляевъ, Сайдулханъ Аламханова, Джалау Бекаевъ, Бери Бекіевъ, Юнусъ Гехаевъ, Байсунгханъ Бангаевъ, Ахуу Гехаевъ, Вара Агаевъ, Мусаилъ Мутахановъ, Арсу Гехаевъ, Алговатъ Дударханова, Муса

Оттиск 1. Документ об избрании Раасу Гойтукаева сельским судьей в Беное

Оттиск 2. Документ об избрании Раасу Гойтукаева сельским судьей в Беное

«Приговор № 28, 1911 года, декабря 30 дня. Мы, нижеподписавшиеся выборные представители от Беноевского сельского правления, 2-го участка Веденского округа Терской области, быв сего числа на сельском сборе, в числе 40 человек, имеющих право голоса на оном, где слушали предложение нашего старшины урядника Байсангурова об избрании на будущий 1912 год сельских судей и кандидатов к ним, почему посоветовавшись между собой, единогласно постановили: избрать на будущий 1912 год сельскими судьями односельцев наших: Хуцу Гехаева – 55 лет, Раасу Гойтукаева – 55 лет и Имада Хубаева – 40 лет и кандидатами к ним Геха Мандаева – 58 лет, Вагапа

Копія

Приговоръ

1912 года Сентября 6 дня. Мы нижеподписавшіеся жители селенія Гендыргенъ 2 участка Ведѣнскаго Округа Терской Области изъ числа 53. Выходцевъ имѣющихъ право голоса, по общественной сходкѣ, бывшей сего числа по отношенію къ числу 35 человѣкъ изъ коихъ 18 почетныхъ стариковъ, въ присутствіи нашего сельскаго старшины Гадая Шавсурханіева слушали прочитанное намъ предписаніе Г. Начальника 2 участка Ведѣнскаго Округа отъ 27 Августа сего года за № 1969, относительно выбора сельскаго старосты, вмѣсто скончавшагося этой должности; обсудивъ этотъ вопросъ, и съ общаго нашего согласія Постановили: избрать сельскимъ старостой въ нашемъ селеніи Расу Гойтукаева 65.- лѣтъ отъ роду, повѣдінія, и образа жизни хорошаго, подъ судомъ, и слѣдствіемъ, не состоялъ, ничѣмъ не опорочѣнъ, и вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію.- Приговоръ этотъ выписать въ копіи, и свѣдѣніяхъ, о семъ лицѣ, и имущественномъ положеніи, о повѣденіи, и судимости, избранномъ старостѣ представить на распоряженіе Г. Начальника 2 участка Ведѣнскаго Округа. Въ чемъ и подписуемся:

Подлинный за надлежащими подписями

Сельскій Старшина Ахріевъ

Депутатскій с. старшина Г. Шавсурханіевъ

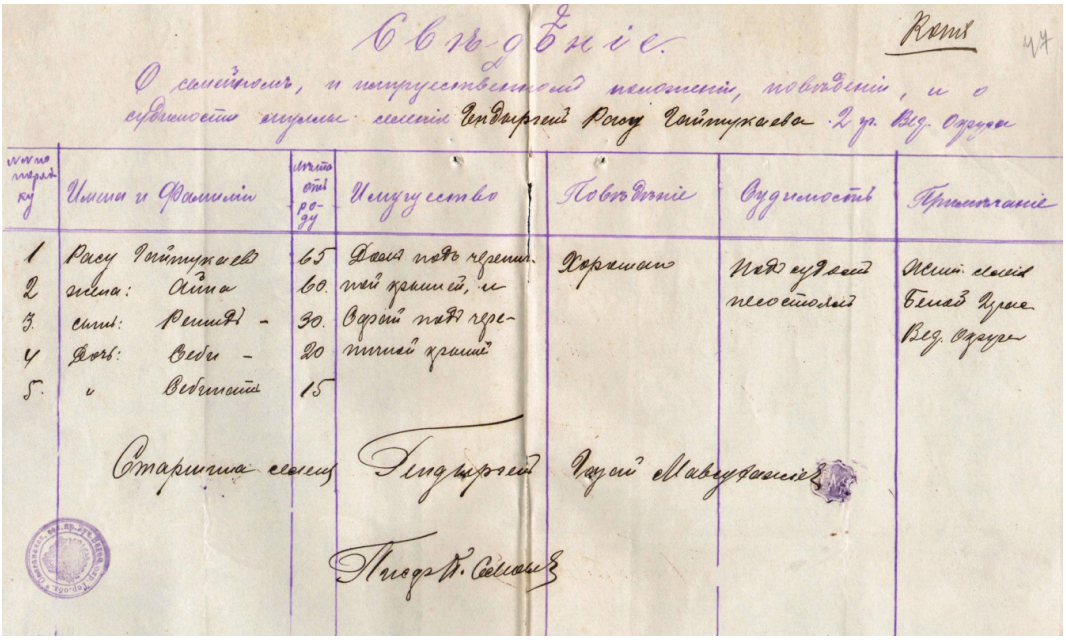
Свидѣтель Писарь Ахріевъ

Что

Оттиск 3. Документ о назначении Раасу Гойтукаева кадием Гендыргена

Гойтмазова – 55 лет и Титти Газикаева – 50 лет. Все избранные лица поведения и образа жизни хорошего, под судом и следствием не были и не состоят и вполне соответствуют своему назначению. В том и подписуемся: Крымхан Гараханов, Эдиль Заккиев, Байхажи Гайтмазов, Терма-Али Саа-Хажиев, Нуцалхан Эзирханов, Гагалай Магомадов, Хамзат Шепаев, Муса Чулик-Хажиев, Сабуру Чагаев, Джавадхан Годуев, Ильяс Хозуев, Датца Джамаханов, Асвад Маасуев, Ислам Абдул-Хакимов, Хусейн Баталов, Болотхан Чинаев, Саидулхан Асламханов, Джамау Бехаев, Бери Бециев, Юнус Гехаев, Байсултан Банзаев, Хуцу Гехаев, Вара Ачаев, Мусаип Мутаханов, Арцу Гехаев, Алговат Дударханов, Муса Солтаханов, Абдул-Межид Татаев, Дума Тазуркаев, Манцык Янгулбаев, Межитхан Исаков, Маил Хазуев, Гака Захуев, Ирчи Эскерханов, Шиды Куразов, Ахмат Бамат-Алиев, Абубакар Хасавов, Митичь Итаев, Геха Чолтуев, Мачик Арабиев, а за них неграмотных по их просьбе расписался мулла Раасу Гойтукаев (арабская подпись).

Действительность приговора свидетельствую, декабря 30 дня 1911 г. Беноевский старшина урядник Байсангуров». *(Круглая гербовая печать Беноевского сельского правления)* [38].

Свѣдѣніе.

О семейномъ, и имущественномъ положеніи, поведеніи, и о судимости членовъ семейства Гендыргенскаго Кадія Гойтукаева 2 уч. Вед. Округа

№ № по порядку	Имена и Фамиліи	Число отдѣльно	Имущество	Поведеніе	Судимость	Примѣчаніе
1	Раасу Гойтукаевъ	65	Домъ изъ черепичной крыши, и	Хорошее	Подъ судомъ и слѣдствіемъ	Аульн. старшина Беноевскаго Округа Вед. Округа
2	жена: Аймя	60.			не состоялъ	
3	сынъ: Решидъ -	30.	Дворъ изъ черепичной крыши			
4	Дочь: Ведя -	20				
5	" Ведитъ	15				

Старшина села Гендыргенъ Гойтукаевъ

Оттиск 4. Посемейный список Раасу Гойтукаева

В 1912 году, перед избранием его кадием села Гендырген, Раасу-мулла Гойтукаев с отличием сдал экзамен по знанию мусульманской веры и законов. Благодаря своим способностям, он был включен даже в состав экзаменационной комиссии по испытанию мулл Веденского округа. Был назначен

кадием Гендыргена 6 сентября 1912 года. Сведения о семейном и имущественном положении кадия: «Расу Гойтукаев – лета от роду 65, жена Айна – 60 лет, сын Решид – 30 лет, дочь Себи – 20 лет, дочь Себинат – 15 лет. Имущество: дом под черепичной крышей и сарай под черепичной крышей. Поведения хорошего. Под судом не состоял. Житель селения Беной 2-го участка Веденского округа» [39].

Согласно преданиям, Раасу Гойтукаев прожил 86 лет и скончался в 1927 году. С большими почестями его тело было предано земле на Беноевском сельском кладбище [40].

Такую неординарную жизнь, полную взлётов и падений, прожил этот известный чеченский историк и просветитель. Он был настоящим патриотом своей Отчизны и всегда был в центре судьбоносных для чеченского народа событий. И это замечательное качество снискало ему заслуженную славу в сердцах и умах благодарных потомков. Уверены, что наше повествование, основанное на официальных архивных документах и материалах, приумножит память о достойнейшем из духовных лидеров в сердцах последующих поколений, облагораживая и укрепляя лучшие черты национального характера.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), ф. Р-3764, оп. 1, д. 47, л. 189-240; Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД), ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 1-12 об.

2. Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об; Там же, д. 2165, л. 35; Государственный архив в г. Тобольске, ф. и-330, оп. 1, д. 83, л. 41 об.

4. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 4, 11.

5. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 7, д. 22, л. 67; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 48, д. 11, л. 7; Научный архив Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее – НА ДНЦ РАН), ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 18.

6. Записано 01.09.2019 г. со слов правнука Раасу Гойтукаева – Имрана (Іабдул-Къуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

7. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об, 5 об; Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

8. Записано 01.09.2019 г. со слов Имрана (Іабдулкъуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

9. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «…Дикой вольности любовь» (Освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2011. – С. 140.

10. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI, часть I. Составлен в Военно-Историческом отделе при Штабе Кавказского военного округа полковником Томкеевым. – Тифлис, 1910. – С. 17.

11. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 317, л. 5 об – 6; Архивный вестник. Вып. 5. – Нальчик, 2017. С. 50; АУП ЧР, ф. 236, оп. 7, д. 33, л. 16, 34.

12. АУП ЧР, ф. 236, оп. 7, д. 33, л. 14, 38.

13. Мусхаджиев С.Х. Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – С. 107.

14. Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш. «Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2011. – С. 147.

15. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 4 с оборотом.

16. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI. Часть I. – Тифлис, 1910. Приложение XI. – С. 73.

17. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 об.

18. Там же, л. 4.

19. Там же, л. 4 об.

20. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI, часть I. – Тифлис, 1910. Приложение XI. – С. 77–78; ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 5.

21. Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный: Книга, 1991. – С. 90.

22. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 10.

23. История чеченцев в письменных источниках (Сборник документов и материалов с древнейших времён до начала XX в.). – Нальчик, 2019. – С. 584–587.

24. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 440, л. 8 об, 21, 57, 171, 173; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 86, л. 34.

25. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 86, л. 38.

26. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 об.

27. Государственный архив в г. Тобольске, ф. и-330, оп. 1, д. 83, л. 41 об.

28. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 об – 12.

29. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 440, л. 186 об.

30. Там же, л. 187;

31. Там же, л. 188 с об, 189, 190 об.

32. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 12.

33. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 452, л. 21; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2кс, д. 365, л. 31.

34. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 452, л. 23 с об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2кс, д. 365, л. 34–35.

35. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 12 об.

36. Гапуров Ш.А., Умхаев Х.С. Беной в истории и культуре чеченского народа. (Историко-этнографические очерки). – Грозный, 2016. – С. 235.

37. Записано 01.09.2019 г. со слов Имрана (Іабдулкъуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

38. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 2165, л. 35 об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 1кс, д. 628, л. 57–58.

39. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об, 4 об, 5 об, 45 об, 46 об – 47.

40. Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

Гудаев Л.Р.

ГУШМАЗУКАЕВ ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ (1872–1913)

Абреками на Кавказе не рождались, ими становились. Становились в силу разных причин – социальных, нравственных, материальных. Похищенные невеста или сестра, оскорбленная честь, неосторожное слово – разве мало поводов, чтобы пролилась кровь обидчика? Но и абреки встречались разные. Были и благородные, такие, как Робин Гуд из английского народного эпоса, Карл Моор – немецкого поэта Шиллера или Дубровский – великого Пушкина. Такие, не желая мириться с несправедливостью и произволом, брались за оружие. Действуя в одиночку или небольшими группами, они мстили обидчикам за себя, своих родственников и свой народ: убивали царских чиновников, грабили банки, казённые учреждения, богатых жителей. Отобранные деньги и ценности абреки нередко распределяли среди бедных людей.

Пожалуй, самым известным, неустрашимым и неуловимым из кавказских абреков был легендарный Зелимхан Гушмазукаев из селения Харачой.

Зелимхан Гушмазукаев (январь 1872 года – 26 сентября 1913 года) родился в селе Харачой Грозненского округа Терской области (ныне – Веденский район Чеченской Республики).

Судьба Зелимхана подобна судьбе загнанного зверя, который рвется на волю и мстит своим загонщикам. Его имя заставляет трепетно биться сердце каждого чеченца, оно навечно вошло в историю Кавказа. О нем регулярно писала российская пресса, а демократически настроенные слои российского обще-

ства горячо сочувствовали его борьбе против самодержавия. И вовсе не потому, что он был смелым и решительным. Он был народным мстителем, заступником униженных и оскорбленных. Он был не только отважным человеком, но очень щепетильным в вопросах чести. Именно за это его любил народ, именно благодаря этой безграничной любви он на протяжении 13 лет оставался неуловимым. Зелимхан завоевал необычайно широкую популярность не только среди обездоленных крестьян, но и либерально настроенной интеллигенции. Один из известных чеченских революционеров А. Шерипов писал: «Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть…»

Стать абреком Зелимхана вынудили трагические обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться – незаслуженное обвинение в убийстве и последующее заключение в тюрьму. По словам самого Зелимхана, он происходил из зажиточной семьи, имел крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, мельницу и большую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. В 1901 году Зелимхан уже был семейным человеком и не помышлял о судьбе абрека. Но попытка женить младшего брата Солтамурада привела к неожиданному конфликту: родственники девушки отдали её за другого. Стычка между молодыми людьми из соперничающих фамилий привела к гибели родственников Зелимхана. В ответ был убит человек из враждебной фамилии. Несмотря на то, что между сторонами состоялось примирение, власти стали производить дознание. Начальник участка, получивший взятку за ложное обвинение, указал на Зелимхана, его отца и двух братьев. Таким образом, было найдено юридическое основание, чтобы взять под арест самого Зелимхана и его родственников.

24 мая 1901 года за осуществление акта кровной мести он был осужден на 3,5 года в исправительные арестантские отделения и сослан в Илецкую защиту. Летом 1901 г. был возвращен в Грозный для пересмотра судебного решения, после чего заключен в Грозненскую тюрьму. Этим же летом Зелимхан совершил побег и стал активным участником абреческого движения. После побега из тюрьмы Зелимхан некоторое время скрывался в родных местах и начал бороться с несправедливостью – он объявил власти непримиримую войну: фактически начал партизанскую войну и «устроил настоящую охоту на царских чиновников, прославившихся в издевательствах и оскорблениях крестьянских масс», чем окончательно закрыл себе дорогу к мирной жизни.

Против него были брошены целые отряды регулярной армии. В селах, которые укрывали абрека, проводились жесткие «зачистки», жители сел поголовно ссылались в Сибирь и облагались непомерными штрафами, но никто из крестьян не выдал своего героя. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет (с 1901 по 1913 гг.) стяжала ему, как сообщалось в донесениях в Санкт-Петербург, «…славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем». О Зелимхане слагались песни, и в нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор», как бы в противовес наместнику его Императорского Величества на Кавказе. Абрек стал

грозой для властей и символом мужества и чести для горцев. О популярности и авторитете абрека свидетельствуют и почтовые открытки, выпущенные земской почтой. На одной из них написано: «Взятое в плен семейство Зелимхана». Другая фотография снята на железнодорожном вокзале Грозного, когда семья Зелимхана возвращалась домой из Сибири. На ней с двух сторон стоят вооруженные казаки, а между ними – семья Зелимхана. Каждый солдат или казак считал за честь сфотографироваться с семьей абрека.

Несмотря на объявленное российскими властями огромное вознаграждение за его поимку, Зелимхан оставался неуловимым вплоть до 1913 г. В целях уничтожения возмутителя один за другим создавались специальные карательные отряды. Государственная дума не раз задавалась вопросом: что же делать со смутьяном? Однако, он своими неординарными и решительными действиями ставил эту власть в тупик, бросал вызов огромной державе и фактически воевал с ней в одиночку. В 1910 году начальник Назрановского округа князь Андроников захватил в заложники жену и детей Зелимхана, за что поплатился своей головой. Абрек с горсткой товарищей лично застрелил Андроникова прямо на марше, когда он, во главе 2-х тысячного отряда, вез его семью во Владикавказ.

Наибольшая активность Зелимхана началась с начала революции 1905 года, в которой он, как и другие абреки, принял активное участие. Начиная с весны 1905 года в Чечне и Ингушетии поднялась волна крестьянских выступлений. Крестьяне изгоняли назначаемых властями чиновников, захватывали частные и казенные земли, отказывались платить налоги и выполнять повинности. Выступления крестьян, которые продолжились и в 1906 году, приняли наибольший размах в Веденском районе – на родине Зелимхана. Отважные действия абрека Зелимхана вдохновляли крестьянские массы на борьбу и сыграли большую роль в том, с каким упорством крестьяне отказывались повиноваться колониальным властям. О Зелимхане знали и русские революционеры, однако им так и не удалось установить с ним контакт, о чем они впоследствии глубоко сожалели: ведь из Зелимхана мог получиться, по их словам, ещё один Котовский.

Следует отметить, что связь с революционным движением в России Зелимхан все-таки установил, но через анархистов. В 1911 году со знаменитым абреком встретились несколько студентов-анархистов из Ростова-на-Дону. От них он узнал, что «царь не только чеченцам зло делает». Студенты подробно рассказали о той борьбе, которую ведут рабочие и крестьяне по всей России. Зелимхан с сочувствием и поддержкой отнесся к гостям. Они расстались друзьями и соратниками. Студенты вручили Зелимхану красно-чёрный флаг, четыре бомбы и печать, на которой было написано – «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С этого момента Зелимхан скреплял свои послания и ультиматумы этой печатью.

Зелимхан вел фактически партизанскую войну против властей. Против него были брошены отряды регулярной армии. В селах, которые укрывали

абреков, проводились жестокие «зачистки». Преследовались родственники Зелимхана: были убиты его брат и отец, арестованы его жена и дети, но ничто не смогло сломить Зелимхана. В апреле 1906 года он убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского. В 1908 году – начальника Веденского округа полковника Галаева, за то он хотел осуществить антикрестьянские проекты по землеустройству, что вызвало в Чечне массовое недовольство. В январе 1910 – совершил налет на Грозненский вокзал и увёз из кассы 18000 рублей. Власти были доведены до отчаяния. Все, что ими предпринималось против абрека, не давало положительных результатов. За помощь в поимке легендарного абрека царское правительство назначило 5000 рублей, а впоследствии эта сумма была увеличена до 18000 рублей (дойная корова тогда стоила 60 рублей).

Рассказывают, что однажды Зелимхан прибыл в Грозный. Здесь на стене одного из домов он увидел объявление начальника округа – за голову Зелимхана обещана награда. Абрек дописал на объявлении: «Читал внимательно, с ценой не согласен. Добавлю от себя еще десять тысяч рублей. Зелимхан».

Зелимхан был неуловим и выбирался из самых трудных ситуаций. Так, в октябре 1911 года ему удалось выйти из окруженного села Сунженское, а в декабре того же когда он умудрился уйти невредимым из окруженной пещеры. Причина все та же – его поддерживал народ. Любое село почитало за честь приютить Зелимхана, несмотря на то, что за это селу грозило полное уничтожение.

Несомненно, Зелимхан не был лишен определённых качеств организатора, патерналистского притяжения для сподвижников и в какой-то мере благородства. Он ценил мужество и в отдельных случаях, восхищаясь храбростью русских офицеров, преследовавших его отряды, проявлял великодушие даже к ним, если они при каких-либо обстоятельствах попадали к нему в плен. Соблюдая в обращении с ними вековые обычаи горского гостеприимства, он оставлял им личное оружие во время бесед и оберегал от своих, не допуская расправы. До сих пор в народе живет быль о том, как однажды во время гастролей по Кавказу случайно в заложники к Зелимхану попал знаменитый певец Федор Шаляпин. Когда Зелимхан узнал, кто попал к нему в руки, он просто попросил его спеть. Когда Шаляпин спел, растроганный до слез абрек отпустил его, но взял с него слово, что он никому не расскажет, что видел слезы на глазах чеченца. Шаляпин сдержал свое слово, и рассказал эту историю только в 1938 году, на смертном одре. Также великодушно абрек относился и к горской бедноте, невзирая на национальность и вероисповедание обездоленного. Причём таким он оказывал всяческое содействие, покровительствовал и защищал их. Объектом же своей мести Зелимхан всегда выбирал офицеров и представителей власти, которые проявляли необузданную прыть в угнетении народа. Так, в октябре 1905 года в отместку за 17 расстрелянных войсками на Грозненском базаре ни в чем неповинных мирных жителей он расстрелял такое же количество пассажиров-офицеров

из остановленного им поезда. «Передайте полковнику Попову, – сказал он пассажирам, – что жизни, взятые в Грозном, отомщены». Именно с этой минуты Зелимхан стал человеком, вставшим на защиту не только своей чести, но и чести обездоленного и угнетенного народа. Всякий раз, появляясь там, где его не ждали, Зелимхан никогда не действовал исподтишка. Всегда предупреждал противника о своем скором визите, делом убеждал врагов, что он хозяин своего слова. Это приводило в ярость жандармерию и военных.

Зелимхан искренне верил, что только месть могла угомонить распоясавшихся преступников, пользующихся вседозволенностью и безнаказанностью. На тот период приказом по Терской области властями был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким в целях «незамедлительного уничтожения» Зелимхана и его соратников. Вскоре этот отряд на Гудермесском рынке устроил побоище, в результате которого погибли несколько мирных чеченцев. Зелимхан решил отомстить и убить Вербицкого, но от этого шага его отговорил авторитетный чеченский интеллигент, которого он не мог не послушать. И тогда Зелимхан решил отомстить Вербицкому другим способом – совершить набег на Кизляр и ограбить местное казначейство.

Это нападение стало одним из самых громких дел Зелимхана. Весной 1910 года его отряд взял Кизлярский банк. Следует отметить, что, как отмечают исторические документы, Зелимхан заблаговременно предупредил власти о предстоящем нападении и сообщил о месте и времени планируемой операции. Это было прямым оскорблением власти и демонстрацией его полного бессилия. Отряду в 60 человек во главе с Зелимханом удалось совершить невероятное: переодевшись казаками, абреки удачно обошли засады, ограбили казначейство и скрылись, не потеряв ни одного человека! В полицейском отчете сообщалось, что скрыться Зелимхану помогли жители одного из чеченских сел. «Они стерли следы, оставленные копытами коней абреков на 15-верстном отрезке дороги», – говорилось в том отчете. Добыча от налета была совсем небольшая – всего 5000 рублей. Но не это было главное: они отомстили Вербицкому, и он попал под суд за бездействие и неудачу в поимке Зелимхана.

Абречество имело массовую поддержку среди горцев и отражало недовольство народов Северного Кавказа национальным гнётом. За голову Зелимхана царская администрация назначила большую награду, которая росла на протяжении 13 лет, пока Зелимхан был для властей неуловим. На поимку Гушмазукаева на протяжении ряда лет отправлялись многочисленные экспедиции. Целый ряд чеченских аулов был обложен большими штрафами за укрывательство абрека, несколько селений пострадало от карательных экспедиций, но никто из крестьян Зелимхана не выдал. Только в 1913 г. нашёлся предатель, который сообщил властям о его местонахождении.

25 сентября 1913 года отряд под командованием поручика Георгия Кибирова, считавшего Зелимхана своим кровником, напал на след абрека. Зе-

лимхан был окружен целым полком карателей на хуторе близ селения Шали. В результате продолжительного и кровопролитного боя тяжелобольной Зелимхан Гушмазукаев был убит. Примечательно, что враги более пяти часов боялись подойти к телу погибшего абрека. И мертвый он наводил на них страх и ужас.

Страшная весть о гибели абрека облетела Чечню мгновенно. Горцы не верили и не хотели верить этому. Чечня потеряла своего великого сына-бунтаря, имя которого сегодня осталось в народных песнях и легендах, в народной памяти. Сохранилась уникальная фотография, облетевшая тогда весь мир: большая группа солдат и офицеров, участвовавших в поимке Зелимхана, стоит вокруг трупа человека-легенды. Офицеры считали для себя великой честью сфотографироваться, пусть и с убитым, но Зелимханом. Эту фотографию показали и царю Николаю II. Рассказывают, он долго и внимательно смотрел на нее, но так ничего и не сказал.

Гибель Зелимхана встревожила и всю прогрессивную общественность России. Газета «Русское слово» в те дни писала: «Погиб Зелимхан. Убит, и такою болью отзывается это известие в душе у нас. Жалко его и стыдно за себя, за нас, воевавших с одним человеком. Ведь мы воевали с одним. И вот теперь победили. И вместо ликования – смущение; и невольно любуешься этим человеком-сказкой, человеком-легендой». В газете «Отклики Кавказа» появилась статья Макеева «Убит герой». Автор писал: «Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. Он любил свободу, был храбр и благороден. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами».

После революции 1917 года Зелимхан почитался как герой национально-освободительной борьбы, выразитель интересов горской бедноты. О знаменитом чеченце написаны романы, сотни стихов и рассказов, сложено ряд песен. В конце 1930-х годов о легендарном Зелимхане был снят художественный фильм. Он облетел экраны всего мира и пользовался огромным успехом.

На въезде в Веденский район (родину Зелимхана) в 70-е годы XX века появился памятник, созданный группой энтузиастов на народные средства. Сидит абрек с винтовкой, погруженный в свои думы, а над ним, склонив голову, стоит его верный конь. Кажется, они только что вышли из леса и остановились отдохнуть. Памятник до основания был разрушен в ходе двух последних военных кампаний, но был восстановлен в той же композиции, и ныне занял свое место в его родовом селе Харачое. А это значит, что абрек вернулся… Вернулся уже в образе памятника, и значит, память о нем жива. Все мы смертны, но смерть смерти рознь. Один умирает только раз и уходит в вечность, другой умирает сотни раз и исчезает, словно тень….

Зелимхан из Харачоя в ту же сентябрьскую ночь ушел в бессмертие.

Товсултанов Р.А.

ЗАЛМАЕВ ДАДА
(???–1878)

В начале 70-х годов XIX в. появляются слухи о подготовке нового восстания в Чечне. Огромную роль в его подготовке на Кавказе начал играть сын Шамиля – Гази-Мухаммед, которого в 1871 году отпустили из плена в Османскую империю. Он проводил совещания с паломниками с Кавказа. На одном из таких совещаний присутствовал и Алибек-Хаджи Алдамов.

Пользуясь данными о том, что скоро должна начаться война России и Турции, Солтамурад и Алибек-Хаджи тайно решили начать восстание в день объявления войны.

12 апреля 1877 года Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. В тот же день, в ночь на 13 апреля, Алибек-Хаджи собрал в местечке Савраган-мохк, в лесу у аула Саясан, 60 человек из разных селений. Алибек-Хаджи провел заседание на котором поднял вопрос о препятствиях, чинимых царем Александром II мусульманской религии и шариату, а также других запретах. Собравшиеся приняли решение избрать Алибека-Хаджи имамом и, укрепляя его власть, назначить во всех местах его наибов. Дада Залмаев из Чеберлоя, Султан-Мурад из Беноя, Сулейман из Центороя, Ума Дуев из Дзумсоя и ряд других стали главными помощниками Алибека.

Алибек-Хаджи собрал вокруг себя отряд численностью около 500 человек, который шел от аула к аулу и забирал с собой всех желающих стать в его ряды. Отряд шел вдоль реки Хулхулау. Алибек-Хаджи хотел проникнуть в Хулхулинское ущелье, отрезать сообщение с Ведено и затем двинуться на Чеберлой. В Чеберлое уже действовал другой лидер повстанцев – Дада Залмаев. К 20-м числам апреля восстанием была охвачена почти вся Ичкерия.

Восставшие сразу же перешли к активным военным действиям и уже 28 апреля Алибек-Хаджи со своим отрядом подошел к аулу Шали. Одновременно с действиями у Шали началось возмущение и у Чаберлоя. Дада Залмаев прежде всего решил испортить пути сообщения и двинулся на Шаро-Аргун, чтобы уничтожить там мост. Здесь, однако, он выдержал сопротивление от своих же. Старшина Хайбула Курбанов собрал своих сожителей, защитил мост и отбросил повстанцев. В это время явился с отрядом полковник Лохвицкий, который выбил повстанцев из ближайших мест. Но это не помешало им на другой день в огромном количестве напасть на отряд Лохвицкого. Однако бойкая штыковая работа таманцев и линейцев и на этот раз отбросила чеченцев. После этого Дада Залмаев ушел в Ичкерию к Алибеку.

Между тем, в Аргунском округе, почти одновременно с Веденским, распространились те же слухи о необходимости, по тем же соображениям, отделиться от России. Хотя эти разговоры особенно подстрекали население преимущественно Чеберлоевского и Дзумсоевского обществ, что больше стало заметно по объявлении Россией войны Турции, однако до 29 апреля явного восстания в Аргунском округе не было, а с этого числа появилась и здесь партия повстанцев Чеберлоевского общества, которая под начальством Дады Залмаева с 1 мая уже имела перестрелки с войсками. Но до 11 мая восставшие были разбиты, и с того времени ровно на месяц восстание как бы затихло, спокойствие в Чеберлоевском обществе не было нарушено. Между тем, в начале июля стали распространяться слухи, что Алибек со своей партией идет к чеберлоевцам, и 12 июля они оправдались. Алибек, по приглашению раньше восставших чеберлоевцев (первый очаг восстания в начале апреля 1877 года образовался именно в селении Чеберлой, где Дада Залмаев призвал соплеменников к оружию), действительно явился в Чеберлой. Одновременно с этим во главе восстания стал пользовавшийся влиянием в народе представитель Дзумсоевского общества Ума Дуев, который своим примером увлек всех чеберлоевцев и дзумсоевцев, а впоследствии – и химоевцев.

Царское командование, надеясь расправиться с восставшими руками самих чеченцев, назначило награду в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца, а за главных «абреков» – Алибека-Хаджи, Солтамурада и Даду Залмаева – гораздо больше. Но план этот провалился.

В августе 1877 года восстание достигло апогея. В Ичкерию были направлены большие соединения царских войск. К началу сентября царское командование мобилизовало еще 26 тысяч человек.

Однако в ходе ожесточенных боев царским войскам в октябре 1877 года удалось подавить восстание в Чечне. 16 октября 1877 года Свистунов телеграфировал главнокомандующему, что Терская область «совершенно очищена от мятежников».

12 октября Дада Залмаев, Ума-Хаджи Дуев, Дада Умаев и другие предводители восстания в Чечне ушли в Дагестан, где совместно с сподвижниками имама Магомета-Гаджи Согратлинского продолжали сопротивление. Но 3 ноября 1877 года пал аул Согратли – последний оплот восставших горцев. Магомет-Гаджи, Ума Дуев, Дада Залмаев и другие руководители восстания попали в плен. Этим ударом было обезглавлено руководство восстания. Алибек-Хаджи вырвался из окружения и ушёл в Чечню. Но и он 27 ноября добровольно явился к начальнику Веденского округа князю Авалову, не желавший, чтобы по его вине страдали аулы Ичкерии.

Дада Залмаев обвинялся «в том, что, зная о задуманном восстании чеченцев…, они не только не донесли об этом начальству, но, присоединясь к

числу восставших, были на первоначальном сходе мятежников, на горе Энгеной-Дук, где и участвовали в избирании Имама, затем возбуждали других к восстанию и начальствовали над партиями восставших во время перестрелок с войсками» [1].

8 марта 1878 г. Временный Полевой Военный суд в г. Грозном признал Дада Залмаева виновным, в том, «что зная о задуманном восстании чеченцев, с целью способствовать этим успехам турецкого оружия и отделиться от России, они не только не сообщили начальству, но присоединяясь к числу восставших, были на первоначальной сходке мятежников, на горе Энгеной-Дук, где и участвовали в избрании Имама, а затем возбуждали других к восстанию и начальствовали над партией восставших во время перестрелок с войсками»[2]. Суд избирал для него меру наказания смертную казнь через повешение. Кроме Дады Залмаева на этом суде были осуждены и остальные руководители восстания. 11 из 17 человек были приговорены к смертной казни через повешение. Когда зачитали приговор, Дада Залмаев сказал: «Я не удивляюсь тому, что вы меня повесите. Если бы мы победили, то и я повесил бы русского царя».

Приговор по делу Дады Залмаева и остальных участников восстания был приведен в исполнение 9-го марта 1878 г. в 6 часов утра. Все казненные были зарыты на месте казни в общей яме в городе Грозном.

Приговоренные встретили казнь очень мужественно. Когда перед казнью приговоренным было дано право последней просьбы, нашелся лишь один, который пожелал воспользоваться им. Это был 70-летний наиб Ума Дуев из Зумсоя. «Мне, старому волку, – сказал он, – хотелось бы прежде увидеть, как встретит смерть волчонок». После этих слов его сын Дада, не дрогнув ни единым мускулом и не опуская взора, сошел со скамьи. Вслед за сыном спокойно и гордо вместе со своими соратниками встретил смерть и сам Ума.

Список использованных источников и литературы

1. История чеченцев в письменных источниках. (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.). – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2019. – С. 583.
2. Там же. С. 585.

Гелаева З.А.
Товсултанов Р.А.

ЛАУДАЕВ УМАЛТ
(1827–1904)

Умалат Лаудаев родился в 1827 году в селении Ногай-Мирзи-Юрт, которое было так названо по имени его прадеда, основавшего это селение по правому берегу Терека напротив станицы Галюгаевской. Он был потомком зажиточных и влиятельных землевладельцев. Об этом он сам говорит в книге и прошении от 29 ноября 1862 г.; «Прадед мой – чеченец Ногай-Мирза – пользовался собственной землей в Ичкерии, откуда он переселился на Терек, где, служа усердно русскому правительству, получил дозволение основать тот аул существующий и поныне под его именем – Ногай-Мирза-Юрт. Земля же, которой он владел в Ичкерии, осталась за ним, с которой как он, так и его потомство пользовались от жителей платой...». Он был родом из ичкерийского тайпа чермой.

Детство Лаудаева прошло в станице, где, живя у кунаков отца, он обучался русской грамоте в станичной школе. В 1838 году Умалат Лаудаев был зачислен на учебу во второй Кадетский корпус в Петербурге. Получив военное образование в 1844 году, он приступает к военной службе. Умалат Лаудаев в самом начале своей карьеры «молодым корнетом принял участие в походе царских войск для подавления Венгерской революции в 1848–1849 гг.». Затем корнет-чеченец до 1853 года служит в различных гарнизонах русской глубинки. Далее в чине ротмистра в Чечне – в крепости Воздвиженской. Нет сведений, что он как-то проявил себя, но увидел мир и узнал для себя очень многое. В 1853 году он возвращается домой на родину, т.е. после службы в разных частях страны, переводится на Кавказ, и как бы заново его открывает для себя. По возвращении домой он продолжает военную службу в крепости Воздвиженской. Источники утверждают, что он очень был привязан к матери, и именно ее слабое здоровье было причиной возвращения его на родину.

О жизни и деятельности первого чеченского историка и этнографа Умалата Лаудаева вышло несколько статей и очерков [1].

Значительную работу по выявлению новых, ранее не опубликованных архивных материалов, касающихся службы У. Лаудаева, провел доктор филологических наук, профессор Х.В. Туркаев. В своей новой книге Х.В. Туркаев пишет, что работая в Российском государственном военно-историческом архиве, удалось обнаружить «краткий послужной список подполковника “из азиатцев” У. Лаудаева» который составлен в 1892 г., в котором даются подробные сведения о У. Лаудаеве: «Лаудаев (Лавдаев) Умалат. Из воспитанников 2-го кадетского корпуса. Корнет – 20 августа 1845 г. Поручик – 23 июня 1849 г. Штаб-ротмистр – 14 июня 1857 г. Ротмистр – 5 марта 1865 г.

Состоял по армейской кавалерии. Прикомандирован к Донским казачьим полкам: № 46 (1857 г.), № 31 (1859 г.), № 22 (1859–1862 гг.). Отчислен из 22-го Донского казачьего полка – 9 августа 1862 г. Числился в Терском конно-иррегулярном полку.

Имел серебряную медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании 1849 г.», ордена Святой Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (год не указан, но, вероятно, 1849 г.) и Святого Станислава 3 ст. с мечами и бантом, для нехристиан установленный (24 января 1878 г.). В 1860 г. получил высочайшее благоволение.

Высочайшим приказом 4 февраля 1892 г. уволен от службы подполковником, с мундиром и пенсией.

В РГВИА имеется послужной и наградной список командира 1-й сотни Чеченского конно-иррегулярного полка У. Лавдаева (Лаудаева)» [2].

После окончания Кавказской войны Умалат Лаудаев пытается найти как бы свою нишу в сложившейся системе управления и перераспределения земель, заявляя о своих притязаниях на земельные угодья, принадлежавшие его отцу. Дед и отец Умалата Лаудаева пользовались всеми правами владельцев селения, основанного его прадедом, а также по наследству переходили и звания старшин селения. На российской службе находился в офицерском чине и дядя У. Лаудаева – Арсланука Чермоев.

В 1877–1878 годах в составе Чеченского конно-иррегулярного полка под командованием Орцу Чермоева он участвовал в важнейших военных операциях русско-турецкой войны на Закавказском фронте, где проявил незаурядную храбрость и был удостоен звания, высоких наград России – награжден орденом «Святой Анны» III степени.

Шестидесятые годы XIX века характеризуются в жизни вайнахов формированием общественно-демократической и просветительской мысли, развивавшейся под благотворным российским влиянием.

Во взглядах и мировоззрении У. Лаудаева также начинает формироваться новое прогрессивное направление по поводу оценки настоящего и будущего своего народа, несовместимое с практикой постоянных жестоких репрессий, которые обрушивали царские власти на «покоренную Чечню». Возможно, из-за его взглядов была обусловлена его внезапная отставка и своего рода опала перспективного офицера из чеченцев.

Ярким свидетельством этих перемен стало издание крупной работы У. Лаудаева «Чеченское племя» [3], которая увидела свет в Тифлисе в 1872 году. Это была его единственная книга, но в силу значимости этнографических, исторических сведений в ней он был назван рядом авторов первым чеченским этнографом и просветителем. На первых же страницах он заявляет: «Из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, ещё так мало известной» – этими благородными словами начинался полный текст руко-

писи, поступившей в редакцию «Сборника…». Опубликованы были лишь несколько отрывков из нее, а полный текст до сих пор не найден [4].

Основой книги стали предания и легенды чеченцев, устная семейная традиция, личные наблюдения автора – вообще весь арсенал выявленных к тому времени источников по истории Чечни, которые автор скомпоновал в «Примечаниях», составивших половину изданного текста.

В книге «Чеченское племя» впервые сделана попытка в целом дать общее представление о прошлом края. Хотя нельзя забывать, что некоторые положения работы продиктованы уровнем представлений своей эпохи, ограниченностью мировоззрения, но содержание всей книги в целом создает у читателя довольно полное представление об одном из крупнейших кавказских народов, его исторической судьбе. Он также совершает важнейший экскурс в историческое прошлое чеченцев, последовательно раскрывая процесс расселения чеченцев на плоскости в постмонгольский период, сложности, с которыми они столкнулись, поскольку «кабардинцы присвоили себе землю левого берега реки Сунжи и часть Малой Чечни».

В девяти разделах У. Лаудаев рассматривает целый спектр вопросов, дающих достаточно полное представление об одном из крупнейших северокавказских этносов. Происхождение, территория обитания, взаимоотношения с русским и северокавказскими народами, социальная и духовная культура чеченцев – все это получило яркое освещение в книге.

Едва ли не важнейшим мотивом труда Умалата Лаудаева является тема давних и преимущественно дружеских связей между чеченцами и русскими. Говоря о взаимовлиянии казаков и чеченцев, он пишет: «Они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество, и по этой отрасли превосходят прочия племена окружных стран... Они применяют тяжелый плуг с железным лемехом, а для уборки хлеба используют серп». Лаудаев на протяжении всей книги пытается показать российскому читателю, что не военные действия в период Кавказской войны XIX века определяли суть взаимоотношений между народами края, а давние дружеские добрососедские отношения.

Лаудаев первым затронул вопросы социального строя и общественного неравноправия у чеченцев. Он показал наличие в нем рабов («холопов»), частной собственности на землю, зависимости чеченцев от своих богатых родственников, отрицая при этом официальную идею о полном равенстве и социальном единстве чеченского народа, которая была выгодна в то время для земельных махинаций царской власти на Кавказе, для полного подавления народа устанавливавшейся в крае властью.

Лаудаев связывает формирование нахских тайпов в единый народ и расселение их на исконно чеченских территориях, при этом критикуя легенды о восточном происхождении чеченцев. С горечью обличая темноту и

невежество, он как бы агитирует за необходимость несения образования и просвещения в народ.

Публикация книги привлекла к нему внимание российской общественности (он был знаком с Л.Н. Толстым, кавказским краеведом Н.С. Семеновым). К его книге обращались многие известные люди, интересовавшиеся кавказской тематикой как в прошлом, так и в современный период.

Дальнейшая судьба и общественная деятельность У. Лаудаева после отставки в 1892 году пока документально не прослеживается. Имеются лишь немногие предания о нем и упоминание в одном из архивных документов, что он в 1886 году являлся землевладельцем и занимался своим хозяйством. В последние годы У. Лаудаев вел уединенную жизнь. По данным последних исследований наших соотечественников, Умалат Лаудаев умер в 1904 г. и похоронен в селении Братское (Ногай-Мирза-Юрт, чеч. Ломаз-Юрт) Надтеречного района Чеченской Республики.

Список использованных источников и литературы

1. Гриценко Н.П. Умалат Лаудаев – первый чеченский этнограф и историк // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1966. Т. 7. – С. 103–110; Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978. – С. 81–85; Айларова С.А. На пути к российской государственности (русско-чеченские отношения в статье У. Лаудаева «Чеченское племя») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. № 4. 2003. – С. 46–53; Гелаева З.А., Алгириева Л.Б. Умалат Лаудаев и его труд «Чеченское племя» // в кн.: Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – С. 316–319.

2. Туркаев Х.В. История чеченской литературы: в 2 т. / Х.В. Туркаев; КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН; Академия наук Чеченской Республики. – М.: Наука, 2019. – ISBN 978-5-02-040197-6. – Т. 1. Художественное наследие народа: Вторая половина XIX – 40-е годы XX века: Формы. Жанры. Направлегния. – 2019. – 374 с. – ISBN 978-5-02-040196-9 (в пер.). – С. 72.

3. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. – Тифлис, 1872. – С. 1–62.

4. Айларова С.А. На пути к российской государственности (русско-чеченские отношения в статье У. Лаудаева «Чеченское племя») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. № 4. 2003. – С. 46–47.

Музаев Т.М.

ЧЕРМОЕВ АБДУЛ-МЕДЖИД (ТАПА) АРЦУЕВИЧ
(1882–1937)

Память об этом славном сыне чеченского народа, несмотря на десятилетия лжи и клеветы советской официальной пропаганды, остается жива в Чечне. Судьба Тапы Чермоева необычна и насыщена событиями. Храбрый офицер, удачливый бизнесмен, опытный политический деятель, мудрый лидер национального движения. Трудно перечислить все стороны многогранной деятельности Тапы. Пожалуй, наибольшую известность он приобрел как первый премьер-министр национального правительства, провозглашенной в мае 1918 г. Республики союза горцев Северного Кавказа.

Абдул-Меджид (Тапа) Арцуевич Чермоев родился 15 марта 1882 г. в г. Грозный. Выходец из влиятельной чеченской аристократической семьи со славными военными традициями, возводящей свое происхождение к белгатоевскому тайпу, его отец генерал-майор русской армии Арцу Чермоев (16.07.1825–27.09.1895) участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В семье А.-М. Чермоева ласково называли «Тапа». Это домашнее имя впоследствии и стало наиболее известным именем Абдул-Меджида Арцуевича Чермоева. Спустя некоторое время семья генерала переехала во Владикавказ. Арцу Чермоев скончался 27 сентября 1895 г., когда Тапе было 13 лет

от роду. Во Владикавказе Тапа вырос, воспитывался, окончил реальное училище, после чего юноша избрал военную карьеру, решив пойти по стопам отца-генерала и старшего брата Аслахана.

Т. Чермоев поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое считалось одним из наиболее привилегированных учебных заведений царской России. 17-летний Тапа Чермоев стал юнкером училища, успешная учеба в котором сулила блестящую карьеру. Высокий авторитет училища и его традиционные связи с военной верхушкой открывали двери в самые перспективные военные учреждения – лейб-гвардию, Академию Генерального штаба и царскую свиту.

Тапа быстро освоился со строгими правилами военного училища и вскоре стал одним из лучших юнкеров. Училищное начальство обратило внимание на способного юношу «из туземцев», и после окончания училища в 1901 г. Тапа получил назначение в собственный конвой Его Императорского Величества государя-императора Николая II.

Служба в царском конвое была почетна и не обременительна для молодого офицера. Тапа с интересом окунулся в еще незнакомый ему мир российского высшего общества.

В 1906 г. 24-летний Тапа Чермоев женился на персидской княжне Хавар-Султан-Ханум Ибрагимбековой. В 1908 г., Тапа вышел в отставку в чине поручика гвардейской кавалерии. В следующем году семья Чермоевых переехала во Владикавказ.

К тому времени Терек переживал бурный подъем экономики, связанный с разработкой нефтяных месторождений близ Грозного и возникновением грозненской нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. «Нефтяная лихорадка» манила тысячи людей. Он нанял инженеров, которые вскоре обнаружили месторождения «черного золота» на чермоевских землях в районе Ханкалы. Получив начальный капитал, Чермоев с головой окунулся в нефтяной бизнес: добычу и продажу нефти, аренду нефтеносных земель, перепродажу «перспективных» участков и т. п. Тапа широко развернул дело и вскоре сам вышел в промышленные воротилы. Особо крупную удачу ему принес второй нефтяной бум, начавшийся после открытия Новогрозненских промыслов в 1912 г.

Одновременно во Владикавказе Тапа сделал первые шаги как политический деятель, защитник интересов горских народов Кавказа. Возмущение молодого предпринимателя вызвали махинации местных чиновников и приезжих дельцов, с помощью крючкотворства пытавшихся обобрать горцев и присвоить доходы от нефтеносных земель. Так, Ставропольское горное управление и представители Министерства земледелия начали тяжбу против общества селения Новые Алды с целью изъять у крестьян деньги, полученные за продажу алдынских нефтяных участков. Чиновники и стоявшие за

их спиной крупные нефтепромышленники пытались доказать, что горцы не имеют прав на недра и разработку полезных ископаемых. Против аферистов решительно выступил Чермоев, который стал «главным ходатаем» в правительственных кругах по вопросу о правах кавказцев на недра принадлежащих им земель. Чтобы пресечь новые попытки присвоения крестьянских доходов, Чермоеву удалось передать ходатайство чеченцев о праве на недра и землю, минуя нижние бюрократические инстанции, на рассмотрение Правительствующего Сената Российской империи.

Август 1914 г. принес новый крутой поворот в жизни Тапы Чермоева. Вступление России в Первую мировую войну вызвал горячий патриотический подъем всего российского общества. Лучшие сыны Кавказа, как и многие граждане России, выразили желание стать добровольцами и защитить общую Родину. В августе 1914 г. была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, больше известная как «Дикая дивизия». Командиром Кавказской туземной конной дивизии стал младший брат царя – великий князь Михаил Александрович, а офицерский корпус был набран из гвардейских частей и кавказской аристократии. Входивший в состав дивизии Чеченский полк возглавляли полковник князь Святополк-Мирский, представитель династии персидских шахов генерал принц Фатали-Мирза Каджар и полковник граф Келлер. В чине штабс-ротмистра (капитана) в штат Чеченского полка был зачислен Тапа Чермоев. Он стал адъютантом полка.

Чеченский конный полк Кавказской туземной конной дивизии в составе 11-й и 9-й Армий Юго-Западного фронта сражался в Галиции, вел ожесточенные бои в Карпатах, отражал нашествие германо-австрийских войск к Перемышлю, принимал участие в знаменитом «брусиловском прорыве», а в ноябре 1916 г. был переброшен на Румынский фронт.

Вместе с Чеченским полком Тапа прошел славный путь боевого офицера. За мужество и отвагу он неоднократно был награжден высшими орденами Российской империи. В одном из боев Тапа был серьезно ранен и отправлен на излечение в госпиталь.

Февральскую революцию и весть об отречении царя 2 марта 1917 г. Тапа встретил во Владикавказе. Там в начале марта представители интеллигенции горских народов основали Временный центральный комитет объединенных горцев, в который вошел и Тапа Чермоев. Он финансировал деятельность этого органа, участвовал в созыве Первого чеченского национального съезда 14 марта, а в апреле от имени Временного ЦК был направлен в Грузию, где, по его словам, «встретил у них самый братский прием». Установив контакты с национально-демократическими организациями Грузии, Чермоев вернулся во Владикавказ, где включился в работу по созыву общегорского съезда.

Первый съезд горских народов Кавказа собрался 1 мая 1917 г. по инициативе Временного Центрального Комитета объединенных горцев во Вла-

дикавказе. Сотни делегатов от чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, черкесов, карачаевцев, народов Дагестана, кумыков, ногайцев и многих других собрались в большом зале Ольгинской гимназии г. Владикавказа. Председателем съезда был избран глава Временного Центрального Комитета, балкарский юрист и просветитель Басият Шаханов. Чермоев вошел в президиум съезда.

Первый горский съезд провозгласил создание «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» и избрал Центральный комитет союза, в состав которого вошли представители всех народов Северного Кавказа. Председателем Центрального Комитета стал Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, имевший большой авторитет и влияние на Кавказе.

«Союз объединенных горцев» создавался как некий прообраз будущей автономии горских народов, как зародыш самоуправляющегося «штата» в составе Российской Федерации. Центральный Комитет союза стал главным политическим штабом, который координировал и направлял деятельность местных национальных органов власти. Став главой Центрального Комитета «Союза объединенных горцев», Чермоев принял на себя одновременно функции государственного руководителя и политического лидера. Ближайшими соратниками и друзьями Тапы стали председатель Терского облисполкома Пшемахо Коцев, председатель Дагестанского облисполкома Зубаир Темирханов, заместители председателя Центрального Комитета союза князь Рашидхан Капланов и Башир Далгат, управляющий делами Центрального Комитета Васан-Гирей Джабагиев, глава дагестанской секции Центрального Комитета князь Нухбек Тарковский и многие другие.

На 35-летнего руководителя ЦК «Союза объединенных горцев» обрушилась лавина самых разных проблем. Одной из основных забот Чермоева было установление взаимопонимания и согласия между горцами, казаками и русскоязычным населением городов. Глава горского союза и его соратники сознавали, что демократические реформы, национальное возрождение, любые благотворные реформы возможны только в условиях межнационального мира и единства всех народов.

Летом 1917 г. серьезной проблемой стал огромный поток солдат-дезертиров, хлынувший на Северный Кавказ с Кавказского фронта. От имени ЦК «Союза объединенных горцев» Чермоев неоднократно обращался к командованию Кавказского фронта с просьбой призвать солдат к порядку.

Возмущаясь бесчинствами солдат, которые считались «главной опорой революции», и с тревогой наблюдая за усилением анархии и большевиков в Центральной России, Тапа пришел к мысли о необходимости срочных решительных мер для пресечения революционной вакханалии и установления твердой авторитетной власти в крае. Это программа была созвучна стремлениям лидеров Терского казачества, которые желали покончить с участившимися

грабежами и оградить казачьи районы от «большевиков». На основе общей программы борьбы с преступностью и революционной анархией сложился блок ЦК «Союза объединенных горцев» и правления Терского казачьего войска. В сентябре 1917 г. Тапа Чермоев и атаман Терского казачества Михаил Караулов возглавили объединенный орган власти – «Терский областной конвент», к которому позже примкнул начальник Кавказской туземной конной дивизии генерал Петр Половцев. С помощью национальных полков дивизии и казачьих сотен «конвент» начал активную борьбу против разбоев и погромов.

Последовательно проводя политику автономизации Северного Кавказа и курс на сближение с казачьими лидерами, Чермоев и его единомышленники из горского ЦК вошли в «Юго-Восточный союз», созданный атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани для защиты юга России от большевизма.

Однако в октябре 1917 г. в планы горских и казачьих политиков вмешалась новая сила – мощное аграрное движение горского крестьянства. Руководство «Союза объединенных горцев» не могло быстро разрешить земельную проблему, чрезвычайно остро стоявшую в национальных районах, т.к. для проведения аграрной реформы было необходимо возвратить горцам земли, захваченные у них Терским казачьим войском, а представители казачества категорически отказывались даже рассматривать вопрос о перераспределении земель.

Но безземельные горцы не могли ждать. Начавшиеся летом 1917 г. крестьянские волнения к октябрю охватили все районы Кавказа, выливаясь зачастую в столкновения горцев с казаками. В этих условиях необходимый для борьбы против большевизма блок лидеров «Союза объединенных горцев» с казачьим руководством был воспринят горскими массами как предательство национальных интересов. «Союз объединенных горцев» и национальные комитеты быстро теряли авторитет и поддержку широких горских слоев. В ноябре крестьянство Северного Кавказа практически вышло из-под контроля национальных органов власти.

Острый социально-политический кризис Т. Чермоев воспринял как крах своей политики, как личное поражение, и в ноябре стал постепенно отходить от активной политической деятельности, а 2 декабря 1917 г, в связи с преобразованием ЦК «Союза объединенных горцев» в «Горское правительство» ушел с поста председателя ЦК. Главой «Горского правительства» стал один из ближайших соратников Чермоева – князь Рашидхан Капланов.

В январе 1918 г. Тапа Чермоев выехал из охваченного анархией и грабежами Владикавказа в Дагестан, а оттуда подался в Тифлис (Тбилиси). Развитие событий в России, где разгул «белого» и «красного» террора привел к началу гражданской войны, заставило Т. Чермоева искать спасение Кавказа в отделении от охваченной революционной анархией России, чтобы таким образом остановить распространение большевизма и начать создание наци-

ональной государственности северо-кавказских народов. По сути дела, этот план «суверенизации» Кавказа являлся развитием в новых условиях тех попыток «автономизации», которые осенью 1917 г. предпринимались руководством «Союза объединенных горцев» и казачьих войск Юга России.

Весной 1918 г. в Тифлисе собрались соратники Чермоева по руководству горским союзом. Ознакомившись с планом Тапы, они поддержали идею объявления суверенной Северо-Кавказской республики и активно включились в подготовительную работу.

4 мая 1918 г. от имени правительства «Союза объединенных горцев» Тапа Чермоев и Гайдар Баммат объявили об отделении Северного Кавказа от Советской России и провозгласили образование независимой Республики союза горцев Кавказа. Надеясь получить поддержку со стороны держав Тройственного союза, лидеры горского союза обратились к правительствам Германии, Турции, Австро-Венгрии и Болгарии с просьбой о гарантиях суверенитета провозглашенного государства. 8 мая делегация «горской республики» заключила договор о дружбе с представителями правительства Турецкой империи, сочувствие и поддержку независимости Северного Кавказа выразил глава германской делегации в Батуме генерал фон Лоссов. 11 мая в Тифлисе было образовано правительство Горской республики во главе с Тапой Чермоевым. В состав правительства вошли П. Коцев, князь Н. Тарковский, Г. Баммат, И. Гайдаров, А. Даидбеков, Н. Шахсуваров и другие.

Провозглашение Республики союза горцев Кавказа и образование «Горского правительства» было чисто эмоциональным, не имевшим легитимной базы в форме парламента, национального совета или другого представительного органа.

Однако в это время на Тереке уже возникла Терская Народная республика, которая, обеспечивая широкое внутреннее самоуправление отдельных этнических групп, смогла успешно решать сложные социальные проблемы, в частности, столь остро стоявший для горцев земельный вопрос. В Дагестане шла борьба между большевиками и исламскими клерикалами, одинаково чуждыми идеям демократии и суверенитета. Таким образом, провозглашение Горской республики поначалу просто повисло в воздухе.

В сентябре–октябре 1918 г. вооруженным формированиям «горского правительства» с помощью турецкой дивизии генерала Юсуфа-Изет-паши удалось занять значительную часть территории Дагестана. 8 ноября «горское правительство» обосновалось в Порт-Петровске, который был объявлен столицей и получил название Шамиль-кала (ныне Макачкала).

После поражения стран Тройственного союза в Первой мировой войне существование «Горского правительства» оказалось под угрозой. В ноябре 1918 г. по требованию представителей Антанты начался вывод турецких войск с Кавказа. Северный Кавказ теперь контролировали англичане.

Для того, чтобы облегчить признание независимости Северного Кавказа странами Антанты, считавшийся «протурецким» кабинет Тапы Чермоева подал в отставку. Новое правительство возглавил соратник Тапы – Пшемахо Коцев, прежде являвшийся министром внутренних дел. В состав кабинета Коцева вошли в основном те же лица, которые составляли правительство Чермоева.

В январе 1919 г. правительство и парламент Горской республики сформировали делегацию для участия в работе Международной мирной конференции, открывшейся 16 января в Париже. В первую очередь, делегация должна была добиться признания Республики горцев Кавказа со стороны великих держав. В связи с тем, что этой миссии придавалось огромное значение, главой делегации был назначен Тапа Чермоев.

Члены делегации вместе с представителями Азербайджана, Грузии, Армении и Кубанской рады выехали в Константинополь, где были задержаны оккупационными властями Антанты. Лишь к концу марта 1919 г. представители кавказских республик смогли прибыть в Париж. Первые же попытки установить официальные контакты с руководителями Парижской конференции разочаровали делегатов. Политические деятели Англии и Франции, которые поддерживали белогвардейские армии Колчака и Деникина с их лозунгом «единой и неделимой России», выступали против признания государств, возникших на территории бывшей Российской империи. В кулуарах конференции Тапа Чермоев и министр иностранных дел Гайдар Баммат установили контакты с членами американской делегации и добились встречи с президентом США Вудро Вильсоном, но это почти не повлияло на положение Горской республики.

В Париже Т. Чермоев и другие члены горской миссии встретили известие об установлении советской власти на Северном Кавказе. Вскоре пали и независимые республики Закавказья, бывшие последней опорой демократии и свободы в этом регионе. Вместе с миллионами беженцев из Советской России Тапа Чермоев стал эмигрантом. Во Франции и Швейцарии Тапа попрежнему активно участвовал в деятельности горских национально-демократических организаций, оказавшихся за границей. Он внимательно следил за обстановкой на Родине, но лишенный возможности реально влиять на эти события, глубоко сопереживал трудностям и бедам соотечественников.

Свой жизненный путь Тапа Чермоев окончил 28 августа 1937 г. в возрасте 55 лет в швейцарском городе Лозанна. Тело его было перевезено во Францию, где 25 сентября 1937 г. захоронено на мусульманском кладбище пригорода Парижа – Бобиньи.

Светлая память об этом славном сыне чеченского народа будет вечно жить в горах Кавказа.

Список использованных источников и литературы

1. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – 2-е изд. испр., допол. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.: илл. – ISBN 978-5-905770-13-5.

2. Музаев Т.М. Тапа Чермоев. // Архивный вестник. №1. 2013. – С. 79–84.

3. Якаев С.Н. Абдул-Меджид Чермоев – председатель Горской Республики. – С. 530–540 / В кн.: Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / [Отв. ред. и сост.: Х.В. Туркаев]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2015. – 686 с. – ISBN 978-5-02-038056-1 (в пер.).

Духаев А.И.

АЛХАЗОВ ТУГАН КАРАСАЕВИЧ
(1867–1937)

Несмотря на относительно позднее освоение Притеречья (Теркйист), по сравнению с горными историческими областями Чечни, этот край имеет богатые самобытные традиции и овеянное легендами и преданиями прошлое. Седобородые старцы вдохновенно рассказывали подрастающему поколению былины об удальстве и отваге нартов – витязей давно минувших лет. А певцы-ашуги в героико-эпических песнях-илли воспевали подвиги национальных героев. Поэтому молодёжь всегда старалась равняться на лучших сынов своего Отечества – персонажей устного народного творчества.

Но, помимо фольклорных героев, историю Притеречья, подтверждаемую архивными документами, делали также реальные исторические личности, имена которых сегодня забыты. И наша задача – выявить и сохранить для истории их имена.

Род князей Алхазовых (Алхасовых) происходил «от чанки (*чеч.* «чIаьнкъа» – «князь-полукровка». – *А.Д.*) Алхаса, рождённого от узденьки (уздень – горский дворянин. – *А.Д.*) и от Андреевского князя Казан Алипа из фамилии Шамхальской» [1]. Капитан князь Али Алхасов в 1806 году переселился на Терек и основал селение Али-Юрт. Об этом свидетельствует билет № 92 от 31 августа 1806 года, выданный генералом А. Гудовичем, в котором говорится: «Предъявителю сего капитану Али Алхасову позволяется от меня с чеченцами и другими народами завести поселение на правом

берегу Терека, против Моздокского казачьего полка станицы Галюгаевской» [2]. Об этом событии также 25 августа 1872 года пишут в прошении о причислении их к привилегированным сословиям сами представители этой княжеской фамилии – братья Адильсултан, Карасай и Казы Алхазовы: «На требование Вашего Высокоблагородия относительно доставления Вам сведения о роде происхождения нашего, мы имеем честь донести, что род наш князей Алхазовых, к которому мы принадлежим, происходит от дома Алхаза, который около ста лет тому назад переселился из владений Шамхала Тарковского в Кизляр, а сын его Али назад тому семьдесят четыре года переселился из Кизляра на Терек против станицы Галюгаевской и, пригласив чеченцев, основал аул Али-Юрт, управлял народом как он, так и сын его – отец наш князь Кагерман, умерший в чине подполковника.

Документов письменных, о княжеском достоинстве нашей, как мы, так вероятно и все князья, происходящие от князей восточного народа, никогда не имели и теперь не имеют; а если Комиссия по разбору туземных прав желает убедиться в действительности о происхождении нашем, то комиссия может дознать чрез князей кумыцких и кабардинских, родство же мы имеем с князьями Турловыми, Таймазовыми и кабардинскими князьями Хамурзовыми, Джанботовыми, Мусостовыми.

Удостоверение на арабском языке от нашего населения в том, что мы происхождения от князя Алхаса при сём представляем. Поручик Адилсултан Алхазов, прапорщик князь Карасай Алхазов, юнкер князь Казы Алхазов» [3].

Князь Али Алхазов в 1789 году был взят аманатом к князю Потёмкину, при котором в числе других кумыкских, кабардинских, брагунских и осетинских владетелей оставался в качестве кавказских депутатов до его кончины, служа при нём против турков и шведов. Аманаты эти были возвращены на родину в 1792 году с чинами и жалованьем. «Два побочные владельца или ченке: Ибраим Алборю Аджиев и Али Алхасов и два эндерийские узденя (Сала?); все четыре произведены в капитаны» [4].

Князь Али Алхазов в сентябре 1800 года пишет прошение русскому командованию на Кавказе о дозволении ему поселиться на правой стороне реки Терек. Генерал Кнорринг 28 сентября 1800 года разрешает ему поселиться в урочище Прорезном. Но только генерал Гудович в 1806 году позволяет ему основать селение Али-Юрт [5]. Капитан князь Али Алхазов скончался 9 января 1808 года. Его овдовевшая супруга – княгиня Ханима Ельмурзова, урождённая княжна Бекичева, дочь известного кабардинского генерала князя Эльмурзы Бекович-Черкасского, оставшаяся с тремя сыновьями и двумя дочерьми, пишет прошение о назначении ей пенсии за заслуги ее отца и мужа перед Отечеством [6]. В обращении Моздокского поселённого казачьего полка старшин и казаков к генералу Ртищеву от 4 августа 1811 года,

наряду с надтеречными владельцами Мамедом Турловым и Баматом Бекичевым, упоминается уже княгиня Алхазова [7].

Сын Али Алхазова – князь Кагерман (*чеч.* – «Эла Къахьарма», *тюркское «Kahraman»* – «герой». – *А.Д.*) является персонажем ряда чеченских героико-эпических песен-илли. В 1834 году царское командование на Кавказе составило «Родословный список князей, узденей и старшин». В этом документе из князей Алхазовых приводятся: «Деревни Алхасовой владелец подпоручик князь Кагерман Алиев – 35 лет. Сын умершего капитана Алия, который произошел от чанки Алхаса, рожденного от узденьки и от Андреевского князя Казан Алипа, из фамилии Шамхальской. Его сыновья: Адиль Султан – 4 года, Карасай – 1 год; его брат Дал Алиев – 25 лет» [8].

У Кагермана Алхазова было три сына: Адыль-Султан (*чеч.* – Эдалсолта), Карасай (Гарасай, *чеч.* – ГІарси) и Казы (*чеч.* – ГІази). У Адыль-Султана Алхазова был сын Магомат (*чеч.* Мохьмад). У Карасая Алхазова – сыновья Мажид (Мажик, *чеч.* МІаьжиг), Туган (*чеч.* ТугІан), Зубейра (Зубайра), Берсан (Берса), Тури (*чеч.* ТІури) и дочери Хава и Хайбат.

У Кази Алхазова – сыновья Арсланбек (Арсемик, *чеч.* Аьрсмак), Абдул-Муслим (Іабдул-Муслим), Паша и дочери Айхола, Гулхола, Хани, Тутама.

Туган Карасаевич Алхазов родился 16 июля 1867 года в с. Али-Юрт Грозненского округа Терской области, в семье подпоручика Карасая Алхазова и Хамисат Айдемировой [9]. Воспитание получил во Владикавказском реальном училище с августа 1879 года по 11 июня 1888 года и, успешно окончив учёбу, решил получить высшее образование в Санкт-Петербурге – столице Российской империи [10].

В сентябре 1890 года Туган Алхазов поступил в Санкт-Петербургский Технологический институт, но 23 мая 1892 года был отчислен «за малоуспешность» [11]. Юноша был связан со студенческим движением в России конца XIX века и поставлен под негласный надзор полиции. Видимо, это обстоятельство отвлекло его от учёбы.

По сведениям Особого отдела МВД России, Алхазов за июнь-июль 1893 года получил несколько писем от дантистки Лидии Эгонь-Бессер, находившейся в то время в швейцарском городе Лозанне на медицинских курсах. В одном из документов дознаватели пишут: «Означенные письма частного содержания, за исключением одного – от 19 июня, в котором Бессер, называя Алхазова «азиатиком», сообщала, что у них литературные вечера идут удачно и что на следующий день должен читать реферат «о капитализме в России» Петербургский студент Воден… По наведённой в делах Департамента полиции справке оказалось, что Эгонь-Бессер известна по своим близким отношениям с привлекавшимся к дознанию политического характера студентом Виктором Шарым и дворянкой Лидией Закутиной. Спрошенный

же по этому поводу С.-Петербургский градоначальник уведомил, что в марте 1893 года получены были агентурные сведения, что будто бы Алхазов хранит воззвания по поводу последних студенческих беспорядков, но произведенным вследствие сего обыском означенные указания не подтвердились» [12].

Далее в документе приводится текст письма с подписью «Зеля» Лозанна, от 19 июня 1893 г., адресованного Т. Алхазову, проживающему: С.-Петербург, Серпуховская, д. 34, кв. 6.

Вот содержание указанного письма: «Азиатик, наши литературные вечера очень удачны, благодаря 2, 3 головам; студентки же изображают мебель, все молчат, ибо глупы. Завтра читает реферат «О капитализме в России» бывший Питерский студент, некто Воден. Потом будет читать Герцен, Парижский юрист, которого я ввела в кружок.

О поездке я ровно ничего не знаю, все шансы против: положение финансовое ужасно плохо. Карточки Фрон. и др. пр. привезу, конечно. Если бы был впереди урок, другое дело. Съездите к Варварке. Она живет в Удельной, дача 10, Нефедовой. Или попросите Окуня.

Итак, решено! Вы за мною приедете в Лозанну. Я покажу Вам окрестности, поедем в Париж, а потом я стану работать в клинике в Берне, или здесь» [13].

Уже 7 июля 1893 года на имя Санкт-Петербургского градоначальника поступил запрос от директора Генерального Штаба Департамента полиции МВД, генерал-лейтенанта Н. Петрова следующего содержания: «Ввиду полученных указаний на предосудительные сношения бывшего студента С.-Петербургского Технологического института князя Тугана Карасаева Алхазова, проживающего в С.-Петербурге по Серпуховской улице, д. № 34, кв. 6, с какою-то женщиною, называющею себя «Зеля», занимающуюся изучением медицины в Швейцарии, Департамент Полиции имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении о собрании подробных сведений об означенном Алхазове, равно и знакомой его, по имени Варвары, находящейся ныне на даче Нефедовой № 10 в Удельной, – их деятельности и круг знакомства, причем желательно было бы установить личность известной им Зели, выехавшей за границу» [14].

Ответ на этот запрос был готов 31 июля 1893 года. «Секретно. С.-Петербургского Градоначальника. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 31 июля 1893 г. № 7142. В Департамент Полиции.

Вследствие отношения от 7-го сего июля за № 3716/705, имею честь сообщить Департаменту Полиции, что упоминаемые в письме Алхазова «Варвара» и «Зеля» – как выяснено произведенным негласным расследованием и собранными справками, – известные по своей неблагонадежности акушерка Варвара Ауслендер и дочь дворянина Лидия Эгонь-Бессер, носящая в кругу близких знакомых имя «Зели».

Из имеющихся во вверенном мне Управлении сведений усматривается:

Князь Алхазов Туган Карасаев, 26 лет, магометанского вероисповедания, сын прапорщика, житель селения Али-Юрт, Грозненского округа, Терской области; воспитывался во Владикавказском Реальном Училище и в 1890 г. был принят в С.-Петербургский Технологический институт, откуда в минувшем году уволен за малоуспешность. Из числа его знакомых, кроме поименованных Ауслендер и Эгонь-Бессер, выяснены: студенты Технологического института Михаил Пугачев и Адам Ягодский; Института гражданских инженеров – Иван Тулинцев, Владимир Тавлинов, Забойр Тимурханов, сын надворного советника Леонид Панин и бывший разборщик С.-Петербургского почтамта Эдуард Клентор. В марте 1893 г., ввиду полученных сведений о том, что Алхазов хранил воззвания по поводу последних студенческих беспорядков, у него был произведен обыск, не давший результатов.

Ауслендер Варвара Алексеева, вдова потомственного почетного гражданина, акушерка, состояла под негласным надзором полиции, от которого освобождена в 1890 году. Упоминаемая Ауслендер проживает в д. 10 по Решетовой улице, Лесного участка, у своей тетки – жены штабс-капитана Елизаветы Нефедьевой.

Эгонь-Бессер Лидия Александровна, дочь дворянина, помещика, Шавельского уезда, Ковенской губернии, известна по сношениям с лицами политически неблагонадежными, в том числе Виктором Шарым и Лидией Закутиной. Лидия Эгонь-Бессер выбыла за границу в октябре минувшего года и, по имеющимся сведениям, проживает в г. Лозанне, в Швейцарии, где изучает медицинские науки» [15].

4 августа 1893 года Петербургский градоначальник, под грифом «секретно», донес директору Департамента полиции: «Князь Туган Карасаев Алхазов обратился ко мне с просьбою о выдаче свидетельства о благонадежности, на предмет поступления в число студентов Горного института. Принимая во внимание, что о князе Алхазове Департаментом Полиции от 7 минувшего июля за № 3716/705 были затребованы подробные сведения… я, руководствуясь циркуляром от 29 ноября 1891 г. за № 4910, считаю долгом о ходатайстве князя Алхазова сообщить Департаменту, покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением» [16].

На это доношение «исправляющий должность» директора Департамента полиции 26 августа 1893 года отвечает Санкт-Петербургскому градоначальнику, что «к выдаче свидетельства о благонадежности князю Туган Карасаеву Алхазову, на предмет поступления в число студентов Горного института, препятствий со стороны Департамента не встречается» [17].

Из этого следует, что Департамент полиции перестал опасаться поведения князя. Туган Алхазов в 1895 году поступил в Санкт-Петербургский Горный институт и, успешно окончив его, стал дипломированным инжене-

ром-геологом. До революции он жил во Владикавказе. В 1907 году содействовал освобождению сосланного на остров Сахалин своего родного брата Берсана Алхазова (1879 г.р.). Берсан Карасаевич Алхазов был освобождён 16 июня 1907 года, поселился в Али-Юрте, в доме старшего брата Мажика, и в марте 1908 года женился на Хажири, дочери князя Таймасхана Кучуковича Турлова из Верхнего Наура (родилась в 1889 году) [18].

После Февральской революции и свержения монархии в России Туган Алхазов в марте 1917 года стал членом Временного ЦК объединённых горцев. В мае того же года был избран заместителем председателя Терского областного исполкома. С ноября 1917 года – председатель административной комиссии («министр внутренних дел») Горского правительства. С 1 декабря 1917 года – заместитель комиссара общественного спокойствия Терско-Дагестанского правительства и помощник комиссара Терской области. С января 1918 года одновременно исполнял обязанности руководителя («министра») почтово-телеграфного ведомства. В 1919 году присоединился к деникинцам [19].

С установлением советской власти Туган Карасаевич Алхазов в 20-е годы XX века переселился из Владикавказа в родной Али-Юрт и к югу от этого села, на Терском хребте, возродил хутор Алхазово. Он один из немногих князей, который чудом уцелел от большевистского террора. Однако двоюродный брат Тугана – князь Паша Казиевич Алхазов, осенью 1929 года стал жертвой раскулачивания и был расстрелян. А семьи его родного брата Берсы Алхазова и племянника Тембулата Мажиковича Алхазова 6 марта 1935 года были раскулачены и высланы в колхоз Моюнкум Чуйского района Джамбульской области Казахской ССР [20]. В местах ссылки князь Берса Алхазов умер от дистрофии 13 июля 1950 года [21]. Тугану Карасаевичу Алхазову взамен на свободу пришлось отказаться от всех своих княжеских регалий и добровольно сдать в пользу государства всё своё состояние. Поэтому ему удалось избежать машины советских репрессий.

Туган Алхазов скончался своей смертью в 1937 году, в возрасте 70 лет [22].

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА)), ф. 13454, оп. 5, д. 450, л. 15.

2. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 2, оп. 1, д. 264, л. 129.

3. Архивное управление Праительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 5, д. 1, лл. 37-38 // ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 6.

4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Часть II. – СПб, 1869. – С. 207, 259.

5. ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 264, л. 126, 128–129.

6. ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 131 с об, 132.

7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. V. Кн. II. – Тифлис, 1873. – С. 846. Документ 972.

8. РГВИА, ф. 13454, оп. 5, д. 450, л. 15.

9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 492, оп. 2, д. 3975, л. 3; Там же. Ф. 963, оп. 1, д. 10554, л. 10.

10. ЦГИА СПб, ф. 492, оп. 2, д. 3975, л. 1–2 с об; Там же. Ф. 963, оп. 1, д. 10554, л. 7–8 об.

11. ЦГИА СПб, ф. 492, оп. 2, д. 3975, л. 16; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840 «О бывшем студенте Санкт-Петербургского Технологического института князе Тугане Карасаеве Алхазове», л. 1.

12. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 1 об.–2.

13. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 3.

14. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 5 с оборотом.

15. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 6–7 с оборотами.

16. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 8.

17. ГАРФ, ф. 102, Д-3, оп. 91, г. 1893, д. 840, л. 10.

18. АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 44, л. 8//ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 4, д. 74, л. 4.

19. Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа 1917 – март 1918 г. – Москва, 2007. – С. 428.

20. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 17, д. 670, л. 2 с об; Там же. Д. 641, л. 2 с об, 13, 21–22; Там же. Д. 642, л. 2 об., 7.

21. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 17, д. 670, л. 6–7.

22. Записано в 2007 г. со слов Иса-Хаджи Хасбулатова (1932 г.р.), жителя с. Гвардейское (Али-Юрт) Надтеречного района Чеченской Республики.

ГЕНЕРАЛЫ-ЧЕЧЕНЦЫ

Хизриев Х.А.

ЧЕЧЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
(1780–1834)

Дружба народов Кавказа с русским народом своими корнями уходит в глубь веков. В Отечественной войне 1812 года принимали участие люди разных национальностей. Вся страна чтит память героев Отечественной войны 1812 года – П. Багратиона, Д. Давыдова, Н. Раевского и многих других. В числе тех, кто участвовал в битве под Бородино, находился наш земляк, доблестный сын гор Александр Николаевич Чеченский [1].

Денис Давыдов писал о нем: «Состоявшийся по кавалерии ротмистр Чеченский – черкес (так иногда называли чеченцев. – *Х.Х.*), вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый, явный друг или враг, предприимчивости беспредельной, сметливости, решимости мгновенных».

В 1785 году в Чечне разгорелось мощное народно-освободительное движение под руководством имама Мансура (1785–1791 гг.). В одном из на-

бегов на аул Алды царскими войсками был захвачен в плен чеченский мальчик. Имя при рождении – Али. Его мать Рахимат умерла при родах. Отец Алхазур пал в бою с войсками, занявшими аул. Мальчика взял на воспитание подпоручик Николай Николаевич Раевский – будущий знаменитый генерал, герой Отечественной войны 1812 года. Мальчика окрестили Александром Николаевичем Чеченским. Маленький чеченец воспитывался в Каменке на Украине у матери Николая Раевского – Екатерины Николаевны, с ее детьми от второго мужа – богатого помещика Льва Давыдова. Александр получил прекрасное домашнее образование, затем окончил Московский университет, после чего началась его военная карьера.

Дореволюционный историк Кавказа В. Потто, автор книги о истории Нижегородского полка, писал: «Полковым адъютантом был в то время (1800 г. – *Х.Х.*) поручик Чеченский, действительно природный чеченец, крестник Николая Николаевича Раевского, который, приняв на свое попечение маленького пленника в то время, когда еще командовал Нижегородским полком, позаботился дать ему хорошее образование. Чеченский кончил курс в Московском университете, но сохранил за собою все типичные черты своего племени. Это был отличный офицер, первый охотник и наездник в полку, но нрав имел чересчур суровый и пылкий. Впоследствии он перешел в Россию и умер в 20-х годах (в 1834 г. – *Х.Х.*) генералом, командуя Литовским уланским полком. Это тот самый Чеченский, о котором так много говорит Денис Давыдов в своем знаменитом «Дневнике партизанских действий» [2].

В Центральном Военно-историческом архиве хранится очень интересный и важный документ – «Формулярный список о службе и достоинстве состоящего по кавалерии генерал-майора Чеченского», представленный им в Инспекторский департамент Главного штаба, и еще ряд неопубликованных документов [3].

Лаконичные строки послужного дела повествуют о силе и кавказской удали А. Чеченского и дают довольно подробные сведения о нем, о его семье, о службе и наградах. Дело открывается с представления его наград. Под пунктом «из какого звания» написано – «чеченской нации». Далее мы узнаем, что А. Чеченский родился примерно в 1780 году, вступил на службу вахмистром 8 июня 1791 года в Нижегородский полк, находившийся на Кавказе. 16 мая 1796 года он участвовал при осаде и освобождении Дербента от персидского гарнизона и в ряде других сражений Кавказского театра военных действий.

В 1806 году Чеченский уволился поручиком и добровольно перевелся подпоручиком в Гродненский гусарский полк, который воевал против французских войск.

В 1807 году он участвовал в сражениях под Мышеницами, Гутштатом, Аккендорфом и в изгнании противника за реку Посаржу. Он проявил бес-

предельную смелость и находчивость, за что был удостоен именной золотой сабли с надписью «За храбрость».

У него был неугомонный характер. Он постоянно просился туда, где завязывалось жаркое дело. С июня 1808 года А. Чеченский участвовал в сражениях в Финляндии против шведских войск. В послужное дело легли следующие строчки беспристрастного писаря: «28 июня и 2 июля при Кирке Лаппо, 18 августа в авангарде со стрелками при селении Каухаюки, 20 августа в генеральном сражении при Кирье Куортани, откуда был послан от начальства ближайшей по самой опасной дорогой мимо неприятельских засевших стрелков с донесением главнокомандующему корпусом, что исполнил с отличным мужеством и расторопностью… Во всех сих сражениях оказывал примерную храбрость и неустрашимость и несколько раз находился со стрелками в самых опасных местах…» [4].

В 1812 году А. Чеченскому в чине ротмистра было поручено командование 1-м Бугским кавалерийским полком, который участвовал в сражениях при Витебске, Смоленске, Тарутино, 24 и 26 августа – в самом крупном сражении века – Бородино.

11 сентября у с. Знаменское к Денису Давыдову со своим полком присоединился А. Чеченский. В следующие дни Д. Давыдов со сводным отрядом вступал в крупные сражения под самой Вязьмой, которые закончились взятием в плен офицеров, нескольких сот солдат, захватом крупных трофеев. «Нельзя было быть иначе! – радостно восклицает Д. Давыдов. – Новыми войсками управлял ротмистр Чеченский… по природе наездник, ярый духом, богатый средствами и деятельнейший из моих помощников в продолжение войны Отечественной и заграничной» [5].

Нет возможности в небольшой статье написать обо всем, что известно об этой яркой личности. Приведем только один эпизод, запечатленный в архивном документе. Давыдов в рапорте генерал-лейтенанту Шепелеву сообщает, что 19 сентября 1812 года он явился на большую дорогу между Семлевой и Вязьмой к селу Юреневу с намерением отбить 300 человек русских пленных и артиллерийский транспорт, и об успешном окончании этой операции: «А господин ротмистр Чеченский в виду трех батальонов обложил ящики огнем, которые один по одному до самого вечера взлетали в воздух, треск и гром от них столь был велик, что по известиям, ко мне дошедшим из Вязьмы, гарнизон (французский. – *Х.Х.*) оного города целый день стоял под ружьем, ожидая на себя нападения» [6].

К донесению приложен рапорт Д. Давыдова с представлением А. Чеченского к награде орденом Св. Георгия 4-й степени и характеристика: «Будучи несколько раз послан мною, нападал на сильнейшие себя неприятельские партии с успехом, все препоручения исполнял с отличнейшим успехом, деятельностью и храбростью своею всегда служил примером своим подчи-

ненным и, наконец, сего 20-го сентября в виду двух неприятельских батальонов подложил огонь, подвергая жизнь свою опасности, принудил тиральеров спешившимися казаками отступить и взорвал неприятельский парк из 24 палуб…» [7].

Во время заграничного похода 1813 года через Польшу и Германию Чеченский участвовал в сражениях под городами Калиш, Балуцен, Люцин. За храбрость и мужество он был произведен в подполковники. Он также отличился в боях за города Делич и Толх, а за поход в Голландию был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В 1814 году А. Чеченский участвовал в боевых действиях на территории Франции при взятии Суассона, Краона, Лиона. За проявленное мужество был награжден орденом Св. Анны 2-го класса. Высокую организованость и мужество проявил при взятии Парижа, за что был произведен в полковники и награжден серебряными медалями «За вступление в Париж», «В память 1812 года». Он имел ряд иностранных наград. Был хорошим дипломатом и за время боевых действий без единого выстрела освободил от противника три города – Гродно, Дрезден и Виллемстад.

А. Чеченский отлично знал военную тактику и стратегию. Он учился у прославленного полководца Багратиона, под начальством которого сражался с 1807 по 1812 год. Военное искусство А. Чеченского особо проявилось в Бородинском сражении.

После окончания заграничного похода А. Чеченский женился на дочери действительного статского советника И.М. Бычкова – Екатерине, которая принесла ему в приданое Ворсклу – небольшое поместье со ста одиннадцатью крепостными душами. У них было шестеро детей: Софья, Александра, Катя, Николай, Вера, Надежда.

С января 1816 года А. Чеченский командовал Литовским уланским полком. В 1822 году его произвели в генерал-майоры по кавалерии с назначением состоять при начальнике 2-й Гусарской дивизии.

Но тяготы и лишения, испытанные за период многолетней боевой жизни, стали сказываться на его здоровье. В феврале 1824 года генерал-майор Александр Чеченский был уволен в «отпуск к карлсбадским минеральным водам до излечения с производством жалования и с отчислением из кавалерии».

Во время восстания декабристов 1825 года генерал А. Чеченский находился рядом с царем Николаем I.

Генерал-майор Александр Чеченский умер в январе 1834 года.

Судьба А. Чеченского удивительно похожа на судьбу академика П. Захарова. Он, так же, как и Захаров, воспитывался в образованной и известной семье. Но он, правда, попал к Раевским уже в довольно сознательном возрасте, когда ему было 10–12 лет.

Молодой П. Захаров не мог не знать своего прославленного сородича. Возможно, что именно А. Чеченский, прекрасно знавший Кавказ, заложил в сердце чувствительного художника любовь к своему отчему краю, в результате чего на полотнах кисть мастера стала выводить подпись: «П. Захаров из чеченцев». Два сына гор, оказавшись в русской просвещенной среде, стали видными деятелями России.

Через всю жизнь Александр пронес в своем сердце сознание, что он не только верный сын России, но и чеченец, имеющий свою овеянную детскими мечтами далекую, вольную и прекрасную Родину, окровавленную войной. Такова была удивительная и яркая судьба соратника Дениса Давыдова, генерала российской армии чеченца Александра Николаевича Чеченского.

Список использованных источников и литературы

1. Хизриев Х. Герой Бородина. // «Грозненский рабочий», 28 января 1970 г., № 22.
2. Потто В. История Нижегородского полка. – СПб., 1893. Т. II. – С. 54.
3. РГВИА, ф. ВУА., п/с 366–459, л. 1–4.
4. Там же.
5. Жизнеописания русских военных деятелей. Т. I. Ч. 1. – СПб. 1885. – С. 202.
6. РГВИА, ф. ВУА., д. 3509, л. 70 об.
7. Там же. Л. 72 об.

Арсанукаева М.С.
Батаева Р.Б.

АЛИЕВ ЭРИС-ХАН СУЛТАН ГИРЕЙ
(1855−1920)

Представители народов Кавказа, в частности, чеченцы, с давних пор служили в российской армии, показывая образцы верности, мужества и героизма. Однако изучение этой темы долгое время ограничивалось немногочисленными трудами отдельных авторов. В последние годы наметились положительные сдвиги, которые во многом связаны с годовщинами определенных исторических событий.

В июле 2014 г. отмечалось 150-летие начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.), вызвавшей глобальные изменения в судьбах многих стран и народов. Представители народов Кавказа, включая горцев-мусульман, служили как в составе Кавказской туземной конной дивизии, так и в других частях российской армии. Благодаря усилиям историков и архивистов нам стали известны обстоятельства службы и подвиги некоторых офицеров и всадников из чеченцев. Однако все еще предстоит установить новые имена и проследить судьбы тех, чьи заслуги оказались незаслуженно забытыми.

В данном исследовании показаны основные этапы военной службы Эрисхана Султан-Гирея Алиева (30.04.1855−1920) [14], генерал-майора, генерал-лейтенанта, генерала от инфантерии, генерала от артиллерии (единственного из горских народов Северного Кавказа), происходившего, как

указано в личном деле, из «дворян Кавказа» [16, л. 34], уроженца Терской области [1, л. 32]. Эрисхан Алиев прошел Русско-турецкую (1877–1878), Русско-японскую (1904–1905) [1, л. 2 об.] и Первую мировую (1914–1918) войны [2, с. 18–19].

Родился Эрисхан Алиев 30 апреля 1855 года в старинном чеченском селении Старые Атаги Грозненского округа в семье царского офицера Султан-Гирея Алиева. В 1862 г. поступил в пробную школу для чеченских детей, открытую в крепости Грозной. Здесь обучали грамоте с помощью первого букваря на родном языке, подготовленном ученым-просветителем П.К. Усларом совместно с прапорщиком милиции К. Досовым, хорошо знавшим русский язык, и муллой Я. Хасановым [3, с. 41, 53; 5, с. XLV1]. В 1863 г. школа была закрыта и вместо нее учреждена трехклассная горская школа, в которой обучались на русском языке дети местных чиновников, «почетных туземцев» и мещан. По окончании школы в 1865 г. Эрисхан поступил в Ставропольскую гимназию, ставшую кузницей будущей интеллигенции из горских народов Северного Кавказа [4, с. 48, 81–83; 6, с. 177–189; 7, с. 357–359].

Окончив гимназию, Э. Алиев поступил во 2-е Военное Константиновское училище [1, л. 11]. Там же 31 августа 1873 г. вступил в службу юнкером [8, с. 774.]. Портупей-юнкер с 11 января 1875 г. 20 августа был переведен с тем же чином в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого (по I разряду) 10 августа 1876 г. был произведен в подпоручики с назначением в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду, где служил в различных батареях [1, л. 3].

Э. Алиев принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. При штурме турецкого селения Зиван 13 июня 1877 г. получил свое первое боевое ранение, в связи с чем был взят под покровительство Александровского комитета раненых [1, л. 16]. За мужество и храбрость, оказанные в разновременных делах с турками, 11 июля 1877 г. награжден орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом. Отличился при отражении вылазки Карского гарнизона 3 июня 1877 г. у селения Аравартан, за что 22 января 1878 г. награжден орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом. 26 декабря 1877 г. произведен в поручики [1, л. 3].

После завершения основных военных действий Э. Алиев продолжил службу в 4-й батарее 1-й Гренадерской артиллерийской бригады, а из нее 23 марта 1878 г. его откомандировали к 4-й батарее 3-й резервной артиллерийской бригады. Вскоре, 25 июля 1878 г., как один из лучших боевых офицеров, отправлен в Санкт-Петербург для поступления в Михайловскую артиллерийскую академию. После успешной сдачи вступительного экзамена 31 октября прикомандирован к академии [1, л. 3]. Э. Алиев, показав блестящие знания, окончил академию «по первому разряду» [2, с. 18]. С

24 августа 1881 г. состоял на службе в 3-й Гвардейской артиллерийской бригаде до 31 января 1887 г., когда его прикомандировали к Михайловскому артиллерийскому училищу «…для усиления воспитательного персонала этого училища». 24 апреля 1888 г. произведен в штабс-капитаны, а 28 марта 1893 г. – в капитаны. В Михайловской артиллерийской академии занимал должность исполняющего обязанности заведующего обучающимися офицерами (20 марта 1895 г.) [1, л. 2; 15, лл. 34–34 об.].

Исключительные качества штабс-капитана Э. Алиева как преподавателя и воспитателя будущих офицеров русской армии не остались незамеченными. 30 августа 1890 г. он был награжден орденом Святого Станислава II степени, а 30 августа 1894 г. – орденом Святой Анны II степени [1, лл. 3–4]. То, что эти награды были заслуженными, подтверждают воспоминания бывших воспитанников. В частности, Н.С. Батюшин, генерал-майор, известный деятель русской разведки начала XX века, писал: «Эрис-Хан Алиев имел военную жилку и обладал большим здравым смыслом» [9]. Эрис-Хан служил также примером отличной физической подготовки. Известно, что 23 ноября 1898 г. он получил 1-й Императорский приз за бой на рапирах [1, л. 21].

Дальнейшая карьера Э. Алиева развивалась стремительно. Приказом от 1 октября 1895 г. он был назначен командующим 7-й батареей лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады, а 6 декабря произведен в полковники с утверждением в должности командира 7-й батареи. 14 мая 1896 г. награжден орденом Святого Равноапостольного князя Владимира IV степени; 17 марта 1897 г. – серебряной медалью в память императора Александра III.

Высочайшим приказом от 25 февраля 1900 г. Э. Алиев был назначен командиром 2-го дивизиона 20-й артиллерийской бригады, а 14 июня 1902 г. – командующим всей бригадой [1, лл. 4–4 об.]. 23 сентября 1903 г. получил орден Святого Равноапостольного князя Владимира III степени [1, л. 5].

Приказом от 13 ноября 1903 г. Э. Алиев был назначен командующим 26-й артиллерийской бригады с назначением по полевой артиллерии, а 6 декабря того же года за отличие по службе произведен в генерал-майоры и утвержден в указанной должности. Вместе с бригадой прошел всю Русско-японскую войну. В частности, 6 августа 1904 г. высадился в Мукдене. Участвовал в Лаоянском сражении 19–21 августа того же года. В личном деле генерала отмечено умелое руководство им огнем батарей в бою под Бенсиху (Шахэ) с 26 по 29 сентября 1904 г. Уже в первый день участия в данном сражении, 26 сентября, Э. Алиев, будучи на наблюдательном пункте, был легко ранен и тяжело контужен, но продолжал командовать соединением. За проявленный подвиг приказом Главнокомандующего 30 ноября 1904 г. был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени. С 11 по 17 ноября 1904 г. участвовал в сражении под Цинхенченом [1, лл. 5, 12; 10]. Отличие в этих боях, показанное генералом Алиевым,

отмечено новой наградой – золотым оружием с надписью «За храбрость» [1, л. 23].

Приказом от 18 января 1905 г. Э. Алиев был прикомандирован к Цинхеченскому отряду генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампфа с назначением и.д. начальника артиллерии. Воевал под Мукденом (8–25 февраля 1905 г.). В ходе боев за Ключевую сопку командир 26 артбригады, вступив в командование дивизией вместо заболевшего генерала Э.В. Экка, «собрал восемь знаменных взводов, со знаменами и музыкой лично повел их в атаку и занял левый гребень сопки, приостановив дальнейшее движение японцев [10]. Генерал А.И. Деникин писал: «…фронт дрогнул. В это время храбрый артиллерийский генерал Алиев повел в контратаку последние четыре знаменные роты четырех полков, отбил сопку и водрузил знамена на ней. Этот символический жест… подбодрил занимавшие позиции войска, которые приостановили японское наступление» [11].

По имеющимся данным, в Русско-японской войне погиб брат генерала – подъесаул Магомед-хан Алиев [3, с. 561]. В телеграмме д. т. с. А.И. Нелидова от 9 февраля 1905 г. министру внутренних дел А.И. Булыгину он указан в числе раненых [12]. В этой войне также принимал участие старший сын генерала – поручик Эксан-хан Алиев.

Высочайшим приказом от 16 мая 1906 г. Э. Алиев был назначен командующим 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией с зачислением по армейской пехоте [16, л. 25 об.]. Приказом главнокомандующего от 13 июля 1905 г. за № 1353 Э. Алиева допустили к должности временно и. д. начальника артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса [1, л. 5 об.]. Состояние русской артиллерии того времени, ее неудачи и победы хорошо описаны как участниками русско-японской войны, так и военными историками того времени [14].

В конце войны, 13 августа 1905 г., Э. Алиев поступил в распоряжение Главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генерал-адъютанта Н.П. Линевича. За отличие в делах против японцев высочайшим приказом от 25 сентября 1905 г. его наградили орденом Святого Станислава I степени с мечами, 5 мая 1906 г. – орденом Святой Анны I степени с мечами. В 1906 г., 11 апреля, пожалован светлобронзовой медалью на Георгиевской и Владимирской ленте в память войны с Японией в 1904–1905 гг. [1, лл. 5 об.−6].

Приказом командующего войсками на Дальнем Востоке 1906 г. за № 165 Э. Алиева назначили временно и.д. коменданта крепости Николаевск и вр. генерал-губернатором в отношении крепости г. Николаевска, поста Де-Кастри и всех населенных мест по р. Амуру, от устья этой реки до с. Мариинска включительно. С 9 октября 1906 г. по 4 января 1907 г. Э. Алиев занимал должность начальника всего Читинского района [1, лл. 6−6 об.].

В личном деле генерала Э. Алиева, командующего 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, составленном 5 мая 1907 г., имеется отзыв командира 2-го Сибирского армейского корпуса: «В службе сего генерала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к оному» [1, лл. 12−12 об.]. В ноябре 1907 г. на имя Николая II было подано прощение о зачислении его в списки 7-й батареи 26-й артиллерийской бригады. Находясь в Петербурге для участия в Георгиевском празднике, проходившем ежегодно 9 декабря (26 ноября ст. ст.) в Зимнем Дворце, Э. Алиев присутствовал на высочайшем выходе в специальном мундире, заслуженном за боевые отличия [1, лл. 35, 38]. Высочайшим приказом от 6 декабря 1907 г. Э. Алиева произвели в генерал-лейтенанты [14], что стало важной вехой в его военной карьере.

Новое продвижение Э. Алиева по службе произошло в связи с приказом от 14 августа 1908 г. о назначении командиром 2-го Сибирского армейского корпуса (Иркутского военного округа, штаб в г. Чите) [2, с. 18]. В чине генерала от инфантерии состоял, по одним данным, с 6 декабря 1913 г. [16, л. 25 об.], а по другим – с 14 апреля 1913 г. [14].

Однако, имея после пяти лет службы на Дальнем Востоке право на перевод в Европейскую часть России, после двух неудачных попыток, 5 февраля 1914 г. генерал Э. Алиев написал новый рапорт, убедительно прося об этом «как милости за свою службу» [16, л. 1−1 об.]. На заседании высшей аттестационной комиссии 15 января 1914 г. командующий войсками Виленского военного округа генерал-адъютант П.К. фон Раненнкампф ходатайствовал «о предоставлении 4-го армейского округа (г. Минск) генералу от инфантерии Алиеву». Им подчеркивалось, что Э. Алиев лично ему известен «с лучшей стороны» [16, лл. 3-3об.]. 8 февраля 1914 г. последовало его назначение. 12 апреля 1914 г. Э. Алиев телеграфировал Николаю II о вступлении в командование корпусом [16, лл. 1-1об., 25, 27, 34].

В состав корпуса входили 30-я (командующий – генерал-лейтенант Э.А. Коляновский) и 40-я (командующий – генерал-лейтенант Н.Н. Короткевич) пехотные дивизии. Позже в его распоряжение была передана 2-я пехотная дивизия. При мобилизации корпус вошел в состав 1-й армии генерала П.К. Ренненкампфа, бывшего начальника Э. Алиева. В конце сентября корпус передали во 2-ю армию генерала С.М. Шейдемана [2, с. 19]. Корпус принял на себя удары германской армии в годы Первой мировой войны. «IV армейский корпус, которым всю войну прокомандовал генерал Алиев, участвовал в самых тяжелых боях германского фронта (Восточная Пруссия, Лодзь, Пултуск и отход с Нарева) и выдержал затем на своих плечах отступление из Румынии, – пишет А.А Керсновский. – Это относится и к двум коренным его дивизиям – 30-й и 40-й, и к приданной корпусу 2-й пехотной дивизии» [17]. В боях к западу от Варшавы войска под командованием

Э. Алиева сумели оттеснить противника, облегчив 2-й армии переход в наступление. За эту операцию 20 октября 1915 г. он награжден орденом Святого Георгия III степени [2, с. 19]. 6 декабря 1914 г. произведен в чин генерала от артиллерии (по другим сведениям – 19 марта 1914 г.) [14]. За боевые заслуги в Первой мировой войне Э. Алиев награжден орденами Святого Александра Невского с мечами и Белого Орла с мечами [18].

В 1917 г. Э. Алиев принимал участие в Первом горском съезде. В мае 1918 г. он выехал из Петрограда, где находился в распоряжении главнокомандующего, в Чечню. В ноябре 1918 г. был зачислен в распоряжение главнокомандующего Добровольческой Армией. 13 марта 1919 г., после занятия Чечни частями генерала В.П. Ляхова, прибыл в г. Грозный. 11 апреля на съезде чеченского народа Э. Алиева избрали Верховным правителем Чечни. В знак протеста против жесткости и насилия в отношении горцев со стороны генерала И.Г. Эрдели, командовавшего войсками на Северном Кавказе, также осуждения ответных действий горцев Э. Алиев заявил о своей отставке. После отступления Добровольческой Армии из Терской области его арестовали большевики и заключили в тюрьму г. Грозного. Предположительно, по приговору ревтрибунала расстрелян в 1920 г. [8, с. 774]. По другим сведениям, он вместе с белыми войсками эвакуировался в Грузию и оттуда ушел в Турцию [2, с. 19].

Генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии Эрис-Хан Алиев до конца сохранил верность военной присяге и российскому императору. Несомненно, он является одним из самых известных и заслуженных боевых генералов российской армии начала XX века. Все это подтверждается его послужным списком, наградами и воспоминаниями современников.

Список использованных источников и литературы

1. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (АУП ЧР). Ф. 244. Оп. 1. Д. 1/15.

2. Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Артель», 2003. – С. 18–19.

3. Джабиров И.Х. Генерал Алиев. Проза / И.Х. Джабиров. – Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2014. – 698 с. с. ил.

4. Дзеранова Р.Ф. Организационно-педагогическая деятельность российской и горской интеллигенции на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: дис. … канд. пед. наук. – Владикавказ, 2005. – 145 с.

5. Загурский Л.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. – Тифлис: Тип. Меликова, 1881. – С. XLVII.

6. Кошев М.А. Ставропольская гимназия и просвещение горцев (70–90-е годы XIX века) // Культура и быт адыгов. Вып. VII. – Майкоп, 1988. – С. 177–189.

7. Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX в. – М., 2002. – 448 с.

8. Офицеры русской гвардии в Белой борьбе / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д-ра ист. наук В.С. Волкова. – М.: ЗАО «Центрополиграф», 2002. – 816 с.

9. Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней: сайт. – URL: http://www.pseudology.org/Abel/Batiushin/06.htmhttp://militera.lib.ru/science/batushin_ns/06.html.

10. Севенко А. 26-я артбригада в Русско-японской войне: сайт. – URL: http://www.proza.ru/2009/06/16/1071.

11. Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: Современник, 1991. 300 с.: сайт. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/04.html

12. Телеграммы с Дальнего Востока (с фронтов Русско-японской войны), февраль 1905 года // «Проблемы местного самоуправления». 2011. № 43: сайт. – URL: http://www.samoupravlenie.ru/43-16.php.

13. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны / под ред. Н.Л. Волконского. – СПб. : ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 525 с.: сайт. – URL: http://militera.lib.ru/h/kuropatkin/08.html.

14. Список генеральских чинов российской императорской армии и флота: сайт. – URL: http://www.rusgeneral.ru/general_a1.html.

15. Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 28371.

16. РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 1825.

17. Керсновский А.А. История Русской армии: сайт. – URL: http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/17.html].

18. Белая Россия. Алиев Эрис Хан Султан Гирей: сайт. – URL: http://belrussia.ru/page-id-1558.html.

Музаев Т.М.

ЧЕРМОЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1866 – не ранее 1931)

В подшивке журнала «Летопись войны», выходившего в Санкт-Петербурге в годы Первой мировой войны, мы обнаружили интересную фотографию 1916 года. На ней запечатлены кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия на празднике Пореченского пехотного полка. В первом ряду – генералы и высшие офицеры, среди которых указан «командир дивизии генерал-майор Чермоев» [1].

Имя генерал-майора Арцу Чермоева, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, кавалера высших степеней российских императорских орденов и военного ордена Св. Георгия, хорошо известно всем, кто интересуется прошлым нашего региона. Но Арцу скончался в 1895 году, за 19 лет до начала Первой мировой войны.

Ни один из его шести сыновей до генеральского чина не дослужился. Наиболее известный сын генерала – Тапа (Абдул-Межид) Чермоев – в это время служил в Чеченском полку Кавказской Туземной («Дикой») дивизии в чине штабс-ротмистра.

В «Списке генералам по старшинству», составленном на 16 июля 1916 года, действительно числится:

– Чермоев Владимир Александрович, генерал-майор по армейской пехоте (30.11.1914), командир бригады 67-й пехотной дивизии (16.09.1915) [2].

В личном деле В.А. Чермоева, которое хранится в Центральном военно-историческом архиве в Москве, о происхождении генерала лаконично сказано: «Из дворян Терской области».

До 1917 года Чечня, разделенная на два округа, входила в состав Терской области. Известно также, что семья Арцу Чермоева в 1899 году указом Правительствующего Сената получила потомственное дворянство [3].

В некоторых исследованиях В.А. Чермоева называют сыном одного из сыновей Арцу – Арсемика Чермоева (которого именуют иногда «Чермоевым-Барятинским»). Однако, это явная ошибка: Арсемик Арцуевич Чермоев родился в 1856 году, а Владимир Чермоев – лишь 10 лет спустя, в 1866 году. Таким образом, Владимир никак не мог быть сыном Арсемика.

Заметим, что вряд ли Владимир Чермоев мог быть сыном и старшего из сыновей Арцу – Арслахана, которому на момент рождения Владимира исполнилось 17 лет.

Вместе с тем, имя Арсемика Чермоева-Барятинского заслуживает более детального внимания. В его послужном списке значится:

– Барятинский (Чермоев) Арсемик. Из почетной Белгатоевской фам[илии] военного сословия]. Корнет. 1-й кадетский корпус. В офицерском звании с 4 авг[уста] 1844 г. [4].

Исходя из этих данных, мы видим, что корнет Арсемик Барятинский-Чермоев, состоявший в офицерском звании с 1844 года, никаким образом не мог быть сыном генерала Арцу Чермоева – Арсемиком, родившимся 12 лет спустя после получения Барятинским-Чермоевым офицерского чина.

Итак, у нас появляется новый персонаж – Арсемик Барятинский-Чермоев, офицер с 1844 года, то есть примерно 1825/30 года рождения. Вероятно, близкий родственник Арцу Чермоева. По воспоминаниям, он часто сопровождал в походах Арцу.

Из материалов комиссии по разбору сословно-поземельных прав Туземного населения Кумыкского округа (Хасав-Юртовского округа Терской области), обнаруженных в ЦГА Республики Дагестан А.И. Духаевым, удалось установить, что офицер Чермоев (предположительно, Арсемик Чермоев-Барятинский) является племянником Арцу Чермоева [5].

О Барятинском-Чермоеве известно немного: окончил 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, с 3 августа 1843 года служил оруженосцем в императорском конвое, позже был офицером Кавказской армии. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени и серебряной медалью «За службу в Конвое Е. И. В.» (Его Императорского Величества) [6].

Арсемик Барятинский-Чермоев умер 31 марта 1867 года.

Проверив по спискам офицеров С. Е. И. В. Конвоя, находим:

– Чермоев Александр Александрович, корнет. Зачислен в полуэскадрон из воспитанников 1-го кадетского корпуса. 31.03.67 года исключен умершим [7].

Исходя из совпадения по пяти значимым признакам (фамилия, воинское звание, место учебы, место службы, точная дата смерти), можно сделать обоснованное предположение: Арсемик Барятинский-Чермоев числился в штате императорского конвоя под именем Александра Александровича [8].

Таким образом, вероятнее всего, Владимир Александрович Чермоев является сыном Арсемика-Александра Чермоева-Барятинского.

Его судьбу несложно проследить по документам личного дела.

Владимир Александрович Чермоев родился 23 февраля 1866 года. Если наша версия справедлива, через год он потерял отца.

Образование Владимир получил во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. 2-й корпус традиционно ориентировался на подготовку будущих артиллеристов и военных инженеров.

28 сентября 1882 года Чермоев был определен на военную службу. Он поступил в Николаевское инженерное училище – ведущее военно-учебное заведение Российской империи, готовившее офицеров инженерных войск.

В 1885 году Владимир Чермоев окончил инженерное училище. К тому времени он имел звание подпоручика и был причислен к 12-му Великолуцкому полку. Вскоре после окончания училища, 7 августа 1885 года, молодой военный инженер был переведен в лейб-гвардии Московский полк.

Московский полк, несмотря на название, был расквартирован в Санкт-Петербурге, в районе Фонтанки. Как все русские гвардейские полки, он имел славные боевые традиции: первое крещение получил в битве при Бородино, затем участвовал в боях при Люцене, Бауцене, под Дрезденом, Лейпцигом, Парижем и в других сражениях наполеоновских войн.

Владимир Чермоев прослужил в Московском полку почти три десятка лет – с 1885-го по 1913 год. В 1891 году он получил чин поручика, в 1897 – штабс-капитана, в 1900 – капитана, 1907 году – полковника.

За годы службы награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней (последний – в 1908 году), Св. Анны 3-й и 2-й степеней (последний – в 1911 году), Св. Владимира 4-й степени (1913).

8 октября 1913 года полковник Чермоев был назначен командиром 94-го пехотного Енисейского полка.

Полк был расквартирован в Пскове. Накануне, в июле, состоялись торжества по случаю 100-летнего юбилея полка. На праздник в Псков прибыл сам император, вручивший новое полковое знамя.

Ровно через год, в июле 1914 года, Енисейский полк под началом Чермоева был отправлен на западную границу.

1 августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Полк Чермоева был включен в состав 24-й пехотной дивизии, которая входила во 2-ю Армию под командованием генерала Самсонова.

В начале августа 1914 года армия Самсонова развернула успешное наступление в Восточной Пруссии, нанеся ряд поражений германским вой-

скам. Однако Самсонов слишком увлекся наступлением и к середине августа 2-я Армия попала в окружение и была разбита в битве при Танненберге.

Енисейский полк под командованием Чермоева сражался в первых рядах и нес большие потери.

Осенью 1914 года русским войскам пришлось перейти к обороне, отражая немецкое наступление на Варшаву и Ивангород. В это время 24-я дивизия получила приказ форсировать реку у деревень Квасовец и Казимиржев, выбить немцев с левого берега и укрепить плацдарм.

Утром 10 октября началось наступление, в котором участвовали 94-й Енисейский и 93-й Иркутский полки. Тыл прикрывал 96-й Омский полк, огневое прикрытие обеспечила 24-я артиллерийская батарея.

Так как мост через Равку был разрушен, солдаты преодолевали реку на плотах, бревнах, даже на воротах, добытых на ближайшем хуторе. Когда с большим трудом удалось перебраться на вражеский берег, русские части столкнулись с мощной обороной немцев. Германская артиллерия открыла огонь по противнику. Только с наступлением темноты бой прекратился. Плацдарм на левом берегу Равки был захвачен.

11 октября сражение возобновилось с новой силой. Енисейцы наступали на фольварк (поместье) Марианов, за которым стояли немецкие пушки, обстреливавшие русские позиции. К вечеру вражеская оборона была сломлена. Решительным ударом солдаты ворвались на батарею, захватив шесть орудий противника.

За бой на Равке Енисейский полк получил Георгиевское знамя, а его командир полковник Чермоев и капитан Александр Федоров, руководивший атакой на Марианов, были награждены орденом Георгия IV степени [9].

Противостояние на Равке продолжалось несколько месяцев – осень 1914-го и зиму 1914/15 гг.

В начале 1915 года русские войска предприняли новое наступление. Енисейский полк стоял на южном фланге главного удара. Особенно жаркий бой произошел у деревни Моцарже, в долине реки Бобр (Бибржа), Ломжинская губерния.

Атака началась в ночь на 19 февраля. Задачей енисейцев было выбить немцев из хорошо укрепленного пункта. Рота под командованием подпоручика Андреева, невзирая на шквальный огонь, ворвалась во вражеские траншеи. Лишь ценой больших жертв Моцарже была взята [10].

В результате успешного прорыва русских войск немецкое командование, чтобы избежать окружения своих частей, было вынуждено отступить от линии Черновцы-Цурин к Франценталю [11].

За образцовое исполнение воинского долга в защите Отечества 23 февраля 1915 года Владимир Чермоев Высочайшим приказом был пожалован чином генерал-майора.

16 сентября 1915 года генерал-майора В. Чермоева назначили командиром 1-й бригады 67-й пехотной дивизии. Эта дивизия была сформирована в самом начале войны в Великом Новгороде, на базе кадра ушедшей на фронт 22-й Новгородской дивизии. В состав 1-й бригады входили 265-й Вышневолоцкий и 266-й Пореченский полки.

С осени 1914 года в составе 6-го армейского корпуса 67-я дивизия принимала участие в боях на Северо-Западном фронте, в частности, в наступлении на Беляву. Владимир Чермоев со своей бригадой принимал участие в ожесточенных боях под Вильно и Минском.

В конце августа 1915 года германские войска под командованием генерала Эйхгорна прорвали русскую оборону севернее Вилькомира (Укмерге, Ковенская губерния) и подошли к Молодечно (недалеко от Минска). 67-я дивизия в составе 35-го корпуса прикрывала левый фланг обороны и проводила контратакующую операцию в направлении на Барановичи. После тяжелых боев дивизия была выведена на пополнение в район железнодорожной станции Столбцы [12].

В конце 1915 года после пополнения дивизия возвратилась на фронт. Части 67-й дивизии под командованием генерала В. Чермоева занимали позиции западнее южной части озера Нарочь, у фольварка Стаховцы.

В марте-апреле 1916 года дивизия участвовала в Нарочском наступлении, в целом неудачном для русской армии. Дивизия занимала позиции в тылу 2-й Армии, фактически составляя ее резерв. В ожесточенных боях 2-я Армия, понеся большие потери, в итоге продвинулась не более 10 км вперед. 67-я дивизия была направлена на передовую, в район Стаховцы, чтобы сменить измотанные сражением части.

В июле 1916 года 67-я дивизия в составе ударной группы Драгомирова участвовала в Барановичевской операции. Потери были настолько велики, что 67-я дивизия была выведена в армейский резерв до срока завершения операции.

За отличное командование бригадой в этих боях генерал-майор Чермоев был награжден Георгиевским оружием.

Осенью 1916 года 67-я дивизия под командованием генерала В. Чермоева вернулась на фронт и заняла позиции в районе Горное Скробово, в конце года – вновь у Стаховцов. Бойцы проводили подготовку к окопной войне, устанавливали проволочные заграждения, проводя при этом локальные столкновения и перестрелки с противником [13].

17 февраля 1917 года Владимир Чермоев был назначен командиром формируемой 170-й пехотной дивизии. Однако через неделю после назначения в России произошла революция.

Несколько революционных месяцев Чермоев фактически был не у дел и находился в резерве Московского военного округа. 1 октября 1917 года он был назначен командующим 1-й гренадерской дивизии.

К сожалению, информации о судьбе В. Чермоева после 1917 года практически нет. Достоверно известно, что он не принимал участия в Белом движении и после окончания гражданской войны остался в СССР.

К началу 1930 годов Владимир Чермоев был безработным и жил в Ленинграде. В это время в Советском Союзе начались массовые репрессии в отношении бывших офицеров императорской армии.

Одним из наиболее громких дел было дело «Весна» (также известное как «Гвардейское дело»). В Ленинграде по делу «Весна» было арестовано более 2 тыс. человек бывших высших офицеров царской армии: генерал-лейтенант А. Снесарев – бывший руководитель Академии генштаба РККА, генерал-майор А. Свечин – бывший начальник Всероссийского главного штаба при командовании РККА, генерал-майор П. Сытин – член Реввоенсовета СССР, генерал-майор М. Бонч-Бруевич – бывший начальник Полевого штаба РВС и многие другие царские офицеры, перешедшие на сторону большевиков [14].

Попал в жернова ГПУ и Владимир Чермоев [15]. В 1931 году он был арестован по обвинению в принадлежности к «Ленинградской контрреволюционной организации» и по решению тройки расстрелян не ранее 1931 года [16].

Список использованных источников и литературы

1. Летопись войны, 1916, 3 декабря, №120. С. 1929.
2. Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07. 1916. – Петроград, 1916. – С. 140.
3. См.: Ибрагимова З. Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). Монография. – М., 2006. – С. 56.
4. Там же. С. 202.
5. ЦГА РД, ф. 105, оп. 2, д. 74, лл. боб, 6 об, 8 об.
6. Ибрагимова З.Х. Указ. соч. – С. 195, 200.
7. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории / Сост. Р.К. Кармов, М.И. Айдаболова. – Нальчик, 2002. – С. 68.
8. Отметим, что в то время среди офицеров российской армии кавказского происхождения, хотя и не часто, но встречались факты «русификации» горских или мусульманских имен: Федор-Тембот Бекович-Черкасский, Александр-Заурбек Даутоков-Серебряков, Игнатий-Асланбек Туганов, Иосиф-Созырко Хоранов и др.
9. Михайлов А.А. Очерк истории 94-го Енисейского полка II Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1999. №10. С. 116, 117.
10. Там же. С. 117.
11. Природа и люди. 1915. №20.
12. Калинкин В. Боевой путь 67-й пехотной дивизии в Первую мировую / Проза.ру., свидетельство о публикации №211040301072.
13. Калинкин В. Указ. соч.
14. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М., 2000.
15. Музаев Т.М. Генерал Владимир Чермоев – герой Первой мировой войны //Архивный вестник. Историко-документальный бюллетень. Выпуск 2. 2015. С. 121–127.
16. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. Раздел II. – М., 2000.

Тесаев З.А.

АРЦУ ЧЕРМОЕВ
(1825–1895)

Арцу Чермоев родился 16 июля 1825 года. Фамилию Арцу получил по отчеству (в чеченском языке оно стоит перед именем – Чермон Орцу). Будущий генерал-майор царской армии был женат на трех женщинах, которых звали Тавруз, Зайбула и Чунка, и имел 11 детей. От Тавруз у Арцу были сыновья: Арслахан, Арсемик-Барятинский, Даниэль-Султан, Абдул-Азиз; от Зайбулы – сыновья: Абдул-Муслим, Абдул-Меджид (он же Тапа), дочери: Сапийнат, Сабий-Бат, Кабахан, Айзанат; от Чунки – дочь Ольмисха.

До 1871 г. в отдельных документах А. Чермоев фигурировал как Арц Чермоев и Арц Чермаев. В армию Арцу вступил «волонтером» 2 июля 1842 года. По-видимому, решение о вступлении в ряды царских войск было обусловлено также фактом службы его отца.

5 января 1846 года Чермоева назначили переводчиком восточных языков и произвели в прапорщики милиции. О времени службы А. Чермоева в документах сообщается, что к выслуге на государственную пенсию принимался отрезок от 5 января 1846 по 24 сентября 1871 года. Имеются и подробные сведения о званиях и должностях Арцу до 1871 года:

1. Подпоручик с 27.08.1849;
2. Поручик с 15.03.1852;
3. Штабс-капитан с 13.06.1852;
4. Капитан с 18.07.1854;
5. Майор с 26.08.1856;
6. Подполковник с 29.05.1859;
7. Начальник Ичкеринского участка (с 1861 г.);
8. Полковник с 18.12.1862;
9. Начальник охранной стражи с 1.05.1863;
10. Командующий 2-м дивизионом Терского конно-иррегулярного полка с 18.07.1864;
11. Командир 5-й сотни Терской постоянной милиции с 26.02.1866;
12. Генерал-майор (был зачислен по армейской кавалерии и освобожден от должности командира 5-й сотни Терской постоянной милиции с 24 сентября 1871 года).

Вплоть до окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе Арцу Чермоев продолжал состоять в армии в должности переводчика восточных языков. 20 июня 1856 года капитан Арцу Чермоев был рекомендован к направлению в Москву в качестве кавказского депутата на августовскую церемонию коронации Александра II, поскольку Арцу знал чеченский, кумыкский, осетинский и, собственно, русский языки. Обстоятельство немаловажное, поскольку представители разных кавказских народов не могли общаться друг с другом без переводчика. Рапорт с прекрасной характеристикой и рекомендацией был подан командующим Левым флангом Кавказской линии генерал-майором Евдокимовым Козловскому.

Арцу Чермоев принимал участие в действиях армии на Кавказе в 1842–1860 годах и в 1864 году. Арцу Чермоев в звании штабс-капитана в составе милиции Егерского Генерал-Адъютанта Князя Воронцова полка под руководством генерал-майора Бакланова 6 марта 1854 года участвовал в столкновении при движении от укрепления Урус-Мартан вверх по течению р. Тенги между разрушенными аулами Белгатой и Чугой. 2–4 июля 1854 года Арцу Чермоев в звании штабс-капитана участвовал в экспедиции генерал-майоров Бакланова и Пулло в междуречье рек Шавдона и Басса, предпринятой из укрепления Воздвиженского. Столкновения происходили с войсками, предводительствуемыми наибом Талгиком. 16 июля 1854 года Арцу Чермоев в составе полусотни Грозненской милиции под командой штабс-капитана Арамовича участвовал в разведке окрестных крепости Грозной сел. Наткнувшись на отряд численностью более 150 человек, милицейская полусотня, спешившись, заняла оборону, окружив себя лошадьми. Бой, продолжавшийся более часа, окончился с приходом подмоги из крепости и ближайших аулов. Генерал-майор барон Врангель позднее писал в рапорте

Военному Министру князю Долгорукову о том, что хладнокровная распорядительность и мужество штабс-капитана Арамовича и Арцу Чермоева стали причиной малой потери со стороны отряда. После рассвета 1-го сентября 1854 года Арцу Чермоев из крепости Грозной в составе милиции экспедиционного корпуса, руководимого генерал-майором Врангелем, перешел р. Аргун у с. Топли. В пространстве между рр. Аргун и Джалка состоялось сражение. Также Арцу Чермоев в звании капитана участвовал в декабрьских рейдах в том же междуречье рр. Аргун и Джалка. Подполковник Белик в своем рапорте сообщал об участии сотни милиции под командованием майора Арцу Чермоева в нападении на бекет, состоявший из 8 человек и взятый в бою шашками. Событие произошло в 1857 году на Устархановском поле между рр. Гойта и Энгелик.

В 1859 году, состоя в милиции в звании подполковника, Арцу продолжал числиться словесным переводчиком Левого фланга. Лишь в 1861 году, когда пленением Байсангура Беноевского прекратилось сопротивление чеченцев, Арцу назначили Начальником Ичкеринского участка.

В 1860 году военное командование ходатайствовало о выделении Арцу Чермоеву и некоторым другим офицерам-туземцам царской армии земельного надела на территории Терской области. В рапорте Помощника Командующего войсками в Кубанской и Терской областях по управлению Терскою областью за № 1267 от 22-го мая 1861 года на имя вышеупомянутого А.П. Карцова сообщалось о разрешении отвести в потомственное владение земельные участки полковнику Курумову и подполковнику Чермоеву. Согласно рапорту, указанные участки уже были выделены офицерам. Планы и межевые журналы, упомянутые в рапорте на имя А.П. Карцова, представляли собой карту Ханкальских гор с нанесенными на нее чертежами передаваемых офицерам земельных наделов.

Постоянное упоминание Касима Курумова и Арцу Чермоева вместе было неслучайным. На вышеупомянутой карте желтым и синим цветом обозначены территории, выделенные А. Чермоеву и К. Курумову, соответственно. Раздел их наделов был произведен по естественному водоразделу речки, протекающей между высотами Суьйра-Корта и Джами-Барз по территории местности Шина-Суьйра-юкъ (с. Пригородное). Как следует из материалов документов, Чермоеву и Курумову было выделено по 556 десятин земли. Однако завершение оформления указанных наделов растянулось на несколько лет. М.Т. Лорис-Меликов в письме А. Карцову (№ 1181 от 12-го мая 1865 г.) разъяснял, что причиной столь длительной задержки было желание отложить решение земельного вопроса до начала работы Комиссии Терской области по личным и поземельным правам коренного населения региона. Окончательно вопрос решился, вероятно, в 1867 году, что следует из предписания царя к начальнику Терской области от 6 апреля 1867 года за № 1543.

На карте 1877–1878 гг. в Ханкальском ущелье отображены напротив друг друга населенные пункты «Арцу-юрт» и «Касим», которые ясно указывают на имения Арцу Чермоева и Касима Курумова. Границей между населенными пунктами служила дорога, идущая от Старых Атагов к Ханкальскому посту вдоль речки Шовда, или Хан-Кала (на карте 1825 года обозначен одноименный хутор Шавдон на левом берегу речки у восточного склона Суьйра-Корта). Современные 35-й, 58-й участки Грозного, а также все левобережье р. Хан-Кала, или Шовда, на протяжении почти 4 км входили в чермоевский надел. Урочище на восточной стороне Суьйра-Корта и ныне известно как Орцин мохк. Другое название – Шина Суьйран юкъ. Примечательно, что именно здесь Таймиев Бей-Булат расположил пятисотенный гарнизон (постоянные войска), охранявший Ханкальское ущелье. Место это именовалось Таймин Бийболатан бIо лаьттина меттиг.

Отметим также, что в середине 70-х годов XIX века в Грозном в числе 468 каменных и кирпичных строений был дом Арцу Чермоева.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Арцу Чермоев командовал Чеченским Конно-иррегулярным полком. Данный полк был сформирован 15 января 1877 года и к середине февраля уже насчитывал около 600 человек из округов Терской области, населенных чеченцами. При наступательных действиях в Восточной Турции полк принял участие в Авлияр-Аладжинском сражении на передовых позициях. Как писали в «Тифлисском вестнике», чеченцы неслись вперед и вперед, подобно урагану. Окончание упомянутого сражения открыло перед русской армией город Эрзерум. Однако в ходе боев Чеченский полк лишился более четверти личного состава, хотя и удостоился наградного знамени, а также знаков с надписью «За отличие в Турецкую войну» для головных уборов воинов.

В 1877 году, 12 апреля, Арцу Чермоев участвовал в событиях при переходе главных сил действующего корпуса на Кавказско-Турецкой границе под командованием генерал-адъютанта Лорис-Меликова и авангарда Ахалцихского отряда, которым командовал генерал-лейтенант Девель. 24 апреля Арцу состоял в отрядах, захвативших город Кагызман. Имеются подробные сведения об участии А. Чермоева в русско-турецком конфликте до октября 1877 года.

Вместе с тем, сразу с началом русско-турецкой войны на Кавказе вспыхнуло восстание, которое, по иронии судьбы, возглавил родной кузен А. Чермоева по его отцу – Алибек-Хаджи Алдамов. Арцу был внезапно отозван с фронта. Чеченский полк оставался при действиях на турецком фронте. Чермоеву была поручена миротворческая миссия: убедить кузена, а вместе с ним – других восставших, отказаться от своего замысла и разойтись по домам. 16 мая А. Чермоев, согласно документам, присутствовал при действиях Свистунова во главе Даргинского отряда в хуторах Байтарки, Симсар и близ

Юрт-Ауха. Однако уже 20 мая Чермоев принимал участие в рекогносцировке Лорис-Меликовым Шорахских и Чахмахских укреплений, т.е. на турецком фронте, что указывает на краткосрочность поездки Арцу. Турецкий город Карс войска, в том числе полк Арцу, начали осаждать 22 мая. Учитывая же тот факт, что Чермоев прибыл из Грозной в Ножай-Юрт лишь 8 мая, его пребывание в юго-восточной Чечне продлилось не более недели, а значит участия в подавлении восстания Алибека-Хаджи он не принимал, а попытки убедить Алдамова отказаться от сопротивления оказались безуспешными.

Уже к 80-м годам был поднят вопрос о введении воинской повинности в Терской области. 18-го ноября 1883 года на совещание по вопросу введения воинской повинности в качестве эксперта был приглашен Арцу Чермоев. Однако вместо обязательной службы было принято решение о введении налога, сохраняя при этом право добровольного вступления в ряды царских войск.

В 1888 году вошедший на престол император Александр III приехал на Кавказ, прибыв во Владикавказ через Ростов-на-Дону. Во Владикавказе по случаю приезда монаршей особы состоялся большой парад, на котором сборный полк Терской области возглавлял генерал-майор Арцу Чермоев. Здесь же присутствовала и большая чеченская делегация.

В феврале 1894 года на сына Арцу Чермоева Даниэль-Султана Чермоева была написана анонимка с обвинениями в возмущении народа, политических призывах к отмщению и т.д. Начальник Грозненского округа Терской области Степанов, проводивший расследование, не нашел подтверждения фактам указанным в анонимке. Дело было закрыто 19-го апреля 1894 года.

Арцу Чермоев скончался в сентябре 1895 года. В свидетельстве о смерти Арцу имелось обобщенное указание на место его захоронения. Русскоязычный перевод арабского текста документа буквально сообщал следующее: «Свидетельство. Я, Грозненский Окружной Кадий, сим свидетельствую, что в городе Грозном умер 27-го Сентября 1895-го года Генерал-Майор Арцу Чермоев, который похоронен в собственном имении, отстоящем от города Грозного в 8-ми верстах (Ханкальское ущелье), в чем подписом и приложением именной печати свидетельствую. 2-го Октября 1895 года, гор. Грозный, Грозненский Окружной Кадий.

С арабского на русский язык переводил Кадий Юсуп Абдулкадыров» [1, л. 7].

Мемориал над могилой А. Чермоева представлял собой огромную плиту, выложенную поверх могилы, и памятную стелу в виде дерева. По свидетельству уроженцев селения, памятник демонтировали в последней четверти XX века: стелу выставили в краеведческом музее в Грозном, а затем убрали. Позднее мы выяснили, что монумент долгое время хранился в запасниках

музея. В настоящее время стела выставлена у входа в Национальный музей Чеченской Республики.

Арцу Чермоев одним из первых чеченцев дослужился до звания генерала российской армии. Его соратники, а также подчиненные Чеченского полка не раз добывали себе славу и признание на внешних фронтах в боях за интересы Российской империи. К концу своей военной карьеры Арцу стал одним из самых известных и приближенных монаршей семьей «туземцев» Северо-Восточного Кавказа.

Арцу Чермоев сыграл важную роль в деле укрепления русско-чеченского боевого содружества, заложив, по всей видимости, основы для возникновения его нового образа.

Список использованных источников и литературы

1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 20081.
2. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6644. Ч. 3.
3. Ибрагимова, З.Х. Мир чеченцев. XIX век / З.Х. Ибрагимова. – М.: Пробел–2000, 2007. – 1024 с.: ил.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1904. – 1552 с.
5. Ибрагимова, З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период / З.Х. Ибрагимова. – М.: Пробел–2000, 2006. – 756 с.: ил.
6. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.
7. ЦГИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3214.
8. РГВИА. Ф. 15261. Оп. 1. Д. 144.
9. Записал З.А. Тесаев со слов А.А. Дабаева (1956 г.р.). Пригородное, 2013.
10. Саидов, И.М. Некоторые особенности общественного быта / И.М. Саидов // Очерки истории ЧИАССР. – Грозный, 1967. – Т. 1.
11. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 84.
12. Потто, В.А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года / В.А. Потто. – Тифлис, 1889. – [4], 228 с.
13. АУП ЧР. Ф. 236. Оп. 2. Д. 386.
14. Аюбов, З.У. Рогун-Кажа и рогункажинцы / З.У. Аюбов // Вайнах. 2017. №4. С. 91–96.

РАЗДЕЛ 4.

ЧЕЧЕНЦЫ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ XX – НАЧАЛА XXI вв.

Берсанова З.Х.-А.,
Сайдумов Д.К.

АБДУРАХМАНОВ ДУКУВАХА БАШТАЕВИЧ
(1956–2015)

Дукуваха Баштаевич Абдурахманов родился 14 марта 1956 года в городе Караганда Казахской ССР. Он рос в исключительно благочестивой семье, где нравственные, духовные ценности народа стояли на первом месте, оказывая сильное влияние на воспитание детей.

«Дукуваха с детства вобрал в себя то, что мы понимаем под очень емким словом «Нохчалла». Именно этот стержень в круговороте больших и малых событий, прокатившихся по Чечне, помог ему взойти на политический олимп и остаться самим собой», – говорят о нем коллеги.

После окончания средней школы в 1974 году в с. Джалка Гудермесского района ЧИАССР Д. Абдурахманов был призван в ряды Советской Армии, служил в Монголии, получил офицерское звание.

В 1979 году поступил и в 1985 г. с отличием окончил исторический факультет, а в 1994 г. – экономический факультет Чечено-Ингушского государственного университета.

После демобилизации с 1978 по 1987 год работал преподавателем истории в Джалкинской средней школе Гудермесского района Чечено-Ингушской АССР. С 1987 по 1990 год – председатель сельского совета (с. Джалка); в 1990 г. был назначен председателем Гудермесского горисполкома; 1992–1993 гг. – глава администрации Гудермеса; 1995–1996 гг. – заместитель министра сельского хозяйства Чеченской Республики; в 2000 г. занимал должность заместителя главы администрации г. Аргун Шалинского района по сельскому хозяйству.

Дукуваха Абдурахманов оказался на гребне власти в очень сложное и смутное для республики время, когда на митинговой волне при попустительстве тогдашнего руководства страны рушились устоявшиеся порядки, приближая хаос и беззаконие.

Большинством голосов в 1992 году Дукуваха Баштаевич был избран мэром г. Гудермес. Ситуация в республике в то время вылилась в откровенное противостояние цивилизованной части общества и деструктивных сил, нацеленных на вооруженный конфликт.

В ответственный момент, когда надо было становиться по ту или эту сторону баррикад, на Театральной площади в ходе оппозиционного митинга прозвучало: «Гудермес отказывается подчиняться режиму Дудаева!» За этим, вне всяких сомнений, очень смелым в той ситуации решением стоял Дукуваха Абдурахманов.

Последствия такого заявления не заставили себя долго ждать. Против Дукувахи начались гонения. На него было совершено несколько покушений.

В июне 2000 года Главой Администрации Чеченской Республики был назначен Ахмат-Хаджи Кадыров. С его назначением началась решительная борьба против анархии, беспредела и беззакония, которые царили в республике более десяти лет. Одним из самых ценных помощников А.-Х. Кадырова в эти нелегкие времена стал Д.Б. Абдурахманов. Грамотный, принципиальный, в то же время готовый к компромиссным решениям, когда этого требовали интересы народа, – именно такие черты Дукувахи Баштаевича пришлись по душе Ахмату-Хаджи Кадырову. Именно такие люди нужны были ему в команде, чтобы решать стоящие перед республикой сложнейшие проблемы.

В 2000 году Дукувахе Абдурахманову доверили пост министра сельского хозяйства и продовольствия. Это было одно из самых важных направлений в экономике республики. С назначением Дукувахи Баштаевича произошли заметные сдвиги в пищевой промышленности, земледелии, семеноводстве, животноводстве. Утверждаясь на политической арене, он остался верен себе, своим принципам и своим взглядам на жизнь. Главное отличительное качество Дукувахи Абдурахманова – это его человечность.

Со временем Дукуваха Баштаевич стал одним из самых надежных соратников Ахмата-Хаджи Кадырова, стремившегося объединить чеченский народ и вывести его на путь мира и созидания. Именно он руководил выборными

кампаниями, возглавлял штаб по проведению референдума по принятию Конституции Чеченской Республики, стоял у истоков создания в республике Регионального отделения Партии «Единая Россия», участвовал в качестве кандидата в депутаты Парламента первого созыва. Избрание Дукувахи Абдурахманова депутатом Парламента, а затем и Председателем Парламента Чеченской Республики явилось логическим продолжением его политической карьеры.

После трагической гибели Первого Президента Чеченской Республики Дукуваха Баштаевич оставался надежной опорой команды и сразу же стал ближайшим сподвижником Члена Высшего совета Партии «Единая Россия», Главы Чеченской Республики, Героя России Рамзана Кадырова, перенявшего эстафету отца по восстановлению республики и утверждению ее в правовом пространстве России.

12 декабря 2005 года Абдурахманов был избран председателем Народного собрания (Нижней палаты парламента) Чеченской Республики.

В конце 2007 года были приняты поправки к Конституции Чеченской Республики, согласно которым, в частности, парламент в республике становился однопалатным. В июне 2008 года Народное собрание объявило о самороспуске.

Осенью 2008 года Абдурахманов был единогласно избран председателем нового однопалатного парламента ЧР – Законодательного собрания.

В июле 2009 года Д. Абдурахманов участвовал в проводившемся в Норвегии «Форуме за мир в Чечне», на котором обсуждались перспективы установления в Чечне долгосрочной стабильности, встречался с представителями чеченских боевиков. Спикер чеченского парламента провел двухдневные переговоры с Ахмедом Закаевым в Осло. 26 июля Закаев объявил о том, что с 1 августа «силы сопротивления» прекратят боевые действия против чеченской милиции, а переговоры между представителями правительства Рамзана Кадырова и самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) пройдут в Лондоне.

В конце октября 2009 года, после фактического провала переговоров между правительством Кадырова и Закаевым, Абдурахманов издал распоряжение «О роспуске телефонных «парламентов» и «правительств», а также «кавказского эмирата» и других структур, объединений и групп чеченцев, созданных за пределами Чеченской Республики, либо от имени чеченского народа и не соответствующих Конституции ЧР». По признанию самого чеченского спикера, документ имел «морально-психологическое значение».

Ни одно событие, ни одна политическая акция не проходили в республике без активного участия Дукувахи Абдурахманова. Он стал инициатором многих идей и разработок, направленных на оздоровление экономической и социальной жизни республики. Ему принадлежит заслуга в успешном проведении целого ряда судьбоносных для жителей Чеченской Республики акций.

Будучи блестящим оратором и большим патриотом своего народа, он неоднократно выступал в российских СМИ с призывом не искажать исто-

рию, не устраивать травлю на людей по национальному признаку, не вешать негативные ярлыки на чеченский народ, всеми силами бороться с любыми проявлениями терроризма и экстремизма, развивать культуру, повышать уровень образования и социального сознания у подрастающего поколения.

Несмотря на огромную занятость на основной работе, Дукуваха Баштаевич много времени уделял общественной работе. Он являлся заместителем секретаря Чеченского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» и сопредседателем Совета Ассамблеи народов Чеченской Республики. Был сторонником идеи воссоединения Чечни и Ингушетии в единый субъект федерации.

С 24 января 2006 года Абдурахманов возглавил парламентскую комиссию по розыску похищенных и пропавших без вести граждан республики.

В марте 2007 года Дукуваху Баштаевича приняли в Союз писателей России. В декабре 2008 он был избран председателем Союза писателей Чечни (с мая 2009 года являлся его почетным председателем).

С октября 2009 года Дукуваха Абдурахманов являлся членом Попечительского совета киностудии «Чеченфильм», с декабря 2009 года – председателем Национального совета по кинематографии Чеченской Республики.

В январе 2010 года Д. Абдурахманов возглавил Комитет Чеченской Республики по делам ЮНЕСКО.

26 сентября 2013 года Дукуваха Абдурахманов был вновь избран Председателем Парламента Чеченской Республики.

Дукуваха Абдурахманов имел звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Чеченской Республики». Награжден орденами Почета, «Слава нации», «За развитие парламентаризма в ЧР», орденом Дружбы Республики Южная Осетия. Самой весомой его наградой был Орден им. Ахмата-Хаджи Кадырова.

За особые заслуги в формировании и становлении законодательной власти Абдурахманову было присвоено звание Почетного гражданина Чеченской Республики и вручена медаль «За заслуги перед Чеченской Республикой».

19 мая 2009 года спикер Государственной думы Федерального Собрания России Б.В. Грызлов вручил Д.Б. Абдурахманову Памятную медаль Государственной Думы РФ.

Д.Б. Абдурахманов – автор трех книг: «Чеченский парламент», «Миссия мира» и «Время перемен».

Дукуваха Баштаевич Абдурахманов скончался после продолжительной болезни 29 июня 2015 года. Похоронен в своем родовом селе Джалка.

2 июля 2015 года постановлением администрации Урус-Мартановского муниципального района средней школе № 1 города Урус-Мартан присвоено имя Дукувахи Баштаевича Абдурахманова.

Одна из центральных улиц города Грозный также носит имя этого достойного человека.

Магамадов С.С.

АВТОРХАНОВ СУПЬЯН ЭВТЕРБИЕВИЧ
(1951–2001)

Жизненный путь Авторханова Супьяна – это капля, в которой отразилась вся судьба чеченского народа, были счастливые моменты, наполнившие души людей гордостью за Отчизну, но были и страшные события, которые ввергли их в пучину безысходности. Но, как искра, неизменной оставалась надежда, которая помогала им выстоять и победить. Поколение людей 50–70-х годов отличало преданность порученному делу, оптимизм, верность дружбе народов, собранность, неистребимый задор, несмотря на испытания, выпавшие на его долю, тяжелые моральные и нравственные потрясения, через который прошел весь чеченский народ, тяготы, которые пришлось испытать в тяжелые 90-е годы XX столетия. Тому яркое подтверждение – жизнь и беззаветное служение своему народу С.Э. Авторханова.

Авторханов Супьян Эвтербиевич родился в 1951 году в селении Караван Янгинаукатского района Ошской области Киргизской ССР.

Главой семьи Авторхановых был Эвтерби, очень известный и уважаемый в Ножай-Юртовском районе человек. Он был основательно грамотным человеком, хорошо знал русский и чеченский языки, любил и прекрасно знал литературу, являлся одним из доверенных лиц одного из основоположников чеченской

литературы – Магомед-Салаха Гадаева. До выселения он длительное время работал управляющим Ножай-Юртовским районным отделением Госбанка СССР.

Эвтерби Авторханов вместе со своим народом проделал трагический путь в период насильственного выселения чеченского народа 23 февраля 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстан.

После восстановления государственности чеченского народа и выхода Указа о восстановлении Чечено-Ингушской АССР 9 января 1957 года Супьян Авторханов вместе со своими родителями и большой семьей вернулся в Чечено-Ингушетию в июне 1957 года.

С 1958 по 1968 год Супьян обучался в одной из самых престижных и замечательных школ – в Ножай-Юртовской средней школе № 1. Здесь проявились его черты характера: любовь к знаниям, скромность, принципиальность, желание быть полезным своему народу.

После окончания школы в течение трех лет, с 1968–1971 гг., он работал на различных должностях в Ножай-Юртовском районе. Именно в этот период определилось основное направление его трудовой деятельности – созидание нового и желание быть полезным своему народу. В то время он поставил перед собой цель – стать специалистом в области строительства и архитектуры. В 1971 году С. Авторханов поступил в Ростовский институт строительных инженеров на архитектурный факультет и с успехом окончил его в 1976 году. РИСИ был одним из ведущих специализированных вузов на юго-востоке России, который обеспечивал подготовку специалистов для строительной отрасли по широкому спектру специальностей и групп направлений подготовки дипломированных специалистов. Основаный 16 декабря 1943 года он имел богатую историю. В институте работал интернациональный высокопрофессиональный преподавательский коллектив, в котором были заложены прекрасные традиции, отличался многонациональностью и формировал в своих выпускниках целеустремленность и толерантность. Обучаясь в этом институте, Супьян Авторханов познал цену дружбе и взаимной выручке, здесь окончательно сформировались его качества как человека слова, гражданского мужества. Именно в эти годы вместе с братом Мусой они сумели сплотить вокруг себя студентов-земляков, создав в Ростове-на-Дону чеченское студенческое землячество. Это было важное общественное объединение, которое решало вопросы быта, учебы, взаимоотношений с руководством вуза, а при необходимости – и с городскими властями.

После окончания института С. Авторханов был направлен на работу в Чечено-Ингушетию в один из самых престижных проектных институтов – «Чечингражданпроект». Именно этот институт являлся головной (ведущей) проектной организацией и города, и республики.

В течение трех лет, до 1979 года, Супьян работал в должности старшего архитектора, а затем – главного архитектора в отделе генеральных планов проектного института.

В 1979 году Супьян был направлен главным архитектором в Ножай-Юртовский район, а с 1986 года был переведен начальником планового отдела Ножай-Юртовского райисполкома. С 1988 г. он работал председателем районной плановой комиссии Ножай-Юртовского районого совета народных депутатов.

В середине 1980-х г. Супьян Авторханов принимал активное участие в общественно-политической жизни республики.

Оценивая политическую ситуацию в этот период в стране и в республике, известный историк А.М. Бугаев написал: «Политическая активность в Чечено-Ингушской АССР, как и по всей стране, заметно возросла в конце – начале 1989 года. Обусловлено это было реальными либеральными преобразованиями в сфере государственного строительства, принятием действительно демократического закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» [1].

Середина 80-х гг. XX в. – время крутых перемен, гласности и демократизации советского общества. Именно в этот период обнажились социально-экономические просчеты руководства страны.

Принятие закона «О выборах народных депутатов СССР» и объявление выборов народных депутатов всколыхнуло общество. Конечно, опытный работник С. Авторханов не мог стоять в стороне от политических процессов.

В феврале–марте 1989 года С. Авторханов принял участие в подготовке выборов народных депутатов СССР которые состоялись 26 марта 1989 г. Он был выдвинут народным депутатом СССР от Ножай-Юртовского национально-территориального избирательного округа № 676 по ЧИАССР. По этому округу в выборах народных депутатов СССР участвовали 10 человек. Супьян вышел во второй тур и с явным перевесом выиграл выборы, став действительно народно-избранным депутатом.

Выборы народных депутатов СССР показали зрелость современного общества и его стремление к демократизации общества. Это были великие недели и месяцы в истории страны. Волнующие события, положившие практическое начало парламентаризму в СССР и в России. На наш взгляд, полного понимания значимости этого факта нет до сих пор. Это был крутой поворот, настоящая смена вех, за которой должна была последовать постепенная замена старых институтов власти и ее символики.

Первый съезд народных депутатов можно рассматривать как поворотное событие в истории нашей страны, ставшей важной вехой по пути отстранения КПСС от власти, перехода Советского Союза к рыночной экономике и подготовке к развалу и разрушению СССР.

Весна 1989 года стала судьбоносной в жизни Супьяна Авторханова. Он был избран народным депутатом СССР, тем самым возложил на себя тяжелую ношу выполнения своей предвыборной программы. Именно в этот период произошли трагические события в Чечено-Ингушетии, в том числе и в

Ножай-Юртовском районе, связанные с оползнями. Оползни весны 1989 г. по Чечено-Ингушетии затронули пять районов – свыше 85 населенных пунктов. Напряженность в Ножай-Юртовском районе крайне возросла, когда без крова осталось около 3 тысяч семей. Полностью были разрушены села Бильты, Центорой, Айти-Мохк, Мехкишты, Рогун-Кажа, Хочи-Ара.

Весь свой профессионализм и опыт Авторханов направил на расселение семей, оставшихся без крова. Именно в апреле–мае 1989 года ему удалось расселить пострадавшие семьи и на республиканском уровне заложить новые населенные пункты в Гудермесском и Грозненском сельском районах. В этот период были выделены земли и заложены селения Новый Энгеной, Бильтой-Юрт в Гудермесском районе, Новый Центорой – в Грозненском сельском районе. Обивая пороги многих министерств и ведомств, С. Авторханову удалось добиться оказания всевозможной государственной поддержки семьям, пострадавшим в период оползней. Будучи народным депутатом СССР, С. Авторханов никогда не упускал из виду проблемы вынужденных переселенцев.

На I съезде народных депутатов СССР С. Авторханов был избран членом комиссии Совета Национальностей по вопросам социального и экономического развития союзных и автономных республик, автономных областей и округов.

Государственная, политическая и общественная деятельность народного депутата СССР Супьяна Авторханова была направлена на реализацию общественно-политических и социально-экономических проблем, стоящих перед обществом в тот период.

Важное место в политической деятельности народного депутата Супьяна Авторханова заняли проблемы народов, подвергшихся в годы советской власти огульным обвинениям в пособничестве врагам советского государства и депортации с мест их исторического проживания. Совместно с группой народных депутатов СССР Супьян Авторханов стал инициатором и одним из авторов принятой Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», а также других законодательных актов.

Это был исторический документ. Говоря о значимости Декларации известный журналист Р. Звягельский писал: «Он не велик по объему, но сколь велико его содержание! Этот документ навсегда снимает с многих народов позорное клеймо сталинского геноцида и возвращает миллионам людей веру в справедливость – Декларация Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [2].

Важным шагом на пути восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных народов явилось иницианированное народными депутатами СССР, в том числе и С. Авторхановым, Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. № 2013-1 Об отмене законодательных актов в связи с декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Многогранная законотворческая деятельность Супьяна Авторханова вместе с другими народными депутатами успешно продолжалась. По настоянию инициативной группы депутатов 26 апреля 1991 года Верховным Советом СССР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». В Законе было определено понятие «репрессированные народы», виды реабилитации, признаны незаконными все правовые акты, в том числе местных органов власти и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права.

В связи с принятием Верховным Советом СССР и съездами народных депутатов СССР вышеназванных законодательных актов 11 декабря 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О жертвах политических репрессий в РСФСР».

В последующем Кабинет Министров СССР принял постановление «Об отмене постановлений бывшего Государственного Комитета Обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению».

26 апреля 1991 г. был принят один из важных Законов РСФСР – «О реабилитации репрессированных народов». В этих и других федеральных и республиканских законодательных актах однозначно и безоговорочно были определены и в правовом отношении оформлены два основных вопроса, связанных с репрессированными народами, в том числе и чеченцев:

• обвинение чеченцев, как и других репрессированных народов, в предательстве – это «политика клеветы», «клеветнические нападки» на целые народы;

• депортации народов, в том числе чеченцев, – это «тяжелейшие преступления» против «основ международного права», против «собственного государства», это «произвол и беззаконие», это «трагедия всей России».

Важным направлением в деятельности Супьяна Авторханова было создание «Независимого комитета по реабилитации и пропаганде творчества Абдурахмана Авторханова». Основан был комитет в августе 1990 г. в Грозном. Председателем комитета был избран народный депутат СССР С. Авторханов, а членами – С. Висаитов, Л. Яхъяев, В. Давлетукаев и др. Главной целью общественного комитета было возвращение гражданства Чеченской Республики профессору Абдурахману Авторханову, пропаганда его творчества и идей в Чечено-Ингушетии.

В октябре 1990 г. Супьян Авторханов побывал в ФРГ, в Мюнхене. В течение 4 дней он жил в семье знаменитого политолога, профессора Абдурахмана Авторханова. Все это время они провели в беседах, с разрешения нашего знаменитого земляка Супьян некоторые политические оценки и высказывания Абдурахмана записал на видеокасеты. Абдурахман Авторханов передал некоторую часть своего документального материала на родину. Вплоть до кончины Абдурахмана Авторханова Супьян поддерживал с ним тесный контакт, они созванивались и продолжали переписку.

Значительное место в деятельности народного депутата СССР Супьяна Авторханова заняла большая организационная работа по поиску документального материала по присвоению звания Героя Советского Союза полковнику Висаитову М.А. Он тесно поддерживал контакты с семьей М. Висаитова, особенно с его сыновьями Сайпи и Сулейманом. Супьян Авторханов неоднократно бывал в г. Подольске в архиве Министерства Обороны, делал депутатские запросы в центральные архивы, встречался с однополчанами и сослуживцами Мовлида Висаитова. Серьезную поддежку Супьяну в этом вопросе оказывали многие общественные деятели и журналисты. Особые доверительные отношения у Супьяна сложились с заместителем главного редактора журнала «Советский воин» и военным журналистом, полковником Р.А. Звягельским. Все новые документальные материалы, найденные в результате поисков и депутатских запросов, он передавал в редакцию, и они впервые печатались на страницах журнала «Советский воин» [3].

На очередном заседании съезда народных депутатов СССР в марте 1990 г. Супьян Авторханов долго беседовал с А.И. Лукъяновым и М.С. Горбачевым и лично передал им собранные документальные материалы, в числе которых были и наградные листы Мовлида Висаитова на присвоение звания Героя Советского Союза от 3 мая 1945 г.

5 мая 1990 г. был подписан Указ Президента СССР о присвоении звания Героя Советского Союза гвардии подполковнику Висаитову Мовлиду Алероевичу. Это была победа справедливости и всего чеченского народа.

Будучи интернационалистом по духу и по состоянию души, патриотом своего народа Супьян Авторханов сделал очень много для поиска могилы первого имама Кавказа Шейха Мансура. Он неоднократно обращался к руководству Шлиссельбургской крепости в Ленинградской области, писал депутатские запросы для установления места его захоронения. Не получив положительного ответа, С. Авторханов весной 1991 г. выехал в г. Орешек и Шлиссельбургскую крепость и вёл поиск документальных материалов о судьбе Шейха Мансура. К сожалению, дестабилизационные процессы и развал Советского Союза в 1991 г. не позволили ему завершить этот важный поиск.

Будучи человеком слова и дела, С. Авторханов старался выполнять все предвыборные обещания, данные избирателям. Двери его дома всегда были

открыты перед простыми избирателями и гражданами. Несмотря на занятость законотворческой деятельностью в Москве, он всегда находил возможность выслушать и помочь землякам [4].

Десятки людей, обращались к народному депутату С. Авторханову с просьбой в устройстве своих дел в Москве и за ее пределами. Невозможно перечислить имена людей, которых он устроил в лечебные учреждения столицы. С. Авторханова можно было видеть в кабинете министра здравоохранения Е.М. Чазова, на приеме у руководства Российского Онкологического Центра РАМН им. Блохина и НИИ Онкологии им. Герцена. Интересна судьба сына жителя с. Байтарки Ножай-Юртовского района У. Гайтарбиева, опубликованная на страницах газеты «Халкъан дош». Отчаявшись получить помощь в лечении сына У. Гайтарбиев обратился к С. Авторханову. Благодаря помощи и заботам Супьяна ему «удалось госпитализировать в лучшую клинику Москвы обреченного сына» и получить своевременную и качественную медицинскую помощь [5].

Кто бы к нему не обращался, он сам лично решал все вопросы, связанные с лечением, обустройством на работу, получения жилья и т.д.

Авторханов всегда был в гуще масс, ни одно общественно значимое событие не проходило без его участия.

В служении народу Авторханов быстро набирался политического опыта, с прозорливостью государственного деятеля высокого ранга он одним из немногих разглядел истинную подоплеку событий 1991 года, всеми возможными средствами и методами стремился предотвратить нависшую над чеченским народом беду [6].

Без устали, несмотря на свою занятость, народный депутат СССР Авторханов проводил огромную работу по стабилизации политической жизни Чеченской Республики в 1990–1992 гг.: неоднократно встречался с населением республики, с руководством, принимал активное участие в телевизионных передачах, проводил встречи с руководством ОКЧН [7].

Во время выборов президента и парламента ЧР 27 октября 1991 г. выступил против раскола Чечено-Ингушетии и узурпации власти исполнительным комитетом Общенационального конгресса чеченского народа.

Супьян Авторханов как народный депутат СССР в последний раз принимал активное участие в работе V Съезда народных депутатов, который был созван 5 сентября 1991 года. Именно V съезд принял решение о самороспуске. 27 декабря 1991 года в связи с прекращением существования Союза ССР и образованием Содружества независимых государств Верховный Совет РСФСР постановил прекратить депутатскую деятельность народных депутатов СССР на территории Российской Федерации со 2 января 1992 года.

В 1995–1996 гг. Авторханов работал заместителем префекта по строительству в Ножай-Юртовской районной администрации, а с 1997 по 1999 г. он возглавил ООО «Фирма «Терк».

12 июня 2000 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина Главой Чеченской Республики был назначен А.А. Кадыров. Дальнейшую свою судьбу С. Авторханов связал с Ахматом-Хаджи Кадыровым.

С 1 сентября 2000 г. по февраль 2001 г. Супьян Авторханов работал заместителем председателя государственного комитета Чеченской Республики по делам беженцев и вынужденных переселенцев. Он все время находился во временных лагерях беженцев, оказывал посильную помощь, лично участвовал в распределении гуманитарной помощи.

С. Авторханов с болью в сердце воспринимал горе и страдания всех жителей республики. Это подточило его моральные и физические силы.

Следуя завету своего отца, дети Эвтерби вели и ведут исключительно скромный образ жизни. Сам Супьян почти до конца своей жизни прожил в маленьком коммунальном доме в с. Ножай-Юрт, добровольно сдал государству две квартиры в г. Москве, одна из которых ему была завещана умершим коллегой по Верховному Совету.

Большую помощь в политической деятельности Супьяну Авторханову оказала его супруга Насуханова Марьян Адиевна, с которой он связал свою судьбу в 1975 году. У четы Авторхановых выросло 4 детей (Румиса, Беслан, Бекхан, Эльмира), которые и сегодня принимают активное участие в жизни нашей республики.

В 2001 г. после тяжелой непродолжительной болезни Супьян Эвтербиевич Авторханов умер. Мало кому удается прожить жизнь так ярко и насыщенно, надолго оставить память о себе в открытиях, гражданском подвиге, в ратном труде, в скромности и в отношениях с людьми.

Светлый образ этого скромного и обаятельного человека, верного сына чеченского народа навсегда останется в сердцах благодарных потомков.

Список использованных источников и литературы

1. Бугаев А.М. Политический кризис в Чечено-Ингушетии на рубеже 80-х гг. XX в.: предпосылки, причины, последствия // Теория и практика общественного развития. 2015 г. № 21.

2. Звягельский Р. Комполка Висаитов. Очерк. // Вайнах. 2008. № 5. С. 9.

3. Звягельский Р. Комполка Висаитов // «Советский воин». 1990, март. № 5 (1625). – С. 64–68.

4. Газета «Терская новь». 17 сентября 2001 г. № 8 (72736).

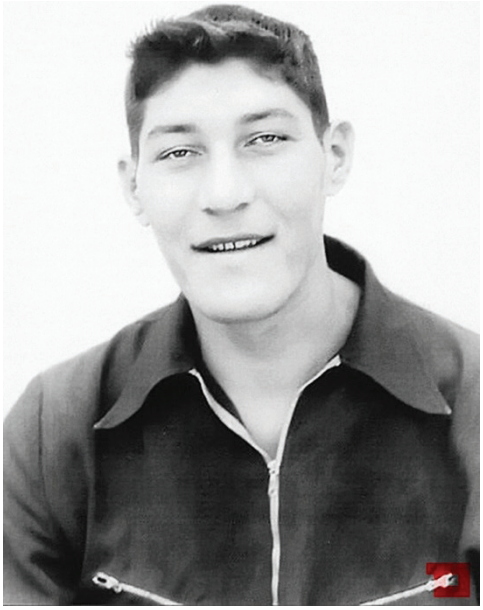
5. Голос Чеченской Республики. Ноябрь 2006 г. № 21 (21160).

6. Газета «Терская новь». 17 сентября 2001 г. № 8 (72736).

7. Информационно-публицистическая программа «Зама». 1991 г. https: //www. youtube. com/watch?v=iSORVvemDVW. Дата обращения 20 мая 2020.

Сайдумов Д.Х.

АХТАЕВ УВАЙС МАЖИДОВИЧ
(1930–1978)

Ахтаев Увайс Мажидович родился 26 декабря 1930 года в селении Вашендарой Шатойского района Чеченской Автономной Области. Советский баскетболист-гигант. Баскетболист сборной СССР. Выступал за алмаатинскую баскетбольную команду «Буревестник». Тренер мужской и женской сборной по баскетболу Чечено-Ингушской АССР.

Приходу Ахтаева в большой спорт способствовал случай, произошедший с юным Увайсом во время ссылки в Казахстане, где его семья, как и весь чеченский народ, находилась в насильственном выселении. Увайс Ахтаев со своими сверстниками пытался вынести шпалы с территории одной из организаций, чтобы сбыть и купить продукты для семьи. То было сложное для вынужденных переселенцев время жесточайшего голода и лишений. Но Увайс был задержан милиционерами, среди которых оказался сердобольный сотрудник милиции, понявший истинную причину действия подростков. Оценив богатырские физические данные Увайса Ахтаева, который в момент задержания в руках спокойно нес тяжелую шпалу, он привел юного чеченского подростка в спортивную секцию борьбы.

Спортивным и жизненным призванием У. Ахтаева стал баскетбол. Спортивный мир открыл ему тренер Исаак Копелевич. Рост юноши, его фи-

зические данные были идеальными для занятия именно этим видом спорта, где рост является бесспорным преимуществом. Вскоре Ахтаев стал самым высоким и поэтому узнаваемым баскетболистом в мире. Получил дружеские прозвища «Вася Чечен» и «Гулливер». Большой размер обуви, а он был у него 58-м, крупный вес под 200 кг создавали трудности в подборе спортивной одежды и обуви, чем регулярно пользовались непорядочные спортсмены из команд-соперников. Одним из элементов «борьбы» соперников с Ахтаевым с целью недопущения его на спортивную площадку стало воровство его обуви. Но и с этими «кознями» он справлялся с присущей ему смекалкой.

Увайс Ахтаев был участником спартакиады 1947 года среди учащихся институтов и техникумов физической культуры в городе Ленинграде. Выступал за «Буревестник» в спортивном тандеме с Арменаком Алачаняном. Именно они своим мастерством популяризировали баскетбол в Казахской ССР. Увайс Ахтаев обладал умением закинуть мяч в корзину двумя руками сверху, способностью выдавать ювелирный поперечный пас через всю площадку. Он приобрел общесоюзную популярность во время I летней Спартакиады народов СССР 1956 года. Сборная команда Казахской ССР хотя и заняла на этом первенстве 5 турнирное место, но в нескольких матчах благодаря действиям Ахтаева на площадке нанесла поражение именитым столичным баскетбольным командам.

С 1954 года Увайс Ахтаев – в сборной СССР, но при этом не сыграл за неё ни одного матча. Перед Олимпиадой 1952 года в Хельсинки Л. Берия поставил условием участия Ахтаева в сборной команде страны смену имени и национальности, но Ахтаев с этим не согласился. По мнению самого известного советского баскетбольного специалиста Александра Гомельского, наличие Ахтаева в сборной команде СССР позволили бы сборной нашей страны стать гораздо ранее чемпионами мира.

В 1953 году Увайсу Ахтаеву был передан один из первых поступивших в Алма-Ату автомобилей «Москвич». Машину серьёзно доработали под рост чеченского «Гулливера»: подняли крышу, усилили подвеску, убрали переднее сиденье. После обнаружения у него сахарного диабета в 1957 г. ему пришлось оставить выступления в спорте. Но не сам спорт.

С 1959 года Увайс проживал в г. Грозный. Под его наставничеством мужская команда республики завоевала Кубок Северного Кавказа и Закавказья, женская сборная республики успешно выступала в первой лиге первенства СССР. Занимался тренерской работой вплоть до 1973 года. На исторической родине он стал обладателем автомобилей марки «Победа» и «Волга». Оставил работу в результате полученной травмы – перелома ноги. Ушел из жизни 12 июня 1978 года.

Верной спутницей по жизни была жена Тамара. У четы Ахтаевых не было детей.

Память о выдающемся баскетболисте своего времени дошла и до наших дней. В Грозном в его честь в 1993 году был переименован один из крупнейших футбольных стадионов на Северном Кавказе (ранее носивший имя С. Орджоникидзе). Стадион был уничтожен во время первой чеченской кампании. Однако память о Увайсе Ахтаеве живет в наших сердцах.

Благодарные потомки 12 сентября 2017 года в г. Грозный открыли новый крупный Дворец Спорта имени Увайса Ахтаева, где проводятся самые крупные спортивные соревнования республиканского, федерального и международного уровня.

Магамадов С.С.,
Манаев М.А.

АХТАХАНОВ ОСМАН КОКАЕВИЧ
(1886–1934)

Ахтаханов Осман Кокаевич – известный государственный, политический и общественный деятель, родился 1886 году в с. Гойты Урус-Мартановского участка Грозненского округа Терской области [1].

Предки Ахтахановых проживали в селении Алханч-Юрт, которое находилось в двух верстах от излучины р. Сунжа. После завершения строительства крепости Грозная в 1818 году возникла непосредственная угроза жизни жителей селения Алханч-Юрт, которое находилось в непосредственной близости от крепости. В 1818–1819 годах, в период жизни Устархи Ахтаханова, село было несколько раз разорено, а затем и ликвидировано. Царская администрация, видимо, не захотела иметь чеченское поселение у стен крепости. Ахтахановым пришлось перебраться в село Гойты. Их приняли уже поселившиеся здесь однотайповцы-эгишбатоевцы.

О том, как чеченцы потянулись к знаниям и какие возможности открывались для них начиная со второй половины XIX века, можно ярко продемонстрировать на примере Ахтахановых из селения Гойты. Два поколения Ахтахановых еще до революции успели получить образование. Из этой фа-

милии вышли арабисты, военные, юристы, геолог, врач, лесничий, государственные и политические деятели.

В доме у Ахтахановых часто бывали русские кунаки. Благодаря этому, дети немного овладели русским языком. Это помогло им, когда они учились в начальной школе. Двое из сыновей Устархи – Абдул-Къедар и Закри поехали в Ставрополь и продолжили образование в гимназии.

Третий сын Муса овладел ремеслом часового мастера. Но на жизнь продолжал зарабатывать тяжелым крестьянским трудом.

В 1860–1880 гг. Абдул-Къедар работал в крепости Шатой приставом и переводчиком.

Младший сын Закри был секретарем-переводчиком в Аргуне. После при сельской общине – секретарем-переводчиком в Гойтах. Закри принимал участие в составе Чеченского конно-иррегулярного полка в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., имел награды. По семейным преданиям, Закри прожил 115 лет. В первые годы советской власти он работал в г. Грозный судьей.

Представители следующего поколения Ахтахановых – Кака, Чоха и Чоба – получили свое начальное образование в русских классах слободы Воздвиженской. Потом – в учебных заведениях Ставрополя.

Отец Османа – Кака Ахтаханов – окончил кадетскую школу, имел звание прапорщика. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. Работал начальником поста Чеченской милиции и начальником охраны нефтепровода «Грозный–Петровск», занимаясь в то же время хлебопашеством, как и все другие жители селения Гойты.

Кака Ахтаханов до революции дважды бывал во Франции.

В мае 1895 года в Париже проходила Всемирная этнографическая выставка, для участия в которой от России решено было послать наездников из Чечни. Сформировать этот кавалерийский отряд было поручено Каке Ахтаханову. В число 40 отобранных юношей (по некоторым данным, эта цифра колеблется от 25 до 30 человек) он включил и своего сына Османа [2]. Чеченские джигиты выступили блестяще и ошеломили не только французов. По единодушному мнению жюри чеченцы получили пальму первенства не только в скачках. Они в искусстве верховой езды превзошли североамериканских индейцев.

Абсолютным победителем состязаний был признан Осман Ахтаханов. В награду ему предоставили право на воздушном шаре подняться к облакам. Но сильный ветер отнес его и авиатора на несколько километров в сторону. «Его, Османа, и следует считать первым авианавтом в нашем народе», – писал Халид Ошаев [3].

Ахтаханов Осман получил домашнее начальное образование с помощью братьев отца – Чохи и Магомеда.

После возвращения из Франции в 1895 г., он успешно выдержал экзамены и был зачислен в Ставропольскую мужскую классическую гимназию.

В 1902 году, успешно окончив гимназию, Осман вернулся домой и начал усердно готовиться к поступлению в медицинский вуз. Эту мечту, которой не суждено было сбыться, он лелеял долго. Семья, которая и так бедствовала, не в состоянии была содержать Османа во время учебы. Ходатайства его отца Каки перед царской администрацией о выделении средств на обучение остались неудовлетворенными.

Убедившись, что на родине не удастся осуществить мечту с поступлением на учебу, с благословения отца, весной 1902 года Осман уехал на Украину, где провел 15 лет, работая учителем, писарем и перебиваясь случайными заработками.

Не сумев осуществить свою мечту и поступить в медицинский институт, в конце марта 1917 года он вернулся в Чечню и сразу же начал сотрудничать с членами только что созданного во главе с Н. Анисимовым Грозненского совета рабочих и депутатов и стал вести активную пропаганду идей большевизма среди чеченской бедноты [4].

Было у Османа ещё одно особое поручение: как выходцу из селения Гойты, ему было дано задание вести в родном ауле работу по организации революционно настроенной части населения. Впоследствии селение Гойты приютило пятитысячный отряд Н.Ф. Гикало, и аул стал центром революционной Чечни, где решался вопрос: быть или не быть Советской власти в Чечне? [5] Так О. Ахтаханов, став сторонником революции, начал свою политическую деятельность.

Созванный в Гойтах съезд представителей аулов Чечни 29 марта 1918 года избрал Гойтинский революционный совет, в который вошёл и О. Ахтаханов как секретарь совета. Этот народный орган власти сыграл исключительно важную роль не только в защите революции, но и при комплектовании первых государственных институтов молодой советской Чечни. Многие люди, пройдя школу Гойтинского революционного совета и став профессиональными революционерами, впоследствии выросли до крупных государственных и партийных руководителей, в том числе и Осман Ахтаханов [6].

В период борьбы с деникинцами Осман Ахтаханов с марта 1918 года до марта 1920 года работал представителем Чечни в отряде Н. Гикало в с. Шатой. Участвовал во всех боях с деникинцами на территории Чечни.

После установления Советской власти в Чечне весной 1920 года 15 апреля 1920 года было создано Терское областное партийное бюро, в числе его пяти членов был и О. Ахтаханов. Как член партийного бюро Терской области в ноябре 1920 года он вместе с председателем ЦИК Чечни Таштемиром Эльдархановым был уполномоченным от чеченского народа на Учредительный съезд народов Терской области, который провозгласил образование Горской АССР. Съезд избрал Османа Ахтаханова в высший орган автономной республики – ЦИК ГАССР.

15 августа 1921 года вопрос об организации ревкомов в Чечне рассматривался на заседании пленума Кавказского бюро ЦК ВКП (б), где было решено «считать принципиально возможным переход от исполкомов к ревкомам, когда эта необходимость диктуется местными условиями». 10 сентября 1921 года исполкомы в Чечне были заменены ревкомами. В состав окружного ревкома вошли наиболее опытные революционные деятели, одним из которых был и Осман Ахтаханов [7]. С ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г. он являлся уполномоченным от областного исполкома в 33 стрелковой дивизии, части которой были расквартированы в Чечне [8].

В 1921–1922 гг. в течение трех месяцев Осман заведовал Отделом внутреннего управления Чечни, был членом редакционной коллегии газеты «Трудовая Чечня», принимал активное участие в выборах советов по Веденскому району после подавления восстания в горых районах Чечни в 1920–1921 гг.

30 ноября 1922 года декретом ВЦИК Чечня была выделена из состава Горской АССР в самостоятельную автономную область. Вся исполнительная власть была сосредоточена в ревкоме Чеченской Автономной Области во главе с Т. Эльдархановым, в состав которого вошёл и О. Ахтаханов.

Для решения социально-экономических и политических вопросов автономного округа при ВЦИК СССР необходимо было организовать представительство Чеченской Автономной Области. Эта труднейшая задача и была возложена на Османа Кокаевича Ахтаханова. Это были тяжелейшие времена, но, испытывая трудности и лишения, Ахтаханову удалось наладить работу Полномочного представительства Чеченской Автономной Области при ВЦИКе.

После выделения Чеченской Автономной Области из состава Горской АССР необходимо было в кратчайшие сроки решить вопрос о выделении средств от эксплуатации недр объединением «Грознефть». Советом труда и обороны в мае 1921 года все средства, вырученные в результате продажи выделенной квоты в 150 тыс. пудов нефти, уходили в бюджет Горской АССР. Очень скоро, в марте–мае 1923 года, этот вопрос встал остро. В решении данного вопроса проявился организаторский талант и принципиальность О. Ахтаханова. В июне 1923 года по его настоянию было принято решение Совета труда и обороны о выделении объединением «Грознефть» квоты на 150 тыс. пудов нефти ежемесячно на нужды Чеченской Автономной Области.

Созданные на начальном этапе формирования основ государственности Российской Федерации представительства Автономных Республик и Областей, входивших в нее до 1924 года, существовали в несколько неопределенной форме. Представляя интересы своих Автономий при Наркомнаце, они совмещали представительские функции в столице страны с решением экономических, культурных и других, не менее значимых, но только не политических вопросов. При проведении национальной политики, по существу,

экономические вопросы зачастую преобладали над всеми остальными. Это обусловливалось тем, что сложившаяся обстановка объективно призывала незамедлительного разрешения в первую очередь хозяйственно-экономических проблем. Политика при этом оставалась за Москвой, и как бы отходила на второй план. Автономии этого не оспаривали.

В результате основным занятием Представительств Автономных Республик и Областей вплоть до 1924 года было информирование Центра о положении дел на местах и получение необходимых товаров и материалов для регионов, которые они представляли. Все это происходило в хаотичном порядке. Часто случалось так, что представительства мешали друг другу, оспаривая выделяемую государством помощь.

Статус самих представительств и возглавлявших их руководителей оставался до конца неопределенным. Формально они состояли и функционировали при Народном Комиссариате по делам национальностей, содержались на средства, выделяемые ЦИКами своих Областей и Республик, действовали по их установкам. Положение более усугубилось после ликвидации Наркомнаца. Взамен независимых представительств, подотчётных непосредственно своим республиканским и областным ЦИКам, создавался новый аппарат представителей государственно-административных образований с подчинением Президиуму ВЦИК.

Функции, деятельность и полномочия представительства, возглавляемого О. Ахтахановым, позволял принимать активное участие в работе Наркоматов и других государственных учреждений, где затрагивались интересы Чеченской Автономной Области. Он должен был информировать центральную власть о положении дел в Чечне по всем отраслям, а отдельные Наркоматы – по вопросам, тесно связанными с ними, незамедлительно оповещать своё Правительство обо всех Декретах, постановлениях и распоряжениях ВЦИКа и СНК РСФСР и ЦИКа СНК СССР. Ахтаханов принимал активное участие во всех заседаниях ВЦИК Советов РСФСР, располагая достаточными материалами законодательного характера от определенных комиссариатов или, имея одни информационные сведения и специальные доклады, разрабатывал эти материалы совместно с заинтересованными центральными учреждениями РСФСР на предмет подготовки законопроектов, необходимых для ЧАО. Проводя в жизнь через соответствующие центральные учреждения решения исполнительных органов власти, Осман Кокаевич вносил на рассмотрение и утверждение высших экономических органов соответствующие документы.

Безусловно, это всё требовало от сотрудников Представительства Чеченской АО значительной энергии, полной самоотдачи, расторопности и, как минимум, знания и реальной оценки обстановки. Кроме того, при ограниченности персонала, много времени затрачивалось, как ранее говорилось, на

участие в многочисленных заседаниях, совещаниях при проведении жизненно-важных вопросов. Вместе с тем, порядок их проведения был значительно осложнен разнообразными бюрократическими преградами.

Представитель Чеченской Автономной Области при ВЦИК Осман Ахтаханов три-четыре раза в год приезжал в Грозный для личных докладов о своей работе при Президиуме ВЦИК и для получения дальнейших указаний от Чечоблисполкома по работе Представительства.

Во многом благодаря деятельности О. Ахтаханова Представительством Чеченской Автономной Области в Москве успешно осуществлялась программа промышленно-экономического и культурного развития.

Благодаря усилиям и принципиальности Османа Ахтаханова с 1924 по 1928 гг. выделялись ежегодно целевые места в высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону.

За период руководства О. Ахтахановым Представительством ЧАО при ВЦИКа его деятельность можно разделить на несколько направлений:

– во-первых, деятельность О. Ахтаханова, связанная с проведением через центральные комиссариаты и государственные учреждения конкретных поручений Чеченского облисполкома и его отделов. В данном случае он проводил информационно-согласовательную работу, направленную на быстрое претворение поручений ОблЦИКа в жизнь;

– во-вторых, защита интересов региона на базе имеющихся материалов и на основании личных знаний о позиции того или иного вопроса в Чечне;

– в-третьих, работа О. Ахтаханова по подготовке и рассмотрению законодательных актов, размежевание административных границ субъектов РСФСР. Представительство неоднократно участвовало в разработке и подготовке административно-правовых и других нормативных актов. Давало свои отчеты в рамках подготовки к рассмотрению многочисленных законопроектов, затрагивающих интересы Чеченской Автономной Области;

– в-четвертых, участие О. Ахтаханова в работе всех видов федеральных административных органов государства. В разработке и формировании планов промышленного и экономического строительства России в целом и Чеченской Автономной Области в частности.

В 1924 году в Москве было организовано объединение Чечпайторг, т.е. паевое торговое объединение автономной Чечни. В первый период существования Чечпайторг осуществлял свои закупки в Москве через агентов, работающих под общим контролем полномочного представителя Чеченской Автономной Области при ВЦИК в Москве Османа Ахтаханова. Он человек популярный в Чечне, имеющий огромный авторитет и организаторские способности, добросовестно справлялся с поручениями Чечпайторга [9].

Осман Ахтаханов был делегатом IX-го и X-го Всероссийских Съездов Советов, избирался в Президиумы съездов. С января 1923 г. по март 1926 г. был

членом Моссовета как представитель Чеченской Автономной Области. С марта 1923 года до сентября 1925 года был членом Чеченского областного ревкома. С марта 1926 г. по январь 1927 г. – член Чеченского областного исполкома [10].

В 1928 году О. Ахтаханов был отозван в Грозный, где ему было доверено руководство Грозненской биржей труда, затем, после ликвидации биржи в середине 1929 года, был избран председателем Чеченской областной деткомиссии.

Как профессиональный революционер О. Ахтаханов остро реагировал на начинавшуюся в те годы репрессивную политику сталинского режима. Осман, убежденный большевик, немало сил приложивший для победы революции на Тереке, с тревогой и озабоченностью наблюдал преступную политику Сталина. С ним он был знаком еще по подпольной революционной борьбе и в годы работы в представительстве в Москве.

Во время работы в Москве в Представительстве Осман Ахтаханов оказывал серьёзную помощь людям, которые покидали СССР, и это было поставлено ему в вину. Как-то Осман позвонил в Кремль, представившись, попросил соединить его со Сталиным. А когда тот взял трубку, сказал: «Знаешь, что я сделал бы, Коба, если бы ты был рядом?» – и семь раз выстрелил из пистолета в телефонную трубку.

Через некоторое время Османа забрали в Москву, якобы на лечение. Его друзья сумели его на время направить на лечение и отвести от него подозрения и угрозы. Но он уже был объявлен «врагом народа».

Умер Осман Ахтаханов в 1932 году и похоронен в Москве на Татарском кладбище [11].

Список использованных источников и литературы

1. ГАРФ Ф.1235. Оп.138. Д.284. Л.2.

2. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 4 кс. Ед. уч.1. Ед.хр. 23. Л. 7.

3. Полевые исследования авторов. Инф. Ахтаханов Руслан Гамидович, 1935 г.р. прож. в ЧР, с. Гойты. 2011.

4. Газ. Ленинская правда. №134. 07.11.1989 г.

5. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 4 кс. Ед. уч.1. Ед.хр. 23. Л. 7.

6. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – С. 213.

7. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 4 кс. Ед. уч.1. Ед.хр. 23. Л. 9.

8. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 3 кс. Ед. хр. 1060. Л.1.

9. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 4 кс. Ед. уч. 1. Ед. хр. 23. Л.1.

10. АУ ПЧР. Ф. Р-1212. Оп. 4 кс. Ед. уч. 1. Ед. хр. 23. Л.12.

11. Полевые исследования авторов. Инф. Ахтаханов Руслан Гамидович, 1935 г.р. Прож. в ЧР, с. Гойты. 2011.

Сайдумов Д.Х.

БАГАЕВ ДЭГИ ИМРАНОВИЧ
(1942–2015)

Багаев Дэги Имранович родился 27 мая 1942 года в селении Харсеной Шатойского района Чечено-Ингушской АССР. Выдающийся советский и российский тренер. Заслуженный тренер СССР и России, воспитавший целую плеяду прославленных чемпионов по борьбе. Мастер спорта. Заслуженный тренер СССР и России.

Дэги Имранович в спорт пришел уже сформировавшимся юношей в 15 лет. Тем не менее, начав целеустремленно заниматься вольной борьбой, в скором времени смог добиться весомых результатов среди своих сверстников, занимавшихся борьбой на протяжении более длительного времени, нежели сам Багаев. Первым наставником будущего легендарного тренера был Петр Матущак. В 1958 году, после возвращения семьи Багаевых из Казахстана в родную Чечено-Ингушетию, Багаев продолжил заниматься борьбой под руководством Супьяна Зубайраева. На данном этапе Дэги Багаев добился весомых спортивных успехов, став призёром первенства РСФСР среди юношей, а в 1960 году стал чемпионом ЦС ДСО «Урожай». Удостоен звания мастер спорта СССР (1960 г.). С 1962 года Дэги Багаев – член сборной команды СССР по борьбе. Победитель зонального чемпионата РСФСР по борьбе.

Его по праву называют одним из родоначальников чеченской школы вольной борьбы. На тренерской работе – с 1965 года. В дебютном году на

первенстве СССР среди вузов, проходившем в городе Воронеже, команда борцов под его руководством заняла второе общекомандное место. Судьбоносной для Дэги Багаева стала встреча команды борцов сельхозинститута из г. Алма-Ата, тренируемая Багаевым, и сборной родной для самого Д. Багаева Чечено-Ингушетии, состоявшаяся в 1965 г. Воспитанники Багаева выиграли эту встречу с общим счетом 10:0. Этот тренерский успех Д. Багаева способствовал его приглашению руководством ЧИАССР на тренерскую работу в столицу Чечено-Ингушетии.

Результаты не заставили себя долго ждать: в 1967–1968 годах чемпионами стали его воспитанники Алихан Джамалдинов и Саид Абдуллаев. Годом позднее первенство РСФСР среди юношей выиграли Баутдин Дудуев и Саид Абдуллаев. Этот спортивный триумф воспитанников Дэги Багаева принес наставнику высокое звание «Заслуженного тренера РСФСР». С 1970 года чеченские воспитанники Дэги Багаева не раз становились чемпионами, в честь их исполнялся гимн страны на самых престижных спортивных соревнованиях.

Чемпионом Европы среди молодёжи в 1970 году стал молодой Салман Хасимиков. На первенстве СССР среди юниоров в 1973 году в городе Алма-Ата три награды высшей пробы и одну серебряную медаль завоевали Хасан Орцуев, Салман Хасимиков, Алихан Джамалдинов, В. Ахмедов. На чемпионате мира среди молодёжи в США в 1973 году две золотые медали завоевали Салман Хасимиков и Хасан Орцуев.

В 1976 году чемпионат СССР, проходивший в городе Одесса, а также чемпионат Европы, проходивший в Стамбуле, выиграл Асланбек Бисултанов. В 1977 году на чемпионате мира, проходившем в швейцарской Лозанне, воспитанник Дэги Багаева – Асланбек Бисултанов – стал чемпионом мира. За данные достижения Дэги Багаеву было присвоено звание «Заслуженный тренер СССР». В 1979 году на спартакиаде народов СССР воспитанники прославленного тренера завоевали 8 медалей, из них 4 – золотые. Хасан Орцуев и Салман Хасимиков завоевали по две золотые медали, Асланбек Бисултанов получил серебро, а бронзовым призёром стал Руслан Бадалов. Чемпионом Европы стал Тарам Магомадов.

Во время работы старшим тренером Северо-Кавказского военного округа Дэги Багаев воспитал немало чемпионов Вооруженных сил СССР. Общее количество воспитанников Дэги Багаева превысило отметку 150 мастеров спорта России и СССР. Из них: более 20 мастеров спорта международного класса 5 заслуженных мастеров спорта. Позднее многие сами стали заслуженными тренерами СССР и России. Дэги Багаев был награжден государственными и общественными наградами СССР и России, среди них – орден Трудового Красного Знамени. В 2012 году он был награждён медалью FILA за выдающиеся спортивные заслуги. В 2013 году Д. Багаев был удо-

стоен высшей наградой Парламента Чеченской Республики – орденом «За развитие парламентаризма в Чеченской Республике».

Улица в г. Грозный, столице Чеченской Республики, прилегающая к стадиону имени С. Билимханова (бывший стадион «Динамо»), на коврах которого многие годы тренировал своих воспитанников Дэги Багаев, ныне названа в честь выдающегося тренера СССР и России. Ежегодным в Чеченской Республике стал международный борцовский турнир, посвященный памяти Д.И. Багаева.

Акаев В.Х.,
Магамадов С.С.

ВАХАЕВ ХАСИ ГАЙТУКАЕВИЧ
(1908–1965)

Одним из ярких руководителей Чечено-Ингушской АССР был Хаси Гайтукаевич Вахаев. Он родился в 1908 г. в с. Хамби-Ирзе (Хадис-Юрт) Грозненского округа Терской области. Учился в Закан-Юртовской начальной школе. Работал пионервожатым в той же школе. До 1923 г. проживал вместе с родителями в с. Закан-Юрт Ново-Чеченского округа Чеченской Автономной Области.

С июля 1925 г. по июнь 1927 г. учился в совпартшколе I ступени в г. Грозный. С июля по сентябрь 1927 г. работал секретарем Ново-Чеченского окружного комитета ВЛКСМ. В течение 1927–1928 гг. обучался на подготовительном отделении в Северо-Кавказском комвузе, а в августе 1928 г. был направлен на обучение в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока, где закончил два курса. В октябре был откомандирован в Грозный и назначен инструктором Чеченского обкома ВКП (б). С февраля по ноябрь 1930 г. работал председателем Веденского окружного исполкома Чеченской Автономной Области, где проявились его организаторские способности. В ноябре 1930 г. был включен в состав пропагандисткой группы

ЦК ВКП(б), а в 1931 г. избран первым секретарем Грозненского городского комитета ВКП (б).

С февраля 1932 г. по январь 1934 г. работал секретарем Чеченского обкома ВКП(б) по транспорту. В мае 1932 г. избирался членом Пленума Северо-Кавказского ВКП (б), а в феврале 1934 г. был избран вторым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и на этой должности проработал вплоть до своего ареста в октябре 1937 г.

Его жизнь и деятельность в истории Чечни несправедливо забыты. В одной из публикаций, посвященной большому террору в Чечено-Ингушской АССР, утверждается: «Очень скоро среди жертв репрессий оказались и те, кто сам еще недавно арестовывал и судил «врагов народа». Например, Председатель исполнительного комитета Советов ЧИ АССР А.И. Горчханов и второй секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Х. Вахаев были членами «тройки», осудившей большое количество кулаков». Однако это высказывание не является корректным, ибо А.И. Горчханов никогда не был членом тройки и в этом статусе не подписал ни один документ, а поэтому не мог осудить «большое количество кулаков».

Имя Хаси Вахаева упоминается с определенной долей негативизма, вспоминая, что он был членом «чрезвычайной тройки», приписывая ему то, что он не делал. Вахаев действительно был членом тройки, но в короткое время. Так, тройки по стране были созданы 30 июля 1937 г., а Хаси Вахаев с 1936 по июль 1937 г. являлся слушателем Высшей школы парторганов при ЦК ВКП (б). Кроме того, он был снят с должности второго секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) партии 8 октября 1937 г., в этот же день был снят и первый его секретарь В.Г. Егоров. То есть в составе тройки они находились только два месяца и девять дней. За это время им не подписан ни один документ по ликвидации населения, тройка не успели принять участие в вынесении внесудебных приговоров.

Списки же людей, подлежащих изъятию и ликвидации, составляли органы НКВД ЧИАССР по соответствующим доносам. Часто в эти списки попадали преданные власти представители партийных, советских органов, красные партизаны, работники культуры, писатели, инженеры, врачи, «советские муллы» и т.д. Хаси Вахаев защищал этих людей, что вызывало недовольство у репрессивных органов. Его племянник рассказывал, что в Грозном на железнодорожном вокзале и на площади Ленина стояли сотни прибывших из сел чеченцев, родственники которых подвергались арестам и отправлялись в ссылки. В кабинете Вахаева находились в специальных мешках дела, составленные НКВД, переданные ему Егоровым. Наблюдая с окна кабинета людей, переживающих за задержанных родственников, он бросал их в горящую буржуйку, что стало известно НКВД. Поэтому Вахаева, который препятствовал реализации приказа НКВД № 00447 «Об операции

по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. нужно было всячески убрать с политической сцены республики.

Изучая историю репрессий в Чечено-Ингушетии, нельзя обойти эту личность, которая осознанно стремилась смягчить жестокий удар по чеченскому и ингушскому народам.

В общественном мнении существует устойчивый интерес к личности Хаси Вахаева, поэтому очень важно понять его политическую деятельность, трагическую судьбу.

В «Мемуарах» Абдурахмана Авторханова, изданных в 1998 г., имеются интересные сведения, связанные с деятельностью Хаси Вахаева. Он описывает свою борьбу с Чечено-Ингушским обкомом ВКП (б), деятельность которого он подвергал критике, раскрывает роль НКВД в провокациях против настоящих большевиков, бывших красных партизан, успешно воевавших против деникинцев, пишет о феномене чекизации партии. По его мнению, «… периодические восстания в горах и перманентное абречество в Чечено-Ингушетии – не результат беспокойного «национального характера» чеченцев и ингушей, а следствие намеренных провокаций карьеристов из НКВД» [1, с. 331]. Оказывается, чекисты за подавление восстаний, создание мифических «националистических» групп и «центров» из людей, совершенно лояльных советской власти, получали награды. Он пишет, что при чечено-ингушском НКВД имелся даже отдел по борьбе с бандитизмом, беспримерный в других областях, истинная цель которого не столько карательная, сколько «творческая» – разработка «сценарий» по «фабрикации бандитов», в первую очередь, из бывших красных партизан.

8 сентября 1937 г. в центральном органе партии в газете «Правда» под псевдонимом Н. Кузовкин появилась статья «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии» [2, с. 4], инспирированная ЦК ВКП(б). Буквально через три дня, 11 сентября 1937 г., в газете «Грозненский рабочий» вышла редакционная статья «Распутать буржуазно-националистический клубок» [3, с. 2]. К сожалению, эти важные статьи не приведены в книге «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XX – середина XX в.)» [4].

В своих «Мемуарах» А. Авторханов пишет, что Хаси Вахаев, находясь в Москве, обращался к нему с просьбой составить развернутое заявление на имя Сталина и обеспечил его привезенными с собой документами. Составленное Авторхановым заявление, подписанное Вахаевым, было отправлено на имя Сталина. В нем опровергались все измышления авторов корреспонденции в газете «Правда». Хаси был принят Маленковым, встреча продолжалась ровно 10 минут. А. Авторханов пишет, что Х. Вахаев рассказал, как проходила встреча с ним. Недовольный Маленков ему говорил, что в Чече-

но-Ингушетии каждый второй коммунист – «враг народа», а каждый третий чеченец или ингуш «бандит» и предложил ему в течение одного месяца представить в ЦК список тех и других. Он не дал Вахаеву «сказать ни слова и указал на дверь» [5, с. 416].

10 октября 1937 г. в ДК им Ленина в г. Грозный состоялся пленум Чечено-Ингушского обкома партии. Его вел только что назначенный и.о. первого секретаря ЧИ обкома партии Ф. Быков. Первое слово он представил секретарю Партколлегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б) М.В. Шкирятову. Как отмечает А. Авторханов, присутствовавший на этом пленуме «Шкирятов был предельно краток: пропитым голосом закоренелого пьяницы он сообщил, что ЦК партии выражает всему составу данного пленума Чечено-Ингушского обкорма свое политическое недоверие. И доблестные чекисты сразу приступили к работе: начались аресты, в результате которых в президиуме остались Шкирятов и Быков, а в зале – лишь обслуживающий персонал» [5, с. 416].

Х. Гакаев пишет, что Шкирятов на пленуме сообщил решение ЦК ВКП(б) о снятии и выводе из состава бюро обкома В.Г. Егорова, С.Л. Розеноева, С.Х. Куркиева. Многие ответственные работники и весь обком партии были обвинены во вредительстве и буржуазном национализме, в равнодушии к засорению партийных организаций республики «троцкистско-бухаринским охвостьем», ведущим «свою бандитскую контрреволюционную работу». «По заданию своих хозяев – иностранных разведок фашистских государств, – заявлял Шкирятов, – эти элементы делали все, чтобы затормозить, сорвать работу грозненской нефтяной промышленности».

Необоснованно «врагами» народа были объявлены второй секретарь Чечено-Ингушского обкома партии Х.Г. Вахаев, председатель исполнительного комитета Советов Чечено-Ингушской АССР А.И. Горчханов, заведующий отделом обкома партии С.Х. Куркиев, секретарь Сталинского райкома ВКП (б) М.И. Красников, заведующий отделом обкома партии Х.А. Окуев, начальник объединения «Грознефть» С.Л. Розеноев, заведующий отделом обкома партии А.И. Рохблат. В ноябре 1937 г. Х.Г. Вахаев, А.И. Горчханов, С.Х. Куркиев, М.И. Красников, Х.А. Окуев, С.Л. Розеноев, А.И. Рохблат были арестованы как «враги народа».

В 1937–1939 гг. в ЧИАССР было арестовано 30 из 76 членов и кандидатов в члены обкома ВКП(б), 20 из 23 первых секретарей райкомов партии, 17 парторгов обкома, 77 членов райкомов, 192 руководящих работников сельских районов и др. Ответственный секретарь газеты «Техника нефти» А.В. Скороходов был обвинен в «шпионаже» за высылку обменных экземпляров газеты в США и Англию.

Виднейшие чеченские писатели первого поколения, осужденные по делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре», провели в лагерях и

тюрьмах длительные сроки: Халид Ошаев – 13 лет, Арби Мамакаев – 14 лет, Магомед Мамакаев – 19 лет. Следует отметить, что репрессиям подверглись и представители других национальностей. В 1937 году были осуждены 54 ведущих специалистов-нефтяников Чечено-Ингушетии – русские, евреи, армяне [6, с. 830]. Жертвами жестоких репрессий стали и крестьяне.

Хаси Вахаев с 1932 г. по 10 октября 1937 г. являлся 2-м секретарем областного комитета ВКП(б) Чечено-Ингушской Автономной Области. На эту должность он был избран в возрасте 24 года, а арестован в возрасте 29 лет. В регистрационном бланке члена КПСС Х. Вахаева даны следующие сведения. В 1937 г. арестован, находился в заключении по июнь 1940 г. С 1940–1943 гг. – в лагерях г. Печора Коми АССР, в 1943–1948 гг. – в лагерях Заполярья, в 1948–1949 гг. – в лагерях Коми АССР, в 1949–1950 гг. – в тюрьме МГБ г. Алма-Ата, в 1950–1951 гг. – в тюрьме МГБ г. Москва, в 1951–1952 гг. – в тюрьме МГБ г. Алма-Ата, в 1952–1954 гг. – в спецлагере МВД п. Кенгир Джезгазганского р-на Карагандинской области, в 1954–1955 гг. – в тюрьме г. Златоуст, в 1955–1956 гг. – в спецлагере МВД п. Кенгир Джезгазганского р-на Карагандинской области. В январе 1956 года освободился, жил в г. Акмолинск Казахской ССР.

4 декабря 1943 г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10 ч. 2 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений), 58-11 УК РСФСР он был осужден на 10 лет лишения свободы. Находился в заключении Печлага НКВД. Освободился, но 7 ноября 1951 г. был очередной раз арестован, 25 апреля 1952 г. осуждён к 10-ти годам лишения свободы, а 15 декабря 1956 года освобождён. Под следствием и в тюрьме в общей сложности он находился более 19 лет. За этими сухими сведениями скрывается большая трагедия человека, преданно служившего власти, находившегося на принципах ленинской национальной политики, высказывавшего свое мнение против ее искажения местными органами НКВД.

Репрессии 30-х г. подготовили почву для будущей трагической депортации чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года. НКВД же продолжал свою провокационную деятельность в местах депортации чеченцев. Примечательна справка 9-го управления МГБ СССР на спецпоселенцев по контингентам [6, с. 826-837].

Даже находясь в казахстанской ссылке и в спецлагерях бывшие руководители ЧИАССР обвинялись в том, что они продолжают антисоветскую деятельность, из-за которой пострадали в 1937–1938 гг. и были жестоко наказаны. Так, в Справке 9-го управления МГБ СССР на спецпоселенцев по контингентам утверждается, что на территории Казахской ССР действует националистическая группа, возглавляемая бывшими работниками Чечено-Ингушетии, арестовывавшимися в 1937–1938 гг. за проводимую подрывную

работу: бывшим секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) по пропаганде М. Гайрабековым и бывшим председателем Совета Народных Комиссаров ЧИАССР С. Моллаевым и другими» [6, с. 830].

Оказывается, эту подрывную работу они проводили под непосредственным руководством «бывшего первого секретаря Чечено-Ингушского обкома партии Вахаева, отбывшего наказание за контрреволюционную деятельность в лагерях МВД, который в течение ряда лет добивался связи с Англией и Турцией» [6, с. 830].

Как могли проводить эту работу сосланные М. Гайрбеков, С. Моллаев и др. бывшие руководители ЧИАССР, поставленные на грань вымирания, испытавшие всю мощь репрессивных органов, да еще под руководством «всесильного» Хаси Вахаева, находившегося в заключении? В справке МГБ СССР Хаси Вахаев именуется «бывшим первым секретарем Чечено-Ингушского обкома партии». Он был вторым секретарем, но не первым. В связи с этим примечателен такой рассказ. Родственники Хаси Вахаева утверждают, что, будучи в 1937 г. Москве, он, докладывая Сталину политическую ситуацию в ЧИАССР, решительно выступил против списков людей, подлежащих арестам и ликвидации, подготовленных НКВД. Именно на этих людях, утверждал Хаси, держится советская власть в ЧИАССР. По рассказу его племянника Д. Алиева, Сталин после его доклада заявил, что в Чечено-Ингушетии вырос опытный партийный руководитель, поэтому считает необходимым назначить его первым секретарем обкома КПСС и предложил срочно отправиться в Грозный, принять дела у Егорова, который, видимо, попал под влияние НКВД.

Но когда 7 октября Хаси Вахаев приехал в Грозный, то он увидел на железнодорожном вокзале, площади Ленина сотни людей, привезенных НКВД из сел с обвинениями в контрреволюционной, антисоветской деятельности, которых готовили к ссылке. Хаси Вахаев прямо на железнодорожной станции организовал штаб, мобилизовал руководителей транспортных хозяйств Грозного, заставил их подогнать грузовые машины, автобусы, на которых отправил обратно в села привезенных оттуда людей.

Хаси Вахаев был арестован чекистами по требованию Шкирятова прямо на пленуме Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), который проводил и.о. первого секретаря этого обкома Быков. Хаси рассказывал, что когда он зашел на пленум, проходивший в ДК им. Крупской в Сталинском (позже Заводском) районе, то Шкирятов заявил, что появился главный организатор контрреволюционного центра в Чечено-Ингушетии.

По сведениям МГБ СССР, «Вахаев не прекращал своей контрреволюционной деятельности и в период нахождения в лагерях, где он пытался сколотить националистическую группу» [6, с. 830].

В Интернете о Х. Вахаеве имеются и такие сведения. Он жил до 1951 года в г. Алма-Ата, а 11 июля 1951 года был арестован МГБ Каз. ССР. Осужден

1952.04.25 Алма-Атинским облсудом по статье 58-10 УК РСФСР. Приговорен на 10 лет ИТЛ, реабилитирован 15 декабря 1956 года Судебной коллегией Верховного суда СССР на основании: за отсутствием состава преступления. Эти сведения не точны, ибо в Алма-Ате он не жил и не был там осужден. После, как отсидел 10 лет, его привезли в Алма-Ату, чтобы добавить очередной срок. Репрессивный аппарат действовал по сталинскому принципу: «Была бы голова, а компрометирующий ее материал всегда найдется». Материал на него чекисты находили среди отдельных бывших руководителей ЧИАССР, осуществляя различные провокационные комбинации. Это хорошо показано в процитированной выше справке 9 управления МГБ СССР, составленной в 1952 году.

В период очередного «следствия» Хаси Вахаев находился в спецлагере г. Караганда. В лагере он познакомился с Шаидом Абухановым. Со своей семьей Шаид проживал в Красногорском районе Джамбульской области. В декабре 1951 г. Ш. Абуханов был арестован по ложному доносу за распространение антисоветских слухов (в приватной беседе Абуханов заявил, что чеченцы были высланы неправильно, и скоро эта несправедливость будет исправлена). Решением Джамбульского областного суда Ш. Абуханов был приговорен к 25 годам лишения свободы. В первый же день знакомства Хаси Вахаев обещал молодому человеку оказать помощь в снижении срока. Буквально в течение одного месяца Хаси подготовил обращение от имени Ш. Абуханова на имя председателя Джамбульского областного суда и на имя Генерального прокурора СССР. В результате пересмотра дела приговор был смягчен до 10 лет. После рассмотрения дела Ш. Абуханова Генеральной прокуратурой страны срок был снижен до 5 лет. Ш. Абуханов был освобожден из лагеря в 1957 году и смог вернуться в Чечено-Ингушетию [7].

Хаси Вахаев отбывал очередной тюремный срок в пос. Кенгир, где находилось третье отделение Степного лагеря МВД [8], в котором было 551 заключенных из общего числа 15 562 заключенных. Всего число чеченцев и ингушей в этом лагере было до 180 чел. Заключенные работали на добыче медной руды. 18 мая 1954 г. в пос. Кенгире вспыхнул мятеж заключенных. Арестованный Кузнецов рассказывал, что «на первом лагпункте были поставлены вообще неизвестные мне ставленники УПА: Ибрагимов, а затем – Иващенко… Были организованы штабы по сопротивлению, Келлером были назначены командиры корпусов, а в них – командиры бараков, секций, бригад и ударные отряды в жилых секторах из чечен» [9]. Из этих сведений следует, что в кенгирском восстании заключенных принимали участие и представители чеченцев. НКВД подозревал об участии и Хаси Вахаева, но прямых улик против него не было.

В Алма-Ате, где в ссылке находились чеченцы, из бывших руководителей Чечено-Ингушетии только Муслим Гайрбеков работал инструктором от-

дела пропаганды и агитации ЦК КПСС Казахстана. После освобождения из заключений в Алма-Ату к нему приезжали представители бывшей партийной элиты ЧИАССР: Хаси Вахаев, Магомет Мамакаев, Хасан Мехтиев, Халид Ошаев, Ахмат Висаитов, а также представители интеллигенции, оставшиеся в живых после сталинско-бериевских репрессий. Муслим Гайрбеков, находясь на этой высокой для сосланного чеченца должности, не забывал о своих земляках, оказывал им посильную помощь.

Хаси Вахаева освободили из заключения в январе 1956 г., проживал в г. Акмолинске. В этот период он бывал в местах массового расселения чеченцев в Алма-Ате и Фрунзе. После возвращения из Алма-Аты в сентябре 1956 г. выезжал в Москву и принимал деятельное участие в решении вопроса о восстановлении Чечено-Ингушской АССР. В письме Сайд-Али Мамакаеву 30 декабря 1956 г. Х. Вахаев писал: «Как тебе известно, наша поездка дала положительные результаты, т.е. ЦК принял решение о возрождении нашей республики. Подробности этого решения, вероятно, вам объяснят на месте» [10]. В ноябре–декабре 1956 г. Х. Вахаев находился в Москве и решал вопросы, связанные с его реабилитацией. За это время ему удалось положительно решить все вопросы о снятии судимости, восстановлении в партии, а также вопрос о трудоустройстве [10].

Как-то в Грозном, после возвращения чеченцев и ингушей, у Х. Вахаева собрались М. Мамакаев, Х. Мехтиев, А. Саламов. Речь зашла о восстании зэков в Кенгире. Хаси рассказывал о его причинах, деталях, сражении зэков с войсками внутренних сил. А. Саламов, внимательно его слушавший, задал вопрос: «Как удалось тебе выскочить из этой «круговерти»?» Хаси ответил, что ему удалось пролезть в такую щель в заборе, через которую даже мышь не проскочила бы.

Вернувшегося из сталинских тюрем в г. Грозный в 1957 г. Хаси Вахаева назначили инструктором Чечено-Ингушского обкома КПСС, но позже он был переведен директором Грозненского кирпичного завода.

Хаси умер в 1965 году в г. Грозный, похоронен в с. Хамби-Ирзе на родовом кладбище.

Список литературы и источников

1. Авторханов А. Мемуары. Франкфурт-на-Майне. Посев, 1983.

2. Кузовкин Н. Буржуазно-националистический клубок В Чечено-Ингушетии // Правда. 1937. 8 сентября. № 248.

3. Распутать буржуазно-националистический клубок! // Грозненский рабочий, 1937, 11 сентября.

4. Они отсутствуют в книге «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XX – середина

XX в.)». Более того, странным образом в ней отсутствуют документы, связанные с арестом чеченцев и ингушей, произведенных НКВД во главе с М. Шкирятовым, заместителем Ежова, 10 октября 1937 года прямо на Пленуме ЧИ обкома КПСС. Но в ней имеются документы предыдущего 1936 года и последующего 1938 года, но нет документов 1937 года, причем нет ни одного. Неясно, с какой целью это сделано, но в аннотации книги отмечается, что она является результатом многолетних исследований авторов.

5. Авторханов А. Мемуары. Франкфурт-на-Майне. Посев. 1983.

6. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XX – середина XX в. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2001.

7. Саралиева Т. Вахаев Хаси къонах вара (На чеченском языке) // Даймохк. 2016. 2 февраля.

8. Фонд Александра Н. Яковлева. Документ № 137. Документы о восстании заключенных в мае-июне 1954 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4277. Л. 40.

9. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3777. ЛЛ. 17–38.

10. Письмо Хаси Вахаева – Мамакаеву Саид-Али (брату Магомеда Мамакаева) от 30 декабря 1956 г. (Из личного архива Альбека Вахаева.)

Эльбуздукаева Т.У.,
Борхаджиев Х.-Б.Р.

ВАЙСЕРТ МАГОМЕД-ХАДЖИ
(1930–2002)

Родился Вилли Вайсерт 14 января 1930 года в селе Листовка Запорожской области. Являлся представителем третьего поколения немцев, в свое время перебравшихся из Германии в Россию. Жил с матерью у ее родителей. Мать работала дояркой в колхозе.

В 1941 году был подвергнут насильственному выселению в Кзыл-Ордынскую область Казахстана. С одиннадцати лет Вилли работал в колхозе. В 1944 году впервые познакомился с чеченцами, когда их выгрузили в районе Ортакшила. С ровесниками-чеченцами работал с 1944 по 1946 годы.

В начале 1948 года пошел учиться на кузнеца в ФЗО. Жил в одной квартире с чеченскими ребятами. Было трудно. Тогдашних 200 рублей в месяц еле хватало на пропитание. Спустя три месяца устроился на работу кузнецом.

Ему нравилось мусульманское богослужение. «Я видел в богослужении по-мусульмански какую-то глубинную чистоту. А когда встретился в ФЗО с чеченскими ребятами, моя вера в Аллаха стала бесповоротной», – вспоминал Вайсерт.

По собственной инициативе с переводчиком пришел к одному священнослужителю по имени Махмуд (уроженцу села Мелчу-Хи) и объяснился с ним. Но тот с первого раза не поверил. Однако, при втором визите по всем

законам шариата Вайсерт был принят в веру и стал мусульманином под именем Магомед.

С тех пор он исправно соблюдал все главные для мусульман ритуалы: намаз, уразу, никогда не прикасался ни к табаку, ни к спиртному, старался строго следовать чеченским обрядам и обычаям.

Зимой 1950 года женился на чеченке Тамаре. Трудные были времена: в одной комнате вшестером перебивались кое-как в течение года.

С 1951 по 1954 годы Магомед Вайсерт работал в геолого-поисковой партии, затем – на шахте, сначала – в Сарани, потом – в Караганде. К этому времени уже подрастал второй сын. Всего они с женой вырастили восемь детей.

В 1957 году выдали паспорта, дали разрешение поехать на родину. Для него не стоял вопрос: куда ехать? Дорогу Магомед выбрал окончательно: готовился вместе со всеми в далекую Чечено-Ингушетию, в неизвестный край.

Перед отъездом умерла двухлетняя дочь. Предали ее земле по мусульманским обычаям. Загрузив весь свой скарб в контейнеры, двинулись в путь. По приезду построили времянку из саманного кирпича.

С того времени, в течение 31 года, Магомед работал в сельском хозяйстве на строительном участке. Последние два года плотничал на БХЗ, после чего вышел на пенсию.

В 1990 году осуществилась его заветная мечта – *совершить священный хадж в Мекку*. Являлся членом муфтията Чеченской Республики. Его звали на открытие памятников, он помогал примирять кровников.

Был Магомед-Хаджи высок, строен, с подстриженной седой бородой, в национальной одежде, в каракулевой папахе. Поражал людей своей мудростью, знанием чеченского языка, обычаев, исламской веры. Магомед-Хаджи был желанным гостем во всех чеченских домах. Люди говорили: «Сам Магомед-Хаджи из Мелч-Хи посетил мой дом!»

Он не пожелал покинуть ставшую ему родной Чеченскую Республику даже во время боевых действий 1990-х. Хотя Вайсерту, как этническому немцу, предлагали убежище в Германии.

– Кем я там буду в той Германии? Жалким пенсионером в однокомнатной квартире, куда раз в месяц приходит соцработник, – говорил Магомед-Хаджи. – А здесь я со своим народом в трудную для него минуту... Я вжился в национальный характер. А точнее, моя жизнь, мои помыслы стали его воплощением.

Магомед-Хаджи ушел из жизни в 2002 году. Люди, шепотом читая молитвы, шли за телом уважаемого человека – плотника из СМУ-2 Чечено-Ингушского управления строительства, кавалера Ордена дружбы народов СССР. Он был похоронен как чеченец Мохьмад-Хьаьжа по всем канонам Ислама. (Дала гечдойла, Дала декъалвойла иза!)

В чеченском селении Мелч-Хи (Горячая Вода) Гудермесского района, где жил немец-чеченец, в его честь земляки назвали улицу. Рассказы о нем чеченцы передают из уст в уста. Его сын Хасейн ныне – глава родного села Мелч-Хи, второй сын – мулла в этом же населенном пункте.

Список использованных источников и литературы

1. Газета «Республика». 1991 г.
2. Газета «ГУМС». 2002 г.
3. Газ. Учительская газета. № 52. декабрь 1990 г.

Берсанова З.Х.-А.

ГАЙРБЕКОВ МУСЛИМ ГАЙРБЕКОВИЧ
(1911–1971)

Муслим Гайрбекович Гайрбеков – один из самых выдающихся общественных и государственных деятелей Чечено-Ингушетии XX века. Он родился 27 декабря 1913 года (официальная дата рождения – 1911 г.) в селении Валерик Ачхой-Мартановского района.

Детство Муслима, как и у многих его сверстников, было тяжелым. В шесть лет он наполовину осиротел, потеряв мать.

Муслиму, как старшему из детей, доставалось много работы по дому. Но он старался выкраивать время и для учебы. Его образование начиналось в сельском медресе, где он постигал азы арабской грамоты.

С приходом советской власти все местные медресе были закрыты. Тогда отец определил Муслима в светскую школу, которая находилась в селении Серноводское.

Окончив восьмилетку, Муслим решил поступить на рабфак в Грозном. Но в это учебное заведение принимали только с пятнадцати лет. Сделав себе в сельсовете справку, что родился в 1911 году, он достиг желанной цели – стал студентом рабфака.

За время учебы он так сумел зарекомендовать себя, что по окончании учебного заведения его назначили преподавателем, затем – директо-

ром рабфака, хотя был ему всего двадцать один год (на самом деле – девятнадцать).

В 1936 году Муслим Гайрбекович перевелся на партийную работу в Чечено-Ингушский обком КПСС инструктором отдела науки и школ. В том же году он был направлен на работу начальником Управления школ Народного Комиссариата просвещения Чечено-Ингушской АССР, после стал Наркомом просвещения республики.

Великая Отечественная война застала М. Гайрбекова на посту заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Чечено-Ингушской АССР. С началом войны он был назначен комиссаром Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии.

Вскоре его перевели на должность второго секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) по идеологии. Была еще одна (тайная) причина этого назначения. Линия фронта приближалась к Грозному. На случай, если фашистам удастся взять город, Гайрбеков должен был возглавить подпольную партийную организацию республики для руководства партизанской борьбой.

Работа в тылу тоже была нелегкой. Надо было мобилизовать людей на всемерную помощь фронту. Перестроить всю идеологическую работу, подчинив ее главной цели – делу разгрома фашистских полчищ. Муслим делал это с большим успехом. Он умел зажигать людей энтузиазмом, его слово имело вес. Он сам показывал во всем пример, не чураясь никакой работы.

На строительство оборонительных сооружений на Тереке, на дальних и ближних подступах к Грозному были мобилизованы сотни тысяч людей, срочно строились ДОТы, ДЗОты, траншеи, окопы, различные огневые точки, противотанковые рвы, устанавливались противотанковые надолбы. Муслим вдохновлял народ на всю эту гигантскую работу и сам не сидел сложа руки.

Гитлеровцам не удалось захватить Грозный. Тем не менее, чеченцы и ингуши были обвинены в сотрудничестве с немцами и сосланы в Казахстан и Среднюю Азию. Муслим Гайрбеков находился в это время на учебе в Высшей школе парторганизаторов при ЦК КПСС в Москве. Весть о насильственном выселении чеченцев и ингушей, о которой узнал из газет, глубоко потрясла его. Он пошел на прием к секретарю ЦК ВКП (б) Г.К. Маленкову.

«У нас к Вам претензий нет. Можете продолжать учебу и жить вместе с семьей в Москве», – предложил Маленков.

«Меня готовили для работы в Чечено-Ингушской АССР. Так как этой республики больше нет, я поеду туда, где мой народ, и буду с ним», – ответил на это Гайрбеков.

В годы выселения Муслим Гайрбеков работал инструктором Кустанайского обкома партии, затем – заведующим сектором промышленно-транспортного отдела.

В 1947 году М. Гайрбеков стал заведующим организационным отделом Калининского райкома партии.

Вскоре его назначили инструктором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС Казахстана. И он вместе с семьей переехал в Алма-Ату.

В 1949 году, когда вышел указ, запрещающий спецпереселенцам работать на руководящих постах, Муслима перевели на должность директора Сталинского райпромкомбината.

Муслим Гайрбекович всегда оставался простым, доступным для общения человеком, какой бы пост он не занимал. Вокруг него сплотилась чеченская и ингушская интеллигенция тех лет. Драматург Абдулла Хамидов, танцор Махмуд Эсамбаев, ученый Дашлако Мальсагов, культработник Ваха Татаев, писатель Идрис Базоркин были частыми гостями в доме Гайрбекова.

После освобождения из мест заключения в Алма-Атинской квартире Гайрбекова гостили Хаси Вахаев, Магомет Мамакаев, Хасан Мехтиев, Халид Ошаев, Ахмат Висаитов и другие.

Такие встречи земляков не ограничивались простыми беседами о тяжелой судьбе вайнахов. Обсуждались вопросы сохранения языка и традиций. И, конечно, вопрос о восстановлении автономии. В этой связи составлялись письма и обращения в центральные органы власти.

После смерти И.В. Сталина в 1953 году эта работа активизировалась. Но Москва отвечала глубоким молчанием. Правда, одно из обращений – о необходимости создания газеты на чеченском языке – увенчалось успехом. В начале 1955 года Муслим Гайрбеков, наконец, получил из Москвы «добро» на выпуск газеты «Къинхьегаман байракх» – «Знамя труда». Это была большая победа. Редактором газеты был назначен М. Абазатов, завотделом культуры – А. Хамидов, литературным сотрудником – поэт Х. Эдилов. В июле 1955 года вышел в свет первый номер газеты.

9 января 1957 года, наконец, вышел указ Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР. Был создан Организационный комитет по восстановлению Чечено-Ингушской АССР – временный рабочий орган, сочетавший одновременно функции высшего органа государственной власти и государственного управления для централизованного и оперативного руководства процессами восстановления автономии Чечено-Ингушетии.

На пост Председателя этого комитета был назначен Муслим Гайрбеков, который имел богатый опыт руководящей работы в административных и партийных органах Чечено-Ингушетии и Казахстана.

С большой радостью и воодушевлением восприняли вайнахи это назначение, так как Муслим Гайрбеков был не только грамотным, интеллигентным человеком, но и большим патриотом своего народа, для которого были характерны такие черты, как благородство, порядочность, глубокая набожность.

Своим быстрым и успешным восстановлением Чечено-Ингушетия во многом обязана тому, что во главе Оргкомитета, а затем (с апреля 1958 г.) Председателем Совета Министров ЧИАССР был назначен именно Муслим Гайрбеков.

Он очень четко сумел определить стратегию развития восстановительных процессов в республике, выявить первоочередные задачи, окружить себя надежными, проверенными кадрами.

Работать ему приходилось в очень сложных условиях. С одной стороны, ему мешали шовинистически настроенные местные партийные руководители, самым яростным противником из которых был первый секретарь Чечено-Ингушского Обкома партии А.И. Яковлев.

С другой стороны, вернувшиеся из тринадцатилетней ссылки чеченцы и ингуши не всегда понимали, что одним днем все их проблемы решить невозможно. В связи с этим Оргкомитету и его председателю М. Гайрбекову приходилось выдерживать и волны негодования со стороны репатриантов.

К началу 1958 г. в республику было возвращено 200 тысяч чеченцев и ингушей. Всех их необходимо было обеспечить жильем, работой. Детей – местами в детских садах и школах. Населению необходима была медицинская помощь.

Для помощи в строительстве жилья чеченцам и ингушам государством были выделены ссуды, на которые со временем набегали проценты. Многие не имели возможности вернуть государству эти деньги даже без процентов. Огромных усилий стоило Муслиму Гайрбекову добиться от центральных властей, чтобы эти задолженности населения были аннулированы.

Рабочих мест в республике для коренного населения не хватало. И люди чуть ли не целыми семьями уезжали на заработки, отрывая детей от учебы или оставляя дома без присмотра.

Отхожий промысел стал образом жизни для более чем половины трудоспособного населения республики. Некоторые представители местных властей презрительно окрестили их «шабашниками», «тунеядцами». Гайрбеков всеми силами старался создавать в республике рабочие места для коренного населения. При его непосредственном участии в городах и районах Чечено-Ингушетии были сооружены крупнейшие заводы, фабрики, заложены аэропорт, цирк, больницы, театры, школы.

При Гайрбекове была завершена полная электрификация всей республики. Благодаря ему даже в самые отдаленные горные села дошел свет.

«Я кладу в портфель бутылку кефира и булочку, чтобы где-нибудь перекусить на скорую руку, и обиваю пороги Совета Министров СССР, чтобы получить разрешение и кредиты на строительство завода, фабрики, предприятия. А людям, наверное, кажется, что это делается очень просто», – рассказывал Муслим, вернувшись из очередной командировки в Москву [3].

Чечено-Ингушетия занимала последнее место в Союзе по количеству специалистов на душу населения.

Гайрбеков отыскивал по всей стране и добивался перевода домой специалистов-земляков. Один из них – легенда стройиндустрии Эльмурза Исмаилов, долгие годы возглавлявший Чечено-Ингушское управление строительства, переехал в республику из Киргизии по настоянию Муслима Гайрбековича. Именно при Исмаилове город буквально расцвел на глазах, радуя жителей красивыми новостройками: Дом быта, цирк, драмтеатр, кинотеатр «Россия», гостиница «Арена», новое здание Обкома партии (позднее – Президентский дворец), здание пединститута, новое здание нефтяного института, нефтеперерабатывающий завод всемирного значения «ЭЛОУ-АВТ», грузинские дома, шестнадцатиэтажный трехлистник! Все эти здания были плодом усилий и таланта Эльмурзы Исмаилова.

Муслим Гайрбеков делал все возможное, чтобы вырастить в республике национальные кадры специалистов различных отраслей, поэтому много внимания уделял вопросам образования и обучения молодежи. Однажды, когда уже везде прошли вступительные экзамены и был закончен набор студентов, Гайрбеков взял дела двадцати пяти чеченцев и ингушей, не прошедших по конкурсу в различные вузы страны, и вместе с министром здравоохранения Чечено-Ингушетии Магомедом Индербиевым поехал в Москву. Им удалось убедить руководство Министерства Высшего и Среднего специального образования СССР, что республика нуждается в этих специалистах. Вопреки всем существующим правилам все двадцать пять абитуриентов были зачислены в высшие учебные заведения страны.

Гайрбекову удалось добиться решения о внеконкурсном зачислении чеченцев и ингушей в разные вузы страны. Однако вскоре Чечено-Ингушский Обком КПСС приравнял к коренным народам и представителей других национальностей, проживавших в Грозном, и места, выделяемые республике по внеконкурсному набору, стали занимать более подготовленные выпускники городских школ – русские, армяне, евреи и т.д.

Немало усилий стоило Муслиму Гайрбекову создать в республике на базе Чечено-Ингушского пединститута университет. Блокировали это решение не только Апряткин и его окружение, но и свои доморощенные идеологи. Они утверждали, что для создания университета нет достаточного количества научных работников, материально-технической базы.

В то нелегкое время, когда забота о крыше над головой и о куске хлеба, казалось, должна была заслонить от людей все остальные проблемы, Гайрбеков делал все возможное, чтобы восполнить пробел в культуре и образовании, который ощущался из-за тринадцатилетней ссылки. Он был глубоко убежден, что образование и культура – это два светлых маяка, которые могут привести нацию к свободе и процветанию. Он говорил, что нефть, добы-

ваемая в республике, и зерно, выращиваемое на ее полях, уходят, а культура и искусство народа остаются навсегда.

Гайрбеков всегда относился с особым уважением к специалистам в области науки и культуры и помогал им, как только мог, считая эти сферы слабым местом в республике. Очень любил и ценил талант драматурга Абдуллы Хамидова.

Муслим Гайрбекович не только не пропускал ни одной премьеры в театре. Он приходил даже на репетиции. С удовлетворением наблюдал, как возрождается театр, как пополняются ряды актеров, как повышается их актерское мастерство. И самое главное – как тянется народ к культуре!

Пожалуй, никогда до Гайрбекова наша национальная интеллигенция не ощущала на себе такую заботу и внимание со стороны властей. Именно поэтому на период его правления в нашей республике пришелся расцвет культуры, искусства, спорта, образования.

Исключительное внимание уделял Муслим Гайрбеков возрождению и сохранению национальных традиций. Очень популярным стало в те годы возведение частного жилья и объектов соцкультбыта с использованием обычая «белхи». Муслим Гайрбекович приветствовал этот почин и даже написал об этом статью в местной прессе.

Но в то же время очень тревожило его сохранение отголосков такого обычая, как кровная месть. Многие из виновных в преступлениях уже отбыли сроки по суду за содеянное. Эти люди после возвращения из мест заключения не могли свободно чувствовать себя в обществе, устроиться на работу и содержать свои семьи.

В редких случаях, отбыв срок, виновник мог свободно выходить в люди. В большинстве они находились дома и скрывались от своих кровников.

По инициативе Муслима Гайрбекова удалось создать действенный механизм умиротворения враждующих сторон – примирительные комиссии, сформированные практически во всех районах республики. В их состав были включены представители государственных органов, общественных объединений, религиозные деятели.

В результате целенаправленной кропотливой работы этих комиссий только за период с февраля 1960-го по декабрь 1961 г. удалось закрыть (примирить) 200 случаев кровной вражды. У сторон отбирали подписи о состоявшемся примирении, кровники обнимались, и в это время их вместе фотографировали. Все эти материалы с фотографиями публиковались в газетах.

Муслим Гайрбекович Гайрбеков еще многое успел бы сделать для своего народа. Но пережитые трудности, нервные перегрузки, работа без отдыха, практически без выходных, дали о себе знать. Он умер в июне 1971 года в возрасте 57 лет от инфаркта.

Не только жители Чечено-Ингушетии, но и представители соседних республик прибыли на похороны Гайрбекова, чтобы отдать дань памяти этому великому человеку.

Одна из центральных улиц г. Грозный названа именем Муслима Гайрбековича Гайрбекова. В селах Валерик и Шарой центральные улицы тоже носят имя славного сына чеченского народа.

Список использованных источников и литературы

1. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962). Сборник документов и материалов. Т. I. – Нальчик. ООО «Печатный двор», 2013.

2. Баснакаев М. О Муслиме Гайрбекове (краткие очерки и воспоминания). 2-е издание, дополненное. – Элиста. 2005.

3. Полевые материалы автора. Инф. Гайрбекова Зоя Муслимовна (1956 г.р.). Москва.

Магамадов С.С.,
Эльбуздукаева Т.У.

ГУГАЕВ САЛАВДИ
(1917–2010)

Гугаев Салавди – известный на Западе общественный деятель, участник советско-финской войны, организатор и вдохновитель идеи реабилитации чеченского и других репрессированных народов в период сталинизма. Через ООН и мировую общественность добивался возвращения чеченского народа из депортации. Близкий друг Авторханова Абдурахмана Геназовича, который в его произведениях упоминается как Бей-Булат. В селении Шатой в честь Гугаева названа одна из улиц [1].

Родился Гугаев Салавди 25 октября 1917 года в с. Шатой. В 1939 году молодые комсомольцы из села Шатой ушли добровольцами служить в Красную Армию. В их числе был и Салаудин Гугаев.

22 июня 1941 года, в первый день войны с Германией, ранним утром полк, в котором служил С. Гугаев, расположенный в Риге, был окружен и внезапно захвачен немецким десантом. Командир части застрелился, а весь личный состав, не успевший даже взяться за оружие, оказался в плену.

Началась долгая, мучительная жизнь в концлагерях – сначала в Австрии, а затем в Германии. Несмотря на все ужасы, через которые пришлось пройти, Салаудин ни разу не проявил малодушия, не струсил, оставался образцом мужества и твердости духа для своих товарищей.

Волею судьбы ему удалось вырваться из фашистского плена. Он знал, что после плена в СССР ему грозит либо расстрел, либо лагерь, но уже сталинского режима. Как раз в этот период в Германии судьба и свела С. Гугаева с его знаменитым земляком, в будущем – видным политологом Абдурахманом Авторхановым. Страшным ударом для людей, оказавшихся волей судьбы на чужбине, стало известие о насильственном выселении в Среднюю Азию и Казахстан чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов, повлекшее за собой гибель сотен тысяч ни в чем неповинных людей. К этому времени Салаудин и Абдурахман были уже близкими друзьями. Они поклялись, что посвятят всю свою жизнь делу реабилитации репрессированных народов, востановлению государственности, возвращению их на историческую родину.

В Мюнхене Салаудин и Абдурахман приняли самое активное участие в организации Северо-Кавказского Национального Комитета за освобождение репрессированных народов. В состав Комитета вошли представители народов, пострадавших от сталинского режима: чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары. Была создана газета «Газават», на страницах которой публиковались материалы, обличающие бесчеловечный режим Сталина, повествующие о геноциде целых народов, о расправах с инакомыслящими... Газета распространялась не только в самой Германии, но и далеко за ее пределами.

В 1950 году С. Гугаев с семьей переехал на жительство в США. Жизнь в Америке на первых порах складывалась непросто: безработица, отсутствие жилья, двое маленьких детей на руках, которых надо было чем-то кормить. Большую помощь в эти тяжелые годы Салаудину оказала племянница Тапы Чермоева – Дара (Алимат).

Салаудину приходилось много работать в аккумуляторном цехе на одном из заводов Форда. Сначала – простым рабочим, затем – мастером.

Он начал периодически публиковаться, выступать в эфире радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», пытаясь привлечь внимание свободного мира, глав демократических государств к этническому террору, осуществляемому сталинским режимом. Салаудин организовывал митинги и демонстрации в защиту репрессированных народов СССР, в которых принимали участие тысячи человек по всем Соединенным Штатам – от границы с Мексикой и до Канады.

Жизнь семьи Гугаевых в США постепенно наладилась, повзрослели дети. Политически рос и сам Салаудин. Вначале его избрали главой вайнахской диаспоры, а затем на долгие годы он стал президентом Северокавказского национального комитета, объединившего диаспоры всех народов Северного Кавказа в США. Возможно, наиболее значительным вкладом, который внес Салаудин Гугаев в дело реабилитации репрессированных в

СССР народов, явилось его обращение по данному вопросу в Организацию Объединенных Наций 1 июля 1955 года, накануне приезда на Генеральную Ассамблею ООН первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.

Доставить послание до адресата помогла сотрудница аппарата Организации Объединенных Наций. И когда обращение было зачитано на заседании организации, оно произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Салаудин получил официальный ответ из секретариата ООН о принятых по его письму мерах. Как известно, вскоре после возвращения Н.С. Хрущева из США режим для спецпереселенцев в стране начал значительно смягчаться, а через два года чеченцы и ингуши вновь обрели свою родину. Мы должны помнить и знать, что не в последнюю очередь в этом заслуга и С. Гугаева. По словам Салаудина, день, когда весть о возвращении его народа домой дошла до него, стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

Не остался С. Гугаев в стороне и от событий, развернувшихся на его родине с начала 1990-х гг. Им была начата активная деятельность по предотвращению войны в Чеченской Республике. Начиная с 1989 года, Салаудин приезжал на родину трижды. В 1991 году, на тот момент Салаудину было больше 80-и лет, он во второй раз приехал в Чечню. Узнав об этом, в Грозный прилетела целая группа видных деятелей Иордании, чеченцев по национальности, среди которых были генералы, министры и другие деятели. Был среди них также чеченец, который стал единственным человеком в Иордании, дважды удостоившимся высшей награды этой страны. Этот чеченец был военным летчиком, и во время арабо-израильской войны только он один смог поднять в небо свой истребитель и сбить несколько израильских самолетов. (Речь идет о генерале Ахмеде Аллаудине Арслане.)

Каждый его приезд на родину становился настоящим событием, всюду его встречали толпы, люди приглашали его в гости, каждый почитал за честь видеть его гостем в своем доме. По приглашению местных жителей он побывал во многих селах Чечни: Чишки, Шатой, Вярды, Ачхой-Мартан, Урус-Мартан, Самашки, Серноводск, Автуры, Закан-Юрт, Старая Сунжа... Более того, Салаудина приглашали и в соседние республики: в качестве почетного гостя он посещал Назрань и Махачкалу.

Последний раз он приехал на родину буквально за месяц до начала военных действий в 1994 году. Прибыл он по просьбе А. Авторханова с поручением встретиться с Д. Дудаевым и сделать все, чтобы предотвратить надвигающуюся трагедию, которая, по словам Абдурахмана Авторханова, могла иметь для народа более тяжелые последствия, чем депортация 1944-го года. Крайне расстроенным и удрученным вернулся домой С. Гугаев. От пережитого он тяжело заболел и слег, провел около месяца в госпитале.

Когда в Чеченской Республике начались военные действия, Салаудин и его друзья, как могли, старались облегчить страдания мирных жителей нашей республики. Немало гуманитарной помощи и денежных средств было отправлено ими в опаленную войной республику.

О масштабах этой помощи можно судить по следующим цифрам: в результате одной лишь акции Салаудину удалось собрать и переправить в Чечню обувь и одежду на сумму более 4 500 000 долларов. Когда началась вторая «чеченская кампания», Салаудин от имени всех кавказцев обратился с письмом к Президенту В.В. Путину с просьбой о прекращении войны.

За активную общественную деятельность, направленную на защиту прав человека, Салаудин Гугаев был награжден Почетной Грамотой Конгресса США.

Портрет С. Гугаева до сих пор висит над его рабочим местом на заводе Форда. Как говорил С. Гугаев, содержанием и смыслом всей его жизни было счастье и благополучие родного народа, а не личные, и тем более не меркантильные интересы [2].

Салауди не стало 11 апреля 2010 года.

Список использованных источников и литературы

1. Здесь помнят свою историю / Газ. Вести республики. 23.07.2014.

2. ИА «Чеченинфо»//http://abrek.org/1025-salaudin-gugaev-istoriya-chechni-zhzl.html (Дата обращения 10 мая 2020 г.).

Тесаев З.А.

ГЕБЕРТОЕВ МЕЖИД
(18??–1925)

Межид Гебертоев – внук известного муллы Нуркиши, фигурирующего в документах царской России как участник событий Кавказской войны, а затем – мухаджирства, был уроженцем села Ножай-Юрт. Активный военно-политический деятель Горской Республики, Северо-Кавказского эмирата при Узун-Хаджи и советской Чечне. При большевиках был начальником районного отделения милиции, позже – председателем райисполкома Ножай-Юртовского района Чеченской Автономной Области.

Межид Гебертоев был лично знаком с Абдул-Межидом (Тапой) Чермоевым, Узун-Хаджи Салтинским, Николаем Гикало. Все трое гостили и жили в доме у Межида в Ножай-Юрте.

9 апреля 1918 года Межид с отрядом в 500 человек участвовал в нападении на слободу Хасав-Юрт. Прорвавшись к железнодорожному депо, бойцы иррегулярного полка Межида захватили вагон с оружием на станции, о чем писал участник Моздокского съезда журналист Д. Коренев.

Позднее, когда наступающие части Красной Армии вынудили Нухбека Тарковского, управлявшего Дагестанской областью в рамках юрисдикции Горского Правительства, бежать из Буйнакска, у Межида гостил сын Нух-

бека. Сам Тарковский перевел семью свою из аула Коронай в Чечню под защиту своего старого друга Межида в аул Ножай-Юрт.

Межид Гебертоев участвовал и в других войсковых мероприятиях. В частности, Чиркейской операции. Так, в 1918 году чеченский проповедник Косум-Хаджи Сабатаев из Дарго вместе с муфтием Горской Республики Нажмуддином Гоцинским дал сражение XI-й Армии РККА (в октябре). Тело погибшего в бою Къосум-Хаджи попало в руки большевиков. Межид Гебертоев со своим полутысячным отрядом в составе сборного чеченского ополчения направился в сторону Буйнакска вместе с сыном проповедника – Абдурашидом. Добравшись до Чиркея, руководители ополчения передали командование операцией Межиду. Он принял решение дать противнику ночной бой. Когда же ополчение подошло к горе Чиркой-Лам, чеченцы напали на красноармейцев под покровом темноты. Застав солдат врасплох, они не только отбили тела Косум-Хаджи и его помощника, но и взяли трофейные орудия. Тело Косум-Хаджи доставили домой и захоронили.

Появление на Кавказе зимой 1919 года Добровольческой Армии генерала Деникина привело к политическим перестановкам в регионе. Важную роль стал играть Узун-Хаджи Салтинский, которого поддержали Тапа Чермоев и Межид Гебертоев.

После ряда успешных предприятий Узун-Хаджи, объявивший на освобожденной от деникинцев территории суверенный Северо-Кавказский эмират, предпринял очередной поход в тыл Астраханской группы Кавказской армии Деникина. Большевики, руководимые Николаем Гикало, теперь уже выступали в роли союзников Узун-Хаджи и Гебертоева. Межид Гебертоев в положении эмира второй армии Эмиратства, совместно с камышинскими социалистами, совершил удар по станице Александрийской, расположенной в 20 км от побережья Каспийского моря по старому руслу Терека и известной чеченцам под названием Капай.

В документах от 1919 года сообщается: «В ночь на 4 сентября чеченцы совместно со скрывающимися среди них красноармейцами произвели нападение на станицу Александрийскую в тылу Астраханской группы Кавказской армии».

В сентябре–октябре 1919 года Межид Гебертоев участвовал в Костековской операции. Причиной нападения на Костек стала попытка втянуть аул на сторону Национального совета Ибрагима Чуликова – противника Узун-Хаджи и Гикало. В нападении на поселение участвовали также конные отряды шейхов Али Митаева и Азы Аллероевского. «В том бою, – пишет Я. Инеркаев, – белогвардейцы потерпели крупное поражение, несмотря на то, что они имели в своем вооружении тяжелые орудия. Под натиском горцев они были просто смяты. Костек и окруженный корпус красноармейцев были освобождены». Из отряда Межида в этом бою погиб только один воин – 12-летний паренек из селения Билты Ножай-Юртовского участка.

Весной 1920 года, когда была окончательно установлена советская власть в Чечне, Межид Гебертоев возглавил окружную милицию.

Он продолжал переписку с Тапой Чермоевым, который находился в эмиграции. ВЧК внимательно следила за этими контактами и имела планы по «изъятию» Межида Гебертоева.

Печать Межида Гебертоева

С 25 августа по 12 сентября 1925 года в Чеченской Автономной Области было осуществлено так называемое «разоружение». При подготовке операции в документах с грифом «секретно» выдвигались ложные обвинения; проводился инструктаж по использованию существующих между обществами территориальных конфликтов в интересах специальных служб; перечислялись позывные секретных сотрудников ОГПУ. В частности, в тексте сообщалось: «…В Нажи-Юртовском районе власть в руках бывш. наибов Гоцинского Меджида ГОБЕРТИЕВА, ярого реакционера-шариатиста, имеющего связи с Гоцинским и переписку с ЧЕРМОЕВЫМ…». Гебертоев, «…ныне в Соваппарате», сообщалось в донесении. Действительно, Межид занимал пост председателя райисполкома, имел большой авторитет в обществе и по-прежнему продолжал быть тайповым тамадой: «…в Нажи-Юрте – Глава Бельтоевского рода Межид Гобертиев, могущий повлечь за собой весь Бельтоевский род и местный бандитский элемент. Против него можно использовать конкурента Абдул-Хакима АСХАБОВА».

В задачу оперативного отряда входило «А/ В самом начале операции через посредство с/с «Неутомимого» повести дипломатическую работу о легализации Гобертиева в процессе операции как лицо, возглавляющее окружную власть, и широко его при произведении операции использовать, оказывая все время знаки самых благожелательных к нему отношения, и арестовать только после окончания операции в районе, не останавливаясь даже перед спровоцированием «Неутомимого».

Б/ Если с самого начала выявится резко противная линия со стороны ГОБЕРТИЕВА – арестовать, использовав враждебное отношение к нему зандаковцев.

ПРИМЕЧАНИЕ. Иметь ввиду, что, если Гобертиев подумает скрыться с самого начала операции при приближении войска, он может увести с собой всю милицию и банд-элемент района: скрыться он может или в район Гордали–Гуни или в район х. Байтырек, Семсири».

В ходе оперативных действий части ОГПУ, расположив артпозицию напротив Ножай-Юрта, произвели обстрел села, а также соседних Бильтов и Рогун-Кажа, а затем захватили в заложники сельских детей и объявили ультиматум: «Если Межид не сдастся сам или его не выдадут сельчане, женщин убьют, а детей поместят в интернат». Межид, отсутствовавший на тот момент в Ножай-Юрте, узнал о происходящем в районе от своего друга и родственника – Пайзулы Усмигова. Межид, не задумываясь, отправился в село в сопровождении Пайзулы и, испрашивая прощения у соплеменников, оказавшихся невинными жертвами государственного террора, добровольно сдался чекистам. Вместе с ним сдался и Пайзула Усмигов. Их провожали всем селом; они были отправлены в Хасав-Юрт, а оттуда – в Ростов-на-Дону, где впоследствии были расстреляны.

По свидетельству очевидца событий Девлетмирзы Гераева, Межид не оказал сопротивления, боясь, что это спровоцирует боевые действия и убийство его соплеменников. Отметим, что при «разоружении Чечни», в том числе в Ножай-Юрте, использовалась кавалерия, бронетехника, артиллерия и авиация.

Для «изъятия» авторитетных в народе политических и религиозных деятелей большевики использовали любые методы: шантаж, дискредитацию, убийство и т.д. При выполнении таких задач власти не останавливались ни перед личными заслугами, ни перед народным авторитетом «изымаемых» личностей.

До ареста Межид Гебертоев был награжден Почетной Грамотой за подписью В.И. Ленина. Личность Межида сочетала в себе качества военного и дипломата. Межид сыграл неоценимую роль в судьбе соплеменников и чеченского общества в годы смуты и потрясений. Военный предводитель, лидер, тактик и дипломат Межид Гебертоев сумел личным примером показать достоинства лучших из сынов Отечества, внеся свой вклад в общую историю чеченского народа.

Список использованных источников и литературы

1. Музаев, Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – 2-е изд.: испр., допол. / Т.М. Музаев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.: илл.

2. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / Авт. коллектив: В.А. Козлов (рук.), Ф. Бенвенути, М.Е. Козлова, П.М. Полян, В.И. Шеремет; сост. и авт. коммент.: И.А. Зюзина (отв. состю), В.А. Козлов, М.Е. Козлова (ч. V–VI), Н.Л. Поболь (ч. II–IV), П.М. Полян (ч. II–IV), Т.В. Царевская-Дякина, В.И. Шеремет (ч. I). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президенсткий центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.: карты.

3. Записал З.А. Тесаев со слов Р.Д. Махмудова (1954 г.р.). Беркат-Юрт, 2018.

4. Записал З.А. Тесаев со слов М.А. Межидова (1958 г.р.). Грозный, 2014.

5. Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., науч. ред., предисл. и комм. д.и.н. С.В. Волкова. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 606 с.

6. ЦГАРД. Ф. 8-П. Оп. 3. Д. 97.

7. Уралов (Авторханов), А. народоубийство в СССР. Убийство чеченского народа / А. Уралов (Авторханов). – Мюнхен: «Свободный Кавказ», 1952. – 70 с.

8. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 277.

9. Записал З.А. Тесаев со слов Ш.Д. Гераева (1950 г.р.). – Ножай-Юрт, 2016.

10. Аюбов, З.У. Рогун-Кажа и рогункажинцы / З.У. Аюбов // Вайнах, 2017. № 4. – С. 91–96.

11. Инеркаев, Я.Ю. Дайн лорах. Стихаш, проза, публицистика / Я.Ю. Инеркаев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2019. – 218 с. (На чеч. и рус. яз.)

12. Фото печати Межида Гебертоева. Передал А.А. Хасимханов (1967 г.р.). Грозный, 2018.

Гарсаев Л.М.

КАГЕРМАНОВ АЛХАЗУР ДЕНАЕВИЧ
(1934–1987)

Кагерманов Алхазур Денаевич родился в 1934 году в селе Гойты Урус-Мартановского района Чеченской Автономной Области. В возрасте 9 лет был выслан с родителями. В годы насильственного переселения проживал в Семипалатинской области Казахской ССР. Окончив школу, там же начал работать механизатором. После реабилитации чеченцев и ингушей вернулся в родное село. Работал объездчиком кукурузных полей совхоза «Красноармейский», механизатором в совхозе «Горец», бригадиром. За особые заслуги в развитии народного хозяйства Чечено-Ингушской АССР Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 декабря 1965 года присвоил бригадиру тракторно-полеводческой бригады совхоза «Красноармейский» Урус-Мартановского района Кагерманову Алхазуру Денаевичу звание Героя Социалистического Труда.

В декабре 1965 г. Алхазур окончил Серноводский сельскохозяйственный техникум, а затем – Горский сельскохозяйственный институт в г. Орджоникидзе. В 1969 году стал директором вновь созданного молочно-овощного совхоза «Гойтинский». Затем был переведен первым секретарём Урус-Мартановского райкома КПСС. Работал заместителем председателя Совета Ми-

нистров Чечено-Ингушской АССР, избирался депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Был депутатом Верховного Совета СССР 6 созыва, делегатом XXII и XXV съездов КПСС.

В селе Гойты и во всем Урус-Мартановском районе Алхазур Кагерманов пользовался непререкаемым авторитетом и уважением жителей. Был очень толерантным человеком по отношению к людям, к их чаяниям и верованиям. Во время воинствующего атеизма и щельмования людей за намаз, пост и зикры он почтительно относился к этим атрибутам ислама. Однажды он ехал с водителем на работу в Урус-Мартан, будучи 1-м секретарем райкома КПСС этого района, и увидел обширную процессию, сопровождающую покойника на кладбище с зикром. Чтобы не мешать им исполнять богоугодные обычаи, он развернулся и поехал другой дорогой. Этот поступок долго помнили и обсуждали односельчане.

Забота его чувствовалась в селе и районе во всех направлениях. Особенное внимание он уделял образованию и профессиональной ориентации учащихся. В Гойтинской средней школе № 2 функционировала ученическая производственная бригада. Одним из инициаторов её создания был Алхазур Кагерманов, в то время уже первый секретарь Урус-Мартановского райкома КПСС.

Алхазур Денаевич был примерным семьянином и воспитал четырех достойных сыновей и двух дочерей.

Награды и звания:

- два ордена Ленина;
- орден Октябрьской Революции (23 февраля 1976);
- орден Трудового Красного Знамени (7 декабря 1973);
- шесть медалей ВДНХ, из них две – золотые;
- Герой Социалистического Труда (24 декабря 1965 года).

Именем Алхазура Денаевича Кагерманова названы улицы в селах Алхан-Юрт и Гойты Урус-Мартановского района.

Алхазур ушел из жизни в 1987 г. на 53-м году жизни, оставив о себе добрую память.

Акаев В.Х.

МАГОМАДОВ ЛЕЧА ДОБАЧЕВИЧ
(1937–2005)

Как личность Леча Добачевич Магомадов сформировался в традиционной чеченской семье, где высшей нравственной ценностью считались уважение к старшему, добропорядочность, честность, великодушие, открытость, принципиальность.

Магомадов Лечи Добачевич родился 1937 года в селе Шалажи Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Леча был очень живым ребенком, но послушным воле родителей. Это было не рабское послушание указаниям старших, а осмысленная готовность выполнять волю и следовать советам своих наставников. Именно в атмосфере добросердечия, и, вместе с тем, суровой требовательности со стороны отца – Дабчи – формировался характер одного из будущих руководителей нашей республики.

В многочисленной семье Лечи Магомадова отношения между ее членами строились на взаимном доверии, тактичности и уважении. В кругу своих братьев и сестер он вел себя чутко, никогда не повышал голос, если он и критиковал их, то сама эта критика обретала форму юмора, выражалась на колоритных народных поговорках. Словом, его личностные качества наиболее точно охватываются емким понятием нравственной культуры чеченцев – оьздангалла.

Тяжелейшие испытания выпали на долю многострадального чеченского народа. В феврале 1944 года по надуманным и лживым обвинениям чеченцы были подвергнуты насильственному выселению в Среднюю Азию и Казахстан.

Здесь, в Казахстане, в период сталинско-бериевского выселения прошли его детские и юношеские годы, именно в это время цементировалась твердость и цельность его характера. Учителю, находившемуся под влиянием бериевской пропаганды, он решительно заявил, что настанет день, когда чеченцы вернутся на свою историческую родину и у них вырастут свои учителя, врачи, инженеры, ученые, журналисты. Находясь на различных должностях, он многое делал для того, чтобы взрастить национальную интеллигенцию.

Основные вехи жизненного пути Лечи Магомадова охватывают школьные годы, прошедшие в Средней Азии и Казахстане, армейскую службу, обучение в вузе и напряженную трудовую деятельность на благо процветания Чечено-Ингушетии.

Окончив в 1964 году Грозненский нефтяной институт им. М.Д. Миллионщикова, он начинает работать в должности мастера Грозненского монтажного управления треста № 7 Минмонтажспецстроя СССР. Организаторские способности и инициативность, профессиональные качества позволили ему в течение трех лет стать главным механиком монтажного управления треста. В 1967 году он был избран председателем обкома профсоюзов строителей Чечено-Ингушетии. В 1968 году – первым заместителем Грозненского горисполкома. Восемь лет находясь на этой должности, весь свой опыт, знания он направил на развитие стройиндустрии Грозного и совершенствование городского хозяйства.

В 1976 г. он был выдвинут на партийную работу, избран заведующим отделом строительства, секретарем и вторым секретарем обкома КПСС. Находясь на этих ответственных должностях, он свои способности, энергию, опыт нацелил на внедрение передовых технологий в промышленность, строительство, создание научно-технической и производственной базы республики, формирование многонационального кадрового корпуса.

Именно в 70–80 годы XX века стали выявляться лучшие инженерно-технические, научные кадры из числа чеченцев. Наметился поворот в кадровой политике: на руководящие должности, хотя и дозированно, но назначались подготовленные и опытные управленцы-чеченцы. Однако общая ситуация кадровых перекосов, существовавшая в Чечено-Ингушетии, в целом оставалась неизменной.

Во второй половине 70-х г. XX столетия Леча занимал должность второго секретаря Чечено-Ингушского областного комитета партии. В это время проявились его организационные и политические качества. Именно в этот период Чечено-Ингушская АССР достигла пика своего экономического развития, превратившись в один из крупных индустриальных центров Северного Кавказа.

Большой организаторский талант, высокий профессионализм, самостоятельность, выраженный патриотизм снискали Л. Магомадову заслуженный авторитет и признание среди трудящихся, партийных работников, интеллигенции. Важно подчеркнуть особенность манеры Лечи Добачевича при обращении к нему. Это был единственный руководитель, который при обращении к нему с приветствием на чеченском языке: «Ассаламу-алейкум!» – четко и ясно отвечал: «Ва алейкум-салам!»

Вместе с тем следует отметить, что государственная, партийно-политическая деятельность его не была усыпана цветами, у него были противники, которые видели в нем политического конкурента, возможного руководителя республики. Определенным политическим силам удалось прервать его партийную карьеру. Понимая, что в отношении него допущена несправедливость, кремлевские кадровики пытались направить его в качестве посла в Монголию. Не желая покидать республику, Леча настойчиво отказался от сделанного ему предложения и продолжил служение своему народу и республике. В 1983 году он был назначен Председателем государственного комитета по ценам при Совете Министров ЧИАССР и на этой должности проработал 8 лет.

Независимый характер и твердые политические качества им были проявлены в 1989 году, когда, вопреки мнению бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС, он стал баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР. Необходимо подчеркнуть, что депутатом Верховного Совета СССР его избрали граждане Чечено-Ингушетии, прежде всего, сельские жители, ценившие его трудолюбие и патриотизм, умение отстаивать общенациональные интересы. В выступлении на одном из съездов депутатов Верховного Совета СССР, им были поставлены вопросы о необходимости создания рабочих мест в Чечено-Ингушской АССР, об улучшении экономического благосостояния народа и об осуществлении широкой газификации сельской местности, что позволило бы сохранить для республики ценный буковый лес.

В годы советской власти он относился к числу тех редких профессионалов и управленцев, которые отстаивали интересы чеченского и ингушского народов.

В период государственного переворота в 1991 году его политическая деятельность была нацелена на предотвращение политической дестабилизации, разделения Чечено-Ингушетии, на сохранение экономической, промышленной базы республики. Будучи активным участником антидудаевского движения, отстаивая политические методы противодействия установившемуся режиму, он подвергал резкой критике силовое решение проблемы. В этот период он фактически превратился в идейного и политического лидера оппозиции. Под его руководством в Грозном, в селах, за пределами Чечено-Ингушетии неоднократно проводились встречи с теми, кого беспокоило настоящее и будущее народа, велся поиск путей ограничения, а затем и лишения власти узурпаторов.

Особым этапом в деятельности Лечи Магомадова является период с 1995 по 1996 год. Как первый заместитель, а потом и Председатель Комитета национального согласия Чеченской Республики, он проводил колоссальную работу по демилитаризации ситуации, по вопросам нарушения прав человека и гражданина в Чеченской Республики. В его деятельности в этот период следует выделить два направления:

1) миротворческо-переговорное;

2) противодействие насилию.

Вступая в переговоры с полевыми командирами, он убеждал их в бесперспективности их действий, призывал прекратить сопротивление.

Критикуя бездарные военные операции, многочисленные зачистки, как правило, завершавшиеся насилием, похищением людей, мародерством, грабежами, Леча предлагал свою схему достижения мира в Чеченской Республике. Он публично предлагал руководству России изменить тактику наведения конституционного порядка, передать в руки самих чеченцев борьбу против наемников и террористов, усилить чеченскую милицию, создать вооруженную национальную гвардию, которая находилась бы во взаимодействии с военными.

В период масхадовского режима в 1996–1999 годы он жил в селе Шалажи, не стал покидать республику, хотя это и было небезопасно.

Назначение Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 12 июня 2000 г. Главой Администрации Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова Леча Магомадов воспринял как правильное и политически выверенное решение. В самое сложное время он всегда находился рядом с А.-Х. Кадыровым, поддерживал его желание раз и навсегда покончить с войной в Чеченской Республике, мудрым словом и делом оказывал поддержку во всех его начинаниях, сопряженных с достижением мира и согласия в Чеченской Республике.

С 2000 года совместно со своими коллегами, известными в республике людьми, он занимался партийным строительством, возглавлял региональное отделение партии «Единство», трансформировавшееся в «Единую Россию». На одном из съездов партии «Единства» он мастерски использовал ее трибуну, заявив, что чеченцев преследуют в Российской Федерации по национальному признаку, что военные своими преступлениями против законопослушных граждан настраивают чеченцев против власти. От руководства страны он требовал вывести армию из Чеченской Республики, которая позорит себя, и передать борьбу с терроризмом в руки чеченцев. Последующие события показали, что федеральный центр прислушался к голосу Лечи Магомадова.

Вместе с Ахматом-Хаджи Кадыровым Леча Магомадов являлся одним из инициаторов проведения в Чеченской Республике референдума, который позволил определить реальный путь возвращения чеченцев в политико-правовое пространство единого российского государства.

Без сомнения, А.-Х. Кадыров и его сторонники, в том числе Леча Магомадов, добиваясь проведения всенародного референдума 23 марта 2003 года, проявляли политическую дальновидность, закладывали юридический фундамент под чеченский социум, искусственно выведенный из-под юрисдикции Российского государства. Вместе с тем, следует подчеркнуть и тот факт, что итоги референдума явились прямым отражением волеизъявления народа, желавшего находиться в правовом пространстве общего государства.

Несмотря на то, что он не обладал богатырским здоровьем, Леча работал напряженно и эффективно. В Общественном совете по контролю над восстановлением экономики и социальной сферы Чеченской Республики он много делал, чтобы пострадавшие получали положенные им компенсации за жилье и утерянное имущество.

Суть его политической философии состоит в том, что он призывал чеченцев перед лицом смертельной опасности к сплоченности, единству, мужеству. Формирование чеченской нации, основанной на лучших обычаях и традициях этноса, он считал задачей дня. Без сомнения, что эти идеи и сегодня остаются актуальными как в теоретическом, так и в практическом отношении. Таким личностям древнегреческая общественная мысль давала короткое, но очень емкое определение – достойный муж, чеченским аналогом этого выражения является – къонах. Леча Магомадов – один из тех достойных людей, который заслуженно пользовался значительным авторитетом. Наш гражданский долг – не забывать его.

Жизненный путь выдающейся личности, да и каждого человека, состоит из конкретных дел, творений, оценок, даваемых ему его родственниками, друзьями, товарищами, простыми людьми, а в целом – и самим народом. Но этот путь имеет свое логическое завершение – неминуемая естественная смерть, к которой благочестивый человек должен готовиться каждый миг. Это очень хорошо понимал Леча Магомадов. Готовясь к совершению хаджа в Мекку, он говорил: «Хьажийн цIахь валлал ирс-м хир дацар сан!» Но Всевышний, услышав эту мольбу, распорядился в его пользу. Леча умер 25 февраля 2005 года в священном для всех мусульман городе Мекке во время совершения хаджа. Разве это не знак Всевышнего, который таким образом подвел итог всей его жизни?

Без сомнения, Леча Магомадов был цельным, достойным и выдающимся человеком. Когда человек живет среди нас, и мы периодически с ним общаемся, то в повседневных рутинных делах недостаточно ценим его, не воздаем ему должное.

Леча Магомадов имел множество наград. В 1970 г. был награжден орденами «Знак почета», а в 1979 г. – орденом «Дружбы народов». Но по-настоящему гордился он званием «Почетный гражданин Чеченской Республики», которое получил за особые заслуги перед Отечеством.

Человек и гражданин, Леча-Хаджи Магомадов живет в памяти народа.

Берсанова З.Х.-А.

МАЛЬСАГОВ ДЗИЯУДИН ГАБИСОВИЧ
(1913–1994)

Известный диссидент, общественный деятель Дзияудин Габисович (Габишович) Мальсагов родился в 1913 году в селе Старый Ачхой Грозненского округа Терской области. Через два года после рождения сына отец Дзияудина – Габис – был арестован органами царской власти за революционную деятельность. Выйдя на свободу после Октябрьского переворота, он активно включился в борьбу за идеалы большевиков. Мужественный характер своего отца Габиса, острое неприятие несправедливости, энергичность, трудолюбие унаследовал сын Дзияудин.

Примерно в шестилетнем возрасте Дз. Мальсагов пешком из села Старый Ачхой дошел до ст. Горячеисточненская, чтобы записаться в начальную школу.

После окончания школы Дзияудин работал чабаном, разнорабочим, позже учителем начальной школы. Через некоторое время его назначили директором неполной средней школы Сунженского района, затем – Старопромысловского.

Получив юридическое образование, Дзияудин переключился на правоохранительную деятельность. В течение шести лет (с 1931 г. по 1937 г.) он работал прокурором, следователем, нарсудьей Курчалоевского, Шалинского районов.

В декабре 1937 г. его назначили первым заместителем наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР.

Случилось так, что по роду службы он стал свидетелем одного из самых страшных преступлений сталинизма – сожжения и расстрела мирных жителей горных селений в Хайбахе в 1944 году. Благодаря мужеству и настойчивости Мальсагова мир узнал о трагедии у горного чеченского села. За правду о Хайбахе, за стремление защитить права своего вечно гонимого народа он поплатился годами тюрьмы и «психушки», но даже это не сломило его.

В Казахстане Дзияудин Мальсагов был назначен первым заместителем Председателя Талды-Курганского Облсуда. Редко кому из представителей насильственно выселенных народов доверяли столь высокие должности. Но Мальсагов особо не прельщался своей карьерой. Его думы и мысли были заняты другим – трагедией Хайбаха, которую он не мог забыть.

В январе 1945 года он написал об этом произволе в Хайбахе и Малхесты И. Сталину. Через месяц его уволили с работы и предупредили, что если еще раз поднимет эту тему, то распрощается с жизнью.

После смерти Сталина в стране начались большие перемены, которые в первую очередь коснулись репрессированных народов. В феврале 1956 года на XX съезде КПСС первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев сделал свой знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях».

Это историческое решение коренным образом изменило и жизнь Дзияудина. В 1956 году ему позволили заняться адвокатурой, и он стал заместителем председателя Алма-Атинского суда.

В июле 1956 года в Алма-Ату приехал Н.С. Хрущев. Дзияудину удалось встретиться с ним и передать письмо, где подробно описал трагедию в Хайбахе.

Началось негласное, но очень широкое расследование этого вопроса. К чеченцам и ингушам, которые еще оставались в Средней Азии, послали комиссию, в которую вошли следователи из ЦК, прокуратуры и Совмина. Члены комиссии опрашивали чеченцев, как происходило выселение. Было собрано очень большое число документов, которые так никогда и не были опубликованы или хотя бы вскользь упомянуты в прессе. Кроме того, была послана специальная следственная группа в Грозненскую область для проведения расследования на местах. Следственная группа выехала в Хайбах и нашла там документальные подтверждения преступления сталинских палачей.

В ноябре 1956 года были отменены все ограничения на возвращение чеченцев и ингушей домой и было принято решение о восстановлении ЧИАССР. Был создан Оргкомитет по восстановлению Чечено-Ингушетии, одним из членов которого стал и Дзияудин Мальсагов.

В декабре 1956 года Дз. Мальсагова снова вызвали в Москву вместе с другими чеченцами и ингушами, которые входили в Организационный комитет по восстановлению Чечено-Ингушской АССР: Гайрбековым, Яндиевым, Тангиевым, Тепсаевым. А 16 января 1957 года в адрес Мальсагова пришла правительственная телеграмма – ему предлагалось немедленно выехать в Грозный и начать работу по восстановлению автономии Чечено-Ингушской АССР.

Проблем у репатриантов было много. Дзияудин Мальсагов всеми возможными способами помогал им – с жильем, трудоустройством и т.д., параллельно поднимал вопросы, связанные с Пригородным районом, куда не пускали коренных жителей, возвратившихся из депортации.

Чтобы хоть немного нейтрализовать бурную деятельность Мальсагова, власти послали его на учебу в Москву в партийную школу – подальше от Грозного.

В это время он познакомился с известными советскими диссидентами – А.Е. Костериным, С.П. Писаревым. Завязал дружбу с сестрой и братьями известного революционера Николая Федоровича Гикало.

В столице Дз. Мальсагов продолжил заниматься историей: изучал вопросы гражданской войны на Тереке, работал в архивах, библиотеках, собирал сведения от живых участников тех событий, изучал произведения мемуарного характера, написанные видными деятелями революционных событий на Северном Кавказе. В то же время следил за всем, что происходило в его родной республике, жил проблемами своего многострадального народа. После долгих раздумий написал в ЦК КПСС, что грозненские власти всячески препятствуют восстановлению республики. Из ЦК приехала комиссия, в том числе и Мальсагов, и в кабинете Яковлева началось очень болезненное обсуждение этого вопроса.

Яковлев продолжал доказывать свою точку зрения: переселенцев, мол, некуда расселить, негде трудоустроить. Он предлагал возвращать их постепенно, в течение пяти лет. У него на столе стояли графин с водой и стакан. Он налил полный стакан воды: вот, мол, дальше лить некуда, перельется через край.

Дзияудин схватил стакан, вылил часть содержимого: теперь можно долить! (Все это имело свой подтекст. Ходили упорные слухи о том, что Яковлев всеми силами удерживал в республике тех русскоязычных жителей, которые хотели покинуть ее. Мало того, он приглашал в Чечено-Ингушетию рабочих из других регионов.)

Яковлев грубо оборвал своего оппонента. Тогда Мальсагов выплеснул ему в лицо остатки воды и поставил перед ним пустой стакан:

– Лей теперь сюда! Нас выслали из республики за 24 часа! Почему возвращаться мы должны в течение пяти лет? Это наша земля! Мы здесь жили и будем жить!

Товарищи из ЦК, видя такой поворот событий, начали успокаивать: «Товарищ Мальсагов! Все пойдет по уже принятому решению».

Вскоре Дзияудин вновь уехал в Москву. Но люди продолжали обращаться к нему через письма, жаловались на то, что уже подходит весна, надо как-то обустраиваться, а земля не выделяется. Позже целый ворох этих жалоб Мальсагов вывалит на стол в ЦК во время совещания. Растерянный Яковлев будет искать оправдания.

Настроения шовинистически настроенных русских жителей Грозного, подогреваемых Яковлевым, вскоре вылились в открытый бунт.

Подтянутые из соседних регионов войска усмирили бунтовщиков. Ненавистный чеченцами Яковлев был снят со своего поста. Жизнь в городе входила в нормальное русло. Дзияудин готовился к защите кандидатской диссертации, которая должна была состояться в мае 1959 года.

Но вдруг его арестовали по статье № 57 Уголовного Кодекса РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». Ему вменялась в вину «организация изготовления и распространения листовок, содержащих: призыв к смещению со своего поста Главы Правительства Н. Хрущева, восхваление членов антипартийной группы Маленкова и Молотова и царского генерала Ермолова, выпады против чеченцев и ингушей».

По сфабрикованному делу Выездная сессия Верховного СССР приговорила Дз. Мальсагова к длительному сроку заключения.

Вполне допустимо, что такие действия КГБ стали возможны потому, что их поддерживал Серов (имевший непосредственное отношение к событиям в Хайбахе в 1944 г.), в то время занимавший должность председателя КГБ СССР. Центральные органы КГБ поддерживали действия местных органов КГБ.

После суда Мальсагова отправили в Сибирь, в Тайшет. Вскоре из Тайшета Дзияудина перевели в Мордовию, где находились в заключении диссиденты. Это был цвет нации – ученые, академики, профессора. Здесь почти три года провел и Дзияудин. Он обращался с письмами в Москву, добиваясь пересмотра своего дела. К его борьбе подключились московские правозащитники: Костерин, Писарев и другие. Дело получило широкую огласку.

К Мальсагову, как к грамотному юристу, обращались другие заключенные, осужденные невинно. Даже находясь за решеткой, Дзияудин продолжал бороться за свои и чужие права.

Он вернулся из мест заключения в декабре 1964 года (после трех лет отсидки и пребывания в психиатрической больнице). В его активе было три высших образования, пенсия в 65 рублей и справка из Ленинградской специальной психиатрической больницы КГБ СССР. Его реабилитировали, но на работу никуда не брали. Вскоре, однако, нашелся человек, который не побоялся принять его на работу. Это был директор «Культторга» Мунаев.

В 1970–80-е годы Дзияудин работал юрисконсультом, а затем – начальником Управления мелиорации Министерства сельского хозяйства ЧИАССР. В это время он заочно учился в сельскохозяйстенном институте в Орджоникидзе. Несмотря на то, что имел гуманитарное образование, а точные науки не изучал со школьных лет, Дзияудин сдавал все экзамены на «отлично».

В свободное от учебы и работы время отдыхал в родном селении Старый Ачхой. Здесь построил большой дом с огромным залом, чтобы односельчане могли совершать в нем коллективные молитвы.

Наконец, в стране наступили времена, когда стало возможным рассказать всю правду о Хайбахе, не рискуя угодить за это в тюрьму или психушку. Дзияудин не преминул этим воспользоваться. В феврале 1990-го он описал события в Хайбахе, очевидцем которых стал 46 лет назад. Статья была опубликована в газете «Комсомольское племя» и вызвала большой резонанс.

В 1990 году в Хайбах выехала чрезвычайная комиссия, в состав которой входили: московский журналист, руководитель группы «Поиск» Советского комитета ветеранов войны Степан Савельевич Кашурко; член оргкомитета по восстановлению автономии Ингушетии Салим Ахильгов; корреспондент ТАСС Шарип Асуев; прокурор Урус-Мартановского района, народный депутат ЧИАССР Руслан Цакаев; учитель из Гехи-Чу Саламат Гаев.

Члены комиссии составили акт обследования места массового уничтожения жителей Галанчожского района в Хайбахе.

В этом документе записано: «Комиссия считает установленным факт массового уничтожения людей путем сожжения и расстрела в Хайбахе и признает это геноцидом.

Призвать государственные и общественные организации и всех граждан оказывать всяческое содействие проводимому по указанному факту расследованию.

Необходимо в память о зверски замученных мирных жителях установить памятник».

***

В начале 1990-х годов Мальсагов тяжело заболел, был прикован к постели. Несмотря на это, очень переживал происходящие в Чеченской Республике разрушительные процессы. Он несколько раз имел беседу с Джохаром Дудаевым, пытался убедить его, что выбранный им путь на достижение независимости Чечни обречен на провал, что нельзя втягивать чеченский народ в политическую авантюру.

5-го апреля 1994 года за полгода до начала войны Дзияудина не стало.

В 1998 году на фасаде «барского дома», в котором жил Дзияудин Мальсагов, была установлена мемориальная доска в его честь, которая в годы второй чеченской войны была уничтожена. Но усилиями его вдовы 7 августа 2012 года мемориальная доска была восстановлена.

Список использованных источников и литературы

1. Адуев В. Адвокат чеченского народа. Информационное агентство «Грозный-информ». 26 февраля 2010 г.

2. Берсанова З.Х.-А. Судьбы учёных: сборник документальных очерков. – Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2014. – Т.1. – 464 с. – ISBN 9785945875692.

Гешаев М.Б.

МУТУШЕВ АХЬМАД МАГОМЕДОВИЧ
(1879/1884–1943)[1]

Это был необычайно популярный человек. Редко кто на Кавказе не знал его имени. Интеллигентный, образованный, в совершенстве владевший шестью языками, непревзойденный оратор и публицист, к тому же, красавец, он приобрел известность, прежде всего, благодаря своей профессиональной деятельности адвоката. Он убедительно строил доказательства того, что сама власть толкает людей на преступления, создавая им невыносимые условия. Защитник слабых, он всегда выступал на стороне униженных и беззащитных и, как правило, выигрывал такие судебные процессы. Особенно активно он защищал самых бесправных – своих земляков-горцев.

Ахьмад Мутушев родился в сентябре 1879 года в крепости Воздвиженской (Чахкири), недалеко от села Старые Атаги. Его отец Магомед, окончив в 1863 году Владикавказское окружное военно-артиллерийское училище и прослужив недолго в артиллерийских частях, в чине поручика вышел в отставку и поселился в крепости Чахкири.

[1] Сокращенный вариант статьи: Гешаев М. Он вырван был из жизни тесной... // Гешаев Муса. Знаменитые чеченцы: художественно-исторические очерки. В 4-х кн. Книга вторая / Авт.-сост.: М. Гешаев. – М.: Мусаиздат, 2005. – С. 277–303.

Получив начальное образование в трехгодичной сельской школе, Ахьмад окончил Грозненскую горскую школу и поступил во Владикавказское реальное училище.

В 1902 году Ахьмад, выполняя волю отца, поступил в Петербургское артиллерийское училище и окончил его с отличием. Участие в русско-японской войне, революционные настроения в обществе начала века открыли глаза юноше на собственное предназначение.

В 1907 году Мутушев поступил в Харьковский университет на юридический факультет, в стенах которого и выявился его истинный дар. Педагоги отмечали блестящую эрудицию студента, прекрасные ораторские способности, талант публициста и способность к языкам.

Когда пришло время защищать дипломную работу и сдавать государственные экзамены, одаренному студенту предложили сделать это в Петербургском университете, считавшемся самым престижным вузом России, диплом которого открывал наибольшие перспективы. Предложение было принято. Молодой человек на «отлично» сдал экзамены, получил диплом юриста и приступил в Петербурге к адвокатской практике.

Имя Мутушева стало необычайно популярно в обществе. Правдивые и хлесткие публицистические статьи юриста в центральной и местной прессе заставили власти обратить на него внимание. Он подвергал жестокой критике политику царского правительства в отношении горцев, разоблачал его колониальную сущность, за что, как автор дерзких выступлений, «чеченский агитатор», как называли его власти, вместе с братом Исмаилом, тоже пламенным публицистом, был внесен в список неблагонадежных и особо опасных личностей. За ними была установлена слежка.

Первые статьи А. Мутушева появились еще в конце XIX века. В них молодой публицист поднимал проблемы бедственного положения горцев Северного Кавказа, резко критиковал деятельность местной администрации.

В статье «Устроители» Ахьмад Мутушев, говоря о бесчинствах чиновников на Кавказе, внимательно анализировал ситуацию в горских районах, на основании чего делал вывод о полной несостоятельности политики российского самодержавия по отношению к национальным меньшинствам. В очерке «Карательные экспедиции в Ингушетии и Чечне» он протестовал против административного произвола, являвшегося следствием пороков «всей экзекуционной системы правления краем».

Критикуя царизм и его местных сатрапов, А. Мутушев в статьях и выступлениях одновременно разоблачал махинации и авантюры кавказских нуворишей, таких, как «шайка разбойников-овцеводов» во главе с Мамонтовым, которая под предлогом разведения овец обманывала и обирала трудовых горцев (статья «Волки и овцы»).

Ахьмад Мутушев, как и все представители кавказской интеллигенции, с восторгом приветствовал Февральскую революцию, отменившую национальные и религиозные ограничения и открывшую всем народам России дорогу свободного развития.

Даже такой образованный и прогрессивный человек, каким был Мутушев, не смог четко определить, где правда, а где ложь, и поэтому еще в самом начале революции допустил ряд политических ошибок.

Из-за своих взглядов и действий А. Мутушев прослыл буржуазным националистом. Тем не менее, с первых дней противостояния он, не жалея ни сил, ни здоровья, находился в гуще событий. Интересы народа, его свободу и новую жизнь – вот что он отстаивал, как только на Северный Кавказ пришла весть о свержении монархии.

Во Владикавказе видные представители национальной интеллигенции 5–6 марта 1917 года создали Временный Центральный Комитет объединенных горцев, взявший на себя защиту интересов горских народов и общее руководство процессом формирования органов самоуправления на Северном Кавказе. Одним из наиболее деятельных членов Временного ЦК был Ахьмад Мутушев.

Одновременно Мутушев возглавил штаб по организации национального съезда в Чечне. Под его руководством и при действенной помощи Временного ЦК 14 марта в Грозном открылся Первый съезд делегатов Чечни, на котором присутствовало, по некоторым данным, до 10 тысяч человек. Муллы и адвокаты, учителя и торговцы, офицеры и простые чеченцы съехались в Грозный для того, чтобы решить вопрос о власти.

Единым фронтом выступила чеченская интеллигенция, считавшая, что в Чечне должна быть создана светская демократическая система национального самоуправления и проведены прогрессивные реформы. Лидером чеченских национал-демократов стал А. Мутушев, имевший репутацию непримиримого борца за права простых горцев. Он и его соратники – Таштемир Эльдарханов, Данилбек Шерипов, Магомед Абдулкадыров и другие – убеждали делегатов, что только демократическая власть может обеспечить проведение преобразований в интересах чеченского крестьянства.

Ахьмад Мутушев был избран председателем Чеченского народного исполнительного комитета Грозненского и Веденского округов (в исторической литературе известного как Чеченский комитет). Его заместителем стал Магомед Абдулкадыров. Комиссаром Грозненского округа был назначен бывший член Государственной Думы Таштемир Эльдарханов, помощником комиссара – журналист и адвокат Данилбек Шерипов. В состав Чеченского комитета вошли также известные представители интеллигенции, предприниматели и торговцы, а также авторитетные религиозные деятели (шейх Дени Арсанов, мулла Ахмад Мустафинов, Каим-хаджи Сабакаев и др.).

Главе Чечни, 38-летнему юристу и публицисту, надо было спешно постигать науку управления государством. В первую очередь Ахьмад Мутушев занялся организацией правоохранительных органов. «Для борьбы с преступностью и поддержания порядка» 28 апреля была учреждена народная милиция численностью в 500 человек.

В начале мая 1917 года в Чечне уже действовали специальные отряды по борьбе с грабежами. А. Мутушев привлек к руководству антикриминальным ополчением влиятельных шейхов, бывших офицеров, авторитетных общественных деятелей. Одним из наиболее активных участников борьбы с преступностью стал шейх Али Митаев, охотно поддержавший его усилия по наведению порядка в Чечне.

А. Мутушев, продолжая работать во Временном Центральном Комитете объединенных горцев, одновременно активно участвовал в организации национально-демократического движения на Северном Кавказе, укреплял связи с лидерами национальных организаций Дагестана, Азербайджана, Грузии. В апреле 1917 года он вместе с комиссаром Хасавюртовского района князем Каплановым и председателем Дагестанского областного исполкома Зубаиром Темирхановым выехал в Баку для участия в I Общекавказском мусульманском съезде.

Съезд признал недостаточным представительство мусульман в Особом Закавказском комитете (ОЗаКоме), назначенном Временным правительством в качестве новой администрации Закавказья, и обратился с предложением: «в целях обеспечения интересов закавказских мусульман» ввести в состав ОЗаКома представителей мусульман пропорционально численности мусульманского населения края.

Возвратившись во Владикавказ, Ахьмад включился в подготовку северокавказского съезда. В ходе работы I съезда горских народов во Владикавказе (1–5 мая 1917 года) произошло объединение национальных органов с общегорским движением, и он стал завершающим этапом формирования системы демократического самоуправления на Северном Кавказе. 5 мая 1917 года было провозглашено создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, в состав которого вошли народы Дагестана, чеченцы, ингуши, кумыки, осетины, кабардинцы, балкарцы, черкесы, карачаевцы, ногайцы и адыгейцы. Съезд избрал Центральный Комитет Союза объединенных горцев, председателем которого был утвержден Тапа Чермоев. Глава Чеченского комитета Мутушев стал руководителем отделения Союза объединенных горцев в Чечне.

В мае–июне 1917 года резко обострились межэтнические отношения в городах Северного Кавказа. В первую очередь, из-за потока солдат-дезертиров, хлынувшего с Кавказского фронта. Деморализованные солдаты оседали в гарнизонах Грозного, Владикавказа, Порт-Петровска и других тыловых го-

родов, занимаясь дебошами, грабежами и драками. В Грозном 10 мая дезертиры и городская чернь устроили погром.

Союз объединенных горцев во главе с Тапой Чермоевым, стремясь остановить анархию и оградить горское население от произвола «революционных» солдат, пошел на соглашение с лидерами терского казачества, также выступавшими за установление твердой власти и правопорядка в области.

Довольно скоро Мутушев, искренне сочувствовавший социалистическим идеям, сблизился с руководством Грозненского Совета рабочих и солдатских депутатов и стал «своим человеком» в революционных кругах. Молодой лидер Чечни предложил оригинальную теорию, согласно которой главными факторами революции должны быть интеллигенция, пролетариат и широкие массы (улица). «Интеллигенция, по Мутушеву, – это мозг революции, пролетариат – ее рычаг, а улица – нерв революции. Поэтому необходимо, чтобы мозг дал направление рычагу, и чтобы нервы оставались спокойными».

Признавая необходимость социальных преобразований, Мутушев выступал против безответственного революционного радикализма большевиков и анархистов, нагнетавших напряженность и провоцировавших вражду «всех со всеми».

Ахьмад Мутушев убедил грозненских социалистов в необходимости координации действий по наведению порядка в Грозном и в целом на территории Чечни. В Грозном 26 мая состоялось расширенное совещание, в котором участвовали руководители Чеченского комитета, Грозненского Совета, солдатского комитета, казачьего комитета Кизлярского отдела, а также лидеров грозненских эсеров и социал-демократов (меньшевиков). На совещании было принято решение о создании объединенного органа власти – Грозненского районного исполнительного комитета. Председателем райисполкома был избран Ахьмад Мутушев, его заместителями – меньшевик Ермолай Богданов, глава Грозненского Совдепа, и эсер Александр Марченко, руководитель солдатского комитета.

К середине лета 1917 года, благодаря усилиям Мутушева, отношения между социалистическим руководством Грозного и национальными органами власти Чечни были налажены. Грозненскому Совету и гарнизонному комитету удалось остановить античеченские вылазки солдат-дезертиров и предотвратить возможные столкновения.

К июлю 1917 года выступления безземельных крестьян, чьи ожидания были обмануты, охватили всю Чечню. Органы власти оказались не в состоянии справиться с народными волнениями, которые привели к дезорганизации всей общественной жизни и новой волне грабежей и разбоев. На почве обострения земельных противоречий осложнились межнациональные отношения.

Наступившим кризисом воспользовались политические противники А. Мутушева. В селении Новые Алды 12 июля состоялся съезд чеченского народа, на котором был избран Совет Чечни и сформировано новое руководство Чеченского комитета. Несмотря на серьезные разногласия, председателем комитета вновь был избран А. Мутушев, его заместителями стали Т. Эльдарханов, М. Абдулкадыров и полковник М. Курумов.

На съезде Мутушев поднял вопрос о необходимости решительной борьбы против разбоев. Съезд постановил «принять беспощадные меры борьбы с грабежами». Для чего решено было создать национальную милицию из 700 всадников, ассигновать 100 тысяч рублей ежегодно на содержание милиции.

По просьбе Мутушева, которую поддержали ЦК Союза объединенных горцев и командование Кавказского военного округа, главнокомандующий Юго-Восточным фронтом генерал Корнилов разрешил направить находящихся в отпуске в Грозном офицеров-чеченцев в распоряжение Чеченского комитета «для формирования и первоначального обучения народной милиции». К ее созданию были привлечены боевые офицеры Чеченского конного полка Кавказской туземной конной дивизии.

Отдельные отряды милиции уже действовали в районе Грозного, Урус-Мартана, Старых Атагов. В начале августа они вместе с добровольцами разгромили основные разбойничьи шайки в Грозненском округе. Высокую активность в борьбе с бандитами проявил отряд, организованный комиссаром 2-го участка М.-М. Токаевым. В результате успешных действий национальной милиции в августе 1917 г. положение в Чечне стабилизировалось.

К осени 1917 года политическая ситуация в Чечне стала обостряться. Из-за отсутствия финансирования национальная милиция распалась. Авторитет Чеченского исполнительного комитета, лишившегося силовой поддержки и раздираемого внутренними противоречиями, стал падать. Не в силах противостоять постоянным нападкам и чувствуя отсутствие поддержки со стороны членов комитета А. Мутушев 19 октября 1917 г. сложил с себя обязанности председателя Чеченского комитета.

К началу 1918 года весь Терек оказался охваченным межнациональной рознью и гражданской войной. После гибели Дени Арсанова (убитого казаками в станице Грозненской в конце декабря 1917 года) и распада Чеченского комитета Чечня осталась без политической власти. В то время как грозненские большевики вместе с казачьими ревкомами открыто готовились к истребительному походу против чеченцев и ингушей, Чечню раздирали внутренние противоречия и борьба многочисленных группировок.

В январе 1918 г. в Старых Атагах состоялся съезд, избравший Чеченский национальный сонет (меджлис) из 30 человек. В состав Атагинского меджлиса вошли практически все видные чеченские деятели того времени: шейх Али Митаев, Сугаип-мулла Гайсумов, Ибрагим-хаджи Гойтинский,

Шуаип Назахаджиев, Магомед-мирза Токаев, Ибрагим Чуликов, Таштемир Эльдарханов, Билу-хаджи Гайтаев из Урус-Мартана, Юсуп-мулла из Старых Атагов, Ахматуко-хаджи из Шаами-Юрта и многие другие. Председателем Совета вновь был избран Ахьмад Мутушев.

В дни работы съезда произошли трагические события, связанные с нападением на станицу Закан-Юртовскую. В результате этой авантюры в войну с казачеством были вовлечены жители близлежащих чеченских сел.

Национальному совету и его председателю пришлось срочно улаживать конфликт с казаками. Мутушев направил в Алхан-Юрт делегацию из членов меджлиса с поручением примирить аулы и станицы и добиться прекращения войны.

Достигнутое перемирие было весьма непрочным. Ситуацию осложняла воинственная позиция грозненских большевиков, которые, захватив власть в городе, настраивали казаков совместно выступить против «контрреволюционной» Чечни. В середине февраля Ахьмад Мутушев в качестве главы Чеченского национального совета письменно обратился к Грозненскому ревкому с требованием прекратить провокационные призывы. Большевики воспользовались обращением Мутушева для дальнейшего разжигания ненависти к чеченцам. В городских «Известиях» был опубликован искаженный текст обращения, из которого следовало, что Мутушев якобы объявил себя «диктатором Чечни Ахметханом I» и в ультимативной форме требует передачи ему власти в Грозном, угрожая в противном случае уничтожить город и его жителей.

Это была явная провокация со стороны тех, кто был недоволен достигнутым перемирием между чеченцами и казаками, к тому же обеспокоен ростом антивоенных настроений среди жителей Грозного.

Созванный в Моздоке 25–31 января 1918 года I съезд народов Терека отверг планы грозненских большевиков и «военной партии» казачества, требовавших объявить «революционную войну» чеченцам и ингушам, и принял резолюцию о необходимости установления мира в регионе. II съезд народов Терека 5 марта 1918 года в Пятигорске объявил о признании Советской власти и провозгласил Терскую Народную Республику.

Вскоре в Чеченском национальном совете началась борьба между сторонниками и противниками признания Советской власти. Лидером левой фракции Совета, выступавшей за признание власти большевиков, был Таштемир Эльдарханов.

Политические разногласия между Мутушевым и Эльдархановым привели к разрыву их личных отношений. Вскоре в национальном совете произошел раскол. Таштемир Эльдарханов, Асланбек Шерипов и их сторонники 11 апреля созвали съезд в селении Гойты, на котором было объявлено о признании Советской власти и избрании Чеченского народно-трудового совета (Гойтинского) во главе с Таштемиром Эльдархановым.

Мутушев тяжело переживал раскол национального движения. Он опасался, что обострение политических противоречий между чеченскими лидерами приведет к возобновлению вооруженной борьбы, а значит, к очередному хаосу.

Национальный совет, в это время переехавший из Старых Атагов в селение Алды, возглавил решительный противник большевизма – Ибрагим Чуликов. Мутушев же, отказавшись участвовать во внутричеченском противостоянии, в апреле уехал в Дагестан.

В Темир-Хан-Шуре А. Мутушев установил контакты с дагестанскими общественными деятелями, которых хорошо знал по совместной работе во Временном ЦК и ЦК Союза объединенных горцев. В Дагестане шла ожесточенная борьба между движением «шариатистов», которое возглавляли Н. Гоцинский и шейх Узун-хаджи, и группой социалистов, сформированной М. Дахадаевым, Д. Коркмасовым и С. Габиевым. Дагестанская социалистическая группа руководствовалась близкими А. Мутушеву идеями прогрессивного национализма и мусульманского социализма.

В Темир-Хан-Шуре 2 мая 1918 года был создан Дагестанский военно-революционный комитет (ревком), в который вошли большевики, эсеры и дагестанские социалисты. Председателем ревкома был избран Д. Коркмасов, а одним из его заместителей – А. Мутушев. Опытный чеченский политик участвовал в создании новых органов власти и отрядов самообороны в Дагестане, вместе с Саидом Габиевым входил в комиссию по разграничению функций гражданских и военных властей, возглавлял комиссию по обороне Темир-Хан-Шуры, а 30 мая был избран председателем Военно-революционного трибунала Дагестана.

На посту главы чрезвычайного судебного органа А. Мутушев вел активную борьбу против разгула грабежей и бандитизма. Одновременно он руководил созданием в Дагестане системы народно-шариатских судов, работая в тесном контакте с представителями исламского духовенства, и в первую очередь, с дагестанским шейхом Али-хаджи Акушинским.

Учитывая сложную ситуацию на Кавказе и юге России, где разворачивалось Белое движение, Дагестанский ревком особое внимание уделял созданию национальных воинских частей. В начале июня 1918 года по просьбе военного комиссара Дагестана Дахадаева А. Мутушев отправился в Царицын, где в то время находился Военный комиссариат Северного Кавказа. Он добился выделения оружия и обмундирования для дагестанских формирований и отправил груз через Астрахань в Дагестан, задержавшись в Царицыне. Ахьмад Мутушев, понимая, что здесь решается судьба всего Северного Кавказа, подключился к организации обороны города. Некоторое время он работал при штабе военного округа, а в ноябре 1918 г. был направлен на Терек в качестве полномочного представителя ВЦИК, ответственного за восстановление железной дороги.

Во Владикавказ А. Мутушев прибыл в последние дни ноября, когда здесь проходил V съезд народов Терека, обсуждавший проблему защиты Терской Народной Республики от угрозы наступления деникинской армии с севера и турецких войск с юго-востока. Выступая на одном из заседаний, он убеждал делегатов сохранять сплоченность и не допускать раскола населения по партийному или социальному признаку.

Выступление на съезде бывшего председателя Чеченского национального совета в качестве представителя ВЦИК и его поддержка умеренного курса горских социалистов вызвали дикое озлобление делегатов Грозненской большевистской организации. После Мутушева трибуну форума занял большевик Яков Пиллер, один из организаторов чеченских погромов в Грозном в конце 1917 – начале 1918 года. Он обвинил Мутушева в контрреволюционной деятельности и потребовал его ареста. В качестве доказательства Пиллер предъявил сфабрикованную его же однопартийцами фальшивку – пресловутый «Ультиматум диктатора Чечни Ахметхана I».

Наглая ложь Пиллера возмутила даже сторонников большевиков. Асланбек Шерипов выступил с опровержением обвинений в адрес Мутушева. Он заявил, что не является единомышленником экс-председателя Чеченского комитета, но должен ради справедливости поднять голос против этих нападок.

Занимая ответственные посты в Дагестане, А. Мутушев организовывал защиту от белогвардейцев Темир-Хан-Шуры, участвовал в комиссии по гражданским, военным и правовым вопросам.

Когда белогвардейцы свергли Советскую власть в Дагестане, деникинский полковник Попов 25 июля 1919 года написал дагестанскому правителю: «Приехавшего в Темир-Хан-Шуру большевистского лидера Мутушева Ахметхана надлежит полковнику Михайлову арестовать и доставить в Порт-Петровск» (ныне – город Махачкала).

Но А. Мутушев успел покинуть Дагестан и уже в марте 1919 года был избран председателем Азербайджанского революционного комитета, находящегося в подполье, а в мае следующего года – членом Азербайджанского Наркомата юстиции.

В 1921 году Ахьмад переехал к семье в Харьков, где у него росли сыновья Эдалх и Джабраил (позднее родилась еще и дочь Майя), и устроился на партийную работу. Вскоре Ф. Дзержинский забрал его в Москву, в ВЧК, следователем по особым делам в Высшем трибунале. Однако через некоторое время представители чеченского народа обратились в правительство РСФСР с просьбой вернуть Мутушева в Чечню.

В этот период в руководстве Горской АССР, в которую входила и Чеченская область, шла острая борьба между «токаевцами» и «гикаловцами». «Токаевцы» – сторонники председателя правительства Горской АССР Си-

мона Токаева – считали необходимым сохранять внутреннюю самостоятельность национальных регионов, относительную свободу вероисповедания, выступали против разжигания классовой борьбы в деревне, то есть фактически отстаивали принципы мусульманского социализма. Секретарь Горского комитета ВКП(б) Н. Гикало и его группировка стремились ликвидировать национальную автономию и подчинить все органы управления партийным комитетам.

Осенью 1921 года противоборство между «токаевцами» и «гикаловцами» завершилось в пользу последних: Симон Токаев был снят с поста главы правительства Горской АССР. Позже партийными органами был отстранен от должности и председатель Исполкома Чечни Таштемир Эльдарханов.

2 января 1922 года Чеченский ревком созвал в Грозном III съезд Советов Чечни для избрания нового Исполкома и его председателя. «Гикаловцы» надеялись «законодательно» закрепить победу и, запугав делегатов, провести своих ставленников в руководство.

Однако неожиданное прибытие на съезд А. Мутушева смешало им все карты. Участники съезда горячо приветствовали Мутушева, который единогласно был избран председателем Исполкома Чеченской области.

Вновь возглавив Чечню, А. Мутушев сразу же принялся осуществлять свой план создания самостоятельной национальной государственности: прежде всего заявил о намерении выделить Чечню из состава Горской АССР и преобразовать ее в автономную республику, отказался подчиняться диктату грозненской парторганизации, привлек к руководству авторитетных религиозных деятелей и видных представителей интеллигенции.

Большую помощь Мутушеву в реорганизации органов управления оказал его давний союзник – шейх Али Митаев. Уже в январе 1922 года в Чечне были восстановлены шариатские суды, упраздненные Ревкомом.

Действия председателя Чеченского областного Исполкома вызвали ярость партийных органов в Грозном и Владикавказе. Николай Гикало при помощи грозненских большевиков и местного ГПУ сфальсифицировал дело об «антипартийной» деятельности «национал-уклониста» А. Мутушева (на свет божий будет вновь извлечена большевистская фальшивка «Ультиматум диктатора Чечни»). В марте 1922 года А. Мутушева вызвали во Владикавказ и исключили из рядов ВКП(б). Это означало автоматическое отстранение от поста главы Чеченского областного Исполкома.

Недовольство Чечни действиями большевистских властей стало столь очевидным и острым, что осенью 1922 года партийные органы пошли на некоторые уступки: было объявлено о выделении Чеченской области из Горской АССР, приостановлена ликвидация шариатских судов, а в руководство Чечни были возвращены сторонники самостоятельности во главе с Таштемиром Эльдархановым.

С середины 1920-х годов А. Мутушев не занимался активной политической деятельностью и до конца 1930-х работал юрисконсультом в Москве. В 1930 году по ложному обвинению (якобы за попытку перейти государственную границу) А. Мутушев был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Находясь в тюрьме, Мутушев не пал духом, не сломался. По воспоминаниям писателя Халида Ошаева, отбывавшего вместе с ним срок наказания, в лагере Мутушев продолжал активную деятельность: боролся за свою реабилитацию, добивался улучшения условий содержания заключенных, писал публицистические статьи, изучал китайский язык, которым овладел довольно хорошо.

В 1932 году по ходатайству самого С.М. Кирова А. Мутушева освободили. Он возвратился к семье, к работе юрисконсультом. Какое-то время жил с семьей в Сталинграде, Астрахани и других городах России, но не терял надежды восстановиться в партии и вернуться в Чечню.

В последний раз его арестовали в 1936 году. Ахьмад Мутушев тогда работал юрисконсультом на Чирчикстрое в Узбекистане, хотя жил в Москве.

Больше Ахьмада Мутушева никто не видел. За что арестовали, никто не знал. Его осудили как врага народа и приговорили к десяти годам. Срок он отбывал в одном из лагерей под Ташкентом, где, по рассказам очевидцев, и скончался от легочной болезни в октябре 1943 года.

В 1975 году коллегией Верховного Суда Узбекской ССР приговор по делу А.М. Мутушева был отменен за отсутствием состава преступления, и он был реабилитирован (посмертно).

Гарсаев Л.М.

МУСЛИЕВА ТАМАРА МАГОМЕДОВНА
(1937)

Тамара Муслиева – это имя когда-то гремело на весь Советский Союз. Простая чеченская женщина из народа. К ней приезжали и просили интервью известные журналисты центральных изданий, радио и телевидения. Она заседала в президиумах всех значимых мероприятий районного и республиканского значения. С ней считались и отдавали дань уважения руководители всех рангов. Она слыла в народе как несгибаемая защитница трудового человека. К ней приходили с жалобами и проблемами, и она твердо и жестко добивалась от руководителей решения любых вопросов

У современной молодежи примером для подражания становятся герои блокбастеров, музыканты и многие другие знаменитости.

Но мало кто сегодня равняется на тружеников села, которые посвятили всю свою жизнь выращиванию хлеба, овощей, фруктов и не чурались тяжелой физической работы от зари до зари.

История жизни Тамары Муслиевой – Героя Социалистического Труда, бригадира овощеводческой бригады совхоза «Джалка», получившей за свой добросовестный труд 80 грамот и благодарственных писем, стала и могла бы стать даже в наше время примером для подрастающего поколения.

Тамара Магомедовна Муслиева родилась 17 января 1937 года в селении Шали Шалинского района Чечено-Ингушской АССР. Как рассказыва-

ет сама героиня, семья у них была большая: отец, мать, пять девочек и два мальчика. Тамаре, самой старшей, с ранних лет приходилось много трудиться, заботиться о младших в семье, помогать маме по хозяйству. Ее девизом по жизни стали слова: «Кто, если не я?!»

Но настоящая взрослая жизнь для Тамары началась после насильственного выселения чеченского народа 23 февраля в 1944 года. Семья Муслиевых попала на поселение в Алма-Атинскую область. Отец в то время воевал на фронте, а мать ухаживала за парализованной бабушкой. Поэтому Тамара работала в колхозе вместо нее, занималась посадкой, прополкой и обработкой свеклы. На протяжении нескольких лет ей удавалось удачно совмещать работу в поле и учебу в школе.

Детство – прекрасное время, «ни забот, ни хлопот». Но это не наш случай. Тамара уже с 10 лет была большой труженицей, не страшилась никакой работы, трудности ее не пугали. Она окончила восемь классов, но продолжить учебу не было возможности, так как необходимо было помогать большой семье.

«В то время нужно было выбирать между учебой и работой. Вообще-то, можно было совмещать их, но в моей трудовой деятельности сочетать это было невозможно. В колхозе я работала на участке площадью в один гектар. В мои обязанности входило сеять свеклу и ухаживать за землей, чтобы собрать как можно больше урожая. Работала не покладая рук, ведь труд – это смысл жизни, без которого человек не совершенствуется, – отмечала Тамара. – И это мое мнение до сих пор не изменилось».

И вот долгожданное возвращение на историческую родину, в Чечено-Ингушетию. Семья Муслиевых поселилась в родном селе Шали. Отец Тамары – Магомед Муслиев – ветеран войны, имевший множество боевых наград, был членом КПСС, работал корректором в районной газете «Знамя коммунизма», был уважаемым человеком. Он пользовался авторитетом и у партийного руководства, и у населения. А это тогда не каждому удавалось. В самый расцвет атеизма в советском государстве он совершал намаз, держал уразу, тайно читал и обучал Корану молодых. Некоторые из его учеников стали известными алимами.

В 1961 г., после некоторого перерыва в работе, связанного с замужеством, Тамара Магомедовна устроилась звеньевой-свекловодом в совхоз «Джалка» Шалинского района. Затем стала бригадиром. Она работала в поле самозабвенно, с утра до позднего вечера. Ее овощеводческая бригада считалась гордостью республиканского сельского хозяйства.

«Чтобы сегодняшней женщине стало ясно, что такое «свекловод», поведаю об этом поподробнее, – говорит Т. М. Муслиева. – В 6 часов утра женщина уже должна была быть в поле на прополке свеклы, а до этого надо протопить печь (газификации домов тогда и в помине не было), пригото-

вить еду для семьи, покормить детей. Младших, и тех, которые учатся во вторую смену, приходилось брать с собой в поле. До обеда, до полуденной жары, согнувшись в три погибели, полоть, полоть и полоть, пока мотыга не прилипала к рукам и глаза не начинало разъедать от пота. И еще надо было присматривать за детьми. В обед, наспех перекусив, надо было вести их в школу во вторую смену за 2–3 км и обратно. Позже я добилась у начальства автобуса, чтобы возить детей в школу. Дома обязательно была корова, которую утром надо было подоить и выгнать на пастбище, птица – куры, утки, гуси, которые тоже требовали ухода.

Но самая трудная и ответственная работа начиналась осенью, когда, убрав и сохранив урожай свеклы, нужно было сдать его на сахарный завод. Все делалось вручную: вскапывание (трактор для вскапывания появился позже), очистка свеклы от ботвы, складывание корнеплодов в кучи, а главное – до морозов успеть погрузить и отправить собранный урожай на конечную переработку. В поле грязь, слякоть, моросящий дождь или снег. А параллельно шло соревнование во всем: прополке, очистке, погрузке, не говоря о количестве выращенного урожая. Конечно, в таких случаях помогали мужчины, но вся основная работа ложилась на плечи нашей героической, стойкой чеченской женщины. И она достойно, гордо, успевая быть красивой, проходила все стадии этой работы и не жаловалась, не скулила и, сцепив зубы, «лишь бы не было войны», «лишь бы не выселение», трудилась от зари до позднего вечера».

Тамара Муслиева рассказала об одном важном эпизоде из своей трудовой жизни, который характеризует ее как очень ответственного работника. Однажды из-за сильных апрельских дождей река Джалка вышла из берегов. А Тамара в это время, будучи бригадиром, проверяла 30 гектаров земли, на которых работал ее коллектив. Она очень растерялась в этот момент, не зная как поступить, ведь вода могла уничтожить весь урожай, да и труженицы остались бы без зарплаты.

«Наша заработная плата составляла 62 рубля в месяц и зависела именно от того, какая свекла уродится, какой продукт мы получим. А у всех женщин – семьи и дети, которых нужно кормить, одевать. Поэтому, не думая о себе, а только о последствиях, к которым мог привести потоп, я своим телом перекрыла путь воде, которая лилась на наш участок», – рассказывает Герой Социалистического Труда. Рядом располагалась дорога, поэтому Тамара кричала и размахивала руками в надежде, что кто-то из проезжающих ее увидит. Так она пролежала в воде два часа, пока ее не заметил водитель машины, развозивший рабочих. Он вытащил ее из воды и перекрыл воду лопатами и досками.

После этого случая пролежала в больнице долгое время. После выписки ее перевели на птицефабрику «Джалка» в селении Шали, чтобы таким

образом облегчить ее труд. Но получилось так, что она своим трудолюбием и настойчивостью заменила пять мужчин, работавших до нее на этой фабрике. Тамара рассказывает сейчас об этом с улыбкой… «Человек привыкает ко всему», – говорит Тамара, но сама там не осталась, хотя на новом месте показательно совершила прорыв на птицефабрике и вернулась обратно выращивать свеклу.

В 1965 году Тамару наградили Орденом Ленина за плодотворную работу на благо Отечества и присвоили почетное звание Героя Социалистического Труда. В 2007 году ее пригласили в Москву, где вручили медаль «Доблесть России». За все время работы без внимания женщину не оставляли: результат – более 80 грамот, благодарственные письма за добросовестный труд.

При всей своей занятости работой в поле и домашними делами Тамара Магомедовна находила время для общественной деятельности. В 1966 г. она была избрана депутатом Верховного Совета СССР 7-го созыва и, надо отдать ей должное, успешно справлялась со своими депутатскими обязанностями. Также наш знаменитый свекловод была делегатом Всесоюзного съезда колхозников.

Будучи депутатом высшего законодательного органа страны, Тамара Магомедовна, имея жесткий, на первый взгляд, неуступчивый характер, помогала многим людям устраивать быт, добивалась льгот, всегда заботилась о женщинах-труженицах.

Но Тамара Магомедовна никогда не помогала никчемному человеку, который не любил трудиться, всегда стояла за правду и отстаивала ее вопреки всему. Вот такой она человек – Герой Социалистического труда Т.М. Муслиева – гордость Шалинского района и Чеченской Республики, да и всего чеченского народа.

Герои навсегда остаются в памяти народа, их достижения – и нам награда. Они – наша история, пример для подрастающего поколения. Ценить их и почитать – наш долг!

Духаев А.И.

МАРЬЯМ ЧЕНТИЕВА – НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ
(1915–2000)

Имя Марьям Чентиевой в советский период было хорошо известно широкой общественности нашей республики. Слава о её редкостной красоте, безусловно сочетающейся с богатой эрудицией и волевым характером, долго не угасала в среде творческой интеллигенции Чечено-Ингушетии. Этой женщиной восхищались поэты и писатели, ей посвящались стихи, о ней ходили легенды. Рассказывают, что каждый уважающий себя молодой человек из круга её знакомых старался сделать ей комплимент, привлечь к себе внимание и оказаться в поле её зрения.

Несмотря на огромный вклад, внесённый Марьям Чентиевой в развитие образования и науки Чечено-Ингушетии, её многогранная жизнедеятельность остаётся малоизученной. И только недавно в печати стали появляться очерки о ней известных мастеров пера Чеченской Республики [1]. Мы же, со своей стороны, впервые постараемся восстановить биографию этой замечательной женщины, опираясь на новые сведения, полученные из недавно выявленных архивных документов.

Марьям родилась в 1915 году в семье жителя селения Урус-Мартан Джаца Чентиева, происходившего из гара Аппаз-неке (Іаппаз-некъе) тай-

па гендаргеной [2]. В конце 1899 года Джаца проживал в 12 квартале (*чеч.* «куп») села Урус-Мартан [3].

Отец Марьям скоропостижно скончался в конце 1914 года, когда она ещё не появилась на свет. Марьям была единственным ребёнком в семье Чентиевых. Её мама, татарка Залихан Магометовна Чентиева, 1885 года рождения [4], после смерти мужа осталась без кормильца и вся тяжесть по содержанию и воспитанию ребёнка легла на её плечи. Марьям Чентиева позже написала в своей автобиографии: «После смерти отца мать продолжала заниматься крестьянством и батрачила на богатых в ауле (стирала, полола на поле и т. д.), за что ей давали лошадь вспахать свой клочок земли. Так продолжалось до Октябрьской революции. После революции, в 1921 г., мать переехала в Грозный. Здесь женотдел устроил [её] на учебу в губсовпартшколу. После окончания [обучения] все время она работала среди женщин» [5]. Залихан Чентиева имела 5 классов образования и профессию текстильщика [6]. С 1922 года была служащей и являлась женским организатором. В 1924 году стала членом ВКП(б). В конце 30-х – начале 40-х гг. XX века Залихан Чентиева занимала должность заведующей Грозненским городским собесом. С 1937 года получала пенсию по выслуге лет.

В десятилетнем возрасте мать отдала Марьям Чентиеву на воспитание в детский городок в селе Асламбековское Чеченской Автономной области (ныне – село Серноводское Сунженского района). Здесь Марьям училась с 1925-го по 1928-й годы, показала хорошую успеваемость и была направлена на подготовительные курсы в Индустриальный политехникум, в город Махачкалу. За активную работу в культпоходе ЦИК Дагестана в 1930 году наградил юную студентку грамотой [7]. А после успешного окончания техникума в январе 1930 года пятнадцатилетняя Марьям вернулась в г. Грозный и начала свою трудовую деятельность в Облисполкоме в должности инструктора по работе среди женщин. В том же году она вступила в ВЛКСМ.

Областной комитет партии оценил интеллектуальные и организаторские способности молодой горянки и в декабре 1931 года направил её на учёбу в Москву – в Академию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. В этом высшем педагогическом учебном заведении СССР Марьям Джецовна (в партийном деле – Чентиева Мариам Джадц) в 1934 г. закончила два курса внешкольного (дошкольного) факультета [8]. Окончить полный курс обучения она не смогла в связи с тем, что Академию в том же 1934 году перенесли в Ленинград и преобразовали в Коммунистический педагогический институт им. Н.К. Крупской.

Марьям Чентиева хотела остаться в Москве, поэтому в 1934 году перевелась в аспирантуру Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей по специальности языковед. В этом же ВУЗе был аспирантом её односельчанин – красивый и статный юноша

Хасмагомед (Магомед) Магомаев. Позже он занимал должность редактора чеченской газеты «Серло» («Свет») и был директором театра. Молодые с первого же дня знакомства понравились друг другу. Гордая и своенравная горянка была польщена вниманием, оказываемым ей тактичным и интеллигентным земляком. Поэтому она, как истинная горянка, через какое-то время выразила свое молчаливое согласие выйти за него замуж. Бракосочетание состоялось там же, в Москве, в 1934 году. Молодые супруги проживали в столице по улице Садово-Спасской [9]. А в 1935 году у них родилась дочь Зулай (Зоя) [10].

В доме Хасмагомеда и Марьям частыми гостями были представители передовой чечено-ингушской интеллигенции из числа студентов московских ВУЗов и должностных лиц, нашедших применение своим способностям в столице, и чиновники, приезжавшие с Кавказа в служебные командировки. В числе их были Муслим Гайрбеков, Магомет Мамакаев, Ваха Татаев, Нурдин Музаев, Хасан Исраилов, Майрбек Шерипов и Абдурахман Авторханов. Последний упоминает в своих воспоминаниях о встрече с Марьям Чентиевой в Москве [11]. Гости всегда оставались довольными хлебосольством и кавказской гостеприимностью молодой супружеской четы [12].

В августе 1936 года Марьям Джецовна Чентиева закончила аспирантуру и их семья переехала в Чечню. С сентября того же года она устроилась научным работником в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте языка, истории и литературы (ЧИНИИ). С октября 1937 по июнь 1938 года Марьям исполняла обязанности директора ЧИНИИ. В эти годы она показала свои высокие организаторские способности и умение работать на руководящей должности. Также в 1937 году М.Д. Чентиева написала свою первую научную статью по языкознанию, которая называлась «Вопросы яфетической теории по материалам чечено-ингушского языка». В 1938 году был издан «Чечено-русский словарь», составленный ею. В этих работах Марьям обнаружились зачатки её выдающегося таланта в области языкознания.

С сентября 1938-го по май 1940-го года она заведовала языковым сектором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Результатом дальнейшей продуктивной работы Чентиевой стал учебник «Грамматика чеченского языка», выпущенный в нескольких частях в 1940–1941 годах в соавторстве с другими учёными-языковедами [13].

В июле 1939 года Марьям Чентиева стала членом пленума Молотовского райкома комсомола [14], и решением Молотовского райкома ВКП(б) города Грозный была принята кандидатом в члены партии. Ровно через год она получила свой партбилет и стала членом ВКП(б). Грозненским городским советом 24 декабря 1939 года она была избрана депутатом и членом горисполкома. В это время она проживала по адресу: г. Грозный, проспект Революции, дом 5-го жилстроя, 4-ый подъезд, кв. 29 [15]. В том же доме

проживала семья Абдурахмана Авторханова. Его жена Сапият Курбанова (1911 г. р.) тоже была одной из образованных чеченских женщин того времени. Здесь Сапият родила Абдурахману двух дочерей – Зару (1932 г. р.) и Камету (1940 г. р.).

В мае 1940 года прогрессивная и в высшей степени образованная девушка-горянка Марьям Чентиева была назначена Народным комиссаром просвещения ЧИАССР. Совсем ещё молодой, в свои 25 лет, Марьям не только удалось достичь такой головокружительной вершины карьерного роста, она к тому же оказалась очень способным и энергичным чиновником.

Чентиева вступила в свою должность в самое сложное и ответственное время, когда письменность чеченского и ингушского народов переводили с латинизированного алфавита на русский. В 1938 году, для выполнения этой задачи, из Института языка и письменности народов СССР в Чечено-Ингушетию был приглашён профессор Н.Ф. Яковлев. Под его председательством была создана комиссия, которая в 1938 году утвердила новый алфавит.

В своей работе Марьям Чентиева отмечает, что «после принятия новых алфавитов нужно было составить орфографию» [16]. Это означало необходимость проработать и перепечатать все школьные учебники и методические программы. Такая деятельность требовала от руководителя просвещения республики большой ответственности и упорства. Ведь вся грамматика, существовавшая до 1938 года, в корне менялась на совершенно новую. Надо признать, Марьям Чентиевой удалось успешно справиться с поставленной задачей. Она сама подключилась к работе Н.Ф. Яковлева, привлекла Х.Э. Яндарова, А.Г. Мациева, Х.Г. Гугиева и ряд других именитых чечено-ингушских языковедов, в том числе совсем ещё юного «самородка» Зайнди Джамалханова. В результате в 1940–1942 годах комиссией были изданы такие своевременные труды, как «Русско-чеченский словарь», «Синтаксис чеченского литературного языка», «Грамматика чеченского языка», «Орфографический словарь чеченского языка» и т. д. Кроме того, вся школьная литература, в полном соответствии с планом, была переведена на новую графику.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Немцы наступали на всех фронтах. В эти тревожные дни, пройдя через страшные испытания советской репрессивной машины, за недоказанностью вины, был, наконец, освобождён из заключения Абдурахман Авторханов – добрый приятель Марьям Чентиевой. Будучи наркомом просвещения, она нашла в себе смелость предложить ему должность в аппарате своего наркомата. Но осторожный Абдурахман попросил устроить его на работу в родном селе Нижний Наур [17]. В конце концов потерявший надежду избавиться от преследований органов госбезопасности Авторханов в 1942 году эмигрировал из страны.

16–28 октября 1942 года в НКГБ ЧИАССР поступили доносы на Марьям Чентиеву, в которых она обвинялась в укрывательстве от сотрудни-

ков наркомата госбезопасности и участии в переброске на сторону немцев «видного националиста Авторханова Абдурахмана». Кроме того, по агентурным донесениям, ей вменялось в вину поддерживание связи «с главарём повстанческой организации – Шериповым Майрбеком» [18]. На неё было заведено уголовное дело. Чентиеву исключили из партии, в ноябре 1942 года арестовали и доставили в Москву. Следствие проводилось в НКВД СССР. Однако позже грамотная и способная отстаивать свои права Марьям доказала обвинителям свою невиновность. В итоге в мае 1943 года, спустя семь месяцев после задержания и страшных истязаний в заключении, она была освобождена из-под стражи [19].

После возвращения в Грозный Марьям Чентиева полгода оставалась безработной и находилась на иждивении своей матери. Чтобы не подвергать опасности мужа, ставшего известным в республике журналистом, ей пришлось подать на развод. Исключённая из партии и потерявшая всё эта женщина перенесла тяжёлую депрессию. Но трудности только закалили её дух. В ноябре 1943 года Марьям вернулась на руководящую должность: ее назначили заместителем директора по педагогической части Театра юного зрителя (ТЮЗ).

Однако чекисты не были бы чекистами, если бы могли смириться с оправданием бывшей подследственной. Тем более, что Марьям Чентиева в начале 1944 года проявила своё недовольство по поводу планировавшегося в высших эшелонах власти выселения вайнахов в Среднюю Азию. Народный комиссар госбезопасности ЧИАССР полковник Рудаков, со свойственным ему хладнокровием, 18 февраля 1944 года утвердил представленное ему на подпись постановление на арест, состоявшее из таких процессуальных формальностей: «Гор. Грозный, февраля 1944 г. Я, начальник 3 отделения 2 отдела НКГБ Чечено-Ингушской АССР майор госбезопасности Филиппов, рассмотрев поступившие в НКГБ Чечено-Ингушской АССР материалы о преступной деятельности Чентиевой Марьям Джец., 1915 года рождения, уроженка сел. Урус-Мартан Урус-Мартановского района ЧИАССР, чеченка, б/партн., работает зам. директора ТЮЗа, проживает по Тенгинской, 35/53. НАШЕЛ: Чентиева в 1942 году принимала активное участие в укрытии от органов НКГБ и переброске на сторону немцев известного буржуазного националиста, изменника родины профессора Авторханова. В настоящее время поддерживает связь с буржуазно-националистическим подпольем. На основании вышеизложенного – ПОСТАНОВИЛ: Чентиеву Марьям Джец., проживающую: г. Грозный, Тенгинская, 35/53, подвергнуть аресту и обыску. Следователь – начальник 3 отд. 2 отдела НКГБ ЧИАССР майор госбезопасности Филиппов (подпись). СОГЛАСЕН: Нач. след. части – зам. начальника 2 отдела НКГБ ЧИАССР майор госбезопасности Куляшов (подпись)».

19 февраля 1944 года Прокурор ЧИАССР с не меньшим равнодушием санкционировал арест М.Д. Чентиевой [20].

Спустя девять месяцев после окончания первого уголовного преследования Марьям снова очутилась в Грозненской тюрьме. На этот раз она была арестована 22 февраля 1944 года за день до всеобщего насильственного выселения чеченцев и ингушей. Постановление об избрании меры пресечения состояло из следующих откровений: «Гор. Грозный, февраля 1944 г. Я, начальник 3 отделения 2 отдела НКГБ Чечено-Ингушской АССР майор госбезопасности Филиппов, рассмотрев поступившие в НКГБ Чеч.-Инг. АССР материалы о преступной деятельности Чентиевой Марьям Джец., год рождения – 1915, место рождения – сел. Урус-Мартан того же района ЧИАССР, место работы и должность – зам. директора Театра юного зрителя, парт. – б/партийн., образование – высшее, нац. – чеченка, гр-во СССР, семейное положение – незамужняя, адрес – г. Грозный, Тенгинская, 35/53. НАШЕЛ, что Чентиева подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 ч. 2-я и п. 11 УК РСФСР и, принимая во внимание, что Чентиева, находясь на свободе, может повлиять на ход следствия и суда, руководствуясь ст. ст. 155 и 158 УПК РСФСР, ПОСТАНОВИЛ: мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении Чентиевой Марьям Джец. избрать содержание под стражей в Грозненской тюрьме» [21].

Вершители судеб опять не могли найти веских доказательств вины Марьям Чентиевой. Чего только они не пытались ей пришить и какие только изуверства не применялись в отношении этой хрупкой женщины, чтобы добиться от неё признательных показаний. Каким образом сталинская инквизиция фальсифицировала факты и губила судьбы людей, нам расскажет эта любопытная справка на арест: «Чентиева Марьям Джец. – 1915 года рождения, урож. аула Урус-Мартан того же района ЧИАССР, чеченка, беспартийная, дочь князя … проживает: гор. Грозный, ул. Розы Люксембург, № 33/53.

Чентиева разрабатывается по делу – формуляр, по подозрению в принадлежности к буржуазно-националистическому подполью в Чечено-Ингушетии.

Материалы дела свидетельствуют о том, что Чентиева, имея антисоветские, националистические настроения, поддерживала и поддерживает тесную связь с националистическими элементами.

Ещё в 1942 г., работая в должности Наркома Просвещения ЧИАССР, Чентиева принимала активное участие в укрытии от органов Советской власти находившегося тогда на нелегальном положении видного националиста – профессора Авторханова Абдурахмана, и оказала ему содействие в переброске его на сторону немцев. (Показания И.М. [22] – от 16.X-42 г. и М.З. от 28.X-42 г.).

Одновременно с этим Чентиева, по агентурным данным «СПАРТАК» и показаниям И., поддерживала связь в 1942 г. с главарём повстанческой организации – Шериповым Майрбеком.

В беседах со своими близкими Чентиева высказывала резкие националистические взгляды. Так, например: выражая возмущение по вопросу полученного ею в 1942 г. выговора по партийной линии, говорила: «Я не дождусь, когда наступит переворот, когда русским будет положен конец, когда им будет запрещено приезжать сюда и откармливать здесь своих жён, самих себя и осуществлять гонение на чеченцев и ингушей». (Агент «СПАРТАК» – от 16.X-42 г.)

Наряду с этим Чентиева развалила работу народного просвещения в Чечено-Ингушетии.

В ноябре 1942 г. Чентиева была арестована органами НКВД ЧИАССР. Следствие велось в НКВД СССР; в мае месяце 1943 г. из-под стражи была освобождена. Прибыв после ареста в Чечено-Ингушетию, Чентиева снова начала концентрировать вокруг себя лиц из среды националистов.

13 января 1944 г. литером «М» был зафиксирован разговор Чентиевой с неизвестным из аула Урус-Мартан. На вопрос Чентиевой, «что делать и как избежать надвигающейся опасности?», неизвестный ответил: «Если только действительно будут выселять, то в Чечне поднимется такая буча, что не рады будут. Кое-что в этом направлении уже сделано».

Чентиева сказала в ответ, что это правильно, что так и нужно поступить.

На основании изложенного Чентиева подлежит аресту.

Зам. нач. 2 отдела НКГБ ЧИАССР майор госбезопасности (Куляшов).

«СОГЛАСЕН»: Народный комиссар госбезопасности ЧИАССР полковник госбезопасности (Рудаков). «февраль 1944 г.» [23].

Несмотря на изощрённые методы фабрикаций обвинений, следственное дело Чентиевой опять развалилось. В этом была немалая заслуга сотрудника, ведущего следствие. Марьям Чентиеву спасла её необыкновенная красота. Она понравилась следователю, и тот решил помочь ей выбраться из неволи. Позже Чентиева вспоминала его слова, обращённые к ней: «Марьям, Вы умная, красивая и стройная женщина. Мне будет очень жаль, если с Вами что-то случится. Поэтому направьте все свои силы и возможности на то, чтобы как можно скорее добиться освобождения. Иначе Вас здесь погубят» [24].

Начальник 3 отделения 2 отдела УНКГБ Грозненской области, старший лейтенант госбезопасности Барынин, сменивший Филиппова, 28 июня 1944 года издал постановление о продлении срока следствия. Он мотивировал своё решение следующими обстоятельствами: «Чентиева арестована 22 февраля 1944 года на основании материалов, свидетельствующих о её связях с националистическим подпольем бывшей Чечено-Ингушетии, а также её антисоветских настроениях и высказываниях, одобрявших повстанческие тенденции некоторой части чеченцев и ингушей, в связи с их переселением.

В процессе следствия добыты некоторые материалы об антисоветской деятельности Чентиевой. Однако, в связи с переселением чеченцев и ингушей, необходимая документация фактов антисоветских и националистических проявлений Чентиевой не закончена.

По делу необходимо допросить в качестве свидетелей: Магомаева Магомеда [25], Мальсагова Дашлако, Дукузова Магомеда, переселённых в Среднюю Азию. Принимая во внимание, что срок следствия по делу и содержания под стражей обвиняемой Чентиевой истёк, руководствуясь ст. 116 УПК РСФСР – ПОСТАНОВИЛ: через прокурора Грозненской области ходатайствовать перед Прокурором РСФСР о продлении срока следствия по след. делу № 169 по обвинению Чентиевой Марьям Джец. – сроком на один месяц, т.е. до 22 июля 1944 года» [26].

Однако тот же Барынин спустя две недели вынужден был констатировать: «В процессе следствия факты одобрения повстанческих тенденций, а также связь с националистическим подпольем Чентиевой не подтвердились. Имеющихся материалов для привлечения Чентиевой к уголовной ответственности недостаточно». На основании вышеизложенного, Барынин постановил: «Следственное дело № 169 по обвинению Чентиевой Марьям Джец., в порядке ст. 204 п. «б» УПК РСФСР, дальнейшим производством прекратить, арестованную Чентиеву из-под стражи освободить». Это постановление 12 июля 1944 года было утверждено начальником Управления НКГБ ГО полковником госбезопасности Ендаковым [27]. На основании этого документа в июле 1944 года Марьям Чентиеву выпустили из заключения [28].

В момент освобождения Чентиевой чеченцы и ингуши уже были высланы в Казахстан и Киргизию. Только её мама Залихан, благодаря татарскому происхождению, не была выслана и продолжала жить с внучкой Зоей (Зулай) у своих родственников в г. Грозном [29]. После освобождения Марьям тоже проживала в Грозном, но тоска по своему народу заставила её в октябре 1944 года вместе с семьёй переселиться в Казахстан.

В ноябре 1944 года они прибыли в село Каскелен Каскеленского района Алма-Атинской области Казахской ССР [30]. Здесь Чентиева с декабря 1944 года по октябрь 1945 года работала заместителем директора Детского городка по учебной части [31]. Её способности на этой должности вскоре были оценены начальством. В октябре 1945 года Марьям Чентиевой предложили должность заведующей детским садом № 66 Казминпроса Сталинского района г. Алма-Ата. В административном центре Казахской ССР перспективы были лучше, чем в селе, поэтому она, не задумываясь, переселилась в город Алма-Ату и с 10 октября 1945 года возглавила это дошкольное учреждение [32].

В столице Казахстана Чентиевы проживали по адресу: 13 линия, дом 5 и были зарегистрированы в 19-ой спецкомендатуре [33]. Дочь Марьям –

Зулай Магомаева – пошла в 1 «г» класс Алма-Атинской школы № 55 им. В.П. Чкалова.

8 января 1945 года за подписями заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотова и управляющего делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР Я. Чадаева вышло Постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев». Этот документ ужесточал крайне тяжелое положение спецпоселенцев: «Спецпереселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД.

За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток» [34].

В такие суровые условия были загнаны все без исключения репрессированные народы. Ежемесячная явка спецпереселенца в комендатуру для росписи в контрольном листе была обязательна. Опоздание приравнивалось к побегу.

Марьям Чентиева, 6 сентября 1947 года, в 5-ом ГОМ МВД г. Алма-Ата получила новый паспорт за № V-ПХ № 673546. В нём она изменила дату рождения на 1917 год [35]. В следующем, 1948 году, закон по отношению к репрессированным народам стал более жесток. 26 ноября 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы СССР в период Отечественной войны».

Текст этого печально известного Указа был более, чем суров: «В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдалённые районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольной выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматриваются в Особом Совещании при Министерстве внутренних дел СССР» [36].

Марьям Чентиева задним числом, 10 января 1949 года, была ознакомлена с этими кошмарными документами. Как и все рядовые представители репрессированных народов, она тоже ежемесячно была обязана расписываться в контрольном листе, удостоверяя комендатуру о своём присутствии по месту поселения [37].

В 1950 году, в Алма-Ате, Марьям Чентиева вышла замуж за Халида Уцаевича Арсанукаева, 1907 г. р., уроженца аула Эзихой Итумкалинского округа Чеченской Автономной Области. Арсанукаев в 1932 году, в Москве, окончил Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина. С июля 1950 по май 1952 года работал в должности старшего агронома Министерства хлопководства КазССР [38]. Он был младшим братом известного чеченского деятеля Иналука Уцаевича Арсанукаева-Дышнинского [39]. Брак Марьям Чентиевой и Халида Арсанукаева был юридически зарегистрирован, но в ноябре 1952 года они разошлись [40].

После смерти Сталина в 1953 году начались некоторые послабления в отношении спецпереселенцев. 13 июля 1954 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». Спустя три дня после этого вышел приказ МВД СССР № 00597 «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» [41].

Марьям Чентиева 14 августа 1954 года дала расписку о том, что ей объявлено о предоставлении права проживания в пределах Казахской ССР, и при изменении места жительства она обязуется «перед выездом сняться с учёта, а по прибытию на новое место жительства немедленно встать на учёт в органах МВД» [42].

Дочь Марьям Чентиевой – Зулай Магомедовна Магомаева – в 1954 году окончила Алма-Атинскую школу № 55 им. В.П. Чкалова и поступила в Алма-Атинский Педагогический институт иностранных языков, на факультет английского языка. В связи с тем, что Зулай Магомаева – студентка высшего учебного заведения, 26 февраля 1955 года она была освобождена с учёта спецпоселения. О снятии с учёта ей было объявлено под роспись 4 марта 1955 года [43].

30 мая 1955 года со спецучёта были освобождены также Марьям и Залихан Чентиевы. Комендант ИК УМВД Алма-Атинской области старший лейтенант Алибеков, рассмотрев личное-учётное дело Чентиевой Марьям Джецовны, составил заключение, согласно которому: «Спецпоселенка Чентиева М.Д. является дочерью члена КПСС Чентиевой Зелихан Магомедовны, 1885 г. р., и в соответствии с указанием МВД СССР № 86 от 10 мая 1955 г. Чентиева М.Д. подлежит освобождению из спецпоселения, а поэтому ПОЛАГАЛ БЫ: спецпоселенку Чентиеву Марьям Джецовну, 1917 г. р., освободить из спецпоселения, личное-учётное дело на неё сдать в 1 с/отдел МВД СССР для хранения в архив». О том, что она освобождена со спецучёта, М.Д. Чентиевой было объявлено 1 июня 1955 года [44].

Окрылённая обретённой свободой Марьям добилась ещё принятия решения Верховного Суда СССР от 19 мая 1956 года, согласно которому

следственное дело от 1944 года в отношении неё было окончательно прекращено за недоказанностью обвинения. М.Д. Чентиева была реабилитирована. На основании решения суда о реабилитации Алма-Атинский обком коммунистической партии Казахстана 2 августа 1956 года по протоколу № 18 восстановил её в партии [45]. Вскоре Марьям Чентиева стала первой чеченкой, награждённой знаком «Отличник народного просвещения Казахской ССР» [46].

8 июня 1957 года Марьям Чентиева была включена в комиссию по организованному возвращению чеченцев и ингушей из Казахстана в восстановленную ЧИАССР [47]. В июле 1957 года она уволилась с должности заведующей детским садом № 66 в Алма-Ате и вернулась в Грозный. Она была принята на работу в качестве научного сотрудника Чечено-Ингушского Научно-исследовательского института языка и литературы (ЧИНИИЯЛ). В ноябре 1958 года Марьям Чентиеву перевели на должность заведующей сектором литературы ЧИНИИЯЛ. В этой должности она стала углублённо изучать и развивать чеченский литературный язык. Хорошо владела чеченским и русским языками, слабо – английским и системой тюркских языков. Вскоре Чентиева защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Черты современника и проблемы чечено-ингушской художественной литературы» [48]. Таким образом, Марьям Чентиева стала первой чеченкой, получившей звание кандидата наук.

В 1958 году в Грозном, тиражом 2000 экземпляров, была издана одна из её фундаментальных работ – «История чечено-ингушской письменности», в которой автор раскрывала все стороны развития вайнахского письма на основе сначала арабской графики, затем – латинизированной и, наконец, русской график.

В 1960 году Марьям Чентиева выпустила новую книгу по языкознанию под названием «Звуковой состав чеченского литературного языка и вопросы усовершенствования алфавита и орфографии». В 1967 году на базе её диссертационной монографии была издана книга «Черты современника и проблемы чечено-ингушской художественной литературы».

С 1971 по 1991 год Марьям Чентиева проработала в должности заместителя директора по науке Чечено-Ингушского филиала Научно-исследовательского института национальных школ Министерства просвещения РСФСР. В эти годы она приложила много сил и труда в дело издания школьных учебников и методических пособий по преподаванию родного языка и литературы в нашей республике. Чентиева посвятила развитию чечено-ингушского образования всю свою жизнь [49].

Много горя и бед принесли семье Марьям Чентиевой лихие 90-е годы. Осенью 1994 года скончался её зять Альберт – муж Зулай Магомаевой. Начавшаяся зимой того же года война в Чечне лишила Чентиеву всего имуще-

ства. Кроме того, в августе 1996 года, во время боёв за Грозный, число жертв среди мирных жителей пополнилось именем убитого врача Гиви – любимого внука Марьям и единственного сына Зулай. Но на этом несчастья этой семьи не закончились – в конце 1999 года началась вторая русско-чеченская кампания. В ходе бомбёжек и артобстрелов Грозного всю зиму Марьям Чентиева и Зулай Магомаева прятались в подвалах. В январе–феврале 2000 года в центре Грозного, где проживала Чентиева, шли ожесточённые бои между федеральными войсками и боевиками. В ходе этих боев, при проведении зачистки территорий, озлобленные российские солдаты обнаружили прятавшихся в подвалах мирных жителей: русских, армян, чеченцев и представителей других национальностей. Все они были расстреляны озверевшими исполнителями контртеррористической операции [50]. Останки погибших были вывезены работниками МЧС и преданы земле в коллективном захоронении в окрестностях совхоза «60 лет Октября» [51]. Но добрые люди из числа почитателей таланта Марьям Чентиевой, рискуя жизнью, похоронили её в посёлке Мичурина [52].

Так трагически оборвалась полная борьбы, страданий и подвигов жизнь восьмидесятипятилетней Марьям Джецовны Чентиевой – славной дочери чеченского народа, настоящего патриота своей Отчизны и великой труженицы. В своё время она была одной из самых красивых и умных девушек в нашей республике. Светлый образ Марьям Чентиевой никогда не погаснет в памяти современников и всех вайнахов. Эта глубоко эрудированная и прогрессивная чеченская женщина, вне всякого сомнения, останется одной из ярких жемчужин чеченского генофонда, на которую будут равняться будущие поколения красивых, умных и бесстрашных наших сестёр.

Список использованных источников и литературы

1. Карима Л. Хранительница слова чеченского // Газета «Молодёжная смена» от 08.06.2005 г.; Гириева Д. Сирла дахар… бохаме хедира // Газета «Даймохк» от 14.04.2006 г.; Арсанукаев А. Чентиева Марем – литературовед, Iилманан методист // Газета «Даймохк» от 28.10.2010 г.; Абалаева М. Добрый и яркий след в истории нации. Её жизнь не была лёгкой, а конец – более чем трагичен // Газета «Вести республики» от 12.11.2010 г.; Аболханов Х. Чентиева М. // Газета «Даймохк» от 15.03.2011 г.; Арсанукаев А.М. Нохчийн яздархой: Биобиблиографин довзийтар. Том II. Книга I. – Грозный: «Арфа-Пресс», 2014. – С. 311–324; Газиева А.С. Со йиц ма елахь, Нохчийчоь. – Грозный, 2014. – С. 60–66; Гириева Д., Магомаев С. Къоман сийдолу йоI // Журнал «Нана», № 3–4, 2015. – С. 14–17; Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.; Нохчийн маттаца шайн дахар доьзнарш // Газета «Вести республики», № 73 от 23 апреля 2016 г.; Аболханов Х. БIаьрла лар // Журнал «Орга», № 9–10, 2016. – С. 7.

2. Записано 02.03.2017 г. со слов Салаутдина Даудовича Магомаева, 1936 г. р., жителя г. Грозный.

3. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 1, д. 86, л. 87.

4. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 816, л. 2. По другим данным, Залихан Чентиевой в 1940 году было 45 лет (См. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 11).

5. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 12. Дело это было выявлено и заказано А.Р. Орсахановым в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 176780).

6. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 816, л. 2.

7. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 11.

8. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 1, 8, 13.

9. Арсанукаев А.М. Чеченские писатели: Биобиблиографический справочник (на чеченском языке). Том II. Книга I. – Грозный: «Арфа-Пресс», 2014.– С. 311; Газиева А.С. Со йиц ма елахь, Нохчийчоь. – Грозный, 2014. – С. 60.

10. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 799, л. 2; АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 816, л. 2.

11. Авторханов А. Мемуары. Изд-во «Посев»: Франкфурт-на-Майне, 1983. – С. 354.

12. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.; Арсанукаев А.М. Указ. соч. – С. 311–312.

13. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 1, 2, 4.

14. Молотовский район г. Грозный образован 8 августа 1938 г. Переименован 12 сентября 1957 г. в Ленинский район.

15. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 1, 10, 11.

16. Чентиева М.Д. История Чечено-Ингушской письменности. Грозный, 1958. – С. 78.

17. Арсанукаев А. Указ. соч. С. 314.

18. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 2.

19. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.; АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 2 с об.

20. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 3 с об.

21. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 1 с об.

22. Здесь и далее вместо имен свидетелей приводим только инициалы.

23. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 2 с об.

24. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду. // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.

25. Это бывший муж Марьям Чентиевой – Хасмагомед Магомаев.

26. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 4, 5, 7.

27. АУП ЧР, ф. Р-1280, оп. 1, д. 1, л. 6.

28. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 4, 6.

29. Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.

30. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 2 об.;

31. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 4, 6.

32. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 12.

33. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 2 об; АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 816, л. 2 об.

34. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. Р-9408, оп. 1, д. 2, л. 55.

35. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 2, 6, 9.

36. ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 36, д. 450, л. 87.

37. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 3-4, 5-6 с об, 8-9 с об, 11 с об.

38. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 25, л. 5, 10, 12.

39. РГАСПИ, ф. 532, оп. 11, д. 389, л. 13.

40. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 10850, л. 46-47 с об, 48.

41. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов. Ответственный составитель и научный редактор Бугаев А.М. Том I. – Нальчик, 2013. – С. 46–47.

42. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 13.

43. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 799, л. 10–13, 14 с об.

44. АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 16, д. 815, л. 14 с об.

45. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 4–6.

46. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.

47. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962). Сборник документов и материалов / Отв. сост. и научн. ред. Бугаев А.М. Том I. – Нальчик, 2013. – С. 176.

48. АУП ЧР, ф. Р-1212, оп. 4, д. 19, л. 4, 10; Арсанукаев А. Указ. соч. – С. 317.

49. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.; Арсанукаев А.М. Чеченские писатели: Биобиблиографический справочник (на чеченском языке). Том II. Книга I. – Грозный: «Арфа-Пресс», 2014. – С. 318.

50. Магомаев С. Цуьнан дахар кхечарна масал ду // Газета «Даймохк», № 30 (12990) от 17 марта 2016 г.; Арсанукаев А.М. Чеченские писатели: Биобиблиографический справочник (на чеченском языке). Том II. Книга I. – Грозный: «Арфа-Пресс», 2014. – С. 319; Кусаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007. – С. 116.

51. Записано 2 марта 2017 г. со слов Салаутдина Даудовича Магомаева, 1936 г. р., уроженца Урус-Мартана, жителя г. Грозный.

52. Записано 10 марта 2017 г. со слов известной журналистки Азы Газиевой, 1951 г. р., жительницы г. Грозный.

Берсанова З.Х.-А.

НАСУХАНОВА ЛЯЛЯ АНДАРБЕКОВНА
(1939–2000)

Насуханова Ляля Андарбековна – первая летчица-чеченка, Заслуженный мастер спорта СССР по самолетному спорту, парашютистка и видный общественный деятель, родилась в 1939 году в селении Старые Атаги в семье радиожурналиста Андарбека Шамилева. Детство и юность ее прошли в Казахстане, куда ее семья вместе с другими чеченцами была насильственно переселена в 1944 году.

Слушая рассказы взрослых о далекой родине, Ляля «заболела» небом. «В детстве я мечтала стать птицей и улететь на крыльях в родные места», – вспоминала Ляля.

В 50-е годы в Алма-Ате втайне от родителей она записалась в кружок парашютистов Алма-Атинского аэроклуба. Здесь совершила свои первые 86 прыжков.

Рассказать родителям о своей заветной мечте стать летчицей она не решалась. Но мать однажды в книжке дочери обнаружила ее «секретные документы».

«Не женское это дело», – сказала она дочери. Но отговаривать не стала.

Отец тоже не очень-то препятствовал увлечению дочери. Хотя надеялся, что с годами «дурь из девичьей головы все-таки вылетит».

После окончания аэроклуба Ляля поступила и успешно окончила Центральную летно-техническую школу в Саранске. Затем продолжила учебу в центральной летной школе ДОСААФ, стала профессиональным летчиком-инструктором. За время учебы набирала опыт пилотажа, воздушной акробатики.

Вернувшись на Родину, в 1957 году Ляля Андарбековна стала летчиком-инструктором Махачкалинского аэроклуба. Здесь прослужила до самого перехода на гражданскую работу – в Центре подготовки летчиков ДОСААФ в ст. Калиновской.

Много сил и энергии отдала Насуханова и работе в Грозненском учебно-авиационном центре. Командир центра отмечал: «Летать любит, летает грамотно, смело».

В те годы Ляля участвовала во многих международных, всесоюзных, всероссийских зональных соревнованиях по самолетному спорту.

Первые успехи пришли к Ляле в конце 60-х годов прошлого века: в составе сборной команды Дагестана молодая спортсменка в г. Ростове-на-Дону, на первенстве по южной зоне России, стала чемпионом и получила диплом первой степени. Однако все эти достижения ей давались нелегко. Войти в десятку лучших летчиков СССР ей пришлось ценой неимоверных усилий. Она училась и работала в неравных условиях.

Вспоминая те годы, Ляля Насуханова писала: «Мое положение осложнялось еще и тем, что я была из спецпереселенцев, то есть людей второго сорта, о чем напоминали на каждом шагу».

Настойчиво пробивалась она и в военное авиационное училище, где готовили летчиков высшего пилотажа. Тернистый путь туда лежал через генштаб. Наконец, она поступила в это училище и, успешно закончив его, стала мастером высшего пилотажа.

В 1964 году ее назначили командиром авиационного звена. До нее ни одна женщина в бывшем Советском Союзе не удостаивалась такой должности на реактивных самолетах-истребителях.

Ляля была настоящим асом в области пилотажа. Казалось, ей вообще неведом страх. Она принимала участие в соревнованиях наравне с летчиками-мужчинами. На первенстве СССР по самолетному спорту в г. Куйбышеве она заняла 18-е место среди 54 летчиков!

Следующим достижением стало 3-е место на первых соревнованиях по самолетному спорту СССР среди женщин в Москве. Бронзовую медаль Насуханова получила за 27 фигур высшего пилотажа в 20-ти комбинациях. Из Москвы Ляля увезла не только награды, но и самое важное для любого профессионала – признание своего мастерства.

Восхищенные мастерством чеченки-пилота присутствовавшие на соревнованиях летчики-космонавты Герои Советского Союза Андриян Нико-

лаев и Валентина Терешкова писали в газете «Грозненский рабочий»: «Мы с большой радостью следим и гордимся успехами первой летчицы-чеченки Ляли Насухановой. Мы много слышали рассказов о мужестве и отваге чеченской молодежи. А недавно, увидев на соревнованиях по высшему пилотажу Лялю, мы воочию убедились в правдивости этих рассказов. Считали бы за честь слетать с ней вместе в космос».

Ляля сама мечтала о космосе. Она сделала четыре попытки попасть в отряд космонавтов Советского Союза. Убедительно демонстрировала свои способности и подготовку. Но для включения в отряд космонавтов требовалось соответствующее решение ЦК КПСС. И тут непреодолимой преградой вставала пресловутая «пятая графа» паспорта. Неоднократные попытки протежировавших Ляле друзей-космонавтов, среди которых были Герой Советского Союза В. Комаров и начальник Центра подготовки космонавтов дважды Герой СССР Г. Береговой, не увенчались успехом.

Но ни в теории, ни в практике никогда она не была слабее лучших советских летчиков-мужчин.

В общей сложности Л. Насуханова проработала в авиации 23 года. Стала Заслуженным мастером спорта СССР по самолётному спорту, членом сборной СССР. Была лётчиком-инструктором, командиром звена реактивных истребителей «МИГ-17». Входила в десятку лучших лётчиков СССР. Налетала около 2600 часов. Обучила пилотному мастерству более 200 человек.

Свою судьбу Ляля Андарбековна связала с летчиком Асланом Битаровым.

В составе сборной команды СССР Ляля должна была ехать в Испанию на первенство мира. Но международный дебют не состоялся, так как в это время Ляля готовилась стать матерью. Семейная жизнь заставила ее оставить небо. Она ушла из профессии, не оставив ни одной непокоренной вершины.

Но незаурядный ум, независимый характер, качества лидера требовали своей реализации, и Ляля начала заниматься более земными делами. Она поступила в Чечено-Ингушский педагогический университет и получила диплом историка, пробовала себя на разных должностях. Была третьим секретарем РК КПСС, руководителем профсоюзов работников культуры. Она была везде, где могла принести пользу людям. К ней шли со своими вопросами, проблемами, зная, что Ляля Андарбековна всегда поможет их решить. Особенно часто к ней обращались женщины, зная, что к их проблемам она будет особенно внимательна.

Ляля была невероятно популярной личностью. Молодежь запоем читала все заметки о ней, которые печатались в газетах. Известный грозненский поэт Иван Минтяк, также восхищенный летчицей, посвятил ей целую поэму «Земное небо».

На встречах со знаменитой летчицей в школах, вузах, на предприятиях зал всегда был полон. Она получала сотни писем от молодежи с вопросами: какую выбрать профессию, как стать счастливой, независимой? И ни одно из писем она никогда не оставляла без ответа.

Лялю Андарбековну можно было назвать счастливой женщиной: она покорила небо, осуществив свою детскую мечту. Передала свой опыт и мастерство сотням юных летчиков-спортсменов. Она состоялась как общественный деятель, состоялась как мать. На вопрос, считает ли она себя счастливой, она ответила: «Так можно было считать, если бы не две народные трагедии, которые выпали на мой век: выселение 1944 года и события, которые начались в 1994 году и продолжающиеся до сегодняшнего дня. Так что счастье мое относительное».

События в родной республике на рубеже веков были для Насухановой большим потрясением. Первая женщина, избравшая профессию летчика реактивных самолётов-истребителей, женщина-общественный деятель, борец, личным примером доказавшая, что нет поля деятельности, недоступного для чеченских женщин, наконец сдалась... Отступила обессиленная перед всепоглощающим злом, вновь оторвавшим её от родного очага, вынуждая спасать себя и свою семью бегством под непрерывным огнём. Смерть настигла Лялю Насуханову в изгнании, в небольшом осетинском селе, в разгар второй российско-чеченской войны. Она была достойна лучшего ухода в окружении многочисленных друзей и близких, в обстановке покоя и с заслуженными почестями. А ей предстояло пережить и этот, последний, удар, который наверняка ускорил её уход в 61 год – в январе 2000 года. Но пока жив её народ, жива будет и память о его дочери, первой взмывшей под облака.

Туркаев Х.В.

САЛАМОВ АБДУЛ-ХАЛИМ АСХАБОВИЧ
(1899–1978)

Они тысячелетиями во всей своей первозданной красоте и мощи гордо возвышаются над равнинами и предгорьями, и никакие пыльные бури, продолжительная темень в судьбах народа, вызванная политическими и военными ураганами, проносящимися в подножьях, не имеют силы затмить их ослепительную белизну. В них таится неразгаданная земная энергия, и она, несомненно, усиливает жизнеспособность с упованием взирающих на них людей.

Неизменно такая аналогия предстает в моем воображении, когда я думаю о представителях чеченской интеллигенции, прошедших сквозь шквального и трагического в целом для истории России XX века, но не сломавшихся, а честно служивших и своей стране, и своему народу. Вот их имена, появившиеся на стыке XIX и XX вв.: Таштемир Эльдарханов, братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, братья Денилбек, Назарбек, Заурбек Шериповы, Бек Саракаев. Два десятилетия спустя их традиции бесстрашия в постановке актуальных для России и Северного Кавказа проблем продолжила новая поросль чеченской интеллигенции: Асланбек Шерипов, Халид Ошаев, Абдул-Халим Саламов и Магомет Мамакаев.

Абдул-Халим Асхабович Саламов родился в селе Шали в 1899 году в семье преуспевающего торговца. Отец определил Абдулхалима в сельское

медресе, где мальчик хорошо освоил арабский язык. Затем он учился в светской школе. В школе было только три класса. Для продолжения учёбы мальчик был направлен в школу станицы Червленная.

Социально-экономическая, общественно-политическая атмосфера предоктябрьской поры, те идейно-художественные поиски и обретения первого поколения бесстрашной национальной творческой интеллигенции сформировали в юношеские годы мировоззрение Абдул-Халима Саламова, закалили его дух, заложили ценные для будущего общественного и политического деятеля качества: не согнуться под тяжестью политических и социальных бурь, пронесшихся впоследствии над его народом.

Отголоски раската грома событий в России доходили и до его отца Асхаба Саламова, и его крестьянская мудрость подсказала ему: угнетенный человек поднимается с колен, гордо выпрямляется, и он непременно добьется равенства и справедливости. Да и сама все усложняющаяся общественная атмосфера в Чечне, интенсивно происходящая поляризация интересов нарождающейся национальной буржуазии и духовенства и чеченского крестьянства подсказали Асхабу Саламову, что его сын должен учиться русской грамоте. Так Абдул-Халим очутился в русской школе казачьей станицы. Таким образом, отец предначертал судьбу будущего политического деятеля и ученого: прекрасное знание русского языка и русской словесности, российской истории, широта взгляда на исторические судьбы чеченского народа в контексте истории Кавказа и России, интернационалистский настрой души, нетерпимость ко всякого рода несправедливости и фальши по отношению к любому человеку, с какой бы то ни было стороны она не исходила – от властей или дельцов от религии – вот черты характера и мировоззрения Абдул-Халима Саламова. Они были заложены в его детскую душу родителями, школой и проявлялись в течение всей его жизни, какие бы должности он не занимал, на крутых, порой драматических изломах его судьбы.

Конечно, углубление знаний и расширение горизонта видения и осмысления бескомпромиссных законов и закономерностей жизни у Абдул-Халима Саламова продолжалось всю жизнь. Сразу по окончании школы волею судьбы он оказался в самом пекле Гражданской войны в Чечне. В своей автобиографии, написанной 8 июня 1937 года, Абдул-Халим Саламов писал: «Впервые о советской власти узнал в августе 1918 г., когда в Грозном начались бои красных во главе с т. Гикало против белых казаков. В тот период я участвовал в боевых действиях чеченского отряда против станицы Петропавловской. В ноябре 1918 г. заболел малярией в тяжелой форме и проболел вплоть до июля 1919 г. Будучи еще больным, примерно в начале марта 1919 года, участвовал в защите от деникинских банд аулов Устар-Гардой и Мескер-Юрт. В этих боях я командовал артиллеристской батареей (орудие образца 1878 г. из крепости Ведено). После падения аулов Устар-Гардой, Ца-

цин-Юрт, Гельдыген весь Шалинский район был занят белыми… Я отступил вместе с отрядами Узун-Хаджи в горную крепость Ведено… Там я работал в правительстве Узун-Хаджи в финансовом отделе».

Этот факт его биографии десятилетия спустя некоторые его оппоненты и недоброжелатели неоднократно с жестоким умыслом использовали в своих анонимках на него и выступлениях на партийных собраниях научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Но никто из них, и не только они, ни разу не упоминал о невероятной честности Абдул-Халима Саламова и его больших заслугах перед советской властью и чеченским народом. Сразу же после установления советской власти на Северном Кавказе (март 1920 г.) он, 22-летний молодой человек, был назначен заведующим орготделом Чеченского ревкома. Здесь он прошел первые уроки политических дискуссий по вопросам форм и методов строительства советской власти в Чечне и путей приобщения к ее идеям в целом неграмотного чеченского населения.

В 1923–1925 гг. Абдул-Халим учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), где был принят в члены партии большевиков. Был редактором областной национальной газеты «Серло». «В начале 1927 г., – пишет А.-Х. Саламов в автобиографии, – на съезде советов Чечни меня избрали членом Крайисполкома… Вместе с тем, состоял членом Президиума нацпарткомиссии Крайкома партии и членом редколлегии Краевого журнала «Революция и горец».

По возвращении в Чеченскую Автономную Область он был введен кандидатом в члены Чеченского Областного Исполнительного Комитета, некоторое время работал рядом с Таштемиром Эльдархановым, являвшимся Председателем Чеченского ОблЦИКа. Этот факт из его биографии намного позже прояснит нам ситуацию, складывавшуюся в те же годы в исполнительном органе управления Чечней, сознательно фальсифицированную рядом историков 60–70-х гг. XX в.

В 1926–1927 гг. Абдул-Халим Саламов работал заведующим оргбюро в Чеченском облисполкоме.

12 апреля 1929 г. постановлением секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.-Х. А. Саламов был направлен на учебу в Институт Красной профессуры г. Москвы (протокол № 5 § 372). Учился вместе с Абдурахманом Авторхановым, впоследствии ставшим всемирно известным политологом. «В марте 1933 г. (заканчивал II курс) назначен начальником политотдела Хасавюртовского МТС Дагреспублики, – писал А.-Х. Саламов в своей автобиографии. – В марте 1934 г. переведен начальником политотдела I-ой Чеченской МТС, где работал до февраля 1935 года. При слиянии политотделов МТС с райкомами партии меня избрали секретарем Грозненского городского РКП(б)». За работу в Хасавюртовском МТС в мае 1934 года он был

награжден орденом Ленина. Его имя стало очень популярным в Чеченской Автономной Области, о нем слагались песни, его именем был назван один из колхозов Шалинского района.

Завершая разговор о биографии этой неординарной личности, складывавшейся в 20-е годы XX в., и для полноты представления о той эпохе, в центре событий которой находился и А.-Х. А. Саламов, приведем выдержку из выступления Председателя Чеченского облревкома Т.Э. Эльдарханова на секретном Четвертом Совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москва 9–12 июня 1923 года: «Я должен коснуться ряда ненормальностей со стороны наших товарищей, допущенных ими при управлении Чечней. Слащавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, выколачивание продналога штыком, чтобы в конечном итоге получить только 5–6% задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население, бандиты же убежали в горы, в конечном итоге создали единый фронт против Советской власти… В конечном итоге создали в Чечне анархию, создали в Чечне единый фронт, к сожалению, не за Советскую власть, а против Советской власти. И таково было положение до объявления автономии Чечни» [1].

Таштемир Эльдарханов не был в плену ложных патриотических чувств. Он прямо, не приукрашивая реальную обстановку на своей родине, говорил о крайне негативных явлениях в жизни народа, обусловленных по вине и царизма, и устанавливающейся здесь советской власти, и самого народа. Только бескомпромиссная борьба с этими явлениями будет способствовать, по его мнению, продвижению народа по пути прогресса, цивилизации, экономическому благополучию. «Революционная власть, управляющая Чечней с 1 февраля (1923 г. – *Х.Т.*), за этот непродолжительный промежуток времени сделала большие достижения в борьбе с бандитизмом, разросшимся в Чечне до небывалых размеров. Бандиты организованно нападали с пулеметами на железную дорогу, покушались на ограбление и крушение поездов и пр. Борьба с бандитизмом заслонила все очередные вопросы перед революционным комитетом автономной Чечни. До того в Чечне не было никакой власти, не было милиции, не было абсолютно ничего, напоминавшего Советскую власть. Страна представляла из себя одно разрушение, как будто Атилла с одного края до другого огнем и мечом прокатился по автономной Чечне. Нужно было создать крепкую власть и противопоставить ее бандитизму. Теперь я могу определенно заявить, что в Чечне, о которой привыкли говорить, что это вольная страна, не признающая ничего, где никакой власти нет и не может быть, создано, я заявляю как лицо, возглавляющее автономную Чечню, что теперь здесь имеется твердая власть» [2].

Выступления Таштемира Эльдарханова показывают, в какой архисложной обстановке находился чеченский народ в начале 20-х годов XX в.

и какие нечеловеческие усилия нужно было приложить первым, честным и преданным Советской власти руководителям из числа чеченцев, чтобы для народа впереди забрезжил свет надежды на мирную, созидательную жизнь. Для них 20–30-е годы, когда в Чечне, все еще неграмотной и нищей, происходили восстания против насилия Советской власти, когда в ней неустанно проводились карательные операции, когда светское образование с великим трудом пробивало себе дорогу через заградительную идеологию – эти годы явились для честных представителей нарождающейся новой чеченской интеллигенции временем выкристаллизации их гражданских помыслов, закалки характера, временем для реализации духовной потребности вдохновенно служить и Советской власти, и своему народу. Еще до поездки в Институт Красной профессуры Абдул-Халим Саламов начал изучать историю своего народа. Например, анализируя в 1929 г. очерк Д. Шерипова «Очерк о Чечне», он указывал автору на недопустимость поверхностного отношения к столь ответственной теме [3].

Таштемир Эльдарханов, Халид Ошаев, Абдул-Халим Саламов, Магомет Мамакаев, Хасан Мехтиев, Саид Казалиев, Даша Мидаев, Саид Бадуев, Хамид Окуев и многие другие сыны чеченского народа, прошедшие через горнило тех лет, являются для нас примером несгибаемой самоотверженности в отстаивании правды и справедливости.

Эти черты характера у чеченской интеллигенции нового типа, конечно же, сформировались под воздействием обширных и глубоких демократических знаний, получаемых ими у всемирно известных русских ученых. В своих «Мемуарах» А. Авторханов писал: «ИКП согласно своему привилегированному положению мог отбирать себе лучших профессоров страны с мировыми именами. В ИКП истории было два факультета: один по русской истории, другой по западной истории и одно отделение китайско-японское. Специализация начиналась на последнем курсе. Поэтому все лекции по русской, западной истории и специальный курс по Древнему Востоку мы слушали сообща» [4].

Вот истоки обширнейших знаний Абдул-Халима Саламова по истории, в частности, по истории России, которые приводили в восторг нас, молодых и не очень научных сотрудников, работавших под его началом в 60-е – начале 70-х гг. XX в. Он, опираясь на эти знания, вкупе со своей природной потребностью быть правдивым и объективным во всем, и сориентировал ученых Чечено-Ингушетии и из-за ее пределов на правду при написании в указанные годы двухтомника «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». В них сконцентрировалась широта взгляда идейного и научного руководителя этого труда Абдул-Халима Саламова на историю чеченцев и ингушей в контексте истории России, Запада и Востока. Он приложил много усилий, добиваясь, чтобы без больших моральных потерь для чеченского и ингушского народов

объективно осмыслили их новую и новейшую историю. Конечно же, и в этой работе не все зависело от него: был всесильный идеологический отдел обкома КПСС, который дозировал правду истории двух народов в зависимости от политической конъюнктуры момента.

Возвращаясь к хронологии жизни и общественной деятельности Абдул-Халима Саламова, процитируем А. Авторханова: «Первая половина 1935 года и весь 1936 год прошли в Чечено-Ингушетии спокойно… Эти два с половиной года прошли без чекистских провокаций, а значит, и без чеченских восстаний» [5]. В период этого временного затишья в общественно-политической жизни Чечено-Ингушской АССР Абдул-Халим Саламов был переведен на работу в Правительство Республики (с 5 декабря 1936 года Чечено-Ингушская Автономная Область была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР). Однако недолго продолжалась спокойная созидательная жизнь в республике и работа Абдул-Халима в Правительстве: «В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года по ранее составленным НКВД спискам была проведена «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». В появившейся в конце сентября 1937 г. в газете «Правда» громовой статье «От специального корреспондента» под жирным заголовком «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии», несомненно, инспирированной ЦК ВКП(б), ее автор доказывал, что в Чечено-Ингушетии в партийном руководстве и во главе правительства сидят «буржуазные националисты», которые ведут чечено-ингушский народ по антисоветскому пути, и призывал не названного по имени судью (НКВД) «до конца распутать буржуазно-националистический клубок» [6]. 7 октября 1937 года был созван расширенный пленум Чечено-Ингушского областного комитета в Доме культуры имени Ленина Сталинского района в г. Грозный. Вот на этом пленуме приехавший из Москвы заместитель Ежова Шкирятов самолично и распутал «клубок». Шкирятов дал приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, являющихся членами Чечено-Ингушского областного комитета. Они были арестованы тут же, в зале пленума. Потом приказ Шкирятова был распространен и на всех работников чеченской и ингушской национальностей – от председателя республиканского правительства до председателя сельсовета. Таким образом, в течение октября–ноября были арестованы: председатель правительства республики А. Горчханов, заместитель председателя правительства А. Саламов… [7] и сотни других. «Трибунал вынес обвинительный приговор: А. Саламов, А. Горчаханов и Тучаев были приговорены к расстрелу… Москва заменила расстрел всем троим, снизила сроки наказания другим…» [8].

Время, в котором жил Абдул-Халим Саламов с этого момента и до конца его жизни, явилось временем непрестанных испытаний его духа, характера на стойкость, мужества и благородства. «Путем неслыханных инквизиций, – писал А. Авторханов, – названной «предварительным следствием», чекисты

заставили до 90 процентов членов «буржуазно-националистического центра» подписывать и даже сочинять «искренние признания» в преступлениях, которых, разумеется, они не совершали».

О фантастичности этих показаний можно судить хотя бы потому, что бывший заместитель правительства республики А. Саламов дал следующие «искренние собственноручные показания»: «Для успешного проведения вооруженного восстания в Чечено-Ингушской Республике из Англии через Турцию были получены: 50 горных орудий, 1000 пулеметов, 200 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов, 10 тысяч снарядов и гранат и т. д. Кроме того, Англия обещала с воздуха поддерживать это восстание. Но так как Саламов указывал и точное место, где это оружие зарыто в горах, то чекисты изрыли все указанные ущелья гор. При этом, конечно, ничего не нашли, но избиения продолжались с требованиями указать подлинное место, где зарыто это оружие» [9].

В этой связи вспоминается поведение на следствии другого не менее стойкого сына Чечни – Магомеда Мамакаева. Его, как и других, под изощренными пытками заставляли признаться, что он является одним из организаторов придуманного чекистами восстания и добивались, чтобы он назвал руководителя восстания. «Я, – рассказывал М. Мамакаев, – чтобы не потерять под пытками остаток сил и не сломиться, назвал имя Шота Руставели [10]. На несколько дней меня оставили в покое: видимо, они искали Шота Руставели. Но затем пытки повторились с прежней изощренностью».

Другой «член буржуазно-националистического центра» Халид Ошаев, работавший до ареста директором Северо-Кавказского горского педагогического института (Владикавказ), тоже делился с автором этих строк своими воспоминаниями о кошмарных месяцах, проведенных ими до суда в общей камере Грозненской тюрьмы НКВД. Халид Дудаевич с большим уважением говорил, в частности, об Абдул-Халиме Саламове, хотя они много лет являлись оппонентами друг другу, о смелом и достойном поведении его в камере. Халид Дудаевич, в частности, акцентировал внимание и на таком факте из «камерной» жизни заключенных: много дней не притрагивался Абдул-Халим Саламов к скудной еде, которую тюремщики давали заключенным. Оказывается, это была форма не протестной голодовки (это не возымело бы никакого воздействия на палачей): так он лишал себя потребности пользоваться камерной парашей, и тем самым подчеркивал свое уважение к сокамерникам и сохранял перед ними свое достоинство.

Другой пример, уже из мирной жизни начала 70-х годов XX в. Както Абдул-Халим Саламов и Раиса Ахматова, Председатель правления Союза писателей ЧИАССР, совершенно случайно очутились в одном купе поезда «Грозный–Москва». После этой поездки Раиса много раз рассказывала, какие знаки внимания на протяжении всего пути ей оказывал Абдул-Халим. А ведь в то время он был далеко не молод.

…Абдул-Халим Саламов был осужден на 10 лет без права переписки. В 1948 году после «отсидки» он был сослан в Сибирь на вечное поселение.

Начавшаяся в 1956 году после XX съезда КПСС хрущевская оттепель вызволила из Сталинского ГУЛАГа миллионы заключенных советских людей. Вернулся к своей семье, находившейся, как и все чеченцы, в Казахстане, и Абдул-Халим Саламов. Он возглавлял отдел партийной жизни газеты «Къинхьегаман байракх» («Знамя труда»), незадолго до его освобождения начавшей выходить на чеченском языке в г. Алма-Ата Казахской ССР.

С 1958 года начинается второй, но не менее сложный, чем первый, но чрезвычайно насыщенный период жизни Абдул-Халима Саламова: с этого момента, когда он был назначен директором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и до самой смерти он, как и в предыдущие годы, бескорыстно, самозабвенно и всецело служил своему народу, прилагая неимоверные усилия для пробуждения его национального самосознания, способствуя формированию его научной и общественной мысли, которая делала тогда первые робкие и не совсем уверенные шаги. Он явился, по сути, первым поводырем первых и редких тогда молодых чеченцев, потянувшихся к научным знаниям.

В те годы, в условиях планового ведения хозяйства в стране, места в аспирантуре, предназначенные для Чечено-Ингушетии, ежегодно поступали в Совет Министров. Их распределение в научные и учебные учреждения республики происходило весьма болезненно: нежелание отдельных чиновников посылать в аспирантуры молодых людей из чеченцев ежегодно наглядно проявлялось. Именно благодаря неукротимому характеру Абдул-Халима Саламова он получал для НИИ места в аспирантуре, но они всегда были минимальны. Так сдерживался порыв к знаниям, тот энтузиазм, наблюдавшийся среди чеченской молодежи особенно в конце 50-х – начале70-х годов XX в. По этой причине число научных сотрудников на душу населения в Чечне было намного меньше, чем у других соседних народов.

Названные годы являлись временем всеобщего ликования народа, после тринадцатилетней ссылки вновь приобретшего свою родину. Ни обустроенность, ни безработица, ни отсутствие жилья – ничто не омрачало радостного настроения чеченцев от того, что они без комендантского надзора могут созидать на своей земле, для своих потомков. И созидали, и возрождали республику и страну, десятками тысяч ежегодно уезжая во все концы страны на сезонные работы.

Однако моральной и духовной свободы у этого народа все еще не было: над ним, над именем его висел дамоклов меч сталинско-бериевской пропаганды, исказившей новейшую историю чеченского и ряда других репрессированных народов, обвиненных двумя тиранами в их якобы постоянном враждебном отношении к советской власти.

…Только единицам из чеченской интеллигенции, по воле Бога, удалось выжить в сталинских жерновах. Им, вернувшимся вместе с народом на свою землю, и предстояло начать титаническую работу по развенчанию лжи и клеветы, водопадом обрушившихся на их народ в 40-е – первой половине 50-х годов XX в.

Абдул-Халим Саламов возглавил эту работу. Ее главные направления им были определены сразу: мобилизовать силы ученых на написание истории чеченского народа, все еще пребывающего в глазах его хулителей без определенного места происхождения и как неизменный враг России и Советской власти. В условиях отсутствия каких бы то ни было национальных кадров из числа чеченцев и ингушей возможность каких-либо результатов в этих направлениях многими брались под сомнение. Но целеустремленность и сила воли Абдул-Халима Саламова и здесь привели к совершенно неожиданным результатам: всего за три года, прошедших после назначения его директором НИИ, были написаны «Очерки истории чеченской литературы» (1961), «Очерки истории ингушской литературы» (1961) «Очерки истории чечено-ингушской литературы» на русском языке (1963). Безусловно, в их подготовке, глубине и широте освещения литературного процесса двух народов велика была роль русских ученых – наших преподавателей, работавших в Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте: В.Б. Корзуна, Б. Виноградова, В.И. Харчевникова, В.М. Былова, а также М.Д. Чентиевой; писателей и ученых: Б. Зязикова, Д. Мальсагова, О. Мальсагова, Х. Ошаева, Магомеда и Махмуда Сулаевых. А.-Х. Саламов входил в редколлегию названных очерков и корректировал оценки и характеристики писателей и их творчества, поскольку сложение двух литератур в 20–30-е годы, о которых речь шла в очерках, происходило на его глазах и с его участием в общественной и культурной жизни области, а затем – и Чечено-Ингушетии.

В годы восстановления республики настойчиво и с большим желанием быстрее донести до широкой общественности страны правду об истории чеченского и ингушского народов институт вел подготовительную работу для написания очерков истории двух народов. Для этой цели летом 1962 года Абдул-Халимом Саламовым была проведена научная сессия, на которой определились концептуальные подходы ученых-историков к освещению процессов, происходивших в жизни этих народов в 1860–1940-е годы. Сессия рассмотрела вопросы социально-экономических отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период капитализма, в годы гражданской войны и новой экономической политики.

Активное участие в работе сессии приняли научные работники кафедр общественных наук нефтяного и педагогического институтов, а также представители научных учреждений соседних братских республик – Грузии, Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. В этом «притяжении»

научной мысли Северного Кавказа и Закавказья для прояснения многих проблем взаимосвязанной истории этих регионов выдающуюся роль сыграл Абдул-Халим Саламов, его непререкаемый авторитет и как ученого, и как общественного деятеля со славным прошлым.

В научно-методологических докладах А. А. Саламова («Создать очерки истории народов Чечено-Ингушетии», «Не затушевывать социальные противоречия прошлого»), докладах и выступлениях других историков, этнографов был четко обозначен круг первоочередных проблем изучения прошлого Чечено-Ингушетии. Это была, пожалуй, первая и единственная в то время сессия, участники которой вели свободный и открытый разговор о прошлом, придя к единому мнению, что сталинско-бериевский этап истории республики и Отечества – пройденный этап, что отныне перед историками открыты просторы для объективного освещения героического и трагического прошлого чеченцев и ингушей.

Но это было, увы, горьким заблуждением. С октября 1964 г. началась политизация исторической науки страны, использование ее для подкрепления идеологических установок партаппарата.

Даже в ходе работы той сессии в выступлениях некоторых местных партийных историков однозначно отрицательно проявилась позиция обкома КПСС к узловым моментам новейшей истории чеченцев и ингушей, к выдающимся личностям чеченского и ингушского народов, в свое время сыгравшую видную роль в российской военной и политической истории (братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, Таштемир Эльдарханов, Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, Васан-Гирей Джабагиев). Таким образом, началось и вплоть до конца 80-х гг. XX в. продолжалось моральное угнетение общества, которого лишали возможности гордиться и своим героическим прошлым, и своими выдающимися сыновьями.

К большому сожалению, на научной сессии некоторыми местными историками был задан тон, в котором сквозило подозрительное отношение ко всему тому, что касалось позитивной роли чеченцев в их взаимоотношениях с русским народом и Россией, в революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Этот тон обусловил, к сожалению, в целом содержание двух томов «Очерков», изданных в 1967 и 1970 годах, и его нараставшая с годами отрицательная энергия привела, в конце концов, к резкой критике названного труда ответственными партийными идеологами республики летом 1973 года.

Для написания первого тома «Очерков истории…», который охватывал период от древнейших времен до марта 1917 года, были мобилизованы очень серьезные, даже в те времена хорошо известные в стране научные силы: Е.И. Крупнов – археолог, вскоре ставший лауреатом Ленинской премии, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев, Е.Н. Кушева, Н.П. Гриценко, Н.А. Тава-

калян, Е.Н. Гонтарева, А.А. Саламов, Л.Н. Колосов, И.М. Саидов, А.И. Хасбулатов и др.

А.А. Саламов написал для «Очерков…» такие впервые разработанные в исторической науке Республики разделы, как «Народные восстания в 60–70-х годах XIX века», «Положение крестьянства (1902–1914)». Даже сами названия разделов свидетельствуют, что исторические судьбы необразованного чеченского крестьянства всегда волновали А.А. Саламова.

В процессе написания II тома «Очерков истории…» попытки, предпринимаемые отдельными местными историками по деформации узловых, наиболее в идеологическом плане важных для тогдашних (советских) времен судеб чеченского народа, только усилились. Ожесточенные схватки в форме устных и печатных дискуссий развернулись по вопросам отношения и участия чеченцев в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Объективного подхода к этой проблеме во всей его полноте тогда так и не удалось А. Саламову и М. Абазатову достичь, ибо сильно было желание идеологического отдела обкома партии держать народы в страхе за свою якобы контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Только в изданной в 1973 году (посмертной) монографии М.А. Абазатова «Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» автор, опираясь на имеющиеся к тому времени у него документы, впервые объективно решил названную проблему.

Второй том «Очерков истории…» был издан в 1972 г. Он охватывал период истории двух народов с марта 1917 по 1970 г. Абдул-Халим Саламов, как самый авторитетный и заслуженный участник строительства в Чечне, а затем и в Чечено-Ингушетии Советской власти, как руководитель названного научного труда и член редколлегии, внес большую лепту в правдивой корректировке фактов и событий, изложенных в томе. Кроме того, явился соавтором главы «Восстановление народного хозяйства Чечено-Ингушетии в 1920–1925 гг.», в которой он, как мы помним, энергичный и смелый участник тех событий, воссоздал один из самых сложных и драматичных периодов новейшей истории двух народов.

Но даже приближенный к объективности подход, имеющийся в данном двухтомнике, не устроил идеологический отдел обкома партии. Весной 1973 года на собрании республиканской общественности прошло публичное осуждение «Очерков…». Руководители этого отдела и другие выступавшие, искажая и подтасовывая факты из истории двух народов, прежде всего, чеченского, и вольно их трактуя, пришли к выводу, что чеченский народ сам спровоцировал Кавказскую войну XIX века, что он противодействовал Октябрьской революции, не участвовал в Гражданской войне, мешал упрочению Советской власти в Чечне, что он, чеченский народ, неоднократно поднимал антисоветские восстания в 20–40-е годы, что он уклонялся от участия

в Великой Отечественной войне, и так далее – во многих преступлениях против царской России и Советской власти.

Единственным честным человеком из бывшей партноменклатуры 40–50-х годов XX в. оказался Василий Иванович Филькин, кандидат исторических наук. Он опроверг все обвинения чеченского и ингушского народов, прозвучавшие на обсуждении «Очерков…», ибо в период Великой Отечественной войны работал секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС и хорошо знал реальную обстановку в республике тех лет.

Для Абдул-Халима Саламова, которому тогда исполнилось 75 лет, такое вопиюще несправедливое отношение партаппаратчиков и их наследников к многострадальной и вместе с тем отчаянно преданной России и Советской власти истории чеченского и ингушского народов, было, как и для всех честных представителей интеллигенции, тяжелым моральным ударом. Его ответом хулителям чеченского народа и его истории явилась тут же переработанная и дополненная им ранее написанная крупная научная статья «Из истории взаимоотношений чечено-ингушского народа с Россией и великим русским народом». Поставленные им в этой работе проблемы и сегодня, как никогда, очень актуальны.

Здесь уместно сказать, что для ученых, занятых после названной сессии написанием «Очерков истории…» серьезным научным и методологическим подспорьем явилась крупная монография Ю.Д. Дешериева, работавшего тогда в Институте языкознания Академии наук СССР, «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» (1963), изданная по инициативе А. Саламова. Исторический аспект проблемы монографии пролил свет на многие вопросы происхождения и исторического развития кавказских народов.

А. Саламов умел находить в стране деятелей науки, культуры и литературы, которые в той или иной форме могли бы быть полезными науке и культуре Чечено-Ингушетии. Помню, как в начале января 1967 года он вызвал меня в свой кабинет и предложил вместе с заведующей библиотекой института ехать в Москву за библиотекой писателя Романа Фатуева. Я тут же напомнил А. Саламову, что несколько месяцев назад читал в газете «Литературная Россия» развернутую статью Расула Гамзатова об этой библиотеке, ее редчайших и уникальнейших книгах по истории народов Кавказа. Оказывается, на одной из встреч Роман Фатуев обещал подарить свою библиотеку нашему институту истории, языка и литературы, если А. Саламов посодействует в издании в г. Грозный его книги. Эта объемная книга была издана в 1965 г. под названием «Родник Саадат». Но вскоре, в 1966 г., Р. Фатуев неожиданно скончался, а его жена изъявила желание, выполняя волю мужа, продать эту библиотеку нам, но не Дагестану, который тоже претендовал на

нее, справедливо полагая, что имеет на нее моральное право, поскольку писатель десятилетиями работал и был связан с Дагестаном. Так библиотека Р. Фатуева очутилась в нашей республике. Десятилетия спустя, в 1995 г., после первой чеченской войны, в своем интервью газете «Дагестанская правда» Расул Гамзатов с горечью говорил: «Невозможно смотреть спокойно на то, что делается. Чеченский народ несет невосполнимые утраты. Гибнут дома, города. Но это можно восстановить, хотя это, конечно, варварство. Когда я слышу, что уничтожена уникальная библиотека в Грозном, мне горько. Это была лучшая библиотека на Кавказе. Я мечтал иметь у себя многие книги из тех, что были там. Там была полная история Дагестана» [11].

Тогда, в 1966 г., будучи молодым научным сотрудником, я не понимал глубинного значения статьи Р. Гамзатова в «Литературной России». Теперь сердце ноет, когда вспоминаю гибель этого сокровища.

Пополнение библиотечного, архивного и фольклорного фонда была одной из первостепенных и постоянных забот А. Саламова. Вскоре после приобретения институтом библиотеки Р. Фатуева институт получил большую научную библиотеку выдающегося археолога, лауреата Ленинской премии Е.И. Крупнова, десятилетиями изучавшего археологические и духовные памятники чеченского и ингушского народов.

Очень бережно и с глубоким пониманием значения фольклора для понимания философии народа относился А. Саламов к этому виду творчества. По его инициативе институт ежегодно проводил в районах республики фольклорные, этнографические и археологические экспедиции. В те годы и речи не могло быть об опубликовании религиозного содержания жанра назма. Но по распоряжению А. Саламова, наряду с другими фольклорными жанрами (сказки, героико-эпические и лирические песни, пословицы и поговорки, антиклерикальные рассказы и т. п.), шел сбор материалов жанра, обусловленного религиозным сознанием народа. В характере А. Саламова было очень ответственное отношение к любому делу, которое ему было поручено и за которое он брался.

Таков был Абдул-Халим Саламов – этот выдающийся сын чеченского народа, в судьбе которого зеркально отразилась судьба его народа. Он мужественно, бескорыстно и верно служил ему. Во имя него переносил он все невзгоды, гонения, аресты и ссылки. Ничего не требовал для себя, ничего не накопил. У него была только одна маленькая двухкомнатная квартира, в которой он проживал с семьей из 5 человек. Но он грудью защищал доброе имя народа, используя при этом весь свой большой авторитет в партийных кругах, воспитывал и помогал молодым ученым, хотя некоторые из них и понятия не имели о благородстве по отношению к нему…

Список использованных источников и литературы

1. Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Стенографический отчет секретного Четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москва 9–12 июня 1923 года. – М., Инсан, 1992. – С. 197.

2. Там же.

3. Саламов А.-Х. «Очерк о Чечне» (по поводу одной книги). «Революция и горец», № 7–8 (9–10), 1929. С. 94.

4. Авторханов А. Мемуары. – Посев. 1983. – С. 290.

5. Уралов Александр (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. – СП, «Вся Москва», 1991. – С. 44.

6. Там же. С. 48.

7. Там же. С. 48.

8. Там же. С. 53.

9. Там же. С. 52.

10. Шота Руставели – великий грузинский поэт XII в., автор бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

11. Туркаев Х.В. Творческое наследие Расула Гамзатова в контексте литератур народов России / Газ. «Вести Республики», 6 ноября 2008 г.

Гарсаев Л.М.,
Муцураев А.М.

САИДОВ БАУДИ МАГОМЕДОВИЧ
(1933–2011)

Ничто так не возвышает человека, не делает его прекраснейшим из созданий мира сего, как труд. По отношению к труду можно получить наиболее полное представление о жизненных принципах человека, его репутации, чести, понимании собственного достоинства. Славен, уважаем всеми трудолюбивый человек. Без всякого преувеличения, на них, самоотверженнейших работниках, не знающих ни сна, ни отдыха, земля держится.

Но и среди них есть идущие впереди, подлинные рыцари труда, знаменосцы. Одним из таких, несомненно, являлся Бауди Магомедович Саидов – бригадир тракторно-полеводческой бригады совхоза «Джалка» Шалинского района.

Нелегко писать о человеке, которого ты знаешь с малых лет. Еще и потому, что тот, о котором ты пишешь, человек известный. Таковым являлся знатный во всей Чеченской Республике хлебороб, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР в области сельского хозяйства Бауди Саидов.

Бауди любил поле. Эта любовь к родной земле, к труду земледельца пришла к нему с детства. Родители-крестьяне внушали сыновьям: земля, как добрый человек, всегда отзывчива на заботу.

Саидов Бауди Магомедович родился в1933 году в селении Шали Шалинского района Чеченской Автономной Области.

Бауди, сыну спецпереселенцев Магомеда и Азман Саидовых из Шали, не было еще и 15 лет, когда он начал работать прицепщиком. Тогда же, в 1948 г., юношу направили на механизаторские курсы в Белобекетскую МТС Токмакской области Киргизии. Здесь началась его трудовая биография.

Неравнодушный к технике Бауди внимательно наблюдал за работой старших механизаторов. А последние, в свою очередь, старались раскрыть пареньку-чеченцу «секреты» этой нелегкой профессии. Вскоре, выучившись, он стал помощником тракториста, а затем – комбайнера.

На первых порах молодой Бауди думал о том, как бы не осрамиться перед опытными механизаторами. К сожалению, не все получалось как надо, сильно уставал, но в трудные минуты рядом оказывались старшие товарищи – киргизы, русские, немцы-переселенцы.

В 1957 г. семья Саидовых переехала из Средней Азии на родину в Чечено-Ингушетию. К этому времени, имея определенный трудовой опыт, Бауди вместе со старшим братом Мохадди продолжил работу комбайнера в шалинском совхозе «Джалка». В 1964 г. он был назначен звеньевым кукурузоведческого звена в этом же хозяйстве.

Молодое хозяйство из года в год увеличивало свои посевные площади. Приходилось много пахать, сеять и убирать урожай. Трудностей было немало, однако преданность земле преодолевала все. За успехи в труде Б. Саидов был назначен бригадиром кукурузоведческого звена, слава о котором впоследствии разошлась по всему Шалинскому району.

Так, в 1970 г. его бригада получила рекордный урожай в республике. С каждого из 175 гектаров было получено по 55 центнеров зерна кукурузы. Наградой Бауди за доблестный труд явился орден Ленина – высшая награда Родины того времени.

Человек по натуре скромный, но беспокойного характера, Б. Саидов не успокаивался на достигнутом. Члены руководимого им механизированного отряда значительно увеличили посевные площади. Однако впереди их ждал серьезнейший экзамен.

Бауди вспоминал весну и осень сорокалетней давности. Да, не баловали тогда дожди механизаторов. Недосыпая короткими ночами, заботливо ухаживали хлеборобы за посевами, поливали, вносили удобрения, убирали сорняки, мешавшие злакам расти ввысь, к солнцу. Они верили, что урожай будет обильным и эту настоящую битву за хлеб земледельцы выиграли. На круг было собрано по 52 центнера янтарного зерна. За самоотверженный труд на хлебном фронте, за большие успехи, достигнутые во Всесоюзном Социалистическом соревновании, и проявленную трудовую доблесть в выполнении принятых обязательств по увеличению производства и продажи

государтсву зерна и других продуктов земледелия, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 декабря 1973 г. Бауди Саидову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Этот год на всю оставшуюся жизнь остался для него памятным.

Со временем о новом герое-хлеборобе узнали не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Ему начали писать дети и взрослые отовсюду: из Мурманска и Ставрополя, из Молдавии и Днепропетровской области, приглашали на встречу с трудовыми коллективами, школьниками, в войсковые части. Бауди Саидова приглашали на встречи в Ростовскую область, Калмыкию и на Украину. И везде его встречали с радостью и помпезностью.

В 1980 г. в хозяйствах Шалинского района впервые в республике начали применять новую технологию возделывания кукурузы – индустриальный метод, который предполагает поточное выполнение всех видов работ. Здесь надо было строго соблюдать сроки проведения всех агроприемов, комплексно применять высокоэффективные гербициды. Важное значение имел и выбор кондиционных семян.

Засуха предыдущего 1979 г. не позволила механизаторам сохранить до уборочной страды ожидаемый урожай. И все же мехотряд Бауди Саидова сумел тогда получить свыше 46 центнеров зерна с 350 гектарного поля.

Осенью 2002 г. члены его тракторно-полеводческой бригады посеяли на 240 гектарной площади озимую пшеницу, вспахали около 100 гектаров площади, осталось вспахать еще 130 га, расположенные в 700 метрах от места дислокации 70-го полка МО РФ. Сотни гектаров госхозных полей не были разминированы. Поэтому Б. Саидов не хотел рисковать жизнями своих подопечных. Через месяц после операции на печени в Махачкале Бауди Магомедович сел за штурвал комбайна и сделал «загонку», рассказывал механизатор Супьян Хутаев. – А спустя неделю «ЮМЗ», ведомый его младшим сыном Бисланом, разорвало миной на клочья, а молодой отец семейства чудом остался жив. А весной 95-го подорвался на мине-ловушке, устроенной у двери кабинета в конторе, управляющий 2-го отделения Вахит Гучигов.

Многоопытный земледелец Б. Саидов не любил вообще жаловаться на судьбу. В 1993 г. в его мехотряде было с десяток энергонасыщенных комбайнов, тракторов с прицепами, автомашины. Почти всю сельхозтехнику раскурочили, расхитили, а часть была уничтожена войной, как и весь их полевой стан. Но после событий 90-х годов в распоряжении бригады было только два трактора и одна автомашина. Новой техники им не выделяли.

Казалось бы, Бауди достиг вершины земледельческого Олимпа. Он со всем этим сложным комплексом задач начал справляться успешно с первых дней своего бригадирства. Сказалось трудолюбие. Оно может многое. Бауди

не жалел себя в труде. Рассвет – а он уже в поле. Где пашут – проверит, не мелко ли берут плуги. На косовице поможет комбайнерам в случае какой поломки. У сеятелей проверит, хорошо ли и ровно заделывается зерно… Ни часа покоя! Он продолжал щедро делиться опытом с земледельцами Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Херсонщины и другими, а широкая известность, заслуженный авторитет не только не мешали ему, а помогали быть примерным отцом большого семейства. Он воспитал пять сыновей и столько же дочерей.

Военные события, начавшиеся с 90-х гг. XX в. до ухода его из жизни, значительно состарили Бауди Магомедовича, но не сломили. В его серых глазах присутствовала уверенность в себе, несмотря на то, что ему было почти 78 лет, из которых 63 отдано земледелию.

За выдающиеся успехи в работе Б.М. Саидов удостоин следующих званий и наград:

– Герой Социалистического Труда СССР (1973 г.);
– Орден Ленина (1970 г.);
– Орден Трудового Красного Знамени (1968 г.);
– Государственная премия СССР (1981 г.);
– Депутат Верховного Совета СССР;
– Делегат XXV съезда КПСС.

Завершились жизнь и трудовая деятельность Бауди Магомедовича Саидова 29 июля 2011 г. Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Ахматович Кадыров в своем обращении к родным и близким по поводу кончины Б.М. Саидова писал: «Он занимал активную жизненную позицию, горячо любил свою Родину – Чеченскую Республику, и уважал свои национальные обычаи и традиции. Был открытым, общительным, добросердечным человеком».

Гарсаев Л.М.

ХАДЖИЕВ ШАМСУДИН МАГОМЕДОВИЧ
(1930–2005)

Хаджиев Шамсудин Магомедович родился 20 августа 1930 г. в селе Чечен-Аул Грозненского района Чеченской Автономной Области. В 13-ти летнем возрасте был насильственно выслан с семьей в Казахстан.

В годы выселения жил в Лениногорске, продолжил учебу в школе этого города, здесь же окончил строительное училище. После получения диплома строителя стал бригадиром комсомольско-молодёжной бригады, которая прославилась в области своим самоотверженным трудом. Шамсудин стал самым молодым депутатом горсовета Лениногорска. В 1957 году, после восстановления Чечено-Ингушской АССР, вернулся на родину вместе со своей бригадой из 17 строителей. Работать стали сразу же в составе треста № 12 Грозпромстроя.

Переехав на Родину, о которой столько грезили он и его родители, самозабвенно включился в строительство любимого города Грозный и преуспел в этом. В это трудно поверить, но около 40% гражданских и промышленных объектов в Грозном были построены его бригадой. За 30 лет ими было построено более одного миллиона квадратных метров жилья. По площади – это средних размеров город. Среди построенных объектов: Теа-

трально-концертный зал, Русский драматический театр, Грозненский нефтяной институт, Чечено-ингушский педагогический институт, Научно-исследовательский институт Гипрогрознефть, десяток школ, больниц, родильных домов, Дом политпросвещения (позже ставший мэрией Грозного). О строительных подвигах бригады Хаджиева систематически сообщала печать, телевидение и радио. Родина высоко оценила Шамсудина Хаджиева за его 50-летний непрерывный труд в строительстве республики.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1971 г. за выдающиеся производственные успехи, достигнутые в выполнении заданий пятилетнего плана, Хаджиеву Шамсудину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», а в 1978 году он был удостоен звания «Заслуженный строитель РСФСР». В 1982 году стал лауреатом Государственной премии СССР в области строительства. С 1955 года неоднократно избирался депутатом, являлся членом Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР в течение десяти лет. В начале 1990-х годов ушёл на пенсию. Последние годы жил в Москве. Умер 25 ноября 2005 г.

Вырастил и воспитал двух достойных сыновей и двух дочерей.

Награды и звания:

– Герой Социалистического Труда (1971);
– Орден Ленина (1971);
– Орден «Знак Почета» (1966);
– Орден Дружбы народов (1968);
– Орден Октябрьской Революции (1971);
– Медаль Дружбы народов Болгарии (1968);
– Медаль «Ветеран труда» (1985);
– Заслуженный строитель ЧИАССР;
– Заслуженный стороитель РСФСР (1978);
– Заслуженный строитель СССР;
– Государственная премия СССР в области строительства (1982);
– Почетный гражданин г. Грозный

В августе 2008 года улица Украинская в Грозном, на которой жил Ш.М. Хаджиев, с целью увековечения его памяти была переименована в его честь.

Туркаев Х.В.

ШЕРИПОВ АСЛАНБЕК ДЖЕМАЛДИНОВИЧ
(1897–1919)

Первым, кто органично соединил традиции художественных культур русского и чеченского народов, был известный борец за власть Советов, герой Гражданской войны на Северном Кавказе Асланбек Шерипов. Его творческое наследие до сих пор не привлекало внимания исследователей и совершенно не изучено. А между тем его короткая жизнь обозначена ярчайшим талантом в таких жанрах, как политическая публицистика, русскоязычная поэзия, переводы чеченских героико-эпических песен на русский язык.

Шерипов Асланбек Джемалдинович родился в 1897 году в живописном ауле Сержень-Юрт в семье чеченского офицера. Отец его происходил из крестьянской семьи, около 20 лет он работал переводчиком, затем получил чин подпоручика и занимал низшие административные должности в Ведено. Вскоре родители переехали в г. Грозный, где и прошло детство Асланбека.

А. Шерипов с детства впитывал в себя соки народного творчества, отличающегося развитыми гуманистическими и реалистическими традициями. Услышанные от седых стариков рассказы про удалых и благородных наездников – защитников бедных, прочитанное в книжках заставляло

мальчика задумываться, стремиться быть похожим на героев реальных и сказочных. Тому свидетельство – план сказки, составленный Асланбеком, очевидно, еще до отъезда в Полтаву, куда 12-летний мальчик уехал на учебу в кадетский корпус (1909 г.).

Позднее, когда А. Шерипов окунулся в прекрасный мир русской литературы, он нашел, что идеи свободолюбия и человечности, дружбы, характерные для родного фольклора, созвучны идеям гуманизма, присущим произведениям русских писателей о Кавказе. Вот почему в его записных книжках и письмах переводы чеченских героических песен чередуются с цитатами из классиков, изречениями великих мыслителей. А. Мельчин еще в 30-х годах XX в., обратившись к архиву Асланбека, писал: «Больше десятка клеенчатых толстых тетрадей Асланбека сплошь исписаны выдержками из классиков, стихами и отрывками из Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Лермонтова он особенно любил. В кругу друзей он часто декламировал «Измаил-Бея» М. Лермонтова, «Песню о Соколе» М. Горького, читал свои переводы народных песен.

Сознание своей личной ответственности перед народом укрепилось особенно, когда, покинув в 1915 г. кадетский корпус, Шерипов переехал в Грозный и перевелся в пятый класс Грозненского реального училища. Крупный промышленный центр – г. Грозный – был местом поиска истины и смысла жизни молодого Асланбека. Энергичный и одаренный от природы он жадно прислушивался к пульсу времени, здесь сформировались его взгляды и определились стремления. Здесь Асланбек увидел бесправие и нищету народа, о которой не раз писала, в частности, прогрессивная газета «Терек», издававшаяся в 1911–1912 гг. в Грозном.

Уже в годы учебы Асланбек придавал большое значение художественному слову как важному средству для пробуждения духовных и нравственных сил угнетенного народа. Широта его эстетических взглядов проявлялась не только в поэтических опытах, переводческой деятельности, но и в умении дать точную и объективную оценку творчеству прогрессивного писателя Запада. В этом отношении значительный интерес представляют обнаруженные недавно дневниковые записи Виктора Николаева – бывшего однокурсника Шерипова по реальному училищу.

24 января 1917 г. ученики 7 класса Грозненского реального училища обсуждали реферат Виктора Николаева – автора дневника о поэзии Полонского [1]. Говорили, очевидно, не только о поэзии одного Полонского. Судя по коротким записям В. Николаева, тема была взята в широком плане. Были затронуты такие вопросы, как, например, общественно-политический строй народов и месте искусства в их истории. На выступление одного из участников дискуссий, отвергавшего всю культуру немецкого народа (напомним, что Россия и Германия воевали тогда друг с другом), А. Шерипов ответил:

«Культуру немцев нужно признавать всегда, как и культуру других народов...». Разумеется, Асланбек имел в виду прогрессивное искусство немецкого народа [2].

Что же касается творчества Полонского, то здесь свои взгляды Асланбек Шерипов выразил еще определеннее. В споре с одним из однокурсников, который говорил о том, что «Полонский в своих произведениях не отразил жизни и страданий крестьян 60-х годов» и что «все эти Майковы, Феты, Пушкины и Полонские мной ставятся на одну доску», Асланбек Шерипов сказал: «Вы очень ошибаетесь, отзываясь так о поэзии Полонского...». Далее Асланбек высказал мысль о том, что творчество и Пушкина, и Лермонтова, несмотря на то, что «не отразило жизни и страданий крестьян, не перестает быть великим достижением художественной мысли русского народа. Для нас приемлема поэзия Полонского, поэтому в оценке его творчества нельзя пользоваться подобными критериями» [3].

Подход к культуре русского народа заставляет нас думать, что А. Шерипов исходил не только из личного восприятия ее идей, а оценивал ее с точки зрения объективной полезности для воспитания трудящихся гармонично развитыми людьми. У Асланбека все более укрепился взгляд на литературу как на важную часть общественной жизни народа.

В творчестве А. Шерипова намечаются два периода. Первый из них – период, предшествовавший Октябрьской революции. Это время литературной учебы, накопления опыта. К первому периоду относится работа по записи и переводу на русский язык народных песен, вошедших позднее в отдельный сборник. Принцип отбора и художественный перевод эпических песен обусловлены во многом мировоззрением молодого Асланбека Шерипова, который в то время представлял себе народ в целом, без классовой дифференциации. Неслучайно поэтому некоторые герои переведенных им песен в своей борьбе стоят за общее освобождение народа, не разделяя его на богатых и бедных.

Следующий, очень плодотворный, этап в развитии творчества Шерипова относится ко времени Гражданской войны на Северном Кавказе. В эти полтора–два года необычайно быстро развиваются его организаторские и ораторские способности, возрастает умение дать четкую и ясную оценку классовому размежеванию народа, раскрываются творческие способности.

Большое влияние на формирование мировоззрения Асланбека оказал и Сергей Миронович Киров. Когда же состоялось их знакомство, заложившее основы личной дружбы, совместной революционной борьбы? Имя С.М. Кирова, в течение восьми лет (1909–1917) сотрудничавшего в газете «Терек» и выступавшего со страстными статьями в защиту горцев от притеснений, чинимых власть имущими, было, несомненно, известно А. Шерипову еще в годы учебы в реальном училище. Можно предположить, что он познакомил-

ся с С.М. Кировым в 1915 г., когда тот приезжал из Владикавказа в Грозный и привозил революционную литературу. Обратимся к фактам.

Осетинский писатель Дзахо Гатуев в своих воспоминаниях знакомство А. Шерипова и С.М. Кирова относит к более позднему времени. «Весело рукоплескал Мироныч неизвестному (А. Шерипову. – *Х.Т.*). В ответ на речь Шерипова он прокричал: «Спасибо за братство!.. Рука ваша не повиснет в воздухе!» [4].

«Замечательный орел прилетел к нам из чеченских ущелий, – говорил Мироныч» [5]. Предположение Дз. Гатуева, что А. Шерипов и С.М. Киров впервые увиделись только в феврале 1918 г., окажется сомнительным, если привнести доводы других авторов, касающихся этого вопроса. В замечательной книге В. Дубровина «Повесть о пламенном публицисте» сказано: «С.М. Киров привлек к участию в газете («Терек». – *Х.Т.*) в качестве авторов многих передовых общественных деятелей, а также представителей молодой горской литературы (Гибизов, Шерипов и другие). Выступления этих авторов, как правило, отличались ярко выраженным демократизмом, служили разоблачению мерзостей российской действительности, пробуждению политической сознательности читательских масс» [6].

Еще более конкретна М. Шахнович [7], которая, ссылаясь на статью Т. Резаковой [8], приводит интересные сведения о Шерипове. «Киров воспитал замечательные кадры революционного студенчества и горской молодежи, сотрудничавшей в «Тереке»... По совету Кирова А. Шерипов поместил в газете «Терек» в 1916 г. ряд переводов народных чеченских легенд, русский перевод которых был отредактирован любящей внимательной рукой С.М. Кирова» [9]. Кстати, сам А. Шерипов указывает, что песню «Абрек Геха» он перевел в декабре 1916 г.

Но не только легенды интересовали А. Шерипова. В те же годы он очень увлекался чеченской народной поэзией. В разгар Гражданской войны на Северном Кавказе Асланбек Шерипов издал некоторые песни в своем переводе на русский язык [10]. Надо думать, что изданы эти песни были при помощи С.М. Кирова.

Что же заставляло его в период активной деятельности по сплочению народных масс для защиты завоеваний революции на Северном Кавказе уделять внимание народному творчеству? Прежде всего, очевидно, ярко выраженная в этих песнях идея национально-освободительной борьбы против царизма.

Шерипова интересовали люди сильной воли, посвятившие свою жизнь служению народу. В переведенных им песнях в центре стоят такие исторические личности, как: Вара, Геха, Зелимхан – защитники интересов бедных народных масс. Понятно, что юноша, находившийся под сильным влиянием романтических традиций русской литературы, перевел эти песни в таком же романтическом стиле. Однако в народных героико-эпических песнях Аслан-

бек нашел богатый источник, откуда черпал свои взгляды на жизнь, на место личности в обществе.

О том, какие герои песен привлекали симпатии Асланбека Шерипова и почему его выбор пал именно на них, он говорит в предисловии к книге: «Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Вот этот-то характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что, в свою очередь, отразилось в песнях…» [11].

Именно в работе над переводами песен ярко проявилась творческая одаренность А. Шерипова.

В сборник «Из чеченских песен» вошли всего три песни: «Абрек Геха», «Юсуп – сын Мусы» и «Асир-абрек» (одна из возможных историй). Судя по языку и стилю переводов, путем сопоставления их с оригиналами и вообще с идейно-художественным направлением песенного эпоса [12], можно прийти к выводу, что песни, вошедшие в сборник, претерпели значительные изменения под творческим воздействием переводчика.

Е. Эшба, бывший первый секретарь Чеченского оргбюро ВКП(б), первый биограф А. Шерипова, высказал предположение, что А. Шерипов находился под огромным влиянием Горького, в частности – его романтических произведений [13]. Конечно, усвоенные им традиции русской литературы со всей определенностью проявились в песнях «Абрек Геха» и «Юсуп – сын Мусы», хотя здесь заметны также особенности стиля и самого переводчика.

В основе песни «Абрек Геха» – история гибели известного абрека Гехи. Начало ее построено на развернутом противопоставлении «грозной, сильной и страстной души» Гехи и черствых, бездушных его сородичей, которые не понимали его. Но затем, в минуту, когда его предали и он почувствовал приближение «красивой смерти», которую он жаждал, «как жених жаждет невесту», абрек осознал, что, отдавая жизнь, надо пробудить людей к борьбе, сделать их непримиримыми к рабству и покорности. И своей «веселой игрой со смертью» огнем зажег геройский Геха души людей, и огонь тот спалил и разметал «всю гниль людских сердец», воодушевленный его «страшной силой и благородством».

Среди переводов Асланбека особым сюжетом и композицией отличается песня «Асир-абрек». В ней впервые в истории народного эпического жанра зафиксирован момент, когда герой, совершенно оторванный от своего общества, живет заботой о своем личном мире, живет для удовлетворения личных страстей. И в самом деле, на первый взгляд кажется, что идея песни звучит диссонансом в песенном эпосе, утверждающем идею общенародной консолидации. Но это только на первый взгляд. Характеристика образов песни заставляет нас думать, что перед нами собственное произведение Ас-

ланбека, созданное им по мотивам народного творчества, под воздействием романтических образов русской литературы.

Предупредив читателя, что «Асир-абрек» – «одна из возможных историй», А. Шерипов не претендует на то, что в основе песни – реальные события. На первый план выступает мотив отверженности героя от общества, идейного разлада между ними. Это нам знакомо по некоторым произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова. Но если в романтической литературе – это гордый одиночка, не находящий своей цели в жизни, то в песне разлад между героем и «толпой» произошел из-за того, что абрек Асир не находит среди нее «гордых», «непреклонных и смелых духом героев», которые, как и он, жили бы одной только страстью – «бороться и умирать за свободу гор и людей Кавказа». Так, образом Асир-абрека в песне утверждается идея борьбы за свободу и счастливую жизнь. Другое дело, что и здесь А. Шерипов остался верен исторической правде: в своей борьбе Асир-абрек умер одиночкой. Таков был удел всех абреков, которые, несмотря на кажущееся единство с народом, все-таки не были тесно связаны с ним.

В песне «Асир-абрек» виден оригинальный поэтический стиль А. Шерипова. Его письму свойственны красочные тона, возвышенно-драматические переплетения характеров и судеб героев. Автор рисует нравственно-духовный облик своих героев, как бы проверяя силу их воли и убеждений в драматических ситуациях.

В июне 1917 года А. Шерипов окончил реальное училище и начал общественную деятельность, пройдя за два года путь от революционера-демократа до большевика. В мае 1917 г. он вступает в чеченскую молодежную организацию «Товарищи равенства» («Нийсонан накъостий»). На I-м съезде представителей Чечни был избран членом и назначен инструктором Чеченского национального комитета. Начало публицистической деятельности А. Шерипова относится ко второй половине 1917 г., когда он включился в политическую жизнь Терской области. Ораторская одаренность, публицистическая деятельность А. Шерипова по-настоящему раскрылись после Октябрьской революции.

Важную роль в становлении взглядов А. Шерипова сыграла деятельность ЦК Союза объединенных горцев. В это время он искренне верит, что после Февральской революции горцы действительно приобретут самостоятельность и независимость. Шерипов представлял чеченский народ без социальной дифференциации, без разделения на классовые группы. И он принимает активное участие в деятельности Союза объединенных горцев. В августе 1917 г. А. Шерипов был направлен в Абхазию в качестве представителя Союза объединенных горцев с целью вовлечения в него абхазцев. Поездка в Абхазию явилась переломным периодом в жизни молодого демократа. Письма и выступления этого короткого отрезка времени показывают, что его иллю-

зии о бесклассовом горском обществе уже тогда подвергаются сомнению. Он неоднократно подчеркивает необходимость «демократического» подхода к решению всех вопросов. Вернувшись в конце 1917 г. из Абхазии, А. Шерипов окончательно убеждается в сущности Союза объединенных горцев. Он окончательно порывает с лидерами Союза, к которым питал доверие.

В начале 1918 г. А. Шерипов выступает как последовательный демократ, защищая чеченский народ в борьбе за землю и свободу. В феврале 1918 г. он едет на II-й съезд народов Терека, на котором он избирается членом Терского Народного Совета и комиссаром по делам национальностей Терской Республики.

Именно в выступлениях на этом съезде раскрылся талант публициста А. Шерипова. Из приветственной речи видно, что он своим словом стремился определить задачи, стоявшие на переднем крае общественной жизни тех лет, наметить пути, которыми чеченской бедноте предстояло идти дальше. С тех пор во всех формах своего публицистического творчества главное внимание он уделял распространению передовых идей среди трудящегося народа в период его активной борьбы по защите завоеваний революции. Слово А. Шерипова становится агитационным, организующим, мобилизующим. Оно помогает чеченской бедноте разобраться в сложной классовой и идеологической борьбе, происходившей тогда на Северном Кавказе. Стоит при этом особо отметить одну из примечательных черт его статей и речей: почти во всех он говорит от имени чеченского народа или же обращается непосредственно к нему. Его заявления, его убежденность в верности бедняцких масс революции основывались на глубоком знании настроения, идейных поисков, устремлений народа.

Здесь, кстати, необходимо сказать об одной примечательной черте А. Шерипова – революционера и публициста: его никогда не покидала мысль о том, что статьи и речи революционеров надо бы переводить на языки горских народов для того, чтобы слово агитации за революцию звучало бы среди них сильнее и убедительнее. Такая мысль занимала его особенно в дни работы съездов народов Терека [14].

С 22 по 29 мая 1918 г. А. Шерипов участвовал в работе III-го съезда народов Терека, который состоялся в г. Грозный. Он был избран членом земельной комиссии, участвовал в подготовке резолюции съезда по земельному вопросу, который обязывал Терский Совнарком удовлетворить землей чеченцев, ингушей, балкарцев и осетин. В июне 1918 г. А. Шерипов участвовал в работе IV-го съезда народов Терека. В период бичераховского мятежа и стодневных боев в г. Грозный проявился талант А. Шерипова как политика, так и революционера.

«Русская революция для нас так же дорога, как и для русских, – говорили чеченцы на совещании русско-чеченской делегации 16 июля 1918 года. –

Мы, чеченцы, знаем, что в настоящее время у нас нет другого пути, как только путь с Советской властью. Мы знаем, что Советская власть является истинно народной властью, которая должна защищать интересы бедных и угнетенных» [15]. Понятно, что этот морально-политический подъем народа хорошо был знаком А. Шерипову, и он совпадал с его личной революционной убежденностью. Поэтому естественны его обращения к народу, чьи помыслы ему хотелось выразить.

С другой стороны, он считал своим революционным долгом разъяснять беднякам складывающуюся ситуацию, показывать им истинное лицо врага. Его слово сплачивало и вдохновляло бедноту и на победу над «своими», и над внешними врагами революции.

К лету 1918 г. А. Шерипов создал вооруженный отряд из чеченской бедноты. На базе этого отряда была создана Чеченская Красная Армия, в рядах которой насчитывалось более трех тысяч человек под командованием Асланбека Шерипова. В период борьбы с бичераховцами он резко выступил против Атагинского национального совета, руководители которого были в сговоре с главарями белоказаков. Он критиковал и Гойтинский совет за его нерешительность и половинчатость. Асланбек сгруппировал вокруг себя все революционные силы Чечни, а прежде всего, молодежь. Он принимал активное участие в работе V-го съезда народов Терека, который состоялся во Владикавказе в ноябре–декабре 1918 г.

Статьи и речи А. Шерипова, относящиеся к периоду накала событий 1918–1919 годов, отличаются широтой мысли, аргументированностью, умением верно ориентироваться в сложнейших переплетениях национальных, классовых, политических интересов в Терской области, выбрать из этого запутанного клубка единственно правильный путь, отвечающий интересам революции. Достаточно обратиться к таким, например, документам, как «Выписка из протокола заседания чечено-ингушской фракции Терского народного совета по поводу сообщения турецкого главнокомандующего об объявлении независимости Северного Кавказа» (резолюция составлена А. Шериповым), «Герои Чечни и Дагестана», «Работа «святых», «Обращение к грозненской демократии» и другим, чтобы убедиться в том, что его публицистическое слово в деле революционного подъема чеченской бедноты играло не меньшую роль, чем его организаторская деятельность.

При первом же прочтении статей и речей А. Шерипова становится ясно: они не просто фиксируют события времени, внутреннее движение в народе. Их главной, примечательной особенностью является политическая полемика А. Шерипова с теми, кто так или иначе противодействует революции. Беспощадно разоблачить, заклеймить и пригвоздить к позорному столбу врагов трудового народа и революции – вот главная задача, которую он ставил перед собой. Блестящим образцом политической публицистики А. Шерипова

является его знаменитое «Письмо правителю Чечни от добрармии генералу Э. Алиеву и председателю Атагинского совета И. Чуликову», в котором, на основе глубокого анализа противоборствующей политической группировки Э. Алиева и И. Чуликова, он показал всю несостоятельность их идейной платформы, смехотворность и несбыточность их конечной цели – отъединения Северного Кавказа от Советской России и ориентации на протекторат Турции. «Вы, контрреволюционеры, враги трудящейся Чечни, готовые двадцать раз продать ее для защиты своих привилегий, первые осознали свои групповые интересы и пошли в ногу с контрреволюционерами, обманув народное доверие. Ответом на это явилось народное самосознание и его ориентация на Советскую Россию» [16], – так смело и решительно высказывался А. Шерипов против них.

Менее, чем за два года им написано и опубликовано в периодической печати несколько десятков статей, речей, обращений, заметок. И это при огромной организационной работе по сплочению народных масс для защиты завоеваний революции в Чечено-Ингушетии! В них Асланбек Шерипов больше, чем в других жанрах, получил простор для непосредственного обращения к друзьям, соратникам по революционной борьбе. Его слово призывало к союзу с русским пролетариатом, с трудящимися других национальностей. Примечательно в этом отношении воззвание «Ко всем честным чеченцам».

Чем покоряли и покоряют статьи и речи Асланбека? В них он мудр и дальновиден, беспредельно смел. Они окрашены в яркие художественные краски, характеризующие духовный мир революционно настроенного народа. Он употребляет такие эпитеты и сравнения, которые разоблачали политических противников. «Если в словах «горского правительства» сверкали звезда и полумесяц, то теперь в них блестит британский лев, а он идет не для защиты мусульман от христиан, не для утверждения шариата, а для утверждения своего международного империализма», – так обнажал Асланбек истинные цели контрреволюции, выступая на пятой сессии съезда трудовых народов Терской Республики. Речь Асланбека вызывает в памяти живые страницы истории народа, его многострадальный путь к революции, к свободе.

«Благодаря великой русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетиями бились наши предки и кидались на штыки побежденные». И когда реакционные «народные советы» хотели отторгнуть Северный Кавказ от Советской России, в груди молодого и мудрого Асланбека Шерипова ярче разгорелся прометеев огонь. «Мы пойдем на смерть за народ не по обязанности, а с наслаждением и радостью». Мы помним, что его фольклорные герои тоже встречали смерть «с наслаждением и радостью». Но здесь эти слова приобрели реальное, жизненное содержание, здесь они

отражают внутренний мир человека, который в трудный для революционных сил на Тереке 1919 год вступил в ряды Коммунистической партии.

В феврале 1919 г. белая армия генерала Деникина после ожесточенных боев заняла значительную часть территории Чечни. В этот период под руководством Асланбека Шерипова в тылу у деникинцев было развернуто повстанческое движение. Роль Шерипова в организации восстания против войск генерала А. Деникина вынуждены были признать даже представители Антанты. Так, английский полковник Роуландсон в воззвании к чеченскому народу писал: «Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское… Большевики Гикало и Шерипов имеют связь с Астраханью и тамошними большевиками» [17].

11 сентября 1919 г. повстанческие войска под командованием А. Шерипова приняли бой с превосходящими силами деникинского генерала Колесникова. Сводный отряд белых был разбит у слободы Воздвиженской, но в этом бою погиб и А. Шерипов – солдат революции, своей беспримерной жизнью и жизнеутверждающей смертью претворивший в реальность большие и светлые мечты народа о новой счастливой жизни...

Статьи и речи А. Шерипова отличаются широтой мысли, веской аргументацией, умением верно ориентироваться в сложнейших переплетениях национальных, классовых, политических интересов различных общественных слоев, выбрать единственно правильный путь, отвечающий интересам народа, революции. Многообразная творческая деятельность Асланбека Шерипова, в которой ощущается горячее дыхание революционных лет, беспредельная преданность трудящихся масс революции, – важная веха в истории общественно-политической мысли Чечни.

В образе жизни, мировоззрении, идейных убеждениях А. Шерипова воплотились типичные черты чеченской молодежи, очутившейся на разломе российской истории XIX и XX веков и способствовавшей повороту судьбы своего народа к новому вектору развития России.

Список использованных источников и литературы

1. Речь идет о Якове Петровиче Полонском (1819–1898), чье творчество занимает достаточно заметное место в истории русской поэзии.

2. Доцент Чечено-Ингушского университета Тамара Тонтовна Мальсагова вспоминала, что А. Шерипов в кругу молодежи часто декламировал стихи Г. Гейне.

3. Среди своих сверстников, по рассказам современников, он пользовался большим и заслуженным авторитетом за ум, беспристрастность, и объективность суждений. В этом убеждает нас, в частности, и тот факт, что в записях В. Николаева четко отразилось дружеское отношение к нему реалистов. Знаменательно и то, что после героиче-

ской смерти А. Шерипова дневник В. Николаева пополнился стихотворением, посвященным памяти чеченского революционера.

4. Дз. Гатуев приводит эпизод, происшедший на Пятигорском съезде народов Терека (15 февраля 1918 г.), когда А. Шерипов, единственный представитель Чечни, произнес свою знаменитую фразу: «Мы, горцы, хотим мира, но если вы (обращаясь к казачьим контрреволюционерам) хотите войны с нами, мы заявляем, что готовы к войне с вами» (см.: Товарищ Киров. – Профиздат, М., 1935. – С. 100).

5. Товарищ Киров. – Профиздат. М., 1935. – С. 101.

6. Дубровин В. Повесть о пламенном публицисте. – Л., 1969. – С. 27.

7. См.: Шахнович М. С.М. Киров о фольклоре // Сов. фольклор. 1941. № 7. С. 34–35.

8. Резакова Т. Талантливый партийный журналист // За большевистскую печать. 1939. № 23.

9. См.: Бутягин Ю. Легенды Чечни // Товарищ Киров... С. 104–106.

10. См.: Из чеченских песен: пер. А. Шерипов. – Владикавказ, 1918.

11. Шерипов А. О чеченских народных песнях // Из чеченских песен... – С. 2–3.

12. Эшба Е. Асланбек Шерипов. 2-е изд., испр. и доп. – Грозный, 1929.

13. Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Издание 2-е, испр. и доп. – Чечено-Ингушское книжное издательство, Грозный, 1972. – С. 179.

14. См.: Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Т. 2. Орджоникидзе, «Ир», 1978. – С. 99.

15. Шерипов А. Статьи и речи... – С. 12.

16. Шерипов А. Статьи и речи... – С. 148.

17. Мамакаев М.А. А.Д. Шерипов. В кн.: Пламенные борцы за власть Советов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. – С. 45–46.

Хасбулатова З.И.

ЭЛЬДАРХАНОВ ТАШТЕМИР ЭЛЬЖУРКАЕВИЧ
(1870–1934)

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов – просветитель и крупный политический деятель, революционер-демократ, а сначала 20-х гг. – большевик. Он вместе с легендарным Асланбеком Шериповым участвовал в борьбе за установление Советской власти в Чечне и до конца своей жизни верой и правдой боролся за утверждение её идеалов.

Политическая деятельность Т. Эльдарханова не была безошибочной с точки зрения подхода, понимания и решения многих сложных проблем того бурного, во многом противоречивого времени. Но в беззаветном служении своему народу и верности его духовно-нравственным ценностям он был устойчиво последовательным.

Таштемир Эльдарханов родился 7 марта 1870 г. (по ст. ст.) в с. Гехи Урус-Мартановского участка Грозненского округа Терской области в крестьянской семье. Отец его – Эльжурка Эльдарханов – пользовался уважением односельчан за честность и трудолюбие. В труде и в строгости воспитывал он своих детей. Таштемир, любознательный и смышлёный, в сельской арабской школе учился легко и увлечённо, поэтому отец, учитывая тягу сына к знаниям, определил его в единственную на всю Чечню Горскую школу в г. Грозном.

После успешного окончания Горской школы Т. Эльдарханов в 1884 году поступил во Владикавказское Графа Лорис-Меликова ремесленное училище. Здесь юноша познакомился с передовой русской культурой, литературным творчеством, трудами по истории края.

На формирование личности молодого человека заметное влияние оказало знакомство со страницами истории национально-освободительного движения горцев. Это-то и привело его к раздумьям о судьбе народа, его будущем. Он собственными глазами видел бедственное положение своих земляков, их сплошную неграмотность. Поэтому очевидно, что он не случайно решил посвятить себя просветительской деятельности.

После окончания ремесленного училища, в 1889 году, Таштемир Эльдарханов поступил в Тифлисский учительский институт, после окончания которого в течение 5 лет работал в Майкопе. В последующем – в Грозненской школе, в которой когда-то учился сам. Огромная любовь к детям, трудолюбие и глубокие знания завоевали уважение коллег и учащихся.

Педагогическая и общественная деятельность Т. Эльдарханова в Грозном совпала с периодом активизации массового рабочего и социал-демократического движения в стране и крае.

В предреволюционные годы на Северном Кавказе (в том числе и в Чечне. – *З.Х.*) были сходные с центральными районами Российской Империи социально-экономические условия и классовые противоречия, подготовившие участие народов края в первой русской революции 1905–1907 гг. [1].

Постепенно в Чечню, главным образом в город Грозный, стали проникать революционные идеи, туда, где имелись рабочие коллективы, создавались кружки, в т. ч. на железной дороге, в кругах передовой грозненской интеллигенции. Большую работу в деле сплочения Грозненской партийной организации сыграла «Грозненская народная читальня». Жандармский начальник области писал, что он не имел бы ничего против посетителей, «если бы читальня исподволь не обратилась в революционный клуб, где на тайных сборищах обсуждались вопросы антиправительственного характера» [2].

Город Грозный накануне революции 1905 года превратился в центр большевистской партийной организации и имел существенные перспективы для дальнейшего развития революционной борьбы. Боевой товарищ и соратник Эльдарханова Асланбек Шерипов писал, что Грозненский район является не только экономическим и торговым центром Терской области, но и политическим центром. В районе Грозного, помимо интересов казачества, чеченцев и иногородних, сосредоточены и интересы главной, большей части, терского пролетариата, который по существу является политической силой революции [3].

Грозненский пролетариат включился в активную борьбу против царизма. В 1905 году в Грозном, как и по всей России, начались стачки и забас-

товки рабочих. Во всех слоях горского общества активно разворачивалась борьба трудового народа за землю, за свободу, за демократию.

Т. Эльдарханов постоянно посещал митинги и собрания рабочих, слушал и изучал выступления руководителей местной организации большевиков и других партий, стремился понять и дать оценку происходящим событиям. По мере возможности бывал в аулах Чечни, где вел пропагандистскую работу по распространению идей революции.

Активная и плодотворная работа молодого преподавателя не осталась незамеченной государственными органами, и Эльдарханова уволили из школы по мотивам «политической неблагонадежности».

Царское правительство, напуганное революционными событиями, издало «Манифест 17 октября», в котором якобы даровало народу свободу. Было обещано создать законодательную думу вместо совещательной Булыгинской думы и привлечь к участию в ней широкие массы населения.

Многие представители мелкобуржуазной демократии, поверив в царский «Манифест 17 октября», решили, что революция победила, и Россия вступила на путь буржуазно-демократического развития. Поверил в это и Эльдарханов. В этих условиях улучшение положения трудящихся масс возможно было конституционным путем. Эльдарханов, став депутатом Государственной Думы, с её трибуны остро критиковал политику царизма, преступные действия местной администрации, во весь голос заявляя о нуждах малых народов Северного Кавказа, самых обездоленных и угнетенных.

Депутатская деятельность Таштемира Эльдарханова приходится на период первой русской революции 1905–1907 гг. Именно в эти годы он был избран членом I и II Государственной Думы от чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин и кумыков. Выборы происходили в сложных условиях. 12 июня 1906 г. Эльдарханов говорил: «С первых дней присоединения к России народы оказались в лапах бюрократии. Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют и не заинтересованы в судьбах его» [4]. Его речи в Государственной Думе свидетельствуют, что он компетентно анализировал социально-политическую обстановку, которая сложилась на Северном Кавказе в революционный период. Он уделял особое внимание вопросам взаимоотношений горских народов между собой, с казачьим населением, о важности их взаимопонимания и солидарности, особенно трудовых масс. Впервые с такой высокой официальной трибуны прозвучал голос представителя самых обездоленных и угнетенных народов России, голос, клеймивший позором политику царской администрации в национальных окраинах, в частности, в горских. Эльдарханов показал невыносимую картину бедствий горских народов, указал, что причиной абречества, роста грабежей и насилия, тяжесть которых в основном ложилась на плечи трудового населения, горского и русского, – это результат, следствие антинародной политики

царизма. Темы выступления Т. Эльдарханова в Государственной Думе были в русле передовых идейных поисков русской общественной и художественной мысли тех лет [5].

После роспуска I Государственной Думы (08.07.1906 г.) по всей стране, в том числе и в Чечне, прошла волна рабоче-крестьянских протестов. Это заставило самодержавие снова объявить выборы во II Думу.

На собрании выборщиков от Терской области (06.02.1907 г.) Эльдарханов, который к этому времени стал уже известным общественным деятелем, был избран депутатом II Государственной Думы.

Главной проблемой, которой Т. Эльдарханов уделял пристальное внимание в своей депутатской деятельности, в т. ч. и во II Государственной Думе, был вопрос о земле.

Требование «вернуть туземцам немедленно отобранные незаконно земли» импонировало народным массам. В.И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» цитирует выступление Т. Эльдарханова во II Думе и отмечает, что «Эльдарханов, от имени своих избирателей – туземцев Терской области – ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено до решения аграрного вопроса, а расхищает земли правительство, отбирая лучшую часть нагорной полосы, грабя земли…, заявляя претензию на недра земли» [6].

II Дума была разогнана царским правительством 3 июня 1907 г. Её социал-демократическая фракция подверглась аресту.

В составе выборщиков в III Государственную Думу от горского населения Терской области был Таштемир Эльдарханов. Но власти предприняли меры, чтобы он не получил мандат депутата III Государственной Думы. При этом официальное объяснение сводилось к тому, что он выбыл из состава сельского общества селения Гехи, хотя фактически он уже давно представлял не только жителей данного населённого пункта, а, как минимум, всю Чечню. Такая формулировка отказа была лишь поводом. Но власти не только признали «незаконным» его выборы в Государственную Думу, но и заставили покинуть свой родной край – Чечню. Почти 10 лет, вплоть до февральской революции, он вынужденно жил вдали от родных мест, в Баку, где занимался своей любимой деятельностью – педагогической работой в Бакинском городском училище [7].

В Баку он познакомился с закавказскими и северокавказскими большевиками. Эти встречи сыграли немаловажную роль в формировании его последующих революционных взглядов.

Находясь в изгнании, Т. Эльдарханов занялся составлением букваря на чеченском языке на основе русской графики. Эта исключительно значимая работа успешно завершилась изданием букваря в Тифлисе в 1911 г.

Новый этап политической деятельности Т. Эльдарханова тесно связан с событиями февральской революции 1917 года. С падением царского самодержавия он связывал надежды на улучшение жизни трудовых масс. Но прозрение наступило очень скоро: буржуазное временное правительство, его органы власти на местах и не думали о каких-либо существенных преобразованиях в пользу трудового народа.

Ещё более его озадачило развитие революционных событий в родной Чечне, где в скором времени необратимо обозначился политический раскол, в результате чего образовались разные политические центры: Атагинский национальный Совет, Гойтинский Народный Совет. Различие состояло в их социально-политических и стратегических ориентирах.

Постепенно Эльдарханов пришел к убеждению, что историческая перспектива горских народов, возможность их национального и социального освобождения связаны с революционной Россией, что только на пути единения с российским пролетариатом они могут добиться свободы, равенства, земли и самоуправления. Партия большевиков в этот сложный для революции период привлекла для разъяснительной работы среди солдат «дикой» дивизии, шедшей на Петроград, Т. Эльдарханова в числе других большевиков. Благодаря деятельности Эльдарханова и его товарищей части туземного корпуса, которые составляли ударную силу корниловских войск, были остановлены без единого выстрела.

Т. Эльдарханов и А. Шериповым, выражая волю трудового народа, 20 марта 1918 года в селе Гойты на многотысячном митинге провозгласили Советскую власть в Чечне. Избрание Т. Эльдарханова председателем Гойтинского Совета явилось доказательством того, что он был популярным среди чеченских трудовых масс.

Летом 1918 года началась Гражданская война.

В период Стодневных боев Гойтинский Народный Совет, которым руководил Т. Эльдарханов, возглавил борьбу чеченских трудящихся против контрреволюционных формирований. В осажденный Грозный были посланы отряды чеченских красноармейцев, организована помощь боеприпасами, продовольствием.

Но весной 1919 г. ситуация в Чечне изменилась радикально. 23 января 1919 г. Грозный был оккупирован деникинскими войсками. Революционные силы были рассеяны. Их остатки были вынуждены искать спасения в горных районах Чечни.

В этот трагический для Советской власти период проявились выдающиеся способности Т. Эльдарханова как организатора и руководителя народных масс в борьбе против деникинцев. Гакаев Ж. писал: «Его мужество, стойкость, верность идеалам революции, принципам интернационализма, лучшим традициям своего народа сыграли большую роль в укреплении

боевого братства трудящихся горцев, русских рабочих и красноармейцев» [8].

Трудовая Чечня под руководством Гойтинского Совета и грозненских большевиков вступила в героическую борьбу с армией Деникина, отклонив его ультиматумы, требовавшие покорности и выдачи местных большевистских лидеров.

В марте 1920 г. Чечня была освобождена от деникинских полчищ. 3 апреля 1920 г. в г. Грозном начал свою работу «чеченский съезд». Его открыл Н. Гикало. Он сказал: «Я рад приветствовать тех, с кем делил горе и нужду свыше года. Приветствую я вас от имени Ревкома и от имени отряда, который вместе с вами боролся против белых. Я видел вас героями в горах, теперь вижу вас свободными гражданами. Желаю вам продуктивной работы на этом съезде. …Горы и долины ваши в эту войну усеяны трупами лучших сынов Чечни, как, например, тов. Осламбекова (Асламбека Шерипова. – *З.Х.*), павшего в слоб. Воздвиженке…» [9].

Затем выступил Т. Эльдерханов. «Год тому назад мне со многими товарищами, под натиском белых, пришлось уйти в … горы, где мы нашли приют.

…Никогда я не испытывал счастья большего, чем теперь. Были здесь белые, и вы видели от них одни обиды, теперь пришли красные. Но не обижать они пришли вас, наделить землей, которая у вас несправедливо отнята и установить здесь твердый порядок. Эмиры, визири – враги народа, и Советская власть всемерно будет их уничтожать. То горе, которое испытали вы в продолжение более года, явится порукой, что вы поддержите Советскую власть» [10].

Был создан революционный комитет Чечни под председательством Т. Эльдарханова.

Перед новой властью встали сложные и трудные задачи. Работу приходилось вести в сложных условиях хозяйственной разрухи, всеобщей безграмотности населения, острой нехватки национальных кадров и др.

В ноябре 1920 г. состоялся съезд народов Терской области, на котором была провозглашена Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАССР). В апреле 1921 г. на учредительном съезде Горской АССР Т. Эльдарханов был избран председателем Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) ГАССР с сохранением за ним должности председателя Чеченского Ревкома. На этом ответственном посту Эльдарханов проявил себя как зрелый политической и государственный деятель, в частности, сыграв весомую роль в стабилизации политической ситуации в этом сложном полиэтническом и поликонфессиональном регионе.

30 ноября 1922 г. Чечня выделилась из состава ГАССР. Была создана Чеченская Автономная Область. Председателем областного ревкома был назначен Т. Эльдарханов.

В июле–августе 1924 года на первом съезде Советов Чечни он был избран председателем Центрального Исполнительного Комитета Чеченской Автономной Области.

Примечательно, что этот период был наиболее плодотворным в жизни Эльдарханова. К этому времени во многих селениях открывались начальные школы для детей и ликбезы для взрослых.

По инициативе Т. Эльдарханова в селении Асланбековском открылся чеченский областной педагогической техникум – учебное заведение, готовившее квалифицированные учительские кадры для школ области. Создавались детские дома для сирот в селениях Алхан-Кала и Шали. Эльдарханов, как педагог, лично интересовался учебными программами и учебными пособиями для школ. В это же время была введена письменность на латинской основе. Началось строительство зданий школ и больниц.

В то время районы Чечни были слабо связаны между собой из-за плохих дорог. Чеченский исполком начал ремонт и строительство дорог, что способствовало развитию экономики и укреплению Советской власти в нагорной полосе.

Влияние и авторитет Т. Эльдарханова в этот период в Чеченском ревкоме, окружкоме РКП(б) были столь значительны, что ему удавалось противостоять теденции искусственного обострения «классовой борьбы». К 1923–1924 годам ситуация постепенно изменилась. Новое руководство Чеченского оргбюро РКП(б) во главе с М. Энеевым стал орудием в руках ГПУ, Юго-Восточного бюро РКП(б) в борьбе против советского руководства в Чеченской Автономной Области. Т. Эльдарханов решительно выступал против подмены органов народной власти партийным аппаратом. В ответ Т. Эльдарханов и его соратники были обвинены в «искажении партлинии», недооценке опасности со стороны духовенства, националистической интеллигенции [11].

27 сентября 1925 г. оргбюро РКП(б) Чечни с согласия Северо-Кавказского крайкома РКП(б) принял решение освободить Т. Эльдарханова от должности председателя Чеченского областного ЦИК. Состав Чеченского ЦИК был полностью обновлен.

В 1925 году, в связи с образованием Северо-Кавказского края, Эльдарханов был назначен председателем национального совета при крайисполкоме. Он переехал в Ростов-на-Дону.

Деятельность Эльдарханова в этот период была направлена на дальнейшее укрепление дружбы народов Северного Кавказа. Он был делегатом VIII, X, XI и XII Всероссийских съездов Советов, членов ВЦИК X, XI, XII созывов (1922–1926 годы), членом ЦИК СССР I, II, III созывов от Чеченской Автономной Области. Он был честен и искренен в стремлении найти наиболее оптимальные подходы и решения для укрепления советской власти и успешного строительства социализма в Чечне.

В 1929 г. Эльдарханов переехал в город Грозный, где занимал ответственный пост в «Грознефти».

14 ноября 1934 г. после непродолжительной болезни Т. Эльдарханов ушел из жизни.

Список использованных источников и литературы

1. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII – 1917 г. – М., 1988. – С. 724.
2. ЦИАГ. Ф. Оп. 1, с, д. 41, л. 9.
3. Шерипов А. Статьи и речи. – Грозный, 1961. – С. 61.
4. Выступление Эльдарханова 12 июня 1906 г. в I Государственной Думе.
5. Туркаев Х.В. Художественная литература // Чеченцы. Сер. Народы и Культура. – М., 2012. – С. 468.
6. В.И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Том 16. – С. 390.
7. Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 г. – Грозный, 1990. – С. 187.
8. Гакаев Ж. Он достоин памяти народной. (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдерханове). – Грозный: Книга, 1991. – С. 35.
9. РГАСПИ. Ф. 80, оп. 4, д. 1, л. 1.
10. Там же.
11. См.: Гакаев Ж. Он достоин памяти народной. (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдерханове). – Грозный: Книга, 1991. – С. 39.

РАЗДЕЛ 5.

ЧЕЧЕНЦЫ: ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГЕРОИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Хатуев И.З.

БАЙБУЛАТОВ ИРБАЙХАН АДИЛЬХАНОВИЧ
(1912–1943)

Байбулатов Ирбайхан Адильханович – участник Великой Отечественной войны, чеченец, старший лейтенант, в РККА с 1941 года. Призван Хасавюртовским РВК, командир *батальона 690-го стрелкового полка 126-й Горловской стрелковой дивизии 51-й армии 4-го Украинского фронта, Герой Советского Союза (1.11.1943)*, уроженец *с. Османюрт*.

Родился Ирбайхан в марте 1912 года в селении Османюрт в крестьянской семье. В 1938 году окончил Грозненское педагогическое училище и возвратился в родное село. Работал директором школы. В 1941 году ушел на фронт. С самого начала войны принимал участие в боях против немецко-фашистских захватчиков. В 1942 году окончил *Буйнакское пехотное училище* и стал офицером Красной Армии.

В морозный день 1943 года разгорелся тяжелый бой на подступах к станице Пролетарской. Зажатый в огненное кольцо враг яростно сопротивлялся, бросаясь в контратаки. За короткий зимний день батальон отбивал уже десятую контратаку. От пулемета к пулемету перебегал командир роты Бейбулатов, помогая своим солдатам точно вести огонь, подбадривая дружеским словом, улыбкой. На правом фланге просочилась группа гитлеровцев. Еще миг – и тысячи их могут вырваться из окружения. Ирбайхан схватил пулемет, сменил огневую позицию, и струи свинца завалили вражьими телами проход. Противник откатился назад.

– Ура! – вскочил Ирбайхан. – Наша берет. Смерть фашистам!

Вдруг что-то ударило его в грудь. В далекий Османюрт командование части направило Есимат Бейбулатовой письмо о геройской смерти ее сына. Но в госпитале он выжил.

«...От того боя, кроме раны, остался у меня на всю жизнь орден Красной Звезды. А с врагом мы еще повоюем...», – писал он матери.

Ирбайхан Бейбулатов вновь вернулся на фронт, в родной полк, который воевал на Украине. Его часть вела бои за Мелитополь в Запорожской области. Командир соединения генерал Казарцев поздравил Ирбайхана с должностью командира 1-го стрелкового батальона и присвоением ему звания старшего лейтенанта.

Особо отличился командир 1-го стрелкового батальона Байбулатов осенью 1943 года *в ожесточённых боях за город Мелитополь*. С 19 по 23 октября 1943 г. батальон под командованием Ирбайхана Байбулатова, одним из первых ворвавшись в город, вёл уличные бои, выбив противника из центральной части города. Бойцами батальона было подавлено более сотни огневых точек.

По приказу командира соединения И. Байбулатов создал штурмовые группы, которые завязали в городе Мелитополе уличные бои. Пять суток шла битва за каждый дом, подвал, этаж. Девятнадцать атак танков и пехоты отбили бейбулатовцы. Их огнем были уничтожены более тысячи гитлеровцев и 7 танков. И всегда там, где трудно, где враги усиливали отпор наступающим, впереди штурмовых групп вырастала знакомая и родная для бойцов фигура командира батальона. Командир батальона лично подбил два танка и уничтожил более двадцати немецких солдат и офицеров. Мелитополь был взят, но 26 октября 1943 года Ирбайхан Байбулатов погиб в бою.

Выдержки из архивных документов, которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны: «Командир 1-го стрелкового батальона 690-го стрелкового полка 126-й стрелковой дивизии 51-й армии тов. Байбулатов в Отечественной войне с 1942 года на Сталинградском и Южном фронтах. В боях за город Мелитополь проявил исключительно организаторские способности по управлению батальоном в трудных условиях уличного боя.

Организовал штурмовые группы. В 4 суточном бою выбил врага из всей центральной части города. Подавив свыше 100 огневых точек противника и умело руководя подразделениями, одновременно отразил 19 контратак танков и пехоты противника. При этом уничтожил 7 танков и более 1000 гитлеровцев. Лично проявил исключительно героизм и мужество, увлекая бойцов и офицеров на героические дела, появляясь в критический момент в самых опасных местах боя. Сам лично уничтожил 1 танк противника и 18 гитлеровцев. Достоин правительственной награды ордена Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза. Командир полка майор Бродский. 24.10.1943 год».

Вот еще одно свидетельство героизма славного сына чеченского народа. «Достоин правительственной награды звания Героя Советского Союза. Командир дивизии генерал-майор Казарцев. Достоин правительственной награды звания Героя Советского Союза. Командир 54-го стрелкового корпуса генерал лейтенант Коломиец. Достоин правительственной награды звания Героя Советского Союза. Командующий войсками 51-й армии Герой Советского Союза гвардии генерал лейтенант Крейзер, Член военного совета армии генерал-майор Халезов. 24.10.1943 год». Старший лейтенант был награжден (посмертно) орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Указом *Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года* за образцовое выполнение боевых заданий Командования по прорыву сильно укрепленной полосы немцев и освобождению города Мелитополь и проявленные при этом отвагу и геройство старшему лейтенанту Байбулатову Ирбайхану Адильхановичу (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза. Отважный офицер был награжден также орденами Ленина и Красной Звезды, боевыми медалями.

И.А. Байбулатов похоронен в городе *Мелитополе* в братской могиле на площади Кирова.

Его именем названы *Османюртская* средняя школа, улицы в *Грозном*, *Махачкале* и *Мелитополе*. В *Мелитопольской гимназии № 5* (расположенной на улице Байбулатова, недалеко от могилы Героя) в 2007 году был создан музей Байбулатова.

Его именем названа улица в селе *Адильотар* Хасавюртовского района Республики Дагестан.

Имя Ирбайхана Байбулатова увековечено в Мемориальном комплексе Славы им. А.А. Кадырова в г. Грозный.

Бугаев А.М.

МОВЛИД ВИСАИТОВ – ЧЕЛОВЕК БЕЗМЕРНОЙ ХРАБРОСТИ, ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА
(1913–1986)

Мовлид Алероевич Висаитов – легендарный полководец-кавалерист, чьё имя золотыми буквами увековечено в летописи героической борьбы советского народа против фашистской Германии, удостоенный высших государственных наград СССР и США, прожил очень насыщенную событиями жизнь, богатую невероятными, но, бесспорно, имевшими место в его судьбе зигзагами, порою запредельно опасными.

Мовлид родился в семье Магомета Висаитова и Кесерт Ибрагимовой, крестьян из селения Нижний Наур Надтеречного участка Грозненского округа Терской области. В официальных биографических и служебных документах дата его рождения – 13 мая 1913 год[1].

Первоначальное обучение Мовлид прошёл в местной сельской школе. А с 1926 г. по 1931 г. он продолжил учёбу в Асланбековском детском городке (интернате) [1], в начале 20-х годов созданного в сел. Асланбековское (ст. Михайловская, ныне – ст. Серноводская) Ново-Чеченского округа Чеченской Автономной Области (далее – ЧАО) специально для обучения детей из сельских населённых мест.

[1] В отдельных архивных документах – 11 мая, 24 мая.

С сентября 1931 г. по сентябрь 1932 г. Мовлид обучался на Кооперативных курсах[1] в г. Грозном, после окончания которых непродолжительное время работал в системе потребительской кооперации Чеченской Автономной Области [2].

13 ноября 1932 года Мовлид добровольно вступил в ряды Красной Армии [3]. Военную карьеру начинал красноармейцем учебного эскадрона Краснознаменных курсов усовершенствования комсостава (ККУК).

В январе 1933 года его зачислили на кавалерийское Отделение Орджоникидзевской пехотной школы, которую успешно окончил в 1935 году в звании лейтенанта. В аттестационной справке отмечалось: «Характером спокоен, рассудительный, скромный, имеет большой авторитет среди подчинённых[2], служит лучшим примером в службе, инициативен, трудолюбив, требователен к подчиненным и себе, в быту культурен.

Успеваемость по дисциплинам: конная подготовка – хорошая, боевая подготовка – отличная, стрелковая подготовка – отличная, физическая подготовка – отличная, общеобразовательные предметы – хорошо.

Подлежит выпуску на должность комвзвода К-3. 1 октября 1935 г.» [4].

В том же году, 5 ноября, молодой офицер получил направление в 49-й кавалерийский полк 9-й Крымской кавалерийской дивизии Киевского военного округа на должность командира взвода [5].

Первую аттестацию в этой должности М. Висаитов прошёл в декабре 1936 года. Окончательное решение военного чиновника, утвердившего её итоги, гласило: должности комвзвода соответствует вполне. Достоин назначения командиром полуэскадрона. Как чечен, стремится перевестись в национальную часть. Подпись – не разборчива. Дата – 20 декабря 1936 г.» [6].

5 марта 1937 года М. Висаитов стал командиром полуэскадрона 49 кавалерийского полка [7]. Через год, 4 апреля 1938 г., его назначили командиром взвода 15-й кавалерийского полка 3 кавдивизии Киевского военного округа. А 11 декабря 1938 г. ему присвоили звание старший лейтенант [8].

14 декабря 1939 г. состоялась очередная аттестация М. Висаитова. Её итог: должности командира взвода вполне соответствует. Подлежит внеочередному назначению на должность командира эскадрона [9].

Через восемь месяцев, 14 августа 1940 г., М. Висаитов стал командиром 2-го эскадрона 34-го кавалерийского полка 3 кавдивизии Киевского Особого Военного Округа (далее – КОВО) [10].

В 1940 году эта дивизия, которой командовал генерал М.Ф. Малеев, передислоцировалась на освобожденную советскими войсками территорию

[1] В отдельных биографических документах встречается информация, что Висаитов окончил кооперативный техникум, что, по-нашему мнению, сомнительно, прежде всего, по срокам его окончания.

[2] В период учёбы являлся помощником командира взвода.

Западной Украины[1]. Вспоминая это время, М. Висаитов писал: «Новая советско-германская граница находилась в нескольких десятках километров, и войска держались в постоянной боевой готовности» [11].

С целью инспекторской проверки войсковых подразделений КОВО в июле 1940 г. Нарком[2] Обороны СССР, Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко с группой старших офицеров прибыл в г. Львов.

Держать экзамен перед высокой комиссией было поручено эскадрону, которым командовал М. Висаитов. После двухчасового смотра по конной, строевой и огневой подготовке личного состава подразделения Маршал Тимошенко «дал отличную оценку боевой выучке и действию эскадрона в конном строю и объявил личному составу… благодарность» [12]. Командир эскадрона и его политрук были награждены именными часами. М. Висаитову также было присвоено (досрочно) звание капитан. Штаб КОВО принял решение направить его на курсы усовершенствования командного состава [13].

Учёба проходила в г. Новочеркасск Ростовской области с ноября 1940 г. по май 1941 год – шесть месяцев. Комиссия, по её завершении аттестовавшая М. Висаитова, сформулировала следующие рекомендации:

1. Достоин продвижения на должность начальника полковой школы;

2. Подлежит командированию в Военную академию Красной Армии им. Фрунзе. Дата: 13 мая 1941 г. [14].

Однако Мовлид вернулся в свой 34-й кавалерийский полк на прежнюю должность – командир эскадрона. В этом качестве 22 июня 1941 года он вступил в бой с гитлеровскими агрессорами, вероломно начавшими войну против Советского Союза. Вспоминая эту роковую историческую дату, Висаитов писал: «Ничто не предвещало, что в этот день начнутся грозные события.

В пять часов утра связной сообщил, что меня по тревоге вызывают к командиру дивизии генералу Малееву. Через пять минут я был в штабе, где собрались офицеры полка. Получил задание выступить. Через полчаса эскадрон галопом летел к границе» [15].

Уже в 6 часов утра эскадрон под командованием двадцативосьмилетнего капитана Мовлида Висаитова вступил в первый бой с немцами в трех километрах восточнее Равы-Русской[3] и во взаимодействии с другими подразделениями 34-го кавалерийского полка обратил фашистов в бегство. Это был важный успех, вдохновивший кавалеристов на решительную схватку с коварным врагом. Как отмечал М. Висаитов, 34-му полку 3-й кавдивизии Юго-Западного фронта «в первые же дни войны пришлось вести тяжёлые арьергардные бои со стремительно наступающим противником. Фактор вне-

[1] М. Висаитов в этой операции участвовал с 7 сентября по 1 октября 1939 г. [АУП ЧР. Ф. 1267, 2эл., д. 7] в должности помощника командира 15 кавполка 3-й кавдивизии. [Там же, д. 9].

[2] Нарком – народный комиссар – министр.

[3] Украина, Львовская область.

запности нападения дал врагу громадные преимущества. Наши отдельные части в эти дни проявили чудеса мужества и героизма» [16].

В ходе дальнейших боевых операций части дивизии вынуждены были отступать и занимать новые рубежи, чтобы оказывать сопротивление наступавшему врагу. «Слишком велика была массированная сила наседавшего противника» [17], – отмечал М. Висаитов.

21 июля М. Висаитов получил первое ранение. Вот его рассказ об этом эпизоде:

«Связной из отделения управления Владимир Быстров, бросив в один из окопов гранату, подбежал ко мне и крикнул:

– Товарищ капитан, вот в этом окопе, кажется, затаился фашистский офицер!

С гранатой в левой руке и пистолетом ТТ в правой я бросился к окопу.

Немецкий офицер успел выстрелить в меня. Я сделал два выстрела и бросил гранату.

Фашистский офицер был убит, а я ранен в предплечье».

Рана моя была сквозная, не тяжелая, и я продолжал командовать подразделением [18].

Генералу Малееву, командиру дивизии, о ранении Висаитова и о том, что он находится в боевом строю, доложили только через три дня после случившегося [19].

Висаитов был незамедлительно отозван на командный пункт и эвакуирован в госпиталь. Более того, командование представило его к высокой государственной награде – ордену «Красное Знамя» [20].

21 ноября 1941 года это представление поддержали командир 3-й кавдивизии генерал-майор М.Ф. Малеев и военный комиссар дивизии, полковой комиссар Рудьков.

Командующий войсками фронта Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко соответствующий приказ подписал 29 декабря 1941 года [21]. В числе награждённых были: орденом Красного Знамени – майор Бриккель[1] Павел Парфирьевич, командир 34 кавкполка 3-й кавдивизии; капитан Висаитов Мавлид Алероевич – командир эскадрона этого же полка [22]. Этим же приказом орденом Красной Звезды был награждён и красноармеец Нурадилов Ханпаша Нурадилович – пулемётчик 34 кавкполка 3-й кавдивизии [23].

О том, что за июльский эпизод боестолкновения с фашистами он в декабре 1941 года награждён орденом Красного Знамени, М. Висаитов узнал «…лишь два года спустя от офицера штаба фронта… случайно…» [24].

Курс лечения раны, полученной в этом бою, М. Висаитов проходил в военном госпитале в г. Донбасс. В середине августа он посчитал, что вполне выздоровел и настоял на том, чтобы его отправили на фронт [25].

[1] Так в архивном документе.

27 августа 1941 года он прибыл в г. Киев «в распоряжение отдела кадров армии» [26]. Командование приняло решение использовать его в качестве командира разведывательного батальона 206-й стрелковой дивизии.

Но 19 сентября 1941 года она понесла большие потери в районе Борисполя, и фактически перестала существовать. Уцелело всего около двухсот бойцов [27], которых капитан М. Висаитов, выполняя приказ командира дивизии, преодолевая вражеские засады, вывел в Донбасс.

В боях на берегу Азовского моря на территории рыболовецкого колхоза «Морской чулек» Висаитов был ранен второй раз, более того, сильно обморозил руку. Поэтому был отправлен в госпиталь под Ростовом-на-Дону, а оттуда эвакуирован в тыловой госпиталь, дислоцировавшийся в г. Пятигорск.

В апреле 1942 г., после выздоровления, М. Висаитова направили в Чечено-Ингушскую АССР. Здесь формировалась 114-я отдельная Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия. Однако решение этой задачи в силу совокупности обстоятельств не было доведено до логического завершения. Из воинского контингента формирующейся дивизии были созданы добровольческий отдельный 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк и отдельный кавалерийский дивизион [28].

Новый полк передали «в оперативное подчинение 17-у казачьему кавалерийскому корпусу, которым командовал генерал Малеев» [29]. Командиром полка был назначен «отличный кадровик майор Абадиев Японец – человек безудержной храбрости, воли и решительности». Капитан Мовлид Висаитов занял должность начальника штаба полка [30]. Однако 13 мая командование корпуса приняло решение изменить эту кадровую расстановку, в результате чего 19 мая М. Висаитов «вступил в должность командира 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка» [31].

Под командованием капитана М. Висаитова полк прошёл славный боевой путь, уничтожая фашистов, рвавшихся к Сталинграду.

Вспоминая эти героические вехи своего подразделения, Мовлид Алероевич писал: «Бойцы и командиры отдельного Чечено-Ингушского кавполка могут гордиться тем, что, наряду с другими частями героической Советской Армии, им довелось участвовать в величайшем сражении на Волге по окружению и уничтожению огромной немецко-фашистской военной машины» [32].

В октябре – в первой половине ноября 1942 года советское командование завершало подготовку к решительным наступательным действиям на Сталинградском фронте. В масштабном комплексе мер, намеченных и реализованных в этих целях, были, в частности, и такие, как реорганизация 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии и 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка в противотанково-истребительный и разведывательные дивизионы в составе 4-го кавкорпуса, предназначенного для действий по тылам врага [33].

Таким образом, к началу зимы 1942 г. 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк был расформирован. Его бывший командир майор[1] М. Висаитов 20 декабря 1942 года получил новое назначение – Начальник кавалерийских курсов младших лейтенантов Южного фронта. А 22 декабря он был награждён медалью «За оборону Сталинграда» [34].

Указанную должность он занимал до 25 августа 1943 года [35].

25 августа 1943 года Мовлида Висаитова назначили на должность помощника инспектора кавалерии Южного Фронта (4-ый Украинский фронт) [36]. Служба эта являлась далеко не кабинетной, требовала постоянного нахождения в районах активных боестолкновений, марша и расквартирования частей и подразделений кавалерийских соединений.

4 октября 1943 года Инспектор кавалерии Южного фронта генерал-майор Лысенко представил своего помощника майора Висаитова М. к правительственной награде – ордену «Красная Звезда».

Фронтовой приказ о награждении М. Висаитова данной наградой Военный Совет 4-го Украинского фронта издал 6 ноября 1943 г. [37].

Но подполковник[2] М. Висаитов «рвался на передний край». И об этом в мае 1944 г. он откровенно сказал своему непосредственному начальнику генералу Лысенко, который к своему помощнику относился не совсем по-военному, порою по-отцовски тепло называя его сынок [38].

Настойчивость М. Висаитова была удовлетворена, хотя и не сразу. Сначала его «откомандировали в распоряжение Главного управления кадров Красной Армии». Резервный полк, воинский контингент которого составляли «офицеры разных званий и должностей, начиная от командиров взводов… до командиров полков, дислоцировался в Москве. Таким образом, каждый из этих офицеров ждал отправки на фронт.

В сентябре 1944 года М. Висаитов был назначен заместителем командира 23-го гвардейского кавалерийского полка 6-й гвардейской кавалерийской Гродненской дивизии[3], которой командовал генерал-майор Брикель Павел Порфирьевич – бывший командир 34 кавкполка 3-й кавдивизии. Таким образом, встретились бывшие однополчане. «Главное, – писал М. Висаитов, – я был на фронте» [39].

12 декабря 1944 года он был назначен командиром 25-го гвардейского полка. Однако через три дня по инициативе командира 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала-лейтенанта Н.С. Осликовского Мовлид Висаитов был назначен командиром 28-го гвардейского кавалерийского полка.

В этой должности подполковник М. Висаитов встретил день Великой Победы Советского Союза над фашистской Германией.

---

[1] Это звание ему было присвоено 4 октября 1942 года.

[2] Звание подполковника ему присвоено 11 февраля 1944 г.

[3] Дивизия входила в состав 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, командующим которого являлся генерал-лейтенант Николай Сергеевич Осликовский.

Весь героический путь полка до р. Эльбы, пройденный в беспрерывных наступательных сражениях с яростно сопротивляющимся врагом, его командир достаточно подробно описал в своей книге воспоминаний. В связи с этим необходимо лишь отметить, что М. Висаитов «за умелое вождение полка в самой сложной боевой обстановке, за личную смелость и отвагу» 17 февраля 1945 г. был награждён Орденом Суворова III степени [40]. А в начале апреля 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 28-й гвардейский кавалерийский полк был награждён Орденом боевого Красного Знамени. 30 апреля М. Висаитов был награждён медалью «За боевые заслуги».

2 мая 1945 года 28-й полк первым из частей и соединений 2-го Белорусского фронта вышел к реке Эльба и встретился с союзными американскими войсками.

5 мая 1945 г. в ходе встречи советских и американских представителей военных командований американский генерал Александр Болинг вручил М. Висаитову высшую награду Соединенных Штатов Америки – орден «Легион чести».

В первых числах мая 1945 года гвардии генерал-майор П.П. Брикель и гвардии генерал-лейтенант Н.С. Осликовский представили М. Висаитова к присвоению звания Герой Советского Союза. Однако 31 мая 1945 года Военный Совет 2-го Белорусского фронта вынес решение: Орден Ленина. Это «Заключение» подписано (красным карандашом) командующим 2-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским и членом Военного Совета 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Н. Субботиным [41].

Таким образом, командир полка гвардии подполковник М. Висаитов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года был награждён Орденом Ленина.

21 сентября 1945 г. слушателю Военной Академии Красной Армии им. М.В. Фрунзе М.А. Висаитову была вручена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1946 году М. Висаитова уволили в запас и отправили в Киргизскую ССР к месту спецпоселения членов семьи и близких родственников.

После XX съезда КПСС Мовлид Висаитов принимал активное участие в процессах, связанных с реабилитацией чеченского и ингушского народов и восстановлением их национальной автономии – Чечено-Ингушской АССР.

До конца 50-х гг. он работал инструктором Чечено-Ингушского обкома КПСС, неоднократно избирался в его выборные органы.

В 60-е годы М. Висаитов занимал должности председателя Шалинского райисполкома, заместителя министра внутренних дел ЧИАССР, а с начала 70-х гг. – директора совхоза «Озёрный» (Надтеречный район), рыбсов-

хоза «Куларинский» (Грозненский район), директора Грозненского УПТК (г. Грозный).

23 мая 1986 года перестало биться сердце Мовлида Алероевича Висаитова – выдающегося сына чеченского народа, всю свою сознательную жизнь прожившего по законам Чести и Долга.

5 мая 1990 г. Указом Президента СССР М.С. Горбачёва Мовлиду Алероевичу Висаитову было присвоено звание Герой Советского Союза (посмертно). Так, хоть и запоздало, но восторжествовала справедливость. Исключительная заслуга в этом принадлежала полковнику Роману Звягельскому, бывшему заместителю главного редактора журнала «Советский воин», по инициативе которого, поддержанной народными депутатами СССР от Чечено-Ингушской АССР, прежде всего, Супьяном Авторхановым и старшим сыном Мовлида Сайпи Висаитовым, было подготовлено и передано Президенту СССР М. Горбачёву и Председателю Верховного Совета СССР А. Лукьянову ходатайство о присвоении этого высокого звания бывшему командиру 28-го гвардейского кавалерийского полка. И старания увенчались успехом!

В честь Героя в Чеченской Республики, а также в г. Ростов-на-Дону названы улицы. В столице Чеченской Республики в г. Грозном в центре Мемориального комплекса «Аллея Славы» величественно высится фигура всадника в папахе и национальном костюме с поднятой вверх саблей. Так благодарные потомки увековечили память о легендарном сыне чеченского народа.

Список использованных источников и литературы

1. АУП ЧР. Ф. 1267, оп. 2 эл., д. 7, л. 4.
2. Там же.
3. Там же. Л. 2.
4. Там же. Д. 13, л. 1.
5. Там же. Д. 6, л. 1.
6. Там же. Д. 11, л. 2.
7. Там же. Д. 6, л. 1.
8. Там же.
9. Там же. Д. 16, л. 2.
10. Там же. Д. 6, л. 1.
11. Висаитов М.А. От Терека до Эльбы. Воспоминания бывшего командира гвардейского полка о боевом пути в годы Великой Отечественной войны. – Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. – С. 5.
12. Там же. С. 6.
13. Там же.
14. АУП ЧР. Ф. 1267, оп. 2эл., д. 18, л. 2.
15. Висаитов М.А. От Терека до Эльбы… – С. 5.

16. Там же. С. 9.
17. Там же. С. 10.
18. Там же. С. 11–12.
19. Там же. С. 12.
20. ЦАМО. Ф. 33, опись 682524, д. 433, л. 107.
21. Там же. Л. 19.
22. Там же. Л. 21.
23. Там же. Л. 33.
24. Висаитов М.А. От Терека до Эльбы… С. 12.
25. Там же. С. 13–14.
26. Там же. С. 14.
27. Там же. С. 23–25.
28. Там же. С. 29.
29. Там же.
30. Там же. С. 30.
31. Там же. С. 31.
32. Там же. С. 75.
33. Там же. С. 71.
34. Сайт МО РФ «Подвиг народа». Люди и награждения. Висаитов Мавлид Алероевич. Дата исп. 30 мая 2020 г.
35. АУП ЧР. Ф.1267, 2эл., д. 21, л.1-2.
36. Висаитов М.А. От Терека до Эльбы… С. 76.
37. ЦАМО. Ф. 33, опись 686044, д. 470, л. 217.
38. Висаитов М.А. От Терека до Эльбы… – С. 80–84.
39. 4Там же. С. 84
40. ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 4066, л. 60.
41. Звягельский Р. Комполка Висаитов // Советский воин. 1990, март. № 5 [1625]. – С. 64–68.
42. АУП ЧР. Ф.1267, 1эл., д. 38, л. 1.

Хатуев И.З.

ДАЧИЕВ ХАНСУЛТАН ЧАПАЕВИЧ
(1922–2001)

Дачиев Хансултан Чапаевич – гвардии *младший лейтенант Советской Армии*, *участник Великой Отечественной войны*, командир взвода кавалерийской разведки, в РККА с июля 1941 года, призван Гудермесским РВК. *Герой Советского Союза* (1944).

Хансултан Дачиев родился 12 декабря 1922 года в селе *Герзель-Аул* (ныне – *Гудермесский район Чеченской Республики*) в семье крестьянина. Окончил пять классов школы. Работал секретарём сельсовета.

В 1941 году Х.Ч. Дачиев был призван на службу в *Рабоче-крестьянскую Красную Армию*. С июня 1942 года – на фронтах *Великой Отечественной войны*. К сентябрю 1943 года гвардии *красноармеец* Хансултан Дачиев был *разведчиком* 58-го гвардейского *кавалерийского полка 16-й гвардейской кавалерийской дивизии* 7-го гвардейского кавалерийского корпуса *61-й армии Центрального фронта*. Отличился во время битвы за Днепр.

В ночь с 23 на 24 сентября 1943 года Дачиев с товарищем переправился через *Днепр* в районе деревни *Нивки Брагинского района Гомельской области Белорусской ССР*. На западном берегу он разведал вражескую оборону на глубину до двух километров, а затем, несмотря на массированный вражеский огонь, успешно доставил ценные разведданные в штаб полка. Действия

Дачиева позволили всей дивизии с ходу переправиться через Днепр 26 сентября 1943 года.

Приведем отрывок из архивных документов, повествующих о боевом пути Х. Дачиева: «Разведчик 58-го гвардейского кавалерийского полка 16-й гвардейской кавалерийской дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса тов. Дачиев в Отечественной войне с 17 ноября 1942 года. Тов. Дачиев в боях с немецкими захватчиками, как разведчик полка, не раз проникал в тыл противника и приносил ценные сведения.

При форсировании Днепра получил задачу разведать правый берег реки Днепр, установить местонахождение огневых точек противника. Тов. Дачиев под покровом ночи вдвоем с товарищем на челне переправились на западный берег реки Днепр. Схоронив челн в прибрежных кустах, отважные разведчики обошли весь берег переправы и, никого не обнаружив, пошли дальше в тыл противника. Через 2 километра они заметили вблизи себя окопы. Действуя осторожно, маскируясь в кустах, им удалось обнаружить несколько пулеметных точек противника. Выполнив задачу, при возвращении к берегу, они наткнулись на группу немецких автоматчиков. Немцы открыли по ним ураганный огонь. Смелые разведчики, примеряясь с местностью, останавливались местами и, ведя огонь, добрались до своего челна. Уже челн был далеко от берега противника, когда был убит товарищ Дачиева.

Сам Дачиев, оставшись один, благополучно переправился через Днепр и доставил в штаб полка ценные сведения о противнике.

Командир полка гвардии подполковник Кусымов. 10.10.1943 год. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир дивизии гвардии полковник Белов. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир корпуса гвардии генерал-майор Константинов. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий войсками генерал армии Рокоссовский, член военного совета армии генерал лейтенант Телегин. 16.11.1943 год».

Указом Президиума *Верховного Совета СССР* от 15 января 1944 года за «образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» гвардии красноармеец Хансултан Дачиев был удостоен звания *Героя Советского Союза* с вручением *ордена Ленина* и *медали «Золотая Звезда»* за номером 3201.

Автор исторической повести «Стальная искра» Х.-А. Берсанов в своей работе рассказывает о подвигах Героев Советского Союза Мовлида Висаитова и Хансолты Дачиева, а также воинах из Чечено-Ингушетии, которые сражались под Сталинградом в 1942–1943 годах. Герой Советского Союза, ветеран Великой Отечественной войны Хансолт Дачиев, например, вспоминал, что только из одного маленького чеченского села Гезлойн-Эвла на

фронт ушли 39 человек и только семеро из них вернулись (с орденами и медалями) домой.

Кстати, за форсирование Днепра осенью 1943 года и проявленнные в боях с врагом храбрость и отвагу чеченцу Хансолту Дачиеву было присвоено звание Героя Советского Союза как осетину. Поэтому он оставался на фронте до полной победы над Германией. Летом 1946 года он прибыл на спецпоселение в Киргизию.

Хансолт Дачиев получил звание Героя Советского Союза в 20 лет – за участие в важнейшей в стратегическом отношении операции по форсированию Днепра и проявленные при этом мужество и героизм. Это было в 1943 году. До этого он воевал в кавалерийском полку, был разведчиком.

Уже командиром разведывательного взвода участвовал в форсировании р. Одер и взятии Бранденбурга. За участие в этой операции был награжден орденом Красной Звезды. Затем – еще одна Красная Звезда и медаль «За взятие Берлина». Геройским был весь воинский путь Дачиева!

В 1944 году Х. Дачиев окончил Новочеркасское кавалерийское училище. Командовал сабельным, затем стрелковым взводом. Участвовал в штурме Берлина. В 1946 году в звании младшего лейтенанта Дачиев был уволен в запас.

Последние годы жил в Гудермесе. Умер в мае 2001 года.

Был награждён орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, а также рядом медалей.

Писатель Хож-Ахмед Берсанов написал книгу «Стальная искра», посвящённую судьбе Хансултана Дачиева. Улицы имени Хансултана Дачиева есть в гг. Грозный, Гудермесе, в сёлах Энгель-Юрт и Джалка, в посёлке Ойсхар и ряде других населенных пунктов Чеченской Республики.

Хатуев И.З.

ИДРИСОВ АБУХАДЖИ
(1918–1983)

Идрисов Абухаджи (Абухажи) – участник Великой Отечественной войны, снайпер 1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, старший сержант. Герой Советского Союза (1944).

Родился 17 мая 1918 года в селении Бердыкель (ныне – село Бердыкель Грозненского района Чеченской Республики) в семье крестьянина. Чеченец.

Окончил начальную школу. Работал в колхозе «Советская Россия». В октябре 1939 года был призван в Красную Армию. Служил в 125-й стрелковой дивизии, которая располагалась у западных границ страны в Прибалтике. Получил специальность пулемётчика.

Участник Великой Отечественной войны с первого дня. В составе полка с боями отступал на восток. В июле 1941 года его дивизия заняла оборону на линии Псков – Великие Луки между озёрами Ильмень и Селигер. Пулемётчик Идрисов вместе с однополчанами отбивал ежедневные атаки гитлеровцев, рвущихся к Ленинграду. В своём доте он устроил для пулемёта особое гнездо, оставив в сторону врага узенькую прорезь. За короткое время одиночными выстрелами из пулемёта он уничтожил 22 гитлеровца. Командованию стало известно об этом, и пулемётчик был переведён в снайперы.

Героические подвиги в сражениях за Москву совершил снайпер Абухаджи Идрисов, служивший в 1232 полку 125-й стрелковой дивизии. Газета «Вечерняя Москва» писала о нем: «309 фашистов сразил сын свободной Чечни коммунист Идрисов…» («Вечерняя Москва». – 1943, 22 апреля). Сержант Идрисов был награжден за свои подвиги орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Его имя гремело по всему Северо-Западному фронту. В октябре 1942 году он был переведен на один из труднейших участков фронта, где ожидалось наступление врага. Об этом вспоминал в статье, опубликованной в августе 1983 года на страницах газеты «Причулымская Правда» (Томская область), однополчанин Абухажи, свидетель его подвига А. Деряев: «Бой был тяжелый. От разрыва бомб и снарядов мы не могли поднять головы. Немецкие танки и пехота показались из-за кустов. Но Абухажи не дрогнул, а спокойно выслеживал офицеров. Когда враги приблизились, снайперы Идрисова дружно открыли огонь. Фашисты залегли. Захлебнулась первая атака, за которой последовали вторая, третья, четвертая. Они тоже были безуспешными, потому что на пути врага встал чеченский парень, герой-снайпер А. Идрисов. В тех боях, длившихся десять дней, он один уничтожил более ста немцев».

Вскоре его имя стало известно всему Северо-Западному фронту. О снайпере Идрисове писали газеты, его стали приглашать на помощь на другие участки фронта. В октябре 1942 года в составе группы снайперов он был переведён на труднейший участок фронта, где ожидалось наступление врага. Когда началось наступление, снайперы, выслеживая, в первую очередь, офицеров, открыли меткий огонь. Пехотинцами, при снайперской поддержке, было отбито несколько ожесточённых атак. Идрисов за 10 дней боёв уничтожил около ста солдат и офицеров противника.

К апрелю 1943 года за снайпером Идрисовым числилось 309 уничтоженных фашистов, что подтверждалось в политдонесении 370-й стрелковой дивизии, в которой он тогда служил. После прорыва блокады Ленинграда отважный снайпер вместе с боевыми товарищами участвовал в освобождении городов и сёл Псковской области, Прибалтики.

В 1944 году в г. Мозовецк была открыта фронтовая военная выставка. В одном из ее залов Идрисову был отведен целый стенд. На нем была выставлена его снайперская винтовка, фотографии. Под ними – надпись: «Славный сын чеченского народа, Герой Советского Союза Абухажи Идрисов уничтожил более трехсот немецких фашистов».

К марту 1944 года на его счету было уже 349 уничтоженных фашистов, и он был представлен к званию Героя. Но не довелось ему округлить это число. В одном из боёв в апреле 1944 года осколком разорвавшейся рядом мины Идрисов был ранен, засыпан землей. Товарищи раскопали его и без сознания отправили в госпиталь.

Четыре месяца провёл он в госпитале города Горького.

После выздоровления как спецпоселенец, представитель высланного народа, проживал в Казахстане: сначала – в Алма-Ате, потом – в Талды-Курганской области. Работал в сельском хозяйстве, продолжал заниматься овцеводством.

В 1957 году вернулся в Чечено-Ингушетию. До последних дней жил и работал в родном селе. Умер Герой 22 октября 1983 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками старшему сержанту Идрисову Абухаджи присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 4739). Награждён также орденами Красного Знамени, Красной Звезды, многочисленными медалями.

Обратимся к архивным материалам, в которых раскрывается суть совершенных А. Идрисовым подвигов: «ИДРИСОВ АБУХАЖИ, 1918 г. р. красноармеец, в РККА с декабря 1939 года. Призван Грозненским РВК. Номер записи в базе данных: 4066926. ЦАМО, ф. 33, оп. 682525, ех. 89. «Снайпер 1-го стрелкового батальона 1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии тов. Идрисов в Отечественной войне на Юго-Западном фронте с 8 июня 1942 года. В боях получил ранение 14 августа 1942 года. Тов. Идрисов, испытанный в боях, преданный Социалистической Родине воин. Со жгучей ненавистью к врагам отечества тов. Идрисов беспощадно истребляет немецких оккупантов. Тов. Идрисов на 9 сентября 1942 года довел свой счет истребленных фашистов до 97 человек. Выследил и уничтожил 1 фашистского офицера.

Командир полка подполковник Худокогов, военком полка батальонный комиссар Шапиро, начальник штаба капитан Умников. 26.10.1942 год». Красноармеец награжден орденом Красного Знамени».

«ИДРИСОВ АБУХАЖИ, 1918 г. р. старший сержант, в РККА с декабря 1939 года. Призван Грозненским РВК. Номер записи в базе данных: 10913120. ЦАМО, ф. 33, оп. 682525, ех. 386. «Тов. Идрисов в боях с 26 по 28 октября 1942 года ежедневно выходил на передний край обороны и в упор на выбор расстреливал немцев, рвущихся вперед на нашу оборону. В этих боях он убил 40 немецких солдат и офицеров, увеличив свой счет до 210 гитлеровцев.

Командир полка подполковник Худокогов, начальник штаба майор Умников. 29.11.1942 год». Старший сержант награжден орденом Красной Звезды».

«ИДРИСОВ АБУХАЖИ, 1918 г. р. старший сержант, в РККА с декабря 1939 года. Призван Грозненским РВК. Краткий биографический словарь.

Том-1. «Герои Советского Союза». «Снайпер 1-го стрелкового батальона 1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии 3-й Ударной Армии 2-го Прибалтийского фронта тов. Идрисов к марту 1944 года уничтожил 349 солдат и офицеров противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 3 июня 1944 года». Старший сержант награжден орденом Ленина и медалью «Золотая звезда».

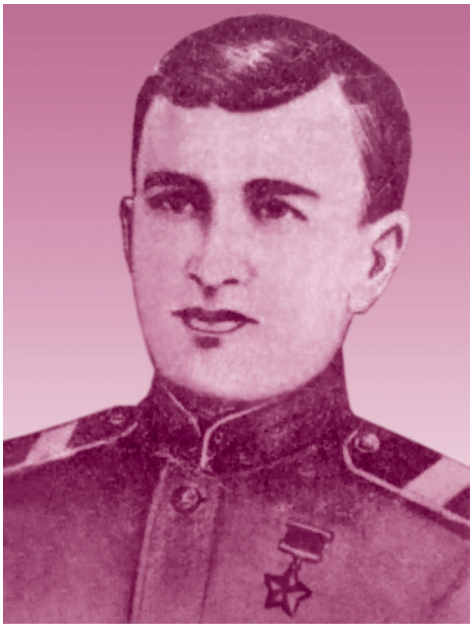
Благодарные потомки хранят о нем память. Именем отважного сына чеченского народа, Героя Советского Союза Абухажи Идрисова названа одна из улиц в г. Грозный, улица и школа в селе Бердыкель Грозненского района. В Мемориальном комплексе Славы им. А.А. Кадырова установлены барельеф и памятная доска в честь Героя.

Золотыми буквами имя А. Идрисова записано в музеях Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве и в Новороссийске.

5 октября 2019 года на Аллее Героев в Грозном торжественно был установлен постамент с бюстом отважного сына Отечества.

Хатуев И.З.

МАГОМЕД-МИРЗОЕВ ХАВАДЖИ
(1910–1943)

Магомед-Мирзоев Хаваджи – чеченец, участник Великой Отечественной войны, кавалерист, пулемётчик, гвардии старший сержант, Герой Советского Союза.

Хаваджи Магомед-Мирзоев родился в 1910 году в селении Алхазурово Урус-Мартановского района в простой крестьянской семье. Успешно закончив сельскую школу, поступил в Грозненское педагогическое училище, работал учителем, а затем – директором школы в родном селе. В своем коллективе пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

В 1932 году был призван в ряды РККА. Служил в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Был ранен при задержании нарушителя границы и демобилизован по ранению.

В 1940 году окончил школу среднего начальствующего состава Главного управления пожарной охраны в Ташкенте, после окончания которой работал инспектором пожарной охраны в Ленинабаде (Таджикистан).

После начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года Х. Магомед-Мирзоев ушёл на фронт в сентябре 1941 года. Служил в кавалерийском полку помощником командира взвода 3-го эскадрона 16-й гвардейской

Черниговской кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса 61-й армии Центрального фронта.

Четыре брата Хаваджи Магомед-Мирзоева также ушли на фронт. Из них живыми вернулись только двое.

В сентябре 1943 года Хаваджи в числе первых переправился на правый берег Днепра. Пулемётным огнём очистив берег от врага, он обеспечил успешное форсирование реки своим подразделениям. Был трижды ранен, но не оставил позиции, уничтожив 144 фашиста. За этот подвиг 15 января 1944 года Хаваджи Магомед-Мирзоеву было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В феврале 1944 года его жена Екатерина Васильевна Магомед-Мирзоева получила теплое письмо от командования части, в рядах которой сражался Хаваджи. В письме говорилось: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года Вашему мужу, гвардии старшему сержанту Магомед-Мирзоеву Хаваджи присвоено звание Героя Советского Союза. Ваш муж в боях с немецкими захватчиками на степных просторах Украины за седой Днепр показал высокие образцы воинского умения и мастерства, проявив при этом отвагу и геройство в борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины.

Мы гордимся Вашим мужем, доблестным воином героической Красной Армии, который не жалеет ни своей крови, ни своей жизни во имя победы над заклятым врагом во имя нашей великой и могущественной Родины.

Мы выражаем уверенность в том, что Герой Советского Союза, гвардии сержант Магомед-Мирзоев после возвращения из госпиталя в часть и в последующих боях с немецкими оккупантами еще не раз прославит непобедимое советское оружие и нашу Отчизну...».

Когда Екатерина Васильевна читала это письмо, Хаваджи был снова в бою. В одном из сражений третий эскадрон попал в засаду. Немцы рассчитывали быстро расправиться с красными кавалеристами. Но на выручку подоспел второй эскадрон. Фашистов зажали в лощине. Они пошли в яростную атаку на залегающих в обороне конников. Хаваджи обратил внимание, что умолк пулемет его боевых друзей – грузина из Тбилиси Сосанашвили, украинца из Донбасса Кузнецова и узбека из Ферганы Юнусова. Хаваджи бросился к ним. Но поздно – друзья погибли. Раненый, он продолжал строчить из пулемета по наступающим фашистам. Это был последний бой Героя Советского Союза Хаваджи Магомед-Мирзоева.

Из выдержки архивного документа: «Магомед-Мирзоев Хаваджи родился в 1910 г. в с. Алхазурово ЧИАССР. В Советскую Армию был призван в сентябре 1941 г. Старший сержант Хаваджи Магомед-Мирзоев служил в кавалерийском полку в должности помощника командира взвода. В сентябре 1943 г. в числе первых переправился на правый берег Днепра. Огнем пу-

лемета очистил берег от врага, тем самым обеспечил успешное форсирование реки подразделениями полка. Только в одном бою он из своего пулемета уничтожил 144 фашиста. Участвовал в боях на степных просторах Украины. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 января 1944 г. (посмертно). За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленным при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». (ЦАМО, ф. 38, оп. 686043, д.3).

Имя Героя Советского Союза Хаваджи Магомед-Мирзоева увековечено в Мемориальном комплексе Славы им. А.А. Кадырова.

5 октября 2019 года на Аллее Героев в Грозном торжественно был установлен постамент с бюстом отважного сына Отечества.

Гадаев В.Ю.,
Халадов Х.-А.С.

НУРАДИЛОВ ХАНПАША НУРАДИЛОВИЧ
(1924–1942)

На Мамаевом кургане в г. Волгограде перед величественным монументом, символизирующем Родину-мать, поставлены десятки мраморных плит, на которых золотом высечены имена великих воинов, самых мужественных и отважных защитников Сталинграда. В самом центре их лежит плита, на которой написано имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадиловича Нурадилова, великого воина, бесстрашного и доблестного сына чеченского народа. В листовке, изданной в 1942 г. Политуправлением Донского фронта, отмечалось: «Это был храбрейший из храбрых, отважнейший из всех отважных. Рыцарь отчизны, горный орел Нурадилов воплотил в себе все лучшие черты доблестного чеченского народа – его геройство и орлиную удаль, его смелость и отвагу, мужество и доблесть. Былинным подвигам кавказских витязей следовал славный богатырь Нурадилов». «Доблестный рыцарь родной Отчизны!», «Воин-богатырь!», «Бессмертный герой Кавказа!», «Сын солнца!», «Орел орлов!» – такими величественными словами в самом начале Великой Отечественной войны был вознесен на пьедестал всенародного почитания славный сын чеченского народа Ханпаша Нурадилов [3].

Ханпаша Нурадилович Нурадилов родился на территории известного ауховского общества Дагестана (аькккхий), в красивом и живописном селении Ярыксу-Аух в 1924 г. (Эта дата подлинная). «Отец Ханпаши – Нурадил Селабиевич, – писал в 1943 г. первый автор очерка о Х.Н. Нурадилове писатель И.И. Штанько, – чеченец из тайпа чанти, родился приблизительно в 1890 году в сел. Минай-Тугай (на чеченском языке Мини-ТогIи. – *Г.В.*). Матерью его была чеченка из селения Ножай-Юрт – Сенет. Отец Нурадила – Селаби, дед его Ганджби и прадед Джантемир родились и выросли в сел. ГIачалкх-Аькккх (Ярыксу-Аух). В 1911 году Нурадил переехал в сел. Ножай-Юрт, где женился на чеченке Гизару из тайпа черто, жительнице сел. Гилени Ножай-Юртовского района. В Ножай-Юрте в 1912 году родился старший сын Нурадила – Хункарпаша. Прожив в Ножай-Юрте около года, семья Нурадила вернулась на родину, в сел. ГIачалкх-Аькккх. Здесь у них в 1914 году (по документам – в 1918 г.) родился второй сын Мухтарпаша (Мути). Здесь же, в ГIачалкх-Аькккх (Ярыксу-Аух), увидел свет и младший сын Нурадила – Ханпаша» [1, 22].

Семья Нурадила не считалась зажиточной, но была трудолюбивой, скромной и очень дружной. Родители Ханпаши отличались особым усердием в работе, предельной честностью и пользовались огромным уважением среди односельчан. Особо почитали сельчане мать Ханпаши – Гизару. «Мать Ханпаши – Гизару Аврохаева, – пишет И.И. Штанько, – славилась необыкновенной для женщины храбростью. Характерно, что в годы гражданской войны, словно мужчина, носила при себе револьвер. Рассказывают, что ей не раз приходилось встречаться с бандитами с оружием в руках, и она выходила из этих стычек победительницей» [1, 23].

Гизару была не только мужественной женщиной, но и нежной, любящей матерью, мудрым душевным воспитателем. В своих сыновьях она развивала доброту, честность, любознательность и, в первую очередь, мужество и чувство патриотизма. Ее средний сын Мухтарпаша уже в зрелые годы вспоминал, как их мать в долгие зимние вечера рассказывала им о героических страницах прошлой истории, о ее славных героях – Шейхе Мансуре, Бей-Булате Таймиеве, Адин Сурхо и т.д. Но семейное счастье Нурадиловых продолжалось недолго: в 1926 г. после непродолжительной болезни умер Нурадил, а через год умерла Гизару. 15-летний Хункарпаша, 13-летний Мухтарпаша и 3-х летний Ханпаша вынуждены были самостоятельно выживать в это тяжелое лихолетье постгражданской войны.

Уже в раннем детском возрасте Ханпаша Нурадилов почувствовал тяжелую ношу сиротской жизни, ее горькие уроки выживания в этом далеко немилосердном мире. Суровые условия сиротского бытия закалили его характер, сформировали железную волю, стойкий дух и мужество. Эти ценные качества еще с раннего детства он развивал и в семейно-родственной, подростковой микросреде, и в школе, и на производстве, куда он поступил

будучи подростком. Ханпаша Нурадилов отличался особой любознательностью, прилежностью и упорством в познании окружающего мира, в решении трудных задач самовыживания и достижения поставленной цели, что создавало огромные возможности и необходимые предпосылки для обеспечения ему в будущем достойного места в суровой жизни. Однако реализовать свой потенциал ему, как и миллионам его сверстников, не было суждено – началась Вторая мировая война.

Братья Нурадиловы были воспитаны родителями в патриотическом духе, защитниками земли своих предков, и они не могли спокойно отсиживаться дома, когда Родине угрожала смертельная опасность. Все три брата в разное время, не задумываясь, ушли на фронт. Первым ушел биться с врагом Хункарпаша, и немало врагов полегло на поле брани от его беспощадных ударов, однако и сам он погиб смертью храбрых. Вторым выступил против врага Мухтарпаша, который жестоко мстил врагу за смерть родного брата, защищал интересы своей страны. Тяжелые ранения, полученные на фронте, вынудили его демобилизоваться и вернуться домой.

23 октября 1940 года был призван в армию Ханпаша, хотя к этому времени он фактически достиг всего 16-ти лет. По воспоминаниям Мухтарпаши, еще раньше, устраивая своего младшего брата к себе на работу, он «приписал ему пару лет». Кстати, этот возраст подтверждал и И.И. Штанько в своем очерке о герое от 1943 г. [1, 23]. Молодому воину не отказали в его просьбе: он был зачислен в кавалерийский полк, где его и застала Великая Отечественная война.

Свой боевой путь Ханпаша Нурадилов начал на украинской земле, защищая ее от фашистской нечисти, как свои родные Кавказские горы. Сражался он в составе 5-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 34-м казачьем полку данной дивизии он вначале служил ездовым пулеметной тачанки. В декабре 1941 г. по его личной просьбе был зачислен в пулеметный расчет вторым номером и через очень короткое время мастерски «оседлал» своего «Максима». Ханпаша много слышал от взрослых о войне, но перед злодеяниями фашистов бледнели их самые страшные рассказы. Для этих озверевших нелюдей из цивилизованной Европы не было ничего святого, они бессмысленно жестоко грабили и убивали мирных жителей, детей, стариков, насиловали женщин, жгли посевы, села, деревни, города, превращали в пепелище величественную украинскую землю. Увиденные жестокости озверевших варваров привели Ханпашу Нурадилова к убеждению, что с таким врагом невозможно договориться или мириться, его следует только беспощадно убивать, убивать не по одному, а скопом, в больших количествах. И он начал это делать. 6 декабря 1941 г. в бою за украинское село Захаровка был ранен в голову, но поля боя не покинул, и когда был убит первый номер, он сам залег за пулемет и остановил наступление целого фашистского

подразделения. В этом бою Х. Нурадилов лично уничтожил 120 гитлеровцев и вместе с сержантом Гнездиковым привел в штаб 7 легкораненных немцев [1, 43].

К изумлению однополчан этот неуемный юнец загадочным образом появлялся в самых опасных местах, выявлял, а затем уничтожал врага. В январе 1942 г. в бою за важный стратегический пункт у села Толстого расчет Нурадилова был выведен из строя, однако он не растерялся и, меняя огневые позиции, лично сам из своего «Максима» уничтожил 50 гитлеровцев и подавил 4 огневые точки противника, за что был награжден орденом Красной Звезды. Ему было присвоено звание сержанта [2].

Следует отметить, что на этом этапе войны награждение рядового состава каким-либо орденом было редкостью.

Постепенно путь Ханпаши по дорогам войны становился легендарным, по всему фронту из уст в уста передавались рассказы о его подвигах. В начале февраля 1942 г. во время боев за населенный пункт Шигры, будучи раненным в руку, Нурадилов, тем не менее, сумел со своим верным другом «Максимом» уничтожить до 200 фашистов. Весной 1942 г. конники-гвардейцы из полка Х. Нурадилова теснили врага к Харькову, но на пути зарылись в землю огневые точки противника. Особенно опасной была огневая точка у селения Байрак, и командованием была поставлена очень сложная задача уничтожить ее. Многие воины погибли, безуспешно пытаясь выполнить эту задачу. В этих сложных условиях Нурадилов сам незаметно подполз к логовищу фашистов, забросал его гранатами, взял в плен пятерых немцев с их пулеметом и стремительно вернулся на свои позиции. Но и враг, заметив дерзкого пулеметчика, предпринял атаку с целью его уничтожения, но успеха она не принесла. После ожесточенного боя у селения Байрак командир эскадрона лейтенант Нагивин сам лично насчитал 300 фашистских агрессоров, уничтоженных пулеметом Нурадилова. За этот подвиг Ханпаша был награжден орденом Красного Знамени и ему было присвоено звание старшего сержанта в должности помощника командира взвода[1, 44].

Во время боев в районе города Серафимович Ханпаша уже командовал пулеметным взводом и был тяжело ранен, однако поля боя не оставил и своим пулеметом уничтожил в том бою 250 немцев. Последний его бой был на знаменитой высоте 220 на левом берегу реки Дон. В этом бою 27 августа 1942 г. бесстрашный чеченский витязь был смертельно ранен, а 28 августа 1942 г. к 8 часам утра истинное львиное сердце перестало биться в юной груди героя-бойца.

Похоронили Х. Нурадилова в центре казачьей станицы Букановская Кумылженского района Волгоградской области, кстати, неразрывно связанной с именем великого писателя Михаила Шолохова, который здесь начал свой путь в творчество, здесь он черпал события и впечатления, нашедшие

воплощение на страницах великого романа «Тихий Дон». В станице Букановская и сегодня свято чтут память Ханпаши Нурадилова, охраняют и ухаживают за его могилой, где установлен очень красивый мраморный памятник, а также держат в образцовом порядке музей имени Героя Советского Союза Х. Нурадилова. На Мамаевом кургане в Волгограде перед величественным монументом, символизирующем Родину-мать, установлены мраморные плиты, на которых золотом высечены имена мужественных и доблестных защитников Сталинграда. В самом центре их лежит плита, на которой написано имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова – бесстрашного сына Чечни, Дагестана, России. Ханпаша также изображен на панораме «Сталинградская битва». На родине Х. Нурадилова в Дагестане в с. Гамиях Новолакского района открыт памятник Х. Нурадилову, селение Дауд-отар Хасавюртовского района Дагестана переименовано в село Нурадилово. Чтят своего славного земляка и в Чеченской Республике, в честь которого названы улицы, скверы, Чеченский государственный драматический театр носит его имя, а в центре Грозного по инициативе Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова ему воздвигнут величественный памятник.

Важно отметить, что с первого дня войны Ханпаша сражался с врагом, удивляя командование и боевых соратников своим мужеством, воинской доблестью, беспримерными боевыми подвигами. В общей сложности за свою недолгую фронтовую жизнь (чуть более 1 года) Ханпаша Нурадилов уничтожил 920 врагов, захватил 7 пулемета противника, сам лично взял в плен 12 фашистов. К этому надо добавить его боевые заслуги во взятии стратегически важных плацдармов, в организации умелых прорывов в тыл врага, в обеспечении условий для успешной обороны, эффективной контратаки, продвижения вперед воинских подразделений.

Подвиги и воинское величие славного патриота по достоинству были оценены Родиной в первые же годы войны. В 1942 г. он был награжден вначале орденом Красной Звезды и в том же году – орденом Красного Знамени, а 17 апреля 1943 года первым из чеченцев его наградили орденом Ленина и присвоили звание Героя Советского Союза (посмертно). За чуть более одного года 18-ти летний юноша стал Героем и был награжден тремя орденами! Такого прецедента не было в истории Великой Отечественной войны. На плакате Политуправления Донского фронта было написано: «Доблестный рыцарь нашей Отчизны. Бессмертный герой Кавказа, сын солнца, орел орлов… Воин-богатырь, воин-орел, боец-рыцарь». Политуправление Сталинградского фронта выпустило специальную листовку, посвященную Х. Нурадилову, в которой говорилось: «Герой никогда не знал недостатка в храбрости. Ханпаша Нурадилов воплотил в себе лучшие черты чеченского народа – его геройство и орлиную удаль, его смелость и отвагу, мужество и доблесть. Былинным подвигам кавказских витязей следовал славный

богатырь Нурадилов. Взгляни, боец, на богатырский образ героя, горного орла, пулеметчика Ханпашу Нурадилова! Пусть ратные подвиги сына чеченского народа станут для тебя и твоих товарищей примером доблести в бою».

После героической смерти Нурадилова появились публикации и в нефронтовых изданиях. И.И. Штанько написал биографический очерк «Ханпаша Нурадилов», а М.Я. Грин – очерк «Горный орел», гвардии батальонные комиссары Измайлов и Быстров написали статью «Герой Отечественной войны, пулеметчик Ханпаша Нурадилов». В газете «Известия» от 31 октября 1942 г. М. Рузов опубликовал обширный материал о Герое под названием «Сын Кавказа», М. Гусейнов выступил в газете «Красная Армия» (21 октября 1942 г.) со статьей «Доблестный рыцарь нашей Отчизны», Л. Дмитерко опубликовал в газете «Вперед за Родину» (17 декабря 1942 г.) статью «Доблестный рыцарь Ханпаша Нурадилов», в газете «Красная Звезда» генерал-майор С. Галаджев написал статью «Слава погибших». Известные поэты слагали о Герое стихи: Евгений Долматовский – «Песня о Ханпаше Нурадилове», Борис Палийчук – «Солдатская честь». В 1943 г. поэт Николай Сергеев (Штанько) закончил свою работу над большой поэмой о Нурадилове – «Солнце в крови». В 1944 в СССР была выпущена почтовая марка, посвященная Х. Нурадилову.

На Родине предков Ханпаши Нурадилова, в Чечено-Ингушетии, также появились публикации о нем. В 1943 г. Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы выпустил сборник статей под названием «Герой Советского Союза Ханпаша Нурадилов», куда вошли статьи М.Г. Гайрбекова «Гордость чечено-ингушского народа», М.М. Хашагульгова «Достойный сын своего народа», его же стихотворение «Песня о Ханпаше», стихотворение Дж. Яндиева «Воин (посвящается Ханпаше)» и некоторые другие статьи о нем. Газета «Грозненский рабочий» опубликовала статью «Воин-богатырь», а поэт М. Сулаев написал проникновенную поэму о герое-чеченце «Солнце победит». В постдепортационный период А. Хамидов написал пьесу «Бессмертные», В. Матиев опубликовал свою повесть на чеченском языке «Мокхазан дог» («Кремневое сердце»), а после него роман-хронику «Огненный, огненный конь» (1978 г.) издал А.Г. Горлов. В 1986 на киностудии «Азербайджанфильм» был снят художественный фильм «В семнадцать мальчишеских лет».

Важно сказать, что Х. Нурадилов и его братья по оружию защищали Великую Украину от фашистских агрессоров, отдавали свои жизни во имя спасения этой прекрасной земли от озверевших врагов. Конечно, эти славные герои и помыслить не могли, что наступит такое время, и страна, которую они защитили от внешнего агрессора, погибнет от внутреннего врага. Не могли они также помыслить и то, что на украинской земле, пропитан-

ной их кровью, которую не жалея своих жизней они защищали от фашизма, вновь через 70 лет возродится эта коричневая чума, и по центральным улицам древнего Киева будут торжественно маршировать еще живые подручные палача Гитлера и их молодые бесноватые потомки с фашистской свастикой. Но как бы не складывались жизненные обстоятельства, героические подвиги фронтовиков навсегда останутся в благодарной памяти потомков, их слава никогда не померкнет, ибо они, объединившись в единое многонациональное братство, мужественно и стойко защищали свою родную землю от агрессора и не пожалели для этого свои жизни. Эти славные воины еще раз подтвердили великую истину наших бесстрашных предков: «А кто придет к нам с мечом, от меча и погибнет».

Список использованных источников и литературы

1. Герой Советского Союза Ханпаша Нурадилов. Составитель М. Хашагульгов. – Чечинггосиздат. Грозный, 1943.

2. Ханпаша Нурадилов. Документы, стихи, очерки. Составитель М. Хашагульгов. – Грозный, 1965. – 84 с.

3. http://www.grozny-inform.ru/main.mht...11&PubID=10681. [Дата обращения – 17 октября 2019 г.]

Хатуев И.З.

АБДУРАХМАНОВ КАНТИ
(1916–2000)

Абдурахманов Канти (1916–2000 гг.) – старшина Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Российской Федерации (1996). Чеченец.

Канти Абдурахманов родился в 1916 году в селе Шали Грозненского округа Терской области. Рано остался без родителей, был батраком, затем работал в колхозе. В сентябре 1941 года Абдурахманов добровольно пошёл на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Окончил школу младших артиллерийских командиров в Ташкенте в июне 1942 года. Служил в Среднеазиатском военном округе, командовал орудием, затем был помощником командира взвода.

С октября 1943 года – на фронтах Великой Отечественной войны. Участвовал в освобождении районов Невеля, Городка и Витебска, в Белорусской и Прибалтийской операциях, разгроме Курляндской группировки немецких войск. В боях несколько раз был ранен.

В ходе одного из наступательных боёв в декабре 1943 года к западу от Витебска, когда советские пехотинцы залегли под массированным немецким

огнём, Абдурахманов с расчётом выкатил своё орудие на прямую наводку и несколькими точными выстрелами уничтожил дот. Его действия позволили захватить вражеский рубеж.

В июне 1944 года в аналогичной ситуации при форсировании Западной Двины Абдурахманов повторил этот подвиг. Тогда же он одним из первых артиллеристов переправился на западный берег, уничтожил несколько вражеских огневых точек, которые мешали переправе советских войск. Также за время войны Абдурахманов уничтожил несколько немецких танков.

За мужество и отвагу был награждён орденами Славы 2-й и 3-й степеней, Отечественной войны 1-й степени и рядом медалей.

Приведем несколько выдержек из архивных материалов.

«АБДУРАХМАНОВ КАНТА, 1916 г. р., старшина, командир батареи 156 Гвардейского стрелкового полка 51 Гвардейской стрелковой дивизии, в РККА с сентября 1941 года. Призван Шалинским РВК. «За умелое руководство огнем батареи и за проявленное личное мужество и отвагу командир батареи старшина Канта Абдурахманов был награжден орденами Славы 2 и 3 степени».

«АБДУРАХМАНОВ КАНТЫ, 1916 г. р. Призван в Красную Армию в 1941 г. Орджоникидзевским РВК., Узбекская ССР, Ташкентская обл., Орджоникидзевский р-н. Чеченец. Гвардии старшина, командир 76 мм орудия, 156 ГСП, 51 ГСД. Тов. Абдурахманов в наступательных боях, с 23.06.1944 года, умело и мужественно вел огонь из своего орудия по врагу. При форсировании реки Западная Двина 25.06.1944 г. огнем орудия тов. Абдурахманов, переправившись на левый берег, уничтожил пулемет противника с прислугой. В бою 8.07.1944 г. на подступах к гор. Полоцы участвовал в отражениях 3-х контратак противника и уничтожил два пулемета и 6 солдат. Достоин награждения орденом «Славы 2-й степени». Командир 156 гв. стр. полка гвардии подполковник Лехман. 10.8.1944 г.» (ЦАМО, ф. 33., о. 690155., д. 3682).

«АБДУРАХМАНОВ КАНТЫ, 1916 г. р. Призван в Красную Армию в 1941 г., Орджоникидзевским РВК, г. Ташкент. Чеченец. Гвардии сержант, командир 76 мм орудия, 156 ГСП, 51 ГСД.

В бою, 21 декабря 1943 года, за высоту 184.2 в районе дер. Калинина Невелеского района Калининской области тов. Абдурахманов, несмотря на ружейно-пулеметный обстрел, выкатил свое орудие на прямую наводку и огневым налетом разрушил ДЗОТ, подбил орудие и вывел из строя до 10 вражеских солдат. За смелость, мужество и отвагу, точное ведение огня по врагу гвардии сержант Абдурахманов представляется к правительственной награде ордену «Славы 3-степени».

Командир 156 гвардейского стрелкового полка, подполковник Лехман. 24.12.43 г.» (ЦАМО, ф. 33. оп. 686044. д. 2168).

Имя Канти Абдурахманова, добровольцем ушедшего в Красную Армию, стало известно в связи с его подвигами во время войны. Когда началась война, он учился на артиллериста. Полк, в котором служил К. Абдурахманов, был дислоцирован недалеко от Сталинграда. Канти писал заявления с просьбой отправить его на фронт. В 1942 году его направили в 51-ю гвардейскую дивизию 6-й гвардейской армии и назначили командиром орудия. Вехи его воинского пути – Таллин, Рига, Полоцк, Витебск. Войну закончил в Польше в 1945 году.

В жарком бою в декабре 1943 года, недалеко от деревни Калинино Калининской области, смелость сержанта К. Абдурахманова решила исход сражения. Неизвестно, за кем была бы безымянная высота, если бы в разгар боя он не выкатил под шквальным пулеметным огнем свое орудие и прямой наводкой не расстрелял вражеский дзот. За этот подвиг К. Абдурахманов был награжден орденом Славы III степени. При форсировании реки Западная Двина в июне 1944 года К. Абдурахманов, переправившись на левый берег, уничтожил пулеметный расчет противника, препятствовавший переправе. За это он был удостоен ордена Славы II степени. К ордену Славы I степени командование дивизии представляло К. Абдурахманова в феврале 1945 года за участие в ликвидации немецкой группировки в районе Лиепая. К сожалению, этот наградной лист затерялся.

В 1946 году в звании старшины Абдурахманов был демобилизован и как чеченец отправлен в ссылку в Среднюю Азию. Проживал в г. Фрунзе (ныне – Бишкек) Киргизской ССР, а в 1967 году вернулся в Чечено-Ингушетию и устроился на работу в совхозе «Шалинский». Работал шофёром, затем – комбайнером, рабочим завода «Пищемаш», мастером буровой геологоразведочной партии. Выйдя на пенсию, проживал в г. Аргун.

Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 года за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» старшина в отставке Канти Абдурахманов был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации.

Умер 28 марта 2000 года. Имя Героя увековечено на барельефе Мемориального комплекса Славы им. А.А. Кадырова в Грозном.

Список использованных источников и литературы

1. ЦАМО, ф. 33., оп. 690155., д. 3682.
2. ЦАМО, ф. 33. оп. 686044. д. 2168.
3. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. – Грозный, 2015.
4. Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. – Грозный, 1988.
5. Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.

6. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1960.

7. Герои Советского Союза – наши земляки // Партархив Чеч.-Инг. обкома КПСС [Материал о 50 Героях Советского Союза, жизнь и работа которых связана с ЧИАССР]. – Гр., 6 мая 1985.

8. Зинченко О.В. Равнение на героев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984.

9. Исаев Э.А. Чеченцы на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник АН ЧР, 2006. № 4.

Хатуев И.З.

УЗУЕВ МАГОМЕД ЯХЪЯЕВИЧ
(1917–1941)

Узуев Магомед Яхъяевич – чеченец, старший сержант РККА, участник Великой Отечественной войны, заместитель командира учебного взвода 333-го стрелкового полка 6-й Орловской Краснознамённой стрелковой дивизии, Герой Российской Федерации (1996 год, посмертно).

Родился в 1917 году в селе Итум-Кали Чеченского округа Терской области (ныне – Итум-Калинский район Чеченской Республики) в семье служащего. Окончил рабочий факультет Грозненского нефтяного института в 1937 году. Работал в Итум-Калинском райкоме ВКП(б).

В 1940 году начал службу в Красной Армии в Бресте, в 6-й стрелковой дивизии Белорусского Особого военного округа. Окончил полковую школу младшего командного состава. Был назначен заместителем командира учебного взвода 333-го стрелкового полка.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Казармы 333-го полка находились у Тереспольских ворот в Цитадели. Полк одним из первых принял удар врага. В первый же день войны, когда немцы прорвались в крепость, он обвязал себя гранатами и бросился в гущу наступающих врагов.

Документы передают подвиг нашего земляка: «Узуев Магомед Яхьяевич, 1917 г.р., сержант, командир взвода 333-го стрелкового полка, в РККА

с 1940 года. Призван Итум-Калинским РВК. Служил в Брестской крепости, в звании сержанта 8-ой роты 3-го батальона 333-го стрелкового полка. 22 июня 1941 года Магомед Узуев героически погиб при обороне крепости».

Имя Магомеда Яхъяевича Узуева высечено на плите мемориала «Брестская крепость-герой» в ряду имен других ее защитников. О подвиге М. Узуева неоднократно рассказывали в своих воспоминаниях и письмах к его родственникам однополчане Григорий Сергеевич Макаров и Петр Леонович Лебедев, писала младший научный сотрудник Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Нина Николаевна Сечук. О мужестве и доблести старшего сержанта М. Узуева рассказывается в книгах И. Крымова «Стояли насмерть» и Х. Ошаева «Брест – орешек огненный» («Грозненский рабочий». – 2004. 15 октября). Брестская крепость находилась на пути главного удара наиболее мощной группировки немецко-фашистских войск под наименованием «Центр», захватить ее было намечено в первые два часа после начала войны. Фашисты были уверены, что она будет занята с ходу. И основания так думать у них были: во-первых, крепость стояла на самой границе СССР; во-вторых, нападение готовилось в глубокой тайне и совершено было внезапно, когда гарнизон крепости безмятежно спал; в-третьих, враг был втрое сильнее – здесь действовали отборные 45-я, 31-я и 34-я немецкие пехотные дивизии.

Нападение началось в 4 часа 15 минут утра массированной бомбежкой эскадрильями 2-го немецкого авиационного флота с одновременным открытием ураганного огня артчастями трех пехотных дивизий и поддержкой многочисленных артбатарей танковой группы генерала Гудериана, вторгшейся в пределы нашей страны в районе Брестской крепости.

Хотя задача захвата крепости была поручена хваленой 45-й армейской дивизии, год назад бравшей Париж, которая в значительной части состояла из земляков Гитлера, а само нападение было произведено на спящих бойцов, 45-й дивизии не удалось захватить крепость ни через два часа, ни через два дня, ни через двенадцать дней. Движущимся с запада немецко-фашистским войскам приходилось обходить сражающийся Брест, слушая грозную музыку боя, который вели стоявшие насмерть красноармейцы. И среди них было свыше трехсот сынов Чечено-Ингушетии.

Чеченцы наравне с представителями других народов Советского Союза беззаветно сражались в битвах за установление советской власти в годы Гражданской войны, а их сыновья яростно дрались за Родину с фашистской нечистью в годы Великой Отечественной войны.

Призванные из Чечено-Ингушетии красноармейцы служили во всех частях Брестского гарнизона. Но особенно много было их в 333-м и 125-м полках. По утверждениям некоторых участников защиты, в 333-м полку были взводы, наполовину состоявшие из чеченцев и ингушей. Считается

наиболее вероятным, что в защите Брестской крепости участвовало от трех до трех с половиной тысяч бойцов. Это подтверждается прямыми и косвенными данными. Однако, нужно иметь в виду, что особенно много бойцов погибло в первые часы войны, до того момента, когда гарнизон успел организовать оборону. Тем величественнее подвиг красноармейцев бесстрашного гарнизона.

По свидетельствам оставшихся в живых участников героической защиты, по скудным документальным данным штабных архивов, по различным косвенным заключениям и доказательствам, имеющимся в Музее обороны крепости-героя, известно, что за все дни боев в цитадели и примыкающих к ней трех укрепрайонах – Кобринском, Тираспольском и Холмском – погибло свыше двух тысяч красных бойцов и офицеров.

В крепости Брест захоронены останки 850 человек, из них известны имена 222-х, которые вынесены на плиты мемориала. Среди них четверо уроженцев Чечено-Ингушетии – А.А. Лалаев, М.Я. Узуев, С.И. Абдрахманов, Х.С. Салгереев. Недавно стало известно, что на мемориале в Бресте высечено имя еще одного воина из Чеченской Республики – рядового З.А. Масаева.

Именно в Бресте, в 333-м стрелковом полку, началась в 1940 году армейская служба Узуева. Это были предвоенные годы. В звании сержанта Магомед стал заместителем командира взвода, обучал новобранцев. Но в ночь с 21 на 22 июня 1941 года разрывы бомб и грохот снарядов обрушились на Брест. А Брестская крепость была важным опорным пунктом на западной границе. Магомед был в крепости, на которую наступала 45-я немецкая пехотная дивизия, усиленная танками, артиллерией, авиацией. Малочисленные подразделения защитников крепости приняли на себя удар превосходящих сил врага. Почти месяц защитники Бреста сковывали целую немецкую дивизию. Сопротивление шло в невероятно трудных условиях отсутствия воды, продовольствия, медикаментов. Это был уже давно не фронт: немцы продвигались в первые дни войны стремительно и подходили уже к Киеву. Но Брест оборонялся! «Умереть, но не сдаться врагу!» – под таким девизом сражались защитники крепости. Но их становилось все меньше. Одним из стойких защитников Брестской крепости был Магомед Узуев.

Изучению легендарной обороны крепости посвятил многолетние изыскания общественный деятель и писатель Халид Ошаев. Он много раз ездил в Брест, в города и села Белоруссии, Украины, в Москву, Ленинград, изучал архивы, встречался с выжившими участниками обороны крепости. О подвиге Магомеда Узуева и других героев Бреста он написал документальную повесть «Брест – орешек огненный». В повести раскрыта судьба более 300 участников защиты Брестской крепости из Чечено-Ингушетии.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Узуеву

Магомеду Яхьяевичу 19 февраля 1996 года Указом Президента Российской Федерации присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Имя Героя увековечено на мемориале защитникам Брестской крепости. Заставе «Хачарой-Экх» Аргунского пограничного отряда также присвоено имя Магомеда Узуева. Его именем названы улицы в г. Грозный и с. Итум-Кали.

Имя Героя увековечено на барельефе Мемориального комплекса Славы им. А.А. Кадырова в г. Грозный.

Да, он действительно Герой России – чеченец, мужественно сражавшийся рядом с русскими, украинцами, казахами, сложивший свою молодую голову в белорусской крепости Брест.

Список использованных источников и литературы

1. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. – Грозный, 2015.

2. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-Ингушском. – Нальчик, 2004.

3. Ибрагимов М., Хатуев И. Наше участие в достижении победы // Вайнах. – 2005. – №5.

4. Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. – Грозный, 1988.

5. Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Элиста, 2010.

6. Герои Советского Союза – наши земляки // Партархив Чеч.-Инг. обкома КПСС [Материал о 50 Героях Советского Союза, жизнь и работа которых связана с ЧИАССР]. – Грозный, 6 мая 1985.

7. Исаев Э.А. Чеченцы на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник АН ЧР. 2006. № 4.

Хатуев И.З.

УМАРОВ МОВЛДИ АБДУЛ-ВАХАБОВИЧ
(1921–1943)

УМАРОВ Мовлди Абдул-Вахабович – чеченец, участник советско-финской и Великой Отечественной войн, старший лейтенант, командир стрелковой роты (7-й гвардейский стрелковый корпус, Западный фронт), Герой Российской Федерации.

Родился 29 января 1921 года в селе Новые Атаги (ныне – Шалинский район Чеченской Республики) в семье крестьянина. Окончил сельскую начальную школу, школу ФЗУ при заводе «Красный молот» (Грозный), Серноводский педагогический техникум (1939).

С 1 сентября 1939 года Мовлди работал преподавателем Серноводского педагогического техникума. Через два месяца получил повестку из Атагинского РВК о призыве на действительную воинскую службу.

В 1939 году был призван в Красную Армию. Службу начал в Архангельске в стрелковом полку. Участвовал в советско-финской войне 1939–1940 гг. По окончании войны изъявил желание стать кадровым офицером и был направлен в Ленинградское пехотно-командное училище.

На передовой с первых дней Великой Отечественной. Был заместителем командира роты по политчасти. Вскоре получил очередное звание старшего лейтенанта и командование ротой. Воевал на Смоленском направле-

нии. 13 января 1943 года за образцовое выполнение заданий командования был награждён орденом Красного Знамени.

11 февраля 1943 года рота Умарова держала оборону в районе села Скучарево. Противник, после интенсивной артподготовки, начал наступление на советские позиции. Командир роты приказал подпустить фашистов поближе. По его команде солдаты начали в упор расстреливать наступающих. Первые цепи фашистов были почти полностью уничтожены. Но, используя численное превосходство, им удалось ворваться на позиции роты. Умаров, будучи дважды ранен, с перебитой рукой, повел бойцов в контратаку и пал смертью храбрых. Противник потерял более 100 солдат.

Благодаря неустанным поискам жителя села Новые Атаги Султана Умарова удалось по крупицам воссоздать героический подвиг его брата Мовлди Абдул-Вахабовича Умарова – верного сына чеченского народа, отдавшего свою жизнь за свободу и независимость Родины. Еще одна яркая звезда засияла на небосклоне созвездий Героев в мае 1996 года. Справедливость восторжествовала.

Начиная с 23 февраля 1944 года, в связи с насильственным выселением чеченского народа в Среднюю Азию и Казахстан, связь родственников с сыном и братом прервалась. Много сил, энергии и бюрократических препон со стороны чиновников пришлось преодолеть Султану Умарову, тоже бывшему фронтовику, прежде чем добиться истины в деле своего брата Мовлди. И все же он собрал немало архивных данных. Приведем выдержки из части документов: «Сообщаем, что в приказе по войскам Западного фронта № 015/н. от 13.01.43 г. значится: «От имени Президиума Верховного Совета Союза СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу – награждаю:

по 7 гв. Стр. корпусу орденом Красного Знамени ст. лейтенанта Мовлди Абдул-Вахабовича Умарава (так в пр.) – командира стр. роты».

11 февраля 1943 года в районе Скучарево, на участке, обороняемом ротой, которой командовал старший лейтенант Умаров, противник после интенсивной артподготовки повел в наступление до 350 солдат. Командир роты Умаров подпустил на близкое расстояние гитлеровцев и в упор ружейно-пулеметным огнем начал расстреливать их. Первые наступавшие цепи фашистов были почти полностью уничтожены. Противник подбросил численно превосходящие силы и ворвался в траншею обороны роты Умарова. Будучи дважды раненым, с перебитой рукой, с возгласом «За Родину! За Сталина! Вперед!» Умаров пошел в контратаку. В этой ожесточенной схватке Умаров пал смертью храбрых. На поле боя (в траншеях) противник оставил более 100 трупов.

За проявленное мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1943–1945 гг. Умаров Мовлди Абдул-Вахабович, 1921 года рождения, приказом командования войсками Западного фронта представлен к присвоению (посмертно) звания Героя Советского Союза 18 февраля 1943 года».

Умаров М.А.-В. похоронен в братской могиле в деревне Матренино Глинковского района Смоленской области.

Но звание Героя Советского Союза М.А.-В. Умарову так и не было присвоено даже посмертно. И причина была одна: он – чеченец. И только по прошествии долгих 53 лет справедливость восторжествовала.

Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 года Мовлди Абдул-Вахабовичу Умарову было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно) – за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. А 19 февраля 2005 года на сходе граждан селения Новые Атаги было принято решение о переименовании одной из улиц села в улицу имени Героя России М.А.-В. Умарова.

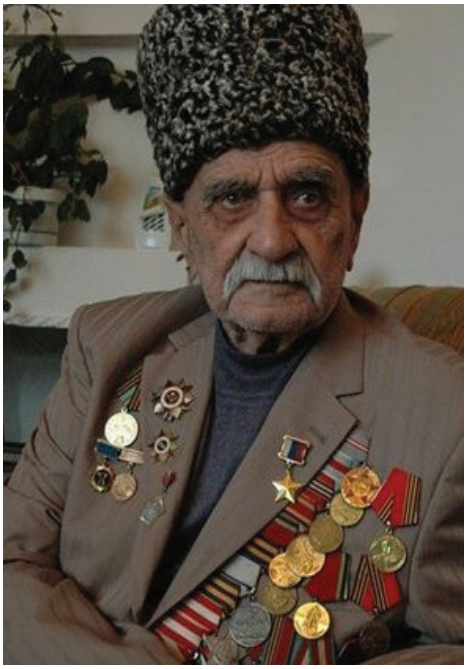
Имя Героя Мовлди Умарова увековечено на барельефе Мемориального комплекса Славы им. А.А. Кадырова в Грозном.

Список использованных источников и литературы

1. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-Ингушском. – Нальчик. – 2004.
2. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1973.
3. Ибрагимов М., Хатуев И. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Грозный, 2005.
4. Ибрагимов М., Хатуев И. Наше участие в достижении победы // Вайнах. – 2005. – № 5.
5. Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. – Грозный, 1988.
6. Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.
7. Герои Советского Союза – наши земляки // Партархив Чеч.-Инг. обкома КПСС [Материал о 50 Героях Советского Союза, жизнь и работа которых связана с ЧИАССР]. – Грозный, 6 мая 1985.
8. Исаев Э.А. Чеченцы на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник АН ЧР, 2006. № 4.

Хатуев И.З.

ИСМАИЛОВ АБДУЛХАКИМ ИСАКОВИЧ
(1916–2010)

Исмаилов Абдулхаким Исакович – участник советско-финской и Великой Отечественной войн, Герой Российской Федерации.

Получил широкую известность как участник постановочной фотосъёмки советского фотокорреспондента Е.А. Халдея (вместе с сержантами Леонидом Горичевым и Алексеем Ковалёвым), создавшем 2 мая 1945 года художественные фото водружения Красного Знамени на одну из башен Рейхстага по заданию ТАСС.

Абдулхаким родился в селе Чагаротар Хасавюртовского округа Терской области в 1916 г. в семье крестьянина.

В Красной Армии служил с декабря 1939 года, принимал участие в боях на фронтах советско-финской войны.

Великую Отечественную войну встретил на Украине в составе 147-го стрелкового полка, прошёл с боями всю Украину, Белоруссию, Польшу, Прибалтику, освобождал Запорожье, Одессу, Варшаву.

В боях за Одессу был ранен, после выздоровления был направлен в 83-ю отдельную гвардейскую разведывательную роту 82-й гвардейской стрелковой дивизии, с которой Абдулхаким Исакович дошёл до Берлина.

В конце войны служил в 101-й отдельной механизированной разведывательной роте 83-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. Во фронтовой газете о нём писали как об отважном и бесстрашном разведчике.

В интервью, данном в 2007 году, Абдулхаким Исмаилов утверждал, что ещё 28 апреля 1945 года Алексей Ковалев, Леонид Горычев и он установили красный флаг на одной из башенок крыши Рейхстага.

Вот как описывал это событие Исмаилов: «28 апреля наша 83-я гвардейская разведрота 82-й гвардейской стрелковой дивизии вышла к Рейхстагу. Плотность войск огромная, артобстрел ведется нещадный, но Рейхстаг для немцев – святыня и символ, и сопротивляются они в тысячу раз упорнее обычного. Четыре раза в этот день войска штурмуют рейхстаг. С огромными потерями и безуспешно. Находясь в непосредственной близости от дворца германского парламента, мы не можем продвинуться ни на метр. Командир нашей разведроты Шевченко получает приказ выслать разведку и, в свою очередь, поручает это задание трем разведчикам – мне и двум моим друзьям: украинцу Алексею Ковалеву и белорусу Леониду Горычеву. Подошли ко дворцу. Проскочили первый этаж здания, полный немцев, безумных, пьяных. Поднялись на второй. Я чуть не погиб там. Спасла случайность.

Задержавшись на пороге огромного зала, в котором залегли отстреливавшиеся фашисты, увидел в большом дворцовом зеркале притаившихся за дверью двух немецких автоматчиков. Убил их. Побежал дальше, надо было выполнять разведывательную работу. В конце концов, мы втроем с товарищами оказались на крыше. Внизу шел бой. Перестрелка. Грохот артиллерии. Такого задания – водрузить флаг – нам не давали. Но у всех, кто штурмовал Рейхстаг, на всякий случай флаг с собой имелся. Был и у нас. Вот мы его и установили. Не на главном куполе, а на одной из башенок».

По просьбе фотокорреспондента ТАСС Евгения Халдея 2 мая 1945 года Исмаилов с Алексеем Ковалёвым и Леонидом Горычевым установили Красное знамя над Рейхстагом, чтобы запечатлеть это событие на фотоплёнку. Фотография Халдея «Знамя победы над Рейхстагом» стала известна всему миру как символ Победы советского народа.

За годы войны Абдулхаким Исакович был пять раз ранен, но каждый раз возвращался в строй, был награжден орденами и медалями.

В послевоенные годы А.И. Исмаилов работал на сельскохозяйственном производстве. Находясь на заслуженном отдыхе, принимал активное участие в общественно-политической жизни Дагестана, проводил большую работу по нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

В преддверии 50-летия Победы в Российской Федерации готовили к печати учебник по истории Великой Отечественной, подбирали для него фо-

томатериалы. Среди прочих оказался снимок военного фотокорреспондента Евгения Халдея – три бойца устанавливают Знамя Победы над поверженным рейхстагом в Берлине. Начались розыски. Вскоре в программе тележурналиста Николая Сванидзе оказался пожилой киевлянин Алексей Ковалёв. Когда ему показали ту фотографию, он мгновенно ответил: «Да это же я, а рядом Лёня Горычев и Абдулхаким Исмаилов!»

Когда газетчики и ораторы, торжествуя, снова и снова восклицали: «Знамя нашей победы взвилось над рейхстагом!», – они умалчивали о том, что поднявший это знамя уроженец Кавказа был тем, кого загодя назначили на эту роль. Его выявили через полвека в 1995 году.

Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Исмаилову Абдулхакиму Исаковичу было присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением ему Звезды Героя России. Степан Кашурко писал об этом так: «Уроженец Хасавюрта Абдул-Хаким Исмаилов начал войну кадровым бойцом Красной Армии и вскоре стал младшим командиром. Истинный богатырь, под два метра ростом, он не терялся в любых ситуациях, зачастую проявлял чудеса смекалки, отваги.

В составе прославленной в Сталинграде 83-й особой гвардейской Запорожской стрелковой дивизии в канун 1 мая разведрота прорвалась в логово фашизма – Берлин. Выполняя приказ командира – старшего лейтенанта Павла Шевченко, гвардии старший сержант Абдул-Хаким Исмаилов и гвардии сержант Алексей Ковалев подняли над имперской канцелярией дивизионное знамя. И, не раздумывая, ринулись к рейхстагу. Поддерживаемые огнем товарищей, они по запасным темным лестницам пробрались на крышу последней цитадели гитлеровцев и там водрузили теперь уже Государственный флаг СССР с серпом и молотом. Тот самый, что вскоре назовут Знаменем Победы. Это великое историческое мгновение было запечатлено военным фотокорреспондентом ТАСС старшим лейтенантом Военно-Морского Флота Евгением Халдеем. Однако из политических соображений, то есть по прихоти «отца народов», официально было объявлено, что на фотографии запечатлены младший сержант Кантария и сержант Егоров из другой, 150-й стрелковой дивизии. Они и вправду, также рискуя жизнью, подняли над Рейхстагом знамя. Но какое? Армейское! Знамя Военного совета 8-й ударной армии, заранее для этого подготовленное: все было оговорено в Кремле. А ведь это не одно и то же».

Согласно архивным данным, Абдул-Хаким Исмаилов является выходцем из чеченского селения Бети-Мохк Ножай-Юртовского района Чечни, которое находится в верховьях реки Аксай.

Абдулхаким Исмаилов скончался 17 февраля 2010 года.

Хатуев И.З.

ЭНГИНОЕВ ДУДА ЭДИЕВИЧ
(1919–1979)

Энгиноев Дуда Эдиевич – полный кавалер орденов Славы, разведчик, помощник командира, командир взвода 165-й отдельной разведывательной роты 125-й стрелковой дивизии, старший сержант. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III и II степеней. 10 апреля 1945 года Д. Энгиноев награжден Орденом Славы I степени.

Энгиноев Дуда Эдиевич родился 25 июня 1919 года в чеченском селе Пседах Малгобекского района ЧИАССР в крестьянской семье. Чеченец. Получил в родном селе начальное образование.

В Красной Армии с 1937 года. Участник советско-финской войны 1939–1940 годов. На фронте в Великую Отечественную войну с июля 1941 года. В 1942 году тяжело ранен. 26 марта 1944 года получил еще одно ранение. Но каждый раз, залечив раны в госпитале, возвращался в строй и продолжал свой славный боевой путь.

Разведчик 165-й отдельной разведывательной роты (125-я стрелковая дивизия, 8-я армия, Ленинградский фронт) сержант Дуда Энгиноев 9 апреля 1944 года в боях под Нарвой (Эстония), действуя в разведывательной группе, скрытно проник в расположение противника, уничтожил трёх солдат, добыл ценные документы. 16 апреля был легко ранен. 17 апреля 1944 года в

тех же боях Энгиноев вместе с другими разведчиками взял «языка», доставил командованию дивизии документы, содержащие важные сведения.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, 27 апреля 1944 года сержант Энгиноев Дуда Эдиевич был награждён орденом Славы 3-й степени.

21 сентября 1944 года в боях за город Таллин помощник командира взвода 165-й отдельной разведывательной роты старший сержант Энгиноев во главе группы навязал бой отходящему вражескому подразделению, в результате чего было взято в плен много солдат и офицеров противника.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, 16 октября 1944 года старший сержант Энгиноев Дуда Эдиевич награждён орденом Славы 2-й степени. 24 и 29 января 1945 года, находясь в разведке южнее города Оппельн (ныне – Опеле, Польша), командир взвода 165-й отдельной разведывательной роты (125-я стрелковая дивизия, 21-я армия, 1-й Украинский фронт) старший сержант Дуда Энгиноев со своими бойцами уничтожил большое количество гитлеровцев и более десятка взял в плен.

Дуда Эдиевич Энгиноев, призванный в РККА еще в 1937 году, своей храбростью и твердостью духа доказал, что достоин памяти героических предков чеченского народа. Вот как писал об этом боевой товарищ Дуды Игорь Николаевич Исаков:

«Краснофлотец Энгиноев начал военную службу на одном из кораблей Беломорской флотилии. С началом войны его перевели в погранотряд, а с июля 1943 года и до конца войны он был разведчиком 165-й отдельной разведроты 125-й стрелковой дивизии Красной Армии. Принимал участие в сражениях под Ленинградом, освобождал от оккупации Эстонию, громил фашистов на Сандомирском плацдарме. С боями прошел через польские города Себеж, Катовице, Одау, штурмом брал города Краундорф, Штриау, Вальденбург».

В боях за Ленинград он получил тяжелое ранение и контузию.

Дуду по праву называли лучшим разведчиком дивизии. Подтверждением являются присланные И. Исаковым документы, в числе которых и ходатайство командира 165-й отдельной разведроты Селезнева, подписанное 25 апреля 1944 года, о представлении Энгиноева к высшей государственной награде. В графе «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» сказано следующее: «Старший сержант Энгиноев прибыл в роту 2-го апреля 1944 года. По прибытии показал себя отличным разведчиком. Неоднократно участвовал в выполнении заданий и давал ценные сведения о противнике. 17 апреля 1944 года его группа смело и решительно вклинилась в оборону немцев, захватила пленного. За умелое ведение разведки, отвагу и героизм старший сержант Энгиноев награжден орденом Славы III степени.

В боях за Таллин Энгиноев со своей разведгруппой в числе первых ворвался в город и единолично взял в плен 50 солдат и офицеров противника. 16 октября 1944 года командиром дивизии Селезневым был представлен

к высшей награде – Звезде Героя Советского Союза. Был награжден вторым орденом Славы – теперь уже II степени…».

Вот еще одно свидетельство героизма Дуды Энгиноева. Капитан Степененко писал командованию 125-й стрелковой дивизии:

«…24 января 1945 г. он сам (Дуда Энгиноев. – *И.Х.*) водил разведывательную спецроту на боевые действия, с которых ни разу не возвращался без положительных и эффективных результатов. 28 января 1945 г. еще раз со своей группой выполнил задачу по захвату пленного. Действуя в расположении пехоты, группа ворвалась в деревню, где были немцы, и завязала бой. В результате было уничтожено до 100 фашистов и 10 взято в плен».

За умелое руководство группой, за четкое выполнение задания и проявленную при этом смелость Энгиноев был удостоен ордена Славы I степени. С 10 апреля 1945 года он стал полным кавалером ордена Славы.

Дуда Энгиноев вывел свой взвод на первое место в роте, сделав его легендарным. Благодаря Энгиноеву, не только взвод, но и вся 125-я стрелковая дивизия стала знаменитой на весь Юго-Западный фронт. За умелое и отличное руководство взводом, личное мужество Энгиноев был награжден также орденом Красной Звезды. Нужно отметить, что командование дивизии представило Дуду Энгиноева к высшей награде – званию Героя Советского Союза. Правда, в графе «национальность» было написано «русский». В 1945 году ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

Интересен факт. Дуда Энгиноев получал разные степени ордена Славы под разными национальностями. Так, орден Славы 1-й степени он получил как чеченец, 2-й степени – как кабардинец, а 3-й – как русский.

Об этом свидетельствуют архивные материалы.

«ЭНГИНОЕВ ДУДА ЭДИЕВИЧ, 1919 г.р., кабардинец, младший лейтенант, командира взвода 165 отдельной разведывательной роты 125 СККД, в РККА с июня 1939 года. Призван Малгобекским РВК Чечено-Ингушской АССР. Номер записи в базе данных: 20940393. ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, ех. 90. «Энгиноев Дуда Эдиевич прибыл в разведроту в марте месяце 1944 года. С момента прибытия показал себя опытным разведчиком и хорошим организатором. Как лучшего разведчика его выдвинули на должность помощника командира взвода. Неоднократно с взводом выполнял все поставленные задачи, за что награжден орденами «Славы 3 и 2 степени». В октябре 1944 года как лучший младший командир был назначен на должность командира взвода. Работая командиром взвода, сумел сколотить свой взвод и подготовил его для выполнения любой поставленной задачи. Во время наступательных боев в мае месяце 1945 года взвод тов. Энгиноева выполнил все задания по разведке, поставленные командованием дивизии. Тов. Энгиноев сумел вывести свой взвод на первое место в роте. Этого тов. Энгиноев добился благодаря упорной работе со своими подчиненными и своим личным примером. За умелое выполнение боевых заданий и хорошее руководство взводом Энгиноев достоин пра-

вительственной награды – ордена «Красной Звезды». Командир роты капитан Степаненко. Младший лейтенант награжден орденом Красной Звезды».

ЭНГИНОЕВ ДУДА ЭДИЕВИЧ, 1919 г. р., чеченец, старший сержант, разведчик 165 отдельной разведывательной роты 125 СККД, в РККА с июня 1939 года. Призван Малгобекским РВК Чечено-Ингушской АССР.

Номер записи в базе данных: 30573247. ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, ех. 673. «Старший сержант Энгиноев прибыл в роту 2 апреля 1944 года. По прибытии в роту показал себя отличным разведчиком. Неоднократно участвовал в выполнении задания командования и давал ценные сведения о противнике. 9 апреля 1944 года вместе с группой выполнили задачу по захвату пленного. Скрытно добрались до переднего края противника, стремительным броском набросились на группу немцев. В рукопашном бою лично сам Энгиноев уничтожил до 3 немцев, забрав пулемет МГ-34 и документы, вернулись невредимыми. 17 апреля 1944 года группа смело и решительно вклинилась в оборону немцев, захватили пленного, дотащили до своего боевого охранения и пленный умер от ран. Разведчики, вытащив документы, доставили их командованию дивизии. Этим самым вскрыли прибывшую новую дивизию на нашем участке фронта. Поставленную задачу группа выполнила. За умелое ведение разведки и проявленную при этом отвагу и геройство старший сержант Энгиноев достоин правительственной награды ордена «Славы 3 степени». Командир роты ст. лейтенант Селезнев».

Старший сержант награжден орденом Славы 3 степени».

ЭНГИНОЕВ ДУДА ЭДИЕВИЧ, 1919 г. р., кабардинец, старший сержант, помощник командира взвода 165 отдельной разведывательной роты 125 СККД, в РККА с июня 1939 года. Призван Малгобекским РВК Чечено-Ингушской АССР. Номер записи в базе данных: 25617888. ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, ех. 3139. «Тов. Энгиноев за время пребывания разведроты неоднократно участвовал в разведывательных операциях и всегда с честью выполнял поставленную перед ним задачу. Тов. Энгиноев, будучи старшим разведгруппы, при преследовании противника 21 сентября 1944 года западнее города Роквери, обнаружил отступающую группу противника и навязала ей бой. В результате умелого и мужественного руководства разведгруппой, заставил противника сложить оружие. В результате этой операции было взято в плен 1200 солдат и офицеров противника, которых доставили в штаб Армии, за что получили благодарность от командования Армии. При овладении г. Таллин тов. Энгиноев со своей разведгруппой в числе первых ворвался в город и взял в плен до 50 солдат и офицеров противника. Тов. Энгиноев достоин ордена «Красной Звезды». Командир роты ст. лейтенант Адурюков. Старший сержант награжден орденом Славы 2 степени».

ЭНГИНОЕВ ДУДА ЭДИЕВИЧ, 1919 г. р., русский, старший сержант, командира взвода 165 отдельной разведывательной роты 125 СККД, в РККА с июня 1939 года. Призван Малгобекским РВК Чечено-Ингушской АССР.

Номер записи в базе данных: 46728696. ЦАМО, ф. 33, оп. 686046, ех. 35. «Старший сержант Энгиноев Дуда Эдиевич находится в разведывательной роте с апреля 1944 года. С первых дней прибытия в роту показал себя смелым и умелым разведчиком. Неоднократно участвовал в боевых операциях и всегда выполнял задания командования, за что награжден орденами Славы 3 и 2 степени и назначен на должность командира взвода. 24 января 1945 года лично сам водил группу по захвату пленного. Поставленную задачу группа выполнила добросовестно. 28 января 1945 года Энгиноев лично сам с группой выполнил задачу по захвату пленного. Действуя в расположении пехоты, ворвались в деревню, где были немцы и завязали бой. В результате боя уничтожено до 100 человек немцев и 10 человек взяли в плен. Поставленную задачу группа выполнила добросовестно. За умелое руководство группой, за добросовестное выполнение заданий и проявленную при этом смелость и решительность старший сержант Энгиноев достоин правительственной награды ордена «Славы 1 степени». Командир роты капитан Степаненко». Старший сержант награжден Орденом Славы 1 степени».

В 1946 году Д.Э. Энгиноев был демобилизован. Жил в селе Белек Сокулукского района Киргизской ССР. После восстановления Чечено-Ингушетии переехал в свое родное село Пседах Малгобекского района. Работал в военизированной охране. Скончался 22 октября 1979 года.

Список использованных источников и литературы

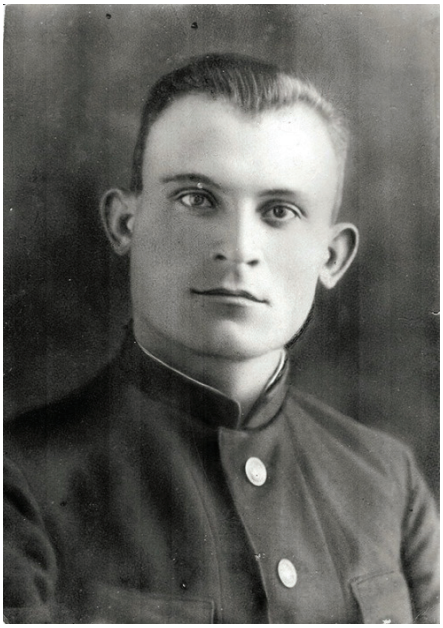
1. ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, ех. хр. 4.
2. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. – Грозный, 2015.
3. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-Ингушском. – Нальчик, 2004.
4. Золотые Звезды Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1985.
5. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1973.
6. Ибрагимов М., Хатуев И. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Грозный, 2005.
7. Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. – Грозный, 1988.
8. Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.
9. Герои Советской Чечено-Ингушетии: Сборник очерков и воспоминаний. – Грозный, 1965.
10. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1960.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 693. Л. 105.
12. Архив МО СССР. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 37. Л. 404.
13. Герои Советского Союза – наши земляки // Партархив Чеч.-Инг. обкома КПСС [Материал о 50 Героях Советского Союза, жизнь и работа которых связана с ЧИАССР]. – Грозный, 6 мая 1985.
14. Исаев Э.А. Чеченцы на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник АН ЧР, 2006. № 4.

РАЗДЕЛ 6.

ЧЕЧЕНЦЫ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг., ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Берсанова З.Х.-А.

АКАЕВ ДАША ИБРАГИМОВИЧ
(1910–1944)

В 2003 году в журнале «Дош» №1 за июль вышла статья бывшего руководителя поискового центра «Подвиг» Союза ветеранов Вооруженных Сил Степана Савельевича Кашурко «Возвращенное имя» о чеченском летчике – майоре Даше Акаеве. В этой статье впервые были даны обширные сведения о нашем земляке, которые до этого были недоступны чеченским историкам.

Даша Ибрагимович Акаев родился в селении Шалажи Грозненского округа (Урус-Мартановский район) Терской области 5 апреля 1910 года в семье воина легендарной Кавказской туземной кавалерийской конной (Дикой) дивизии Ибрагима Акаева.

Во время становления советской власти Ибрагим переселился в селение Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района. Здесь занялся сельским хо-

зяйством. Даша уговорил отца отпустить его на учебу в Ермоловскую школу-интернат, оттуда – в ФЗУ города Ростова.

Работал слесарем на заводе «Ростсельмаш», а в свободное время посещал аэроклуб, осваивал азы летного дела. В январе 1931 года он поступил в Первую объединенную школу пилотов ГВФ города Бийска. После ее окончания, в 1933 году, Д. Акаев получил назначение пилотом в Закавказскую сельхозавиацию, поближе к дому.

Как-то, выполняя сельскохозяйственные работы, Даша самовольно изменил маршрут, и на бреющем полете трижды пролетел над Закан-Юртом и, к великому удивлению переполошившихся жителей, посадил свою крылатую машину на краю родного села. Это было в августе 1933 года.

А в 1935 году Даша стал военным пилотом морской авиации. Его часть дислоцировалась в Ейске на берегу Азовского моря. Вскоре, благодаря знаменитым летчикам Водопьянову и Громову, Даша получил приглашение в Хабаровск. Так он стал летчиком авиаэскадрильи Амурской Краснознаменной военной флотилии и возглавил экипаж гидросамолета МБР-2 (морской бомбардировочный разведчик).

Когда началась Великая Отечественная война, старший лейтенант Акаев подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Однако командование Амурской Краснознаменной флотилии не хотело расставаться с опытным мастером дневных и ночных полетов, с мастером точной стрельбы и бомбометания. Его повысили в должности, назначили заместителем 3-й авиаэскадрильи.

Гитлеровские войска заняли Волоколамск, смертельная угроза нависла над Москвой. Заместитель командира авиаэскадрильи АКФ Даша Акаев настоятельно требовал отправки на фронт. Но каждый раз получал отказ.

«Здесь, на Дальнем Востоке, может вспыхнуть война, а вы не рядовой командир…» – ответили ему.

Акаев вспылил: «Согласен на разжалование, пошлите защищать Москву рядовым. Страна в опасности, а я отсиживаюсь здесь, в глубоком тылу, хожу по начальству, упрашиваю, унижаюсь. А ведь рожденный летать ползать не может».

Наконец, добился своего. Командование авиаэскадрильи и авиаполка Амурской Краснознаменной флотилии в последний раз, 24 января 1942 года, написало на Акаева аттестацию:

«Зам. командира ЗАЭ 117 АП АКФ старший лейтенант Даша Ибрагимович Акаев… Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. Умеет воспитывать в личном составе боевой дух. Однако в работе были случаи, когда из-за принципа выполнял не то, что ему прикажут. Имели место проявления недовольства по службе, заявил: «Переведите рядовым летчиком». Авторитетом пользуется, о подчиненных заботлив. В общественно-массовой работе участвует активно.

Летает уверенно днем, ночью и под колпаком, в облаках и за облаками.

За 1941 году имеет общий налет 122 часа 55 минут. Из них слепой – 9 часов 35 минут, ночной – 39 часов 47 минут, высотный – 5 часов 50 минут, маршрутный – 20 часов 54 минуты, в облаках – 4 часа 57 минут, в прожекторе – 1 час 50 минут. Летает на самолетах МБР-2, У-2. Способен пренебрегать личными выводами для пользы службы. Волевой, инициативный, смелый, решительный командир.

Выводы: Откомандировать в действующую армию для изучения опыта Отечественной войны.

Командир 117 авиаполка майор Мухин.
Военком 117 авиаполка ст. Политрук Салло.
24 января 1942 года»

В конце января 1942 года ст. лейтенант Акаев прибыл в распоряжение ВВС КБФ (Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского Флота), и с ходу включился в боевую обстановку. В феврале за 4 дня он произвел 12 боевых вылетов в ночное время на самолетах МБР-2 (морской бомбардировочный разведчик). За это он был представлен к награде орденом Красной Звезды, который был ему вручен 15 августа 1942 года.

Вот выписка из наградного листа: «Старший лейтенант Акаев, будучи прикомандированным с Дальнего Востока для приобретения опыта в ночных действиях самолетов МБР-2, с этой работой справился отлично, закрепив практическими успешными боевыми полетами.

2-го февраля 1942 года произвел три успешных боевых вылета, бомбоудар и штурмовку автомашин и живой силы противника. Отвечая дружным огнем своих пулеметов, экипаж заставил огневые точки прекратить обстрел».

Боевой опыт Акаева стал достоянием не только 58-й отдельной авиаэскадрильи, но и многих авиаподразделений ВВС Краснознаменного Балтийского флота. В конце сорок второго Даша Ибрагимович был приглашен на встречу командиров и офицеров ВВС КГФ для обмена мастерством бомбометания. Воспользовавшись авторитетной трибуной, он высказал свое личное неудовлетворение воевать с фашистами на таких тихоходных, фанерно-парусиновых гидросамолетах, как МБР-2. Мол, на них ворон пугать, и только.

«Дайте мне в руки штурвал мощного скоростного бомбардировщика, и тогда я с удовольствием поделюсь своим боевым опытом», – заявил он.

Боевые летчики поддержали Акаева. Восхищались смелостью его ударной критики. И удивительно, командование не обиделось, внимательно прислушалось к мнению Акаева. Тут же ему предложено было поехать в авиашколу, где переучивали летчиков летать на модернизированных ИЛ-2 –

двухместных одномоторных штурмовиках с крейсерской скоростью в 400–410 километров в час.

После освоения новой машины капитан Акаев получил назначение в 35-й штурмовой авиаполк 9 штурмовой авиационной дивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Он выработал и с успехом применил свой маневр при атаке цели, при выходе из нее и при сборе группы для новых ударов по вражеским железнодорожным станциям, эшелонам, кораблям и пристаням, передовым и тыловым позициям.

В сентябре 1943 года Акаеву присвоили внеочередное звание «майор» и назначили командиром 35-го штурмового авиаполка. Это было время подготовки наших сухопутных, морских и воздушных сил к решительному прорыву вражеской блокады Ленинграда.

Фронтовая газета «Летчик Балтики» писала: «Пример командира-штурмовика. Майор Даша Акаев в бою … Он скромен и, как истинно скромный воин, отважен и настойчив в бою. 14 января, пробивая туманы и облака, он вылетел в район Ропши штурмовать передний край немецкой обороны. Шесть атак провел он (Д. Акаев) и уничтожил немецкий танк, бронемашину, до двадцати солдат и офицеров. Вот факт, который говорит о многом: Ленинград пришли защищать люди из разных концов нашей необъятной страны – и из степей Украины, и с гор Чечено-Ингушетии, и из лесов Белоруссии, и с заводов Москвы …».

Наступление Красной Армии под Ленинградом, задуманное еще в сентябре 1943 года, готовилось тщательно. Советское командование решило осуществить его войсками Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Привлекались также Краснознаменный Балтийский фронт, его ВВС и авиация дальнего действия.

Ленинградский фронт и активно поддерживающая его авиация КБФ перешли в наступление 14 января 1944 года, 2-я ударная армия и ВВС КБФ нанесли мощный удар с Ораниенбауманского плацдарма в направлении на Ропшу – мощный опорный пункт противника. Завязались напряженные бои. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Борьба за каждый опорный пункт требовала огромных усилий и самопожертвования.

Проявляя чудеса храбрости и героизма, полк майора Акаева взламывал оборону фашистов. Командование дивизии за блестящее выполнение боевых заданий представило Д.И. Акаева к ордену «Александр Невский».

Немецкий аэродром близ эстонского города Раквере играл важную роль в обороне Ленинграда. В его задачу входило уничтожить город, а в случае прорыва блокады – перекрыть путь советским войскам на запад.

Даша Акаев написал письмо своей матери. Его письмо матери зачитывал молодой солдат. Это было 22 февраля. Солдат прочитал матери о том, что Даша воюет смело, защищает Родину, но каждый раз, перед вылетом,

думает о ней – о матери. И только эта мысль спасает его в войне. А спустя сутки этот же солдат вывел мать Даши Акаева из дома, как и всех других жителей села. Было это 23-е февраля 1944 года.

Даша Акаев узнал о насильственном выселении чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан по радиостанции. Он летел с боевого задания и, переключая волны, услышал на английской волне сообщение о том, что на Северном Кавказе проведена операция по выселению чеченцев и ингушей. Что случилось с матерью? Жива ли? Замучена? Эти вопросы не выходили из головы Даши.

Спустя некоторое время командир дивизии вызвал Дашу Акаева и сказал ему о том, что случилось и что от него требует командование. Приказано было выслать Дашу в Казахстан. Но командир нашел способ оставить Дашу.

Акаев был сам не свой. Его подчиненные это заметили. По ночам они слышали, как их отважный, смелый командир, который хладнокровно шел в любой воздушный бой, тяжко стонет и впервые в жизни плачет, уткнувшись в подушку.

План операции по уничтожению немецкого аэродрома подготовил майор Даша Акаев и 26 февраля 1944 года он вылетел в составе штурмовой группы на свое последнее задание. Неприступный аэродром стратегического назначения Раквере был стерт с лица земли ценой жизни майора Д. Акаева и его семи боевых товарищей. Оставшиеся в живых летчики видели, как самолет Акаева упал на аэродром.

Даша Акаев, (посмертно) представленный к званию Героя Советского Союза, был вычеркнут из списка как представитель насильственно выселенного народа.

Подвиг командира Акаева и всех, кто пал вместе с ним, обеспечив Советской Армии победоносное наступление на Берлин, предали забвению. «Пятая графа» Даши Акаева оказалась роковой не только для него, но и для всех, кто, не задумываясь, пошел за своим командиром в огонь: капитана А. Трохачева, лейтенанта К. Голикова, младших лейтенантов А. Логвинова, Н. Никулина, М. Новоселова, лейтенантов М. Онуфриенко и А. Шутько.

Блокада была разорвана. Так погиб отважный майор Даша Акаев 26 февраля 1944 г.

В книге адмирала В.Ф. Трибуца «Балтийцы наступают» (Калининградское книжное издательство, 1968 г.) есть информация о Даше Акаеве: «Смирившись с неизбежностью поражения, 21 января фашистское командование приняло решение разрушить порт Мемель и порты Данцигской бухты. 26 января армии генерала Баграмяна перешли в наступление на правом фланге и к исходу дня продвинулись вперед на 3–4 километра.

Активную помощь наступавшим войскам оказывали штурмовая авиация флота, железнодорожные артдивизионы и танковая рота морской пе-

хоты. Однако гитлеровцы крепко держались за Клайпеду. Несмотря на сильные снегопады, авиадивизии, базирующиеся на западных аэродромах, работали с полной отдачей. Летчики Герой Советского Союза капитан Акаев, старшие лейтенанты Чикунов, Глухарев, лейтенант Дорошников, младшие лейтенанты Иванов, Талдыкин делали по четыре вылета в день. Чтобы быстрее вернуться в бой, они помогали техническому составу на аэродромах обслуживать самолеты…».

Владимир Филиппович Трибуц (1900–1977): с апреля 1939 по 1943 годы командующий Балтийским флотом, депутат Верховного Совета СССР (1946–1950), доктор исторических наук (1970), автор более 50 военно-исторических трудов, в т.ч. нескольких книг-мемуаров. Книга «Балтийцы наступают» – одна из них. Из текста этой книги следует, что Даша Акаев был Героем Советского Союза, еще будучи капитаном, а погиб он в чине майора. Адмирал, командир Балтийского флота В.Ф. Трибуц должен был знать своих героев и в своей книге он называет Дашу Акаева Героем Советского Союза. Человек такого высокого военного ранга не мог говорить такие вещи безосновательно.

На сайтах Центрального Архива Министерства обороны России «Мемориал» и «Подвиг народа» нет представления Д. Акаева к званию Героя Советского Союза, но есть наградные листы к орденам Красной Звезды, Красного Знамени и медали «За оборону Ленинграда» (посмертно). Даша был представлен к ордену Александра Невского, но вместо этого его наградили орденом Красного Знамени.

В Санкт-Петербурге в промышленной зоне «Новоорловская» есть улица им. лётчика Д.И. Акаева. Именем отважного летчика названы улицы в гг. Грозный, Аргун и селениях Чеченской Республики.

Хатуев И.З.

АМАЕВ МАХМУД МУТИЕВИЧ
(1916–1943)

Амаев Махмуд Мутиевич – советский военнослужащий, снайпер, младший сержант. Участник Великой Отечественной войны, уничтожил 186 немецких солдат и офицеров. Дважды представлялся к званию Героя Советского Союза.

Родился в 1916 году в селении Химой Грозненского округа Терской области в семье чеченского земледельца.

После окончания трехклассной школы вступил в члены ВЛКСМ. В 1930-е годы – секретарь сельской комсомольской организации. С 1935 года, после окончания учительских курсов, работал учителем в начальной школе.

В начале Великой Отечественной войны пошёл на фронт снайпером. Служил в 87-м гвардейском стрелковом полку 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Обладал всеми качествами, необходимыми снайперу: умением метко стрелять, наблюдательностью, хладнокровием. Уничтожил 186 (по другим данным, 197) немецких солдат и офицеров. Согласно сообщениям фронтовой и центральной прессы, на ноябрь 1942 года уничтожил 117 солдат и офицеров противника. Работал в паре со снайпером Иваном Шмариным.

В Москве, на выставке «Комсомол в Отечественной войне», которая открылась в начале 1943 года, висела привлекающая внимание посетителей табличка «Личный счет снайпера-гвардейца, младшего сержанта Махмуда Амаева». В ней ежедневно отмечалось количество уничтоженных им фашистов.

О своих успехах Махмуд писал своим родным и близким: «Пусть знают моя 70-летняя мать и мои молодые братья, что ни одна пуля не уходит из моей винтовки зря. Она возвращается ко мне в виде зарубки-памяти об убитом фашисте. Я убил их 169 (пока дойдет это письмо, я увеличу счёт)».

В одном из писем сестре Махмуд пишет: «Петимат! Не переживай за меня, да и маму побереги. Никогда не убивал человека, но здесь я уничтожил 194 фашиста. Воспитывай своих сыновей мужественными, чтобы они могли совершать добро, а если понадобится, грудью встать на защиту Родины».

Проявляя мужество и отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками Махмуд Амаев всегда находился на передовых рубежах. Командование воинской части за боевые заслуги в битве с гитлеровцами подарило ему кинжал с надписью «Солнца врагу не погасить, а нас не победить!». Рабочие Тульского оружейного завода изготовили для отважного снайпера М. Амаева именную снайперскую винтовку.

Комадование полка и дивизии неоднократно готовили представление на звание Героя Советского Союза, но каждый раз на уровне командования фронта следовал отказ. За смелость и отвагу был награжден орденом «Красного Знамени» и медалью «За боевые заслуги».

Отважный снайпер из Волгограда Морозов за свои героические подвиги и уничтожение 180 фашистов заслуженно стал дважды Героем Советского Союза. Однако чеченцу Махмуду Амаеву за уничтожение 197 гитлеровцев вообще не дали Звезду Героя. Также обошли награды и другого чеченского снайпера – Ахмеда Магомаева из с. Самашки.

При выполнении очередного боевого задания командования 22 февраля 1943 года Амаев Махмуд погиб смертью храбрых. Похоронен в деревне Лукьянцево Гжатского района Смоленской области.

Хатуев И.З.

АЛИБЕКОВ САЙД-АХМЕД АХМЕДОВИЧ
(1910–1945)

Алибеков Сайд-Ахмед Ахмедович – чеченец, начальник уголовного розыска Гудермесской милиции, участник Великой Отечественной войны, гвардии старший лейтенант, командир разведвзвода 13-й отдельной разведывательной роты 95-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии 50-й армии 2-го Белорусского фронта.

Родился в 1910 году в г. Грозный Грозненского округа Терской области. В середине 20-х годов пришел на службу в органы внутренних дел.

Работая начальником уголовного розыска в Гудермесской милиции, он помог бежать человеку, необоснованно приговорённому к расстрелу, за что был осужден на 10 лет лишения свободы. Отбывал наказание в Комилаг.

После начала Великой Отечественной войны неоднократно подавал ходатайство о направлении на фронт в действующую армию. В сентябре 1942 года из Коми АССР был направлен на фронт добровольцем в штрафную роту. Как с искупившего свою вину с него была снята судимость, и он был переведён в обычную войсковую часть.

Алибеков Сайд-Ахмед был награждён следующими орденами: Орден Отечественной войны 2 степени – 15 октября 1943 год (орден № 32277); Орден Славы 3 степени – 21 декабря 1943 года; Орден Красной Звезды – 23 января 1944 года; Орден Красного Знамени – 8 марта 1944 года; Орден Красного Знамени – 30 октября 1944 года.

За мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими войсками, ему были присвоены внеочередные воинские звания: младший лейтенант – 13 февраля 1944 года; лейтенант – 2 апреля 1944 года; старший лейтенант – 7 ноября 1944 года.

О героизме С.-А. Алибекова говорят сухие строки документов из архивов: «С начала пребывания в должности командира взвода разведки образцово поставил разведку 222-го стрелкового полка. Под его непосредственным руководством в июле 1943 г. взят 1 пленный обер-лейтенант, в ночь с 23 на 24.11.43 г. захвачен 2-й пленный немецкий унтер-офицер и в ночь с 17 на 18.12.43 г. снова взят унтер-офицер противника. С 6 на 7.01.44 г. им организован поиск, во время которого захвачен в плен немецкий солдат. В ночь с 4 на 5.02.44 г. также захвачен обер-лейтенант противника. Накануне 23-й годовщины Красной Армии в ночь с 22 по 23 февраля 1944 г. младший лейтенант со своим взводом проник через проволочное заграждение противника в расположение его траншей и завязал бой с находившимися там немцами. В этом бою было уничтожено 15 солдат, пулемет с расчетом и блиндаж с солдатами. Захватили в плен унтер-офицера. Во время боя противник открыл ураганный автоматно-пулемётный огонь по разведчикам. Тогда Алибеков приказал группе своих разведчиков уходить и прикрыл группу, позволив увести пленного офицера. Задание было выполнено с честью».

Важное значение имеют документальные материалы из архива Министерства обороны, которые характеризуют нашего земляка:

«АЛИБЕКОВ САИД АХМЕДОВИЧ, 1910 г.р. Призван в Красную Армию в 1942 г. Кожвинским РВК, Коми АССР, Кожвинский р-н. Чеченец. Гвардии лейтенант, командир взвода 13-й отдельной разведывательной роты, 95-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии.

Представляется к правительственной награде – «Героя Советского Союза». «Гвардии лейтенант Алибеков, командуя взводом 13 отдельной разведроты, 95 стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии, является умелым офицером-разведчиком. Тов. Алибеков неоднократно ходил в тыл противника, приносил ценные данные о противнике, которые давали возможность командованию наносить удар по противнику с меньшими потерями своих войск.

С 17 на 18 августа 1944 г. тов. Алибеков с группой разведчиков, в количестве 9 человек и рацией, в районе Гженды Белостокской области форсировал Вожна-Вейслы канал и реку Лега, ушел с указанной группой в тыл противника. Во время форсирования канала и реки группа была обнаружена обороняющимся противником, но тов. Алибеков, приняв бой, уничтожил 18 солдат противника, сделал ложный отход и, изменив маршрут, провел группу в тыл противника без потерь. Группа под руководством тов. Алибекова в тылу противника находилась 8 дней и углубилась в тыл до 50 км., тщательно разведав оборонительные сооружения и сосредоточения войск и

техники противника в районах: Граево, Руда, Родзилув. Несмотря на исключительные трудности ведения разведки этих районов тов. Алибеков два раза в сутки информировал по радио о результатах разведки, этим самым своевременно докладывал командованию о передвижении пехоты и техники противника. Тов. Алибеков тщательно разведал и вскрыл организованную оборонительную систему на рубеже Граево, Родзилув, состоящую из нескольких линий траншей, разведал до 10 складов с боеприпасами и продовольствием. В лесах южнее Руда обнаружил большое скопление пехоты и техники противника. Тов. Алибеков выполнил приказ командующего 50-ой Армии и вернулся из тыла противника без потерь, принеся данные о противнике.

Тов. Алибеков С.А. достоин присвоения звания «Героя Советского Союза».

Командующий войсками 50 армии генерал-полковник Болдин. Член Военного Совета гвардии генерал-майор Карамышев. 20 сентября 1944 г.

Награжден пр. 50 армии п. 0470 от 30.10. 44 г. орденом «Красного Знамени». Отряд отдельного корпуса 50-й армии майор Моджик. (ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 3087).

В результате журналистского расследования, проведенного Г. Лакаевым, и благодаря имеющимся документам (справка НКО воинской части № 25706 от 25 июля 1943 года за подписью начальника штаба части о том, «что Алибеков С.-А. является разведчиком и пользуется льготами согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 г.» и др.) стало известно, что Саид-Ахмед Алибеков, уроженец г. Гудермес, в январе 1944 года был представлен к званию Героя Советского Союза. Об этом и сам разведчик говорил во время своего визита в Гудермес в конце января 1944 года. Как сообщил в 2005 году глава администрации Гудермесского района на имя Президента Чеченской Республики в своем обращении, «в первых числах февраля 1944 он (С.-А. Алибеков. – *И.Х.*) попрощался с земляками и убыл, пообещав вернуться домой уже в ранге дважды Героя Советского Союза». После этого произошли известные трагические события февраля 1944 года. А о Саид-Ахмеде его родственникам в далекий Казахстан просочилась информация, что он участвовал в штурме Берлина в 1945 году. После этого следы героя теряются. Кстати, когда он приезжал в последний раз на Родину, он уже имел награды. Имеется военная фотография Алибекова, где на груди воина видны 2 ордена и 3 медали.

Дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но оба раза его кандидатура отклонялась.

Приказом по 95-ой стрелковой дивизии № 0131 от 13 июня 1945 года был исключён из списков личного состава дивизии по причине невозвращения из отпуска 31 декабря 1944 года.

Судьба Алибекова С.-А., Героя из Чеченской Республики, остается неизвестной до сих пор.

Берсанова З.Х.-А.

АЛИЕВ ВАХА АМИРОВИЧ
(1924–1979)

Ваха Амирович Алиев родился в 1927 году в селении Чечен-Аул. Правда, официальная дата его рождения – 1924 год. Еще до войны Ваха добавил себе возраст, чтобы поступить в медицинское училище в Грозном.

На фронт Ваха ушел четырнадцатилетним подростком. Сначала он служил в 255-м отдельном кавалерийском полку Мовлида Висаитова. В составе этого полка Ваха участвовал в исторической битве за Сталинград.

Как известно, после Сталинградской битвы ряды этого полка настолько поредели, что командование решило, что его нужно расформировать.

Фронтовые дороги бывших однополчан разошлись. Ваха Алиев попал в 3-й гвардейский Сталинградский Механизированный корпус. В составе этого корпуса он участвовал в Курской битве.

Дальше была важнейшая операция советских войск по форсированию Днепра. Ваха был одним из первых, кто перебрался на противоположный берег.

Но здесь случилось непредвиденное. Один из высших чинов собрал воинов из разных частей и сообщил: «У нас ранен генерал. Он может не дожить до утра. Поэтому нужно срочно переправить его обратно, на тот берег. Есть среди вас добровольцы?»

– Я! – не мешкая произнес Ваха, выходя из строя.

Тут его одернул земляк Бациев Хамид из Урус-Мартана: «Зачем тебе это надо? Здесь есть постарше тебя».

«Если бы кто-нибудь раньше меня вызвался, у меня разрыв сердца случился бы!» – ответил Ваха.

Раненого генерала тут же уложили в лодку, подстелив плащпалатку, сверху зафиксировали доски, на которых расположился Ваха с веслами. Ваху тоже прикрыли досками, чтобы максимально уберечь от немецких пуль. Когда лодка доплыла примерно до середины Днепра, начался бешеный обстрел со стороны немцев. Лодку начало бросать из стороны в сторону. И тогда Ваха выкинул в воду все доски и стал отчаянно грести.

На противоположном берегу, куда обессилевшему Вахе вместе с раненым генералом чудом удалось добраться, весь плацдарм был усыпан войсками, техникой, готовящимися к форсированию реки. Стрелять строго запрещалось. Но у Вахи не было иного выхода, и он дважды выстрелил в воздух. К нему тут же подбежали, и он объяснил ситуацию. Как выяснилось, в ходе переправы генерала ранило еще раз. В лодке появилась пробоина, которую генерал затыкал плащпалаткой.

Командование следило за этой переправой из бинокля. Конечно, мужественное поведение сына полка не ускользнуло из их поля зрения. С тех пор они взяли парня на заметку.

По некоторым данным, спасенный Вахой генерал был личным другом Рокоссовского. Они вместе отбывали срок до войны, попав под жернова сталинских репрессий.

Как отличившийся в боях на плацдарме у реки Днепр под городом Канев Ваха Алиев был принят в кандидаты в ВКП (б). За эти же бои он был дважды представлен к наградам – Ордену Отечественной войны и Ордену Красной Звезды.

Ваха участвовал в боях за освобождение Белоруссии. Освобождали Молодечно, Хатынь. И везде Ваха был на передовой.

Н.П. Шпурик, сослуживцев Вахи вспоминал: «Познакомился я с Вахой Амировичем в Тульских лагерях, где комплектовались воинские части, в апреле 1944 года – до отправки на фронт в Белоруссию, под Витебск. Мы жили вместе в одной землянке, в которой находились примерно 7–8 офицеров. В июне наш полк вместе с другими частями, погрузившись в эшелоны, был направлен на 3-й Белорусский фронт.

Ваха был очень хорошим товарищем во всех отношениях. Даже после несчастного случая, который произошел в нашей землянке, я относился к нему с уважением, хотя мы и были разной национальности и разного темперамента.

А дело было так. После занятий по стрельбе мы пришли в землянку и начали чистить оружие.

Вдруг раздался выстрел. Этим выстрелом лейтенанту Олейникову была прострелена нога у пяточной кости. Выстрел был из пистолета Вахи. Он сидел рядом с Олейниковым и чистил оружие.

Олейников к Вахе никаких претензий не предъявил, и они не ругались, не упрекали друг друга. Хотя рана оказалась довольно серьезной. Костя Олейников лечился в течение месяца. Затем вернулся в часть и воевал до самой победы».

Так, невзирая на обиды, неурядицы и недоразумения, росло и крепло фронтовое братство тех, кого судьба свела на нелегких дорогах войны. Ваха, как и многие другие, не щадил своих сил, чтобы хоть на миг приблизить час Победы. И до него, казалось, оставалось так мало по сравнению с тем, сколько было пройдено, когда дошла до фронта нелепая по своей сути и чудовищная по несправедливости весть: чечено-ингушский народ депортирован «за сотрудничество с фашистами».

Ваха узнал об этом из письма брата Шарпуддина, который рассказывал о выселении, о погибших родственниках.

Эта вопиющая несправедливость заставила Ваху написать гневное письмо И.В. Сталину: «...Мы служили Родине верой и правдой, не жалея жизни во имя победы. Тысячи моих земляков остались лежать на полях сражений от Бреста до Сталинграда, а Вы назвали нас предателями. Мой народ никогда не простит Вам этого!

В то время, пока мы погибали за Родину, Вы расправились с нашими матерями и сестрами, не пощадили даже стариков и детей…»

Наверное, зная, что ожидает его за это письмо, Ваха не стал ни с кем делиться, чтобы не подвергать опасности боевых друзей.

Объявление командира взвода, заслуживавшего всяческих наград, врагом народа и его арест стали для всех полной неожиданностью.

«Было это в Белоруссии. Перед началом боевых действий проводилось собрание коммунистов, офицеров, – вспоминал Н.П. Шпурик. – Собрание проводилось прямо в окопах. И вдруг, прямо во время собрания, работник особого отдела (СМЕРШ), не помню его фамилии, арестовывает Ваху и уводит. Сначала мы думали, что его взяли за тот злополучный выстрел в Олейникова. И лишь спустя месяц я узнал, что его нация репрессирована. А Ваха объявлен врагом народа. Даже после этого ареста мы, офицеры, не верили, что Ваха – враг народа».

Ваха был приговорен к расстрелу по статье ИР (измена Родине). Командир полка Барвинский хлопотал перед отделом контрразведки, чтобы спасти жизнь В. Алиеву. Замначальника этого отдела майор Кузнецов, старший следователь капитан Спирин срочно подготовили документы, по которым Ваха проходил как враг народа. В этом случае у него был шанс избежать расстрела. Но Ваха категорически отказывался подписать эти бумаги: не хотел признавать себя врагом народа.

– Подпиши, сынок! Только живи! – добивались от него Кузнецов и Спирин.

Но Ваха был непреклонен.

«И тогда Спирин обратился с тем же вопросом к другому допрашиваемому в моем присутствии, и, когда этот человек во второй раз отказался признать себя виновным, капитан подал команду старшине Волкову: «По изменнику Родины – огонь!»

25 июля 1944 года по материалам, выдуманными Спириным и принятыми мной на себя, я был осужден», – рассказывал Ваха в письме на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова. (А.К. Соколов, В.С. Тяжельникова. Курс советской истории 1941–1991. – М.: Изд-во «Высшая школа». 1999 г. – С. 93)

Ваха был приговорен к пожизненному сроку без права переписки. Работа на каторге была тяжелой. При этом почти не кормили. Ваха был опухший от голода, еле передвигался на ногах. К тому же, сказывались раны, полученные на фронте (с осколком в теле, который нельзя было извлечь, он так и прожил до конца своих дней). Казалось, дни его были сочтены. Но, к счастью, в это время представители лагерного начальства ходили по баракам, искали людей с медицинским образованием. По этапу прибывало все больше и больше заключенных, а медперсонала для их обследования не хватало.

Ваха должен был подняться на 4 этаж, куда его пригласили для собеседования. Это было для него непреодолимой преградой. По воспоминаниям Вахи, на лестницу в 4–5 ступенек он поднимался несколько часов – настолько он был ослабший.

К счастью, его вскоре накормили, дали одежду, поселили в отдельном домике. Работая фельдшером, Ваха старался помогать заключенным – отправлял в госпиталь, чтобы человек мог отдохнуть, обессилевшим давал справки, освобождающие на несколько дней от работы.

В 1953 году смерть тирана вселила в заключенных веру в скорейшее освобождение. Однополчане Вахи, которые не забывали о нем, стали хлопотать об его освобождении. Они писали письма во все высшие инстанции, рассказывая о боевых подвигах Вахи, доказывая, что он не заслуживал столь сурового наказания.

В 1954 году Ваха был освобожден. Он поехал в Киргизию, куда были депортированы его родственники. Отец Вахи Амир умер за два года до возвращения сына.

После встречи с родственниками бывший сын полка первым делом стал разыскивать своих однополчан. Некоторых из них удалось найти сразу. А полковника Николая Гипича Ваха разыскивал 34 года! Увидел его совершенно случайно в Волгограде на встрече ветеранов. Гипич, оказывается, проживал совсем недалеко от Грозного – в Краснодаре. Здесь же, в Красно-

даре, жил и другой их однополчанин – генерал Манжура. Николай с Вахой часто стали навещать его.

«Ни на минуту не забывал папа своих однополчан, с кем в дни военного лихолетья делил кусок хлеба и промерзший пол в сыром окопе, – вспоминает дочь Вахи – Зарета. – Страна готовилась отметить 35-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Отец жил ожиданием встречи с боевыми товарищами. Тогда мне не хотелось ехать. Но отец настаивал, уверяя меня, подростка, что это будет самое яркое событие в его и моей жизни. Его слова оказались пророческими. Никогда не забыть его волнение на перроне Минского вокзала, затем в г. Молодечно, где проходили главные торжества. Папа очень переживал, узнают ли его однополчане через 35 лет, ведь тогда он был совсем юным, безусым бойцом, самым маленьким в полку, а теперь – пятидесятилетний седоволосый человек, время от времени подправляющий седые усы. В центре города перед гостиницей стояли ветераны, сверкая наградами, не стыдясь своих слез. Когда до этой многочисленной толпы оставалось 100 метров, из нее выбежали несколько человек с криками: «Володя!» (Так его называли в родном полку). Опасения отца оказались напрасными – даже седым и усатым его узнали».

После возвращения на Родину Ваха окончил медицинский институт в городе Орджоникидзе (ныне – г. Владикавказ), работал врачом. Один из сыновей Вахи – Тимур – пошел по стопам отца, стал хирургом, окончив тот же вуз, что и его отец. Брат Вахи Шарпуддин Алиев тоже посвятил себя медицине. Он первым из чеченцев стал доктором медицинских наук.

Ваха с нетерпением ждал новой встречи с однополчанами. Встреча 1980 года в честь 35-летия Великой Победы должна была быть особенной. Но Вахе Алиеву не суждено было дожить до этого дня. Сказались фронтовые раны и тяжелые годы, проведенные на каторге. Осенью 1979 года Вахи не стало.

23 февраля 2020 года в городе Грозном прошла торжественная церемония переименования улицы Заветы Ильича в честь Вахи Алиева. На церемонии Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров отметил, что поступок юного солдата должен стать настоящим примером мужества для подрастающего поколения.

Хатуев И.З.

АРСЛАНГЕРЕЕВ ИЛЬЯС АКБУЛАТОВИЧ
(1922–1943)

Арслангереев Ильяс Акбулатович – чеченец. Младший сержант 3-й роты 1-го батальона 224-го стрелкового полка 162-й стрелковой дивизии.

17 июля 1942 года взвод из 18 пограничников, куда входил Арслангереев, повторил подвиг Панфиловцев. Они задержали и разбили немцев у д. Самодуровка Курской области. Взвод под командованием лейтенанта Романовского неоднократно переходил врукопашную, даже раненые продолжали воевать. Вместе с командиром лейтенантом Романовским пограничники геройски погибли, но не пропустили врага в тыл 224-го стрелкового полка.

После боя были обнаружены 18 погибших бойцов и вокруг них – 83 мертвых гитлеровца. Арслангереев был представлен к званию Героя Советского Союза, но наградили орденом Отечественной войны I ст. (посмертно).

Арслангереев Ильяс Акбулатович родился в с. Османюрт Хасавюртовского района в 1922 году. Призван в Красную Армию Хасавюртовским ГВК в 1939 году.

Многие участники Великой Отечественной войны из чеченцев не получили награду или звание из-за принадлежности к репрессированному народу. С героем этой публикации дело обстояло совсем иначе...

За всю историю Великой Отечественной известны лишь три эпизода, когда Золотой Звездой награждали целые группы. Подвиг под Курском,

участником которого стал и чеченец Ильяс Арслангереев (уроженец селения Османюрт Хасавюртовского района Дагестанской АССР), мог бы стать четвертым подобным эпизодом – в июле 1943 на Курской дуге взвод из 18 пограничников повторил подвиг Панфиловцев под Москвой (все участники того подвига получили Золотые звезды Героя).

Так, в разгар боя на Курском направлении под селом Самодуровка взвод 3-ей роты 1-го батальона 224-го стрелкового полка 162-ой стрелковой дивизии получил задачу обеспечить фланг наступающей части. Захватив господствующую высоту, пограничники преградили путь более 200 солдатам вермахта и вступили с ними в неравный бой. Взвод – само воплощение дружбы народов. В нем служили русские, украинцы, узбек, чеченец, азербайджанец, татарин, казах и мордвин – воины восьми национальностей, и немцы уперлись в них, как в Брестскую крепость.

Несмотря на более чем десятикратное превосходство противника, пограничники, многие из которых были ранены, не дрогнули. В полном окружении они до последнего удерживали рубеж, и когда кончились боеприпасы, бросились врукопашную. Они врывались в окопы и расстреливали врага в упор, разили штыком, били лопатой. Ошеломленные дерзостью фашисты пытались сбежать или укрыться, но герои настигали их и уничтожали. Несколько часов длился этот жестокий и жаркий бой. Позже на месте боя было насчитано более 80 убитых фашистов. Все пограничники погибли геройски. Смерть застигла их в позах, свидетельствовавших об ожесточенном сопротивлении, многие были перебинтованы по нескольку раз.

Это не художественная выдумка, а быль, подтвержденная документально подписями высоких армейских командиров. Однако эти солдаты не стали легендой Великой Отечественной, несмотря на то, что газеты назвали их «курскими панфиловцами», и все 18 бойцов во главе с их взводным Романовским были представлены (посмертно) к званию Героя Советского Союза. Ни один из них этого звания не получил. Где-то в высоких кабинетах решили, что им достаточно и орденов Отечественной войны 1 степени.

Внимательно вчитаемся в краткое описание личного боевого подвига из архивных документов:

«В разгар июльских наступательных действий, когда враг любой ценой пытался прорваться к Курску, полк имел задачу занять оборону у села Теплое. Взводу лейтенанта Романовского было приказано прикрыть правый фланг для перегруппировки 1-го стрелкового батальона с выходом его к селу Самодуровка.

Немцы, используя малочисленность нашего прикрытия, выгоду рельефа, маскируясь во ржи, подтянули против взвода в 10 бойцов до 200 автоматчиков. Разгадав замысел противника, лейтенант Романовский вступил в неравный бой. Каждый боец шел на сближение с врагом в рукопашном бою.

Немцы попятились, пытались сражаться, но герои продолжали настигать и уничтожать их. Ряды гитлеровцев редели, горы немецких трупов вырастали с каждой минутой. На месте этого рукопашного боя было насчитано 83 вражеских трупа. Романовский и все 10 бойцов погибли в неравном бою, выполнив приказ и не отступив ни на шаг.

Утверждено: Комполка (подпись)
Ком. дивизии (подпись)
Ком. Армией (подпись)

Отказано в штабе фронта.

Принятое решение:
Наградить орденом Отечественной войны 1 степени».

А это строки из наградного листа Ильяса Арслангереева:

«АРСЛАНГЕРЕЕВ ИЛЬЯС АКБУЛАТОВИЧ, 1922 г.р., чеченец, младший сержант, в РККА с 1940 года. Призван Хасавюртовским РВК, уроженец с. Османюрт. Номер записи в базе данных: 18994584. ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, ех. 900.

«В разгар июльских наступательных боев, когда враг любой ценой пытался прорваться к Курску, полк имел задачу занять высоту у села Теплое. Взводу лейтенанта Романовского было приказано перекрыть правый фланг для перегруппировки 1-го стрелкового батальона с выходом его к селу Самодуровка. Немцы, воспользовавшись малочисленностью нашего прикрытия, подтянули против взвода из 18 человек 200 автоматчиков, и, пользуясь выгодной позицией, они, прячась во ржи, постепенно окружили наш взвод. Разгадав замысел врага, Романовский вступил в неравный бой. Каждый боец твердо шел на сближение с врагом, врывался в окопы, расстреливал в упор, разил штыком, бил лопатой. Немцы попятились, пытались окопаться, но герои продолжали настигать и уничтожать их. Ряды гитлеровцев редели. Горы немецких трупов вырастали с каждой минутой. На месте этого огневого и рукопашного боя было насчитано 84 вражеских трупов. Романовский и все 18 героев-бойцов погибли, но не отступили ни шагу. Приказ командования был выполнен с честью. ***Представляю тов. Арслангереева к званию Героя Советского Союза (посмертно).***

Командир 224-го Памирского стрелкового полка полковник Сурженко.

Командир 162-й Памирской стрелковой дивизии генерал-майор Сенчило.

Командир 19-го стрелкового корпуса генерал-майор Самарский.

Командарм 70-й армии генерал-майор Шарапов.

Член Военного Совета Армии генерал-майор Совков. 26.09.1943 года».

Младший сержант награжден орденом Отечественной войны I степени».

Что же касается некоторых неточностей в количестве участников этого драматического боя, то необходимо считать, что во взводе лейтенанта Романовского действительно было 18 пограничников. Это из важных эпизодов Великой Отечественной войны в период Курской битвы должно быть записано золотыми буквами в историю. Эти молодые люди пошли на самопожертвование ради защиты своего родного Отечества.

Арслангереев Ильяс Акбулатович погиб 17 июля 1943 года.

Похоронен вместе со своими однополчанами в братской могиле в с. Теплое (с. Бобрик) Черемисиновского района Курской области.

Берсанова З.Х.-А.

АППАЗОВ РАМЗАН АППАЗОВИЧ
(1926–1999)

Рамзан Аппазов родился в селении Элистанжи Веденского района в 1926 году. В 1940 году после окончания семилетки он уехал в Грозный, чтобы поступить на учебу или работу. В столице его приняли в школу ФЗУ завода «Красный молот», где он работал и заодно получал образование.

В июне 1941 года Рамзан закончил учебу, получив специальность машиностроителя. Через несколько дней началась война. Рамзан сразу же принял решение отправиться на фронт. Но не сразу ему удалось это сделать. В военкомате его и слушать не стали – Рамзану едва исполнилось четырнадцать лет. Но он не сдавался. Сделал справку в сельсовете, добавив себе три года, обивая пороги райкома, обкома ВЛКСМ, получил необходимые рекомендации.

Направили Аппазова на Черноморский флот. Он попал в Первый полк морской пехоты 2-го батальона на катер имени XVII партсъезда.

В роли матроса-пулеметчика Рамзан участвовал в обороне Одессы. Известно, что после медали «За оборону Москвы» была учреждена медаль «За оборону Одессы». Рамзан был удостоен этой награды за храбрость и героизм.

Служа в полковой разведке, он брал «языки», нападал на вражеские батареи, совершал дерзкие налеты на врага, зачастую выполняя с товарищами очень трудные и опасные задачи.

Затем были жестокие, изнурительные бои за город Севастополь. Рамзан участвовал в этих боях в составе морской пехоты.

В январе 1942 года его назначили помощником взвода пешей разведки 3-го морского пехотного полка.

В мае 1942 года Рамзан был ранен, попал в госпиталь. Меньше чем через месяц он снова был в строю. Еще шли бои за Севастополь. Рамзан в составе пулеметной роты защищал одну из высот на подступах к городу. В течение двенадцати дней непрерывных боев горстка солдат сдерживала огромные силы немцев на Сапун-Горе. За эти дни фашисты так и не смогли продвинуться к городу. В живых осталось трое бойцов. Среди них – Рамзан Аппазов.

По приказу командования они отошли от позиций и закрепились возле Ялтинского Балаклавского шоссе. Здесь он случайно встретился со своим другом Сашей Вороной, которого потерял во время обороны Одессы. Вместе с ним вошли в состав 1-й батареи 9-й бригады и стали отходить к 35-й батарее. В течение нескольких суток вели упорные бои против гитлеровцев, пытавшихся захватить 39-ю батарею.

Между тем, резервы защитников города таяли, кончались снаряды, патроны, гранаты. 3 июля Рамзан получил тяжелое ранение. А 4 июля 1942 г. советские войска оставили Севастополь.

После излечения, с декабря 1942-го по сентябрь 1943-го года, Рамзан участвовал в боях под Новороссийском – на знаменитой Малой Земле.

Как известно, политруком 18-й армии, защищавшей Новороссийск, был Леонид Ильич Брежнев. В 1964 году Л.И. Брежнев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. А в 1980-е годы появились мемуары бывшего политрука о тех событиях на Малой Земле.

Советское командование планировало две операции против кавказской группировки немецко-фашистских войск, целью которых было овладение Краснодаром и Новороссийском.

Юго-западнее Новороссийска планировался десант с дальнейшим направлением удара севернее его до соединения с частями, наступавшими со стороны перевалов Маркотх и Неберджаевский.

Одновременно на самой окраине Новороссийска, в пригородном поселке Станичка, должен был высадиться небольшой отвлекающий десант в составе штурмового батальона моряков-добровольцев под командованием майора Ц.Л. Куникова. Штурмовики должны были произвести переполох, обратить на себя внимание, оттянуть силы противника, посеять панику, дезориентировать немецкое командование, а далее либо прорываться на соединение с основными силами, либо попытаться эвакуироваться.

Отбор в батальон Куникова был очень строгим, бойцы проходили усиленную подготовку к морскому десантированию на специально оборудованном полигоне. Таким образом, батальон Куникова был первым специализи-

рованным «рейнджерским» подразделением в советской морской пехоте. «В первую группу, названную отрядом особого назначения, брали только добровольцев, и только таких, кто уже проявил героизм», – пишет Л.И. Брежнев в своих мемуарах.

В числе прошедших этот тщательный отбор был и пятнадцатилетний матрос-юнга Рамзан Аппазов. За участие в этой операции он получил медаль «За оборону Кавказа».

В марте 1943-го Рамзан попал в госпиталь с тяжелым ранением.

После госпиталя Рамзан вернулся в свою часть и участвовал в операции по освобождению Крыма, которая вошла в историю под названием Керченско-Эльтигенская. Историки назвали ее одной из самых масштабных десантных операций в ходе всей Великой Отечественной войны!

План операции предполагал стремительный захват пунктов высадки на побережье. Из батальона имени Куникова была отобрана группа бывалых десантников. Среди них – и Рамзан Аппазов.

После высадки в районе Эльтигена десантники вели тяжелый, неравный бой с фашистами. Боеприпасы были на исходе. Был приказ командования фронта оставить занятый плацдарм и пробиваться в район Керчи, чтобы соединиться с главными силами Отдельной Приморской армии.

Тот же приказ предписывал оставлять раненых. Те из них, кто в состоянии был идти, ушли в прорыв вместе с другими. Рамзан был тяжело ранен в голову, грудь и ногу. Он весь истекал кровью.

Все, кто способен был держать в руках оружие, стреляли по врагам, прикрывая отход десантников. Когда фашисты захватили плацдарм, они зверски расправлялись с ранеными.

Советское командование еще до полной оккупации Эльтигена фашистами послало несколько катеров, которым удалось прорваться к поселку и эвакуировать раненых коммунистов. Рамзан был беспартийным.

На родину героя полетела похоронка.

Рамзан чудом оказался среди коммунистов, которых эвакуировали с полуострова. Он лечился в госпитале в городе Тамани, потом – в Сухуми.

Врачам в очередной раз удалось отвести от него смерть.

Как только встал на ноги, юноша попросил немедленно отправить его на фронт. Но врачи выдали заключение, что он не пригоден для военной службы. Эту бумажку юноша превратил в мелкие кусочки. С трудом добрался до фронта. Но слабое состояние его здоровья было настолько очевидным, что на боевые корабли его уже не допустили. Определили в дивизионную разведку. Но вскоре Рамзан выбыл по ранению. Едва встав на ноги, опять вернулся в часть.

В конце февраля 1944 года его чуть не сняли с фронта в связи с депортацией. По совету своего командира, Рамзан выдал себя за осетина, чтобы остаться на фронте.

В марте 1944 года Р. Аппазов был временно исполняющим обязанности командира отряда. Шли бои за освобождение Крыма и Одессы.

В конце марта в штаб армии поступила телефонограмма: «При выполнении боевого задания временно исполняющий обязанности командира отряда был тяжело ранен и погиб. Достать его труп не было никакой возможности».

Но в мае 1944-го Рамзан Аппазов снова появился на фронте. Теперь уже в роли пулеметчика 39-го полка 2-го батальона 318-й дивизии. Шли бои за город Севастополь.

7 мая начался генеральный штурм укреплённого района противника по всему фронту. Главный удар наносился на участке Сапун-гора – высота Горная. Этот участок являлся и самым укреплённым. Потому и бой за Сапун-гору был особенно ожесточенным. В том бою Рамзан получил тяжелое ранение и попал в госпиталь. Это было 8 мая 1944 года. На следующий день – 9 мая 1944 года – Севастополь был полностью освобожден от фашистов.

В составе 163-й стрелковой Ромненско-Киевской дивизии Рамзан Аппазов освобождал страны Восточной Европы – Румынию, Венгрию, Чехословакию и Германию.

Когда дивизия с боями дошла до Карпат, пришлось менять тактику войны. Наиболее способным в горных условиях оказался штурмовой отряд, в который входили морпехи, среди них – и Рамзан Аппазов. Штурмовые отряды преодолели горные кряжи, захватывали перевалы, прокладывая путь основным силам.

Полки дивизии, перевалив через взятую высоту, ворвались в город Турда (Румыния). Со стороны противника яростно строчил один пулемет. Много скосил он наших солдат. И тогда командир поставил задачу: уничтожить эту огневую точку. Осуществить операцию взялся самый молодой из бойцов – Рамзан Аппазов. С ним вызвался идти Александр Ворона.

Под непрерывным обстрелом, ползком, они пробрались в глубокий тыл врага и закидали гранатами объект. В их сторону застрочили фашистские пулеметы.

15 сентября Рамзан получил тяжелое ранение. Опять госпиталь. Через месяц Рамзан вернулся в строй. В октябре снова получил ранение.

Накануне Великой победы в апреле 1945 года Рамзан был ранен в голову. К счастью, удалось выжить и встретить День Победы. За годы войны он был ранен девять раз, перенес четыре сложнейшие операции.

За свои подвиги Рамзан Аппазов был награжден тремя Орденами Славы (это приравнивалось к званию Героя Советского Союза). Известно, что из всех кавалеров Ордена Славы трех степеней в годы Великой Отечественной войны моложе Рамзана был только знаменитый Ваня Кузнецов, да и то всего лишь на полгода!

После окончания Великой Отечественной войны Р. Аппазов был отправлен в Казахстан на воссоединение с родственниками. Вернулся он в 1998 году в родное село с семьей, где хотел построить дом на земле своих предков. Но его мечту прервала начавшаяся в 1999 году вторая чеченская военная кампания.

7 октября 1999 года Рамзан, возвращаясь с поминок, остановился с молодыми людьми около сельской средней школы. Он недолго беседовал с ними о последних событиях в республике, как внезапно появились два военных самолета и начали интенсивную бомбардировку села. Рамзан оказался в числе тяжелораненых, ему оторвало правую руку, ступню ноги.

В свои последние минуты жизни, по свидетельствам его родных и близких, Рамзан испытывал большие душевные страдания. Он вспоминал: «Защищая свою Родину, терял на полях сражений боевых товарищей, а умираю от раны поколения, жизнь и будущее которого защищал в годы Великой Отечественной войны».

Магамадов С.С.

ВИСАИТОВ САККА ВИСАИТОВИЧ
(1906–1980)

Великая Отечественная война для Советского Союза и его многонационального народа обернулась многомиллионными жертвами, разрушенными городами, серьезным экономическим уроном. Несмотря на колоссальные потери, советский народ в этой страшной войне одержал победу. Победу, которая не была бы возможна без героев, которые не щадили себя и приближали день Великой Победы. В их числе был и наш земляк, прославленный командир гвардии майор Сакка Висаитович Висаитов, о героизме которого знали и сослуживцы, и командование.

Родился Сакка Висаитов 14 марта 1906 года в с. Шатой Аргунского округа Терской области.

Сакка Висаитов – один из представителей чеченского народа, который еще в 1928 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. Первые азы военного дела он получил в Грозном в 82-м стрелковом полку, который дислоцировался в Грозном, позже проходил обучение в кавалерийской школе г. Краснодара. Молодой офицер был назначен командиром взвода Чечено-Ингушского кавалерийского эскадрона, а позже – и комвзвода полковой школы.

Среди 37-ми взводов курсантов представители Чечено-Ингушетии, воспитанники С. Висаитова, не имели равных в боевой стрельбе, конной

и строевой подготовке и не оставили своим конкурентам никаких шансов. Они значительно опередили своих соперников и безоговорочно стали победителями, за что командующий округом вручил каждому курсанту взвода Висаитова денежную премию, а сам Сакка Висаитов был награжден ЦИК СССР орденом «Знак почета». Кроме того, за отличную подготовку курсантов полковой школы командование округом назначило Висаитова командиром эскадрона 12-ой кавалерийской дивизии.

Великую Отечественную войну Сакка Висаитов встретил в Западной Белоруссии в должности начальника разведывательного отдела 25-й танковой дивизии 10-й танковой армии. В начале июля 1941 года подразделение Висаитова, прибывшее из Москвы в Борисов, в составе механизированной дивизии и сводной группы под командованием корпусного комиссара Сусайко в течение трёх дней вело ожесточённые бои с авангардными частями немецкой армии, сдерживая мощную волну наступающего противника. Благодаря умелым действиям его подразделения, был обеспечен отход частей Красной Армии на новые оборонительные рубежи в районе города Орши на реке Днепр, кроме того, это позволило эвакуировать население и государственные ценности из Минска и Борисова в безопасные районы страны. В этих боях Сакка Висаитов лично проявил образцы храбрости, мужества и отваги, за что был награждён орденом «Красной Звезды».

С июля по октябрь 1941 года, в тяжелейший для страны период войны, в составе 24-й Сибирской Армии Сакка Висаитов участвовал в ожесточённых боях за город Ельню, что находится под Смоленском. Против них стояли две механизированные, одна танковая и одна румынская дивизии. За проявленные в боях высокий боевой дух, храбрость и геройство при взятии г. Ельни Сакка Висаитов был награждён орденом «Красного Знамени».

Отмечая его высокие ратные успехи и личный героизм, командование доверяло ему наиболее сложные участки фронтов Великой Отечественной войны. Подразделение Сакки Висатова защищало от немецко-фашистских захватчиков город Тулу, тем самым не пропустив врага к Москве с юго-восточной стороны. Наиболее яростным по своему накалу был бой в районе знаменитой Ясной Поляны, где Сакка Висаитов с немногочисленной группой воинов из своего батальона в течение трёх часов вёл неравный бой с 24-мя танками и батальоном пехоты фашистов, в результате которого были уничтожены 7 вражеских танков и около 70-ти солдат и офицеров. Именно в этом бою Сакка Висаитов получил тяжелое ранение в бедро из крупнокалиберного пулемёта. Это произошло в тот момент, когда он бросал связку гранат под вражеский танк, пытавшийся прорваться через оборонительный редут. В течение 8 часов Висаитов истекал кровью, и лишь в 2 часа ночи в бессознательном состоянии он был подобран нашими санитарами и достав-

лен в полевой госпиталь. Несмотря на тяжесть ранения, на лечении Сакка Висаитов пробыл недолго – таков был его характер.

В 1942 г. Висаитов был назначен комендантом штаба СКВО Закавказского фронта и обеспечивал противовоздушную оборону Кропоткина, Армавира. Все ближе и ближе враг подступал к Грозному, стремясь овладеть нефтью Грозного и Баку. Немецкое командование поставило цель прорвать оборону советских войск на реке Терек, захватить Малгобек и Грозный, а затем развить молниеносное наступление на Махачкалу и Баку. Но враг был бессилен перед стойкостью советского народа, ставшего на защиту своего Отечества. В марте 1942 года С. Висаитов был назначен начальником Чечено-Ингушской добровольческой команды 4-го Гвардейского Кубанского Казачьего кавалерийского корпуса. Отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион под командованием С. Висаитова и в жестоких сражениях за Кавказ был в авангарде всех событий.

Славные сыны Чечено-Ингушетии совершали марш-маневры, смело вступали в бой с отдельными разведывательными механизированными гитлеровскими группами, нанося им ощутимый урон в живой силе и технике, изматывая их и тем самым прикрывая отход наших войск на заранее подготовленные оборонительные рубежи.

После участия в отражении немецко-фашистского наступления на Кавказ Сакка Висаитович Висаитов был назначен старшим помощником начальника оперативного отдела штаба Первой гвардейской конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта, в составе которого он сражался до окончания войны.

Сакка Висаитов был награжден шестью орденами и медалями. За отличие в боях в районе Минска и Борисова, где наши части обеспечили эвакуацию государственных ценностей и населения из этих городов, он был награжден орденом «Красная Звезда» (6 ноября 1945 г.).

За отличие в боях при взятии города Ельни осенью 1941 года С. Висаитов был награжден орденом «Красного Знамени» (11 сентября 1945 г.).

За отличие в боях против фашистской Германии при взятии города Братислава правительство наградило его орденом «Отечественной войны» первой степени (14 мая 1945 г.).

За храбрость и героизм, проявленные в освобождении Восточной Европы, майор Сакка Висаитов командованием фронта был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако в этом ему отказали, так как он принадлежал к одиозному крылу «лиц чеченской национальности».

Гвардии майор Сакка Висаитов был единственным чеченцем, в то время как его народ уже находился в ссылке, – участником Парада Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве, когда поверженные знамена фашизма были брошены к подножию Мавзолея.

9 мая 1945 года война для Сакки Висаитова не закончилась. Стране еще нужны были герои, и теперь воинский путь прославленного командира лежал уже на Дальний Восток. Сакка Висаитов в составе 25-го танкового полка 25-ой танковой дивизии в штабе войск МНРА Забайкальского фронта участвовал в разгроме Квантунской армии. За участие в боях при взятии города Жэхэ маршал Монгольской Народной Республики Ю. Чойбалсан наградил Сакку Висаитовича Висаитова высшим орденом страны – «Боевое Красное Знамя МНР».

Сакка Висаитович Висаитов прошел боевой путь от Белоруссии до Чехословакии, затем – и до Монголии. 12 февраля 1946 года был демобилизован из Красной Армии.

Несмотря на боевые заслуги, Сакка Висаитов, как и весь народ, отбывал тяжелые годы насильственного выселения в Казахстане. По возвращении на историческую родину в 1957 году Сакка Висаитович на протяжении многих лет возглавлял коллектив картонажной фабрики. Умер в 1980 году.

Отдавая дань уважения подвигу славного героя чеченского народа, в 1990 году Совет Министров ЧИАССР присвоил одной из улиц Октябрьского района г. Грозного имя гвардии майора Сакки Висаитова.

Берсанова З.Х.-А.

ЕЗИЕВ ЯКУБ АБАЛАЕВИЧ
(1906–1942)

Герой Сталинградской битвы Якуб Езиев родился в селении Шали в 1906 году. Его отец Езиев Обал был купцом 2-й гильдии, в Петербурге в Гостином дворе у него была собственная торговая лавка, а в Шали – магазины, где торговали разными товарами. Когда к власти пришли большевики, все имущество Обала было конфисковано. А ему вместе с семьей грозила ссылка в Сибирь. Спас его от этой участи брат Хамид, который был грамотным человеком. Он имел диплом агронома, занимался пчеловодством. После революции ему удалось подстроиться под большевистскую политику НЭПа и продолжать трудиться, переключившись на новое направление – шелкопрядный промысел.

А представители молодого поколения Езиевых в основном стали учителями. Якуб с детства рос очень любознательным ребенком. Любил точные науки, но в то же время интересовался историей, теологией. Рассказывают, что он мог отправиться в любое село или город к известным алимам, педагогам и знатокам науки, невзирая на расстояние и трудности пути, чтобы узнать что-нибудь новое.

В юности, как и многие другие его сверстники, Якуб мечтал стать летчиком. Поэтому после школы он поступил в летное училище. Но мать никак

не могла смириться с тем, что ее любимый сын посвятил себя такой опасной профессии. Якубу пришлось уступить просьбам матери и бросить училище. Правда, в память о несбывшейся мечте он не расставался с летным шлемом (в нем он и запечатлен на многих снимках довоенных лет).

Якуб поступил в Новочеркасский политехнический институт. Правда, несмотря на то, что хорошо учился, его периодически отчисляли как сына бывшего купца. Приходилось делать справку о том, что он сын бедняка, чтобы восстановиться вновь.

Закончив институт по специальности «сельскохозяйственное машиностроение», Якуб вернулся в Грозный. Здесь прошел путь от рядового инженера до директора завода буровых и передвижных станков. Когда началась война с немцами, этот завод закрыли, и Якуба перевели на завод «Красный молот». К тому времени он был известным в республике инженером-специалистом. Не будет преувеличением сказать, что ведущая роль в техническом перевооружении завода «Красный молот» принадлежала Я.А. Езиеву. Якуб возглавил цех цепей Галля. Продукция цеха была необходима многим отраслям народного хозяйства. Сотни тысяч рублей экономии в год приносили цеху и заводу рационализаторские предложения Якуба Езиева. Он стал автором специального пресса для протяжки втулок цепей Галля, заменившего дефицитную калиброванную полосу, и только этим сберег народному хозяйству 357 тысяч рублей.

В многонациональном коллективе завода «Красный молот» Якуб пользовался большим авторитетом.

В личной жизни Якубу тоже повезло. Его женой стала Марьям Мациева – благородная, мягкая, добрая и отзывчивая девушка, воспитанная в самых лучших чеченских традициях. У Якуба и Марьям было трое детей – дочери Селима, Элима и сын Сосламбек.

Несмотря на то, что Якуб Езиев находился на очень ответственном участке работы и был нужен в тылу, его вместе с коллегами по заводу призвали на фронт. Но в тот момент, когда уже новобранцы погрузились в вагоны, на вокзал, запыхавшись, прибежала женщина с документами на бронь. Сослуживцы Якуба вышли из вагонов, а Якуб не сдвинулся с места. Марьям, которая пришла вместе с детьми проводить мужа, вдруг запричитала: «У тебя же трое детей! Что будет с нами, если с тобой что-то случится?» Якуб твердо заявил в ответ:

– Свою семью я должен защищать сам!

В дни Сталинградской битвы капитан Я. Езиев был сначала командиром первой роты 44-го понтонно-мостового батальона, а вскоре вступил в командование батальоном. Изо дня в день и из ночи в ночь руководимый им батальон, под непрерывным огнем вражеской артиллерии и бомбежки с воздуха, обеспечивал переправы через Волгу, через которую перебрасывались войска, проводилась эвакуация раненых, шло непрерывное снабжение

боеприпасами и продовольствием передовых позиций героического города Сталинграда на правом берегу.

Сам капитан Езиев, не зная усталости, безотлучно находился на берегу, руководил ремонтом то и дело разрушаемых огнем противника причалов. Вместо уничтоженных немедленно, под огнем, строились новые причалы.

7 октября 1942 года капитан Я. Езиев при исполнении служебных обязанностей, находясь на месте работ, был смертельно ранен осколком фашистского снаряда.

Связной красноармеец Миноходов, будучи ранен сам, бросился на помощь своему командиру. Перевязал его и вынес из-под обстрела. Однако по дороге в госпиталь капитан Езиев скончался.

После героической гибели Якуб Езиев первоначально был похоронен в деревне Средняя Ахтуба, а потом перезахоронен на Мамаевом Кургане в городе Волгограде.

Из воспоминаний Кима Науменко, участника Великой Отечественной войны, подполковника в отставке:

«23 августа 1942 года передовые моторизованные части немецкой 6-й армии генерала Ф. Паулюса прорвались к городу и в результате сентябрьских боев оттеснили 62-ю и 64-ю армии Сталинградского фронта буквально к берегу Волги. Линия фронта пролегла вдоль правого берега реки, и противнику, чтобы сбросить защитников города в воду, оставалось пройти в некоторых местах всего 200 метров. Советские войска удерживали кромку сталинградской земли героическими усилиями, ценою огромных усилий и жертв. Без постоянного пополнения свежими силами и бесперебойного снабжения всем необходимым для боя продержаться они бы не смогли – одного мужества и самоотверженности было мало. Эта сложнейшая и ответственная задача легла на плечи воинов-понтонеров Волжской речной флотилии.

Один из документов тех дней – приказ командующего 62-й армией генерала Василия Чуйкова, который хранится в музее Сталинградской битвы в Волгограде, свидетельствует, что командир 44-го понтонно-мостового батальона капитан Якуб Езиев назначался начальником центральной переправы армии и своими силами организовал ее работу. Ему вменялась в обязанность переброска войсковых частей с левого берега в район боевых действий своими и вспомогательными средствами, оборудование причалов для приема пароходов и бронекатеров флотилии, организация их деятельности. Задание было весьма сложным: фронт армии растянулся на 25 км. Оборонительные бои в городе вели десять дивизий и шесть бригад. Переправа была постоянным объектом бомбардировок вражеской авиации и артиллерийско-минометных обстрелов, особенно с конца сентября, когда немцы заняли Мамаев Курган и просматривали Волгу.

В кратчайшее время капитан Езиев оборудовал несколько причалов в районе командного пункта генерала Чуйкова, заводов «Баррикады», «Красный Октябрь» и «Метиз». Через протоку между берегом и островом Зай-

цевским построил три пешеходных моста на понтонах. Переброска войск осуществлялась сначала на остров, что было более безопасно, а затем по пешеходным мостам – на берег».

В одном из номеров газеты «Грозненский рабочий» в 1960-х годах были опубликованы воспоминания бывшего бойца этого батальона М. Гордалаева, который с 15 сентября 1942 года был рядом с комбатом:

«Капитан Якуб Езиев был замечательным человеком, отважным командиром. Его очень уважали все солдаты и офицеры. Многие из них до войны жили и работали в старинном русском городе Ярославле. Но, кажется, они давно знали жителя гор Езиева. В свою очередь, капитан горячо любил и ценил своих бойцов. Он по-отцовски заботился о них, всегда находился там, где было труднее всего.

Меры предпринимались радикальные: за десять дней только на переправе капитана Езиева в Сталинград были переброшены четыре дивизии, каждая из них численностью до 8–10 тысяч бойцов. Они сыграли решающую роль в выполнении приказа высшего командования. А всего было переправлено 65 тысяч солдат и офицеров, эвакуировано 50 тысяч раненых и местных жителей.

Хотя для переброски войск были привлечены плавсредства флотилии, другие подразделения, основная тяжесть работы легла на плечи личного состава 44-го понтонно-мостового батальона и его командира капитана Езиева. Переправляли людей в основном ночью. Комбат не знал отдыха, личным примером вдохновлял своих бойцов и командиров. Следует иметь в виду, что противник держал переправы под постоянным огнем: днем бомбардировал, а ночью обстреливал артогнем. Лишь за один день 5 октября в районе обороны соседней 37-й дивизии враг совершил 700 боевых самолетовылетов.

Когда в 1968 г. в Волгограде торжественно отмечали 25-летие Победы в Сталинградской битве, мне довелось встретиться и побеседовать с маршалами А. Еременко и В. Чуйковым, генерал-полковником А. Родимцевым. Хотелось узнать, почему подвиг капитана Якуба Езиева не был достойно отмечен. Ведь 125 воинов получили звание Героев Советского Союза, десятки тысяч награждены орденами. Маршал Чуйков высказался, что, наверняка, комбат Езиев, начальник переправы армии, был представлен к высокой награде (посмертно). Этому могли помешать разве что последующие трагические для чеченского народа события. Обещал принять меры для восстановления справедливости.

Благодаря организаторскому и инженерному таланту этих людей, мужеству и героической стойкости солдат и офицеров-понтонщиков, работой которых руководил наш земляк капитан Езиев, ценой неимоверных усилий и жертв наши войска отстояли город Сталинград».

В повести «Годы войны» писатель В. Гроссман писал: «…Когда-нибудь здесь будет стоять суровый и темный обелиск – памятник героям Сталинградской переправы. И люди прочтут имя комбата Смерчинского, основателя переправы, прочтут имя его преемника – чеченца капитана Езиева…».

Берсанова З.Х.-А.

ИНДЕРБИЕВ МАГОМЕД ТИМЕРБИЕВИЧ
(1922–2007)

Магомед Индербиев родился 15 сентября 1922 года в селе Урус-Мартан. Отец Магомеда, Тимерби, занимал в районе руководящие должности, но, несмотря на это, дети его не были избалованы. Наравне со взрослыми они занимались тяжелым и изнурительным крестьянским трудом: вспахивали и засевали огород, ухаживали за скотом, заготавливали дрова в предгорном лесу.

Вместе с тем, родители Магомеда понимали, что будущее их детей зависит от учебы, от качества образования, которое они получат.

В 1931 г. Магомед пошел в Урус-Мартановскую среднюю школу № 1. В 1936 году, после окончания пяти классов, поступил на подготовительное отделение Грозненского медицинского училища. После завершения обучения на подготовительном отделении Магомед поступил в Грозненское медицинское училище, которое окончил в 1941 году.

Здесь он не только обучался азам фельдшерского дела. Занимался спортом, общественной работой, много читал.

Когда началась Великая Отечественная война, Магомед как раз сдавал выпускные экзамены. Он несколько раз обращался в военкомат с просьбой отправить его на фронт.

8 сентября 1941 года тринадцати юношам из Грозненского медучилища вручили призывные повестки в Красную Армию. В их числе оказался и Магомед Индербиев, которому не было и двадцати лет.

Он должен был срочно отправиться в город Миллерово Ростовской области. Магомед решил во что бы то ни стало проститься с родными. Автобусы в его родной Урус-Мартан ходили редко. Приходилось добираться пешком. Как назло, пошел проливной дождь. Но юношу это не остановило. Размышляя по дороге о предстоящей фронтовой жизни, он направился в родной Урус-Мартан.

Прощание было трогательным. Магомед понимал, что эта его встреча с родными может оказаться последней.

По старинному чеченскому обычаю, он взял со двора своего дома горсть родной земли, завернул ее в платок, подаренный девушкой. А рано утром той же дорогой пешком возвратился в Грозный.

Эту горсть родной земли он пронес по всем фронтовым дорогам, все годы жизни на чужбине – в депортации.

Спустя 16 лет, вернувшись домой, Магомед припал к родной земле и со слезами на глазах высыпал землю обратно на то же место. Чеченский поэт Хасмагомед Эдилов, ставший свидетелем этой сцены, был настолько тронут, что написал стихотворение «Горсть земли» («Лаьттан цинц»). В 1962 году он выпустил сборник под этим же названием…

В городе Миллерово формировалась 351-я стрелковая дивизия. Магомед был назначен старшим фельдшером в 792-й отдельный батальон связи. Дивизия усиленно готовилась к тяжелым боям и однажды выехала на трехдневные тактические учения в степь. В Ростовской области в ту пору шли затяжные бои. Учения проводились в условиях, приближенных к военным. Костры жечь не разрешалось, степная земля пропиталась влагой, на десятки километров вокруг не было ни деревца, ни постройки, чтобы укрыться от ливня. После трехдневных учений под открытым небом Магомеду пришлось ехать в холодный октябрьский день под проливным дождем на открытой платформе – его направили на станцию Хопры вывозить раненых. Учения закончились. Начиналась настоящая фронтовая жизнь.

Прибыв в Ростов-на-Дону, Магомед чуть не попал под бомбежку.

«Заухали зенитные орудия, в небе возникли разрывы снарядов, осыпая землю дождем осколков. Застучали зенитные и пехотные пулеметы. Милицейский офицер возле меня начал стрелять из нагана по самолетам, делавшим заход на станцию. Захваченные врасплох, люди бежали в укрытия, женщины кричали и плакали. Я же неподвижно стоял на месте, стесняясь на виду у всех спасаться бегством.

К счастью, ни одна бомба на вокзал не упала. Сплошной вал зенитного огня не дал вражеской авиации сбросить груз на станцию», – вспоминал Магомед это страшное зрелище.

Магомед не только воевал наравне со всеми, но и вел большую общественную работу. Здесь от ее эффективности зависело многое – надо было поднимать боевой дух солдат в страшные дни отступлений, военных неудач, трудностей фронтовой жизни. Магомеда избрали комсоргом роты, батальона, затем – дивизиона.

В Воронежской области зимой 1942 года, когда из-за огромных снежных сугробов передвижение было прервано, Магомед Тимербиевич в одной из деревень организовал госпиталь в нескольких избах. Мобилизовав у населения гужевой транспорт, перевез туда с окрестных сел раненых, наладил лечение. Крестьянки соглашались мыть раненых и готовить им еду. Три недели в перевязочный пункт, организованный Индербиевым, непрекращающимся потоком подвозили раненых на санях из близлежащих деревень. Оказав необходимую помощь, через три недели всех пациентов отправили в полевые и тыловые госпитали.

В общей сложности медицинскую помощь от Магомеда Индербиева за годы войны получили более 900 раненых бойцов.

В августе 1942 года на всю 60-ю армию выделили одну единственную путевку на учебу в Ленинградскую военно-медицинскую академию, эвакуированную в Самарканд. Командование решило направить туда Индербиева Магомеда. Но тот категорически отказался, заявив, что пока не закончится война, он ни на какую учебу не поедет. И на это место подобрали другую кандидатуру.

В октябре 1943 года Магомед по приказу начальства временно командовал батальоном. Вывел его без потерь (только четверо раненых) из окружения на правом берегу Днепра. В этот же день Индербиев М.Т. получил тяжелое ранение. Излечившись, вернулся на фронт.

В 1944 году Магомед Индербиев участвовал в прорыве финской обороны на реке Свирь.

С ноября 1944-го до победного мая 1945-го воевал на Сандамирском плацдарме, на реках Висла в Польше, Одере, Нейсе и Шпрее в Германии. В составе 1-го Украинского фронта штурмовал Берлин (23 апреля – 2 мая 1945 года), Дрезден (7–8 мая), освобождал Прагу (9 мая).

В Берлине командовал дивизионом, участвовал в ликвидации фашистской группировки СС.

За боевые подвиги капитан М.Т. Индербиев был награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

После демобилизации он поехал в Казахстан – к родным. На вокзале среди встречавших его не было матери. Пока Магомед лечил раненых на фронте, мать его умирала, оказавшись без необходимой медицинской помощи. В колхозе Шолпан Семипалатинской области, где жили родители

Магомеда, поблизости не было врачей, ее, как умела, лечила колхозная фельдшерица.

Магомед посылал ей с фронта денежные переводы по почте, пытаясь облегчить положение семьи, а мать и эти, и заработанные ею самой в тяжелое военное время средства, оказывается, тратила на постройку для сына отдельного дома, готовясь к его возвращению с фронта.

Магомед Тимербиевич сполна разделил печальную участь своих земляков-спецпереселенцев. Работал на разных должностях. Там же, в Алма-Ате, встретил свою будущую жену – Матрену Гавриловну Есауленко, которая работала в военном госпитале медсестрой. Не смирившись с незаконным насильственным выселением своего народа и его дискриминацией на местах, Магомед Индербиевич часто писал письма в высшие органы власти страны. Но письма от спецпереселенцев в почтовых отделениях не принимали. И тогда, на свой страх и риск, отправлять их стала Матрена Гавриловна.

В 1952 году, когда были восстановлены некоторые права спецпереселенцев, Магомед Индербиевич в 30-летнем возрасте, будучи уже семейным человеком, поступил в Казахский государственный медицинский институт, где, как фронтовик, пользовался большим уважением. Был секретарем комсомольской организации института, всячески помогал землякам-студентам в учебе. Мединститут он окончил с отличием. Ему предлагали в Алма-Ате весьма престижные для выпускника вуза должности – заведующий городским или районным отделом здравоохранения. Но после восстановления Чечено-Ингушетии Магомед без всяких колебаний решил вернуться домой.

М.Т. Индербиев прошел все ступени роста в системе здравоохранения: от фельдшера до министра. Министром здравоохранения Чечено-Ингушской АССР проработал более двенадцати лет. На этой должности он многое сделал для роста национальных медицинских кадров и развития инфраструктуры системы здравоохранения. Выбивал квоты в медицинских вузах России для выпускников школ республики. При нем была построена необходимая сеть учреждений здравоохранения, а степень медицинского обслуживания населения была на самом высоком уровне.

М.Т. Индербиев, наверное, был единственным руководителем медицинского ведомства, который считался с нетрадиционной медициной и уважительно относился к ней. Он собрал сотни рецептов и методов лечения по народной медицине.

За большой личный вклад в развитие здравоохранения Чечено-Ингушской АССР советским руководством Магомед Индербиев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями за доблестный труд.

В 1972 году Магомед Тимербиевич блестяще защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. Результатом его научной работы стала монография «Очерки истории здравоохранения Че-

чено-Ингушетии», изданная в Грозном в 1972 году. В последующие годы М.Т. Индербиев издал ещё 6 книг. В целом же им опубликовано более 40 научных работ.

9 мая 2005 года М.Т. Индербиев был участником Военного парада на Красной площади, посвященного 60-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Будучи пенсионером, Магомед Тимербиевич оставался в гуще общественной жизни республики. Более 10 лет проработал он председателем Совета ветеранов войны и труда Чеченской Республики. Часто встречался с молодежью, рассказывал о войне, о фронтовых буднях.

До конца своих дней Магомед Тимербиевич вел переписку с бывшими однополчанами, всегда был в курсе их дел.

Старейшины Урус-Мартана часто свидетельствовали о благородных поступках М.Т. Индербиева. Он в свою бытность членом правительства республики, несмотря на чрезмерную занятость, был надежной опорой для своих земляков. Оказывал материальную помощь и моральную поддержку семьям, оказавшимся в беде.

Магомед Тимербиевич и Матрена Гавриловна воспитали двух сыновей. Старший сын Алик (Али), как и отец, окончив 1-й Московский медицинский институт, стал врачом. Сын Алика Тимур пошел по стопам деда и отца. Окончил мединститут, работает хирургом и преподает на медицинском факультете Чеченского государственного университета. Второй сын Магомеда – Серажди – стал строителем.

Подполковник в отставке Магомед Индербиев в последние годы проживал в городе Урус-Мартан. В 2007 году его не стало. Его именем названа улица в родном селе и средняя общеобразовательная школа, где он учился.

Список использованных источников и литературы

1. Берсанова З.Х.-А. Судьбы ученых. Т. I. – Элиста, 2014.
2. Индербиев М.Т. Фронтовая память. – Грозный, 1988.

Берсанова З.Х.-А.

БРАТЬЯ ЛАЛАЕВЫ

Род Лалаевых из селения Толстой-Юрт Грозненского района Чечено-Ингушетии во время Великой Отечественной войны дал фронту восьмерых отважных воинов. Трое из них – Айнди, Зайнди и Андрей – не вернулись домой с полей сражений.

Шамсудин Солтаханов (Лалаев)
(1919–1962)

Старший брат Шамсудина Лалаева в 1930-е годы был раскулачен и сослан на каторгу в Сибирь, где отбыл 10 лет. Поэтому некоторые из Лалаевых (в том числе и Шамсудин) взяли себе новую фамилию, чтобы избежать проблем с властями.

Шамсудин Малаевич родился в 1919 году. Он окончил Лепельское пехотное военное училище. После училища по собственному желанию поступил на курсы младших лейтенантов-радистов. После окончания курсов был направлен на фронт.

Службу проходил на Ленинградском фронте в составе 93 АЛАБ, позже – в 177 стрелковой дивизии. После ранений, полученных в бою, был направлен в Ленинградскую военную школу радиоспециалистов ЛВШРС.

В то время грозой для врага были новые советские танки КВ и Т-34. В этих танках стали устанавливаться радиостанции, что потребовало срочной подготовки большого количества стрелков-радистов.

Поэтому Военный Совет Северного фронта принял постановление о формировании курсов стрелков-радистов при учебном центре Автобронетанкового управления в Ленинграде. Курсы создавались на базе Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. Подготовка курсантов осуществлялась так, что на курсах имелась группа, которая по требованию командования была готова досрочно отправиться на фронт. Шамсудин после окончания курсов продолжил службу в составе 89-й Армии командиром радиовзводов и начальником радиостанции.

О мужестве Ш. Лалаева говорит следующий эпизод. Однажды в разгар боев во время обороны Ленинграда произошел разрыв связи между воюющими подразделениями Красной Армии. Посланные на восстановление связи подчиненные Лалаева (Солтаханова) погибли. Тогда Шамсудин раздобыл в ближайшей деревне лошадь и на ней сам отправился выполнять поставленную задачу. Лошадь под ним была убита разрывом снаряда. Несмотря на страшную бомбежку, Шамсуддин нашел место разрыва и сумел восстановить поврежденную связь между воинскими подразделениями. Благодаря этому боевая операция окончилась успешно.

В декабре 1942 года за участие в обороне Ленинграда Шамсудин Малаевич был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а также медалью «За отвагу» за проявленное личное мужество при выполнении боевых задач.

Шамсудин вернулся с фронта в звании капитана. По возвращении в Чечено-Ингушетию он работал на железной дороге в г. Гудермес. В 1962 году бывший радист погиб в результате производственной травмы.

Муду Лалаев
(1912–1988)

Муду родился в семье Магомеда Лалаева в 1912 году. Когда умер отец, он как раз закончил три класса. Школу пришлось бросить, так как нужно было помогать матери прокормить семью.

В 1930 году Муду призвали в армию. Служил он в кавалерии. Вернувшись домой, освоил профессию водителя. Обзавелся семьей. Но в это время началась война с Финляндией, и Муду ушел на фронт.

В 1942 году был сформирован 255-й Чечено-Ингушский отдельный кавалерийский полк. М. Лалаев вступил в его ряды и добровольцем ушел на войну. Участвовал в ожесточенных боях за город Сталинград.

После расформирования 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка Лалаев Муду попал на 2-й Украинский фронт. В составе 246-й гвар-

дейской танковой дивизии, в 6-м гвардейском мотострелковом полку он воевал до конца войны с фашистской Германией и милитаристской Японией.

Почти все эти годы Муду водил боевую машину. Переправлял солдат с одной позиции на другую, подвозил боеприпасы, продукты. Часто случалось так, что его машина буквально разлеталась на куски, попав под бомбежку или обстрел. Сослуживцы считали Муду погибшим. Но он снова появлялся в полку, как сказочный герой, которого не берет ни пуля, ни снаряд. Оставшись без машины, присоединялся к пехоте и продолжал воевать. Участвовал в боях по освобождению Юго-Восточной Европы. В числе первых бойцов Красной Армии, в составе разведгруппы, вошел в столицу Венгрии – Будапешт. Город пришлось отвоевывать в тяжелых уличных боях.

М. Лалаев принимал участие в разгроме 18-ти танковых дивизий фашистов в районе Секешфахервар, во взятии городов: Дебрецен, Орадо, Маре, Вац, укрепленного пункта Брно и столицы Австрии Вены.

9 мая 1945 года в уличных боях за Прагу Лалаев, рискуя жизнью, под ураганным и минометным огнем противника, преодолел на трофейном легковом автомобиле один из Пражских мостов и вынес с поля боя тяжелораненого командира батальона Колесниченко. В том же бою спас полковое знамя. Колесниченко он доставил в медсанчасть, а полковое знамя – на командный пункт части.

На следующий день после освобождения Праги на построении полка командир гвардии полковник Егоров объявил, что Муду Лалаев за совер-

шенный подвиг представлен к высокой боевой награде. Но награждение так и не состоялось.

Через три дня после капитуляции Германии Муду вместе со своим полком был отправлен на Забайкальский фронт.

В боях с Квантунской армией он в трудных условиях бездорожья на своей боевой машине преодолел горный хребет Большой Хинган и с боями дошел до города Мукден в Китае.

В июне 1946 года Муду Лалаев демобилизовался из армии. Прошедший три войны, побывавший на самых трудных участках боевых действий, он вернулся с фронта без единой царапины на теле, не говоря уже о ранениях! Дожил до 76 лет.

Муду Лалаев был награжден боевыми наградами-медалями: «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1985 года М. Лалаев был награжден «Орденом Отечественной войны 1941–1945 гг. II степени».

До конца своих дней Муду Магомедович не изменил своей профессии – и в Казахстане, и в Чечено-Ингушетии работал водителем.

Мумади Лалаев
(1920–1953)

Младший брат Муду – Мумади – был школьным учителем.

Он играл на разных музыкальных инструментах, и многие прочили ему славу музыканта. Но он решил продолжить свое педагогическое образова-

ние. Собирался поступать в педагогический институт, но вдруг передумал и сдал документы в Воронежское летное училище.

В мае 1941 года Мумади с отличием окончил училище, получив воинскую специальность стрелка-радиста. А через месяц началась война.

Мумади попал в Мурманск. Служил в авиационном полку стрелком-радистом на истребителе морской авиации.

Зимой 1944 года в одном из воздушных боев он получил тяжелое ранение в грудь и руку. Самолет был сбит над территорией, захваченной фашистами. Мумади спустился на парашюте. Превозмогая боль, сквозь ледяную стужу он пробирался к своим через вражеские позиции.

Путь был не только тяжелым, но и опасным. Мумади еще издалека увидел дозор из трех немецких солдат. Ему удалось сразить всех троих из своего пистолета ТТ, иначе не избежать бы ему плена.

Мумади повезло – он добрался живым до своего аэродрома. Но вынесенный медицинской службой вердикт прозвучал для него как смертный приговор: ему запретили летать. Мумади хотели отправить в тыл. Но он категорически настоял на том, чтобы его хотя бы оставили при наземной службе летной части.

После демобилизации в 1945 году Мумади поехал в Казахстан к родным. На его военном кителе сияли награды – медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Но здоровье его было подорвано многочисленными ранениями. Он умер в марте 1953 года в молодом возрасте.

Айнди Лалаев
(1918–1941)

Из семьи Абдурахмана и Зуки Лалаевых ушли на фронт двое сыновей – Айнди и Зайнди.

Старшим из братьев был Айнди. До войны Айнди мечтал стать учителем. Он окончил рабфак, затем – учительские курсы.

В 1939 году А. Лалаева призвали в армию. Служил он в Белоруссии, в кавалерийских войсках. О нем в газете «Красная звезда» были написаны такие строки: «В боевой схватке с бандитами-диверсантами командир эскадрона Н-ской части был смертельно ранен. В этой ответственной обстановке старший сержант Лалаев принял командование эскадроном на себя, и банда была разгромлена. Но получил ранение и сам Айнди».

Вскоре грянула война, которую Айнди встретил в Брестской крепости.

Вместе со своими сослуживцами он находился в гарнизонном карауле и был одним из первых, кому пришлось держать оборону Брестской крепости.

«Когда наступил первый день войны, и враг захватил гарнизонный клуб, красноармейцы получили приказ: выбить гитлеровцев, чего бы это не стоило! – вспоминал Василий Федорович Козлов. – И вот наши бойцы пошли в атаку.

Немцы сыпали из пулемёта, вели артиллерийский обстрел. А мужественный Айнди под огнём противника первым бросился на штурм здания... Этот первый бой стал для него последним.

Айнди Лалаев несколько раз поднимал в атаку бойцов у Кобринских ворот. В последний раз его видели отстреливающимся у гарнизонного клуба».

Айнди Лалаев – первый из чеченцев, чье имя было увековечено в мемориальном комплексе «Брестская крепость-Герой» в числе тех, кто защищал цитадель.

Из воспоминаний Бейтемирова Сайд-Ахмада Мучуевича:

«Из 333-го полка к нам прислали помощником командира взвода еще одного чеченца – Айнди Лалаева из Толстой-Юрта. Мы подружились с ним и служили в конной разведке до самого начала войны. Это был замечательный службист, настоящий кавалерист-джигит. На состязаниях по рубке, стрельбе и прочим статьям военно-кавалерийского дела он был первым во всей крепости».

9 мая 1988 года газета «Знамя юности» (г. Брест), на основании архивных данных и свидетельских показаний Козлова В.Ф., напишет:

«Настоящим уроком мужества стал для многих защитников крепости подвиг помощника командира взвода конной разведки 333-го стрелкового полка, младшего лейтенанта (звание было присвоено незадолго до начала войны) Айнди Лалаева, который первым поднял красноармейцев в контрата-

ку и вместе со своими боевыми товарищами, израненный, истекая кровью, неоднократно атаковал фашистов, засевших в здании гарнизонного клуба.

Во второй половине дня 22 июня 1941 года, когда закончились боеприпасы, Лалаев А. и бойцы его подразделения сошлись с врагом в рукопашном бою, в ходе которого Айнди, прошитый вражеской автоматной очередью, пал смертью храбрых».

Зайнди Лалаев
(1922–1942)

Родной брат Айнди – Зайнди – был самым молодым из всех Лалаевых, ушедших на фронт. Это был крепкий, здоровый и статный юноша, не по годам серьезный, волевой и самостоятельный. Он хорошо учился в школе, имел способности к точным наукам. Но решил стать военным. Поэтому после школы поступил в военное училище.

Зайнди не было 18 лет, когда началась война. Чтобы попасть на фронт, он досрочно окончил училище и в паспорте добавил себе два года. Несмотря на юный возраст, Зайнди назначили командиром взвода фронтовых разведчиков. В первых же боях он показал себя смелым и мужественным воином, одним из первых красноармейцев Советской армии был награжден медалью «За Отвагу».

Зайнди сражался с фашистскими оккупантами в Крыму и под Новороссийском. Но однажды из разведки он и его товарищи не вернулись.

Андрей Дронов
(19?? – ???)

Исраил и Жаужан Лалаевы тоже проводили на фронт двоих сыновей – Андрея и Рамзана. Правда, Андрей (мальчик-сирота из казацкой семьи Дроновых) был их приемным сыном.

Андрей хорошо овладел чеченским языком, а своих названных братьев обучил русскому языку. Андрей обладал приятным голосом. Пел русские, чеченские и кумыкские песни.

Отслужив в армии, Андрей вернулся в Толстой-Юрт. Работал слесарем в МТС.

Когда началась война с фашистами, Андрей ушел на фронт. В своем письме названному брату Ризвану он сообщал, что воюет на Украине, что приходится ему очень туго. Просил передать привет матери, отцу, всем родным и близким. Это было его первое и последнее письмо с фронта.

Рамзан Лалаев
(1919–1987)

Рамзан Лалаев родился в с. Девкар-Эвла (Толстой-Юрт) Грозненского округа Терской области 19 августа 1919 года.

Когда началась война, Рамзан Лалаев учился на физико-математическом факультете Чечено-Ингушского педагогического института. Он был

секретарем комитета ВЛКСМ института, учился на «отлично», получал Сталинскую стипендию (ее присуждали лучшим студентам, отличившимся не только в учебе, но и в общественной работе).

Рамзан досрочно окончил институт, причем, с отличием (это было нелегко, так как все дисциплины были очень сложные), чтобы уйти на фронт.

Он несколько раз писал заявление в военкомат. Но ему отказывали: как выпускник-отличник, он имел бронь. В 1942 году Рамзан ушел на фронт добровольцем.

Воевал он сначала в составе 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, затем – в 61-м разведдивизионе 4-го Кавказского корпуса и, наконец, в 14 кавалерийской дивизии 7-го Гвардейского Кавалерийского корпуса.

Рамзан был командиром отделения, помощником командира взвода. Он принимал участие в боях под Сталинградом, в форсировании Днепра, освобождении Белоруссии и Северной Украины.

«Испытал все тяжести и невзгоды, какие выпадали на долю воина: горечь поражения, потерю близких товарищей, голод и холод, – писал Рамзан в своих воспоминаниях. – Сколько пуль просвистело над моей головой! Сколько было бомбежек и артиллерийских и минометных налетов! Сколько раз лежал в крови товарищей! Сколько было нечеловеческих усилий и бросков из последних сил! Даже самому не верится, что все это было.

Мои заслуги довольно скромны, но я не без гордости говорю, что наш 7-й Гвардейский кавалерийский корпус стал Бранденбургским, награжден орденом Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени...»

Рамзан был награжден Орденом Отечественной войны II степени, одиннадцатью медалями, в том числе медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда».

После окончания войны Рамзана вместе с некоторыми другими чеченцами и ингушами отправили на каторгу.

Рамзан, как человек грамотный, написал письмо в Москву: «Мы сражались не хуже других. Почему нас отправили валить лес наряду с уголовниками?»

Ответом на это письмо была такая акция: начальник выстроил представителей депортированных народов и приказал: «Все, кто имеет награды, шаг вперед!»

Остальные были расстреляны.

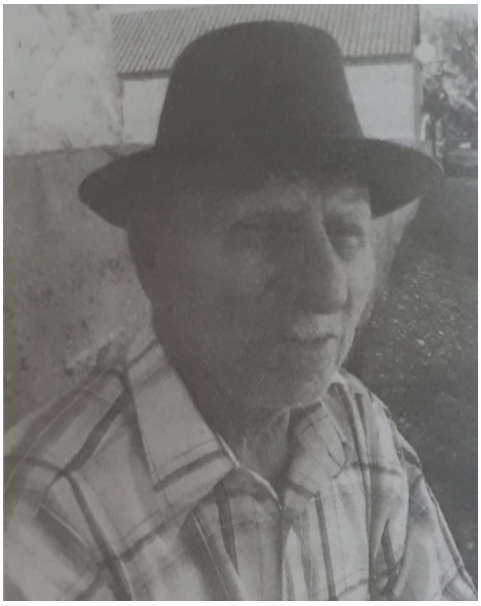
Рамзан вместе с другими награжденными был освобожден от каторжных работ и отправлен в Казахстан на воссоединение с семьей.

До конца своих дней Рамзан работал в системе образования. Был директором школы, затем – института усовершенствования учителей, руководил заочным отделением пединститута, преподавал физику и математику. В

последние годы жизни работал в школе-интернате для глухих детей. Умер Рамзан Лалаев 14 сентября 1987 г.

За трудовую деятельность был награжден многими медалями, а также отмечен знаком «Отличник просвещения СССР».

Ваха Лалаев
(1926)

Из всех братьев Лалаевых-фронтовиков на сегодняшний день здравствует один – Ваха Лалаев. Он живет в Толстой-Юрте на улице, которая носит имя его двоюродного брата Айнди Лалаева.

На войну Ваха ушел в январе 1943 года вместе со своими односельчанами – Иноркаевым Салавди, Канаевым Вахой, Солтаевым Эми, Нинциевым Кати, Хабировым Шамханом, Айдамировым Германом, Вахабовым Зайнди, Тумаевым Зайнди и другими. В течение месяца их обучали на призывном участке, потом увезли на фронт.

Но Вахе недолго довелось воевать. Он заболел и был комиссован, как непригодный для службы по состоянию здоровья.

Хатуев И.З.

МАЗАЕВ МАТАШ ХАМЗАТХАНОВИЧ
(1908–1942)

Мазаев Маташ Хамзатханович – советский танкист, капитан, участник Польского похода, советско-финской войны 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войны. Герой книги Р.А. Белевинтева «Прометей в танковом шлеме».

«В первых же боях танкисты батальона капитана Мазаева показали высокое воинское мастерство и боевую слаженность, а сам комбат – незаурядные организаторские способности, умение быстро ориентироваться в трудной и сложной обстановке первых дней войны, принимать смелые решения и с присущей ему настойчивостью осуществлять их. Командир не раз проявлял личную храбрость, будучи раненым, остался в строю, продолжал бить врага до тех пор, пока не получил второе тяжелое ранение. Я лично видел капитана Мазаева в тяжелых и кровопролитных боях под Дубно и Продами, искренне восхищался его доблестью, удивительным мужеством и смелостью. Тогда же был представлен отважный комбат к правительственной награде».

Эти строки из книги Р.А. Белевитнева «Прометей в танковом шлеме» посвящены замечательному советскому человеку, чеченцу Маташу Хамзат-

хановичу Мазаеву. В те тяжелые дни первых сражений лета 1941 года каждый офицер, имеющий боевой опыт, был очень важен на фронте. Маташ Хамзатханович не просто имел этот опыт – он был настоящим военным профессионалом. Сами судите: участие в Освободительном походе в Польшу 1939–1940 гг., прорыв линии Маннергейма в Финскую войну. Неудивительно, что танковый батальон капитана Мазаева встретил врага в июне 1941, как говорится, в полной боевой готовности.

Маташ Мазаев родился в 1908 году в селении Верхний Наур Надтеречного района в простой крестьянской семье. Позже, когда Советская власть выделила чеченцам плодородные земли, семья Мазаевых переселилась в казачью станицу Михайловскую. Казаки сухо и даже враждебно встретили переселенцев, но увидев, что глава семейства Хамзатхан Мазаев человек спокойный, приветливый и трудолюбивый, приняли и даже помогали новым соседям.

Маташ учился в школе, в учебном городке им. В.И. Ленина. Он не был круглым отличником, но учился хорошо. Именно там Маташ познакомился с первым секретарем комсомола Саидом Казалиевым и сдружился с его братом Ибрагимом. Окончив семилетку, Маташ Мазаев, Али Ибрагимов и Ибрагим Казалиев стали первыми комсомольцами в селе.

В жизни комсомольца Мазаева произошли судьбоносные события. В город Грозный приехал первый секретарь бюро Северо-Кавказского крайкома партии Анастас Микоян вместе с Клементом Ворошиловым и Семеном Буденным. На встречу с высокими гостями съехались активисты со всей республики. Именно в это время Маташ Хамзатханович задумался о карьере военного.

Вскоре Маташа пригласили в райком, где секретарь комсомола торжественно вручил ему путевку в совпартшколу.

Это была первая в его жизни путевка. И, конечно, он не мог от нее отказаться, а намерение стать коммунистом к тому времени окрепло. Годы учебы в совпартшколе пролетели незаметно. Маташ готовился к работе в райкоме комсомола, из Москвы в обком комсомола пришла путевка в Высшее техническое училище им. Баумана. Выбор снова пал на Маташа Мазаева, как на самого подготовленного и ответственного.

В 1929 году Маташ Мазаев был принят в партию, а в 1930 произошел новый резкий поворот в его судьбе. Как лучшего выпускника училища его направили на курсы артиллерийской школы в г. Киев.

Товарищи по учебе уважали его за честность, прямоту и открытость, хотя и бывал Маташ иногда горяч, как и любой горец. Как-то курсант Веселов пожаловался, что не может заступить в наряд: у него внезапно заболел живот. Мазаеву показалось, что он симулирует, и налетел на него с упреками и порицанием. Потом выяснилось, что Веселову действительно сделали

операцию по удалению аппендицита. Маташ извинился перед товарищем за свои несправедливые слова.

Весной 1933 года, после окончания курсов, Мазаев получил назначение в механизированную бригаду взвода артиллерийской разведки.

Маташ Мазаев командовал взводом два года. В 1935 году ему удалось отличиться на Киевских маневрах, где командующий войсками округа вручил ему в подарок именные часы. В том же году Мазаев был назначен командиром бронеразведки 26-й танковой бригады.

В 1939 году Маташ Мазаев прошел курсы усовершенствования командного состава в Ленинграде. В 1940 году его назначили заместителем командира танкового батальона. Вскоре батальон Мазаева в составе стрелковой дивизии был направлен в Тапури-Сари на войну с финнами.

Показателен такой случай: дивизия натолкнулась на крупные силы врага, засевшие на сопках, и несла большие потери. Маташ Мазаев не растерялся и на больших скоростях повел танковую роту своего батальона в обход врага. Преодолев вражеское сопротивление, советские танки ворвались в тыл к противнику и на позиции артиллерии. Финны были частью убиты, частью пленены и рассеяны. Высота была взята. Такой маневр в дивизии стали называть Мазаевским.

Также Маташу Хамзатхановичу довелось поучаствовать в освободительном походе в Белоруссию, где благодаря грамотным действиям его подчиненным удалось избежать потерь, несмотря на то, что находились они в первых рядах наступающих советских войск.

Кадровый офицер РККА, командир танкового батальона Маташ Мазаев в первый же день войны на западной границе лицом к лицу встретил немецкий танковый полк. В жестоком бою, практически не имея снарядов, методом танкового тарана разбил крупное скопление вражеской техники. За героизм и недюжинную военную смекалку Мазаев командованием был представлен к высшей правительственной награде. Об этом говорят бывший командир 30-й танковой дивизии генерал Н.К. Попел и комиссар А. Белевитнев в своих мемуарах «В тяжкую пору» и «Прометей в танковом шлеме». Генерал к сказанному добавил, что мазаевский танковый прием преподавали в академии бронетанковых войск и после войны. За вышеназванную операцию М. Мазаева наградили орденом Боевого Красного Знамени, на большее не позволяла претендовать пресловутая 5-я графа «национальность» («Молодежная смена». 2005, 12 февраля). О других подвигах М. Мазаева рассказывал участник войны Г. Пенежко, который утверждал, что танкист-чеченец был образцом мужества и смекалки для многих бойцов (Пенежко Г. Записки офицера. – С. 128). Капитан М. Мазаев в начале 1942 года был назначен начальником штаба 3-го танкового корпуса. Но вскоре легендарный танкист погиб. Благодарные потомки на родине героя позже сложили песни о бесстрашном воине-танкисте.

Газета «Правда» в статье фронтовика Бутасова сообщала о боевых подвигах танкиста Маташа Мазаева, совершенных им недалеко от города Перемышль («Правда». 1941, 1 июля).

В книгах Г. Пенежко «Записки советского офицера» и генерал-лейтенанта танковых войск Н.К. Попеля «В тяжкую пору» ратным делам командира танкового батальона капитана М. Мазаева уделено немало страниц. Г. Пенежко утверждал, что танкист-чеченец был образцом мужества и смекалки для многих бойцов. Однако по-настоящему полный образ героя, пути формирования его героического характера впервые показаны в художественно-документальной повести Р.А. Белевитнева «Прометей в танковом шлеме». Подполковник запаса Р.А. Белевитнев был близким другом и боевым товарищем М. Мазаева. Он хорошо знал Маташа, поэтому достоверно и убедительно раскрыл его внутренний мир, душевную красоту и благородство.

Среди ярких примеров литературы, раскрывающих подвиг чеченского народа в Великой Отечественной войне, можно назвать и «Повесть о последнем рейде» П. Брикеля.

В марте 1941 году Мазаев был назначен командиром танкового батальона 34-й танковой дивизии. Великую Отечественную войну начал в Прикарпатье. Батальон Мазаева сражался отчаянно. Танкисты Мазаева были прекрасно обучены. Дело в том, что сам Маташ «заболел танками». Он прекрасно изучил танк Т-26, его сильные и слабые стороны. Разработал ряд тактических хитростей и рекомендаций, которые позволяли этим легкобронированным, но маневренным машинам выживать и побеждать на поле боя. Позже он прекрасно освоил танк Т-34. В батальоне была налажена работа с молодежью. Старые танкисты, заставшие еще Финскую войну, передавали боевой опыт молодым. Любой свободный день, любая возможность использовались для тренировок в ведении огня и маневров. Экзамены затем принимал сам командир батальона. Танкисты, кроме шуток, называли танковый батальон Мазаева «Академией Мазаева».

После боев под Перемышлем, Яворовом о Маташе Мазаеве писала газета «Правда» уже 1 июля 1941. Статья называлась «Героические подвиги танкистов». 26 июля 1941 о нем писала грозненская газета «Ленинан некъ». Статья называлась «Турпалхо-танкист».

После этих публикаций земляки Маташа очень радовались. Старики, женщины, дети приходили к секретарю партийной организации колхоза им. Ленина А. Богатыреву и просили прочитать газету. Не закрывались двери в доме Мазаевых. Приходили все, благодарили Хамзатхана Мазаевича и его жену Балу за то, что вырастили такого сына. «До меня дошло известие, что сын Маташ Мазаев смело вступил в бой против фашистов, – писал отец героя в газету «Ленинский путь». – Я уже не молод. Мне 70 лет. В молодости мне, как и многим сверстникам, было нелегко. Приходилось жить впроголодь. Мы с женой работаем в колхозе, но если потребуется, вооружимся и

мы, два моих сына и я. У меня хватит сил сражаться против гитлеровцев. Гитлеровские орды дружным усилием всех советских народов будут разбиты. Я в это твердо верю. Хамзатхан Мазаев».

Летом 1942 года, после ранения в ногу, капитана Мазаева назначили начальником учебного отдела курсов младших лейтенантов в городе Грозном. После того, как положение на Южном фронте становилось все более и более тяжелым, было решено сформировать курсантский полк, командовать которым вызвался Маташ Хамзатханович. Полк направили под Сталинград, на станцию Малые Черпурниски. В ночь прибытия армейской разведке удалось взять «языка». Выяснилось, что немцы повернули 4-ю танковую армию для удара на Сталинград, и движется она в направлении станции. Настал последний день и последний бой капитана Мазаева.

Вот как о нем пишет Р.А. Белевитнев в своей книге: «Танк Мазаева, будто утес, вырос на пути потока танков врага, рассек надвое, образовав в нем круговерть. Гитлеровцы отхлынули от него, образовав пустоту, но в это время в борт машины ударил снаряд, сильно кольнул ее и остановил. И тут же второй снаряд с нее снял башенку. Тарасенко еще какое-то время ждал, надеялся, вот-вот Мазаев или водитель выскочат из машины. Но никто из нее уже не выскочил и не мог выскочить…».

Маташ Хамзатханович погиб смертью героя, но полк его продолжил войну дальше.

В начале войны батальон Мазаева одержал первые, пусть и небольшие, но такие важные для нас победы. В разное время им было разбито до двух танковых полков противника, уничтожено несколько артиллерийских батарей, несколько десятков машин и до батальона пехоты. Когда по телевидению шел документальный фильм-эпопея «Великая Отечественная война», сестры и братья совершенно случайно в одной из серий узнали в одном танкисте своего брата Маташа. Это было в 70-х годах. «Смотрите, – кричали они, – это же Маташ, наш Маташ».

Фронтовой кинооператор заснял Мазаева в боевой обстановке у танка Т-34. Такую весточку о себе дал родным Маташ Мазаев, не подозревая, что через десятки лет его увидят и узнают. Сестра Есимат Хамзатхановна Мазаева вспоминала часто письма своего брата, где он подробно писал о своей жизни, о войне.

Именем Маташа Мазаева названы улицы в гг. Грозном и Аргуне. Также в Грозном на Аллее Славы в 2012 году установлен памятник – Т-34–85 с табличкой: «Прометею в танковом шлеме» капитану Маташу Мазаеву и воинам-танкистам, павшим в боях Великой Отечественной войны». В 2018 году на Аллее Героев в г. Грозном торжественно был открыт постамент с бюстом героя.

Берсанова З.Х.-А.

ПАРИЕВ АЛХАСТ
(1920–2015)

Алхаст Париев из Хилдехароя прошел всю войну – от первого дня до последнего. По его личным подсчетам, только девяносто восемь из тысяча четыреста восемнадцати дней и ночей Великой Отечественной войны он провел не на передовой.

И не было случая, чтобы Алхаст не выполнил возложенную на него задачу. За то и уважали его в полку. Несмотря на то, что по званию он был всего лишь старшиной, одно время ему даже доверили командовать батальоном в течение двух месяцев, пока на место убитого командира не прислали нового.

Прежде чем попасть на фронт, Алхаст прошел двухмесячные курсы подготовки бойцов в Новороссийске. Затем его направили в одну из частей 40-й армии, которая дислоцировалась под Житомиром. И сразу попал в самое пекло. Ведя тяжелые оборонительные бои, время от времени нанося контрудары, наши войска вынуждены были отступать.

«Тогда, в начале войны, трусов и паникеров было много, – рассказывал Алхаст. – Тяжелее всего было заставить их драться, не сдаться в плен. Мне это удавалось, и командиры об этом знали. Натиск фашистов сдерживали стойкие бойцы – сильные духом. Среди них, в первую очередь, чеченцы. В желании быть первыми чеченцам не было равных».

Голодные, уставшие, измученные, отбивая беспрерывные атаки врага, мы отступили к Бердичеву. В каком-то трехэтажном здании размещались

складские помещения. Впервые за много дней боев мы досыта поели, потом расположились на отдых – первый раз со дня начала войны.

Но не прошло и часа, как сообщили: «К городу стремительно приближаются немцы». Начался настоящий переполох. Но поступил приказ занять позиции. В это время Газиев бросил клич: «Пусть будет женщиной тот, кто сейчас побежит!»

И полк заставил врага сначала остановиться, а потом и попятиться назад, несмотря на многократное численное превосходство.

В суматохе боя командир заметил, как отважно сражаются чеченцы.

«Будешь разведчиком!» – сказал он Алхасту, восхищенный его поведением в бою.

Быть разведчиком, конечно, почетно, но очень рискованно и опасно. Даже в коротких перерывах между сражениями они не знали отдыха. Командование давало им задания то местность разведать, то «языка» взять. Нередко им поручали перехватить дезертиров или перебежчиков.

Тяжелее всего было ночью, трудно отличить, где враг, а где свой.

А полк все отступал – через Харьков, Полтаву, Воронеж. Отступал с боями. В одной из схваток с противником Алхаст получил ранение в ногу.

Он попал в госпиталь в городе Усмань. Но уже через месяц был в запасном полку, который маршем отправили на фронт.

На передовой Алхаста вызвали в штаб, спросили: «Кто? Откуда?»

– Чеченец, высокогорный, – коротко ответил Алхаст.

Ему выдали двенадцатизарядную винтовку, определили снайпером.

Под Донецком Париев получил второе ранение. На этот раз пуля прошла навылет в области горла. Снова госпиталь.

После госпиталя Алхаста направили на учебу. На передовую он вернулся в звании сержанта. Стал разведчиком 958-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии.

И снова попал в самое пекло. Более месяца их часть не могла добыть «языка». Командир Толбухин пригрозил: «Если в ближайшие дни не будет «языка», то весь полк станет «штрафбатом».

В очередной рейд за «языком» послали двадцать пять человек. Среди них был и Алхаст. Разделились на четыре группы: левую и правую, группу захвата и группу прикрытия. После долгих поисков и наблюдений группа захвата двинулась к наблюдательному пункту гитлеровцев. Алхаст полз первым. Когда вплотную подобрался к цели, закидал вражеский блиндаж дымовыми гранатами, потом ворвался вовнутрь. В это время наверху началась сумасшедшая стрельба, но отступать уже было поздно.

Не давая опомниться, Алхаст связал двух немцев – унтер-офицера и солдата. Выбравшись из блиндажа, троих своих товарищей нигде не нашел. Оказывается, как только немцы открыли огонь, они отползли назад. Алхаст один дошел до штаба полка, ведя троих пленных.

Париев часто попадал на фронте в разные сложные ситуации, как впрочем, и другие бойцы. Но он никогда, ни при каких обстоятельствах не бросал в беде своих товарищей.

Однажды их разведгруппу в составе тридцати двух человек во главе с командиром взвода Чугуновым блокировали в каком-то сожженном дотла населенном пункте. Огнем из всех видов оружия немцы плотно прижали их к земле. Вторые сутки разведчики сидели под непрерывным обстрелом и без еды. И тогда Алхаст вместе с командиром Чугуновым под шквальным огнем совершил марш-бросок к дому, который был в нескольких десятках метров. Фашисты ударили по дому из минометов. Чугунов был серьезно ранен. Несмотря на его уговоры, Алхаст не бросил своего товарища. Одной рукой отстреливаясь от наседавшего врага, он дотащил-таки Чугунова до позиций своего полка. За этот подвиг командование представило его к награде – ордену Славы.

А. Париева посылали на самые сложные задания, порой, невыполнимые. Но не было случая, чтобы он не выполнил возложенную на него задачу. Бывало и так, что он добровольно брал на себя опасные поручения.

Однажды на стороне противника, после боя с власовцами, осталось 76-миллиметровое орудие. За ним посылали одну за другой две группы – обе погибли. И только Париеву вместе с татарином по фамилии Исмаилов удалось его забрать

Однажды в боях под Белоруссией Париеву с группой разведчиков поставили задачу взять четырех солдат и доставить «языка», желательно офицера. Немцы обнаружили разведгруппу и открыли огонь из всех видов орудия.

Из этой кровавой мясорубки живым выбрался только лишь Алхаст Париев. У него было ранено левое колено и ступня. Несмотря на это, его месяц держали под арестом. А потом дали снайперскую винтовку. Это была проверка. Снайпер-одиночка имел шанс дезертировать или сдаться немцам.

Три месяца Париев отстреливал немцев. Не всегда удавалось забрать документы убитых в качестве доказательства. Тем не менее, он принес их в свою часть целую кипу.

Как-то командир поручил ему обследовать местность, где прятались немцы. Был приказ брать их живьем. Алхасту удалось арестовать пятерых немецких офицеров. Он конвоировал их к остальным пленным немцам. Но тут произошло непредвиденное: старший по званию расстрелял своих четверых товарищей. А потом пустил себе пулю в висок. Самого Париева за этот инцидент чуть не расстреляли.

В феврале 1944 года, когда чеченцев и ингушей снимали с фронта в связи с депортацией, по совету одного грузина – сотрудника Особого отдела, Алхаст, чтобы остаться на фронте, поменял документы, взяв себе имя Александр.

Вместе со своим полком Алхаст прошел все страны Восточной Европы. Был первым из своих товарищей, кто форсировал Дунай. Здесь он уничтожил несколько вражеских дотов.

К счастью, Алхаст дожил до 9 мая 1945-го. Однако радостные дни победы обернулись для него новым испытанием – более тяжким, чем война, унизительным и гнетущим по своей несправедливости.

За годы войны Алхаст Париев был дважды представлен к званию Героя Советского Союза. Звезды Героя он не получил. Зато получил двадцать пять лет лагерей и статью «ИР» (изменник Родины) за то, что вместе с товарищем, Василием Козловым, позволил себе короткий отдых в гостях у югославской семьи.

Париев достойно прошел очередное испытание. «Бороться за жизнь, не вступая в конфликт со своей совестью, было мучительно тяжело. Чтобы хоть немного насытиться или согреться, нужно было кого-то заставить плакать, отнять у кого-то его жалкий кусок. А это было очень низко. Я бы никогда не смог так поступить» – скажет позже Алхаст Париев.

Сначала он попал в транзитный лагерь в Находке, откуда никто не выбирался живым. Выбраться на материк Алхасту помог доктор Хорст Кашниц – немец из Поволжья. Потом был лагерь в Петропавловске-Камчатском. Затем – Тайшет. Лагеря: «Заярск», «Ванзуба», «Братск», «Почтовый ящик-35».

Осенью 51-го в «Братске» в бараках вспыхнул бунт вновь прибывших татар. Лагерь был окружен. Штурм бараков длился двое суток. Солдаты убили всех бунтовщиков и случайным огнем сразили двадцать пять охранников. Париев оказался среди подозреваемых в организации бунта. Но ему опять повезло выжить.

После смерти Сталина Алхаст наконец обрел свободу. Он поехал к родным, в Казахстан. Здесь узнал нерадостные вести: мать БІаьргаш умерла от простуды, сестра Шовда вместе с четырьмя детьми скончалась от голода, братья Исмаил и Бисана утонули в озере. По самому Алхасту родные давно справили тезет. И только отец не верил, что его нет в живых.

Алхаст поселился в селе Татьяновка. Здесь построил несколько домов. Перевез сюда всех своих родственников. Кстати, местные жители стали называть Татьяновку Александровкой. В честь Александра Париева.

В 1956 году, как только было принято решение о восстановлении государственности чеченцев и ингушей, Алхаст вместе с семьей вернулся на Родину. Поселился в селе Алхазурово, потом переехал в с. Гойское.

Много еще трудностей встретится на его пути. Но он не сдавался. В 1989 году коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Алхаста Париева за отсутствием состава преступления, и ему выдали ветеранское удостоверение. Позднее вернули часть наград – орден, медали.

Алхасту Париеву довелось пережить две войны на территории родной республики. В 2000-м году во время очередного артобстрела скончалась от сердечного приступа жена Алхаста – Сами.

Алхаст Париев умер в 2015 году в возрасте почти 95 лет.

Берсанова З.Х.-А.

УСТАРХАНОВ АЛАВДИ ДЖАМОЛОВИЧ
(1918–1964)

Алавди Устарханов родился в 1918 году в селении Ачхой-Мартан, в семье Джамола, сына Устархи. Устарха и его брат Керим были очень набожными людьми. Они даже совершили пешком хадж в Мекку.

У Джамола было четыре жены и девять сыновей. Все они отличались трудолюбием, были дружными и сплоченными, за что снискали в родном селе почет и уважение.

Один из сыновей Джамола – Алавди – с детства проявлял интерес к знаниям. Поэтому отец определил его в светскую школу в Грозном. После учебы Алавди стал слушателем годичных краевых курсов Советского аппарата при Северо-Кавказском Крайисполкоме по подготовке ответственных секретарей райисполкомов.

С 1936 по 1937 год Алавди работал налоговым инспектором райфинотдела.

В 1937 году он поступил в Грозненскую юридическую школу, по окончании которой был назначен судебным исполнителем нарсуда в своем районе.

Армейская служба А. Устарханова началась в ноябре 1939 года.

В августе 1940 года его направили слушателем на военно-политические курсы Закавказского военного округа в г. Кутаиси, которые он окончил

2 февраля 1941 года, за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны.

А. Устарханов был призван на военную службу в звании рядового 353-го стрелкового полка 47-й Краснознамённой стрелковой дивизии. В составе этой дивизии он и вступил в войну.

С сентября 1941 по апрель 1942 года Алавди был политруком роты автоматчиков 353-го стрелкового полка 47-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

На этом фронте разворачивались самые решающие на тот момент, потому самые ожесточенные сражения, которые сыграли в судьбе Алавди роковую роль. В марте 1942 года он получил ранение. Однако остался в строю. В апреле 1942 года его назначили командиром роты.

1 мая 1942 года поступил приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина №130:

«Приказываю всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Сталин недооценил силы противника. Амбиции вождя, его недальновидность, скорее, преступная беспечность, вытекающая из нежелания реально оценить обстановку, создали на харьковском направлении ситуацию, одной из жертв которой стал и Алавди Устарханов.

Харьковская наступательная операция весны 1942 года была главной на тот период войны.

17 мая 1-я танковая армия вермахта Клейста нанесла удар в тыл наступающим частям Красной Армии, отрезав советским войскам пути отхода на восток.

Начальник Генерального штаба А.М. Василевский неоднократно обращался к Сталину, прося разрешения отвести войска.

Но Верховный Главнокомандующий своего разрешения на отступление не дал, напротив, приказал продолжить наступательную операцию.

А.М. Василевский просил дать подкрепление. Но и эта просьба осталась без ответа. В результате, к 23 мая значительная часть войск ударной группировки Красной Армии оказалась в окружении немецких войск.

Наши солдаты и офицеры делали отчаянные попытки вырваться из окружения. Они упорно, героически сражались с врагом, стремясь выйти к своим. Но не было общего управления армией. Образовалось беспорядочное скопление большой массы людей, техники, транспорта. Окруженные войска обстреливались артиллерией противника и подвергались ударам авиации с воздуха.

Недаром «харьковский котел» позже назовут адским котлом. Назовут те, кому повезло выбраться оттуда живыми.

А их было немного – примерно 22 тысячи человек. Сравнительно немного. Потому что общие потери составили 270 тысяч человек, 171 тыс. человек – безвозвратно.

Алавди Устарханов 18 мая получил тяжелое ранение. Несмотря на страшный обстрел, солдаты спасли его, отвели в безопасное место. Но вскоре эту территорию заняли немцы. Алавди был контужен, сопротивления оказать не смог. Потому и попал в плен.

Его определили в лагерь для военнопленных. Здесь он провел почти два года – с 25 мая 1942 по 9 апреля 1944-го.

Пленным приходилось совершать изнурительные марш-броски – по 50–60 километров в день. Путь нередко затягивался на целую неделю. Питание на марше не предусматривалось, поэтому солдаты довольствовались подножным кормом: в пищу шло все – колоски пшеницы, ягоды, желуди, грибы, листва, кора и даже трава. Инструкция предписывала конвоирам всех обессиленных уничтожить.

Алавди с первых дней плена помышлял о побеге.

В лагере стихийно образовалась группа его единомышленников.

Первая попытка побега оказалась неудачной. Узникам удалось вырваться за пределы лагеря. Но хорошо обученные и натасканные на людей овчарки помогли догнать их и вернуть в лагерь.

Оправившись от жестоких побоев, стали готовиться к очередному побегу.

План разрабатывали с особой тщательностью. Изучали не только местность, но и привычки охранников.

Узники заметили, что один из охранников, дежуривших на вышке, имеет привычку периодически дремать. Решили устроить побег в тот день, когда дежурил он.

Забраться на вышку и обезвредить охранника поручили Алавди и одному белорусу. Дождавшись момента, когда немец вздремнул, Алавди с напарником ловко взобрались на вышку и скинули оттуда уснувшего немца.

Те, кто был внизу, расправились с ним.

Алавди вскоре оказался за пределами лагеря вместе с другими беглецами. Их было около ста человек разных национальностей, разных чинов. Вслед им вскоре полетели фашистские пули. Некоторые из беглецов погибли, другие получили ранения. Оставшиеся в живых продолжили путь. У них была одна цель – оторваться как можно дальше от лагеря. Бежали три дня и три ночи. Вернее, ночью бежали, а днем сидели в укрытии. Алавди нес на себе раненого француза. Идти становилось все труднее. Но Алавди не бросал товарища.

Как-то на дороге обнаружили тело убитого немецкого офицера. Обыскав его, нашли карту местности. Она пришлась как нельзя кстати. Изучив ее, беглецы поняли, что отсюда им легче всего бежать во Францию, через Аль-

пы. На пути к заветным горам наткнулись на банду. Бандиты сразу поняли, что перед ними бывшие узники лагеря. Они разрешили им три дня отдохнуть. А после семерых из них вместе с несколькими членами банды послали на задание – раздобыть продукты. Поход оказался успешным. Удалось достать не только продукты, но и оружие.

Почти триста километров преодолел Алавди вместе с другими беглецами, пока достигли Франции. Здесь передал раненого француза его землякам – бойцам антифашистского движения Сопротивления.

Руководил французскими партизанами генерал Шарль де Голль, будущий Президент Франции.

Бывшие советские военнопленные создали свой отряд «Смерть фашизму». Несмотря на то, что были среди них и полковники, и подполковники, командиром отряда назначили Алавди Устарханова.

В октябре 1944 года был создан 1-й Советский орденоносный партизанский полк во Франции. Алавди был назначен командиром 8-й роты этого полка. Французы называли Алавди «командор Андре». Под этим именем знаменитый чеченец остался в истории Французского Сопротивления.

О подвигах командора Андре ходили легенды не только среди французов, но и в стане противника, дерзкие налеты которого наносили ему немалый урон. Алавди на своем мотоцикле врывался в захваченные фашистами небольшие населенные пункты. На большой скорости подъезжал к штабу, и, не давая врагу опомниться, в упор расстреливал находящихся на улице охрану и офицеров.

Для всего французского Сопротивления командор Андре стал символом мужества и бесстрашия. Знаменитый генерал Де Голль лично вручал ему Орден Почетного Легиона – высшую награду Франции. Алавди Устарханов был единственным в СССР, получившим этот орден. Кроме этой, были и другие награды Франции – Высший военный Крест, Военный Крест второй степени, медаль Освобождённой Франции, медаль Раненых и т.д.

В этой стране Алавди был обласкан почетом и славой. Ему предлагали разные должности, лишь бы он остался. Но его тянуло домой, на Родину, хотя попал он туда не скоро.

«С августа по 8 декабря 1945 года был в резерве 27-го офицерского полка Советских оккупационных войск в Германии и 55-го западного стрелкового полка Смоленского военного округа, – пишет Алавди в своей автобиографии. И далее: – Прошел спецпроверку 1-й категории…».

Алавди был помещен в спецлагерь, условия содержания в котором были не лучше, чем в немецком плену. Кормили плохо, издевались. На допросах подвергали пыткам. Многие, не выдерживая пыток, подписывали все бумаги, лишь бы их скорее расстреляли, избавив от мук.

Но Алавди не сдавался. Он писал письма в Москву. Писал одно за другим, и других братьев по несчастью подбивал писать.

Реакция из Москвы все же последовала. Приехал какой-то чиновник, который, по счастливому стечению обстоятельств, оказался бывшим политруком дивизии, где служил Алавди.

Бывший политрук научил Устарханова написать правильное заявление. Вскоре из Москвы пришел ответ, предписывающий освободить Алавди. Но лагерное начальство не спешило выполнить указ из Москвы. Прошло два месяца. Алавди снова обратился с заявлением в Москву. Оттуда пришел ответ: «Немедленно освободить товарища Устарханова!»

После освобождения Алавди поехал на Родину – в Чечено-Ингушетию, которая теперь называлась Грозненская область. На потерянной Родине Алавди обрел семью – женился на одной азербайджанке, проживавшей в Грозном. С ней приехал в Казахстан. У Алавди родились сыновья-близнецы, которые вскоре умерли.

Остатки своей семьи Алавди нашел в селе Зеленая Балка Тельмановского района Карагандинской области. Узнал, что его младший брат, которому не было и шестнадцати лет, умер от какой-то непонятной болезни. Другой брат – ЦIоми – еще в 1936 году был арестован чекистами и пропал без вести.

Третий – Юсуп, еще до выселения угодил в тюрьму за то, что повздорил с председателем сельсовета и ударил его. Получил четыре года.

Последняя ночь перед выходом на свободу оказалась последней в жизни Юсупа. Он был убит сокамерниками ударом топора по голове.

Вскоре на нарах оказался и герой Французского Сопротивления Алавди Устарханов. Это было в 1947 году. Алавди работал зав. производством в артели инвалидов «Труд». Его арестовали, когда он ехал на станцию Чу к своей жене. За то, что был в немецком плену, Алавди был осужден по статье «измена Родине». Алавди лишили всех наград и званий и сослали в Магадан на десять лет. Одно упоминание слова «Магадан» в те годы наводило на людей ужас.

«С ноября 1947-го по август 1950 года – десятник забоя Искитимского известкового завода Новосибирской области», – записано в биографии Алавди.

Сначала он попал на известняки. Здесь провел три года. Работа на известняках была не только тяжелой, но и вредной.

Затем – прииски. Рабочий день золотодобытчиков мог длиться до 15 часов, а работы прекращались, только когда температура воздуха опускалась ниже 50 градусов по Цельсию.

Несмотря на то, что труд был подневольный, Алавди работал хорошо. Лагерное начальство оценило это, и он был назначен начальником бригады. Здесь же, в местах заключения, он экстерном сдал экзамены по программе Свердловского горного техникума и получил диплом.

В 1953 году Сталин умер. У всех невинно осужденных появилась надежда на скорое освобождение. Но даже смерть тирана ничего не изменила в судьбе Алавди: он отсидел полный срок – десять лет.

В 1959 году, ровно через двадцать лет разлуки, Алавди вернулся домой, в Чечено-Ингушетию.

Бывший командор поселился в родном Ачхой-Мартане и устроился на работу в районное отделение ДОСААФ.

В начале 60-х годов к Алавди зачастили журналисты. Готовилась даже книга о командоре Андре «Дорога через смерть» (автор – Шипулин). Уже в местных газетах стали печататься отрывки из нее.

А в 1961 году в Ачхой-Мартан прибыла целая делегация. Это были руководители республиканского КГБ. Сопровождали их партийные чиновники всех уровней. По их распоряжению дом бывшего командора ударными темпами принялись перестраивать и ремонтировать: прямо к порогу проложили асфальтовую дорогу, что было по тем временами просто невероятно!

Причина столь резкой перемены властей по отношению к личности Устарханова крылась в том, что во время официального визита Генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева во Франции в 1960 году, Президент этой страны генерал Де Голль задал неожиданный вопрос:

– Как там поживает наш командор Андре?

Чтобы не попасть впросак, Н.С. Хрущев коротко ответил:

– Хорошо.

Де Голль передал Хрущеву просьбу боевых товарищей Устарханова, ветеранов Сопротивления, которые хотели бы навестить своего командора.

Видимо, вернувшись в СССР, Никита Сергеевич дал поручение своим спецслужбам разузнать, кто такой командор Андре. В Союзе «командоров Андре» было не так много. Вернее, он был один на всю страну. Потому и найти его не составило особого труда.

Вот тогда власти и задарили ветерана своим вниманием. А потом приехали французы. Они привезли своему другу в подарок новенький мотоцикл – именно такой, как тот, на котором он совершал свои героические рейды.

Встреча старых друзей была недолгой. Французы пригласили Алавди к себе и обещали снова обратиться через Де Голля с просьбой к Хрущеву, чтобы он разрешил ему поехать во Францию.

Власти старались сделать информацию о визите французских ветеранов максимально закрытой. Но вскоре республику облетела страшная весть: Алавди погиб возле селения Давиденко, когда на своем мотоцикле возвращался домой. Стали известны и детали аварии: мотоцикл врезался в гору щебенки, опрокинулся и упал в реку, придавив водителя.

Алавди не дожил до своего 46-летия ровно десять дней.

После гибели Алавди в 1965 году в «Грозненском рабочем» вышла статья, в которой упоминалось, что Алавди Устарханов был в плену (читай – предателем!) После этой публикации вышел негласный указ, запретивший издание книги «Дорога через смерть». Вероятно, и рукопись была уничтожена, так как нигде не удалось обнаружить ее следы.

Хатуев И.З.

ШИДАЕВ АЙС УКОЕВИЧ
(1919–1944)

Шидаев Айс Укоевич (1919–1944 гг.) – гвардии старший сержант. Участник Великой Отечественной войны.

В Красной Армии А.У. Шидаев был уже с сентября 1939 года. Призван Ачхой-Мартановским РВК Чечено-Ингушской АССР. Гвардии старший сержант, командир взвода 80-й гвардейской отдельной разведроты 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

Принимал активное участие в Сталинградской битве. Был четыре раза ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда».

Сохранились архивные документы, в которых описываются подвиги А. Шидаева: «В ночь с 11-го на 12 октября 1943 года Шидаев во главе своего отделения первый ворвался на высоту, лично уничтожив пулеметный расчет, захватив при этом пулемет фрицев. Шидаев со своим отделением разведчиков уничтожил двадцать фашистов, закрепившись на высоте и отразив три контратаки, разведчики во главе подоспевших стрелков двинулись на Запорожье».

«...1 августа 1944 года под сильным ураганным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем в составе отделения первыми переправились на левый берег реки Висла, уничтожили несколько огневых точек противника и увлекли за собой пехоту. В дальнейшем приняли неравный бой с противником и уничтожили по 10–15 немцев. За свою храбрость и инициативу достоин звания Героя Советского Союза. 5 августа 1944 г.».

Из этих наградных листов мы видим, что разведчик А. Шидаев показал мужество, храбрость, героизм, умение руководить, ответственность за своих подчиненных. Эти наградные листы не последние в его списке на награждение. В других также описываются его боевые подвиги.

Однако Айс Шидаев так и не получил звание Героя Советского Союза из-за пресловутой графы «5». Тем не менее, его подвиги навсегда останутся в нашей памяти. Он Герой Отечественной войны, гордый сын чеченского народа, память о нем увековечена в сердцах людей.

Важным документальным источником являются наградные листы А. Шидаева:

«ШИДАЕВ АЙС УКОЕВИЧ, 1919 г.р. Призван в Красную Армию в сентябре 1939 г. Грозненским РВК ЧИАССР. Гвардии старший сержант, помощник командира взвода 80 гв. отдельной развед. роты 79 гвардейской стрелковой Запорожской Красного Знамени дивизии. Ранее награжден 2 ме-

далями «За отвагу». Воевал на Западном фронте, 3-м Украинском, 1-м Белорусском фронтах. Представлен к званию Героя Советского Союза».

Вот как описывают его героизм и подвиг: «Шидаев Айс 1 августа 1944 г. под сильным ураганным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем в составе отделения первыми переправились на левый берег реки Висла. Уничтожили несколько огневых точек противника и увлекли за собой пехоту. В дальнейшем приняли неравный бой с противником и уничтожили по 10–15 немцев. За свою храбрость и инициативу тов. Шидаев Айс Укоевич достоин звания Героя Советского Союза.

Командир 80 гв орр Носов 5. 08. 44 г.

Гвардии старший сержант награжден орденом Красного Знамени.

Начальник развед. отд. дивизии /Градочиных /

ЦАМО, ф. 33 оп. 690155, д. 1494».

К сожалению, дальнейшая судьба после августа 1944 года не прослеживается.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, заведующий сектором философии и социологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, эксперт Российской академии наук (РАН)

Ахмадов Явус Зайндиевич – доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Абумуслимов Абдул Абдулхамидович – главный ученый секретарь Академии наук Чеченской Республики, кандидат биологических наук, доцент, Заслуженный эколог Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Арсанукаева Малика Султановна – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор Российской правовой академии Министерства юстиции России

Батаева Раиса Бибертовна – заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы Архивного управления Правительства Чеченской Республики

Берсанова Залпа Хож-Ахмедовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Бугаев Абдула Махмудович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом историко-филологических и социально-политических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, ведущий научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Борхаджиев Хож-Бауди Рамзанович – главный редактор МАУ «Гудермесская районная газета «Гумс»

Гапуров Шахрудин Айдиевич – Президент Академии наук Чеченской Республики, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, заведущий кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Гадаев Ваха Юнусович – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогиче-

ский университет», ведущий научный сотрудник сектора философии и социологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Гарсаев Лейчий Магомедович – доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Гарсаев Хож-Ахмед Магомедович – историк, востоковед

Гелаева Зара Алаудиновна – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Гешаев Муса Баутдинович – советский и российский писатель, поэт, публицист, литературный критик, Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР, член Союза писателей России

Гудаев Лема Рамзанович – Заслуженный журналист Чеченской Республики

Дадаев Юсуп Усманович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ДФИЦ РАН)

Духаев Адам Идрисович – заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы Архивного управления Правительства Чеченской Республики

Керимов Харон Мовлдиевич – краевед

Магамадов Супьян Султанович – кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, доцент кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Манаев Мурат Асланович – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», ведущий научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Мусхаджиев Сайд-Хасан Хамзатович – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Руководитель Центра народной дипломатии и межкультурных коммуникаций

Муцураев Алхазур Магомедович – журналист

Музаев Тимур Магомедович – помощник начальника Архивного управления Правительства Чеченской Республики

Сайдумов Джамбулат Хамидович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики

Тесаев Зелимхан Адамович – младший научный сотрудник отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Товсултанов Рустам Алхазурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», ведущий научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Туркаев Хасан Вахидович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела языка и литературы Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, член-корреспондент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Хадчукаева Милана Ризвановна – искусствовед, заведующая отделом изобразительных искусств Национального музея Чеченской Республики, член Союза художников России

Халадов Хож-Ахмед Султанович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет».

Хасбулатова Зулай Имрановна – доктор исторических наук, профессор кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», профессор кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Хатуев Ислам Заутдинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», член Общественной палаты Чеченской Республики, заместитель генерального директора Мемориального комплекса Славы имени А.А. Кадырова

Хизриев Хаджи Ахмедович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник одела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Хожаев Далхан – директор Архивного Управления Чеченской Республики в 1992–1999 гг.

Эльбуздукаева Тамара Умаровна – доктор исторических наук, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Кадыров Ахмат-Хаджи Абдулхамидович – Первый Президент Чеченской Республики, Герой России *(23.08.1951 – 09.05.2004)*.
Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Эльбуздукаева Т.У. 11

Кадыров Рамзан Ахматович – Герой России, Глава Чеченской Республики (5.10.1976 г.).
Гапуров Ш.А., Эльбуздукаева Т.У. 23

РАЗДЕЛ 1.
Исторические личности в чеченской истории (XI–XVIII вв.)

Ахмадов Я.З. Герои антиордынского сопротивления (XIII–XIV вв.) 32
Ахмадов Я.З. Родоначальники чеченских аулов и вожди кланов-тайпов второй половины XIV–XVI вв. 35
Ахмадов Я.З. Исторические деятели Чечни (XVI – первая половина XVII вв.) 40
Ахмадов Я.З. Исторические деятели Чечни второй половины XVII в. 50
Ахмадов Я.З. Исторические деятели и отдельные персоналии из истории Чечни в XVIII в. 56
Ахмадов Я.З. Первоосновательи чеченских аулов по левобережью Терека и первые чеченские офицеры русской службы (конец XVIII в.) 63
Ахмадов Я.З. Шейх Мансур – первый имам горцев Северного Кавказа (ок. 1760 – 13 апреля 1794) 65
Тесаев З.А. Сула (XI–XII вв.) 72
Тесаев З.А. ГIарби (XI–XII вв.) 74
Тесаев З.А. Кушул (XII в.) 77
Тесаев З.А. Сунтар (XII в.) 79
Тесаев З.А. Турпал-Нахчо (XII – начало XIII вв.) 81
Тесаев З.А. Науразх, ГIела, ГIера (конец XII – середина XIII вв.) 85
Тесаев З.А. Хаси, Хоур (XIII в.) 87
Тесаев З.А. Орс (XIII в.) 89
Тесаев З.А. Ботур (XIII в.) 91
Тесаев З.А. Идиг (XIII в.) 92
Тесаев З.А. Шовхал (XIV в.) 95
Тесаев З.А. Кало, Ирдиг, Маммач (XIV в.) 97
Тесаев З.А. Сурак, Бирач, Байра, Сарка (XIV–XV вв.) 99
Тесаев З.А. Воккхал, Янд, Пулад (XIV–XV вв.) 101
Тесаев З.А. Аздин Вазар, Вазар (XIV–XV вв.) 103
Тесаев З.А. Акхмер (XIV–XV вв.) 105
Тесаев З.А. Секк, Цепа (XV в.) 108
Тесаев З.А. Лорс (XV в.) 110
Тесаев З.А. Дудар (XV–XVI вв.) 115
Тесаев З.А. Итон и Усар (XV–XVI вв.) 120
Тесаев З.А. Охр, Леван, Бор (XV–XVI в.) 129

Тесаев З.А. Венаг Сулдов (XV–XVI в.) 132
Тесаев З.А. Молкх (XVI в.) 135
Тесаев З.А. Зокк-КIант (XVI в.) 138
Тесаев З.А. «Арштхо» (конец XV–XVI вв.) 143
Тесаев З.А. Халч Саракаев (XVI в.) 144
Тесаев З.А. БугIа (XVI в.) 147
Тесаев З.А. Мамм Зоков (XVI – 1-й половине XVII вв.) 148
Тесаев З.А. Майда Янбеков (1596–1638) 152
Тесаев З.А. Алхан Итаев, Онгу Миммбулатов (XVII в.) 154
Тесаев З.А. Виса Тинаев (2-я половина XVI – 1-я половина XVII вв.) 158
Акаев В.Х. Берса-Шейх (1561–1623) 164

РАЗДЕЛ 2.
Чеченцы в Кавказской войне 1817–1864 гг.

Тесаев З.А. Таймиев Бей-Булат (1779–1831) 169
Духаев А.И. Атаев Атабай (1800–1889) 177
Хожаев Д. Ахмад Автуринский (Эвтархойн Ахьмад) 187
Тесаев З.А. Байсангур Беноевский (1794–1861) 192
Дадаев Ю.У. Бата Шамурзаев 205
Сайдумов Д.Х. Батуко Шатоевский 211
Мусхаджиев С.Х. Гази-Хаджи Зандакский (1808–1867) 216
Дадаев Ю.У. Дуба Вашиндароевский
(Джукаев Дуба Джукаевич, 1810–1882) 220
Дадаев Ю.У. Джавадхан (Жаватхан, Джовтха) из Арсеноя 227
Хожаев Д. Джокола из МIайсты 231
Керимов Х.М. Иса Гендаргеноевский (1780–1845) 236

Краткие сведения и очерки о чеченцах (наибах) периода Кавказской войны. *(Извлечения из монографии: Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. – 624 с.): Ахмадхан Дышнинский (Ахьмадхан), Арсануло (Арсануко), Астемир (Акхтамар), Акхарш, Акбулат (Акхбулат) (???–1853), Алдын Нашхинский (Алдам), Бисанин Гелаг, Булат-Мирза (Болат-Мурза), Гамзат Залмеев, Гада из Гарбили, Гамзат-Хаджи, Гойтемир (???–1853), Гумалатан Геха, Дача, Дауд-Хаджи, Жанник Бук, Идиль Веденский (Идал), Мааш Зумсоевский, Муса, Мухаммад из Ингушетии, Магомед Мусакаев (Мусхайн Мохьмад), Осман Майртупский, Сулейман (из Дарго), Сулейман-мулла (он же Сулейман-Эфенди), Саид Энгенойский, Саду Мичиковский, Тапи (Тепи) Гехинский, Талхибат, Таиб, Тарам, Хату – чеченец из Гендергена, Хазу-Хати, Хандакай (Хандакхай), Хентиг, Хизнил Харочинский, Умахан, Усман из Жалка (Iусман), Эндирей Умаяев (Iумин Эндари), Шуаип (???–1854), Чоха Карабатыров, Эльмурза (Элмарза) Хапцов, Эльдар (Ильдар) (???–1845)*..... 241

Товсултанов Р.А. Таймасха Моллаева (Гехинская) 257
Дадаев Ю.У. Оздемир (Оьздамар) 263
Хожаев Д. Сафаров Юсуф-Хаджи из Алдов 265

Хожаев Д. Солтамурад Беноевский (1807–1878) 276
Дадаев Ю.У. Сухаиб (из Арсеноя) 287
Дадаев Ю.У. Талхиг (ТIелхаг) Шалинский 289
Акаев В.Х. Ташу-Хаджи Саясановский (1794–1843/1844) 293
Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М. Тахир (ТIехIир) Элистанжинский (1820–1857) 298
Гелаева З.А. Уди-мулла Стараюртовский (1755–1939) 304
Дадаев Ю.У. Уллубий из Ауха (Iуллаби-Молла) 307
Товсултанов Р.А. Дуев Ума-Хаджи (???–1878) 311
Хожаев Д. Хатат, сын Амерхана из Дарго 317
Дадаев Ю.У. Хаджи Мухаммад (Мохьмад-Хьаьжа) 322
Абумуслимов А.А. Шоип-Мулла (1804–1844) 327
Дадаев Ю.У. Эски Мичиковский 339

РАЗДЕЛ 3.

Чеченцы: Государственные и политические деятели XIX – начала XX вв.

Акаев В.Х. Святой Устаз Кунта-Хаджи и его учение в духовной культуре чеченцев 341
Духаев А.И. Ильяс Арсангиреев (18??–1864) 347
Духаев А.И. Абдуссалам Тутгиреев – сподвижник Кунта-Хаджи (1844–???) 361
Хадчукаева М.Р. Академик Петр Захаров (1816–1846) 384
Товсултанов Р.А. Алдамов Алибек-Хаджи (1850 – 9 марта 1878 гг.) 390
Духаев А.И. Гойтукаев Раасу – летописец XIX века (1841–1927) 397
Гудаев Л.Р. Гушмазукаев Зелимхан Харачоевский (1872–1913) 411
Товсултанов Р.А. Залмаев Дада (???–1878) 417
Гелаева З.А., Товсултанов Р.А. Лаудаев Умалт (1827–1904) 420
Музаев Т.М. Чермоев А.-М.А. (1882–1937) 424
Духаев А.И. Алхазов Т.К. (1867–1937) 432

Генералы-Чеченцы

Хизриев Х.А. Чеченский А.Н. (1780–1834) 439
Арсанукаева М.С., Батаева Р.Б. Алиев Эрис-Хан Султан Гирей (1855−1920) ... 444
Музаев Т.М. Чермоев В.А. (1866 – не ранее 1931) 451
Тесаев З.А. Арцу Чермоев (1825–1895) 457

РАЗДЕЛ 4.

Чеченцы: Государственные, политические и общественные деятели XX – начала XXI вв.

Берсанова З.Х.-А., Сайдумов Д.К. Абдурахманов Д.Б. (1956–2015) 463
Магамадов С.С. Авторханов С.Э. (1951–2001) 467

Сайдумов Д.Х. Ахтаев У.М. (1930–1978) 475
Магамадов С.С., Манаев М.А. Ахтаханов О.К. (1886–1934) 478
Сайдумов Д.Х. Багаев Д.И.(1942–2015) 485
Акаев В.Х., Магамадов С.С. Вахаев Х.Г. (1908–1965) 488
Эльбуздукаева Т.У., Борхаджиев Х-Б.Р. Вайсерт Магомед-Хаджи (1930–2002) ... 497
Берсанова З.Х.-А. Гайрбеков М.Г. (1911–1971) 500
Магамадов С.С., Эльбуздукаева Т.У. Гугаев Салавди (1917–2010) 507
Тесаев З.А. Гебертоев Межид (18??–1925) 511
Гарсаев Л.М. Кагерманов А.Д. (1934–1987) 516
Акаев В.Х. Магомадов Л.Д. (1937–2005) 518
Берсанова З.Х.-А. Мальсагов Дз.Г. (1913–1994) 523
Гешаев М.Б. Мутушев А.М. 528
Гарсаев Л.М. Муслиева Т.М. (1937) 539
Духаев А.И. Марьям Чентиева – Нарком Просвещения (1915–2000) 543
Берсанова З.Х.-А. Насуханова Л.А. (1939–2000) 557
Туркаев Х.В. Саламов А.-Х.А. (1899–1978) 561
Гарсаев Л. М., Муцураев А.М. Саидов Б.М. (1933–2011) 575
Гарсаев Л.М. Хаджиев Ш.М. (1930–2005) 579
Туркаев Х.В. Шерипов А.Д. (1897–1919) 581
Хасбулатова З.И. Эльдарханов Т.Э. (1870–1934) 592

РАЗДЕЛ 5.

Чеченцы: Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Хатуев И.З. Байбулатов И.А. (1912–1943 гг.) 600
Бугаев А.М. Мовлид Висаитов – человек безмерной храбрости, человек-легенда (1913–1986) 603
Хатуев И.З. Дачиев Х.Ч. (1922–2001 гг.) 612
Хатуев И.З. Идрисов Абухаджи (1918–1983 гг.) 615
Хатуев И.З. Магомед-Мирзоев Хаваджи (1910–1943 гг.) 619
Гадаев В.Ю., Халадов Х.-А.С. Нурадилов Х.Н. (1924–1942) 622
Хатуев И.З. Абдурахманов Канти (1916–2000) 629
Хатуев И.З. Узуев М.Я. (1917–1941) 633
Хатуев И.З. Умаров М.А.-В. (1921–1943) 637
Хатуев И.З. Исмаилов А.-Х.И. (1916–2010) 640
Хатуев И.З. Энгиноев Д.Э. (1919–1979) 643

РАЗДЕЛ 6.

Чеченцы – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представленные к званию Героя Советского Союза

Берсанова З.Х.-А. Акаев Д.И. (1910–1944) 648
Хатуев И.З. Амаев М.М. (1916–1943) 654

Хатуев И.З. Алибеков С.-А.А. (1910–1945) 656
Берсанова З.Х.-А. Алиев В.А. (1924–1979) 659
Хатуев И.З. Арслангереев И.А. (1922–1943) 664
Берсанова З.Х.-А. Аппазов Р.А. (1926–1999) 668
Магамадов С.С. Висаитов Сакка В. (1906–1980) 673
Берсанова З.Х.-А. Езиев Я.А. (1906–1942) 677
Берсанова З.Х.-А. Индербиев М.Т. (1922–2007) 681
Берсанова З.Х.-А. Братья Лалаевы 686
Хатуев И.З. Мазаев М.Х. (1908–1942) 696
Берсанова З.Х.-А. Париев Алхаст (1920–2015) 701
Берсанова З.Х.-А. Устарханов А.Д. (1918–1964) 705
Хатуев И.З. Шидаев А.У. (1919–1944) 711

Сведения об авторах 713

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЧНИ
(XI–XXI вв.)

Том I
Книга I

Политические и общественные деятели

Редактор *Т.И. Бураева*
Корректор *А.Т. Бицалова*
Технический редактор *Х.М. Мурадова*
Верстка – *Гебаев Д.Х.*

Подписано в печать 10.09.2020. Формат 70х100 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 58,05. Тираж 2000 экз. Заказ № 0915.

АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий»
364000, ЧР, г. Грозный, ул. Санкт-Петербургская, 12/35